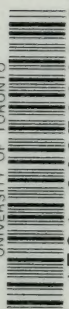

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00876844 2

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROGRAPHY BY
UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1964

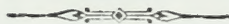

Д. И. Эварницкій.

ИСТОРІЯ
ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

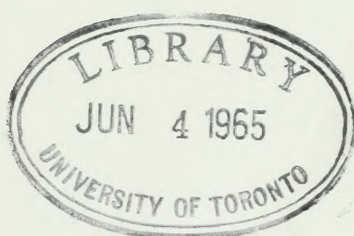
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.

1895.

PRINTED IN RUSSIA.

DK
508
'7
E 837
v. 2

986254

av 5522.2.4

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND

APR 29 1938

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весь второй томъ Исторіи запорожскихъ козаковъ написанъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: авторъ труда находился вдали отъ столицы больше чѣмъ на пять тысячъ верстъ разстоянія. Живя то въ Ташкентѣ, то въ Самаркандѣ, авторъ испытывалъ перѣдно такое затрудненіе, о которомъ ученый Европейской Россіи и самаго слабаго представленія не можетъ имѣть: кака-нибудь ничтожнѣйшая справка, стоящая въ столицѣ двадцать минутъ времени, въ Туркестанскомъ краѣ стоитъ два мѣсяца времени. Къ этому надо прибавить полное отсутствіе въ краѣ людей, интересующихся исторіей вообще и исторіей южной Россіи въ частности: ни спросить совѣта, ни подѣлиться мыслями, ни выслушать дѣльнаго замѣчанія—ничего того нельзя было найти ни въ Ташкентѣ, ни въ Самаркандѣ. Оттого написать Исторію запорожскихъ козаковъ въ Туркестанскомъ краѣ было почти такою же задачею, какъ переплыть въ первобытной лодкѣ Каспійское море. Независимо отъ разстоянія, немалую трудность составляла при написаніи Исторіи запорожскихъ козаковъ новизна самаго дѣла: отъ начала запорожскаго козачества до первой половины XVIII столѣтія исторія низовыхъ козаковъ представляла собой настоящую *terra incognita* или непочатое поле, если не считать отдѣльных, а то весьма немногихъ, статей по отдѣльнымъ, опять-таки весьма немногимъ, вопросамъ. Поэтому возможно, что многіе найдутъ не мало пробѣловъ въ настоящемъ трудѣ автора; но авторъ, свито уважая мнѣніе всякаго человека, нисколько не будетъ смущенъ указаніемъ на всѣ недостатки Исторіи. Въ основа-

ніе второго тома Історіи запорожскихъ козаковъ положены главнымъ образомъ подлинныя письма историческихъ лицъ и современныя событіямъ акты. Постъ писемъ и актовъ брались во вниманіе лѣтописцы, малороссійскіе и польскіе, а потомъ изслѣдователи настоящаго и прошлаго столѣтія. Авторъ избѣгалъ давать обобщенія событіямъ и давалъ ихъ лишь въ такой мѣрѣ, сколько позволяли дѣлать то самыя матеріалы. Весь второй томъ заключаетъ въ себѣ пространство времени отъ 1471 года по 1686 годъ и можетъ быть раздѣленъ на три періода: періодъ образованія запорожскаго козачества съ 1471 по 1583; періодъ борьбы противъ Польши за религіозно-національную независимость южной Руси съ 1583 по 1657; періодъ участія въ борьбѣ за религіозно-національную независимость правобережной Украины противъ Польши, Кірма и Турціи съ 1657 по 1686 годъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе козаковъ.—Козаки татарскіе; козаки южнорусскіе; козаки низовые или запорожскіе.—Причины появленія южнорусскаго козачества.—Начало отдѣленія запорожскихъ козаковъ отъ украинскихъ.—Шестъ періодовъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ.—Смѣшиваніе запорожскихъ козаковъ съ украинскими въ Москвѣ и строгое различіе ихъ самихъ отъ гетманскихъ козаковъ.—Первые вожди, соединившіе для общей цѣли козаковъ.—Князь Дмитрій Вишневецкій, его походъ на низовіе Днѣпра, первая попытка основанія Сичи на островѣ Хортицѣ, служба русскому царю, польскому королю, походъ въ Молдавію и трагическая кончина въ Царградѣ.

Какъ вѣкъ основы нашей политической и религіозной жизни коренятся въ колыбели рода человеческого. Средней Азіи, такъ и начала козачества надо искать не въ Европѣ, а въ Азіи. Къ этому приводятъ насъ какъ филологическія соображенія, такъ и историческія данныя. Слово «козакъ» или, правильнѣе, «казакъ» — несомнѣнно, восточное слово, подобно словамъ «аксакъ, аракъ, байракъ, бузакъ, бурчакъ, гайдамакъ, иначе, кабакъ, кишлакъ, кузакъ, кунакъ, сугакъ, табакъ, чучанракъ, чумакъ» и многія другія въ этомъ родѣ слова, имѣющія весьма распространенное во многихъ турецкихъ словахъ окончаніе «акъ». У туземцевъ Средней Азіи, сартовъ, въ настоящее время въ употребленіи слово «казакъ», что значитъ пороховница ¹⁾. Названіе это заимствовано сартами отъ киргизовъ, кочевого и воинственнаго народа Средней Азіи, которые сами себя всегда называли и теперь называютъ не киргизами, а казаками: «кыркызы» или «киргизы» есть только одинъ изъ многочисленныхъ родовъ, на которые дѣлятся «казакъ». Многіе изъ называемыхъ нами «киргизами» вовсе даже не знаютъ этого названія и при вопросѣ, кто они, всегда отвѣчаютъ, что они «казакъ». «Казакъ» съ гордостью отличаетъ себя отъ сарта, таджика, таранчи,—отъ всѣхъ осѣдлыхъ, невоинственныхъ, обѣзившихся, обѣзившихся людей.

¹⁾ Наизвѣстнѣе, Сартовско-русскій словарь, Казань, 1884, 57.

Сами осѣдлые жители Средней Азіи, произнося слово «казакъ», разумѣютъ подъ нимъ человека неосѣдлаго, подвижного, всегда готоваго къ войнѣ, склоннаго къ разбоямъ, грабежамъ, захватамъ. Искони вѣковъ «казаки», обитавшіе въ Средней Азіи, называли себя этимъ именемъ (казакъ, кайсакъ): съ этимъ именемъ они извѣстны туземнымъ среднеазіатскимъ историкамъ, каковы, между прочимъ, кокандскій повѣствователь Піазъ-Мухаммадъ: съ этимъ же именемъ они уже въ первой половинѣ XVI столѣтія дѣлали приступы къ большимъ и многолюднымъ городамъ Средней Азіи, много разъ побѣждали правителей ихъ ¹⁾ и подъ конецъ уступили только силѣ могущественнаго бухарскаго эмира ²⁾.

Ученые языковѣды въ словѣ «казакъ», или полиѣе «кай-сакъ», видятъ два слова «кай» — легко и «сакъ» — вьюкъ, т. е. легковьючный. Тѣ же ученые слово «сакъ» видятъ въ имени древнѣйшихъ обитателей Турана (теперешняго Туркестана), саковъ, народа аріійскаго происхожденія: для туранскихъ аріійцевъ названіе «сакъ» было такимъ же нарицательнымъ, какъ въ наше время названіе «чернокожій», «желтокожій». Это же слово «сакъ» и съ тѣмъ же значеніемъ «мѣшокъ» или «походный вьюкъ» сдѣлалось достояніемъ большинства народовъ аріійскаго происхожденія, не исключая даже и славянъ, у которыхъ было въ употребленіи слово «сак—ва» въ значеніи вьючной сѣтки. У древнѣйшихъ аріійцевъ слово «сакъ» переняли тюрки и образовали изъ него сложное «кай-сакъ», т. е. легковьючный ³⁾.

Такимъ образомъ и понятіе, и названіе слова «казакъ» впервые встрѣчается въ Средней Азіи, откуда оно, очевидно, перешло и въ европейскую Россію. Перейти же въ Россію оно могло только съ приходомъ въ нее тюрко-татаръ, на что указываетъ и то обстоятельство, что до появленія тюрко-татаръ, на югѣ Руси ни въ одномъ спискѣ русскихъ лѣтописей не встрѣчается слово «казакъ».

Впервые слово «казакъ» дѣлается извѣстнымъ у половцевъ, народовъ тюркскаго происхожденія, съ XI вѣка по Р. Х: на языкѣ половцевъ «казакъ» означало «стража, передового, ночного и дневного» ⁴⁾. Въ теченіе XII, XIII и XIV вѣковъ извѣстій о

¹⁾ Левшинъ, Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, Сиб., 1832, II, 47.

²⁾ Эварияцкій, Путеводитель по Средней Азіи, Ташкентъ, 1893, 171, 173.

³⁾ Фирсовъ, Новѣсти, 1893, декабря 24, № 354.

⁴⁾ Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы, Кіевъ, 1884, 211.

козакахъ ни въ какихъ источникахъ не имѣется. Зато съ конца XV вѣка барону Герберштейну, прїѣзжавшему на Русь отъ вѣмеккаго императора Максимильяна къ великому князю Василію III, известна была уже цѣлая орда кайсацкая ¹⁾. Съ этого же времени идутъ истиннослѣдственные указанія о существованіи козаковъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи.

Въ 1469 году многочисленное татарское войско, составившееся за Волгой изъ бѣглецовъ, разбойниковъ и изгнанниковъ и назвавшееся козаками, по словамъ польскаго историка Длугоша, прошло отъ Волги за Дунай и опустошило Подолію ²⁾. Въ 1492 году, при томъ же князѣ Иванѣ III и крымскомъ ханѣ Менгли-Герай, стали известны ордынскіе козакъ. Въ 1501 году Иванъ III жаловался турецкому султану на азовскихъ козаковъ, отъ которыхъ сильно страдали наши послы и купцы ³⁾. Нѣсколько позже этого сынъ Ивана III, Василій Ивановичъ, требовалъ отъ султана, чтобы онъ запретилъ азовскимъ и бѣгородскимъ козакамъ подавать помощь Литвѣ, воевавшей съ Москвой: въ то же время, когда русскій посолъ Коробовъ, бывшій въ Азовѣ, потребовалъ себѣ провожатыхъ для проѣзда черезъ степи, то ему отвѣчали, что въ провожатые, за отсутствіемъ азовскихъ козаковъ, ему некого дать ⁴⁾. Въ 1510 году известны были козакъ въ Бѣгородѣ или Аккерманѣ, Перекопѣ и Крыму. Въ Крыму всѣ татары этого времени раздѣлялись на три сословія: угланъ или уланъ ⁵⁾, князей и козаковъ: улане принадлежали къ верхнему сословію: князья—къ среднему, владѣвшему поземельной собственностью, но зато постоянно воевавшему и отъ этого получавшему добычу: козакъ—къ низшему сословію ⁶⁾. Крымскій ханъ Менгли-Герай, заключая договоръ съ русскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, обѣщалъ не дозволять «воевать ни уланамъ, ни князьямъ, ни козакамъ» ⁷⁾. Въ этомъ же 1510 году великій князь литовскій Сигизмундъ I жаловался крымскому хану на перекопскихъ

¹⁾ Герберштейнъ, Записки о Московіи, Спб., 1866, 139.

²⁾ Мельникъ, Мемуары южной Руси, Кіевъ, 1890, I, 68; прим. 2-е.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1855, V, 117.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла турец., № 1, 63, 160, 244.

⁵⁾ Углане—многочисленные потомки царей отъ разныхъ женъ.

⁶⁾ Хартахай, Историч. судьба крым. татаръ, Вѣст. Евр., 1866, VI.

⁷⁾ Зубрицкій, Критико-историческая повѣсть о Червонной Руси, Москва, 1845, 388.

козаковъ, нападавшихъ на литовскія области. Въ 1516 году крымскій ханъ Мухаммадъ-Герай писалъ Сигизмунду I, что происшедшее нападеніе татаръ на Украину сдѣлано было бѣлогородскими козаками ¹⁾. Въ 1550 году литовскій писатель, Михалонъ Литвинъ, между разными татарскими ордами упоминаетъ и о козацкой ордѣ ²⁾. Въ 1561 году перекопскій царь писалъ польскому королю Сигизмунду-Августу о желаніи 24-хъ бѣлогородскихъ татарскихъ козаковъ «оказать службу литовскому государю идти на землю московскую»; приложенныя при письмѣ перекопскаго царя имена бѣлогородскихъ козаковъ вѣв восточнаго происхожденія, каковы: Аглаберды, Али-чембей, Акмалла-ага, Бакай-ага, Бассанъ-али, Джарлы-ага, Чабанъ-ага и другія ³⁾.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о татарскихъ козакахъ находимъ извѣстіе и о южнорусскихъ. По мнѣнію Максимовича, исторически извѣстными становятся на Украинѣ козаки уже съ 1471 года, когда кievское княжество обращено было въ воеводство ⁴⁾. По извѣстію летописца XVI вѣка, Мартина Вѣльскаго, въ 1489 году, во время преслѣдованія татаръ, ворвавшихся въ Подолію, сыномъ короля Казимира IV, Яномъ Альбрехтомъ, впереди литовскаго войска шли до притока Буга, Саврана, козаки, хорошо знавшіе мѣстность побужья ⁵⁾. По указанію Антоновича, именемъ козаковъ, въ 1491 году, назвались крестьяне въ Червоной Руси, возставшіе на защиту своихъ правъ ⁶⁾. По документальное свидѣтельство о существованіи украинскихъ козаковъ въ первый разъ встрѣчается въ 1499 году въ уставной грамотѣ великаго князя литовскаго Александра, данной кievскому войту и мѣщанамъ о воеводскихъ доходахъ: «Которыи козаки зъ верху Днѣпра и съ иныхъ сторонъ ходятъ водою на низъ, до Черкасъ и далѣй, а што тамъ здобудуть, съ того со всего воеводѣ десятое (десятую долю) мають давати: а коли рыбы привозять зъ верху, або зъ низу, просолыны(ой) и вялыи(ой) до мѣста кievскаго, тоди маеть осичникъ воеводинъ то осмотрѣти и обмитити (помѣтити) и маеть на городъ взяти отъ бочки рыбъ по шести грошей, а отъ вя-

¹⁾ Szajnocha, Dwa lata dziejow naszych, I. 41.

²⁾ Мельникъ, Мемуары южной Руси, Кіевъ, 1890. 6.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 157.

⁴⁾ Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I. 310.

⁵⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, II, 882.

⁶⁾ Антоновичъ, Лекціи по исторіи мал. козачества. Кіевъ, 1882.

лыхъ рыбъ и свѣжихъ десятое (десятую штуку). А коли привезутъ до мѣста кievскаго рыбу свѣжую, осетры, тогда не мають ихъ цѣликомъ продавати, али-жъ (но) мусить осичникъ отъ каждаго осетра по хребтинѣ взяти, а либо (либо) отъ десяти осетровъ десятаго осетра» ¹⁾. Въ 1503 году становятся извѣстными черкасскіе козаки и козаки князь-Димитрія ²⁾. Тѣ и другіе составляли уже регулярное войско въ Литвѣ: они организованы были по мысли правительства для защиты границъ Литвы отъ набѣговъ татаръ и состояли въ вѣдѣніи такъ называемыхъ старостъ, т.-е. управителей областей, городовъ и замковъ государства ³⁾. Такіе козаки набирались самими старостами и перѣдко прозывались именами или фамиліями самихъ же старостъ: козаки князь-Димитрія, козаки князь-Ружинскаго, козаки Мироничаго ⁴⁾. Въ это же время становятся извѣстными особы роты или военные отряды въ козацьемъ быту: такъ, подъ 1503 годомъ польскій хронистъ Пясецкій упоминаетъ о Щуровой козацкѣ ротѣ въ городѣ Черкаскахъ ⁵⁾. Въ 1508 году одна часть козаковъ, подъ начальствомъ брацлавскаго и виденскаго старосты, князя Константина Ивановича Острожскаго, разгромила на голову загонъ татаръ, грабившихъ пограничныя области литовской Руси; другая часть козаковъ, подъ начальствомъ «славнаго козака Полюса-русаса», разбила другой загонъ татаръ ⁶⁾. Въ 1512 году козаки, вмѣстѣ съ поляками и украинскими насельниками, участвовали въ погонѣ за татарскою ордою, ворвавшейся въ южныя предѣлы литовскаго великаго княжества. Начальниками надъ козаками и поляками были князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и камінецкій староста Предславъ Ландекоронскій.

Послѣдній извѣстенъ былъ какъ лучший полководецъ своего времени, много путешествовавшій по разнымъ странамъ Европы и

¹⁾ Акты западной Россіи, томъ I, № 170, II, № 1.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, томъ I, часть III, № 1.

³⁾ Земельная собственность Польши раздѣлялась на два вида: имѣнія наслѣдственныя и имѣнія, отдаваемые во временныя владѣнія; въ числѣ послѣднихъ были староства; староства раздавались королями, въ видѣ награды, разнымъ сановнымъ лицамъ, которыми отъ того назывались старостами. Карповичъ, Замѣчательныя богатства въ Россіи, Спб., 1883, 257.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, I, 219.

⁵⁾ Piasocki, Kronika, Krakow, 1870, 52.

⁶⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1836, II, 950.

Азіи, изучившій всё боевые приемы лучших европейских и азиатских полководцев. Во время столкновений казаков с татарами первые ударили на врагов казаки; сами поляки уступили казакам право первого нападения на татаръ только послѣ настоятельных убѣждений со стороны Острожскаго, находившаго казаковъ хотя и мало «збройными», но зато считавшаго ихъ въ военномъ дѣлѣ съ мусульманами болѣе, нежели поляки, опытными. Въ 1516 году казаки, подѣ начальствомъ Ландекоронскаго, ходили походомъ подѣ турецкій городъ Бѣлгородъ, захватили тамъ множество лошадей, рогатаго скота и овецъ, но на обратномъ пути были настигнуты татарами и турками у озера Овидова, подѣ Очаковомъ, разбили на голову непріятелей и возвратились домой съ большой татарской и турецкой добычей ¹⁾. Этотъ годъ считается у польскихъ лѣтописцевъ уже годомъ значительнаго развитія южнорусскаго козачества. Въ 1527 году на казаковъ черкасскихъ и каневскихъ жаловался крымскій ханъ Саинъ-Герай королю Сигизмунду I за то, что они, становясь подѣ татарскими улусами, дѣлали нападенія на татаръ: «Приходятъ къ намъ черкасскіе и каневскіе казаки, становятся надѣ улусами нашими на Дибирѣ и вѣдѣ нападутъ нашимъ людямъ: я много разѣ посылаѣ къ вашей милости, чтобѣ вы остановили ихъ, но вы ихъ остановить не хотѣли; я шелъ на московскаго князя, 30 человекъ за близиню вернулись отъ моего войска: казаки поранили ихъ и коней побрали. Хорошо-ли это? Черкасскіе и каневскіе властители пускаютъ казаковъ вмѣстѣ съ казаками непріятеля твоего и моего (т.-е. московскаго князя) казаками путивльскими по Дибирю подѣ наши улусы, и что только въ нашемъ панствѣ узнаютъ, даютъ вѣсть въ Москву» ²⁾. Въ 1528 году тѣ же казаки, подѣ начальствомъ хмѣльницкаго старосты Предслава Ландекоронскаго, черкаскаго Евстафія Дашковича, а также старостъ винницкаго и брацлавскаго, принимали участіе въ походѣ подѣ турецкій городъ Очаковъ; въ этомъ походѣ казаки три раза разбили татаръ и взяли въ добычу 500 коней и 30.000 головъ скота ³⁾.

Съ этого времени казаки стали приобрѣтать особенную извѣстность, и этому способствовалъ немало «знаменитый козакъ»

¹⁾ Kronika Bielskiego, II, 963, 991; Самовидецъ, Лѣтопись, 1878, 329.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1855, V, 434, 437.

³⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, II, 1043.

Евстафій или Остапъ Дашковичъ, сперва литовскій воевода, потомъ черкасско-каневскій староста, уроженецъ города Овруча, человекъ православной вѣры. Евстафій Дашковичъ воевалъ сперва противъ турокъ и побывалъ въ плѣну у татаръ (въ 1523 году), служилъ нѣсколько лѣтъ великимъ русскимъ князьямъ, Ивану и Василию, помогая имъ въ войнѣ противъ поляковъ, затѣмъ снова возвратился въ Литву къ Сигизмунду ¹⁾ и получилъ въ управленіе города Черкасы ²⁾ и Каневъ, на правомъ берегу Днѣпра ниже Кіева. Управляя этими городами, онъ привлекалъ къ себѣ такое множество козаковъ, что сдѣлалъ оба города надолго ядромъ всего южнорусскаго козачества. Въ 1531 году на городъ Черкасы сдѣлалъ нападеніе крымскій ханъ Саадатъ-Герай; Дашковичъ мужественно оборонялъ черкасскій замокъ отъ татаръ, а потомъ черезъ два года послѣ этого представилъ особый проектъ на сеймѣ въ Пютерковѣ защиты границъ литовскаго княжества противъ татарскихъ вторженій. Въ этомъ проектѣ Дашковичъ высказалъ необходимость построенія по близости къ татарамъ, на одномъ изъ малодоступныхъ острововъ Днѣпра, замка и содержанія въ немъ постоянной стражи изъ козаковъ въ 2.000 человекъ, которая, плавая по рѣкѣ на чайкахъ, пріятствовала бы татарамъ переправляться черезъ Днѣпръ. Къ этимъ 2.000 козаковъ Дашковичъ предлагалъ прибавить еще нѣсколько сотъ человекъ, которые бы добывали въ окрестностяхъ необходимые припасы и доставляли ихъ козакамъ на острова. Предложеніе Дашковича всѣмъ участникамъ сейма понравилось, но не было приведено въ исполненіе ³⁾.

Въ 1530 году, при спорѣ каневскихъ мѣщанъ со своимъ старостою Пенькомъ, который «криеды великія и утиски чинилъ и пошны вводилъ», а кромѣ того «норогъ ихъ звѣчный мѣщанскій, на имя Звонецъ, на Днѣпрѣ, на себя отнималъ» и половину имущества умершаго или понавнагося въ плѣнъ козака на себя отбиралъ, постановлено было кіевскимъ воеводой Немировичемъ Звонецкаго

¹⁾ Миллеръ, Ист. сочиненіе о Малой Россіи, Москва, 1847, 3. 4.

²⁾ Городъ Черкасы построенъ при литовскомъ князѣ Витовтѣ (1392—1430) и осажень пятигорскими черкесами, выведенными сюда съ крайняго юго-востока Европы; Антоновичъ, Исторія великаго литовскаго княжества, 62, 63. Городъ Каневъ возникъ около того же времени и населенъ выходцами изъ теперешней полтавской губерніи.

³⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, II, 1055, 1059.

порога старобѣ совѣмъ не касаться, а изъ имущества козака, если онъ, не имѣя ни жены, ни дѣтей, умереть или понадеется къ татарамъ, одну половину отдавать на поминъ души тому, кому онъ самъ завѣщаетъ ¹⁾). Въ 1540 году козаци черкасско-каневского старосты, князя Михаила Вишневецкаго, боясь наказанія за своихъ товарищей, ушедшихъ на Москву, оставили замки и засѣли ниже ихъ на рѣкѣ Днѣпрѣ; князь Михаилъ Вишневецкій ходатайствовалъ за нихъ передъ королемъ Сигизмундомъ - Августомъ о высылкѣ имъ охраннаго листа для возвращенія въ замки ²⁾). Въ 1541 году король Сигизмундъ-Августъ писалъ князю Коширскому, справкѣ кievскаго воеводства, что онъ уже много разъ приказывалъ ему и съ лаской, и съ угрозой, удерживать «тамошнихъ» козаковъ отъ того, чтобы они не ходили на татарскіе улусы и не чинили тамъ никакой «шкоды», но князь никогда не дѣйствовалъ сообразно королевскому приказанію, козаковъ отъ «шкоды» не удерживалъ и даже самъ позволялъ имъ чинить то: «И теперь черезъ нашего посла, пана Горностая, переконскій царь пишетъ намъ, что наши козаки прошлыми разами, неизвѣстно откуда пришедши на людей его, которые шли воевать Москву, ударили на Каиры ³⁾, 20 человекъ до смерти убили и 250 коней у нихъ взяли, а гонца, который къ намъ посланъ былъ, того ка Днѣпрѣ погромили и имущества его себѣ побрали: кромѣ того, тѣхъ людей царя переконскаго, которые въ полѣ кочуютъ, тѣхъ козаки наши часто бьютъ и имущества ихъ себѣ забираютъ; а котораго гонца своего братья переконскаго царя, царь казанскій, къ намъ посылалъ, и того гонца на Днѣпрѣ погромили и статки его себѣ побрали». Для того, чтобы козаки на будущее время, уходя изъ Кіева на низовье Днѣпра за рыбою и бобрами, не позволяли себѣ никакого своевольства и не чинили никакихъ шкодъ подданнымъ царя переконскаго, король отправилъ въ Кіевъ своего дворянина Стрета Солтовича и приказалъ ему всѣхъ кievскихъ козаковъ списать въ реестръ и реестръ доставить себѣ. Воеводы должны знать, кто изъ козаковъ и сколько ихъ отправляется на низовье Днѣпра, чтобы послѣ возвращенія ихъ назадъ, можно было съ кого спрашивать въ случаѣ ослушанія и неповиновенія королевской волѣ и приказанію. Такого же содержанія

¹⁾ Акты западной Россіи, II, № 193.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 141.

³⁾ Рѣчка лѣваго берега Днѣпра, выше лимана.

посланы были грамоты старостамъ, кіевскому Боббѣлову и черкасскому князю Пронскому ¹⁾.

Въ 1545 году козаки спустились къ турецкому городу Очакову, напали тамъ на турецкихъ пословъ и пограбили ихъ: турецкое правительство заявило объ этомъ жалобу Сигизмунду-Августу, и король долженъ былъ возместить убытки потерѣвшихъ изъ королевскаго «скарбу» ²⁾. Къ этому же году относится первый указаніи на существованіе козаковъ, какъ отдѣльнаго сословія отъ другихъ литовско-польскихъ и русскихъ сословій—шляхетскаго, мѣщанскаго и холопскаго: они живутъ и по городамъ, и по селамъ, занимаются разными промыслами и составляютъ особня общины для востанной обороны противъ мусульманъ: такъ это было въ рогородкахъ каневскомъ, брацлавскомъ, черкасскомъ, могилевскомъ и др. ³⁾.

Въ 1546 году путивльскій воевода писалъ въ Москву великому князю Василію III: «Нынѣ, государь, козаковъ въ полѣ много, и черкасцевъ, и кѣпъ, и твоихъ государевыхъ, — выжили государь на помощь всѣхъ украинъ» ⁴⁾.

Въ 1547 году козаки, подъ начальствомъ Берната Претвины, старосты барскаго, преслѣдовали до Очакова татаръ, наскочившихъ на польскія владѣнія около Винницы и захватившихъ нѣсколько человекъ русскихъ въ плѣнъ. Такъ какъ татары успѣли уже отпирать христіанъ въ оковахъ въ городъ Кафу, то козаки со своимъ предводителемъ «знаменито» отметили татарамъ, захватили полонъ и благополучно вернулись домой ⁵⁾, повторивъ свой походъ противъ татаръ и на слѣдующій 1548 годъ.

Въ 1542 году, при описаніи черкаскаго и каневского замковъ между осѣдлыми сословіями, упоминаются и козаки въ смыслѣ временныхъ посѣтителей замковъ: «Окромѣ осѣлыхъ бояръ и мѣщанъ бываютъ у нихъ (черкасцевъ) прохожіе козаки: сей зимы было ихъ разомъ о полтъ-третиаста. А кромѣ того бываесть тамъ (въ Каневѣ) людей прохожихъ, козаковъ неосѣлыхъ, а бы-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, I, 109.

²⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1836, II, 1093.

³⁾ Антоновичъ, Лекціи, Кіевъ, 1882, Акты, II, 3—4.

⁴⁾ Воейковъ, Историческое описаніе земли войска донскаго, Новочеркасскъ, 1889, 4.

⁵⁾ Kronika Marcina Bielskiego, II, 1100; Гвагвинъ въ Собраніи историческомъ Лукомскаго; Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 393.

васть ихъ неравно завжды, але яко которыхъ часомъ» ¹⁾. Въ тѣхъ же описаніяхъ замковъ имѣются указанія и на самыя занятія черкасекихъ и каневскихъ козаковъ: одни изъ нихъ добываютъ въ непріятельской землѣ «бутынки» (добычу) и лучшее изъ своей добычи, плѣнниковъ, коней и другое, даютъ старостамъ по ихъ выборамъ: другіе пребываютъ по лѣвому берегу Днѣпра (теперешней полтавской губерніи) и «живутъ тамъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду, съ пасѣкъ, съ свечетовъ и сытятъ тамъ себѣ медъ яко дома»: третьи, оставаясь въ замкѣ, «ходятъ съ Черкасъ озеръ тыхъ (принадлежавшихъ черкасскому замку) волоčiti, а которые домовъ въ Черкасахъ не мають, тые даютъ старостѣ колядки (передъ-рождественскую подать) по 6 грошей и сѣна косить ему по два дни толоками за его стравую (проштаніємъ) и за медомъ; а которые козаки, не уходячи въ козацтво на поле, а ни рѣкою на низъ, служатъ въ мѣстахъ (замкахъ) бояремъ, або мѣщанамъ, тымъ колядки давати, або сѣна косити и повинни». (О каневскихъ козакахъ, кромѣ того, говорилось, что, отправляясь на городскіе уходы, добывая тамъ рыбу, бобровъ и медъ и возвращаясь назадъ, они половину обязаны были давать своему старостѣ ²⁾).

Такимъ образомъ изъ всѣхъ приведенныхъ документальныхъ данныхъ видно, что первоначально на югѣ Россіи явились козаки татарскіе, за татарскими козаками — козаки украинные или южнорусскіе, чисто славянской народности. Въ первое время южнорусскіе козаки представляли собой не больше, какъ пограничную стражу, состоявшую подъ главнымъ вѣдѣніемъ воеводъ и второстепеннымъ — старостъ литовско-русскихъ пограничныхъ замковъ и городовъ. Популярнѣйшимъ изъ старостъ, Ландскоронскому и въ особенности Даниковичу, сколько извѣстно, выпала первая роль если не организовать козацкое сословіе, какъ утверждаютъ это польскіе писатели Писецкій, Старовольскій, Зиморовичъ и нѣмецкій историкъ Энгель ³⁾, то, по крайней мѣрѣ, сплотить его въ одно цѣлое. При нихъ ядромъ малороссійскаго козачества сдѣлались города Черкасы и Каневъ; а скоро послѣ нихъ козачество, постепенно увеличиваясь въ своей численности, заняло кievскую,

¹⁾ Описанія украинскихъ замковъ: Кіевская старина, 1884, августъ, 588.

²⁾ Описанія украинскихъ замковъ: Кіевская стар., 1884, августъ, 589.

³⁾ Бантишъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1812, I, 99, 101.

черниговскую, полтавскую и южную часть подольской губернии. Однако, рядомъ съ козаками пограничниками и ихъ начальниками старостами изрѣдка дѣйствовали и независимыя «куны» козаковъ подъ начальствомъ собственныхъ вожаковъ. Своимъ вожакамъ козаки давали названія гетмановъ (отъ нѣмецкаго *hauptmann* — капитанъ) и первоначально придавали этому слову значеніе вообще предводителя, не соединяя съ нимъ представленія ни объ административной, ни о судебной власти, какъ было впоследствии. Цѣлью первыхъ движеній малороссійскихъ козаковъ изъ городовъ въ степи, какъ показываютъ приведенныя свидѣтельства 1489, 1499, 1552 годовъ, были интересы военные и промышленные. Такъ, одни изъ нихъ уже въ это время воевали у Буга съ татарами; другіе, въ качествѣ рыболововъ, звѣролововъ, пасѣнниковъ и мелкихъ торговцевъ, отправлялись къ Днѣпру за разнаго рода добычею.

Такова видимая картина начала и развитія южнорусскаго козачества.

Но за этой видимой картиной скрывается нѣсколько причинъ, благодаря которымъ южнорусское козачество, начавшись небольшими кунями, дошло до развитія въ цѣлое сословіе и разлилось по обширной территоріи Малороссіи и потомъ Запорожья.

Въ ряду такихъ причинъ первое мѣсто занимаетъ причина земельная. Дѣйствіе этой причины началось съ перемѣной земельныхъ отношеній въ южнорусскихъ областяхъ послѣ перехода кievскаго княжества въ 1471 году къ Литвѣ и обращенія его въ воеводство. Литва, присоединивъ къ себѣ русскія области, ввела въ нихъ собственный, феодальный, порядокъ государственнаго строя, и тогда подъ вліяніемъ этого порядка принципъ земельного владѣнія на Украинѣ сталъ складываться совершенно иначе, чѣмъ онъ выражался въ теченіи многихъ лѣтъ дотолѣ. По принципамъ южнорусскаго государственнаго строя земля принадлежала не отдѣльному лицу и не цѣлому сословію, а считалась собственностью общины. По феодальному принципу литовскаго государственнаго строя земля считалась собственностью государя и раздавалась имъ лицамъ высшаго и средняго сословія, отличавшимся на военномъ, административномъ или придворномъ поприщѣ и потому считавшимся правоспособными на пользованіе земельными участками; крестьяне же, какъ низшій классъ населенія, считались неспособными и потому неимѣвшими права лично

на обладаніе землей. Этотъ принципъ примѣненъ былъ и въ отношеніи украинскаго населенія, поступившаго подъ власть литовскаго княжества. Отсюда естественно, что южнорусское населеніе, встрѣтивъ невиданный имъ порядокъ вещей и постепенно обезземелившись, стало бросать центральныя мѣста государства и уходить на окраины его. Пользуясь правомъ перехода съ одного мѣста на другое, оно не встрѣчало никакихъ препятствій при своихъ передвиженіяхъ и даже находило сочувствіе со стороны властныхъ лицъ, такъ какъ, при отсутствіи постоянныхъ войскъ въ литовскомъ государствѣ тогдашняго времени, могло стать оплотомъ на порубежныхъ владѣніяхъ. Литвы противъ подвижныхъ, воинственныхъ и жадныхъ къ добычѣ татарскихъ нападниковъ. Это и было первой изъ причинъ появленія на Украинѣ южнорусскаго козачества.

Второе мѣсто въ образованіи южнорусскаго козачества занимаетъ экономическая причина. Эта причина стоитъ въ зависимости отъ системы обработки земли въ центральныхъ областяхъ велико-литовскаго княжества до половины XVI столѣтія. До означеннаго времени въ великомъ литовскомъ княжествѣ цѣнными землями считались земли лѣсные, водныя и болотныя, на которыхъ можно было вести лѣсное хозяйство, добывать рыбу, ловить звѣрей («бобровые тоны»), разводить пчелъ (пчелиныя борты). Земли же съ черноземными залежами считались малоцѣнными; самая обработка земли практиковалась въ весьма малыхъ размѣрахъ, единственно для первыхъ потребностей хозяйства. Оттого до 1569 года, или до такъ-называемой люблинской уніи, литовскіе помещики совсѣмъ отказывались отъ окраинныхъ черноземныхъ земель, и правительство предоставляло ихъ во владѣніе низшему сословію. Но низшее сословіе, получая эти земли въ свои руки, должно было на собственный страхъ и защищать ихъ отъ воинственныхъ сосѣдей: чтобы удержать свое имущество и вмѣстѣ съ тѣмъ защитить семьи отъ хищныхъ сосѣдей, поселенцы украинскихъ земель должны были взяться за оружіе и стать на военную ногу, а это и было второю изъ причинъ появленія южнорусскаго козачества.

Третьей причиной появленія южнорусскаго козачества было существованіе въ Бѣлоградѣ, Крыму и Азовѣ татарскихъ козаковъ. Уходя въ степи ради звѣря, дичи, скотоводства и пчеловодства, выходя въ рѣки и лиманы ради рыбы и соли, южно-

руссы постоянно сталкивались съ татарскими козаками и постепенно усваивали отъ нихъ какъ отдѣльныя слова, такъ и костюмъ, вооруженіе, самыя приемы битвы и наименованіе козаковъ. Если заимствованія одного народа у другого происходятъ на почвѣ мирныхъ сношеній, то тѣмъ болѣе дѣлается заимствованій между народами, поставленными во враждебныя и воинственныя другъ къ другу отношенія: въ этомъ случаѣ, чтобы научиться побѣждать болѣе сильнаго непріятеля, нужно изучить всѣ тонкости его боевой тактики и взять въ руки одинаковое съ нимъ оружіе, надо, однимъ словомъ, располагать равномѣрными съ нимъ боевыми средствами. Мирное южнорусское населеніе, силою земельныхъ и экономическихъ обстоятельствъ вытѣсненное изъ центральныхъ областей своего государства въ степныя окраины и ставшее лицомъ къ лицу съ воинственными азіатомъ-наѣзникомъ, волей-неволей усвоило себѣ всѣ боевыя приемы и самое наименованіе «козака».

Четвертою причиною появленія южнорусскаго козачества была близость вольныхъ степей. Чтобы вырасти, воспитать цѣлое сословіе или общину воиновъ, для этого нужны просторы, нужны вольныя земли, свободная, никѣмъ незанятая территорія или, по крайней мѣрѣ, окраины, пограничныя со степной равниной. Оттого мы и видимъ, что какъ въ самой Азій, такъ и въ европейской Россіи козачество всегда начиналось на пограничной территоріи государствъ, развивалось и ширилось на открытыхъ степныхъ равнинахъ. Такъ было и въ южной Россіи: сами южнорусскіе козаки, понимая это лучше, чѣмъ кто другой, вложили добытую ими историческую истину въ пословицу «степь та воля—козацка доля», т.-е. воля начинается тамъ, гдѣ начинается вольная степь и ни въ степи нѣтъ ни козака, ни воли.

Наконецъ, въ ряду перечисленныхъ причинъ возникновенія южнорусскаго козачества нельзя умолчать и объ этнографическихъ особенностяхъ южнорусской народности, которой, въ силу самой исторической подготовки, весьма сродна была такая форма общественной жизни, какъ козацкая община. Дѣло въ томъ, что южнорусская народность, воспитанная на вѣчевомъ строѣ, самоуправствѣ и самоуправленіи, потомъ ставшая въ зависимость отъ литовскаго великаго княжества и не выходя въ колесо государственныхъ порядковъ его, оттого потянувшаяся на свободныя, никѣмъ незанятые мѣста, естественно могла стремиться воскресить въ своей памяти «давню померкшіе идеалы» нѣкогда

существовавшихъ въ южной Руси, на началахъ полнаго самоуправленія, общественныхъ порядковъ и также естественно могла стремиться повторить ихъ на цовыхъ земляхъ, вдали отъ феодално-аристократическихъ порядковъ Литвы и Польши. И точно. Запорожье, съ его товариществомъ, выборнымъ началомъ старшинъ, войсковыми радами, общимъ скарбомъ, общео для старшинъ и простой массы пинцею, отдѣльными курениями—все это тѣ же общинно-вѣчевые порядки древней южнорусской жизни, но только дошедшіе до самаго высшаго предѣла развитія ¹⁾.

Такъ или иначе, по документальнымъ даннымъ говорить, что первоначально на югѣ теперешней Россіи появилось татарское козачество, за нимъ возникло и образовалось городовое, малороссійское козачество. За городовымъ, малороссійскимъ слѣдовало низовое или запорожское козачество. Отправляясь изъ кіевского воеводства на низовья Днѣпра за рыбою, бобрами, солью, дикими косями и другою добычею, городовые козаки насиживали тамъ мѣста для низового запорожскаго или вольнаго козачества, неподчинявшагося ни воеводамъ, ни старостамъ, а слушавшася лишь своихъ собственныхъ вожakovъ или атамановъ. Конечно, община низовыхъ козаковъ сложилась не сразу, а постепенно и число ея послѣдовательно увеличивалось различными людьми, недовольными существовавшими въ польско-литовскомъ государствѣ порядками и искавшими выхода изъ своего тяжелаго положенія.

По мѣсту своего жительства, на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, вольное козачество называлось низовымъ или запорожскимъ войскомъ. Съ XV до половины XVI вѣка этимъ именемъ назывались какъ собственно тѣ, которые жили на Низу, за порогами Днѣпра, низовые или запорожскіе козаки; такъ и тѣ, которые жили выше пороговъ, городовые или речестровые и езерестровые козаки; они именовались общимъ именемъ «войска его королевской милости запорожскаго». Съ половины XVI вѣка городовые козаки обособились отъ низовыхъ, но удержали свое названіе «войска запорожскаго», хотя, живя въ городахъ Украины, не имѣли никакого основанія называться этимъ именемъ; низовые козаки, навсегда отдѣлившись отъ городскихъ, стали именоваться по праву запорожцами, сичевиками и

¹⁾ Кіевская старина, 1884, IX, 587; Антоновичъ, Историческіе дѣятели югозападной Россіи, Кіевъ, 1885, I, 2; Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 310.

строого отличали себя отъ городскихъ козаковъ. Въ 1751 году запорожскіе козаки заявили официальную жалобу на то, что городовые козаки и ихъ полковая старшина не по праву «называютъ себя и подписываются войскомъ запорожскимъ» ¹⁾. Въ Москвѣ часто смѣшивали собственно запорожскихъ съ городскими украинскими козаками и нередко тѣхъ и другихъ именовали общимъ именемъ «запорожскихъ черкасъ».

Первымъ указаніемъ отдѣленія низовыхъ или запорожскихъ козаковъ отъ украинскихъ или городскихъ нужно считать указаніе 1568 года, когда казаки стали «на Низу, на Днѣпрѣ, въ полѣ и на иныхъ входахъ перемѣшкивать», т.-е. проживать или имѣть осѣлости ²⁾. Но болѣе определеннымъ указаніемъ обособленія низового козачества отъ городского можетъ служить реформа короля Стефана Баторія, послѣдовавшая, приблизительно, около 1583-года ³⁾, о раздѣленіи украинскихъ козаковъ на реестровыхъ и нереестровыхъ, когда реестровые объявлены были, такъ сказать, подзаконнымъ козацкимъ сословіемъ, а нереестровые низзаконнымъ. Последніе, горь ненавистью къ правительству, устремились за пороги Днѣпра и тамъ установили «свою волю, свою правду, свою силу». Наконецъ, рѣзкое раздѣленіе запорожскихъ козаковъ отъ городскихъ окончательно установилось въ первой половинѣ XVII вѣка.

Начавшись со второй половины XVI столѣтія и просуществовавъ почти до конца XVIII, запорожцы до 1654 года находились въ зависимости отъ Литвы и Польши, а съ этого времени вошли въ зависимость отъ Россіи: на переяславской радѣ они признали власть малороссійскаго гетмана и черезъ него должны были сноситься съ московскимъ царемъ. Однако, зависимость запорожцевъ отъ Литвы и Польши была болѣе номинальною, нежели фактическою. Такъ, хотя по указамъ литовско-польскихъ королей, Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія, запорожскіе козаки должны были номинироваться старшиной украинскихъ козаковъ, но они не обращали вниманія на эти указы. Поддерживая тѣсную связь съ Украиною, они жили совершенно независимо отъ нея жизнью: «Не отступая повиновеніемъ отъ гетмана по вышнему виду, надѣясь на свою отдаленность, запорожцы всегда мало и тогда только,

¹⁾ Кіевская старина, 1889, мартъ, № 3. 741.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи. Кіевъ, 1863, т. III, ч. III, 4.

³⁾ Кіевская старина, 1884, сентябрь, 45.

когда имъ прибыльно казалось, повелѣніямъ малороссійскаго гетмана повиновались. Даже и тогда, когда гетманы стали именоваться гетманами обѣихъ сторонъ Днѣпра, власть ихъ въ дѣйствительности не простиралась далѣе Кременчуга и Переволочной» ¹⁾.

Въ гораздо большей зависимости очутились запорожскіе козаки отъ Москвы, когда, съ половины XVII столѣтія, перешли въ ея подданство. Правда, въ XVII вѣкѣ эта зависимость выражалась еще въ довольно слабой степени, но зато съ начала XVIII вѣка запорожцы все болѣе и болѣе теряли отличительныя черты своей оригинальной жизни и подъ конецъ историческаго существованія жизни запорожскихъ козаковъ, если исключить безжизненность собственно сичевыхъ товарищей, мало чѣмъ отличалась отъ жизни украинскихъ козаковъ.

Несмотря, однако, на все различіе запорожскихъ отъ городовыхъ козаковъ, между тѣми и другими въ первое время историческаго существованія была такая тѣсная связь, что отдѣлять исторію однихъ отъ исторіи другихъ въ теченіе XVI и начала XVII вѣка не представляется никакихъ основаній. Только съ половины XVII столѣтія различіе между запорожскими и городскими или гетманскими козаками становится осязательнымъ, а потому съ этого именно времени начинается и собственная, въ строгомъ смыслѣ слова, исторія запорожскихъ козаковъ.

По ходу историческихъ событій и по тѣмъ и другимъ задачамъ, которыя брали на себя запорожцы, вся исторія запорожскихъ козаковъ можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе *шесть періодовъ* времени. Періодъ образованія запорожскаго козачества (1471—1583). Періодъ борьбы противъ Польши за религіозно-національную независимость южной Руси (1583—1657). Періодъ участія въ борьбѣ за религіозно-національную независимость правобережной Украины противъ Польши, Крыма и Турціи (1657—1686). Періодъ борьбы противъ Крыма, Турціи и Россіи за собственное существованіе (1686—1709). Періодъ существованія запорожцевъ за предѣлами Россіи и попытки ихъ къ возвращенію на родныя мѣста (1709—1734). Періодъ борьбы съ русскимъ правительствомъ за самостоятельное существованіе и паденіе Запорожья (1734—1775).

Первые моменты исторической жизни запорожскихъ козаковъ,

¹⁾ Миллеръ, Разсужденіе о запорожцахъ, Москва, 1857, 14, 59.

какъ и великихъ другихъ народовъ, не оставившихъ по себѣ первоначальныхъ письменныхъ памятниковъ, представляютъ собой загадку неизвѣстности и даютъ обильную пищу для всякихъ предположеній и домысловъ. Кто былъ истиннымъ устроителемъ ихъ войска, каковы были въ началѣ ихъ боевыя средства, какъ широко простирался районъ дѣятельности ихъ,—на это никакихъ не имѣется данныхъ. Конечно, на первыхъ порахъ въ дѣйстви козаковъ не могло быть правильно сознанный и прямо поставленной задачи, и они въ этотъ періодъ времени должны были дѣйствовать партійно, или, какъ сами говорили, кунами. Начало организаціи могло быть лишь съ появленіемъ на Пизу общаго предводителя козаковъ, впервые соединившаго ихъ въ одно для общей цѣли.—борьбы съ мусульманами, и положившаго начало столицѣ ихъ, называемой Сичью. Первую попытку въ этомъ родѣ сдѣлалъ знаменитый князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій²⁾.

Князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, истый козакъ по натурѣ и знаменитый вождь своего времени, былъ потомкомъ польскихъ князей Гедиминовичей, родился въ православной вѣрѣ, имѣлъ у себя трехъ братьевъ Андрея¹⁾, Константина и Сигизмунда и состоялъ владѣльцемъ многихъ имѣній въ кременецкомъ повѣтѣ, каковы: Вишневецъ, Подгайцы, Окимы, Куминь, Лотрика и другія. На исторической сценѣ Вишневецкій впервые сталъ извѣстнымъ съ 1550 года, когда назначенъ былъ подольскимъ королемъ въ старѣсты черкаскаго и каневского повѣтовъ. Каковъ былъ Вишневецкій какъ управитель повѣтовъ, намъ неизвѣстно; извѣстно лишь то, что въ этомъ званіи онъ оставался всего лишь три года: получивъ отказъ отъ короля Сигизмунда-Августа по поводу просьбы о какомъ-то пожалованіи, Вишневецкій, по старому праву добровольнаго отъѣзда служилыхъ людей отъ короля, ушелъ изъ Польши въ Турцію и поступилъ на службу къ турецкому султану: «А съѣхалъ онъ со всею своею дружиною, то-есть, со всемъ тѣмъ козацествомъ или хлопствомъ, которое возлѣ него

¹⁾ Источники: Лѣтопись по Никонову списку, Спб., 1791, 266, 272—275, 293, 298; Kronika Bielskiego, Sanok, 1856, II, 1145—1449; Korona polska Niesieckiego, 1728—1748, IV, 545; Акты южной и западной Россіи, I, II; Горюцкий, Мемуары южной Россіи, Кіевъ, 1890, I, 98.

²⁾ Начатаго на княгинѣ Ефиміи Вербицкой и получившаго послѣ смерти Димитрія Вишневецъ и Подгайцы: Акты южной и западной Россіи, I, 246.

пробавлялось», — писалъ о Вишневецкомъ Сигизмундъ-Августъ Радзивиллу Черному 15 іюня 1553 года. Вскорѣ, однако, король, обезпокоенный тѣмъ, что турки въ лицѣ Вишневецкаго приобрѣтутъ отличнаго полководца съ переходомъ его въ Турцію, врага польскому престолу, снова привлекъ князя къ себѣ, давъ ему опять тѣ же города Черкасы и Каневъ въ управленіе. Управляя этими городами, князь, хотя и былъ доволенъ на этотъ разъ королемъ, но чувствовалъ недовольство въ самомъ себѣ: душа его жаждала военной славы и ратныхъ подвиговъ. Тогда онъ задается мыслью оградить границы польско-литовскаго государства посредствомъ устройства на островѣ Днѣпра крѣпкаго замка и помѣщенія въ немъ сильнаго гарнизона. Очевидно, Вишневецкій въ этомъ случаѣ хотѣлъ повторить то, что раньше его высказалъ Евстафій Дашковичъ. Свой планъ Вишневецкій хотѣлъ осуществить постепенно и высказалъ его открыто въ 1556 году. Не найдя, однако, себѣ фактическаго сочувствія среди польскихъ властныхъ людей, Вишневецкій снова рѣшилъ покинуть родину и искать счастья за предѣлами отечества.

Въ это самое время онъ узналъ, что московскій царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая предотвратить набѣгъ крымскихъ татаръ на московскія окраины, отправилъ два отряда русскихъ ратниковъ съ путивльскими козаками на Цизъ — одинъ подъ начальствомъ Чулкова по Дону, а другой подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго по Днѣпру, и приказалъ имъ «добывать языковъ и проведывать про крымскаго хана». Вѣсть о походѣ русскихъ противъ крымцевъ пришла въ какъ нельзя кстати по вкусу черкасско-каневскихъ козаковъ и они, собравшись въ числѣ 300 человекъ, подъ начальствомъ своихъ атамановъ Млинскаго и Михайла Еськовича, иначе называемаго Миской, бросились внизъ по Днѣпру и заодно съ дьякомъ Ржевскимъ и русскимъ войскомъ причинили много бѣдъ туркамъ и татарамъ подъ Исламъ-Керменемъ, Очаковомъ и Воламъ-Керменемъ.

Подвиги козаковъ черкасско-каневскихъ замковъ вызвали на цѣну и самого старосту, князя Димитрія Вишневецкаго, и въ то время, когда Ржевскій послѣ похода отступилъ въ «литовскую», т.-е. западную, сторону Днѣпра, Вишневецкій очутился на Днѣпрѣ и расположился на островѣ Хортицѣ, откуда разсматривалъ открыть постоянные набѣги на мусульманъ. Съ этою цѣлью онъ устроилъ здѣсь, въ 1556 году, земляной «городъ» противъ Конскихъ-Водъ,

у Протоцки, послужившій потомъ прототипомъ Сичи запорожскихъ козаковъ.

О своихъ подвигахъ противъ татаръ и турокъ на Днѣпрѣ князь Вишневецкій не замедлилъ извѣстить, черезъ служебника Миску (т.-е. Михайла Еськовича), короля Сигизмунда-Августа, прося у него королевской протекціи. На то донесеніе король отвѣчалъ Вишневецкому грамотой, писанной селі не весной, то гдѣ-то въ 1557 года ¹⁾. Въ этой грамотѣ король отвѣчалъ Вишневецкому, что присланные имъ листы, черезъ служебника Миску, получены во время пути, именно тогда, когда король ѣхалъ съ королевою Екатериною съ варшавскаго сейма въ Вильну и, по распоряженію самого короля, служебникъ тотъ задержанъ былъ съ отвѣтами королевскими на продолжительное время. Распоряженіе же это сдѣлано было на основаніи извѣстія, принесеннаго королевскимъ посломъ, княземъ Андреемъ Одиновеичемъ, о намѣреніяхъ и замыслахъ переконскаго царя: переконскій царь, по извѣстію королевскаго посла, о чемъ король узналъ по пріѣздѣ въ Вильну, хотѣлъ добывать князя Вишневецкаго въ построенномъ имъ замкѣ: вслѣдствіе этого извѣстія, а также вслѣдствіе суровой зимы и труднаго проѣзда къ Вишневецкому и вслѣдствіе ожиданія проѣзда посланнаго къ Вишневецкому дворянина Василія Мишковича, король и приказалъ задержать отвѣдъ Миски. Кромѣ этого король писалъ Вишневецкому и о томъ, что онъ, сперва по слухамъ, а потомъ отъ присланнаго княземъ хлопца, узналъ о нападеніи на Вишневецкаго переконскаго царя. Воздавая похвалу Вишневецкому за его службу, стойкость и мужественную оборону людей, при немъ находящихся, король обѣщалъ и на будущее время не забывать его подвиговъ: «А что касается замка, построеннаго тобой, и твоей услуги, оказанной намъ, то такая услуга пріятна намъ, потому что ты устроилъ на насъ, господаря, замокъ на нужномъ мѣстѣ, и именно такой замокъ, гдѣ была бы безопасная осторожность для удержанія лихихъ людей шkodниковъ съ обезпеченіемъ панствъ нашихъ. Но чтобы усилить тотъ замокъ людьми и боевыми средствами, какъ ты писалъ намъ о томъ, то безъ личнаго твоего пріѣзда къ намъ, мы теперь не имѣемъ достаточно основательныхъ причинъ исполнить это, хотя вывести тебя изъ замка на это время также не го-

¹⁾ Грамота не датирована мѣсяцемъ.

дится ради извѣстія отъ тебя и изъ другихъ мѣстъ («украинъ») о замыслѣ со стороны великаго московскаго князя соорудить замки при рѣкѣ Днѣпрѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ и ты хотѣлъ будовать города, на нашей землѣ, а также и ради зацѣпокъ, на которыя могли бы отвѣститься, въ твоѣ отсутствіе, козаки и подвергать опасности области нашего государства. Выводить тебя изъ замка не годилось бы еще и для того, чтобы ты, оставаясь въ немъ, могъ большую пользу принести, не допуская козаковъ дѣлать зацѣпокъ чабанамъ и шkodить улусамъ турецкаго царя, взирая на многія причины, на докончаніе и присягу нашу съ турецкимъ цесаремъ и вѣчный миръ съ переконскимъ царемъ». Въ заключеніе грамоты король извѣщалъ Виннивецкаго объ отпускѣ къ нему какого-то Захарки, о которомъ князь писалъ королю, а также объ отправкѣ къ князю собственнаго королевскаго слуги — дворянина съ отивтомъ на все письма и просьбы князя и возвращеніи изъ Польши посла переконскаго царя вмѣстѣ съ польскимъ посломъ Довгиромъ. Посла, отправленнаго къ Виннивецкому, король приказывалъ людямъ Виннивецкаго встрѣтить у Черкасъ и самому князю, въ виду важности дѣла, съ которымъ посолъ отправленъ, выслушать его съ особеннымъ вниманіемъ ¹⁾.

Нужно думать, что отказъ со стороны короля Сигизмунда-Августа въ помощи людьми и боевыми средствами для защиты устроеннаго княземъ замка послужили причиной того, что Виннивецкій, оставивъ польскаго короля, пошелъ въ сношенія съ русскимъ царемъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1557 года Виннивецкій писалъ царю, что крымскій ханъ Девлетъ-Герай, съ сыномъ и съ многими крымскими людьми, приходилъ къ Хортицкому острову, осаждалъ его двадцать четыре дня, но божіимъ милосердіемъ, именемъ и счастіемъ царя, государя и великаго князя, оиъ, Виннивецкій, отбѣлся отъ хана и, поразивъ у него много самыхъ лучшихъ людей, заставилъ его отойти отъ Хортицы «съ великимъ соромомъ» и дать возможность князю однять у крымцевъ нѣкоторые изъ кочевницъ. Въ заключеніе Виннивецкій увѣрялъ царя, что пока оиъ будетъ на Хортицѣ, то крымцамъ ходить войной нигуда нельзя.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1557 года Виннивецкій отпра-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 148.

взялъ отъ себя въ Москву козацкаго атамана Еськовича къ царю Ивану Васильевичу бити челомъ о томъ, чтобы царь пожаловалъ князя и принялъ его къ себѣ на службу: Еськовичъ долженъ былъ сказать царю, что князь совѣмъ отъѣхалъ отъ польскаго короля и поставилъ среди Днѣпра, на Хортицкомъ островѣ, противъ Конскихъ-Водъ, у крымскихъ кочевницъ, городъ.

Царь принялъ Еськовича съ честью и, вручивъ ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкаго, отправилъ, вмѣстѣ съ Еськовичемъ, боярскихъ дѣтей Андрея Шенотьева да Нечая Ртицева съ наказомъ объявить князю о согласіи царя принять его на службу московскаго государства.

Спустя мѣсяць послѣ этого Вишневецкій отправилъ къ царю новыхъ пословъ, Андрея Шенотьева, Нечая Ртицева, князя Семена Ширемскаго да Михаила Еськовича, и черезъ нихъ извѣщалъ царя, что онъ (Вишневецкій) царскій холодъ и даетъ свое слово на томъ, чтобы ѣхать къ государю, но прежде всего считаетъ нужнымъ поворовать татаръ въ Крыму и подъ Пеламъ-Керменемъ, а потомъ уже быть въ Москвѣ. И дѣйствительно, относительно своихъ намѣреній противъ татаръ Вишневецкій сдержалъ свое слово: въ декабрѣ мѣсяцѣ названнаго года московскій посолъ, жившій въ Крыму, извѣщалъ царя, что октябрю перваго дня князь Дмитрій Вишневецкій, вымывшій на низовье Днѣпра, взялъ крѣпость Пеламъ-Кермень, людей ея побилъ, а пушки взялъ и вывезъ на Днѣпръ, въ свой Хортицкій городъ.

Почти черезъ годъ послѣ этого, а именно въ октябрѣ мѣсяцѣ 1558 года, князь Вишневецкій снова и совершенно неожиданно подвергся второму нападенію со стороны того же крымскаго хана, Девлетъ-Герая. Взявъ съ собою, кромѣ татаръ, много войска турецкаго султана и молдавскаго господаря, ханъ внезапно подступилъ къ Хортицѣ и съ яростью началъ на Вишневецкаго. Вишневецкій долго отбивался отъ хана, но потомъ, лишившись всякаго пропитанія и потерявъ много людей, а еще больше коней, съѣденныхъ козаками, подъ конецъ оставилъ Хортицу и ушелъ къ Черкасамъ и Каневу, откуда извѣстилъ царя о всемъ происшедшемъ на Хортицѣ и ждалъ отъ него дальнѣйшихъ приказаній. Тогда царь, узнавъ о всемъ случившемся съ Вишневецкимъ, велѣлъ ему съ Черкасами и Каневъ польскому королю, съ которыхъ у русскихъ произошло перемиріе, а самому ѣхать въ Москву. Вишневецкій повиновался волѣ царя и въ ноябрѣ мѣ-

сяцѣ того же года прїѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ получилъ отъ царя жалованье, а также городъ Бѣлѣвъ со всѣми волостями и селами въ вотчинѣ ¹⁾, да въ иныхъ городахъ «подклѣтныя села и великія пожертвованія», и за все это клялся животоносящимъ крестомъ служить царю всю жизнь и платить добромъ его государству.

Однако, въ Бѣлѣвѣ Вишневецкому пришлось оставаться недолго: дѣло въ томъ, что въ это самое время прїѣхали въ Москву черкесскіе послы съ цѣлью просить московскаго царя оказать помощь черкесамъ въ ихъ войнѣ съ крымцами. Царь, не подлившій передъ этимъ съ крымскимъ ханомъ, рѣшился воспользоваться просьбой черкесовъ въ свою пользу, и въ декабрѣ ~~х~~ - сядцѣ 1558 года снова отправилъ Вишневецкаго, въ качествѣ начальника надъ 5.000 человекъ ратниковъ, на крымскіе улусы. Вишневецкій двинулся изъ Москвы вмѣстѣ съ кабардинскимъ мурзой Канклыкомъ, собственнымъ братомъ, атаманомъ, сотеками и стрѣльцами. Онъ ѣхалъ судномъ на Астрахань, изъ Астрахани сухопутьемъ къ черкесамъ въ Кабарду: въ Кабардѣ ему вѣрно было собрать рать и идти мимо Азова на Дибирь, на Дибирѣ стоять и наблюдать за крымскимъ ханомъ, «на сколько Богъ поможетъ». Исполняя царское приказаніе, Вишневецкій сперва остановился подъ Перекопомъ и сталъ наблюдать за татарами; но крымскій ханъ, извѣщенный польскимъ королемъ о движеніи Вишневецкаго, забилъ свои улусы ²⁾ за Перекопъ, а самъ ушелъ во внутрь полуострова. Тогда Вишневецкій, не встрѣтивъ подъ Перекопомъ ни одного врага, перешелъ къ Таванской переправѣ на полтретьятцатъ верстъ ниже Исламъ-Керменя; простоявъ напрасно три дня на переправѣ, Вишневецкій отсюда поднялся къ острову Хортицѣ и близъ него соединился съ дьякомъ Ржевскимъ и его ратниками. Встрѣтивъ Ржевскаго выше пороговъ, Вишневецкій велѣлъ ему оставить всѣ кони съ запасами на островѣ, отобралъ лучшихъ людей изъ его рати—небольшое число боярскихъ дѣтей, козаковъ да стрѣльцовъ,—остальныхъ отослалъ въ Москву, и потомъ съ отборнымъ войскомъ пошелъ лѣтовать въ Исламъ-Кермень, откуда имѣлъ цѣлью захватить города Перекопъ и Козловъ. Получивъ извѣстіе объ отходѣ хана за Перекопъ, царь Иванъ

¹⁾ Теперешней тульской губерніи, на 125 верстъ ниже Тулы.

²⁾ Слово «улусъ» на татарскомъ языкѣ значитъ народъ, племя.

Васильевичъ отправилъ къ Вишневецкому посла съ жалованьемъ и съ приказаніемъ князю оставить Ширяя-Кобякова, дьяка Ржевскаго и Андрея Щепотьева съ немногими боярскими дѣтьми и стрельцами, Данила Чулкова да Юрія Булгакова съ козаками, а самому ѣхать въ Москву. Вишневецкій и на этотъ разъ повиновался волѣ царя, оставилъ Днѣпръ и скоро прибылъ въ Москву, откуда перѣхалъ въ свой городъ Бѣлѣвъ. Зимой этого же года крымскій ханъ, услыхавъ о томъ, что московскій царь оставилъ столицу и уѣхалъ въ Ливонію, быстро собралъ стотысячное войско и бросился по направленію къ Москвѣ; но узнавъ, что самые страшные для него люди, Шереметевъ и Вишневецкій, совѣмъ не выѣзжали въ Ливонію, также быстро повернулъ назадъ и ушелъ въ Крымъ.

Въ началѣ 1559 года царь снова отправилъ Вишневецкаго противъ татаръ: ему дано было 5.000 человекъ войска, а его товарищу Данилу Адашеву — 8.000. Вишневецкій разбилъ 250 человекъ крымцевъ близъ Азова, а Данилъ Адашевъ вынылъ въ устье Днѣпра и отсюда бросился въ Крымъ. Разгромивъ Крымъ и освободивъ множество христіанскихъ плѣнниковъ, Адашевъ вновь вернулся къ Днѣпру и поднялся вверхъ по его теченію. Ханъ бросился за нимъ въ догонъ и настигъ у мыса Монастырьскаго, противъ Пенасытченкаго порога, но, боясь сразиться съ нимъ, ушелъ назадъ.

Въ то время, когда Адашевъ и Вишневецкій дѣйствовали противъ татаръ на Днѣпрѣ, въ это самое время, а именно 1560 года, предводитель блѣгородскихъ козаковъ Андриакъ ворвался въ кѣвское воеводство и опустошилъ поселеніе возлѣ блѣоцерковскаго замка, а потомъ написалъ письмо Сигизмунду-Августу и въ немъ объявилъ, что сдѣлалъ свое нападеніе въ отмстку козакамъ кѣвскимъ, блѣоцерковскимъ, брацлавскимъ, винницкимъ, черкасскимъ и каневскимъ, причиняющимъ «великія škody» турецкимъ подданнымъ. По этому письму Сигизмундъ-Августъ отправилъ кѣвскому воеводѣ князю Константину Константиновичу Острѣжскому и всѣмъ украинскимъ старостамъ приказаніе воспретить козакамъ, въ виду присяги и докончанья съ турецкимъ султаномъ и переконскимъ царемъ, дѣлать нападенія на турецкихъ и татарскихъ подданныхъ и даже не позволять имъ ходить въ поле для сторожи, хотя въ то же время держать ихъ наготовѣ, чтобы имѣть возможность, при набѣгахъ со стороны татаръ на украин-

ныя области, во-время ударить на враговъ и отнять у нихъ добычу и христіанскихъ плѣнниковъ ¹⁾).

Между тѣмъ Вишневецкій, возвратившись въ 1561 году изъ «пятигорской земли» на Дѣбиръ и расположившись на урочищѣ Монастыринцѣ, въ 30 милехъ отъ Черкасъ, близъ острова Хортицы, сталъ сношиться съ польскимъ королемъ о томъ, чтобы снова перейти къ нему на службу. Что побудило Вишневецкаго къ этому, неизвѣстно: не поправилось-ли ему обращеніе Грознаго съ боярами въ Москвѣ, или же престо ему не сидѣлось на одномъ мѣстѣ, — источники не говорятъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, находясь въ урочищѣ Монастыринцѣ, Вишневецкій отправилъ къ королю Сигизмунду-Августу гонца съ просьбой о томъ, чтобы онъ снова принялъ его къ себѣ и прислалъ бы ему, по обыкновенію, такъ-называемый глейтовый, т.-е. охранный листъ для свободнаго проѣзда изъ Монастыринца въ Краковъ. Король охотно изъявилъ согласіе принять Вишневецкаго къ себѣ на службу и прислалъ ему глейтовый листъ сентября 5-го дня, 1561 года: «Намятуя вѣрныя службы предковъ князя Димитрія Ивановича Вишневецкаго, мы пріймаемъ его въ нашу государскую ласку и дозволяемъ ему ѣхать въ государство нашей отчины и во дворъ нашъ государскій для службъ нашихъ, не боясь строгости посполитаго права и нашего отъ господаря каранія и неласки нашей за то: можетъ онъ добровольно въ панствахъ нашихъ жить, пользуясь всякими вольностями и свободой, какъ и другіе князата, панята и обыватели панства нашего» ²⁾). Принимая Вишневецкаго вновь на службу къ себѣ, король мотивировалъ свою милость къ нему тѣмъ, что Димитрій Вишневецкій ходилъ къ московскому царю не для чего иного, какъ для того, чтобы узнать «справы непріятели и тѣмъ принести возможно большую пользу Рѣчи-Посполитой». Въ свою очередь и козаки, бывшіе съ Димитріемъ Вишневецкимъ на Низу, и оставленные имъ послѣ отъѣзда, стали просить короля черезъ черкасско-запорожскаго старосту, Михаила Александровича Вишневецкаго, о дозволеніи имъ возвратиться въ мѣста своей родины и прислать глейтовый листъ.

Отправляя глейтовый листъ князю Димитрію Вишневецкому, король Сигизмундъ-Августъ извѣщалъ о томъ и брата его (ружню

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 152.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 155, 157.

думать, не родного), Михаила Александровича Вишневецкого. О козакахъ тому же Михаилу Вишневецкому король писалъ: «Листъ для принятія козаковъ въ наше панство мы приказали выдать и велѣли послать его до воеводы кievскаго: кромя того, распорядился написать ему, чтобы его милость съ тобою посовѣтовался, если тѣ козаки придутъ въ наше панство и межъ ними окажутся такіе, которые въ недавнее время Очаковъ разорили (*збурили*), и если приходъ ихъ не принесетъ никакой опасности отъ цесаря турецкаго и царя переконскаго, то, поразмысливши объ этомъ хорошенько, велите послать ихъ тотъ жесть. И если между ними окажутся тѣ, которые Очаковъ разорили, то ты бы внушилъ имъ, чтобы они, не задерживаясь и не проживая въ тамошнихъ украинскихъ замкахъ, шли бы прямо въ могилевскій замокъ, откуда мы велѣмъ направить ихъ въ Полоцкъ, а изъ Полоцка въ землю Инфлянтскую (Летляндію) и прикажемъ дать имъ содержаніе и живность. Посовѣтовавшись и поговоривши съ нимъ объ этомъ, извѣсти насъ о томъ немедленно¹⁾».

Куда вернулись козаки, неизвестно, но извѣстно то, что они покинули Хортицу и послѣ ихъ ухода «городъ» Вишневецкаго, ибродно, былъ разрушенъ татарами, такъ какъ московскій царь, собираясь воевать съ Крымомъ, хотѣлъ строить новое укрѣпленіе «между Хортицей и Черкасами», которое бы замѣнило «городъ» Вишневецкаго²⁾.

Послѣ этого Димитрій Вишневецкій, вмѣстѣ съ однимъ польскимъ магнатомъ, ибкнѣмъ Альбрехтомъ Ласкимъ, прѣхалъ въ Краковъ, гдѣ былъ встрѣченъ массою народа съ радостными привѣтствіями. Король очень ласково принялъ князя и простилъ ему его вину. Скоро послѣ этого Вишневецкій очень сильно заболѣлъ, вследствие какой-то оравы, полученной имъ еще въ юношескіе годы. Король, узнавъ объ этомъ и жалѣя князя, велѣлъ своимъ докторамъ осматрѣть его (opatować). Доктора оказали помощь больному, и онъ благополучно всталъ съ постели. Такимъ образомъ съ 1563 года Вишневецкій считался снова на службѣ у польскаго короля. Принявъ къ себѣ Вишневецкаго, польскій король, однако, не преминулъ, при случаѣ, освѣдомиться у русскаго царя о причинѣ отъѣзда его изъ Москвы: Пришелъ онъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 156.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, II, № 134.

какъ собака и потекъ какъ собака; а жиѣ, государю, и землѣ моей убытку никакого не причинилъ»—отвѣтилъ царь Иванъ Васильевичъ королю Сигизмунду-Августу на сирость о Вишневецкомъ.

Въ это время Вишневекій сдѣлался настолько дряхлымъ, что едва могъ садиться на коня, но духъ героизма въ немъ все еще не угасалъ. Такъ, находясь въ Краковѣ и сойдясь съ Альбрехтомъ Ласкимъ, владѣвшимъ молдавскою крѣпостью Хотинымъ и мечтавшимъ присоединить всю Молдавію къ Польнѣ, Вишневекій задумалъ новое дѣло: онъ рѣшился, по совѣту Ласкаго, овладѣть Молдавіей и сдѣлаться ея господаремъ. Обстоятельства ему благопріятствовали. Дѣло въ томъ, что въ Молдавіи въ это самое время боролись за обладаніе престола два претендента: господарь Яковъ Василидъ, иначе Праклидъ, и бояринъ Томжа, иначе Стефанъ IX. Партія волоховъ, не желавшая избранія Томжи, узнавъ о планахъ Вишневецкаго, отправила къ нему посольство и обѣщала ему господарство, если только онъ, вмѣстѣ съ козаками, принесетъ присягу этой партіи. Князь согласился и въ 1564 году съ 4.000 козаковъ отправился въ Молдавію. Передовой отрядъ его явился въ то время, когда Томжа осаждалъ Василида въ Сучавскомъ дворцѣ: самъ Вишневекій по случаю болѣзни ѣхалъ сзади на возу. Его отрядъ послѣдно прискакалъ къ дворцу и сталъ требовать молдавской булавы для своего князя. Томжа, по видимому, охотно согласился на это притязаніе и лично пошелъ встрѣчать славнаго героя. Вишневекій, не подозрѣвая въ этомъ никакого коварства, съ небольшою дружиной двинулся къ Сучавѣ: во тутъ, во время самого дѣла, видя ничтожность силъ Вишневецкаго, Томжа вдругъ перемѣнилъ свою роль: онъ внезапно бросился на посланныхъ въ помощь князю людей, всѣхъ перебилъ ихъ и готовился схватить въ руки самого Вишневецкаго; но Вишневекій успѣлъ уйти и спрятаться въ кошу сѣна: къ его несчастью, однако, онъ былъ замѣченъ какимъ-то мужикомъ, прѣхавшимъ за сѣномъ, и выданъ Томжѣ. Тогда Вишневецкаго, вмѣстѣ съ его спутникомъ Пясецкимъ и нѣкоторыми поляками, схватили и отправили въ столицу Молдавіи. Поляки послѣ жестокихъ пытокъ, во время которыхъ самъ Томжа отрѣзалъ имъ носы и уши, отпущены были въ Польшу, а Вишневекій и Пясецкій тѣмъ же Томжей отправлены были въ Царьградъ къ турецкому султану, Селиму II. Получивъ плѣнниковъ и пылая местию на нихъ за разореніе Крыма и южныхъ городовъ, турки рѣшили

предать ихъ жесточайшей казни: бросить живыми съ высокой башни на одинъ изъ желѣзныхъ крестовъ («такъ»), которые вѣдѣ- ланы были въ стѣну у морского залива, по дорогѣ отъ Констан- тинополя въ Галату. Брошенный съ башни внизъ Нисецкій скоро скончался, а Вишневецкій, при паденіи съ такой же высоты, за- цѣпился ребромъ за желѣзный крюкъ и въ такомъ видѣ висѣлъ нѣсколько времени, оставаясь живымъ, поносилъ имя султана и хуля его мусульманскую вѣру, пока не былъ убитъ турками, не стер- пѣвшими его злословій. Народъ сохранилъ въ своей памяти ве- личественный образъ князя и воспѣлъ его трагическую кончину въ готовой уже пѣснѣ о козакѣ Байдѣ ¹⁾). По словамъ пѣсни, Байда такъ былъ славенъ, что самъ султанъ предлагалъ ему собственную дочь въ жены съ условіемъ, чтобы только онъ при- нялъ вѣру Магомета: но Байда настолько былъ преданъ право- славной вѣрѣ, что съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе и сталъ плевать на все, что было дорого какъ простому маго- метанину, такъ и самому султану, а подъ конецъ ухитрился даже убить стрѣлой, поданной ему его слугой, самого сул- тана съ его женой и дочерью. Тогда турки, остервенившись на Вишневецкаго, вынули у него, еще живого, по словамъ польскаго писателя Нисецкаго ²⁾), изъ груди сердце, изрѣзали на части и, раздѣливъ между собою, стѣли его въ надеждѣ, такъ сказать, заразиться такимъ же мужествомъ, какимъ отличался во всю жизнь неустранимый Вишневецкій. Народъ воспѣлъ славнаго героя въ пѣснѣ «Байда-козакъ», дошедшей до нашего времени во многихъ вариантахъ.

«У Царьгради тай на рынѣчку
Тамъ пѣе Байда медь-горилѣчку,
Ой пѣе Байда, та не день, не два,
Та не одну пичку, тай не годинѣчку.
Прійшовъ до нѣго салтанъ турецькій:
Ой шо-жъ бо ты рѣбишь, Байдо молодѣцькій?
Ой ты, Байдо, та славнѣсенькій,
Будь же ты лыцарь та вириѣсенькій,—
Покинь, Байдо, та пѣты—гуляты,
Бери мою дочку та йди царюваты,

¹⁾ Байда, байдакъ на общетюркскомъ языкѣ «буйдакъ» значитъ холостой, бобыль: Наливкинъ, Русско-сартовскій словарь, Казань, 1884, II. 25.

²⁾ Писатель XVI вѣка, Леопардъ Горекій о кончинѣ Дмитрія Вишне- вецкаго говорить коротко, что онъ умеръ «мучительною смертию» отъ ту- рокъ: Мемуары южной Россіи, Кіевъ, 1890, I. 98.

Берѣ въ мѣне та царивнѣчку,
 Будешъ паниомъ та на Вкраинѣчку!
 — Твоя віра проклѣтая.
 Твоя дочка поганая!
 Гей, якъ крикне салтанъ на гайдѣкы:
 Визьмить того Байду, визьмить ёго въ руки!
 Визьмить Байду крѣпко изъязжѣте
 Та на ребрѣ за гакъ дѣбре почепѣте.
 Высыть Байда та не день, не два,
 Тай не одлѣ ийчку, тай не голливнѣчку.
 Высыть Байда про сѣбе гадає
 Тай, на свого цѣору зѣрко споглядає
 Тай на свого цѣору, цѣору молодѣго.
 И на свого коня, коня вороного;
 Ой ты-жъ цѣору, цѣору молодѣнькый,
 Подай мнѣ лѣчокъ, та лѣчокъ тугѣнькый,
 Подай мнѣ, цѣору, тугѣй лѣчокъ.
 Подай мнѣ стрѣлокъ, стрѣлокъ цѣлый пѣчикъ!
 Ой, бачу-жъ я, цѣору, та тры голубѣчкы,
 Хочу я ихъ вѣйти за-для царскѣй дѣчкы.
 Де я вмірю—тамъ я вцѣлю,
 Де-жъ я вѣжу—тамъ я вѣраку.
 Ой якъ стрѣлявъ—тай царѣ вцѣлилъ.
 А царыцю та въ потылицю.
 А ихъ дѣньку—прѣмо въ головѣньку.
 Не вмивъ, царю, та ты Байдѣ вѣйти,
 За це-жъ тобі, царю, тай у землѣ приты,
 Було-бъ тобі, царю, конемъ пидъизжѣты,
 Та було-бъ тобі Байди гѣлову изъиты,
 Було бъ Байду въ землю поховѣты.
 А ёго жъ хлопця собі пидмѣвѣиты.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Перемещение казаков на Изву Днѣпра послѣ князя Димитрія Вишневецкаго. — Козакіе предводители: Бирута Малекій, Карпо, Андрушъ, Лесунъ, Бѣлоусъ и Ляхъ. — Нападенія казаковъ на прѣзжихъ туренко-татарскихъ кунцовъ и русско-татарскихъ гоминовъ. — Политическая унія 1569 года Литвы и Польши и положеніе всего козацкаго сословія въ новомъ государствѣ. — Мѣры польско-литовскаго правительства противъ казаковъ и назначеніе надъ ними особаго правительственнаго начальника «старшого», Яна Батюскаго. — Походы Свєрчовскаго въ Молдавію въ помощь господарю Иванѣ противъ турокъ и дѣйствія низовыхъ казаковъ. — Кошение атаманы низовыхъ казаковъ Фона Покотило и Самойло Кешка. — Гетманъ Бєзданъ Ружинскій. — Походы его съ козаками въ крымскія владѣнія и въ берега Малой Азии: взятіе имъ города Трапезонта и гибель при вѣрьѣ вѣрности Аслана. — Походы Ивана Подковы съ козаками и въ предводительство въ Молдавію. — Успѣхъ Подковы и гибель его. — Преемникъ Подковы Александръ и дѣйствія низовыхъ казаковъ. — Мѣры Стефана Баторія противъ казаковъ.

Путь, намѣченный княземъ Димитріемъ Вишневецкимъ, но оставленный имъ вслѣдствіе безсилія своего въ борьбѣ съ татарами, не былъ, однако, забытъ козаками, и въ 1568 году они снова очутились на Изву и съ этихъ поръ стали здѣсь «перемѣниваться», т. е. проживать и промышлять тамъ: «Подданнымъ нашимъ, тѣмъ козакамъ, которые, съѣхавъ изъ замковъ и украинскихъ городовъ нашихъ безъ позволенія и вѣдома нашего господарскаго и старостъ нашихъ украинскихъ, на Изву, на Днѣпрѣ, въ полѣ и на иныхъ входахъ перемѣниваются. Мы имѣемъ извѣстіе, что вы на тѣхъ поименованныхъ мѣстахъ, живи своею у разныхъ входовъ, подданнымъ царя турецкаго, чабанамъ ¹⁾ и татарамъ царя переконскаго, дѣлая набѣги на ихъ улусы и кочевница, большія шкоды и разоренія чините и тѣмъ границы государства нашего отъ непріятеля въ опасность приводите» ²⁾.

¹⁾ Чабанъ съ татарскаго на русскій — овечій пастухъ.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи. Кіевъ, 1863, т. I, ч. III, 4.

Перемѣшивая въ поляхъ и на Низу Днѣпра, козаки все еще, однако, считаютъ Низъ лишь временнымъ своимъ мѣстопробываніемъ и по истеченіи извѣстнаго срока снова возвращаются въ украинскіе города. Отсюда можно думать, что въ это время на Низу не было еще ни Сичи, ни особаго товарищества, ни отдѣльных старшинъ.

Послѣ смерти князя Дмитрія Вишневецкаго козаки довольствуются тѣмъ, что нападаютъ на проезжихъ торговцевъ и разныхъ гонцовъ, грабятъ и разбиваютъ ихъ. Такъ, одна часть козаковъ въ это время дѣйствовала подъ начальствомъ какихъ-то атамановъ Карна, Андруша, Лесуна и Бѣлоуса, ниже города Черкасъ: она нападала тамъ на турецкіе и татарскіе караваны, ходившіе съ товарами въ Москву, а также на крымскихъ гонцовъ, ѣздившихъ отъ хана къ польскому королю, и на украинскихъ солепромышленниковъ, спускавшихся изъ малороссійскихъ городовъ въ турецкій городъ Кочубеевъ, теперешній городъ Одессу. Другая часть козаковъ, подъ предводительствомъ атамана Андрея Ляха, спустилась къ рѣкѣ Самарѣ, впадающей въ Днѣпръ выше Кодацкаго порога, и тутъ дѣлала нападенія на русскихъ и крымскихъ гонцовъ, а также на турецкихъ и армянскихъ купцовъ, по обыкновенію ѣздившихъ съ поклами въ Москву и обратно въ Крымъ. Въ это именно время козаки переняли московскаго гонца Зибера и какого-то безызвѣстнаго крымскаго посланца съ нѣсколькими купцами, тридцать человѣкъ купцовъ убили, а троимъ за то, что они покупали въ Москвѣ литовскихъ плѣнниковъ, руки отрубили ¹⁾.

Въ это же время, 1568 года, января 18 дня, козаки, по словамъ малороссійскаго лѣтописца, подъ предводительствомъ славнаго наѣздника и сильнаго воина Вирули Мадскаго, впервые сдѣлали сильное нападеніе на московское войско ²⁾. Очевидно, малороссійскій лѣтописецъ разумѣетъ здѣсь дѣйствіе козаковъ во время ливонской войны Польши съ Россіей при царѣ Иванѣ Грозномъ. Но сколько извѣстно изъ другихъ источниковъ, въ самомъ началѣ 1568 года козаки участвовали вмѣстѣ съ поляками и гетманомъ Ходкевичемъ въ осадѣ московской крѣпости Улы.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 30.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтописецъ, Москва, 1847, I, 21; Гвагнинъ въ Собраніи историческомъ Лукомскаго: Лѣтопись Самовидца. 1878, 333.

Они напята были для этой войны самим гетманомъ, но, по его же собственнымъ словамъ, дошли только до рва крѣпости и потомъ бѣжали отъ нея. Впрочемъ, также точно вели себя въ это время и сами поляки ¹⁾. О дѣйствіяхъ въ другихъ мѣстахъ козаковъ этого времени ничего неизвѣстно.

Черезъ годъ послѣ этого въ Литвѣ и Польшѣ произошло событіе, которое имѣло огромное значеніе для развитія южнорусскаго козачества вообще и запорожскаго въ частности. Это событіе — такъ-называемая политическая унія, т. - е. соединеніе двухъ государствъ въ одно, Литвы и Польши, происшедшее въ 1569 году, при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ. По этой уніи къ Польшѣ, вмѣстѣ съ Литвой, была присоединена и Украина на правахъ свободной страны со свободнымъ населеніемъ: «яко вольные до вольныхъ и равные до равныхъ люди». Такъ сказано было на бумагѣ, но не такъ вышло на дѣлѣ. Поступая подъ власть Рѣчи-Посполитой, украинское населеніе нашло здѣсь вмѣсто «золотой» свободы «неисключимое» рабство. Дѣло касалось прежде всего козацкаго сословія.

Малороссійское козачество оказывалось въ государствѣ Рѣчи-Посполитой совсѣмъ лишнимъ сословіемъ. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ того времени существовало лишь три сословія — шляхетское, мѣщанское и хлѣбское: первое сословіе было дворянское, второе — промысловое и ремесленное, третье — крѣпостное или хлѣбское: ни къ одному изъ этихъ сословій нельзя было приравнять козаковъ, такъ какъ дворяне ихъ не признали, а отъ мѣщанъ и хлоповъ они сами отказались ²⁾. Оставалось козаковъ поставить особо, но такъ какъ определенной организаціи у нихъ не было, и только отправляясь въ походъ, они выбирали себѣ предводителей, возвращаясь же назадъ поступали подъ вѣдѣніе старостъ, то между старостами и козаками происходили постоянныя ссоры и тяжбы: старосты гнали козаковъ подъ свой «регіментъ», козаки жаловались на великія утѣшенія и кривды со стороны старостъ. Тогда правительство сдѣлало первыя попытки упорядочить козацкое сословіе и съ тѣмъ вмѣстѣ прибрать его къ своимъ рукамъ. Съ этою цѣлью объявлено было, черезъ короннаго гетмана Юрія Язловецкаго, о выдачѣ козакамъ жалованья изъ королевскаго скарба и

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, VI, 237.

²⁾ Антоновичъ, Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, XXXIII.

тутъ же сдѣлана была попытка привлечь козаковъ къ юрисдикціи короннаго гетмана: низовые козаки должны были признать надъ собою власть гетмана и подчиниться суду и управлѣ особаго королевскаго чиновника, который долженъ носить названіе козацкаго старшого. Такимъ старшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ судьей былъ впервые объявленъ, въ 1572 году, бѣлоцерковскій шляхтичъ Янъ Бадовскій: «Находя годнымъ на то дѣло, — пишется въ универсалѣ короля Сигизмунда-Августа, іюня 5-го дня, 1572 года, — панъ шляхтича Яна Бадовскаго, съ давняго времени служившаго вѣрно и усердно господарю своему (королю), гетманъ коронный Юрій Язловецкій назначилъ его старшимъ и судьей надъ всеми низовыми козаками съ тѣмъ, чтобы онъ каждому, кто будетъ имѣть дѣло до козаковъ и кто придетъ съ Низу до замковъ и городовъ нашихъ, чинилъ бы надъ нимъ по справедливости»¹⁾.

Козаки ясно видѣли, куда направлены были дѣянія правительства Рѣчи-Посполитой, и потому, желая сохранить свою независимость, волей-неволей брались за оружіе и тѣмъ постепенно слачивались въ сильную и оригинальную общину, мало-по-малу росли въ своемъ развитіи и чрезъ то находили въ самихъ себѣ силы для борьбы внутри и во внѣ государства.

Но люблинская унія коснулась и крестьянскаго населенія южной Руси. Крестьянское населеніе, очутившись во власти Польши, стало испытывать всѣ неудобства примѣненія на немъ новыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Чрезъ эти порядки оно лишалось личной свободы вълѣдствіе широкаго произвола, какимъ пользовалось въ Польшѣ привилегированное сословіе въ ущербъ непривилегированному, и послѣдовательно ограничивалось въ земельныхъ правахъ. Не имѣя средствъ спасти личную свободу и удержать за собой земельныя права, крестьянское населеніе выходило изъ своего положенія и стало стремиться въ ряды козачества, чѣмъ значительно усилило это сословіе.

Появъ намѣреніе правительства и усилившись крестьянскимъ населеніемъ, козаки уже съ этого времени почувствовали въ себѣ большую силу, и польско-литовскіе короли, ставъ впервые лицомъ къ лицу съ ними, оказались безсильными въ своихъ мѣрахъ для того, чтобы сдѣлать ихъ послушными своей волѣ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ много значило и то обстоятельство, что правитель-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 175.

ство Рѣчи-Посполитой, принявъ козаковъ въ числѣ другихъ сословій Украйны, уже на первыхъ порахъ стало въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ этомъ отношеніи оно поступало смотря по видамъ своей политики и обстоятельствамъ дѣла: видя въ дѣйствіяхъ козаковъ въ одно и то же время и пользу и вредъ для Польши, оно въ первомъ случаѣ давало полную волю имъ, во второмъ случаѣ или старалось отвлечь въ другую сторону, или грозило истребить его въ самомъ основаніи ¹⁾.

Въ этомъ противорѣчіи самому себѣ состояла и дальнѣйшая политика польско-литовскаго правительства въ отношеніи козаковъ: когда они были нужны королямъ, то призывались на спѣху и поощрялись въ ихъ набогахъ на татаръ и турокъ, когда не были нужны, объявлялись врагами отечества и всячески стѣснялись въ ихъ дѣйствіяхъ.

Но эти то поощрительные призывы, то запретительныя постановленія только разжигали страсти козаковъ, увеличивали ихъ численность и заставляли многихъ бѣжать изъ городовъ Украйны на низовья Днѣпра. Сами поляки, часто не признававшіе королевскаго авторитета и дѣйствовавшіе на собственный страхъ въ дѣлахъ войны и мира съ соседями, также въ значительной мѣрѣ способствовали усиленію козаковъ. Такъ, въ 1574 году, т.-е. черезъ два года послѣ назначенія особаго «старшого» надъ козаками, польскіе шляхтичи, подъ предводительствомъ Сверчовскаго, родомъ поляка изъ мазовецкаго воеводства, ходили походомъ въ Молдавію въ помощь господарю Ивонѣ во время его борьбы съ турками.

Но словамъ современника событія, Леонарда Горенскаго, это дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

Въ небольшомъ молдавскомъ государствѣ возгорѣлась борьба между двумя претендентами за обладаніе молдавской короны, молдавскимъ господаремъ Ивоней и братомъ волошскаго господаря Петромъ или Петрицлою. Получивъ отказъ отъ польскаго короля Генрика въ вспоможеніи противъ Петра, поддерживаемого турецкимъ султаномъ Селимомъ, Ивоня обратился къ полякамъ и на его зовъ явился, въ 1574 году, предводитель Сверчовскій, составившій около себя хищницю, самопроизвольно собравшуюся въ походъ безъ вѣдома своего правительства и потому именно названную польскими исто-

¹⁾ Кіевская старина, 1884, августъ, 601.

риками именемъ «козаковъ». Эти «козаки» все до единого были поляки и ничего общаго не имѣли съ козаками низовыми или запорожскими, принимавшими лишь косвенное участіе въ дѣйствіяхъ Сверховскаго и его сподвижниковъ. Выѣстъ съ господаремъ Ивоней «козаки» Сверховскаго были при взятіи крѣпости Бранлова, при пораженіи отдѣльнаго отряда турецкаго не доходя Бранлова, при взятіи крѣпости Тягина (Бендеръ). при пораженіи турокъ подъ Аккерманомъ, при осадѣ крѣпости Тейницы; участвовали въ рѣшительной битвѣ. іюня 9-го дня, у рѣки Дунай и выѣстъ съ Ивоней отступали отъ береговъ ея. Послѣ трагической кончины Ивони польскіе «козаки» частью были перебиты, частью взяты въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Сверховскій ¹⁾. Собственно низовые козаки во время подвиговъ Сверховскаго и его товарищей, по указанію Мацкевскаго, дѣлали то, что разгуливали подъ начальствомъ атамана Фоки Покотила на лодкахъ по Черному морю и тревожили турокъ, не давая имъ возможности всеми силами ударить на Молдавію ²⁾.

Около этого же времени по Черному морю плавалъ козацкій атаманъ Самойло Кошка ³⁾, называемый иначе Кушкой и Косткой ⁴⁾. Но этотъ Кошка попался въ плѣнъ къ туркамъ и находился на турецкой галерѣ около 25 лѣтъ, какъ полагаютъ до 1599 года ⁵⁾.

Въ это время козаки представляли изъ себя уже довольно значительную силу, страшную татарамъ и туркамъ, жаждую къ добычѣ и подвигамъ, жившую большею частью въ низовьяхъ Днѣпра, по его островамъ. Польскій лѣтописецъ XVI вѣка Мартинъ Бѣльскій описываетъ жизнь козаковъ этого времени въ слѣдующихъ подробностяхъ.

«Эти посполитые люди обыкновенно занимаются на Низу Днѣпра ловлею рыбы, которую тамъ же, безъ соли, сушатъ на солнцѣ и тѣмъ питаются въ теченіе лѣта, а на зиму расходятся въ ближайшіе города, какъ-то: Кіевъ, Черкасы и другіе, спрятавши

¹⁾ Мельникъ, Мемуары южной Россіи, Кіевъ, 1890, I, 101—134.

²⁾ Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1837, августъ, 496.

³⁾ Точныя указанія о первомъ кошестве Кошки не имѣется.

⁴⁾ Величко, II, 320; Грабянка, 25; Лѣтописи Бѣлозерскаго, 56; Heidenstein, II, 448.

⁵⁾ Историческія пѣсни мал. народа, Кіевъ, 1874, I, 227, 228; По лѣтописи, издавшой Бѣлозерскимъ, послѣ Самойла Кошки у козаковъ вождемъ былъ еще Бородавка, стр. 56.

предварительно на какомъ-нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ укромномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивши тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ на куренѣ, или, какъ они говорятъ, на стрѣльбѣ. Они имѣютъ и свои пушки, частью захваченныя ими въ турецкихъ замкахъ, частью отнятыя у татаръ. Прежде не было такъ много козаковъ, но теперь ихъ набралось до нѣсколька тысячъ человѣкъ; особенно много ихъ увеличилось въ послѣднее время. Они принимаютъ очень часто большую бѣду татарамъ и туркамъ и уже нѣсколько разъ разрушали («burzyli») Очаковъ, Тягинку, Бѣлгородъ и другіе замки, а въ поляхъ не мало брали добычи, такъ что теперь и турки и татары опасаются далеко выгонять овецъ и рогатый скотъ на пастбище, какъ они прежде пасли, также не пасутъ они скота нигдѣ и по той (лѣвой) сторонѣ Днѣпра на разстояніи десяти миль отъ берега. Козаки насъ наибольше ссорятъ съ турками; сами татары говорятъ, что если бы не козаки, то мы могли бы хорошо съ ними жить; но только татарамъ вѣрить не слѣдуетъ: хорошо было бы, чтобы козаки были, но нужно, чтобы они находились подъ начальствомъ и получали жалованье: пусть бы они жили на мысахъ и на днѣпровскихъ островахъ, которыхъ тамъ такъ много и изъ которыхъ нѣкоторые столь неприступны, что если бы тамъ засѣло нѣсколько сотъ человѣкъ, то самое большое войско ничего бы съ ними не сдѣлало. Въ числѣ этихъ острововъ есть островъ, который козаки называютъ островомъ Кохання ¹⁾; лежитъ онъ между порогами, на разстояніи 40 миль отъ Кіева, занимая нѣсколько миль въ длину. Если татары замѣчаютъ, что на этомъ островѣ сторожатъ козаки, то не такъ смѣло переправляются на нашу сторону, потому что съ этого острова можно препятствовать переправѣ татарскаго войска черезъ кременецкій и кучманскій броды ²⁾, которыми оно обыкновенно къ намъ переправляется. Недалеко отъ этого острова есть другой, называемый Хортицею, тотъ самый, на которомъ передъ этими Вишневецкій жилъ и татарамъ очень вредилъ, такъ что они не смѣли черезъ то такъ часто къ намъ вторгаться; нѣсколько ниже этого острова въ Днѣпръ впадетъ рѣка Тисме-

¹⁾ Къ этому названію подходитъ Кухаревъ островъ, который лежитъ между порогами и выше острова Хортицы: Эварницкій, Вольности зап. коз., 72.

²⁾ Кучманъ-шляхъ, шедшій черезъ правые притоки Буга Саврашъ, Кодыму и Кучманъ мимо Барако-Львову: Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, I, 55.

ница, на 44 мили отъ Кіева ¹⁾. Есть и третій такой островъ, который называется Томаковка, на которомъ больше всего проживаютъ («mieszkiwaia») низовые козаки, такъ какъ онъ служитъ для нихъ самымъ крѣпкимъ замкомъ; противъ него впадаютъ въ Днѣпръ двѣ рѣки Тысменъ и Фесынъ, вытекающія изъ Чернаго лѣса ²⁾. Есть тамъ не мало и другихъ меньшихъ острововъ, и если бы на нихъ построить замки и осадить населенія, то татары не посмѣли бы такъ часто врываться къ намъ, но мы почему-то нашли лучшимъ защищаться отъ нихъ у Самбора. Водю такъ же имъ (козакамъ) ничего нельзя было бы сдѣлать, потому что съ моря никакія галеры и боты не могутъ пройти въ Днѣпръ по причинѣ пороговъ, которымъ самъ Господь Богъ опредѣлилъ тамъ быть, и если бы не это обстоятельство, то турки давно бы навѣстили этотъ край (nawiedzili): козаки же такъ свыклись съ этою мѣстностью, что проходятъ пороги въ своихъ кожаныхъ лодкахъ, которыя они называютъ чайками и на которыхъ спускаются внизъ и встаскиваютъ противъ теченія на веревкахъ вверхъ. Въ такихъ самыхъ лодкахъ Русь въ прежнее время причиняла вредъ греческому императору, подплывая иногда къ самому Константинополю, какъ о томъ пишетъ греческій историкъ Зонара. Пожалуй, и теперь козаки такъ поступили бы, если бы ихъ было много. Потому-то турки и хотятъ, чтобы этотъ край оставался пустымъ и незаселеннымъ, чрезъ что они могли бы безопасно оставаться въ Царьградѣ. Былъ въ этихъ краяхъ раньше, въ Бѣлоградѣ, большой портъ, изъ котораго до самаго Кипра пшеницу съ Подоліи возили; теперь чрезъ тотъ городъ, сухимъ путемъ на Очаковъ къ Москвѣ ходятъ только караваны. Изъ Бѣлограда пролегаетъ широкая дорога, на которой козаки часто турецкихъ купцовъ разбиваютъ и, если хотятъ добыть языка, то добываютъ его скорѣе всего именно тамъ. Если бы мы захотѣли привести въ порядокъ козаковъ, то это легко можно было бы сдѣлать,—нужно принять ихъ на жалованье и построить города и замки по самому Днѣпру и по его притокамъ, что весьма легко сдѣлать, такъ какъ и деревья, и лѣса на островахъ имѣются весьма достаточно,—было бы лишь къ тому желаніе; объ этомъ

¹⁾ Не въ XVII, ни въ XVIII вѣкѣ не встрѣчается съ такимъ названіемъ рѣчки ниже Хортицы: Эварипцкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, 122.

²⁾ Этихъ рѣкъ также не имѣется ни на какихъ планахъ ни XVII, ни XVIII вѣка.

очень мудро говорилъ Янъ Орышовскій, который долгое время былъ у козаковъ гетманомъ и очень хорошо изучилъ тѣ мѣста; онъ взялся бы за это дѣло и выполнилъ бы его непременно»¹⁾.

На основаніи высказаннаго желанія Бѣльскимъ о необходимости построенія на Нишѣ Днѣпра постоянной крѣпости противъ Татаръ, слѣдуетъ думать, что и въ это время, т.-е. въ 1574 году, все еще не было постоянной Сичи на Днѣпрѣ, и козаки только временно «мѣшкали» на островѣ Томаковѣ, хотя уже и закладывали основаніе для постоянного существованія своей столицы.

Въ 1575 году козаки предприняли походъ на Крымъ. На этотъ разъ ими предводительствовалъ князь Богданъ Михайловичъ Ружинскій, родомъ изъ Ружина, владимірскаго повѣта, славный потомокъ Гедимина, литовскаго великаго князя²⁾. «мужъ сердца великаго» (*maż serza wielkiego*), какъ называетъ его Напроцкій, популярнѣйшій вождь между козаками, извѣстный у нихъ и у нѣкоторыхъ изъ польскихъ историковъ подъ простымъ прозвищемъ Богданка. «Презрѣлъ онъ богатства и возлюбилъ славу защиты границъ. Оставивъ временныя земныя блага, претерпѣвая голодъ и нужду, стоитъ онъ, какъ мужественный левъ, и жаждетъ лишь кровавой бесѣды съ невірными». Такъ характеризуетъ князя Богдана Ружинскаго польскій геральдикъ Напроцкій въ своемъ сочиненіи «*Ranosa to jest Wyslawie ranow ruskiech*». Князь Богданъ Ружинскій³⁾ сдѣлался извѣстнымъ сперва какъ начальникъ польской козацкой милиціи, охранявшей границы польской республики. Увидѣвъ общность интересовъ какъ пограничныхъ, такъ и низовыхъ козаковъ, Богданъ Ружинскій перешелъ къ низовымъ козакамъ, и тутъ имя его, какъ смѣлаго и мужественнаго вождя, скоро сдѣлалось извѣстнымъ и въ далекой Москвѣ: «Изъ Москвы государь прислалъ на Днѣпръ, къ головѣ, князю Богдану Ружинскому и ко всемъ козакамъ днѣпровскимъ съ вели-

¹⁾ *Kronika Marcina Bielskiego*, Sanok, 1856, III, 1358—1360; о томъ же Александра Гвагинна: *Собраніе историческое Лукомскаго въ летописи Самовидца*, Кіевъ, 1878, 329—332.

²⁾ Г-нъ Новицкій высказываетъ предположеніе, что Богданко Ружинскій послѣдъ и другое имя, Михайлы, по отчеству Евстафѣевича; обыкновенно же его называютъ Богданомъ Михайловичемъ: *Кіевская старина*, 1882, II, 83; *Историческія пѣсни малорусскаго народа*, I, 166.

³⁾ *Князья Ружинскіе*: *Кіевская старина*, 1882, II, апрѣль, 59—84; *Bielskiego*, *Kronika*, Sanok, 1856, III, 1367.

кимъ своимъ жалованьемъ и съ приказомъ къ нимъ: если вамъ надобно въ прибавку козаковъ, то я къ вамъ пришлю ихъ, сколько надобно, и селитру пришлю и запасъ всякій, а вы должны идти весною непременно на крымскіе улусы и на Козловъ. Голова и козаки взялись государю крѣпко служить и очень обрадовались государственной милости. Ханъ, услышавъ эти вѣсти, созвалъ на совѣтъ князей и мурзъ и сталъ говорить: «Если козаки придутъ, то они прежде всего возьмутъ Бѣлградъ да Очаковъ, а мы у нихъ за хребтомъ, но князья и мурзы отвѣчали на это: Если придетъ много людей на судахъ, то города не остановятъ ихъ; вѣдь козакъ—собака: когда на нихъ приходятъ турецкіе стрѣльцы и на корабляхъ, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ» ¹⁾).

Богданко воспользовался случаемъ, когда татары, въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1575 года, по повелѣнію султана Амурата, мѣстнаго Польши за помощь Сверчовскаго Пшонѣ, бросились, въ числѣ 11.000 человекъ «на Русь», произвели въ ней страшные пожары, захватили множество христіанъ въ плѣнъ и потнали ихъ на переправу къ Днѣстру ²⁾). Съ отборною дружиною неустрашимыхъ козаковъ Богданко ворвался въ татарскія владѣнія за Черкесомъ, опустошилъ страну огнемъ и мечомъ, освободилъ много христіанскихъ плѣнниковъ изъ неволи, а пойманныхъ туземцевъ предавалъ лютейшей казни: козаки Богданка мужчинамъ выкалывали глаза, женщинамъ рѣзали груди, дѣтей безжалостно убивали ³⁾). Послѣ похода на Крымъ Богданко съ низовыми козаками пустился въ открытое море и, приставая къ берегамъ Малой Азіи, бралъ турецкіе города и истреблялъ въ нихъ жителей. Такъ, онъ взялъ Трапезонтъ и вырубилъ его населеніе, потомъ овладѣлъ Синопомъ и разрушилъ его до основанія, послѣ чего подходилъ даже къ Константинополю и «взялъ подъ нимъ многія корысти» ⁴⁾). Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ этого запорожскіе козаки вспоми-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 31.

²⁾ Мельникъ, Мемуары южной Руси, Кіевъ, 1890, I, 136. По словамъ Бѣльскаго, поводомъ къ походу Богданка на Крымъ было вторженіе татаръ за Днѣпръ и захватъ ими въ мѣстности возлѣ Спаявы до 50.000 человекъ христіанъ въ плѣнъ: Kronika, Sanok, 1856, III, 1366.

³⁾ Мельникъ, Мемуары южной Руси, Кіевъ, 1890, I, 136.

⁴⁾ Грбянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 22. То же говорятъ и Гваглицъ: Собраніе историческое Лукомскаго, 349, 350.

нали о славныхъ походахъ Богданка и грозили повторить снова подобные походы на Крымъ ¹⁾. Возвратившись съ моря, Богданко въ 1575 году предпринялъ походъ на турецкую крѣпость Асламъ-городъ, построенную турками для прегражденія выхода козакамъ въ устье Днѣпра и въ Черное море, и обрушился на нее съ такой силой, что отъ нея не осталось и слѣдовъ никакихъ, зато тутъ же, во время штурма замка самъ погибъ при взрывѣ крѣпости подкопомъ на воздухъ ²⁾. О причинѣ такого фанатическаго озлобленія Богданка противъ мусульманъ ни польскіе, ни малорусскіе историки не говорятъ,—говорить лишь народная дума о Богданкѣ, указывая на плѣненіе татарами жены и убіеніе матери его:

«Ой Богдане, запорожскій гетьмане,

Та чому жъ ты ходишь въ чорнимъ оксамити? ³⁾

Гей, були жъ у мене гѣсти, гости татарове,

Одну личку почували;

Стару пеньку зарубали

А мыленьку собі взяли! ⁴⁾.

Всѣ изложенныя дѣйствія козаковъ произошли въ тотъ періодъ времени польской исторіи, который носитъ названіе «междоцарствія» (1574—1576), когда изъ Польши бѣжалъ Генрихъ Анжуйскій и вмѣсто него потомъ выбранъ былъ король Стефанъ Баторій (1576—1586), даровитый вождь, политикъ и администраторъ своего времени.

Принявъ въ свои руки управленіе Рѣчи-Посполитой, Стефанъ Баторій между другими вопросами внутренней политики встрѣтился и съ вопросомъ о козакахъ. Но при всѣхъ своихъ административныхъ и государственныхъ способностяхъ Баторій не придухалъ въ этомъ вопросѣ ничего новаго противъ своихъ предшественниковъ, и его отношенія къ козакамъ противорѣчатъ одно другому: то онъ грозитъ въ конецъ истребить козаковъ за ихъ

¹⁾ Волыко, Лѣтопись, Киевъ, 1851, II, 380; Грабянка, 21, 260, 349.

²⁾ Niesiecki, Korona polska, 1740, III, 898; Kronica Marcina Bielskiego, Sapon, 1856, III, 1267; Ваутишъ-Каменискій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, I, 124.

³⁾ После набѣга татаръ на Украину въ 1575 году, когда взято было въ плѣнъ 35.000 человекъ жителей, послы изъ русскихъ провинцій, по словамъ современнаго историка Оржельскаго, прибыли на сеймъ въ траурной одеждѣ.

⁴⁾ Историческія пѣсни малорусскаго народа, Киевъ, 1874, I, 163.

набѣги на турецко-татарскія владѣнія, то дастъ имъ полное право на существованіе, отказываясь передъ турками тѣмъ, что козаки не зависятъ отъ его власти и состоятъ изъ сброда людей всевозможныхъ народностей. Очевидно, Баторій дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ и его предшественники, примѣнительно къ общему теченію политическихъ дѣлъ.

Тотъ часъ по вступленіи на польскій престолъ Стефанъ Баторій долженъ былъ вести борьбу съ жителями города Гданска (Данцига), которые не хотѣли признать Баторія своимъ королемъ и желали вмѣсто него видѣть на польскомъ престолѣ австрійскаго императора Максимилиана. Тогда Баторій весной 1577 года открылъ войну съ гданщанами, и противъ нихъ дѣйствовалъ Янъ Зборовскій съ поляками и козаками. Козаки и поляки поразили гданщанъ подъ Тичевомъ ¹⁾, при чемъ 4527 изъ нихъ убили, 1000 человекъ полонили, шесть штукъ знаменъ съ собой взяли и кромѣ того большую добычу получили ²⁾.

Одобривъ дѣйствія козаковъ подъ Гданскомъ, Стефанъ Баторій всеѣмъ иначе отнесся къ нимъ за походъ въ Молдавію. Походъ въ Молдавію козаковъ при Стефанѣ Баторіѣ связанъ былъ съ предпріятіемъ нѣкоего Ивана Подковы. По словамъ польскаго лѣтописца Мартина Бѣльскаго, жившаго въ XVI вѣкѣ, это произошло такимъ образомъ.

Между запорожскими козаками жилъ нѣкто Иванъ Подкова ³⁾, по однимъ двоюродный братъ погибшаго въ борьбѣ съ Петромъ Ивоши, по другимъ, простой холодъ ⁴⁾. Узнавъ объ этомъ, волохи, въ концѣ ноября мѣсяца 1577 года, отправили къ Подковѣ, секретно, своихъ посланцевъ, и черезъ нихъ просили его пріѣхать къ нимъ въ качествѣ наслѣднаго владѣтеля Молдавіи и взять въ собственныя руки «батьковщину», доставшуюся ему отъ брата его Ивоши. При этомъ волохи, черезъ тѣхъ же посланцевъ, жаловались на своего господаря Петра за его невыносимыя кривды и за тѣсную связь съ турками, къ которымъ онъ питалъ особенное благоволеніе и многихъ изъ нихъ держалъ при своемъ дворѣ.

¹⁾ Шмидтъ пишетъ «Тчевъ»: Исторія польск. народа, Спб. 1866, II 103.

²⁾ Самовидецъ, 1878, 381; Шмидтъ, Исторія польскаго народа, II, 103.

³⁾ Онъ отличался большою силою и ломалъ подковы, за что и былъ прозванъ Подковою.

⁴⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1956, III, 1430; Heidenstein, Dzieje polskie, Спб., 1857, I, 285.

Подкова благодарилъ пословъ за оказанную ему честь, однако согласился на предложеніе не сразу, а попросилъ сперва у нихъ же самихъ совѣта, какимъ бы путемъ ему исполнить ихъ просьбу. Послы возвратились назадъ, и скоро послѣ этого Подковѣ присланы были два письма, со множествомъ печатей знатнѣйшихъ волонскихъ бояръ, одно для передачи кіевскому всеводѣ князю Константину Острожекому, а другое для передачи барскому старостѣ. Въ этихъ письмахъ бояре усиленно просили всеводѣ дать Подковѣ помощь дойти лишь до Днѣпра, а далѣе они будутъ сами ждать его въ извѣстный день со своимъ войскомъ. Взявъ эти письма, Подкова приѣхалъ съ ними въ городъ Баръ и, вручивъ ихъ старостѣ, вступилъ съ нимъ въ тайную бесѣду. Во время этой бесѣды староста откровенно объявилъ Подковѣ, что онъ радъ былъ бы помочь ему и ничего ему не стоило бы это сдѣлать, но, въ виду существующаго между Польшею и Турціей мира, рѣшиться на это, безъ согласія и приказа короля, не можетъ; зато обѣщаетъ просить о томъ, черезъ письмо, короля, а тѣмъ временемъ совѣтуетъ Подковѣ погостить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ, проживая въ Барѣ, онъ могъ бы выдать себя и тѣмъ поднять тревогу во всей волонской землѣ. Подкова поблагодарилъ за все старосту и уѣхалъ отъ него прочь. Скоро объ этомъ узналъ нѣкто Станиславъ Коньцкій, одинъ изъ пограничныхъ пановъ, который только что вернулся съ поля въ Баръ: онъ явился къ Подковѣ, поздравилъ его съ неожиданнымъ счастьемъ и вызвался помогать ему, по мѣрѣ возможности, въ его дѣлѣ. Подкова усердно благодарилъ Коньцкаго и просилъ его исполнить выраженныя обѣщанія на самомъ дѣлѣ, за что въ свою очередь обѣщалъ щедро наградить его въ томъ случаѣ, если Господь Богъ позволитъ сѣсть ему въ отчизнѣ на престолъ, куда призываютъ его подданные его. Тогда Коньцкій, пользуясь расположеніемъ у козаковъ, съ которыми онъ пребылъ около 20 лѣтъ, отправился къ нимъ со всеми своими деньгами, собранными имъ на службѣ, и роздалъ ихъ между козаками. Коньцкому во всемъ помогали одинъ волонанинъ Чана, который женился въ брацлавской волости и чрезъ то проживалъ въ ней. Благодаръ стараніямъ Коньцкаго и Чаны, возлѣ нихъ собралось 330 человекъ козаковъ, единого отборнаго народа, надъ которыми гетманомъ былъ нѣкто Шахъ. Явившись къ Подковѣ, козаки ворвались въ волонскую землю: но, услышавъ о томъ, что полков-

скій воевода Петръ выступилъ противъ нихъ съ большою силою и со многими орудіями, какихъ у нихъ самихъ не было, повернули, запаслись живностью, назадъ, рѣшивъ попытать счастья въ другой разъ. Тѣмъ временемъ волешскій господарь Петръ, узнавъ о происшедшемъ, послалъ турецкаго чауша къ галицкому каштеляну, возвращавшемуся къ этому времени отъ турецкаго султана, послѣ заключенія мирнаго союза, съ жалобой на то, что, вопреки условіямъ мира и союза, козаки снова опустошаютъ султанскія владѣнія и добиваются посадить на волонскомъ господарствѣ нѣкоего Подкову. Господарь требовалъ отъ галицкаго каштеляна написать польскому королю письмо о томъ, чтобы онъ поскорѣе помѣшалъ этому, изловилъ и наказалъ по закону Подкову, а надъ всѣми козаками учинилъ бы расправу, въ противномъ случаѣ грозилъ гнѣвомъ и немилостью турецкаго султана. Все это каштелянъ галицкій досконально вылилъ королю. Короля это очень обезпокоило, и онъ немедленно послалъ своего коморника съ письмами къ коронному гетману, а также къ нѣкоторымъ русскимъ панамъ, чтобы они постарались поймать Подкову и всѣхъ сообщниковъ его. Послѣ этого гетманъ выславъ три роты, надъ которыми поставилъ старшимъ своего слугу Боболецкаго. Боболецкій направился въ городъ Немировъ, гдѣ находился раньше того Подкова, и дѣйствительно засталъ его въ Немировѣ. Но Подкова во-время узналъ объ этомъ и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ 50 человекъ пѣшихъ козаковъ съ рушницами. Достигши какого-то брода, Подкова сталъ въ водѣ конямъ по брюхо и выставилъ впереди себя стрѣльцовъ. Когда Боболецкій подъѣхалъ къ броду и замѣтилъ, на сколько Подкова выбралъ трудное для стычки мѣсто, то, повернувъ назадъ, поѣхалъ въ Немировъ. Вслѣдъ за нимъ, въ тотъ же Немировъ, поѣхалъ и Подкова— Боболецкій въ замокъ, а Подкова тайно прямо въ городъ. Прибывъ въ Немировъ, Боболецкій потребовалъ у начальника той части города, гдѣ скрылся Подкова, выдачи его, но получилъ отъ начальника города отвѣтъ: «Выдать тебѣ я его не могу, но и не защищаю его; возьми его самъ, если сможешь». Тогда Боболецкій удался прочь, ничего не сдѣлавъ съ Подковой. Послѣ этого коронный гетманъ донесъ королю, что застигнулъ Подкову въ Немировѣ, но памѣстникъ брацлавскаго воеводы (Янъ Збаражскій) отказался его выдать. Король немедленно послалъ своего коморника къ воеводѣ съ приказаніемъ выдать Подкову. Но пока королев-

скій коморникъ прїѣхалъ въ Немировъ. Подкова уже успѣлъ со-
браться и сдѣлать набѣгъ на волошскую землю. На помощь къ нему
явился гетманъ Шахъ, который взялъ съ собою 600 человекъ ко-
заковъ, а 400 человекъ оставилъ на Низу: онъ вышелъ на шляхъ,
называемый Пробытымъ, и привѣтствовалъ Подкову какъ волош-
скаго господаря, приказавъ бить передъ нимъ въ кожаные бубны.
Козаки провели Подкову до Сорокъ, гдѣ чернь принимала его
какъ своего господаря. Между тѣмъ молдавскій господарь Петръ,
узнавъ о всемъ случившемся, сталъ готовиться къ бою противъ
Подковы, и когда козаки подошли къ Яссамъ, то Петръ выстроилъ
значительное войско, поставивъ на переднемъ флангѣ своей рати
турокъ, числомъ до 500 человекъ, вооруженныхъ стрѣльбами.
Это обстоятельство тотчасъ же замѣтили козаки и выстроились
такъ, что вражескіе выстрѣлы не причиняли имъ никакого вреда.
Тутъ кто-то пустилъ молву, будто между козаками былъ человекъ,
который умѣлъ заговаривать ружейными пули: въ дѣйствитель-
ности же это происходило отъ того, что когда враги подносили
къ орудіямъ фитили, то козаки, замѣтивъ дымокъ, тотчасъ же
падали на землю и такимъ образомъ дѣлались неуязвимы отъ
выстрѣловъ. Турки, полагая, что козаки побиты, ринулись на нихъ
цѣлою массой, но тѣ, сорвавшись съ мѣстъ, бросились на нихъ
со всею силой и встрѣтили враговъ такимъ сильнымъ огнемъ изъ
рушницъ, отъ котораго у неприятелей тотъ же часъ пало 300
коней, а остальные разбѣжались по сторонамъ. Потерпѣвъ пер-
вое пораженіе, господарь Петръ, вмѣсто того, чтобы приказать
своимъ людямъ идти въ атаку, велѣлъ имъ отступать и, не воз-
вращаясь въ Яссы, повернулъ къ низовымъ землямъ брата своего,
мультанскаго господаря, а оттуда отправилъ пословъ къ турец-
кому султану съ жалобой на козаковъ, подданныхъ польскаго
короля, за то, что они вытѣснили его изъ его собственныхъ вла-
дѣній и передали ихъ другому. На такую жалобу турецкій сул-
танъ отвѣчалъ господарю такъ: «Я считаю тебя моимъ поддан-
нымъ и посадилъ тебя для того, чтобы ты служилъ мнѣ тамъ,
гдѣ былъ ни приказалъ, а ты вмѣсто того требуешь отъ меня службы;
теперь я приказываю тебѣ выгнать негоднаго человека, и если
ты этого не сдѣлаешь, то я сниму тебѣ голову, а вмѣсто тебя
посажу другого господаря». Тѣмъ временемъ Шахъ съ козаками
благополучно и безъ урона повелъ Подкову на волошское госпо-
дарство. Козаки вѣхали въ городъ Яссы наканунѣ праздника

св. Андрея 1577 года, и Подкова тотчасъ же выпустилъ на волю всѣхъ плѣнниковъ, бывшихъ въ городѣ, безъ выкупа. Между ними былъ нѣкто Бокъ, шляхтичъ изъ Волыни, проданный туркамъ татарами: на гербѣ его значился бѣлый топоръ на красномъ фонѣ, а сверху желтый крестъ. Потомъ Подкова сталъ раздавать важнѣйшія должности своимъ сподвижникамъ: Шаху поручилъ весь волошскій народъ; Чанѣ—маршалство, начальство надъ войсками и управленіе дворомъ, Копыцкому далъ хотинское буркалабство. Послѣ же всего этого онъ отправилъ къ турецкому султану посла за господарскимъ знаменемъ, но посла его перехватили въ дорогѣ и не допустили дойти до султана. Между тѣмъ, прежній господарь, Петръ, собралъ большое войско и двинулся къ Яссаю. Когда козаки прослышали объ этомъ, то посоветовали Подковѣ не ожидать непріятеля въ замкѣ, а выступить ему на встрѣчу. Подкова послушался совѣта козаковъ, и когда Петръ былъ недалеко отъ Ясса, то Подкова, съ козаками и волошскими народомъ, выступилъ противъ Петра и выстроилъ впередъ козаковъ, желая, чтобы они первые выступили на бой; но козаки, не довѣряя волохамъ, не согласились на то. Тогда Шахъ поставилъ на сторожѣ нѣсколько человѣкъ козаковъ, чтобы они сами убѣдились въ безхитростномъ отношеніи къ нимъ волоховъ: онъ велѣлъ погнать впередъ войска стада лошадей и рогатаго скота, желая тѣмъ сбить непріятельскихъ пѣхотинцевъ съ мѣста, а впереди стада допустилъ выйти турецкими отрядамъ. Все это такъ и случилось, и турки такъ долго гарцонали въ виду войскъ Подковы, что козаки стали терять терпѣніе и начали сами стремиться къ бою. Но Шахъ, желая, чтобы турки еще ближе подѣхали, нѣсколько задержался. Только тогда, когда турки уже были атакованы, Шахъ велѣлъ направить на нихъ ручную стрѣльбу. Результатомъ этой битвы было то, что одна часть войска Петра осталась побитой, а другая обратилась въ тылъ. Козаки, воспользовавшись этимъ, начали стрѣлять скотъ, выставленный Подковой; скотъ же, повернувъ назадъ, началъ давить оставшееся въ живыхъ войско Петра. Стоявшіе на правой рукѣ Подкова и на лѣвой Шахъ скоро замѣтили это и разомъ ударили на своихъ враговъ: они съ такой силой били и сбивали растерявшихся непріятелей, что очень большое число ихъ положили на мѣстѣ: самъ господарь едва успѣлъ, съ остатками войска, спастись бѣгствомъ. Несмотря на такой исходъ битвы, Подкова, однако, очень сомнѣ-

вался на счетъ того, сможетъ-ли онъ удержатъ за собою молдавскія владѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ извѣстія о томъ, что къ Петру шла немалая помощь отъ семиградскаго господаря, брата короля Стефана Баторія, Христофора Баторія, и это дѣлалось по распоряженію самого короля, который былъ большимъ другомъ Петра и желалъ, чтобы за нимъ осталось молдавское господарство. Оттого Подкова выѣхалъ во-время изъ Яссы, захвативъ предварительно въ немъ 14 орудій, самыя цѣнныя вещи и большой запасъ провизіи. Старый хотинскій буркалабъ, котораго Конницкій выгналъ изъ Хотина и который проживалъ по сю сторону Днѣпра, въ имѣніи Якуба Струся, узнавъ о томъ, что Подкова идетъ изъ Яссы, выѣхалъ тайкомъ изъ своего убѣжища, внезапно схватилъ Конницкаго и отдалъ его своимъ стражамъ, а потомъ, выѣстъ съ нимъ, поѣхалъ къ своему господарю, но тутъ натолкнулся на козаковъ, которыхъ выславъ Подкова на встрѣчу Конницкому, чтобы ему было безопаснѣе ѣхать изъ Хотина. Козаки тотчасъ отишли у буркалаба Конницкаго, самого буркалаба разсѣкли на части, не пощадивъ никого и изъ людей, бывшихъ съ нимъ. Приближался къ Сорокамъ, Подкова раздумывалъ, какъ бы ему направиться на низовье Днѣпра: поленъ ѣхать онъ опасался большихъ свѣтовъ, а мимо Немирова боялся гетмана и воеводы брацлавскаго, которые, по приказу короля, усердно старались его поймать. Противъ Подковы вышелъ гетманъ, но видя, что у него очень мало народа, не хотѣлъ на него нападать, разсуждая такъ, что онъ и безъ пролитія крови возьметъ его въ свои руки. Брацлавскій воевода, Янъ Збаражскій, будучи въ Немироу, пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ челоѣкъ козаковъ вмѣстѣ съ ихъ гетманомъ Шахомъ. Тутъ воевода объявилъ имъ о томъ, сколько онъ имѣлъ непріятностей отъ короля, не чувствуя себя ни въ чемъ виноватымъ передъ нимъ, изъ-за Ивана Подковы, котораго козаки вели на молдавское господарство и тѣмъ дали поводъ турецкому султану нарушить миръ. Воевода совѣтовалъ козакамъ посерьезнѣе отнестись къ этому дѣлу и не гнѣвить короля, а Подковѣ рекомендовалъ ѣхать къ королю и оправдать свой поступокъ, завіряя его, что такого рыцаря, какъ Подкова, король приметъ вполне милостиво. Воевода вызвался даже свести Подкову къ коронному гетману, а гетманъ свелъ его къ королю. Козаки передали эти слова Подковѣ, и Подкова охотно принялъ предложеніе и отправился съ воеводой къ гетману, подаривъ

первому 12 орудій, второму — 2 орудія. Гетманъ отослалъ Подкову въ Варшаву, но король принялъ его неблагоприятно и велѣлъ посадить въ тюрьму, надѣть на него оковы и приставить сильную стражу. Узнавъ объ этомъ, турецкій султанъ послалъ къ Баторію своего чауша и черезъ него сталъ требовать выдачи ему Подковы; Стефанъ Баторій и хотя не исполнилъ требованія султана, однако, въ угоду ему, велѣлъ Подковѣ отрубить голову, что и было исполнено въ городѣ Львовѣ въ 1578 году. Польскій король дѣлалъ въ это время приготовленія къ войнѣ съ русскимъ царемъ и потому находилъ нужнымъ обезпечить себя со стороны турокъ, для чего и казнилъ Ивана Подкову.

Послѣ казни Подковы козаки, мсти за гибель его, напали гдѣ-то брата его Александра и съ нимъ снова ударились въ Молдавію и снова выгнали-было Петра изъ княжества. Но на этотъ разъ сами турки разбили козаковъ и многихъ изъ нихъ привели въ Царьградъ, а выставленнаго ими претендента на молдавскій престолъ, Александра, посадили на колъ ¹⁾.

Такая смѣлость со стороны козаковъ объясняется отчасти тѣмъ, что они находили сочувствіе въ своихъ наѣздахъ на турецкія владѣнія со стороны не только простого украинскаго населенія, но даже и знатныхъ польскихъ пановъ. Такъ, пріѣзжавшій въ 1578 году къ польскому королю турецкій чаушъ съ требованіемъ казни Подковы, заявилъ жалобу на брандзавскаго воеводу Яна Збаражскаго и дворянина Филона Кмиту въ томъ, что они содержатъ въ своихъ мѣстностяхъ козаковъ, дѣлаютъ съ ними наѣды на турецкія владѣнія и причиняютъ туркамъ большіе убытки. Такъ какъ по этому поводу предъявлено было отъ Порты новое требованіе, то король Стефанъ Баторій отправилъ особыхъ комиссаровъ съ Яномъ Тарломъ во главѣ къ пизовцамъ съ цѣлью изслѣдованія вопроса объ обидахъ, чинимыхъ козаками татарамъ и туркамъ и съ намѣреніемъ усмиренія козаковъ; но посланные комиссары, послѣ долгихъ споровъ съ козаками, слѣдствія произвести не могли и возвратились ни съ чѣмъ къ королю ²⁾.

Король старался снять съ себя всякую вину за дѣйствія козаковъ и, отправляя весной того же 1578 года своего посла Мар-

¹⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1430—1435, 1440.

²⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1440, 1441; Тоже Гвагиницъ въ собраніи Лукомскаго: Самовидецъ, 1878, 357.

тина Броневскаго въ Крымъ, велѣлъ ему относительно козаковъ говорить такъ: «Если козаки нападутъ на татарскіе улусы, то это будетъ навѣрное безъ нашего вѣдома: мы ихъ не только не желаемъ содержать, напротивъ того, желали бы истребить, но у насъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ столько военной силы, чтобы совладать съ ними. Для достиженія этой цѣли, ханскій посолъ совѣтовалъ намъ, во-первыхъ, запретить украинскимъ старостамъ давать имъ селитру, порохъ, свинецъ и свѣтныя припасы; во-вторыхъ, не позволять козакамъ проживать въ украинскихъ селахъ, городахъ и замкахъ, и, въ-третьихъ, пригласить старшихъ козаковъ на королевскую службу. Попробуемъ, можно-ли ихъ привлечь къ себѣ» ¹⁾.

Не довольствуясь этимъ, Стефанъ Баторій велѣлъ за отправкой посла въ Крымъ, послать универсалъ къ своимъ пограничнымъ старостамъ съ упрекомъ на то, что они дѣйствуютъ заодно съ низовыми козаками, даютъ имъ у себя пристанища и вмѣстѣ съ ними ходятъ въ турецкія владѣнія: «Не впервые уже я убѣждалъ пашовъ старость не скрывать у себя низовцевъ и не снабжать ихъ порохомъ, свинцомъ и свѣтными припасами: но они меня не слушались и тѣмъ навлекли со стороны татаръ опустошительный набѣгъ на пограничныя области. Въ послѣднее время ханскій посолъ прямо указывалъ, что предводители низовцевъ, Шахъ и Арковскій, зимовали одинъ въ Немировѣ, а другой въ Кіевѣ, и при этомъ объявилъ, что никакіе подарки не будутъ достаточны для удержанія татаръ отъ набѣговъ, если козаки не перестанутъ беспокоить ихъ владѣнія. Въ такомъ положеніи дѣла повелѣли мы Константину Константиновичу князю Острожскому, кіевскому воеводѣ, чтобы онъ, исполняя свой договоръ съ перекопскимъ пашею, двинулся къ Днѣпру и прогналъ оттуда разбойниковъ козаковъ, а кто изъ нихъ попадетъ ему въ руки, каралъ бы смертию. Веѣмъ же украинскимъ старостамъ повелѣваемъ содѣйствовать въ этомъ князю Острожскому и также ловить и карать смертию запорожцевъ, когда они разбѣгутся съ низовцевъ Днѣпра» ²⁾. О мѣрахъ, взятыхъ противъ козаковъ, Стефанъ Баторій сообщилъ крымскому хану Махметъ-Гераю: но тутъ же заявилъ, что онъ не увѣренъ, чтобы низовцы, по возвращеніи по-

¹⁾ Кулишъ, Исторія воззоединенія Русн, Спб., 1874, I, 90.

²⁾ Кулишъ, Исторія воззоединенія Русн, Спб., 1874, I, 91.

слашнаго противъ нихъ князи Острожскаго, снова не собрались на Низу, такъ какъ выгнать козаковъ изъ «дикихъ мѣстъ» весьма трудно, тѣмъ болѣе, что имъ покровительствуетъ Москва, въ области которой они нерѣдко и уходятъ, чтобы спастись отъ преслѣдованій поляковъ ¹⁾).

Не смотря на мѣры, взятыя Стефаномъ Баторіемъ, низовцы не переставали чинить походы за Перекопъ, въ татарскія владѣнія и ходить съ новыми претендентами на престолъ въ Молдавію, какимъ былъ Петръ Лакуста — волошанинъ, называвшій себя сыномъ казненаго турками Александра. Апрѣля 17 дня, 1579 года, низовцамъ посланъ былъ особый универсалъ. Въ немъ король, называя козаковъ запорожскими молодцами, говорилъ, что такъ какъ они вступили въ королевскую службу, то обязаны вѣрно служить королю и Рѣчи-Посполитой и во всемъ повиноваться черкасскому старостѣ, подѣ начальствомъ котораго состоятъ; а между тѣмъ они этого не дѣлаютъ и уже въ третій разъ предпринимаютъ походы въ Молдавію, чѣмъ нарушаютъ мирный договоръ Рѣчи-Посполитой съ Турціей. Тутъ же король увѣрялъ, что новый претендентъ на молдавскій престолъ, называющій себя сыномъ Александра, есть обманщикъ и самозванецъ; указывалъ имъ вмѣсто Молдавіи на Россію, куда они могли бы ходить безирепятственно и добывать тамъ большіе славы, чѣмъ въ Молдавіи, и въ заключеніе требовалъ полнаго себѣ повиновенія, въ противномъ случаѣ грозилъ имъ лишеніемъ имущества и жизни ²⁾).

Зная, однако, по опыту, какъ принимались низовыми козаками королевскіе универсалы, Стефанъ Баторій на однихъ угрозахъ не остановился: онъ придумалъ средство обезсилить и сократить число низовыхъ козаковъ посредствомъ сформированія въ Рѣчи-Посполитой такъ-называемыхъ выбранцевъ. Выбранцами названа была пѣхота, составленная, по рѣшенію сейма 1578 года, изъ каждаго двадцати лановыхъ людей по одному человѣку. Выборъ производился въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ и селеніи и непременно по добровольному желанію человѣка. Каждый выбранецъ, изъявившій согласіе на королевскую службу, долженъ былъ обмундироваться на собственный счетъ—имѣть извѣст-

¹⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856. III, 1442.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб. 1878: I, 92, 94.

наго цвѣта платье, рушницу, саблю, топоръ, порохъ, свинецъ, и обязанъ былъ являться въ назначенное мѣсто каждую четверть года къ ротмистру или поручику, зато онъ освобождался отъ всякихъ общественныхъ податей и повинностей въ мирное и въ военное время. Такимъ образомъ, выбранцы не имѣли надобности уходить за пороги, на низовья Днѣпра, въ Великій Лугъ, ради заработка, и тѣмъ увеличивать собой численность низового или вольнаго козачества ¹⁾).

Однако, не смотря на эту мѣру, низовые казаки по прежнему не переставали тревожить татаръ и турокъ своими набѣгами, и въ 1579 году крымскій ханъ, отправляя своего посла къ Стефану Баторію, снова заявлялъ черезъ него жалобу на козаковъ. На эту жалобу король отвѣчалъ тѣмъ, что казаки—люди вольные и потому умирить и наказать ихъ, какъ людей вольныхъ, и трудно, и непристойно, хотя онъ вѣщески будетъ стараться объ удержаніи ихъ отъ набѣговъ на татарскія владѣнія ²⁾). Въ оправданіе своихъ словъ, король разослалъ въ январѣ 1580 года изъ города Варшавы универсалы къ урядникамъ и шляхтичамъ кіевскаго, подольскаго, волынскаго и брацлавскаго воеводствъ съ приказаніемъ ихъ предотвращать «своевольныхъ» людей отъ вторженія ихъ въ турецкіе предѣлы ³⁾).

Довольно холодный тонъ отвѣта польскаго короля крымскому хану по поводу жалобы послѣдняго на козаковъ объясняется самымъ обстоятельствомъ дѣла въ Польшѣ. Въ это время (начиная съ 1579 года), Польша вела такъ-называемую ливонскую войну съ Москвой и потому очень нуждалась въ казакахъ. Во все время ливонской войны казаки помогали полякамъ, взятіемъ возлѣ Полоцка замковъ Краснаго, Великолуцка, Заволочья, Песеля, Усвята, Туровля и Нещорда, подъ начальствомъ Франциска Сука, какого-то Микиты и какого-то Вирули: добывали языковъ при походѣ къ Велику у Двинны и особенно отличились у Стародуба, въ концѣ 1580 года. Въ это же время, по словамъ польскаго лѣтописца Бѣльскаго, низовые казаки, со своимъ гетманомъ Яномъ Орышевскимъ, ворвались въ московскія земли и причинили тамъ большія škody:

¹⁾ Кузишъ, Исторія, I, 93; Шмидтъ, Исторія польск. народа, II, 107.

²⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1836, III. 1440, 1507; Гвагницъ въ собраніи историческомъ Лукомскаго, Самовидецъ, 1878, 357.

³⁾ Архивъ югозападной Россіи, Кіевъ, 1883, ч. III. т. I, 12—14.

они сожгли городъ Стародубъ и съ большою добычею вернулись назадъ ¹⁾).

Возвратившись изъ лигонскаго похода, козаки вновь обратили свое вниманіе на Крымъ, гдѣ въ это время, послѣ смерти Девлетъ-Герая, воцарился Магметъ-Герай. Желая предупредить внутреннія междоусобія въ Крыму, Магметъ-Герай обнажилъ мечъ противъ двухъ младшихъ братьевъ своихъ и заставилъ ихъ бѣжать «въ поля». Но въ поляхъ, послѣ долгаго скитанія, царевици изловлены были козаками и доставлены старостѣ черкасскому, князю Михаилу Вишневецкому ²⁾).

Въ 1582 году крымскій ханъ опять повторилъ свою жалобу на козаковъ ³⁾, хотя жалоба эта вызвана была, по догадкѣ польскаго лѣтописца, главнымъ образомъ тѣмъ, что турецкій султанъ собирался въ это время походомъ на Персію, а потому особенно добивался удаленія козаковъ съ низовьевъ Днѣпра. Стефанъ Баторій снова сослался на то, что козаки люди вольные и усмирить ихъ составляетъ большой трудъ. На это ханскій посолъ сказалъ, что если король не усмирить козаковъ, то череконскій царь не станетъ держать перемирія съ королемъ и ворвется въ предѣлы Польши. Услышавъ это, Стефанъ Баторій, послѣ отъѣзда посла, двинулъ 22 роты коннаго войска на Подольскіи для предупрежденія вторженія туда татаръ ⁴⁾).

Но вторженія татары въ Подолію на этотъ разъ не сдѣлали, а козаки въ этомъ же 1582 году напали на возвращавшихся изъ Москвы въ Крымъ ханскихъ пословъ и пограбили ихъ. Тогда ханъ, черезъ своего посла, потребовалъ отъ Стефана Баторія удовлетворенія и объявилъ, что онъ ждетъ отвѣта, сидя на конѣ, и въ случаѣ отказа со стороны короля немедленно вторгнется съ сорока тысячею турокъ въ Польшу. На такую рѣчь король отвѣчалъ, что онъ не отвѣтитъ за козаковъ, такъ какъ между ними столько же татаръ, сколько и другихъ націй людей и что противъ угрозъ хана онъ готовъ выставить собственное войско. И точно, желая предупредить хана, Стефанъ Баторій приказалъ коронному гетману Замойскому собирать войска, и когда гетманъ объявилъ походъ, то къ нему присоединился съ собственными полками и

¹⁾ Kronika Bielskiego, III, 1447, 1449, 1454, 1457, 1460, 1467, 1480.

²⁾ Kronika Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1485.

³⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 152, 155.

⁴⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1507, 1444.

-князь Константинъ Острожскій. Видя такую рѣшимость со стороны польскаго короля, татары не посмѣли сдѣлать нападѣнія на пограничныя польскія владѣнія, хотя уже было и подошли къ Днѣпру и сдѣлали набѣгъ на Подолію ¹⁾).

Для избѣжанія на будущее время столкновенія съ турками и татарами, король вновь приказалъ пограничнымъ стражамъ не допускать козаковъ къ походамъ противъ мусульманъ, но въ половинѣ этого же 1582 года, послѣ такъ-называемаго запольскаго перемирія, объявлено было объ окончаніи войны Польши съ Россіей, во время которой украинскіе козаки принимали такое дѣятельное участіе, и тогда масса этого, привыкшаго къ воинѣ люда, стала бросать свои пеленища на Украинѣ и уходить на низовья Днѣпра ²⁾). Король, еще не зная замысла козаковъ, особенно расхваливалъ ихъ за подвиги во время польско-русской войны и въ 1583 году рекомендовалъ раднымъ панамъ козаковъ какъ людей, показавшихъ особыя доблести, которымъ и грядущія поколѣнія должны удивляться: «нужно,—говорилъ король,—чтобы на нихъ обращено было особенное вниманіе» ³⁾).

А между тѣмъ козаки, собравшись на низовьяхъ Днѣпра и войдя въ соглашеніе съ пограничною шляхтой, въ томъ же 1583 году бросились въ Молдавію и опустошили ее, а потомъ вторглись въ турецкія владѣнія и тутъ взяли крѣпость Ягорлыкъ и разграбили городъ Тягинь. Король, узнавъ объ этомъ, приказалъ пограничному войску ловить козаковъ и заключать ихъ въ оковы. Козаки, въ свою очередь, увѣдомясь о королевскомъ приказаніи, взяли свои жѣры: они прошли кievскимъ воеводствомъ въ предѣлы московскаго государства и спаслись тамъ отъ преслѣдованій, и только часть изъ нихъ была изловлена и поплатилась лишеніемъ свободы, будучи закована въ кайданы ⁴⁾). Послѣ этого Стефанъ Баторій, желая выгородить себя передъ турецкимъ султаномъ за набѣгъ козаковъ, поспѣшилъ извѣстить его, что нападеніе сдѣлано было на турецкіе города людьми своевольными, которые будутъ строго судимы, и взятая ими добыча и отбитыя пушки будутъ возвращены по принадлежности туркамъ. Султанъ былъ

¹⁾ Albetrandy, Panowanie Stephana Batorého, Warszawa, 1823, 222; Kronika Marcina Bielskiego, III, 1512.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polskie, Спб., 1857, II, 361.

³⁾ Albetrandy, Panowanie Stephana Batorého, Warszawa, 1823, 387.

⁴⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 32.

полиценъ такою предупредительностью, хотя потребовалъ жестокаго наказанія виновныхъ въ разореніи Тягиня, а также пригрозилъ королю войною на будущее время за подобныя нападенія со стороны козаковъ ¹⁾.

Повторявшіеся изъ года въ годъ набѣги козаковъ на турецко-татарскія владѣнія и оттого постоянныя угрозы со стороны Турціи и Крыма Польскіе давно уже заставляли короля Стефана Баторія предпринять рѣшительныя мѣры противъ козаковъ, и если онъ откладывалъ привести козаковъ къ строгой дисциплинѣ, то дѣлалъ въ этомъ случаѣ уступку обстоятельствамъ и нуждамъ республики.

Всѣ малороссійскіе лѣтописцы причисляютъ приведеніе козаковъ «въ лучший порядокъ» королю Стефану Баторію и относятъ это къ 1576 году ²⁾, тогда какъ польскіе лѣтописцы XVI вѣка или совсѣмъ не говорятъ объ этомъ, или же ограничиваются одними только намеками, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, въ своей хроникѣ Бѣльскій. Подъ 1578 годомъ онъ сдѣлалъ замѣтку всего лишь въ двѣ строчки, что король Стефанъ Баторій успокоилъ страну отъ турокъ, татаръ и козаковъ, которыхъ нѣсколько подтянулъ, поставивши надъ ними гетманомъ Орыншевскаго изъ герба Правдича ³⁾. Такой же неясный намекъ даетъ въ своемъ универсалѣ, апрѣля 17 дня, 1579 года, и самъ король Стефанъ Баторій по поводу нападенія козаковъ на Молдавію съ Петромъ Лакустою: «Такъ какъ вы (козаки) вступили въ нашу службу, то обязаны вѣрно служить намъ и Рѣчи-Посполитой» и проч. ⁴⁾. Оттого современные историки и изслѣдователи Малороссіи ставятъ регуляцію козаковъ, произведенную Стефаномъ Баторіемъ, подъ различными годами, но вѣроятнѣйшею кажется догадка, относящая это дѣло къ 1583 году ⁵⁾. Что козацкой регуляціи не было въ 1576 году, это видно изъ приведенной выше инструкціи, какую давалъ Баторій своему послу Броневскому, ѣхавшему въ Крымъ въ 1578 году: въ ней король велѣлъ сообщить Магметъ-Герая, что онъ,

¹⁾ Kronika Bielskiego, III, 1516; Albetrandy, Panowanie Stephana Batorého, Warszawa, 1923, 237—239.

²⁾ Лѣтопись Грабянки, 1854, 21, 22; Собраніе историческое Лукомскаго въ лѣтописи Самовидца, 1878, 349; Сбѣрипкъ лѣтописей, Кіевъ, 1888, 3; Ригельманъ, Лѣтопись, I, 25.

³⁾ Kronika Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1441.

⁴⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Русь, Спб., 1874, I, 94.

⁵⁾ Кіевская старина, 1884, сентябрь, 45.

по совѣту самого же хана, поныгаются привести въ порядокъ козаковъ, но что выйдетъ изъ того, самъ не знаетъ. Также есть основаніе думать, что и въ 1581 году такой регуляціи у козаковъ еще не было, потому что пойманныхъ въ это время въ дикихъ поляхъ двухъ крымскихъ царевичей, бѣжавшихъ отъ хана Магметъ-Герал, козаки предали въ руки старосты черкаскаго, князя Михаила Вишневецкаго, тогда какъ, при существованіи отдѣльнаго козацкаго уряда, они должны были бы передать ихъ въ руки собственнаго начальства. Подлинной грамоты о козацкой реформѣ не сохранилось, но она приводится въ универсалѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, писанномъ въ 1655 году и самимъ универсаломъ относится къ 1576 году. Сущность же реформы приводится у всѣхъ малороссійскихъ лѣтописцевъ то короче, то сокращеннѣе, но въ общемъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же.

Въ 1576 году король польскій Стефанъ Баторій, видя у козаковъ большую противъ турокъ и татаръ храбрость и отвагу, привести ихъ въ лучшій порядокъ: опредѣлилъ имъ гетмана и старшину, даровалъ знамя, булаву, бунчукъ и печать съ войсковымъ гербомъ, на которой изображенъ рыцарь съ мушкетомъ на правомъ плечѣ, съ лѣвою рукою, упертою въ лѣвый бокъ, съ саблею у того же лѣваго бока и съ рогомъ для ношенія огнестрѣльнаго пороха и съ перекривленнымъ козломъ на головѣ; кромѣ того, послѣ гетмана король назначилъ имъ обознаго, двухъ судей, писари, двухъ асауловъ, войскового хорунжаго и войскового бунчукаго, полковниковъ, полковыхъ старшинъ, сотниковъ и атамановъ; не далъ только король пушекъ козакамъ, потому что козаки, разоряя турецкіе и татарскіе города и крѣпости, сами достали себѣ пушки. Устроивши козаковъ, король повелѣлъ имъ быть на стражѣ противъ татаръ во всей готовности около днѣпровскихъ пороговъ: разуждая же объ ихъ храбрости, онъ съ предсказаніемъ замѣтилъ, что будетъ отъ тѣхъ юнаковъ когда-то Рѣчь-Посполитая вольная. Въ одно время съ этимъ король учредилъ и запорожскимъ козакамъ конешоваго атамана и всю ихъ старшину и пожаловалъ, какъ и гетману, войсковые клейноты, только къ печати ихъ передъ рыцаремъ прибавилъ стоящее копье, знаменующее бодрствующаго воина. Кромѣ всего этого, помимо стараго кладового ¹⁾ козацкаго города Чигирина далъ еще низовымъ казакамъ

¹⁾ То-есть, города, въ которомъ складывали артиллерію и продовольствіе.

для пропитанія городъ Терехтемировъ съ уѣздомъ и монастыремъ для пребыванія въ немъ больныхъ и на войнѣ раненыхъ. И всѣмъ козакамъ, какъ городовымъ, такъ и запорожескимъ, назначилъ жалованье по червонцу въ годъ и по кожуху, чѣмъ козаки долгое время были очень довольны¹⁾.

Такъ рассказываетъ о козацкой реформѣ, произведенной королемъ Стефаномъ Баторіемъ, одинъ изъ малороссійскихъ лѣтописцевъ. Подробнѣе объ этомъ излагается въ грамотѣ короля Стефана Баторія, помѣщенной 1576 годомъ, данной на имя кошевого атамана Павлюка, приведенной потомъ въ универсалѣ гетмана Богдана Хмельницкаго.

«Богданъ Хмельницкій гетманъ обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожескихъ. Намъ, намъ генеральной старшинѣ, полковникамъ, полковой старшинѣ, сотникамъ, атаманамъ и чернѣ всего воевска украинскаго и всякой кондиціи людемъ такъ же кому бѣ о семъ теперь и впотомніе часы видать, надлежало объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ, ижъ атаманъ кошовій воевска низового запорожескаго панъ Демянъ Барабанъ въобщѣ (=обще) зетаршиною воевскою и атаманами курѣнными подожжи переднами грамоту наиленѣйшаго короля польскаго Стефана Баторія в року 1575 мѣсяца августа 20 дня на прошеніе антецессора нашего гетмана Якова Богданка и кошового низового запорожескаго воевска Павлюка данную, якої (=въ якої) королевской грамотѣ написано, ижъ его королевская мощь, видячи козаковъ запорожескихъ до его королевскаго маестату ричливую прихильность и ричарскіе отважніе служби, которыми завжди (=всегда) великіе бусурманскіе погромляючи сили, гордое ихъ прагненіе (=жажду) на кровь христіанскую до конца затлумити и панцеку ихъ на корону полскую и на народъ благочестивій украинскій ричающую, замкнули и входъ въ Польшу и Украину заступили и всѣ ихъ нещетніе силы и нагліе на народъ христіанскій набѣги грудны своими сперли: якіе ихъ служби нагорожаючи и дабы имъ воевска запорожескаго козакамъ для зѣмовыхъ станцій гдѣ было прихильность (приставище) мѣти, также отъ неприятели раненихъ своихъ заховувати и лѣчити, въ другихъ долегающихъ (настоятельныхъ) нуждахъ отпочинокъ мати (имѣти) и всякой пожитокъ ку волѣ своей забираты, а чтобъ также и напередъ заохочени были зич-

¹⁾ Лукомскій, Собраніе историческое: Самовидецъ, Кіевъ, 1878, 340.

живо въ войску служиты и противъ непріятелей отчины своей охото и неомилно отпоръ чиниты,—надаеть его королевская моєць козакамъ нмзовымъ запорожскимъ векуисте (вѣчно) городъ Терехтемировъ змонастиремъ и перевозомъ, опрочъ (кромѣ) складового старинного ихъ запорожскаго города Чигрина и оттого города Терехтемирова на низъ понадъ Днѣпромъ рѣкою до самого Чигрина и запорожскихъ стеновъ, ку землямъ чигринскимъ подоймилыхъ, всѣ землѣ и со всѣма на тихъ земляхъ насаженими мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу в Днѣпрѣ ловлями и иными угоди: а виширь отъ Днѣпра на степь, якъ тихъ мѣстечокъ, селъ и футоровъ землѣ (=земли) здавна находились, и теперь такъ ся тое в ихъ завѣданьи маєть заховаты: городокъ старѣишій же запорожскій Самаръ сперевозомъ и землями втору Днѣпра по рѣчку Орель, а виизъ до самихъ стеновъ нагайскихъ и крихевыхъ, а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровій и Боговій, якъ изъ вѣковъ бивало по очаковскіе плуєи, и въ гору рѣки Богу по рѣчку Синюху: отъ самарскихъ же земель черезъ степь до самой рѣки Дону, где еще за гетмана козацкаго Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожскіе свои зѣмловичи мѣтали (имѣли). И же би тое все непорушно во вѣки при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская моєць тоею грамотою своею козакамъ запорожскимъ укрѣпилъ и утвердилъ и просилъ онъ панъ кошовій запорожскій Барабашъ совѣять войскомъ запорожскимъ и нашего на тое гетманскаго унѣверсалу прекладають жалобу, же чрезмногіе перешедшіе года отвойни статарами, турками, волохами, а на остатокъ и зляхами войско запорожское виѣ вещь наруйновалось и о такихъ утискахъ всѣ оніе ихъ городки и землѣ зрукъ у ихъ вицуплени що не тулю коней своихъ, но якихъ въ войску служатъ, але и себѣ чимъ прокормить сего не мають: мы теди Богданъ Хмелиницкій гетманъ хотя и удалялись оттакого войска запорожскаго просби, вѣдаючи ихъ и самихъ отстародавнихъ королей полскихъ привилегіями утощенихъ и особливѣ кѣлиоти и армату войсковую маючихъ, ноже ми отвсего воеска и народа украинскаго поўбонихъ сторонамъ Днѣпра далеко разшираючогось намъ врученую моєць и владзу якъ ввоеску (въ войску), такъ и повесѣхъ городахъ и всѣмъ украинскимъ народамъ диридовать маючи, такъ потой звѣраной владзи нашої на тую просьбу пана кошового и всего войска запорожскаго прихилияючись тими всѣми городами, мѣстечками, селами и хуторами и зихъ всякими угоди якъ отъ напленѣишого

короля-полского Баторія войску запорожскому надано владѣть и пожитковать стого дозволяемъ и чтобъ тое все непоручио вихъ владѣи во вѣки было симъ нашимъ универсаломъ ствержасмъ проку дхис ануарія є: з бѣлой церкви» ¹⁾).

Взятая въ частности, эта грамота тщательно разобрана была русскимъ историографомъ XVIII вѣка Григоріемъ Миллеромъ и оказалась наполненной позднѣйшими вставками и добавленіями, не соответствующими хронологическимъ даннымъ. Такъ, въ ней говорится о томъ, что за козаками оставленъ былъ ихъ старинный городъ Чигиринъ, по извѣстнымъ документамъ, а именно изъ грамоты Сигизмунда III черкасскому старостѣ Александру Вишневецкому «объ основаніи на пустомъ урочищѣ, называемомъ Чигринъ», извѣстно, что этотъ городъ основанъ въ 1589 году, спустя три года послѣ смерти короля Стефана Баторія ²⁾. Также несвоевременно было пожалованіе королевемъ Стефаномъ Баторіемъ козакамъ и города Самары, такъ какъ этого города въ 1576 году и даже значительно позже этого времени вовсе не было, потому что ѣхавшій въ 1594 году германскій посолъ Эрихъ Ласота по Днѣпру къ запорожцамъ и останавливавшійся въ устьѣ Самары, ни слова не говоритъ о существованіи въ области этой рѣчки города Самари, хотя обо всѣхъ выдающихся мѣстахъ и урочищахъ на всемъ протяженіи своего пути Ласота разсказываетъ съ особенною подробностію и рѣдкою точностію ³⁾. Академикъ Григорій Миллеръ думаетъ, что городъ Самарь запорожцы получили уже при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ. Кромѣ того, странно допустить существованіе зимовниковъ въ Запорожьѣ при гетманѣ Предславѣ Ландскоронскомъ, — существованіе ихъ возможно было лишь при условіи осѣдности козаковъ, а во время Предслава Ландскоронскаго о такой осѣдности не могло быть и рѣчи. Нельзя не обратить вниманія также и на то, что въ этой грамотѣ козаки, жившіе въ малороссійскихъ городахъ, и козаки, жившіе въ низовьяхъ Днѣпра, смѣшиваются въ одно, и центральный городъ первыхъ отдается вмѣстѣ съ тѣмъ и вторымъ, тогда какъ запорожцы не могли доказать своихъ правъ владѣній впо-

¹⁾ Копія универсала хранится въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива главнаго штаба. Дѣла князя Потемкина, опись 194, связка 181, М 1.

²⁾ Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 43.

³⁾ Кіевская старина, 1884, сентябрь, X, 43, прим. 2.

слѣдствіи даже на рѣчку Самарь, не говоря уже о земляхъ выше Самары, а тѣмъ болѣе о мѣстечкѣ Терехтемировѣ, находившемся выше Черкасъ и Бѣлой-Церкви и нѣсколько ниже Кіева. Наконецъ, въ грамотѣ Стефана Баторія, какъ передается она въ универсалѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, указываютъ и на явное противорѣчіе: грамота то даетъ земли козакамъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ они издавна владѣли ими по Днѣпру, то въ позднѣйшихъ границахъ, когда козакъ сосѣднилъ съ татарскими кочевьями ¹⁾.

Подвергая сомнѣнію въ частностяхъ грамоту Баторія, изслѣдователи, однако, не сомнѣваются о произведенной королемъ реформѣ козаковъ.

Сущность этой реформы состояла въ томъ, что король ввелъ на Украинѣ такъ-называемый реестровый списокъ и въ этотъ списокъ приказалъ внести лишь 6,000 человекъ козаковъ: за этими шестью тысячами правительство только и признавало право на существованіе козаковъ, какъ свободнаго сословія, а что было сверхъ этихъ шести тысячъ, то отчислилось отъ козацкаго сословія и поступало въ сословіе людей непослужившихъ. Внесенные въ реестръ 6,000 человекъ раздѣлились на шесть полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій и переяславскій: каждый полкъ подраздѣлялся на сотни, сотни—на околицы, околицы—на роты: при полкахъ ималась земельная съ поселеніями собственность, которая давалась на рангъ или чинъ каждому старшинѣ и оттого носила названіе ранговой земли. Всемъ реестровымъ козакамъ определено было жалованье деньгами и сукинами ²⁾; имъ выданы были особые войсковые клейноты: назначенъ былъ центральный городъ съ монастыремъ, интеллектъ и смежною землею, Терехтемировъ: разрѣшено было имѣть собственный въ городѣ Батуринѣ судебный трибуналъ; объявленъ былъ вѣсто старосты и воеводы особый «козацкій старшій», который обязанъ былъ подчиняться польскому коронному гетману и котораго козакъ обыкновенно называли гетманомъ; послѣ старшаго, остальныхъ старшинъ—полковниковъ, судей, асауловъ, писа-

¹⁾ Миллеръ, Историческія сочиненія, 43; Кіевская старина, 1884, X, 44.

²⁾ Грабянка, Лѣтописъ, Кіевъ, 1854, 21, 22; Краткое описаніе Малороссіи въ лѣтописи Самовидца, 214; Лукомскій, 349; Ригельманъ, 25; Piasceki, Kronika, Krakow, 1870, 52; Вагтышъ-Каменскій, Исторія, I, 124.

рей позволено было козакамъ выбирать самимъ. Реестровые козаки должны были по этой реформѣ содержать особый гарнизонъ въ Терехтемировѣ и кромѣ того караулъ въ 2.000 человекъ за порогами Днѣпра ¹⁾).

Цѣль Баторіевой реформы была двоякая: съ одной стороны король, внося въ реестръ козаковъ, хотѣлъ сдѣлать ихъ послушными своей волѣ и, такъ сказать, обезвредить для государства; а съ другой стороны, давая козакамъ собственную организацію и признавая за ними право на сословное существованіе, король рассчитывалъ воспользоваться ими, какъ боевою и всегда готовою къ походамъ силою противъ вѣрныхъ и страшныхъ непріятелей Рѣчи-Посполитой, татаръ и турокъ. Отсюда едва-ли справедливъ тотъ принятый взглядъ на реформу Баторія въ отношеніи козаковъ, будто бы, признавая права на существованіе 6.000 человекъ козаковъ и выбрасывая за рубежъ остальную массу ихъ, король тѣмъ самымъ хотѣлъ въ будущемъ совсѣмъ уничтожить козачество. Это трудно допустить уже потому, что въ лицѣ козаковъ король Стефанъ Баторій имѣлъ постоянное, а не временное и случайно набранное, войско, которое во всякое время можно было противопоставить мусульманамъ и другимъ врагамъ Рѣчи-Посполитой. Стефанъ Баторій могъ стремиться лишь къ тому, чтобы только обезвредить дѣйствія козаковъ, а не къ тому, чтобы ихъ безслѣдно искоренить.

Для запорожскихъ козаковъ реформа короля Стефана Баторія имѣла то важное и рѣшающее значеніе, что съ нея собственно и начинается отдѣльное существованіе низовыхъ козаковъ: введеніе реестръ, Стефанъ Баторій положилъ начало для раздѣленія южнорусскихъ козаковъ на городскихъ или украинскихъ, иначе называемыхъ реестровыми, и низовыхъ или собственно запорожскихъ козаковъ. Только съ этого времени появляются фактическія указанія на существованіе у низовыхъ козаковъ Сичи, въ смыслѣ ядра или столицы низового товарищества, и кошевыхъ атамановъ, въ смыслѣ главныхъ и ни отъ кого независимыхъ начальниковъ надъ низовымъ войскомъ.

Но помимо раздѣленія южнорусскихъ козаковъ на городскихъ

¹⁾ Въ 1584 году въ луцкомъ замкѣ, въ церкви Іоанна Богослова, сложено было нѣсколько кусковъ сукна, приготовленнаго для козаковъ: Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 14.

и низовыхъ, рѣшительныя мѣры короля Стефана Баторія, принятія имъ для упорядоченія козацкаго сословія, имѣли, подобно люблинской уніи, еще и то значеніе, что увеличили численность низовыхъ козаковъ и дали имъ возможность дѣйствовать съ этихъ поръ смѣлѣе, чѣмъ дѣйствовали они раньше того времени: многіе изъ украинскихъ козаковъ, недовольные распоряженіями короля и не попавшіе въ королевскій реестръ, бѣжали на низовья Днѣпра и, въ качествѣ осадунниковъ, королевской воли, не могли уже возвращаться назадъ въ города Украины и волей-неволей оставались на Низу. Оставаясь же на Низу, они мало-по-малу складывались въ отдѣльныя и небольшія группы, общины или курени, представлявшія на первыхъ порахъ своего рода земледѣльческія общины: курень батуринскій, т.-е. община земляковъ, вышедшихъ изъ Батурина; курень каневскій, т.-е. община земляковъ, вышедшихъ изъ Канева; то же можно сказать о куреняхъ крыловскомъ, переславскомъ, полтавскомъ, уманскомъ, корсунскомъ, казимирыбологскомъ, стеблѣвскомъ, донскомъ и другихъ. Изъ мелкихъ группъ или куреней составилаь потомъ большая единица общины, такъ-называемый «вельможный Конѣ» славныхъ низовыхъ козаковъ». Этотъ Конѣ составляли люди всевозможныхъ народностей, не исключая даже татаръ и турокъ, но преобладающій элементъ составляли южноруссы изъ ближайшихъ къ запорожскимъ степямъ поддѣлѣровскихъ городовъ Черкасѣ, Канева, Крылова, Кіева и другихъ мѣстъ. Приливъ южноруссовъ въ Запорожье, значительно усилившійся со времени люблинской уніи 1569 года, еще больше того усилился со времени козацкой реформы короля Стефана Баторія.

«Такимъ образомъ, запорожское козачество, по замѣчанію спеціальнаго изслѣдователя вопроса о его происхожденіи, возникло подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ самыхъ факторовъ, которые создавали и украинское козачество и хотя вторичность формациі, сопроваждавшаяся нѣкоторыми частными условіями, сообщала запорожской общинѣ особый характеръ, но въ общемъ запорожское козачество было продуктомъ тѣхъ же самыхъ первичныхъ причинъ, что и козачество украинское. Принесенный люблинской уніей въ южнорусскія области новый общественный строй, возвышеніе однихъ классовъ населенія надъ другими, приниженіе и порабощеніе свободнаго населенія степной полосы, заставили это послѣднее искать выхода въ бѣгствѣ; пустыя мѣста за порогами дали пріютъ этимъ

бѣглецамъ, а близость татаръ сдѣлала возможнымъ ихъ независимое существованіе здѣсь, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ брать земельные участки, вслѣдствіе опасности отъ татаръ, лицамъ шляхетскаго сословія не было расчета. Условія мѣста распространенія и сосѣдства татаръ еще частіше опредѣляли быть запорожскаго козачества. Покидавшихъ населенныя мѣста, главнымъ образомъ, въ степной полосѣ и являющихся въ степи за Синюхою и Орелью въ качествѣ колонизаторовъ приходило сравнительно съ обширностью края немного, а татары были непосредственными сосѣдями. Въ силу приспособленія къ условіямъ мѣста, за порогамъ должно было найти примѣненіе своеобразное полукочевое колонизаторство. Такими именно колонизаторами-полукочевниками мы и видимъ запорожскихъ козаковъ въ первое время существованія запорожской общины. Но самымъ первичнымъ факторомъ въ образованіи запорожскаго козачества было сосѣдство татаръ. Запорожское козачество является преимущественнымъ результатомъ столкновенія двухъ различныхъ племенъ, двухъ несходныхъ культуръ: съ одной стороны племени и культуры славянъ, въ частности южноруссовъ, съ другой—племени и культуры тюркской, въ частности кочевыхъ татарскихъ ордъ. Эти племена, пройдя каждое вдали другъ отъ друга свою историческую судьбу и ощутившись теперь сосѣдями, но будучи различны по расѣ, по внутреннему складу, по образу жизни, неминуемо должны были стать по враждебное другъ къ другу отношеніе. Крымскія орды систематически годъ за годомъ производятъ набѣги на южнорусскія земли. Грабежи и опустошенія въ этихъ земляхъ естественно вызываютъ раздраженіе, побуждавшее отплачивать своими утѣшителямъ тѣмъ же. Встрѣтились двѣ враждебныя другъ другу силы: народъ славянскаго корня, осѣдлый и прошедшій уже нѣсколько ступеней культуры, и народъ тюркскаго корня, полукочевой, находящійся на ступени примитивной культуры. Каждая изъ силъ, сильная на свой ладъ, въ борьбѣ другъ съ другомъ пускала въ ходъ тѣ средства, какія были въ ея распоряженіи. Татары ордами набѣгаютъ на южную Русь,—осѣдлая Русь выдвигаетъ для борьбы воинствъ-козаковъ; набѣги татаръ продолжаютъ, и отпоръ, приспособленный къ культурѣ, быту и внутреннимъ порядкамъ, существующимъ въ данное время въ государствѣ, усложняется: въ южнорусской козаччинѣ, въ процессѣ

дальнѣйшаго ея развитія, выдѣляется и складывается въ особый типъ запорожское козачество» ¹⁾).

Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ татарами, запорожскіе казаки въ гораздо большей степени сдѣлали отъ нихъ вещескихъ заимствованій, чѣмъ казаки городовые или украинскіе. Такъ, отъ татаръ запорожцы усвоили себѣ подобныя названія, какъ контъ, атаманъ (правильнѣе одаманъ), асаулъ, толмачъ, чаушъ, чабанъ, бунчукъ, буздыганъ и др. Вместе съ этимъ запорожскіе казаки усвоили себѣ, по примѣру татаръ, бритье головы, кромѣ чубовъ ²⁾, пошеніе восточныхъ шароваръ, широкихъ цвѣтныхъ поясовъ, сафьяновыхъ съ острыми носами сапогъ, вѣскихъ остро-конечныхъ шапокъ, суконныхъ, восточнаго покроя, кафтановъ; научились готовить себѣ брынзу или овечій сыръ ³⁾, пастрѣму или вяленое мясо, бузу или наантокъ изъ кислаго молока и т. п.

Начавши съ роли промышленниковъ, торговцевъ («чумаковъ»), рыболововъ, добычниковъ, низовые казаки постепенно дошли до роли защитниковъ Христовой противъ мусульманства и православной противъ католичества вѣры, и вместе съ тѣмъ охранителей противъ турко-татаръ славянской народности. Уже въ 1610 году запорожскіе казаки говорили о себѣ, что они «съ давнихъ часовъ», заставлялись противъ поганскаго народа за православную вѣру, часто терпятъ здоровье и жизнь свою черезъ войну съ татарами и турками, освобождаютъ изъ неволи народъ христіанскій, доставляютъ много турецкихъ и татарскихъ языковъ и плѣнниковъ на пользу короля, Рѣчи-Посполитой, сенаторовъ и пановъ коронныхъ, для похвалы божіей, милости храмовъ господнихъ и размноженія народа христіанскаго, чѣмъ всегда оказывали и оказываютъ услугу отечеству своему «не дотуючи о здоровьи и животѣ своемъ» ⁴⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ низовые казаки взяли на себя роль защитниковъ вѣры и отечества, они сдѣлались въ глазахъ своихъ со-племенниковъ рыцарями церкви, правды и чести, стали безсмертными въ глазахъ многихъ поколѣній и съ этимъ именемъ вошли на страницы славянской или вообще міровой исторіи.

¹⁾ Кіевская старина, 1884, сентябрь, X, 51—52.

²⁾ Въ Средней Азии, въ Кафирнистанѣ мужчины племени сіякъ-пушъ и теперь брѣютъ себѣ головы, кромѣ круглаго мѣста, около 3 дюймовъ въ діаметрѣ, на теменѣ, гдѣ предоставляютъ волосамъ расти свободно: Виддельфъ, Народы, населяющіе Гиндукумъ, Асхабадъ, 1886, 170.

³⁾ Брынза—любимое кушанье во всѣхъ городахъ Персіи, смежныхъ съ нами въ Закаспійскомъ краѣ.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 59.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Родина Самонла Зборовскаго.—Роль Зборовскихъ при избраніи королей Генриха и Баторія на польскій престолъ.—Преступленіе Самонла Зборовскаго, баначія и замыслы его о прославленіи своего имени и геройскихъ подвиговъ.—Походъ Зборовскаго по Днѣпру и свиданіе съ козаками.—Планы его о походѣ на Молдавію.—Сношенія съ крымскими послами и мысль о походѣ на Персію вмѣстѣ съ турками и татарами.—Отказъ въ этомъ Зборовскому со стороны низовыхъ козаковъ.—Посольство Зборовскаго къ молдавскому господарю и движеніе его по Днѣпру для промысловъ.—Столкновеніе съ татарами и турками низовыхъ козаковъ.—Напрасное ожиданіе на Пройлентѣ шляху вѣстей отъ молдавскаго господаря.—Затруднительное положеніе Зборовскаго въ стѣни, возвращеніе его на родину и казнь по приказу короля Стефана Баторія.

Но какъ ни старался король Стефанъ Баторій о томъ, чтобы упорядочить сословіе козаковъ и сдѣлать ихъ послушными своей волѣ, все же онъ остался безсильнымъ въ этомъ отношеніи, и въ 1583 году низовые козаки предприняли большой походъ подъ предводительствомъ родовитаго поляка, Самонла Зборовскаго, въ запрещенную имъ отъ турецкаго султана и польскаго короля страну—Молдавію.

Самонлъ Зборовскій былъ младшимъ изъ шести сыновей краковскаго канцеляна и состоялъ владѣльцемъ города Злочова, львовскаго уѣзда, въ Галиціи. Находясь при дворѣ польскаго короля Генриха, Самонлъ Зборовскій сразился у воротъ краковскаго замка съ Яномъ Тенчинскимъ и въ пылу гнѣва убилъ канцеляна прижымиськаго Вановскаго, который защищалъ Тенчинскаго, и потому, опасаясь королевскаго суда, бѣжалъ къ трансильванскому господарю Стефану Баторію. Когда потомъ возникъ вопросъ въ Польшѣ о выборѣ короля послѣ бѣгства изъ Польши Генриха анжуйскаго, то всѣ Зборовскіе стояли за Стефана Баторія и содѣйствовали выбору его въ король. Сдѣлавшись королемъ Польши, Стефанъ Баторій облегчилъ положеніе Самонла Зборовскаго тѣмъ, что не казнилъ его смертною казнью, какъ того требовалъ законъ польской республики, а объявилъ его лишь банитомъ, но и то безъ

лишенія чести. Тогда Самонъ Зборовскій, желая заслужить милость короля, сталъ искать случая, чтобы отличиться какимъ-нибудь необыкновеннымъ подвигомъ и вновь приблизиться къ королевскому двору. Обстоятельства дѣль въ Польшѣ и въ Россіи того времени вносили благоприятствовали ему. Въ тѣ поры король Стефанъ Баторій велъ войну съ русскимъ царемъ Иваномъ IV на западной границѣ Россіи, и заодно съ Баторіемъ хотѣли дѣйствовать низовые козаки. Не имѣя у себя общаго вождя, а между тѣмъ населявшіеся много о подвигахъ Самоня Зборовскаго и его замыслахъ, низовые козаки отправили къ нему посланцевъ и черезъ нихъ предложили ему званіе своего «гетмана»¹⁾ и походъ въ юго-восточныя окраины московскихъ владѣній. Самонъ Зборовскій поблагодарилъ «запорожскихъ молодцовъ» за честь и, возвращая назадъ отъ себя посланцевъ ихъ, отправилъ на низовье Днѣпра подарки и деньги для войска. Отпустивъ козацкихъ посланцевъ, Самонъ Зборовскій сталъ готовиться къ выходу и пунктомъ своего похода назначилъ городъ Путивль. Вѣсть о предпріятіи Зборовскаго скоро дошла въ Молдавію и въ Крымъ. Незная истинной цѣли похода Зборовскаго и опасаясь большой бѣды отъ козаковъ, молдавскій господарь и крымскій ханъ Мухаммадъ-Герай послѣдили прислать къ Зборовскому своихъ гонцовъ съ мирными предложеніями: господарь обѣщалъ ему 500 коней, а ханъ—право на молдавское господарство, если только Зборовскій оставитъ свое предпріятіе безъ исполненія. Но Зборовскій весной 1583 года²⁾, въ сопровожденіи гайдуковъ, любимаго повара и многихъ любителей военныхъ приключеній, двинулся въ походъ. Дойдя до города Канева, онъ посадилъ свою дружину въ лодки и пустился внизъ по Днѣпру, а лошадей приказалъ вести сухимъ путемъ, вдоль Днѣпра. Ниже Канева Зборовскаго встрѣтили посланцы отъ козаковъ и привѣтствовали его рѣчью. Принявъ посланцевъ, Зборовскій отпустилъ ихъ въ Сичь съ новыми подарками низовому войску. Проѣзжая мимо Черкасъ, козаки получили приглашеніе отъ старосты черкаскаго замка покинуть Зборовскаго и соединиться съ нимъ, но низовые рыцари нашли такое предложеніе несогласнымъ съ собственною честью и отвѣчали на него полнымъ отка-

¹⁾ Potem był od nizowych kozaków, którzy się zaporożkiiemi molojcy zowić, deklarowan za hetmana.

²⁾ По Папроцкому Зборовскій вышелъ въ Запорожье въ 1583 году, а по Ибсендскому въ этотъ годъ онъ окончилъ на Запорожьѣ всѣ свои походы.

зомъ. Спускаясь постепенно внизъ по Днѣпру, Зборовскій дошелъ до устья лѣваго притока Днѣпра, Пела, и тутъ на нѣкоторое время остановился съ намереніемъ дожидаться здѣсь пограничнаго старосты, давшаго передъ выступленіемъ Зборовскаго въ походъ свое обѣщаніе содѣйствовать ему при вторженіи въ юговосточные предѣлы россійскихъ владѣній. Но не получивъ никакой помощи отъ старосты, Зборовскій оставилъ свои виды на Путинь и рѣшилъ воспользоваться предложеніемъ крымскаго хана идти вмѣстѣ съ козаками на молдавскаго господаря. Тутъ выступили передъ Зборовскими низовые козаки и предложили ему ѣхать «по ихъ войска». Тогда Зборовскій, оставивъ устье Пела, дошелъ до устья рѣчки Самары, гдѣ нашелъ 200 человекъ «рѣчныхъ» козаковъ съ ихъ атаманомъ, занимавшихся охотой и рыболовствомъ; эти рѣчные козаки, занимаясь звѣроловствомъ, кожи оставляли въ свою пользу, а мясо отправляли за пороги къ жившимъ тамъ козакамъ-воинамъ. Отъ устья Самары Зборовскій вступилъ въ страшные днѣпровскіе пороги и, пройдя четыре первые изъ нихъ, очутился передъ пятымъ, самымъ грознымъ, Пенасытецкимъ, порогомъ, и тутъ неожиданно для себя и для сопровождавшихъ его нѣсколькихъ сотъ поляковъ встрѣтилъ засаду со стороны низовыхъ козаковъ: пригласивъ Зборовскаго въ качествѣ предводителя, козаки вдругъ впали въ подозрѣніе на счетъ истинныхъ плановъ его и воображали себѣ, что онъ идетъ въ Запорожье не съ тѣмъ, чтобы заодно съ ними московскіе города воевать, а съ тѣмъ, чтобы самихъ же козаковъ къ рукамъ прибрать. Понавшивъ въ такую ловушку, Зборовскій съумѣлъ, однако, тотъ же часъ разсѣять ложныя подозрѣнія козаковъ на счетъ его плановъ и доказалъ, что онъ чуждъ всякихъ, враждебныхъ имъ, замысловъ и совершенно готовъ раздѣлить съ ними всю тяжесть боевой жизни. Козаки поддались убѣжденіямъ Зборовскаго и подъ конецъ дали ему 80 человекъ лодчановъ для проведенія судовъ черезъ остальные пять пороговъ Днѣпра. Но тутъ обнаружилось, что нѣкоторые изъ спутниковъ Зборовскаго, увидѣвши во-очію, что значить переправа черезъ днѣпровскіе пороги, не рѣшились дальнѣе слѣдовать за своимъ вождемъ и, выйдя на берегъ, сочли за лучшее возвратиться назадъ. Но самъ вождь не испугался пороговъ и, пройдя послѣдніе изъ нихъ, благополучно присталъ къ большому и великолѣпному острову Хортицѣ, на которомъ до его прихода подвизался знаменитый вождь, князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій.

Дойдя до Хортицы, Зборовскій расположился здѣсь для отдыха и тутъ не разъ видѣлъ, какъ выскакивали въ разныхъ мѣстахъ пустынной степи татарскіе разбѣды и зорко слѣдили за козаками и за тѣмъ, чтобы поживиться отъ нихъ какимъ-нибудь козацкимъ добромъ. Послѣ ночлега на Хортицѣ Самойлъ Зборовскій поплылъ далѣе, но тутъ на его отрядъ налетѣли тучи саранчи, и отъ ея сарада стали пухнуть люди, а отъ ея труновъ, поглощаемыхъ вмѣстѣ съ травой лошадыми, пало нѣсколько коней, слѣдовавшихъ по берегу Днѣпра за вождемъ. Спустившись ниже урочища Микитина-Рога, Зборовскій встрѣтилъ депутацію, посланную ему на встрѣчу отъ козаковъ съ привѣтствіемъ и благими пожеланіями во всемъ предпріятіи его. Зборовскій, выслушавъ рѣчь посланцевъ, благодарилъ войско за оказанный ему почетъ и радостныя привѣтствія, послѣ чего, въ сопровожденіи козаковъ, отправился въ то мѣсто, гдѣ они проживали. То урочище называлось Томаковскимъ островомъ, который на столько былъ обширенъ, что на немъ можно было проживать двадцати тысячамъ людей и немалому количеству коней. На томъ островѣ было большое, обильное рыбой, озеро. Лишь только козаки вышли на берегъ, Зборовскій всѣмъ былъ радостно привѣтствованъ и тутъ же, при ружейной пальбѣ, провозглашенъ гетманомъ. На слѣдующій день, въ присутствіи многочисленнаго собранія козаковъ, на войсковой радѣ, Зборовскій получилъ булаву. Вручая новоизбранному «гетману» булаву, козаки высказали ему, что хотя они очень рады видѣть у себя знатнаго пана начальникомъ своего войска, но выше всего цѣнятъ мужественное сердце и славныя дѣла человека: «много мы слышали о тебѣ отъ сосѣднихъ народовъ и отъ собственныхъ братій,—знаемъ, что Богъ всегда помогаль тебѣ противъ каждаго твоего непріятеля». Въ отвѣтъ на рѣчь козаковъ «гетманъ» отвѣчалъ имъ, что онъ пріѣхалъ въ Запорожье именно для самого дѣла, а не для того, чтобы стремиться къ достиженію власти надъ такимъ мужественнымъ войскомъ, какимъ прославили себя низовые рыцари, что онъ считаетъ себя лишь самымъ младшимъ членомъ всего козацкаго войска и съ охотой будетъ слѣдовать его благоразумнымъ во всемъ совѣтамъ.

Послѣ объявленія Зборовскаго «гетманомъ» низовые козаки осѣдломились о дальнѣйшихъ его планахъ и получили въ отвѣтъ, что, согласно предложенію крымскаго хана, обѣщавшаго предоста- вить Зборовскому молдавское господарство, онъ имѣетъ цѣлью

снести съ ханомъ и потомъ вести козаковъ на Молдавію. Козаки одобрили планъ Зборовскаго, и тогда рѣшено было отправить посольство къ хану. Отправляя посланцевъ къ хану, Зборовскій просилъ черезъ нихъ назначить ему мѣсто для свиданія и переговоровъ съ представителями отъ хана въ какомъ-нибудь укромномъ урочищѣ. Въ отвѣтъ на эту просьбу указано было мѣсто на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ татарскихъ владѣніяхъ Карай-тебень, въ которомъ обыкновенно происходилъ размѣвъ плѣнныхъ между мусульманами и христіанами и которое потому называлось татарскимъ и козацкимъ форумомъ или рынкомъ.

Въ назначенный день Зборовскій выѣхалъ въ Карай-тебень и тутъ встрѣтилъ ханскихъ посланцевъ съ двѣнадцатью богато убранными конями и съ тремя парчевыми кафтанами, присланными для подарка козацкому гетману. Ханскіе послы надѣли на Зборовскаго богатый кафтанъ, назвали его отъ имени своего повелителя сыномъ хана и обѣщали ему молдавское господарство, прося лишь его о двухъ вещахъ—дождаться въ Днѣпрѣ извѣщенія отъ султана и удержать своихъ козаковъ отъ набѣговъ на татарскія селенія.

Уговариваясь съ ханскими послами, Зборовскій высказался передъ ними о томъ, что ему хочется не столько того, чтобы добиться черезъ Мухаммадъ-Герая молдавскаго господарства, сколько того, чтобы получить отъ хана помощь войскомъ и съ нимъ идти къ своему королю Стефану Баторію противъ московскаго царя Ивана. На это Зборовскому отвѣчали, что ханъ съ особенною готовностью исполнитъ бы просьбу козацкаго вождя, но долженъ идти походомъ противъ персовъ по приказанію падишаха. Зборовскій, выслушавъ сообщеніе ханскихъ посланцевъ о предстоящемъ походѣ турокъ и татаръ противъ персовъ и потерявъ надежду быть полезнымъ своему королю, нашелъ нужнымъ, не переговоривши о томъ предварительно съ козаками, предложить свои услуги турецкому султану для похода въ Персію. За услуги султану онъ ничего не просилъ, а требовалъ лишь со стороны крымскаго хана полной неприкосновенности своей личности, для чего просилъ прислать въ условленное мѣсто особаго поручителя («му-сталика»), который бы поклялся о томъ, что козацкій вождь во все время своего пребыванія съ татарами не будетъ никакими средствами изведенъ ими. Условившись о мѣстѣ и о времени для свиданія съ ханскимъ поручителемъ, Зборовскій благополучно

отъѣхалъ къ своему войску, которое находилось въ то время на островѣ, называемомъ Чортотлыкъ, и объявилъ рыцарству о томъ, что вмѣсто похода на Молдавію онъ имѣетъ повести ихъ на персовъ заодно съ турками и татарами. Услышавъ такое неожиданное и вовсе нежелательное рѣшеніе со стороны Зборовскаго, казаки подняли крикъ и стали доказывать ему, что съ турками и татарами козаку, человѣку православной христіанской вѣры, связываться вовсе не слѣдуетъ, потому что всѣ они—невѣрные собаки, никогда не держащія своего слова, всегда живущія обманомъ и на этотъ разъ думающія лишь объ обманѣ и гибели козаковъ и самого «гетмана».

Только незначительное число козаковъ согласилось слѣдовать за Зборовскимъ въ Персію: масса же, выбравшая себѣ какого-то атамана и доходившая до трехъ тысячъ человѣкъ численности, рѣшительно отказалась идти за нимъ въ Персію и подняла противъ него такую бурю, что Зборовскій потерялся и не зналъ, какъ ему прекратить смуту между козаками. Какъ истинный польскій панъ, привыкшій къ полному самовластію, онъ хотѣлъ было смирить козаковъ страхомъ и послалъ сказать имъ, что, если они немедленно не усмирятся, то онъ съ остальною частью козаковъ, изъявившаго свое желаніе идти съ нимъ на персовъ, сиюю смирить бунтовщиковъ. Вмѣсто отвѣта на это требованіе, казаки собрали раду и на ней рѣшили насыпать песку въ пазуху Зборовскому и бросить его въ Днѣпръ. Видя такой оборотъ дѣла, Зборовскій неожиданно явился въ раду и показалъ передъ козаками полное смиреніе, чѣмъ и успокоилъ бунтовщиковъ; а потомъ, призвавъ къ себѣ козацкаго атамана, заявилъ ему, что онъ никого не принуждаетъ идти походомъ въ Персію и каждому предоставляетъ свободный выборъ, или оставаться на Днѣпрѣ, или же слѣдовать за нимъ: «Объ одномъ только прошу тѣхъ, которые останутся,—не нападать въ мое отсутствіе на татаръ, потому что этимъ они обидѣли бы короля и Рѣчь-Посполитую, да и моя голова была бы въ опасности у хана».

Когда казаки успокоились отъ своего волненія, тогда прибыли отъ хана посланцы съ поручителемъ и съ объявленіемъ о томъ, что ханъ съ особенною радостью готовъ принять «гетмана» въ походъ противъ персовъ и черезъ своего поручителя приносить присягу въ полной безопасности пойдя козаковъ. При поручителѣ было 1.000 человѣкъ конныхъ татаръ, нѣсколько сотенъ знатныхъ мурзъ и еще больше того простого пѣшого народа.

Прибывъ въ условленное мѣсто, ханскій поручитель отправилъ отъ себя въ запорожскій Кошъ 300 человекъ мурзъ и черезъ нихъ просилъ «гетмана» явиться къ нему для произнесенія передъ нимъ клятвы и для немедленнаго отправленія въ походъ въ Персію.

Тогда между козаками снова поднялись волненія: одни хотѣли идти въ Персію, другіе отказывались отъ ней, совѣтовали и Зборовскому отказаться отъ этого, хотя и заманчиваго, но весьма опаснаго, предпріятія. Но Зборовскій, увлекаемый каждой видѣть далекую Азію и хотѣвшій на мѣстѣ изучить всѣ приемы военныхъ дѣйствій восточныхъ людей, стоялъ на своемъ и, распорядившись о приготовленіи всего нужнаго къ отъѣзду, приказалъ подать себѣ коня. Когда же конь былъ поданъ, то оказалось, что онъ слишкомъ горячъ, и тогда стали искать другого, болѣе спокойнаго, коня. Въ ожиданіи такого коня, Зборовскій, уже готовый къ походу, съ саблей у пояса и сагайдакомъ черезъ плечо, сталъ прохаживаться между рядами козаковъ. Тутъ къ нему подошелъ его любимый поваръ и сталъ упранивать его покушать щуки: «Наше мой, вѣрно я тебя уже больше не увижу; есть у меня хорошая щука, — покушай на дорогу». Зборовскій тронутъ былъ слезною просьбой своего повара и согласился поѣсть щуки. Во время этой ѣды къ нему подвели спокойнаго коня, и Зборовскій уже хотѣлъ было сѣсть на него, но предъ этимъ обратился къ ожидавшимъ его мурзамъ и потребовалъ, чтобы они поклялись за его безопасность. На это требованіе мурзы отвѣчали, что за нихъ поклянется передъ нимъ ханскій поручитель. Но тутъ къ Зборовскому внезапно подскочили козаки, схватили его на руки и быстро унесли къ берегу Днѣпра. Сѣвъ въ лодки, они съ быстротою молніи отчалили ихъ на средину рѣки и стали стрѣлять по оставшимся на сушѣ мурзамъ. Мурзы немедленно усаkali, а козаки благополучно привезли гетмана до своего войска, гдѣ отъ радости за спасеніе своего вождя, стрѣляли изъ ружей, пѣли пѣсни, играли на кобзяхъ.

Чтобы успокоить своего «гетмана», козаки привели къ нему найденныхъ гдѣ-то христіанскихъ невольниковъ, бѣжавшихъ изъ плѣна, и заставили ихъ разсказать Зборовскому о томъ, будто бы ему готовилась отъ татаръ неволя, а его спутникамъ — жестокая изъ казни, — острый колъ. Зборовскій повѣрилъ этому и сталъ стараться всѣми мѣрами о томъ, чтобы разъединить силы татаръ и не допустить ихъ до похода въ Персію. Тогда ханъ, узнавъ объ этомъ, прислалъ къ козацкому вождю третье посольство съ

большими подарками и съ обѣщаніемъ непремѣнно дать ему молдавское господарство, если только онъ не будетъ вредить татарамъ.

Оставшіеся въ Запорожьѣ. Самонъ Зборовскій сталъ получать письма изъ Польши отъ своего брата Криштофа, весьма тревожнаго содержанія. Изъ этихъ писемъ Самонъ Зборовскій узналъ, что, не смотря на помощь, которую Зборовскіе оказали Стефану Баторію при его восшествіи на польскій престолъ, король приблизилъ къ себѣ не Зборовскихъ, а Замойскихъ. Криштофъ Зборовскій въ своихъ письмахъ позорилъ короля, считалъ его недостойнымъ носить высокое королевское званіе и сообщалъ брату о своемъ стараніи составить партію солидарныхъ съ нимъ пановъ съ тѣмъ, чтобы унижить достоинство короля. Самому Самону Криштофъ совѣтовалъ держаться съ турками на мирной ногѣ, чтобы не возбудить тѣмъ неудовольствія со стороны пановъ, державшихся партіи Зборовскихъ, внушалъ ему совѣтъ оставить Запорожье и ѣхать, въ виду важности политическихъ дѣлъ, въ Польшу. А низовымъ козакамъ тотъ же Христофоръ Зборовскій писалъ, что братъ его, Самонъ Зборовскій, не для чего иного и пріѣхалъ къ нимъ, какъ для борьбы съ турками и въ то же время выражалъ надежду на то, что козаки не откажутся содѣйствовать и дому Зборовскихъ въ какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ ихъ въ самой Польшѣ.

Такимъ образомъ Самонъ Зборовскій, связанный письмами брата о мирныхъ отношеніяхъ къ мусульманамъ, ничего другого не могъ предпринять, какъ только развѣздъ по низовью Днѣпра и его притокамъ съ исключительною цѣлю степного «полеваянія», т.-е. охоты на звѣрей. Разгуливая по приднѣпровскимъ степямъ, онъ старался приблизиться къ роднымъ мѣстамъ Подолія, но тутъ, отъ свирѣпствовавшей въ то время саранчи, потерялъ много коней и, очутившись подъ конецъ въ очень затруднительномъ положеніи, вспомнилъ о тѣхъ 500 коняхъ, которыхъ предлагалъ ему, передъ выходомъ въ Запорожье, молдавскій господарь. Теперь эти кони были бы, какъ нельзя кстати, годны для Зборовскаго. Козацкій вождь отправилъ отъ себя къ молдавскому государю гонцовъ и чрезъ нихъ просилъ господаря выставить черезъ четыре недѣли со дня отправления гонцовъ на Пробиномъ шляху, возлѣ Буга, 500 обѣщанныхъ коней.

Къ одному затрудненію Зборовскаго скоро прибавилось и другое: козаки, бывшіе въ походѣ Зборовскаго, узнали черезъ ѣз-

жавшихъ къ нимъ христіанскихъ невольниковъ о близости татарскихъ пастбищъ и подвижныхъ кошей ихъ и хотѣли воспользоваться ими. Тщетно Зборовскій убѣждалъ ихъ не дѣлать этого, указывая на существовавшій миръ Турціи съ Польшею: казаки не могли равнодушно видѣть татаръ безъ того, чтобы не пограбить ихъ. Тогда Зборовскій, желая удовлетворить этой потребности козаковъ, роздалъ старшимъ изъ нихъ имѣвшееся съ ними добро, оружіе, платье, лошадей и деньги, и казаки успокоились.

Устранивъ столкновение козаковъ съ татарами, Зборовскій долженъ былъ заботиться и о предотвращеніи столкновения ихъ съ турками. Съ послѣдними казаки вошли въ соприкосновение по поводу добыванія ими соли у береговъ приморскихъ острововъ, стоявшихъ между лиманомъ Днѣпра и моремъ и охранявшихся турецкими стражниками, плававшими на галерахъ. Имѣя полное изобиліе въ рыбѣ и птицѣ, спутники Зборовскаго особенно нуждались въ соли. Зборовскій не разъ посылалъ ихъ къ устью лимана за солью и всегда давалъ своимъ промышленникамъ особый отрядъ воиновъ для обороны на случай нападенія со стороны турокъ. Во время этихъ плаваній казаки едва не вступили однажды въ бой съ турками и избѣжали этого единственно потому, что не успѣли заманить непріятелей въ тѣсное мѣсто. Тѣмъ временемъ, прождавъ нѣкоторое время возвращенія своихъ гонцовъ, посланныхъ къ молдавскому господарю и не получивъ отъ нихъ никакого извѣстія, а между тѣмъ по прежнему испытывая большую нужду въ лошадяхъ, Зборовскій, наконецъ, рѣшилъ лично отправиться въ Молдавію. Рѣшено было идти сперва днѣпровскимъ, потомъ бугскимъ лиманомъ, даже рѣкою Бугомъ и до Пробиатаго шляху. Для облегченія движенія по рѣкѣ, на воду пущены были одиѣ лодки съ припасами и рыболовными снарядами, а сами казаки должны были двигаться по берегамъ рѣкы. Уже вскорѣ послѣ выступленія въ походъ Зборовскаго на Низовья Днѣпра, татары получили о томъ подлинную вѣсть и сильно встревожились тѣмъ. Переполохъ между татарами такъ былъ великъ, что сама ханша бѣжала въ черные лѣса. Зборовскій узналъ объ этомъ отъ бѣглецовъ-невольниковъ и поспѣшилъ успокоить ханшу черезъ своихъ посланцевъ, объяснивъ цѣль и намѣреніе своего похода. Но татары мало довѣряли Зборовскому и приготовлялись къ самому худшему.

Между тѣмъ казаки, двигаясь по Днѣпру, дошли до турецкой

крѣпости Асламъ-города, подъ стѣнами котораго такъ недавно погибъ знаменитый вождь козацкій Богданко князь, Рожинскій. Живѣ помня подвиги Богданка, козаки сильно хотѣли было ударить на крѣпость, но Зборовскій, хотя и съ большимъ трудомъ, удержалъ ихъ отъ этого намѣренія. Зато при переговорахъ Зборовскаго съ посланными къ нему татарами одинъ изъ козаковъ не воздержался и выстрѣлилъ въ татарина. Зборовскій такъ былъ возмущенъ этимъ, что хотѣлъ было казнить виновнаго, но противъ этого возстало все войско, защищая своего товарища, который дорогъ ему былъ тѣмъ, что считался «характерникомъ», т.-е. человекомъ, умѣющимъ заговаривать вражескія пули и дѣлать ихъ безвредными для себя лично и для всего отряда, гдѣ онъ находился. Долго по этому поводу происходили раздоры между вождемъ и козаками, и примиреніе состоялось съ особенно большимъ трудомъ для Зборовскаго.

Послѣ примиренія Зборовскій и козаки продолжали дальнѣйшій путь. Выйдя въ днѣпровскій лиманъ, Зборовскій отправилъ впередъ одинъ отрядъ отъ себя по рѣкѣ Бугу, къ Пробитому шляху, для отысканія козацкихъ пословъ. Высланный отрядъ встрѣтилъ на своемъ пути 13 человекъ турокъ и, взявъ ихъ въ плѣнъ, продолжалъ дальнѣйшій путь, не извѣстивъ о томъ Зборовскаго. А Зборовскій между тѣмъ, запасшись рыбой и дичью на морскихъ островахъ, продолжалъ свой путь все еще по лиману Днѣпра, не вступая въ Бугъ. Не предвидя никакой опасности, Зборовскій поднимался по рѣкѣ вверхъ, какъ вдругъ раннимъ утромъ какого-то дня увидѣлъ передъ собою турецкій флотъ изъ 9 галеръ и множество лодокъ. Не рѣшаясь вступить въ битву, спутники Зборовскаго посѣпили пристать къ берегу. Турки готовы были погнаться въ слѣдъ за козаками, но вслѣдствіе мели на рѣкѣ не могли этого сдѣлать. Одна изъ галеръ, погнавшаяся за козаками, сѣла на мель и ограничилась тѣмъ, что выстрѣлила изъ пушки въ лодку, гдѣ находился Зборовскій, и пушечнымъ ядромъ убила одного козака. Тогда козаки бросились — было къ этой галерѣ, чтобы взять ее на abordажъ, но къ ней посѣпили другія суда и турки, стрѣлявшие изъ нихъ въ козацкія чайки, причинили имъ такой вредъ, что козаки поторопились подойти къ правому берегу рѣки, оставить возлѣ него свои незатѣйливыя лодки и залечь въ ямахъ, вырытыхъ дикими кабанами въ береговыхъ пескахъ. Находя число ямъ недостаточнымъ для всего войска,

козаки немедленно приступили къ рытью новыхъ земляныхъ укрѣпленій. Видя это, турки рѣшили зайти въ тылъ козакамъ и для этого отдѣлили отъ себя двѣ галеры, которыя направились къ правому берегу рѣки на двѣ мили ниже козацкой лѣжки. Козаки, замѣтивъ маневръ своихъ враговъ, поспѣшно захватили со своихъ лодокъ съѣстные припасы и бросились въ степь. Зборовскій, видя это, сталъ останавливать козаковъ и упрекать ихъ въ отсутствіи мужества: «Вамъ-ли такъ поступать, когда всѣ народы увѣрены, что въ мужествѣ никто не сравнится съ вами?»

Между тѣмъ турки уже успѣли выбраться на правый берегъ рѣки и успѣли обойти козаковъ. Но нападеніе ихъ было неудачно и они съ урономъ бросились въ Днѣпръ.

Отбившись отъ турокъ, козаки взяли направленіе вдоль берега днѣпровскаго лимана къ устью Буга и тутъ попали въ перекрестный огонь: съ поля на нихъ напирала татары, съ рѣки преслѣдовали турки. Козаки хотѣли избѣжать, но крайней мѣрѣ, турецкой флотиліи и, въ ночное темное время, рѣшились сдѣлать движеніе назадъ, обойти тылъ турецкаго флота и поспѣшно обратиться впередъ въ рѣку Бугъ. Но этотъ маневръ оказался очень неудачнымъ, и смѣльчаки заплатились собственной свободой вмѣстѣ съ провизіей и лодками. Зборовскому оставалось всего лишь 8 лодокъ, въ которыхъ лежали раненые козаки, да немного съѣстныхъ припасовъ, и съ этими остатками флота онъ добрался до устья Буга. Зато положеніе его здѣсь оказалось болѣе чѣмъ печально: продовольственные припасы всѣ были съѣдены, рыболовные снасти затеряны, а въ окружающей мѣстности, представлявшей собой полную пустыню, ни звѣрей, ни дичи никакой. Единственною отрадой для Зборовскаго было то, что у устья Буга онъ нашелъ свой конный отрядъ, который слѣдовалъ за нимъ по правому берегу Днѣпра. Силы Зборовскаго увеличились до 2.500 человекъ, но зато вопросъ о продовольствіи оставался по прежнему безнадежнымъ; оставалось только съѣсть лошадей, чтобы не умереть отъ голода.

Истребивъ нѣсколько штукъ лошадей, Зборовскій нашелъ за лучшее оставить главную массу своего войска у рѣки Буга, а самому броситься въ степь къ Пробитому шляху и искать тамъ молдавскихъ пословъ. Но вмѣсто пословъ онъ нашелъ здѣсь одни слѣды какой-то стоянки и ни одного степного звѣря, которымъ можно было бы утолить страшное чувство голода. Единственной

пищей для Зборовскаго и его спутниковъ были жолуди, кое-гдѣ попадавшіеся имъ на пути. Послѣ долгихъ скитаній Зборовскій набрелъ на посланный имъ къ молдавскимъ посламъ отрядъ козаковъ на какомъ-то Кривомъ-путью и нашелъ его въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ и собственную дружину: отрядъ нигдѣ не видалъ молдавскихъ пословъ, долго скитался по дикимъ степнымъ мѣстамъ, претерпѣлъ большія муки отъ голода и рѣшилъ атаковать среди степи и ждать прибытія «гетмана». Единственнымъ богатствомъ этого отряда были рыболовные снасти, которыми тотчасъ и завладѣли спутники Зборовскаго. Но едва успѣли голодные козаки нѣсколько подкрѣпиться пойманной рыбой, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что гдѣ-то недалеко показался отрядъ молдавской конницы, и Зборовскій немедленно сталъ собираться къ тому, чтобы ударить на молдаванъ и отбить у нихъ съѣстные припасы. Но неудача и здѣсь преслѣдовала козакаго вожда: молдавскій отрядъ такъ же внезапно исчезъ, какъ и внезапно появился.

Послѣ цѣлаго ряда неудачъ Зборовскому оставалось вернуться къ главной массѣ своего войска, стоявшей у Буга, и тутъ оставить всѣ свои замыслы, что и было имъ сдѣлано. Вернувшись къ Бугу, онъ нашелъ своихъ козаковъ въ самомъ печальномъ положеніи: они ѣли оленьи копыта, ѣли рога и давція, валявшіеся по степи, кости дикихъ животныхъ. Тогда Зборовскій довелъ своихъ козаковъ до Саврана и Брацлава, а самъ вернулся на родину. Но на родинѣ козакаго «гетмана» ждалъ печальный конецъ: агитаціи Зборовскихъ противъ короля и вражда къ нимъ ихъ противниковъ Замоискихъ были причиной того, что Самонъ Зборовскій былъ схваченъ Яномъ Замоискимъ, и, по волѣ короля, казненъ за замковыми воротами Кракова, мая 26 дня, 1584 года¹⁾.

¹⁾ Paprocki, Panosza rycersztwa polskiego, Krakow, 1584, 103—112; Niesiecki, Korona polska, 1740, IV, 717, 718; Кулишъ. Исторія возсоединенія Русс, Спб., 1874, I, 112—120.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нападеніи козаковъ на крымскія владѣнія. — Жалобы крымскаго хана на козаковъ королю Стефану Баторію. — Посольство, отправленное Баторіемъ къ низовымъ козакамъ дворянина Глубоцкаго и расправа козаковъ съ королевскимъ посланцемъ. — Походъ козаковъ съ атаманомъ Орышовскимъ на крымскіе улусы и мирныя предложенія ихъ хану Исламъ-Герая. — Дѣйствіе преемника Исламъ-Герая. — Взятіе козаками крѣпости Очакова и разграбленіе береговъ Крыма. — Дѣйствіе преемника Исламъ-Герая, Казы-Герая, противъ козаковъ. — Политика московскаго правительства въ отношеніи запорожскихъ козаковъ, разгромъ козаками турецкихъ городовъ Козлова, Аккермана и Азова и погоня турокъ за козаками. — Радость въ Москвѣ по поводу успѣха козаковъ на Черномъ морѣ. — Жалобы султана польскому королю на козаковъ и мѣры короля Сигизмунда III для укрощенія ихъ.

Разставшись съ Самойломъ Зборовскимъ, низовые козаки все вниманіе свое обратили на турецкія и крымскія владѣнія и съ особенною настойчивостью стали беспокоить ихъ своими нападеніями. Такъ, въ 1584 году они разорили Тягинъ, за что турки ограбили у Адрианополя италмейстера польскаго короля ¹⁾).

Крымскій ханъ потребовалъ отъ короля Стефана Баторія, чтобы онъ укротилъ низовыхъ козаковъ въ ихъ набѣгахъ на Крымъ. По этому требованію Стефанъ Баторій въ 1585 году послалъ на Низъ своего дворянина Глубоцкаго (иначе Глембоцкаго) уговорить козаковъ не дѣлать нападеній на Крымъ и тѣмъ не быть причиною разрыва мирнаго договора Польши съ Крымомъ. Низовые козаки на это требованіе отвѣчали тѣмъ, что утопили Глубоцкаго въ рѣкѣ Днѣпрѣ ²⁾).

Въ это время, а именно въ концѣ 1585 года, у козаковъ гетманомъ былъ князь Михайло Евстафьевичъ Ружинскій, находившійся вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Кирикомъ Евстафьевичемъ, на Запорожьи ³⁾. Виновниками убійства Глубоцкаго оказались 11 че-

¹⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 155, 209.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 290.

³⁾ Князья Ружинскіе: Кіевская старина, 1882, апрѣль, 67.

ловѣкъ низовыхъ козаковъ, которые присланы были, по распоряженію князя Михайла Ружинскаго, въ Кіевъ къ воеводѣ князю Воронинскому для содержанія ихъ подъ стражей впредь до королевскаго надѣ ними суда. Князь Воронинскій, поставленный въ некоемъ положеніи между козаками, съ которыми онъ, какъ всякій пограничный староста, имѣлъ болѣе пріязненныя, чѣмъ враждебныя отношенія, и своимъ королемъ, которому онъ обязанъ былъ повиновеніемъ и отъ котораго зависѣло его положеніе, посылалъ отпирать присланныхъ козаковъ кіевскому войту и радцамъ. Но войтъ и радцы, находясь въ такомъ же положеніи, какъ и самъ воевода, отказались принять преступниковъ, за неимѣніемъ крѣпкой при городской ратушѣ тюрьмы, и занесли свой протестъ въ житомирскія замковыя книги, такъ какъ сдѣлать запись о томъ въ книги кіевского замка имъ не было позволено, какъ не было позволено и посадить преступниковъ подъ стражу въ замокъ, чѣмъ и воспользовались козаки, бѣжавъ изъ Кіева ¹⁾).

Не обращая вниманія ни на повелѣнія короля, ни на препятствія со стороны гетмана, низовые козаки, съ атаманомъ Яномъ Орышовскимъ, въ 1585 году два раза ходили походомъ на крымскіе улусы, взяли нѣсколько человекъ татаръ и захватили больше 40.000 лошадей и разнаго скота. Однако, побивъ татаръ и пограбивъ ихъ, козаки въ слѣдъ затѣмъ, отъ имени Орышовскаго и всѣхъ другихъ атамановъ, отправили къ хану Исламъ-Герая четырехъ своихъ посланцевъ съ предложеніемъ мира и собственныхъ услугъ: «Прислали насъ (четырехъ козаковъ) атаманы дѣпровскіе, чтобы ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился и давалъ имъ свое жалованье, атаманы же и всѣ черкасы тебѣ хотять служить: куда пошлешь на своего недруга, кромѣ литовскаго короля, и они готовы». На это предложеніе Исламъ-Герай, недавно испытавшій нападеніе низовыхъ козаковъ и, вѣроятно, уже въ то время знавшій истину, что худой миръ лучше доброй ссоры, отвѣчалъ своимъ согласіемъ: «атамановъ и всѣхъ черкасъ радъ жаловать, и какъ они будутъ мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бы были готовы» ²⁾).

Однако, скоро оказалось, что низовые козаки вмѣсто дружбы мусульманамъ внесли въ ихъ предѣлы снова войну: они взяли го-

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1878, I, 135.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 312.

родъ Очаковъ, на правомъ берегу Днѣпра, потомъ въ 1588 году), собравшись въ числѣ 1.500 человекъ, сѣли въ лодки, вошли днѣпровскимъ лиманомъ въ Черное море и, приставъ къ крымскому берегу, въ такъ-называемую Туптархань, между Перекопомъ и Козловымъ, разграбили тутъ 17 татарскихъ селеній. Нужно думать, что такія смѣлыя дѣйствія козаковъ противъ татаръ вызваны были слухами о намѣреніи Москвы воевать Крымъ и объ отправленіи русскихъ ратныхъ людей на Донъ, на Волгу и на Днѣпръ. Какъ бы то ни было, но вѣсть о погромѣ козаками Крыма дошла до турецкаго султана Амурата, и онъ такъ разгнѣванъ былъ за это на хана Исламъ-Герая, что грозилъ ему, въ случаѣ повторенія новаго набѣга козаковъ, изгнаніемъ изъ Крыма. Исламъ-Герай, ожидая новаго нападенія козаковъ на Крымъ, трепеталъ за свое существованіе, но въ этомъ же году онъ скончался и тѣмъ предупредилъ рѣшеніе падишаха.

Преемникъ Исламъ-Герая, Казы-Герай, выступилъ ярымъ противникомъ низовыхъ козаковъ и черезъ нихъ врагомъ Рѣчи-Посполитой, но зато другомъ московскаго царя. Сдѣлавшись ханомъ, Казы-Герай спелся съ московскимъ царемъ Федоромъ Ивановичемъ по поводу его намѣреній относительно войны съ крымцами и получилъ отъ него на этотъ счетъ такой отвѣтъ: «Прежде, какъ былъ на крымскомъ юртѣ Исламъ-Герай, то мы послали свою большую рать на Донъ и на Волгу со многими воеводами, а идти имъ было съ царевичемъ Муратъ-Гераемъ на царя Исламъ-Герая за его неправды. Да и на Днѣпръ за пороги къ князю Кирику Ружинскому и къ князю Михайлу Ружинскому, къ атаманамъ и черкасамъ, послали мы головъ, Лихарева и Хрущова, и велѣли имъ идти со всеми черкасами на Крымъ, но когда услыхали мы, что ты воцарился, то походъ отложили, и послали къ тебѣ языка-татарина, котораго прислали къ намъ съ Днѣпра головы Лихаревъ и Хрущовъ и князя Ружинскіе»¹⁾.

Но и самъ царь въ это же время имѣлъ причины быть недовольнымъ на запорожскихъ козаковъ. По смерти короля Стефана Баторія казаки, проживавшіе въ Каневѣ, Черкасахъ и Черкаскавѣ, внезапно явились въ городъ Воронежъ и объявили воронежскому воеводѣ, что они собрались, вмѣстѣ съ донцами, воевать татаръ и потому просятъ дать имъ время отдохнуть и покормиться въ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 313.

Воронежѣ. Воевода, не подозревая никакой хитрости со стороны козаковъ, помѣстилъ ихъ въ острогѣ города и приказалъ выдать кормъ. Но когда настала ночь, козаки неожиданно зажгли городъ и, истребивъ во время пожара много людей, ушли назадъ. Царь обратился съ жалобой на козаковъ кіевскому воеводѣ, князю Острожскому, и воевода далъ по этому поводу такой отвѣтъ: «Паны радные писали къ князю Александру Вишневецкому, велѣли ему схватить атамана запорожскаго, Потребцакаго съ товарищами, которые сожгли Воронежъ; паны грозили Вишневецкому, что если онъ не переловитъ козаковъ, то поплатится головой, потому что они ведутъ къ размирью съ государемъ московскимъ. Вишневецкій Потребцакаго схватилъ и съ нимъ 70 человекъ козаковъ»¹⁾.

Несмотря на это, Москва все-таки старалась ладить съ запорожскими козаками. Такъ, отправляя въ слѣдъ за этимъ гонца Петра Зиновьева въ Крымъ, правитель московскаго государства Борисъ Годуновъ прежде всего долженъ былъ обезопасить своего гонца отъ низовыхъ козаковъ и потому далъ ему относительно ихъ такой наказъ: «Какъ пойдетъ Петръ съ Ливень²⁾, и будетъ извѣстіе, что пришли на Донецъ съ Дѣляра, изъ Запорожья, черкасы, Матвей Оедоровъ съ товарищами, и стоятъ смирно и государевымъ людямъ отъ нихъ нѣтъ никакой обиды, то Петру посылать напередъ отъ себя станцу къ запорожскимъ черкасамъ и велѣть про себя сказать, что есть съ нимъ отъ государя ко веѣмъ имъ, козакамъ, грамота и рѣчи, и Матвей бы Оедоровъ и товарищи его съ нимъ, гонцомъ, видѣлись, и черкасамъ своимъ веѣмъ по всему Донцу заказали бы, чтобъ они надъ Петромъ и надъ крымскими гонцами и надъ провожатыми ихъ ничего не сдѣлали, а онъ, Петръ, идетъ въ Крымъ съ крымскими гонцами легкимъ дѣломъ наскоро, и поминковъ (подарковъ) съ нимъ ничего не послано. Да какъ съ нимъ атаманы и молодцы запорожскіе сѣдуютъ, и Петру отъ государя поклонъ имъ исправить и грамоту отъ государя подать: а говорить имъ отъ государя, чтобъ они его, Петра, и крымскихъ гонцовъ пропустили и провожатыхъ ничѣмъ не тронули, а государево къ нимъ жалованье будетъ сейчасъ же съ государскимъ сыномъ боярскимъ.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 280.

²⁾ Ливны—уфадный городъ орловской губерніи.

А государь, увидя ихъ передъ собою службу, пришлетъ къ нимъ на Донецъ свое жалованье» ¹⁾).

Запорожскіе черкасы московскимъ и крымскимъ гонцамъ ничего дурного не сдѣлали, зато отъ своихъ видовъ на Крымъ они нисколько не думали отказываться. Въ 1589 году они выбрались въ открытое море и близъ города Козлова взяли одинъ турецкій корабль. Въ слѣдъ затѣмъ 800 человѣкъ черкасъ, съ атаманомъ Кулагою во главѣ, выйдя въ море на малыхъ стругахъ, ночью ворвались въ городъ Козловъ, забрали лучшіе товары въ лавкахъ, жидовъ и туокъ, бывшихъ въ городѣ, частію побили, частію съ собою забрали, но тутъ же, въ самомъ посадѣ города встрѣтились съ калгой Фети-Гераемъ, учинили жестокой бой съ нимъ, во время котораго полатились убитымъ атаманомъ Кулагою и тридцатью плѣнными товарищами, послѣ чего ушли прочь изъ города. За ними погнался было самъ ханъ Казы-Герай, но они посѣбно ушли изъ Козлова и въ слѣдъ затѣмъ сдѣлали набѣгъ на города Аккерманъ (Бѣлый городъ) и Азовъ, гдѣ пожгли посады, взяли въ плѣнъ 300 туземцевъ и избили нѣсколько человѣкъ, привезшихъ съ товарами бухарцевъ ²⁾).

Вѣсть объ этомъ походѣ козаковъ скоро долетѣла въ самый Константинополь, и султанъ распорядился прислать къ устью Днѣпра три морскихъ судна, по 50 человѣкъ янычаръ въ каждомъ суднѣ, снабдивъ каждое судно «огненнымъ боемъ» и четырьмя пушками и обѣщавъ къ тремъ каторгамъ прислать еще пять: начальникамъ судовъ надинахъ приказалъ зорко слѣдить за выходомъ козаковъ устьемъ Днѣпра въ море, а крымскому хану предписалъ идти на польско-литовскія земли для отмищенія полякамъ за набѣги въ Крымъ козаковъ. Въротно, этотъ самый походъ козаковъ въ 1589 году разумѣтъ и историкъ Турціи Гаммеръ, рассказывающій о разореніи козаками городовъ Аккермана, Тигина и Оди, за которые турецкій султанъ заносилъ жалобу на козаковъ польскому королю ³⁾).

Въ Москвѣ къ этимъ вѣстямъ отнеслись съ особенною радостью и втайнѣ старались поощрять низовыхъ козаковъ въ ихъ походахъ противъ татаръ. Такъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1589 года, приказано было Аванасію Зиновьеву, отправленному на рѣчки До-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 313.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 314.

³⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 155, 269.

нецъ и Осколь «для провѣдыванія тамъ о ханѣ». отправить къ запорожскому атаману Матвѣю съ товарищами посланца и черезъ него узнать, оберегають-ли атаманъ станичниковъ, сторожей, пугачевскихъ козаковъ и севриковъ государевыхъ, стоящихъ по Дону, пропускають-ли крымскихъ гонимыхъ, будетъ-ли онъ прямо государю и станеть-ли защищать государево дѣло. Если провѣдаютъ, что козаки и атаманъ Матвѣй съ товарищами прямы, то Афанасій Зиновьевъ долженъ промышлять надъ крымскими людьми.

Исполняя въ точности данный наказъ, Зиновьевъ отыскалъ козацкаго атамана Матвѣя на рѣчкѣ Донѣ, увидѣлъ, что онъ служитъ «прямую» государю службу и передалъ отъ него государю челобитную о пожалованіи козакамъ продовольствія, такъ какъ они, за недостаткомъ прожитанія, ѣли все, что понадалось имъ подъ руку, даже разные травы. Государь, узнавъ объ этомъ, послалъ козакамъ запасы муки, толокна и 100 рублей денегъ для раздѣла на 620 человѣкъ товарищей, а кромѣ того особые подарки атаманамъ ¹⁾).

Но то, что было полезно для Москвы, то было очень вредно для Польши. Москва, поощряя низовыхъ козаковъ къ походамъ ихъ на Крымъ, тѣмъ самымъ возбуждала противъ Польши крымскихъ хановъ, которые считали низовыхъ и украинскихъ козаковъ подчиненными польской коронѣ: турецкій султанъ, возмущенный набѣгами козаковъ 1588 года, въ слѣдующемъ году двинулъ къ польскимъ границамъ такія силы, которыя испугали короннаго гетмана Яна Замойскаго и заставили поляковъ взять рѣшительныя мѣры противъ козаковъ на варшавскомъ сеймѣ 1590 года. Чтобы парализовать дѣйствія козаковъ, преемникъ короля Стефана Баторія, Сигизмундъ III, на сеймѣ 1590 года, пришелъ къ такимъ мѣрамъ: 1) Устроить за порогами или изъ самихъ козаковъ, тамъ проживающихъ, или же изъ другихъ какихъ-нибудь людей, войско, послушное правительству. 2) Ограничить число всѣхъ козаковъ реестромъ въ 6,000 человѣкъ, реестръ отдать на храненіе коронному гетману и ему одному предоставить право наполнять его за убылью козаковъ. 3) Подчинить это войско польскому коронному гетману и гетману же предоставить право на-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, VII, 351. Были-ли низовые козаки въ 1580 году при погромѣ на Волгѣ волжскаго атамана Болдыря съ товарищами—въ точности неизвѣстно, такъ какъ эти козаки названы просто «черкасами» безъ эпитета «запорожскіе» или «низовые». Соловьевъ, VII, 350.

значать старших надъ козаками. 4) Назначить старшинъ и сотниковъ для этого войска изъ людей шляхетскаго сословія, имѣющихъ на Украинѣ недвижимую собственность. 5) Воспретить безъ воли старшаго и утвержденія короннаго гетмана принимать новыхъ лицъ въ списокъ козаковъ. 6) Учредить изъ осѣдлаго шляхетскаго сословія двухъ дозорцевъ для наблюденія за спокойствіемъ и добрымъ поведеніемъ въ отношеніи пановъ и гадѣльцевъ сословія козацкаго и хлопскаго. 7) Воспретить строжайше продажу простонародью пороху, свинцу и оружія. 8) Установить въ земскихъ имѣніяхъ особыхъ охранителей, такъ-называемыхъ урядниковъ, а въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ присяжныхъ бурмистровъ, войтовъ и атамановъ, обязанныхъ, подѣ страхомъ смертной казни, не пропускать никого изъ козаковъ, мѣщанъ и хлоповъ въ поле и низовье Днѣпра, задерживать и карать смертію всѣхъ, кто придетъ съ добычею изъ другихъ мѣстъ. 9) Воспретить козакамъ выходить за границу польскихъ владѣній сухимъ и воднымъ путемъ безъ позволенія короннаго гетмана и нападъ на купцовъ и другихъ людей. 10) Заставить присягнуть козаковъ на вѣрность польской республикѣ¹⁾.

Не довольствуясь всѣми этими мѣрами въ отношеніи козаковъ, правительство Рѣчи-Посполитой, въ іюлѣ того же 1590 года, обнародовало универсалъ о вербовкѣ тысячи человекъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, и о построеніи въ урочищѣ Кременчукѣ или въ другомъ какомъ-либо удобномъ мѣстѣ крѣпкаго замка для помѣщенія въ немъ польскаго гарнизона, съ цѣлью удержанія украинскихъ жителей отъ набѣговъ на мусульманскія земли. Старшимъ надъ этимъ гарнизономъ назначался сѣвѣнскій староста Николай Изювецкій. Ему именно и выданъ былъ «приновѣдный» королевскій листъ на собраніе гарнизона и на постройку замка, а жителямъ соседнихъ коронныхъ имѣній приказывалось доставлять продовольствіе гарнизону²⁾.

Нечего и говорить о томъ, насколько дѣйствительны были эти мѣры въ отношеніи козаковъ; онѣ только разжигали страсти народныя противъ самихъ же поляковъ и заставляли многихъ недовольныхъ искать себѣ пріюта на Запорожьи.

¹⁾ Volumena legum, Спб., 1860, II, 310; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 22; Соловьевъ, Исторія Россіи. 1860. X, 67; Кудиншъ, Исторія воссоединенія Руси, I, 139.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, т. I, ч. III, 29.

Сами поляки настолько были безсильны, что приказаніе о построении крѣпости на Дибрѣ для удержанія бѣглецовъ изъ Украйны на Запорожье совсѣмъ не было приведено въ исполненіе: а мѣры, выработанныя на сеймѣ противъ козаковъ, исполнялись ими въ самой слабой степени или даже вовсе не исполнялись.

Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ 1591 году польское правительство, благодаря объявленнымъ сильнымъ мѣрамъ противъ козаковъ, успѣло заключить съ турками и татарами вѣчный миръ въ Константинополѣ ¹⁾.

Но уже вскорѣ послѣ этого мира низовые козаки, съ годами привыкшіе къ военному дѣлу и отъ военного дѣла добывавшіе себѣ пропитаніе, рѣшили нарушить главные пункты сеймоваго рѣшенія—подчиненіе короному гетману и запрещеніе выхода за границу — и задумали идти походомъ на Молдавію. Они нашли гдѣ-то человека, объявившаго себя сыномъ убитого турками государя Ивони и рѣшили добыть ему господарскій престолъ. Но польскій король во-время узналъ объ этомъ и поручилъ официальному старшему козацкому, Николаю Изловецкому, вступить съ козаками въ переговоры о выдачѣ правительству самозванца. Самозванецъ былъ доставленъ въ Мальборкъ и тамъ заточенъ, а козаки, привезшіе самозванца, щедро были награждены ²⁾.

¹⁾ Въ это же время заключено было одинадцатилѣтнее перемиріе и съ русскими царемъ.

²⁾ Heidenstein, *Dzieje polski*, Petersburg, 1857, II. 297; Ioachima Bielskiego *Dalszy ciąg kroniki polskiej*, Warszawa, 1831, 143.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первое возстаніе козаковъ противъ поляковъ подъ начальствомъ Косинскаго. — Боевыя силы козаковъ и главный контингентъ повставшихъ. — Первые свѣдѣнія о жизни и дѣйствіяхъ Кршитофа Косинскаго. — Пребываніе его въ Запорожской Сичи, возвращеніе для лѣжки на Украину и движеніе на Волынь и Подолію. — Бесцельныя мѣры короля Сигизмунда III противъ козаковъ. — Неудачное движеніе противъ козаковъ князя Острожскаго и понесенное пораженіе имъ отъ Косинскаго. — Постановленіе короля и сейма относительно козаковъ. — Дѣйствія противъ козаковъ князей Острожскихъ и князя Александра Вишневецкаго. — Пораженіе Косинскаго подъ Пятково и принесеніе имъ присяги на вѣрность Рѣчи-Посполитой. — Неисполненіе присяги со стороны Косинскаго и новое движеніе козаковъ противъ поляковъ. — Сборы Косинскаго и козаковъ въ городѣ Черкаскахъ и внезапная смерть Косинскаго. — Значеніе перваго движенія козаковъ противъ Польши.

До сихъ поръ мы видѣли низовыхъ козаковъ въ борьбѣ съ Крымомъ и Турціей и съ находившеюся въ зависимости отъ Турціи Молдавіей. Теперь, т.-е. съ конца 1591 года, впервые видимъ ихъ въ борьбѣ съ самой Польшей. Принято думать, съ голоса малороссійскихъ лѣтописцевъ, что первое движеніе козаковъ противъ поляковъ вызвано было насиліями со стороны польскаго правительства надъ религіей южноруссовъ и стоитъ въ связи съ вреденіемъ на Украинѣ уни. Фактическое изложеніе перваго похода козаковъ противъ поляковъ, самыя дѣйствія и мысли, высказанныя при этомъ ими, совершенно не оправдываютъ укоренившагося въ нашихъ понятіяхъ мнѣнія. Первое козацкое движеніе противъ правительства и панства Рѣчи-Посполитой вызвано было ничѣмъ инымъ, какъ бѣдственнымъ, сословнымъ и экономическимъ положеніемъ южнорусскаго народа вообще, козачества въ особенности, въ какомъ они очутились со времени сліянія Украины съ Литвой и Польшей. Пройдя съ огнемъ и мечомъ волино-подольскія и кіево-бѣлоцерковскія области, казаки не обмолвились ни однимъ словомъ жалобы на притѣсенія ихъ православною вѣрой и высказывались только за то, чтобы одобычиться на счетъ богатыхъ людей и ввести козацкій присудъ между незнавшими отъ поль-

скихъ судей правды селянами, мѣщанами и мелкими южнорусскими шляхтичами или дворянами.

Выступая въ походъ, казаки обратили свое вниманіе на имѣніе сосѣднихъ польско-русскихъ пановъ и прежде всего на маѣстности князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго и маршалка волынскаго. Почему вниманіе низовыхъ козаковъ прежде всего привлекли владѣнія Острожскаго, источники не говорятъ, хотя и не оставляютъ сомнѣній, что центромъ тяжести козацкаго движенія этого времени были именно волыно-подольскія маѣстности князя Острожскаго.

Общая численность козаковъ, поднявшихся противъ поляковъ въ это время, простиралась всего лишь до 5.000 человекъ. Главное и дѣйствующее большинство всего этого числа составляли низовые или волынские казаки, что подтверждаютъ и современные акты и лѣтописцы того времени ¹⁾. Но кромѣ низовыхъ козаковъ въ этомъ движеніи принимали участіе и негербоваанные и бездомные «шляхтичи-вывозанцы», полу-паны, полу-крестьяне, «рукодаѣнные» панскіе слуги, называемые въ актахъ здрайцами и збѣгами, осѣдлые хлопы и, наконецъ, панскіе подданные ²⁾. Но все это составляли ничтожное меньшинство противъ собственно низовыхъ козаковъ, но это меньшинство не пользовалось многими благами своего отечества и потому всегда искало добычи въ войнѣ и во внутреннихъ неурядицахъ своей родины.

Во главѣ возставшихъ козаковъ сталъ шляхтичъ православной вѣры Криниофъ Косинскій ³⁾. По мѣсту родины онъ былъ польшанинъ, а по званію низовой или запорожскій козакъ. Но какъ и когда онъ сѣмелъ съ Польска въ Запорожье—на это указаній нѣтъ. Повидимому, это былъ человекъ уже не молодой, весьма незаурядныхъ способностей, весьма популярный между запорожцами. Уже въ 1586 году, мая 22 дня, пѣхто Богданъ Миконинскій писалъ письмо Каспару Подвысоцкому и какому-то владыкѣ Юрію, въ которомъ сообщалъ о новостяхъ сичевыхъ послѣ ихъ

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, т. I, ч. III, 32, 34, 36, 39, 45, 49, 58; Listy Żółkiewskiego 22, 23; Bielskiego Dalszy ciąg kroniki. 151, 178, 188, 189, 190; Heidenstein, 317.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, т. I, ч. III, 58, 55, 57—62.

³⁾ Будущъ на основаніи имени и происхожденія Косинскаго считаетъ его, если не католикомъ, то лютераниномъ, но малороссійскіе лѣтописцы Грѣбана и другіе считаютъ Косинскаго человекомъ православной вѣры.

отъѣзда: съ Низу, отъ Тавани и отъ городковъ прибѣгла сторожа отъ Криштофа, давая знать о выступленіи въ походъ переконскаго царя со всею силою своею ¹⁾. Нѣсколько позже указанного времени имя Косинскаго стало извѣстнымъ и въ Москвѣ. Такъ, въ грамотѣ царя Θεодора Ивановича къ донскимъ козакамъ, марта 30 дня, 1598 года, велѣно было дошнамъ промышлять вмѣстѣ съ низовыми козаками и ихъ вождемъ Криштофомъ Косинскимъ, на рѣкѣ Донѣ, противъ крымскихъ татаръ ²⁾. А въ письмахъ Станислава Жолковского говорится даже, будто Косинскій «поддаль» русскому царю пограничную, болѣе ста миль разстоянія, окраину земли и оттого далъ поводъ царю писаться царемъ запорожскимъ, черкаскимъ и низовскимъ ³⁾.

Изъ всего этого видно, что Косинскій дѣйствительно былъ видной и вліятельной личностью, дававшей тонъ и направление самому движенію ⁴⁾.

Состоя въ числѣ низовыхъ козаковъ, Криштофъ Косинскій, по укоренившемуся издавна между низовцами обычаю, ушелъ, въѣдствіе полного затишья, на зимнее время изъ Сичи на Украину «на пристаство, домованье», чтобы «долежать» тамъ зиму, а съ весной, когда зашумятъ травы въ лугахъ и потекутъ рѣчки въ берегахъ, снова спуститься на Низъ. Вмѣстѣ съ Косинскимъ «долеживали» зиму и много простыхъ козаковъ. Всѣ они находились въ Бѣлоперковщинѣ. Были-ли у нихъ раньше какіе-нибудь замыслы, когда они находились еще въ Сичи, или же эти замыслы пришли въ головы козакамъ уже на «лежахъ», въ точности неизвѣстно, но движеніе началось въ послѣднихъ числахъ декабря 1591 года. Козаки захотѣли посчитаться съ нѣкоторыми пограничными панами и, снявшись съ лѣжъ, прежде всего, въ началѣ января 1592 года, «гвалтовне» напали на домъ бѣлоперковского подстаросты, князя Курцевича-Булыги, метя ему за какую-то неправду («снать зъ направи чнее»). Паскочивъ на домъ Булыги, козаки проникли въ его «комору», забрали у князя имущество и шкатулку съ деньгами, клейнотами и листами; между послѣдними были такъ-называемыя мамы, т.-е. особые для

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 34, прим.

²⁾ Вантышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, Москва, 1842, I прим. 110.

³⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 27.

⁴⁾ Николайчикъ: Кіевская старина, 1884, мартъ, 432.

выписыванія панскихъ приказовъ бланки, вѣренныя Булыгѣ Бѣлоцерковскимъ старостою княземъ Инушемъ Острожскимъ, а также нѣкоторыя жалованныя грамоты и привиллегіи, данныя князьямъ Острожскимъ на староства, маестности, грунты ¹⁾).

О первомъ движеніи Косинскаго и козаковъ скоро узналъ король Сигизмундъ III и уже въ половинѣ января того же года снарядилъ особую комиссію и издалъ королевскій листъ съ обращеніемъ къ волинскому населенію сообщать комиссарамъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ своевольныхъ людей и съ приказаніемъ всѣмъ урядамъ карать по закону бунтовщиковъ. Въ своемъ универсалѣ король говорилъ о дошедшихъ до его слуха свѣдѣніяхъ касательно дѣйствій нѣкоторыхъ своевольныхъ людей въ воеводствахъ волинскомъ, кѣвскомъ и брацлавскомъ. Не обращая вниманія ни на верховную власть, ни на посполитое право, своевольные люди дѣлаютъ неслыханныя шкоды, большія кривды, убійства и грабительства въ разныхъ мѣстахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ воеводствъ. Поэтому, чтобы предупредить дѣйствія своевольныхъ людей, всѣмъ старостамъ, державцамъ, урядникамъ и посполитымъ воеводства волинскаго предписывалось помогать комиссарамъ въ разслѣдованіи своевольныхъ людей, ловить и представлять ихъ на судъ, а въ случаѣ ухода изъ мѣстечекъ, доставлять комиссарамъ списки ихъ ²⁾).

Во главѣ комиссіи поставленъ былъ офиціальный старшій козацкій, снытинскій староста Николай Язловецкій. Не довольствуясь предписаніемъ короля Сигизмунда жителямъ волинскаго воеводства, самъ Язловецкій отправилъ въ Запорожье воззваніе къ козакамъ съ приказаніемъ оставить «лотра» Косинскаго и повиноваться правительству. Эти приказанія повторены были нѣсколько разъ и въ одномъ изъ нихъ, писанномъ марта 10 дня, Язловецкій грозилъ козакамъ поднять противъ нихъ оружіе и жестоко наказать за всѣ причиняемые ими бѣдствія населенію волинскому ³⁾).

Но предписанія эти, какъ старшого, такъ и самого короля не имѣли никакого дѣйствія на козаковъ и Косинскаго.

Взявъ Бѣлую-Церковь, козаки велѣдъ затѣмъ взяли Кіевъ,

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 31.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 33—35.

³⁾ Listy Żółkiewskiego, Krakow, 1868. 21.

а послѣ Киева нѣсколько другихъ городовъ ¹⁾, при чемъ оружіе и порохъ забирали съ собой, жителей или убивали, или заставляли присягать себѣ на послушаніе, замки и мѣста королевскіе и панскіе жгли и опустошали ²⁾.

Запасшись всеѣмъ необходимымъ въ Бѣлой-Церкви, Киевѣ и другихъ смежныхъ съ ними городкахъ, козаки спустились на Волынь и Подолію и расположились въ имѣніи князя Константина Острожскаго Острополѣ ³⁾. Стоя въ Острополѣ, Косинскій взялъ нѣсколько другихъ городовъ, принадлежавшихъ князю Острожскому, и подвергъ ихъ опустошенію. Главною заботою Косинскаго было насажденіе вездѣ козацкаго присуда вмѣсто панскаго, т.-е. распространеніе козацкаго суда на шляхту, мѣщанъ и селянъ.

Такъ простоялъ Косинскій все лѣто безбоязненно въ Острополѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ этого года ⁴⁾ противъ него пытался дѣйствовать князь Острожскій, но онъ былъ разбитъ козаками и потерялъ свое войско ⁵⁾.

Послѣ этого Косинскій стоялъ спокойно и всю осень того же года въ томъ же Острополѣ. Само правительство ничего рѣшительнаго не предпринимало противъ него. Только князь Константинъ Острожскій и заботился о мѣрахъ противъ козаковъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, на вальномъ сеймѣ, онъ высказалъ мысль о необходимости починки разрушенныхъ низовыми козаками замковъ въ Киевѣ и Бѣлой-Церкви. Однако, не смотря на очевидную необходимость этого предложенія, оно не было принято панамъ и князь потребовалъ себѣ свидѣтельство отъ короля въ томъ, что онъ хотя и состоитъ киевскимъ воеводой, но не можетъ считаться виновнымъ на тотъ случай, если замки, будучи открытыми, вновь подвергнутся нападению козаковъ. Свидѣтельство было выдано, за подписью короля Сигизмунда III, октября 15 дня 1592 года ⁶⁾. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до конца всего года, и еще въ половинѣ января слѣдующаго 1593 года обыватели луцкаго и владимірскаго повѣтовъ, съѣхавшіеся было для судебныхъ роковъ, сговорились закрыть засѣданіе судовъ и прекратить судебныя

¹⁾ Костомаровъ, Историческія моногр., 1867, III, 250.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 38—40.

³⁾ Нынѣ мѣстечко Новградъ—волинскаго уѣзда.

⁴⁾ Николайчикъ: Киевская старина, 1884, мартъ, 435, прим. 2.

⁵⁾ Bielskiego Dalszy ciąg kroniki, Warszawa, 1851, 178.

⁶⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 36.

дѣлопроизводства по причинѣ возстанія козаковъ и разоренія ими шляхетскихъ имѣній ¹⁾). Только 16 января 1593 года король издалъ универсалъ къ шляхтѣ вольнскаго, киевскаго и брацлавскаго воеводства, «ознаймуя о великомъ своевольствѣ низовыхъ козаковъ и призывая жителей на посполитое руненіе противъ нихъ за то, что они по непріятельски имѣнія шляхты разоряютъ, а самихъ шляхтичей и мѣщанъ къ присягѣ на вѣрность себѣ насильно приводятъ» ²⁾).

Нужно думать, что къ этому же времени относится и постановленіе сейма относительно козаковъ, отмѣченное въ собраніи польско-литовскихъ законовъ: «Своеводіе козачества, чѣмъ даліе, тѣмъ больше вредитъ Рѣчи-Посполитой; вслѣдствіе этого сеймъ 1593 года постановляетъ называть козаковъ врагами отечества. Гетману войска нашего поручаемъ тѣхъ своевольниковъ уничтожить. Но для подлиннаго удержанія этого своегоя нужна конституція (постановленіе) 1590 года, по которой нашъ гетманъ и сами обыватели тѣхъ краевъ, откуда выходятъ эти своевольные люди, могутъ брать оружіе и защищаться» ³⁾).

На королевскій универсалъ и постановленіе сейма прежде всего отозвался князь Константиинъ Острожскій, маршалокъ вольнскій, воевода киевскій и староста володимірскій. Уже въ концѣ января стало извѣстно, что Острожскій началъ собирать шляхетское ополченіе противъ козаковъ ⁴⁾). Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ Константиновъ. Кроме Константина Острожскаго, сборомъ ополченія занимались также князь Янушъ Острожскій, дѣйствовавшій воеводъ Тарнополи ⁵⁾, а также сынъ Януша и внукъ Константина. Не довольствуясь мѣстнымъ ополченіемъ, Янушъ Острожскій послалъ за пѣхотой въ Венгрію, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ успѣлъ стянуть значительное число войска подъ свои знамена.

Къ февралю мѣсяцу войска уже успѣли собраться, и начальство надъ ними принялъ Янушъ Острожскій, потому что онъ былъ бодрѣе своего слишкомъ престарѣлаго отца и опытнѣе сво-

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 38—44.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 44—46.

³⁾ Volushina Legum, Санктъ-Петербургъ, 1860, II, 364.

⁴⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 47—52.

⁵⁾ Городъ въ теперешней австрійской Галиціи.

его молодого сына. Вместе съ Миушемъ Острожскимъ дѣйствовалъ и князь Александръ Вишневецкій, староста черкасскій.

Косинскій сперва стоялъ въ Острополѣ, при немъ было около 5.000 человекъ войска. Не считая удобнымъ и безопаснымъ для себя Острополь, Косинскій передвинулся къ мѣстечку Пяткѣ ¹⁾, положеніе котораго во многомъ находилъ болѣе выгоднымъ для военныхъ дѣйствій. Острожскій послѣдовалъ за Косинскимъ къ Пяткѣ. Но Косинскій, не желая допустить князя въ самый городъ, вышелъ къ нему на встрѣчу за городъ и здѣсь устроилъ, по козацкому обычаю, въ открытомъ полѣ таборъ изъ возовъ, заключивши свое войско въ средину его. Дойдя до козацкаго табора, войско Острожскаго сперва не рѣшалось напасть на козаковъ и даже склонно было къ бѣгству, но когда Острожскій обратился къ нему съ теплымъ словомъ убѣжденія и показалъ примѣръ собственнаго мужества, то рать его съ отвагой бросилась на Косинскаго, успѣла разорвать козацкіе возы и проникнуть въ центръ табора. Тогда козаки посѣлѣшили отступити къ городу, но поляки преслѣдовали ихъ до самыхъ воротъ города, нанося имъ раны и поражая на мѣстѣ. Это произошло 2-го числа мѣсяца февраля, когда въ полѣ не успѣлъ еще стоять снѣгъ ²⁾. Неудача козаковъ произошла, главнымъ образомъ, оттого, что они дѣйствовали противъ своихъ враговъ на малорослыхъ коняхъ, топавшихъ въ таявшемъ снѣгу и замедлявшихъ оттого всѣ дѣйствія своихъ всадниковъ въ противоположность полчанамъ Острожскаго и Вишневецкаго, сидѣвшимъ на рослыхъ лошадяхъ и хорошо справлявшимся съ проталинами въ снѣгу. Подъ конецъ Косинскій потерялъ, по польской народной молвѣ, до 3.000 человекъ войска, 26 пушекъ, почти всѣ хоругви и февраля 10 дня ³⁾ сдался на капитуляцію побѣдителямъ: выѣхавъ изъ замка, козацкій вождь, по словамъ польскаго лѣтописца Іоахима Вѣльскаго, упалъ къ ногамъ Острожскаго съ мольбой о прощеніи, и былъ прощенъ.

Того же февраля 10 дня Косинскій далъ листъ и принесъ присягу Константину Острожекому о прекращеніи набѣговъ на местности князя и его друзей, о сложеніи съ себя «гетманскаго» уряда, о выдачѣ польскихъ слугъ и о возвращеніи оружія и имущества, у пановъ взятаго.

¹⁾ Теперь житомирскаго уѣзда волынской губерніи.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, 25; Heidenstein, II, 317; Bielski, 188—190.

³⁾ Николаичикъ: Кіевская старина, 1884, мартъ, 438, пр. I.

«Я, Криштофъ Косинскій, на это время гетманъ, и мы сотники, атаманы, все рыцарство войска запорожскаго, сознаемся въ этомъ листѣ нашемъ, что, несмотря на великія добродѣтели и ласки левельможнаго пана Константина княжаты Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волицкой, старосты володимірскаго, которыя его милость во все время своей жизни, вслѣдствіе своей милостивой панской власти, оказывалъ всему войску и каждому изъ насъ особо и много добра дѣлать: а мы, забывъ обо всемъ томъ, не мало огорченія и убытковъ причинили какъ самому ему и дѣламъ его, такъ и слугамъ и подданнымъ его милости, и ласку ихъ милости къ себѣ, нарушили: а ихъ милость, будучи подъ Питкомъ, всѣ поступки наши, послѣ униженныхъ и усердныхъ просьбъ нашихъ и послѣ заступничества многихъ знатныхъ людей, по своей милостивой ласкѣ, какъ христіанскіе панове, не желая проливать нашей крови, намъ простите. Поэтому мы, все рыцарство вышеименованнаго войска, обѣщаемъ и присягою своею утверждаемъ: съ этого времени пана Косинскаго за атамана не имѣть и на его мѣсто иного на Украинѣ, въ теченіе четырехъ недѣль поставить, и потомъ находиться въ послушаніи его милости короля, не чиня никакого размирья съ посторонними сосѣдами панствъ его королевской милости жить за порогами на указанныхъ мѣстахъ, ни дѣжъ, ни приставствъ, ни убытковъ, ни кривдъ не имѣть и не чинить въ державлахъ и маестностяхъ ихъ милостей князей и ихъ пріятелей, его милости княжаты Александра Вишневецкаго, старосты черкаскаго, и иныхъ, находящихся въ это время при ихъ милости: также не подманивать къ себѣ слугъ изъ маестностей и державствъ ихъ милости: бѣглецовъ, измѣнниковъ и слугъ ихъ милости у себя не хоронить и выдавать: оружіе, когда-либо взятое въ замкахъ, городахъ и державахъ ихъ милостей, кромѣ тринольскихъ (т.-е. взятыхъ въ Треполь), вернуть: также вернуть хоругви, лошадей, скотъ и движимое имущество, взятые въ ихъ имѣніяхъ княжаты ихъ милости: кромѣ того отправить отъ себя челядь обоюго пола («обое плоти»), имѣющуюся при насъ: вѣчно жить у князей ихъ милостей въ прежней любви, никогда не приставать ни къ одному человеку противъ ихъ милостей, а напротивъ служить имъ. На всѣ эти вышепронисанныя кондиціи, поданныя намъ отъ ихъ милостей князей, мы, все войско, приносимъ присягу вѣчно, свято и ненарушимо, не подыскивая причинъ къ нарушенію, хранить и по нимъ на вѣчныя

времена поступать. А присяга та наша заключается въ слѣдующихъ словахъ: я, Криштофъ Косинскій, мы сотники атамань, все рышарство войска запорожскаго, одинъ за другого и каждый изъ насъ за себя присягаемъ Господу Богу въ Тройцѣ Единому, который сотворилъ небо и землю, на томъ, что мы все и каждый въ отдѣльности, имѣемъ и повинны все вышепоименованныя кондиціи, на этомъ листѣ намъ поданныя имъ милостію князьями Острожескими, въ цѣлости и ненарушимо, не подыскивали никакихъ причинъ къ нарушенію, содержать и сообразно съ ними вѣчно поступать съ ихъ милостями, а не противъ ихъ милостей пановъ, пріятелей, слугъ и подданныхъ ихъ, — въ этомъ помоги намъ, Господи Боже! Если же мы неправильно присягнули, то скарай часть, Господи Боже, на душахъ и на тѣлахъ нашихъ, въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ! А для лучшей вѣрности и вѣчнаго нашего утвержденія, я, Косинскій, этотъ листъ властною рукою своею подписалъ и печать свою приложилъ; мы все также приказали приложить къ этому листу войсковую печать и которые изъ насъ умѣли, къ нему руки свои подписали; просили тоже сдѣлать и ихъ милостей пановъ вельможныхъ, бывшихъ при этомъ: его милость пана Якуба Претвича изъ Гавронъ, канцелярна галицкаго, старобсту теребовльскаго; пана Александра князя Вишневецкаго, старосты черкаскаго, каневскаго, корсунскаго, любецкаго, ловицкаго; пана Яна Гульскаго, войскового требовльскаго, пана Вацлава Боговитина, хорунжаго земли волынской; пана Василя Гулевича, войскового володимірекаго, что ихъ милости, по просьбѣ нашей, сдѣлать изволили и, приложивъ печати свои къ этому нашему листу, изволили подписать руки свои. Дѣялось подъ Пяткомъ року божого 1593, мѣсяца февраля 10 дня. Криштофъ Косинскій рукою своею, Иванъ Кречкевичъ писарь войсковой именемъ всего войска рукою; Якубъ Претвичъ изъ Гаврона своею рукою; Александръ князь Вишневецкій, староста черкаскій; Вацлавъ Боговитинъ, хорунжій волынскій, Василій Гулевичъ войскій володимірекій, Янъ Гульскій войскій требовельскій¹⁾.

Очистивъ волынское воеводство и разставившись со своимъ вождемъ Косинскимъ, козаки частью ушли на Запорожье, частью разошлись по домамъ на Украинѣ, но большая часть ихъ, вопреки условію съ княземъ Острожескимъ, очутилась подъ городомъ

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 53—57.

Кіевомъ и скоро овладѣла имъ, помѣстивши въ немъ свою армату и утвердившись въ мысли навсегда остаться въ немъ. Тогда нѣкоторые изъ волынскихъ пановъ обратились къ кіевскому и волынскому воеводѣ съ просьбой принять противъ козаковъ самыя рѣшительныя мѣры, оновѣстивъ о томъ всѣхъ пановъ Волыни и такимъ образомъ общими силами прекратить своеволю козачія. Но эти просьбы оставлены были Константиномъ Острожскимъ безъ вниманія, казавшагося для многихъ весьма загадочнымъ, но объяснимымъ частію розною, всегда существовавшимъ между всѣми польскими панами того времени, частію тою связью, которая существовала между многими пограничными старостами и воеводами и низовыми козаками, а частію и тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ паны отнеслись къ Янушу Острожскому въ то время, когда онъ, передъ пяткинскимъ дѣломъ, вынужденъ на защиту своихъ вѣностей и потерпѣлъ пораженіе отъ козаковъ.

Такое равнодушіе со стороны князя Острожскаго къ просьбамъ волынскихъ пановъ какъ нельзя болѣе пришлось по вкусу бывшаго козакаго гонимца, Крисотофа Косинскаго. Стѣсненный безвыходнымъ положеніемъ, онъ далъ клятвенный листъ князьямъ Острожскимъ въ полномъ повиновеніи имъ, но теперь оказалось, что клятва дана имъ вынужденно и что онъ вовсе не думалъ объ исполненіи ея, получивши свободу. Теперь онъ снова выступилъ на сцену: снова вокругъ него стали собираться войска, частію изъ польскихъ бояръ, частію изъ побывавшихъ на Запорожьи мѣщанъ, а частію и изъ блукавшихъ по Украйнѣ запорожцевъ: вмѣстѣ съ войскомъ у Косинскаго явилась и армата. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ приднѣпровскій городъ Черкассы. Косинскій рѣшилъ прежде всего ударить на черкаскаго старосту, князя Александра Вишневецкаго за то, что онъ осмѣлился принимать участіе, вмѣстѣ съ княземъ Острожскимъ, въ дѣлѣ подъ Пятгою. Въ началѣ съ Косинскимъ было, по приблизительному разсчету, отъ трехсотъ пятидесяти до четырехсотъ коней, но потомъ къ нему водою и сухопутьемъ потянулись отовсюду новыя силы, и возстаніе грозило принять широкіе размѣры. Къ счастью поляковъ, случилось обстоятельство, которое сразу разрушило всѣ намѣренія козаковъ,—это убійство Косинскаго. Оно произошло во время шара Косинскаго въ корчмѣ города Черкассъ и сдѣлано было служебниками Вишневецкаго, которыхъ Косинскій приглашалъ подъ свой «рейментъ». Во хмелю шировавшіе сперва поссо-

рились, потомъ отъ ссоры перешли къ дракѣ и во время драки какой-то шляхтичъ однимъ ударомъ сразилъ Косинскаго, а товарищи его бросились на козаковъ, бывшихъ съ Косинскимъ, и перебили ихъ. Оставшееся безъ вождя войско Косинскаго ушло за порогъ.

Такъ передаютъ о кончинѣ Косинскаго Бѣльскій и Гейденштейнъ. Иначе рассказываетъ объ этомъ самъ Александръ князь Вишневецкій. Въ своемъ письмѣ отъ 23 мая 1593 года къ коронному гетману Яну Замоискому онъ говоритъ, что Косинскій погибъ во время сраженія подъ Черкасами: не смотря на то, что при немъ было 2.000 человекъ козаковъ, онъ былъ разбитъ Вишневецкимъ и палъ на мѣстѣ ¹⁾. Народная молва и украинскіе лѣтописцы придали Косинскому особенный ореолъ мученика и о кончинѣ его рассказывали, будто бы онъ живымъ былъ замурованъ въ каменномъ столбѣ, въ Брестъ-Литовскѣ, и погибъ тамъ лютою смертью. Впрочемъ, такой конецъ приписываетъ Косинскому псевдо-лѣтописецъ Георгій Косинскій: большинство же лѣтописцевъ говорятъ о гибели Косинскаго подъ Пяткою, при чемъ одни относятъ годъ смерти его къ 1593, другіе къ 1594 году ¹⁾.

Фактическое и послѣдовательное изложеніе войны Косинскаго и низовыхъ козаковъ съ поляками не дастъ намъ прямыхъ указаній на то, чтобы уяснить себѣ опредѣленно выраженные причины этой войны. О гнетѣ религіозномъ украинскаго народа поляками въ это время еще не можетъ быть рѣчи, такъ какъ этотъ вопросъ, хотя и уясилъ уже къ тому времени назрѣть, выступилъ со всею силою нѣсколько позже самой смерти Косинскаго. Остается поставить это первое козацкое движеніе противъ польскаго правительства въ зависимость отъ политической уніи 1569 года, по которой народно-козацкая Украина, оторвавшись отъ Литвы, вошла въ составъ аристократически-шляхетской польской республики и стала чувствовать себя въ новомъ отечествѣ такъ, какъ чувствуетъ себя пріемышъ въ чуждой ему по плоти и вѣрѣ семьѣ. Первыми причинами козацкаго движенія въ областяхъ польской Украины и въ тѣсно связанномъ съ ними Запорожѣ могли быть постепенный захватъ польскими панами съ

¹⁾ Bielskiego, Dalszy ciąg kroniki polskiej, Warszawa, 1851, 190; Heidenstein, Dzieje polski, II, 318; Listy Żółkiewskiego, Krakow, 1868, 26.

1569 года земельных угодій на Украинѣ и послѣдовательное стремленіе со стороны пановъ къ закрѣпощенію и порабощенію простого украинскаго населенія. Что личное положеніе украинцевъ подъ властью поляковъ дѣйствительно имѣло въ описываемое время извѣстное значеніе, это видно изъ частыхъ побѣговъ панскихъ подданныхъ на Запорожье, а также и изъ старанія Косинскаго распространить равноправность суда между козаками, шляхтичами и несляхтичами. Такимъ образомъ, не имѣя фактическихъ указаній на то, чтобы свизывать перемы движенія козаковъ противъ поляковъ съ вопросомъ о борьбѣ за вѣру, мы должны отвергнуть свидѣтельства малорусскихъ лѣтописцевъ, утверждающихъ, безъ всякаго на то основанія, будто бы козацкій вождь Криницкій Косинскій поднялъ свое оружіе противъ поляковъ за вѣру козаковъ, оскорбляемую католиками. О первыхъ козацкихъ войнахъ противъ поляковъ можно сказать то, что причиной ихъ было, согласно выработанной исторіей истины, нарушеніе экономическаго равновѣсія въ государствѣ, или, иначе говоря, всеобщее обѣднѣніе народа въ государствѣ и стремленіе его выйти изъ этого состоянія черезъ борьбу съ другимъ народомъ. Въ государствѣ Рѣчи-Посполитой матеріально лишеннымъ было низшее населеніе Украины, которое и стремилось возстановить экономическое равновѣсіе съ оружіемъ въ рукахъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Идея объ изгнаніи турокъ изъ Европы. — Сношенія австрійскихъ императоревъ съ Москвою по этому поводу черезъ посла Воркочу. — Свидѣніи, собранныя Воркочей въ Москвѣ о запорожскихъ козакахъ. — Отправленіе и пріѣздъ въ запорожскую Сичу германскаго посла Эриха Ласоты. — Пріѣздъ папскаго посла патера Комудео. — Предложеніе запорожцамъ отъ императора и папы. — Согласіе и потомъ отказъ запорожцевъ въ участіи войны императора противъ турокъ. — Условіи, предъявленныя запорожцами императорскому послу и отправка къ императору собственныхъ посланцевъ. — Уклоненіе со стороны молдавскаго господари отъ союза съ запорожцами, хлопоты по этому поводу и успѣхъ со стороны папскаго посла, патера Комудео.

Едва успѣли запорожскіе козаки покончить съ дѣломъ Косинскаго, какъ у нихъ началось новое и весьма важное дѣло—сношеніе съ австрійскимъ императоромъ. Имя запорожскихъ козаковъ сдѣлалось извѣстнымъ при дворѣ австрійскаго императора черезъ нѣкоего Станислава Хлоницкаго, въ свое время популярнѣйшаго авантюриста, червонорусскаго уроженца, выдававшаго себя при императорскомъ дворѣ за козацкаго гетмана. Въ то время австрійскій императоръ очень занятъ былъ вопросомъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы.

Идея объ изгнаніи турокъ изъ Европы занимала умы политиковъ разныхъ странъ этого времени: Испанія, Италія, Германія составили союзъ противъ турокъ, къ которому они нашли нужнымъ привлечь Польшу, Молдавію и даже Россію. Къ этому послѣдовательно стремились Филиппъ II, испанскій король, Григорій XIII, папа римскій, Максимилианъ II и Рудольфъ II, германскіе императоры. Каждый изъ нихъ старался непременно вовлечь въ это дѣло и Россію. Выказана была даже мысль обѣщать московскому царю Крымскій полуостровъ, а потомъ и самую столицу турокъ, Константинополь, лишь бы только царь согласился принять участіе въ составленномъ союзѣ. Но такъ какъ всѣхъ этихъ союзниковъ для осуществленія идеи казалось мало, то нашли

нужнымъ привлечь къ задуманному дѣлу еще запорожскихъ козаковъ, всегдашнихъ враговъ турокъ, какъ и всякихъ другихъ мусульманъ. Особенно энергично хлопотали объ этомъ Рудольфъ II и Григорій XIII, германскій императоръ и римскій папа.

Сношенія Австріи съ Россіей велись черезъ германскаго посла Николая Вюркочу, бывшаго при дворѣ царя Оедора Ивановича и регента Бориса Оедоровича Годунова. Прослышавъ о военныхъ доблестяхъ низовыхъ козаковъ, германскій императоръ Рудольфъ II обратился съ просьбой къ московскому царю дать ему въ распоряженіе козаковъ для вспоможенія въ предположенной противъ турокъ войнѣ. Московское правительство, не владея запорожскими козаками, не могло исполнить просьбы императора, но тѣмъ не менѣе вполне сочувственно отнеслось къ просьбѣ его. Вюркочъ, передано было, что запорожскіе козаки очень выносливы въ голодѣ, очень полезны для захватыванія добычи, для опустошенія непріятельской земли и для внезапныхъ набѣговъ на враговъ; но съ другой стороны было сказано, что козаки—народъ неукротимый, жестокий, не имѣющій страха божія и ненадежный: что имъ не слѣдуетъ вѣрять крѣпости, зато можно поручать дальнія экспедиціи въ землѣ непріятельской ¹⁾).

Но германскому императору такой народъ былъ какъ нельзя кстати, и онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, привлечь запорожцевъ къ задуманному имъ дѣлу.

Императоръ отправилъ въ Москву (въ 1594 году) грамоту на имя царя Оедора Ивановича и вмѣстѣ волошскаго воеводы Аарона, брацлавскаго воеводы князя Збаражскаго и всѣхъ доблестныхъ рыцарей, жившихъ въ запорожскомъ войскѣ. Грамоту эту привезъ въ Москву шляхтичъ Станиславъ Хлопицкій, предложившій свои услуги Рудольфу II набрать восемь или девять тысячъ козаковъ на службу Австріи. Въ грамотѣ прописана была просьба пропускать Хлопицкаго вездѣ безпрепятственно, а также изложена была и самая программа дѣйствій козаковъ: одна часть ихъ должна была залечь всѣ дороги крымскимъ людямъ и не пустить ихъ для помощи туркамъ, другая должна внести войну въ турецкую землю и опустошить ее. Хлопицкій, прибывъ въ Москву, объявилъ тамъ, что императоръ обращается съ просьбой о запо-

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 295; Чтенія общества исторіи и древностей, 1863, II, 269.

рожскихъ козакахъ къ московскому царю именно потому, что считаетъ запорожцевъ царскими слугами, да и сами запорожцы указываютъ на то и безъ воли царской не хотятъ служить императору. Но кромѣ этого тутъ же Хлопицкій сталъ просить и о томъ, чтобы московскій царь къ войску запорожскому прибавилъ и своихъ людей, а также далъ бы козакамъ знамя и помогъ бы имъ казной: «тогда у непріятеля креста святаго упадетъ сердце, какъ услышитъ такую силу царскаго величества». Въ Москвѣ къ просьбѣ германскаго императора отнеслись съ подобающимъ вниманіемъ, но самый приѣмъ просьбы нашли обиднымъ для царскаго величества: Хлопицкому быть у государя непригоже, потому что въ императорской грамотѣ, писанной къ царю, рядомъ съ царемъ поставленъ князь Збаражскій, холопъ литовскаго короля. Но царь, не полагая опалы на Хлопицкаго изъ желанія добра цесарскому величеству, отпускаетъ Хлопицкаго назадъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ отписать начальнику запорожскихъ козаковъ, Богдану Микошинскому, о томъ, чтобы онъ шелъ на помощь цесарю ¹⁾).

Съ такою же настойчивостью добивался союза съ запорожскими козаками и римскій папа: Съ той и съ другой стороны отправлены были къ запорожцамъ послы: отъ императора—Эрихъ Ласота ²⁾, вмѣстѣ съ Станиславомъ Хлопицкимъ и италіиномъ Яковомъ Генкелемъ, пользовавшимся репутаціей знатока польско-украинскихъ отношеній; отъ папы—патеръ донъ Александро Комулео. «Александро Комулео былъ посланъ папою Григоріемъ XIII къ христіанскимъ народамъ Турціи съ апостольскими цѣлями, и при этомъ посѣщеніи, длившемся три года, близко узналъ число христіанъ, какъ латинскихъ, такъ и греческихъ, находящихся въ нѣкоторыхъ областяхъ и царствахъ турецкой земли, узналъ духъ этихъ народовъ, видѣлъ тѣ страны и военные проходы для войскъ и усмотрѣлъ, на сколько легко и какимъ способомъ можно выгнать турокъ изъ Европы, о чемъ съ всею откровенностью и доносилъ кардиналу Джіорджіо Романо» ³⁾).

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 295.

²⁾ Ласота (по догадкѣ Кулиша отъ корня «ласый») былъ славянинъ-моравянинъ, родомъ изъ Блашевицъ, понимавшій свободно по-украински, но писавшій по-нѣмецки.

³⁾ «Донесенія патера донъ А. Комулео, благочиннаго св. Іеронима римскаго, о турецкихъ дѣлахъ». Эти донесенія, писанныя на итальянскомъ языкѣ,

Побывавъ въ Трансильваніи, Галиціи, Молдавіи и Польшѣ и вездѣ заручившись согласіемъ со стороны правительствъ идти противъ турокъ, патеръ Комулео рѣшилъ, наконецъ, отправиться къ запорожскимъ козакамъ. «Козаки находятся у Большого моря (Чернаго).—говорить онъ,—ожидая случая выйти въ устье Дуная. Число этихъ козаковъ не доходитъ и до 2.000 человекъ. Думаютъ, что они отправились туда по просьбѣ его цесарскаго величества, другіе козаки находятся на татарской границѣ. Для личныхъ переговоровъ съ послѣдними я поѣду въ Каменицу и куда понадобится. 27 апрѣля 1594 года».

Переговоры Комулео съ козаками продолжались около полутора мѣсяца, съ самаго конца апрѣля до половины іюня. Въ то время козаки стояли въ пяти дняхъ пути отъ Каменицы, въ числѣ 2.500 человекъ, вмѣстѣ съ «начальникомъ» Богданомъ Микошинскимъ. Послѣдній письмомъ увѣрилъ панскаго посла, что онъ готовъ со своими козаками послужить панѣ противъ турокъ. Заручившись этимъ письмомъ, Комулео сталъ настаивать, чтобы молдавскій господарь соединился съ козаками противъ общаго врага. Но молдавскій господарь, давшій раньше полное согласіе во всемъ слѣдовать панскому цунцію, теперь отвѣчалъ уклончиво: частію изъ боязни турокъ, съ которыми ему нужно было ладить, чтобы остаться молдавскимъ господаремъ, частію же изъ боязни самихъ козаковъ, которые могли обратить оружіе противъ него же самого.

Между тѣмъ, пока происходили эти совѣщанія дона Александро Комулео съ молдавскимъ княземъ и съ запорожскими козаками, въ самой Сичѣ на островѣ Базавауки находился тогда германскій посолъ Эрихъ Ласота. Какъ добрался въ Сичъ Ласота, что онъ тамъ видѣлъ и къ чему пришелъ въ своихъ переговорахъ, объ этомъ онъ рассказываетъ въ своемъ дневникѣ. Дневникъ этотъ любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ и даетъ точныя свѣдѣнія для топографіи края и внутренняго строя низовыхъ козаковъ.

Спустившись ниже Кіева къ устью рѣки Пела, Ласота встрѣтилъ здѣсь московскаго посла Василія Никифоровича, ѣхавшаго также къ запорожцамъ «отъ великаго московскаго князя» съ подарками. Московскій посолъ, свидѣвшись съ Ласотой, объявилъ,

доставлены автору профессоромъ харьковскаго университета, М. С. Дриновымъ. Комулео былъ иллирійскимъ священникомъ; зная по-славянски, онъ могъ объясниться съ козаками безъ переводчика.

что его повелитель склоненъ оказать помощь императорскому величеству и разрѣшаетъ запорожскимъ козакамъ поступить въ распоряженіе императора. Послѣ этихъ переговоровъ оба посла сѣли въ лодки и пустились вмѣстѣ до самаго лагеря запорожцевъ внизъ по Днѣпру. Они минули устья рѣчекъ Ворсклы, Орели, Самары и дошли о знаменитыхъ днѣпровскихъ порогахъ.

«Плаваніе черезъ пороги чрезвычайно опасно, особенно во время низкой воды: люди должны въ опасныхъ мѣстахъ выходить и одни удерживаютъ судно длинными канатами, другіе опускаются въ воду, поднимаютъ судно надъ острыми камнями и осторожно спускаютъ его въ воду. При этомъ тѣ, которые удерживаютъ барку канатами, должны все вниманіе обращать на стоящихъ въ водѣ и только по ихъ командѣ натягивать и отпускать перекладку, чтобы судно не натолкнуться на камень, ибо въ такомъ случаѣ оно немедленно гибнетъ. Такихъ мѣстъ двѣнадцать: если же причислить къ нимъ еще одно, Воронову забору, то будетъ тринадцать, на протяженіи семи миль... ¹⁾». Юня 6 дня мы пустились черезъ пороги и до обѣда миновали первые шесть пороговъ; близъ перваго, называемаго Кодакъ, мы вышли на правый берегъ, у втораго, Сурскаго, высадились на островъ, лежащій у праваго берега, при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Суры; у третьяго, Лоханскаго, также сходили на правый берегъ, и четвертый, называемый Стрѣльчимъ, проѣхали ²⁾; у пятаго, называемаго Звонецъ, мы высадились на правый берегъ у подножія высокой скалы. Шестой порогъ, Княгининъ ³⁾, мы оставили вправо, обѣхавши его съ лѣвой стороны и затѣмъ обѣдали ниже на Княгининномъ островѣ. Послѣ обѣда прошли черезъ седьмой порогъ, Пенасытецъ, близъ котораго должны были сойти на лѣвый татарскій берегъ и долго замедлили, такъ какъ это самый большій и опасный изъ пороговъ. Мѣсто это опасно по причинѣ татаръ, которые чаще всего производятъ здѣсь нападенія; еще около трехъ подѣлъ передъ тѣмъ татары напали на двѣнадцать городовыхъ козаковъ, которые хотѣли спуститься внизъ, и перебили ихъ. Поэтому мы поставили на горѣ стражу, для наблюденія, которая примѣтила вдали четы-

¹⁾ Въ настоящее время всѣхъ пороговъ считается девять и нѣсколько заборъ; см. Вольности запорожскихъ козаковъ, Д. И. Эварницкаго, Сиб., 1890, 33—47.

²⁾ Теперь забора Стрѣльчатая или Стрѣльчя.

³⁾ Теперь забора Княгинина или Тигинская.

рехъ татаръ и дала намъ знать: мы тотчасъ отрядили до двадцати человекъ изъ своей свиты въ погоню за ними, сами же со всеми остальными держались наготовѣ и слѣдили, не понадобитсяъ ли имъ подкрѣпленіе. Но татары, замѣтивъ, что мы сильны и держимся на сторожѣ, не стали ожидать насъ, а скрылись и исчезли. Пройдя этотъ порогъ, мы провели ночь на близъ лежащемъ островѣ ¹⁾. Юня 7 дня мы прошли восьмой порогъ, Воронову забору: здѣсь одинъ изъ нашихъ байдаковъ, на которомъ находились Андрей Затурекій, Инъ Гашибаль и нѣкто Осчикъ, наткнулся на камень и потонулъ: сами они были спасены маленькими лодочками, называемыми здѣсь подъиздками, но все ихъ вещи погибли. (Если считать только двѣнадцать пороговъ, Воронова забора не считается въ ихъ числѣ, а почитается только опаснымъ мѣстомъ). У девятого порога, Вовнига, мы сами сошли на берегъ и спесли свои вещи. Потомъ мы прошли десятый порогъ, Будило, а за нимъ пристали къ лѣвому татарскому берегу: тамъ обѣдали. Здѣсь въ настоящее время находится самая обычная и извѣстная изъ татарскихъ переправъ, простирающаяся за островъ Таволжанскій, такъ какъ Дѣйпръ течетъ здѣсь однимъ только русломъ и не слишкомъ широкъ. Мы нашли здѣсь много маленькихъ татарскихъ лодочекъ, связанныхъ изъ хвороста и кругомъ обтянутыхъ свѣжею кожею. Близъ этого порога, на правомъ берегу скрывались въ засадѣ до четырехъ сотъ козакъ, которые вытѣснили свои лодки или челны на землю, а сами лежали въ кустахъ и заросляхъ: они были посланы сюда изъ Сичи, чтобы преградить путь татарамъ, на случай, если бы часть ихъ задумала переправиться сюда, какъ того опасались. Одиннадцатый порогъ Таволжанскій ²⁾ мы оставили вправо, обойдя его съ лѣвой стороны, а двѣнадцатый Лишній прошли. У тринадцатаго, именно Вольнаго, мы вышли на татарскій лѣвый берегъ и, причаливая къ землѣ, наткнулись на камни, но къ счастью нашему судно ударилося своимъ хорошо укрѣпленнымъ носомъ. Близъ этого порога впадаетъ въ Дѣйпръ рѣчка Вольна: здѣсь оканчиваются пороги въ разстояніи семи миль отъ перваго; отсюда до Кичкаса 1½ миль. Здѣсь также существуетъ татарская пере-

¹⁾ Нужно думать, на такъ-называемомъ Песчаномъ островѣ, у лѣваго берега Дѣйпра.

²⁾ Теперь забора Таволжанская.

права; Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ очень узокъ и берега его, особенно лѣвый, весьма возвышенны и скалисты. Отсюда до Хортицы—прекраснаго, гористаго, обширнаго и веселаго острова, имѣющаго околомъ двухъ миль въ длину и дѣлящаго русло Днѣпра на двѣ ровныя части, $\frac{1}{2}$ мили. Здѣсь мы провели ночь. На этомъ островѣ козаки держатъ зимою своихъ лошадей. Къ вечеру упомянутые выше 400 козаковъ, которые составляли стражу противъ татаръ у Будиловскаго порога, присоединились къ намъ и отсюда уже вмѣстѣ со мною отправились въ Сичь. Юня 8 дня дошли до острова возлѣ Бѣлогорья $3\frac{1}{2}$ мили ¹⁾; тамъ обѣдали. Отсюда до другаго острова $5\frac{1}{2}$ миль. Юня 8-го дня прибыли на островъ, называемый Базавлукъ, лежащій при одномъ изъ днѣпровскихъ рукавовъ—Чортотмыкѣ, или, какъ они называютъ, при Чортотмыцкомъ Днѣпринцѣ, 2 мили. Здѣсь находилась въ то время козацкая Сичь; они выслали на встрѣчу намъ нѣсколько болѣе знатныхъ лицъ, чтобы привѣтствовать насъ отъ имени всего ихъ товарищества и при нашемъ приближеніи салютовали множествомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Едва мы вышли на берегъ, какъ они тотчасъ же проводили насъ въ коло. Всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 31 мая, ихъ вождь Богданъ Микошинскій отправился въ море на 50 судахъ съ 1.300 человекъ ²⁾; мы просили доложить колу, что мы чрезвычайно обрадованы, найдя все рыцарское товарищество въ добромъ здоровьи. Затѣмъ, такъ какъ вождь былъ въ отсутствіи и не все войско находилось въ сборѣ, то мы не пожелади на этотъ разъ изложить свое порученіе, оставляя это до благополучнаго возвращенія гетмана и всѣхъ остальныхъ. Они охотно согласились на это; затѣмъ мы отправились въ свои шалаши (которые они называютъ кошанами), плетенные изъ хворосту и покрытые сверху лошадиными кожами для защиты отъ дождя.

Только 18 юня вождь съ остальнымъ войскомъ, бывшій, какъ упомянуто выше, въ морскомъ походѣ, возвратился въ станъ. Онъ встрѣтилъ татаръ при очаковской переправѣ, имѣлъ съ ними двѣ схватки, одну на водѣ, другую на сушѣ, причемъ козаки взяли

¹⁾ Противъ села Бѣленькаго, екатеринославской губерніи и уѣзда.

²⁾ Микошинскій предпринялъ походъ на турецкія владѣнія по внушенію императора Рудольфа II, который завелъ сношенія съ запорожцами черезъ Степана Хлопицкаго еще въ началѣ 1594 года.

въ плѣнѣ раненаго въ колѣно знатнаго татарина, по имени Белека, изъ числа царскихъ придворныхъ. Но такъ какъ турецкія силы, оберегавшія татаръ отъ опасности, были слишкомъ значительны, именно состояли изъ 8 галеръ, 15 каравелъ и 150 сандаловъ, то козаки принуждены были отступить и не могли воспрепятствовать переправѣ.

Разспрашивая Белека черезъ переводчика о силахъ и намѣреніяхъ татаръ, я узналъ, что ханъ выступилъ въ походъ съ двумя царевичами и 80.000 человекъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не болѣе 20.000 вооруженныхъ и способныхъ къ войнѣ; и что они должны были, нигдѣ не останавливаясь на долго, прямо идти въ Венгрію. Сверхъ того, я узналъ, что въ Перекопской ордѣ оставалось немного болѣе 15.000 человекъ и что ханъ ихъ, извѣщенный еще до выступленія о нѣкоторыхъ неудачахъ, которыя турки потерпѣли отъ венгерскаго народа его императорскаго величества, очень неохотно выступаютъ въ походъ.

Юня 19 дня, по утру, вождь посѣтилъ насъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми старшинами и затѣмъ принималъ у себя. Послѣ обѣда они выслушали московскаго посла, который, вручивъ подарки, открыто изложилъ передъ коломъ то же самое, о чемъ говорилъ со мною раньше въ дорогѣ. Но прежде чѣмъ выслушать его вождь прислалъ къ намъ изъ кола съ просьбою, чтобы аудіенція, данная московскому послу раньше нежели намъ, не послужила поводомъ къ недоразумѣнію, ибо имъ хорошо извѣстно, что его императорское величество стоитъ выше всѣхъ другихъ европейскихъ монарховъ и что поэтому его пословъ слѣдовало бы выслушать первыми. Но такъ какъ они предполагали, даже отчасти убѣдились въ томъ, что москвичъ долженъ былъ высказать соображенія относительно вербовки силъ его императорскимъ величествомъ, то поэтому они сочли уместнымъ предварительнo выслушать его.

Юня 20 дня мы явились аудіенцію и представили письменнo въ колѣ наше порученіе о вербовкѣ войскъ. Послѣ этого козаки, пригласивши насъ выйти изъ круга, прочли публично нашу грамоту и потребовали, чтобы каждый высказалъ о ней свое мнѣніе. Когда же, послѣ двукратнаго воззванія вождя, всѣ продолжали молчать, то отсутствующіе раздѣлились, какъ это у нихъ принято при обсужденіи важныхъ дѣлъ, и образовали два кола: одно, состоящее изъ старшинъ, и другое изъ простого народа, называемаго у нихъ чернью. Послѣ долгихъ совѣщаній чернь, наконецъ, обыч-

ными возгласами выразила свое согласіе вступить на службу его императорскаго величества, въ знакъ чего бросали вверхъ шапки. Послѣ этого толпа бросилась къ другому колу-старшинѣ, угрожалъ бросить въ воду и утопить cadaго, кто будетъ противъ этого мнѣнія. Поэтому старшины тотчасъ же согласились на все, не смѣя противорѣчить черни, столь сильной и могущественной, когда она приходитъ въ ярость, и только требовали переговорить съ нами объ условіяхъ. Избраны были 20 депутатовъ и насъ снова пригласили въ коло.

Тогда эти депутаты, уѣхавшіе на землѣхъ посреди большого кола, образовали маленькое коло и послѣ долгихъ совѣщаній пригласили насъ къ себѣ; мы пришли и уѣхали среди нихъ. Тогда они изъявили намъ свою готовность поступить въ службу его императорскаго величества, не щадя своей жизни. Они по существу согласны были двинуться въ Молдавію, переправиться черезъ Дунай и вторгнуться въ Турцію, но для исполненія этого предложенія оказались многія препятствія, которыя удерживали ихъ и заставляли совершенно отказаться: во-первыхъ, они не имѣли достаточнаго количества лошадей ни для самихъ себя, ни подъ орудія, такъ какъ татары во время семи разновременныхъ набѣговъ, предпринятыхъ въ теченіи минувшей зимы, захватили и утнали болѣе двухъ тысячъ лошадей, которыхъ послѣ того не осталось и четырехъ сотъ: во-вторыхъ, они не рѣшались вступить въ Молдавію въ столь ограниченномъ количествѣ наличнаго войска, именно около 3.000 человекъ, такъ какъ трудно полагаться на господаря, да и сами молдаване отъ природы непостоянный, измѣничивскій народъ, вѣроюмство котораго хорошо извѣстно козакамъ. Въ-третьихъ, что при столь незначительномъ вознагражденіи и при такой неопредѣленности нашихъ предложеній, они не могли вступить съ нами въ договоръ относительно службы, какъ мы того требовали, равно какъ и предпринимать такой дальній походъ. Потому они требовали, чтобы я облегчилъ имъ пути и средства, какъ запасти лошадей: они осведомлялись, не взялся-ли бы я выхлопотать у брацлавскаго воеводы нѣсколько сотъ лошадей, какъ для нихъ самихъ, такъ и подъ орудія. Притомъ они утверждали, что не имѣютъ обыкновенія поступать на службу и идти въ походъ при неопредѣленности условій, и потому желаютъ, чтобы я заключилъ съ ними договоръ отъ имени его императорскаго величества относительно трехмѣсячнаго

жалованья и продовольствія ихъ самихъ и лошадей: тогда они согласны принять предложеніе и подумаютъ, что дѣлать дальше. На это я отвѣтилъ относительно лошадей, что мнѣ, какъ иностранцу, незнакому съ Польшею, трудно совѣтовать имъ что-нибудь; но я не сомнѣваюсь, что, поднявшись вверхъ по Дуѣпру, они могутъ застать лошадей въ своихъ городахъ и селахъ, гдѣ они родились и выросли и гдѣ у каждаго были родные и знакомые: брацлавскій воевода ¹⁾, какъ большой другъ ихъ, также могъ бы снабдить ихъ лошадьми, если бы они того потребовали. Что же касается жалованья, то я не могу входить съ ними въ переговоры, не будучи уполномоченъ на то. Его императорское величество иначе бы распорядился, если бы они раньше заявили эти требованія и, вѣроятно, все дѣло приняло бы другой оборотъ. Что касается молдавскаго господара, то я увѣренъ, что онъ, при нашемъ прибытіи, объявитъ себя на сторонѣ императора. Поэтому я совѣтовалъ имъ изъ виду оказанныхъ его императорскимъ величествомъ милости и довѣрія, выразившихся въ томъ, что, не смотря на дальній и опасный путь, онъ прислалъ имъ въ самый ихъ ставъ столько значительныхъ и великолѣпныхъ даровъ и почестей, равныхъ которымъ они никогда не получали отъ другого монарха, съ своей стороны оказать довѣріе его императорскому величеству и, согласно его желанію, подняться вверхъ по Дуѣпру на Украину, гдѣ къ нимъ, безъ всякаго сомнѣнія, тотчасъ прислало бы много народа: тогда можно было бы съ значительными силами пройти Валахію до Дуная, настигнуть татаръ и преградить имъ дальнѣйшій путь. Исполнивши это, они могутъ быть увѣрены въ томъ, что его императорское величество, какъ верховный монархъ, не станетъ поступать вопреки своему достоинству и величію, а, напротивъ, убѣдившись въ ихъ доброй волѣ и преданности и усмотрѣвши начало этого въ ихъ службѣ, — наградитъ ихъ съ такою щедростью, которая можетъ значительно превзойти требуемое ими жалованье, па славу себѣ и къ ихъ личной выгодѣ. На это они снова отвѣчали мнѣ и призывали Бога въ свидѣтели, что всѣ они охотно готовы служить его императорскому величеству, но что существуютъ важныя причины, уже выслушанныя мною, препятствующія имъ на этотъ разъ предпринимать столь отдаленный походъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы его императорское величество

¹⁾ Князь Япунъ Збаражскій.

могъ убѣдиться въ ихъ покорнѣйшей преданности, они намѣрены немедленно отправить къ нему своихъ пословъ, уполномоченныхъ заключить съ императоромъ условіе относительно ихъ содержанія, между тѣмъ они обѣщаютъ сами позаботиться о приобрѣтеніи лошадей и не оставаться въ бездѣйствіи, но ради службъ императора готовы отправиться въ море и, если погода будетъ благоприятствовать, употребить всѣ усилія къ тому, чтобы напасть на Килию и Бабадагъ, два знаменитые турецкіе города, лежащіе на Дунаѣ выше его устья въ Черное море. или же попытаются разрушить Переконъ, главный городъ крымскихъ татаръ, отстоящій всего въ 26 миляхъ отъ Сичи по прямому пути, но если ѣхать моремъ, то разстояніе нѣсколько больше. На это я отвѣчалъ, что задуманный ими морской походъ, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы считаться услугою, но такъ какъ онъ не соответствуетъ планамъ и намѣреніямъ его императорскаго величества, то, по моему мнѣнію, не можетъ считаться за особую заслугу, тѣмъ болѣе, что не преградить пути во владѣнія императора татарамъ, которые уже переправились за Дунайъ и теперь находятся на пути въ Венгрію, и не отвлечь части турецкихъ силъ. Между тѣмъ эти два предмета и составляютъ собственно главную цѣль нашего посольства. Итакъ, я по прежнему предложилъ отъ имени его императорскаго величества тотчасъ подняться, двинуться въ Валахію, постараться настигнуть татаръ и преградить имъ путь въ Венгрію; тогда имъ можно будетъ отъ границъ Валахіи снарядить посольство къ императору для переговоровъ относительно ихъ продовольствія. Безъ всякаго сомнѣнія его императорское величество, видя, что они не остаются въ бездѣйствіи, а, напротивъ, служа ему, храбро дѣйствуютъ противъ непріятеля, тѣмъ съ большею милостію и благосклонностію отнесется къ ихъ просьбѣ при переговорахъ.

Затѣмъ, когда асаулы (начальники, которыхъ можно приравнять поручикамъ) обошли вокругъ большое коло и все сказанное изложили прочимъ козакамъ, чернь снова отдѣлилась, образовала особое коло и послѣ новыхъ совѣщаній опять выразила согласіе громкими восклицаніями, сопровождавшимися бросаніемъ шанокъ вверхъ. Когда мы вслѣдъ затѣмъ вышли изъ кола, тотчасъ загрѣмѣли войсковые барабаны и трубы, сдѣлано было десять пушечныхъ выстрѣловъ, а ночью пущено еще нѣсколько ракетъ. Но въ тотъ же вечеръ нѣкоторыя безпокойныя головы вмѣстѣ

съ болѣе зажиточными козаками, каковы, напримѣръ, охотники или владѣльцы челновъ, ходили изъ хаты въ хату и смущали простой народъ, указывая на отдаленность и опасности пути, предостерегали, убѣждали пораздумать о томъ, что они намѣрены предпринять, чтобы не раскаяваться впоследствии. Они указывали на незначительность присланной козакамъ суммы, на которую невозможно продовольствовать такое количество людей въ такомъ далекомъ походѣ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ много людей бѣдныхъ: затѣмъ спрашивали, куда они намѣрены употребить эти деньги—на покупку хлѣба или на покупку лошадей, при чемъ ставили на видъ, будто его императорское величество можетъ завлечь ихъ далеко въ глубь страны и затѣмъ, когда минуешь надобность, оставить ихъ ни при чемъ, особенно если они не имѣютъ никакого опредѣленнаго письменнаго обезпеченія, скрѣпленнаго его печатью. Такими и подобными рѣчами они такъ настроили простой народъ, что тѣ, собравшись снова въ коло на утро слѣдующаго дня, 21 июня, приняли къ совершенно противоположному заключенію, а именно: что при столь неопредѣленныхъ условіяхъ они никакъ не могутъ и не хотятъ выступать въ походъ, тѣмъ болѣе, что имъ неизвѣстно, дѣйствительно-ли существуютъ обѣщанныя деньги или нѣтъ, и отъ кого онѣ могутъ быть получены, такъ какъ имъ не представлено никакой грамоты отъ его императорскаго величества, равно какъ и письменнаго удостовѣренія въ томъ, что имъ дѣйствительно будутъ уплачены добавочныя суммы и подарки. Наконецъ, они прислали въ наше помѣщеніе нѣсколькихъ козаковъ, чтобы сообщить намъ такое рѣшеніе. На это я отвѣчалъ, что имъ легко было бы убѣдиться въ томъ, что эти деньги присланы дѣйствительно его императорскимъ величествомъ и что я самъ отъ себя не могъ бы предложить имъ такихъ даровъ. Что, наконецъ, было бы безразсудно съ моей стороны обнадѣживать ихъ въ полученіи суммы, если бы она дѣйствительно не существовала, и тѣмъ накликатъ бѣду на свою голову. Напротивъ, они могутъ быть увѣрены въ томъ, что получать эти деньги, какъ только согласится на условія, предложенныя нами отъ имени его императорскаго величества. Наконецъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, я показалъ имъ также свою инструкцію, скрѣпленную императорскою печатью. Когда же эти посланные возвратились въ коло съ моимъ отвѣтомъ, а чернь, не смотря на это, продолжала упорствовать въ своемъ рѣшеніи,

то вождь и нѣкоторые изъ старшинъ, въ особенности Лобода, прежній гетманъ, при которомъ Бѣлгородъ былъ разрушенъ, всѣчески просили и уговаривали ихъ хорошо обдумать, что они дѣлають, и не отвергать милостивыхъ предложеній императора, которыя они должны бы почитать за великое счастье. Въ противномъ случаѣ они рискуютъ, по меньшей мѣрѣ, подвергнуться всеобщему позору и посмѣянію, если откажутся теперь отъ участія въ такомъ похвальномъ предпріятіи, направленномъ противъ закоренѣлаго врага христіанства, и не пожелаютъ выступить въ походъ, не смогря на милостивое предложеніе, сдѣланное ими столь могущественнымъ монархомъ.

Но когда они и послѣ всѣхъ этихъ доводовъ настаивали на прежнемъ рѣшеніи, то вождь тутъ же среди кола въ гнѣвѣ отказался отъ своего достоинства и сложилъ свою должность, мотивируя отказъ тѣмъ, что онъ не можетъ и не хочетъ оставаться вождемъ людей, которые такъ мало дорожатъ своею славою, честью и добрымъ именемъ. Послѣ этого коло разошлось.

Послѣ обѣда асаулы снова созвали въ коло весь народъ, иныхъ даже загоняли туда кіями. Прежде всего собраніе просило Миккошинскаго принять обратно начальство, что онъ и исполнилъ. Затѣмъ слышались разныя странныя рѣчи о Хлопицкомъ: говорили между прочимъ, что онъ своими ложными предложеніями ввелъ въ заблужденіе не только его императорское величество, но и всѣхъ насъ и ихъ самихъ. Иные даже открыто выражали намѣреніе бросить его въ воду, чѣмъ привели его въ большое замѣшательство.

По всему ходу дѣла легко можно понять, какую фальшивую роль игралъ Хлопицкій при дворѣ, а также и то, что онъ, почти по всѣмъ пунктамъ, сообщалъ его императорскому величеству ложныя свѣдѣнія. Ибо, во-первыхъ: онъ выдавалъ себя за козацкаго гетмана, какимъ въ дѣйствительности никогда не былъ и даже не могъ надѣяться на этотъ титулъ, какъ это я понималъ изъ словъ старшины. Во-вторыхъ: онъ вовсе не былъ посланъ запорожскимъ войскомъ къ его императорскому величеству, а только, проживая незадолго передъ тѣмъ въ Кіевѣ въ средѣ козаковъ и толкуя по-своему слова нѣкоторыхъ изъ нихъ о томъ, какимъ бы образомъ заявить о себѣ его императорскому величеству, онъ тотчасъ же подхватилъ эти слова и, безъ вѣдома ихъ, отправился предложить императору ихъ услуги, замѣтивши, что дѣло идетъ къ войнѣ съ турками. Это разсказалъ намъ самъ Миккошинскій.

Въ-третьихъ: онъ утверждалъ, что число козаковъ простира-лось отъ 8 до 10 тысячъ, что также невярно, ибо, спустившись къ нимъ, я засталъ всего около трехъ тысячъ человекъ. Правда, они могутъ, при желаніи, собрать еще нѣсколько тысячъ войска, если призовутъ къ оружію всѣхъ тѣхъ козаковъ, приписанныхъ къ запорожской общинѣ, которые проживаютъ въ различныхъ го-родахъ и селѣхъ. Въ-четвертыхъ, онъ утверждалъ, что они удоволь-ствуются дарами его императорскаго величества и тотчасъ по полученіи ихъ готовы будутъ двинуться, куда направить ихъ его императорское величество, что также не оправдалось.

Такъ какъ Хлопицкій, по правдѣ сказать, своимъ самозван-ствомъ самъ подалъ поводъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ, ко-торый можно было бы предотвратить, если бы онъ дѣйствовалъ прямо, то я неоднократно и въ такихъ сильныхъ словахъ выто-варивалъ ему его легкомысленное поведеніе, что совѣмъ смутилъ его и не разъ заставлялъ обливаться слезами и потомъ, высту-павшимъ на лбу, такъ какъ онъ и самъ хорошо сознавалъ, что не правъ и видѣлъ ясно, что его жизнь въ моихъ рукахъ, и если бы я захотѣлъ, ему бы плохо пришлось.

Юня 23 дня козакъ съ утра собрались въ коло и прислали къ намъ въ квартиру нѣсколькихъ депутатовъ, которые убѣждали насъ не думать, будто они не желаютъ поступать въ службу его императорскаго величества, но что главнымъ препятствіемъ къ тому является хорошо извѣстный намъ самимъ недостатокъ ло-шадей: не будь этого обстоятельства, они знали бы, что дѣлать. Въ отвѣтъ на это, я предложилъ составить и передать въ коло тѣ условія, какія могъ бы заключить съ ними, послѣ чего они снова воротились въ собраніе передать товарищамъ мое предло-женіе и затѣмъ разошлись. Между тѣмъ я приказалъ написать свои условія, они съ своей стороны тоже начали писать грамоту съ обозначеніемъ тѣхъ условій, на которыхъ они считаютъ воз-можнымъ на этотъ разъ поступить въ службу его императорскаго величества. А послѣ обѣда, собравшись снова въ коло, они не захотѣли уступить, пока я предъявлю имъ свои пункты, и поспѣ-шили прислать ко мнѣ нѣсколькихъ изъ своей среды со своими письменными условіями, на которыя требовали моего отвѣта; со-держаніе ихъ слѣдующее:

Условія, переданныя полнымъ собраніемъ запорожскаго войска послѣ римскаго императорскаго величества: Во-первыхъ, полу-

чивши прошедшею весною передъ Свѣтлою недѣлею письмо отъ римскаго императорскаго величества, пана нашего милостиваго, присланное сюда за пороги черезъ нашего товарища, пана Станислава Хлопицкаго, мы, узнавъ отъ пѣвиныхъ, что въ Бѣлгородѣ собирается пѣшее и конное войско турецкаго султана и что оно должно отсюда направиться въ Венгрію, призвали на помощь всемогущаго Бога и отправились туда же попытать счастья отъ имени его императорскаго величества: прошли всюду съ огнемъ и мечомъ, положили на мѣстѣ до 2.500 вооруженныхъ людей и до 8.000 простого народа.

Во-вторыхъ, когда вышеозначенный товарищъ нашъ Хлопикій передалъ намъ присланныя его императорскимъ величествомъ знамя и трубы, мы съ благодарностью приняли столь важныя клеймоты и, получивши точныя свѣдѣнія о томъ, что крымскій ханъ намѣревался со всею своею силою переправиться черезъ Днѣпръ у Очакова, мы направились туда же вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, желая воспрепятствовать ихъ переправѣ. Но, заставши тамъ весьма значительныя турецкія силы, какъ морскія, такъ и сухопутныя, мы боролись съ ними, насколько позволяли наши слабыя силы, дважды атаковали ихъ, вступали въ перестрѣлку и, благодаря Бога, увели одного знатнаго пѣвника.

Въ-третьихъ, мы обязываемся во все продолженіе этой войны съ турками всегда дѣйствовать противъ непріятеля съ присланнымъ отъ императора знаменемъ и трубами, преслѣдовать врага на его землѣ и истреблять его земли огнемъ и мечомъ.

Въ-четвертыхъ, по примѣру нашихъ предковъ—мы сами всегда и во всякое время готовы жертвовать жизнью за христіанскую вѣру; не отказываемся дѣлать это и впредь: но, зная хорошо вѣроломство язычниковъ и молдаванъ, не рѣшаемся отправляться въ походъ подъ такимъ важнымъ клейнодомъ, какъ знамя его императорскаго величества, и въ сопровожденіи нашихъ милостей, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что не мало честныхъ людей и добрыхъ христіанъ было измѣнически предано молдавскимъ государемъ въ руки язычниковъ. Въ виду всего этого намъ невозможно, за такую плату, предпринимать такой отдаленный походъ при такомъ недостаткѣ лошадей какъ для насъ самихъ, такъ и подѣ орудія.

Въ-пятыхъ, мы желали бы послать къ его императорскому величеству посольство, состоящее изъ пана Станислава Хлопицкаго

и двухъ другихъ изъ нашихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы они представили ему отъ нашего имени бѣлгородскаго пѣвирика и дватичарскихъ значка, изложили бы все возникшія недоразумѣнія и окончательно условились бы относительно нашего содержанія.

Въ-шестыхъ, между тѣмъ, до возвращенія нашего посольства, мы намѣрены, съ божьей помощью и въ присутствіи вашихъ милостей, вторгнуться въ землю лзычниковъ, если возможно будетъ, до самаго Перекопа, или куда направитъ насъ воля Всемогущаго и дозволитъ состояніе погоды, и отъ имени его императорскаго величества истребить все огнемъ и мечомъ.

Въ-седьмыхъ, если необходимость укажетъ, чтобы его императорское величество обратился письменно къ его королевскому величеству и чинамъ Польши и исклопоталъ намъ свободный проходъ черезъ ихъ владѣнія, мы надѣемся, что въ этомъ не будетъ отказано его императорскимъ величествомъ.

Въ-восьмыхъ, равнымъ образомъ необходимо будетъ написать къ великому князю московскому съ просьбою прислать сюда отрядъ войска, для того, чтобы мы могли соединенными силами идти на встрѣчу непріятелю до самаго Дуная, или куда укажетъ необходимость, и могли бы помѣряться съ нимъ.

Выслушавъ эти пункты, я опять вышелъ изъ кола, возвратился въ свой шалашъ и просидѣлъ въ немъ безвыходно весь этотъ день, но, убѣдившись въ томъ, что они не намѣрены отступать отъ своихъ условій, на слѣдующій день, 24 іюня, послалъ въ коло отвѣтъ на предъявленныя мнѣ условія.

Отвѣтъ на предъявленныя козаками условія:

«Изъ переданныхъ намъ условій мы поняли, что ваши милости охотно готовы поступить на службу къ его императорскому величеству, но по тремъ причинамъ находите невозможнымъ выполнить это такъ, какъ предложено нами, а именно: 1) вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ; 2) вслѣдствіе того, что ваши милости не рѣшаются въ такомъ маломъ количествѣ вступать въ предѣлы Молдавіи, зная предательскій и вѣроломный характеръ этого народа, и 3) что ваши милости не можете предпринять отдаленнаго похода при такомъ маломъ вознагражденіи и неопредѣленныхъ условіяхъ.

Поэтому вы желаете послать господина Хлопицкаго съ двумя изъ своихъ товарищей къ его императорскому величеству, уполномочить ихъ заключить съ императоромъ договоръ относительно нашего содержанія. Такъ какъ мы не можемъ дать на это ва-

шимъ милостямъ удовлетворительнаго отиѣта, а между тѣмъ сами видимъ, что иного выхода быть не можетъ, то намъ приходится довольствоваться и этимъ. Но мы желаемъ также, вмѣстѣ съ вашими уполномоченными, послать кого-нибудь изъ среды насъ къ его императорскому величеству и предлагаемъ немного по-временить съ посольствомъ до того времени, пока мы, съ божьею помощію, благополучно возвратимся изъ счастливаго похода на Переконъ, тогда мы могли бы явиться къ его императорскому величеству съ пріятною вѣстью. Что же касается писемъ къ королю и штатамъ польскимъ, а также къ великому князю московскому, то ваши милости могутъ включить эти пункты въ инструкцію своимъ посламъ для представленія его императорскому величеству, который всемилостивѣйше разрѣшитъ все это въ желательномъ смыслѣ. Наконецъ, мы считаемъ целесообразнымъ, чтобы ваши милости, по возможности, скорѣе обратились къ великому князю московскому съ просьбою выслать предложенное имъ вспомогательное войско противъ турокъ съ такою поспѣшностью, чтобы оно могло прибыть сюда до возвращенія нашего посольства отъ его императорскаго величества.

Причины, по которымъ я не хотѣлъ разрывать сношеній съ козаками, а, напротивъ, считалъ полезнымъ удерживать ихъ въ службѣ его императорскаго величества, были слѣдующія:

1) Предполагая, что начатая съ турками война протянется не годъ и не два, я считалъ полезнымъ привлечь на нашу сторону такихъ храбрыхъ и предприимчивыхъ людей, которые съ юныхъ лѣтъ упражняются въ военномъ дѣлѣ и превосходно изучили того врага, съ которымъ почти ежедневно имѣютъ дѣло, т.-е. турокъ и татаръ.

2) Содержаніе этого войска обходится значительно дешевле, нежели наемныхъ солдатъ другихъ народностей, такъ какъ ихъ начальники довольствуются общими пайми, не требуя большихъ окладовъ (что составляетъ обыкновенно не малую сумму). При томъ же они имѣютъ собственную артиллерию и многіе изъ нихъ умѣютъ обращаться съ орудіями, такъ что при нихъ становится излишнимъ нанимать и содержать особыхъ пушкарей.

3) Такъ какъ великій князь московскій также принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ и черезъ своихъ пословъ приказалъ объявить козакамъ (которыхъ онъ также считаетъ своими подчиненными), что они могутъ вербоваться на службу его императорскаго вели-

чества, то я не рѣшался прервать сношеній съ ними изъ опасенія, чтобы великій князь не обидѣлся и не отказалъ въ присылкѣ обѣщаннаго вспомогательнаго войска, о которомъ говорилъ мнѣ и его посолъ.

4) Я не могъ подыскать другого мѣста, гдѣ съ такимъ удобствомъ могло бы присоединиться къ намъ вспомогательное войско великаго князя, какъ именно здѣсь, откуда оно можетъ быть направлено всюду, куда укажетъ необходимость.

5) Когда я увидѣлъ и даже отчасти не безъ серьезной опасности на опытѣ убѣдился въ томъ, что эти переговоры съ козаками противны планамъ канцлера ¹⁾.—я счелъ тѣмъ болѣе необходимымъ продолжать поддерживать ихъ, чтобы онъ не могъ склонить ихъ на свою сторону и тѣмъ самымъ подкрѣпить и усилить тѣ вредныя интриги, какими онъ занятъ былъ въ то время (чего слѣдовало опасаться).

6) Если бы я даже сразу прекратилъ съ ними переговоры, то все же долженъ былъ бы уплатить имъ деньги сполна, такъ какъ они считали эти деньги заслуженными за два похода, совершенные уже отъ имени его императорскаго величества, а именно: одинъ походъ подъ Вѣзгородъ, который они разрушили, и другой, когда они пытались преградить татарамъ переправу подъ Очаковымъ, хотя и безуспѣшно, по причинѣ значительнаго превосходства турецкихъ силъ.

7) Такъ какъ внутреннія отношенія къ Польшѣ, повидимому, грозили переворотомъ въ непродолжительномъ времени, то я считалъ дѣломъ чрезвычайной важности заручиться дружбою этой общины, которая не только пользуется огромнымъ вліяніемъ на Украинѣ (т.-е. въ Волыни и Подоліи), но на которую оглядывается и цѣлая Польша.

Юня 24-го дня я вручилъ имъ 8.000 дукатовъ золотомъ въ открытомъ полѣ, по срединѣ котораго развѣвалось водруженное въ землю знамя его императорскаго величества. Они тотчасъ разостлали на землѣ нѣсколько татарскихъ побѣнжковъ или плащей, какіе они носятъ обыкновенно, высыпали на нихъ деньги и приказали нѣкоторымъ изъ старшинъ сосчитать ихъ. Послѣ того я снова вышелъ изъ коза и возвратился въ свой шалашъ, но собраніе долго еще не расходилось.

¹⁾ Т.-е. польскаго канцлера Яна Замойскаго.

Въ послѣдующіе дни они очень усердно собирались въ коло и наконецъ пришли къ иному рѣшенію: послать Хлопицкаго не къ его императорскому величеству, а къ великому князю московскому, а на мѣсто его избрали депутатами Сасыка Федоровича и Ничипора, которые должны были выѣхать со мною отправиться къ его императорскому величеству и условиться съ нимъ относительно вознагражденія за ихъ службу и содержаніе. Между тѣмъ Яковъ Генкель долженъ былъ оставаться среди нихъ для того, чтобы имѣть возможность своевременно доносить его императорскому величеству обо всемъ, что они сдѣлаютъ въ его пользу за это время. Походъ въ Татарію, къ Перекопу, также отлагается до благопріятнаго времени.

Іюля 1-го дня я простился въ полномъ собраніи съ начальникомъ и всѣмъ запорожскимъ рыцарствомъ: они съ своей стороны благодарили меня за понесенные мною труды и одарили куньею шубою и шапкою изъ черныхъ лисицъ: затѣмъ вручили своимъ посланцѣмъ письмо къ императору и полномочія слѣдующаго содержанія:

Письмо отъ войска запорожскаго къ его императорскому величеству.

Божьею милостью августѣйшій и непобѣдимѣйшій христіанскій императоръ, всемилостивѣйшій государь! Всенекорѣйше и чисто-сердечно передаемъ вашему императорскому величеству, какъ верховному главѣ всѣхъ христіанскихъ королей и князей, самихъ себя и свою всегда вѣрную и всеподданнѣйшую службу. Желаемъ вашему императорскому величеству, пану нашему милостивому, и просимъ у Бога всемогущаго тѣлеснаго здравія и счастливаго царствованія надъ христіанскою страною и чтобы Всемогущій Богъ узнизилъ и повергъ подъ ноги вашего императорскаго величества праговъ святаго креста, турецкихъ бусурманъ и татаръ, также чтобы даровалъ вашему императорскому величеству побѣду, здравіе и всѣ блага, какихъ вы сами желаете. Всего этого желаетъ вашему императорскому величеству все войско запорожское вѣрно и чисто-сердечно.

Посланный къ намъ, запорожскому войску, по волѣ и приказанію вашего императорскаго величества, съ значительными дарами, нашъ товарищъ Хлопицкій, въ настоящее время полковникъ (т.-е. начальникъ надъ 500 козаками), бывшій въ прошедшемъ, 1593 году у вашего императорскаго величества, панъ нашего милостиваго, по причинѣ многихъ опасностей и пренятетвій,

какія онъ претерпѣлъ вмѣстѣ съ послами вашего императорскаго величества: Эрихомъ Ласотою и Яковомъ Генкелемъ, на пути черезъ польскія владѣнія, прибыли къ намъ только около праздника св. Троицы. Тѣмъ не менѣе, мы задолго до ихъ прибытія, а именно за три недѣли передъ Пасхою, повиновались всемилостивѣйшему приказанію вашего императорскаго величества, выраженному въ присланной и объявленной намъ здѣсь за порогамъ копій съ письма вашего императорскаго величества, не хотѣли медлить, но, слѣдуя примѣру нашихъ предковъ, промыслившихъ рыцарскими обычаями и какъ люди, всегда готовые служить вашему императорскому величеству и всему христіанству, по обыкновенію нашему, призвали Бога на помощь и на счастье вашего императорскаго величества пустились въ морской походъ недѣли за двѣ до Пасхи, т.-е. въ опасное время года, рискуя жизнью и здоровьемъ. Узнавши за вѣрное отъ плѣнныхъ татаръ, что въ Бѣлгородѣ собралось много войска, конницы и плѣнныхъ янычаръ, откуда, по приказанію ихъ государя, турецкаго султана, должны вторгнуться въ венгерскую землю вашего императорскаго величества, мы успѣли, съ помощію всемилостивѣйшаго Бога, верховнаго Владыки, на счастье вашего императорскаго величества разрушить и опустошить огнемъ и мечомъ пограничный турецкій городъ Бѣлгородъ, при чемъ перебили нѣсколько тысячъ человѣкъ, какъ воиновъ, такъ и простого народа; почему и посылаемъ вашему императорскому величеству одного плѣнника изъ разореннаго города и два янычарскихъ значка.

Затѣмъ, также въ недавнее время, крымскій ханъ, желая вторгнуться во владѣнія вашего императорскаго величества, прибылъ со своимъ войскомъ къ устью Днѣпра и Буга, близъ Очакова, мы, подъ знаменемъ вашего императорскаго величества, пытались отрѣзать ему переправу; но вѣдѣствіе значительнаго превосходства его силъ, какъ сухопутныхъ на коняхъ, такъ и морскихъ на галерахъ и корабляхъ, не могли оказать имъ должнаго сопротивленія. Однако, мы два раза вступали съ ними въ стычку и захватили знатнаго плѣнника, котораго также послали бы къ вашему императорскому величеству, если бы онъ не былъ тяжело раненъ. Но Ласота, который самъ бесѣдовалъ съ нимъ и разспрашивалъ о многомъ, донесетъ вашему императорскому величеству обо всемъ, что узналъ отъ него. Свидѣтельствуемъ свою почтительность, какъ нижайшіе слуги вашего императорскаго величе-

ства за присланные вашею императорскою милостью цѣнные для насъ, какъ людей рыцарскихъ, подарки: знамя, трубы и наличныя деньги. Дай Богъ, чтобы мы могли съ пользою служить въ настоящемъ морскомъ походѣ, который намѣреваемся съ божьею помощію предпринять отъ имени вашего императорскаго величества; подробности о немъ благополите всемилостивѣйше выслушать въ словесномъ донесеніи отъ посланника вашего императорскаго величества Ласоты, равно какъ и отъ нашихъ пословъ, Саська Федоровича и Ничипора (оба сотники нашего войска запорожскаго).

Покорнѣйше просимъ ваше императорское величество, какъ государя христіанскаго, милостиво и съ полнымъ довѣріемъ выслушать этихъ нашихъ пословъ, уполномоченныхъ трактовать о нашемъ дѣлѣ. Полковника же нашего Хлопицкаго мы отправили съ грамотами вашего императорскаго величества и нашею къ великому князю московскому, какъ христіанскому государю и благорасположенному пріятелю вашего императорскаго величества, проси его прислать намъ помощь противъ турокъ, что для него не составитъ затрудненія, въ виду близости его границы, а отсюда его войску легко уже будетъ проникнуть въ Валахію или дальше.

Просимъ также ваше императорское величество обратиться съ грамотою къ его королевскому величеству и къ чинамъ польскаго королевства о томъ, чтобы каждый козакъ, на основаніи охранной ихъ грамоты, могъ свободно и безпрепятственно выступать въ походъ, выходить изъ ихъ страны и возвращаться на родину.

Доводимъ также до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что количество нашего запорожскаго войска достигаетъ шести тысячъ человѣкъ старыхъ, отборныхъ козаковъ, не считая хуторянъ, проживающихъ на границахъ. Въ виду отдаленности пути мы присоединили къ упомянутымъ нашимъ посланцъ и начальникамъ еще двухъ изъ нашего товарищества. Предлагаю еще разъ себя и нашу службу со смиреніемъ милостивому благоволенію вашего императорскаго величества, пребываемъ преданныѣйшими слугами.

Дано въ Базавлукѣ, у днѣпровскаго рукава Чортомлыка, 3 іюля 1594 г.

Полномочія запорожскихъ пословъ.

Я, Богданъ Миколшинскій, вождь запорожскій, купцо со всѣмъ рыцарствомъ полнаго войска запорожскаго, симъ удостоверяю,

что мы съ вѣдома и согласія нашего рыцарскаго кола отправляемъ къ вашему императорскому величеству, пану нашему милостивому, этихъ нашихъ пословъ, сотниковъ нашего войска: Саська Федоровича и Ничипора, уполномочиваемъ ихъ покончить наше дѣло съ вашимъ императорскимъ величествомъ, нашимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, и просимъ всеподданнѣйше довѣрить имъ во всемъ, равно какъ и всему нашему войску, обдѣлывалось этою грамотою и нашимъ рыцарскимъ словомъ въ томъ, что во всемъ удовлетворимся рѣшеніемъ, какое состоится между указанными нашими послами и вашего императорскаго величества и во всемъ безпрекословно подчинимся этому рѣшенію. Въ удостовѣреніе чего и для большей вѣрности выдали мы нашимъ посламъ эту вѣрительную грамоту, скрѣпленную вишю печатью нашего войска и собственноручною подписью нашего войскового писаря, Льва Вороновича. Дано въ Базавлукѣ, при Чортомыльскомъ рукавѣ Днѣпра, 3 іюля, 1594 года...

Іюля 2 дня, повидавшись предварительно съ московскимъ посольствомъ, я около полудня отплылъ изъ Базавлука на турецкомъ саудалѣ вмѣстѣ съ запорожскими послами: Саськомъ Федоровичемъ и Ничипоромъ и съ двумя сопровождавшими ихъ козаками; въ ту минуту, когда мы отчаливали отъ берега, войско запорожское привѣтствовало насъ звуками войсковыхъ барабановъ и трубъ и пушечными выстрѣлами. Въ тотъ же день мы проѣхали мимо Мамай-Сурки, древняго городища (т.-е. валовъ, окружавшихъ древнее укрѣпленіе), лежащаго на татарской сторонѣ; затѣмъ мимо рѣчки Бѣлозерки, текущей изъ татарской степи и образующей озеро при впаденіи своемъ въ Днѣпръ, при которомъ также находится городище или земляная насыпь, окружавшая въ древности большой городъ. Далѣе мимо Каменнаго-Затона, залива Днѣпра также на татарской сторонѣ съ очень скалистымъ берегомъ, отъ котораго и получилъ свое названіе. Здѣсь татары обыкновенно переправляются черезъ Днѣпръ въ зимнее время, когда рѣка покрыта льдомъ; здѣсь же производится выкупъ плѣнныхъ («кодир»). Отсюда начинается высокій валъ, который тянется по степи вплоть до Бѣлозерки, а подлѣ него лежитъ большой каменный шаръ, свидѣтельствующій о томъ, что въ древности здѣсь происходило большое сраженіе. Затѣмъ пришли къ Микитику-рогу, который лежалъ навѣрно отъ насъ и недалеко отъ туда почевали на островѣ близъ русскаго берега.

Юля 3 дня мы прошли мимо Лысой горы по лѣвой русской сторонѣ ¹⁾ и Товстыхъ-Песковъ ²⁾, большихъ песчаныхъ холмовъ на татарскомъ берегу; затѣмъ, почти тотчасъ миновали устье Конскихъ-Водъ; здѣсь рѣчка Конскія-Воды, текущая изъ татарской степи, окончательно впадаетъ въ Днѣпръ, хотя и передъ тѣмъ, еще выше, она нѣсколько разъ соединяется съ нѣкоторыми озерами и днѣпровскими заливами, отъ которыхъ снова отдѣляется и возвращается въ степь. Затѣмъ миновали три рѣчки, называемыя Томаковками и впадающія въ Днѣпръ съ русской стороны; по имени ихъ названъ и знаменитый островъ. Затѣмъ мимо Конской Промойны, гдѣ рѣчка Конская сливается съ днѣпровскими заливами на татарской сторонѣ; мимо Аталыковой долины ³⁾, находящейся также на татарской сторонѣ и мимо Червонной (Chrwoga) горы, лежащей на противоположной русской сторонѣ. Далѣе миновали Семь-Маяковъ (извѣщенные изъ камня изображенія, числомъ болѣе двадцати, стоящія на курганахъ или могилахъ на татарскомъ берегу); затѣмъ прошли мимо двухъ рѣчекъ: Карачокрака и Янчокрака, также впадающихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны, и мимо стоящей напротивъ на русской сторонѣ Бѣлой горы. Далѣе прошли мимо Конской-Воды, которая здѣсь еще впервые сливается съ днѣпровскимъ заливомъ и образуетъ островъ, на которомъ находится древнее городище Курцемаль, затѣмъ другой островъ Дубовый—градъ, получившій названіе отъ большого дубоваго лѣса. Затѣмъ прошли черезъ Великую Забору, островъ и скалистое мѣсто на Днѣпрѣ близъ русскаго берега, напоминающее порогъ. Немного дальше на другомъ островѣ остановились на ночлегъ (9 миль). 4 Юля миновали двѣ рѣчки, называемыя Московками и впадающія въ Днѣпръ съ татарской стороны; отсюда до острова Хортицы 1 миль; островъ этотъ, лежащій на русской сторонѣ, имѣетъ 2 мили въ длину. Пристали къ берегу пониже острова Малой Хортицы, лежащаго недалекъ отъ перваго; здѣсь находится замокъ, построенный Вишневецкимъ лѣтъ 30 назадъ и впоследствии разрушенный турками и татарами. Близъ этого острова впадаютъ въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, называемыя

¹⁾ Лысая-гора—урочище праваго берега Днѣпра, выше Микитина-Рога или теперешняго Никополи.

²⁾ Толстые-Пески см. Эварницкаго: Вольности запорожскихъ козаковъ, 98.

³⁾ См. Вольности запорожскихъ козаковъ Эварницкаго, Спб., 1890, 152, 153.

Хортицами, отъ которыхъ и оба острова получили свое имя. Къ вечеру мы переправили впасть своихъ лошадей съ острова, гдѣ онѣ паслись, на русскую сторону и тамъ провели ночь.

Юля 5 дня мы пустились верхомъ черезъ незаселенныя дикія степи, переѣхали въ бродъ рѣчку Суру, здѣсь обѣдали и кормили лошадей, проѣхавъ около 5 миль: замѣтивъ на одномъ курганѣ или могилѣ малакъ, т.-е. поставленную на немъ каменную статую мужчины, мы подъѣхали и осмотрѣли ее. Послѣ обѣда проѣхали около трехъ миль до одной возвышенности и здѣсь почевали подлѣ кургана.

Юля 6 дня поутру снова переплыли Суру и рѣчку Дюмоткань и пришли къ другой болотистой рѣчкѣ—всего около 4 миль. Здѣсь кормили лошадей, но передъ тѣмъ, не доходя этой рѣчки, встрѣтили медвѣдя и застрѣлили его. Послѣ обѣда прошли до рѣчки Самоуткани¹⁾, переправились черезъ нее (около 2 миль) и здѣсь снова кормили. До этого мѣста степь совершенно обнажена, нигдѣ не видно ни одного дерева, но отсюда уже начинаются заросли, называемыя у нихъ байраками, и самая мѣстность становится нѣсколько гористою. Къ вечеру проѣхали Омельникъ Ворскальскій (около 2 миль) и немного дальше почевали въ нещербѣ.

7 Юля перенесли снова черезъ Омельникъ Ворскальскій: въ трехъ миляхъ отъ него остановились кормить лошадей: затѣмъ прошли еще двѣ рѣчки, у послѣдней вторично кормили (около 5 миль). Подъ вечеръ пріѣхали къ горѣ (1 миль).

Отъ рѣчки Омельника Ласота вступилъ въ предѣлы Украины и Запорожье оставилъ²⁾.

О дальнѣйшихъ результатахъ договоровъ Ласоты съ запорожскими козаками находимъ свѣдѣнія въ донесеніи патера Александра Комулео. Много стоило хлопотъ патеру Комулео разсѣять недовѣріе молдавскаго господаря къ запорожскимъ козакамъ, но онъ подъ конецъ успѣлъ-таки свести ихъ. «Я устроилъ, — говоритъ онъ, — что помянутые козаки подошли къ молдавскимъ границамъ, что они и сдѣлали, ставъ лагеремъ вблизи молдавскаго войска. Молдавскій князь согласился дѣйствовать заодно съ козаками, частью влѣдствіе убѣжденій и настояній, ко-

¹⁾ Нужно читать наоборотъ: Ласота прежде переправился черезъ Самоуткань и потомъ черезъ Дюмоткань, а не обратно.

²⁾ Мельникъ, Мемуары южной Россіи, Кіевъ, I, 1890.

торья я ему дѣлалъ, для чего ѣздилъ нарочно два раза въ Молдавію, частию же изъ страха турокъ и изъ боязни самихъ татаръ, о которыхъ я узналъ, что турки хотѣли съ помощью ихъ отнять у него княжество. Въ силу всего этого онъ собралъ войско въ 21.000 человекъ, вооружилъ его хорошо артиллеріей и вышелъ къ проходу, которымъ татары обыкновенно проходили черезъ Молдавію и Венгрію, рѣшившись смѣло противиться и не пропускать ихъ. Когда я потомъ узналъ, что князь молдавскій отказался соединиться съ козаками, то послалъ убѣдить ихъ не оставаться дольше здѣсь понапрасну, а идти разорять какіе-нибудь ближайшіе турецкіе города, обѣщая при этомъ, что молдавскій князь не будетъ имъ препятствовать въ этомъ... Я тайно предложилъ кое-какіе подарки начальнику козаковъ, обѣщая ему больше современемъ. Послѣдній и ушелъ съ упомянутыми козаками. Этотъ разъ я послалъ ему сто флориновъ, какіе со мной были, и обѣщалъ соединить его съ днѣпровскими козаками для хорошей добычи. Начальникъ козаковъ не захотѣлъ ожидать и пошелъ подъ городъ Кицію, гдѣ и остановился» ¹⁾. Изъ показаній польскихъ писателей видимъ, что здѣсь разумѣлись походы козаковъ противъ турокъ подъ начальствомъ Лободы и Наливайка.

¹⁾ Донесенія патера дона Александра Комулео, письмо 8.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Введеніе церковной уніи на Украйну и насилія по этому поводу со стороны католиковъ надъ православными. — Козачье возстаніе подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка. — Біографическія данныя о Лободѣ и Наливайкѣ. — Обида отъ Калнишевскаго Наливайкѣ-отцу и выступленіе на Украйну Наливайка-сына. — Похожденія его на Волыни и Бѣлоруссіи. — Выходъ изъ Сичи Лободы. — Гетманъ Саула. — Дѣйствія противъ козаковъ Жолкевскаго. — Схватка козаковъ подъ Бѣлою-Церковью. — Гибель Сасыка, контузія Саулы и выборъ Лободы гетманомъ козаковъ. — Движеніе козаковъ къ Киеву. — Заморожская флотилія подъ начальствомъ атамана Подвысоцкаго. — Отступленіе козаковъ изъ Переислава и Лубимъ. — Жестокая битва у Солонины. — Выдача Наливайка. — Условія, предложенныя козакамъ Жолкевскимъ. — Казнь Наливайка и постановленія польскаго правительства о низовыхъ козакахъ.

Покончивъ съ Косинскимъ и частію истребивъ, частію разогнавъ бывшихъ при немъ козаковъ, польскіе паны, оставивъ на татарскихъ шляхахъ незначительную стражу на случай набѣга татаръ, спокойно и беззаботно разлѣхались по домамъ и предались своему обычному времяпровожденію—приятнымъ разговорамъ на сеймахъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ тотчасъ же воспользовались татары. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1593 года они внезапно ворвались, въ числѣ 20.000 человекъ, на Волынь, нахватали тамъ множество русскихкихъ женщинъ и разнаго добра и, быстро повернувъ, ушли назадъ. Паны, услышавъ о набѣгѣ татаръ, поторопились обвинить въ этомъ козаковъ, говоря, что татары ввели на Волынь козаки въ отищеніе князю Острожскому, побившему ихъ. Но козаки также причастны были къ этому дѣлу, какъ и сами поляки: въ это время они заняты были предложеніемъ императора Рудольфа II и собирались походомъ противъ турокъ. Прежде всехъ поднялся со своими козаками Наливайко.

Северинъ Наливайко ¹⁾ былъ родомъ, по однимъ—изъ города Каменца, по другимъ—изъ города Острога. Въ городѣ Острогѣ у

---

¹⁾ У Кулиша онъ называется Семеномъ, у Костомарова—Семерый—Наливайко.

Северина Наливайка были два брата, изъ коихъ одинъ по имени Даміанъ, состоялъ придворнымъ священникомъ у князя Константина Острожскаго; была мать, сестра и собственная семья, а ниже города Острога жилъ отецъ, владѣлецъ небольшого участка земли въ Гусятинѣ, возбудившаго большой аппетитъ у мѣстнаго пана Калиновскаго. Желая завладѣть понравившимся участкомъ земли, Калиновскій, не долго думая, потребовалъ его себѣ у Наливайка - отца, и когда старикъ отказалъ ему въ томъ, то Калиновскій напалъ на него и такъ избилъ его, что старикъ не перенесъ побоевъ и умеръ. Сынъ затаилъ месть противъ пана. По словамъ Іоахима Бѣльскаго, Северинъ Наливайко представлялъ изъ себя личность незаурядную. Это былъ красивый, сильный, храбрый мужчина и отличный пушкаръ ¹⁾. Отличаясь беззаветною храбростью, Северинъ Наливайко съ юныхъ лѣтъ сталъ заниматься «козацкимъ ремесломъ»: онъ много разъ воевалъ въ разныхъ земляхъ противъ разныхъ народовъ и подъ руководствомъ различныхъ гетмановъ, а подъ конецъ поступилъ на службу къ князю Острожскому и подъ его стягомъ воевалъ противъ козаковъ, предводимыхъ Криштофомъ Косинскимъ.

Но собственно имя Наливайка стало извѣстнымъ со времени заключенія запорожскими козаками договора съ посломъ германскаго императора Рудольфа II, Ласотою, противъ турокъ. Заключивъ договоръ, козаки въ теченіи 1594 и 1595 годовъ предприняли три похода противъ турокъ и ихъ союзниковъ, татаръ и молдавскихъ господарей. Первый такой походъ предпринять былъ Наливайкомъ въ концѣ іюня мѣсяца 1594 года съ цѣлью произвести диверсію въ тылу турецкой арміи. Наливайко составилъ около себя вольницу людей изъ разнаго народа, иногда бѣглецовъ и преступниковъ, и съ ними дѣйствовалъ противъ турокъ и татаръ. Не имѣя ни средствъ, ни союзниковъ, а между тѣмъ, видя наступающую грозу со стороны турокъ, хотѣвшихъ завоевать себѣ Венгрію, германскій императоръ Рудольфъ II еще въ концѣ февраля мѣсяца 1594 года просилъ, черезъ собственнаго посла, правительство Рѣчи-Посполитой о томъ, чтобы оно не пропустило въ Венгрію черезъ свои владѣнія турецкихъ союзниковъ татаръ. Въ то же время прислалъ своего посла къ полякамъ и турецкій султанъ, прося пропустить татаръ въ Венгрію черезъ

¹⁾ Bielskiego, Dalszy ciąg kroniki polskiej, Warszawa, 1851, 275—281.

Украину. Поляки отказали туркамъ. Но, не смотря на этотъ отказъ, татары все-таки собрались походомъ на Венгрію и рѣшили идти черезъ Украину. Узнавъ объ этомъ, Северинъ Наливайко, состоявшій тогда еще на службѣ у князя Константина Острожскаго, съ позволенія своего патрона, отправилъ письмо къ коронному гетману Яну Замойскому и предложилъ ему свои услуги дѣйствовать противъ татаръ и не допустить ихъ до соединенія съ турками. Въ своемъ письмѣ Наливайко писалъ Замойскому, что онъ уже успѣлъ собрать вокругъ себя охотниковъ до войны, но безъ воли гетмана не желаетъ выступать въ походъ, чтобы не дать повода считать своихъ ополченцевъ наемной разбойниковъ¹⁾. Что отвѣчалъ на это письмо Янъ Замойскій, неизвѣстно, но въ концѣ іюня Наливайко съ козаками уже вышелъ противъ татаръ. Онъ старался о томъ, чтобы не допустить татаръ въ Венгрію на соединеніе съ турецкимъ султаномъ Амуратомъ, однако не успѣлъ въ этомъ, и татары, обманувъ козаковъ, проскакали въ Венгрію черезъ Покутье. Прибѣжавъ по слѣдамъ татаръ до Теробовля и не видя возможности догнать ихъ, Наливайко возвратился назадъ съ большою добычею.

Возвратившись назадъ, Наливайко нашелъ нужнымъ отправить, черезъ двухъ своихъ посланцевъ, часть захваченной ими добычи въ запорожскую Сичу, желая загладить тѣмъ свою вину передъ низовыми братчиками въ томъ, что онъ во время похода Косинскаго сражался противъ запорожцевъ. Посланцы прибыли въ Сичъ іюля 1 дня, 1594 года, какъ разъ въ то время, когда тамъ находился посолъ германскаго императора Рудольфа II, Эрнхъ Ласота. Прибывъ въ Сичъ, посланцы Наливайка прежде всего испросили прощеніе у запорожскихъ козаковъ отъ имени Наливайка за то, что онъ нѣкогда стоялъ противъ низовыхъ козаковъ; но то произошло потому, что Наливайко служилъ кіевскому воеводѣ, противъ котораго враждовали запорожцы, и потому долженъ былъ повиноваться ему. Теперь Наливайко собралъ возлѣ себя отъ 2 до 2½ тысячъ человекъ козаковъ и съ ними нанесъ пораженіе татарамъ, настигши ихъ въ Молдавіи и отнявши у нихъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей. Узнавъ, что запорожское войско терпитъ большой недостатокъ въ лошадяхъ, Наливайко шлетъ своихъ посланцевъ въ Сичъ и чрезъ нихъ извѣщаетъ, что

¹⁾ Bielsky, 212, 213; Heidenstein, II, 321—322; Listy Żółkiewskiego, 64.

онъ готовъ раздѣлить съ низовыми молодцами свою добычу и подарить имъ 1.500 или 1.600 коней, лишь бы только запорожцы считали его своимъ другомъ. Если же честное низовое рыцарство подозрѣваетъ его во враждебныхъ къ нимъ намереніяхъ, то онъ готовъ явиться къ нему лично въ козацкое кѣло, сложить посреди него свою саблю и оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. А если честное рыцарство найдетъ его оправданія недостаточными, то онъ самъ предложитъ отрубить ему голову собственною саблею. Однакожъ, онъ надѣется, что низовые рыцари удовлетворятся его объясненіями, признаютъ ихъ основательными и навсегда будутъ считать его своимъ другомъ и братомъ, ибо, что касается прошлаго, то Наливайко состоялъ на службѣ у кievскаго воеводы еще раньше, чѣмъ запорожцы вступили въ войну съ Острожскимъ; когда же возникшія между ними недоразумѣнія окончились войной, то уже собственная честь не позволила ему, Наливайку, оставить воеводу, своего господина, котораго хлѣбъ онъ ѣлъ задолго передъ тѣмъ и въ службѣ котораго состоялъ съ давняго времени, почему и принужденъ былъ сражаться за него противъ его враговъ ¹⁾).

Видимо запорожцы вполне удовлетворились такимъ объясненіемъ Наливайки и вмѣстѣ съ нимъ стали дѣйствовать за поляковъ противъ татаръ.

Дѣло было осенью того же 1594 года. Въ Польшѣ стало извѣстно, что татары, послѣ войны въ Венгріи, будутъ возвращаться въ Крымъ и снова могутъ посѣтить Галичъ и Волынь. Тогда противъ татаръ собралось польское ополченіе, числомъ до 15.000 человекъ, подъ начальствомъ Яна Замойскаго и при участіи Зебжидовскаго, Конецпольскаго, Острожскаго, Збаражскаго, Заславскаго, Мишка, Мелецкаго, Остророга, Липскаго, Горайскаго и другихъ, менѣе знатныхъ пановъ, и стало сторожить у Карпатскихъ горъ и пробѣжныхъ шляховъ возвращавшихся назадъ крымцевъ. Но крымцы, заранѣе провѣдавъ объ этомъ, сумѣли обмануть пановъ, прорваться черезъ Волощину и уйти въ Крымъ. Такъ паны ни съ чѣмъ и возвратились по своимъ домамъ ²⁾).

Но особо отъ всѣхъ перечисленныхъ знатныхъ польскихъ пановъ хотѣлъ дѣйствовать снятыньскій староста Пиколай Язловец-

¹⁾ Дневникъ Ласоты: Мемуары южной Руси, Кіевъ, 1890, I, 183.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1878, II, 90.

кій, тотъ Язловецкій, которому раньше этого времени поручено было строить замокъ въ Кременчугѣ или въ степи для удержанія украинскаго населенія отъ бѣгства въ Сичь. Онъ пришелъ къ той мысли, что вмѣсто того, чтобы гоняться за татарами по Волынѣ и Венгріи, резоннѣе всего броситься въ самое гнѣздо ихъ, Крымъ, и захватить его въ свои руки. Съ этою цѣлью Язловецкій вошелъ въ сношеніе съ Григоріемъ Лободой и Севериномъ Наливайкомъ и, получивъ отъ нихъ согласіе, изготовился къ походу, для чего вошелъ въ долгъ и сдѣлалъ огромныя затраты. Козаки, вмѣстѣ съ Язловецкимъ, уже готовы были отправиться въ Крымъ, но какъ разъ въ это время ихъ привлекъ въ сѣверную Молдавію германскій императоръ Рудольфъ II, которому полезнѣе было видѣть запорожцевъ въ Волонинѣ, нежели въ Крыму. Эта неудача такъ подѣйствовала на Язловецкаго, что онъ, отъ непоссѣія страшныхъ убытковъ и отъ огорченія, быстро захворалъ и скончался ¹⁾).

Оставивъ свои виды на Крымъ, козаки съ ихъ предводителями Лободой и Наливайкомъ расположились въ Брацлавщинѣ; но, простоявъ нѣкоторое время въ Брацлавщинѣ, запорожцы съ Лободой вернулись въ Запорожье, а Наливайко расположился въ замкѣ Брацлава и выгналъ оттуда старосту Юрія Струся. Въ то время въ Брацлавщинѣ козацкое сословіе на столько усилилось, что вся мѣстная шляхта склонялась передъ козаками и принуждена была даже предоставлять имъ необходимыя продовольствія и деньги для войны или, какъ тогда говорили, давать «стаціи» войску. Брацлавскими козаками дирижировалъ Северинъ Наливайко. Требуя войсковыхъ стацій, Наливайко съ козаками сталъ дѣлать наѣзды на шляхту и во время этихъ наѣздовъ жестоко отомстил пану Калиновскому, обиднику своего отца. Наливайко чувствовалъ неугасимую ненависть къ Калиновскому и, объясняясь по этому поводу впоследствии съ королемъ Сигизмундомъ III, высказалъ, что то была самая тяжкая изъ обидъ и самая неоправданная для него изъ всѣхъ потерь: «Вѣдь отецъ-то у меня былъ одинъ!» Король требовалъ отъ Наливайка, чтобы онъ распустилъ свою ватагу и не дѣлалъ обидъ населенію, но Наливайко не обращалъ вниманія на это приказаніе и все больше и больше стягивалъ къ себѣ охотниковъ до всякаго рода приключеній и войны.

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 91.

Собравъ около себя значительный отрядъ, Наливайко, наконецъ, оставилъ Брацлавъ и со своимъ отрядомъ направился въ Килію. Онъ напалъ на городъ Тягинъ; городъ взялъ и сжегъ его, но крѣпости взять не могъ и покинулъ ее. Отступивъ отъ Тягина, онъ распустилъ своихъ козаковъ загонами по нижнему Бугу и Пруту; тутъ онъ сжегъ болѣе 500 турецкихъ и татарскихъ селеній, захватилъ до 4.000 обоего пола турецкаго и татарскаго ясыря и съ богатой добычей повернулъ назадъ. Но на обратномъ пути онъ наткнулся, при переправѣ черезъ рѣку Днѣстръ, на семитысячный отрядъ войска съ молдавскимъ господаремъ Аарономъ во главѣ и, въ схваткѣ съ нимъ, потерялъ большую часть своей добычи и нѣсколькихъ козаковъ, за что свято поклялся отомстить коварному господарю ¹⁾. И точно, возвратясь въ Брацлавщину, Наливайко пошелъ въ сношенія съ Лободой и запорожцами и, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1594 года, предпринялъ второй походъ противъ турокъ въ Молдавію. У союзниковъ было 12.000 человекъ козаковъ и 40 хоругвей съ двумя цесарскими серебряными орлами на двухъ изъ хоругвей. Предводителемъ войска былъ Лобода, помощникомъ его—Наливайко. Козаки переправились черезъ Днѣстръ подъ Сорокой и направлись въ сѣверную Молдавію. Прежде всего они сожгли крѣпость Цоцору; потомъ у Сучавы разбили господара Аарона и заставили его бѣжать въ Волощину, а сами переправились черезъ Прутъ, напали на господарскую столицу Яссы, сожгли и ограбили ее, разорили нѣсколько окрестныхъ селеній и потомъ благополучно вернулись назадъ.

Этотъ походъ имѣлъ большое политическое значеніе въ исторіи западныхъ славянъ того времени: молдавскій господарь Ааронъ послѣ третьяго вторженія козаковъ въ предѣлы его княжества сбросилъ съ себя зависимость турецкаго султана, вошелъ въ сношеніе съ валашскимъ господаремъ Миханломъ и трансильванскимъ княземъ Сигизмундомъ Баторіемъ и вмѣстѣ съ ними перешелъ на сторону германскаго императора ²⁾.

По письму князя Константина Острожскаго къ князю Криштофу Радзивиллу (отъ 24 декабря 1594 года), Лобода и Наливайко, хозяйничая въ Волощинѣ, большія спустошенія людямъ и маестностямъ причинили, замки и города волошскіе сожгли, а самыя

¹⁾ Заклинскій, Зношеня цѣсаря Рудольфа II зъ козаками. Львовъ, 1882, 23.

²⁾ Заклинскій, Зношеня, 23—25; Bielski, 225; Heidenstein, II, 327.

Иссы, гдѣ молдавскіе господа робыкновенно резиденцію свою имѣли, въ пенсѣли обратили и послѣ всего этого благополучно назадъ поротились, Наливайко въ Брацлавінну, Лобода къ Бару, а нѣкоторые изъ ихъ сподвижниковъ—на Запорожье, но всѣ имѣли въ виду, послѣ похода въ Волоціну, предпринять походъ «на Польшу» ¹⁾.

Возвратившись изъ второго молдавскаго похода, Северинъ Наливайко вновь засѣлъ въ Брацлавѣ, попрежнему объявлялъ себя врагомъ шляхты и сталъ собирать съ окрестныхъ дворянъ «стачинъ». На ту пору въ Брацлавѣ назначены были такъ-называемые судебные «роки», на которые, по обыкновенію, стала собираться мѣстная шляхта для разбора судебныхъ дѣлъ. Зная настроеніе Наливайка, городской писарь Брацлава, Байбузь, постѣнилъ предупредить дворянъ о грозившей имъ опасности отъ Наливайка, и дворяне поторопились разлѣхаться по домамъ. Но отъѣхавъ небольшое разстояніе отъ Брацлава, дворяне услышали, будто бы Наливайко вовсе безсиленъ, потому что во время послѣдняго похода своего въ Молдавію онъ потерялъ много людей убитыми, а по возвращеніи въ Брацлавъ еще болѣе того обезсилилъ, вслѣдствіе отхода отъ него многихъ козаковъ по домамъ. Эти слухи шляхта приняла за дѣйствительность и рѣшила вернуться въ Брацлавъ, чтобы расправиться съ Наливайкомъ и открыть судебные «роки». Отправивъ отъ себя дворянина Цурковскаго къ козакамъ и мѣщанамъ, пань стали возвращаться къ городу. Наливайко задержалъ у себя посланца и, выждавъ время, когда пань подошли къ Брацлаву, быстро вышелъ на нихъ съ козаками и мѣщанами, напалъ на панскую стоділку, побилъ пановъ и слугъ, забралъ у нихъ деньги, имущество, бумаги и послѣ этого вернулся въ городъ. Тогда шляхта обжаловала нападеніе Наливайка передъ королемъ Сигизмундомъ ²⁾, и король универсаломъ, отъ 1-го ноября 1594 года, приказалъ потерпѣвшимъ наказати, какъ мѣщанъ города, такъ и въ особенности самого Наливайка ³⁾. Но это приказаніе короля осталось безъ всякихъ послѣдствій, какъ и другія, болѣе раннія его распоряженія относительно козаковъ:

¹⁾ Рукопись импер. публич. библ., польск., F. IV, № 223, л. 66; Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 91.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, I, ч. III, 66—68.

³⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, I, 20—21.

для наказанія Наливайка нужно было войско, а его-то именно и не было въ Польшѣ.

Такимъ образомъ Наливайко свободно оставался въ Брацлавѣ, а близь него, въ Барѣ, былъ и козацкій «старшій» Лобода. Находясь въ Барѣ, Лобода начальствовалъ, по выраженію Гейденштейна, надъ старыми, чистой породы, низовцами ¹⁾ и вначалѣ старался держать себя на мирной почвѣ съ панами, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ польскому воеводѣ, князю Константину Острожекому. Съ Острожекимъ онъ имѣлъ письменныя сношенія, увѣдомлялъ его о турецкихъ, татарскихъ и волонскихъ дѣлахъ и увѣрялъ князя въ мирномъ къ нему настроеніи и уваженіи къ его собственности ²⁾. Тѣмъ не менѣе въ половинѣ ноября Лобода и Наливайко сошлись въ Барѣ, имѣя при себѣ 12.000 человекъ войска. Вмѣстѣ съ Лободой въ это время былъ и императорскій агентъ, Станиславъ Хлопицкій. Предводители козаковъ распустили слухъ, что они, собравъ войско, имѣютъ въ виду новый походъ въ Волощину, оттого и сошлись въ городѣ Барѣ. И точно, Лобода и Наливайко засѣли въ замкѣ города и тамъ открыли какіе-то совѣщанія, а самый городъ окружили своимъ войскомъ и не позволяли никому ни войти, ни выйти изъ него безъ вѣдома козаковъ. Не довольствуясь этимъ, они отправили часть своего войска въ окрестности Бара съ видимою цѣлью собиранія «стацій» съ населенія въ виду предстоящаго похода въ Волощину. Жители, привыкшіе къ насильственнымъ дѣйствіямъ въ этихъ случаяхъ со стороны козаковъ, стали бросать свои хутора и прятаться съ имуществомъ, семьями и слугами въ уединенныхъ и безопасныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ сосѣднихъ съ Баромъ старостъ успѣли извѣстить обо всемъ короннаго гетмана Яна Замойскаго съ цѣлью найти у него помощь противъ козаковъ ³⁾. Самъ воевода волынской, князь Константинъ Острожскій, чувствуя себя или безсильнымъ въ отношеніи козаковъ, или не желая ссориться съ ними, услыша о приближеніи ихъ къ своимъ маестностямъ, ограничился на этотъ разъ только тѣмъ, что приказалъ одному изъ своихъ слугъ выѣхать въ Межибожье и слѣдить за движеніями козаковъ. Въ своемъ письмѣ къ зятю Криштофу Рад-

¹⁾ Heidenstein, Dzieje polski, II, 363.

²⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 434, 435.

³⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow 1868, 59—60.

зигизмунду Острожскій выказался такъ, что опъ просить Бога сохранивъ его отъ набѣговъ со стороны козаковъ и объ удаленіи ихъ, какъ можно подалѣе, отъ княжескихъ маестностей ¹⁾, но о вооруженномъ сопротивленіи козакамъ ничего не говорить. Козаки спокойно просидѣли въ Барѣ до конца 1594 года, не думая ни о какомъ походѣ къ Волоццу и въ началѣ слѣдующаго года разойшлись частію въ Винницу, частію въ Брацлавъ. Въ это время Григорій Лобода нашелъ себѣ недалеко отъ Бара какую-то дѣвушку, въ шляхетской семьѣ Оборскихъ, и женился на ней: дѣвушка вышла замужъ не по любви, а по принужденію ея воспитателей ²⁾.

Между тѣмъ жалобы нановъ на козацкихъ предводителей достигли и до короля Сигизмунда, и король выслалъ противъ нихъ отрядъ войска въ 2.000 человекъ. Но уже сами наны, какъ на примѣръ, князь Константинъ Острожскій, видѣли въ этомъ лишь одні безсильныя потуги со стороны своего правительства въ борьбѣ съ козаками: вѣдѣть было извѣстно, что войска польской республики заняты были другимъ дѣломъ, борьбой съ турками и татарами, и потому борьба съ козаками считалась въ это время невозможной. Напротивъ того, обстоятельства дѣлъ заставили коляковъ не только не преслѣдовать козаковъ, а даже просить у нихъ помощи противъ общихъ враговъ, турокъ и татаръ.

И точно, весной 1595 года польское ополченіе, подъ предводительствомъ Яна Замойскаго, Жолкевскаго и Потоцкаго, выступило за границу польскихъ владѣній къ Днѣстру: теперь противъ турокъ были уже, вѣстѣ съ германскимъ императоромъ, молдаво-волошскіе господа и седмиградскій князь. Затѣвалась большая война, и поляки опасались за собственныя владѣнія. Въ іюлѣ 20 числа польскіе предводители были у Шаргорода: въ августѣ мѣсяцѣ они узнали о переправѣ черезъ Днѣстръ на шляхъ Кучманъ многочисленной татарской орды и, не надѣясь на собственныя силы, нашли нужнымъ просить къ себѣ на помощь и козаковъ. Еще съ ранней весны 1595 года они залабривали всячески Григорія Лободу и старались привлечь его къ своему дѣлу: теперь же, въ виду большой опасности отъ мусульманъ, они прямо отравили къ нему гонца и черезъ гонца просили козацкаго вождя

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 431.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 103.

поспѣшить къ нимъ на подмогу, обѣщая за то испросить козакамъ прощеніе у короля за ихъ противозаконныя дѣйствія въ Брацлавщинѣ. Наливайка поляки совсѣмъ обходили въ своихъ просьбахъ. На приглашеніе пановъ козаки сперва отиѣчали полнымъ отказомъ, но потомъ нѣкоторая часть ихъ согласилась принять предложеніе и идти на помощь полякамъ.

Предложеніе поляковъ принялъ именно Григорій Лобода, который вышелъ на помощь къ коронному войску 21 февраля, а 23 числа того же мѣсяца писалъ письмо съ пути къ князю Острожскому съ извѣстіемъ о нанесеніи мусульманскимъ воеводой пораженія крымскому хану ¹⁾. Но, приблизившись къ границамъ Молдавіи, Лобода, вмѣсто помощи полякамъ, сталъ опустошать со своими козаками окрестности Тягина. Замоийскій, не видя въ этомъ никакой для себя пользы, приказалъ козакамъ оставить Молдавію, въ противномъ случаѣ грозилъ поступить съ ними, какъ съ непріятелями, и тогда Лобода оставилъ Молдавію и въ январѣ 1596 года вернулся въ городъ Овручъ ²⁾. Поляки, оставленные козаками, отсиѣли въ лагерѣ надъ Прутомъ, на урочищѣ Цоцорѣ и августа 8 дня, 1595 года, заключили миръ съ крымскимъ ханомъ Казы-Гераемъ ³⁾.

Такъ кончился походъ Лободы въ помощь полякамъ. Что касается Наливайки, то онъ сразу отказался отъ содѣйствія полякамъ, потому-ли, что не желалъ вообще подавать помощи своимъ врагамъ, потому ли что поляки обонли его въ своей просьбѣ, или потому, что Наливайко, какъ честолюбивый человѣкъ, не желалъ играть при Лободѣ второй роли ⁴⁾. Отдѣлившись отъ Лободы, ушедшаго къ коронному войску, Наливайко расположился въ имѣніи князя Константина Острожскаго. Острополь. На ту пору князь Острожскій находился въ другомъ своемъ имѣніи Туровѣ, на Полесьѣ, и потому о приходѣ Наливайки въ Острополь узналъ черезъ гонца въ началѣ марта 1595 года и извѣстилъ о томъ своего зятя, Криштофа Радзивилла: «Какъ Лобода, желая пріязни со мной, велъ себя спокойно относительно меня и моихъ подданныхъ, такъ этотъ лотръ ⁵⁾ Наливайко, оставши отъ дру-

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 435.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 65.

³⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 101.

⁴⁾ Heidenstein, Dzieje polski, II, 363.

⁵⁾ Лотръ значить разбойникъ, грабитель.

гихъ, въ числѣ 1.000 человекъ, гостить теперь въ маестности моеѣ Острополѣ и, кажется, что придется мнѣ сторговаться съ нимъ. Другого Косинскаго посылаетъ на меня Господь Богъ» ¹⁾).

Письмо князя Острожскаго писано въ началѣ марта 1595 года, а въ половинѣ августа того же года Наливайко уже оставилъ Острополь и со своимъ отрядомъ отправился черезъ седмиградское княжество въ Венгрію противъ турокъ на помощь германскому эрцгерцогу Максимилиану, начальствовавшему надъ имперскою арміею. Въ Венгріи Наливайко оставался до поздней осени, послѣ чего, одолевъшійся большою добычей и получивши въ даръ отъ эрцгерцога большую войсковую хоругву, вернулся черезъ Самборъ на родину. О своей иностранной службѣ Наливайко впоследствии сообщилъ королю Сигизмунду III слѣдующее: «Не имѣя дома дѣла, а праздно жить не привыкли, мы, по письму къ намъ христіанскаго цесаря, пустились въ цесарскую землю, гдѣ не за деньги, а по собственной охотѣ рыцарскою, прослужили не мало времени; но, узнавъ, что седмиградскій воевода заводитъ свои козни противъ короннаго гетмана, не захотѣли оставаться больше въ той землѣ и не посмотрѣли ни на какіе подарки» ²⁾). Такъ говорилъ самъ о себѣ Наливайко; иностранные же писатели говорятъ, что козаки Наливайка, явившись въ Венгрію для борьбы съ врагами германскаго императора, больше думали о добычѣ, нежели о войнѣ, и потому ушли изъ Венгріи не сами собой, а были выдворены насильно плѣнцами ³⁾).

Возвратившись изъ третьяго турецкаго похода, Наливайко больше не думалъ уже о походахъ за границу. Теперь все его вниманіе обращено было на внутренній дѣла самой Украины ⁴⁾. На Украинѣ затѣвалось въ это время дѣло, поднявшее потомъ на ноги все козацкое сословіе, послужившее причиной ничѣмъ неугасимой вражды между православными и католиками и приведшее въ концѣ концовъ къ политической гибели государству Рѣчи-Посполитой. Это такъ-называемая религіозная унія, выдуманная папою Климентомъ VIII, введенная на Украинѣ королемъ Сигизмундомъ III и принятая русскими епископами, луцкимъ, Кирилломъ Терлецкимъ,

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 435.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 81.

³⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 81.

⁴⁾ Записки Евлашевскаго, Киевская старина, 1886. I, 153.

и владиміро-волинскимъ, Іпатіємъ Поцѣмъ, впоследствии первымъ унитскимъ митрополитомъ.

Собравъ около себя до 2.000 человекъ козаковъ, Наливайко прежде всего ворвался съ ними въ волинскій городъ Луцкъ и съ яростью обрушился на слугъ епископа Терлецкаго, приверженца уни. На встрѣчу Наливайку вышли за городъ бискупъ и знатнѣйшіе изъ шляхтичей и старались умиловить его подарками; вмѣстѣ съ бискупомъ и шляхтичами къ ногамъ Наливайка положили нѣсколько тысячъ золотыхъ и кунды. Но при всемъ томъ дѣло не обошлось безъ шкодъ и убытковъ для города: пользуясь открывшеюся на ту пору ярмаркой въ городѣ, Наливайко прошелся по рядамъ каранювскихъ лавокъ и собралъ съ нихъ дань на козаковъ. Такую же дань онъ взялъ съ костеловъ и шляхтичей, послѣ чего, прогостивъ три дня въ городѣ, отступилъ къ Днѣпру и въ это время написалъ письмо королю Сигизмунду III о томъ, будто бы онъ зашелъ въ Луцкъ съ единственною цѣлью сдѣлать въ немъ военные запасы и потомъ предложить свои услуги коронному гетману, но встрѣтилъ со стороны гетмана и польскихъ пановъ ничѣмъ необъяснимую вражду: «Наны били и мучили хлопятъ, паробковъ и нѣсколькихъ товарищей нашихъ или на приставахъ или на пути къ своимъ родителямъ» ¹⁾. Вражда, однако, пановъ къ Наливайку объясняется тѣмъ погромомъ, какой онъ произвелъ въ городѣ; а насколько великъ былъ тотъ погромъ, это видно изъ королевскаго листа, даннаго на имя луцкаго поборцы Семашка, объ освобожденіи жителей Луцка отъ нитейнаго сбора, называемаго «чоновымъ сборомъ» ²⁾.

Передавъ все дѣло нападенія козаковъ на городъ Луцкъ въ самомъ невинномъ видѣ, Наливайко тѣмъ не менѣе не прекратилъ своихъ дальнѣйшихъ походовъ и изъ Волыни направился въ Бѣлоруссію, дошелъ до Петриковичъ и обрушился на городъ Слуцкъ, куда прибылъ поляр 6 дня. Слуцкомъ управлялъ въ то время староста виленскій Еронимъ Ходкевичъ. Но онъ вмѣстѣ съ другими панами уѣхалъ въ Келецкъ. Прибывъ въ Слуцкъ, Наливайко послалъ отъ себя съ 500-ми козаками въ Коньль полковника Мартышка: но Мартышко наткнулся на гайдуковъ Ходкевича

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 107.

²⁾ Bielskiego, Dalszy ciąg kroniki polskiej, 253; Heidenstein, II, 363: Архивъ югозападной. Руси, I, ч. 3, 69.

и былъ ими убитъ; козаки его также были большею частію разбиты и сожжены и только весьма немногіе пернулись въ Слуцкъ ¹⁾. Тогда Наливайко, взявъ въ Слуцкъ 12 пушекъ, 80 гакивицъ ²⁾, 700 рушницъ и 5.000 литовскихъ конь съ жителей города, стали собираться къ выходу изъ города. Въ это время онъ получилъ извѣстіе о выступленіи противъ него пѣхоты литовскаго гетмана Криштофа Радзивилла и послѣдшилъ своимъ отходомъ изъ Слуцка; однако, при самомъ выходѣ, вечеромъ, ноября 27 дня, онъ не успѣлъ избѣжать столкновенія съ литовскою пѣхотой и потерялъ нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ своей ватаги, но зато успѣлъ уйти отъ рѣшительнаго столкновенія съ Радзивилломъ и пробѣжать сперва въ Олеховичъ, а потомъ въ городъ Могилевъ. Дойдя до Могилева и встрѣтивъ здѣсь большое сопротивленіе со стороны жителей города, Наливайко, ноября 30 дня ³⁾, взялъ его приступомъ и господствовалъ въ немъ въ теченіи двухъ недѣль. Набѣдая на дома и шляхетскія маестности, онъ не мало причинилъ škody шляхтѣ, мѣщанамъ и богатымъ панамъ: «Мѣсто славное побожное (т.-е. на рѣкѣ Бугѣ или Бугѣ) Могилевъ, дома, крамы, острогъ выжегъ: всѣхъ домовъ до 500, а крамовъ съ великими скарбами до 400: мѣщанъ, бояръ, людей чтивыхъ, мужей, женъ, дѣтей малыхъ побилъ, порубилъ, попоганилъ: съ лавокъ и съ домовъ неисчислимое число скарбовъ побралъ» ⁴⁾; кромѣ того, два костела съ хранившимися въ нихъ бумагами и отъ разныхъ лицъ привилегіями «сильндровалъ» ⁵⁾, и въ этомъ погромѣ козаки долго могли бы еще упражняться, если бы къ Могилеву не подошелъ гетманъ Радзивиллъ съ 14.000 литовскихъ и 4.000 татарскихъ войскъ. Тогда козаки заперлись въ городѣ и стали отсиживаться въ немъ. Жители города, желая избавиться отъ козаковъ, зажгли замокъ огнемъ, и тогда Наливайко волей-неволей вынужденъ на пригородную Илинскую гору, укрѣпился здѣсь и обставился пушками, гакивицами и полтаками. Противъ козаковъ расположились литовцы и татары, избравъ себѣ такъ-называемое Буйницкое поле въ имѣніи князя Соломерецкаго. Противники сражались въ теченіи нѣлаго дня, и

¹⁾ Записки Евлашевскаго, Кіев. старина, 1886, I, 153.

²⁾ Гакивиця—длинное крѣпостное желѣзное ружье.

³⁾ Въ дневникѣ Евлашевскаго грудня (декабря) 13 дня.

⁴⁾ Кулишъ, Матерьялы для исторіи возсоединенія Руси, Москва, 1877, I, 64, 65.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, I, 259.

подъ конецъ Наливайко нашелъ за лучшее покинуть Могилевъ и идти дальше. Но, оставивъ свою позицію, онъ наткнулся на панское войско, предводимое паномъ Опикиемъ Униговскимъ. Тогда между поляками и козаками произошла стычка, но въ рѣшительную минуту литовцы не поддержали Униговскаго, и онъ погибъ смертью героя. Послѣ этого въ слѣдъ за козаками отправленъ былъ панъ Буйвидъ съ двумя стами коней виленскаго воеводы и нѣсколькими панскими слугами города. Но панъ Буйвидъ, видя полный порядокъ въ отступавшемъ козацкомъ войскѣ, не отважился напасть на него, и козаки дошли сперва до Рогачева, потомъ «припадали снова за какими-то практиками до Петриковичъ» и наконецъ очутились у Рѣчицы ¹⁾.

Изъ Рѣчицы Наливайко, считавшій себя правымъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, написалъ письмо къ королю Сигизмунду III. Въ этомъ письмѣ онъ предлагалъ свои услуги королю смирить всѣхъ непокорныхъ ему людей, но для этого просилъ короля отвести козакамъ для поселенія пустыни между Бугомъ и Днѣстромъ, на татарскомъ и турецкомъ шляху, между Тягинцею и Очаковымъ, на пространствѣ 20 миль отъ Брацлава, гдѣ отъ сотворенія міра никто не обиталъ; дозволить самому Наливайку построить особый городъ съ замкомъ, сдѣлать этотъ городъ центромъ всего козачества, выдавать козакамъ «стаціи», поставить надъ ними гетмана ²⁾, а въ Сичи держать лишь помощника гетману. Послѣ всего этого Наливайко обѣщалъ королю держать въ полной покорности всѣхъ «стаціонныхъ» козаковъ; новыхъ лицъ, приходящихъ къ нимъ, или вовсе не принимать, или же возвращать назадъ, обрѣзавъ имъ предупредительно носы и уши; всѣмъ баннигамъ безусловно отказывать въ приѣмѣ въ козацкое войско; не требовать «стацій» съ Украйны, а посылать за покупкою муки и боевыхъ снарядовъ только въ города Бѣлоруссін. Для начала всего этого Наливайко просилъ отъ короля 2.000 человѣкъ людей и, кромѣ того, суконъ и денегъ въ такой мѣрѣ, какъ платится татарамъ или королевскимъ жолѣбрамъ ³⁾.

Не получивъ никакого отвѣта на свое письмо отъ короля, На-

¹⁾ Въ дневникѣ Евлашевскаго о пребываніи Наливайка въ Рѣчицѣ не говорится.

²⁾ Первѣе всего Наливайко хотѣлъ видѣть гетманомъ себя.

³⁾ Булишъ, Исторія воссоединенія Русн, II, 102; Матерьялы, I, 65; Heidenstein, II, 363; Костомаровъ, Монографіи, III, 264.

ливайко, оставивъ Рѣчину, прошелъ черезъ Туровъ и Городню и «удался до Высоцка», въ концѣ января 1596 года прибылъ на Волынь и расположился въ имѣніяхъ князя Константина Острожскаго ¹⁾. На этотъ разъ Наливайко не встрѣтилъ даже и слабаго сопротивленія со стороны князя, такъ какъ оба они сошлись на одномъ вопросѣ, протестъ противъ унии и защитѣ православія. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это самое время приводилась въ исполненіе мысль о введеніи на православной Украинѣ унии, и главные старатели этого дѣла, Ипатій Понцѣй и Кирилль Терлецкій, отправились для этого въ столицу папы, Римъ. Наливайко зналъ объ антипатіи князя Острожскаго къ затѣянному дѣлу и потому развертывалъ свои дѣйствія, ничѣмъ и никѣмъ не стѣняясь. Въ это время вѣстѣ съ Севериномъ Наливайкомъ выступилъ и родной братъ его, священникъ Дамьянъ Наливайко, руководимый тѣмъ же чувствомъ ненависти къ унии, какъ и Северинъ Наливайко. Князь Острожскій, видѣвшій всѣ движенія братьевъ Наливаекъ ²⁾, не принималъ въ нихъ никакого участія, ни въ томъ, чтобы остановить ихъ, ни въ томъ, чтобы раздуть, въ чемъ онъ и сознавался въ своемъ письмѣ къ зятю Криштофу Радзивилу ³⁾.

Февраля 14 дня 1596 года Северинъ Наливайко, съ братомъ своимъ Дамьяномъ Наливайкомъ, Флоріаномъ Гедройтомъ и Павломъ Кимтой, пользуясь отъѣздомъ епископа Кирилла Терлецкаго въ Римъ, собралъ возлѣ себя козаковъ и землянъ и съ ними напалъ «непріязненнымъ обычаемъ» на имѣнія брата епископа, Яроша Терлецкаго, въ шинскомъ повѣтѣ. Прежде всего Наливайко бросился на собственное имѣніе Яроша Терлецкаго, Дубую, потомъ на имѣніе жены его, Отовичи, и, мстя отцу епископу за то, что онъ до Рима уѣхалъ, захватилъ усадьбы, разорилъ и сплюндровалъ ихъ: урядника, слугъ, челядь поранилъ и побилъ; золото, серебро, бумаги на права, привилегіи, важные листы, мамрамы на долги и другіе необходимые документы на мѣстности и права побралъ; коней выѣданныхъ и всякое добро захватилъ и потомъ, скрывался по нѣкоторымъ шляхетскимъ до-

¹⁾ Heidenstein, Dzieje polski, Petersbourg, 1857, II, 363; Дневникъ Евлашевскаго, Киевская старина, 1886, январь, 151.

²⁾ Архивъ югозап. Россіи, I, ч. 3, 76, 99, 135, 137.

³⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, I, 438.

мамъ, уѣхалъ въ Степань, имѣніе князя, пана воеводы кievскаго Острожскаго ¹⁾).

Послѣ набѣга на имѣнія Яроша Терлецкаго Наливайко сдѣлалъ набѣгъ на Пинскъ, куда епископъ Кириллъ Терлецкій, передъ своимъ отъѣздомъ въ Римъ, отпразднилъ на храненіе, въ домъ мѣщанина Крупы, богатую ризницу свою съ уборами, богатыми нарядами и епископскими принадлежностями, два большой важности и потребности документа съ подписями и печатами самого владыки и рукоприкладствомъ трехъ свѣтскихъ лицъ, спрятаанные въ запечатанный сундукъ и хранившіеся въ ризницѣ. Все это было похищено Наливайкомъ тотчасъ же послѣ отъѣзда епископа въ Римъ ²⁾. Напрасно потомъ епископъ требовалъ, именемъ королевскаго величества, выдачи одного изъ своихъ слугъ, Флоріана Гедройта, принимавшаго участіе въ набѣдахъ Наливайка на Пинскъ и, вѣроятно, выдаваемаго секреты епископскаго дома: отпавленнаго по этому поводу въ городъ Острогъ епископскаго посланца Олизаровскаго, мѣстный староста, Боровицкій, сперва бросилъ въ тюрьму и подвергъ тюменію голода, а потомъ отослалъ въ градскій судъ, въ Кременецъ ³⁾.

Кромѣ Терлецкихъ, отъ козаковъ Наливайка пострадалъ и луцкій староста, Александръ Семашко, сторонникъ уніи. Противъ него дѣйствовалъ Дамьянъ Наливайко вмѣстѣ съ Александромъ Гулевичемъ и княземъ Петромъ Вороницкимъ. Союзники напали на имѣнія Семашка Тучинъ и Коростыинъ и произвели въ нихъ страшный разгромъ: они брали деньги, оружіе, платье, лошадей, рогатый скотъ, домашнюю птицу, янныя напитки, бѣлье, холсты, рядна, упряжь, кошолки, топоры и т. п., а людямъ владѣльца стрѣлами кололи руки, обрѣзывали уши, мучили, убивали и среди дорогъ бросали, и послѣ всего этого спокойно разѣхались по своимъ мѣстамъ; а когда потерпѣвшіе вздумали-было потомъ требовать часть своего добра отъ Дамьяна Наливайка, то были прогнаны острожскимъ старостою и бѣжали ночью въ свои местности ⁴⁾.

Такимъ образомъ изъ двухъ извѣстныхъ козацкихъ вождей дѣйствовалъ пока одинъ Наливайко. Но скоро къ Наливайку при-

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, I, ч. III, 77.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 133.

³⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 137.

⁴⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 86—98, 99.

соединился и Григорій Лобода. Лобода послѣ стоянки въ Овручѣ, въ январѣ мѣсяцѣ, 1596 года, спустился въ Сичу. Но услышавъ о томъ, что творилось на Волыни и въ Бѣлоруссiи, козацкiй вождь не выдержалъ и, собравъ возлѣ себя низовое товарищество, «выгребся: съ нимъ вверхъ по Днѣпру и занялъ сѣверныя пограничныя волости кiевскаго воеводства. Цѣль своего похода онъ объяснялъ, однако, не религіозными побужденіями, а простымъ желаніемъ добыть для своего войска такъ-называемыхъ «стацій» или, какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ коронному гетману Яну Замойскому (отъ 11 января, 1596 года), «хлѣба-соли» на войско: «Ваша милость пишешь къ намъ и приказываешь не входить въ границы великаго княжества литовскаго, къ Мозыру, и товарищей не впускать туда: ты не требуешь отъ насъ услугъ великому княжеству литовскому и всей Рѣчи-Посполитой, указывая на миръ со всѣхъ сторонъ, со всѣми непріятелями короны польской. За это да будетъ хвала Господу Богу за такой миръ люду христіанскому, что онъ смягчилъ сердце каждому непріятелю креста святаго. Но мы, если пришли въ этотъ край, то причина этого для всякаго очевидна: въ это зимнее непогодное время, когда ты никуда насъ не требуешь на службу, Богъ знаетъ, куда намъ направиться: поэтому покорно и униженно просимъ, благоволи не заборонять намъ хлѣба-соли. Что касается того своевольнаго человека Наливайка, который, забывши почти страхъ божiй и пренебрегши всѣмъ на свѣтѣ, собралъ по своему замыслу людей своевольныхъ и чинилъ большіе убытки коронѣ польской, то мы объ немъ никогда не знали и знать не желаемъ» ¹⁾).

Какъ добывали козаки себѣ «хлѣбъ-соль», объ этомъ можно судить по прежнимъ пріемамъ ихъ, но во всякомъ случаѣ они вели себя сдержаннѣе, чѣмъ ватага Наливайка: только то сбродное сословіе людей, которое всегда въ подобныхъ случаяхъ окружало козаковъ и пользовалось случаемъ покинута на счетъ неполюбимыхъ ими пановъ или же своихъ собственныхъ собратьевъ, вело себя если не хуже, то ни въ коемъ случаѣ не лучше ватаги Наливайка. Такъ, современные акты даютъ примѣры насилiи со стороны пановъ Гавскаго и Слуцкаго и мѣщанина Гуменницкаго, назвавшихся сподвижниками Лободы и причинившихъ много зла подданнымъ пана Семашка, старосты луцкаго, жителямъ Коро-

¹⁾ Listy Żółkiewskiego, Krakow, 1868, 65.

ститина и Хуикова: какъ и ватажакъ Наливайка, они дѣлали висящія наѣзды на обывателей, забирали у нихъ деньги, лошадей, воловъ, коровъ, наносили побой людямъ, насилывали женщинъ («чинили гвалты бѣлымъ головамъ») и дѣлали многія другія безчинства ¹⁾.

Козацкіе предводители, Лобода и Наливайко, дѣйствовали пока независимо одинъ отъ другого и, по объясненію Райнольда Гейденштейна, это происходило вслѣдствіе личнаго нерасположенія Наливайка, человека властнаго и честолюбиваго, къ Лободѣ. Отдѣльно отъ Лободы дѣйствовалъ и Матвій Саула (иначе Шауля), направившійся съ частью запорожскихъ козаковъ въ Литву и Бѣлоруссію для добыванія тамъ «хлѣба-соли», но онъ предпринялъ походъ съ нѣдома Лободы и имѣлъ цѣлью собрать большія «стаціи» для всего запорожскаго войска ²⁾.

Видя, до какой смѣлости дошли козаки и ихъ предводители, польскій король Сигизмундъ нашелъ нужнымъ взять, наконецъ, рѣшительныя противъ нихъ мѣры: онъ отпривилъ приказаніе своимъ гетманамъ «рушить противъ нихъ войско и поступать съ ними, какъ съ государственными непріятелями». Въмѣстѣ съ этимъ приказаніемъ король послалъ, въ концѣ января, 1596 года, свой универсалъ вольнской шляхтѣ съ извѣщеніемъ объ отпривленіи противъ козаковъ короннаго войска и съ приглашеніемъ соединиться съ этимъ войскомъ противъ общихъ враговъ ³⁾.

На ту пору короннымъ гетманомъ былъ Янъ Замойскій, а полнымъ гетманомъ—Станиславъ Жолкевскій, оба люди рѣшительные, оба съ большими военными дарованіями, но оба занятыя въ то время окончаніемъ дѣла въ Молдавіи, низверженіемъ съ престола незаконнаго правителя ея Розвана и возведеніемъ на господарскій престолъ Ереміи Могилы. Выѣзжая въ Молдавію, Замойскій пока старался о томъ, чтобы козаки не беспокоили въ его тылу турокъ и потому отдалъ имъ такого рода законическое приказаніе: «Приказываю вамъ, козаки, не смѣйте беспокоить Турціи! Я вамъ запрещаю!» ⁴⁾. Уладивъ же дѣла въ Молдавіи и поставивъ господаря ея въ вассальную зависимость отъ Польши, Замойскій вернулся въ Польшу и тутъ отпривилъ съ

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 101—103.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polski, Petersbourg, 1857, II, 363.

³⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 84—86.

⁴⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 115.

частью короннаго войска противъ козаковъ Станислава Жолкевскаго.

Приказаніе короля и короннаго гетмана Станиславъ Жолкевскій получилъ февраля 28 дня и, понимая всю важность козацкаго возстанія для республики Рѣчи-Посполитой и ея шляхетскаго сословія, немедленно двинулся къ Кременцу. Однако, при всей своей энергіи и рѣшительности, Жолкевскій долженъ былъ дѣйствовать противъ врага не столько открытою силою, сколько хитростью и неожиданностью. Дѣло проходило отъ того, что послѣ похода въ Молдавію польскія войска были сильно изнурены и нуждались въ деньгахъ, которыхъ имъ, по обыкновенію, правительство всегда не доплачивало или же затягивало расплату на неопредѣленное время. Чтобы подкрѣпить свое войско и вселить ему бодрость Жолкевскій обращался съ посланіями къ коронному гетману, а также къ кіевскому и волынскому воеводамъ, прося у нихъ вспоможенія деньгами и войсками ¹⁾.

Но на усиленные просьбы Жолкевскаго гетманъ и воеводы отвѣчали слишкомъ медленно.

А между тѣмъ Наливайко, услышавъ о собиравшейся противъ козаковъ грозѣ, нашелъ за лучшее передвинуться изъ Волыни въ Брацлавщину и расположиться въ мѣстечкѣ Лабунѣ ²⁾, гдѣ онъ считалъ свое положеніе болѣе надежнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что здѣсь находилъ и большое къ себѣ со стороны простаго населенія сочувствіе и потому, что отсюда, какъ изъ пограничной области, онъ могъ, въ случаѣ надобности, свободно перескочить въ другое мѣсто. Расположившись въ Лабунѣ, Наливайко безпечно сталъ ожидать къ себѣ свою ватагу, разбѣжавшуюся по дальнимъ окрестностямъ для собиранія добычи и продовольствія.

Развѣдавъ обо всемъ этомъ и сообразивъ, какъ трудно будетъ выкурить Наливайка изъ Брацлавщины, Станиславъ Жолкевскій рѣшилъ, не дожидаясь подкрѣпленія, напасть внезапно на Наливайка, захватить его въ руки и тѣмъ затунить возстаніе козаковъ въ самомъ гнѣздѣ. И свой планъ Жолкевскій могъ привести въ исполненіе, если бы въ самомъ войскѣ гетмана не объявился перебѣжчикъ къ козакамъ, панъ Цюскій съ цілою

1) Heidenstein, II, 363—364; Listy Żolkiewskiego, 67, 68.

2) Теперешней волынской губерніи, заславскаго уѣзда.

ротою поляковъ. Не получивъ давно ожидаемаго королевскаго жалованья, Шлоскій внезапно покинулъ Жолковского, перешелъ къ Наливайку и предупредилъ его объ опасности ¹⁾). Тогда Наливайко оставилъ Лабунъ и направился въ имѣніе князя Острожскаго Острополь. Во время этого передвиженія въ имѣніи князя Радзивилла, Марцирицахъ, между Лабунемъ и Острополемъ, на двѣ сотни войска Наливайка, предводимыя Дурнымъ и Татаринцемъ, напалъ передовой отрядъ Жолковского и вступилъ съ ними въ ожесточенный бой. Козаки только что выжили у марцирицкаго арендатора цѣлую бочку горилки и потому не совсѣмъ были годны для сраженія, но тѣмъ не менѣе, засѣвъ во дворахъ и хатахъ села Марцириць, они оказали такое упорное сопротивленіе польскимъ жолнѣрамъ, что тѣ, не могли одолѣть ихъ оружіемъ, рѣшили за лучшее поджечь огнемъ козаковъ въ ихъ убожищахъ и тѣмъ истребить всѣхъ до единого. Козаки не трусили передъ опасностью и, поражая поляковъ изъ пламени, всѣ, числомъ до 500 человекъ, вмѣстѣ съ двумя своими сотниками погибли въ огнѣ, оставивъ полякамъ въ добычу лишь одни знамена, но ни одного плѣнника изъ своихъ товарищей ²⁾).

Самъ предводитель козацкій, Наливайко, не дойдя до Острополя, остановился въ селѣ Чорнавѣ, имѣя при себѣ вначалѣ, какъ сообщали о томъ князю Острожекому, всего лишь нѣсколько десятковъ козаковъ. Но потомъ онъ успѣлъ стянуть къ себѣ изъ соседнихъ селеній всѣ свои отряды и сталъ съ ними въ Чорнавѣ чатами ³⁾). Жолнѣры, въ числѣ трехъ хоругвей, снова незамѣтно подкрались къ козакамъ, но, убивъ у нихъ 30 человекъ въ Чорнавѣ, ничего больше не могли имъ сдѣлать, а только заставили ихъ двинуться къ Острополю. У Наливайка было теперь нѣсколько болѣе тысячи человекъ козаковъ, съ которыми онъ всю ночь уходилъ отъ жолнѣровъ, направляясь черезъ Острополь въ Никольи и не останавливаясь нигдѣ ни днемъ, ни ночью. Поляки по нитамъ преслѣдовали козаковъ, но, дойдя до селенія Райкова, у самого Острополя, Жолковскій принужденъ былъ дать отдыхъ своему истомленному быстрыми переходами войску и переночевать тамъ.

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 67, 68.

²⁾ Bielski, 262; Heidenstein, II, 364, Кулишъ, II, 437.

³⁾ «Чата» или «чать» съ турецкаго на русскій собственно значить перекрестокъ, въ переносномъ смыслѣ разѣзды на перекресткахъ дорогъ.

Захвативъ здѣсь живыми 6 человекъ козаковъ, Жолкевскій пустился по направленію къ Пикову и пришелъ сюда только двумя часами позже, чѣмъ вышелъ изъ Пикова Наливайко. Наливайко взялъ направленіе къ Брацлаву и шелъ, по словамъ самихъ польскихъ писателей, въ большомъ порядкѣ («sprawa wielka»), имѣя при себѣ 20 гарматъ, много гакивицъ, еще больше того пороку, ядеръ и пуль и приковавъ къ пушкамъ пушкарей для того, чтобы всегда имѣть ихъ при войскахъ. Въ Пиковѣ Жолкевскій узналъ, что Наливайко прежде, чѣмъ рѣшиться двинуться въ Брацлавъ, отправилъ туда посланца съ просьбой о поддержаніи, и потому польскій вождь рѣшилъ не допустить козаковъ до Брацлава. Оставивъ лишній багажъ, Жолкевскій ускорилъ свою погоню за козаками и настигъ ихъ надъ рѣчкой Олынанкой. Тутъ произошла незначительная перестрѣлка между жолібрами и козаками, но густой лѣсъ и наступившая ночь не дали имъ вступитъ въ рѣшительное столкновеніе другъ съ другомъ ¹⁾). Отсюда Наливайко, не дождавшись отвѣта изъ Брацлава, оттого впавши въ сомнѣніе относительно вѣрности къ нему жителей этого города напелъ за лучшее взять направленіе въ дикія поля къ рѣчкѣ Синихъ-Водамъ, впадающей въ рѣку Бугъ. Но Жолкевскій не переставалъ гнаться за Наливайкомъ и преслѣдовалъ его до тѣхъ поръ, пока у польскаго вожды не стало коней. Однако, дойдя до Синихъ-Водъ, Жолкевскій остановился въ «уманскомъ лѣсу» и, боясь безводныхъ, дикихъ и голодныхъ степей, рѣшилъ прекратить свою погоню за козаками. Райнольдъ Гейденштейнъ, рассказывая объ этомъ событіи, говоритъ, что причиною остановки Жолкевскаго были недостатки у него запасовъ и фургоновъ, а также искаженіе, отъ быстрыхъ переходовъ, полковыхъ лошадей и неизмѣніе въ дикой степи никакихъ селеній, въ которыхъ можно было бы найти все необходимое для войска ²⁾).

Остановившись у Синихъ-Водъ и видя свою слабость въ сравненіи съ короннымъ и панскимъ войскомъ, Наливайко пришелъ къ мысли примириться съ Жолкевскимъ, испросить прощенія у короля и распустить свое войско. Съ этою цѣлью онъ избралъ

¹⁾ У Бѣльскаго и Гейденштейна, рассказывающихъ объ этомъ событіи, мы находимъ противорѣчивыя показанія: одинъ (262) говоритъ, что между козаками и поляками дошло дѣло до сраженія, другой говоритъ (365), что сраженія, вслѣдствіе наступившей ночи, не было.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polski, Petersburg, 1857, II, 365.

себѣ посредникомъ брацлавскаго старосту Александра Струся и черезъ него вошелъ въ переговоры съ Жолкевскимъ. На предложеніе Наливайка Жолкевскій отвѣчалъ полнымъ согласіемъ, но съ условіемъ, чтобы онъ распустилъ козаковъ, выдалъ арматы и прислалъ полученную отъ эрцгерцога Максимилиана войсковую хоругвь. Въ этихъ условіяхъ Наливайко усмотрѣлъ неискренность со стороны Жолкевскаго и рѣшилъ продолжать развѣ начатое дѣло возстанія козаковъ противъ поляковъ.

Однако, не надѣясь на собственныя силы, къ тому же слыша отовсюду упреки за гибель многихъ людей и потерю пропитанія и коней, опасаясь даже за собственную жизнь, Наливайко рѣшилъ обратиться къ «старшійму» запорожскихъ козаковъ, Григорію Лободѣ. «Правдоподобнѣе, что такой съ такимъ легче сойдется, чѣмъ отдастся на ласку его королевской милости», выразился по этому поводу Жолкевскій въ своемъ письмѣ къ Замойскому ¹⁾.

Между тѣмъ Лобода, во все время погони Жолкевскаго за Наливайкомъ, сперва стоялъ въ сѣверныхъ окраинахъ кievскаго воеводства, затѣмъ спустился на югъ въ Бѣлую-Церковь, а изъ Бѣлой-Церкви, вслѣдствіе какихъ-то семейныхъ непріятностей, снявшись съ семьями самыхъ надежныхъ козаковъ, бросился къ Бару съ намѣреніемъ наказать за что-то вани Оборекую, названную мать молодой своей жены. Во время этого похода онъ едва не наткнулся у Погребницъ на Станислава Жолкевскаго, но, однако, успѣлъ избѣжать этого и благополучно вернулся въ Бѣлую-Церковь. Въ это время Жолкевскій прислалъ къ нему письмо и въ письмѣ совѣтовалъ оставить свои мятежные замыслы, уйти на Запорожье и не входить ни въ какія сношенія съ Наливайкомъ. О Наливайкѣ онъ отзывался, какъ о человѣкѣ безпорядочномъ, а его дружину именовалъ сбродомъ всякихъ проходимцевъ. Съ письмомъ къ Лободѣ отправленъ былъ какой-то невзрачный козакъ, и запорожская чернь, ожидавшая видѣть въ лицѣ посланца какого-нибудь важнаго шляхтича, заподозрѣла въ присланномъ козакѣ шпиона и чуть-было не убила его. Самъ Лобода, однако, не выказалъ себя такимъ противникомъ примиренія съ поляками и, отпуская отъ себя гетманскаго посланца, подарилъ ему червонный злотый, хотя письмо Жолкевскаго оставилъ безъ всякаго отвѣта ²⁾.

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 71.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 72.

Очевидно, общность интересов и обоюдная опасность со стороны польских войск заставила Лободу забыть неприязнь къ Наливайку и дѣйствовать заодно съ нимъ противъ поляковъ, а увѣренность въ своемъ превосходствѣ какъ по численности, такъ и по военному опыту передъ польскими хоругвями давали смѣлость вождю козацкому, какъ и самимъ козакамъ, грозить польской столице Кракову и главѣ польской республики, королю.

Добившись отъ Лободы положительнаго отвѣта, Наливайко оставилъ свое убѣжище у Синихъ-Водъ и поднялся къ городу Корсуню, чтобы быть поближе къ Лободѣ. Но, сблизившись другъ съ другомъ, козацкіе предводители оказались безъ артиллеріи, потому что Наливайко потопилъ свою артиллерию въ водѣ, когда уходилъ отъ Жолковского, а Лобода отдалъ свою Матвѣю Саулѣ, когда послѣдній отдѣлился отъ него для похода въ Бѣлоруссію. Вслѣдствіе этого Лобода сталъ ждать съ нетерпѣніемъ Саулу и собирать свѣдѣнія о маршрутѣ его похода. Наконецъ, стало извѣстно, что Саула, оставивъ могилевскій край и заготовивъ въ Пропойскѣ и Быховѣ челны и стѣбные принасы для козаковъ, взялъ направленіе къ Кіеву. Тогда и Лобода двинулся въ Кіевъ ¹⁾. Въ половинѣ марта оба козацкіе вождя сошлись въ Кіевѣ, и тутъ козаки выбрали общимъ начальникомъ или, какъ они называли гетманомъ, Матвѣя Саулу ²⁾. Наливайко пока оставался въ Корсунѣ и занятъ былъ тамъ собираніемъ къ себѣ новыхъ охотниковъ до войны.

Во все это время Жолковский стоялъ сперва въ Винницѣ, а потомъ въ Никовѣ, поджидая тамъ новыхъ хоругвей къ себѣ и занимаясь излеченіемъ покатченныхъ лошадей. Онъ такъ же, какъ и козацкіе предводители, сильно нуждался въ артиллеріи, но въ послѣднемъ, впрочемъ, нашелъ нѣкоторую поддержку отъ князя Кирика Ружинскаго, обѣщавшаго доставить полному гетману полтора десятка орудій съ боевыми снарядами ³⁾. Не имѣя возможности двинуться противъ козаковъ всею массою своего войска, Жолковский отправилъ отъ себя отрядъ конницы въ 500 человекъ подъ начальствомъ князя Кирика Ружинскаго, того самаго, который,

¹⁾ Въ дневникѣ Евлашевскаго о Лободѣ сказано, что онъ, «отиративши се (себя) отъ Шацка, шель кіевщиною къ Наливайку». Кіевская станица, 1886, январь, 154.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polski, II, 365; Listy Żolkiewskiego, 72.

³⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 72.

шесть лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Ружинскимъ, былъ на низовьяхъ Днѣпра и заодно съ козаками дѣйствовалъ противъ крымцевъ. Жолкевскій приказалъ Ружинскому идти въ Паволочъ и дожидаться тамъ главныхъ польскихъ силъ, а подѣ рукой провѣдывать о движеніяхъ козаковъ, но держаться возможно осторожниче въ отношеніи ихъ, какъ людей, привыкшихъ дѣйствовать хитростью противъ всѣхъ враговъ.

Въ свою очередь и Саула взялъ свои мѣры противъ Ружинскаго: оставаясь самъ въ Кіевѣ, онъ отрядилъ 3.000 человекъ подѣ начальствомъ полковника Саська съ цѣлью разорить имѣніи князя возлѣ Бѣлой-Церкви и, если окажется возможнымъ, поймать самого князя возлѣ Паволочи. Выйдя изъ Кіева, полковникъ Сасько добрался до Хвастова и отсюда отправилъ отъ себя развѣдочный отрядъ противъ Ружинскаго. На этотъ отрядъ внезапно напалъ Ружинскій и, захвативъ нѣсколько человекъ изъ него въ плѣнъ, возлѣ рѣчки Каменки ¹⁾, около 50 плѣнныхъ казнилъ смертью. Узнавъ о поступкѣ Ружинскаго съ плѣнными козаками, Жолкевскій нашелъ приличнымъ выразить ему по этому поводу свое неудовольствіе, хотя въ то же время находилъ и извиненіе въ такомъ поступкѣ князя: «Я, не считая убитыхъ въ сраженіи, уберечь свои руки отъ ихъ крови; я предпочелъ бы лѣчить зараженные члены, чѣмъ отсѣкать; впрочемъ, не диво и князю Ружинскому: всю эту землю, а его въ особенности, козаки пропали до живого» ²⁾.

Разбивъ передовой отрядъ полковника Саська у Каменки, Ружинскій не захотѣлъ возвращаться въ Паволочъ, а направился въ Бѣлую-Церковь, считая ее удобною въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ «недурную» и даже «неприступную» крѣпость; во-вторыхъ, какъ мѣсто, откуда можно было хорошо оборонять близъ лежащія собственныя имѣнія. Такимъ образомъ марта 28 дня онъ успѣлъ прибыть и расположиться въ городѣ со своимъ отрядомъ. Но въ ту же Бѣлую-Церковь двинулись и всѣ козаки. На этотъ разъ вмѣстѣ съ Лободой и Саулой успѣли соединиться, покинувъ городъ Корсувъ, и Северинъ. Наливайко.

Желая протянуть время и обмануть враговъ, Матвій Саула, марта 27 дня, 1597 года, отправилъ черезъ ксендза къ Жолкевскому и Ружинскому письма и въ письмѣ къ первому выражалъ

¹⁾ Въ бывшей кіевской губерніи, васильковского уѣзда.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 74, 75.

свое удивленіе по поводу глѣва «его милости» на неповинныхъ передъ нимъ людей; а второму напоминать его прежнюю совместную съ низовыми козаками службу и просилъ быть посредникомъ въ примиреніи козаковъ съ гетманомъ Жолкевскимъ, за что обѣщалъ вѣрно и постоянно служить польской коронѣ за порогамъ Днѣпра и промышлять надъ исконными врагами святаго креста. Однако, ксендзь, привезшій письмо Саулы Ружинскому, раскрылъ истинныя намѣренія козаковъ, и потому казаки ничего не выиграли отъ своего замысла.

Быстро подвигаясь отъ Кіева и имѣя подъ своимъ знаменемъ до 8.000 человекъ, козацкіе вожди прибыли къ Бѣлой-Церкви апрѣля 2 дня и, по обыкновенію, расположились вокругъ замка таборомъ. Бѣлая-Церковь, какъ оказалось, дѣйствительно представляла изъ себя «недурную крѣпость, а при хорошемъ гарнизонѣ и неприступную» ¹⁾; замокъ стоялъ на горѣ и сильно укрѣпленъ былъ стѣнами и окопами: крѣпость сдѣлана была собственно не противъ козаковъ, а противъ татаръ, которые, по выраженію польскаго писателя Сарницкаго, точно собаки, постоянно заглядывали въ Бѣлую-Церковь, что объяснялось топографическимъ положеніемъ этого города, стоявшаго на Черномъ шляху, по которому татары обыкновенно врывались на Украину за добычею и ясыремъ.

Сойдясь у Бѣлой-Церкви, обѣ стороны не рѣшались на открытій бой и старались извести другъ друга хитростью. Первый началъ Ружинскій: имѣя при себѣ нѣсколько ротъ пана Станиславекаго да нѣсколько человекъ венгерской наемной конницы подъ начальствомъ венгерца Лопшени, Ружинскій въ одну изъ очень темныхъ ночей сдѣлалъ вылазку изъ города и направился прямо въ козацкій таборъ, оставивъ въ крѣпости лишь однихъ слугъ своихъ да 20 человекъ наемныхъ венгровъ. Въ то же самое время задумали сдѣлать вылазку противъ поляковъ и казаки: оставивъ въ таборѣ Саузу съ нѣсколькимъ количествомъ людей для охраны табора, Наливайко, пользуясь темнотою ночи, обогнулъ вокругъ городъ, пробрался чрезъ задній ворота во внутрь его, изрубилъ оставшихся тамъ людей и, не встрѣтивъ ни отъ кого, кромѣ венгровъ, сопротивленія, сталъ хватать тамъ всякаго рода добычу, но въ это время услышалъ выстрѣлы въ собствен-

¹⁾ Listy Żółkiewskiego, Krakow, 1868, 69—80.

номъ таборѣ и поторопился покинуть замокъ. А поляки, войдя въ таборъ, начали рубить и гоняться за оставшимися въ немъ козаками. Не ожидая ни откуда нападенія, козаки, оставшіеся въ лагерьѣ, сперва перепугались и стали уходить отъ поляковъ, но потомъ опомнились, ударили на нихъ и погнали черезъ весь козацкій лагерь. Какъ разъ въ этотъ самый моментъ возвращался изъ замка Наливайко. Положеніе поляковъ оказалось самымъ безвыходнымъ: въ тылу у нихъ былъ Санула съ оставшимися въ таборѣ козаками, а сзади Наливайко съ возвращавшимися изъ замка. По словамъ польскихъ писателей,—а они въ этомъ отношеніи рѣдко бываютъ безпристрастны,—изъ 500 человекъ польской конницы пало на мѣстѣ 100 человекъ и очень много было ранено, послѣ чего «наши,—говоритъ Іоакимъ Бѣльскій,—видя, что дѣло плохо, убѣжали въ замокъ».

Между тѣмъ, Жолкевскій, стоявшій въ Пиковѣ, уже давно спѣшилъ къ Бѣлой-Церкви. Зная задорливый и безпокойный нравъ Кирика Ружинскаго, онъ боялся, какъ бы князь, вмѣсто простаго наблюденія за движеніями козаковъ, не ввязался въ сраженіе съ ними; поэтому, не дождавшись выздоровленія своихъ лошадей и прихода свѣжаго пойска, Жолкевскій поспѣшно оставилъ Пиковъ и направился къ Бѣлой-Церкви. Не дойдя за 4 мили до города, Жолкевскій остановился въ Тришкахъ на почевку, но, услышавъ здѣсь пушечный гулъ, бросилъ стоянку и поторопился двинуться дальше. Въ это время отъ пойманныхъ козаковъ и отъ посланнаго отъ князя Ружинскаго посланца съ просьбою о помощи Жолкевскій узналъ о всемъ происшедшемъ между козаками и поляками и еще больше того поспѣшилъ своимъ походомъ къ Бѣлой-Церкви. Но его движеніе, вслѣдствіе открытой мѣстности вокругъ Бѣлой-Церкви, не могло остаться тайнымъ для козаковъ, и козацкіе вожди поспѣшно отступили по направленію къ Тришолу. Пройдя всего лишь одну милю, они остановились и, по своему обыкновенію, укрѣпились таборомъ: поставивъ въ пять рядовъ скрѣпленные желѣзными цѣпями за колеса повозки, они заключили во внутрь табора войско и размѣстили 24 пушки; всѣ козаки были пѣшіе и только предводители были на лошадяхъ.

Жолкевскій, войдя въ Бѣлую-Церковь, сперва впалъ въ раздумье относительно дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій: въ одно и то же время онъ и хотѣлъ немедленно ударить на козаковъ и нѣсколько пообождать свѣжаго подкрѣпленія, которое послано было къ нему,

по распоряженію короля, изъ Молдавіи подъ начальствомъ Потоцкаго. Но настроеніе жоліѣровъ, давно рвавшихся въ бой съ козаками, а также выпавшій, не смотря на весеннее время, глубокій снѣгъ и случившійся легкій морозъ, сковавшій не вездѣ проходимые въ этой мѣстности пути сообщенія, заставили Жолкевскаго вступить въ битву съ козаками. Оставивъ городъ рано утромъ, Жолкевскій бросился по слѣдамъ козаковъ и преслѣдовалъ ихъ издали до самаго вечера: узнавъ же отъ перебѣжчиковъ о смутахъ, происшедшихъ между козаками, онъ рѣшился сдѣлать вальное нападеніе на нихъ. Козаки стояли у озера Черный-Камень, гдѣ и приняли битву отъ Жолкевскаго. Главной заботой Жолкевскаго было разставить своихъ жоліѣровъ такъ, чтобы они меньше всего подверглись выстрѣламъ изъ козацкихъ пушекъ и потому могли бы сдѣлать стремительное нападеніе на козацкій таборъ. Подробности этой битвы и самый исходъ ея извѣстны лишь по однимъ польскимъ источникамъ и представляются вполнѣ благопріятными для поляковъ, но результаты битвы заставляютъ думать если не обратное польскимъ показаніямъ, то нѣчто перѣшителное для обѣихъ сторонъ. Такъ, польскіе жоліѣры, не смотря на весь пылъ, съ которымъ они бросились на козаковъ, не могли разорвать козацкаго табора: а козаки, залегши между возами и мужественно отстрѣливаясь отъ наступавшаго врага, понесли уронъ въ своихъ предводителяхъ: полковникъ Сасыко былъ убитъ, Наливайко раненъ, а Саулѣ оторвало ядромъ руку. Въ общемъ, по словамъ тѣхъ же польскихъ писателей, козаковъ было убито 2.000 человекъ, а поляковъ только будто 32 или 34 и между ними ротмистръ Янъ Вишникъ. Но тѣ же польскіе писатели не скрываютъ и того, что послѣ сраженія козаки спокойно оставили свой таборъ, пошли дальше къ Дибирю и безпрестанно стали переправляться за рѣку, а поляки, переночевавъ на мѣстѣ сраженія, вернулись назадъ къ Бѣлой-Церкви ¹⁾. Изъ всего этого слѣдуетъ лишь то, что козаки далеко не были такъ несчастны въ сраженіи подъ Бѣлой-Церковью, а поляки далеко не были такъ счастливы, какъ сами передаютъ о томъ.

Выбравъ вмѣсто Саулы вождемъ своимъ Лободу ²⁾ и покинувъ

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 89; Heidenstein, II, 370.

²⁾ Жолкевскій называетъ преемникомъ Саулы Наливайка, но г. Икколаичикъ основательно доказалъ, что преемникомъ Саулы могъ быть только

свою стоянку у Остраго-Камня, козаки двинулись къ Треполью, переправились съ праваго на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, дошли до города Переяслава и остановились возлѣ него.

Жолкевскій послѣ сраженія у Остраго-Камня отступилъ назадъ, дошелъ до Бѣлой-Церкви и здѣсь на нѣкоторое время задержался. Причиной того было, во-первыхъ то обстоятельство, что онъ хотѣлъ дать отдыхъ своему войску, уставшему отъ длиннаго перехода и жаркой битвы съ козаками; а во-вторыхъ, то, что онъ хотѣлъ дожидаться давно желаннаго подкрѣпленія въ видѣ короннаго войска.

Находясь въ Бѣлой-Церкви, Жолкевскій отправилъ посланцевъ въ запорожскую Сичу съ цѣлью отвлеченія низовыхъ козаковъ отъ совмѣстныхъ дѣйствій ихъ съ товарищами подъ начальствомъ Лободы. На ту пору атаманомъ козаковъ былъ шляхтичъ православной вѣры Каспаръ Подвысоцкій, а всѣхъ товарищей въ Сичи оставалось до 500 человекъ. Посланцы Жолкевскаго должны были всѣми мѣрами стараться о томъ, чтобы не допустить запорожцевъ соединиться съ Лободой и дѣйствовать заодно съ нимъ противъ польскаго правительства. Въ то же время, находясь въ Бѣлой-Церкви, Жолкевскій узналъ о задержкѣ одного козацкаго полка подъ начальствомъ Кремискаго при переправѣ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый возлѣ города Канева и немедленно отправилъ отрядъ жолитровъ подъ главнымъ начальствомъ Ходкевича противъ козаковъ. Ходкевичъ вышелъ въ страстную субботу великаго поста въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и, нападъ на козаковъ, ни откуда не ожидавшихъ бѣды въ такой день, многихъ изъ нихъ изрубилъ, многихъ во время переправы черезъ рѣку потопилъ. Сдѣлавъ свое дѣло и забравъ всю заготовленную, но покинутую козаками соль въ городѣ Каневѣ и мѣстечкѣ Терехтемировѣ, Ходкевичъ дальше не преслѣдовалъ козаковъ и вернулся къ Жолкевскому. А козаки, переправившись съ праваго берега на лѣвый, чтобы сдѣлать затрудненіе Жолкевскому, нашли нужнымъ собрать въ одно всѣ лодки и сжечь ихъ огнемъ.

Послѣ этого Жолкевскій, дождавшись въ Бѣлой-Церкви подкрѣпленія, снялся со своей стоянки и двинулся къ Днѣпру. Онъ задался рѣшительною цѣлью добыть главныхъ начальниковъ ко-

защитныхъ и разсѣять все скопище козаковъ. Дойдя до Днѣпра и увидя себя отрѣзаннымъ отъ лѣваго берега, Колкевскій прежде всего распорядился о томъ, чтобы къ Днѣпру доставили съ Припяти и Тетерева всѣ имѣвшіеся тамъ лодки и байдаки, а потомъ послать приказаніе обывателямъ города Кіева заготовить новыя лодки и выгнать въ извѣстное мѣсто старыя для переправы польскаго войска на лѣвый берегъ Днѣпра. Последнее распоряженіе Колкевскаго скоро стало извѣстно козакамъ, и они поторопились въ Кіевъ, чтобы помѣшать исполненію гетманскаго приказанія: удержать кіевлянъ отъ постройки новыхъ судовъ и предать огню старыя суда, а въ случаѣ сопротивленія со стороны жителей, даже сжечь и самый городъ Кіевъ. О намѣреніи козаковъ въ свою очередь узналъ Колкевскій и, чтобы разрушить планы ихъ, поспѣшилъ въ Кіевъ. Не доходя Кіева, въ Васильковѣ, къ Колкевскому присоединился Потоцкій, стоявшій дотолѣ въ Молдавіи съ войскомъ, по посланному королевемъ на подмогу полному гетману. Желая, во что бы ни стало, раньше поляковъ придти въ Кіевъ, козакки вошли въ переговоры съ Колкевскимъ и тѣмъ хотѣли нѣсколько задержать его движеніе. Но Колкевскій, всегда отличавшійся особенною дальновидностью и подозрѣніемъ, не поддался и на этотъ разъ козакамъ: не останавливаясь въ своемъ движеніи, онъ опередилъ козаковъ на два часа времени и немедленно подошелъ къ Кіеву. Не входя въ самый городъ, гетманъ сталъ въ полумилѣ отъ Кіева, подъ Печерскомъ и, окруживъ городъ шкелами, тотъ же часъ принялся за сооруженіе лодокъ, вездѣ лично наблюдая за работами. Противъ польскихъ жолнѣровъ, черезъ Днѣпръ, расположились козакки со своимъ предводителемъ Григоріемъ Лободой. Но они, не имѣя лодокъ, не могли оказать никакого противодѣйствія Колкевскому, а ждали лишь съ Низу запорожскихъ козаковъ, которые, плывя въ чорнахъ, могли помѣшать работамъ кіевлянъ и жолнѣровъ польскаго гетмана.

Запорожцы уже давно оповѣщены были о всемъ происходившемъ между жолнѣрами и козаками. Еще въ концѣ великаго поста къ нимъ отпращены были посланцы Колкевскаго съ увѣщаніемъ не приставать къ козакамъ Лободы; но низовые молодцы въ отвѣтъ на это заковали въ кайданы гетманскихъ посланцевъ, а сами, сѣвъ на сто лодокъ, поднялись отъ Сичи вверхъ по Днѣпру, имѣя своею цѣлью городъ Кіевъ. Рѣка къ тому времени уже была свободна отъ льда, и запорожцы безпрепятственно

поднимались противъ ея теченія подъ начальствомъ атамана Каспара Подвысоцкаго. Но польскій гетманъ, заранѣе узнавши о движеніи запорожской флотиліи, разставилъ по нагорному берегу Днѣпра пушки и направилъ ихъ отверстіями на рѣку. Не предвидя никакой опасности, запорожцы весело плыли на своихъ чайкахъ при звукахъ сурьмъ и боѣ котловъ. Погода, все время благопріятствовавшая имъ, подъ конецъ вдругъ переѣвилась: подулъ «верховой» вѣтеръ и произвелъ нѣкоторое замѣшательство между козацками чайками. Жолкевскій воспользовался этимъ моментомъ и внезапно отдалъ приказаніе стрѣлять изъ пушекъ по запорожскимъ лодкамъ. Тогда запорожцы, не будучи въ состояніи управлять своей флотиліей при встрѣчѣ вѣтра, лишившись нѣсколькихъ лодокъ и гребцовъ, потеряли надежду соединиться съ козацкимъ лагеремъ и повернули назадъ, при чемъ едва не потеряли своего атамана, въ лодкѣ котораго поляки успѣли сдѣлать нѣсколько пробовъ.

Все это дѣлалось въ теченіе недѣли Свѣтлаго Воскресенія. Въ субботу этой же недѣли польскіе жолнѣры увидѣли на Днѣпрѣ колоду съ воткнутымъ въ нее листомъ и пригнали ее къ своему берегу. Листъ былъ доставленъ Жолкевскому и оказался письмомъ Лободы, который просилъ польскаго гетмана о помилованіи. Жолкевскій былъ не прочь вступить въ переговоры съ козаками, и на слѣдующій день, въ Ооміно воскресенье, въ польскій лагерь явился козацкій сотникъ Козловскій и сталъ просить о помилованіи. Отъ имени козаковъ онъ просилъ прислать въ таборъ уполномоченныхъ для заключенія перемирія, но для этого попросилъ сперва глѣйтовый (охранный) листъ, а потомъ, когда такой листъ былъ выданъ, потребовалъ отъ гетмана заложниковъ. Но Жолкевскій напелъ послѣднее требованіе несогласнымъ съ королевскимъ достоинствомъ и извѣстилъ козаковъ, что съ нихъ довольно и глѣйтоваго листа для безопасности ихъ уполномоченныхъ. Козаки съ этимъ не согласились, однако освѣдомились, на какихъ условіяхъ могъ бы польскій гетманъ даровать имъ миръ. На этотъ запросъ Жолкевскій, посоветовавшись съ камедикимъ старостою Потоцкимъ и нѣкоторыми ротмистрами, черезъ своего посланца отвѣтилъ козакамъ, что миръ можетъ состояться лишь тогда, когда козаки выдадутъ ему Паливайка съ главными виновниками бунта и отдадутъ всю свою армату и всѣ знамена, подаренныя козакамъ иностранными государями. Съ отвѣтомъ

на эти требованія козаки прислали Жолкевскому на слѣдующій день двухъ своихъ асауловъ и чрезъ нихъ просили гетмана положить гнѣвъ на милость, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляли, что ни людей, ни знаменъ они выдать не согласны.

Видя, что переговоры съ козаками не могутъ привести ни къ чему определенному и рѣшительному, Жолкевскій снова сталъ готовиться на бой съ ними, но прежде всего ему нужно было обезпечить переправу съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра. Для этого, не отпуская еще отъ себя козацкихъ асауловъ, Жолкевскій придумалъ двѣ хитрости. Прежде всего онъ распустилъ слухъ, будто бы отправилъ къ Острополю часть своего войска подъ начальствомъ каменецкаго старосты Потоцкаго для переправы черезъ Днѣпръ и для похода его въ Черкасскъ съ цѣлью захватить тамъ женъ, дѣтей и имущества козаковъ. А для того, чтобы увѣрить козаковъ въ дѣйствительности распушеннаго слуха, Жолкевскій приказалъ Потоцкому отойти на нѣсколько миль отъ Кіева и отъ себя послать 24 вожа съ 10 лодками для мнимой переправы черезъ Днѣпръ. Не довольствуясь этимъ, Жолкевскій выбралъ изъ своего стана двухъ какихъ-то пахолковъ, внушилъ имъ мысль назваться польскими перебѣжчиками и сообщить козакамъ ложную вѣсть о томъ, будто къ гетману изъ Литвы идетъ на помощь большое войско, а староста Потоцкій переправляется черезъ Днѣпръ подъ Гострымъ, чтобы обойти козаковъ въ тылъ и потомъ двинуться къ Черкасску и напасть тамъ на козацкія семьи и имущества. Для того, чтобы окончательно убѣдить козаковъ въ мнимыхъ извѣстіяхъ, принесенныхъ имъ пахолками, Жолкевскій отправилъ къ козакамъ посланца и черезъ него потребовалъ выдачи перебѣжниковъ, чтобы казнить ихъ въ своемъ станѣ, въ противномъ случаѣ обѣщалъ задержать у себя прикормленных козаками асауловъ. Тогда козаки, не желая нарушать своего исконнаго права выдавать изъ своей среды всякаго пришедшаго къ нимъ и въ то же время желая спасти двухъ своихъ товарищей, находившихся у Жолкевскаго, въ присутствіи гетманскаго посланца сняли головы несчастнымъ пахолкамъ, а гетману послали упрекъ въ томъ, что онъ наружно затѣваетъ съ козаками переговоры, а въ дѣйствительности строитъ имъ засады. Пославъ такой отвѣтъ Жолкевскому, козаки тѣмъ не менѣе, боясь засады, очистили лѣвый берегъ Днѣпра и тѣмъ открыли свободное мѣсто для переправы поляковъ, двинувшись «шумно» впередъ

таборомъ. У берега остались только Лобода да Наливайко съ отрядомъ конницы, человекъ въ полтораста. Они имѣли дѣлю еще разъ вступить въ переговоры съ Жолкевскимъ. Сѣвши въ лодку, козацкій предводитель Лобода подплылъ къ правому берегу Днѣпра и сталъ «трактоваться» съ брацлавскимъ старостою Юріємъ Струсемъ. Но трактованіе и на этотъ разъ окончилось ничѣмъ, и Лобода съ Наливайкомъ поспѣшили къ своимъ, а переплывшись къ своимъ, направились съ козаками на Переяславъ.

Послѣ этого Жолкевскій сталъ переправляться за Днѣпръ и въ теченіе двухъ дней, вторника и среды ъѣхавъ недѣли, «по милости божіей», успѣлъ перевести свое войско на «татарскій» берегъ рѣки, «безъ всякой потери», а въ четвертъ той же недѣли уже гнался по слѣдамъ за козаками ¹⁾.

Между тѣмъ козаки, оставивъ лѣвый берегъ Днѣпра, въ одинъ день доскакали до Переяслава, а чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія о направленіи Жолкевскаго, разставили во многихъ мѣстахъ дороги тайныя и явныя чаты. Но оставленные козаками чаты скоро донесли козацкимъ вождямъ, что поляки перебрались черезъ Днѣпръ и двигаются къ Переяславу. Козацкіе вожди, получивъ эту вѣсть, не знали, на что рѣшиться, т.-е. оставаться ли имъ въ Переяславѣ или уходить дальше, въ глубь Украины. Идти въ степь трудно было, потому что нужно было тащить съ собою не только запасы, артиллерію и боевые снаряды, но также женъ, дѣтей и имущество. Остаться въ Переяславѣ было рискованно, потому что въ городѣ нельзя было найти корма для 10.000 лошадей, да и невозможно было защищаться въ немъ вслѣдствіе его обширности, доходившей до мили вокругъ. По этому поводу между козаками поднялся горячій споръ и явились партіи; одни кричали, что надо уходить, другіе доказывали, что надо оставаться, а третьи находили, что надо войти въ мирные переговоры съ поляками. Послѣ долгихъ пререканій и споровъ рѣшили, наконецъ, взять съ собою семьи, захватить часть имущества и бѣжать по направленію къ городу Лубнамъ, тамъ перенравиться черезъ рѣчку Сулу по имѣющемуся мосту, уничтожить послѣ себя кость и расположиться въ открытой, но мало доступной для поляковъ, степи. Тогда повторилось бы то же самое, что произошло у Синихъ-Водъ.

¹⁾ Belski, Dalszy ciąg kroniki polskiej, 264—266; Heidenstein, II, 371—374.

Рѣшивъ отступленіе, козаки поспѣшили оставить Переяславъ, потому что къ нему быстро подвигался Жолкевскій со своимъ войскомъ. Придя къ Лубнамъ, козаки на нѣкоторое время остановились въ зѣмкѣ города и стали ожидать здѣсь извѣстій отъ разставленныхъ на дорогѣ отъ Переяслава къ Лубнамъ чать относительно направленія польскаго войска. Рѣшено было переправиться черезъ Сулу лишь въ томъ случаѣ, когда Жолкевскій станеть приближаться къ самимъ Лубнамъ.

Узнавъ о планѣ козаковъ, Жолкевскій рѣшилъ перехитрить ихъ: обойти въ тылъ, задержать у рѣки Сулы и тутъ напасть на нихъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ къ нимъ прежде всего стараго ихъ знакомаго и такъ-называемаго «пріятеля», галицкаго канцеляна Претвича, съ видимою цѣлью вступить съ ними въ мирный договоръ, но съ дѣйствительною цѣлью выиграть время и задержать ихъ у рѣки. Затѣмъ, узнавъ о томъ, что на 20 верстъ ниже Лубенъ, у Горошина, имѣлась переправа черезъ Сулу, весьма удобная по мелководью рѣки и оттого извѣстная съ давнихъ поръ татарамъ, Жолкевскій отправилъ къ Горошину отрядъ своего войска подъ начальствомъ Юрія Струся, вмѣстѣ съ Кирикомъ Ружинскимъ и Михаиломъ Вишневецкимъ, и приказалъ ему, переправившись черезъ Сулу, обойти козаковъ и, въ случаѣ, если они будутъ еще въ городѣ, стать съ правой стороны рѣки, противъ моста, и задержать ихъ переходъ черезъ мостъ; въ противномъ случаѣ, если козаки успѣютъ перейти мостъ, стать имъ въ тылъ и не пускать отъ рѣки въ степь, но въ томъ и другомъ случаѣ стараться сохранить мостъ черезъ Сулу. Не довольствуясь этимъ, Жолкевскій отправилъ и другой отрядъ жолѣровъ, всего въ 500 человекъ всадниковъ, подъ начальствомъ пана Бѣлецкаго, нѣкогда учившагося въ запорожскомъ войскѣ «рыцарскому порядку и дѣятельности», и приказалъ ему идти прямо къ Лубнамъ и быть наготовѣ, чтобы подать помощь, когда окажется въ томъ надобность, пану Струсю. Самъ гетманъ съ главными силами двигался не торопясь по прямому шляху къ Лубнамъ и въ это время, мая 24 дня, принялъ подъ свои знамена въ городѣ Переяславѣ литовское войско, приведенное къ нему кнземъ Богданомъ Огинскимъ.

Во всемъ этомъ виденъ строго обдуманнѣйшій и хорошо соображенный съ извѣстностью планъ, и отъ исполненія его зависѣлъ исходъ всего дѣла борьбы съ козаками. Лица, на которыхъ возло-

жено было порученіе Жолкевскимъ осуществить часть этого плана, вполне оправдали довѣріе гетмана.

Каштелянъ Претвичъ, явившись къ козакамъ, сталъ предлагать имъ разныя, одну за другой льготы и держалъ ихъ въ Лубнахъ до тѣхъ поръ, пока не успѣлъ сдѣлать своего дѣла Юрій Струсь. Струсь, снабженный инструкціями Жолкевскаго, двинулся сперва по прямой дорогѣ къ Лубнамъ; но потомъ, пройдя половину пути, круто взялъ направо и, не сообщая никому о своемъ планѣ, взялъ направленіе вдоль праваго берега Сулы и дошелъ до Горошина. Козаки, ожидавшіе поляковъ только по главному къ Лубнамъ шляху, не позаботились разставить свои чаты въ окрестностяхъ Лубенъ и потому совершенно просмотрѣли движеніе Струся къ Горошину. Дойдя до переправы, Струсь перевезъ боевые снаряды на рыбацкихъ лодкахъ и связанныхъ изъ камыша плотахъ, а конницу перевелъ вплавь. Бѣлецкій стоялъ наготовѣ и ждалъ только момента, чтобы оказать помощь Струсю.

Козаки прежде всего замѣтили Бѣлецкаго и вообразивъ, что за нимъ по пятамъ слѣдуютъ главныя силы польскаго войска, прервали сладкіе переговоры съ Претвичемъ, оставили лубенскій замокъ и поспѣшили къ мосту, чтобы перейти Сулу. Видя это, Бѣлецкій бросился было къ козакамъ, но наступившая ночь помѣшала ему сдѣлать нападеніе на нихъ. Когда козаки перешли мостъ раннимъ утромъ слѣдующаго дня и зажгли его огнемъ, Бѣлецкій успѣлъ только потушить огонь и исправить сдѣланную порчу въ немъ. Козаки не препятствовали, да и не могли препятствовать Бѣлецкому въ этомъ, такъ какъ вслѣдъ за нимъ поспѣшно пришелъ къ Лубнамъ и самъ Жолкевскій, и потому козацкіе вожди старались, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы поскорѣе отойти отъ Лубенъ въ степь. Не зная ничего о приготовленной имъ засадѣ въ тылу, козаки замѣтили, однако, позади себя облако пыли, но далеки были отъ мысли предполагать близкое присутствіе поляковъ и постарались объяснить это движеніемъ въ степи татаръ. Только тогда, когда Струсь, занявъ позицію, позади козаковъ, вывалилъ изъ пушки, по предварительному условію съ гетманомъ, козаки поняли, что они очутились въ тискахъ. Они стояли таборомъ за Сулою, въ пяти верстахъ отъ Лубенъ, на урочищѣ Солонищѣ и, увидѣвъ безвыходность своего положенія, сразу не знали, на что имъ рѣшиться—идти-ли дальше въ степь или же остановиться на мѣстѣ: но въ степи войско могло быть

лишено воды, а въ рѣчной низменности, облюбовавшей озерами и заточинами, оно было обезпечено водой. Сообразивъ это, козаки стали устраивать таборъ и дѣлать окопы. Прежде всего они сдѣлали кругъ изъ четырехъ рядовъ повозокъ и сковали цѣпями колесо съ колесомъ каждой повозки; внутри, за рядами повозокъ выкопали кругомъ ровъ и вдоль рва насыпали высокій, выше повозокъ, валъ; между ровомъ и валомъ, въ разныхъ мѣстахъ, сдѣлали нѣсколько воротъ, а противъ каждаго изъ воротъ, для прикрытія входа въ таборъ, насыпали по одной горкѣ и на каждой горкѣ поставили пушки: кромѣ того, въ центрѣ табора подѣлали высокіе, выше вала, наполненные землей, срубы и на нихъ помѣстили особыя пушки. Въ обществѣ козакскій таборъ одной стороной своей выходилъ въ степь, а другой примыкалъ къ непроходимымъ болотамъ рѣки Сулы.

Пока козаки приготовлялись ко всему этому, польскіе полководцы безпрерывственно сносились между собой, и въ это время Жолкевскій, желая выиграть время, отдалъ приказаніе Струсю, завести мирные переговоры съ козацкимъ предводителемъ, Лободой, лично знакомымъ Струсю. Козаки и на этотъ разъ поддались обману и дали свободно приблизиться къ себѣ полякамъ. Перейдя безпрерывственно дубенскій мостъ, коронное войско, по словамъ Райнольда Гейденштейна, расположилось вокругъ козацкаго табора, отрезало козаковъ отъ рѣки и отъ пастбищъ и, не сближаясь съ отрядомъ Струся, свободно могло сноситься съ послѣднимъ.

Охвативъ кольцомъ козацкое войско, поляки расположились тремя отрядами въ такомъ порядкѣ: съ одной стороны сталъ Струсь съ Роживскимъ, Вишневецкимъ, Ходкевичемъ, Фредромъ, Собѣскимъ, Чарниковскимъ, Бекешемъ, Горностаемъ и другими; съ другой стороны расположился Жолкевскій съ Пцаснымъ-Гербуртомъ, Ковачевскимъ, Гурекимъ, Сладковскимъ, Тарнаевскимъ, венгерцемъ Лепишемъ, тремя Потоцкими, Зембжидовскимъ, княземъ Нерыцкимъ, Даниловичемъ, Гербуртомъ, двумя Шнерембскими, Плесневскимъ, Улясницкимъ и княземъ Огинскимъ; съ третьей стороны протянулась обыкновенная стража, состоявшая преимущественно изъ мелкой, но конной шляхты.

По общему счету всего войска у поляковъ было 3.500 человекъ, тогда какъ у козаковъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, больше 8.000 человекъ. Но эти цифры, какъ и всякія въ подобныхъ слу-

чаяхъ цифровыя показанія, нужно принимать только приблизительно, во-первыхъ, потому, что обо всемъ этомъ событіи разсказываютъ только польскіе писатели, число своихъ всегда уменьшавшіе, а число враговъ всегда прибавлявшіе: во-вторыхъ, потому что относительно польскаго войска счетъ велся только дворянамъ, составлявшимъ такъ-называемыя войсковыя хоругви, но каждый дворянинъ, состоявшій въ хоругви, долженъ былъ нанимать 3 человека солдатъ недворянъ, такъ-называемыхъ шеренговыхъ или челядь, входившихъ въ строй хоругви. Относительно же козацкаго войска польскіе писатели могли говорить совѣмъ гадательно, потому что подсчитать всѣхъ козаковъ совѣмъ не было возможности полякамъ.

Устроившись таборомъ и заключившись въ него, козаки сразу почувствовали всѣ неудобства своего положенія. Прежде всего они почувствовали недостатокъ въ кормѣ для лошадей: для того, чтобы прокормить массу лошадей, нужны были обширныя пастбища, а эти пастбища закрыты были для козаковъ польскимъ войскомъ. Затѣмъ вскорѣ у козаковъ оказался недостатокъ въ сѣбныхъ припасахъ, свѣжей водѣ, и полное отсутствіе соли. Дѣло происходило въ половинѣ мая 1596 года, и погода стояла очень жаркая. Положеніе казалось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что въ козацкомъ таборѣ вмѣстѣ съ козаками были женщины и дѣти. Изъ всѣхъ бѣдъ самымъ чувствительнымъ было отсутствіе корма для лошадей. Для того, чтобы добыть фуражъ, козакамъ нужно было каждый разъ вступать въ мелкія стычки съ жоліѣрами и каждый разъ платить нѣкоторыми изъ своихъ товарищей. Въ этомъ случаѣ козаки прибѣгали къ такъ-называемымъ «герцамъ», для чего высылали самыхъ лихихъ и смѣлыхъ наѣздниковъ въ сторону поляковъ и приказывали имъ «задирать ляховъ». Въ пылу задора ляхи гнались за смѣльчаками къ козацкому табору и тутъ нерѣдко погибали; такъ погибли житомирскій староста Дениско, паны Татицкій, Пенѣвскій, Милковскій и другіе. А тѣмъ временемъ другіе смѣльчаки козацкіе высекаивали въ степь и усѣивали добывать кормъ для лошадей.

Такъ протекло 14 томительныхъ и тяжелыхъ дней для той и другой стороны. Положеніе козаковъ становилось день-ото-дня все тяжелѣе и безвыходнѣе, и нѣкоторые изъ нихъ стали уходить изъ табора и бѣжать, куда глаза глядѣли. Отъ недостатка пищи, воды и корма валялись люди и лошади, а отъ дѣйствія страшной

жары трупы быстро разлагались и заражали воздухъ. Къ тому же, въ козацкомъ таборѣ поднялись споры и раздоры: ихъ поддерживалъ Жолкевскій, непрерывно сносившійся съ Григоріемъ Лободой, но игнорировавшій Наливайка. Тогда между козаками произошло смятеніе и во время этого смятенія «наливайковцы» убили Лободу, а вмѣсто него выбрали своимъ вождемъ какого-то Кремискаго.

Выбравъ новаго вождя и на нѣкоторое время успокоившись, козаки подѣлали внутри своего табора такъ-называемыя «долки» и, залегши въ нихъ, мѣтко и безустанно отстрѣливались отъ поляковъ и тѣмъ не допускали непріятеля къ своимъ окопамъ. Оттого положеніе и самихъ поляковъ становилось не менѣе затруднительно, какъ и положеніе козаковъ. Поляки днемъ и ночью должны были стоять на-сторожѣ вслѣдствіе непрерывныхъ вылазокъ со стороны своихъ противниковъ: къ нимъ постоянно прывались смѣлые наѣзники, которые пренебрегали всякими опасностями и о которыхъ сложилась даже легенда, будто бы они, будучи девять разъ убиты на мѣстѣ, всякій разъ снова оживаютъ и только послѣ десятаго раза умираютъ. Иногда козаки, неожиданно вырвавшись изъ своего табора, бросались среди бѣлаго дня къ польскому стану, хватали изъ него нѣсколькихъ пановъ и тутъ же, на глазахъ поляковъ, однихъ сажали на колъ, другихъ четвертовали. Отъ этого поляки должны были быть постоянно на сторожѣ и не сходить со своихъ коней. Кони ихъ, покрытые страшными сединами, или падали отъ изнуренія, или вовсе пропадали. Сами жолнѣры терпѣли недостатокъ въ провизіи, которая привозилась издалека и стоила очень дорого, а еще больше того нуждались въ водѣ: вода хотя и была, но мутная и теплая, свѣжей же и чистой воды вовсе не было. При всемъ превосходствѣ положенія поляковъ надъ козаками все же поляки не могли одолѣть козаковъ: у Жолкевскаго недоставало большихъ полевыхъ пушекъ, чтобы обстрѣливать на далекое разстояніе козацкій таборъ; польскому вождю пришлось послать за такими пушками въ Кіевъ: къ тому же у Жолкевскаго оказалось слишкомъ мало пѣхоты, съ которою можно было бы подступить къ козацкому табору. Въ ожиданіи, пока придутъ изъ Кіева пушки, Жолкевскій отдалъ приказаніе обступитъ кругомъ козацкій таборъ и, чередуясь поспѣшно, строго слѣдить за козаками днемъ и ночью, чтобы не дать уйти имъ въ поле. Въ это время къ Жолкевскому прибылъ подляшскій вое-

вода, князь Заславскій съ 300 всадниковъ. Много разъ Наливайко, дѣйствовавшій отдѣльно отъ Кремпскаго со своимъ полкомъ, пытался прорваться черезъ польскій лагерь, но всякій разъ былъ отбиваемъ жолѣрами. Наконецъ, пушки были привезены, и іюня 4 дня Жолкевскій открылъ пальбу по козацкому лагерю, поставивъ въ дѣло все имѣвшіеся у него въ наличности пушки. Два дня не умолкала пальба со стороны поляковъ. Этотъ рѣшительный приступъ поставилъ козаковъ еще въ болѣе тяжелое положеніе, въ какомъ они были: поляки лишили козаковъ окончательно воды и топлива, и козаки брали воду въ конанкахъ, а пищу варили подъ фургонами на щенкахъ изъ разбитыхъ возовъ. Не довольствуясь двухъ-дневной пальбой, Жолкевскій назначилъ на 8 іюня общій штурмъ на козаковъ и, чтобы имѣть больше пѣхоты, чѣмъ было у него, велѣлъ коннымъ жолѣрамъ сойти съ лошадей и идти въ дѣло пѣшкомъ. Жолѣры, давно ждавшіе развязки дѣла, съ охотой приняли приказаніе своего вождя. Поляки уже готовы были на приступъ и ждали только сигнала, чтобы броситься на козацкій таборъ. Но въ это время между козаками поднялся страшный крикъ. Козаки, узнавъ о готовившемся штурмѣ ихъ табора и чуя неминуемую для себя бѣду, рѣшили просить пощады у Жолкевскаго и согласиться на все предложенныя имъ раньше того условія: выдать главныхъ своихъ вождаковъ, Наливайка, Саулу и Шостака. Но главный изъ нихъ Наливайко, услышавъ о такомъ рѣшеніи, сталъ отбиваться отъ козаковъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ сторонниковъ. Отъ этой схватки и произошелъ крикъ въ козацкомъ таборѣ. Это было къ вечеру. Поляки, услышавъ о происшедшемъ смятеніи въ козацкомъ войскѣ, охватили цѣною козацкій таборъ съ намѣреніемъ ударить на козаковъ. Но козаки заиграли въ боевыя трубы и ударили въ походныя бубны и объявили, что они выдадутъ польскому вождю своихъ начальниковъ. Поляки остановились. Тогда козаки схватили Наливайка въ то время, когда онъ успѣлъ было вскочить въ ровъ съ намѣреніемъ убѣжать, пробившись черезъ польскую цѣпь, и на слѣдующій день, 8 іюня, представили его Жолкевскому. Другихъ «зачинщиковъ», Саулу и Шостака съ товарищами, козаки обѣщали представить на слѣдующій день, а вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщали отдать всю свою артиллерию и все хоругви, пожалованныя имъ иностранными государями, а въ замѣнъ всего того просили даровать имъ свободу. Жолкевскій, выслушавъ ко-

запыхъ парламентаровъ, потребовалъ, чтобы прежде всего каждый нанъ взялъ изъ среды козаковъ своего подданнаго, котораго онъ опознаетъ, хотя бы этотъ подданный уже пять лѣтъ принадлежалъ къ козацкому сословію. Выслушать такое требованіе, козакъ отвѣчалъ, что они на все готовы, но выдавать своихъ товарищей не желаютъ и будутъ обороняться до послѣдней капли крови. «Оборонитесь», отвѣчалъ Жолкевскій козакамъ, и въ этотъ же моментъ поляки съ оружіемъ въ рукахъ бросились на козацкій таборъ. Козакъ не успѣли ни взяться за оружіе, ни построиться въ ряды, и пустились въ разсыпную. Поляки разбили ихъ немилосердно, по словамъ Іоакима Бѣльскаго, и въ короткое время такъ много истребили, что трупы лежали на трупахъ болѣе, чѣмъ на милое разстояніе. Изъ 10.000 человекъ козаковъ выжило съ женами и дѣтьми только полторы тысячи, подъ начальствомъ Кремскаго, успѣли счастливо и уйти въ степь. Побѣдителямъ досталось много оружія, 24 пушки, два цесарскихъ императора Рудольфа II знамени, одно эрцгерцога Максимилиана знамя, одна пара цесарскихъ серебряныхъ котловъ, незначительная войсковая казна и такъ-называемое турецкое добро, оцененное поляками всего лишь въ 4.000 злотыхъ.

Такъ рассказываетъ о концѣ солоницкаго дѣла польскій историкъ Іоакимъ Бѣльскій. Нѣсколько иначе передаетъ финалъ его секретарь Замойскаго, Райнольдъ Гейденштейнъ. Онъ говоритъ, что многіе изъ поляковъ совѣтовали Жолкевскому, для примѣра и острастки на будущее время, вырѣзать всѣхъ козаковъ до послѣдняго. Но Жолкевскій побоялся довести козаковъ до отчаянія въ видахъ сохраненія собственнаго войска: послѣ долгой осады ихъ оставалось все еще, не считая женъ и дѣтей, около 8.000 человекъ, и Жолкевскій предложилъ имъ слѣдующія условія капитуляціи: 1) Немедленно разойтись по домамъ и никогда безъ королевскаго позволенія не собираться. 2) Выдать всѣхъ зачинщиковъ бунта вмѣстѣ съ хоругвями и другими войсковыми знаками, присланными имъ иностранными монархами, а также отдать пушки, ядра, порохъ и другіе военные снаряды. 3) Вернуть все, что успѣли награбить себѣ козакъ, и отдать свой скарбъ польскому войску. 4) Освободить на волю всѣхъ пѣвищниковъ.

Условія эти были немедленно исполнены: козакъ выдали своихъ предводителей и разошлись во всѣ стороны, а въ томъ числѣ и

Кремпскій со своими козаками ¹⁾. Полагають, что послѣдній, выйдя изъ табора подъ Солоницею, успѣлъ соединиться съ козацкимъ атаманомъ Подвысоцкимъ и уйти на Низъ въ Сичу ²⁾. И точно, близость Подвысоцкаго и болѣе или менѣе безопасное положеніе его относительно поляковъ совершенно позволяютъ принять это предположеніе. Подвысоцкій во все время солоницкой битвы стоялъ со своими чайками и низовыми козаками на рѣкѣ Днѣпрѣ, противъ устья рѣки Сулы и если не могъ подать помощи своимъ въ критическую минуту, то въ этомъ ему мѣшали польскія чаты, разставленныя вдоль Сулы. Зато козацкій атаманъ, не желая оставаться безъ дѣла, занялся истребленіемъ городовъ и селъ, принадлежавшихъ находившимся подъ Лубнами панамъ. Онъ дѣйствовалъ на Сулѣ до тѣхъ поръ, пока не узналъ о пораженіи козаковъ подъ Солоницею, послѣ чего повернулъ назадъ и поплылъ внизъ. Именно въ это время къ нему и могъ пристать Кремпскій съ 1.500 козаковъ.

Тотъ же Райнольдъ Гейденштейнъ говоритъ, что послѣ пораженія козаковъ подъ Солоницею гетманъ Жолкевскій поручилъ черкасскому подстаростѣ уговорить Каспара Подвысоцкаго прекратить разореніе панскихъ имѣній, и Подвысоцкій немедленно удалился на Низъ.

А Іоакимъ Бѣльскій, рассказывая о козацкомъ вождѣ Кремпскомъ послѣ удаленія его изъ-подъ Солоницы, замѣчаетъ, что, уйдя за пороги, Кремпскій держалъ себя тамъ смирно и никакого «зла» не затѣвалъ.

Спеціальный изслѣдователь первыхъ козацкихъ движеній въ Рѣчи-Посполитой ³⁾, рассказывая о концѣ солоницкаго дѣла, на основаніи письма Претвича къ Нечковскому, думаетъ, что «никакого опредѣленнаго термина заключенія мира (между козаками и поляками) не было»: козаки просто на время стихли, ожидая, пока дѣло само собою уляжется, а поляки нашли за лучшее не разжигать страстей побѣжденныхъ.

Такъ или иначе, но сила оказалась на этотъ разъ на сторонѣ поляковъ, и Жолкевскій, покинувъ поле битвы, вернулся въ Кіевъ, а оттуда въ городъ Львовъ и тутъ вручилъ коронному гетману.

¹⁾ Heidenstein, Dzieje polski, II, 373—377; Bielski, 275—281.

²⁾ Николаичикъ, Кіевская старина, 1894, апрѣль, 564.

³⁾ Николаичикъ, Кіевская старина, 1884, апрѣль, 564.

Яну Замойскому, все свои военные трофеи и нескольких человекъ плѣнныхъ козаковъ съ Наливайкомъ во главѣ. Плѣнныхъ изъ города Львова отправили, подъ начальствомъ шляхтича Порубского, въ Варшаву. Въ Варшавѣ поляки шесть человекъ козаковъ казнили немедленно, а Наливайка держали до тѣхъ поръ, пока собрался всеобщій сеймъ. Во время сейма ему отрубили голову. Тѣло четвертовали и каждую отсѣченную часть развѣсили по разнымъ мѣстамъ. Впослѣдствіи между украинцами сложилось преданіе, попавшее и на страницы малороссійскихъ лѣтописей, будто бы Наливайко былъ сожженъ живымъ въ мѣдной кобылѣ или въ мѣдномъ волѣ въ Варшавѣ по приказу самого короля ¹⁾.

Въ борьбѣ Лободы и Наливайка съ поляками гораздо яснѣе высказались причины вражды козаковъ противъ поляковъ, чѣмъ въ борьбѣ Косинскаго и низовыхъ козаковъ съ волынскими панами. Что тамъ было однимъ лишь намекомъ, то здѣсь опредѣлялось въ ясно выраженные формы.

Такихъ причинъ было въ это время три: сословная, экономическая и религіозная ²⁾.

Сословная причина состояла въ томъ, что на Украинѣ, цѣлое сословіе людей, послѣ политической уніи 1569 года въ Люблинѣ, совѣтъ не было признано законами Рѣчи-Посполитой на самостоятельное существованіе: какъ неподходящее ни къ дворянству, ни къ мѣщанству, ни къ хлопству, козацкое сословіе оказывалось аномаліей среди существовавшихъ сословій и послѣдовательно приводилось къ сокращенію въ его численности. Польское правительство открыто дѣйствовало противъ козаковъ; но также открыто отстаивало права своего существованія и козацкое сословіе. На подмогу козакамъ шло низшее сословіе Украины. Последнее, находившееся до люблинской уніи въ свободныхъ, по литовскому статуту, отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ, со второй половины XVI столѣтія стало терять свою личную свободу и испытывать тяжкій гнетъ со стороны польскихъ землевладѣльцевъ, смотрѣвшихъ на людей простого званія не только какъ на низшую породу людей, а даже какъ на безсловесный скотъ—«быдло», собачью кровь—«ися кровь». Но тяжелое состояніе низ-

¹⁾ Сборникъ Лѣтописей, Киевъ, 1888, I; Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, I, 29; Самовидецъ, 215, 370.

²⁾ Антоновичъ, Историческіе дѣятели югозападной Россіи, Киевъ, 1885, I, 2—3.

шаго сословія на Украинѣ, кромѣ того, зависѣло еще и отъ другихъ причинъ, экономическаго положенія и притѣсненія вѣры православной.

Экономическое положеніе низшаго населенія Украины зависѣло отъ переменъ, съ половины XVI столѣтія, системы хозяйства во всемъ польско-литовскомъ государствѣ: до половины означеннаго столѣтія въ западно-русскихъ земляхъ, какъ замѣчено было при вопросѣ о происхожденіи козачества, хозяйство лѣсное преобладало надъ земледѣліемъ. Но такая система народно-государственнаго хозяйства возможна была только при незначительности населенія и при небольшихъ народныхъ потребностяхъ. Съ увеличеніемъ населенія и съ постепеннымъ, въ теченіи вѣковъ, истощеніемъ и безъ того скудной въ западно-русскомъ краѣ почвы, явилась потребность въ большихъ участкахъ изодороднаго чернозема. Такой потребности могла удовлетворить только Украина съ ея обширными и богатыми черноземными залежами. И польскіе паны массами потянулись на Украину послѣ присоединенія ея къ польско-литовской республикѣ. Большіе и мелкіе паны постоянно выпрашивали у королей листы на право владѣнія разными маестностями на Украинѣ и шли туда, какъ нѣмецкіе піонеры нашего времени въ новыя и мало обитаемыя земли. Но для того, чтобы удержать въ своихъ рукахъ такія земли, чтобы въ достаточномъ количествѣ обработать и защитить ихъ отъ набѣговъ татаръ, панамъ нужны были рабочія руки. Но паны не имѣли въ тѣ поры понятія о свободныхъ работникахъ и стали обращать низшее населеніе Украины, а иногда и свободныхъ козаковъ, въ крѣпостное состояніе. Крестьяне же и козаки, не стерпя такого положенія, стали покидать родныя мѣста на Украинѣ и убѣгать на Запорожье, а оттуда, съ оружіемъ въ рукахъ, выходить противъ своихъ притѣснителей, пановъ. Такъ, Григорій Лобода и Матвій Саула прямо объявляли, что они идутъ въ Бѣлоруссію добывать «хлѣба-соли», а Северинъ Наливайко собиралъ вокругъ себя «панскихъ подданныхъ», добывался вездѣ «стацій», трусилъ панскія «шкатулки» и наговилъ отобрать у пановъ все то, что нажито ими черезъ хлоповъ и придворныхъ слугъ.

Изъ двухъ названныхъ причинъ присоединилась и третья, — обида православію. Трудно сказать, какой изъ двухъ, экономической или религіозной причинъ нужно отдавать въ этомъ отношеніи

предпочтеніе: съ одной стороны нельзя не сказать того, что простой народъ беретъ за колъ только тогда, когда у него отнимаютъ кусокъ хлѣба изъ рта; а съ другой—нельзя умолчать и о томъ, что для украинскаго народа оскорбленіе предковской православной вѣры всегда, по справедливости, считалось самою горькою и самою тяжелою изъ всѣхъ обидъ. А что обида православію имѣлась въ виду при борьбѣ козаковъ, подъ начальствомъ Наливайка, съ поляками, это видно изъ нападеній козацкаго вождя на католическіе костелы, на имѣнія униатскаго епископа Терлецкаго и брата его, на пановъ, сторонниковъ униі. Лучшимъ указателемъ въ этомъ случаѣ могутъ служить наѣзды священника Даміана Наливайка, ученаго защитника православія, на имѣнія польскихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, сторонниковъ униі.

Такъ или иначе, но, усмиривъ козаковъ, польское правительство издало грозное постановленіе для всѣхъ украинно-запорожскихъ козаковъ: низовцы объявлялись врагами отечества, достойными смертной казни. Но это постановленіе только озлобляло козаковъ и увеличивало общее число ихъ товариства: «Напрасно повторялось панамъ и дозорцамъ ловить и заковывать гультаевъ, бѣгавшихъ изъ королевскихъ и дѣдичныхъ имѣній, и возвращать ихъ въ мѣста прежняго жительства, гдѣ ихъ могли тотчасъ же казнить жестокою смертію. Пока Запорожье со своими дѣлпровскими и придѣлпровскими трупцобами не было во власти пановъ, нельзя было задумать козачества. Бѣжавшій отъ пановъ народъ находилъ себѣ первое пристанище на Низу» ¹⁾.

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. Спб., 1925, I, 53.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пресминикъ Лободы и Кремпекаго.—Христофоръ Нечковскій и поведеніе его въ отношеніи поляковъ и низовыхъ козаковъ.—Сѣня Нечковского и назначеніе вмѣсто него Тихона Байбузы.—Преданность Байбузы польскому правительству; возстаніе противъ него низовыхъ козаковъ и избраніе ими въ старшого козака Подоуса. — Дѣйствія Подоуса противъ Байбузы и его асаула Семена Скалозуба.—Образованіе въ Запорожьѣ двухъ партій и открытая вражда между ними. — Назначеніе старшимъ Семена Скалозуба и гибель его на морѣ.—Пресминикъ Скалозуба Самойло Кошка.—Походы Кошки съ запорожцами въ Молдавію и Ливонію.—Кончина Кошки и пресминикъ его Гаврило Крутневичъ.—Пресминикъ Крутневича Иванъ Куцковичъ.—Поведеніе козаковъ въ Кефалинской землѣ, взятіе ими города Витебска и уходъ Куцковича изъ войска. — Одновременныя дѣйствія низовыхъ козаковъ въ Крыму и на Черномъ морѣ въ 1691—1697 году.—Жалобы на козаковъ польскому королю со стороны Турціи.—Столкновеніе запорожцевъ съ татарами у Корсуни и распоряженія гетмана Григорія Ізяславича.

Послѣ печальнаго для козаковъ дѣла подъ Соломицей и послѣ ухода Кремпекаго и Подвысоцкаго на Запорожье старшимъ войска запорожскаго признанъ былъ со стороны польскаго правительства, въ томъ же 1596 году, Христофоръ Нечковскій. Нуждаясь въ козакахъ противъ татаръ, польское правительство поручило Нечковскому охрану границъ Рѣчи-Посполитой отъ татарскаго набѣга. Какъ выполнилъ это порученіе Нечковскій, неизвѣстно; также какъ неизвѣстно, какимъ образомъ держалъ себя новый старшой козацкій въ отношеніи поляковъ и козаковъ. Повидимому, онъ былъ скорѣе на сторонѣ козаковъ, чѣмъ поляковъ и, оставаясь признаннымъ со стороны польскаго правительства козацкимъ старшимъ, въ то же время не переставалъ сноситься и показывать свое расположеніе къ низовымъ козакамъ. Такъ, въ этомъ же, 1596 году, каменецкій каштелянъ Якубъ Претвичъ особымъ письмомъ, писаннымъ іюля 10-го для къ пану Нечковскому и панамъ молодцамъ запорожскимъ, просилъ передать Каспару Подвысоцкому о томъ, чтобы онъ ничего не болѣе (за участіе въ походахъ Лободы и Наливайка), такъ какъ Претвичъ пишетъ письмо до гетмановъ короннаго и польнаго и беретъ

Каспара подъ свою охрану и покровительство ¹⁾. Но возможно, что именно это сношеніе съ низовыми козаками и было причиною смѣны Нечковского и назначенія, въ 1597 году, въ качествѣ поного старшого козацкаго, Тихона Байбузы. Байбуза оказался совершенно преданнымъ челоѣкоизъ польскому правительству и потому вполне ненавистнымъ козачеству. Недовольные управленіемъ Байбузы, многіе изъ украинскихъ козаковъ ушли на Кошъ и тамъ объявили своимъ старшимъ нѣкого Полоуса, соратника Наливайка. Обо всемъ этомъ и о послѣдующихъ дѣйствіяхъ Полоуса сообщалъ самъ «старшой съ атаманей и всѣмъ войскомъ запорожскимъ» коронному гетману Станиславу Жолкевскому. Упомянувъ о томъ, что обязанность войска запорожскаго, находящагося на границѣ съ татарскими кочевьями, стоять на переправахъ Днѣпра, охранять крестъ святой отъ непріятелей, не пропускать въ королевскую землю ни малыхъ, ни большихъ татарскихъ «кунъ» и собирать всякія свѣдѣнія о движеніи орды, Байбуза сообщалъ, что мѣсяца ноября, 9 днѣ, козаки ходили на крымскія поля, подъ самый городъ Перекопъ, на урочище Терень-Оринъ и тамъ, помощію Бога и счастіемъ короля, непріятельскіе отары и улусы погромили и вѣски разорили. Извѣщая обо всемъ этомъ, Тихонъ Байбуза вмѣстѣ съ этимъ извѣщалъ и о томъ, что произошло въ Запорожьи послѣ прихода туда Полоуса и избранія его старшимъ козацкимъ. Забравъ въ свои руки челны, продовольствіе и казну, принадлежавшіе козацкому старшому, Полоусъ сперва ушелъ на море и тамъ взялъ турецкій городокъ, а потомъ, возвратившись съ моря, обратился съ другими козаками, наказанными старшимъ за бунтъ противъ властей, на самого Байбузу и на асаула его Семѣна Скалозуба. Скалозубъ посланъ былъ со ста двадцатью конными людьми на Низъ, къ Бургуну, для добыванія татарскаго языка. Полоусъ, узнавъ объ этомъ, напалъ ночью на Скалозуба и побилъ его людей, а вмѣстѣ съ ними забралъ и истребилъ посланцевъ Байбузы и стражу, бывшую на переправахъ. Не довольствуясь этимъ, Полоусъ поднялся со своей «купою» вверхъ по Днѣпру и напалъ тамъ на товариство Байбузы, шедшее съ новыми продовольственными запасами и деньгами отъ великаго князя литовскаго и, разгромивъ товариство, хлѣбъ и деньги забралъ себѣ. ²⁾.

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 83.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 86—90.

Послѣ этого въ самомъ Запорожѣ образовалось двѣ партіи: партія мира, которая осталась за порогами, и партія войны. Последняя выбрала себѣ предводителемъ нѣкоего Метлу и вмѣстѣ съ нимъ и его товарищемъ Гедройцемъ отиралиась изъ Запорожья въ заселенныя мѣста противъ польскихъ наговъ. Но въ городахъ Метла былъ убитъ, а его соучастникъ, Гедройць, былъ пойманъ живымъ. Партія Метлы, однако, заняла все дороги и стала не пропускать въ Запорожье хлѣбныхъ припасовъ. Зато противная этой партіи, партія мира, стала просить короля дать козакамъ «изъ своего рѣмня» новаго старшого и наставляла на увозъ изъ Запорожья арматъ и гаковницъ, которыхъ тамъ было числомъ около ста и присутствіе которыхъ будто бы способствовало своеволію козаковъ, «потому что какъ только та армата за порогами настала, тогда намножилось тамъ всякаго своевольства». Объ этомъ сами козаки донесли князю Кирику Ружинскому, проси у него совѣта, какъ имъ унять своеволіе въ Запорожѣ, а князь Ружинскій, ноябрю 3 дня, 1598 года, сообщалъ о томъ каменецкому старостѣ, Якову Потоцкому ¹⁾.

Дѣло это, повидимому, окончилось съ назначеніемъ въ 1599 году новаго старшого, Семена Скалозуба. Но Семенъ Скалозубъ недолго управлялъ козаками и, воюя на морѣ съ турками, былъ ими разбитъ и потонулъ. Преемникомъ Скалозуба былъ Самойло Кошка, называемый иначе Кушкой или Киншкой и прославленный народною козацкою думой «Самійло Кіншка».

О времени жизни Самойла Кошки источники говорятъ весьма различно: одни заставляютъ его умирать въ 1601 году ²⁾, другіе въ 1620 году ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія только относительно начала дѣятельности Кошки: онъ становится извѣстнымъ, въ качествѣ старшого запорожскихъ козаковъ, въ 1600 году. Въ этомъ году Кошка принималъ участіе съ козаками, въ походѣ поляковъ, подъ предводительствомъ Замойскаго, въ Молдавію; а въ слѣдующемъ году ходилъ походомъ, по призыву польскаго правительства, въ Ливонію для войны со шведами. Находясь въ походахъ, Самойло Кошка велъ переписку съ короннымъ гетманомъ Польши, и писалъ

¹⁾ Listy Żolkiewskiego. Krakow, 1886, 86.

²⁾ Боркулабовская лѣтопись: Кулишъ, Матеріалы, Москва, 1877, I, 77.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, 216; Грабянка, 260; Величко, IV, 151, 155, 156; Ригельмана, I, 36; Бѣлозерскаго, Кіевъ, 1856, 56, III, 136.

его, въ числѣ шести штукъ, дошли до нашего времени. Первое письмо помѣчено первымъ августа 1600 года за подписью Яна Орышовскаго, «Самуила Кошки старшого и всего войска запорожскаго» изъ Бѣлоберекья, на шесть миль ниже Черкасъ. Получивъ приказаніе отъ короннаго гетмана Станислава Жолкевскаго «у Ревучаго на Дибірѣ» ¹⁾ выступить въ молдавскій походъ не позже 16 іюля, Орышовскій и Кошка отвѣчали, что за дальностью разстоянія приказаніе гетмана слишкомъ поздно пришло къ нимъ и потому не можетъ быть своевременно выполнено. Кромѣ того, и сами козаки опоздали выходомъ: они шли вверхъ по Дибіру противъ теченія, на встрѣчу противному вѣтру, и должны были едва-ли не черезъ каждый камень каждаго порога тянуть канатами свои челны, ставя отъ того отъ 200 до 300 человекъ у каждаго каната и трудясь такимъ образомъ до кроваваго пота. Тѣмъ не менше, Орышовскій и Кошка обѣщали въ первое воскресенье отъ перваго числа августа быть въ Каневѣ, откуда по истеченіи недѣли, когда къ нимъ все съѣдется изъ пограничныхъ городовъ охотники до войны, располагали двинуться черезъ Бѣлую-Церковъ и Брацлавъ къ Кременцу, прося короннаго гетмана обождать ихъ прихода, и обѣщаваясь извѣстить его о выходѣ съ мѣста. Тогда коронный гетманъ, сентября 19 дня, того же 1600 года, изъ обоза подъ Сочавой отпривилъ козакамъ письмо, въ которомъ извѣщали «добрыхъ молодцовъ» о томъ, что противъ враговъ королевской милости поднялась вся седмиградская земля и что гетманъ послалъ туда 3.000 человекъ войска и просилъ козаковъ, выбравъ три или двѣ тысячи молодцовъ, возможно скорѣй, пока стоитъ хорошая погода, послать ихъ съ 3.000 польскихъ воиновъ на помощь возставшимъ ²⁾.

Чѣмъ кончился этотъ походъ для козаковъ и Самойла Кошки, неизвѣстно. Но въ 1601 году Кошка былъ въ ливонскомъ походѣ заодно съ поляками. Однако, прежде чѣмъ выступить въ походъ, Самойло Кошка отпривилъ, января 22 дня, къ Бѣлой-Церкви пословъ Ивана Радкевича, Ивана Макаровича и асаула Андрея Комынина къ коронному гетману съ письмомъ и, предлагая черезъ нихъ полную готовность свою служить королю и польской республикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, въ виду зимняго времени, а также

¹⁾ Ревучій—Ненасытецкій порогъ на рѣкѣ Дибірѣ.

²⁾ *Listy Żółkiewskiego*. Krakow, 1868. 107. 108.

въ виду того, что козаки и голы и нищи, похлопотать передъ королевемъ о присылкѣ имъ денежнаго жалованья и сукопѣ. Обѣщая вести себя въ коронныхъ земляхъ и прилично, и тихо, Кошка просилъ короля назначить запорожскому войску ежегодное жалованье, какъ было установлено раньше того времени; возвратить имъ городъ Терехтемировъ «сообразно дарованію королевской милости»; возстановить грамоту «славнои памяти» короля Стефана Баторія на счетъ козацкихъ выморочныхъ имуществъ, чтобы они не доставались никому, кромѣ козаковъ или тѣхъ, кому умирающіе сами назначатъ изъ своихъ друзей; не дозволить въ козацкихъ судахъ никому, кромѣ козацкаго старшого и королевскаго комиссара, судить козаковъ; запретить королевскимъ чиновникамъ во время прихода войска въ украинскіе города брать взятки съ козаковъ и, наконецъ, совсѣмъ уничтожить такъ-называемую баницю, т.-е. изгнаніе или ссылку изъ государства ¹⁾).

Декабря 1 дня того же 1601 года изъ Новой-мызы Самойло Кошка отправилъ двухъ своихъ посланцевъ, Оедора и Ивана Брынзу, съ письмомъ къ гетману Яну Замойскому и съ извѣщеніемъ о томъ, что, согласно приказу гетмана, козаки держатъ усердно сторожу на дорогахъ деретскихъ, фелинскихъ и чернавскихъ противъ Карловаго войска для наблюденія за движеніями непріятелей, но вмѣстѣ съ тѣмъ терпятъ большую нужду въ краѣ и потому просятъ похлопотать у короля о выдачѣ имъ жалованья, котораго они не получаютъ, прослуживъ нѣсколько недѣль уже сверхъ четверти года, да и къ тому же считаютъ, что вообще положенное козакамъ королевское жалованье слишкомъ недостаточно. Не получивъ по этому письму никакого удовлетворенія, Самойло Кошка черезъ 23 дня послѣ этого изъ той же Новой-мызы доносилъ гетману о томъ, что козаки, терпя большую нужду и не видя себѣ отъ короля помощи, снимаютъ стражу, которую они держали, и собираются уходить на Украину. Вмѣстѣ съ этимъ Кошка сообщалъ о дѣйствіяхъ какого-то шведскаго начальника войска Граффа, который 22 декабря былъ съ четырьмятысячнымъ отрядомъ у Гермеса, поймалъ тамъ нѣсколько человѣкъ козаковъ и, узнавъ отъ нихъ о томъ, что Карлсонъ ²⁾ уже въ рукахъ козаковъ, повернулъ назадъ отъ Гермеса; за нимъ вышелъ изъ Гермеса, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, и весь народъ. Послѣ

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 108—110.

²⁾ Карлсонъ—побочный сынъ шведскаго короля Карла IX.

этого козаки захватили въ свои руки замокъ и теперь предлагаютъ его сдать гетману. Подписываясь подъ этимъ письмомъ, Самойло Кошка сообщалъ, что вмѣстѣ съ «низовымъ рыцарствомъ» при немъ было 15 хоругвей (польскихъ). Однако, начало января 1602 года застало Кошку и козаковъ все въ томъ же ливонскомъ походѣ. Второго января Кошка извѣщалъ гетмана, что тронуться къ мызѣ Рингентъ и расположиться у ней таборомъ, какъ приказывалъ ему гетманъ, онъ не можетъ, такъ какъ все лошади у козаковъ слишкомъ плохи, провизіи, не смотря на все поиски со стороны войска, нигдѣ не оказалось, земля слишкомъ замерзла и строить на ней куреней нельзя; къ тому же, во всемъ край нѣтъ ни одного дерева, да и вообще весь край очень пустынный, и кромѣ двухъ-трехъ хворостяныхъ «халунокъ», въ немъ ничего нѣтъ, а потому и ходить туда козакамъ не для чего. По всему этому Кошка просилъ гетмана дозволить козакамъ или двигаться впередъ, или свернуть въ сторону и расположиться въ хлѣбномъ краю и добывать тамъ пропитаніе себѣ. Января 18 дня, тогоже 1602 года, Самойло Кошка написалъ послѣднее коронному гетману письмо, въ которомъ извѣщалъ, что хотя козакамъ и доставленъ черезъ Даниловича приновѣднѣй листъ на полученіе за послѣднюю четверть жалованья, но все-таки этого жалованья нѣтъ, и козаки, терпя большой недостатокъ, больше служить не хотятъ; еще въ прошломъ году, послѣ того, какъ козацкое товарищество стало развѣзкаться, козацкій старшой на радѣ хотѣлъ было остановить это движеніе, но не могъ; теперь же, если бы онъ попытался еще что-нибудь сдѣлать съ этимъ родѣ, то козаки могли бы побить его камнями ¹⁾).

Такимъ образомъ, не получая ни откуда продовольственныхъ запасовъ и видя упадокъ дисциплины между козаками, Самойло Кошка подъ конецъ очутился въ очень затруднительномъ положеніи и не зналъ, на что ему рѣшиться. Правдоподобность безвыходнаго положенія козаковъ въ Ливоніи, вѣдѣтвіе крайняго недостатка въ продовольствіи, подтверждаетъ и секретарь Замойскаго, Райнольдъ Гейденштейнъ ²⁾).

О дальнѣйшей дѣятельности Самойла Кошки извѣстій не имѣется никакихъ. Относительно кончины и мѣста его погребенія

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 114—117.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polski, Petersburg, 1856, II, 44².

разсказывается различно: въ Боркулабовской хроникѣ говорится, что Самойло Кошка, отираившійся съ четырьмя тысячами козаковъ въ Швецію, былъ тамъ убитъ въ 1601 году и тамъ же погребенъ ¹⁾. Но этому противорѣчитъ то обстоятельство, что Самойло Кошка въ 1602 году, января 18 дня, писалъ письмо изъ козацкаго табора въ Ливоніи коронному гетману. Въ приложенияхъ къ лѣтописи Величка о времени кончины и мѣстѣ погребенія Самойла Кошки разсказывается иначе: Самойло Кошка при коронномъ гетманѣ Жолкевскомъ и во время турецкаго султана Османа-Тордаго, находился, въ 1620 году, въ польско-турецкой войнѣ, при урочищѣ Цоцорѣ; но былъ-ли онъ взятъ въ плѣнъ турками, и если былъ взятъ въ плѣнъ, то выкупленъ-ли на свободу, какъ выкупленъ Богданъ Хмельницкій.—это неизвѣстно: подлинно извѣстно лишь то, что Кошка погребенъ въ украинскомъ городѣ Каневѣ, чему свидѣтельствомъ служить его гробъ, находящійся въ этомъ городѣ ²⁾. Въ другихъ малороссійскихъ лѣтописяхъ о Самойлѣ Кошкѣ передается, что онъ, вмѣстѣ съ короннымъ гетманомъ Жолкевскимъ, участвовалъ въ цоцорской битвѣ поляковъ съ турками и былъ взятъ послѣдними въ плѣнъ ³⁾. Изъ современныхъ же изслѣдователей украинской старины и народныхъ малороссійскихъ произведеній Науменко склоненъ допустить, что плѣненіе турками Кошки—фактъ историческій и онъ могъ совершиться около 1620 года ⁴⁾. Антоновичъ склоненъ вѣрить и вѣрить, что плѣненіе Кошки турками произошло гораздо раньше означеннаго года: что онъ, пробывъ въ полонѣ около 25 лѣтъ, вернулся во время Семена Скалозуба, въ 1599 году, на Украину, а потомъ, совершивъ походы въ Молдавію и Швецію, 1600—1602, въ началѣ 1602 года, во время сраженія со шведами, былъ убитъ и препровожденъ для погребенія въ Кіевъ ⁵⁾.

Такъ или иначе, но въ мартѣ мѣсяцѣ 1602 года Самойла Кошки въ Ливоніи уже не было, и въ это время вмѣсто него писалъ письмо къ коронному гетману Гаврило Крутневичъ. Въ этомъ письмѣ Крутневичъ извинялся передъ гетманомъ за то, что онъ не мо-

¹⁾ Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I, 77.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1864, IV, 155, 156; смотри также стр. 151.

³⁾ Краткое описаніе Малороссіи въ Лѣтописи Самовидца, 216; Лѣтописи Бѣлозерскаго, Кіевъ, 1856, III, 131; Грабянка, 25, 260.

⁴⁾ Кіевская старина, 1883, июнь, 232: Происхожденіе думы о Кошкѣ.

⁵⁾ Кіевская старина, 1883, май, 143; Историческія пѣсни мал. народа. I, 228.

жетъ, вопреки гетманскому приказанію, рушить съ войскомъ подъ замокъ Феливъ «сегодняшняго дня (т.-е. марта 24), во вторникъ», какъ въслѣдствіе болѣзни многихъ изъ товарищества и порчи дорогъ, такъ и въслѣдствіе разбѣзда-козаковъ за добываніемъ пропитанія, а просить разрѣшенія двинуться въ четвертъ и назначить козакамъ предварительное мѣсто, гдѣ бы они могли стать конемъ. Подписывая свое имя и фамилію въ письмѣ, Крутиевичъ не прибавляетъ къ нимъ, какъ всегда дѣлалъ Самойло Кошка, титула «старшого» (Hawrilo Krutniewicz u wsitko zaporozkie woysko) и потому наводитъ на мысль, что онъ вовсе не носилъ этого званія, а только временно управлялъ козаками¹⁾.

Въ началѣ декабря того же 1602 года во главѣ козацкаго войска, бывшаго въ Ливоніи, стоялъ уже Иванъ Куцковичъ, «старшой всего рыцарства запорожскаго», называемый иначе Куцкой: при немъ, по сообщенію лѣтописца, было 4.000 человекъ козаковъ. Не получая жалованья и продовольствія отъ польскаго правительства, козаки попрежнему крайне нуждались въ первыхъ предметахъ пропитанія и потому, возвращаясь изъ «Пифлисейской земли» и проходя по городамъ и волостямъ Бѣлоруссіи, предавались большимъ грабежамъ и опустошеніямъ. Такъ, они брали «приставство» съ боркулабовской и шупенской волостей—50 копъ грошей, 500 мѣръ жита,—и дѣлали всякія безчинства: а когда къ нимъ пріѣхалъ посланецъ отъ польскаго короля и радныхъ пановъ съ увѣщаніемъ прекратить всякія насилія по селамъ и городамъ, то къ польскому посланцу явился какой-то мѣщанинъ и принеся на рукахъ шестилѣтнюю полуживую, изнасилованную козаками, дѣвочку²⁾. Но насколько было правдоподобно обвиненіе козаковъ въ послѣднемъ злодѣяніи, неизвѣстно, потому что остается неизвѣстнымъ то, что отвѣчали на подобное обвиненіе сами козаки. Сами козаки, однако, находили оправданіе своихъ поступковъ въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи своемъ и во враждебномъ настроеніи противъ нихъ мѣстныхъ жителей. Такъ, декабря 4 дня, старшой козацкій Иванъ Куцковичъ писалъ письма къ великому канцлеру литовскому, Льву Сапѣгѣ, и въ немъ винылся передъ «милостивымъ господиномъ» за то, что сдѣлано было козаками на витебскомъ трактѣ въ имѣніи Сапѣги, Островиѣ.

1) Listy Żółkiewskiego, Krakow, 1868, 117.

2) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1888, X, 92.

Прѣѣзжая по этому тракту, козаки, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ конниковъ, заѣхали въ имѣніе канцлера и, вслѣдствіе необходимости остановиться здѣсь на нѣкоторое время, стали просить у управителя имѣніемъ харчей для себя и для коней: «Хотя и слѣдовало минути и сохранить имѣніе вашей милости, какъ лица, которое издавна оказываетъ свое благоволеніе запорожскому войску: однако, насъ принудили такъ поступить господа витебскіе мѣщане, которые, не желая добровольно дать намъ въ своихъ домахъ куска хлѣба, обильно облитого нашею кровію, на смерть убили нѣсколькихъ, отправленныхъ впередъ, товарищей нашихъ и обнаружили недоброжелательство ко всему войску нашему. Но все это мы отдаемъ на судъ Господа Бога и его свитой справедливости. Что касается ущерба, причиненнаго имѣнію вашей милости, нашего милостиваго господина, то мы увѣрены, что ваша милость постарается покрыть его вашимъ высокимъ прощеніемъ, зная, что безъ этого не можетъ обойтись никто изъ живущихъ войной» ¹⁾. Еще пространнѣе писалъ о бѣдственномъ положеніи козаковъ въ Бѣлоруссіи тотъ же Куцковичъ въ концѣ декабря (20 числа) коронному гетману Яну Замоискому изъ самого города Витебска. Въ этомъ письмѣ Куцковичъ заявлялъ, что недостатки, нужда и потери козаковъ такъ велики, что они сами изываютъ о себѣ къ коронному гетману, и если рассказывать о нихъ человѣку, не видавшему положенія козаковъ, то онъ и вѣры тому никакой не дастъ. Прежде всего о сукнахъ и обѣщанномъ жалованьѣ козаки и «знать не знаютъ» и все, что они добыли себѣ саблѣй до войны, все это съѣла нифлянская земля,—долго будетъ памятна запорожскому войску нифлянская служба! Во время этой службы козаки дошли до того, что потеряли всякую разницу между собой и какими-нибудь латышами, и если король не пожалуетъ ихъ своею милостью, то они лются къ своему товариществу «въ триумфъ настоящихъ оборванцевъ». Затѣмъ, не видя нигдѣ сочувствія къ себѣ, козаки встрѣтили въ городахъ Бѣлоруссіи одну лишь вражду и недоброжелательство. Начало этой вражды обнаружилось уже съ тѣхъ поръ, когда запорожское войско оставило нифлянтскую землю и вступило во владѣніе великаго литовскаго канцлера. Въ это время канцлерскіе чиновники, собравшись вмѣстѣ съ хлопами, захватили нѣсколько человѣкъ козаковъ на открытой

¹⁾ Кіевская старина, 1833, іюнь, 380.

дорогѣ, шедшихъ позади войска, и однихъ изъ нихъ въ водѣ потопили, другихъ безъ всякаго сожалѣнія убили, а когда объ этомъ доведено было до слуха канцлера, то онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Кромѣ этого было не мало и другихъ примѣровъ, когда мѣстное населеніе выказывало вражду къ козакамъ, но особенно это проявили мѣщане города Витебска. Не желая своимъ присутствіемъ опустошать цѣлую мѣстность и имѣя въ виду дать отдыхъ своимъ лошадямъ, козаки вознамѣрились съ частью своего войска войти въ Витебскъ и для этого послали раньше себя къ городу асаула съ нѣсколькими десятками конниковъ для переноса домовъ. Витебскіе мѣщане сперва пообѣщали имъ вполне свободный входъ, но когда передовые козаки вошли въ городъ, то горожане ударили въ набатъ, и, бросивши съ нанихъ со страшнымъ ожесточеніемъ, однихъ потопили въ Двинѣ, другихъ убили на смерть, третьихъ выгнали вонъ изъ города, забравъ себѣ ихъ лошадей и имущество. Козаки, сожалея искренне о невинно пролитой крови своихъ товарищей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгая еще большаго кровопролитія, хотѣли презрѣть обиду, дали присягу не мстить за убитыхъ товарищей, но просили жителей, чтобы они допустили войско на нѣкоторое время въ свои дома для отдыха, такъ какъ козаки на то имѣютъ приказъ отъ королевскаго величества. Но мѣщане и послѣ этого, ссылаясь на «какія-то вольности свои», не соглашались впустить козаковъ въ свои дома. Тогда козаки обращались къ нимъ съ увѣдательными письмами, прибѣгали и къ посредству шляхтичей, но мѣщане не сдавались, рѣшивъ расправиться съ козаками войной во что бы то ни стало. Козаки, видя, что они напали на людей, ни Бога не боящихся, ни короля не почитающихъ, рѣшили отразить насиліе насиліемъ и приблизились къ городу. Мѣщане, взявъ съ собой знамя, сдѣлали вылазку изъ города и вступили съ козаками въ бой, но потерпѣли жестокое пораженіе, убивъ лишь нѣсколько сверхъ десятка человѣкъ изъ козацкаго войска. Во свидѣтельство вѣрности всего разсказаннаго козаки ссылались на показаніе витебскихъ шляхтичей и на собственныя «протестаціи». Въ заключеніе просили короннаго гетмана быть заступникомъ за козаковъ передъ королевскою милостію и прислать войску сукна и жалованье, которое заслужено было ими за три четверти года и котораго они намѣрены были ожидать въ городѣ Могилевѣ¹⁾. Но, должно быть,

¹⁾ Listy Żółkiewskiego. Krakow, 1856, 118—121.

и на этотъ разъ козаки не дождались ни сукопъ, ни жалованья отъ короля. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ 1603 года Иванъ Кудковичъ, не находя возможнымъ успокоить козаковъ, сдѣлать свое начальство въ городѣ Могилевѣ Ивану Косому, а самъ ушелъ изъ Бѣлоруссін. Иванъ Косой и привелъ козаковъ назадъ. Возвращаясь на Низъ, козаки вездѣ причиняли большіе убытки городамъ и селамъ, брали много лошадей, женщинъ, дѣвицъ и дѣтей, такъ что на одного козака приходилось отъ 8—12 лошадей, отъ 3—4 женщинъ или дѣвицъ и отъ 3—4 дѣтей.—все они забирались, разумѣется, ради выкупа ихъ потомъ родными¹⁾.

Въ то время, когда одна часть козаковъ находилась въ Швеціи, другая часть ихъ подвизалась на низовьяхъ Днѣпра и, очевидно, съ большимъ успѣхомъ для себя, но съ великимъ ущербомъ для мусульманъ, о чемъ можно думать на основаніи жалобъ со стороны крымцевъ на козаковъ. Такъ, въ 1601 году главный совѣтникъ крымскаго хана, Ахметъ-калга заявлялъ жалобу польскому послу Лаврину Пясочинскому о чинимыхъ запорожцами нападентіяхъ на владѣнія Крыма. Но на жалобу совѣтника польскій посолъ отвѣчалъ тѣмъ, что низовые козаки не находятся въ подданствѣ польскихъ королей и представляютъ изъ себя сборъ всякихъ народовъ и языковъ, съ которыми ханъ можетъ поступать какъ ему угодно. Въ слѣдующемъ 1602 году низовые козаки, въ числѣ двухъ-тысячнаго коннаго войска, стояли за Брацлавомъ надъ Каменкою и предлагали свои услуги волошскому господарю; но господарь отклонилъ это предложеніе, и послѣ этого, мая 12 дня, низовые козаки, выйдя изъ Днѣпра на Черное море на 30 чайкахъ, по 50 или по 60 человекъ въ каждой чайкѣ, напали близъ Килен, на турчина Хасанъ-агу, плывшаго по морю на галерѣ, и побились съ нимъ. Послѣ этого боя, мая 15 числа, козаки подошли къ Бѣлограду и остановились у Бугаза, тамъ, «гдѣ Днѣстръ впадаетъ въ Черное море съ Овидовымъ озеромъ». Здѣсь они напали на турецкій корабль, плывшій изъ Кафы и везшій нѣсколько человекъ грековъ и турокъ, и взяли его съ бою, но турки, бывшіе на немъ, успѣли спастись, а грекамъ козаки даровали жизнь, хотя и ограбили ихъ. Однако, вслѣдствіе неблагоприятнаго вѣтра козаки два дня простояли на мѣстѣ съ большою опасностью отъ турокъ. Но и жители города были въ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1888, X. 83.

опасности отъ козаковъ: они каждую ночь перебирались изъ города въ замокъ и всякій разъ трепетали за свою жизнь. Наконецъ, мая 16 дня, подулъ благопріятный вѣтеръ и козаки, поднявъ паруса, ушли въ Дибиръ ¹⁾).

Послѣ отхода козаковъ турки и татары потребовали отъ польскаго посла Пясочинскаго, чтобы онъ черезъ своего короля заставилъ козаковъ вернуть взятую ими галеру и захваченный на ней товаръ. На это требованіе Пясочинскій снова отвѣчалъ, что козаки своевольные люди, что они не слушаются воли короля и что самъ посолъ боится ихъ не менѣе, какъ бѣлогородцы.

Не добившись положительнаго отвѣта отъ польскаго посла, Порта рѣшила послать противъ козаковъ войско и истребить ихъ на морѣ. Противъ козаковъ отправлены были изъ Царьграда на четырехъ галерахъ янычары, обязанностью которыхъ было перевозить татаръ изъ Очакова въ Бѣлоградъ для похода въ Венгрію. Но янычары, желая расторгнуться столичными товарами, привезенными на корабляхъ въ Бѣлоградъ, подкупили бѣлогородскаго санджака, чтобы онъ самъ вышелъ въ море и слѣлалъ видъ, будто гонимъ за козаками. Санджакъ исполнилъ просьбу янычаръ и, выйдя въ море въ то время, когда козаки успѣли уже подняться въ устье Дибира, простоялъ день и двѣ ночи и возвратился въ городъ, какъ бы не успѣвъ догнать козаковъ ²⁾).

Послѣ этого на польскаго посла посыпались упреки со стороны пословъ крымскаго хана и чиновниковъ санджака. Послу доказывали, что козаки вовсе не сборъ, что они люди князей Острожскихъ, Збаражскаго и другихъ польскихъ пановъ, подданныхъ короля. Но посолъ отвѣчалъ имъ прежними словами: «Козаки—сборъ всякаго народа, хотя въ ихъ рядахъ есть и бѣглецы изъ польскихъ владѣній. Что же? У насъ, въ самомъ Константинополѣ, при всей вашей бдительности, случаются безпорядки, а на Бѣломъ (Мраморномъ) морѣ Буратъ-райза держалъ разбой и угрожалъ самому государю. Такъ и у насъ козаки городъ и волости разорили, людей мучили, въ полонъ брали... Да если бы всѣ козаки были изъ польскаго государства, то ихъ можно было бы укротить, а то они собираются отовсюду. Да козаки-жъ и моря не знали, пока ваши же турки райзы не по-

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 173.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 175.

казали себя и не научили ихъ мореплаванію, а потомъ сами заодно васъ воюють. Сами виноваты, что такихъ учителей имъ дали» ¹⁾).

Что дѣлали козаки послѣ этого въ теченіе 1604 и 1605 годовъ, указаній на этотъ счетъ не имѣется, но въ январѣ мѣсяцѣ 1606 года стало извѣстно, что погайскій салтанъ Бухаръ вторгнулся со своими ордами подъ городъ Корсунъ. Тогда гетманъ корошый Станиславъ Жолкевскій извѣстилъ о томъ запорожскихъ козаковъ, и козаки отбѣснили Бухара отъ Корсуни съ большимъ для него урономъ ²⁾. Въ томъ же 1606 году козацкій старшой, Григорій Изаповичъ, называвшій себя «гетманомъ всего рыцарства запорожскаго» («Hetman wszitko rycerstwa zaporozskie»), оповѣщалъ своимъ универсаломъ украинскіе уряды, что въ исходѣ декабря, когда Днѣпръ станетъ на своихъ обыкновенныхъ перепозахъ, крымскій царевичъ, старшій сынъ хана, имѣеть сдѣлать нападеніе на владѣнія польскаго короля, бана козацкаго: вслѣдствіе этого, «гетманъ, какъ вѣрный слуга его милости короля и Рѣчи-Посполитой», доноситъ украинскимъ урядамъ о басурманскомъ замыслѣ и приглашалъ ихъ къ защитѣ края противъ неприятелей. По просьбѣ Изаповича универсалъ его записанъ былъ въ градскія владимірскія книги ³⁾.

¹⁾ Рукопись имп. публ. бібліотеки, польск., f, IV, № 7 1; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 54—56; Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 171—177.

²⁾ Записки гетмана Жолкевскаго, С.-Петербургъ, 1871, 264.

³⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 152.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Участіе запорожскихъ козаковъ въ предпріятіи Лжедмитрія I. — Неудачная битва Дмитрія и козаковъ у Добрыничи на рѣкѣ Сѣвѣ. — Участіе запорожцевъ въ предпріятіи Лжепетра и Лжедмитрія II. — Пораженіе Шульского и Голицына и начальника нѣмецкаго отряда Ламедорфа отъ поляковъ и запорожцевъ. — Общая численность запорожскихъ и украинскихъ козаковъ при Тушинѣ. — Дѣйствія козаковъ подъ Устюжкой. — Дѣйствія Наливайка во владимірскомъ уѣздѣ. — Движеніе Керюшицкаго съ козаками къ Новгороду, отступленіе къ Старой-Русѣ и Твери. — Дѣйствія Олевченка съ козаками подъ Смоленскомъ. — Участіе козаковъ во взятіи Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгородъ-Сѣверска, Мосальска и Бѣлой. — Оборона козаками православной вѣры на югѣ; возвращеніе ихъ на сѣверъ и движеніе къ Пронску, Зарайску, въ верхневолжскія и заводскія мѣста; осада Володы. — Сидѣніе запорожцевъ въ Кремлѣ. — Сношеніе царя Михаила Федоровича съ турецкимъ султаномъ по поводу запорожцевъ. — Движеніе въ московскіе предѣлы гетмана Сагайдачнаго и дѣйствія его у Калуги и Бѣлой.

Въ то время, когда запорожскіе козаки возвратились изъ шведскаго похода на Пиатъ, у нихъ объявился человѣкъ, который потомъ потрясъ основы всего русскаго государства и едва не сдѣлался причиною подчиненія Россіи польской коронѣ. — это Лжедмитрій I или названный Дмитрій царевичъ. Что названный царевичъ Дмитрій былъ въ Запорожьи, на это есть прямые положительныя указанія; нѣтъ лишь точныхъ указаній на то, въ какомъ именно году онъ былъ тамъ — въ 1601, 1602 или въ 1603 г. ¹⁾ Впрочемъ, разница въ разстояніи времени здѣсь не имѣла никакого значенія, — важно лишь то, что съ появленіемъ Дмитрія наступило на Руси смутное время, а это время всегда желательно было для всего козацкаго сословія, искавшаго вездѣ добычи и военной славы. Въ смутное время русское козачество играло первенствующую роль, и все самозванцы опирались главнымъ образомъ на козаковъ. Оттого во всѣхъ походахъ Дмитрія I и его преемниковъ южнорусскіе козаки принимали также самое живое и самое дѣятельное участіе, при чемъ въ этомъ дѣлѣ главнѣй-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 82, 434—437.

шую роль играли собственно такъ-называемые украинскіе или черкасскіе козаки и второстепенную собственно запорожскіе или низовые козаки.

Назвавшись русскимъ царевичемъ въ Польшѣ и получивъ позволеніе собирать войско для похода на Москву, Лжедмитрій-первый въ 1604 году послалъ своихъ агентовъ къ донскимъ и запорожскимъ козакамъ поднимать ихъ къ себѣ на службу: послѣднимъ Дмитрій отправилъ даже собственное знамя въ знакъ особеннаго къ нимъ вниманія; козаки съ особой охотой откликнулись на такой призывъ. Ихъ привлекли въ данномъ случаѣ какъ богатой добычи, страсть къ далекимъ походамъ, заманчивость самаго предпріятія. Подъ знаменемъ Дмитрія собралось нѣсколько тысячъ поляковъ и двѣ тысячи донскихъ козаковъ, съ которыми онъ и выступилъ въ южныя области московскаго государства. Въ городѣ Сѣвскѣ къ нему подошло 12.000 человекъ малороссійскихъ козаковъ, раздѣлявшихся на конниковъ, 8.000, и пѣхотинцевъ, 4.000, съ арматой изъ 12 исправныхъ пушекъ: между малороссійскими козаками немало было и собственно запорожскихъ или низовыхъ козаковъ. Дмитрій въ особенности обрадовался, когда къ нему явились козаки запорожскіе («козаку запорогеу»), какъ потому, что они пришли въ большемъ числѣ, такъ и потому, что они извѣстны были своимъ мужествомъ. Усилившись козаками, Дмитрій далъ сраженіе царскому войску, въ половинѣ января 1605 года, при деревнѣ Добрыничахъ, недалеко отъ Сѣвска, на рѣкѣ Сѣвѣ, но потерпѣлъ тамъ пораженіе ¹⁾.

Въ это время Дмитрій располагалъ войскомъ въ 15 или 20 тысячъ человекъ. Передъ началомъ битвы онъ раздѣлилъ все наличное число своего войска на три части: первую часть составляли поляки и перешедшіе на его сторону русскіе, числомъ 3.000—8.000; вторую козацкая конница, 8.000 человекъ; третью козацкая пѣхота, 4.000 человекъ; послѣдніе имѣли въ своемъ распоряженіи армату и поставлены были въ резервъ. Противъ Дмитрія дѣйствовали 60.000 русскихъ ратниковъ, высланныхъ царемъ Борисомъ Годуновымъ и состоявшихъ подъ начальствомъ князей Оедора Метиславскаго и Василя Шуйскаго. Битву открылъ самъ Дмитрій. Онъ съ польскою и русскою дружиной бросился на одно

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 96, 97; Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 154.

крыло московскаго войска и, опрокинувъ его, устремился на главную царскую рать, стрѣльцовъ: за нимъ поскакали и малороссійскіе и запорожскіе козаки. Стрѣльцы выставили впереди себя подвижныя укрѣпленія въ видѣ саней съ сѣномъ и, подпустивъ къ себѣ на извѣстное разстояніе поляковъ и козаковъ, дали сильный залпъ по нимъ. Не ожидая такого залпа, козаки дрогнули и повернули назадъ. За козаками обратились назадъ и поляки. Тогда русскіе бросились въ погоню за бѣглецами, но наткнулись на козацкую шхоту съ пушками. Шхота стала палить изъ пушекъ по русскимъ ратникамъ, но, подавленная силой, была въ концѣ истреблена ими, зато своимъ дѣйствіемъ дала возможность уйти и спастись отъ русскихъ Дмитрію. Разбитый подъ Добрыничами, самозванецъ бѣжалъ сперва въ городъ Рыльскъ, а оттуда въ городъ Путивль ¹⁾).

Въ дальнѣйшихъ успѣхахъ своихъ походовъ Дмитрій-первый обязанъ былъ главнымъ образомъ донскимъ козакамъ и русскимъ ратнымъ людямъ, ненавидѣвшимъ противника Лжедмитрія, Бориса Годунова, и потому охотно сражавшимся противъ него за самозванца. Какова роль была съ этого времени украинскихъ и запорожскихъ козаковъ, неизвѣстно. Но послѣ гибели Лжедмитрія-перваго запороженіе козаки все еще оставалась въ предѣлахъ московскаго государства и въ 1607 году помогали самозванцу Петру, родомъ донскому козаку, Шлейхъ, изъ Мурома, назвавшемуся небывалымъ сыномъ царя Оедора Ивановича отъ жены его Ирины. Лжепетръ выступилъ еще при жизни Дмитрія-перваго. Называя его своимъ дядею, онъ послалъ къ Дмитрію свою грамоту и получилъ отъ него приглашеніе пріѣхать въ Москву. Принявъ это предложеніе за чистую монету, Лжепетръ двинулся-было съ козаками вверхъ по Волгѣ, но когда поднялся выше Свияжска, то тутъ получилъ извѣстіе о гибели Дмитрія и о вѣдѣніи Василія Шуйскаго. Тогда онъ повернулъ назадъ и скоро очутился на Донѣ, гдѣ и расположился на зимовку. Въ это время къ Лжепетру пріѣхалъ гонецъ отъ князя Григорія Шаховскаго, поднявшаго возстаніе противъ царя Василія Шуйскаго, и просилъ Петра для совмѣстнаго дѣйствія противъ царскихъ войскъ. Лжепетръ съ охотой принялъ предложеніе Шаховскаго и весной 1607 года двинулся въ Путивль. При немъ были терскіе, донскіе и волжскіе

¹⁾ Иловайскій, Смутное время. Москва, 1894. 30.

козаки, а потомъ пристали и запорожскіе. По дорогѣ Лжепетръ взялъ со своими козаками городъ Цареборисовъ, избилъ нѣсколько воеводъ и дворянъ и потомъ добрался до Путивля. Изъ Путивля, вмѣстѣ съ Григоріемъ Шаховскимъ, Лжепетръ двинулся къ Тулѣ и здѣсь соединился съ другимъ мятежникомъ, холопомъ Иваномъ Болотниковымъ, имѣя намѣреніе идти на Москву. Но въ Тулѣ Лжепетръ, октября 1 дня, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, Болотниковымъ и другими, былъ взятъ и отправленъ въ Москву и тамъ казненъ черезъ повѣшеніе.

Запорожцы, бывшіе при Лжепетрѣ, въ числѣ 3.000 человекъ, перешли потомъ на сторону Лжедмитрія-второго, стоявшаго въ городѣ Орлѣ ¹⁾ и имѣвшаго около себя 4.000 поляковъ съ княземъ Романомъ Ружинскимъ во главѣ ²⁾. Когда самозванецъ второй двинулся изъ Орла, то встрѣтился подъ селомъ Каменкою, между Орломъ и Болховымъ, съ царскою ратью, между которой былъ и наемный нѣмецкій отрядъ. Нѣмцы снеслись съ Ружинскимъ и предложили ему перейти на сторону Лжедмитрія-второго и поляковъ. Ружинскій принялъ это предложеніе съ охотой, но въ рѣшительный моментъ нѣмецкіе начальники сильно перенились и не успѣли склонить всего отряда къ переходу къ Лжедмитрію и Ружинскому. А между тѣмъ поляки вступили въ бой съ русскими и послѣднимъ въ это время оказали большую услугу нѣмцы: когда Ружинскій послѣ боя разбилъ князей Дмитрія Шуйскаго и Василія Голицына и заставилъ ихъ покинуть поле битвы, то нѣмцы прикрыли отступленіе царской рати и тѣмъ заставили думать князя Ружинскаго о неискренности ихъ предложенія о переходѣ къ самозванцу. Разбивъ и разсѣявъ царскую рать вторично, апрѣля 24 дня, 1608 года, Ружинскій приказалъ запорожцамъ изрубить 200 человекъ нѣмцевъ съ ихъ начальникомъ Ламедорфомъ во главѣ, не смотря на то, что они добровольно пришли къ нему съ изъявленіемъ готовности служить полякамъ ³⁾.

Но нѣрѣ успѣха Лжедмитрія-второго противъ Москвы, къ нему все болѣе и болѣе стекалось различнаго рода искателей приключеній и въ числѣ ихъ запорожескихъ козаковъ, такъ что подъ Тушиномъ послѣднихъ считалось уже 13.000 человекъ ³⁾,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 170, 174.

²⁾ Кіевская старина, 1882, апрѣль, II, 76.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 196.

но, конечно, главную массу составляли здѣсь собственно малороссійскіе козаки, извѣстные у москвичей подъ именемъ запорожскихъ черкасъ.

Въ началѣ 1608 года козаки, вмѣстѣ съ поляками и тушинцами, бились противъ воеводы Желѣзнопольской-Устюжны, Андрея Петровича Ртищева, и Оомы Подщинаева и съ ихъ четырьмястами человекъ ратниковъ изъ Бѣлаго-озера. Января 5 дня, при деревнѣ Батиевкѣ, козаки нанесли такое жестокое пораженіе устюженцамъ и бѣлоозерцамъ, что пораженные, по выраженію современника, изсѣчены были подобно травѣ. Спасшійся отъ гибели съ небольшимъ числомъ воиновъ, Ртищевъ ушелъ въ Устюжну и, пока поляки и козаки успѣли отлучиться на нѣкоторое время отъ Батиевки, воевода постарался укрѣпиться, накопать себѣ пицалей и наготовить боевыхъ запасовъ. Однако, февраля 3 дня, козаки, литовцы, поляки, подъ начальствомъ Козаковского, а вмѣстѣ съ ними нѣмцы и татары, вновь прискакали подъ Устюжну; четыре раза они приступали къ острогу города, но каждый разъ встрѣчали такой сильный отпоръ со стороны горожанъ, что отступали прочь и, наконецъ, послѣ приступа февраля 8 дня совѣмъ покинули Устюжну, и жители ея воспѣли благодарственный гимнъ Господу Богу за избавленіе отъ нашествія ляховъ, празднуя это событіе и по настоящее время 10 февраля каждого года. Въ это же время во владимірскомъ уѣздѣ дѣйствовалъ какой-то панъ Паливайко съ козаками; онъ свирѣпствовалъ съ неслыханнымъ злодѣйствомъ, истребляя и сажая на колъ дворянъ, боярскихъ дѣтей, простыхъ крестьянъ, позоря женъ, забирая въ плѣнъ дѣтей. Злодѣянія Паливайка привели въ ярость даже самого тушинскаго вора и онъ послалъ приказаніе во Владиміръ казнить Паливайка. Однако, за Паливайка вступился литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга и написалъ къ самозванцу просительное по этому поводу письмо. Самозванецъ, вмѣсто помилованія, обратился къ Сапѣгѣ съ укоромъ, чтобы онъ не выпрашивалъ милости такимъ злодѣямъ, какъ Паливайко, а каралъ бы ихъ смертію. Но приказаніе тушинскаго вора было оставлено безъ исполненія, и козаки Паливайка продолжали попрежнему злодѣйствовать, неизвѣстно только, какіе именно то были козаки, т.-е. были-ли то украинскіе, запорожскіе или какіе-нибудь бродяги, принявшіе имя козаковъ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 218, 219, 223.

Въ 1609 году запорожскіе козаки, подъ начальствомъ полковника Кернозицкаго, отправлены были Лжедмитріемъ-вторымъ къ старому Новгороду, съ цѣлью склонить на сторону Дмитрія жителей Новгорода. Въ то время въ Новгородѣ находился племянникъ царя, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, собиравшій ополченіе противъ враговъ царя и ведшій переговоры со шведами о наймѣ ихъ въ военную службу къ московскому царю. Козаки шли, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, изъ Тушина и по дорогѣ къ Новгороду захватили Торжокъ и Тверь. На встрѣчу запорожцамъ вышелъ окольный Михайлъ Татищевъ, но онъ былъ обвиненъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Кернозицкимъ и поплатился за то жизнью. Тогда Кернозицкій безпрепятственно подступилъ къ Новгороду и расположился у Хутыискаго монастыря. Но тутъ онъ узналъ, что къ князю Михаилу Скопину-Шуйскому подошло значительное подкрѣпленіе и, испугавшись, поспѣшно отступилъ назадъ, послѣ чего дѣйствовалъ противъ русскихъ и шведовъ подъ Старой-Русой и Тверью, но оба раза неудачно.

Въ томъ же году, со второй половины мѣсяца сентября, запорожскіе черкасы, подъ начальствомъ Олевченка, дѣйствовали, въ числѣ около 10.000 человѣкъ ¹⁾, подъ городомъ, Смоленскомъ вмѣстѣ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою. Они собрались сперва въ Каневѣ, Переяславѣ и Черкасахъ и сами предложили свои услуги польскому королю. Подъ Смоленскомъ они заняли позицію около Духовскаго монастыря и расположились тамъ своимъ таборомъ. Впрочемъ, существенной пользы запорожскіе козаки королю на этотъ разъ не оказали, такъ какъ они, не любя подчиняться никакимъ требованіямъ военной дисциплины, то приходили къ городу, то уходили и больше занимались исканіемъ добычи въ селахъ и деревняхъ, чѣмъ продолжительною и скучною осадой города ²⁾. Въ началѣ 1610 года козаки особенно разбойничали въ зубцовскомъ уѣздѣ, въ разстояніи около 300 верстъ отъ Москвы и около 200 отъ Твери ³⁾. Вслѣдъ за тѣмъ запорожскіе черкасы принимали участіе, вмѣстѣ съ поляками и литовцами, во взятіи городовъ сѣверной Украй-

¹⁾ Въ Запискахъ гетмана Жолкевскаго показано 30.000 «запорожскихъ козаковъ»: Спб, 1871, 33.

²⁾ Иловайскій, Смутное время, Москва, 1891, 144, 148, 149.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, VIII, 235, 237, 239, 240, 242, 255, 272.

ны—Стародуба, Почапа, Чернигова, Новгородъ-Сѣверска, Монастырца и Ільмы, заставляя жителей присягать польскому королевичу Владиславу. Жители названныхъ городовъ, особенно двухъ первыхъ, оказывали запорожскимъ черкасамъ жестокое сопротивленіе и, зажигая города, бросали въ пламень свои имущества, а потомъ издались въ него сами и погибали. Такое отчаяніе мѣстнаго населенія объясняется тою жестокостью, съ какою козаки, не смотря даже на запрещенія короля Сигизмунда III, обращались съ побѣжденными ¹⁾. Различіе въ исторической судьбѣ, различіе въ культурѣ, языкѣ, костюмѣ, общественномъ строѣ, отчасти въ обрядностяхъ вѣры сдѣлали южноруссовъ, въ особенности запорожскихъ козаковъ, во многомъ несхожими съ великороссами. И по внѣшнимъ приемамъ, и по внутреннимъ воззрѣніямъ южноруссы скорѣе имѣли сходство съ поляками, чѣмъ съ великороссами. Этимъ-то и можно объяснить ту вражду, которую украинскіе и запорожскіе козаки выказали въ отношеніи великоруссовъ въ смутное время московскаго государства.

Дѣйствуя съ неувѣроятнымъ ожесточеніемъ противъ своихъ же согражданъ, людей православной вѣры на сѣверѣ Россіи, запорожскіе и украинскіе козаки въ то же время весьма энергично отстаивали православную вѣру на югѣ Россіи противъ открытыхъ враговъ ея, униатовъ. Такъ, въ 1610 году, козацкій гетманъ Григорій Тискиневичъ особенно усердно поддерживалъ кіевское православное духовенство, которое не хотѣло подчиниться униатскому митрополиту и не дозволило взять кіевскую соборную церковь св. Софійи униатскому намѣстнику («оффиціалу») Антонію Грековичу. Тискиневичъ написалъ письмо, мая 10 дня, находясь за порогами Днѣпра, до пана подвоеводы кіевского, Холоневскаго, и, выказывая въ этомъ письмѣ горячее желаніе ратовать за православную восточную церковь до конца своей жизни и до готовности сложить свою голову, давалъ позволеніе подвоеводѣ убить «того оффиціала Грековича якъ пса, гдѣ колвекъ здыбавши» ²⁾.

Въ 1611 году малороссійскіе, а съ ними, нужно думать, и запорожскіе козаки, снова очутились на сѣверѣ Россіи въ распоряженіи поляковъ. Польскій полководецъ Александръ Гонсеѣвскій приказалъ отряду запорожцевъ идти въ рязанскія мѣста для того,

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 276.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 66.

чтобы мѣшать Прокопію Ляпунову, собиравшемуся на подмогу Москвѣ. «Черкасы» нашли себѣ союзника, воеводу Исака Сумбулова, сторонника поляковъ, и двинулись къ городу Пронску. Въ Пронскѣ они застали Прокопія Ляпунова и осадили его. Но на помощь къ Ляпунову подошелъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, и «черкасы» почли за лучшее отступить отъ города. Послѣ этого тѣ же «черкасы» напали на городъ Зарайскъ, гдѣ расположился князь Пожарскій, но тутъ они испытали полную неудачу: Пожарскій вышелъ изъ города и ударилъ на нихъ съ такою силою, что они покинули городъ и бросились бѣжать на Украину ¹⁾).

Однако, это бѣгство «черкасъ» на Украину не было окончательнымъ: въ 1612 году «черкасы» очутились на верхневолжскихъ и даже заволжскихъ мѣстахъ,—въ краснохолмскомъ Антоніевскомъ монастырѣ, въ Пошехоньѣ, въ Угличѣ, въ Твери. Въ это время они сражались съ княземъ Димитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ и выгнаны были имъ изъ Антоніева монастыря (бѣжецкаго уѣзда, тверской губерніи). Съ 22 по 26 августа того же года часть малороссійскихъ «черкасъ» была осаждена, вмѣстѣ съ поляками, литовцами и нѣмцами, въ Кремль и Китай-городъ, соединенными ополченіями Минина - Сухорукова, князя Пожарскаго и атамановъ русскихъ козаковъ. Сентября 22 дня часть «черкасъ» отдѣлилась отъ польскаго воеводы Хоткевича и бросилась къ городу Вологдѣ. Пользуясь отсутствіемъ отъѣзжихъ карауловъ, багеевыхъ и городскихъ сторожей, стрѣльцовъ и сотниковъ, нарядныхъ пушкарей и затинщиковъ, черкасы вошли ночью въ городъ и взяли его приступомъ, людей изрубили, церкви ограбили, городъ и посады до основанія выжгли, воеводу князя Долгорукова и дьяка Карташова убили, архіепископа Сильвестра въ полозѣ взяли и хотѣли было казнить смертию, но потомъ еле живого отпустили.

Наконецъ, при сдачѣ Кремля Карломъ Хоткевичемъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, Минину, Пожарскому и Трубецкому, въ числѣ полковъ, литовцевъ и нѣмцевъ были и черкасы, подъ которыми москвичи разумѣли, по обыкновенію, какъ малороссійскихъ, такъ и собственно запорожскихъ козаковъ. Находясь въ Кремлѣ, осажденные терпѣли страшный голодъ и не сдавались. «Тогда отцы

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 358.

ѣли своихъ дѣтей, одинъ гайдукъ съѣлъ сына, другой — мать, одинъ товарищъ съѣлъ слугу своего, ротмистръ, посаженный судить виновныхъ, убѣжалъ съ судилища, боясь, чтобы обвиненные не съѣли судью» ¹⁾).

Послѣ сдачи поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ и черкасъ на Русь произошло знаменательное событіе, избраніе, февраля 21 дня, 1613 года, царя Михаила Феодоровича Романова, въ слѣдъ за которымъ послѣдовало повсемѣстное очищеніе Россіи отъ иноземцевъ, различныхъ бродячихъ элементовъ и въ томъ числѣ отъ козаковъ.

Въ іюні мѣсяцѣ этого же года отъ новаго царя отправлены были къ турецкому султану Ахмету послы съ извѣстіемъ дружбы Россіи къ Турціи и съ просьбой дѣйствовать заодно съ русскимъ царемъ противъ поляковъ и литовцевъ. На эту просьбу изъ Константинополя отвѣчали, что султанъ согласенъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ и любви и хочетъ стоять на литовскаго короля, для чего отдать приказъ крымскому хану идти отъ города Аккермана на Литву; особо прямо изъ столицы султанъ послалъ на Литву десять тысячъ ратныхъ людей съ волохами и молдаванами, а кромѣ того велѣлъ у днѣпровскаго устья поставить два города противъ «днѣпровскихъ черкасъ», чтобы сбить съ Днѣпра всѣхъ козаковъ ²⁾).

Но «черкасы», ничего не зная о сношеніяхъ русскаго царя съ турецкимъ султаномъ, попрежнему продолжали оставаться въ московской Русь и брать города одинъ за другимъ. На этотъ разъ во главѣ ихъ стоялъ знаменитый гетманъ Петро Конашевичъ Сагайдачный ³⁾, впоследствии прославившій себя какъ военнымъ, такъ и гражданскими дѣлами, дѣйствовавшій на Украинѣ за православную вѣру и народность одинаково искусно какъ саблей, такъ и перомъ. Выйдя съ «воинствомъ своимъ» изъ Кіева, онъ прошелъ на Путивль, Боховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, Меншовскъ, Серпейскъ, Лихвинъ, Черемынь, Калугу и «много по пути зла сдѣлалъ, пролилъ кровь христіанскую». Въ Калугѣ въ то время

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва. 1859. IX, 77.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва. 1859. IX, 77.

³⁾ Фамилія Сагайдачнаго восточная: «сагайдакъ» съ тюркскаго на русскій значить дикій козель, въ переносномъ значеніи — дукъ, обтянутый кожей дикаго козла; Конашевичъ означаетъ отчество отъ имени Кононъ или Конашъ. Родомъ Сагайдачный пазъ с. Вишенька близъ Самбора.

сидѣлъ воевода Артемій Измайловъ, который послалъ извѣстіе въ іюль мѣсяцѣ въ Москву о первомъ приступѣ къ городу Сагайдачнаго и о намѣреніи его вторично идти на Калугу. Въ то же время писалъ въ Москву и Нащокинъ съ извѣстіемъ о томъ, что черкасы имѣютъ намѣреніе идти къ Можайску. Тогда молодой царь, послѣ совѣта съ духовенствомъ и боярами, послалъ противъ Сагайдачнаго князя Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго да Михайла Матвѣевича Бутурлина. Воеводы двинулись по направленію къ Калугѣ, но черкасы и литовцы отступили къ Вязьмѣ и Дорогобужу, а потомъ, покинувъ и эти города, ушли въ Бѣлую. Воеводы пошли по слѣдамъ черкасъ и, подошедши къ Бѣлой, осадили ее. Черкасы и литовцы попытались сдѣлать вылазку, но эта вылазка была неудачна, и въ августѣ мѣсяцѣ они сдались русскимъ воеводамъ. Послѣ этого Сагайдачный со своимъ войскомъ повернулъ назадъ и пошелъ къ Кіеву черезъ курскій уѣздъ и черезъ вершиняу рѣки Псла, на Думчій курганъ. Дойдя до города Курска, онъ отирашилъ къ гражданамъ его двухъ человекъ съ объявленіемъ, что онъ ни городу, ни уѣзду не причинитъ никакого зла, о чемъ отдалъ приказъ своему воеводѣ ¹⁾.

---

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, IX, 36; Кіевская старина, 1886, январь. 201.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Начало дѣятельности гетмана Сагайдачнаго. — Взятіе запорожцами городовъ Кафы, Синопа, окрестностей Константинополя, Трапезонта и Варны. — Походъ запорожскихъ козаковъ подъ Перекопъ и свосеніе ихъ съ Москвою. — Участіе запорожцевъ въ сраженіи подъ Хотиномъ заодно съ поляками противъ турокъ и первенствующая роль въ этомъ гетмана Сагайдачнаго. — Неудачные походы запорожцевъ къ Очакову и въ Черное море въ 1621 году. — Походы запорожцевъ въ Молдавію въ 1622—1623 году, къ берегамъ Босфора, къ городамъ Синоду и Трапезонту. — Страшное пораженіе козаковъ на западномъ берегу Чернаго моря. — Условія, предъявленныя козаками польско-литовскому правительству въ 1625 году. — Появленіе въ Запорожѣ турецкаго царевича Ахив.

Возвратившись на Украину и въ Запорожье, козаки снова обратились къ своимъ прежнимъ дѣламъ, походамъ на Крымъ и Турцію. Еще въ 1612 году козаки, подъ начальствомъ Сагайдачнаго, пробрались Днѣпромъ и его широкимъ лиманомъ въ Черное море и причинили тамъ большія разоренія турецкому населенію, послѣ чего взяли намѣреніе идти на Волощину. Польскій король Сигизмундъ III, узнавъ объ этомъ, послалъ въ 1613 году козакамъ универсалъ съ требованіемъ немедленно оставить свои замыслы и не безпокоить своими набѣгами ни турокъ, ни волоховъ: «Услышавъ объ этомъ своевольномъ замыслѣ вашемъ, всѣ коронныя чины и вся Рѣчь-Посполитая, почти въ одинъ голосъ, горячо просили насъ обуздать и покарать это своевольство ваше: а потому, въ случаѣ вашего непослушанія, мы прикажемъ нашимъ старостамъ и всяческимъ властямъ истреблять насъ и карать на имущество, женахъ и дѣтяхъ вашихъ» ¹⁾.

Такия угрозы, однако, нисколько не дѣйствовали на козаковъ: козакъ, привыкшій уже къ своейволью во время походовъ въ московское государство и вывѣсть съ тѣмъ пріученные къ полной непослѣдовательности своего правительства, то поощрявшаго ихъ, въ случаѣ надобности, то останавливавшаго, въ случаѣ опасности,

¹⁾ Куляшъ. Исторія возсоединенія Русь, Спб., 1874, II, 182.

не обращали никакого вниманія на королевскіе универсалы. Въ 1613 году они успѣли два раза сходить въ Черное море и надѣлать много «шкодъ татарамъ, разоривъ нѣсколько городовъ въ Херсонесѣ таврическомъ». Противъ козаковъ выслана была турецкимъ султаномъ немалая водная арматa, галеры и чайки, къ очаковскому порту, мимо котораго пизовцы неминуемо должны были возвращаться назадъ. Но козаки, пользуясь ночнымъ временемъ, напали на безпечныхъ турокъ въ самомъ портѣ и разгромили ихъ, причѣмъ взяли не мало турецкихъ часекъ и шесть большихъ суденъ, галеръ, а о своей побѣдѣ донесли королю на сеймѣ, черезъ письмо и посольство, и коронному гетману Станиславу Жолкевскому. Не довольствуясь этимъ, козаки, вышедши изъ Запорожья въ немаломъ количествѣ войска, пошли «на власти» и стали причинять «всякое зло» и украинскому населенію. Они двигались къ волошской границѣ, ведя съ собой какого-то самозваннаго господарчика, и уже добрались въ имѣнія князей Збаражскихъ въ Брацлавщинѣ. Обыватели брацлавскаго воеводства обратились съ жалобой на козаковъ къ коронному гетману, чтобы онъ спасалъ ихъ отъ притѣсненій козацкихъ. Тогда гетманъ, желая предупредить опасность, какая угрожала Польшѣ отъ Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя намѣреніе подать помощь брацлавскому населенію, предупредилъ козаковъ черезъ ихъ же собственныхъ посланцевъ, и, собравъ роты, вышелъ на Украину. Козаки, узнавъ объ этомъ, повернули къ Днѣпру и, перейдя рѣку, расположились въ Переяславѣ ¹⁾).

Правительство турецкаго султана по поводу походовъ козаковъ обратилось за удовлетвореніемъ къ польскому послу Андрею Гюрскому, бывшему на ту пору въ Константинополѣ, но Гюрскій на предложенный ему запросъ отвѣчалъ, что козаки представляютъ изъ себя разбойническое и разноплеменное скопище русиновъ, москвитянъ, волоховъ и поляковъ, привыкшихъ, при случай, безчинствовать и не повиноваться ни королю, ни сейму Рѣчи-Посполитой.

Этотъ и предыдущіе отвѣты польскаго посла султану относительно набѣговъ козаковъ на турецкія земли ясно показываютъ, что въ Польшѣ на ту пору нуждались въ козакахъ и потому понасматривали сквозь пальцы на всѣ дѣйствія ихъ въ Крыму и Турціи.

Въ началѣ весны 1614 года козаки снова предприняли походъ

¹⁾ Кулшъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, II, 183, 184.

въ Черное море, но на этотъ разъ имъ не посчастливилось: на морѣ поднялась буря и разнесла ихъ въ разныя стороны, причѣмъ морская волна однихъ изъ нихъ потопила, другихъ выбросила на берегъ, гдѣ они были изловлены и побиты турками ¹⁾. Не смотря на это, въ томъ же году козаки, собравшись въ числѣ до 2.000 чело-вѣкъ, вновь выплыли въ Черное море: ими руководили бывшіе турецкіе невольники, украинцы - потурчаки, принявшіе исламъ («потурчившіеся») единственно изъ страха смерти, служившіе туркамъ, но потомъ съумѣвшіе обмануть турокъ и убѣжать на Украину. Они отлично знали всѣ входы въ побережные города Чернаго моря и предложили козакамъ руководить флотиліей. Козаки приняли предложеніе и, выплывши чайками въ Черное море, ударились къ берегамъ Малой Азіи или Анатоліи и пристали къ богатой, крѣпкой, людной и крѣпущей гавани Синопу, славившейся по всему востоку какъ богатствомъ своихъ жителей, такъ и прекраснымъ мѣстоположеніемъ и чуднымъ климатомъ и прозванной «городомъ любовниковъ». Пользуясь указаніями «потурчаковъ», козаки напали на городъ, разрушили замокъ, перерѣзали гарнизонъ, ограбили арсеналъ, сожгли нѣсколько мечетей, домовъ и стоявшія въ пристани суда, вырѣзали множество мусульманъ, освободили изъ неволи всѣхъ христіанъ и послѣ этого, причинивъ туркамъ, по исчисленію торговыхъ людей, на 40 милліоновъ злотыхъ убытку, поспѣшно ушли изъ города. Извѣстіе о взятіи Синопа произвело на турокъ оглушающее впечатлѣніе. Самъ султанъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ такой гнѣвъ, что приказалъ было казнить великаго визиря Насафъ-пашу и только по неотступной просьбѣ жены и дочери паша даровалъ ему на этотъ разъ жизнь, хотя не преминулъ исколотить его буздыганомъ, т. е. большой металлической булавой ²⁾. Но, не довольствуясь этимъ, султанъ послалъ румелійскаго беглербека Ахметъ-пашу претградить козакамъ дорогу и истребить ихъ всѣхъ до единого, гдѣ только они будутъ отысканы. Въѣхавъ съ этимъ «великій падишахъ» отдалъ приказаніе, для предупрежденія дальнѣйшихъ выходовъ козацкихъ въ Черное море, построить нѣсколько замковъ при впаденіи рѣки Дѣйфра въ море, о чемъ и извѣстилъ въ томъ же 1614 году польскаго короля Сигизмунда III, совѣтуя и ему, съ

¹⁾ Кулишъ, *Исторія возсоединенія Руси*, Спб., 1874, II, 185.

²⁾ Hammer, *Geschichte des osmanischen Reichs*, Pest, 1827, IV, 470.

своей стороны, принять соотвѣтствующія противъ козаковъ мѣры ¹⁾. Ахметъ-паша немедленно отправился къ устью Днѣпра и, имѣя при себѣ 4.000 янычаръ со множествомъ другого народа, расположился на урочищѣ Газилеръ-Геремихъ («Переправъ воинновъ») и сталъ приготовляться къ постройкѣ крѣпостей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ возвращенію козаковъ въ обратный путь отъ Синопа. Находясь нѣсколько времени на Переправѣ воинновъ, Ахметъ-паша потребовалъ у поляковъ съѣстныхъ припасовъ для продовольствія своего войска и необходимыхъ матеріаловъ для сооруженія замковъ. Польское правительство увидѣло въ этомъ стремленіе султана къ разрыву съ Рѣчью-Посполитою и исканіе расширить границы своихъ владѣній, а потому коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій поторопился выдти на южную границу Польши и держался тамъ въ теченіе нѣкотораго времени съ войскомъ ²⁾.

Между тѣмъ козаки, мало заботясь о томъ, что ожидало ихъ у Переправы воинновъ, шли моремъ въ обратный путь, а здѣсь для ихъ встрѣчи привезены были даже пушки изъ Бѣлограда и доставлены къ Очакову. Увидя во-очию грозу, козаки рѣшили пробиться сквозь турецкія галеры и сандалы и уйти вверхъ по Днѣпру. Когда они приблизились къ Переправѣ воинновъ, то на нихъ посыпались пули, ядра и стрѣлы, но они, не теряя мужества и противопоставляя янычарскимъ саблямъ и татарскимъ стрѣламъ собственное оружіе, двигались впередъ. Однако, уступая своимъ противникамъ и по силѣ, и по боевымъ средствамъ, козаки не выдержали натиска и были побѣждены своими противниками: часть изъ нихъ была убита, часть потоплена въ водѣ и только незначительное число, по донесенію Ахметъ-паши своему повелителю, прорвалось впередъ и ушло къ Черкасамъ и Каневу. Такъ разсказывается въ одномъ источникѣ объ этомъ дѣлѣ. Другой источникъ передаетъ объ этомъ нѣсколько иначе и приписываетъ пораженіе козаковъ у Переправы воинновъ великому визирю Насафъ-пашѣ. Чтобы заслужить милость своего повелителя, великій визирь посильнѣе послать къ устью Днѣпра Шахнака-Ибрагимъ-пашу съ нѣсколькими судами и отборнымъ войскомъ. Ибрагимъ-паша, бросившись въ открытое море, прошелъ незамѣченнымъ по морю и сталъ у днѣпровскаго устья раньше, чѣмъ прибыли туда ко-

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, II, 185.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, II, 186, 198.

заки. Но козаки, зная всѣ пріемы въ этомъ случаѣ, турокъ, взяли свои мѣры и, не доходя засады Ибрагимъ-паша, причалили къ берегу, вытанили на сушу свои чайки и понесли ихъ вдоль берега Днѣпра, чтобы потомъ снова спустить въ рѣку выше турецкой засады и продолжать свой путь вверхъ по Днѣпру. Турки, провѣдавъ объ этомъ, бросились на плѣнныхъ козаковъ и хотѣли перебить ихъ на мѣстѣ. Но имъ удалось изъ 2.000 человекъ козаковъ убить только 200 да 20 человекъ взять въ плѣнъ; остальные козаки, небросавъ нѣкоторую часть изъ своей добычи въ воду, съ лучинною добычею все-таки успѣли сѣсть въ лодки и уйти отъ турокъ. Зато взятые въ плѣнъ 20 человекъ козаковъ доставлены были Измаиль-пашой въ Константинополь и тамъ преданы были, въ присутствіи жителей Синопа, прибывшихъ съ извѣстіемъ о разореніи ихъ города козаками, мучительнымъ казнямъ ¹⁾.

Послѣ казни плѣнныхъ турецкое правительство послало извѣстіе Польшѣ, что оно готово отправить войска въ самую землю козаковъ, чтобы разъ навсегда прекратить выходы ихъ на море и набѣлы на турецко-татарскія земли. Въ Польшѣ нашли, что это будетъ нарушеніемъ существующаго между турками и поляками мира и отвѣтили въ Константинополь, что противъ козаковъ пойдеть самъ гетманъ Жолкевскій, турки же могутъ стать у днѣпрескаго лимана и истреблять тѣхъ изъ козаковъ, которые выскочутъ въ море ²⁾.

Но козаки мало обращали вниманія на всѣ угрозы со стороны турокъ и поляковъ и на «прѣсненіи» 1615 года снова выплыли на Черное море. На этотъ разъ они выплыли на 80 чайкахъ и, отважно пустившись въ открытое море, подошли къ окрестностямъ самой столицы султана, Константинополя, и заглянувъ пристани—Мизивну и Архіоки. Султанъ былъ близко возлѣ этихъ мѣстъ на охотѣ и увидѣвъ изъ своего окна дымъ отъ двухъ пылавшихъ пристаней. Оставивъ свою забаву, палилахъ въ гнѣвѣ бѣжалъ въ Царьградъ и приказалъ отправить противъ козаковъ армату. А козаки между тѣмъ безпечно продолжали свои грабежи и подъ конецъ, задавши «превеликій страхъ и смятеніе султану и всѣмъ цареградскимъ обывателямъ», покинули окрестности Царьграда и, гонимые турец-

¹⁾ Рукопись имп. публ. библ. разнояз. Л. Q. от. IV, 8, л. 132; Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 291; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. Спб. 1884. I. 61.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. Спб. 1884. I. 61.

кимъ флотомъ, направились къ устью Дуная. У устья Дуная между турецкой эскадрой и козацкой флотилией произошел бой и тутъ верхъ остался на сторонѣ козаковъ: турки потеряли почти все свои суда, изъ коихъ часть попала въ руки козакамъ, часть была пущена ко дну, часть разогнана по морю; самъ начальникъ турецкой эскадры былъ раненъ, попался въ плѣнъ и предлагалъ козакамъ 30.000 выкупу, но не дождался свободы и умеръ въ плѣну. Послѣ всего этого козаки благополучно поднялись въ устье Днѣпра и тутъ, идя вверхъ, сожгли подъ городомъ Очаковымъ отбитыя ими у турокъ галеры. Въ отмщенье за это, турецкій султанъ, въ августѣ мѣсяцѣ того же года, послалъ «татарскаго царя» съ войскомъ на Волынь и Подолію, опустошившаго и разорившаго тамъ много городовъ и селеній ¹⁾).

Не удовольствовавшись походомъ къ Константинополю, козаки, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, вторглись въ Волощину, и если турки не отомстили Рѣчи-Посполитої за этотъ походъ козаковъ, то тому было двѣ причины: во-первыхъ, война султана съ персидскимъ шахомъ, а во-вторыхъ, извиненіе, посланное польскимъ королемъ молдавскому господарю Томѣѣ.

Но все-таки этотъ походъ козаковъ въ Волощину такъ «глубоко запалъ въ душу» султана, что онъ отправилъ противъ нихъ двухъ предводителей—Али-пашу моремъ и Скиндеръ-пашу сухимъ путемъ ²⁾. Козаки, несколько не испугавшись султана, собрались, въ началѣ 1616 года, въ числѣ 2.000 человекъ и снова вышли, подъ начальствомъ Петра Конашевича Сагайдачнаго, Днѣпромъ противъ турокъ въ море. Напавъ въ лиманѣ днѣпровскомъ на Али-пашу, они разбили его на голову, взяли у него около полудюжата галеръ и около ста челноковъ, а самого его заставили бѣжать. Послѣ этого, очистивъ днѣпровскій лиманъ отъ враговъ, козаки бросились къ побережью Крыма, сожгли городъ Кафу и вывели изъ него на свободу множество христіанскихъ невольниковъ. Отъ Кафы, переплывъ поперекъ Черное море, они взяли направленіе къ берегамъ Малой Азіи и, благодаря сильному вѣтру, дошли до Минеры: отъ Минеры берегомъ добрались до Синока и Трапезонта и взяли приступомъ оба города, разбили пашу Цикаду, потопили три большихъ судна въ морѣ и, захвативъ нѣсколько

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Русн, Спб., 1874, II, 207.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Русн, Спб., 1874, II, 208.

турецкихъ судовъ, повернули назадъ. Узнавъ, однако, отъ кошевого атамана Бурдила о томъ, что Ибрагимъ-паша заступилъ имъ путь, козаки взяли направленіе подъ Бифорумъ, прошли въ Азовское море и очутились въ устьѣ Дона, а съ Дона направились пѣшкомъ домой. Между тѣмъ, Ибрагимъ-паша, не успѣвъ преградить путь козакамъ въ море, пробрался въ самыя пѣтри Запорожья, разорилъ тамъ нѣсколько куреней («домкі»), нашелъ двѣ-три пушки да десятка полтора чашекъ и, не встрѣтивъ тамъ никакого сопротивленія, потому что въ Сичѣ оставалось всего лишь нѣсколько сотъ козаковъ, да и то частью разбѣжавшихся въ разныя стороны, частью ушедшихъ раньше того «на влости», ушелъ на рѣчку Конскія-Воды. Въ это время на него наскочилъ возвращавшійся изъ похода Петро Сагайдачный, внезапно напалъ на татаръ, плѣнниковъ освободилъ, всю добычу отнялъ, а самихъ татаръ всѣхъ до одного истребилъ ¹⁾).

Извѣстіе о разореніи Кафы, Синопа и Трапезонта козаками видимо проникло далеко за предѣлы Турціи и стало извѣстно итальянскому священнику Отавіо Сипіенці, писателю первой половины XVII вѣка. По его показанію, козаковъ въ Запорожьѣ набиралось въ то время отъ 30.000 до 40.000 человѣкъ, они выставляли отъ 200 до 300 чашекъ, смѣло разбѣгали по Черному морю и въ 1616 и 1617 году съ успѣхомъ нападали на города Кафу, Синопъ и Трапезонтъ ²⁾. О взятіи Синопа запорожцами въ 1616 году свидѣтельствуетъ и турецкій путешественникъ XVII вѣка, Эвлия-эфенди, который говоритъ, что козаки взяли этотъ городъ въ одну темную ночь и что по этому случаю великій визирь Насиръ-паша (sic) былъ казненъ за то, что скрылъ этотъ фактъ передъ султаномъ ³⁾.

Послѣ взятія козаками Кафы, Синопа и Трапезонта турецкій султанъ снова послалъ грозную поту польской республикѣ и ко-

¹⁾ Баянъ-Каменскій, *Исторія Малой Россіи*, Москва, 1842, I, 163; Кулишъ, *Исторія возсоединенія Руси*, Спб., 1874, II, 208—210. Годъ взятія Кафы козаками у разныхъ изслѣдователей показанъ различно: у Максимовича 1606 (Собраніе сочиненій, I, 359); у Антоновича въ одномъ мѣстѣ 1616, въ другомъ и третьемъ 1606 (Историч. пѣсни мал. народа, I, 203, *Кіевская старина*, 1882, IV, 139, *Историч. дѣятели югозап. Россіи*, I, 4); у Костомарова 1616 (Д. Хмельницкій, 4-е изд. I, 64); у Кулиша 1616 (*Исторія возсоединенія Руси*, II, 209). Доводы въ пользу 1616 года см. въ приложеніи настоящаго тома.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, *Историч. пѣсни мал. народа*, I, 203.

³⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 172.

закамъ. На этотъ разъ угроза приведена была въ исполненіе, и крымскій ханъ вторгнулся съ многочисленной ордой на Украину, гдѣ произвелъ большое опустошеніе ¹⁾. Тогда польско-литовское правительство рѣшило собрать комиссію и изыскать мѣры для укрощенія козаковъ въ ихъ набѣгахъ на турецко-татарскія владѣнія.

Но пока составилаь эта комиссія, казаки вновь собрались въ походъ и рѣшили идти въ Черное море. На этотъ разъ у нихъ былъ гетманомъ Димитрій Богдановичъ Барабанъ ²⁾. Неизвѣстно, онъ-ли или кто другой руководилъ на этотъ разъ козаками, но только они, выплывъ въ море, добрались до самаго Константинополя и «тутъ замигали своими походными огнями въ окна самаго серали». Увидя это, султанъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ гнѣва противъ козаковъ и рѣшилъ послать большое войско, подъ начальствомъ Скиндеръ-пашы, на Украину съ цѣлью искоренить все козацкое населеніе ея и вмѣсто него посадить мусульманъ. Коронный гетманъ Йолкевскій, неуверенный въ благопріятномъ исходѣ войны, нашелъ за лучшее заключить миръ съ турецкимъ полководцемъ, и миръ произошелъ въ Бунгѣ, сентября 17 дня, 1617 года, по которому поляки обязывались непременно укротить козаковъ въ ихъ набѣгахъ на Крымъ и Турцію и за-казать имъ выходъ въ Черное море, въ противномъ случаѣ обѣщали всѣхъ ихъ истребить ³⁾.

Но истребить козаковъ полякамъ не пришлось, такъ какъ въ слѣдъ за бушинскимъ договоромъ казаки съ ихъ энергичнымъ и талантливымъ вождемъ, Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, понадобились польскому королевичу Владиславу въ борьбѣ съ московскимъ царемъ, и королевичъ открыто обратился съ просьбой о помощи къ козацкому предводителю.

Собравъ 20.000 человекъ малороссійскихъ козаковъ, между которыми, какъ и раньше, немало было и запорожскихъ козаковъ, гетманъ Петро Конашевичъ Сагайдачный въ началѣ августа 1618 года двинулся въ помощь Владиславу, держа направленіе къ Москвѣ. Но движеніе его было замедлено тѣмъ, что онъ рѣшилъ

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 65.

²⁾ Отъ гетмана Дмитрія Барабана дошелъ до насъ приказъ переяславской старшины о возвращеніи козаку Колушкевичу отнятой у него козаками Саченками земли.

³⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 66.

по пути взять нѣсколько городовъ и у нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣтилъ большое сопротивленіе. Прежде всего онъ взялъ и разорилъ города Путивль, Ливны и Елецъ, истребивъ въ нихъ много мужчинъ, женщинъ и дѣтей и предавъ огню нѣсколько церквей и монастырей. Въ зависимости отъ Сагайдачнаго дѣйствовалъ Михайло Дорошенко съ товарищами, который взялъ города Лебедянь, Данковъ, Скопинъ и Рязкій, побивъ въ нихъ множество мужчинъ, женщинъ, дѣтей «до сеющихъ младенцевъ»: а потомъ, возвратившись въ рязанскую область, предалъ огню много посадовъ, побилъ нѣсколько священниковъ и приступилъ было къ городу Переяславу, но былъ отбитъ и ушелъ къ Ельцу. Самъ Сагайдачный, взявъ Ливны и Елецъ, направился въ Шацкій и Данковъ и отсюда отправилъ впереди себя полковника Милостиваго съ 1.000 человекъ козаковъ подъ городъ Михайловъ (рязанской губерніи), приказавъ ему ворваться ночью въ городъ и взять его. Полковникъ Милостивый, долго замѣшканный вѣдствіемъ страшнаго грома и проливнаго дождя, успѣлъ придти къ городу только августа 12 дня, въ тотъ самый день, когда въ городъ Сапожковъ пришло 40 человекъ великорусскихъ ратныхъ людей. Послѣдніе, выйдя изъ Сапожкова города съ нѣсколькими обывателями его, не допустили Милостиваго до Михайлова «и побѣдили множество воюющихъ запорогъ». Послѣ неудачнаго приступа Милостиваго къ Михайлову, къ городу подошелъ самъ Сагайдачный и августа 17 дня осадилъ его со всѣхъ сторонъ, приказавъ стѣны города зажигать горящими ядрами, а въ самый городъ пускать множество стрѣлъ съ огнемъ. Приступъ продолжался въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей. Жители долго отбивались отъ козаковъ, но потомъ, изнемогая отъ усталости, помолились Господу Богу и пречистой Богородицѣ и, выйдя съ хощію и храбростію изъ города, съ крикомъ устремились на враговъ. Побивъ множество «запорогъ», они сожгли «всѣ пцты, штурмы и примѣты», заставили Сагайдачнаго отступитъ на время отъ города и тѣмъ привести его въ страшную ярость. Отступая отъ города, Сагайдачный объявилъ жителямъ его, что на слѣдующій день, утромъ, онъ возьметъ его, какъ птицу и предастъ огню, а всѣмъ жителямъ, отъ мала до велика, прикажетъ отсѣчь руку и ногу и бросить псамъ. Послѣ этого, заставивъ присягнуть всѣхъ козаковъ, не взявши города, не отходить отъ него и, изготовивъ пцты, штурмы и примѣты, Сагайдачный подступилъ вторично, августа 23 дня, къ го-

роду и со всѣхъ сторонъ обложилъ его снарядомъ. Жители города въ страхѣ ходили со всѣмъ клиромъ церковнымъ по городскимъ стѣнамъ съ иконами, молили съ плачемъ Господа Бога, владычицу Богородицу, архистратига Михаила да великаго чудотворца Николая объ избавленіи ихъ отъ страшнаго врага, и Господь Богъ вновь влилъ мужество въ сердца осажденныхъ: сдѣлавъ вылазку изъ города, они вторично ударили на козаковъ и прогнали ихъ отъ города: «И всенепобѣдимый врагъ Сагайдачный съ остальными запороги своими отъиде отъ града со страхомъ и скорбію августа въ 27 день, а жители богохранимаго града Михайлова совершаютъ по вся лѣта торжественныя празднества въ тѣ дни, въ первый приступный день, августа въ 17 день, чудо архистратига Михаила, а объ отшествіи отъ града запорогъ августа въ 27 день празднуютъ великому чудотворцу Николай»¹⁾).

Оставивъ городъ Михайловъ, Сагайдачный направился къ Москвѣ, а между тѣмъ царь, услыжавъ о его движеніи, выслалъ сперва противъ него князя Пожарскаго, но когда Пожарскій сильно заболѣлъ, то вмѣсто него назначилъ князя Григорія Волконскаго, которому приказано было стать въ Колодѣ и не пропускать Сагайдачнаго черезъ рѣку Оку. Однако, Волконскій не смогъ исполнить царскаго приказанія, и сентября 17 дня Сагайдачный уже стоялъ въ Бронницахъ (коломенскаго уѣзда), а сентября 20 дня соединился у Донскаго монастыря съ войскомъ польскаго королевича Владислава. Высланные изъ Москвы посолы для того, чтобы препятствовать соединенію королевича съ гетманомъ, возвратились назадъ ни съ чѣмъ, потому что, по словамъ лѣтописца, на нихъ напалъ великій ужасъ. Послѣ этого октября 1 дня началась осада Москвы со стороны Владислава и гетмана Сагайдачнаго. Въ это время съ той и другой стороны выказано было много мужества и стойкости, и поэтому обѣ стороны не разъ открывали мирныя переговоры; въ концѣ октября, вслѣдствіе наступившихъ сильныхъ холодовъ, королевичъ снялъ осаду и отступилъ сперва къ Троицко-Сергіевскому монастырю, а потомъ къ селу Рогачеву, въ 12 верстахъ отъ монастыря. Гетманъ же Сагайдачный, покинувъ Москву, направился къ Калугѣ и по дорогѣ взялъ острогъ въ Серпуховѣ, потомъ взялъ острогъ въ самой Калугѣ. Между тѣмъ польскіе депутаты, много

¹⁾ Киевская старина, 1885, № 12, 684—689.

разъ вступавшіе въ мирные переговоры съ русскими, на этотъ разъ сошлись въ селѣ Деулинѣ, близъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, и снова открыли переговоры. Кромѣ разныхъ другихъ пунктовъ, на чемъ не сходились обѣ стороны, большое затрудненіе представляли запорожскіе козаки: поляки не ручались, чтобы они, послѣ объявленія мирнаго договора, захотѣли оставить московскую землю. Самъ Сагайдачный, узнавъ объ открывшемся трактатѣ между поляками и русскими, послалъ къ Владиславу козака Путильца и совѣтовалъ королевичу не выходить изъ предѣловъ московскаго царства, но перемиріе состоялось и заключено было на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ ¹⁾. Сагайдачный возвратился изъ московскаго похода въ Кіевъ и принялъ титулъ «гетмана» Украйны, сдѣлавшись управителемъ той части Украйны, которая признала себя козацкой. Съ этихъ поръ разница между запорожскими и городскими козаками еще рѣзче обозначилась, а вмѣстѣ съ этимъ и исторія тѣхъ и другихъ стала рѣзче отклоняться въ разныя стороны.

Во времени пребыванія Сагайдачнаго въ предѣлахъ московскаго государства, а именно къ 1618 и 1619 году, относится указаніе о лишеніи свободы московскимъ правительствомъ 40 человекъ «выбѣжихъ запорожскихъ черкасъ» и «запорожскаго атамана» Михайла Скибы. Гдѣ и за что они были взяты, неизвѣстно, но извѣстно лишь то, что они были взяты и поверстаны въ томскіе козаки съ измѣненіемъ ихъ именъ и фамилій малороссійскихъ въ великороссійскія. Такъ, самъ атаманъ Михайло Скиба переименованъ былъ въ Михалку Скибина и далъ Сибири сына Оседора Скибина, въ свое время извѣстнаго сибирскаго путешественника ²⁾.

Послѣ деулинскаго перемирія, когда на западной границѣ московскаго государства объявился царевичъ Иванъ Дмитріевичъ, назвавшійся сыномъ Дмитрія-перваго, тогда нѣкоторые изъ московскаго народа стали сноситься съ запорожцами. Но польскій

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, IX, 127, 128, 136. Другія обстоятельства жизни и дѣятельности гетмана Сагайдачнаго относятся къ исторіи малороссійскихъ, а не запорожскихъ козаковъ и изложены въ монографіи М. А. Максимовича въ «Собраніи сочиненій».

²⁾ Записки западно-сибир. отд. рус. геогр. общ., кн. XIV, вып. I, Омскъ, 1893, 8, 21.

король, узнавъ объ этомъ, предостерегъ козаковъ, чтобы они не шли ни на какія выдумки и развѣхались бы съ границъ ¹⁾).

Оставивъ окончательно московскую землю, козаки снова обратили свое вниманіе на Низъ Днѣпра и предприняли рядъ набѣговъ на татарско-турецкія владѣнія и на этотъ разъ совмѣстно дѣйствовали, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ собственно запорожскіе, такъ и украинскіе козаки, а потому извѣстія этого времени, относящіяся къ однимъ, нужно принимать за извѣстія, касающіяся и другихъ. Собравшись въ одно, козаки прежде всего опустошили европейское побережье Турціи на Черномъ морѣ и взяли турецкій городъ Варну, про которую потомъ сложили пѣсню. «Була Варна здѣвна славна, славнишъ Варны козакі» ²⁾; потомъ ударились сухонутьемъ подъ Перекопъ и побили тамъ множество татаръ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, 1620 года, въ Москву явился атаманъ низовыхъ козаковъ, въ качествѣ посланца Петра Копашевича Сагайдачнаго. Петро Одинецъ съ товарищами и разсказалъ о всѣхъ подвигахъ козаковъ этого времени, выразивъ полную готовность со стороны гетмана служить московскому царю. «Въ нынѣшнемъ, 1620 году, прислали къ царскому величеству отъ всего войска посланцевъ своихъ Петра Одинача съ товарищами и съ грамотой, а въ грамотѣ своей царскому величеству писали и въ рѣчи приказнымъ людямъ посланцы говорили, что гетманъ, атаманы, сотники и все войско, памятуя то, какъ предки ихъ, всѣ запорожскіе гетманы и все войско прежнимъ великимъ государямъ повинность чинили и имъ служили и за свои службы милость и жалованье себѣ имѣли, такъ въ той же повинности и нынѣ царскому величеству хотятъ быть и за порогами будучи службу хотятъ противъ всякихъ непріятелей оказывать; и нынѣ ходили на татарскіе улусы, и многихъ татаръ побили и въ полонъ поимали, а было ихъ съ 5.000 человекъ, было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопа подъ самую стѣною; татаръ было на Перекопѣ съ 7.000 человекъ, а на заставѣ съ 11.000; божіею милостію и государевымъ счастьемъ, татаръ они многихъ побили, народъ христіанскій многій изъ рукъ татарскихъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, IX, 186, 187.

²⁾ У Антоновича взятіе Варны отнесено къ 1605 году и приписывается гетману Сагайдачному, но Костомаровъ относитъ взятіе Варны къ 1620 году и первое появленіе Сагайдачнаго въ качествѣ козацкаго предводителя ставитъ подъ 1612 годомъ: Богданъ Хмельницкій, I, 68, 59; Истор. дѣятели, I, 4.

высвободили: съ этою службою и съ языками татарскими присланы они къ государю: воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожелаетъ, а они всеми головами своими хотятъ служить его царскому величеству и его царской милости къ себѣ нынѣ и впередъ нехатъ хотятъ». Думный дьякъ Грамотинъ, похваливши козаковъ за службу, задалъ посланцу ихъ такой вопросъ: «Здѣсь въ російскомъ государствѣ слухъ было прошеся, что польскій Жигимонтъ король учинился съ турками въ миру и въ дружбѣ, а на ихъ вѣру хочетъ поступить, такъ они бы объявили, какъ польскій король съ турками, папою и цесаремъ? и на вѣру отъ поляковъ какого посяганья вѣтъ-ли?»—«Посяганья на насъ отъ польскаго короля никакого не бывало; съ турками онъ въ миру, а на море намъ на турецкихъ людей ходить запрещено изъ Запорожья, но изъ малыхъ рѣчекъ ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаемъ, а на Крымъ намъ ходить не заказано. На весну все мы идемъ въ Запорожье, а царскому величеству все бьемъ челомъ, чтобъ насъ государь пожаловалъ, какъ своихъ холопей».

Отпуская Петра Одница изъ Москвы, царь послалъ Сагайдачному 300 рублей легкаго жалованья и написалъ ему въ грамотѣ такъ: «Впередъ мы васъ въ нашемъ жалованьи забвенныхъ не учинимъ, смотри по нашей службѣ; а на крымскіе улусы пыть васъ не посылаемъ, потому что крымскій царь Джанибекъ-Іерай самъ, царевичи, князья и мурзы на наши государства войною не ходятъ и людямъ нашимъ шкодъ никакихъ не чинятъ и наши люди также крымскимъ улусамъ шкодъ не дѣлаютъ» ¹⁾).

Походы козаковъ закончились блестящею побѣдой гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, въ 1620 году, надъ турками подъ Хотиномъ. Для этой рѣшительной войны вышелъ самъ султанъ Османъ съ полумилліонной арміей, готовясь раздавить Польшу и обратить ее въ турецкую провинцію. Поляки полумилліонной арміи турецкой могли противопоставить всего лишь 57.000 человекъ подъ начальствомъ королевича Владислава и короннаго гетмана Хоткевича. Видя страшную грозу, Владиславъ, какъ и во время московскаго похода, лично обратился къ Сагайдачному съ просьбой о помощи. Но гетманъ не сразу исполнилъ просьбу царевича: онъ поставилъ для того слѣдующія условія: во-первыхъ,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879. X, 85; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, III, 215.

чтобы польское правительство официально признало власть козацкого гетмана на Украинѣ; во-вторыхъ, отхлѣнило всѣ стѣснительныя распоряженія относительно козачества; въ-третьихъ, уничтожило бы должность козацкого старшого. Королевичъ на все это согласился и выдалъ Сагайдачному козацкого старшого Породашу ¹⁾. Послѣ этого Сагайдачный собралъ армию въ 40.000 человекъ и двинулся къ Хотину.

Свидѣтель козацкихъ подвиговъ, польскій вождь Яковъ Собѣскій, отецъ Яна Собѣскаго, потомъ польскаго короля, подробно изобразилъ дѣйствія козаковъ этого времени, а также представилъ любопытную характеристику ихъ въ своемъ сочиненіи «Записки о хотинской войнѣ» ²⁾. Впрочемъ, Яковъ Собѣскій склоненъ былъ больше къ козакамъ стараго времени, «когда они съ частою удачею сражались противъ турокъ на поляхъ очаковскихъ и, предпочитая славу богатству, не переставали морскими набѣгами опустошать турецкія владѣнія». Къ козакамъ же болѣе поздняго времени онъ относился не столь сочувственно: «Съ теченіемъ времени уже воинами назывались не изъ храбрости и не по заслугамъ, а по своимъ злодѣяніямъ: умѣренность перешла у нихъ въ грабежъ, порядокъ—въ бореніе, покорность—въ своеволие, тогда названіе козака давали всякому земледѣльцу или ремесленнику, бѣглому изъ русскихъ владѣній; эта слабая деревенская толпа не могла устоять старыхъ воиновъ, и пропешедшіе оттого зависть и раздоръ возмутили древній составъ козачества». Не слѣдуетъ забывать однако, что это писалъ польскій аристократъ и католикъ, т.-е. представитель всего того, что носило званіе мужицкаго и прарославнаго. Какъ мало вяжется характеристика близкихъ ко времени Якова Собѣскаго козаковъ, видно изъ ихъ дѣйствій подъ Хотинъ: козакамъ всецѣло принадлежитъ успѣхъ этой битвы съ турками и спасеніе черезъ то отъ страшнаго бѣдствія, грозившаго всей Польшѣ. Передъ началомъ битвы запорожскіе козаки заключили свое войско въ обозы, обозы обвели каналами, укрѣпили колами и защитили валами. Турки и татары, приблизившись къ козацкому обозу, осьмага сентября, бросились со всѣмъ пыломъ восточныхъ людей на этотъ обозъ. Козаки допустили ихъ прибли-

¹⁾ Антоновичъ и Бецъ, Историческіе дѣятели югозап. Россіи, I, 7.

²⁾ Записки эти напечатаны въ 1646 году въ Данцигѣ подъ названіемъ «Commentariorum Chotinensis belli libri tres»; часть ихъ напечатана въ Черниговскихъ губерніяхъ вѣдом., 1849, ноября и декабря.

зяться ко рву, но потомъ, взойдя на валы, дали такой сильный и мѣткій залпъ изъ своихъ мушкетовъ, что непріатели тотъ же часъ бросили свою позицію и отступили назадъ, оставивъ въ самыхъ фоссахъ (ямахъ) 3.000 человекъ янычаръ и 300 человекъ ишаговъ убитыми ¹⁾. Въ этой войнѣ запорожскіе козаки выступили героями и, забывши различіе между вѣрою и народностью, вслѣдъ выручали изъ бѣды поляковъ, какъ о томъ пишетъ самъ Яковъ Собіскій. Но въ этой же войнѣ самъ Сагайдачный получилъ тяжкую рану, отъ которой потомъ черезъ годъ умеръ (апрѣля 10 дня, 1622 года) и былъ погребенъ въ Києвѣ, въ богоявленской церкви Братскаго монастыря. «Но мѣсто его могилы напрасно искалъ-бы теперь любитель мѣстной старины: при перестройкѣ церкви въ началѣ XVIII столѣтія она пришла въ похищеніе новой стѣны храма и исчезла отъ взоровъ потомства» ²⁾.

Вслѣдъ благодарности, которую козаки по справедливости заслужили за походъ подъ Хотинъ, на хотинскомъ мирѣ Польша обязалась воспретить козакамъ выходить въ Черное море, за что султанъ обѣщалъ не пускать своихъ татаръ въ польскія украины.

Но козаки, какъ и прежде, мало обращали вниманія на это запрещеніе.

Одновременно съ дѣйствіями Сагайдачнаго подъ Хотиномъ дѣйствовали на морѣ 10.000 человекъ отважныхъ запорожцевъ подъ предводительствомъ молодого Богдана Зиновія Хмельницкаго. Спустившись Днѣпромъ на своихъ «моноксилахъ» въ открытое море, въ августѣ мѣсяцѣ 1621 года, запорожцы разбили 12 турецкихъ галеръ, а остальную турецкую флотилію преслѣдовали до самаго Константинополя, послѣ чего, захвативъ добычу и плѣнниковъ, вернулись назадъ ³⁾.

Въ томъ же 1621 году козаки снова вышли на лиманъ и въ Черное море. Но этотъ походъ былъ самый несчастный для козаковъ: на Дибирѣ, въ числѣ восемнадцати часекъ, они изловлены были нахѣстникомъ Очакова, Хусайномъ, а на Черномъ морѣ, въ числѣ 200 человекъ, и у города Кафы, въ числѣ 300 человекъ, взяты были капитанъ-нашой Хализемъ. Въ это время турецкій султанъ, Османъ II, стоялъ у Исакии, на Дунаѣ, въ

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, I, 38; Дневникъ Титлевскаго, 13, 14.

²⁾ Антоновичъ и Бецъ, Историческіе дѣятели югозап. Россіи, I, 7.

³⁾ Вельчко, II, 381; Антоновичъ и Бецъ, Историческіе дѣятели, I, 9.

виду похода на Русь. Онъ приказалъ 200 пойманныхъ козаковъ отдать солдатамъ на смерть, и несчастные были преданы лютой смерти: одни раздавлены ногами слоновъ, другіе повѣшены на крюки, а третьи посажены на колъ. Самъ султанъ смотрѣлъ на эти казни и иногда принималъ въ нихъ даже активное участіе: разъѣзжая на конѣ возлѣ истязуемыхъ козаковъ, онъ стрѣлялъ въ нихъ изъ лука, не дѣлая почти никакого промаха, потому что былъ искуснымъ стрѣлкомъ своего времени, а головы убитыхъ козаковъ приказывалъ солить и отправлять въ Константинополь ¹⁾.

Не смотря на это, низовые козаки въ 1622 году снова вышли на своихъ «монокенлахъ» въ Черное море, захватили тамъ нѣсколько турецкихъ кораблей, каторгъ и людей и благополучно ушли назадъ ²⁾.

Въ этомъ же году, въ концѣ іюля мѣсяца, по извѣстію московскихъ пословъ Кондырева и Бормосова, ѣхавшихъ черезъ земли донскаго войска въ Константинополь, запорожскіе козаки, вѣстѣ съ донскими, въ числѣ 700 человекъ на 25 стругахъ, подъ начальствомъ запорожскаго атамана Шила, ходили въ открытое море и, не дошедъ до самаго Царьграда на разстояніи полутора дня, повоевали въ царьградскомъ вылазѣ нѣсколько селъ и деревень, а также поѣхали нѣсколько людей, но противъ нихъ вышли изъ Царьграда турки на каторгахъ и побили у козаковъ около 400 человекъ. Вѣроятно, этотъ походъ козаковъ разумѣть и историкъ турецкой имперіи Гаммеръ, который говоритъ объ особенно радостной встрѣчѣ турецкимъ султаномъ Реджебъ-ханомъ, захватившаго на морѣ 18 часкъ и 500 человекъ козаковъ, грабившихъ въ теченіе 10 лѣтъ турецкіе берега ³⁾.

Оставивъ Донъ, московскіе послы отправились въ Константинополь. Въ Константинополѣ султанъ Мустафа объявилъ посламъ о перемиріи своемъ съ поляками на тѣхъ условіяхъ, что они будутъ удерживать козаковъ отъ походовъ на море, въ противномъ случаѣ, если хотя одинъ стругъ козацкій покажется въ морѣ, то султанъ начнетъ съ королемъ войну и дастъ о томъ извѣстіе въ Москву. На обратномъ пути послы были задержаны, подъ черкасскимъ

¹⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 526—528.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 381.

³⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 565.

городомъ Темрюкомъ, запорожцами, потребовавшими съ нихъ 2.000 золотыхъ за погромъ донскими козаками близъ Темрюка комяговъ и за илѣненіе сына воеводы таманскаго. Едва откупившись отъ запорожцевъ подарками, послы ушли потомъ изъ Темрюка въ Азовъ ¹⁾).

Въ 1622—1623 году нѣсколько тысячъ человѣкъ козаковъ вторглись въ Молдаво-Валахію и подвергли ее разоренію, чѣмъ вызвали месть со стороны мурзы Кентемира, опустошившаго нѣсколько польскихъ селеній и взявшаго съ собою множество илѣнниковъ ²⁾). Въ томъ же году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, козаки на ста чайкахъ съ пятьюдесятью воинами и двадцатью гребцами въ каждой выбрались изъ Запорожья и пустились въ Черное море. Въ то время въ крымскомъ городѣ Кафѣ стоялъ турецкій флотъ съ Кануданъ-пашой во главѣ, посланный туда для усмиренія поднятаго ханомъ Мухаммадъ-Гераемъ возстанія въ Крыму противъ турецкаго управленія. Кануданъ - паша хотѣлъ посадить на крымскій престолъ вмѣсто Мухаммадъ-Герая Джанибекъ-Герая: по этому воспротивились Мухаммадъ-Герей и братъ его Шагинъ-Герей. Последнимъ оказали помощь запорожскіе козаки; они осадили въ Кафѣ турокъ и принудили ихъ войти въ мирную сдѣлку съ Мухаммадъ-Гераемъ. Сдѣлавъ свое дѣло въ Кафѣ, козаки двинулись дальше по морю и скоро добрались до окрестностей симаго Константинополя. Весь день іюля 21 числа они простояли въ виду столицы султана, наводя страхъ на жителей ея, и повернули назадъ съ тѣмъ, однако, чтобы черезъ нѣсколько дней снова явиться къ стѣнамъ столицы падишаха. На этотъ разъ они сожгли босфорскій маякъ, разорили нѣсколько прибрежныхъ селеній и снова отошли въ открытое море. Спустя два мѣсяца послѣ этого, октября 7 дня, козаки опять явились въ виду Константинополя; они ворвались въ самый Босфоръ, разгромили на берегу его селеніе Еникѣй и послѣ этого благополучно возвратились домой ³⁾).

Въ 1624 году, іюня 21 дня, низовые козаки снова очутились на Черномъ морѣ. Они выплыли на 150 длинныхъ, быстро несущихся на парусахъ и на веслахъ, чайкахъ, съ десятью веслами на каждомъ боку, по два гребца на весло и, кромѣ того, съ 50

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, 273, 275, 277, 279.

2) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Сиб., 1884, I, 71.

3) Смирновъ, Крымское ханство, С.-Петербургъ, 1887, 493.

хорошо вооруженныхъ саблями и ружьями воиновъ; чайки эти имѣли одинаково устроенные корму и носъ и переносныя кормила и оттого могли, не поворачиваясь, плыть впередъ и назадъ. Сидя на этихъ чайкахъ, козаки опустошили европейскій берегъ Турціи, сожгли Буюкъ-дере, Зенике и Сдегну. На встрѣчу и для удержанія козаковъ отъ дальнѣйшихъ движеній выскочило изъ гавани Константинополя до 500 большихъ и малыхъ судовъ. Для защиты столицы отъ страшныхъ хищниковъ вѣрно было отправить къ слесарямъ Босфора большую желѣзную цѣпь, некогда зашпавшую Босфоръ и сохранявшуюся еще со времени взятія у грековъ Константинополя, и ею запретъ проливъ отъ одного берега къ другому. Козаки спокойно простояли весь день посреди канала, а съ заходомъ солнца, одобычившись богатою добычей, ушли въ открытое море. Черезъ нѣсколько времени они снова и въ гораздо большемъ числѣ показались у начала Босфора, сожгли морскую маякъ и послѣ того съ большой добычей и славою возвратились къ своимъ берегамъ ¹⁾).

Въ 1625 году запорожскіе козаки въ союзѣ съ донскими снова повторили свой походъ. Собравшись въ числѣ 15.000 человекъ, они сѣли на 300 чаетъ, вооружили каждую чайку тремя или четырьмя фальконетами и пустились въ море, по направленію къ городамъ Синопу и Трапезонту. Противъ козаковъ вышелъ на 43 судахъ, турецкій адмиралъ Реднидъ-паша и схватился съ ними на западномъ берегу Чернаго моря, при Карагманѣ. Сраженіе было упорное и чрезвычайно кровопролитное: сперва брали верхъ козаки надъ турками; они съ особеннымъ ожесточеніемъ дѣйствовали послѣ адмиральской галеры, называемой баншардою: имъ помогали гребцы-невольники тѣмъ, что, бросивъ весла, перестали управлять галерами. Но побѣда все-таки осталась на сторонѣ турокъ, благодаря противному вѣтру, подъ конецъ подувшему въ глаза козакамъ: 270 чаетъ козацкихъ было разбито, 780 человекъ козаковъ попались въ плѣнъ, были скованы желѣзани и посажены на турецкія галеры въ качествѣ вѣчныхъ весельщиковъ.

Нужно думать, что именно къ этому походу запорожскихъ и донскихъ козаковъ къ Синопу и Трапезонту относится показаніе запорожскаго полковника Алексѣя Шафрана. Алексѣй Шафранъ

¹⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, V, 43—45.

былъ семь лѣтъ въ турецкой неволѣ и служилъ у кафинскаго воеводы на каторгѣ (галерѣ); потомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами, освободился изъ неволи и ушелъ на Донъ. На Дону онъ прожилъ 18 лѣтъ, съ другими товарищами, запорожскими козаками, прожившими тамъ по 5 и по 6 лѣтъ; всехъ запорожцевъ, по словамъ Шафрана, на Дону около 1.000 человекъ, но зато и донцевъ не мало въ Запорожьяхъ; козаки постоянно переходятъ другъ къ другу: запороженіе на Донъ, донскіе на Запорожье и живутъ другъ у друга столько, сколько кому пожелается; у запорожцевъ и донскихъ козаковъ издавна повелось такъ, что и тѣ и другіе сходились вмѣстѣ и жили въ общихъ куреняхъ. Въ нынѣшнемъ лѣтѣ (1625) ходили они, запорожскіе черкасы и донскіе козаки вмѣстѣ заодно, на море: старшиной у нихъ былъ онъ, Алексѣй Шафранъ; вышли же они изъ Дона на море и взяли въ турецкой землѣ городъ Трапезонтъ. Послѣ похода Алексѣй Шафранъ вернулся снова на Донъ и потомъ въслѣдствіи отправился съ Дона въ Кіевъ, но сбился съ пути и попалъ въ городъ Валуйки, а изъ Валукъ отосланъ былъ въ Москву. Въ Москвѣ Алексѣя Шафрана заподозрили въ тайныхъ намѣреніяхъ и указали на то, что городъ Валуйки вовсе не былъ по дорогѣ ему: «съ Дона на Запорожье и изъ Запорожья на Донъ ходятъ степью, избѣгая Дона, на Кармію (Калміусъ) и на Мохъ». Но случившіеся на ту пору въ Москвѣ дощцы подтвердили, что дѣйствительно между запорожскими и донскими козаками бываютъ постоянныя сообщенія и ѣздятъ съ Дона на Запорожье черезъ Міусъ да на Мохъ¹⁾.

Такъ или иначе, но о дѣйствіяхъ козаковъ на Черномъ морѣ донесено было турецкому султану въ Константинополь, и султанъ немедленно отправилъ въ Краковъ посла съ требованіемъ обязательно укротить козаковъ, въ противномъ случаѣ грозилъ войной Польшѣ²⁾. Дѣло касалось, разумеется, одинаково какъ запорожскихъ, такъ и украинскихъ козаковъ.

Но козаки мало обращали вниманія и на самую Польшу. Въ 1625 году они отправили отъ себя къ польскому правительству депутатовъ, черезъ которыхъ, отъ лица всего козацкаго сословія, предъявили ему такія требованія: 1) свободу православной церкви и

¹⁾ Кудинъ. Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, I, 290—294.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 73; Болланъ, Описаніе Украйны, 64.

православиаго духовенства и уничтоженія уни; 2) спокойное про-
 ливаніе козацкаго сословія въ коронныхъ и дѣдичныхъ имѣніяхъ
 кіевскаго воеводства; 3) козацкій самосудъ и право передачи соб-
 ственныхъ имуществъ по завѣщанію; 4) свободное хожденіе на рыб-
 ные и звѣриные промыслы; 5) право вступленія въ службу иностран-
 ныхъ государей; 6) прибавку войскового жалованья; 7) исключе-
 ніе кіевскаго воеводства отъ постоя жолнѣровъ; 8) выдачу при-
 виллегій на кіевское братство и юношескія школы; 9) право, въ
 случаѣ какихъ-либо преступленій, не раздавать имуществъ лицамъ,
 не козацкаго сословія ¹⁾).

Изъ всѣхъ девяти пунктовъ козаки особенно настаивали на
 первомъ, т.-е. на свободѣ православія и уничтоженіи уни. Какъ
 твердо они стояли на этомъ, видно изъ того, что когда козаки
 узнали о дѣйствіяхъ кіевскаго войта, Оедора Ходьки, запечатав-
 шаго въ это время нѣсколько православныхъ церквей въ Кіевѣ,
 то поспѣшно явились въ городъ, убили папа Ходьку, церкви рас-
 печатали, а въ Москву отправили посольство съ просьбой о приня-
 тіи козаковъ подъ покровительство царскаго величества ²⁾).

Когда происходило это дѣло въ Кіевѣ, въ это время къ низо-
 вымъ козакамъ явился какой-то царевичъ Александръ Ахія, вы-
 дававшій себя за человека православной вѣры, сына турецкаго
 султана Магомета и жены его гречанки Елены. Пріѣхавъ въ За-
 порожье въ 1625 году, Ахія рассказывалъ, что онъ вывезенъ изъ
 Турціи своею матерью и успѣлъ побывать у германскаго импера-
 тора, герцога флорентійскаго и короля испанскаго, а подъ конецъ
 пріѣхалъ и къ запорожскимъ козакамъ съ цѣлью поднять ихъ про-
 тивъ турокъ ³⁾).

Почти одновременно съ этимъ прибыло посольство въ Москву
 отъ шведскаго короля, Густава-Адольфа, съ просьбой, «чтобъ цар-
 ское величество послалъ къ запорожскимъ козакамъ свое повелѣ-
 ніе и отвелъ бы ихъ отъ польской короны». На эту просьбу въ
 Москвѣ отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя, потому что запорож-
 скіе козаки люди польскаго короля, а не московскаго государя, а
 между королемъ и государемъ заключено перемиріе. Но Густавъ-
 Адольфъ на этомъ не остановился, и въ 1626 году прислалъ въ

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 74—75.

²⁾ Костомаровъ, I, 76; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, X, 87.

³⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1625 годъ, № 2, св. № 1.

Москву новыхъ пословъ съ просьбой пропустить ихъ въ Бѣлорусію и Запорожье. Король велѣ войну противъ Польши и хотѣлъ вовлечь въ это дѣло и Москву, а главнымъ образомъ—запорожскихъ козаковъ. Но въ Москвѣ снова дали отрицательный отвѣтъ все на томъ же основаніи, что «въ перемирныя лѣта сдѣлать этого (пропустить пословъ и встать противъ Польши) нельзя, потому что это будетъ крестному цѣлованію преступленіе и на душу грѣхъ»¹⁾.

Между тѣмъ въ Запорожьи возлѣ находившагося тамъ турецкаго «царевича» Ахія собрались было козаки съ цѣлью похода на турокъ, но въ это время пришла вѣсть, что противъ самихъ козаковъ выступилъ, держа направленіе къ Кіеву, гетманъ Конецпольскій съ войскомъ. Тогда козаки разошлись изъ Запорожья по литовскимъ городамъ и стали собираться противъ Конецпольскаго, а царевичъ Ахія уѣхалъ сперва въ Кіевъ, потомъ въ Путивль и Мценскъ, а изъ Мценска черезъ Архангельскъ за границу²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 177—179.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, X, 95.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Походъ Конецпольскаго противъ козаковъ и дѣйствія противъ поляковъ гетмана Жмайла. — Курнукское дѣло въ 1626 году. — Выходъ запорожцевъ въ 1629 году къ Константинополю. — Пребываніе гетмана Тараса Трясила въ Запорожьѣ. — Сраженіе Конецпольскаго съ Трясилою подъ Переяславомъ. — Походъ запорожцевъ подъ начальствомъ Сулимъ на Черное море. — Миръ Польши съ Турціей въ 1634 году и средства для удержанія козаковъ отъ набѣговъ на мусульманъ. — Построеніе крѣпости Кодака и разрушеніе ея Сулимой. — Походъ запорожцевъ подъ Азовъ. — Дѣйствія Павлюка, Гуня и запорожцевъ противъ поляковъ. — Печальное дѣло козаковъ съ поляками у устья Старины въ 1633 году. — Неудачный походъ запорожцевъ къ устью Кубани. — Прекращеніе извѣстій о козацкихъ походахъ.

Вмѣсто удовлетворенія на всѣ девять пунктовъ, предъявленныхъ козаками польскому правительству, на нихъ посланъ былъ съ 30.000 войскомъ коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій съ приказаніемъ смирить «бунтовщиковъ» оружіемъ. Очевидно, теперь поляки уже не нуждались въ козакахъ ни для похода въ Россію и Ливонію, ни для войны Польши съ турками и татарами, а потому въ отношеніи «бунтовщиковъ» можно было взять уже другой тонъ и призвать ихъ «къ порядку». На ту пору у козаковъ гетманомъ былъ какой-то Жмайло. Конецпольскій вынелъ въ походъ 5 іюля 1625 года и, [переправившись черезъ Бугъ,] прошелъ на Паволочъ и рѣчку Роставицу, гдѣ съ нимъ соединился подкоморій каменецкій Потоцкій; отъ Роставицы гетманъ взялъ направленіе черезъ рѣчку Каменицу и мимо Вѣлой-Церкви и остановился въ одной милѣ отъ Канева. Въ это время къ коронному гетману явились три посла отъ каневскихъ козаковъ, извѣщая, что «гетманъ» ихъ, Жмайло, находится на Запорожьѣ и проситъ, чтобы поляки не дѣлали на козаковъ нападенія въ городѣ и дали бы имъ безопасно собрать у себя раду. Конецпольскій исполнилъ просьбу козаковъ, но когда открылась рада и поднять былъ вопросъ о томъ, какъ принять короннаго гетмана, т.-е. идти-ли къ нему съ повинной или же оставаться на мѣстѣ, то послѣ совѣта отдѣли-

лось 3.000 человекъ козаковъ, которые ушли вонъ изъ города Коронный гетманъ, узнавъ объ этомъ, послалъ за ними погоню 10 хоругвей съ паномъ Одржывольскимъ во главѣ. Одржывольскій догналъ козаковъ надъ рѣчкою Мошиною и сдѣлалъ на нихъ нападеніе, во время котораго козаки коймали сына князя Четвертинскаго и держали его потомъ въ теченіе всего похода. Въ помощъ Одржывольскому гетманъ отправилъ Юдыцкаго, Коссаковского и Бѣзедскаго, но козаки, получивъ въ это время подкрѣпленіе, отступили къ Черкасамъ. Тогда къ Черкасамъ двинулся и самъ Конецпольскій. Тутъ, октября 17 дня, на встрѣчу коронному гетману выѣхалъ козацкій посолъ съ извѣстіемъ о своемъ гетманѣ Имайла, который уже выбрался съ артиллеріей изъ Запорожья и спѣшилъ къ козакамъ. Октября 19 и 23 дня къ коронному гетману явились новые послы отъ козаковъ съ просьбой, чтобы онъ не наступалъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ изъ Запорожья гетманъ Имайло. Коронный гетманъ, не слушая козацкихъ пословъ, снялся съ мѣста, прошелъ Крыловъ и, вышедши изъ него, сталъ въ милѣ отъ городомъ надъ рѣчкою Цыбулькиномъ, въ разстояніи одной мили отъ козацкаго табора, откуда можно было хорошо видѣть и весь обозъ, и всю стражу козацкую. Октября 25 дня козаки извѣстили Конецпольскаго о прибытіи изъ Запорожья съ артиллеріей своего гетмана Имайла, и тогда коронный гетманъ предложилъ козакамъ условія, которые они должны выполнять на будущее время, если хотятъ заслужить милость и прощеніе короля. Условія эти, изложенныя по пунктамъ, переданы были козакамъ черезъ польскихъ комиссаровъ. Козаки собрали по этому поводу раду и на радѣ нашли условія слишкомъ тяжелыми для себя и потому отправили 13 человекъ депутатовъ къ коронному гетману съ объявленіемъ, что ни одного изъ пунктовъ они исполнить не могутъ. Тогда коронный гетманъ задержалъ у себя козацкихъ пословъ на всю ночь, а на утро, возвращая ихъ въ козацкій таборъ, сказалъ: «Такъ какъ вы покорностію, какъ вѣрные подданные, не хотите заслужить милосердія и благосклонности его королевскаго величества, то мы надѣемся на Бога, что за непослушаніе и своеволие вы скоро испробуете нашихъ сабель на своихъ шеяхъ, а кровопролитіе, которое произойдетъ, падетъ на ваши души». Велѣвъ за этимъ Конецпольскій отдалъ приказаніе своимъ войскамъ сняться съ мѣста и идти на козаковъ. Рѣшительная битва между поляками и козаками произошла октября 31

двѣ у стараго городища, надъ Куруковымъ озеромъ или Медвѣжьиными лозами ¹⁾. Козаки были разбиты и просили пощады у короннаго гетмана ²⁾. Ноября 3 дня между поляками и украинскими козаками открылись переговоры, во время которыхъ поляки выставили противъ козаковъ шесть обвинительныхъ пунктовъ, изъ коихъ первые три касались одинаково какъ украинскихъ, такъ и запорожскихъ козаковъ. Эти обвиненія состояли въ слѣдующемъ: 1) козаковъ упрекали въ самовольныхъ выходахъ на Черное море; 2) въ сношеніяхъ съ московскимъ царемъ и крымскимъ ханомъ, съ которыми они заключили союзъ и помогали людямъ; 3) въ приниманіи у себя разныхъ цариковъ, называвшихся то московскими, то волонскими господариками, а также другихъ подозрительныхъ и вредныхъ для польской республики лицъ. На эти три обвинительные пункта козаки отвѣчали такъ: въ море они ходили потому, что нуждались въ деньгахъ, которыхъ имъ не платило правительство, хотя и давало обѣщаніе въ томъ; за тѣмъ же козаки посылали и въ Москву, чтобы получить отъ царя казны: съ крымскимъ ханомъ завязались у нихъ сношенія случайно: козаки были прибиты волной къ берегамъ Крыма, и ханъ принялъ ихъ къ себѣ на службу, а потомъ отпустилъ ихъ въ качествѣ посланцевъ на Украину и черезъ нихъ просилъ не дѣлать нападеній на Крымъ, на чемъ и заключилъ условіе съ козаками; что касается разныхъ цариковъ и другихъ лицъ, приходившихъ и приходившихъ на Запорожье, то въ этомъ за козаками полное право, такъ какъ входъ въ Запорожье и выходъ изъ него всегда и вѣкъ былъ и будетъ воленъ. Желая обезопасить козаковъ на будущее время, гетманъ Копецпольскій потребовалъ, чтобы они подписали условіе на законное существованіе всего лишь 6.000 человекъ козаковъ, внесенныхъ въ ресстръ, и выдавали бы государственнымъ властямъ преступниковъ. Козаки долго оспаривали эти главныя требованія и успѣли только въ послѣднемъ: коронный гетманъ согласился оставить за козаками право карать преступниковъ черезъ собственныхъ старшихъ. Ноября 5 дня козаки выбрали гетманомъ Миканза Дорошенка, дѣла впослѣдствіи извѣстнаго гетмана Петра Доро-

¹⁾ По опредѣленію св. В. Никифорова это было въ посадѣ Курюковъ, на правомъ берегу Днѣпра, противъ города Кременчуга: Кіевская старина, 1885, апрѣль, 772.

²⁾ Подробности всего куруковского дѣла касаются собственно исторіи родовыхъ, а не запорожскихъ козаковъ.

шенка, а на слѣдующій день, ноября 6 числа, 1625 года, подписали договоръ на урочищѣ Медвѣжьи-Лозахъ, при Куруковомъ озерѣ, и въ лицѣ своего гетмана Михайла Дорошенка присягнули на вѣрность польской коронѣ ¹⁾. По этотъ договоръ, въ дѣломъ его видѣ, не касался запорожцевъ, въ немъ для низовыхъ или запорожскихъ козаковъ важна была лишь одна статья. По куруковскому договору постановлено было по прежнему оставить въ реестрѣ только 6.000 человекъ козаковъ, остальныхъ вѣрно было вынести за реестръ и лишить вѣхъ козацкаго званія: такіе люди были названы вышесчиками и составили огромное большинство противъ реестровыхъ. Изъ шести тысячъ реестровыхъ одна тысяча козаковъ должна была, по очереди, находиться за порогами Днѣпра и не допускать непріятеля къ переправамъ черезъ Днѣпръ и вторженіямъ его въ королевскія земли. Вѣхъ козакамъ безусловно запрещалось дѣлать выходы въ море, производить сухопутные набѣги на земли мусульманъ и приказывалось ежечь морскія лодки въ присутствіи польскихъ комиссаровъ ²⁾.

Но само собою разумѣется, что подобныя постановленія вели только къ нарушеніямъ ихъ, а для запорожцевъ къ увеличенію численности всего войска ихъ, такъ какъ большинство украинскихъ козаковъ, вышесчиковъ, хлынуло изъ Украины на Січъ и наполнило собой ряды низовыхъ козаковъ. Вслѣдъ за этимъ, уже тотчасъ послѣ куруковскаго договора 70 запорожскихъ чаекъ снова явились на Черномъ морѣ, но, къ несчастію запорожцевъ, выходъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ неудачныхъ: запорожцы были наполовину изловлены турецкими галерами и вмѣстѣ съ козаками доставлены въ Константинополь. Въ отместку за новый походъ козаковъ нѣсколько десятковъ тысячъ татаръ бросились въ глубину Украины, но подъ Бѣлою-Церквою были разбиты и полегли на мѣстѣ. По однимъ указаніямъ, татары были здѣсь одни, безъ хана; по другимъ, вмѣстѣ съ татарами былъ и самъ ханъ, и когда, по требованію польскаго правительства, противъ него вышелъ гетманъ Михайло Дорошенко, то ханъ черезъ своего посланца напомнилъ гетману о заключенномъ между татарами и козаками мирѣ, и Дорошенко повернулъ назадъ, а бывшіе при

¹⁾ Кіевская старина, 1889, октябрь, 52—62; Дневникъ комиссіи противъ войска запороженскаго; Костомаровъ, I, 78, 79; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, X, 90, 91.

²⁾ Костомаровъ, I, 80, 81; Соловьевъ, Исторія Россіи, X, 93.

немъ запорожцы съ атаманомъ Олиферомъ передались на сторону хана и совместно съ нимъ ходили войной на Польшу ¹⁾). Послѣ этого самъ Дорошенко, по просьбѣ изгнаннаго изъ Крыма Мухаммадъ-Герая, ходилъ съ козаками въ Крымъ противъ соперника Мухаммадова, Джанибекъ-Герая, но въ этой битвѣ потерялъ свою голову, которая воткнута была на стѣнахъ Кафы. Были-ли въ этомъ походѣ собственно запорожскіе или низовые козаки, неизвѣстно, хотя по общимъ соображеніямъ трудно допустить отсутствіе ихъ въ такомъ важномъ и заманчивомъ для нихъ дѣлѣ, какъ походъ во внутрь самого Крыма.

Зато участіе запорожцевъ въ походѣ 1629 года на Константинополь не подлежитъ сомнѣнію. Выплывъ въ это время на 300 лодкахъ въ море, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, будущаго гетмана, они добрались до окрестностей Царьграда, мужественно коснулись самыхъ стѣнъ константинопольскихъ, зажгли нѣсколько окрестныхъ съ Константинополемъ селеній и, окуривши ихъ мушкетнымъ дымомъ, задали султану и всѣмъ обывателямъ столицы «превеликій страхъ и смятеніе» ²⁾, а потомъ отъ турецкой столицы ударились на западъ, взяли и разорили гавани въ Киліи, Измаилѣ, Вальчикѣ, Варшѣ и Сизеболіи. Противъ козаковъ вышелъ на 40 галерахъ Кеенанъ-паша и открылъ ихъ близъ какого-то острова Монастыря, гдѣ козаки стояли со своими чайками и съ добычей; но изъ всѣхъ трехсотъ чаетъ только восемь вступили въ битву съ турками и всѣ, кромѣ одной, были взяты пашой и отправлены въ столицу, зато всѣ остальные избѣжали опасности и благополучно вернулись въ Сичъ.

Въ 1630 году, весной, запорожцы вновь выплыли на море: на этотъ разъ противъ нихъ вышелъ главный начальникъ турецкаго флота, Кануданъ-паша: онъ настигъ козаковъ подъ турецкимъ городомъ Очаковымъ и разбилъ ихъ на голову: трофеемъ его победы были 55 запорожскихъ чаетъ и 800 человѣкъ козаковъ, отправленныхъ побѣдителемъ въ Константинополь ³⁾.

Послѣ смерти Михайла Дорошенка на Украинѣ оказалось два

¹⁾ Latopisiec Jerlicza, Warszawa, 1853, I, 35; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 83, 79; Соловьевъ, Исторія Россіи, X, 95.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 380.

³⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, V, 128; то же Histoire de l'empire ottoman, t. X — XI; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 85.

гетмана, Григорій Чорный и Тарасъ Трясило, изъ коихъ первый былъ сторонникомъ поляковъ, а второй — сторонникомъ русскихъ. Избранный гетманомъ еще въ Крыму, Тарасъ Трясило, послѣ катастрофы, случившейся съ Дорошенкомъ, вернулся въ Запорожье и оттуда сталъ разсылать свои универсалы къ украинскимъ козакамъ, призывая ихъ къ себѣ и внушая имъ неповиновеніе Григорію Чорному. Григорій Чорный, въ свою очередь, писалъ универсалы, въ которыхъ внушалъ неповиновеніе Тарасу Трясילו. Просидѣвъ въ Запорожѣ около полугода, Тарасъ Трясило вышелъ оттуда съ козаками на Украину. Бывшіе при немъ запорожцы распустили молву, будто они идутъ къ Чорному съ покорностію. Чорный повѣрилъ пущенной ими молвѣ, но былъ схваченъ, доставленъ къ Тарасу и зарубленъ по частямъ. Послѣ этого Тарасъ Трясило объявилъ себя гетманомъ Украины и предъявлялъ требованія полякамъ — вывести изъ Украины жолитровъ, уничтожить куруковскую комиссію, ограничившую численность козакаго селенія, и выдать приверженцевъ Чорнаго.

Противъ Тараса выступили коронный гетманъ Конецюльскій, высланный впередъ себя отрядъ подъ начальствомъ короннаго стражника, человека-звѣря и страшнаго развратника, Самоня Лаца, ни Бога не боявшагося, ни людей не стыдившагося, позорившаго женъ, безчестившаго дѣвицъ, немилосердно избивавшаго мужицъ. Само собою разумѣется, что отъ такого предводителя народъ бѣжалъ въ ужасѣ и искалъ себѣ защиты у гетмана Тараса Трясила. Съ Тарасомъ Трясилою было нѣсколько запорожцевъ, реестровыхъ козаковъ и простыхъ людей, въ общемъ до 700 человекъ; вся надежда Трясила была на запорожцевъ и реестровыхъ. Противники сошлись подъ городомъ Переславомъ, гдѣ произошла загадочная по своимъ послѣдствіямъ битва ¹⁾ между козаками и поляками, однаково для той и другой стороны тяжелая: Конецюльскій потерялъ здѣсь множество своихъ воиновъ, Тарасъ Трясило потерялъ много козаковъ и самъ попался въ плѣнъ полякамъ и былъ казненъ ими въ городѣ Варшавѣ. По словамъ путивльца Григорія Гладкаго, переславское дѣло произошло такъ: «Гетманъ Конецюльскій осадилъ козаковъ въ Переславѣ: у польскихъ людей съ черкасами въ три недѣли бои были многіе, и на тѣхъ бояхъ черкасы поляковъ побивали, а на

¹⁾ Козаки берутъ верхъ надъ поляками, но во всемъ уступаютъ имъ.

послѣднемъ бою черкасы у гетмана въ обозѣ нарядъ взяли, многихъ поляковъ въ обозѣ побили, перевозки по Дибпру отняли и паромы по перевозамъ пожгли. Послѣ этого бою гетманъ Конечпольскій съ черкасами помирился, а приходилъ онъ на черкасъ за ихъ непослушаніе, что они самовольствомъ ходятъ подъ турецкіе города и всѣмъ войскомъ убили Гришку Чорнаго, котораго онъ прежде далъ имъ въ гетманы. Помирился съ черкасами, Конечпольскій выбралъ имъ изъ нихъ же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка» ¹⁾).

Назначенный козакамъ гетманъ Арандаренко принеся имъ не по праву, и въ 1631 году они выбрали на его мѣсто Ивана Петрижицкаго-Кулагу и, не обращая вниманія на стѣпенія со стороны правительства Рѣчи-Посполитой, по прежнему громили турецкіе берега Чернаго моря.

Въ 1632 году въ Польнѣ умеръ король Сигизмундъ III и собравшійся по этому поводу сеймъ приступилъ къ избранію новаго короля. Въ это время на вальный сеймъ явились депутаты отъ козаковъ. Ссылаясь на то, что козаки составляютъ часть польскаго государства, депутаты потребовали отъ имени войска обезпеченія православной вѣры и права голоса на выборъ короля. На это требованіе сенатъ Рѣчи-Посполитой далъ такой отвѣтъ козакамъ, что хотя они дѣйствительно составляютъ часть польскаго государства, но такую, какъ волосы или ногти въ тѣлѣ человека: когда волосы или ногти слишкомъ вырастутъ, то ихъ стригутъ. Такъ поступаютъ и съ козаками: когда ихъ немного, то они могутъ служить защитой Рѣчи-Посполитой, а когда они размножатся, дѣлаются вредными для Польни. Относительно обезпеченія православной вѣры козацкимъ депутатамъ сказали, что этотъ вопросъ разсмотритъ будущій король Польни; а относительно участія въ избраніи короля козакамъ отвѣчали, что на избраніе короля имѣтъ право сенатъ и земское собраніе ²⁾).

Такимъ образомъ козаки возвратились на Украину и на Запорожье ни съ чѣмъ, и безъ ихъ участія избранъ былъ въ короли сынъ Сигизмунда, Владиславъ IV. По восшествіи своемъ на престолъ, Владиславъ IV открылъ войну съ Россіей, и тогда для

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1888, X, 94; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб. 1884, I, 93.

²⁾ Шмидтъ, Исторія польскаго народа, Спб., 1866, II, 218.

этой войны ему понадобились козаки. одинаково какъ украинскіе, такъ и низовые запорожскіе. Запорожскими козаками въ это время предводительствовалъ кто Ардамъ¹⁾, называемый у историковъ коневымъ атаманомъ²⁾. Запорожцы, не смотря на нанесенную имъ недавно обиду отъ поляковъ на сеймѣ, вышли въ помощь королю подѣ начальствомъ атамана Гири Каневца, но въ 1633 году, июня 17 дня, Каневецъ былъ убитъ въ новгородскомъ уѣздѣ ратными государевыми людьми, предводимыми Пауломъ Пуцкимъ³⁾.

Зато оставшіеся въ Сичи запорожскіе козаки вознаградили себя тѣмъ, что, собравшись въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, подѣ предводительствомъ Сулимы, вышли въ Черное море, изъ Чернаго проникли въ Азовское, а потомъ снова вернулись въ Черное, произвели погромъ турецкихъ городовъ по берегамъ морей, потомъ дошли до устьевъ Днѣстра и Дуная и тутъ разорили Аккерманъ, Кицію, Измаилъ и нѣсколько селъ и деревень⁴⁾.

Такъ рассказываетъ объ этомъ малороссійскій лѣтописецъ Ригельманъ. Кошевой Иванъ Сирко въ своемъ письмѣ 1675 года къ крымскому хану и сказатель Стефанъ Лукомскій передаютъ объ этомъ походѣ слѣдующее. Въ 1633 году гетманъ войска низового запорожскаго, Сулима, съвѣвши на нѣсколько монохенцовъ, вышелъ изъ Сичи по Днѣпру въ Черное море, изъ Чернаго черезъ Киммерійскій Босфоръ проникъ въ Меотическое озеро или Азовское море и взялъ тамъ крѣпкій городъ Азикъ или Азовъ⁵⁾. Нужно думать, что лѣтописцы разумѣютъ здѣсь взятіе козаками лишь одного предместья города, но не самой крѣпости.

Пользуясь постоянными набѣгами козаковъ на турецкія владѣнія и желая подать помощь Россіи, искавшей союза съ Турціей противъ Польши, турецкій султанъ двинулъ въ Польшу войско подѣ начальствомъ Абасъ-пашы. Однако, войну эту султанъ скоро окончилъ и окончилъ, главнымъ образомъ, по винѣ Россіи. Россія, испытавъ неудачу въ борьбѣ съ поляками подѣ Смоленскомъ, попыталась заключить съ Рѣчью-Посполитою миръ, подписанный въ мѣстечкѣ Полянковѣ, въ 1634 году. При заключеніи этого мира поляки, между прочими

¹⁾ Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Москва, 1842. I, 185.

²⁾ Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842. I, 131.

³⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Москва, X, 94—102; XI, 102.

⁴⁾ Ригельманъ. Лѣтописецъ. Москва, 1847. I, 11.

⁵⁾ Величко. Лѣтописецъ. Кіевъ, II, 381, IV, 189.

статьями, предъявленными Россіи, потребовали отъ московскаго царя ежегоднаго жалованья запорожскимъ козакамъ «какъ имъ на то грамота дана и на самомъ дѣлѣ въ прошлыхъ годахъ бывало». На это требованіе московскіе послы отвѣчали такъ: «Козакамъ запорожскимъ какое жалованье и за какую службу давалось и какаѣ у нихъ грамота есть,—того не упомянемъ: думаемъ, однако, что то могло быть, когда запорожскіе козаки великимъ государямъ служили, и теперь, если начнутъ служить, то имъ государево жалованье по службѣ будетъ» ¹⁾. Но разумѣлись-ли здѣсь въ собственномъ смыслѣ запорожскіе козаки, или же подъ «запорожскими» понимались вообще украинскіе или городовые, опредѣлить нельзя.

Въ слѣдъ за русскимъ царемъ успѣли заключить миръ съ Польшей и турецкій султанъ. По этому миру турецкій султанъ далъ обѣщаніе удерживать татаръ отъ набѣговъ на Украину, а польскій король обязался изгнать всѣхъ козаковъ съ днѣпровскихъ острововъ, чтобы тѣмъ преградить имъ путь изъ Днѣпра въ Черное море. Но въ это же время, ноября 2 дня, турецкій визирь доносилъ, что днѣпровскіе козаки, въ союзѣ съ донскими, приступали къ Азову, громили его изъ пушекъ, во многихъ мѣстахъ испортили и едва не овладѣли городомъ ²⁾.

Послѣ заключенія мира съ турками, польское правительство стало изыскивать мѣры къ тому, чтобы такъ или иначе парализовать дѣйствія козаковъ противъ турокъ и тѣмъ обезопасить свои границы отъ набѣговъ мусульманъ. Оно начало прежде всего съ того, что рѣшило разобщить Запорожье съ населеніемъ Украины. Объявляя на собранномъ сеймѣ о состоявшемся перемиріи Рѣчи-Посполитой съ Турціей, вельможные паны говорили, что, желая, чтобы свѣтъ зналъ, какъ поляки держатъ вѣрность въ отношеніи своихъ враговъ, они принялись за искорененіе козацкаго своеволія и для этого твердо рѣшили сдѣлать слѣдующее: воспретить козакамъ нарушать миръ какъ на водѣ, такъ и на сушѣ, подѣ страхомъ лишенія ихъ всѣхъ вольностей и привилегій, данныхъ имъ правительствомъ Рѣчи-Посполитой; не позволять имъ брать ни лѣсныхъ матеріаловъ, ни провизій, ни пороху, ни пуль, ни чего другого, необходимаго для военныхъ экскурсій; вмѣнить въ обязан-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, IX, 213; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 117.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 291.

ность отцамъ не пускать своихъ сыновей («молодежь городовъ нашихъ») въ войско запорожское, а также подвергать наказаніямъ всѣхъ людей шляхетскаго сословія, которые будутъ принимать, какъ раньше то было, участіе въ морскихъ походахъ запорожцевъ или просто помогать имъ и дѣлиться съ ними добычею: кромѣ того, для дѣйствительнаго прекращенія морскихъ экскурсіи козацкихъ во владѣніи цари турецкаго и для соблюденія только что заключеннаго мира приказать инженерамъ осмотрѣть мѣста у берега Днѣпра и, гдѣ покажется удобнымъ, для короннаго и польнаго гетмановъ построить замокъ, снабдить его какъ пѣшимъ, такъ и коннымъ гарнизономъ и военною аммуниціей, для чего немедленно ассигновать 100.000 польскихъ злотыхъ.¹⁾

Для возведенія крѣпости выбрано было мѣсто на правомъ берегу Днѣпра противъ устья рѣчки Самары, острова Книзева и перваго порога Кодацкаго: отъ порога крѣпость названа была Кодакомъ. Сооруженіе крѣпости поручено было французскому инженеру Бонлану, вызванному, въ качествѣ строителя различныхъ крѣпостей, въ Польшу. Крѣпость заложена была въ присутствіи гетмана Конецпольскаго и представляла собой видъ редута бастионнаго укрѣпленія, мѣною кругомъ 900 сажень, съ высокими, болѣе 10 сажень высоты, казанами и глубокими «оборѣзными, набитыми чеснокомъ», рвами²⁾. Командиромъ гарнизона въ построенной крѣпости поставленъ былъ французскій полковникъ Моріонъ. Моріонъ оказался такимъ строгимъ начальникомъ, что не только не пускалъ козаковъ на войну, а даже воспрещалъ имъ выплывать въ рѣку для ловли рыбы: онъ держалъ въ крѣпости до 20 человекъ козаковъ, казавшихся ему подозрительными, и повсе лишилъ ихъ свободы. Однако, строгость эта ни къ чему не повела: въ августѣ мѣсяцѣ 1635 года возвращался изъ морского похода названный выше Сулима съ козаками и, увидя выросшую крѣпость, не мало дивился тому, а потомъ внезапно бросился на нее, польскій гарнизонъ истребилъ, полковника Моріона зарѣзалъ, а крѣпость раскопалъ. Поднявшись отъ Кодака выше и дойдя до городовъ, Сулима сталъ скликать къ себѣ всѣхъ недовольныхъ польскимъ правительствомъ и готовиться вмѣстѣ съ ними на борьбу съ поля-

¹⁾ Volumena legum, С.-Петербургъ, 1860, III, 403.

²⁾ Бонланъ, Описаніе Украйны, Спб. 1832, 19; Акты южной и западной Россіи, XI, 14; Эвариллскій, Запорожье, Спб. 1888, I, 112.

ками, но скоро былъ схваченъ обманнымъ образомъ и отправленъ въ Варшаву. Въ Варшавѣ въ это время находились турецкій и татарскій послы, которые заявили, что въ текущемъ, 1635 году, козаки уже пять разъ ходили на море, а потому требовали немедленной казни надъ Сулимою и его четырьмя сподвижниками. И Сулима былъ казненъ, по одному указанію, посредствомъ отсѣченія головы, по другому, посредствомъ разсѣченія на четыре части, выставленныя на четырехъ концахъ города ¹⁾.

Послѣ казни Сулимы гетманомъ украинскихъ козаковъ оказался Василій Томиленко; при немъ волненія между украинскими козаками усилились. Волненія эти шли, главнымъ образомъ, отъ реестровыхъ козаковъ, не получавшихъ жалованья отъ польскаго правительства, настойчиво добивавшихся получить его и потому нѣсколько разъ порывавшихся уйти на Запорожье съ цѣлью предпринять походъ на Черное море. Однако, эти намѣренія не могли состояться до тѣхъ поръ, пока не открылась война у крымскаго хана съ буджацкими татарами и пока во главѣ козаковъ не сталъ нѣкто Карпо Навлюкъ, или Навлюга, иначе Батюкъ, Подурустъ и Гудзанъ, по происхожденію турокъ. Возлѣ Навлюка собрались вышесичики и запорожцы, съ которыми онъ и отправился (въ началѣ 1637 года) въ помощь крымскому хану Батырь-Герая противъ буджаковъ. Исходъ войны былъ въ пользу хана, благодаря мужеству Навлюка и запорожцевъ, которые «въ маломъ числѣ побѣдили и въ прахъ обратили многочисленнаго непріятеля».

Въ то время, когда одна часть запорожцевъ дѣйствовала, вмѣстѣ съ Навлюкомъ, въ Крыму, другая часть, числомъ до 4.000 человекъ, подъ начальствомъ Михайла Татарникова, не вынеши польскихъ притѣсненій, рѣшила искать счастья въ чужихъ странахъ, идти къ персамъ и помогать имъ въ войнѣ противъ турокъ. Двинувшись черезъ крымскія и погайскія степи по направленію къ Дону, часто сражаясь на пути съ татарами, запорожцы неожиданно встрѣтились съ партіей донскихъ козаковъ въ 3.000 человекъ. Донцы, освѣдомившись, куда и зачѣмъ шли запорожскіе козаки, предложили имъ свою дружбу и запасы и объявили, что всего лучше запорожцамъ и донцамъ пойти къ турецкому городу Азову и овладѣть этимъ ключемъ къ Меотическому и Черному

---

¹⁾ Львовская лѣтопись, Журн. мин. нар. просв., 1838, апр.; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 123; Тератургима Кальпофойскаго, Кіевъ, 1638, 271.

морямъ: послѣ того можно будетъ взять такую добычу, какой у персіянъ никогда не найти. Запорожцы согласились и рѣшили, вмѣстѣ съ донскими козаками, идти подъ турецкій городъ Азовъ: апрѣля 21 дня, 1637 года, въ среду, на другой день послѣ Свѣтлаго Воскресенія, запорожцы и донцы, въ числѣ 4.400 человекъ, выступили въ походъ, намѣреваясь жить въ Азовѣ, если только московскій царь позволитъ приходить въ Азовъ всякимъ людямъ, охочимъ, вольнымъ, и дать возможность привозить козакамъ всякіе запасы. Въ Азовѣ въ то время было отъ 3.000 до 4.000 турецкихъ янычаръ, которые смѣлились надъ предпріятіемъ козаковъ. Но козаки, подойдя къ Азову, тотчасъ врылись въ землю и, работая надъ этимъ день и ночь, несмотря на постоянную стрѣльбу со стороны янычаръ, вошли въ городъ и принудили янычаръ отступить въ замокъ. Испытывая большой страхъ, янычары скоро сдали козакамъ и замокъ, не смотря на то, что козаки имѣли при себѣ всего лишь 4 фальконета, которыми не могли причинить серьезнаго поврежденія замку. Взявъ крѣпость, козаки пограбили городъ и послѣ этого донцы остались въ Азовѣ, а запорожцы съ добычей возвратились въ Сичъ ¹⁾.

Между тѣмъ, въ отсутствіе Павлюка на крайнѣ снова началось смитеніе, поднятое козаками по поводу неуплаты имъ польскимъ правительствомъ жалованья, а также вследствие отказа въ просьбѣ пользоваться изъ казенныхъ заводовъ запасами артиллеріи. Самъ гетманъ козацкій Томиленко былъ на сторонѣ польскаго короля и приковалъ къ пушкѣ какого-то козака Грибовскаго, всѣхъ больше возстававшаго противъ распоряженій польскаго правительства. Но Грибовскій успѣлъ откопаться отъ пушки и бѣжать на Запорожье. На Запорожье въ это время прибылъ изъ похода на Крымъ Павлюкъ. Узнавъ о происшедшемъ на Украинѣ, онъ бросился съ козаками изъ Сичи на Черкасы, захватилъ тамъ орудія и привезъ ихъ въ Сичъ на Микитинъ-Рогъ, говоря, что имъ подобаетъ быть въ Сичи, а не въ Черкасахъ ²⁾. Козацкій гетманъ Томиленко немедленно донесъ объ этомъ поступкѣ Пав-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. Москва, 1859, IX, 293; Арцыбашевъ. I, I. прим. 499; Величко. IV, 181, 182.

²⁾ Сичъ на Микитинѣ-Рогѣ возникла, по сказанію Дафновича, въ одно время съ постройкою Кодака и основана пѣкнимъ Федоромъ Липчаемъ: Срезневскій, Украинская старина, Харьковъ, 1885. 117.

люка коронному гетману Потоцкому и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ козака къ Павлюку съ требованіемъ возвратити взятые имъ орудія и покориться королю. На это требованіе Павлюкъ отивчалъ полнымъ отказомъ. Іюня 16 дня Павлюкъ написалъ письмо Томиленку и въ этомъ письмѣ объявилъ, что, какъ мертвого изъ гроба не возвращаютъ, такъ и онъ не возвратитъ взятыхъ имъ орудій въ Черкасахъ. Напротивъ того, онъ считаетъ безчестіемъ держать козацкую армату въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Запорожья, гдѣ предки козаковъ прославились своими подвигами, и потому пригласилъ всѣхъ реестровыхъ забрать орудія и, покинувъ города, идти на Запорожье ¹⁾. Тогда къ Павлюку повалили на Сичь всѣ недовольные порядками польскаго правительства, а приверженцы польской стороны, реестровые козаки, упрекали своего гетмана Василя Томиленка въ послабленіи своеволью черни, низложили его съ гетманства и вмѣсто него выбрали гетманомъ Савву Кононовича, родомъ великоросса.

Новый гетманъ началъ дѣйствовать въ духѣ польскаго правительства и сталъ уговаривать возставшихъ прекратить волненіе. Узнавъ объ этомъ переворотѣ, Павлюкъ немедленно вышелъ изъ Сичи и, остановившись конемъ у Крылова, отправилъ отъ себя отрядъ козаковъ въ Переяславъ, гдѣ находился Савва Кононовичъ. Савва Кононовичъ былъ внезапно схваченъ, привезенъ въ Крыловъ и тутъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими старшинами, разстрѣлянъ, а вмѣсто него гетманомъ былъ объявленъ Карпо Павлюкъ.

Выбранный въ гетманы украинскихъ козаковъ, Павлюкъ, октября 11 дня, 1637 г., написалъ универсалъ всему украинскому козачеству, мѣщанству и посольству, призывая всѣхъ противъ «непріятелей народа русскаго христіанскаго и древней греческой вѣры», а самъ, оставивъ вмѣсто себя на Украинѣ Карпа Скидана, ушелъ въ Сичь, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока не возбудилъ неудовольствія со стороны украинцевъ. Находясь въ Сичи, Павлюкъ завелъ сношеніе съ крымскимъ ханомъ, у котораго просилъ помощи противъ поляковъ. Но ханъ не только не далъ помощи Павлюку, а даже извѣстилъ о затѣянномъ имъ дѣлѣ польскаго короля. Тогда Павлюку ничего не оставалось дѣлать, какъ выдти изъ Запорожья на Украину. И онъ вышелъ: при немъ были и запороженіе ко-

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 132.

закн. Но сколько ихъ было и кто именно изъ запорожцевъ пошелъ съ Павлюкомъ, — источники не говорятъ. Нужно думать, что запорожцы вмѣстѣ съ Павлюкомъ были и подъ Кумейками (декабря 6 дня), и подъ Боровицею (декабря 20 дня), хотя и на этотъ счетъ точныхъ указаній не имѣется. Подъ Боровицею Павлюкъ выданъ былъ козаками полякамъ и въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго, 1658 года, казненъ въ Варшавѣ посредствомъ отсѣченія головы, а вмѣсто него козацкимъ гетманомъ объявленъ былъ Ильинъ Карамовичъ. Сторонники казненаго, Скиданъ и Чечуга, успѣли спастись бѣгствомъ въ Запорожье. Украинскіе козакъ, вынужденные подчиниться подъ Боровицею условіямъ, продиктованнымъ имъ поляками, между прочимъ, обязались, по первому требованію гетмановъ королевскихъ и комиссаровъ, идти походомъ на Низъ, ежели тамъ все члны и вывести оттуда всю линіюю чернь, назначенную въ видѣ стражи, для охраны польскихъ предѣловъ противъ татаръ ¹⁾. Это обѣщаніе принято было поляками съ особенною охотою, и когда потомъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, собрался сеймъ въ Варшавѣ, то на немъ относительно Запорожья постановлены были, кромѣ того, слѣдующія мѣры: 1) Правительство Рѣчи-Посполитої, въ виду предупрежденія морскихъ походовъ со стороны запорожцевъ и постоянного ими возмущенія украинскаго населенія, должно завладѣть всемъ Запорожьемъ и поставить тамъ постоянную сторожу. 2) Реестровые козакъ, въ числѣ двухъ полковъ, должны стоять на Запорожьѣ и оберегать Низъ отъ чужихъ и своихъ, т.-е. татарамъ не позволять переправляться черезъ Днѣпръ и вторгаться во владѣніе Рѣчи-Посполитої, своевольнымъ людямъ запрещать спускаться изъ городовъ на Низъ, составлять на Низу ополченіе и возвращаться для бунтовъ на Украйну: «Назначенные полки съ полковникомъ своимъ должны ходить на Запорожье попеременно для обереганія тѣхъ мѣстъ и для запрещенія татарамъ переходить черезъ Днѣпръ, а также для предостереженія, чтобы своеволие не укрывалось на островахъ и рѣкахъ (Низа) и не предпринимало оттуда никакихъ экскурсій на море, исключая тѣхъ козаковъ, которые будутъ въ полкахъ, ни одинъ козакъ (городовой), безъ паспорта комиссара, не долженъ ходить на Запорожье, и если бы такой былъ пойманъ ко-

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884. I. 152.

дакимъ губернаторомъ, то онъ долженъ быть казненъ смер-
тью»¹⁾).

Эти постановленія подписаны были королемъ Владиславомъ IV, тѣмъ самымъ, который, очутившись въ безвыходномъ положеніи въ московскомъ государствѣ, вызвалъ о помощи къ козакамъ и былъ ими спасенъ, а потомъ вторично вырученъ былъ изъ бѣды гетманомъ Сагайдачнымъ подъ турецкою крѣпостью Хотиномъ. Впрочемъ, къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ козаковъ побуждали польскаго короля какъ турецкій султанъ, такъ и крымскій ханъ. Султанъ требовалъ непременно свести козаковъ съ днѣпровскихъ острововъ, въ противномъ случаѣ грозилъ въ прахъ обратить провинціи и волости Рѣчи-Посполитой. Крымскій ханъ, извѣщая короля о томъ, что козаки вновь собираются на днѣпровскихъ островахъ съ цѣлью нападенія на татаръ, совѣтовалъ ему, для полнаго согласія и дружбы съ татарами, истребить всѣхъ своевольниковъ и для этого предлагалъ королю даже собственное войско. Но какъ ни были возмущены поляки своеволіемъ козаковъ, все же не могли рѣшиться на крайнія мѣры противъ нихъ: понимая, что, съ уничтоженіемъ козаковъ, Польша будетъ открыта для нападеній со стороны мусульманъ, поляки хотѣли только прибрать къ рукамъ Запорожье и владѣть имъ по собственному усмотрѣнію.

Послѣ окончанія сейма отправлены были въ Запорожье два украинскіе полка, чигиринскій и бѣлоцерковскій, съ полковникомъ Мелецкимъ, которому приказано было сперва выгнать оттуда всѣхъ украинскіхъ бѣглецовъ, а потомъ расположиться до новой сѣны въ козацкихъ вольностяхъ въ качествѣ сторожевыхъ полковъ. Мелецкій прибылъ въ Запорожье въ половинѣ мѣсяца марта 1638 года и, остановившись на границѣ козацкихъ вольностей, послалъ къ запорожцамъ своихъ козаковъ объявить имъ извѣстіе о королевской милости и требованіе сейма о выдачѣ Скидана и Чечуги. Но запорожцы на требованіе польскаго полковника отвѣчали тѣмъ, что заковали присланныхъ къ нимъ посланцевъ и оставили на берегу Днѣпра какое-то «очень неутѣшительнаго содержанія письмо». Мелецкій хотѣлъ-было дѣйствовать противъ запорожцевъ оружіемъ, но, увидя, что это опасно для его жизни, вслѣдствіе побѣга ресетровыхъ козаковъ въ Сичъ, рѣшилъ покинуть Запорожье и поскорѣе вернуться въ польскія владѣнія Украины.

¹⁾ Volumena legum, Спб., 1860, III, 440.

Тогда въ Запорожьѣ объявились два сотрудника казеннаго Павлюка, Дмитро Томашевичъ-Гуля и Остранинъ изи, по козацкому произношенію, Острийца, родомъ полтавецъ. Первый принялъ на себя званіе козацкаго гетмана въ апрѣлѣ 1638 года и, пылая местию за замученнаго поляками отца, выступилъ ярмомъ врагомъ Рѣчи-Посполитой. Второй, проявившій свое мужество и распорядительность еще подъ Кумейками, выходилъ вмѣстѣ съ Гулею противъ поляковъ, рѣшилъ сперва заручиться союзомъ съ крымскими татарами и донскими козаками, для чего и отправилъ къ нимъ посланцевъ изъ Запорожья. Не дождавшись отвѣта, Острийца оставилъ Запорожье и поднялся съ войскомъ, частью свѣвшимъ въ лодки, частью двинувшимся сухопутьемъ вдоль Днѣпра на Украину. Съ нимъ былъ и Карпо Скиданъ, находившійся все время послѣ боровицкой битвы въ Запорожьѣ. Были-ли въ этомъ войскѣ и запорожцы, и если были, то сколько именно и подъ чьимъ начальствомъ они шли, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, Острийца отъ Сичи поднялся къ Кременчугу и мая 5 дня былъ у города Голтвы, гдѣ нанесъ большое пораженіе полякамъ и принудилъ ихъ отступитъ отъ Голтвы съ большими потерями, въ чемъ сознается и польскій хронистъ того времени Симонъ Околевскій. Въ это время Острийца получилъ извѣстіе, что къ нему подходятъ нѣсколько полковъ донскихъ козаковъ. Побившись съ поляками подъ Лубнами, Острийца взялъ путь на Лохвицу и Миргородъ, откуда вернулся къ Лукомлю, на 25 верстъ ниже Лубенъ, а потомъ, покинувъ Лукомль, сталъ на рѣчкѣ Сальбородѣ, между Яблонинымъ и Лубнами. Простоявъ безъ всякаго дѣйствія нѣсколько времени на Сальбородѣ, Острийца, мая 27 дня, опять ушелъ къ Лукомлю, гдѣ пробылъ до 14 іюня. Тутъ онъ узналъ о прибытіи къ гетману Потоцкому князя Іереміи Вишневецкаго и потому отъ Лукомля направился къ Жовнину. Послѣ отступленія отъ Лубенъ Острийца къ этому городу прибылъ передовой отрядъ донскихъ козаковъ въ 500 человекъ подъ начальствомъ козака Пугивльда и его сподручниковъ Мурки и Рѣпки; на этотъ отрядъ донцовъ напали поляки и истребили его, не смотря на добровольную сдачу донцовъ съ условіемъ дарованія имъ жизни. Подъ Жовниномъ Острийца весь день бился съ поляками, но потомъ, стѣсненный ими, оставилъ козацкій лагерь и тайно бѣжалъ въ московскія земли. Тогда козацкимъ гетманомъ объявленъ былъ Дмитро Томашевичъ-Гуля.

Гуля стоялъ подъ Жовниномъ съ 15 по 20 іюня и выдержалъ здѣсь упорный штурмъ отъ Вишневецкаго, но подъ конецъ оставилъ Жовнинъ и спустился къ устью рѣчки Старицы, впадающей въ Днѣпръ. У устья Старицы Гуля просидѣлъ до 5 августа, то сражаясь съ поляками, то вступая съ ними въ мирные переговоры; августа 5 дня, принявъ въ свой обозъ полковника Филоненка съ подкрѣпленіемъ и продовольствіемъ, а вмѣстѣ съ этимъ выдержавъ жестокій штурмъ отъ поляковъ, Гуля внезапно исчезъ изъ козацкаго лагеря и потомъ очутился въ московской землѣ.

Принимали-ли участіе во всѣхъ этихъ походахъ Гуни запорожскіе козаки, документально неизвѣстно, хотя трудно допустить, чтобы низовые рыцари оставались равнодушными зрителями тамъ, гдѣ дѣло касалось православной вѣры и козацкихъ вольностей.

Результатомъ всѣхъ походовъ Острияницъ и Гуни было лишеніе украинскіхъ козаковъ прежнихъ правъ, какими они пользовались до этого времени, въ особенности права выбора собственныхъ старшинъ, и распоряженіе о назначеніи новыхъ старшинъ шляхетскаго происхожденія. Повелѣніе объ этомъ объявлено было декабря 4 дня, 1638 года, въ урочищѣ Масловомъ-Бродѣ и повело за собой рядъ бѣдствій для всей Украины.

Для запорожцевъ походы Гуни и Острияницъ имѣли тѣ послѣдствія, что поляки вновь рѣшили разобить ихъ съ украинцами посредствомъ сооруженія крѣпости Кодака, на прежнемъ его мѣстѣ, противъ Кодакскаго порога и устья рѣчки Самары. Крѣпость по прежнему возводилась инженеромъ Бопланомъ, но на этотъ разъ подъ непосредственнымъ надзоромъ короннаго гетмана Конецпольскаго. Конецпольскій отправился на мѣсто крѣпости съ 4.000 солдатъ и оставался тамъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца 1638 года до окончанія работъ. Когда крѣпость была окончена, то гетманъ, осматривая ее, лукаво спросилъ у бывшаго при немъ чигиринскаго сотника: «Какое вамъ кажется Кодакъ?»—«*Manu facta manu distruo*»—т.-е. «что руками создается, то руками и разрушается»—отвѣтилъ гетману не менѣе лукаво чигиринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій¹⁾, и слова его не прошли, какъ увидимъ ниже, даромъ.

Построеніе крѣпости Кодака не удержало запорожскихъ козаковъ отъ привычныхъ походовъ въ турецко-татарскія земли. На этотъ разъ запорожцы вышли въ море въ качествѣ союзниковъ

¹⁾ Бопланъ, Описаніе Украины, Спб., 1832, 21.

донскихъ козаковъ: донскіе же козаки вызваны были къ походу по грамотѣ царя Михаила Федоровича. Апрѣля 22 дня, 1638 года, царь Михаилъ Федоровичъ извѣщалъ доицѣвъ, что крымцы подъ начальствомъ царевича Сафатъ-Гералъ, мѣтя Москвѣ за Азовское взятіе, приходили на московское государство, ко многимъ городамъ приступали, много селъ и деревень пожгли, много людей побили и въ полонъ побрали. Возвратись же назадъ изъ набѣга, крымцы вновь собрались въ какой-то походъ, держа это въ большой тайнѣ. Обезпокоенный этимъ, московскій царь наказалъ доицѣвъ, всѣми мѣрами наблюдать за дѣйствіями татаръ, войти въ сношеніе съ запорожскими козаками и пригласить ихъ стать заодно съ доицѣвами противъ крымскихъ и ногайскихъ воинскихъ людей, чтобы въ московскія укрѣпленія ихъ не пропустить и тѣмъ помочь московскому государству чинить ¹⁾.

Нужно думать, что въслѣдствіе этой грамоты и состоялся походъ донскихъ и запорожскихъ козаковъ въ 1638 году. Они собрались въ числѣ 1.700 человекъ и, сѣвъ на 153 чайки, вышли въ Черное море. Но этотъ походъ окончился полной неудачей для козаковъ: турецкій султанъ Мурадъ IV послалъ противъ нихъ пашу Кануданъ-Раджаба, который нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Не смотря на это, оправившись отъ пораженія, козаки занялись осадой Багдада, но тутъ снова потерпѣли пораженіе. Противъ нихъ вышелъ самъ кайя, т. е. начальникъ арсенала, Шахе-ага съ намѣстникомъ или беглеръ-бекомъ («князь князей») города Кафы ²⁾, и захватилъ нѣкоторую часть ихъ флота, вмѣстѣ съ атаманомъ, въ свои руки. Другая часть козацкой флотиліи спаслась въ дельту рѣки Кубани, но тутъ у мыса Чукѣ была окружена морскими и сухопутными силами татаръ и турокъ, пришедшими изъ Керчи, Очакова и Крыма, и потеряла 500 человекъ товарищей и 5 часекъ, послѣ чего поднялась еще выше по рѣкѣ Кубани, спасаясь отъ мусульманъ. Но мусульмане, сѣвъ на отнятыя у козаковъ лодки, снова бросились въ слѣдъ за ними и сѣдѣли въ самой рѣкѣ при Адахунѣ, большую часть изъ нихъ убили, 250 человекъ и 30 часекъ съ собой взяли и въ Царьградъ отравили. Мусульмане боролись съ козаками въ теченіи

¹⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, 20—24.

²⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 168, 172; Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, V, 269—270.

семи дней и подъ конецъ успѣли прогнать ихъ отъ города Азова, куда они, вмѣстѣ съ донцами, и простирали свои взоры ¹⁾).

Не довольствуясь такимъ успѣхомъ, султанъ Мурадъ IV отправилъ изъ Константинополя Пиале-агу въ устье днѣпровскаго лимана, къ острову Тендрѣ, гдѣ стояли 10 козацкихъ чаекъ съ турецкой добычей и плѣнными женщинами и дѣтьми. Пиале внезапно напалъ на козацкія чайки, захватилъ ихъ въ свои руки и отправилъ въ столицу, а женщинъ и дѣтей выпустилъ на свободу ²⁾).

Разгромивъ запорожцевъ на морѣ, турки стали претендовать и на обладаніе всѣми вольностями ихъ въ самомъ Запорожьѣ. Такъ, въ 1640 году, февраля 15-го дня, наместникъ кіевскаго митрополита Петра Могилы, старецъ Игнатій, при разспросѣ въ польскомъ приказѣ, въ Москвѣ, показалъ, что въ этомъ году крымскіе и ногайскіе татары, вмѣстѣ съ черкесскими людьми, приходили, въ числѣ 70.000 человекъ, на литовскую землю и вили въ плѣнъ 200.000 всякаго званія христіанъ, кромѣ побитыхъ людей до смерти, старыхъ, неспособныхъ къ работамъ людей. «А зачалась та татарская война въ Литовской землѣ за то, что гетманъ Конецпольскій поставилъ надъ Днѣпромъ, на первомъ порогѣ его, городокъ Кодакъ, и о томъ турецкій салтанъ присылалъ выговаривать Конецпольскому, чтобъ онъ того городка не ставилъ, потому что-де та земля его, турецкая, а не литовская; и гетманъ-де ему въ томъ отказалъ съ безчестьемъ; и турецкому-де салтану то стало досадно, что его гетманъ обезчестилъ и городокъ поставилъ на границѣ, и за то наслалъ на Литовскую землю татаръ войною тайнымъ обычаемъ» ³⁾).

Въ 1641 году запорожскіе козаки, какъ можно догадываться на основаніи указанія Эвлія-эфенди и постоянной связи Запорожья съ Дономъ, ходили на помощь донцамъ къ городу Азову противъ татаръ и турокъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ Дели-Хусайна-паши. Тѣ и другіе козаки показали здѣсь чудеса храбрости и не смотря на огромныя полчища своихъ противниковъ (отъ 100.000 до 240.000) и на превосходство ихъ положенія, заставили отступить ихъ отъ Азова ⁴⁾).

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 168, 172; Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, V, 269—270.

²⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, V, 269—270.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, III, 33.

⁴⁾ Записки общества исторіи и древностей, VIII, 163, 164, 165.

Впрочемъ, видимо, запорожцы послѣ страшнаго разгрома ихъ на Черномъ морѣ и на рѣкѣ Кубани на время прекратили свои выходы въ Черное море. Но крайней мѣрѣ, о послѣдующихъ предпріятіяхъ ихъ противъ турокъ извѣстій никакихъ не имѣется. Зато съ этого времени слѣды ихъ дѣйствій обнаруживаются въ другомъ мѣстѣ. Такъ, въ 1643 году запорожскіе черкасы напали на рѣкѣ Торѣ на турецкихъ посланниковъ, шедшихъ изъ Москвы въ Крымъ, и разгромили ихъ; пойманный при этомъ одинъ изъ низовыхъ козаковъ свернулъ вину на какого-то старца Святоторскаго монастыря ¹⁾, который, будто бы, подвелъ къ тому запорожскихъ черкасъ, но московскіе послы, бывшіе въ это время въ Константинополѣ, отрицали это: «Говорилъ онъ (козакъ) про святоторскаго старца, избывая смерти, покрывая свое воровство и желая поссорить великихъ государей» ²⁾.

Пассивную роль играли запорожскіе козаки и въ 1644 году во время похода короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго противъ татаръ. Этотъ походъ предпринягъ былъ воиками въ отмщеніе за набѣгъ татаръ въ Задніпровье, сдѣланный ими въ 1643 году. Собравъ большое войско, Конецпольскій отправилъ впередъ себя воеводу Станислава Любомирскаго къ мѣстечку Ставищамъ для наблюденія за татарами. Въ свою очередь, Любомирскій, прибывъ въ Ставища, отправилъ отъ себя часть войска подъ начальствомъ князя Іереміи Вишневецкаго къ Дніпру, въ мѣстечко Мошны, и приказалъ ему строго слѣдить за движеніями непріятелей на обоихъ берегахъ рѣки. Татары шли подъ начальствомъ Тугай-бея, Муртазы-аги и Умаръ-аги, пользовавшихся репутаціей въ Крыму самыхъ храбрыхъ и дѣльных вонзовъ; послѣдній, кромѣ того, извѣстенъ былъ какъ лучшій казаузь, т.-е. проводникъ войска, отлично знавшій географическое расположеніе польско-украинскихъ областей. Января 3 дня татары заняли переправу черезъ Дніпръ у Тавани, объявивъ, что они идутъ не съ тѣмъ, чтобы воевать противъ Польши, а съ тѣмъ, чтобы вернуть свои стада, угнанные козаками. Гетманъ узнавалъ о всѣхъ движеніяхъ татаръ отъ бѣглыхъ запорожскихъ пѣвишниковъ, а также отъ чигиринскаго полковника, находившагося съ полкомъ въ Запорожьѣ, и отъ пана Забужскаго, отправленнаго туда же для развѣдокъ. Они сообщили

¹⁾ Теперешней харьковской губерніи, лясковского уѣзда.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 306.

гетману, что татары, не могли переправиться черезъ Днѣпръ у Тавани, вслѣдствіе обмерзлыхъ береговъ рѣки, безуспѣшно пытались сдѣлать это у Каирекой и Носоковской переправъ, а потомъ поднялись вверхъ до Кичкаса. Тогда Вишневецкій передвинулся въ Кореунь, а гетманъ изъ Бара спустился къ Ставищамъ. Здѣсь получено было извѣстіе, что орда, выждавъ два дня у Кичкаса, пока не окрѣпнѣ ледъ, переправилась съ лѣваго берега Днѣпра на правый и двинулась къ Желтымъ-Водамъ, отъ Желтыхъ-Водъ пошла черезъ верховье рѣчки Саксагани, черезъ рѣчки Ингулецъ, Ингуль и Высь. Тогда все польское войско сошлось у Ахматова на рѣкѣ Тикичѣ и здѣсь, 30 января, 1644 года, произошла битва между поляками и татарами. Битва окончилась для татаръ весьма печально: они были сломлены и бѣжали къ Синимъ-Водамъ, а оттуда частію къ Днѣпру, частію къ Очакову, а частію въ буджацкія степи. Между поляками во время этой битвы находились и козаки, но ихъ было всего лишь 400 человекъ и они поставлены были сзади всего войска ¹⁾).

Оставивъ свои набѣги на Черное море, запорожскіе козаки принуждены были прекратить и свои сношенія съ Украиной: на югѣ ихъ зорко стерегли турки, а на сѣверѣ за ними бдительно слѣдили поляки, засѣвшіе въ крѣпости Кодакѣ, а также и въ самой Сичѣ, куда посылалась особая залога, т.-е. гарнизонъ, частію изъ реестровыхъ козаковъ, а частію и изъ поляковъ, находившихся подъ начальствомъ особыхъ офицеровъ. Сдавленные съ обѣихъ сторонъ, запорожцы не теряли, однако, надежды на то, чтобы вновь выскочить въ широкое море и въ угнетаемую панствомъ и унией Украину. Такой случай представился имъ въ 1647 году, когда на историческую сцену Украины выступилъ знаменитый гетманъ, Зиновій Богданъ Хмельницкій.

---

¹⁾ Дневникъ Освѣцима: Кіевская старина, 1882, январь, 139—146.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Бѣгство Богдана Хмельницкаго въ запорожскую Сичу и пріемъ его козаками. — Посланцы короиннаго гетмана Потоцкаго въ Сичу съ приказаніемъ взловить Хмельницкаго. — Отъѣздъ Хмельницкаго въ Крымъ и возвращеніе въ Сичу. — Первая рада въ Запорожьѣ. — Письма Хмельницкаго къ знатымъ польскимъ панямъ. — Пріѣздъ въ Запорожье перекопскаго мурзы Тугай-бея. — Вторая рада въ Запорожьѣ. — Движеніе Хмельницкаго противъ поляковъ къ Желтымъ-Водамъ. — Встрѣча Хмельническимъ польской рѣчной флотиліи у праваго берега Днѣпра съ нѣбью склонить ее на свою сторону и позвать его въ этомъ усилѣхъ. — Положеніе лагерей козацкаго и польскаго у Желтыхъ-Водъ. — Полное пораженіе поляковъ у Желтыхъ-Водъ и Князьиго-Баѣрана. — Движеніи запорожцевъ отъ Желтыхъ-Водъ къ Корсуню, вмѣстѣ съ Хмельническимъ, Бѣлой-Церкви и на Волынь. — Недовольство запорожцевъ Хмельническимъ. — Сношенія Хмельницкаго съ запорожцами по поводу передачи Малороссіи Москвѣ. — Партія людей, не желавшихъ соединиться съ Москвою и бѣгство ея въ Запорожье. — Присяга запорожцевъ московскому царю. — Неудачные походы запорожцевъ въ Черное море и къ Очакову.

Выступая на историческую сцену Украйны, Хмельницкій прежде всего нашелъ пріютъ и помощь въ запорожской Сичи, у низовыхъ козаковъ. Лишенный состоянія, жены, малолѣтняго сына, осмѣянный на сеймѣ, брошенный въ тюрьму и приговоренный къ казни, Хмельницкій, съ сыномъ Тимошеемъ, въ началѣ декабря, 1647 года, бѣжалъ изъ тюрьмы въ Запорожье ¹⁾ и здѣсь, не добывая самой Сичи, бывшей въ ту пору на мысѣ Микитинѣ, расположился на островѣ Буцкѣ или Томаковкѣ, иначе Днѣпровскомъ островѣ, по теперешнему Городницѣ: «Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ, отъ берега (праваго) двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки» ²⁾. Но на островѣ Буцкѣ Хмельницкій нашелъ себѣ мало сочувствія, а причиной тому было нѣкоторое обстоятельство, происшедшее нѣсколько раньше этого времени, вдали отъ Сичи, въ самой Украйнѣ. Это обстоятельство

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, I, 29; Акты южной и западной Россіи, III, 167.

²⁾ Памятникъ кіевской комиссіи, т. I, отд. III, 18.

состояло въ томъ, что противъ старшинъ реестрового войска, стоявшихъ за польское правительство и грабившихъ своихъ соотечественниковъ, выступила партія недовольныхъ людей. Во главѣ старшинъ стоялъ тогда Барабашъ, при которомъ, въ званіи реестроваго сотника, состоялъ и Богданъ Хмельницкій. Во главѣ недовольныхъ старшинами былъ Осдоръ Линчай. Въ происшедшемъ между обѣими сторонами столкновеніи побѣда осталась на сторонѣ «барабашивцевъ», и «линчайвцы» должны были удалиться на Запорожье, гдѣ они нашли себѣ пріютъ на островѣ Буцкѣ. На этотъ-то островъ Буцкій бѣжалъ и Хмельницкій. Какъ всякаго гонимаго и безпріютнаго, его, разумѣется, приняли «линчайвцы», но Хмельницкій нашелъ болѣе удобнымъ для себя оставить островъ Буцкій и спуститься на самую Сичъ на Микитинѣмъ Рогѣ ¹⁾, стоящую на 18 верстѣ ниже острова.

Узнавъ о бѣгствѣ Хмельницкаго изъ тюрьмы, польскій коронный гетманъ, Потоцкій, немедленно послалъ въ Микитинскую Сичу приказаніе доставить ему бѣглеца обратно. Тогда Хмельницкій оставилъ Сичу и направился на Низъ, къ лиману, за нимъ гналась польская залога, находившаяся въ Сичи и состоявшая изъ 500 козаковъ и 300 поляковъ. Видя за собой погоню, Хмельницкій выслалъ къ преслѣдовавшимъ его козакамъ двухъ своихъ соучастниковъ и черезъ нихъ убѣдилъ козаковъ, что онъ встанетъ противъ поляковъ, а не противъ кровныхъ и единовѣрныхъ товарищей, и намѣренъ защищать благочестивую вѣру, къ чему призываетъ и всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Тогда козаки встали противъ поляковъ и часть изъ нихъ перебили, часть разогнали, послѣ чего сдѣлали все Запорожье свободнымъ отъ людскаго гнета.

Хмельницкій отъ лимана вернулся въ Сичъ и тутъ, въ присутствіи кошевого атамана, старшинъ и бывшихъ на ту пору козаковъ, сказалъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво описалъ поруганіе іезуитовъ надъ православною вѣрой и служителями святаго алтаря, глумленіе сейма надъ козацкими правами, насилія со стороны польскихъ войскъ надъ населеніемъ украинскихъ мѣстечекъ и городовъ, вымогательства и мучительства со стороны «проклятаго жидовскаго» рода: «Къ вамъ уношу душу и тѣло.—укройте меня, стараго товарища, защищайте самихъ себя, и вамъ тоже угрожаетъ!»

Тронутые этой рѣчью, козаки отвѣчали Хмельницкому: «Прій-

¹⁾ Буцнявскій, О Богданѣ Хмельницкомъ, Харьковъ, 1832, 38.

маемо тебя, пане Хмельницькій, хлибомъ-силою и щиримъ сердцемъ!»¹⁾).

Послѣ этого былъ кликнуть кличъ о сборѣ въ Сичъ всѣхъ козаковъ для очень важнаго дѣла. И тогда по этому клику толпа хлынула въ Сичъ: «Изъ лѣсовъ и ущелий прибѣгли въ Сичъ бѣглые хлопцы, которые жили подъ названіемъ дугарей, степовиковъ и гайдамакъ по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Конки, въ землянкахъ, одѣтые въ звѣриныя кожи, довольные скудною тетерею, но зато вольные, какъ вѣтеръ, по выраженію ихъ пѣсень»²⁾).

Но что именно затѣвалъ Хмельницькій и каковы были его планы, объ этомъ извѣстно было только кошевому атаману, войсковой старшинѣ да немногимъ сообщникамъ Богдана: остальнымъ пока рассказывали, что Хмельницькій и войсковая старшина собрали отовсюду въ Сичъ козацкую чернь для того, чтобы выбрать изъ всей среды козацкаго сословія депутатовъ и отправить ихъ съ разными просьбами къ королю. Въ этомъ же духѣ Хмельницькій писалъ письмо изъ Сичи (декабря 27, 28, 30 дня), къ черкасскому полковнику Барабану, козацкому комиссару Шембергу, гетману Николаю Потоцкому и коронному хорунжему, державцѣ чигиринскому, Консепцельскому. Во всѣхъ этихъ письмахъ Хмельницькій увѣрялъ пановъ въ томъ, что бѣжалъ въ Сичъ единственно ради личной безопасности и что намѣреніе его состоитъ въ томъ, чтобы отправить изъ Сичи въ Варшаву депутацію для защиты козаковъ отъ панскихъ насилій³⁾).

На письма Хмельницкаго изъ всѣхъ пановъ отвѣчалъ, по и то лишь послѣ долгаго убѣжденія со стороны нѣкоторыхъ знатныхъ поляковъ, одинъ только Потоцкій. Онъ послалъ въ Запорожье ротмистра польской службы Хмелецкаго и черезъ него убѣждалъ Хмельницкаго оставить мятежные замыслы и вернуться на родину: «Увѣрю васъ честнымъ словомъ, что волосъ не спадеть съ вашей головы,—говорилъ посланецъ Потоцкаго Хмельницкому,—если вы вернетесь на родину». Но Хмельницькій не повѣрилъ этому «честному слову» и остался въ Сичи, вездѣ распространяя молву, что онъ далекъ отъ всякихъ мятежныхъ замысловъ и проситъ лишь о милостяхъ для украинскаго народа и законныхъ привил-

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницькій, I, 1884, 253.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницькій, Спб., 1884, I, 254.

³⁾ Величко, Лѣтописъ, Кіевъ, 1878, I, 32—43; Грабянка, Лѣтописъ, Кіевъ, 1859, 40; Памятники кievской комиссіи, I, ст. III, 10, 21.

легіяхъ для козаковъ, безъ чего ни за что не выйдетъ изъ Запорожья ¹⁾).

Эти переговоры происходили въ мартѣ мѣсяцѣ, и Хмельницкій въ это время съ козаками находился на островѣ Буцкѣ, о чемъ доносили поляки 2 апрѣля, 1648 года, въ Варшаву ²⁾, а съѣхалъ онъ на островъ, будто бы, для корма лошадей ³⁾. Поляки вполнѣ повѣрили словамъ Хмельницкаго и спокойно возвратились изъ Запорожья.

А между тѣмъ Хмельницкій, обманувъ и успокоивъ поляковъ, внезапно оставилъ Запорожье и ушелъ съ сыномъ Тимошею въ Крымъ за помощью противъ поляковъ. Въ то время ханомъ въ Крыму былъ Исламъ-Герай. Послѣ долгихъ переговоровъ ханъ позволилъ Хмельницкому пригласить въ помощь перекопскаго мурзу, Тугай-бея съ войскомъ. Тугай-бей долго не соглашался на предложеніе Хмельницкаго, но подъ конецъ, соблазненный обѣщаніемъ большой добычи, изъявилъ свое согласіе. Союзники въ половинѣ апрѣля переправились съ лѣваго берега Днѣпра на правый у турецкаго города Кызыкермена ⁴⁾.

Пройхавъ степь отъ праваго берега Днѣпра, Тугай-бей и Хмельницкій раздѣлились: первый остановился на время у рѣчки Базавлука на Переволочанскомъ шляху, къ западу отъ Сичи, съ цѣлью охраненія западныхъ границъ Запорожья отъ внезапнаго прихода польскихъ войскъ; а второй направился прямо въ Сичь.

Между тѣмъ кошевой атаманъ запорожскихъ козаковъ, согласно уговору, сдѣланному съ Хмельницкимъ передъ его отъѣздомъ въ Крымъ, ожидая съ часу на часъ его поворота въ Запорожье, стянулъ со всѣхъ луговъ, вѣтокъ и рѣчекъ все конное и пѣшее низовое запорожское войско, объявляя всѣмъ о настоятельной необходимости прибытія въ Сичь, но не открывая, однако, истинной причины до возвращенія Хмельницкаго въ Сичь: «Хмельницкій очень хитро и предусмотрительно распорядился съ коневымъ атаманомъ и сичевою куренною атаманшею, такъ что о его замыслахъ и объ отъѣздѣ въ Крымъ не только не могли дознаться черезъ своихъ шпионовъ поляки, но и все войско низовое (кромя

¹⁾ Памятники кievской комиссіи, т. I, от. III, 19.

²⁾ Памятники кievской комиссіи, т. I, от. III, 18.

³⁾ Велвичко, Лѣтопись, Кіевъ, 1843, I, 44.

⁴⁾ Лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1854, 41.

самой атаманни) ничего не знало до самого возвращенія Хмельницкаго въ запорожскій Кошъ. А если бы знало о томъ войско, то знали бы и поляки, и тогда они могли бы иную приготовить встрѣчу Хмельницкому, нежели запорожцы» ¹⁾).

Хмельницкій прибылъ въ Сичъ апрѣля 18 дня, передъ самымъ заходомъ солнца, имѣя при себѣ четырехъ знатныхъ татаръ, данныхъ ему отъ Тугай-бея. Кошевой атаманъ, со всѣми куренными старшинами и съ пѣхимъ войскомъ, торжественно встрѣтилъ Хмельницкаго и привѣтствовалъ его «радостнымъ сердцемъ»: узнавъ же «о прихильности и ласкѣ» къ Хмельницкому и всему запорожскому войску крымскаго хана и о данной имъ помощи съ мурзой Тугай-беємъ, еще больше того возрадовался. Вечеромъ того же дня, по заходѣ солнца, въ Сичи, сообразно древнему запорожскому обычаю, ударили изъ трехъ самыхъ большихъ пушекъ, чтобы собрать къ слѣдующему дню конное войско, находившееся въ поляхъ и въ лугахъ близъ Сичи. На другой день, апрѣля 19 дня, чуть свѣтъ, выстрѣлы изъ тѣхъ же пушекъ повторились. Когда же насталъ свѣтъ и солнце разлило по всей поднебесной свои «огнезрачные и ясно блистательные» лучи, тогда собралась до Сичи огромная масса запорожскаго низового войска, простиравшаяся на ту пору до тридцати тысячъ слишкомъ человекъ. А когда ударили въ котлы для сбора на раду, то увидѣли, что сичевой майданъ слишкомъ тѣсенъ для такой великой силы войска: тогда кошевой атаманъ, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, вышелъ за сичевую фортецію и расположился на болѣе пространномъ майданѣ ²⁾). Тутъ, когда старшины и все войско размѣстились по своимъ мѣстамъ, козакамъ объявлено было о предпринимаемомъ великомъ дѣлѣ противъ поляковъ за ихъ обиды и притѣсненія, чинимыя козацкому войску и всему украинскому народу; вмѣстѣ съ этимъ объявлено было и то, что предпріятію Хмельницкаго сочувствуетъ крымскій ханъ Исламъ-Герай, приславшій козакамъ знатнаго мурзу, Тугай-бея, съ четырьмя тысячами орды, выразившій полную готовность лично помогать козакамъ противъ поляковъ, но зато оставившій у себя, въ качествѣ заложника, старшаго сына Хмельницкаго, Тимофея. Услыхавъ эти слова, войско отвѣчало: «Слава и честь Хмельниц-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 49.

²⁾ Майданъ съ турецкаго на русскій значитъ «лужайка, площадь»: Наливкинъ, Русско-сартовскій словарь, Казань, 1891, 83.

кому! Мы, какъ стадо безъ пастуха; пусть Хмельницкій будетъ нашимъ головою, а мы все, сколько насъ тутъ есть, все готовы идти противъ пановъ и помогать Хмельницкому до послѣдней утраты живота нашего!» Эти слова сказаны были «едиными устами и единымъ сердцемъ» всего собравшагося на площади запорожскаго низового войска. Послѣ этой рѣчи тотъ же часъ кошевой атаманъ послалъ въ войсковую скарбницу сичевого писаря съ нѣсколькими куренными атаманами и значными товарищами и велѣлъ посланнымъ вынести оттуда войсковые клейноты, чтобы вручить ихъ на площади Хмельницкому. Посланные вынесли изъ скарбницы ярко-красную, писанную золотомъ, королевскую хоругвь, дарованную запорожцамъ Владиславомъ IV, бунчукъ съ позолоченною на высокому древку галкою; серебряную, позлащенную, особенно мастерски сдѣланную и честнымъ каменіемъ украшенную, булаву; печать войсковую серебряную и котлы большіе, новыя мѣдные съ довшомъ: сверхъ того, три полевыхъ легкихъ пушки съ достаточнымъ количествомъ къ нимъ пороху и пуль.

Вручивъ и поставивъ передъ Хмельницкимъ все войсковые клейноты, низовые козаки объявили его гетманомъ, поздравляли въ новомъ званіи и выразили ему полную готовность, все сколько было въ Сичи народа, идти съ нимъ на войну.

Послѣ объявленія Хмельницкаго гетманомъ, одна часть войска тотчасъ же разошлась по куреніямъ; другая, съ Хмельницкимъ и кошевымъ, пошла въ церковь, въ которой зазвонили какъ разъ въ то время, когда окончено было все описанное въ радѣ дѣло. Послѣ окончанія литургіи и благодарственного молебна, по распоряженію кошевого, на площади ударили въ котлы, отдавая хвалу Богу, вся благая строящему; а потомъ вынали изъ 50 арматъ; послѣ выстрѣловъ изъ арматъ напала войсковая пѣхота, собравшаяся въ числѣ болѣе 10.000 человекъ, стоявшая среди сичевого майдана и вокругъ Сичи; выналивъ троекратно изъ мушкетовъ и арматъ, пѣхота разошлась по куреніямъ для обѣда. Хмельницкій съ куренными атаманами отправился на обѣдъ въ курень кошевого атамана. Отобѣдавъ и немного погулявъ послѣ обѣда (долго не гуляли, потому что всякъ имѣлъ у себя много на мысляхъ), все гости атамана ушли по своимъ куреніямъ для отдыха. Немного опочивъ, Хмельницкій и куренные атаманы снова явились къ кошевому атаману и послѣ долгихъ разговоровъ и совѣтовъ пришли къ такому рѣшенію, чтобы съ Хмельницкимъ выридилось на

Украину не больше осьми или десяти тысячъ человекъ войска, а остальное войско шло бы по своимъ мѣстамъ и промысламъ, но находилось бы въ полной готовности для военной кампаніи, если въ томъ окажется надобность. Послѣ этого совѣщанія кошевой велѣлъ ударить въ котлы и выпалить изъ двухъ большихъ пушекъ для собранія козаковъ въ Сичу. Войско собралось уже передъ вечернимъ пѣніемъ, и тутъ ему объявлено было рѣшеніе кошевого и гетмана. Выслушавъ этотъ «ординасъ», войско поблагодарило свою старшину и раздѣлилось на двѣ части: одна часть разѣхалась на звѣриные и рыбные промыслы; другая, конные охотники, военные мушкетеры и сагайдакеры¹⁾, слишкомъ на восемь тысячъ человекъ, осталась при Хмельницкомъ.

Въ то время, когда все это происходило въ Сичи, на западной границѣ Запорожья, отъ Чигирина и Переволочной, стоялъ, держа «значную и пыльную сторожку», союзникъ Хмельницкаго, Тугай-бей. Кошевой атаманъ, узнавъ объ этомъ со словъ Хмельницкаго, послалъ Тугай-бею хлѣба, вина, рыбы и мяса, выражая тѣмъ свое расположеніе къ мурзѣ за вниманіе хана, оказанное въ Крыму Хмельницкому.

Стоя въ теченіе трехъ дней на своемъ посту, Тугай-бей поймалъ на сичевомъ шляху около десяти подозрительныхъ человекъ.

Хмельницкій, допросивъ задержанныхъ людей, обнаружилъ, что это были польскіе шпіоны, посланные въ Сичъ для наблюденія за дѣйствіями запорожескихъ козаковъ. При допросѣ они объявили, что противъ Хмельницкаго высланы два отряда, одинъ сухопутнымъ, другой водой, по Днѣпру. Тогда Хмельницкій, «не бавлячися обширными допросами, чинилъ поспѣхъ своего маршу, а пойманцовъ въ путяхъ желѣзныхъ при арматахъ за собою велѣлъ провадити»²⁾.

Узнавъ о планахъ поляковъ и не желая видѣть польскую армію въ Запорожьѣ, Хмельницкій, апрѣля 22 дня, въ субботу, 1648 года, взявъ изъ Сичи арматы и войсковые клейноты, вышелъ на встрѣчу полякамъ. Прежде всего онъ обошелъ Старый-Кодакъ и, не желая оставлять его въ тылу, взялъ крѣпость въ свои руки, послѣ чего, подвинувшись выше Кодака, дошелъ до Желтыхъ-Водъ и Княжаго-

¹⁾ Сагайдакеры.—стрѣлокъ изъ лука; это названіе усвоено отъ слова «сагайдакъ»—дикій козелъ, кожей котораго обтягивали колчанъ, гдѣ хранились стрѣлы.

²⁾ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 48—54.

Байрака ¹⁾ и устроилъ здѣсь такъ-называемый козацкій таборъ изъ воевъ. Тугай-бей слѣдовалъ позади Хмельницкаго и, по приходѣ къ Желтымъ-Водамъ, сталъ не въ таборѣ, а особо для за-сады. Хмельницкому извѣстенъ былъ весь планъ военныхъ дѣй-ствій поляковъ и онъ хотѣлъ воспользоваться имъ въ свою пользу. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, что польскіе гетманы, коронный Николай Потоцкій и польный Мартынь Калиновскій, собравши боль-шое войско, раздѣлили его на двѣ части и отправили ихъ въ за-порожскія вольности. Одна часть этого войска, числомъ отъ 4.000 до 5.000 человекъ, состоявшая изъ украинскихъ реестровыхъ ко-заковъ и такъ-называемой нѣмецкой пѣхоты ²⁾, подъ начальствомъ Барабаша, должна была двигаться воднымъ путемъ до Кодака, гдѣ находился польскій гарнизонъ; другая часть, по различнымъ счетамъ отъ 1.200 до 20.000 человекъ, состоявшая изъ жолѣ-ровъ и драгунъ, подъ начальствомъ двадцатинестлѣтняго сына короннаго гетмана, нѣжинскаго старосты, Стефана Потоцкаго и козацкаго комиссара Шемберга, должна была двигаться отъ Чер-касъ сухопутьемъ, также дойти до Кодака и тутъ соединиться съ реестровыми козаками, плывшими по Днѣпру ³⁾. Стефану По-тоцкому приказано было «пройти степи и лѣса, разорить и унич-тожить до-тла презрѣнное скопище козаковъ и привести зачи-н-ковъ на праведную казнь: «Иди,—сказалъ старый Потоцкій своему сыну Стефану,—и пусть исторія напишетъ тебѣ славу» ⁴⁾. Сами гетманы съ коронными войсками обѣщали идти вслѣдъ за Степа-номъ Потоцкимъ.

Хмельницкій зналъ (и, очевидно, изъ вѣрныхъ источниковъ), что по Днѣпру идутъ противъ него не сами поляки, а посланные поляками реестровые козаки, т.-е. такіе же православно-русскіе люди, какъ и всѣ украинцы, но только обязанные службой поль-скому королю. И запорожскій вождь рѣшился подѣйствовать на

¹⁾ Желтыя-Воды и Кияжіе-Байраки въ теперешнемъ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи. Что подъ Желтымъ-Водами разумѣется не балка Днѣпра, а степная рѣчка, это видно изъ письма самого Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу, писаннаго 8 июня, 1648 года: «Господь Богъ помогъ намъ одолѣти (поляковъ) на Желтой-Водѣ, въ полѣ, посередѣ дороги запорожской»: Акты южной и западной Россіи, III, 207, 216, 281.

²⁾ Нѣмецкая пѣхота и драгуны—тѣ же русскіе, только одѣтые нѣмцами.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, III, 185.

⁴⁾ Лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1854, 42.

ихъ чувства, чтобы оторвать ихъ отъ поляковъ. Оставивъ таборъ, Хмельницкій поспѣшилъ къ правому берегу Днѣпра, къ урочищу Каменному-Затону, куда 3 мая, вечеромъ, прибыли и причалили къ берегу реестровые козаки. Посредствомъ тайныхъ агентовъ Хмельницкій стумблъ разжечь въ реестровыхъ козакахъ такую ненависть къ полякамъ, что они тотъ же часъ, по прибытіи къ Затону, возмущились противъ ялховъ, перебили своихъ начальниковъ, Барабана, Вадовскаго, Пляна и другихъ, и трупы ихъ побросали въ Днѣпръ, а мая 4 дня соединились уже съ козаками, стоявшими у табора: они были доставлены къ Желтымъ-Водамъ, по просьбѣ Хмельницкаго, на коняхъ Тугай-бея и въ этотъ же день вошли въ козацкій лагерь, у лѣваго берега Желтыхъ-Водъ.

Рѣчка Желтыя-Воды, притокъ рѣчки Ингульца или Малаго-Ингула ¹⁾, образуетъ въ верховьяхъ своихъ двѣ вѣтки, западную, болѣе значительную, называемую теперь собственно рѣчкою Желтою, и восточную, менѣе значительную, называемую въ настоящее время Очеретнею балкою. Между этими двумя вѣтками образуется родъ полуострова, который въ XVII вѣкѣ покрытъ былъ лѣсомъ, составлявшимъ продолженіе Чуты и Чернаго и называвшимся «соперникомъ съ Чернымъ». Этотъ полуостровъ доступенъ былъ только съ одной, сѣверной, стороны, зато съ трехъ остальныхъ сторонъ, восточной, западной и южной, былъ совершенно недоступенъ. Въ этой-то трупобѣ, у лѣваго берега рѣчки Желтыхъ-Водъ, и засѣли козаки Богдана Хмельницкаго, тотчасъ окопавшись землянымъ четырехугольникомъ и укрѣпившись таборомъ. Хмельницкій хорошо зналъ, что Стефану Потоцкому не миновать Желтыхъ-Водъ. Здѣсь было слишкомъ удобное для военнаго дѣла мѣсто: въ немъ можно было найти среди степной пустыни и воду, и лѣсъ, и подножный кормъ, и прохладу; къ тому же оно лежало на прямомъ трактѣ отъ западной окраины запорожскихъ вольностей въ Сичъ и представляло изъ себя возвышенность, господствующую надъ всею окружающею мѣстностью.

И козацкій гетманъ не ошибся: Потоцкій, не подозрѣвая засады, пришелъ прямо къ правому берегу Желтыхъ-Водъ и уже переправился-было съ праваго берега на лѣвый, но тутъ онъ ужасалъ о грозившей ему опасности отъ козаковъ и поспѣшилъ

¹⁾ Мышецкій, *Исторія о козакахъ*, Одесса, 1852, 7; *Акты южной и западной Россіи*, III, 207, 216, 281.

переправиться обратно съ лѣваго на правый берегъ рѣчки. У праваго берега поляки ошанцевались, т.-е. устроили укрѣпленіе ¹⁾), сбили возы въ четырехугольникъ, вывели впереди себя на версту кругомъ валъ и поставили пушки. Козаки, съ своей стороны, подвинулись къ Желтымъ-Водамъ; они работали одинъ безъ своего гетмана, дѣйствовавшаго въ это время у Каменнаго-Затона, куда прибыли реестровые козаки съ своимъ вождемъ Барабашомъ.

Скоро оказалось, что Потоцкій очутился въ положеніи болѣе, чѣмъ критическомъ: впереди стояли козаки. справа шла рѣчка Зеленая, притокъ Ингульца, параллельная Желтымъ-Водамъ, слева тянулась балка Княжіе-Баїраки, покрытая дремучимъ лѣсомъ, имѣющая до 60 сажень глубины (при устьѣ) прямого отвѣса, замыкающаяся рѣчкою Большимъ-Омельникомъ. Видя такое положеніе, Потоцкій приказалъ какъ можно сильнѣе укрѣпиться. Поляки сдѣлали у лѣваго берега Желтыхъ-Водъ продолговатый кругъ; съ южной стороны этого круга оставили входъ и защитили его шанцами, въ видѣ полукруговъ, внутренней стороной своей обращенныхъ къ полю. Вѣхъ этихъ шанцевъ было сдѣлано 6 главныхъ, по 3 съ каждой стороны вѣѣзжихъ воротъ; они шли параллельно другъ другу, образуя четыре шеренги укрѣпленій; кромѣ того, было сдѣлано шесть другихъ шанцевъ, обращенныхъ къ укрѣпленіямъ открытыми дугами, образующими какъ бы улицу, идущую отъ поля къ главнымъ окнамъ, по 3 съ каждой стороны, одинъ за другимъ банкетами: одинъ изъ шанцевъ, у котораго, кажется, былъ колодезь, замыкалъ, въ концѣ улицы, ворота. Такимъ образомъ все укрѣпленіе польскаго лагеря представляло изъ себя обширное колесо, заключавшее въ себѣ 234 сажени съ юга на сѣверъ и нѣсколько болѣе этого съ востока на западъ ²⁾).

Стратегическое положеніе войска Хмельницкаго казалось выгоднѣе уже потому, что было прикрыто лѣсомъ и давало возможность козакамъ свободно отступать къ своимъ.

Пространство между лагерями противниковъ было не болѣе 2¹/₂ верстъ, такъ что они могли смотрѣть другъ на друга.

Дѣйствія войны начались 4-го мая съ прибытіемъ Хмельниц-

¹⁾ По точному опредѣленію Маріана Дубецкаго, подъ 48°29' сѣверной широты и 51°20' восточной долготы: *Rozprawy i sprawozdania*, Krakow, 1880, tom XII.

²⁾ Dubecki, *Rozprawy i sprawozdania*, Krakow, 1880, tom XII.

каго въ лагерь. Прибывъ въ лагерь, Хмельницкій прежде всего послалъ черезъ болото къ Тугай-бею козака съ просьбой послѣ-
шить къ нему на помощь. Тугай-бей на просьбу Хмельницкаго отправилъ немалочисленный отрядъ погайцевъ въ тылъ полякамъ. Настоящая битва открылась мая 5 дня: она продолжалась нѣ-
сколько дней съ перерывами: подъ конецъ поляки принуждены
были отступить отъ Желтыхъ-Водъ на западъ по направлеиію
къ балкѣ Кияжимъ-Байракамъ. Но это отступление было роко-
вымъ для нихъ: поляки не подозрѣвали, что въ тылу ихъ стоялъ
Тугай-бей съ татарами и что Хмельницкій, предвидя отступление
ихъ, послалъ въ балку Кияжіе-Байраки отрядъ иѣшихъ козаковъ
и приказалъ имъ поконать тамъ рвы и канавы. Это было 8 мая
передъ обѣдомъ; поляки, повернувъ отъ Желтыхъ-Водъ, добра-
лись до Кияжихъ-Байраковъ. «Вдругъ на горизонтѣ поднялась
пыль, потомъ зачерѣбла толпа людей и, черезъ нѣсколько вре-
мени, воздухъ наполнился дикимъ крикомъ: то былъ Тугай-бей
съ татарами. Не уважалъ договора съ козаками, поганъ броси-
лись на панскій обозъ: стрѣлы тучами полетѣли въ лицо шляхтѣ,
пробивали насквозь и калѣчили и людей и лошадей; поляки уско-
рили походъ, но вошли въ ярь и не могли сдѣлать шага: путь
лежалъ черезъ бугераки, покрытые мелкимъ лѣсомъ¹⁾; козаки, за-
бѣжавъ впередъ, рыли землю, сбросали деревья и каменьевъ,
сдѣлали дорогу советымъ непроходимую: свернуть въ сторону было
невозможно, кони падали; возы погрузились въ илистой землѣ.
Тугай-бей побралъ у поляковъ пушки, и начали татары палить
на поляковъ изъ ихъ же собственныхъ орудій. Тогда поляки при-
нялись съ жаромъ копать валъ, побросали ружья, устроились въ
четыреугольникъ, начали отбиваться саблями, деревьями, камнями,
но не помогла имъ отчаянная храбрость: татары ударили на нихъ
съ четырехъ сторонъ, перевернули ихъ четыреугольникъ и со-
шлись въ срединѣ обоза съ противоположныхъ концовъ. Потоц-
кій, полумертвый, взятъ былъ въ плѣнъ; за нимъ, кто остался
живъ, не положили оружіе. Молодой храбрецъ скончался на
другой день среди степи. Шемберга, Сапѣгу, Чарнецкаго Хмель-
ницкій отправилъ въ Чигиринъ, тогда же занятый козаками.
«Отце вамъ, панове, за тѣе що не схотили съ козаками - молод-

¹⁾ Это нѣсколько неточно: по балкѣ Кияжимъ-Байракамъ росъ и теперь
растетъ крупный породы лѣсъ.

цями у мирі жити: дучше вамъ булы жиды-збѣйци, нижъ запорожци-молѣдци» ¹⁾).

«Летѣть орелъ по-надъ хуторъ та по вітру вѣтця,
Ой тамъ, ой тамъ бідний козакъ зъ поляками бѣтця;
Ой годі намъ, вражб ляхъ, руську кривцю пѣты,—
Не едѣшь ляхъ молоденькій посиротѣвъ дити» ²⁾).

Исходомъ Желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожскимъ козакамъ, ихъ военнымъ силамъ, ихъ искусству строить земляныя укрѣпленія, ихъ арматамъ, вывезеннымъ изъ Сичи, ихъ мужеству и стойкости. Желтоводская битва, открывшая Хмельницкому дорогу въ глубь Польши, имѣла для малороссійскаго народа почти то же значеніе, что Куликовская для великороссійскаго: здѣсь положенъ былъ конецъ игу Польши надъ Малороссіей, и въ этомъ дѣлѣ главная заслуга принадлежитъ запорожцамъ.

Отъ Желтыхъ-Водъ запорожскіе козакъ ходили за Хмельницкимъ къ Корсуню и тутъ участвовали въ нанесеніи пораженія, мая 26 дня, польскимъ войскамъ, предводимымъ Николаемъ Потоцкимъ и Мартиномъ Калиновскимъ. Захвативъ до 80 знатныхъ полковъ въ плѣнъ, запорожцы съ насмѣшками и упреками спрашивали ихъ, будутъ-ли они снова ходить на Запорожье и будутъ-ли снова добывать его, и видя, какъ они тряслись отъ холода, просили Хмельницкаго выдать «панамъ» по кожуху. Истопиенъ Величко, описывая корсунскую битву, особенную дань отдаетъ въ этомъ случаѣ запорожскимъ козакамъ. «Послѣ Желтоводской битвы Хмельницкій съ Тугай-беемъ оставался неподвижно три дня, приспособляя свой обозъ для наступающей войны съ коронными гетманами. Онъ приспособилъ водныя арматы для передвиженія ихъ по степи новымъ способомъ въ виду болѣе легкаго и скорого ихъ въ взаимной потребѣ передвиженія: онъ поставилъ каждую армату на два колеса и въ одну лошадь. Такъ онъ установилъ 26 арматъ и арматокъ и къ нимъ приставилъ лучшихъ стрѣльцовъ запорожскихъ, 500 человекъ спѣшивши и 300 человекъ оставивши на коняхъ для всякаго случая. И эти вновь назначенные пушкаріи также искусно стрѣляли изъ арматъ, какъ и изъ мушкетовъ» ³⁾).

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 283. III, 336; Акты южной и западной Россіи, III, 281.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни мал. нар. Кіевъ, 1874.

³⁾ Величко, Истопиенъ, Кіевъ, 1848, I, 65.

За услугу запорожцевъ при Желтыхъ-Водахъ и Кореунѣ гетманъ Хмельницкій отправилъ въ Сичь, при своемъ письмѣ, подарокъ низовымъ козакамъ: за одну хоругвь четыре хорошихъ хоругви, за одинъ бунчукъ два бунчука, за одну булаву двѣ булавы, за одну пару простыхъ котловъ три пары прекрасныхъ котловъ, за три арматы шесть отборныхъ арматъ; кромѣ того, за войсковое благодѣланіе тысячу битыхъ талеровъ на войско да на божественную перкомъ и ея служителей триста талеровъ. Отправляя въ Сичь эти подарки, Хмельницкій извѣщалъ кошевого атамана о своихъ побѣдахъ надъ поляками при Желтыхъ-Водахъ и Кореунѣ, благодарилъ низовое войско за помощь и пріязнь, оказанную въ Сичи гетману, извѣщалъ о посылкѣ гостинца 1.000 талеровъ для рыцарству на вино и коней и просилъ за успѣхъ войны воздать благодареніе Господу Богу и не оставить своею помощію на будущее время, когда въ Сичу присланъ будетъ ординаръ гетманскій: «А хто зъ васъ есть охотѣишій, тотъ и заразъ нехай прибуваєть къ намъ до компаніи воинской» ¹⁾).

Запорожцы сочувственно отозвались на этотъ призывъ Хмельницкаго, и когда они, двинувшись отъ Кореуни, остановились станомъ при Бѣлой-Церкви, то при немъ, по увѣренію лѣтописца, «новоприбывшихъ запорожцевъ» было 2.000 человекъ ²⁾. Запорожцы принимали участіе въ походахъ Хмельницкаго и на Волынь: тогда къ нему, по его зову, устремились дикіе дугари и лѣсные гайдамаки съ береговъ Самары и Ташлыка ³⁾).

Впрочемъ, было время, когда запорожцы не только не откликнулись на призывъ Хмельницкаго, а напротивъ того, сами выступали противъ него. Такъ было въ 1650 году, скоро послѣ зборовскаго договора Хмельницкаго съ поляками, когда вся украинская масса, чаявшая большихъ благъ отъ походовъ Хмельницкаго противъ поляковъ, осталась недовольна какъ договоромъ, такъ и самимъ гетманомъ. Тогда Хмельницкій сдѣлался развѣившимся кумиромъ въ глазахъ толпы, и тутъ объявился какой-то, неизвестный по имени, козакъ, который назвалъ себя гетманомъ Украины и сталъ собирать подъ свои знамена запорожскихъ козаковъ. Однако, дѣйствія этого «гетмана» были кратковременны:

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 75.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 91.

³⁾ Костомаровъ, Б. Хмельницкій, I, 365.

онъ былъ схваченъ Хмельницкимъ и обезглавленъ¹⁾. Но въ слѣдъ за нимъ явился другой гетманъ, иѣкто Гуцкій, принявшій званіе козацкаго вождя въ самомъ Запорожьѣ и уже успѣвшій было собрать вокругъ себя много недовольныхъ Хмельницкимъ людей. Но и Гуцкій дѣйствовалъ не долго: онъ былъ схваченъ самими козаками и отправленъ въ Чигиринъ.

Въ 1651 году самъ Хмельницкій показывалъ готовность уйти на Запорожье, когда находился въ Павлочѣ и услыхалъ, что его союзникъ, крымскій ханъ, Пеламъ-Герай, отказался отъ союза съ козаками и подвергнулъ его одного всѣмъ случайностямъ войны съ поляками²⁾. Впрочемъ, это желаніе осталось только лишь однимъ желаніемъ, и когда Хмельницкій, послѣ бѣлоцерковскаго трактата, также мало удовлетворившаго козаковъ, вновь сталъ собираться, въ 1653 году, походомъ противъ поляковъ, то къ нему прибыло 9.000 человекъ запорожцевъ изъ Сичи, особенно переполненной на ту пору народомъ, ушедшимъ на Пизъ, въ числѣ 12.000 человекъ, вслѣдствіе случившагося на Украинѣ голода³⁾. За годъ передъ этимъ запорожцы оставили свою Сичу на Микитиномъ-Рогѣ и построили Сичу на устьѣ рѣчки Чортомлыка, строителемъ котораго былъ кошевой атаманъ Лутай⁴⁾. Сюда и устремились голодные украинцы.

Въ 1654 году запорожскіе козаки оказали Хмельницкому и всей Малороссіи огромную услугу тѣмъ, что разбили часть татаръ, грабившихъ украинцевъ по разнымъ городамъ и селеніямъ. Дѣло это, по словамъ лѣтописца, произошло послѣ того, когда крымскій ханъ, долго и напрасно ждавшій жванецкаго съ поляками трактата, бросился на Волынь и Полѣсье, разграбилъ тамъ нѣсколько городовъ, селъ и деревень, набралъ много ясырю и ушелъ въ Крымъ. Полный справедливаго негодованія, Хмельницкій узналъ, что послѣ отхода хана въ Крымъ, часть его орды, числомъ 15.000 человекъ, угнавшаяся далеко въ Литву, имѣла возвратиться назадъ мимо Кіева. Тогда Хмельницкій, взявъ съ собой 9.000 человекъ запорожцевъ, еще не отпущенныхъ въ Сичь и стоявшихъ по квартирамъ возлѣ Чигирина, и прибавивъ къ нимъ 300 собственнхъ козаковъ, бросился съ ними къ Бѣлому

¹⁾ Памятники кievской комиссіи, II, 20.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, II, 394.

³⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, III, 89.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 13.

городку, что возлѣ Межигорскаго монастыря, и здѣсь, встрѣтившись съ ними въ одномъ мѣстечкѣ, разбилъ на голову всѣхъ татаръ, упустилъ лишь какой-нибудь десятокъ человекъ, принесшихъ о томъ извѣстіе хану. Послѣ этого, одаривъ козаковъ добычею и ясыремъ, Хмельницкій самъ повернулъ въ Чигиринъ, а козаковъ отпустилъ на Коншъ. Съ тѣхъ поръ у Хмельницкаго съ ханомъ произошелъ полный разрывъ вмѣсто прежней дружбы и пріязни ¹⁾).

Сражаясь въ теченіи восьми лѣтъ за свободу и самостоятельность своей отины, Хмельницкій подъ конецъ убѣдился, что Малороссія одной не удержитъ своей самостоятельности, и потому счелъ за лучшее отдаться «въ протекцію» могущественнаго государя и свое вниманіе остановилъ на русскомъ царѣ, «восточномъ православномъ монархѣ». Рѣшившись на такое важное дѣло, Хмельницкій не хотѣлъ привести его въ исполненіе, не посоветовавшись предварительно съ запорожскими козаками. Съ этою цѣлью, возвращая 9.000 человекъ запорожцевъ въ Сичъ, онъ написалъ письмо (декабря 26 дня, 1654 года) на имя кошевого атамана и всего низового войска и въ немъ просилъ дать ему совѣтъ и выразить по этому поводу свою волю. «На письмо наше, писанное нами еще прошлымъ лѣтомъ къ вамимосцѣмъ, мосцѣ панству, и касавшееся вопроса о протекціи пресвѣтлѣйшаго и великодержавнѣйшаго московскаго монарха, мы и по настоящее время не имѣемъ никакого отъ вамимостей, мосце панства вашего, отвѣта. Теперь, отправляя къ вамъ нарочнаго посланца, особенно желаемъ, чтобы вамимосцѣ, мосце панство, хорошенько вдумавшись въ наше письмо, дали бы на него черезъ нашего посланца окончательный и рѣшительный отвѣтъ и ваше мнѣніе. Такъ какъ мы не безъ воли и совѣта вашего, нашей братіи, подняли и всю тяжесть войны съ поляками, то мы не желаемъ, безъ вашего совѣта и воли, затѣвать такое большое дѣло, какъ вопросъ о протекціи московской. И хотя мы, послѣ совѣта съ старшиною нашею, заявили уже голосъ нашъ его царскому пресвѣтлому величеству и самодержцу всероссійскому, однакоже безъ вашего вѣдома и вашей воли я не окончу этого дѣла. Постарайтесь же вамимосцѣ, мосце панство, безъ дальнѣйшаго откладыванія, окончательный дать намъ на наше обширное письмо отвѣтъ, котораго

¹⁾ Величко, Лѣтопись. Кіевъ, 1848, I, 163.

мы такъ усердно желаемъ». Въ заключеніе письма Хмельницкій извѣщалъ запорожцевъ о посылкѣ имъ гостинца въ 1.000 битыхъ талеровъ и просилъ принять благосклонно его подарокъ.

Получивъ это письмо, запорожцы политично отвѣчали Хмельницкому, что московская протекція дѣло хорошее и весьма желательное, но только, при заключеніи условій съ Москвой, нужно смотрѣть за тѣмъ, чтобы отъ того не вышло чего-нибудь «шкодливаго» для отчизны украинской и чего-нибудь вреднаго правамъ и вольностямъ козацкимъ.

«Ясневельможный мосце пане, Зиновій Хмельницкій, гетмане войска запорожскаго и всей Украины малороссійской, брате и добродѣю нашъ. На обширное ваше гетманское письмо, писанное къ намъ прошлымъ лѣтомъ, мы не дали вамъ отвѣта до сихъ поръ потому, что ваша гетманская мосць, со всѣмъ козацкимъ войскомъ, оставались все лѣто въ Польнѣ и на Подолѣ подъ Жванцемъ, въ чемъ усердно просимъ извиненія у вашей гетманской мосци. Пынѣ же, отвѣчая на ваше гетманское упомянутое письмо, объявляемъ, что мы совершенно поняли его и не только познали, но и ясно своими глазами увидѣли, что теперь намъ съ поляками, какъ съ змѣей, имѣющей отсѣченный хвостъ, отнюдь невозможно сойтись и стать въ прежнюю пріязнь. Поляки, будучи виновниками всему злу и достаточно насмотрѣвшись, сколько въ теченіе шестилѣтнихъ военныхъ дѣйствій, какъ въ ихъ собственной коронѣ, такъ и въ нашей малороссійской Украинѣ, развило пепла отъ людскихъ поселеній и сколько побито на войнѣ и лежитъ на поляхъ человѣческихъ костей, поляки, не смягчая своего гнѣва на насъ, до сихъ поръ, при вопросѣ объ утвержденіи нашихъ правъ и свободы, не могутъ придти къ прежней пріязни и згодѣ. Потому не совѣтуемъ и вамъ съ этого времени заботиться о пріязни къ полякамъ, а мысль вашу объ отдачѣ всего малороссійскаго народа, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра живущаго, подъ протекцію великодержавнѣйшаго и пресвѣтлѣйшаго монарха россійскаго принимаемъ за достойную вниманія и даемъ вамъ нашъ войсковой совѣтъ, не оставляя этого дѣла, привести его къ концу, къ наилучшей пользѣ нашей малороссійской отчизны и всего запорожскаго войска. И когда будете писать вы пакты, то извольте, ваша гетманская мосць, сами усердно досматривать, чтобы въ нихъ не было чего-нибудь лишняго и отчизнѣ нашей шкодливаго, а предковѣчнымъ правамъ и вольностямъ нашимъ противнаго и

неполезнаго. Мы достоверно знаемъ, что великодержавнѣйшій и пресвѣтлѣйшій монархъ, самодержецъ всероссійскій, какъ православный царь, пріиметь охотно и ласково насъ, яко чадолюбивый отецъ своихъ сыновъ, въ томъ же святомъ православіи непоколебимо стоящихъ, подъ свою крѣпкую протекцію, не требуя отъ насъ никакихъ дапей и платжей въ свою монаршескую казну, исключая нашей войсковой службы, за что мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, всегда будемъ готовы идти противъ его монаршихъ непріятелей. Еще недавно, прошлымъ Филипповскимъ постомъ, одинъ царскій дворянинъ, Пикита Харлампіевъ, проѣзжая изъ московской столицы въ Крымъ для выкупленія изъ бусурманской неволи своихъ кровныхъ и находясь въ запорожской Сичи, купилъ у насъ за 900 золотыхъ трехъ татаръ. Этотъ дворянинъ слышалъ отъ многихъ князей и бояръ, близкихъ къ царскому величеству, что его царское пресвѣтлое величество всей душой желаетъ имѣть насъ, войско запорожское, со всеѣмъ народомъ украинско-малороссійскимъ, въ своемъ союзѣ и въ протекціи монаршей, только не желаетъ о томъ объявлять, чтобы не полатъ повода полякамъ разорвать существующаго мира. Мы, все войско низовое запорожское, советуемъ твоей ясной гетманской мощѣ не откладывать того важнаго дѣла, устроить его къ пользѣ всеѣхъ насъ и отчины нашей малороссійской и привести къ концу его возможно лучше, сообразно давней пословицѣ—чѣмъ мѣдѣ, а патрѣшъ кѣнца ¹⁾ и остерегаюсь того, чтобы поляки, провѣдавъ о томъ, не устроили бы своими хитростями какой-либо препоны. Дакуемъ при семъ усердію твоей ясной гетманской мощѣ за гостинецъ, тысячу битыхъ талеровъ, намъ присланныхъ, и обѣщаемся отслужить вамъ за нихъ при первой оказіи. А на этотъ часъ и на всякое время желаемъ вашей гетманской мощѣ, со всеѣмъ войскомъ и Украиною, нашею отчиною, многолѣтняго добраго здорovia и счастливаго неваженія. Писанъ въ Сичи запорожской, генваря 3 дня, року 1654» ²⁾).

Послѣ присяги Хмельницкаго и всего украинскаго населенія московскому царю возникъ вопросъ и о присягѣ царю войска запороженскихъ низовыхъ козаковъ. Но запорожцы отъ присяги почему-то хотѣли уклониться: самъ гетманъ отвѣчалъ по этому поводу въ

¹⁾ То-есть, «дѣлай мудро, но смотри кѣнца».

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848. I, 167—170.

Москву (въ мартѣ мѣсяцѣ, 1654 года), что «запорожскіе козакки люди малые, и то изъ войска перемѣнные, и тѣхъ въ дѣло починать нечего» ¹⁾. Въ это же время, т.-е. въ 1654 году, на Украинѣ, послѣ присоединенія Малороссіи къ Великороссіи, возникла сильная партія, нежелавшая стать въ подданство московскаго государя. Изъ замѣчательныхъ лицъ козацкаго сословія къ этой партіи принадлежалъ Иванъ Сирко, впоследствии знаменитый кошевой атаманъ запорожскихъ козаковъ; не желая оставаться на Украинѣ, Сирко скоро покинулъ ее и ушелъ въ Запорожье ²⁾.

Тѣмъ не менѣе, гетманъ Богданъ Хмельницкій, въ концѣ апрѣля мѣсяца, 1654 года, послалъ въ Сичъ списокъ со всѣхъ жалованныхъ украинскому козачеству и малороссійскому народу монаршихъ грамотъ на его древнія права и вольности, дарованныя при великихъ князьяхъ и польскихъ короляхъ. Запорожцы, получивъ письмо гетмана, отвѣчали ему, мая 3 дня, что они очень рады слушать рѣчь «о закрѣпленіи и подтвержденіи превысокихъ монархомъ стародавнихъ правъ и вольностей войска малороссійскаго народа, воздаютъ хвалу и благодарность пресвятой Троицѣ и покланяемому Богу и никакаго челобитствія пресвѣтлѣйшему государю», но вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ гетмана прислать имъ подлинники актовъ «для доскональнаго видѣнія» ³⁾.

Въ концѣ концовъ, однако, Москва настояла на томъ, чтобы и запорожцы, не смотря на то, что они «малые люди», присягнули на вѣрность московскому государю ⁴⁾.

Въ наставшую послѣ присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи войну русскихъ и козаковъ съ поляками и ихъ союзниками татарами запорожцы вѣрно служили гетману Богдану Хмельницкому и царю Алексѣю Михайловичу. Такъ, въ 1654 году, мая 11 дня, кошевой Нашико писалъ писарю Богдана Хмельницкаго, Ивану Витовскому, что мурза Большого-ногая, Келембетъ съ товарищами и татарами, перевозились ниже Таванъ съ черкасской стороны на татарскую и пошли вверхъ по Днѣпру къ Молочнымъ-Водамъ. Юня 11 дня Иванъ Витовскій писалъ тому же кошевому атаману въ Запорожье письмо съ просьбой поймать «добраго» татарина и прислать его въ обозъ, въ мѣстечко Ме-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи. X. 442.

²⁾ Historia panowania Jana Kazimierza, Poznań, 1840, I, 182.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 183—185.

⁴⁾ Чтенія московскаго общества исторіи и древн., 1845, № 6, 43.

жирничъ корсунскаго полка, чтобы узнать отъ него, куда намѣренъ пойти крымскій ханъ и сколько онъ пошлетъ людей польскому королю. Самъ Богданъ Хмельницкій въ тотъ же день писалъ письмо царю Алексѣю Михайловичу съ извѣщеніемъ о томъ, что погайцы съ очаковцами, переконцами и блангородцами перешли на правую сторону Днѣпра и хотять помогать лихамъ, набѣгаютъ на украинскіе города, хватаютъ по полямъ людей и что по этому поводу онъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій, послалъ грамоту запорожцамъ бить татаръ, а также узнать отъ крымскихъ изысковъ объ истинныхъ намѣреніяхъ хана ¹⁾. Быть можетъ, въ связи съ этимъ приказаніемъ Богдана Хмельницкаго стоитъ извѣстіе турецкаго путешественника Эвлия-эфенди о неудачной попыткѣ запорожскихъ козаковъ взять турецкій городъ Варну, когда они высадились близъ этого города, но были разбиты Малекъ-Ахметъ-пашой. Въ 1656 году этотъ же самый Малекъ-Ахметъ выгналъ запорожскихъ козаковъ изъ Очакова, который они пытались захватить въ свои руки ²⁾. Юля 10 дня, 1657 года, Богданъ Хмельницкій извѣщалъ московскаго царя, что въ виду соединенія татаръ съ поляками, на Запорожье послать указъ, чтобы запорожцы, взявъ Бога всемогущаго на помощь и послѣ молитвъ пресвятой Богородицы, чинили бы промыслъ надъ Крымомъ ³⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, X, 599, 665, 670.

²⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 172.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 713.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Настроение населенія на Украинѣ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго и откликъ этого настроенія въ Запорожьѣ. — Гетманъ Виговскій и его письмо къ запорожцамъ по поводу избранія въ гетманы. — Дипломатическій отвѣтъ запорожцевъ Виговскому и открытая вражда ихъ къ нему. — Извѣтъ гетмана Виговскаго на запорожцевъ, посланный въ Москву. — Осмотрительное обращеніе Москвы съ запорожцами. — Отправленіе запорожцами посланцевъ въ Москву. — Возвращеніе посланцевъ запорожскихъ въ Сичу и политическое обращеніе козаковъ съ гетманомъ Виговскимъ. — Отправка гетманомъ въ Запорожье одного полка подъ предлогомъ охраны отъ татаръ, въ дѣйствительности же для искорененія между запорожцами всякаго своеволія. — Обвинія запорожцевъ въ измѣнѣ, гетманъ Виговскій самъ думаетъ объ измѣнѣ русскому царю. — Показанія о томъ козака Зятя въ Москвѣ. — Возвращеніе запорожскихъ посланцевъ изъ Москвы и описаніе ихъ быть захваченными со стороны Виговскаго. — Вражда между Виговскимъ и полтавскимъ полковникомъ Пушкаремъ и поддержка Пушкаря запорожцами. — Новые враги Виговскаго, Яковъ Барабашъ и другіе. — Открытая измѣна Виговскаго русскому царю и борьба его по этому поводу съ запорожцами.

Богданъ Хмельницкій, умирая, имѣлъ слабость дать гетманскую булаву молодому и совѣтъ неопытному сыну своему, Юрію Хмельницкому. Но «до булавы, по малороссійской пословицѣ, трѣба головы», а между тѣмъ Юрій, хотя и имѣлъ голову, но голову почти безъ здраваго смысла и совѣтъ безъ политическихъ соображеній. «Тому гетманишкѣ прилично бы гуси пасти, а не гетмановать», выразился о немъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ ¹⁾. И точно, это былъ «отъ природы свихуъ, Юрасъ небожчикъ», нравомъ злой, умомъ ограниченный, тѣломъ слабый юноша. Неудивительно, что, «при его боку», тотъ же часъ послѣ смерти отца, завелись честолюбцы, преслѣдовавшіе свои личные интересы, и неудивительно, что и во всей Малороссіи настали въ это время такіе раздоры, смуты и междоусобія ²⁾, вслѣдствіе которыхъ Украину того времени можно назвать «ярмаркой самолюбій», а властныхъ лицъ ея «самопожирающими драконами». Одинъ полякъ, современникъ событій, называлъ Украину описываемаго времени «страной страшнаго вавилонскаго столпотворенія» ³⁾. Са-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 13.

²⁾ По выраженію Ригельмана, украинское коловратство: II, 124.

³⁾ Памятники кievской комиссіи, III, 300, 302.

мимъ народомъ эпоха послѣ Богдана Хмельницкаго мѣтко прозвана «Груиною». Въ исторіи Малороссіи это было переходное время: оно считается самымъ тяжелымъ временемъ на Украинѣ, когда она отъ Польши отстала, а къ Москвѣ еще вполнѣ не пристала. Раздоры шли, однако, не отъ большинства или народной массы, а отъ меньшинства, «властныхъ» или «значимыхъ» лицъ и высшихъ духовныхъ особъ Украины: тогда какъ масса украинская тяготѣла къ Россіи, «значимыя» лица и духовныя особы, воспитанныя въ польскомъ духѣ, тянули, за немногими исключеніями, къ польскимъ порядкамъ и польской жизни. Оттого послѣ смерти Богдана Хмельницкаго и многіе изъ гетмановъ, и многіе изъ другихъ властныхъ лицъ Украины измѣняютъ русскому царю и склоняются къ польскому королю. Такая разница въ склонностяхъ была причиною политическаго раздѣленія Украины на двѣ половины, западную или тобочиную и восточную или сегобочиную Украину съ особыми гетманами въ той и другой: Вигевскимъ, Юріємъ Хмельницкимъ, Тетерею, Дорошенкомъ, Ханенкомъ и Самусемъ въ правобережной Украинѣ, тяготѣвшими къ польской сторонѣ; Сошкой, Бреховецкимъ, Многогубинымъ, Самойловичемъ, Мазепою въ лѣвобережной Украинѣ, державшимися русской стороны. Между тѣми и другими шла ожесточенная борьба, въ которой живое участіе принимали и запорожскіе козаки.

Кромѣ названной причины, воднявшей смутеніе въ Малороссіи послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, выступили и другія, вызвавшія междоусловную вражду на Украинѣ. Дѣло состояло въ томъ, что въ Малороссіи этого времени открывалась вражда съ одной стороны между простымъ населеніемъ и козаками, съ другой—между значимыми и козацкою чернью. Простое населеніе враждовало съ козаками потому, что, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ Богдана Хмельницкаго съ поляками для достиженія личныхъ и имущественныхъ правъ; оно, по окончаніи войнъ, однако, снова должно было стать въ положеніе земледѣльцевъ и тѣлыхъ людей и принуждено было уступить всѣ добытыя Хмельницкимъ права въ пользу однихъ козаковъ, и потому естественно стало питать ко всему украинскому козацкому сословію враждебное чувство. Въ свою очередь, и въ средѣ самихъ козаковъ произошелъ расколъ: изъ козацкаго сословія стали выдѣляться значимые, своего рода козацкое шляхетство или козацкая аристократія, къ которымъ примкнуло высшее украинское духовенство съ богатыми

фамиліями изъ мѣщанскаго сословія, и простые козаки, незначительные, козацкая чернь. На украинскомъ языкѣ того времени первые приобрѣли названіе «дуковъ», послѣдніе названіе — «голоты». Дуки старались захватить въ свою пользу обширныя и самыя богатые участки земли въ Малороссіи и закрѣпить ихъ за собой и за своимъ потомствомъ, оставляя на долю козацкой черни или самыя худшія земельныя участки или вовсе ничего не оставляя: «ѣй вы, дѣки-дѣки, за вами вси луги и дѣки!» «Дуки-богачи, дуки-сребрянники» съ презрѣніемъ стали относиться къ «драпой голотѣ», къ «сѣрой голи», и голота платила ожесточенною ненавистью богачамъ.

Такимъ образомъ на Украинѣ послѣ Богдана Хмельницкаго, особенно со времени гетмана, поповскаго сына, Самойловича, въ самомъ населеніи обнаружилась, такъ сказать, двойная вражда: вражда посполитыхъ къ козакамъ и вражда козацкой черни къ старшинамъ. Обиженный народъ и подавленная козацкая чернь безпрестанно старались искать своихъ правъ, но, не находя въ самихъ себѣ достаточно для того силъ, массами бѣжали изъ Украины на Запорожье и, подкрѣпившись тамъ, возвращались въ города. Въ городахъ отдѣльныя личности изъ массы, при помощи запорожцевъ, дѣлали иногда историческія событія и добивались и земельныхъ благъ и высокаго общественнаго положенія, но, въ свою очередь, укрѣпившись и разбогатѣвъ, также выступали притѣснителями простаго населенія и козацкой черни. Сословіе значимыхъ въ обществѣ тянуло къ Польшѣ и подражало ей порядкамъ: сословіе посполитыхъ и козацкой черни тянуло къ Москвѣ, но, не всегда имѣя политически развитыхъ руководителей или часто вводимая въ заблужденіе тайными сторонниками Польши, выступало иногда и противъ Москвы. Само Запорожье, питая стихійную вражду къ Польшѣ и непримиримую антипатію ко всему панскому, шляхетскому, ко всему, въ ущербъ другимъ, разбогатѣвшему, въ обществѣ стояло на сторонѣ Москвы и всецѣло на сторонѣ простаго народа и козацкой черни. Запорожская масса всегда тянула къ русскому православному царю, и если выступала иногда противъ царя, то это было только тогда, когда чернь видѣла, что на нее накладывали властную руку и хотѣли лишить исконныхъ козацкихъ вольностей. Запорожцы хотѣли видѣть въ русскомъ царѣ только верховнаго покровителя, но не самовластнаго властителя. Оттого въ обществѣ они были за Москву, и только въ исключительныхъ случаяхъ противъ нея.

Москва же, принявъ подъ свою протекцію Украину и Запорожье, не остановилась на одномъ покровительствѣ и скоро выказала стремленіе къ тому, чтобы уничтожить всѣ свободныя, административно-судебныя учрежденія Украины и независимое отъ московскаго патріарха церковное положеніе ея. Украинцы и запорожцы глѣми мѣрами противились такимъ стремленіямъ московской политики, но, не будучи въ состояніи бороться съ Москвою, стали бросаться въ разныя стороны и искать себѣ помимо Москвы покровительства. Они то вновь вступали въ переговоры съ польскими королями, то простирали свои взоры далеко за предѣлы Польши и Россіи. Такое положеніе между Москвою съ одной стороны и Украиной и Запорожьемъ—съ другой изъ года въ годъ все болѣе и болѣе обострилось, тянулось въ теченіе всего XVII вѣка и перешло въ XVIII, касаясь въ большей степени Украины и въ меньшей Запорожья, и этимъ именно объясняется то обстоятельство, что къ 1708 году Москва воцарила Украину въ союзъ съ однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ Россіи, королемъ шведскимъ Карломъ XII, а Запорожье заставила искать протекціи у турецкаго султана и крымскаго хана, заклятыхъ враговъ всего козацко-украинскаго населенія.

Разница въ настроеніи между простою массою и властнымъ сословіемъ Украины сказывается тотъ же часъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго при его слабоумномъ сынѣ Юріѣ Хмельницкомъ и особенно при Иванѣ Виговскомъ, взятомъ Богданомъ Хмельницкимъ въ плѣнъ при Желтыхъ-Водахъ, служившимъ при немъ въ качествѣ генеральнаго войскаго писаря и состоявшимъ, послѣ воцаренія его, опекуномъ Юрія Хмельницкаго ¹⁾).

Отправивъ Юрія Хмельницкаго для обученія въ кievскую духовную академію и исполнивъ роль опекуна, а вмѣстѣ съ этимъ неся обязанности гетмана, Виговскій, какъ человекъ хитрый и честолюбивый (образомъ и венцію злыхъ), наконецъ, перешелъ отъ роли опекуна къ роли фактическаго обладателя гетманской булавы. Въ 1657 году, августа 26 дня ²⁾), на собранной въ Чигиринѣ радѣ, онъ выбранъ былъ, вопреки протесту большинства городского знатнаго козачества, гетманомъ Украины. На радѣ отсутствовали многіе изъ полковниковъ, масса простыхъ козаковъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 9.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 11.

и черни, что придавало видъ этой радѣ незаконнаго дѣйствія. Самое мѣсто, гдѣ она произошла, Чигиринъ, считалось также неузаконеннымъ мѣстомъ для избранія гетмана: Богданъ Хмельницкій былъ выбранъ въ Сичи и тамъ должны быть избираемы его преемники ¹⁾. Оттого, какъ бы чувствуя свою виновность передъ Запорожьемъ, новый гетманъ уже черезъ 22 дня послѣ своего избранія отправилъ письмо въ Запорожье, на имя кошевого атамана Павла Гомона, и въ немъ извѣстилъ о своемъ избраніи въ гетманы Украины. Высказывая сожалѣніе о потерѣ Хмельницкаго и о смутномъ времени, наставшемъ послѣ его смерти, Виговскій сообщалъ, что вся старшина и чернь войска малороссійскаго единодушно избрали его гетманомъ Украины: но онъ, хотя и принялъ это избраніе, однако, безъ воли и концесса братіи, всего низового запорожскаго войска, на томъ гетманскомъ урядѣ утвердиться не желаетъ. «Такъ какъ вы, войско низовое запорожское, корень и утвержденіе чести и вѣчно памятной славы для всѣхъ городовыхъ украинско-малороссійскихъ войскъ, то пусть первенствуетъ ваша власть и при избраніи и постановленіи гетмана. Волю вамъ, братіи нашей, отставить меня отъ того уряда и утвердить, по своему усмотрѣнію, другого. И какъ мой предшественникъ, славной памяти, Богданъ Хмельницкій, все чинилъ съ вѣдома и соизвѣта вастъ, нашей братіи, всего войска, низового запорожскаго, такъ и я, если останусь на своемъ урядѣ, тѣмъ же путемъ моего предшественника, не переча чести и силъ вашей, все буду дѣлать согласно волѣ вашей». Въ заключеніе письма Виговскій извѣщалъ запорожцевъ, что онъ посылаетъ имъ 3.000 битыхъ талеровъ.—одну тысячу изъ собственной шкатулки, а двѣ тысячи отъ завѣщанія Хмельницкаго на поминъ души его въ сичевой церкви для «цѣлорочнаго сорокоуствнаго моленія» ²⁾.

Получивъ и выслушавъ на радѣ листъ Виговскаго, запорожцы, уже раньше извѣстившіеся о томъ, что новый гетманъ склоненъ къ полякамъ и сносится съ польскимъ королемъ, отвѣтили ему собственнымъ слѣдующаго содержанія письмомъ:

«Два увѣдомленія, скорбное и радостное, въ письмѣ вашемъ папскомъ, присланномъ до насъ, войска низового запорожскаго, чрезъ нарочныхъ посланцевъ, мы получили. Изъ этихъ увѣдом-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 388.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 306—309.

леній первое особенно наполнило наши сердца печалію и отяготило насъ, потому что чрезъ неухрающую смерть, опредѣленіемъ Бога вышняго, владѣющаго человѣческою жизнью, мы лишились своего гетмана, добраго вождя и счастливаго отъ непріятелей защитника нашего отечества, пана Богдана Хмельницкаго, которому за многіе въ здѣшней земной жизни подвиги и труды, пусть подастъ Господь Богъ на лонѣ Авраама вѣчное успокоеніе въ райскихъ селеніяхъ.—объ этомъ особенно просимъ. Другое извѣстіе, избраніе на тотъ урядъ гетманскій вашей панской милости, насъ нѣсколько увеселило и печаль нашу уменьшило, потому что опротивѣлая наша отчизна, получивши въ вашемъ лицѣ новаго себѣ господаря, можетъ, за вашимъ предводительствомъ, найти себѣ надежную оборону отъ козней и наветовъ непріятельскихъ. Однакожь избраніе то и ваша элекція безъ воли и совѣта нашего, всего войска низового запорожскаго, только одною братіей нашею, панами старшиною генеральною, полковниками и войскомъ украинскимъ городовымъ, не должна была и назначаться и совершаться: такъ какъ и небожчикъ Богданъ Хмельницкій получилъ начало своего гетманства не въ Чигиринѣ, а въ Кошу нашимъ съѣздомъ и не отъ городского, а отъ насъ, низового запорожскаго войска, и при нашемъ вспоможеніи. больше же всего при всемогущей божественной помощи, одержалъ счастливыя побѣды надъ непріятелемъ въ первые годы своей войны. Но въ виду того, что ваше избраніе уже совершилось, то и мы для всеобщаго добра нашей отчизны малороссійской, не желаемъ нарушать и разорять оного избранія, приписывая его премудрому усмотрѣнію божію: помня пословицу: «голосъ народа—голосъ божій», соглашаемся съ голосомъ и волею народной нашей малороссійской братіи, избравшей и постановившей на то гетманское достоинство васъ пана, ваша-мощь. Мы находимъ въ вашемъ панскомъ письмѣ, къ намъ въ настоящее время писанномъ, такое обѣщаніе и заявленіе, что, оставаясь на томъ гетманствѣ, вы имѣете слѣдовать путемъ вашего предшественника, славной памяти, Богдана Хмельницкаго, а намъ, войску запорожскому, оказывать ласку свою и никакихъ повинъ и затѣй безъ воли и рады нашей войсковой, если бы то шло объ общемъ благѣ или несчастіи нашей отчизны, не начинать. Если вы, ваша мощь, моще пане, будете выполнять это настоящимъ дѣломъ, то и отъ насъ, всего войска низового запорожскаго, будете пользоваться настоящею пріязнью и внима-

ніємъ, и во всѣхъ желаніяхъ своихъ не встрѣтите противныхъ возраженій и войсковыхъ несогласій. Однако, въ вашихъ папскихъ заявленіяхъ и обѣщаніяхъ мы находимъ нѣкоторую страсть, что, по кончинѣ небожника пана Хмельницкаго, писали вы, ваша милость, отъ себя одного (какъ мы изъ несомнѣннаго извѣстія узнали) до найяснѣйшей Яновой Казиміровой, королевѣ польской, ища чрезъ нея ласки и ходатайства у королевскаго величества и желая якобы отторгнуться отъ высокой державы и сильнаго покровительства пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго царя Алексѣя Михайловича, нашего всероссійскаго монарха, и по прежнему отдать до польской короны нашу малороссійскую отчину, премногою братіи нашей кровью и военнымъ оружіемъ отбившуюся и освободившуюся, за время предводительства покойнаго гетмана нашего, Богдана Хмельницкаго. Если вы такъ именно думаете сдѣлать, то вѣдайте заранее, что мы, войско низовое запорожское, въ томъ волѣ вашей не будемъ слѣдовать и званіе измѣнниковъ на славное имя навлекать не желаемъ. Да и сами вы, ваша моść, моще пане, извольте рассмотреть и хорошенько взвѣсить, подѣ какимъ монархомъ можно надѣяться лучшей для себя жизни, подѣ единовѣрнымъ-ли православнымъ государемъ, царемъ московскимъ, котораго еще ни въ чемъ не оскорбили, или подѣ иновѣрною, находящеюся въ римской отступнической религіи и заблужденіи, польскою короною, нами очень раздраженною и оскорбленною, имѣемъ опредѣлять и заносывать свои термизы безъ вниманія принятого благополучія. Товариство наше низовое, охотницкое, бывшее на его монаршей военной службѣ въ Литвѣ и Пифляндіи и оттуда повернувшее до Сичи, хвалится великою ласкою и любовію, оказанною имъ великороссіянами, какой ласки мы и впродъ отъ нихъ, а больше всего отъ добродѣшного и благосерднаго отца и добродѣля нашего, его царскаго пресвѣтлаго величества, ожидаемъ и несомнѣнно получить надѣемся, будучи готовы и сами за его превысокую монаршую честь и православное государство противъ всякаго непріятеля выступать и нашего здоровья не щадить. Если же ваша милость, моще пане, вы усмотрѣли что-нибудь не полезное со стороны его величества къ себѣ и къ отчинѣ нашей, то можете, не переставая бытъ вѣрнымъ, просить и субликовать чрезъ своихъ пословъ о томъ къ его пресвѣтлому величеству со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ, и мы надѣемся, что его цар-

ское пресвѣтлое величество не изволить отказать не только въ великомъ желаніи вашемъ, но и въ самомъ маломъ. А въ замышлѣнъ этого надо, чтобы и отъ насъ, всего войска запорожскаго, была защита и оборона, крѣпкая и издавна вожделѣнная, для его (царской) богохранимой православной державы отъ враговъ креста господня, татаръ и турокъ. Тогда уже не можетъ тотъ общій христіанскій непріятель своими многочисленными силами, какъ предъ симъ бывало, безопасно въ его царскую державу впадать и своихъ бусурманскихъ хоругвей подъ самую столицю развивать. Все это обсеудивши и разсмотрѣвши, извольте, ваша мосць, мосце пане, согласно своему письменному обѣщанію, ходить путемъ Хмельницкаго и не отхлѣблять вѣрности къ его царскому пресвѣтлому величеству, а при помощи всесильной божественной, сообщая съ его монаршими силами, становиться противъ своихъ непріятелей поляковъ за древнія наши вольности, и што ихъ отъ нашей отчизны малороссійской на вѣки отхлѣбать. А если бы иначе было, то подлинно и безъ того уже много пострадавшую отчизну малороссійскую, влѣдствіе польскихъ нападений, вы привели бы, ваша милость, мосце пане, до крайней нищеты и разоренія, чего мы вовсе не желаемъ; а желаемъ при семъ вашей вельможности добраго отъ Господа Бога здоровья и счастливаго успѣха въ добрыхъ и отчизнѣ полезныхъ вашихъ замыслахъ. Особенно благодаримъ при этомъ вашу вельможность за денежный гостинецъ, который вы прислали намъ, по вашей ласкѣ, объявляемъ и обязуемся отслужить вамъ за него по нашей возможности. Съ Сѣчи сентября 25, 1625 года. Павелъ Гомонъ, атаманъ кошовый, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества низового запорожскаго»¹⁾.

Это письмо заключало въ себѣ политическую исповѣдь запорожскихъ козаковъ: они рѣшили точно держаться завѣщанія, оставленнаго имъ Богданомъ Хмельницкимъ: стоять за православнаго царя и православную Русь и сторониться польскаго короля и католической Польши. За православную вѣру и за православнаго царя сражался съ поляками Богданъ Хмельницкій, за это же должны стоять, въ союзѣ съ гетманомъ, запорожцы: за это же они будутъ стоять и послѣ стараго «Хмеля». И дѣйствительно, запорожцы строго держали свое политическое *statum quo* въ теченіи

¹⁾ Величко, Лѣтописъ, Кіевъ, 1848, I, 309—312.

многихъ лѣтъ послѣ Богдана Хмельницкаго. Отступленіе дѣлалось лишь временно по внушенію отдѣльныхъ личностей, а не всей массы, и то по весьма уважительнымъ причинамъ, когда сами «московскіе люди» нарушали права малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ.

Но пока эта преданность запорожскихъ козаковъ не была очевидна для московскаго правительства, то новому, послѣ Богдана Хмельницкаго, гетману, Ивану Виговскому, открывалась на первыхъ порахъ полная возможность, маскируя свои истинныя чувства къ Москвѣ, клеветать на запорожскихъ козаковъ передъ царемъ и въ то же время показывать свою пріязнь запорожцамъ. Того требовало само положеніе его: онъ былъ гетманомъ только «на тотъ часъ», и ему нужно было сдѣлаться гетманомъ навсегда. Виговскій приказалъ собраться новой радѣ и назначилъ городъ Корсунь для того. Рада состоялась сентября 30 дня, 1657 года, при множествѣ малороссійскихъ козаковъ и черни, при послахъ, шведскомъ Юріи Немиричѣ, польскомъ Казимірѣ Беневекѣ и московскомъ бояринѣ Артемонѣ Матвѣевѣ, но безъ запорожскихъ козаковъ.

Разыгрывая роль человека равнодушнаго къ власти, Виговскій положилъ свою булаву на столъ и сталъ отказываться отъ гетманства, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что будто бы въ присланныхъ пунктахъ гетману царемъ было написано отнять прежнія вольности у козаковъ, а онъ, гетманъ, въ неволѣ быть не хочетъ. Но убѣжденія судьи и полковниковъ заставили Виговскаго вновь взять въ руки булаву и стать на гетманскомъ господарствѣ ¹⁾.

Признанный гетманомъ отъ своихъ сторонниковъ старшинъ на радѣ въ Корсунѣ, но не утвержденный еще властью московскаго царя, Виговскій тутъ же узналъ, что московскій царь для обороны Малороссіи отъ татаръ и поляковъ прислалъ войскъ подъ начальствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, расположившагося со своимъ полкомъ въ Черяславѣ, и воеводы Лѣва Ляпузова, пришедшаго въ Пирятинъ; ожидался еще и князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. Народъ волновался, не зная, зачѣмъ именно пришли царскія войска на Украину. Виговскому этотъ ропотъ народа былъ на руку. Тотчасъ послѣ корсунской рады въ Москву отправились послы Виговскаго, Юрій Миневскій и Ефимъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 35.

Коробка, хлопотать объ утвержденіи царемъ выбраннаго народомъ гетмана. Послы должны были объявить въ Москвѣ о томъ, что поляки склоняють Малороссію къ Польнѣ, но что гетманъ не внимаетъ на это и пребудетъ вѣрнымъ Москвѣ. Въ то же время гетманъ отправилъ козака Бута къ хану въ Крымъ, изъявляя ему полную дружбу и желаніе войти въ сношеніе съ нимъ. А въ слѣдъ затѣмъ, побывавъ въ Киевѣ, гетманъ пріѣхалъ въ Переяславъ для свиданія съ главнокомандующимъ московскими войсками Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ и тутъ сталъ распространяться передъ княземъ о вѣнскихъ и внутреннихъ врагахъ, грозившихъ Украинѣ: вѣнскими были поляки и татары, внутренними—запорожскіе козаки. Особенно страшными казались ему послѣдніе. «Въ Запорожѣ теперь у козаковъ великій мятежъ учинился: запорожскіе козаки хотятъ побить старшинъ и поддаться крымскому хану, и онъ, гетманъ Виговскій, за эти смятенія, бунты и измѣну царскому величеству, помя свое крестное цѣлованіе, идетъ на Запорожье, чтобы умирить козаковъ. Ты, князь Григорій Григорьевичъ, съ государевыми ратными людьми перейди за Днѣпръ и стой противъ ляховъ и татаръ, а я отправляюсь справляться съ бунтовщиками. Намъ извѣстно, что многіе бунтовщики говорятъ, будто мы царскому величеству служимъ невѣрно: и мы живымъ Богомъ обѣщаемся и клянемся небомъ и землею... великому государю вѣрно служить» ¹⁾. Однако, Ромодановскій, безъ воли государя, не рѣшился выйти изъ Переяслава за Днѣпръ. Казалось-ли ему опаснымъ отдѣляться отъ другихъ московскихъ полковъ, или же самая измѣна запорожскихъ козаковъ представлялась князю раздутаю, въ точности неизвѣстно.

А запорожскіе козаки, доподлинно довѣдавшись, въ какую сторону направлены всѣ симпатіи Виговскаго, если вѣрить извѣстію гетманскаго сторонника, уманскаго полковника Михайла Хавенка, дѣйствительно нѣчто замыслили противъ Виговскаго: они вошли въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ и, соединясь съ нимъ, задумали идти на гетмана ²⁾.

Узнавъ объ этомъ и прикинувшись исполнѣнъ вѣряющимъ въ слухъ относительно замысловъ запорожскихъ козаковъ, гетманъ Виговскій написалъ, октября 29 числа, боярину Борису Ивановичу Мо-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 49.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 35.

розову письмо, чтобы онъ сдѣлалъ извѣстнымъ царю о возмутительныхъ дѣйствіяхъ «своевольныхъ» въ войскѣ запорожскомъ людей, не радѣющихъ о вѣрѣ и достоинствѣ его царскаго величества, внушилъ бы царю мысль не вѣрить доносамъ подобныхъ «своевольниковъ» и просилъ бы царя карать ихъ «по своему государскому милосердному разуму» ¹⁾.

Посланный на Украину, октября 22 дня, для разузнанія о состояніи умовъ въ южной Россіи и въ Запорожьѣ стряпчий Дмитрій Рагозинъ, со словъ подначальныхъ Виговскому лицъ, доставилъ такіа свѣдѣнія въ Москву: «Изъ Запорогъ пошлѣи къ великому государю посланцы безъ гетманскаго вѣдома, а въ Запорогахъ многіе голяки возстали и худые людишки не слушаютъ полковниковъ, сотниковъ и асауловъ, говоря, что они ихъ побьютъ, и шивоты ихъ себѣ поберутъ... Въ Запорогахъ козаки шатаются и бунтуютъ и не слушаютъ начальныхъ людей и безъ гетманскаго вѣдома послали къ великому государю посланцевъ; и гетманъ въ Запороги послалъ, чтобъ къ нему бунтовниковъ прислали, а будетъ не приміють, то гетманъ велѣлъ собираться полкомъ: хочеть идти на Запороги и вырубить» ²⁾.

Заводинцами всего дѣла противъ Виговскаго въ Запорожьѣ были Яковъ Клищенко, да Дмитрій Свѣченая-Щека: Клищенко поймали въ Кременчугѣ, а Свѣченая-Щека былъ присланъ къ гетману съ листомъ отъ запорожцевъ въ Чигиринъ, — обоимъ гетманъ сказалъ и бросилъ въ тюрьму ³⁾. Но кромѣ Клищенко и Свѣченой-Щеки у гетмана явились и другіе враги: настоящимъ «заводинкомъ» дѣла оказался полтавскій полковникъ Мартынь Пушкарь. Понимая такъ же хорошо Виговскаго, какъ и запорожцы, и находя полное сочувствіе у низовыхъ козаковъ, Пушкарь открыто возсталъ противъ Виговскаго и отправилъ въ Москву четырехъ человекъ посланцевъ съ доносомъ на гетмана. Онъ доносилъ, что Виговскій невѣренъ московскому царю, что онъ сносится съ польскими королями и съ татарскими ордами, хочеть воевать города украинные, а его пособникъ, миргородскій полковникъ Григорій Лисницкій, свѣщаетъ смуты, будто царское величество хочеть у козаковъ вольности отнять и въ солдаты ихъ писать ⁴⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 51.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 64, 65.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 67.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 56; XV, 4-6.

Пылая ненавистью къ запорожцамъ и похваляясь идти на нихъ походомъ, Виговскій разослалъ по дорогамъ два полка, прилучскій и нѣжинскій, и одну хоругвь ляховъ подъ Кременчугъ, Максимовку, Переволочину, Гофу, Оедгровку, Хоролъ и Потокъ, чтобы поймать запорожскихъ посланцевъ, отправленныхъ къ царю, но посланцы успѣли пройти другими путями и доѣхать въ Москву¹⁾.

Желая уничтожить свидѣтельство своихъ зложелателей, гетманъ отправилъ отъ себя пословъ къ царю Юрія Миневскаго да Ефима Коробку. Послы прибыли въ Москву ноября 8 дня. Съ ними въ тотъ же день сняли допросъ о цѣли ихъ пріѣзда. Они отвѣчали, что пріѣхали просить царя объ утвержденіи гетмана въ его званіи: извѣщали о сношеніяхъ поляковъ съ татарами; о намереніи Польши поглотить Малороссію; о выступленіи татаръ къ Черному лѣсу; о походѣ малороссійскихъ козаковъ подъ Озакъ и Перекопъ; о присылкѣ крымскаго хана къ гетману съ просьбой о выгодѣ; о перевынаніи поляками гетмана на службу Польшѣ; о сношеніяхъ турецкаго султана съ гетманомъ по вопросу подонущенія козаковъ на Черное море и къ его берегамъ съ цѣлью нападенія на города и селенія и, наконецъ, съ объявленіемъ нелицемѣрнаго желанія со стороны гетмана служить московскому царю до кончины живота²⁾.

Юрій Миневскій готовъ былъ уже отъѣхать изъ Москвы, какъ вдругъ ноября 16 дня пріѣхалъ отъ гетмана новый посланецъ, Самойло Кочановскій, съ жалобою царю на запорожскихъ козаковъ. Тогда Юрія Миневскаго задержали въ Москвѣ и стали собирать свѣдѣнія отъ обоихъ пословъ о запорожскихъ козакахъ и о причинахъ ихъ возмущенія противъ новоизбраннаго гетмана.

— Случалось-ли имъ, Юрію да Самойлу, говорить о томъ, отъ кого происходитъ бунтъ въ Запорожьи и кто тому заводчикъ?

— Бунтуетъ въ Запорожьи козакъ Яковъ Барабаненко съ разными своевольниками и гультаями, и хочетъ онъ учинить въ Запорожьи такіе же порядки, что и въ войскахъ при гетманѣ.

— Государь, его царское величество, изволитъ послать свой государевъ указъ къ окольному и воеводѣ, князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, и велитъ ему отъ себя послать приказъ въ Запорожье съ тѣмъ, чтобы козаки перестали бунтовать и повиновались гетману.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 70; XV, 9, 10.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 51—56.

— Милости царскаго величества гетманъ будетъ радъ, но съ тѣми своевольниками можно бы справиться гетману и самому, но онъ не смѣетъ, потому что не утвержденъ еще его царскимъ величествомъ на гетманствѣ.

— Великій государь, его царское величество, изволилъ дать свою грамоту, жалованную на подтвержденіе гетмана Ивана Виговскаго... и въ войскѣ запорожскомъ шатости никакой ни отъ кого не будетъ, а если кто начнетъ бунтовать, то его можно усмирить. Его царское величество, великій государь, желаетъ знать, когда гетмана Ивана Виговскаго выбирали на гетманство, на первой и второй радѣ, то много-ли было полковниковъ и сотниковъ и простой черни, а также были-ли на тѣхъ радахъ запорожскіе козаки и не было-ли отъ нихъ въ то время какого-нибудь рокоша?

— На первой радѣ въ Чигиринѣ было немного полковниковъ и черни, были и изъ Запорожья козаки на той радѣ, но рокоша никакого не было. А когда была другая рада въ Корсунѣ, то изъ Запорожья на той радѣ козаковъ не было; если бы за ними посылатъ, то это бы заняло недѣли три или четыре времени, да и посылатъ за ними не для чего, потому что въ Запорожѣ живутъ ихъ же братія козаки, которые переходятъ туда изъ городовъ для промысловъ, а иной переходитъ и потому, что здѣсь пропъется да проиграется; жены же ихъ и дѣти все живутъ по городамъ; впрочемъ, запорожцы на вторую раду присылали отъ себя письмо о войсковомъ дѣлѣ.

— Много-ли всѣхъ козаковъ въ Запорожѣ?

— Въ Запорожѣ всѣхъ козаковъ немного, и когда былъ самый большой сборъ, именно во время похода подъ Очаковъ, ихъ было въ походѣ и въ Запорожѣ около 5.000 человекъ, и то все вновь пришедшіе; а теперь многіе изъ нихъ пришли въ города къ женамъ и дѣтямъ.

— Раньше этого времени гетманы жили въ Запорожѣ или въ городахъ? откуда выбирали гетмановъ? откуда выбрали Богданъ Хмельницкій?

— Раньше этого времени гетманы и все войско больше жили въ Запорожѣ, потому что въ то время они ходили за добычею на море лодками, да и гетманъ Богданъ Хмельницкій выбранъ былъ гетманомъ въ Запорожѣ, и самъ онъ былъ запорожаниномъ.

— А не думаютъ-ли они, послы, что и впредь запорожцы будутъ бунтовать вслѣдствіе того, что не были при избраніи гетмана на второй радѣ?

— Отъ запорожцевъ они, послы, бунтовъ не ждуть, потому что гетмана избирали всѣмъ войскомъ, но лучше бы сдѣлать такъ, чтобы великій государь, его царское величество, изволилъ послать въ войско, кого онъ найдетъ способнымъ, и собрать полковниковъ, сотниковъ, всю чернь городовую и козаковъ изъ Запорожья и устроить вновь большую раду, и кого на той радѣ, при посланцѣ отъ царскаго величества, всѣмъ войскомъ и народомъ выберутъ гетманомъ, тотъ бы и остался въ этомъ званіи и принесъ бы присягу.

— Гдѣ же быть радѣ?

— Пристойно быть радѣ въ Переяславѣ, потому что то мѣсто людное и всѣмъ къ нему близко.

— А какъ козакъ подѣ Очаковъ изъ Запорожья ходили, то ходили они по войсковому-ли совѣту?

— Въ то время козакъ запорожскіе ходили по войсковому совѣту, потому что въ то время наступали на нихъ крымцы и татары.

Въ одно время съ посланцами Виговскаго оказались въ Москвѣ и посланцы отъ запорожскихъ козаковъ: атаманъ Михайло Ивановъ Стрынджа съ товарищами Иваномъ Стенановымъ, Яковомъ да Семеномъ Остафьевыми и двадцатью-тремя простыми козаками: они отпущены были къ государю кошевымъ атаманомъ Яковомъ Барабаномъ изъ Запорожья безъ вѣдома гетмана ¹⁾.

Запорожскіе посланцы явились въ Москву ноября 21 дня съ подробной инструкціей о томъ, что и какъ говорить передъ царемъ и чего домогаться для Украины и Запорожья. Эта инструкція состояла изъ слѣдующихъ семи пунктовъ:

1. Отдать никакій челобитный поклонъ его царскому пресвителю величеству отъ Якова Барабана, «гетмана кошевого» запорожскаго, и отъ всей запорожской черни.

2. Извѣстить царскому величеству о томъ, что хотя все войско и вся чернь, какъ живущіе въ городахъ, такъ и ко-

---

¹⁾ Акты южной и западной Россіи. IV, 56—58, 64. Костомаровъ считаетъ Стрынджу посланцемъ Пуникера (Гетманство Виговскаго, Сиб. 1862, 29) но самъ дартъ называетъ Стрынджу «посланцемъ Барабаненковымъ»: Акты, VII, 199.

заки на Запорожьѣ, и несутъ большія обиды и притѣсненія отъ гетмана Виговскаго, его полковниковъ и другихъ начальниковъ городовыхъ. однако терпятъ все это до царскаго указа: увидя же великую измѣну отъ старшинъ городовыхъ его царскому величеству, все войско запорожское, ради этихъ прямыхъ причинъ, послѣ рады, отправило изъ Запорожья, съ Коша, своихъ пословъ съ извѣщеніемъ царскому величеству.

3. Извѣститъ царскому величеству, что нынѣ вся чернь войска запорожскаго доподлинно узнала о томъ, что еще при жизни гетмана запорожскихъ войскъ Богдана Хмельницкаго, гетманъ, вся старшина, всѣ полковники и вся чернь учинили, неизвѣстно для чего, присягу съ седмиградскимъ княземъ Юріемъ Ракоціемъ, королемъ шведскимъ, воеводами волошскимъ и молдавскимъ: теперь же, для измѣны царскому величеству, вся старшина городова я шлетъ листы крымскому хану и войско запорожское къ тому склоняетъ, простая же чернь на то не склоняется и, не желая дѣлать никакой измѣны. бѣжитъ изъ городовъ отъ старшинъ въ Запорожье и рассказываетъ здѣсь объ измѣнѣ царскому величеству старшинъ городовыхъ; запорожское же войско и вся чернь его, какъ присягали нѣсколько лѣтъ тому назадъ царскому величеству, такъ и теперь вѣрно на вѣчныя времена служатъ и хотятъ служить, Богу и великому государю поклоняются, за своего царя считаютъ, за царя и вѣру православную умирать готовы. Другимъ же королямъ, князьямъ, воеводамъ и крымскому хану войско запорожское присягать не желаетъ и безъ вѣдома царской милости ни посылать листовъ, ни отправлять пословъ къ невѣрнымъ царямъ, согласно своей присягѣ, никогда не будетъ и не желаетъ.

4. Извѣститъ царскому величеству, что послѣ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго поставляли въ гетманы Ивана Виговскаго полковники и вся старшина городова я, чернь же и все войско запорожское о томъ вовсе ничего не знали и въ радѣ не присутствовали. Обо всемъ этомъ войско, живущее за порогами, хотѣло извѣститъ черезъ пословъ царское величество, согласно давнему войсковому обычаю; но старшина городова я, остерегалась того, сочла это за бунтовство и солгала передъ царскими величествомъ, написавъ, будто бы въ послѣдніе годы, со времени присяги всего запорожскаго войска царскому величеству, между войскомъ запорожскимъ никакихъ бунтовъ и ссоръ не бывало, и вся

чернь единогласно питаетъ одну любовь и вѣрно и пріятно служить царской милости. А между тѣмъ гетманъ Иванъ Виговскій съ полковникомъ миргородскимъ Григоріемъ Сахненкомъ ¹⁾ и другими полковниками нынѣ и недавно снова поновили свою присягу седмиградскому князю Ракоцію, шведскому королю и воеводамъ волошскому и молдавскому присягали, неизвѣстно съ вѣдома-ли или безъ вѣдома царскаго величества. Все же войско запорожское Малой Россіи, какъ поддалось, со всѣми землями и городами, подъ высокую и крѣпкую руку царской милости, такъ и нынѣ неотмѣнно и неподвижно при той жалованной грамотѣ пребываетъ, къ измѣненіямъ приставать не хочетъ и во всемъ волѣ царской желаетъ быть послушнымъ, а чтобы государь за донесеніе на войско не смѣлся, оно слезно бѣетъ челомъ великому государю.

5. Извѣстить царскому величеству, что гетманъ, всѣ полковники и вся старшина городовая очень гнѣваются на запорожцевъ за то, что они, выходя изъ Запорожья водою и полемъ подъ татарскіе города, милостію божіею и смилостіемъ царскаго величества, большія обиды поганцамъ татарамъ чинять, побѣды надъ ними одерживаютъ и полонниковъ, православныхъ христіанъ, освобождаютъ; старшина городовая этого не любитъ, говорить, что, вследствие драки запорожцевъ съ татарами, она не можетъ учинить присяги и помириться съ крымскимъ ханомъ.

6. Извѣстить его милости царю, что крымскій ханъ со всею ордой сидитъ пока дома, но имѣетъ умыселъ пойти зимою на украинные города, чего ему Господь Богъ да не поможетъ.

7. После всего просить царское величество, отъ имени черни и войска запорожскаго, поскорѣе отпустить пословъ и товарищей назадъ въ Запорожье ²⁾.

Полюбри 23 дня запорожскіе послы Михайло Ивановъ Стрынджа съ Иваномъ Степановымъ, Яковомъ Остафьевымъ и Семеномъ Остафьевымъ позваны были дяками Алмазомъ Ивановымъ и Ефимомъ Юрьевымъ въ посольскій приказъ.

— Съ какими обидами запорожскіе посланды пришли на гетмана, его полковниковъ и старшину? спросили дяки пословъ.

— Когда запорожцы находились за польскими королями и когда учинились при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ за москов-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ названъ Григоріемъ Яхненкомъ.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII. 184. 185.

скимъ государемъ, тогда у нихъ ни вольностей не отнимали, ни налоговъ на нихъ не накладывали, ни промысловъ чинить имъ не забороняли; теперь же, когда избранъ былъ въ гетманы Иванъ Виговскій, самъ онъ и нѣкоторые, хотя и не всѣ, изъ его друзей и совѣтниковъ, миргородскій полковникъ Григорій Яхненко съ товарищами, стали отнимать у насъ вольности, ловить въ рѣчкахъ рыбу, продавать вино, и все то отдаютъ на рады (аряды), и всѣ тѣ сборы, какіе собираются въ запорожскомъ войскѣ, всѣ ихъ отбираетъ себѣ гетманъ, ничего не давая войску и объявляя, что всю ту казну онъ употребляетъ на посольскіе расходы, пословъ же и посланниковъ принимаетъ у себя и отпускаетъ безъ указа; при прежнихъ же, польскихъ, короляхъ войско запорожское пословъ иныхъ государствъ безъ королевскаго указа не принимало; также и теперь, когда войско подъ царскою высокою рукою учинилось, принимать пословъ безъ указа и тратить на нихъ казну не годилось бы. II великій государь, его царское величество, пожаловалъ бы войско запорожское, не велѣлъ бы ни гетману, ни полковникамъ ломать у него вольностей и отнимать, чѣмъ кто кормился, промысловъ.

— Великій государь желаетъ, замѣтили посланцамъ, чтобы подданные православные христіане жили между собой въ совѣтѣ и чтобы чрезъ то, глядя на нихъ, христіанскіе народы радовались, а непріатели страшились; а какъ Ивана Виговскаго выбрали въ гетманы, то тогда было двѣ рады, одна въ Субботовѣ, другая въ Корсунѣ, и въ это время присутствовали всѣ полковники.

— Не всѣ полковники и не все войско выбирали Виговскаго на гетманство; выбирали его только ближніе друзья: Григорій Лѣсницкій, иркѣевскій, полтавскій да нѣжинскій полковники. II сначала, какъ только они задумали выбрать гетманомъ Виговскаго, то Григорій Лѣсницкій собралъ войтовъ изъ всѣхъ городовъ своего полка и сталъ обманомъ ихъ спрашивать, хотятъ ли они служить великому государю, на что тѣ отвѣтили, что служить великому государю они рады. Тогда онъ собралъ сотниковъ своего полка и сталъ имъ говорить, чтобы они отъ великаго государя отступили и поддались бы крымскому хану, потому что, будто бы, великій государь хочетъ прислать къ нимъ коевождь, вольности ихъ отнять, въ козаки только 10.000 человекъ написать, а остальныхъ въ солдаты и драгуны отдать. Но и сотники

отвѣтили тоже, что войты, именно, что отъ великаго государя отстунить не хотять. Тогда Лисницкій многихъ изъ нихъ за то побилъ, въ тюрьмы побросалъ и всякіе промыслы, кто чѣмъ кормился, поотнималъ, и нѣкоторые изъ тѣхъ сотниковъ въ ихъ пещеры поуходили и въ Запорожье прибѣжали и обо всемъ затѣяномъ Виговскимъ и его полковниками запорожцамъ рассказали. Тогда Виговскій, видя, что сотники и чернь съ его желаніемъ не согласились, имѣя намѣреніе царскому величеству крѣпко служить, учинилъ въ Корсунѣ новую раду и когда на этой радѣ близкіе друзья вновь выбрали его гетманомъ, то онъ написалъ отъ себя листы къ крымскому хану и послалъ ихъ черезъ своихъ посланцевъ, запорожцы же тѣхъ посланцевъ перебили и листы гетмана себѣ взяли: въ то время на Запорожѣ случились домскіе козаки, и запорожцы имъ про измѣну Виговскаго сообщали и стали спрашивать у нихъ совѣта, какъ поступить съ измѣнниками. Рѣшено было всѣмъ войскомъ послать тѣ листы царскому величеству и ждать отъ него указа.

— Чѣмъ же поправить все дѣло и устроить всякія ссоры?

— Для этого нужно послать довѣреннаго отъ государя человека и устроить новую раду и на той радѣ выбрать гетмана всѣмъ войскомъ, кого оно излюбитъ, а раду созвать или подъ Лубнами, на урочищѣ Созонинѣ, потому что то мѣсто средина всѣхъ городовъ, или на Запорожѣ, потому что тамъ прежніе гетманы выбирались и тамъ столица запорожская.

— Запорожье—мѣсто далнее и отъ непріятелей небезопасное, а потому лучше всего выбрать городъ Кіевъ, потому что тамъ столица Малой Россіи, и мѣсто, гдѣ власть и всякіе урядники нѣются, Лубны—также мѣсто малое и для рады непристойное; да и гетманъ Виговскій, опасаясь ихъ, не поѣдетъ туда.

— Въ Лубнахъ все-таки удобнѣе будетъ для рады, чѣмъ въ Кіевѣ, а если бы Виговскій не захотѣлъ ѣхать въ Лубны, то его можно заставить царскимъ указомъ ѣхать туда. Конечно, Виговскій, вслѣдствіе своей измѣны, уже давно бы и скрбы всѣ забралъ и самъ бы давно изъ Украйны ушелъ, но его стерегутъ, по совѣту запорожцевъ, козаки да и миргородскаго полковника стерегутъ, потому что вся чернь запорожская и городовая одной мысли въ этомъ.

— Послѣ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго чернь выказала было желаніе, чтобы на Украйнѣ были царскіе посволы,

потому что ей при воеводахъ лучше было бы и отъ полковниковъ обидъ не было бы; не желаетъ-ли народъ, чтобы и теперь въ большихъ городахъ были царскіе воеводы съ правомъ вѣдать всякія городовыя дѣла.

— О воеводахъ черни и мѣщане давно хотѣли просить государя, но только ихъ къ тому не допускали, ради своихъ корыстей. полковники городовые; и какъ, по милости царскаго величества, даны жалованныя грамоты на прежнія привилегіи кіевскимъ и переяславскимъ мѣщанамъ, то они живутъ въ благоденствіи и отъ полковниковъ никакихъ налоговъ не видятъ ¹⁾. А нынѣ на радѣ великій государь приказалъ бы всѣ sprawy постановить и все, чѣмъ козаки были пожалованы и на какихъ статьяхъ гетманъ и они въ подданствѣ начнутъ быть, все это утвердить; и если послѣ того новозбранный гетманъ какой проступокъ передъ царскимъ величествомъ учинить, то они о томъ будутъ писать великому государю и за тотъ проступокъ будутъ имѣть право гетмана перемѣнить.

— Вы говорите, что миргородскій полковникъ Лѣсницкій единомышленникъ съ Виговскимъ, а между тѣмъ самъ Виговскій пишетъ на Лѣсницкаго, что черезъ него вся смута происходитъ въ войскѣ и называетъ его своимъ недругомъ, ищущимъ гетманства: еще какъ посылалъ его Богданъ Хмельницкій наказнымъ гетманомъ противъ татаръ и поляковъ, то онъ послѣ смерти Хмельницкаго долгое время не хотѣлъ возвращать ни булавы, ни бунчука.

— То было такъ: когда гетманъ Богданъ Хмельницкій заболѣлъ, то послалъ противъ поляковъ и татаръ своего сына Юрія да Григорія Лѣсницкаго, давъ ему булаву и бунчукъ; когда же войско возвратилось изъ похода и Лѣсницкій услышалъ о близкой

---

¹⁾ Введеніе въ Малороссію воеводъ было весьма желательнымъ для Москвы еще со времени Богдана Хмельницкаго; ни запорожскіе, ни украинскіе козаки не желали этого, и если въ данномъ случаѣ сичевые посланцы отвѣтили въ желательномъ духѣ для Москвы, то это можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, самимъ положеніемъ посланцевъ: они, во что бы то ни стало, хотѣли свергнуть Виговскаго и потому соглашались на все, что хотѣли въ Москвѣ въ отношеніи Украины; въ самой же инструкціи пословъ, какъ мы видѣли, ни слова не было сказано о воеводахъ. Во-вторыхъ, истиннымъ желаніемъ введенія на Украину воеводъ со стороны простой черни и козацкой голоты, павѣрившихъ въ своей старшинѣ и искавшей защиты отъ вса у царскихъ воеводъ.

кончинъ гетмана, то, проча гетманство другу своему, Виговскому, долго не хотѣлъ отдавать ни булавы, ни бунчука. Гетманъ же Хмельницкій, еще будучи живымъ, узнавъ, что Лѣсницкій прочитъ въ гетманы Виговскаго, велѣлъ Лѣсницкаго привести къ себѣ и хотѣлъ было его казнить; Виговскаго же Хмельницкій велѣлъ оковать по рукамъ и положить лицомъ къ землѣ такъ держалъ его чуть-ли не весь день. Виговскій, лежа на землѣ, все плакалъ и просилъ гетмана простить его, и гетманъ простилъ его. А что теперь Виговскій называетъ Лѣсницкаго своимъ врагомъ, то это одинъ вымыселъ со стороны гетмана, — дѣлаетъ онъ это для того, чтобы войско не знало, что Лѣсницкій его другъ и единомышленникъ: посланцы же хорошо знаютъ Лѣсницкаго, потому что три изъ нихъ, Яковъ Остафьевъ, Семенъ Остафьевъ да писарь, живутъ въ Миргородѣ, близко двора Грицька Лѣсницкаго, и знаютъ его изстари; когда и рада у него была, то и они въ той радѣ присутствовали и слышали всѣ его «смутныя» рѣчи.

Въ заключеніе запорожскіе посланцы били челомъ поскорѣ вернуть ихъ съ царскимъ указомъ на Запорожье, потому что до приѣзда ихъ туда съ указомъ ни гетмана, ни его универсаловъ никто не будетъ слушать; кромѣ того, посланцы опасались, что, когда съ весной придутъ татары, гетманъ, однихъ изъ запорожцевъ ради тѣхъ татаръ оставить на Кошу, а другихъ забересть съ собою для рады; а гетманомъ его всѣ не желаютъ видѣть и не вѣрятъ ему, потому что онъ не природный запорожскій козакъ, а польскій ротмистръ, взятъ въ бою (при Желтыхъ-Водахъ) въ числѣ языковъ и сдѣланъ отъ Хмельницкаго писаремъ; уже по самой своей природѣ онъ никакого добра войску не желаетъ; жена у него также шляхтынка большого дома и также ничего добраго не желаетъ войску, больше всего думаетъ о польской сторонѣ и поляковъ считаетъ вѣчными своими пріятелями. Выказавъ все это, запорожскіе посланцы, наконецъ, объявили, что изъ всего посланнаго числа ихъ изъ Сичи, три товарища ихъ съ 34 лошадьми остались въ Курскѣ и били челомъ о коряхъ людямъ и лошадямъ ¹⁾).

Ноября 26 дня тѣ же посланцы запорожскіе, Михайло Ивановъ Стрынджа съ товарищами, подали въ посольскій приказъ семь

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 187—190.

статей и въ нихъ частію повторили то, что написано было въ «инструкціи» отъ Коша, и то, о чемъ они вели разговоры съ царскими дьяками, частію прибавили нѣчто новое; такъ, они просили сорокъ отозвать изъ Украины Виговскаго, Лѣсницкаго и Тимоша, намѣстника гадячскаго, и другихъ совѣтниковъ и арендарей: просили прислать въ города украинскіе царскихъ воеводъ и ратныхъ людей и собирать «стаціи» на всѣхъ тѣхъ воеводъ и ратныхъ людей съ городовъ Малой Россіи: брать сборы съ мѣщанъ, купцовъ и арендарей всѣхъ королевскихъ, сенаторскихъ и магисторныхъ городовъ, мѣсть и арендъ и держать всю казну въ стольномъ городѣ Кіевѣ, а ту казну, которая до тѣхъ поръ собиралась и войску запорожскому не давалась, сыскать по квиткамъ (роспискамъ) и въ жалованье войску за прошлые года раздать; приказать Виговскому свезти все привиллегіи и sprawy, также знамена, булавы, бунчуки, бубны, пушки, арматы, въ тотъ городъ, гдѣ будетъ рада для избранія гетмана, и тоже велѣть сдѣлать всѣмъ полковникамъ и другимъ чинамъ, по избраніи же новаго гетмана, во избѣжаніе «замятни», велѣть Виговскаго и совѣтниковъ или посадить въ крѣпость или же отослать въ Москву; пожаловать посланцамъ царскую грамоту и отпустить ихъ изъ Москвы на Курскъ, Путивль и на черкасскіе государевы города, откуда ихъ будетъ провожать до Запорожья чернь городовая, которая отъ гетмана и его совѣтниковъ терпитъ великія обиды и потому для запорожскихъ посланцевъ порадовать и врагамъ своимъ не выдастъ¹⁾.

Проверивъ показанія обѣихъ сторонъ, въ Москвѣ хоти и нашли, что Виговскій несовершенъ чистъ, а Барабанъ невольный несправедливъ къ нему, но все-таки гетманскими посланцами оказали большее вниманіе, нежели посланцамъ кошевого. Это видно изъ того, что послѣдніе поднесены были подарки далеко не такой цѣнности, какіе поднесены посланцамъ Виговскаго. Барабаневымъ четверемъ человѣкамъ—по сукну по англійскому по доброму, денегъ по 10 рублей; козакамъ первымъ десяти человѣкамъ по сукну по англійскому, денегъ по четыре рубля; другимъ десяти человѣкамъ—по сукну по доброму, денегъ по три рубля; челадникамъ вполы (въ половину). Тогда какъ старшимъ изъ посланцевъ Виговскаго—по камкѣ, по кармазину, по 40 соболей, въ двадцать пять рублей каждый, по десяти рублей денегъ и т. д.²⁾.

¹⁾ Агты южной и западной Россіи, VII, 191—194.

²⁾ Агты южной и западной Россіи, IV, 59.

Тѣ и другіе посланцы были отпущены изъ Москвы ноябрю 27 дня. Одновременно съ отправленіемъ посланцевъ въ Москву кошевой атаманъ Яковъ Барабашъ отиралилъ къ гетману Виговскому письмо, въ которомъ старался снять съ себя всякое подозрѣніе во враждебныхъ чувствахъ къ нему и въ замыслахъ идти войной на Украину. Но едва-ли можно ошибиться, если сказать, что это письмо написано съ тѣмъ, чтобы выиграть время, пока дойдутъ въ Москву запорожскіе посланцы и принесутъ оттуда такую или иную вѣсть въ Сичу.

«Милостивый пане и добродію нашъ, гетмане его царскаго величества запорожскій. Мы, атаманы и чернь, выслунавъ вашихъ пословъ и прочитавъ ваши письма при всей радѣ, отпускаемъ ихъ до вашей милости, послѣ которыхъ и сами вышлемъ своихъ пословъ, и объявляемъ вамъ панской милости обо всемъ, о чемъ мы писали и въ первомъ письмѣ, а именно, что мы и не отрекаемъ отъ христіанства и не начинаемъ никакихъ бунтовъ, кромѣ тѣхъ, которые перешли къ намъ изъ миргородскаго повѣта, но они люди бѣдные, не имѣющіе ни самоназовъ, ни одежды, ни борошна, и притомъ они все изъ на половину прибраны нами къ рукамъ; мы же сами, козаки-зимовляки, имѣя въ городахъ женъ и дѣтей и мастиности, не помышляли о такомъ своеволіи, которое стало бы проливать кровь народа христіанскаго. Что касается тѣхъ, о которыхъ ты самъ говорилъ намъ, то мы напомнимъ списокъ ихъ; рады ихъ мы не послушали, и они, отправившись въ города, жетаютъ ересь промежъ васъ и насъ; мы съ ними никакого общаго умысла не имѣемъ и готовы исполнять всякое приказаніе твое: что ты повелишь, то мы и будемъ дѣлать: либо отъ татаръ обороняться, либо противъ ляховъ идти. На города же идти мы, милостивый пане гетмане, и въ мысляхъ своихъ не имѣли, съ охотой пошли бы противъ непріятелей, ляховъ. Подлинно была бы горшая смута, если бы мы пошли грабить и шарпать города и проливать кровь, какъ дѣлають это вышеописанные... Послы вашей милости скажутъ вамъ, какіе тутъ у насъ замыслы. Объявивъ обо всемъ этомъ, отдаемъ въ ласку вашей панской милости. Данъ изъ Запорожья, съ Коша, съ Козулины¹⁾. Лѣта 1657. ноябрь въ 14 день. Вашей панской ми-

¹⁾ Козулина вѣтка ниже Чортомлыка: Эваринцкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 105.

лости низайшіе подножки Яковъ Барабашъ, атаманъ кошевой, со всѣми атаманами и черныю, обрѣтающеюся въ Запорожьѣ, Пашко Савицъ, Марко Корсунецъ, судьи войсковые» ¹⁾).

Посланный изъ Москвы на Украину, октября 22 дня, стряпчій Димитрій Рагозинъ, съ извѣстіемъ о рожденіи царевны Софіи и съ цѣлью разспысыванія о дѣлахъ въ Малороссіи, передавалъ потомъ въ Москвѣ, что при немъ пріѣхали изъ Запорогъ къ гетману писовые посланцы, которые были челомъ ему съ тѣмъ, чтобы онъ не ходилъ съ козаками на нихъ и никого не посылалъ въ Запорожье, потому что всѣ бунтовщики, воры и заводчики дѣла уже разбѣжались изъ Сичи; кромѣ того, они просили гетмана пропускать къ нимъ торговыхъ людей съ запасами, на что гетманъ отвѣчалъ, что торговыхъ людей онъ прикажетъ пропускать только тогда, когда они пришлютъ къ нему бунтовщика Барабана. Тутъ же, въ разговорѣ съ Рагозинымъ, гетманъ выразилъ желаніе, чтобы московскій царь воровъ, запорожескихъ козаковъ, поѣхавшихъ мимо воли гетмана въ Москву, или задержалъ въ Москвѣ, или же прислалъ ихъ къ нему: «А если великій государь отпуститъ ихъ на Запорожье и не изволитъ удержатъ или не изволитъ ко мнѣ прислать, то у меня для нихъ поставлены заставы по всѣмъ дорогамъ, чтобы ихъ перенимать: кромѣ того, я къ нимъ не велю торговыхъ людей съ запасами пропускать, и имъ нечего будетъ ѣсть» ²⁾. На вопросъ стряпчаго Рагозина, съ чѣмъ пріѣхалъ къ гетману польскій посолъ Вороничъ, Брюховецкій, сворачивая съ больной головы на здоровую, отвѣчалъ, что когда въ Запорогахъ козаки забунтовали и рѣшили было идти на черкасскіе царскаго величества города, то про гетмана пронеслась вѣсть, будто бы онъ былъ убитъ; тогда отъ польскаго короля присланъ былъ посланникъ безъ листа и съ приказаніемъ провѣдать про гетмана и про запорожескихъ козаковъ. ³⁾.

Отправляя назадъ, изъ Малороссіи въ Москву, царскаго гонца Димитрія Рагозина, гетманъ Виговскій относительно запорожцевъ писалъ царю, что ляхи и татары, услышавъ о бунтахъ на Запорожьѣ и вообразивъ, что между Украиной и Запорожьемъ открылась междоусобная брань, задумали было ударить на нихъ, по

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 59.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 68.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 66.

Господь Богъ не посчастлилъ замысламъ враговъ: запорожскіе самовольцы, которые посылали къ царю своихъ посланцевъ, уже разошлись, а остальные прислали гетману извинительный листъ; однако гетманъ, упреждая на будущее время всякое своеволие въ Запорожьѣ, отправилъ туда одинъ полкъ своихъ козаковъ. «чтобъ такой своеволѣ распространиться не дали въ то время, когда онъ, гетманъ, на иныхъ царскаго величества непріятелей поидеть»¹⁾. Самъ же Рагозинъ доносилъ царю, что гетманскій полкъ отправленъ въ Запороги подъ предлогомъ береженья отъ татаръ²⁾. Въ слѣдъ за этимъ Виговскій вновь доносилъ царю, что крымскій ханъ, узнавъ о бунтахъ въ Запорожьѣ и о замыслахъ козаковъ поднять междоусобную брань, выслалъ въ блгородскія поля Калгу-салтана и велѣлъ ему въ удобный часъ, когда поднимется на Украинѣ мятежъ, сдѣлать нападеніе на запорожское войско и украинскіе города, а пока стоять на ханскихъ кншлахъ³⁾ и ждать татаръ⁴⁾.

Въ дѣйствительности самъ Виговскій, обвиняя запорожцевъ въ измѣнѣ царю, думалъ о переходѣ къ польскому королю и ждалъ только удобнаго случая, чтобы осуществить свою мысль. Ведя себя попрежнему весьма осторожно, онъ дѣйствовалъ черезъ своихъ сторонниковъ, въ особенности миргородскаго полковника Григорія Меницкаго, которые старались отвлечь массу украинскаго населенія и простыхъ козаковъ отъ московскаго царя, пугая ихъ извѣстіями о разныхъ мѣрахъ, затѣваемыхъ Москвою, и склоняя къ польскому королю. Въ самомъ концѣ мѣсяца ноября 1657 года у Меницкаго и козаковъ была рада и на радѣ полковникъ читалъ какіе-то пункты, будто бы присланные изъ Москвы: «Приказано отъ царскаго величества быть только десяти тысячамъ козаковъ въ Запорожьѣ, а что сверхъ этого окажутся козаки, тѣмъ быть въ драгунахъ и солдатахъ, а съ радѣ брать все на великаго государя, да съ насъ же (полковниковъ и другихъ старшинъ) брать со всего десятину... Писалъ къ намъ царское величество и шлетъ ближняго своего боярина Алексея Никитича Трубецкаго съ ратными людьми и съ воеводами, которымъ приказываетъ быть въ нашихъ городахъ. И хочетъ царское величество у насъ волю

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 73, 78.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 67.

³⁾ Кншло съ тюркескаго на русскій значитъ селеніе.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 78.

отнять по своему желанію, и хотеть съ насъ всякія подати брать, что получается съ орандъ и съ мельницъ на войско запорожеское... И какъ царь да Москва возьмутъ въ свои руки, то ужъ нельзя будетъ намъ ходить въ сапогахъ и въ сукошныхъ кафтанахъ, и дуть насъ загонять въ Сибирь или Москву, царь и поповъ къ намъ своихъ наплетъ, а нашихъ туда погонитъ¹⁾.

Возбуждивъ такимъ образомъ сомніе въ русскомъ царѣ относительно вѣрности ему запорожскихъ козаковъ, Виговскій въ то же время старался возбудить сомніе относительно самого царя и его благихъ видовъ на Украину въ малороссіянахъ. Казалось, онъ руководился правиломъ латинской пословицы «раздѣли и покоряй» и сообразно ей поступалъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такъ какъ ничего не бываетъ тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ, то и подлинные планы Виговскаго скоро сдѣлались извѣстны въ Москвѣ. Декабря 5 дня, 1657 года, въ Запорожьи былъ донской козакъ, нѣкто Григорій Савельевъ, по прозвищу Зять. Выйдя изъ Запорожья, онъ далъ показаніе воеводѣ Семену Львову да дьяку Григорію Башмакову относительно тайныхъ замысловъ Виговскаго и главныхъ сторонниковъ его. Зять разсказывалъ, что въ прошломъ году приходилъ съ Дона въ Запорожье станичный атаманъ Самаринцовъ съ 300 козаковъ, въ числѣ коихъ былъ и онъ, Григорій Зять, для похода. вмѣстѣ съ запорожцами, подъ крымскіе улусы съ цѣлью захвата языка. Соединясь съ запорожцами, донцы ходили подъ крымскіе улусы, но, не добывъ тамъ языка, возвратились на Донъ, оставивъ въ Запорожьи 20 человекъ козаковъ, между коими былъ и Григорій Зять. Послѣ этого запорожцы съ оставшимися донцами три раза ходили подъ Очаковъ и всякій разъ возвращались безъ всякой добычи. Въ это время Зять узналъ, что низовые козаки перепяли тайные листы гетмана Виговскаго, писанные имъ къ крымскому хану, вычитали тѣ листы на радѣ и изъ нихъ открыли, что Виговскій задумалъ, вмѣстѣ съ миргородскимъ полковникомъ Григоріемъ Тевенинцемъ, извѣстить московскому царю, соединиться съ польскимъ и шведскимъ королями и съ крымскимъ ханомъ и воевать государевы города. Вычтя тѣ гетманскія письма на радѣ, запорожцы послали отъ себя посланцевъ Михайла Стрынджу и товарищей съ извѣстіемъ о томъ московскому государю и съ запросомъ къ нему, что онъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 42, 62, 63, 66.

прикажетъ, послѣ всего этого, учинить съ гетманомъ Виговскимъ. Къ сказанному донской козакъ прибавилъ, что, находясь въ Запорогахъ, онъ слышалъ о переправѣ крымскаго хана черезъ Днѣпръ для соединенія съ Виговскимъ и видѣлъ намѣреніе запорожцевъ препятствовать ему, но за великою силою татаръ неосмѣлившись сдѣлать такого нападенія. Сверхъ всего этого, Григорій Зять передалъ и о томъ, что противъ Виговскаго явнымъ противникомъ выступилъ полтавскій полковникъ Мартынь Пушкаръ, и что гетманъ Виговскій много разъ призывалъ его къ себѣ въ Чигиринъ, но, не дождавшись доброгопольнаго прихода его, отдалъ приказаніе насильно захватить своего врага.

Обо всемъ этомъ воевода Львовъ и дякъ Башмаковъ донесли въ Москву: «Да гетманъ же Виговскій не велитъ пропускать къ запорожскому войску пороку и свинцу и запасовъ, и по всемъ городамъ и по рѣкамъ поставилъ крѣпкую сторожу... А какъ ему, гетману, вѣдомо учинилось, что его посланниковъ поймали съ листами, то онъ посылалъ по кишенскаго атамана Любича и велѣлъ взять его къ себѣ въ Чигиринъ и карать за то, что не поймалъ запорожцевъ, бѣжавшихъ къ государю, и не прислалъ ихъ ему, гетману, въ Чигиринъ. Зато теперь гетманъ приказалъ Любичу, чтобы онъ тѣхъ запорожскихъ козаковъ, которые будутъ возвращаться назадъ отъ государя, поймалъ и прислалъ къ нему въ Чигиринъ. А крымскій ханъ уже переправился черезъ Днѣпръ съ большимъ войскомъ у Очакова, идетъ къ гетману Виговскому и хочетъ ударить на государевы козацкіе и украинскіе города, вскорѣ по зимнему пути» ¹⁾.

Отправленный въ Москву донской козакъ Григорій Зять, добавилъ къ первому своему показанію еще то, что гетманъ Виговскій, по слухамъ, которые ходятъ среди запорожскихъ козаковъ, находится также и въ сношеніяхъ съ поляками, что съ ними заодно миргородскій полковникъ Григорій Лисеницкій, но что чернь въ городахъ малороссійскихъ стоитъ твердо за московскаго царя, а гетману обѣщаетъ во всемъ вредить: когда будутъ возвращаться отъ царя послы запорожскихъ козаковъ, то люди, которымъ гетманъ приказалъ схватить пословъ, къ гетману ихъ не повезутъ; напротивъ, соединятся съ ними и начнутъ хватать гетманскую старшину, которая въ одной думѣ съ ними. Татаръ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 80.

же, которые переправились черезъ Днѣпръ на нашу сторону, запорожцы хотѣли побить, но, видя, что ихъ черезчуръ много, не рѣшились на то. Услыша оиъ, Григорій Зять, измѣну гетмана въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ филипповыхъ заговѣнъ, нарочно пошелъ изъ Запорожья, чтобы донести близкимъ людямъ государя о замыслахъ гетмана ¹⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, гетманъ, узнавъ о доносѣ, сдѣланномъ въ Москвѣ доскимъ козакомъ тотъ же часъ отправилъ отъ себя посланцевъ въ Москву. Никифора Емельянова съ двумя товарищами, пятью козаками и съ однимъ крымскимъ татаринномъ Урасомъ ²⁾, пойманнымъ, будто бы, подъ Уманемъ. Прибывшіе въ Москву гетманскіе посланцы говорили, что теперь гетмана всѣ слушаютъ и всѣ съ нимъ живутъ въ согласіи, что на гетманствѣ оиъ останется всего три года до тѣхъ поръ, пока позмукаетъ Юрій Хмельницкій; что, будто бы, гетманъ вовсе не думалъ вступать въ дружбу съ крымскими татарами и даже отразилъ ихъ шеститысячный отрядъ, приходившій подъ Умань предъ заговѣнами на филипповъ постъ; что оиъ заставилъ ихъ уйти назадъ и добылъ языка, татарина Ураса Рысаева. Однако, этотъ же самый татаринъ, допрошенный въ приказѣ, показалъ, что шли они, татары, всего лишь шесть человекъ къ царевичу Калгѣ въ Аккерманъ; изъ нихъ двое пошли въ Аккерманъ, а четыре поѣхали къ Черкасамъ, чтобы одобычиться тамъ: въ числѣ первыхъ былъ и Урасъ; на нихъ наскочили козаки, одного убили, а его, Ураса, захватили живымъ въ плѣнъ. А что до ратныхъ крымскихъ людей, то всѣ они находятся пока съ царемъ въ Крыму и выйдутъ на Украину только тогда, когда станутъ рѣки, и то по просьбѣ гетмана, который самъ присылалъ къ крымскому хану пословъ, чтобы быть имъ въ дружбѣ.

Однако, московскій царь и тутъ не повѣрилъ или не хотѣлъ повѣрить справедливымъ вѣстямъ объ истинныхъ симпатіяхъ гетмана къ татарамъ и лихамъ и о несомнѣнной антипатіи его къ Москвѣ. Царь даже одарилъ гетманскихъ посланцевъ и мирно отпустилъ ихъ назадъ ³⁾.

И такъ, ни запорожцы, ни донцы, ни даже сами татары не успѣли поколебать вѣры царя въ гетмана Виговскаго. Но теперь

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 81.

²⁾ Называемый иначе Ураско, Оразъ Рысаевъ.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 82, 83.

противъ него выступилъ собственный полковникъ Мартынъ Ивановичъ Пушкаръ. Лѣтописцы различно объясняютъ причины вражды Пушкаря къ Виговскому. По однимъ, болѣе близкимъ къ описываемому событію, Пушкаръ ожесточенъ былъ противъ Виговскаго за то, что не былъ приглашенъ въ Переяславъ при окончательномъ избраніи Виговскаго на гетманство ¹⁾. По другимъ, стоящимъ дальше отъ описываемыхъ событій, лѣтописцамъ, за то, что Виговскій вмѣсто того, чтобы «быть только за гетмана», сдѣлался настоящимъ гетманомъ ²⁾. Въ царской грамотѣ говорится на этотъ счетъ, что полковникъ Пушкаръ дѣйствовалъ по наущенію посланцевъ Барабаша, Михайла Стрыдджи съ товарищами ³⁾. Такъ или иначе, но Мартынъ Пушкаръ, провидѣвъ, куда протягиваетъ свои руки гетманъ, тотчасъ же рѣшился объявить себя противъ его замысловъ. Гдѣ же долженъ былъ Пушкаръ искать себѣ сочувствія и помощи противъ Виговскаго? Нигдѣ, какъ въ Запорожьи. И такъ, Пушкаръ снесся съ запорожцами и сталъ просить у нихъ помощи для борьбы, которую онъ имѣлъ открыть съ гетманомъ. Запорожцы дали Пушкарю 600—700 человекъ добраго товариства съ Яковомъ Барабашемъ во главѣ и отправили ихъ въ Полтаву. Въ Полтавѣ Пушкаръ присоединилъ къ запорожцамъ свой полкъ и готовился оказать сопротивленіе Виговскому. Послѣдній, видя вооруженіе Пушкаря и непріязнь къ себѣ запорожцевъ, нитался сперва поддѣйствовать на Пушкаря путемъ убѣжденія, но, не успѣвъ въ этомъ, отправилъ посланца къ крымскому хану съ просьбой о помощи. Ханъ отвѣчалъ, что онъ все сдѣлаетъ, чего потребуешь отъ него гетманъ ⁴⁾.

И такъ, затѣвалась борьба Виговскаго и его сподвижниковъ, тайныхъ враговъ Москвы, и Мартына Пушкаря и его союзника Якова Барабаша, явныхъ сторонниковъ Москвы. Сама Москва была на сторонѣ гетмана, во-первыхъ, потому, что она поддерживала принципъ должнаго повиновенія властямъ, а во-вторыхъ, потому, что Виговскаго защищалъ весьма извѣстный и весьма вліятельный въ то время человекъ, нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ.

Въ продолженіи всего этого времени запорожскіе посланцы

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 317.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 2.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 199.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 317.

Михайло Стрынджа и товарищи, отправленные въ Москву съ перехваченными листами отъ гетмана къ крымскому хану, все еще не успѣли возвратиться назадъ. Принятые царемъ въ Москвѣ, они выѣхали въ обратный путь только въ половинѣ января 1658 года и везли съ собою царскую грамоту къ войску «для полной рады» ¹⁾. Доѣхавъ до города Путивля, Стрынджа послалъ въ Полтаву къ полковнику Мартыну Пушкарю казака съ просьбой выслать ему въ Путивль, для охраны отъ Виговскаго, нѣсколько десятковъ челоѣкъ собственныхъ козаковъ и дать извѣстіе въ Сичъ, чтобы за порогами Днѣпра товарищи Стрынджи не печалились о немъ, потому что онъ благополучно возвращается назадъ съ данными грамотами и жалованьемъ отъ царя. Пушкаръ, получивъ просьбу Стрынджи, далъ извѣстіе о немъ въ Запорожье и прѣстѣ съ тѣмъ послалъ отъ себя двухъ козаковъ въ Путивль, Данила Герасимова и Ярему Маркова, предупредить Стрынджу о томъ, что Виговскій, жестокій врагъ запорожцевъ, затѣявшій «злую и явственную противъ царскаго величества прехитрость», стережетъ запорожскихъ пословъ въ Константиновѣ и хочетъ поймать ихъ. Пушкаръ горячо убѣждалъ Стрынджу не вѣрить никакимъ клеветамъ и обманеживаніямъ Виговскаго, который, забывъ Бога, правду и крестное царскому величеству цѣлованіе, съ обманомъ живетъ и съ хитростію отъ царя отступаетъ: «Вашъ, товарищей моихъ, прилежно прошу и оберегаю пребывать въ береженьѣ отъ Виговскаго, всѣмъ воеводамъ и окольничьимъ обѣ измѣнъ его вѣсть чинить, чтобы намъ, христіанамъ, вѣру православную и церкви божіи соблюсти». Предостерегая Стрынджу о коварствѣ Виговскаго, Пушкаръ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ его, что на Запорожьѣ поставлено полтораста товарищей, а въ Великомъ-Лугу, при Паломѣ, занявъ нѣсколько улусовъ, двѣсти челоѣкъ козаковъ ожидаютъ счастливаго возвращенія своихъ пословъ. Получивъ листъ Пушкаря, Стрынджа передалъ его путивльскому воеводѣ Зюзину и сталъ просить воеводу отпустить его, Михайла Стрынджу, и двухъ черкасъ, отъ Пушкаря присланныхъ въ Москву. Воевода Зюзинъ отправилъ писмо Пушкаря къ царю, но самого Стрынджу, безъ царскаго указа не рѣшился отпустить въ Москву ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 83.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 88, 91; XV, 10.

Письмо Пушкаря къ запорожцамъ написано было января 19 дня, а февраля 6 дня Пушкаръ написалъ письмо самому воеводѣ Зюзину. Въ письмѣ Зюзину Пушкаръ прежде всего старался увѣрить воеводу въ измѣническихъ замыслахъ и недоброжелательствѣ Виговскаго къ московскому царю: гетманъ царскому величеству измѣнилъ и, помирившись съ ляхами и ордой, идетъ на украинные города и хочетъ взятьемъ и огнемъ всю Украину разорить; потомъ Пушкаръ извѣщалъ воеводу, что онъ отправилъ въ Москву своихъ посланцевъ, Петра Яковенка съ товарищами, для выраженія собственной вѣрности царю и готовности служить противъ всѣхъ супостатовъ его; наконецъ, просилъ воеводу снабдить его посланцевъ подводами и продовольствіемъ и поскорѣе отпустить въ Москву, а запорожскихъ посланцевъ, прибывшихъ изъ Москвы въ Путивль, поскорѣе отправить въ Сичь. Воевода Зюзинъ и это письмо Пушкаря отослалъ въ Москву ¹⁾.

Царь, получивъ эти извѣстія отъ Зюзина, попрежнему, не придавъ особенной вѣры словамъ Пушкаря, не позволилъ вернуться Стрынджѣ назадъ, и Стрындика, пробывъ долгое время въ Путивлѣ, самъ потомъ безъ отпуска въ Запорожье ушелъ ²⁾.

Не вызвавъ должнаго вниманія къ себѣ со стороны московскаго царя, зато, заручившись полнымъ содѣйствіемъ со стороны низовыхъ козаковъ, полковникъ Пушкаръ рѣшилъ выступить противъ Виговскаго съ оружіемъ въ рукахъ: «И тогда восстали отъ междоусобной козацкой брани на Украинѣ» ³⁾. Въ ту пору, еще отъ времени Богдана Хмельницкаго, на Украинѣ жили особые наемныя или такъ-называемыя затыжныя войска, состоявшія изъ сербовъ, волоховъ, поляковъ и нѣмцевъ, нанимавшіяся за деньги воевать за кого угодно и противъ кого угодно. Виговскій послалъ противъ Пушкаря двухъ полководцевъ, Ивана Богуна съ козаками да Ивана Сербина съ наемными сербами, всего до 1.500 человекъ.

Однако, этотъ походъ окончился для Виговскаго самымъ неожиданнымъ образомъ. Успѣхъ предпріятія зависѣлъ отъ быстроты дѣйствій гетманскаго войска. Гетманъ же самъ остался въ Ингиринѣ, а Богуну и Сербину приказалъ идти на Полтаву. Но сербскій полкъ, по ошибкѣ, не попалъ въ Полтаву, а пришелъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 93, 94.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 126.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 326.

къ мѣстечку Великимъ-Будищамъ. Пушкаръ во-время узналъ объ этой ошибкѣ своихъ противниковъ, немедленно выслалъ противъ нихъ запорожскаго полковника, Якова Барабаша, съ частью городского и запорожскаго войска, котораго «всего до шести и седмисотъ быти могло» ¹⁾. Яковъ Барабашъ, какъ опытный и бывалый вождь, рѣшился воспользоваться ошибкою противниковъ; онъ немедленно выступилъ со своими козаками изъ Полтавы къ Дикавкѣ и тутъ, за долиною Голтвюю, противъ байрака Рогатинкова, неожиданно напалъ на сербовъ. Сербы, не предвидя опасности, спокойно сидѣли и готовили себѣ обѣдъ. Барабашъ наконецъ имъ рѣшительное пораженіе. Битва произошла января 25 дня ²⁾.

Но сторонниковъ Виговскаго не испугала эта первая неудача, и миргородскій полковникъ Лѣвницкій немедленно разослалъ приказанія въ полки другихъ полковниковъ, чтобы всѣ начальники за одну ночь поспѣшили къ нему съ войскомъ и вѣстѣ съ нимъ ударили бы на Пушкаря и Барабаша. Тогда, по зову Лѣвницкаго, собрались: ильинскій полковникъ Гуляницкій, лубенскій Павелъ Швець, черниговскій Оникій Селичичей, прилуцкій Петро Дорошенко; къ нимъ присоединился и самъ Лѣвницкій съ полкомъ. Пушкаръ, слыша о сборахъ своихъ противниковъ, въ свою очередь, старался усилиться войсками: онъ сталъ приглашать къ себѣ всѣхъ охотниковъ до войны; тогда къ нему потянулись мишѣики, броварники, пастухи, наймиты. Пушкаръ вооружилъ ихъ чѣмъ угодно: рогатинами, косами, кіями, составилъ изъ нихъ особый полкъ такъ-называемыхъ «дейнековъ», присоединилъ къ нимъ собственный полтавскій конный полкъ и затѣмъ отрядъ запорожскихъ козаковъ съ Яковомъ Барабашемъ во главѣ, послѣ чего рѣшился двинуться противъ Гуляницкаго къ Миргороду. Но Гуляницкій уклонился отъ битвы и отступилъ отъ Миргорода къ Лубнамъ, боясь, чтобы собственное его войско не перешло на сторону Пушкаря. Отъ Лубенъ Гуляницкій отступилъ далѣе къ Лохвицѣ. Пушкаръ всюду слѣдовалъ за Гуляницкимъ, но, не могши ему причинить вреда, повернулъ отъ Лохвицы на Галицкое, а оттуда воссоединился; на обратномъ пути онъ много принесъ «шкоды» войску Гуляницкаго ³⁾.

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 925.

²⁾ Величко, Лѣтопись, I, 326; Акты южной и западной Россіи, IV, 95.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 329.

Въ это самое время прїѣхалъ изъ Москвы на Украину бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, имѣвшій порученіе отъ царя утвердить на новой радѣ Ивана Виговскаго въ званіи малороссійскаго гетмана. Рада собрана была въ начальныхъ числахъ февраля, въ городѣ Переяславѣ, и на ней Виговскій, выбранный въ третій разъ гетманомъ, утвержденъ былъ со стороны царя. Принимая гетманскую булаву изъ рукъ московскаго посла, гетманъ и вся рада принуждены были согласиться на присылку воеводъ въ украинскіе города.

На радѣ въ Переяславѣ не были ни Яковъ Барабанъ, ни Мартынъ Пушкаръ: во все это время они стояли въ Гадячѣ, не осмѣливаясь напасть на Виговскаго въ Переяславѣ, потому что тамъ былъ посолъ московскаго царя, которому они вѣрно служили. Февраля 18 дня того же 1668 года царскій посолъ уѣхалъ изъ Переяслава, а марта 3 дня запорожскому посланцу Михайлѣ Сtryнджѣ, бывшему отъ кошевого атамана Якова Барабана въ Москву, данъ былъ подарокъ три пары соболей въ пять, въ четыре и въ три рубля, чтобы онъ отъ бунтовъ унялся, полковника Пушкаря и другихъ заводчиковъ уговаривалъ и тѣмъ великому государю служилъ. Кромѣ того, данъ былъ подарокъ, соболь въ два рубля, сыну полковника, Андрею Пушкарю, за то, что онъ уговорилъ Мартына Пушкаря прїѣхать въ Лубны и распустить войска. Самъ полковникъ Пушкаръ за то же дѣло получилъ три пары въ пять рублей и одну пару въ четыре рубля ¹⁾. Царь грамотою, писанною апрѣля 6 дня, извѣщалъ малороссійскихъ полковниковъ о томъ, что Мартынъ Пушкаръ былъ челомъ и учинилъ вѣру царскому величеству передъ околышнимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово въ городѣ Лубнахъ, обѣщалъ быть въ послушаніи у великаго государя и бунтовъ никакихъ не вчинять ²⁾.

Такъ, Виговскій, искусно разыгрывая роль преданнѣйшаго московскому царю слуги, утвержденъ былъ на гетманскомъ урядѣ и въ Переяславѣ, а между тѣмъ ровно черезъ мѣсяць послѣ этого онъ писалъ своему отцу, Остафію Виговскому, въ городъ Гоголевъ, что, въ виду приглашенія его, съ одной стороны, въ Москву, а съ другой—въ виду сборовъ большой рати изъ Польши и Литвы, онъ, оглядываясь во всѣ стороны, не знаетъ, на что ему рѣшиться.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 102.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 199.

«Ума не приложу, не вѣдаю, въ какую бы мнѣ сторону обернуться; прошу тебя, отецъ мой добродѣй, посовѣтуй мнѣ» ¹⁾).

Тѣмъ временемъ запорожцы, по отѣздѣ воеводы Хитрово изъ Лубенъ, лишили кошеводства своего прежняго атамана Пашка и выбрали вмѣсто него какого-то Шкурку ²⁾ и на радѣ, собранной марта 20 дня, постановили или идти на Чигиринъ, или же, перебравшись черезъ Самарь, идти къ полковнику Пушкарю и «по травѣ» начинать раду. Въ это-же время малороссійскіе козаки напали на шурина Виговскаго, Ивана Бублевскаго, замучили его «мучительно», тѣло бросили псамъ на снѣденіе и не позволили бывшему при немъ монаху предать прахъ землѣ. Источникомъ всѣхъ бѣдствій гетманъ Виговскій считалъ царскую грамоту, данную запорожскимъ посланцамъ Михайлѣмъ Стрынджѣ съ товарищами: обращая смыслъ этой грамоты въ свою пользу и выпуская молву о царской милости сдѣлать вольное избраніе на Запорожьѣ гетмана, запорожцы тою грамотою такъ взбунтовали украинцевъ, что они, побросавъ женъ, дѣтей и дома, ушли изъ городовъ въ Запорожье для избранія въ гетманы человека, который имъ будетъ любъ ³⁾).

Видя надвигавшіяся отовсюду тучи и желая обезопасить собственную личность, гетманъ Иванъ Виговскій отправилъ въ Москву посланцевъ, полковниковъ Григорія Лвсницкаго, Прокофія Березежскаго и Ивана Богуна, съ извѣщеніями о дѣлахъ Запорожья и Украйны и различными мѣропріятіями для усмиренія бунтовщиковъ и гульгетевъ, заводящихъ смуты. Посланцы прибыли въ Москву апрѣля 20 дня съ инструкціями отъ гетмана и подверглись въ посольскомъ приказѣ троекратному допросу, въ первый разъ отъ дьяка Ефима Юрьева, во второй разъ отъ боярина Василя Борисовича Шереметева, окольничьяго Богдана Матвѣевича Хитрово, дьяковъ Алмаза Иванова и Ефима Юрьева, и въ третій разъ отъ боярина Василя Борисовича Шереметева съ товарищами.

Посланцы прежде всего высказали желаніе гетмана послать въ шесть малороссійскихъ городовъ—Бѣлую-Церковь, Корсунь, Нѣжинъ, Полтаву, Черниговъ и Миргородъ—царскихъ воеводъ;

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 105.

²⁾ Въ разныхъ актахъ онъ называется то Шкуркой, то Шкуркоѣ.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 218.

для Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго, который допустилъ воеводу лишь въ одинъ городъ Кіевъ, воеводы въ шести новыхъ городахъ были новымъ явленіемъ. Затѣмъ посланцы предложили оставить на Украинѣ только 60.000 человѣкъ козаковъ, а остальныхъ вынести за реестръ и чрезъ то съ теченіемъ времени привести въ спокойное настроеніе всю Украину.

— Вы бѣте челомъ, чтобъ великій государь изволилъ послать въ войско запорожское комиссаровъ и учинить бы списковое число войска въ 60.000 человѣкъ: по въ инструкціи, какую вы подали, о томъ не пишутъ ни гетманъ, ни полковники, а потому можно-ли вѣрить, что вы бѣте челомъ отъ всего войска?

— Царскому величеству бѣмъ челомъ о томъ по приказанію гетмана и всего войска запорожскаго.

— Коли о томъ дѣлѣ приказали вамъ бить челомъ царскому величеству гетманъ и все войско запорожское, то вамъ бы для вѣрности подписаться къ челобитію своими руками.

По этому слову Лѣсницкій приказалъ писарю своему подписаться вмѣсто полковника и его товарищей на челобитномъ листѣ, и допросъ продолжался снова.

— Прежде сего сказывали вы дяку Ефиму Юрьеву, что когда Иванъ Донецъ шелъ на чигиринскій полкъ, то многихъ людей послѣлъ, порѣзалъ и пограбилъ, а вчера, будучи у боярина царскаго величества, вы про то не сказывали.

— Какъ околыничій Богданъ Матѣевичъ Хитрово съ товарищами пошелъ изъ Лубенъ, то послѣ него пошелъ изъ Лубенъ къ себѣ и полковникъ Мартинъ Пушкаръ, а Иванъ Донецъ сталъ собирать гулятьевъ въ Лохвицѣ и, собравшись съ ними, пошелъ на чигиринскій полкъ: дорогою гулятии побили много людей и пограбили; въ то же время, слыша объ этомъ походѣ, взбунтовались своевольники въ Миргородѣ и Лохвицѣ и убили двухъ сотниковъ и трехъ челядниковъ Лѣсницкаго. Однако, Ивана Донца съ его гулятьями удержалъ Мартинъ Пушкаръ.

— Вчера вы говорили, что полковникъ Пушкаръ уже усмирися, живетъ дома и войско свое распустилъ, а бунты чинить новонзбранный миргородскій полковникъ Степанъ Довгаль.

— Всѣ бунты сперва начались отъ Пушкаря; а нынѣ онъ и самъ тѣмъ бунтамъ не радъ, и радъ бы усмириться, да не можетъ отъ того отстать, потому что его сбиваютъ съ пути Стрынджа

и Донецъ; теперь своевольниковъ еще больше умножилось и, нужно думать, что Пушкарю быть убитымъ отъ нихъ.

— Писалъ къ царскому величеству гетманъ Иванъ Виговскій, что своевольники отставили въ Запорожѣ прежняго кошевого атамана Пашкѣ и выбрали иного кошевого Шкурку и собираются идти на Чигиринъ и другіе черкасскіе царскаго величества города, а главные бунтовщики Стрынджа и Донецъ пошли въ Запорожье; они стали разсылать свои листы о томъ, будто царское величество позволилъ имъ собрать раду на Солошицѣ, по травѣ, и будто къ нимъ отъ царскаго величества идетъ 40.000 ратныхъ людей на помощь; поэтому гетманъ просилъ великаго государя послать на Запорожье свою грамоту и добраго дворянина умирить тѣхъ бунтовщиковъ и своевольниковъ. И великій государь свою грамоту послалъ и въ той грамотѣ написано, какова именно дана была прежняя съ Михайломъ Стрынджею грамота, и тѣмъ словамъ, что выѣзжаетъ Стрынджа, козаки не вѣрили бы и огъ бунтовъ отстали. По приѣздѣ же въ Запороги велѣно было тому дворянину собрать раду, на ней прочесть всѣмъ людямъ царскую грамоту и на радѣ же объявить въ слухъ, что тѣ, кто выѣзжалъ въ міръ смутныя рѣчи, должны быть, по войсковому праву, наказаны для того, чтобы другимъ поднимать смятеніе и начинать бунты не повадно было.

— За ту премногую милость государя гетманъ и все войско челомъ бьютъ и просятъ, чтобы великій государь приказалъ своему дворянину, который будетъ посланъ на Запорожье, прежнюю свою грамоту, посланную со Стрынджею, отобрать назадъ. потому что чрезъ ту грамоту запорожцы внесятъ вездѣ смуту и рассказываютъ, будто имъ велѣно противниковъ своихъ избивать; дворянина же того надо направить въ Путивль и изъ Путивля въ Чигиринъ, откуда гетманъ направитъ его прямо, дастъ ему провожатыхъ и подводы; на Полтаву же ему ѣхать будетъ небезопасно отъ бунтовщиковъ... А Пушкарь послалъ въ Запороги своего старшаго сына возбуждать бунтовщиковъ и своевольниковъ на гетмана и на черкасскіе города; въ томъ же бунтовствѣ съ нимъ мѣротордескій полковникъ Довгалъ; всѣ своевольники собираются нынѣ на Запорогахъ ¹⁾.

Въ заключеніе гетманскіе посланцы подали царю въ Москвѣ

---

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 206—215, IV, 107—111.

одиннадцать просительных статей, въ которыхъ повторили то, о чемъ говорили въ посольскомъ приказѣ съ боярами и дьяками¹⁾.

Москва спѣшила воспользоваться предложеніемъ гетмана Виговскаго и послала въ Кіевъ поседой боярина Василя Борисовича Шереметева для приведенія въ реестръ малороссійскихъ козаковъ.

Отъѣзжая изъ Москвы, полковникъ Лѣсницкій просилъ царя, чтобы онъ укротилъ «своимъ высокимъ разсмотрѣніемъ» давнихъ крамольниковъ, Мартына Пушкаря и Якова Барабаша²⁾.

Въ слѣдъ за отъѣздомъ гетманскихъ посланцевъ отправлены были на Украину три царскихъ, одинъ за другимъ, посла: стольники Иванъ Даниловичъ Онухтинъ съ дворяниномъ Никифоромъ Волковымъ, Иванъ Амфиловъ и Петръ Скуратовъ. Стольникъ Онухтинъ, выѣхавъ изъ Москвы, свидѣлся съ Виговскимъ мая 1 дня, 1658 года, и прежде всего долженъ былъ выслушать отъ гетмана жалобу на Пушкаря и Барабаша, разорявшихъ, по его словамъ, выѣтъ съ разными гультиями и запорожскими козаками города и села и убивавшихъ людей и грабившихъ ихъ имущество. Пушкарь, забывъ свое крестное цѣлованіе, призвалъ къ себѣ Барабаша съ запорожцами и вновь сталъ проливать кровь христіанскую: онъ разсылаетъ письма по городамъ, въ нихъ гетмана называетъ ляхомъ, объявляетъ, что царское величество пожаловало ему для войны пушки, знамена и 40.000 ратныхъ людей. Гетманъ жаловался на него и царю, посылалъ къ нему и собственннхъ посланцевъ съ приказаніемъ прекратить ссоры, но Пушкарь не послушалъ гетмана, а его пословъ сталъ бить и въ воду сажать. По всему этому, а все по чему другому, гетманъ призвалъ къ себѣ татарскую орду въ 40.000 человекъ³⁾ съ мурзою Карачъ-беємъ во главѣ, заключилъ съ нею договоръ и договоръ скрѣпилъ шертью на томъ, чтобы стоять противъ Пушкаря и Барабаша и противъ всѣхъ, кто будетъ идти на гетмана гоїной. Стольникъ Онухтинъ началъ было отговаривать гетмана, чтобы онъ татаръ за Днѣпръ не пускалъ и самъ войною противъ Пушкаря не ходилъ, обо всемъ бы государю черезъ гонцевъ сообщилъ, а самому ему, Онухтину, позволилъ бы по-

1) Акты южной и западной Россіи, VII, 215—217.

2) Величко, Лѣтописъ, Кіевъ, 1848, I, 329.

3) Число воиска у лѣтописцевъ показано различно: у Величка (I, 330) 10.000; у Самовидца 40.000 (53).

ѣхать къ Пушкарю и уговорить его всякіе бунты прекратить. Но гетманъ ничего этого въ резонъ не принялъ и мая 4 числа, собравшись съ козаками, вышелъ изъ Чигирина противъ своихъ враговъ, покинувъ въ Чигиринѣ самого стольника Опухтина и дворянина Волкова. Дойдя до Днѣпра, гетманъ послалъ Опухтину письмо и въ немъ снова повторилъ свою жалобу на Пушкаря и Барабаша. По его словамъ, Барабашъ, выйдя изъ Запорожья, прошелъ Потокъ, Омельникъ и остановился въ Кременчугѣ, откуда имѣетъ идти до Максимовки и потомъ соединиться съ Пушкаремъ и идти опустошать украинные города ¹⁾.

Для того, чтобы усмирить Пушкаря и Барабаша, отправленъ былъ другой посолъ, стольникъ Иванъ Алфимовъ, лично къ Мартыну Пушкарю съ грамотою отъ царя. Выѣхавъ изъ Москвы, онъ прибылъ мая 9 дня въ первый черкасскій городъ Константиновъ. Въ Константиновѣ посолъ узналъ, что Пушкаръ вышелъ изъ Полтавы и расположился станомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Миргорода. Тогда Алфимовъ взялъ провожатыхъ у полковника Степана Довгала и направился въ обозъ Пушкаря. Не доѣзжая обоза, Алфимовъ былъ встрѣченъ полковникомъ Мартыномъ Пушкаремъ и кошевымъ атаманомъ Яковомъ Барабаншемъ; при Пушкарѣ было около 2.000 человекъ козаковъ, при Барабаншѣ нѣсколько запорожцевъ да 3 небольшихъ, вывезенныхъ изъ Коша, пушекъ; обозъ находился на рѣкѣ Голтвѣ, подъ Краснымъ лугомъ. Въ лагерѣ стольникъ Алфимовъ вручилъ Пушкарю государеву грамоту и, кромѣ того, на словахъ сказалъ ему, чтобы онъ бунты все прекратилъ; новой рады для выбора гетмана отсюда не заводилъ; съ гетманомъ въ совѣтѣ, любви и послушаніи жилъ; Ивану Донцу, распускающему слухъ о присылкѣ на Украину 40.000 ратныхъ людей, не вѣрилъ; всехъ своевольниковъ унималъ и никакого кровопролитія не допускалъ, а чрезъ то, что онъ полковника Богуна съ 500-ми человекъ побилъ, государь, для обереженія самого же Пушкаря въ городъ Полтаву воеводу послать приказалъ. Пушкаръ, не признавая себя виновнымъ, отвѣчалъ, что Иванъ Донецъ дѣйствовалъ самъ по своей волѣ, а подковника Богуна и его 500 человекъ хотя онъ и разбилъ, то въ этомъ самъ гетманъ виноватъ: онъ прислалъ Богуна съ 1.500 человекъ сербовъ и тѣ сербы начали православныхъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 233—237.

христіанъ въ полтавскомъ уѣздѣ разорять и въ полонъ ихъ хватать; оттого и побилъ онъ ихъ 500 человекъ, обороняя себя ¹⁾).

Послѣ объясненія съ царскимъ стольникомъ собрана была рада и на ней читана была царская грамота, въ которой сказано было, чтобы полковникъ Пушкаръ разѣ навсегда оставилъ всякія ссоры и жилъ бы съ гетманомъ въ совѣтѣ, любви и послушаніи, а Якова Барабаша, Михайла Стрынджу и Ивана Донца ни въ чемъ бы не слушалъ, потому что они дѣлають бунты, говоря, будто бы весной имѣеть быть рада для избранія гетмана. Выслушавъ царскую грамоту, полковникъ Пушкаръ отвѣчалъ, что государеву повелѣнію онъ слушаться радъ, но только зачѣмъ же гетманъ Виговскій, перейдя Днѣпръ съ козаками и татарами, расположился въ 20 верстахъ отъ табора Пушкаря и разоряетъ церкви божіи, проливаетъ кровь христіанскую и хватаетъ людей въ полонъ? На это царскій стольникъ возражалъ, что всѣ эти бѣдствія происходятъ отъ самого же Пушкаря и могутъ прекратиться по его же волѣ, если онъ согласится быть въ послушаніи у гетмана.

Когда стольникъ Иванъ Алфимовъ велъ разговоры съ полковникомъ Пушкаремъ, въ это время къ нему подошелъ Яковъ Барабашъ и сталъ спрашивать, имѣтъ-ли у стольника какого-нибудь царскаго приказа и для кошевого. На это стольникъ отвѣчалъ, что, по указу великаго государя къ нему, Барабашу, посланъ особо дворининъ Никифоръ Волковъ. Но на это Барабашъ возразилъ, что ни Волкова, ни другого кого онъ еще не видалъ. Тогда царскій стольникъ спросилъ Барабаша, зачѣмъ онъ вышелъ изъ Конна съ войскомъ на Украину. На этотъ вопросъ Барабашъ отвѣчалъ, что вышелъ для того, чтобы учинить раду и на ней выбрать гетмана, для чего и царская грамота запорожцамъ дана. Алфимовъ сказалъ Барабашу, что хотя такая грамота и дана запорожскимъ козакамъ, но это сдѣлано было тогда, когда еще не былъ выбранъ въ гетманы Иванъ Виговскій: для избранія же гетмана посланъ былъ бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; при немъ собрана была въ Череславѣ рада и на этой радѣ полковники, сотники, асаулы, козаки и чернь выбрали гетманомъ Ивана Виговскаго. Теперь же, не смотря на то, онъ, Барабашъ, соединяется съ разными бунтовщиками, думаетъ новаго гетмана, по своей

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 221—224.

полѣ, избрать и съ тѣми же своевольниками вновь христіанскую кровь хочетъ проливать. Въ это время къ разговаривавшимъ Алфимову и Барабану стали подходить другіе бунтари—миргородскій писарь Сенча, миргородскій козакъ Яковъ Черниговецъ и запорожскій козакъ Михайло Стрынджа съ товарищами; собравъ возлѣ себя множество людей, они подняли большой крикъ, начали бунтовать и сдѣлали войсковую раду своимъ полкомъ ¹⁾).

Это объясненіе стольника Алфимова съ Пушкаремъ происходило мая 14 дня; въ тотъ же самый день гетманъ отираивалъ универсалъ къ запорожцамъ и полтавскому полку о томъ, чтобы они не вѣрили своей старшинѣ и покорились ему, какъ настоящему ихъ вождю, истинно преданному его царскому величеству.

«Иванъ Виговскій гетманъ съ войскомъ его царскаго величества запорожскимъ, старшинѣ и черни. изъ Запорожья вышедшей, также сотникамъ, атаманамъ и всему товариству войска его царскаго величества запорожскаго, особенно находящимся въ полку полтавскомъ, желаемъ добраго здравія отъ Господа Бога. Не знаемъ и до настоящаго времени, чѣмъ наученіемъ и по какому поводу, вышедши изъ Запорожья; вы чините на насъ, все войско его царскаго величества, безвинныя похвалки, обѣщая отобрать у насъ пожитки наши и жизнь. Хотя намъ даже уже наскучило слышать отъ частыхъ людей о безвинныхъ убійствахъ, однако, мы были терпѣливы до тѣхъ поръ, пока вы, пришедши къ Кременугу и ближнимъ къ нему городамъ, также къ Чигирину, не стали грозить намъ совершеннымъ истребленіемъ. Побуждаемые этимъ, мы пошли защищать нашу жизнь, а не проливать христіанскую кровь, какъ увиѣяетъ васъ въ томъ ваша старшина, возбуждая противъ насъ, и усмирить и отвратить людей своевольныхъ и распущенныхъ отъ человѣческой крови. Мы имѣли отъ его царскаго величества изящный указъ, чтобы намъ жить безъ всякой мести, прекратить ссоры и непріятности. И такъ мы воздержались вѣдѣствіе указа его царскаго величества, надѣясь, что и вы будете послушны волѣ его. Однако, ваша старшина и теперь, добывъ себѣ какія-то особыя грамоты, произвѣдитъ злою ложью возбужденіе въ средѣ своихъ же братіи, обходя обманами вашу простоту. Въ этомъ вы можете убѣдиться изъ той грамоты, которая нынѣ вновь прислана къ намъ и ко всей стар-

¹⁾ Акты южной и западной России, VII, 223—225.

ниинѣ и къ черни запорожской черезъ Никифора Хрисанфовича Волкова, дворянина его царскаго величества; еслибъ послать вамъ списокъ съ этой грамоты, вы бы меньше вѣрили; но лучше было бы, если бы вы сами прислали двухъ разсудительныхъ товарищей, чтобъ имъ прочесть грамоту и чрезъ нихъ прислать списокъ вамъ. Въ той грамотѣ ясно и основательно пишетъ его царское величество, что онъ не даетъ позволенія ни на какія своеволия, но приказываетъ жить всему товариству въ любви и единеніи, подъ нашимъ послушаніемъ. Можете изъ того узнать о нашей правотѣ и истинности, что его царское величество, принявъ милостиво и ласково нашихъ пословъ, Прокона Бережецкаго и Ивана Богуня, отпустилъ ихъ съ милостію, отправивъ послѣ нихъ съ почестію и Григорія Лисницкаго, миргородскаго полковника; а Пекру ¹⁾ съ другими, за ихъ плутни и неправду, приказалъ удержать въ столицѣ. А если бы вы этому не повѣрили, то можете узнать изъ самаго дѣла, не видя ихъ возврата; его царское величество и къ намъ писалъ, что они не будутъ вынуждены до тѣхъ поръ, покуда не будетъ челобитья отъ насъ къ его царскому величеству. А что нѣкоторые изъ вашей старшины болтаютъ, якобы мы напали орду для пролитія крови христіанской, то того они не въ состояніи доказать... Самъ Барабашъ можетъ быть свидѣтелемъ нашей ласки и разсудительности къ нему,—Барабашъ, который, хотя передъ тѣмъ и много дурного сдѣлалъ намъ, однако, ничѣмъ изъ своей мастиности не былъ ограбленъ нами, какъ онъ пишетъ на насъ; напротивъ того, и хлѣбомъ и деньгами былъ вспомооществуемъ отъ насъ, какъ и теперь, если бы онъ оставилъ тотъ злой умыселъ и возвратился къ намъ, никакого мщенія и вражды отъ насъ не увидѣлъ бы. Пусть ни онъ, ни другіе не прельщаются насъ деньгами, присланными его царскимъ величествомъ въ уплату вамъ за четыре года, которыхъ мы у себя не имѣемъ, да и вы не можете надѣяться получить, — спрашивайте ихъ у вашихъ старшинъ, которые за всѣ тѣ годы и по настоящее время держатъ у себя и винныя и табачныя аренды полтавскаго цозка, а мы въ тѣхъ пожиткахъ никакой корысти не имѣемъ и возратить ихъ не можемъ. Думайте же да скорѣе присылайте къ намъ товариство, а если этого теперь не захотите сдѣлать, то послѣ не будетъ времени, потому что война уже начинается» ²⁾).

¹⁾ Посланца полковника Мартына Пушваря.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 119, 120.

Слыша о приготовленіи гетмана къ войнѣ и о призваніи имъ для того татаръ, московскій царь не могъ уже оставить безъ вниманія этихъ дѣйствій его и послалъ на Украину стольника Петра Скуратова для наблюденія за нимъ. Стольникъ Скуратовъ, явившись къ Виговскому, привезъ съ собою царскую грамоту на имя Пушкаря : вручилъ ее гетману, объявивъ, что подобныя грамоты посланы и къ запорожскимъ козакамъ съ приказаніемъ имъ «всякое возмущеніе прекратить и противъ гетмана рокоша не загодить» ¹⁾).

«Ты, гетманъ войска запорожскаго, хочешь, чтобы мы, великій государь, изволили послать на Запорожье на прежнюю нашего царскаго величества грамоту, которая послана была къ Якову Барабану съ его посланцами, Михайломъ Стрынджею съ товарищами и которою грамотою они надѣлали много безпокойствъ, обращая ея смыслъ предъ простыми людьми въ свою сторону, будто бы ею велѣно было избрать гетмана вольными голосами на Запорожьѣ, а тебя ни въ чемъ не слушать... Ты просишь, чтобы мы новою грамотою посрамили ихъ ложь, и мы, великій государь, по твоему гетманскому челобитію, для успокоенія между вами, нашего царскаго величества подданными православными христіанами, послали на Запорожье къ кошевому и ко всему находящемуся при немъ войску на прежнюю грамоту, какая была послана съ ихъ посланцами, Стрынджею съ товарищами, новую нашего царскаго величества грамоту, съ описаніемъ ихъ проступковъ и съ воспрещеніемъ самовольничать, бунтовать, заводить рокоши и съ приказаніемъ быть у тебя, гетмана, въ послушаніи» ²⁾).

Когда Виговскій дочиталъ до конца эту грамоту, то въ раздраженіи замѣтилъ: «Этой грамотой Пушкаря не унять, а взять бы его да голову ему снять или въ войско прислать. Богданъ Матвѣевичъ Хитрово обѣщалъ взять Пушкаря и привести его ко мнѣ, да не только не привелъ, а нуще того ободрилъ, -- подарилъ ему соболей и на свободу отпустилъ, а къ Барабану письмо написалъ, и Барабанъ теперь съ Пушкаремъ. Вы понадавали Пушкарю и Барабану грамотъ и отъ такихъ грамотъ и бунты пошли... Не впервые къ нему такія грамоты посылаютъ, да онъ, Пушкарь, не слушаетъ того. Нынѣ иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечомъ, и куда бы онъ ни ушелъ, хотя бы въ государевы города,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 124, 125.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 112, 113.

то я и тамъ буду доставать его; кто за него станетъ, тому и самому будетъ отъ меня» ¹⁾).

Цѣлью Виговскаго было сломить Барабаша и Пушкаря не какъ личныхъ ему враговъ, а какъ лицъ, преданныхъ московскому царю и стоящихъ на пути къ осуществленію завѣтныхъ плановъ его, искусно обойти московскаго царя и перейти на сторону польскаго короля. Но враги Виговскаго ясно понимали планы гетмана и вновь поднялись противъ него. Но прежнему объ измѣнѣ гетмана первый заговорилъ Мартынь Пушкаръ: къ нему присоединился вновь назначенный миргородскій полковникъ Степанъ Довгала. Мая 21 числа отъ имени Мартына Пушкаря, Степана Довгала и «подданныхъ войска запорожскаго, которые изъ Конна и всей черни дѣлпровой», отправлено было царю письмо съ жалобой на гетмана за злыя намѣренія его. Въ своемъ листѣ писавшіе просили царя «уволить» ихъ отъ гетмана и его помощниковъ, потому что, въ противномъ случаѣ, гетманъ и его помощники всѣхъ подданныхъ царскаго величества погубятъ и всѣ животы ихъ пограбятъ, а Малую Россію ни во что обратятъ: «Грамотъ нашего царскаго величества, данныхъ войску черезъ Михайла Сгрындяку, гетманъ Виговскій и полковникъ Лѣвницкій ни во что не вѣрили и не почитаютъ, говоря, что изъ грамотъ они признаютъ только тѣ, которыя даны для усмиренія дѣлъ въ Переяславѣ и приняты всѣмъ совѣтомъ и всею старшиною и чернью войска запорожскаго. Войско запорожское, которое зимовало на коняхъ въ послѣднее время, онъ, Иванъ Виговскій, голодомъ морить, изъ городовъ коней въ Запорожье не пускаетъ. И дѣлаетъ то все онъ для крымскаго хана, чтобъ войско запорожское въ Конѣ истребить, — то самое войско, котораго въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ не можетъ ни одинъ невѣрный царь изъ Запорожья искоренить. Самъ гетманъ Виговскій, уговоривъ кошевого атамана гетмана Якова Барабаша и заставивъ присягнуть нѣсколько десятковъ кременчугскихъ людей, выманулъ его изъ Конна, уверивъ черезъ своихъ людей и черезъ свои письма, будто бы ваше царское величество повелѣли запорожскихъ пословъ сослать въ Сибирь и будто бы въ другой разъ (если не теперь) кошевому вовсе не прійдется увидѣть ихъ. Кромѣ того, гетманъ разставилъ и по городамъ и отъ поля и отъ Запорожья полки, нѣжинскій,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 124, 125.

черниговскій и иркутскій, не говоря черни, для чего именно онъ это дѣлаетъ и называя ихъ караулами; въ дѣйствительности же онъ приказалъ старшинамъ полковъ хватать запорожскихъ козаковъ и которые поймаются изъ нихъ, тѣхъ рубить и разстрѣливать. Когда же вызвалъ изъ Коша обманомъ Барабана, то полии распустилъ, оставивъ только добрую сторожу для того, чтобы не пустить въ Сичу запорожскихъ пословъ съ данными имъ отъ вашего пресвѣтлаго царскаго величества грамотами. А нынѣ, какъ скоро тѣ послы счастливо, по милости вашего пресвѣтлаго царскаго величества, возвратятся назадъ, раньше себя изъ Путивля списки съ грамотъ на Кошъ, въ Запороги, послали, то тотъ часть войско запорожское, согласно грамотамъ вашего царскаго величества, даннымъ до суполой рады, изъ Коша вышло подъ начальствомъ хохона вашего царскаго величества, старшаго отъ войска, Афонаса Дядька, и имѣло идти, согласно указу, въ Переяславъ на раду, но до того войско не допустилъ окозничій и намѣстникъ Богданъ Матвѣевичъ Хитровскій возвратилъ его изъ-подъ Лубентъ, однихъ велѣлъ по домамъ распустить, а другихъ на подлинныя мѣста поставить»¹⁾).

Но доносъ противниковъ гетмана не имѣлъ успѣха и на этотъ разъ. Напротивъ того, царь, вѣря въ правоту Виговскаго, приказалъ идти на Украину бѣлгородскому воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому и усмирить Пушкаря и Барабанша. Но самъ гетманъ не дождался Ромодановскаго и рѣшилъ дѣйствовать безъ него.

Такимъ образомъ ни грамоты царя, ни убѣжденія его пословъ не примирили Пушкаря и Барабанша съ Виговскимъ, и если гетманъ рѣшился дѣйствовать противъ своихъ враговъ оружіемъ, то и его враги думали о томъ же.

Юня 1 дня 1658 года два татарина изъ города Исламъ-Кермена показали въ городѣ Ярославлѣ слѣдующее: отправились они рѣкою Дибромъ въ лодкѣ для дровъ, но тутъ были пойманы запорожскими козаками, сидѣвшими въ числѣ около 60 человекъ въ шести стругахъ, и отправлены сперва въ курени козацкіе, изъ куреней—въ черкасскій городъ Буткалы, а изъ города Буткалы—къ полковнику Барабану въ поле. Полковникъ Барабанъ собрался съ полкомъ своимъ въ походъ въ помощь полковнику Пушкарю

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 83—85, 91—93.

оберегать его отъ гетмана Виговскаго и отъ союзниковъ его татаръ. Самъ Пушкаръ стоялъ неподалеку, въ полѣ, отъ Барабаша и ожидалъ на себя гетмана Виговскаго и Карачъ-бея съ татарами, которыхъ было тысячъ съ 15, а козаковъ при гетманѣ тысячъ съ 10. Перешедши Дибиръ, татары пошли сперва къ Чигирину, а оттуда къ городу Полтавѣ и остановились версты за двѣ или за три отъ города ¹⁾.

Но въ то время, когда пойманные татары давали свои показанія въ Ярославлѣ о замыслахъ гетмана Виговскаго съ татарами и о приготовленіяхъ Барабаша съ Пушкаремъ противъ него, въ это время между противниками произошло рѣшительное столкновение. Виговскій, имѣя съ собою козаковъ, татаръ и затыжыхъ ибмцевъ, подойдя къ Полтавѣ, раздѣлилъ свое войско на три части: татаръ оставилъ въ Сокольемъ-Байракѣ, ибмцевъ—въ долиніи Полуозера, а козаковъ, взявъ съ собою, подступилъ съ ними къ городу Полтавѣ и расположился на полугорѣ, между селеніями Жуканами и Рябнами.

Предварительный бой произошелъ мая 18 дня, на Полуозерѣ, въблизи Полтавы, между передовыми людьми гетмана, татарами и Пушкаремъ. Пушкаръ потерялъ два знамени и литавры, зато татары понесли большой уронъ отъ Пушкаря ²⁾. Послѣ этого боя Пушкаръ, однако, сталъ просить прощенія у гетмана, и гетманъ тому обрадовался было. Но въ ночь 30 числа Пушкаръ ворвался въ полкъ гетмана и побилъ тамъ много христіанъ ³⁾. Тогда гетманъ рѣшилъ дать Пушкарю генеральный бой. Этотъ бой произошелъ іюня 1 дня, во вторникъ, на Троицу. Пушкаръ, уже давно поджидавшій приближенія Виговскаго, внезапно выскочилъ изъ города Полтавы и ударилъ съ такой силой на гетмана, что выгналъ изъ обоза все его войско. Однако, Виговскій скоро оправился отъ погрома и въ свою очередь выгналъ изъ обоза Пушкаря и уже готовился было идти на Полтаву, но тутъ выскочилъ на помощь Пушкарю ⁴⁾ полковникъ Барабанъ съ запорожцами, и тогда побѣда осталась на сторонѣ Пушкаря. Послѣ этого побѣдители стали

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XV. 97—104.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV. 127.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII. 240.

⁴⁾ Въ Актахъ сказано, что Барабанъ стоялъ въ какомъ-то городѣ возлѣ Полтавы (IV, 127), въ лѣтописи Велпчка—что онъ былъ въ самой Полтавѣ (I, 332).

неумѣренно торжествовать свою побѣду и одни изъ нихъ, взобравшись на «горилъчатые» бочки, не чаяли, по выраженію Лѣтописца, конца тамъ своему счастью; другіе, набросившись на оставленную въ обозѣ добычу, предались дувану. Между тѣмъ Виговскій, выгнанный изъ своего обоза, бросился къ Соколюму-Байраку, захватить тамъ орду, усилился козацкими и нѣмецкими полками и вновь ударилъ на Пушкаря. Пушкарь выставилъ противъ нѣмцевъ своихъ «дейпековъ» съ кіями, и они съ такою силой ударили на нихъ, что заставили бѣжать въ свою землю. Зато Виговскій не только устоялъ противъ Пушкаря, а даже вновь выбилъ его изъ обоза и разогналъ войско въ разныя стороны. Въ этомъ бою «Яковъ Барабашъ, мало попрацовавши и проигравшую свою битву увидѣвши», поспѣшилъ отстать отъ Пушкаря и уйти съ нѣкоторою частью своихъ запорожцевъ въ Сичу¹⁾, не имѣя за собой никакой погони²⁾. Покинутый же товарищемъ Пушкарь, июня 7 дня, былъ убитъ, и голова его была доставлена на конѣ Виговскому³⁾.

Между тѣмъ въ этотъ самый день, июня 7 числа, царскіе «холопи Гришка Долгоруковъ да Тимошка Безсоновъ» отписывали въ Москву царю, что, согласно царскому приказанію, они учинили крѣпкій заказъ въ Путивлѣ и во всѣхъ дальнихъ и ближнихъ мѣстахъ ловить и къ нимъ вести Мартына Пушкаря, Якова Барабаша, Степана Довгала, Ивана Донца, Михайла Стрынджу, Аванасія Дядька и другихъ черкасъ, поименованныхъ въ царскомъ наказѣ⁴⁾. Очевидно, въ Москвѣ въ измѣну Виговскаго не хотѣли вѣрить даже и тогда, когда онъ поднялся на Полтаву и истребилъ полковника Пушкаря.

Покончивъ съ Пушкаремъ и разставившись съ татарами, Виговскій страшно опустошилъ и выжегъ Полтаву и вернулся въ Чигиринъ. Въ это время прибылъ на Украину и Ромодановскій съ великороссійскимъ войскомъ, по приказу царя, въ помощь гетману. Узнавъ объ этомъ и опасаясь быть открытымъ въ своей измѣнѣ царю, Виговскій написалъ письмо въ Москву о томъ, что ему въ великороссійскихъ войскахъ надобности больше нѣтъ и просилъ отозвать ихъ изъ Украины. Въ Москвѣ все еще не были убѣждены

¹⁾ Другая часть ушла въ украинскіе города: Акты, VII, 241.

²⁾ Величко, Лѣтопись, I, 332; Акты, IV, 126, 127.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 272.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 113, 114.

въ измѣнѣ Виговскаго, а потому просьба его была исполнена, и Ромодановскій вернулся въ Бѣлгородъ.

Покончивъ съ однимъ изъ своихъ противниковъ, Пушкаремъ, Виговскій долженъ былъ вѣдаться съ другимъ изъ своихъ за-
каленныхъ враговъ, Барабанемъ. Яковъ Барабанъ, ушедшій изъ
подъ Полтавы въ Сичь, не долго оставался въ Запорожьѣ: собравъ
тамъ много людей, онъ, въ концѣ юля мѣсяца, отправился къ
воеводѣ, князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, въ Бѣлго-
родъ: князь велѣлъ ему распустилъ людей, а самому быть у него въ
полку ¹⁾. Выѣтъ съ Барабанемъ остались только полковникъ Дев-
галь и какой-то Лукашъ, оба заклятые враги Виговскаго. Бара-
банъ написалъ нѣсколько универсаловъ къ украинскому населенію,
въ которыхъ предостерегалъ его отъ измѣны Виговскаго русскому
царю, приглашалъ держаться стороны воеводы Ромодановскаго и
подписался гетманомъ войска запорожескихъ козаковъ. Виговскій,
узнавъ обо всемъ этомъ, потребовалъ отъ воеводы, чтобы онъ
прислалъ къ нему Барабана, Лукаша и Девгалья, но князь отказалъ
въ томъ гетману, ссылаясь на то, что безъ воли государя онъ сдѣ-
лать этого не можетъ. Тогда гетманъ воспользовался этимъ отказомъ
для продолженія враждебныхъ дѣйствій своихъ противъ русскихъ
въ Малороссіи. Теперь онъ, побѣдивъ своихъ враговъ, совершенно из-
мѣнилъ въ отношеніи русскихъ свой тонъ. «Видя то, что непріятелей
его ему не выдаютъ гетманъ Виговскій положилъ себѣ, будто то дѣ-
лается по указу великаго государя. Кромѣ того, гетману Виговскому
стало извѣстно, что князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій,
придя подъ черкасскій городъ Дубны, провелъ въ своемъ полку и
Барабана. И гетманъ подумалъ, что князь хочетъ учинить Барабана
гетманомъ надъ войскомъ запорожескимъ. Тогда гетманъ, взявъ съ
собою полковниковъ чигиринскаго, корсунскаго, и пркѣвскаго, по-
шелъ за Днѣпръ, и за Днѣпромъ, собравшись со всеми полковниками
здѣшними, пошелъ на воеводу князя Григорія Григорьевича
Ромодановскаго для того, чтобы онъ выдалъ гетману Барабана и
чтобъ великаго государя воеводамъ въ черкасскихъ городахъ не
быть: а если Барабана не выдастъ и въ городахъ воеводы бу-
дутъ, то онъ, гетманъ, въ города воеводъ не велитъ пускать и
начнетъ биться» ²⁾.

Но князь Ромодановскій и послѣ этого Барабана не выдалъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 272.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 273.

гетману. Тогда гетманъ обратился съ тѣмъ же къ царю Алексію Михайловичу, и царь велѣлъ отправить Барабаша въ Кіевъ къ боярину Василю Борисовичу Шереметеву для отдачи виновнаго на войсковой судъ. Чтобы доставить Барабаша въ цѣлости въ Кіевъ, велѣно было отправить его въ сопровожденіи 210 человѣкъ Соснскихъ дѣтей, драгунъ и козаковъ подъ начальствомъ Якова Левшина, Юрія Полта и Михаила Картавцова, которымъ отданъ былъ приказъ зорко слѣдить за арестантомъ, чтобы онъ какъ-нибудь не убѣжалъ съ пути. Августа 14 дня Левшинъ съ товарищами благополучно выѣхалъ изъ Вѣлгорода и черезъ десять дней былъ у мѣстечка Гоголева, маестности гетманскаго отца, Остапа Виговскаго. Тутъ на Левшина и его охрану выскочили 1.000 человѣкъ козаковъ подъ начальствомъ гетманскаго брата Яна Виговскаго-Кривого, схватили Барабаша вмѣстѣ съ его охранителями и доставили его гетману. Тогда гетманъ, судья, полковники и вся старшина подвергли разспросамъ и тяжкимъ пыткамъ Барабаша, по чьему приказанію онъ называлъ себя и писался гетманомъ и не было-ли ему о томъ повелѣнія отъ московскаго царя. Барабашъ отвѣчалъ, что повелѣнія такого ему не было, а назывался онъ гетманомъ «самъ собою, желая отвѣдать счастья своего». Подъ пытками Барабашъ показалъ, будто въ Кіевъ его посылали не за тѣмъ, чтобы отдать на войсковой судъ, а за тѣмъ, чтобы вызвать въ Кіевъ самаго Виговскаго, «приманить къ своимъ рукамъ и тамъ ухватить его». Это показаніе бывший тутъ царскій посолъ, Василій Кикинъ, однако отвергнулъ, говоря, что Барабашъ своими словами затѣвалъ лишь одну ссору и хотѣлъ только отъ милости царскаго величества гетмана отлучить. Впрочемъ, и самъ Барабашъ отказался потомъ отъ такого показанія, такъ какъ оно было вынужденно. Въ присутствіи Кикина Барабашъ былъ прикованъ къ пущкѣ «у матровыхъ полтъ» и тутъ гетманъ Виговскій сталъ спрашивать его, что дѣлается въ Вѣлгородѣ, много-ли тамъ при князѣ ратныхъ людей и всѣхъ царскихъ воеводъ, на что Барабашъ отвѣчалъ, что ратныхъ людей при князѣ много, а въ Вѣлгородѣ приготолено 130 воеводъ, которымъ быть въ городахъ Малой Россіи. На это царскій посолъ Василій Кикинъ снова возразилъ, что въ Вѣлгородѣ ста тридцати воеводъ нѣтъ и не бывало, а прислано всего лишь десять человѣкъ. Допросъ происходилъ сентября 4 дня, октября 11 дня Барабашъ былъ привезенъ скованнымъ въ Чигиринъ и сидѣлъ тамъ «за при-

ставомъ у капитана» ¹⁾. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна, и въ 1659 году, іюня 4 дня, онъ уже называется «искобщникомъ», т.-е. покойнымъ кошевымъ ²⁾.

Послѣ этого гетманъ Виговскій вошелъ въ сношеніе съ польскимъ королемъ Яномъ Казиміромъ и сентября 6 д. я того же 1658 года заключилъ съ нимъ договоръ въ Гадячѣ, сдѣлавшійся надолго извѣстнымъ во всей Украинѣ между ея населеніемъ. Условія этого договора состояли изъ слѣдующихъ шести пунктовъ: 1) Всеу происшедшему съ обѣихъ сторонъ Днѣпра положить конецъ забвенія. 2) Войску запорожскому состоять изъ 30.000 человекъ и 30.000 пасмниковъ. 3) Гетману именоваться русскимъ и первымъ сенаторомъ воеводства кіевского, брацлавскаго и черниговскаго, по смерти же его избирать преемника вольными голосами изъ четырехъ человекъ каждаго названнаго воеводства. 4) Кіевскому митрополиту засѣдать въ сенатѣ вмѣстѣ съ польско-литовскимъ духовенствомъ. 5) Гетману предоставить право возводить по сто человекъ изъ каждаго полка въ шляхетское достоинство. 6) Козакамъ быть свободными отъ всѣхъ податей и получать вознагражденіе наравнѣ съ коронными и литовскими войсками ³⁾.

Гадячскія постановленія приобрѣли извѣстность именно потому, что ими польскій король хотѣлъ отторгнуть Малую Россію отъ Москвы и вновь присоединить ее къ Рѣчи-Посполитой: говоря другими словами, гадячскимъ договоромъ король хотѣлъ разрушить то, что сдѣлалъ гетманъ Богданъ Хмельницкій для Украины.

Царь, узнавъ о гадячскомъ договорѣ гетмана съ поляками, больше не сомнѣвался въ неискренности Виговскаго и сентября 24 числа послалъ свою грамоту, въ которой гетманъ объявлялся пятнопреступникомъ и измѣнникомъ и въ которой весь малоросійскій народъ призывался къ возстанію противъ него. Князю Ромодановскому велѣно было двинуться изъ Бѣлгорода на Украину противъ Виговскаго и его сторонниковъ. Ромодановскій не замедлилъ явиться на Украину, и все, что было враждебнаго Виговскому, теперь ожило. Теперь поднялись и запорожцы; они прини-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV. 141, 148, 149, 153, 155, 157, 158, 166, 189, 190; XV. 272, 273, 278, 280, 313; V. 316.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XV. 326.

³⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1812, II, 31; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 36.

мали участіе въ общемъ возстаніи противъ гетмана, преслѣдовали сторожника Виговскаго, нѣжинскаго полковника Гуляницкаго, были при сожженіи Ромевъ, взятіи Пирятина, Чернухи, Горонина и другихъ городовъ ¹⁾. Но гетманъ мало обращалъ вниманія на грабятны царя и, собравши возлѣ себя нѣсколько тысячъ собственнаго и татарскаго войска, рѣшили вырвать изъ рукъ русскаго царя городъ Кіевъ и снова «отобрать его подъ свою и людску державу» ²⁾. Октября 29 дня онъ подступилъ къ Кіеву, но былъ отбитъ отъ него воеводой Василюмъ Шереметевымъ и притворно повинился передъ царемъ; однако, русскіе не вѣрили ему и въ послѣднихъ числахъ ноября выбрали на время гетманомъ Ивана Безпалаго ³⁾.

Такую же неудачу потерпѣли въ это время и союзники Виговскаго, татары: противъ нихъ дѣйствовалъ запорожскій полковникъ Сирко: «Полковникъ Сѣрко, собрався съ запорожцями, ходилъ поевать около Бѣлаго города, и ногайскіе улусы, которые кочевали близко Самарника, многихъ поевалъ и двухъ мурзъ со всѣми людьми и съ имуществомъ взялъ, литовскій ясырь побилъ, оставивъ при себѣ только знатныхъ людей и, поевавъ улусы, пошелъ было къ Кіеву на помощь къ боярину Василю Борисовичу Шереметеву и воеводамъ. Виговскій же, услыша о томъ, послалъ было для перейма, чтобъ Сѣрка не допустить къ Кіеву, своего полковника Тимоша съ войскомъ, а какъ тотъ Тимошъ прозывается, неизвестно, только не Цыцура. Сирко того Тимоша побилъ и ушелъ онъ къ Виговскому самъ-треть; разгромивъ же Тимоша, Сирко пошелъ на Запорожье, и слышно было, что гетманъ съ войскомъ и съ татарами пошелъ за Сѣркомъ на Запорожье, но подлинно-ли гетманъ и татары пошли за Сѣркомъ, неизвестно» ⁴⁾.

Но гетманъ за Сиркомъ не пошелъ, и запорожцы, декабря 8 дня того же 1658 года, написали Виговскому, отъ имени кошевого атамана Павла Гомона и всего низового товариства, письмо,

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 9. Ригельманъ говоритъ, что запорожцы и на этотъ разъ дѣйствовали, будто бы, подъ начальствомъ Якова Барабаша. Если это повѣстіе вѣрно, то въ такомъ случаѣ остается неизвестнымъ, какъ Барабашъ ушелъ отъ Виговскаго.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 373—377.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 283—287, 296.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 297, № 98.

въ которомъ укоряли его въ измѣнѣ руссiйскому монарху, въ приклоненiи, подобно цесу, возвращающемуся на свою блевотину, на римскiя заблужденiя, въ убiйствѣ правдомовцы, полтавскаго полковника Пушкаря, и въ разоренiи огнемъ и мечомъ цвѣтущаго города Полтавы, а въ заключенiе письма, напоминая гетману о праведномъ судѣ божiемъ, совѣтовали ему отстать отъ своего злого дѣла и идти по пути правды и спасенiя ¹⁾).

Быть можетъ, запорожцы, кромѣ различiя въ политическихъ воззрѣнiяхъ съ гетманомъ, чувствовали къ нему особенную ненависть еще и потому, что гетманъ, вошедши въ дружбу съ татарами, по ихъ настоянiю, запрещалъ запорожцамъ походы въ татарскiе аулы и на Черное море ²⁾).

Конечно, эти увѣщанiя запорожцевъ не могли оказать никакого дѣйствiя на Ивана Виговскаго.

Московскiй царь Алексѣй Михайловичъ, доподлинно убѣдившись въ измѣнѣ ему Виговскаго, все еще хотѣлъ покончить это дѣло миромъ и снова привлечь на свою сторону гетмана. Съ этою цѣлью, въ началѣ января 1659 года, отправленъ былъ въ Малороссiю князь Алексѣй Трубецкой съ тайнымъ наказомъ, въ случаѣ гетманъ и все войско вновь пожелаютъ остаться въ подданствѣ московскаго государя, созвать новую раду въ городѣ Переяславѣ, вычитать на ней вины гетмана, между коими назвать и ту, что онъ самовольно захватилъ «гетмана коневского» Икова Барабана, ходилъ войной на полковника Пушкаря и объявить его, если того пожелаютъ козаки, вновь гетманомъ на извѣстныхъ условiяхъ, послѣ принесенiя присяги царю, а къ запорожцамъ послать указъ прекратить бунты и повиноваться гетману ³⁾).

Не смотря на это, Виговскiй по прежнему былъ противъ царя. Января 13 дня 1659 года онъ собралъ раду въ Чигиринѣ и рѣшилъ противиться московскимъ войскамъ и запорожскимъ козакамъ. Запорожцы отправили отрядъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Силки на Украину въ помощь князю Григорiю Григорьевичу Ромодановскому и этотъ отрядъ расположился въ городѣ Зеньковѣ. Съ гетманомъ были козаки, татары и поляки. Отрядивъ часть своихъ войскъ къ Лохвицѣ, подъ начальствомъ Немирыча, Вигов-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1848, I, 353—356.

²⁾ Памятники кiевской комиссiи, III, 223.

³⁾ Акты южной и западной Россiи, XV, 307—312.

скій самъ двинулся на Миргородъ, и Миргородъ сдался ему. Отсюда Виговскій пошелъ къ Зенькову, гдѣ засѣли заворотцы, но, не смотря на численное превосходство своихъ войскъ и на авторитетъ своей власти, гетманъ не могъ взять города: запорожцы упорно защищались. Въ теченіи шести недѣль стоялъ Виговскій подъ Зеньковымъ и ничего не могъ сдѣлать со своими противниками. Отражаемый отъ всѣхъ концовъ города, онъ, подъ копейку, принужденъ былъ отступить отъ Зенькова съ большимъ урономъ и съ нескрываемою ненавистью къ запорожцамъ ¹⁾. Оставивъ Зеньковъ, онъ сжегъ вѣсколько городовъ на Украинѣ и повернулъ къ Чигирину. Однако, уходя къ Чигирину, онъ оставилъ для дѣйствія противъ запорожцевъ чигиринскаго полковника Скоробогатна съ козаками и небольшою частью орды и приказалъ ему строго слѣдить за тѣмъ, чтобы запорожцы не пробрались въ Лохвицу на соединеніе съ московскими войсками, стоявшими тамъ и осаждаемыми Немиричемъ. Скоробогатко, однако, удержать запорожцевъ не сумѣлъ, и запорожцы, какъ прогнали отъ Зенькова Виговскаго, также точно расправились и съ Скоробогаткомъ: они внезапно вышли изъ города, съ силой напали на него, разгромили все его войско, и самого его ранили, послѣ чего благополучно добрались до Лохвицы и соединились съ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Безпалымъ ²⁾.

Не успѣвъ одолѣть запорожцевъ на полѣ брани, Виговскій сталъ послѣ этого писать письма въ самую Сичу къ козакамъ, склоняя ихъ на свою сторону. «Но изъ Запорожья къ нему козаки не идутъ, потому что къ нимъ пишетъ Юрій Хмельницкій, что-де отецъ его, гетманъ Богданъ Хмельницкій, былъ у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ и потому козаки къ нему, Виговскому, не ходили бы» ³⁾.

Тогда противъ Виговскаго составилось сильное ополченіе изъ великороссійскъ и украинцевъ, подъ начальствомъ князя Григорія Ромодановскаго, Алексѣя Трубецкаго, Семена Пожарскаго и гетмана Ивана Безпалаго. Ополченіе это въ половинѣ апрѣля 1659 года сосредоточено было возлѣ Конотона, но одна часть его потерпѣла здѣсь большой уронъ отъ Виговскаго и его союзниковъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ 1848, I, 365.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 365.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 385.

татаръ и ушла въ городъ Путивль ¹⁾. Во время этой войны союзники Виговскаго, крымскіе татары, забрали многихъ русскихъ и козаковъ въ плѣнъ и поотсылали ихъ для порабощенія въ Крымъ, а иныхъ православныхъ христіанъ и самъ измѣнникъ гетманъ крымскимъ татарамъ въ плѣнъ поотдавалъ ²⁾. Послѣ конотопскаго дѣла Виговскій уже готовился было неумѣренно торжествовать свою побѣду, но въ это время изъ Запорожья вторично вышелъ противъ него знаменитый вождь козаковъ Иванъ Сирко.

---

¹⁾ Релличко, Лѣтописъ, Кіевъ, 1848, I, 373—377.

²⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, 60.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Родина, семья и характеристика Сирка. — Дѣйствія Сирка въ пользу русскаго царя, гетмана Виговскаго и татаръ по рѣкѣ Бугу. — Набѣгъ Сирка на городъ Чигиринъ и захватъ имъ скарга Брюховецкаго. — Избраніе гетмана Юрія Хмельницкаго и участіе въ этомъ Сирка. — Дѣйствія запорожцевъ, воеводы Шереметева и гетмана Хмельницкаго противъ татаръ и поляковъ. — Пораженіе Шереметева у Чуднова, измѣна Хмельницкаго у Слободищъ русскому царю и походъ запорожцевъ въ Венгерскую землю. — Макашій гетманъ Сомко и противникъ его полковникъ Золотаренко и кошевой Брюховецкій. — Вѣрность царю со стороны Сирка и походы его по Бугу. — Посольство царя къ запорожскимъ козакамъ и походъ кошевого Брюховецкаго внизъ по Днѣпру противъ татаръ. — Борьба Брюховецкаго и Сомка изъ за обладанія гетманскою булавою и обоюдные доносы въ Москву. — Приказъ царя объ избраніи настоящаго гетмана и помѣха въ томъ черезъ враждебныя дѣйствія Хмельницкаго. — Письмо запорожцевъ къ Хмельницкому и удаленіе его въ монастырь. — Правобережный гетманъ Тетери и посланіе къ нему запорожскихъ козаковъ. — Возобновленіе борьбы Брюховецкаго съ Сомкомъ и запискиванія перваго у запорожцевъ. — Черная или пѣкинская рѣка 1663 года. — Избраніе Брюховецкаго и казнь Сомка. — Награда запорожскимъ козакамъ.

Иванъ Дмитріевичъ Сирко, называемый у пѣлицевъ Циркомъ, у русскихъ Сѣркомъ и Сѣрикомъ, представлялъ собою колоссальную личность среди всѣхъ низовыхъ козаковъ и во все время историческаго существованія Запорожья. Онъ былъ родомъ изъ Мереовъ, козацкой слободы слободской Украйны, теперешней харьковской губерніи, въ 24-хъ верстахъ отъ города Харькова ¹⁾. О рожденіи Сирка преданіе говоритъ, что онъ явился на свѣтъ съ зубами, и какъ только баба-повитуха поднесла его къ столу, то онъ тотъ же часъ схватилъ со стола пирогъ съ начинкою и сѣлъ его. Это было знаменіемъ того, что онъ весь вѣкъ свой будетъ грызть враговъ ²⁾. Но въ какомъ году родился Сирко, кто были его родители, сколько лѣтъ онъ выступилъ на историческое поприще—все это остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Извѣстно лишь то, что на родинѣ, въ слободѣ Мереовъ, у Сирка

1) Акты южной и западной Россіи, IX, 606, 607; XII, 643.

2) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1883, II, 76.

были дома, мельница и другое имущество ¹⁾; была жена, по имени Софья, «мучимая вельми отъ бѣса», привозимал своими родителями для исцѣленія въ одинъ изъ кievскихъ печерскихъ монастырей, но получившая его въ Лубецкомъ Мгарскомъ монастырѣ отъ святи- теля патріарха Аонасія «и доселѣ (до 1671 года) пребы- вающая здрава» ²⁾. Извѣстно также, что у Сирка было два зятя, одинъ Иванъ Сербинъ, а другой Иванъ Артемовъ, пер- вый «козакъ сей (лѣвой) стороны Днѣпра», второй—козакъ харь- ковскаго полка, оба жители слободы Мерева ³⁾. Извѣстно также, что у Сирка были братья ⁴⁾ и сынъ ⁵⁾, неизвѣстные по имени. Сколько всѣхъ сыновей было у Сирка,—источники нигдѣ того не указываютъ; только народная дума говоритъ, что у Сирка и его жены Сиринхи было два сына, Петро да Романъ Сирченки. Пер- вый погибшій гдѣ-то за рѣкой Тороми, у «трехъ зеленыхъ бай- раковъ», второй—умершій дома на глазахъ матери ⁶⁾. Наконецъ, доподлинно извѣстно, что Сирко былъ человѣкъ безграмотный и хотя историкъ Малой Россіи Бантынь-Каменскій приводитъ въ числѣ факсимиле коневыхъ и факсимиле Сирка, но это одно изъ тѣхъ факсимиле, которое принадлежало писарю войска, а не са- мому Сирку ⁷⁾.

И свои и чужіе, и друзья и недруги—все одинаково отзывали- сь о Сиркѣ, какъ о человѣкѣ замѣчательныхъ военныхъ даро- ваній. Польскій король Янъ III Собѣскій писалъ о немъ: «Сирко— воинъ славный и въ ратномъ дѣлѣ большой промышленникъ» ⁸⁾. Украинскіе лѣтописцы, Самовидецъ, Грабянка, Величко, назы- ваютъ его сильнымъ, т.-е. великимъ ватагомъ, славнымъ коше- вымъ атаманомъ, а малороссійскіе историки приравниваютъ его къ Чингизхану или Тамерлану. Татары называли Сирка урусъ- майтаномъ, т.-е. русскимъ чортомъ, а татарки-матери пугали его именемъ своихъ дѣтей. Турекскій султанъ, постоянно тревожимый то набѣгами Сирка въ Крымъ или въ ногайскія степи, то выхо- дами въ Черное море, издавалъ, какъ говорятъ, фирманъ молиться

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Спб., XI, 104.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 606.

³⁾ Акты, IX, 606; XI, 363, 562; XIII, 386, 404.

⁴⁾ Jerlicz, Latońisiec, Warszawa, 1853, II, 92.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1863, XIII, 275.

⁶⁾ Кіевская старина, Кіевъ, 1893, XL, 310.

⁷⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 272.

⁸⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 139.

въ мечетяхъ о гибели Сирка. Будучи въ душѣ и на дѣлѣ истиннымъ христіаниномъ, Сирко всегда стоялъ и ратовалъ за православію вѣру, за свободу русскаго человѣка; оттого онъ постоянно, съ особеннымъ рвеніемъ, старался объ освобожденіи изъ татарской и турецкой неволи возможно большаго числа христіанъ, безъ различія того, будетъ-ли то великороссъ, малороссъ, полякъ или литовецъ: «Мы слышали въ твоёмъ письмѣ, — писалъ Сирко своему недругу гетману Самойловичу, — непереносимое увѣщаніе, дабы отъ подданства нашего христіанскаго монарха не отрывались, — но сего отъ насъ никогда не будетъ... Живучи подлѣ кочевницъ (мусульманскихъ), мы здѣсь безпрестанно бьемся съ непріятелемъ креста святаго... За вѣру православную заставляясь и славу безмертную тѣмъ себѣ зарабатывая, мы перси свои кровью непріятельскою обогреемъ» ¹⁾. Въ другой разъ Сирко писалъ брату Самойловича: «Богъ свидѣтель моей души, что я никогда не ходилъ на Украину съ тѣмъ, чтобы разорять отчизну мою; не хвалясь, истину говорю, что всѣ мои заботы и старанія направлены на то, чтобы сдѣлать предъ нашими всегданными непріятелями, бусурманами, и теперь, на старости лѣтъ, я думаю не объ однихъ воинскихъ подвигахъ, но также и о томъ, чтобы до послѣднихъ дней моихъ стоять противъ тѣхъ же давнихъ непріятелей нашихъ» ²⁾.

Дѣло православной церкви, ея внѣшній строй и внутреннее благочиніе всегда занимали Сирка даже въ самое тревожное для него время; такъ, въ 1676 году, когда онъ занятъ былъ и дѣломъ о «преклоненіи» Дорошенка къ русскому царю, и пререканіями съ гетманомъ Самойловичемъ, и отпиской въ Москву, и походами на Крымъ, и заботами объ огражденіи Сѣчи противъ турокъ, онъ находилъ время писать въ Кіевъ, въ Межигорскую Спасо-Преображенскую обитель, письма, въ которыхъ просилъ игумена монастыря прислать въ сичевую церковь хорошаго и достойнаго уставщика и извѣщать о посылкѣ части войсковыхъ доходовъ въ святую обитель, гдѣ благочестивые старцы возносили святыя молитвы с запорожцахъ и поконили въ своей «пещитали» раненыхъ козаковъ ³⁾.

Проводя всю свою жизнь на войнѣ, Сирко вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 633, 634; XIII, 438.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 479.

³⁾ Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, Спб., 1892. I, 355.

отличался великодушіемъ и рѣдкимъ безкорыстіемъ, и потому никогда не преслѣдовалъ слабаго врага, а послѣ войны никогда не бралъ на себя военной добычи. На войнѣ онъ былъ безавѣтно храбръ и удивительно изобрѣтателенъ: онъ умѣлъ съ десятками козаковъ разбивать сотни враговъ, а съ сотнями молодцовъ побѣждать тысячи непріятелей. Имя его, какъ предводителя, окружено было ореоломъ полной непобѣдимости, и потому враги боялись его пуще огня, пуще бури, пуще язвы моровой. Горше всѣхъ доставалось отъ Сирка врагамъ Христовой вѣры: мусульманъ. Сирко ненавидѣлъ всею своею козацкою душою и всѣмъ своимъ «щирымъ» козацкимъ сердцемъ. У запорожцевъ было вѣрованіе, что чѣмъ больше кто убьетъ «бусурменовъ», тѣмъ вѣрнѣе онъ войдетъ въ царствіе божіе; у Сирка эта вѣра сильнѣе, чѣмъ въ другомъ комъ, сказывалась.

И по характеру, и по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ, Сирко представлялъ собой типъ истаго запорожца. Онъ былъ храбръ, отваженъ, страстенъ, не всегда постояненъ, не всегда вѣренъ своимъ союзникамъ; онъ любилъ по временамъ погулять и сильно подвыпить и во хмелю показать свой козацкій задоръ; онъ склоненъ былъ минуто увлечься новою мыслью, новымъ предпріятіемъ, чтобы потомъ отказаться отъ собственной затѣи и придти къ совершенно противоположному рѣшенію. То онъ былъ на сторонѣ московскаго царя, то на сторонѣ польскаго короля, то онъ поддерживалъ Дорошенка, то становился на сторону его враговъ, Суховія и Ханенка, то выступалъ противъ послѣднихъ двухъ и слова защищалъ Дорошенка, то помогалъ онъ русскому царю противъ турецкаго султана и крымскаго хана, то шелъ противъ цари заодно съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. «Нужда законъ змиле» — часто говорилъ Сирко и, очевидно, дѣйствовалъ сообразно своей любимой пословицѣ.

Само собою разумѣется, что на переходы Сирка отъ русскаго цари къ польскому королю и обратно отъ польскаго короля къ русскому царю нельзя смотрѣть, какъ на измѣну одному и вѣрность другому: Сирко и все запорожское козачество хотя и признавали надъ собою протекцію русскаго царя со времени Богдана Хмельницкаго, но все еще, по старой традиціи, считали себя людьми вольными и ни отъ кого независимыми, — людьми, которые считали за собой право рѣшать вопросы о мирѣ и розмирѣ

съ сосѣдними царствами и входить въ сношенія съ близкими и дальними царями и властелинами.

По всему этому Сирко былъ типичнѣйшею личностью, воплотившею въ себѣ характернѣйшія черты и особенности тѣхъ, кто именовалъ себя запорожскими козаками, славными низовыми «лыцарями». Оттого запорожцы и любили Сирка; восемь лѣтъ подрядъ они выбирали его своимъ коневымъ атаманомъ, и хотя очень часто и лишали этого званія его, но потомъ снова обращались къ нему, какъ «притоманныя дѣти къ могучему ору». Запорожцы говорили, что равнаго Сирку въ цѣломъ мірѣ не было, — самъ Богъ открылъ ему это: «Сирко не только побѣждалъ людей, онъ побѣждалъ нечистыхъ чертей. Рѣчка Чортомлыкъ, гдѣ стояла Сичъ Сирка, оттого и называется такъ, что въ ней былъ убитъ Сиркомъ плескавшійся въ ней чортъ: онъ только млыкнулъ (мелькнулъ) вверхъ ногами, когда Сирко луснулъ его изъ пистоля» ¹⁾.

Сколько извѣстно изъ документальныхъ данныхъ, Сирко впервые выступилъ на историческую сцену сперва въ званіи полковника и кошевого запорожскихъ козаковъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіи 26 лѣтъ, съ 1654 по 1680, фигурировалъ между запорожскими и украинскими козаками, составляя, такъ сказать, главный фокусъ своего времени во всемъ Запорожьѣ и въ цѣлой Украинѣ. Въ качествѣ кошевого и полковника козаковъ Сирко сносился съ русскимъ царемъ, польскимъ королемъ, турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и молдавскимъ господаремъ и нерѣдко завязывалъ въ Сичи такіе узлы событій, которые потомъ приходилось развязывать въ Москвѣ и Варшавѣ, въ Бахчисараѣ и Константинополѣ. Сражаясь то съ татарами и турками, то съ поляками и съ волохами, то съ русскими и украинцами, Сирко за все время своей исторической жизни принималъ участіе въ пятидесяти пяти битвахъ и вездѣ, кромѣ единственнаго случая, выходилъ побѣдителемъ, не считая множества мелкихъ стычекъ и отдѣльных схватокъ съ врагами, занесенныхъ на страницы лѣтописей и не стоившихъ, разумѣется, никакихъ усилій Сирку, для того, чтобы обратить исходъ ихъ въ свою пользу.

¹⁾ Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II. 76. Въ дѣйствительности въ словѣ «Чортомлыкъ» филологи видятъ киргизское слово «чорташъ» — щука и окончаніе «мыкъ», означающее богатство того, что заключается въ корнѣ слова; отсюда Чортомлыкъ — значить рѣка, изобилюющая щуками.

Вся дѣятельность Сирка совпадала съ самымъ тяжелымъ для Украины временемъ, когда она, отторгнувшись отъ Польши и не успѣвъ еще слиться съ Россіей, находилась въ «штатинѣ», не зная, куда ей «прихилить» свою голову, т.-е. оставаться-ли ей за русскимъ царемъ, сойтись-ли снова съ польскимъ королемъ, или же идти къ турецкому султану, невѣрному царю.

На первыхъ порахъ исторія застаётъ Сирка, какъ мы видѣли, въ 1654 году въ качествѣ противника Москвы. Но съ 1654 года прошло пять лѣтъ, и Сирко стоялъ уже на сторонѣ русскаго царя, противъ гетмана Ивана Виговскаго, сторонника польскаго короля.

Свою службу русскому царю Сирко объявилъ прежде всего тѣмъ, что отбѣлъ отъ города Кіева, какъ было сказано, сторонника гетмана Виговскаго, полковника Тимоша. Этимъ онъ оказалъ огромную услугу кіевскому воеводѣ, Василию Борисовичу Шереметеву. Но еще большія услуги сталъ оказывать Сирко русскому царю тогда, когда русско-козацкія войска, подъ начальствомъ князя Алексѣя Трубецкаго и наказнаго гетмана Ивана Безпалаго, не устоявъ въ борьбѣ съ Виговскимъ, поляками и ихъ союзниками татарами, съ 19 апрѣля по 27 іюня 1659 года подъ Конотономъ, сдѣлали отступленіе въ Путивль. Желая обезопасить Виговскаго, Трубецкой и Безпалый стали писать Ивану Сирку въ Запорожьѣ, чтобы онъ чинилъ промыслъ ¹⁾ надъ крымскими улусами и тѣмъ отыскъ татаръ отъ союза съ Виговскимъ и поляками. И Сирко не остался глухъ къ просьбамъ Трубецкаго и Безпалаго. Августа 17 дня гетманъ Иванъ Безпалый, отправляя изъ Путивля своихъ посланцевъ къ царю, велѣлъ имъ сообщить государю, что Иванъ Сирко, выйдя на лодкахъ изъ Запорожья съ большимъ войскомъ, проплылъ вверхъ по Бугу до города Уманя, противъ Уманя выгребся на сушу, прибралъ къ себѣ много войска, разгромилъ татарскіе улусы и открылъ войну на Виговскаго, «а нынѣ сталъ на рѣкѣ Бугѣ съ войскомъ, на Андреевскомъ островѣ, и тамъ ожидаетъ милости великаго государя, а надъ непріятелями измѣнниками государевыми промыслъ и нынѣ чинить». Въ награду за подвиги Сирка царь грамотою декабря 14 дня приказалъ кіевскому воеводѣ Василию Борисовичу Шереметеву выдать полковнику Сирку двѣсти золотыхъ да соболей на триста рублѣй ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 298.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 301, 316.

Одновременно съ Сиркомъ дѣйствовалъ противъ татаръ и молодой Юрій Хмельницкій: собравъ отрядъ запорожцевъ, онъ ходилъ подъ Крымъ, разгромилъ тамъ четыре ногайскихъ улуса и, захвативъ нѣсколько плѣнниковъ, возвратился назадъ, грозя хану и гетману вновь пойти на татаръ, если ханъ не отпуститъ изъ Крыма прежняго козацкаго полона ¹⁾.

Сколько времени Сирко и запорожцы оставались на островѣ Андреевскомъ, въ точности неизвѣстно; но въ началѣ октября онъ былъ въ Переяславѣ при избраніи новаго гетмана вмѣсто изгнаннаго Ивана Виговскаго. Въ избраніи новаго гетмана особенно старался свойственникъ умершаго гетмана Богдана Хмельницкаго Якимъ Сомко ²⁾. Въ надеждѣ получить гетманскую булаву въ собственныя руки, Якимъ Сомко усердно хлопоталъ о собраніи черной («чѣрневой») рады, и когда она была собрана у мѣстечка Гермазовки, то на ней Виговскій объявленъ былъ лишеннымъ гетманскаго уряда, а вмѣсто него выбранъ былъ гетманомъ Украины Юрій Хмельницкій. Юрій Хмельницкій уже давно хлопоталъ о возвращеніи себѣ гетманской булавѣ и, находясь въ кievской духовной академіи на обученіи, отправилъ отъ себя въ Запорожье бывшаго «подюжку» своего отца и собственнаго слугу Ивана Брюховецкаго съ цѣлью агитировать въ свою пользу низовыхъ козаковъ и черезъ нихъ добиться своихъ правъ. Брюховецкій, явившись въ Сичъ, изложилъ жалобу отъ имени Хмельницкаго на гетмана Виговскаго за то, что онъ обманнымъ образомъ отнялъ у Юрія булаву, захватилъ войсковую казну, много сдѣлалъ зла Украинѣ и въ концѣ-концовъ передался Польшѣ. Запорожцы заслушали жалобу Юрія Хмельницкаго и рѣшили поддержать его въ исканіи гетманской булавѣ. Прежде всего Сирко и запорожцы отправили въ Чигиринъ козаковъ отобрать у Виговскаго булаву, бунчукъ, знамя и другіе войсковыя клеймоты, на что Виговскій согласился только съ большимъ трудомъ, да и то часть изъ нихъ унесши въ Польшу ³⁾. Затѣмъ запорожцы и Сирко стали хлопотать о томъ, чтобы вмѣсто Виговскаго избрать въ гетманы Юрія Хмельницкаго. Благодаря ихъ стараніямъ, Хмельницкій избранъ былъ на радѣ въ Переяславѣ, октября 9 дня, 1659 года, гетманомъ Украины, въ присут-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 59.

²⁾ Богданъ Хмельницкій впервые былъ женатъ на сестрѣ Сомпа, Аппѣ Сомковнѣ.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 60.

ставъ князя Алексѣя Трубецкаго, боярина Бориса Шереметева, князя Григорія Ромодановскаго, думныхъ дьяковъ Иллариона Лопухина и Федора Грибоѣдова. На радѣ Юрій Хмельницкій присягнувъ русскому царю, цѣловалъ крестъ и подписался собственной рукой. На томъ же присягнула и подписалась и козацкая старшина, а въ числѣ ея и калыницкій полковникъ Иванъ Сирко, вмѣсто котораго, за его неграмотностью, «росписался Юрьи (sic) Хмельницкій» ¹⁾).

Тотчасъ послѣ избранія въ гетманы, Юрій Хмельницкій, имѣя подъ рукою 5.000 человекъ запорожцевъ и Ивана Сирка, бросился къ городу Чигирину, столицѣ Виговскаго, и, не заставъ тамъ самого гетмана, а лишь нехотный козацкій полкъ подъ командой Стефана Гуляницкаго, полкъ тотъ сломилъ, полковника убилъ, вошелъ въ Чигиринъ и Субботовъ, забралъ тамъ весь скарбъ гетмана Ивана и его брата Данила Виговскихъ, раньше того ушедшихъ изъ Чигирина въ городъ Хмельникъ брацлавскаго полка, и, оставивъ ни съ чѣмъ жену Ивана Виговскаго, Елену Хмельницкую, ушелъ вонъ отъ Чигирина ²⁾).

Принявъ на себя званіе гетмана, Юрій Хмельницкій долженъ былъ вывести съ тѣмъ принять участіе въ борьбѣ Россіи съ Польшей, за обладаніе Малороссіи, о которой поляки, по выраженію лѣтописца, сожалѣли точно о золотомъ яблокѣ, и хотѣли, во что бы то ни стало, оторвавъ ее отъ московской державы, вновь присоединить къ собственной коронѣ.

Въ это время польскій король Янъ-Казиміръ, успокоивши Польшу оливскими миромъ со стороны Швеціи, съ которой онъ передъ тѣмъ велъ упорную войну, и, заручившись союзомъ крымскаго хана, двинулъ огромное войско на Украину. Крымскій же ханъ, желая ослабить силы козаковъ, приказалъ перекопскому бею, Карачъ-бею, особо идти противъ запорожцевъ и удерживать ихъ въ Сичи ³⁾. Тогда гетманъ Юрій Хмельницкій, чтобы отвлечь вниманіе Карачъ-бея отъ Сичи, отправилъ своего посланца къ донскимъ козакамъ и черезъ него просилъ донцовъ соединиться съ частью запорожскихъ козаковъ и чинить промыселъ надъ крымскими мѣстами. Донцы извѣщены были о томъ же самымъ особыми гра-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 272; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 51; Величко, Лѣтопись, I, 400.

²⁾ Величко, Лѣтопись, I, 397—399; Самовидецъ, Лѣтопись, 61.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 28—29.

мотами и отъ царя, приказывавшаго имъ ссылаться съ гетманомъ Хмельницкимъ и запорожскимъ кошевымъ Брюховецкимъ, вѣрно служившими царю въ государскихъ дѣлахъ ¹⁾). Въ самую же Сичу гетманъ послалъ черкасскій и каневскій полки въ помощь козакамъ. Но и у самихъ запорожцевъ было на ту пору около 10.000 готовыхъ къ бою козаковъ да съ Сиркомъ охотниковъ около 5.000 человекъ. Кромѣ того, особо отъ гетмана, отправить въ Сичъ, по писемъ запорожцевъ, двѣ пушки да бочку пороху пѣкинскій полковникъ Василій Золотаренко для промысла надъ крымскими городками, которые поставлены на Днѣпрѣ.

Получивъ запасы, одни изъ козаковъ, подъ начальствомъ Ивана Сирка, передъ пасхой 1660 года ходили изъ Запорожья подъ Очаковъ, вырубили въ немъ посадъ и взяли много людей въ плѣнъ; другіе ходили подъ городъ Осламъ (Арсланъ), крѣпость его взяли, жителей частію изрубили, частію забрали въ плѣнъ и плѣнныхъ продавали потомъ въ Переяславѣ и другихъ украинскихъ городахъ ²⁾).

Самъ Юрій Хмельницкій долженъ былъ дѣйствовать противъ непріятелей московскаго царя на Украинѣ.

Въ концѣ августа мѣсяца того же года на встрѣчу полякамъ и крымцамъ двинулся изъ Кіева на Волынь воевода Борисъ Васильевичъ Шереметевъ съ огромнымъ войскомъ. За Шереметевымъ двигался и Хмельницкій. Но этотъ походъ окончился самымъ неожиданнымъ образомъ: Шереметевъ потерпѣлъ сильное пораженіе у Чуднова, былъ взятъ въ плѣнъ татарами и уведенъ потомъ въ Крымъ, гдѣ томился въ неволѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ; а Хмельницкій, не успѣвшій подать помощи воеводѣ, былъ осажденъ у Слободищъ, и, потерявшись отъ страха, отдался королю, изъявивъ согласіе возобновить гадячскій договоръ.

Послѣ разгрома русскихъ у Чуднова ханъ съ главною массою своего войска повернулъ на Крымъ, но нѣсколько десятковъ тысячъ его татаръ, не удовольствовавшихся взятой добычей, безъ вѣдома хана, бросились за Чудновъ и, набравъ тамъ много добычи и невольниковъ, стали возвращаться назадъ. Въ это время на встрѣчу татарамъ двигался, съ кошевымъ атаманомъ Суховіємъ во главѣ, восьми-тысячный отрядъ запорожскихъ козаковъ, также шедшій въ помощь воеводѣ Шереметеву. Встрѣтивъ неожиданно

¹⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, 62—70.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 11, 26.

въ полѣ татаръ, запорожцы внезапно ударили на орду, разбили и разогнали ее во все стороны, христіанскихъ невольниковъ освободили, добычу взяли и подувалили между собой. Узнавъ отъ взятыхъ языковъ о пораженіи Шереметева, запорожцы внезапно измѣнили свой маршрутъ и, вспомнивши о пораженіи въ 1653 году за рѣчкой Тезевиной венграми, Тимофея Хмельницкаго, сражавшагося за своего тестя молдавскаго господаря, быстро ударились въ венгерскую землю, разгромили тамъ шесть знатныхъ городовъ, взяли множество всякой добычи и потомъ счастливо возвратились въ Сичь. Одновременно съ походомъ Суховія дѣйствовалъ и Сирко: онъ съ другою частью запорожцевъ ворвался въ Крымъ и опустошилъ его ¹⁾.

Вмѣсто измѣнившаго русскому царю гетмана Юрія Хмельницкаго явились новые претенденты на гетманскую булаву, переяславскій полковникъ Якимъ Сомко и нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко. Последний, однако, не имѣлъ такихъ шансовъ, какъ первый, состоявшій въ свойствѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, и потому въ 1660 году на радѣ въ Козельцѣ наказнымъ гетманомъ объявленъ былъ Якимъ Сомко, знатный и богатый козакъ, переяславскій купецъ ²⁾. Но въ слѣдъ за Сомкомъ выступилъ третій искатель гетманства, Иванъ Брюховецкій, тотъ самый, который посланъ былъ Юріемъ Хмельницкимъ въ Запорожье съ жалобой на Виговскаго. Сдѣлавъ свое дѣло, Брюховецкій не вернулся къ Хмельницкому, а остался въ Сичи и, такъ какъ онъ отличался въ высшей степени качествами человека вкрадчиваго, хитраго и пропырливаго, то скоро овладѣлъ симпатіями запорожцевъ и сдѣлался въ Сичи кошевымъ атаманомъ. Но атаманская булава не была конечною цѣлью такого честолюбца, каковымъ былъ Брюховецкій: ему страстно хотѣлось завладѣть булавою гетмана, и онъ началъ дѣйствовать, но дѣйствовать крайне осторожно и какъ бы вовсе не себя въ руку. Въ качествѣ кошевого атамана Брюховецкій ѣздилъ въ Москву скоро послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго и тамъ успѣлъ набросать тѣнь подозрѣнія на наказного гетмана Якіма Сомка, какъ дядю Юрія: «Якимъ Сомко царскому величеству вѣренъли, про то я не знаю, а гетману Юрію Хмельницкому онъ дяди родной; только ему, Сомку, недругъ Иванъ Виговскій, и прежде

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, 12—16.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 398.

онъ отъ Виговскаго отбѣгалъ и жилъ на Дону, а въ войскѣ гри немъ жить не смѣлъ» ¹⁾).

Дѣйствуя крайне осторожно, Брюховецкій больше всего подчеркивалъ измѣну Хмельницкаго, что было на устахъ и у запорожскихъ козаковъ и противъ чего особенно возмущался знаменитый вождь Иванъ Сирко. Сирко, лишь только узналъ объ измѣнѣ Хмельницкаго, немедленно прервалъ съ нимъ дружескія сношенія и началъ дѣйствовать во вредъ ему. Апрѣля 30 дня 1661 года посланцы наказного гетмана Якима Сомка, выѣхавшіе изъ Переяслава апрѣля 9 дня, сообщали въ Москву, что Сирко находится въ Запорожьѣ, вѣрно служить государю и во всемъ согласенъ съ Якимомъ Сомкомъ и Василиемъ Золотаренкомъ; что онъ посылалъ своихъ посланцевъ къ Юрію Хмельницкому съ листомъ, а въ листу писалъ, что отъ царскаго величества никогда не отступитъ, а Хмельницкій, продержавъ тѣхъ посланцевъ въ тюрьмѣ, отпустилъ ихъ назадъ къ Сирку ²⁾. Мая 15 дня новые посланцы Сомка, выѣхавшіе изъ Переяслава мая 2 дня, сообщали въ Москвѣ, что Иванъ Сирко, вышедъ изъ Сичи, былъ въ Торговицѣ, а потомъ, оставивъ Торговицу, пошелъ для добычи на Бугъ и расположился на Андреевомъ островѣ, «гдѣ стоитъ съ своимъ войскомъ для приходу татарскаго; а Садцкій ³⁾ атаманъ стоитъ въ Запорогахъ, въ Сѣчѣ, съ большимъ запорожскимъ войскомъ, и съ Скрикомъ они сходятся для порядку о всякихъ воинскихъ дѣлахъ, но ни къ кому не приклоняются, ни къ государственной сторонѣ, ни къ польскому королю» ⁴⁾.

Въ Москвѣ послѣ страшнаго пораженія боярина Василія Шереметева подъ Чудновымъ, сильно были озабочены борьбой съ поляками и ихъ союзниками, татарами и, желая узнать настроеніе массы на Украинѣ и мысли наказного гетмана Якима Сомка, отправили, въ половинѣ августа 1661 года, къ послѣднему изъ приказа тайныхъ дѣлъ подъячаго Юрія Никифорова. Большую надежду Москва возлагала въ этомъ случаѣ на запорожцевъ и двухъ дѣятелей между ними, Ивана Брюховецкаго и Ивана Сирка. Но между Сомкомъ и Брюховецкимъ уже легла черная тѣнь, и Сомко, какъ ни былъ остороженъ Брюховецкій, понималъ тайныя желанія и замыслы его: «О промыслѣ надъ татарами и о задержаніи, чтобъ не пропустить

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 113.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 48.

³⁾ То-есть, Сашко или Садко Туровець.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 57.

ихъ черезъ Запороги для войны въ украинные и черкасскіе города великаго государя, онъ, наказной гетманъ, станетъ писать Сѣрку, а Брюховецкому о томъ писать не станетъ, потому что лучше о томъ писать къ Сѣрку, а не къ Брюховецкому» ¹⁾). Высказавъ то, что тамъ у него на душѣ, Сомко въ слѣдъ затѣмъ сталъ высказывать и свое мнѣніе о томъ, какъ избѣжать бѣды отъ татаръ: «А хана крымскаго въ Крыму удержать тѣмъ, что на Запорожѣ построить городки и въ нихъ послать великаго государя ратныхъ людей 10.000 да пушки, и Запорожье будетъ крѣпко, а его государевымъ людямъ въ заднѣпровскихъ городахъ быть безопасно» ²⁾).

Каковы бы ни были отношенія между Сомкомъ и Брюховецкимъ, но запорожцы твердо стояли за московскаго царя. Желая показать не только словомъ, но и самымъ дѣломъ усердіе къ Москвѣ, Брюховецкій, въ званіи кошевого гетмана, какъ онъ самъ себя называлъ, спустился внизъ по Днѣпру и дошелъ до козацкаго табора на урочищѣ Кара-Тебенѣ, въ 8 милахъ отъ Сичи, откуда сентября 14 дня писалъ письмо полковнику Григорію Косагову, начальнику ратныхъ московскихъ людей, присланныхъ на Украину въ помощь запорожскимъ козакамъ противъ татаръ. Въ этомъ письмѣ Брюховецкій, называя Косагова возлюбленнымъ другомъ, себя же подножіемъ престола его царскаго пресвѣтлаго величества, извѣщалъ, что когда онъ прибылъ въ Кара-Тебенъ и встрѣтилъ тамъ низовыя войска, то они приняли съ благодарностью и царское жалованье и самого кошевого гетмана; вмѣстѣ съ этимъ Брюховецкій извѣщалъ Косагова и о томъ, что къ козакамъ прибыли калмыки, которые сильно беспокоятъ татаръ, а сами татары и турки, въ числѣ 6.000 человекъ, по приказанію Хмельницкаго, явились съ пушками на Таванъ и начали строить городъ тамъ. «Торопи, милость твоя, охочихъ людей, чтобы они посиѣли какъ для добычи, такъ и для очищенія прямой государевой земли, а самъ будь остороженъ отъ тамонныхъ жильцовъ, потому что между ними не мало такихъ, которые, находясь между нами, посылаютъ извѣты въ Чигиринъ, о чемъ тебѣ слѣдуетъ знать. Сацко, посланный княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ съ грамотами на Запорожье, сосланъ былъ Хмель-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 93.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 94.

нидкимъ къ королю, а теперь, получивши свободу, онъ говорилъ мнѣ, что у васъ часто бываютъ, переодѣвшись въ нищенское платье, съ той стороны Днѣпра лазутчики, и нынѣ, какъ говорятъ, два такихъ находятся на этой сторонѣ, только неизвѣстно въ какомъ городѣ... Писалъ твоя милость ко мнѣ о какихъ-то краденыхъ лошадяхъ, о чемъ я рѣшительно ничего не знаю и что крайне обидно было для меня, такъ какъ ты, не обвинуясь, приписываешь томнѣ, къ чему я никогда не привыкалъ и въ чемъ меня никто, кромѣ врага моего, не укорялъ; однако, для очистки совѣсти, я велѣлъ сдѣлать розыскъ по всему табору, но такихъ лошадей нигдѣ не нашлось. Есть только два припавшихъ человека литавричикъ да пушкаръ, но, не имѣя надежныхъ людей, съ которыми можно было бы ихъ къ тебѣ отослать, и опасаясь, чтобы они не убѣжали съ пути, я оставилъ ихъ при себѣ, а надобности въ нихъ нѣтъ, и если Богъ дастъ хорошій случай, не замедлю прислать къ тебѣ. А какъ я словесно просилъ о моихъ Горонкинскихъ мельницахъ, такъ и теперь черезъ настоящее письмо прошу, будь милостивъ, когда придетъ борошно, отсылай хотя на Кодакъ. потому что, кончая свое, мы имѣемъ въ немъ надобность». Заканчивая свое письмо, Брюховецкій вернулъ слово противъ Якимъ Сомка, говоря, что «лукавая его измѣна уже извѣстна на Запорожьѣ и какова его правда въ отношеніи Москвы, то явно всеѣмъ»¹⁾.

Говоря объ измѣнѣ Сомка, Брюховецкій въ данномъ случаѣ не имѣлъ на то ровно никакихъ положительныхъ основаній, а лишь высказывалъ свое страстное желаніе занять мѣсто Сомка. Видимо Брюховецкій успѣлъ настроить на враждебный тонъ въ отношеніи Сомка и Ивана Сирка. Такъ, марта около 20 дня 1662 года, Сирко съ Сашкомъ Туровцомъ и полковниками низового войска съ Коша надъ Кисловкою послалъ письмо Сомку въ отвѣтъ на какой-то его листъ и просилъ его прекратить присылку подобныхъ листовъ, которые доставили Сирку много хлопотъ и едва не были причиной казни надъ нимъ со стороны посольства; вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялъ ему, что его измѣна и лукавство стали явны всему войску; укорялъ его въ томъ, что Сомко заодно со своимъ кривоприсяжнымъ сестринцемъ (племянникомъ по сестрѣ) Юріемъ Хмельницкимъ облудно служить Богу и преслѣдому царскому величеству; сравнивалъ его съ Виговскимъ, съ которымъ онъ и по-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 96—97.

родился, и его духомъ заразился и, подобно ему, съ чертовскимъ шляхетствомъ лядскимъ повсюду бѣгаетъ, добывая себѣ на сеймѣ и титулы и маестности; поставлялъ ему на видъ незаконность его избранія въ гетманы (не столько отъ войска, сколько отъ кривоприсяжца сестринца своего) и совѣтовалъ ему, помня, какая бываетъ расплата съ такими гетманами, какъ онъ, отказаться отъ своего званія: напоминаетъ ему, какъ онъ нѣкогда на Дону виномъ пинковалъ, а теперь людей въ городахъ хулить и залогі на переправахъ разставлять для вреда и убытка государствъ: «Пролитіе неповинной крови, въ которой вы по шею бродите, даромъ вамъ не пройдетъ и, когда Господь дастъ возможность войску соединиться, то тогда откроется дума (рада) черныхъ людей» ¹⁾.

Въ такомъ же родѣ писалъ о Сомкѣ и Иванъ Брюховецкій изъ того же Конна надѣ Кисловкой мстиславскому епископу Меодію, блюстителю кіевской митрополіи, бывшему нѣжинскому протопопу Максиму Филимонову. Называя Сомка бунтовщикомъ и настоящимъ обманщикомъ, который пуще цыгана морочить людей, Брюховецкій высказывалъ готовность крѣпко держаться его царскаго величества, посылалъ похвалы по адресу князя Григорія Ромодановскаго, просилъ упомянуть о немъ, когда его «святыня» будетъ писать его царскому величеству, а въ заключеніе сообщалъ объ осадѣ крѣпости Кодака, но не надѣялся, чтобы люди его поддержали эту осаду ²⁾.

Клевенца и изводя всякія вины на Сомка, Брюховецкій не оставлялъ въ покоѣ и другого претендента на гетманскую булаву, нѣжинскаго полковника Василія Золотаренка. Отправляя другое письмо къ тому же епископу Меодію, Брюховецкій распространился и о Васютѣ Золотаренкѣ, который напрасно хочетъ «вылгать булаву у его царскаго величества» и, не имѣя разума, а также завидуя запорожской луговой саламатѣ, хочетъ быть гетманомъ, чѣмъ онъ и подобные ему только губятъ неповинныя души, пустошатъ землю и обманываютъ его царское величество. «Добро было бы, чтобъ ваша святыня о томъ до его царскаго величества изволилъ написать и меня объ этомъ извѣстити, а я бы войско о томъ оповѣстилъ» ³⁾.

Не довольствуясь и этимъ, Брюховецкій, въ качествѣ гетмана

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 337.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 101.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 100.

и кошевого, очевидно, подбилъ и самихъ запорожцевъ написать письмо городской черни и всему войску съ тѣмъ, чтобы они не вѣрили никакимъ измѣнникамъ, не слушали ихъ напрасныхъ «предлестныхъ» листовъ и не принимали бы обѣщанныхъ ими вольностей, а всего лучше соединились бы заодно съ запорожцами, отъ чего была бы польза обѣимъ сторонамъ; если же не захотятъ соединиться, то будетъ одна гибель для души ихъ отъ проклятаго шлахетства лядскаго: «Вѣдайте хорошо о томъ, что вамъ, чернякамъ, того шлахетства не надобно, просимъ только вашихъ милостей Бога не гнѣвить и враговъ не тѣшить. Знайте хорошо, наша милость, что ляхи приходятъ къ намъ не для помощи, а для пагубы; а татары для того, чтобы и остатокъ христіанъ вывести къ себѣ, конимъ, дай Богъ, тѣмъ же хлѣбомъ отплатить. Но и тѣ уже, слыша лихо и пагубу свою, желаютъ мира съ нами, потому что къ намъ приближаются калмыки, астраханцы, башкиры, черкесы и донцы; соединившись съ этими союзниками, мы, дастъ Богъ съ его помощью, učinимъ такой промыселъ, что вынесемъ вонъ тотъ мечъ съ Украйны на ляховъ, которыми, подобно Содому и Гоморру, уже объявлена судомъ божіимъ пагуба» ¹⁾.

Борясь съ мнимымъ врагомъ царя, Якимомъ Сомкомъ, запорожцы боролись и съ дѣйствительнымъ: всю весну 1662 года они простояли кошемъ ниже своей Сичи на вѣткѣ Кисловкѣ, лѣваго притока Бѣлгородчани, впадающей въ Днѣпръ ниже Скарбной Колотовской ²⁾, и въ половинѣ апрѣля того же года отправили черезъ Путивль въ Москву 34 человека посланцевъ съ полковникомъ Ѳеодоромъ Гавриловымъ во главѣ, съ письмами отъ гетмана кошевого Ивана Брюховецкаго, со взятыми въ плѣнъ тремя татарскими языками и съ нѣсколькими верблюдами ³⁾.

Въ Москвѣ очень довольны были поведеніемъ запорожцевъ и не жалѣли подарковъ на роздачу имъ, посылая ихъ какъ на Запорожье за военные подвиги, такъ и на Украйну на имя епископа Мееодія для раздачи приѣзжавшимъ къ нему со всѣхъ сторонъ изъ городовъ и изъ Запорожья отъ наказного гетмана, полковниковъ, старшины и козаковъ «для великихъ дѣлъ» ⁴⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 100—101.

²⁾ Эварияцкій, Вольности зап. козаковъ, Спб., 1890, 167.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 102.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 103.

А дѣла эти точно были велики: шелъ вопросъ о выборѣ настоящаго, а не наказнаго гетмана Украины; явными претендентами по прежнему были Яковъ Сомко и Василій Золотаренко; тайнымъ искателемъ гетманской булавы былъ Иванъ Брюховецкій. Мая 13 дня царь особой грамотой предписалъ воеводѣ и намѣстнику Бѣлгорода, князю Григорію Ромодановскому, идти съ русскими ратными людьми въ черкасскій городъ Переяславъ и тамъ содѣйствовать избранію гетмана; тому же Ромодановскому приказано было пригласить въ Переяславъ на полковую раду епископа Мессодія, Якима Сомка, Василія Золотаренка, а кромѣ того отправить нарочныхъ посыльчиковъ въ Запороги къ кошевому гетману Ивану Брюховецкому, къ старшинѣ и ко всему на Кошу войску, чтобы и они были «на ту полную раду для обранья гетманскаго» ¹⁾.

Сомко видѣлъ, какая туча надвигается противъ него и сталъ брать съ своей стороны разныя мѣры. Съ одной стороны онъ написалъ письмо къ царю, доказывая въ немъ свою вѣрную службу къ нему, съ другой стороны соглашался съ проектомъ полтавскаго козака Бувайла, и асаула Якима, предлагавшихъ гетману на радѣ, во время ярмарки, послать ихъ на залогу въ Переволочну, дать въ помощь людямъ, тамъ находящимся, плоты и запретить пропускъ запасовъ на Запорожье, или же советъ сжечь челны и плоты, заготовленные у козаковъ по царскому указу ²⁾.

Брюховецкій воспользовался этимъ обстоятельствомъ, написалъ царю, что Сомко измѣнникъ царскому величеству, потому что онъ приказалъ сжечь суда, которыми царь пожаловалъ войско цизовое, и уступилъ татарамъ городъ Кодакъ ³⁾.

Опредѣленная царемъ войсковая рада не состоялась, однако, къ означенному времени, чему помѣшали какъ сами полковники и старшина козаковъ украинскихъ, уклонявшихся отъ рады, такъ и воинственные дѣйствія правобережнаго гетмана Юрія Хмельницкаго. Хмельницкій, объявивши себя противникомъ московскаго царя, сосредоточилъ вокругъ себя сильное ополченіе изъ козаковъ, поляковъ и татаръ и сталъ дѣйствовать противъ князя Ромодановскаго и Сомка подъ Переяславомъ, Кременчугомъ, Каневомъ, Бужиномъ и Крыловомъ и успѣлъ нанести нѣсколько поражений ве-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 106.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 110—113.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 131.

ликороссійскимъ ратникамъ и украинскимъ войскамъ. Во время этой войны Хмельницкій лишилъ уряда всѣхъ своихъ прежнихъ полковниковъ, не желавшихъ идти къ польскому королю, и назначилъ новыхъ. Тогда низложенные полковники, чувствуя негодованіе къ Хмельниченку, собрались на тайный совѣтъ и написали пространное письмо въ Сичь. Въ этомъ письмѣ они изложили всѣ планы Хмельницкаго и просили у запорожцевъ совѣта для вспоможенія упадающей отъ суетныхъ честолюбцевъ отчизнѣ. Дѣйствія Хмельницкаго вызвали страшное негодованіе со стороны запорожскихъ козаковъ, и они, собравшись на раду, написали ему, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, отъ имени кошевого атамана Ивана Величка-Босовскаго, письмо, титулуя Хмельниченка вмѣсто «ясновельможнаго» «явнобезбожнымъ» гетманомъ.

«Еще въ прошломъ году намъ, войску низовому запорожекому, стало извѣстно, что ваша мосць, впавши въ канѣкулу («канѣкула» — бѣшенство отъ слова «canis» — собака) и не стараясь отъ него излѣчиться совѣтами доброжелательныхъ пріятелей, глубоко окунулся въ душепагубное озеро грѣховное, когда для гетманской власти съ дядькомъ своимъ, подобнымъ тебѣ властолюбцемъ, поднялъ войну и нещадное нашей братіи кровопролитіе. Мы по настоящее время о томъ молчали, надѣясь, что ты прійдешь въ свой умъ и покаешься во всемъ, что безумно натворилъ. Однако, въ этой надеждѣ мы обманулись и, напротивъ того, теперь получили достовѣрное и несомнѣнное извѣстіе о твоёмъ неизлѣчимомъ бѣшенствѣ, вслѣдствіе котораго не только ты самъ подклонился подъ державу лядскую, отступивши отъ православнаго монарха своего россійскаго, но насильственно стараешься втянуть въ ту же схизматическую область и ярмо отцовъ и всѣхъ братьевъ нашихъ, малороссійячъ; проливши множество крови человѣческой уже въ теченіе сего лѣта, ты готовишься на новое пролитіе крови, не считая тѣхъ, которые, вслѣдствіе твоего безбожнаго почина, не устоявъ въ военной битвѣ московскимъ силамъ и своей козацкой братіи противъ Каѣва, всебѣдственно должны были погрузиться въ дѣлпровскихъ глубинахъ и на вѣки прекратить страданія настоящей жизни. Ты насильно влечешь себя и нашу братію въ ту лядскую душевредную лигу, отъ которой насъ, войско запорожское, и всю обездоленную и злосчастную Украину отецъ твой, добре памятный и мужественный Богданъ Хмельницкій, военнымъ оружіемъ и богатырскимъ сердцемъ отѣбся и со всею Малою Россіей, милою отчизною на-

шей, вольнымъ, при помощи божіей, учинился. Побуждаемые твоими черезчуръ несправедливыми затѣями и намѣреніями и наставшими черезъ тебя отчизнѣ нашей украинской разореніями, мы, все низовое войско запорожское, пишемъ тебѣ и предлагаемъ принять для излѣченія твоей болѣзни лѣкарство, а именно: снова подклониться подъ руку православнаго московскаго монарха, его перскаго пресвѣтлаго величества, Алексѣя Михайловича, ласковаго и милостиваго пана, и испросить у него за вины свои отеческаго прощенья, въ чемъ и мы обѣщаемся помочь тебѣ и чрезъ что надѣемся выпросить у его величества все желаемое отчизнѣ нашей, зная его благосердную и отеческую къ намъ милость. Перестань склоняться и нашу братію за собой тянуть подъ лядскую руку и съ Сомкомъ, дядькомъ твоимъ, междоусобное кровопролитіе и разореніе въ отчизнѣ нашей производить. А если этихъ трехъ условій, какъ истинное средство для уврачеванія твоего недуга, ты не пожелаешь принять и совѣта нашего не послушаешь, то уже не ожидай отъ насъ никакой пріязни и доброжелательства, напротивъ того, надѣйся отъ насъ кончины живота своего и не спи безчестно въ чигиринскомъ домѣ своемъ, потому что мы уже досыта натерпѣлись жалостнымъ сердцемъ въ теченіе трехъ лѣтъ отъ твоего губительнаго управленія. Вѣрь намъ и хорошо знай, что поляки и чернецы Казнодея подбили и прельстили тебя не на добро тебѣ, а на гибель, чего они и намъ всѣмъ желаютъ. Если ты послушаешь насъ, какъ и отецъ твой, добрый нашъ вождь, слушалъ и всегда съ нами словесно и письменно совѣщался и никогда, до кончины своей, на радѣ нашей не ссорился, то получишь чрезъ то и временную и вѣчную прибыль. Не забудь къ тому же и того, что мы, войско низовое запорожское, скоро поднимемся на тебя, а всѣхъ съ нами встанутъ и всѣ обоимъ украинцы, наша братія, и премногіе другіе пожелаютъ отомстить тебѣ за обиды и разоренія. Въ какой часъ и съ какой стороны налетитъ на тебя вихорь и подхватитъ и унесетъ тебя изъ Чигирина, ты и самъ не узнаешь, а поляки и татары далеко будутъ отъ твоей обороны. Ты бы долженъ всегда благодарить Бога и почитать, а не губить и уничтожать нашу братію за то, что тебя, молодкоса, признали годнымъ за гетмана, надѣясь видѣть въ тебѣ отческія добродѣтели и ревности къ отчизнѣ нашей, но твой злой нравъ также далеко отстоитъ отъ нрава отческаго, какъ крымская сторона отъ Чигирина. Мы думаемъ, что ты никогда не удостоишься похвалы-

ной, подобно отцу, кончины въ отчизнѣ нашей и за свои злодѣянія нигдѣ не найдешь себѣ добраго мѣста и божьяго благословенія. Мы вторично тебѣ, мосцѣ-пану, ассекуруемъ, что орда и поляки не защитятъ тебя отъ насъ и не помогутъ тебѣ больше того, какъ помогли такому же легкомысленнику, какъ и ты, свату твоему, гетману Виговскому. Кровь братіи нашей, чрезъ твое незаконное и противное Богу междоусобіе, пролитая, какъ кровь Авеля, вопіетъ отъ земли къ Богу объ отмщеніи. Того ради никто тебя отъ угрожающей бѣды не защититъ, и мы можемъ среди Чигирина (на что имѣемъ вѣрный способъ) взять тебя и, какъ негодную пьявку съ верши ¹⁾, вонъ выбросить, чего, однако, до времени не хотимъ и не желаемъ исполнить; напротивъ того, желаемъ, чтобы ты, оставивъ твою неугомонную и несправедливую злость, склонился бы къ здравому и полезному нашему совѣту. Писантъ на Кошѣ войска низового запорожскаго сентемврѣ 17, року 1662. P. S. Напоминаемъ тебѣ еще и о томъ, что мы и у себя и межъ войскомъ запорожскимъ городовымъ знаемъ добрыхъ молодцовъ, равныхъ по дѣланіямъ войсковымъ покойному отцу твоему; изъ нихъ одного, уже въ началѣ твоего гетманства, сейчасъ же могли бы, отставивши отъ уряду тебя, молокососа, тѣмъ гетманскимъ гоноромъ почитать и добраго пріятеля и радѣтеля отчизнѣ своей и намъ, всему войску учинить, если бы мы не смотрѣли на великія и знаменитыя заслуги намъ, войску запорожскому, и всей отчизнѣ нашей малороссійской добраго и радѣтельнаго гетмана нашего, отца твоего. Ради этихъ заслугъ мы и тебя оставляли на томъ несчастномъ для отчизны нашей гетманствѣ и въ теченіи трехъ лѣтъ, не смотря на бѣдствіе и разореніе отчизны нашей, сносили твое сумазбродство и необузданное своеволіе, рассчитывая и надѣясь, авось ты прійдешь въ умъ и отстанешь отъ всего того, чего нельзя дѣлать не только гетману, но и всякому христіанскому добросовѣстному человѣку. А такъ какъ мы и по настоящее время не дождались отъ тебя того, то говоримъ тебѣ, исправся и, явившись на нашу доброжелательную раду, откинь прочь все свои злыя намѣренія и гетмануй въ нашей отчизнѣ подъ рукою милостиваго пана и добродѣтеля его царскаго величества, православнаго монарха россійскаго, который къ нашей пользѣ не только прикажетъ исправить переславскія пакты (о чемъ ты тогда въ Переславѣ упорно мол-

¹⁾ Верша—плетеный изъ хворосту сарядъ для ловли рыбы.

чалъ, а теперь говорить почалъ), но и все, о чемъ будемъ просить, не откажетъ ни намъ, ни тебѣ благосердно исполнить. Если же ты отъ своего душевреднаго намѣренія отстать не можешь или не захочешь, то, не вводя насъ въ грѣхъ, убирайся заблаговременно изъ Чигирина и, куда хочешь, туда и вѣйся, не забирая съ собою никакихъ людей и kleйнотовъ войсковыхъ; въ противномъ случаѣ, если ты возмешь, то нигдѣ съ нами отъ насъ не спрячешься и безчестное имя навлечешь на себя; и если же выйдешь изъ Чигирина, то мы вскорѣ и сами къ тебѣ прійдемъ и не только разметаемъ стѣны дома твоего, но и въ тебѣ самомъ, какъ гвалтовникъ и разоритель отчины нашей, не оставимъ и души твоей. Тебѣ доброжелательные пріятели Иванъ Величко-Босовскій, атаманъ кошовый, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ низовымъ войска запорожскаго товариствомъ» ¹⁾).

Это угрожающее письмо, по словамъ малороссійскаго лѣтописца, произвело на Юрія Хмельницкаго потрясающее впечатлѣніе, и онъ началъ особенно бояться запорожцевъ: трясся подобно Канну, и куда ни шелъ, озирался во все стороны, въ каждомъ видя запорожца, а подъ конецъ (въ первыхъ числахъ мѣсяца октября, 1662 года) передалъ гетманство зятю своему, Павлу Тетерѣ, самъ же удалился въ Кіевъ и, подъ именемъ Гedeона, принялъ иноческій чинъ ²⁾).

Такимъ образомъ послѣ удаленія Хмельницкаго на Украинѣ произошло неслыханное до тѣхъ поръ дѣло: явились два гетмана — одинъ по одну сторону Днѣпра, другой по другую, оба претендовавшіе на власть. Первые возстали противъ такого раздвоенія запорожцы: они хотѣли одного гетмана для Украины и изъ двухъ объявившихся предпочитали Павла Тетерю Якиму Сомку. Ноября 15 дня 1662 года кошевой атаманъ Иванъ Иваненко-Величко и все низовое запорожское товариство отправили письмо къ Павлу Тетерѣ такого содержанія.

«Мосце пане Тетеро, новий гетмане україно-чигиринскій! Мы отчасти обрадовались, услышавши, что вашъ своевольный шуринъ Юрась Хмельниченко, немного ономнившись, оставилъ свое гетманство, его душѣ и отчизнѣ нашей малороссійской вредное и прочь

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1831, II, 31—35.

²⁾ Величко, Лѣтопись, II, 36; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880 XI, 129.

изъ Чигирина уѣхалъ. Но, вотъ когда мы услышали, что на мѣсто Юрася выбранъ ты гетманомъ, ваша мосць, мосце пане, и вовсе не ради твоихъ польскихъ дѣйствій и стремленій; всегда даваемыхъ и обѣщаемыхъ нашей легкомысленной и ничего прошлаго не уважающей братіи, тогда мы снова ввали въ прежнюю скорбь и радость. Не столько потому, что ты избранъ гетманомъ помимо нашей воли и вѣдома, всего войска низового запорожскаго, легкомысленною нашею братіей, сколько потому, что ты, отвергая отъ себя союзъ православнаго россійскаго монарха и свѣтъ святаго и душеспасительнаго благочестія, припрягаешься къ схизматическому людскому союзу и приклоняешь себя и всю нашу братію, на свою погибель, къ злославной униі. Не желая такого паденія вашего и нашей братіи, всѣхъ малороссіянъ, мы, по нашей искренней и должной ревности, усердно совѣтуемъ вашей милости мосце пану, не навлекая на себя гнѣва и неминуемаго суда божія, совершенно отложить союзъ и предлагаемую унию съ поляками, напротивъ того, преклониться и вмѣстѣ съ нами вполне оставаться въ непоколебимомъ и святомъ благочестіи и въ союзѣ съ высокодержавнѣйшимъ православнымъ и милостивымъ московскимъ государемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ. Если ты въ этомъ послушаешь нашей рады и здраваго спасительнаго совѣта, то, во-первыхъ, ты будешь имѣть насъ такими же друзьями и доброхотами во всѣхъ твоихъ желаніяхъ, какими насъ имѣлъ твой предшественникъ и тесть, добρο-памятный нашъ вождь Богданъ Хмельницкій. А если не послушаешь насъ, то мы покажемъ тебѣ иную нашу войсковую пріязнь, такую имению, какою мы недавно отозвались въ нашемъ письмѣ до твоего необузданнаго шурина, Юрася Хмельниченка. Не изволь пренебрегать, ваша мосць, мосце пане, нашимъ усерднымъ войсковымъ совѣтомъ; стократно и усердно совѣтуемъ тебѣ, для временной прибыли и вѣчнаго спасенія, поступить и непремѣнно сдѣлать, сообразно нашему совѣту, объ этомъ весьма просимъ и всего добраго, если такъ сдѣлаешь, на многія лѣта будемъ просить вашей мосцѣ, мосце пану. Данъ на Кону Сѣчи запорожской, ноября 15, року 1662. Вашей мосцѣ, мосцѣ пану желающіе всякаго добра пріятели, Иванъ Иваненко-Величко, атаманъ кошовый, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ низового войска запорожскаго товариствомъ» ¹⁾).

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, стр. II, III.

Павелъ Тетеря, получивши и прочитавши это письмо, остался, однако, непреклоненъ къ совѣтамъ и просьбамъ запорожскихъ козаковъ. Онъ вступилъ въ переписку съ польскимъ королемъ, Яномъ-Казиміромъ, и рѣшительно склонился къ союзу съ поляками. Однако, опасаясь бѣды отъ внезапнаго нападенія на себя запорожцевъ, нашелъ нужнымъ переѣхать на постоянное жительство изъ Чигирива въ Корсунь, подальше отъ запорожскихъ козаковъ ¹⁾.

Но чего запорожцы не добились совѣтомъ и просьбою отъ Павла Тетери, того добились силою отъ наказнаго атамана Якимъ Сомка. Успѣхъ борьбы ихъ съ Якимомъ Сомкомъ зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ того, что противъ Сомка выступили соперники, искателемъ гетманской булавы, хитрый, пронырливый, ловкій и до крайности лживый Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. Живи «нѣсколько лѣтъ, въ добромъ захованіи и въ ласкѣ всего войска низового», Брюховецкій прекрасно воспользовался положеніемъ дѣлъ на Украинѣ для своихъ видовъ: во время войны Ромодановскаго съ Хмельницкимъ, Брюховецкій явился съ запорожскимъ товариществомъ въ городъ Путивль съ предложеніемъ князю своихъ услугъ и въ это время успѣлъ войти въ «знаемость, уподобаніе и ласку» московскаго боярина и свести близкое знакомство съ блюстителемъ митрополитскаго престола, епископомъ Месодіемъ, черезъ которыхъ потомъ успѣлъ расчислить себѣ путь къ гетманству. Изъ Путивля Брюховецкій уѣхалъ на Украину и всю зиму 1662—1663 года провелъ въ Гадячѣ, подготавливая себѣ партію для выбора въ гетманы. Въ декабрѣ мѣсяцѣ царь отправилъ на Украину стольника Лодыжинскаго съ приказаніемъ весной будущаго года непременно созвать раду и на ней выбрать «совершеннаго» вмѣсто наказнаго гетмана. Стольникъ Лодыжинскій, живившись на Украину и имѣя въ виду въ теченіи зимы привести козаковъ въ спокойное настрoenіе, приказалъ Брюховецкому оставить Украину и вернуться въ Запорожье, а весной явиться снова на Украину и принять участіе въ избраніи гетмана. Брюховецкій былъ недоволенъ такимъ приказаніемъ и на требованіе Лодыжинскаго отвѣчалъ: «Не дождавшись государева указа и полной рады въ Запорогѣ мнѣ появиться нельзя, свои козаки меня убьютъ тотчасъ, зачѣмъ я столько людей водилъ и, не дождавшись рады, ушелъ. Сомко заказъ дѣлаетъ въ городахъ крѣпкій, чтобъ въ Запорожье никто

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, стр. IV.

не ходилъ и запасовъ не пропускалъ, а если надо мною Сомко или козаки что сдѣлають, то Запорожье смятется и въ городахъ будетъ замѣтна большая. По сношеніямъ съ Сомкомъ, Юраска Хмельницкій многихъ за Днѣпромъ полковниковъ и козаковъ казнилъ, которые великому государю добра хотѣли; а чернь вся и теперь кочетъ поддаться великому государю: когда выберется гетманъ, всѣми полными голосами, пункты закрѣнятся и чернымъ людямъ въ поборахъ легче будетъ, то за Днѣпромъ, смотря на это, черные люди поддадутся великому государю». Не видя достаточныхъ основаній въ отказѣ Брюховецкаго вернуться на Запорожье, посолъ потребовалъ исполненія царскаго повелѣнія, но Брюховецкій вмѣсто того заплакалъ и сказалъ: «Я радъ государю служить и голову за него положить; но выгребся я съ козаками въ судахъ, у козаковъ лошадей нѣтъ, живучи здѣсь многое время пропились всѣ до-нага, зимою идти нельзя, тотчасъ меня убьютъ свои козаки; да и Сомко великому государю невірентъ, на дорогѣ меня убьетъ, какъ Виговскій Барабана, и если надо мною что случится, то, говорю тебѣ сущую правду, вся Украина смутится и Запорожье отложится. Если государь весною полною радю учинить не велитъ, то я извѣщаю, что Сомко поддастся королю: для этого Юраска Хмельницкій и гетманство сдѣлалъ Павлу Тетерѣ по родству. Чего прежде у насъ никогда не бывало, нынче гетманъ, полковники и начальныя люди всѣ города, мѣста и мельницы пусто-порожнія разобрали по себѣ, всѣмъ владѣютъ сами своимъ самовольствомъ и черныхъ людей отяготили поборами такъ, что въ Царьградѣ и подъ бусурманами христіанамъ такой тягости нѣтъ. Когда будетъ полная черная рада и пункты всѣ закрѣнятся, то всѣ эти доходы у гетмана, полковниковъ и начальныхъ людей отнимутъ, а станутъ эти доходы собирать въ государеву казну, государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье: поэтому-то наказный гетманъ и начальныя люди полною черною радю и не хотятъ».

Такъ Брюховецкій и остался на всю зиму на Украинѣ. Января 14 дня 1663 года онъ послалъ царю письмо, въ которомъ писалъ: «Мы, все войско запорожское, съ великою охотою радю бы исполнить указъ твой, но не можемъ, потому что время зимнее: теперь на зиму изъ Запорожья въ города за хлѣбомъ приходятъ, а не изъ городовъ идутъ въ Запорожье; притомъ же путь туда изъ Гадяча дальній, съ полтора ста миль; а за порогами никакихъ городовъ нѣтъ, ни сѣютъ, ни орютъ, только отсюда изъ городовъ

хлѣбъ добываютъ, и то развѣ саблею. Умилосердись, государь праведный, не дай погибнуть головамъ нашимъ отъ безбожныхъ измѣнниковъ, изволь нѣсколько полковъ ратныхъ людей къ намъ прислать, а въ городахъ позволь быть до полной рады». Января 14 дня у Брюховецкаго съ запорожцами былъ кругъ и въ кругу козаки кричали, что они наги и безконны и нѣлкомъ имъ въ Запорожьѣ никакъ нельзя идти ¹⁾).

Въ Гадячѣ царскій посолъ видѣлъ и епископа Меодія, который твердо стоялъ за Брюховецкаго. Изъ Гадяча посолъ отправился въ Переяславъ и свидѣлся тамъ съ самимъ Сомкомъ. Сомко, жалуюсь на то, что царь не утверждаетъ его настоящимъ гетманомъ, вмѣстѣ съ этимъ жаловался и на Ивана Брюховецкаго за то, что онъ, состоя коневымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ, почему-то именуетъ себя гетманомъ. «Зачѣмъ Брюховецкій называется гетманомъ? въ Запорожьѣ бывають только коншвые атаманы; Брюховецкому вѣрить нельзя, потому что онъ полуляхъ: былъ дякомъ да крестился, а въ войскѣ не служивалъ и козакомъ не былъ, служилъ онъ у Богдана Хмельницкаго и приказано было ему быть во дворѣ, а на войну Богданъ его съ собою никогда не бралъ» ²⁾).

Но Брюховецкому нужды мало было до того, что о немъ говорилъ Сомко и какъ держалъ его Хмельницкій, ему нужны были запорожцы, которые послѣ Богдана Хмельницкаго представляли изъ себя большую силу и стали вершителями великихъ событій и полными хозяевами на Украинѣ, чему способствовали какъ слабость преемниковъ славнаго Богдана, такъ и хаотическое состояніе Малороссіи того времени, въ особенности же бѣдственное положеніе украинскаго населенія, искавшаго защиты у запорожцевъ, какъ у истинныхъ представителей народничества. Все, что могло, бѣжало отъ тяжелой жизни на Украинѣ въ Запорожьѣ. Община запорожская быстро пополнялась этими бездомными сиротами, приносившими съ собою и свое озлобленіе противъ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ защитить ихъ противъ смѣнявшихся одинъ за другимъ гетмановъ, противъ козацкой старшины, противъ наиболѣе зажиточнаго и обезпеченнаго городского козачества. Характерно для того времени письмо отъ всего «войска за-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 131—133.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 134.

порожскаго къ черни городской» (1662 г.): въ немъ запорожцы совѣтуютъ «городовой черни и войску» не вѣрить измѣнникамъ, не слушать ихъ прелестныхъ словъ, не принимать ихъ вольностей и не губить своихъ душъ «для проклятого шляхетства лядскаго», прибавляя, что имъ, «чернякамъ, того шляхетства не надобно». Живя на Запорожьѣ, Брюховецкій имѣлъ время приемотрѣться къ тому, что происходило на его глазахъ, и стужѣлъ воспользоваться настроеніемъ народа. Не трудно представить себѣ, что и какъ говорилъ онъ въ своихъ бесѣдахъ съ запорожцами, если въ самомъ непродолжительномъ времени мы видимъ его уже коневымъ. Конечно, онъ заявлялъ себя искреннимъ другомъ этой голоюты, искреннимъ ненавистникомъ всякой неправды и насилія, искреннимъ ревнителемъ вѣры и свободы, огражденіемъ которыхъ долженъ служить союзъ съ Москвой. Такого именно гетмана хотѣло видѣть Запорожье и выставило Брюховецкаго своимъ кандидатомъ¹⁾.

Хорошо понимая, какую силу представляли изъ себя запорожцы, Брюховецкій всячески ласкался къ нимъ, постоянно писалъ въ Сичу письма, въ письмахъ высказывалъ запорожцамъ большую покорность, представлялъ имъ, какъ страдаетъ сегобочная Украина безъ настоящаго гетмана, просилъ ихъ рекомендовать его, въ качествѣ кандидата на гетманство, князю Ромодановскому. Запорожцы не замедлили дать о Брюховецкомъ блестящій отзывъ князю Ромодановскому, а князь Ромодановскій—царю Алексѣю Михайловичу. Такимъ образомъ расчеты Брюховецкаго оказались вполнѣ вѣрными.

Но въ то время, когда на лѣвой сторонѣ Днѣпра шель вопросъ объ избраніи гетмана, въ это самое время на правой сторонѣ Днѣпра собирались польско-козацкія и татарскія силы, враждебныя Москвѣ. Чтобы ослабить эти силы, посланъ былъ огрядъ московской рати, въ 500 человекъ, въ Запорожье. Апрѣля 9 дня, 1663 года, приказано было стрлчичему Григорію Ивановичу Косагову бхать съ московскими ратными людьми и донскими козаками въ Запорожье для борьбы съ крымскими и ногайскими татарами. Того требовала первая необходимость въ борьбѣ съ Тетерей и его союзниками, татарами. Объ этомъ послана была особая грамота и Ивану Брюховецкому; Брюховецкій же долженъ былъ извѣстить о томъ запорожскихъ козаковъ и предписать имъ сообща чинить промыслы надъ татарами²⁾.

¹⁾ Кіевская старина, 1885, VIII, 555.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 135.

Запорожцы не замедлили воспользоваться приказомъ царя и отпиской Брюховецкаго. Апрель 19 дня 1663 года пришелъ къ запорожцамъ калмыцкій мурза съ тысячею человекъ калмыковъ; соединясь съ калмыками, запорожскіе козаки отправились въ урочище Цыбульникъ, подъ городъ Крыловъ, гдѣ стояли конемъ погайскіе и крымскіе татары, призванные гетманомъ Тетерею. Нанавъ внезапно на враговъ, козаки истребили ихъ «до ноги», освободили 4.000 человекъ плѣнныхъ христіанъ, нашли въ кошѣ письма, писанныя польскимъ королемъ къ крымскому хану. Въ то время съ запорожцами былъ коншевой атаманъ Санко Туровецъ. Для извѣщенія царя о своихъ успѣхахъ надъ его противниками, Туровецъ въ началѣ іюня мѣсяца отправилъ въ Москву 43 человека посланцевъ съ полковникомъ Иваномъ Гладкимъ и войсковымъ писаремъ Григоріемъ Кудлаемъ во главѣ. Посланцы по пути въ городѣ Сѣвскѣ имѣли большую непріятность отъ мѣстныхъ крестьянъ: восвода далъ имъ всего лишь 43 подводы, а въ 58 слѣдующихъ имъ подводахъ отказалъ, но позволилъ набрать ихъ по дорогѣ. Отѣхавъ 80 верстъ отъ города, запорожцы, сообразно дозволенію восводы, стали требовать себѣ подводъ въ деревнѣ Сергѣевой, комариницкой волости. Но крестьяне стали противиться этому, бить и грабить козаковъ: они забрали у нихъ сѣдла, узды, епанчи, сукна, деньги и причинили убытку на 48 рублей съ полтиною; кромѣ того, одного козака убили мало не до смерти, о чемъ потомъ посланцы и занесли царю челобитную ¹⁾).

Послѣ этой непріятности посланцы доѣхали въ Москву и благодарили царя за присланные имъ порохъ, свинецъ, пушки, якоря, струги, полотна и другія вещи ²⁾. Іюня 14 дня того же года посланцы калмыковъ, бывшіе въ Москвѣ, добавили къ показаннымъ словамъ Туровца еще слѣдующее. Когда калмыки и запорожцы подошли къ урочищу Цыбульнику, то тутъ заключили между собою договоръ: напасть внезапно на татаръ ночью, не бросаться ни на какую добычу, не брать людей, а всѣхъ бить до послѣдняго. Такъ и сдѣлали. Когда вѣсть была татарскій обозъ, люди побиты и оставшіеся въ живыхъ взяты въ плѣнъ, то побѣдители всѣхъ плѣнныхъ перебили, оставивъ лишь одного салтана, но и тотъ, проживъ три дня, умеръ отъ ранъ; всѣхъ татаръ было около

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 171.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 171.

10.000 человекъ; въ концѣ-концовъ изъ нихъ не осталось ни одного человека въ живыхъ: калмыки всѣхъ ихъ перебили по предварительному уговору; ушли съ поля битвы и остались въ живыхъ только спрятавшіеся въ болото. Возвратясь въ Запорожье, калмыки и запорожцы хотѣли было идти на татарскіе улусы за Днѣпръ и Бугъ, но крымскіе и погайскіе татары, услыша объ этомъ, удалились прочь отъ Днѣпра и Буга. Походы калмыковъ и запорожцевъ такъ испугали хана, что онъ отложилъ свой походъ на молдавскую землю и присылалъ въ Запорожье три раза своего толмача, чтобы помириться съ запорожцами, но запорожцы отказали ему на томъ основаніи, что безъ царскаго соизволенія они не могутъ мириться съ ханомъ ¹⁾).

Въ томъ же году и того же іюня 14 дня объ этомъ самомъ дѣлѣ запорожцевъ и калмыковъ съ татарами доносилъ и Иванъ Брюховецкій. По его словамъ, калмыковъ на первый разъ пришло къ запорожцамъ 600 человекъ, а потомъ позже явилось еще нѣсколько сотъ человекъ. Уговорясь между собою, они ходили подъ Чигиринъ и Крыловъ, гдѣ взяли татарскій коншъ. За ними въ слѣдъ ходили измѣнники (козаки Тетери съ татарами), желая отомстить за свое пораженіе. Запорожцы и калмыки, пропустивъ ихъ за собою черезъ переправу на рѣчкѣ Омельничкѣ, вдругъ вскочили на лошадей, внезапно ударили на враговъ и чуть не всѣхъ ихъ поразили, давъ только немногимъ уйти съ мѣста битвы. Послѣ этого наказный кошевой Сашко Туровецъ прислалъ обще (сообща) съ калмыками къ Брюховецкому пословъ, прося позволеніе идти къ царю, въ Москву. «И хотя запорожцы, какъ простые и неученые люди что-нибудь и не слушно въ своемъ письмѣ къ вашему царскому пресвѣтлому величеству положили, однако изволь шѣ остить имъ то, ваше царское величество».

Сообщая объ успѣхѣ запорожцевъ и калмыковъ противъ татаръ, Брюховецкій вмѣстѣ съ этимъ сообщалъ царю, что онъ предписалъ Сашку Туровцу жить съ войскомъ стряпчаго Косагова согласно и чинить всякій промыселъ надъ татарами, самъ же лично собирается въ Нѣжинъ на «полную» раду для избранія гетмана ²⁾).

Очевидно, ни Брюховецкому, ни запорожцамъ наказный гетманъ Сомко не приходился по вкусу. Уже тотчасъ послѣ объявленія Сомка гетманомъ, запорожскіе козаки отправили въ Москву

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 172—173.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 170.

къ царю прошеніе съ протестомъ на то, что избраніе гетмана въ Малороссіи произошло незаконно, потому что на радѣ не было представителей отъ Запорожья. Посланцы просили, отъ имени всего товариства, позволенія открыть «зупольную» раду, чтобы на ней могли быть и запорожскіе козаки вмѣстѣ съ малороссійскими и чтобы гетманъ выбранъ былъ общими силами и общимъ совѣтомъ; при этомъ запорожцы осмѣлились указать и на самого кандидата на гетманство, Ивана Брюховецкаго. За него же хлопоталъ у царя и блюститель кievской митрополіи, епископъ метиславскій и орнанскій, Мефодій. А что до Сомка, то онъ негоденъ уже потому, что въ сердцахъ его гнѣздится измѣна, и онъ не сегодня, такъ завтра измѣнитъ царю. Въ добавокъ у него самого объявился противникъ, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, искавшій для себя гетманства. Царь, уже нѣсколько разъ имѣвшій случай испытать вѣрность запорожцевъ, позволилъ собраться «полной» радѣ для избранія общими голосами гетмана. «Запорожцы въ то время великое отъ царя пошанованія имѣли и, что хотѣли, того и добивались» ¹⁾.

Между тѣмъ нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, дѣйствительно искавшій гетманства, въ свою очередь сталъ занекивать запорожскихъ козаковъ. Онъ сталъ щедро раздавать подарки той запорожской родотѣ, которая прѣѣзжала изъ Сичи на Украину погостить къ роднымъ или пображничать съ знакомыми, особенно въ зимнее время. Очевидно, Васюта Золотаренко чувалъ, въ комъ именно состояла сила. Запорожцы брали предлагаемые подарки, обнадеживая его въ полученіи гетманства, но въ дѣйствительности обманывая его «для полученія отъ него себѣ корысти» ²⁾. Въ то же время Золотаренко понималъ, что не слѣдуетъ обходить и князя Ромодановскаго. Чтобы расположить къ себѣ и князя, онъ сталъ посылать къ нему богатые подарки въ Зеньковъ. Но однажды случилось посланцамъ Золотаренка видѣть у князя и запорожцевъ. Запорожцы въ то время были подвыинизини: увидѣвши посланцевъ Золотаренка, они вступили съ ними въ разговоръ и тутъ, въ откровенно-задирной бесѣдѣ, проговорились, что они всю раду городовую выбьютъ и не пощадятъ ни Сомка, ни Золотаренка. Посланцы Золотаренка немедленно вернулись назадъ и сообщили ему, чтобы онъ

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтописъ, Кіевъ. 1878. 70.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтописъ, Москва. 1817. II, 36.

не надѣялся ни на запорожцевъ, ни на князя Ромодановскаго. Тогда Васюта счелъ за лучшее сойтись съ Сомкомъ и принять его сторону.

Тѣмъ временемъ насталъ срокъ для собранія рады. «Заразъ по веснѣ на Украинѣ завелось новое лихо, котораго при старыхъ гетманахъ не бывало, то-есть, черная рада» ¹⁾.

По желанію запорожцевъ и тѣхъ полковъ, которые стояли за Брюховецкаго (лубенскій, пѣжинскій и др.), а также и по указу великаго государя царя Алексѣя Михайловича, рада назначена была въ городѣ Пѣжинѣ, на іюнь мѣсяць, и на ней должны были присутствовать въ качествѣ представителей отъ московскаго правительства князь Данилъ Степановичъ Великій-Гагинъ, стольникъ Кириллъ Хлоповъ, дьякъ Иванъ Ооминъ и нѣкоторые другіе лица съ 7-ю или 8-ю тысячами московскихъ ратниковъ. Со стороны козацкой старшины тутъ были «гетманъ кошевой» Иванъ Брюховецкій, наказный гетманъ Якимъ Сомко, пѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко; кромѣ того, нѣсколько полковниковъ, сотниковъ, простыхъ козаковъ, запорожцевъ и мѣщанъ. Изъ духовныхъ савоныхъ лицъ—епископъ мстиславскій и оршанскій Меодій, блюститель кievскаго митрополичьяго престола. Въ исторіи Малороссіи эта рада извѣстна подъ именемъ пѣжинской или черной рады, потому что на ней, кромѣ значныхъ козаковъ, допущена была козацкая чернь. Рада была одна изъ самыхъ бурныхъ и привела къ избранію въ гетманы запорожскаго кошевого атамана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и къ гибели наказнаго гетмана Якіма Сомка.

Въ этомъ отношеніи рѣшающую роль играли запорожскіе козаки и отъ нихъ зависѣло быть или не быть одному изъ двухъ претендентовъ на гетманство. Не понимая этого, Сомко не искалъ милости у запорожцевъ, онъ самъ себя объявилъ въ Козельцѣ на радѣ наказнымъ гетманомъ и теперь долженъ былъ поплатиться за то. «То собраніе Сомково ни во что стало, потому что Брюховецкій съ запорожцами пользовался у его царскаго величества большою ласкою и, кромѣ того, за него старался епископъ Меодій, котораго Брюховецкій расположилъ въ свою пользу разными подарками и обѣщаніями» ²⁾.

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1872, 72.

²⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 73.

Рада назначена была на 17 июня 1663 года и для предужденія могущихъ произойти на ней безпорядковъ приказано было всѣмъ старшинамъ и всѣмъ рядовымъ козакамъ являться на раду безъ оружія. Среди площади поставленъ былъ столъ, у стола для князя кресло, а ниже площади, гдѣ происходила рада, поставлена была царская чернаго цвѣта палатка ¹⁾ и за палаткой помѣщено было вооруженное російское войско. Ударили въ котлы, и козацкія войска стали собираться въ кругъ, но, вопреки приказу князя Гагина, съ пуниками и съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Гагинъ вновь напомнилъ о своемъ приказаніи насчетъ оружія, и старшина, снявъ оружіе, отдала его своимъ челядникамъ. Когда козаки собрались въ кругъ, тогда изъ палатки вышелъ князь Гагинъ и сталъ читать «вѣрующую грамоту». Выслушавъ до конца грамоту, гетманы, старшина и всѣ войска ударили челомъ за государево жалованье и милостивое слово. Послѣ этого князь Гагинъ сталъ читать рѣчь, но полковники, сотники, атаманы, асаулы, козаки и чернь стороны Ивана Брюховецкаго, не дослушавъ до конца всей рѣчи, стали провозглашать гетманомъ Ивана Брюховецкаго и, по своему козацкому обычаю, начали подбрасывать вверхъ шанки. Тоже сдѣлали полковники и все войска стороны Якимъ Сомка. Конница Якимъ Сомка, съ бунчукомъ, литаврами и многими знаменами, за ней пѣхота того же Сомка съ ружьями, встали въ ряды пѣшихъ, и обѣ вмѣстѣ произвели замѣнательство на радѣ. Произошелъ бой, во время котораго князь Гагинъ съ товарищами былъ сбитъ съ мѣста, многіе товарищи перераны, нѣкоторые до смерти побиты: послѣ боя рада была разорвана, и козаки разошлись въ свои обозы. На другой день послѣ всего происшедшаго князь Гагинъ послалъ маіора Пепейцына къ Брюховецкому и Сомку съ объявленіемъ, чтобы они вновь явились на раду, а войскамъ своимъ строго приказали въ раду безъ ружей идти, ссоръ не заводить и убійствъ не чинить. Послѣ этого скоро съ маіоромъ Пепейцынымъ приближалъ къ государеву шатру Якимъ Сомко съ пятью полковниками и объявилъ, что сотники, атаманы, асаулы и козаки его полковъ и чернь, бывшая при нихъ, отошли въ обозъ къ Брюховецкому и хотѣли побить Сомка съ пятью полковниками до смерти. Князь Гагинъ немедленно распорядился отправить Сомка съ его товарищами въ городъ къ воеводѣ Михайлу Дмитріеву на обереженіе.

¹⁾ Кіевская старина, 1888, май, 134, прим. I.

Въ слѣдъ за этимъ князь Гагинъ послалъ того же майора Непейцына и къ Брюховецкому съ приглашеніемъ явиться на раду. Брюховецкій явился съ 40.000 своихъ сторонниковъ. Тогда снова прочитана была «вѣрющая грамота», снова сказана была княземъ рѣчь, и послѣ рѣчи открытъ былъ вопросъ объ избраніи гетмана. На этотъ разъ безъ крика и безъ ссоръ вольными голосами всѣхъ присутствующихъ избранъ былъ въ «совершенные» гетманы Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. Въ тотъ же день, т.-е. іюня 18 числа, отслужено было молебное пѣніе въ пѣжинской соборной церкви съ многолѣтіемъ о здравіи государя, а послѣ молебна новый гетманъ принесъ присягу на вѣрность государю и получилъ отъ князя Гагина грамоты на гетманство, на бузаву и на гадячское староство ¹⁾. Послѣ этого князь Гагинъ донесъ въ Москву о невѣрности государю Якимъ Сомко, полковниковъ черниговскаго Силича и переяславскаго Щуровскаго. И Сомко, обвиненный въ сношеніи съ Павломъ Тетерею и въ намѣреніи насильно добиться гетманства, отданъ былъ въ руки Ивана Брюховецкаго и казненъ послѣднимъ въ городѣ Борзні, сентября 18 дня вмѣстѣ съ Василиемъ Золотаренкомъ и нѣкоторыми другими ²⁾.

Добившись званія гетмана черезъ запорожцевъ, Брюховецкій тотчасъ послѣ пѣжинской рады сталъ осыпая ихъ разными милостями: «И того жъ дня Брюховецкій понастановлялъ по всѣмъ городамъ своихъ полковниковъ изъ тѣхъ людей, которые вышли съ нимъ изъ Запорожья. При этой перемѣнѣ старшинъ украинская чернь произвела избіеніе между многими значными полковниками, и это убійство продолжалось въ теченіи трехъ дней, но не было принято гетманомъ за серьезное дѣло. Старшина и значные козаки старались скрываться, переодѣвались вмѣсто кармазиновыхъ кафтановъ въ серяги» ³⁾.

Оставивъ Пѣжину, Брюховецкій распустилъ всѣхъ поставленныхъ имъ полковниковъ, выведенныхъ изъ Запорожья, по главнымъ украинскимъ городамъ, давъ каждому изъ нихъ по сто чело-
вѣкъ въ собственное распоряженіе, надѣливъ жупанами, подаривъ размѣры съ мельницъ, позволивъ отворять шинки, пить и

¹⁾ Клевская старина, 1888, май, 135—136.

²⁾ Дальнѣйшія подробности о Сомкѣ и Брюховецкомъ относятся къ исторіи украинскихъ козаковъ.

³⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, 78; Акты юж. и зап. Россіи, V, 173.

гулять въ теченіи трехъ дней и идти куда кому захочется. «Тогда много было причинено зла людямъ, особенно значнымъ старшинамъ, потому что между ними (запорожцами Брюховецкаго) были такіе, которые раньше служили у значныхъ пановъ и были наказываемы за свои проступки или же были обзаваны своими господарями, какъ это часто бываетъ при дворахъ». Гоненіе на значныхъ продолжалось долго и послѣ того нѣкоторыхъ изъ нихъ поотсылали въ Москву, нѣкоторыхъ поотправляли въ Сибирь, а на нѣкоторыхъ наложили дань давать жупаны на запорожскую пѣхоту ¹⁾).

---

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтописъ, Кіевъ, 1878, 79.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Сборы Брюховецкаго къ походу противъ Тетери и обращеніе къ запорожскимъ козакамъ. — Совѣстные дѣйствія Сирка и Косагова подъ Перекопомъ противъ татаръ. — Замыслы татаръ и Тетери противъ Украины. — Обращеніе Брюховецкаго за помощьюъ противъ поляковъ къ Сирку и выѣздъ вмѣсто Сирка патаги Чугуя. — Присылка въ Сичь «презестныхъ» писемъ Тетери и полненіе въ Запорожьѣ. — Отписка о томъ Косагова въ Москву и ободряющая грамота отъ царя Сирку. — Подвигъ Косагова и Сирка въ борьбѣ съ Карачъ-беємъ. — Походъ Сирка за Днѣпръ и за Бугъ. — Переходъ польскаго короля на лѣвую сторону Днѣпра и разгромъ его Брюховецкимъ и Ромодановскимъ подъ Глуховымъ. — Выходъ Косагова и Туровца изъ лапъ Сирку противъ воеводы Чарнецкаго. — Новые дѣйствія Косагова и Сирка подъ Корсунемъ и Уманемъ. — Удаленіе Сирка въ Терговицу, походъ его въ Буджакъ, пораженіе подъ Гараджинимъ и возвращеніе въ Сичь. — Пораженіе Косагова отъ поляковъ у Корсуля и жалоба на Брюховецкаго. — Недовольство Сирка на Брюховецкаго и отъѣздъ его въ Бѣлгородъ. — Дѣйствія кошевого Щербини противъ турокъ. — Просьба Брюховецкаго о назначеніи на Украину и Запорожье московскихъ воеводъ и негодованіе запорожцевъ на гетмана. — Враждебная встрѣча запорожцами Косагова. — Измѣненіе положенія дѣлъ къ лучшему вслѣдствіе появленія на сцену Сирка.

Добившись давно желаннаго гетманства, Брюховецкій прежде всего рѣшилъ идти походомъ на властнаго гетмана Павла Тетерю и наказнаго Петра Дорошенка правой стороны Днѣпра: но скоро узналъ, что противъ него собрался походомъ самъ король Инъ-Казиміръ вмѣстѣ съ Тетерей, Дорошенкомъ, Гуляницкимъ и Чарнецкимъ. Тогда Брюховецкій обратился за помощьюъ къ запорожскимъ козакамъ.

Запорожскіе козаки и ихъ коневой атаманъ Иванъ Сирко дѣйствовали въ это время противъ крымскихъ татаръ. Заодно съ ними дѣйствовали и стряпцій Григорій Косаговъ.

Косаговъ, получивъ, апрѣля 9 дня, 1663 года, царскій указъ для выѣзда на службу съ московскими ратниками въ Запорожье, сильно задержался на Украинѣ прежде всего вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ принасахъ. Онъ остановился въ городѣ Ахтыркѣ для закупки хлѣба и отправки его въ Запорожье. Денегъ, данныхъ ему для этого, оказалось слишкомъ мало, а лины (лодки)

для отправки хлѣба стоили слишкомъ дорого; сами же жители Ахтырки отказались доставить хлѣбъ на собственныхъ подводахъ ¹⁾. Независимо отъ этого, Косаговъ встрѣтилъ и другое препятствіе для скорѣйшаго своего прибытія въ Сичъ—измѣну русскому царю со стороны жителей крѣпости Переволочны, перешедшихъ на сторону гетмана Павла Тетери. Крѣпость эта стояла при впаденіи рѣчки Ворсклы въ рѣку Днѣпръ и потому пройти мимо нея по Днѣпру на Запорожье съ запасами, судами и ратными людьми не было никакой возможности. Кромѣ Переволочны, измѣнили царю города Кременчугъ и Потокъ, и гетманъ Иванъ Брюховецкій предписывалъ Косагову (юля 7 дня) идти съ московскими ратными людьми въ Омельникъ и чинить промѣселъ надъ измѣнившими царю городами, составлявшими великую помѣху на пути въ Запорожье. Но Косаговъ, не смѣя этого дѣлать безъ царскаго указа, ждалъ на то государева приказанія ²⁾. Когда же царское приказаніе послѣдовало, то Косаговъ вступилъ въ бой съ измѣнниками. Юля 20 дня онъ подошелъ къ городу Кишенкѣ, у рѣчки Орели, и отсюда отправилъ посланцевъ въ Переволочну къ жителямъ съ требованіемъ виниться передъ царемъ и бить ему челомъ. На слѣдующій день послѣ этого къ Косагову явились переволочанскій попъ Павелъ да атаманъ Василій Алексѣенко съ 16 человѣками товарищей и передъ евангеліемъ поклялись быть въ вѣрности московскому государю. А черезъ три дня послѣ этого изъ-за рѣчки Ворсклы къ Кишенкѣ внезапно прискакали татары и много ихъ жителей города, а съ ними и одного караульнаго рейтара, взяли въ полонъ. Косаговъ бросился за татарами въ погоню, нагналъ ихъ въ двухъ верстахъ отъ города и билъ и сѣкъ ихъ до самой Орели, на пространствѣ 20 верстъ отъ Кишенки, отнявъ у нихъ весь полонъ, взявъ стада и трехъ человѣкъ языковъ ³⁾. Побивъ одинъ отрядъ татаръ, Косаговъ побилъ и другой. Другой отрядъ посланъ былъ противъ него наказнымъ гетманомъ правой стороны Петромъ Дорошенкомъ, который сидѣлъ въ Кременчугѣ. Дорошенко послалъ 200 человѣкъ козаковъ да 100 человѣкъ татаръ къ городу Кишенкѣ. Но Косаговъ разбилъ и этотъ отрядъ, послѣ чего соединился съ запорожцами и съ калмы-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 137.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 136.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 137.

ками, призванными къ участию въ событіяхъ Украины Иваномъ Сиркомъ ¹⁾, и совмѣстно съ ними, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отправился за Днѣстръ, гдѣ пожегъ много ханскихъ селеній, много побилъ армянъ и волоховъ и 20 числа того же сентября мѣсяца благополучно возвратился въ запорожскую Сичу на Чортомлыкѣ ²⁾.

Прибывъ въ Сичъ, Косаговъ нашелъ здѣсь недостатки въ сѣстныхъ припасахъ, потому что изъ черкасскихъ городовъ, вѣдѣствіе занятія шляховъ татарами и нападенія ихъ на торговыхъ людей, хлѣбныхъ запасовъ никто не везъ. Поэтому Косаговъ отправилъ изъ Сичи въ черкасскіе города до Ахтырки рейтара Онуфрія Сукачева съ товарищами и съ деньгами 230 сфимковъ для закупки тысячи четвертей хлѣбныхъ продовольствій и просилъ государя учинить указъ на доставку ихъ подводами въ Запорожье ³⁾.

Но уже на слѣдующій день, т.-е. сентября 21 дня, послѣ прибытія Косагова изъ-за Днѣстра, пришли въ Сичу запорожскіе козаки и рассказали своему атаману, Ивану Сирку, что они были въ Черномъ морѣ и что ихъ настигли тамъ турецкія галеры: козаки сдѣлались съ галерами, бились съ турками три дня и двѣ ночи, а на третью ночь причалили къ берегу, изрубили топорами свои чайки, а сами бросились отъ моря въ стень и пѣшкомъ добрались до самой Сичи. Выслушавъ это извѣстіе, Сирко собралъ войско и, октября 2 дня, вмѣстѣ съ Косаговымъ, выступилъ изъ Сичи по направленію къ Перекопу, а черезъ девять дней уже очутился у пѣли своего похода. Перешедъ между городомъ Перекопомъ и Чернымъ моремъ перекопскій ровъ и раздѣливъ войско на два отряда, Сирко съ пѣшими козаками и русскими драгунами самъ бросился въ Перекопъ съ крымской стороны, а Косагову велѣлъ остаться у воротъ Перекопа, на русской сторонѣ. Разсчетъ Сирка удался если не вполне, то на половину: козаки Сирка дрались мужественно и взяли большой городъ, но ратники Косагова выскли только двое воротъ малаго города, но самаго города, гдѣ сидѣли злычары, не сумѣли взять и потеряли у себя девять человекъ убитыми. Тутъ изъ крымскихъ селъ пришли въ Перекопъ до 1.000 человекъ турокъ и татаръ и учинили жестокой бой въ посадѣ города съ козаками и московскими ратными людьми. Тогда козаки

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 86.

²⁾ Акты, V, 137; Соловьевъ, Исторія, Россіи XI, 148.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 138, 163.

и ратники, соединившись вмѣстѣ, зажгли большой городъ, захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ людей татаръ съ женами и дѣтьми и вышли вонъ изъ города на русскую сторону. За ними бросились бывшіе въ засадѣ татары съ салтаномъ Нурреддиномъ: выскочивъ изъ Перекопа, они шли за козаками пять верстъ съ пушками и бились съ ними до самого вечера. Но козаки и здѣсь имѣли перевѣсъ надъ татарами, причинивъ имъ большой вредъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Въ этомъ бою взяты были въ плѣнъ таванскій воевода Умаръ-ага и 27 татаръ. Всѣхъ плѣнниковъ съ ихъ женами и дѣтьми козаки и зарубили, а сами потомъ, октября 16 дня, благополучно возвратились въ Сичу. Изъ Сичи посланъ былъ съ извѣстіемъ объ успѣхахъ оружія козаковъ и русскихъ ратниковъ къ царю бывшій полковникъ Иванъ Гладкій, Романъ Кивинъ, да прапорщикъ Степанъ Зиборовъ, всѣ три бывшіе участники перекопскаго дѣла ¹⁾. Прибывши въ Москву, они сообщили, что Сирко и Косаговъ шли изъ Запорожья къ Перекопу съ крымской стороны отъ черкасскаго (т.-е. Чернаго) моря, въ теченіи недѣли: въ Перекопѣ они овладѣли землянымъ валомъ да большимъ каменнымъ городомъ, а къ меньшему городу за наступленіемъ дня, не приступали. Дѣйствовали же они одни, безъ калмыковъ, въ Перекопѣ оставались одинъ день, а назадъ шли три дня. Морозова повѣтрія въ Перекопѣ при нихъ, послахъ, не было; слышно было, что оно свершилось тамъ раньше ихъ прихода; въ Запорожьи же у козаковъ все благополучно. Если же кошевой Сирко писалъ къ Брюховецкому о морозовѣ повѣтріи у татаръ, то, нужно думать, онъ дѣлалъ это просто отъ стыда, потому что, «будучи въ развратѣ (раздорѣ), козаки избili всѣхъ плѣнныхъ татаръ и некого изъ было послать къ гетману за языкомъ. Изложивъ все это, посланцы жаловались на трудность и продолжительность своего пути, во время котораго имъ пришлось пораспродать ружья и лошадей и на полученные деньги покупать себѣ харчи ²⁾).

Въ слѣдъ за этимъ, самъ Косаговъ доносилъ царю въ Москву, что октября 28 дня, пришли изъ Крыма въ Сичу черкассіе колонизинны и сообщили кошевому Сирку о намѣреніи крымскаго хана идти на Русь войной. Кроме того, со словъ кошевого Сирка,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 138, 139.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 139, 140.

судьи и обознаго запорожскихъ козаковъ, Косаговъ извѣщалъ царя, что Тетеря вмѣстѣ съ поляками хочетъ идти на Кодакъ и взять его. Въ Кодакѣ на ту пору было всего лишь двадцать человѣкъ козаковъ, и если Тетеря возьметъ ту крѣпость, то это послужитъ въ большой вредъ какъ запорожскимъ козакамъ, такъ и русскому войску. Кодакъ стоитъ на самомъ проходѣ по Днѣпру, и когда имъ завладѣютъ враги, то неоткуда будетъ доставлять запасовъ въ Запорожье. Послать же туда людей изъ Запорожья некого, потому что въ самой Сичи ихъ осталось очень мало,— всѣ они разошлись, вслѣдствіе зимняго времени, въ города по домамъ ¹⁾).

Положеніе дѣлъ еще болѣе усложнялось отъ того, что въ это самое время гетманъ Брюховецкій, видя наступательное движеніе поляковъ на Украину и не надѣясь на свои силы, послалъ въ Сичу къ Сирку съ требованіемъ, чтобы онъ шелъ, сообщаясь съ калмыками, подъ городъ Чигиринъ правою стороною Днѣпра). Но Сирко этого сдѣлать не могъ и вмѣсто него выступилъ, съ нѣсколькими сотнями верховыхъ козаковъ, въ помощь Брюховецкому, запорожскій ватагъ Чугуѣй ³⁾).

Въ ноябрѣ того же 1663 года Косаговъ доносилъ воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому и черезъ него царю Алексію Михайловичу, что ханъ крымскій со своею ордою и салтанъ Нуррединъ уже стоятъ у Перекопа: что татары до Чернаго моря, по рву, сдѣлали каменную стѣну и намѣреваются, соединившись съ польскимъ королемъ, идти на черкасскіе и русскіе города: что ханъ съ ордою, полками и измѣнниками черкасами вмѣстѣ съ тѣмъ пройдетъ и въ Запорожье. Въ Запорожьи же совсемъ малоллюдно: изъ ратныхъ людей, бывшихъ тамъ, осталось только 200 человѣкъ, остальные всѣ разбѣжались, да столько же запорожскихъ козаковъ, а можетъ быть, и меньше того, остальные всѣ разошлись по городамъ. Въ случаѣ же прихода враговъ запорожской Сичи и русскаго городка удержать будетъ нельзя: оставшіеся запорожцы или уйдутъ въ днѣпровскій займища или едутся. Ратные же московскіе люди, покравъ у запорожскихъ козаковъ да у своей же братіи лошадей, ушли изъ Сичи въ Бѣл-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 139.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 191, 192.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 78.

городъ. Бѣжали же они не отъ голода и нужды, а отъ страха, слыша, что поляки, татары и черкасы идутъ на Запорожье. Въ заключеніе Косаговъ просилъ князя Ромодановскаго выслать къ нему въ Сичу всѣхъ бѣглецовъ, чтобъ Запорожье, вследствие своего малолѣдства, не отступило изъ подданства великаго государя и чтобъ не пропали остальные великаго государя ратные люди, казна, порохъ и всякіе запасы ¹⁾. Доноси объ этомъ же самому царю, Косаговъ писалъ, что князь Григорій Ромодановскій не велѣлъ высылать къ нему бѣглецовъ московской рати и что между запорожскими козаками являются многія «шатости». Тутъ же вмѣстѣ съ этимъ онъ сообщалъ, что ноября 20 числа въ Сичу изъ Крыма пришли новые выходцы-половчанники и рассказывали, что у села Бустурция у крымскаго хана съ мурзами была рада; послѣ рады ханъ распустилъ орду по домамъ, но на десятый день приказалъ явиться къ Перекопу съ запасами и съ лошадьми. Изъ Перекопа онъ намѣревался идти въ задніпровскіе города къ полякамъ: сойдясь съ поляками и черкасами, предполагалъ отправиться на черкасскіе города великаго государя. Ханъ уже послалъ пушки съ татарами въ городокъ Асламъ, раньше своего прихода. Задніпровскіе черкасы также поднимались воедино съ татарами: вездѣ по запорожской дорогѣ большое порокство, проѣзжихъ людей грабятъ и убиваютъ. Къ этому бѣдствію присоединился еще недостатокъ въ стѣпныхъ принасахъ: въ Запорожьѣ осмачка ржаной муки продавалась по 5 рублей, а пшека и вовсе добыть нельзя. Посланные люди въ городъ Ахтырку за покупкой хлѣба не могли его доставить потому, что не на чѣмъ было привезти. Теперь московскіе люди стали бѣжать изъ Запорожья еще и отъ голода ²⁾.

Но все же и при всемъ этомъ положеніе Ивана Сирка и Григорія Косагова въ Сичи не было такъ опасно до тѣхъ поръ, пока Павелъ Тетеря не присылалъ въ Сичь своихъ «прелестныхъ» писемъ къ запорожскимъ козакамъ. Тетеря былъ убѣжденный въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ человѣкъ: онъ страдалъ душой и сердцемъ за свою родину и искалъ способа поставить ее на путь самостоятельной и независимой жизни. Но его взгляды были полною противоположностью взглядамъ запорожскихъ козаковъ и всей массы населенія малороссійскихъ городовъ. Запорожцы видѣли за-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 111.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 112.

логъ для свободы украинскаго народа въ русскомъ православномъ царѣ, гетманъ Тетеря видѣлъ его въ польскомъ католическомъ королѣ. Онъ приводилъ въ своемъ письмѣ къ запорожцамъ историческія традиціи о связи ихъ съ Польшею, ставилъ на видъ ненадежность союза съ Москвою, опасность отъ крымскаго хана и, наконецъ, свою безкорыстную преданность запорожскимъ козакамъ. Уже вскорѣ послѣ возвращенія запорожцевъ изъ-подъ Перекопа Павелъ Тетеря отправилъ въ Запорожье своихъ посланцевъ съ «прелестными» письмами, въ которыхъ старался склонить «молодцовъ» на сторону Польши: «Польскій король Янъ-Казиміръ, желая отобрать у московскаго царя сегобоящую Украину и скасовать гетмана Брюховецкаго, рѣшилъ постановить для обѣихъ малороссійскихъ сторонъ одного гетмана Павла Тетерю» ¹⁾.

Одинъ изъ такихъ листовъ, писанный ноябрю 18 дня, 1663 года, изъ города Кременчуга, доставленъ былъ въ руки Григорія Косагова и списокъ съ него отправленъ въ Москву.

«Нану атаману кошевому и всему старшему и меньшему на Конѣ товариству со веѣмъ его королевскою милости войскомъ запорожскимъ добраго отъ Господа Бога здоровья и счастливаго желаемаго покоя вѣрно и взаимно желаю. Объявляю вамъ, братіи моей, что король, государь нашъ милостивый, не терпя болѣе ежедневнаго кровопролитія и нашей пагубы и не желая своей землѣ опустошенія, оставивъ свой господарскій престолъ, пришелъ съ короннымъ и чужеземнымъ войскомъ на Задніпръ; онъ желаетъ не мечомъ и войною обратитъ своихъ подданныхъ къ своей власти, но обнадѣживаетъ ихъ своею отеческою милостію, онъ не ищетъ никакого отмщенія за наши прошлые грѣхи, обѣщаетъ королевскимъ словомъ приклонить подъ свои крылья, вмѣстѣ съ нами, веѣхъ задніпрянъ и даровать имъ равныя вольности, и все, что совершилось въ нынѣшнія смутныя времена, приписываетъ устроенію божію и своимъ грѣхамъ. И вы, братія наши, будучи съ нами одного тѣла, не столько сами по себѣ, сколько отъ безпокойныхъ людей, недавно нанившихся крови нашей братіи, и отъ московскихъ прелестей разъединились съ нами. Теперь я, по своей христіанской любви, прошу васъ, какъ милыхъ братьевъ, и братски предостерегаю, чтобы вы прежде времени отозвались надлежащимъ послушаніемъ къ его милости королю, какъ своему дѣдичному государю, подѣ

¹⁾ Величко, Литвинсъ, Кіевъ, 1851, II, 79.

властію котораго породились и наши прадѣды, и дѣды, и отцы, и вы сами молодецкія головы, славы и моремъ и полемъ добывали, и нынѣ все вмѣстѣ дашемъ его государскою дѣшровою водою. Обнадеживаю васъ словомъ христіанскимъ и братскимъ, что король, государь нашъ милостивый, сохранить васъ при тѣхъ же вѣдностяхъ, при которыхъ пребываемъ и мы, и объявить вамъ такую же милость, какъ и намъ, забывъ всякое ваше преступленіе... Не откладывайте, прошу васъ, этого святого дѣла и не говорите такъ, какъ другіе безразсудные привыкли говорить: «пусть-де царь съ королемъ помирится, а мы, кому достанется, тому и будемъ кланяться»; а какъ король помирится съ царемъ, то не скажетъ, что вы, братія наша, склонились добровольно, а скажетъ, что по принужденію. А царь не только васъ, но и своего народа не можетъ оборонить. Какъ солнце на небѣ сіяетъ и вода безпрестанно въ Днѣпрѣ течетъ, такъ и мы никогда отъ короля, пана своего, все отнать не можемъ, только ему, какъ дѣдичному государю, и можемъ служить. А если воспротивимся ему, то смотрите, чтобы не утерять намъ нашей столицы запорожской, гдѣ предки наши добывали славу, ибо крымскій ханъ не спитъ и имѣетъ намѣреніе напасть на насъ... Если же не захотите вы, братія моя, слушать нашего здраваго совѣта, то вольно вамъ, только бъ послѣ того не жалѣли бы: не думайте, чтобы я тѣмъ славы себѣ искалъ и желалъ бы долгаго гетманства, я желаю только согласія между вами и войскомъ его королевской милости запорожскимъ. А когда Богъ дастъ общую згуду, то того же дня сложу съ себя предъ вами, добрыми молодцами, гетманское званіе, для меня вовсе нежелательное, и вы, добрые молодцы, кого захотите, того и выберите»¹⁾.

Отправляя письмо къ кошевому атаману Ивану Сирку и всему низовому запорожскому войску, Павелъ Тетера вмѣстѣ съ этимъ далъ для лучшей памяти своимъ посланцамъ пять слѣдующихъ «информаций». Во-первыхъ, посланцы прежде всего должны отдать поклонъ и объявить братское желательство пану атаману кошевому и всему находящемуся при Кошѣ старшему и меньшему товариству отъ имени гетмана Павла Тетери и короля Яна-Казимира. Во-вторыхъ, посланцы должны объявить, что король идетъ на Украину не съ войною, а съ милостію, что послѣ взятія еяъ весной Воронкова все ему сдаются, почему онъ надѣется видѣть

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 143—145.

склонною къ себѣ и всю Полтавщину и что только съ упрямыми онъ будетъ воевать и не отступитъ до тѣхъ поръ, пока не покорить всей земли. Въ-третьихъ, посланцы не должны забыть сказать, что хотя, съ одной стороны, есть много добрыхъ молодцовъ, которые долго не разсчитываютъ оставаться подъ Москвой, съ другой—много и такихъ, которые не думаютъ никогда быть подъ королевемъ, однако, нужно спросить ихъ, какъ москаль можетъ владѣть Запорожьемъ, когда онъ шлетъ къ королю посла за посломъ, безъ зазрѣнія прося у него мира? И теперь пришелъ какой-то Полликарповичъ: проситъ короля уступить царю Смоленскъ и предлагаетъ ему за то отъ 4—6 милліоновъ, лишь бы только добиться мира и не имѣть стыда отъ своего народа. Конечно, московскій царь давно бы имѣлъ работу съ коронными и татарскими войсками, давно бы и въ Москвѣ увидѣлъ гостей, но онъ заслоняетъ хребетъ свой нашими же бѣдными заднѣпрями, а заднѣпріане и познать не могутъ, что своимъ лихомъ царское лихо избываютъ. Въ-четвертыхъ, также объявить, именемъ гетмана и короли, что когда король приметъ всѣхъ находящихся отъ старшого до меньшого товариства на Кошѣ, то онъ обнадежитъ своею милостію не скать ни на комъ отщепенія. Особо король обнадеживаетъ пана атамана кошевого Ивана Сирка, что хотя коронное и татарское войско вмѣстѣ съ гетманомъ Павломъ Тетерей и наступитъ на Украину, то все-таки для кошевого найдется удобный способъ проводить его безъ всякаго убытка изъ Полтавы, о чемъ пану кошевому нѣтъ надобности и печалиться. А если бы король и гетманъ пошли войной и Полтава не захотѣла бы добровольно поклониться королю, то и тогда гетманъ съ королевемъ обнадеживаетъ, что оттуда будетъ выведена жена пана Ивана Сирка. Но болѣе всего нужно хлопотать о томъ, чтобы изъ Запорожья вывели тѣхъ непотребныхъ людей, которыхъ прежде тамъ не бывало и черезъ которыхъ вольность и слава войска запорожскаго убываетъ и умаляется. Въ-пятыхъ, посланные должны поставить на видъ всѣмъ, какъ старшимъ, такъ и меньшимъ товарищамъ, то, что теперь, не ѣздя въ Варшаву, можно добиться у короля того, чего желаетъ получить запорожское войско, потому что король, самъ какъ гость, пришедши на Украину, исполнитъ все просимое, лишь бы только войско поскорѣе совокупилося и пришло бы къ давнему братству. И если войско утерять золотое время, то уже не скоро дождется такого и потомъ не мало будетъ сожалѣть о томъ. За всѣмъ этимъ просить войско дать скорѣйшій

отвѣтъ гетману Тетерѣ, и будетъ-ли то пріятно пану кошевому атаману и всему при Конѣ товариству, или же будетъ непріятно добрымъ молодцамъ, просить отпустить по волѣ посланцевъ гетмана, потому что пословъ у разумныхъ людей не сѣкутъ и не рубятъ, такъ какъ посолъ подобенъ мѣлику: что въ него положить, то онъ и несетъ, а болѣе всего надо помнить о томъ, что когда бы то ни было, но нужно видѣться обіймъ другъ съ другомъ сторонамъ¹⁾.

Письмо Тетери, проникнутое убѣжденіемъ спасти погибающую отъ раздоровъ родину и искреннимъ желаніемъ ей всякаго блага, не могло не имѣть своего дѣйствія на запорожцевъ. Григорій Косаговъ, извѣщая о томъ въ Москву, писалъ царю, что когда читали это письмо на радѣ, то половина запорожскихъ козаковъ не хотѣла и слушать его, а половина обрадовалась тому. «И появились шатости въ Запорогахъ великія. Коншевой Иванъ Сирко частъ отъ того письма себѣ и мѣѣ, твоему холопу, вмѣстѣ съ твоими великаго государя ратными людьми, всего худого. И коншевой бьетъ тебѣ, великому государю, челомъ, чтобъ ты, великій государь, пожаловалъ своею государскою милостію, велѣлъ прислать въ Запорожье ратныхъ людей на помощь, потому что теперь въ Запорожьѣ войска совсѣмъ немного. Теперь изъ запорожскаго войска послали узнать, на основаніи письма Тетери, о сдачѣ козацкихъ городовъ: и если города сдадутся польскому королю, а къ запорожцамъ вскорѣ не придутъ на помощь ратные люди, то они сами сдадутся: великій страхъ у нихъ передъ крымскимъ ханомъ: ханъ же этой зимой непременно собирается съ козаками Тетери на Запорожье, чтобы взять запорожскую Сѣчу. А Сѣча у нихъ на полѣ и крѣпости около ней никакой нѣтъ, козаковъ же и ратныхъ людей въ ней всего около 400 человекъ». При всемъ этомъ коншевой Иванъ Сирко оставался вѣрнымъ царю: онъ велѣлъ задержать посланцевъ Тетери въ Сичи, а письма ихъ отослалъ къ гетману Ивану Брюховецкому²⁾. Но положеніе Сирка и Косагова чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлалось затруднительнѣе. Но крайней мѣрѣ, Косаговъ, въ это самое время писавшій письмо своему отцу, увѣдомлялъ его, что онъ переживаетъ самыя трудныя минуты и что, быть можетъ, судьба не позволитъ и свидѣться имъ: «Батюшка государь мой Иванъ Ивановичъ, здравствуй на многія лѣта, а

1) Акты южной и западной Россіи, V, 145, 146.

2) Акты южной и западной Россіи, V, 142.

меня помилуй, дай благословеніе и прости. Чаю, что пришло остатнее (время) ко мнѣ: если черкасскіе города сдадутся, такъ и Запорожье сдается королю, и мнѣ съ Сиркомъ тутъ матъ: теперь бунтуютъ, на насъ совѣтъ совѣщаютъ съ обманомъ и если найдутъ нужнымъ, то могутъ отдать насъ ляхамъ или татарамъ¹⁾.

Декабря 31 дня царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ грамоту въ Запорожье къ Григорію Косагову и въ ней прежде всего приказывалъ ему и кошевому Сирку уговаривать и укрѣплять всякими мѣрами и обнадеживать всякими милостями запорожскихъ козаковъ; затѣмъ извѣщалъ, что ратными людьми наполнить Запорожье онъ уже приказалъ гетману Ивану Брюховецкому, о сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ предписалъ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, а объ отправкѣ хлѣба въ Запорожье послана грамота воеводѣ въ Ахтырку²⁾.

Но пока пришла эта царская грамота къ кошевому Ивану Сирку и стряпчему Григорію Косагову, они уже совершили новый подвигъ во время похода противъ татаръ. Полоняники, вышедшіе изъ Крыма въ Запорожье, принесли вѣсть, что, вследствие просьбы польскаго короля Яна-Казимира, крымскій ханъ хочетъ идти на соединеніе съ королемъ, чтобы общими силами ударить на Украину. Тогда Сирко съ Косаговымъ и съ калмыцкимъ мурзой Эркетъ-Атуркаемъ, имѣвшимъ подъ рукой 100 человекъ калмыковъ, пошелъ подъ Перекопъ, чтобы помѣшать хану въ его походѣ и добыть языковъ. Союзники добрались въ Куты, на сторонѣ Перекопа, надъ Чернымъ моремъ, разграбили тамъ не мало татарскихъ селеній, захватили нѣсколько человекъ татаръ, отбили около 100 человекъ русскихъ и черкасскихъ плѣнниковъ. Тогда противъ запорожцевъ, калмыковъ и русскихъ ратныхъ людей вышелъ перекопскій ханъ Карачъ-бей и напалъ на нихъ. Союзники отступили отъ него на пространствѣ двухъ миль къ рѣчкѣ Каланчаку. Тутъ кошевой Сирко и стряпчий Косаговъ устроили противъ татаръ изъ коней копь и открыли съ непріятелями бой. Не смотря на то, что татаръ было 1.000 человекъ и ими предводительствовали знаменитый Карачъ-бей, не смотря на то, что у Сирка и Косагова было всего лишь 90 человекъ запорожцевъ, 60 человекъ калмыковъ да 30 человекъ донцевъ, побѣда все-таки осталась за ко-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 146.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 147.

заками. Убиты были Карачъ-бей, его братъ, племянникъ, писарь, казнадаръ и все татары, кромѣ одного — единственнаго турчина Махмета. Калмыки не позволяли брать живыми татаръ и всехъ ихъ старались колоть. Оставшіеся въ живыхъ турчинъ сообщалъ Сирку, что польскій король постоянно идетъ къ крымскому хану посланцовъ и проситъ хана прислать ему орду на помощь: ханъ же отвѣчаетъ ему, что за козаками, калмыками да ратными московскими людьми выйти ему изъ Крыма невозможно, въ дѣйствительности же ханъ былъ испуганъ успѣхомъ запорожскихъ козаковъ подъ Перекопомъ и смертью Карачъ-бея ¹⁾. Вышедшій изъ татарскаго плѣна въ Запорожье князь Василій Борисовичъ Шереметевъ съ рейтаромъ Иваномъ Калугинымъ подтвердилъ, что дѣйствительно ханъ такъ напуганъ запорожцами, что даже отправилъ посланца своего къ польскому королю съ отказомъ ему въ своей помощи. То же сообщали и другіе бѣглецы и пойманные татары.

Царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о подвигахъ Сирка и Косагова, выразилъ имъ особою грамотою свою милость и обѣщалъ обоимъ большія награды ²⁾.

Обезопасивъ Сичу со стороны нападенія отъ татаръ, Сирко рѣшилъ идти на западъ къ Бугу и Днѣстру для добыванія языковъ. Оставивъ вмѣсто себя въ Сичи наказного кошевого Пилипчату ³⁾ и стряпчаго Григорія Косагова, самъ же, взявъ нѣсколько сотъ человѣкъ запорожцевъ и тридцать человѣкъ донцевъ, Сирко вышелъ изъ Сичи января 8 дня, 1664 года. Планъ Сирка состоялъ въ томъ, чтобы дѣйствовать въ тылу у поляковъ и разъединить отъ нихъ ихъ сильныхъ союзниковъ татаръ: въ главный же центръ военныхъ дѣйствій, Украину лѣваго берега Днѣпра, въ помощь Брюховецкому, отправленъ былъ запорожскій ватагъ Чугуй ⁴⁾.

Между тѣмъ лѣвобережной Украинѣ и гетману Брюховецкому грозила большая опасность отъ того, что въ нее шелъ самъ король Янъ-Казиміръ съ большимъ войскомъ ⁵⁾ изъ поляковъ, литовцевъ, татаръ и цыганъ. Дойдя до приднѣпровскаго города, переяславскаго полка, Воронкова, король, сталъ переправляться

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 148, 149.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 149.

³⁾ Въ другомъ актѣ онъ называется Пилипою.

⁴⁾ По однимъ документамъ Чугуй, по другимъ Чугай.

⁵⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 155.

здѣсь съ праваго берега Днѣпра на лѣвый. Тутъ на него напалъ запорожскій ватагъ Чугуй и, причинивъ ему большую «шкоду», отступилъ назадъ, посѣлившъ къ Брюховецкому ¹⁾. Отъ Воронкова король Янъ-Казиміръ прошесть на городъ Остеръ, а изъ Остра на Глуховъ. Въ это время гетманъ Брюховецкій, собравъ войска и соединившись съ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, посѣлилъ къ Глухову и прибылъ туда января 30 дня. Результатомъ этого движенія было послѣднее отступленіе короля отъ Глухова и торжество гетмана: поляки, вмѣстѣ съ королемъ, не стерпѣвши козацкаго штурма, ушли изъ-подъ Глухова въ Новгородъ-Сѣверскъ, подъ которымъ, при селѣ Широковѣ, были настигнуты Брюховецкимъ и Ромодановскимъ и побиты ими.

Разбивъ короля подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, но не причинивъ никакого вреда Павлу Тетерѣ, который опоздалъ своимъ прибытіемъ къ Глухову и тѣмъ избѣжалъ страшнаго погрома, гетманъ Брюховецкій рѣшилъ самъ внести войну своимъ противникамъ и двинулся съ войскомъ къ столицѣ Тетери, городу Чигирину.

Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали въ тылу поляковъ и кошевой Иванъ Сирко. Уже вскорѣ послѣ отхода Сирка изъ Сичи, а именно февраля 20 дня, Косагову и наказному атаману Пилипатѣ черезъ нѣкоторыхъ выходцевъ изъ брацлавскаго полка и полонянниковъ миргородскаго полка стало извѣстно, что ханъ, утраченный запорожцами и калмыками, рѣшилъ въ теченіе всей зимы не двигаться никуда изъ Крыма и что вся орда, вышедши изъ Крыма, стоитъ на этой сторонѣ Перекона и охраняетъ его отъ запорожцевъ и калмыковъ, а гетманъ Тетеря ушелъ съ женой и дѣтьми изъ Чигирина въ Польшу; жители же козацкихъ городовъ Тетерина уряда побили жидовъ, а тарговицкій полковникъ Степанъ Сулима, по совѣту Сирка, взялъ пушки Тетери изъ Лысянки и пошелъ на ляховъ. Воевода же Григорій Косаговъ все еще пока сидѣлъ въ Запорожьѣ и жаловался на отсутствіе ратниковъ, разбѣжавшихся отъ него по домамъ, и на невозможность черезъ то чинить промысла надъ измѣнниками ²⁾.

Самъ Сирко о результатахъ своего похода за Бугъ и Днѣстръ сообщилъ царю въ слѣдующемъ письмѣ: «Божією милостію великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, ва-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1851, II, 78.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 153. 154.

шему царскому пресвѣтлому величеству никакойнѣи рабъ и вѣрный подданный Иванъ Сирко, атаманъ кошевой, съ войскомъ вашего царскаго величества запорожскимъ до ногъ престола вашего царскаго пресвѣтлаго величества челомъ бѣеть. Исполняя съ войскомъ запорожскимъ службу вашему царскому пресвѣтлому величеству, я, Иванъ Сирко, мѣсяца января 8 числа, изъ славнаго Коша запорожскаго пошелъ за двѣ рѣки, Бугъ и Днѣстръ, гдѣ божіею милостію и предстательствомъ пресвятой Богородицы и вашимъ великаго государя счастьемъ, напавъ на турецкія селенія выше Тягина города, побилъ много бусурманъ и великую добычу взялъ... Оборотясь же изъ подъ турецкаго города Тягина, пошелъ подъ черкасскіе города. Услыша же о моемъ, Ивана Сирка, приходѣ, когда я еще съ войскомъ къ городу и не подошелъ, горожане сами начали сѣчь и рубить жидовъ и поликовъ, а всѣ полки и посполитые, претерпѣвшіе столько бѣдъ, неволю и мученій, начали сдаваться. Черезъ насъ, Ивана Сирка, обращена вновь къ вашему царскому величеству вся Малая Россія, города надъ Бугомъ и за Бугомъ, а именно: брацлавскій и калницкій полки, Могилевъ, Рашковъ, уманскій повѣтъ до самаго Днѣпра и Днѣстра; безвинные люди (этихъ мѣсть) обѣщались своими душами держаться подъ крѣпкою рукою вашего царскаго пресвѣтлаго величества до тѣхъ поръ, пока души ихъ будутъ въ тѣлахъ, и врагамъ креста господня не поддаваться и не служить. И я, Иванъ Сирко, видя, что они приневолены къ подданству поликовъ измѣнникомъ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ и его совѣтниками, за такое ихъ обѣщаніе Богу и вашему царскому величеству, обѣщаю имъ твою великаго государя милость и жалованье. Да будетъ, однако, извѣстно вамъ, великому государю, что для обороны людей, въ особенности же крѣпкихъ городовъ, слѣдуетъ выслать ратныхъ людей въ Брацлавъ, Умань и Калникъ и въ другіе подобные города, чтобы не пришелъ откуда-нибудь непріятель и не завладѣлъ твоими великаго государя городами. Данъ изъ Уманя, 13 марта, 1664 года» ¹⁾.

Въ слѣдъ за Сиркомъ о результатахъ его походовъ сообщилъ царю и Григорій Косаговъ: «Въ нынѣшнемъ, государь, въ 1664 году, (февраля въ 3 день ²⁾), кошевой Иванъ Сирко съ запорожскими

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 151, 152.

²⁾ Самъ Сирко писалъ, что онъ вышелъ января 8 числа.

козаками пошелъ къ Днѣстру для добыванія языковъ, а я, холопъ твой, послалъ съ нимъ рейтаръ и донскихъ козаковъ 30 человекъ. И марта, государь, въ 22 день кошевой Иванъ Сирко писалъ къ наказному кошевому Филипатѣ и ко всему запорожескому войску и ко мнѣ, холопу твоему: его-де Ивановою вѣрною службою за-днѣпровскіе города поддались подѣ твою великаго государя вы-сокую руку, только-де одинъ городъ Чигиринъ тебѣ великому го-сударю не поддался. И онъ, Иванъ Сирко, пошелъ къ Чигирину и стоитъ въ Смѣлой, въ пяти миляхъ отъ Чигирина, а къ войску запорожескому и ко мнѣ, холопу твоему, пишетъ, чтобы мы все-шли къ Чигирину жъ. И по его, государь, Иванову, письму войско запорожское къ нему, Сирку, идетъ, и я, холопъ твой, съ твоими великаго государя ратными людьми пойду къ нему Ивану»¹⁾.

Дополненіемъ къ этимъ сообщеніямъ Сирка и его сподвижни-ковъ можетъ служить указаніе польскаго хрониста Ерлича, объ-ясняющаго, почему именно Сирку не сдались ни Бѣлая-Церковь, ни Чигиринъ. Ерличъ рассказываетъ, что въ это время бывший гетманъ Иванъ Виговскій, давно покинувшій Украину и бѣжавшій въ Польшу, но разочаровавшійся въ послѣдней, вошелъ въ сно-шеніе съ полковникомъ Сулимой²⁾ и внушилъ ему мысль поднять возстаніе противъ польскихъ старостъ и шляхтичей въ пользу мо-сковскаго царя³⁾. Сулима соединился съ нѣкимъ Вариницей и, надѣясь на помощь Сирка, подошелъ къ Бѣлой-Церкви, февраля 24 дня сдѣлавъ нападеніе на гетмана Тетерю и польскаго пол-ковника Маховскаго, находившихся въ крѣпости, но былъ побитъ и прогнанъ отъ Бѣлой-Церкви: «И такъ, Богъ попустилъ, что измѣнники (пишетъ польскій хронистъ) поторопились, не дождав-шись Сирка, который также долженъ былъ подойти (къ Бѣлой-Церкви) съ нѣсколькими тысячами отборныхъ стрѣлковъ и уже подошелъ было къ Уманю и тамъ отдыхалъ, вышедши изъ мѣ-стечка Торговицы, расположеннаго надъ Бугомъ, сильно укрѣп-леннаго валами и хорошо снабженнаго войскомъ и стрѣльбою»⁴⁾. За это дѣло бывший гетманъ Иванъ Виговскій былъ схваченъ полковникомъ Маховскимъ и, не смотря на то, что состоялъ сена-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 150.

²⁾ Называемаго иначе Сулимкой или Сулименкомъ.

³⁾ Очевидно, Виговскій, убѣдившись лично въ безсиліи Польши въ борьбѣ съ Москвой, снова хотѣлъ завести сношенія съ московскимъ царемъ.

⁴⁾ Latopisiec Joachima Jerliesza, Warszawa, 1853, II, 1892.

торомъ Рѣчи-Посполитою, немедленно (послѣ десятичасового суда) разстрѣлять ихъ. Преемникъ Виговскаго Брюховецкій универсаломъ, марта 23 дня, извѣстилъ о гибели Виговскаго «за вѣру христіанскую» ¹⁾.

Марта 24 дня того же года посланцы Ивана Сирка, прибывшіе къ Григорію Косогову, дали новыя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ кошевого противъ Тетери и его союзниковъ. Они сообщали, что Сирку сдался городъ Смѣлый (Смѣла) и что всѣ города по правую сторону Днѣпра, кромѣ Чигирина и Бѣлой-Церкви, были челою государю: что Сирко стережетъ Тетерю у Ольховца ²⁾; что онъ очень нуждается въ помощи и требуетъ къ себѣ Косогова ³⁾.

Косоговъ, получивъ всѣ эти извѣстія, немедленно послалъ къ калмыцкимъ тайшамъ просить у нихъ помощи, потому что самъ попрежнему не имѣлъ рати и терпѣлъ большой недостатокъ въ деньгахъ и съѣстныхъ припасахъ. Только въ концѣ мѣсяца марта онъ двинулся въ помощь Сирку, а послѣ него, вслѣдствіе открывшагося въ Запорожскъ мороваго похѣтрія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, вышелъ на Украину и наказной кошевой атаманъ Санко Туровець, очевидно смѣнивши собой наказного кошевого Пилипчату ⁴⁾.

Самъ Брюховецкій, спустя нѣсколько времени послѣ Глуховскаго дѣла, двинулся изъ Переяслава къ Черкасамъ, откуда имѣлъ пройти къ Чигирину, чтобы добыть тамъ Тетерю съ поляками. Но Тетеря, услыхавъ о движеніи Брюховецкаго, забравъ всѣ войсковыя скарбы и kleймоты, оставленные Богданомъ Хмельницкимъ и его преемниками, а также захвативъ стада и рогатый скотъ, ушелъ съ женой изъ Чигирина въ Брацлавъ и изъ Брацлава въ Польшу, хотя, торжась отходомъ, оставилъ въ Брацлавѣ все еще очень много денегъ и серебра.

Между тѣмъ Брюховецкій, переправившись черезъ Днѣпръ у Сокирной, подступилъ, тотчасъ послѣ праздника Христова Рождесенія, на проходы, къ Чигирину. Но въ это время Тетеря уже успѣлъ собрать татаръ и призвать съ 2.000-ми человекъ конницы польскаго воеводу Стефана Чарнецкаго. Тогда Брюховецкій, встрѣ-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 157.

²⁾ Ольховець—притокъ Гнилого-Тикича, ниже Лисенки.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 156.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 201.

тивъ сильное сопротивленіе подъ Чигириномъ, повернулъ назадъ, по пути сжегъ Черкасы и направился къ городу Каневу, гдѣ у него былъ гарнизонъ).

Тѣмъ временемъ кошевой Сирко сошелся въ городѣ Крыловѣ съ дружиною Григорія Косагова и другими запорожцами подъ начальствомъ наказного кошевого атамана Сашка Туровца и тутъ узналъ о неудачныхъ дѣйствіяхъ Брюховецкаго противъ чигиринцевъ. Вѣсть эта заставила Сирка и Косагова подняться къ городу Бужину, выше Крылова, но ниже Черкасъ и Канева, гдѣ стоялъ Брюховецкій. Но тутъ на Сирка и Косагова напалъ Стефанъ Чарнецкій и между противниками произошелъ, апрѣля 7 дня, жестокой бой, во время котораго польскій вождь лишился многихъ своихъ воиновъ. Послѣ жаркой схватки съ Чарнецкимъ. Сирко на самый день праздника Пасхи ушелъ изъ Бужина въ степь, а Чарнецкій захватилъ Бужинъ и Субботовъ и сжегъ ихъ; въ послѣднемъ онъ выбросилъ изъ могилъ кости Богдана Хмельническаго и сына его Тимоша и сжегъ ихъ на площади ²⁾). Тѣмъ временемъ Сирко, оставивъ Бужинъ, поднялся еще выше по правому берегу Днѣпра и успѣлъ безъ вреда для себя войти въ городъ Черкасы. Чарнецкій послѣдовалъ за отступавшими къ Черкасамъ; онъ обложилъ городъ кругомъ и держалъ его въ осадѣ въ теченіе семи дней и ночей, съ 7 по 13 апрѣля, и подъ конецъ долженъ былъ снять осаду и отступить. Сирко мужественно отбился отъ польскаго полководца, и когда тотъ отступилъ отъ Черкасъ, онъ ушелъ, вмѣстѣ съ Косаговымъ, въ Смѣлу, на лѣвомъ берегу Тясьмина, прямо на югъ отъ рѣки Днѣпра. Въ это время къ Чарнецкому и Тетерѣ подосѣли два татарскихъ сатана, и тогда союзники бросились къ Смѣлой и стали осаждать тамъ Сирка, но въ долину Канустиной потеряли большой уронъ отъ запорожцевъ ³⁾). Въ этой схваткѣ особенно плохо пришлось отъ Сирка татарамъ: они потеряли весь свой скарбъ и побѣжали назадъ въ Крымъ, кто болотами, кто черными. Разбивъ противниковъ у Канустиной долины, Сирко писаломъ, мая 1 дня, извѣ-

¹⁾ Величко, II, 86; Самовидецъ, Кіевъ, 1878, 85.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтописъ, Москва, 1817, II, 74.

³⁾ Въ мѣсяцѣ А. К. Мартоса, Терновѣ, кіевской губерніи, черкаскаго уѣзда.

спилъ о томъ гетмана Брюховецкаго и послалъ ему взятаго языка татарина ¹⁾).

Нужно думать, что къ этому времени относится указаніе польскаго хрониста Ерлича о гибели брата Сирка, неизвѣстнаго по имени: поляки отрубили у убитаго голову и, надѣвъ ее на хоругвь козацкую (*opuszcie chorągwiach*), передали своему воеводѣ съ другими пѣвищиками изъ козаковъ Сирка ²⁾. Оставивъ Смѣду, Сирко и Косаговъ повернули назадъ къ Каменкѣ. Изъ Каменки Косаговъ перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра, гдѣ имѣлъ соединиться съ калмыками и полуполковникомъ Христіаномъ Гоголинхтомъ, ведшимъ изъ Вѣлгорода, по просьбѣ Косагова и по приказу царя, 2.000 человекъ ратныхъ людей на Запорожье. Соединившись съ калмыками и ратными московскими людьми, Сирко и Косаговъ, переправившись съ лѣваго берега Днѣпра на правый, поплы въ Каневъ на помощь гетману Брюховецкому но, не дошедъ до Канева, Косаговъ получилъ, мая 31 дня, подъ Миргородомъ, письмо отъ князя Ромодановскаго, который полуполковнику Гоголинхту въ Каневъ идти не велѣлъ. «А гетманъ стоитъ въ Каневѣ, а войска съ нимъ, государь, немного. А запорожскіе, государь, козаки съ кошевымъ Сашкомъ Туровцомъ и твои великаго государя русскіе люди моего полка съ майоромъ Михайломъ Спичиннымъ, вошли въ Умань въ цѣлости и нынѣ стоятъ въ Уманѣ. А войско запорожское, что при Сашкѣ, и козаки, что при гетманѣ въ заднѣпровскихъ городахъ, и мѣщане и чернь все ожидаютъ ратныхъ русскіхъ людей и калмыковъ на помощь: а съ ляхами и съ ордою и съ наемникомъ Тетерею и съ его козаками бьются и города укрѣпляютъ, ожидая отъ тебя обороны. И говорятъ козаки и чернь, что если къ нимъ ратныхъ людей не будетъ, то имъ самимъ противъ лихого и орды не устоятъ. И я, холощъ твой, слыша то и желая тебѣ службишку свою показать и заднѣпровскихъ людей утвердить, поѣхалъ было къ воеводѣ въ Вѣлгородъ просить его о томъ, чтобы онъ позволилъ Гоголинхту съ полкомъ къ Днѣпру идти. И юня 2 дня приѣхалъ я въ Ахтырку, но воевода Лука Дипуновъ выславъ меня изъ города и на дворѣ, стать не позволилъ, указывая на то, будто бы я приѣхалъ изъ моря; а въ полкахъ за Днѣпромъ и въ запорожскомъ полку, гдѣ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 202, 200.

²⁾ Latopisiec Joachima Jerlicza, Warszawa, 1853, II, 92.

я нахожусь съ ратными людьми. божіею милостію, все здорово; а что въ Запорогахъ объявилось моровое повітріє, о томъ я къ тебѣ, великому государю, изъ Запорожья писалъ и съ твоими ратными людьми изъ Сѣчи вышелъ въ цѣлости. И того жъ числа поѣхалъ я въ черкасскіе города, а къ околыничьему въ Бѣлгородъ не поѣхалъ, и стану я въ черкасскихъ городахъ дожидаться калмыковъ; и если калмыки вскорѣ не придутъ, то я буду промышлять о томъ, чтобы проѣхать къ Уманю въ полкъ, а въ полку моемъ всего 180 человекъ, да и тѣ бѣдны, пати, босы и пѣши, полные же и конные разбѣжались по домамъ, и я о бѣдлыхъ писалъ много разъ къ воеводѣ, но по 3 число не высланъ ни одинъ человекъ; вели, государь, о прибавкѣ ратныхъ людей и о бѣглецахъ учинить указъ». Въ отвѣтъ на это письмо Косаговъ получилъ для раздачи ратнымъ людямъ 786 рублей, 16 алтынъ и 4 деньги, кромѣ того 131 портицъ анбуртскихъ, 69 портицъ лѣтчины да 200 портицъ сукна ¹⁾).

Такимъ образомъ положеніе Сирка и Косагова было болѣе чѣмъ затруднительно. Но тѣмъ не менѣе всѣхъ приходилось наказному кошевому атаману Сашку Туровцу, сидѣвшему въ городѣ Уманѣ. Ему угрожали Павелъ Тетеря и Стефанъ Чарнецкій. Тетеря, взявъ половину татаръ у Чарнецкаго, пошелъ къ Уманю и Дибѣтру, чтобы воспрепятствовать жителямъ уманскаго и брацлавскаго полковъ собрать хлѣбъ въ полѣ за то, что они подались московскому царю. Въ это же время онъ отирашилъ «прелестныя письма» Сашку Туровцу и Остапу Гоголю, брацлавскому полковнику, склонилъ ихъ къ польскому королю. На тѣхъ «прелестныхъ» письмахъ изображены были крестъ Спасителя и ликъ пресвятой Богородицы съ младенцемъ въ знакъ того, что всѣмъ, перешедшимъ на сторону короля, не будетъ причинено никакого зла именемъ Христа и Богоматери ²⁾). Но Сашко Туровецъ пребывалъ вѣрнымъ московскому царю, жители Уманя также не перѣбрали царю; однако, опасаясь нападенія со стороны поляковъ и татаръ, они съ нетерпѣніемъ ждали къ себѣ калмыковъ и русскихъ ратныхъ людей, безъ помощи которыхъ боялись, что не устоятъ противъ своихъ враговъ. Туровецъ со дня на день ожидалъ къ себѣ польскаго воеводу Чарнецкаго съ его союзниками. Но Чарнецкій пока

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 154, 155, 157.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 199.

занять былъ Каневомъ, гдѣ сидѣлъ гетманъ Брюховецкій. Польскій воевода нѣсколько разъ, съ 22 числа, осаждалъ, выѣстъ съ короннымъ хорунжимъ Собѣскимъ, полковникомъ Маховскимъ и гетманомъ Тетерей, городъ Каневъ и нѣсколько разъ отступалъ отъ него и подъ конецъ долженъ былъ совѣмъ покинуть его. Юня 2 дня, оставивъ подъ Каневомъ небольшое число конныхъ людей, Чарнецкій пошелъ къ Корсуню и отъ Корсуни намѣревался идти къ Лысянкѣ, а Навель Тетеря двинулся къ Бѣлой-Церкви. Лысянка привлекала Чарнецкаго потоку, что въ ней стояли два полковника гетмана Брюховецкаго, захватившіе здѣсь обозъ племянника Чарнецкаго. Чарнецкій-племянникъ посланъ былъ своимъ дядей съ поляками и татарами на Умань противъ Сашки Туровца и, сибѣи исполнить приказаніе дяди, оставилъ свои обозы и войсковыя деньги въ Лысянкѣ, а самъ двинулся къ Уманю. Но тутъ на оставленные поляками запасы и деньги напали полковники гетмана Брюховецкаго, Шульга и Стрѣли, поблизи поляковъ, забрали обозы и сами засѣли въ Лысянкѣ. Поэтому-то Стефанъ Чарнецкій и взялъ намѣреніе идти къ Лысянкѣ: отъ Лысянки онъ предполагалъ ударить на Сашку Туровца въ Умань¹⁾. Это было въ самомъ началѣ юня мѣсяца, и чѣмъ кончилось намѣреніе Чарнецкаго, въ точности неизвѣстно, хотя въ относкѣ московскаго воеводы Федора Протасьева около этого же времени къ царю говорится, что польскіе жолѣры отказались идти подъ Лысянку, проси у Чарнецкаго прежде всего денежной платы²⁾. Вѣроятно, ни Лысянка, ни Умань не были взяты Чарнецкимъ: оттого юня 26 дня Навель Тетеря послалъ изъ Бѣлой-Церкви въ Умань къ наказному кошевому Сашку Туровцу двухъ козаковъ, Дермача и Ярошенка, съ собственными листами; но Туровецъ гетманскіе листы взялъ, а козаковъ въ Кіевъ къ гетману Брюховецкому отослалъ. Самъ Чарнецкій въ это же время стоялъ подъ Корсунемъ въ таборѣ³⁾.

Между тѣмъ, Григорій Косаговъ, вернувшись изъ Бѣлгорода, привелъ въ Каневъ, гдѣ стоялъ Брюховецкій, и нашелъ тамъ кошевого Сирка: при Сиркѣ были, кромѣ запорожцевъ, и калмыки. Юня 29 числа гетманъ Брюховецкій отирашилъ изъ Канева Сирка и Косагова съ козаками, ратными московскими людьми и калмы-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи. V, 200.

²⁾ Акты южной и западной Россіи. V, 206.

³⁾ Акты южной и западной Россіи. VI, 85; V, 204.

ками въ Корсунѣ для промысла надъ крымскими и ногайскими татарами и поляками. Идя стенью, Сирко и Косаговъ неожиданно наткнулись, подъ мѣстечкомъ Городищемъ, въ 25 верстахъ отъ Корсуня, на татаръ, шедшихъ изъ Крыма, по найму, въ помощь воеводѣ Чарнецкому. Счастьемъ и промысломъ Сирка, какъ писалъ въ Москву Косаговъ, эти татары были частію побиты, частію забраны въ плѣны, а частію прогнаны назадъ въ Крымъ; одинъ татаринъ, въ качествѣ языка, отправленъ былъ къ гетману, а отъ гетмана—въ Москву. Послѣ этого Сирко взялъ направление на Медвѣдовку и черезъ нее прошелъ въ Чигиринъ, гдѣ захватилъ скарбъ Тетери ¹⁾. Взявъ скарбъ Тетери, Сирко и Косаговъ пошли въ Умань для того, чтобы привести къ Брюховецкому поддѣстриженскихъ полковниковъ, уманскаго, брацлавскаго и калыницкаго, объявившихъ себя подданными московскаго царя, и вмѣстѣ съ ними и гетманомъ идти къ Корсуню противъ Чарнецкаго. Ниже Умани Сирко встрѣтилъ татаръ, шедшихъ на помощь Чарнецкому, побилъ ихъ, сына салтакова взялъ въ плѣны. Въ Брацлавѣ Сирко взялъ оставленные Тетерей деньги и серебро и послѣ этого, соединившись съ полковниками, объявившими себя подданными московскаго царя, повернулъ назадъ къ Корсуню, гдѣ стоялъ воевода Чарнецкій со своимъ таборомъ ²⁾.

Стоя на Терехтемировскомъ перевозѣ, Чарнецкій хотѣлъ-было послать на лѣвую сторону Днѣпра половину своего и татарскаго войска, но татары отказали ему въ томъ, потому что на лѣвой сторонѣ Днѣпра, во многихъ городахъ, стояли московскіе воеводы, а также калмыки и козаки съ кошевымъ атаманомъ Сиркомъ. Татары уже раньше того, во время схватокъ Брюховецкаго съ Чарнецкимъ, высказывали желаніе помириться съ гетманомъ. Къ тому же, самого Чарнецкаго польскій король сталъ отзывать въ Литву, но Чарнецкій пока упорствовалъ, говоря, что онъ, не учиня промысла на Украинѣ, не уйдетъ къ королю ³⁾. Тѣмъ не менѣе, послѣ этого Чарнецкій, оставивъ въ Корсунѣ семь хоругвей ⁴⁾ поляковъ и польскихъ татаръ, самъ поднялся поближе къ польскимъ границамъ и расположился сперва въ Вѣлої-Церкви, имѣя при

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 203.

²⁾ Лѣтопись, Самовидца, Кіевъ, 1878, 86.

³⁾ Акты, V, 157, 203; Самовидецъ, 86; Ригельманъ, II, 76.

⁴⁾ Хоругви—боевая единица, въ родѣ теперешняго батальона.

себѣ одну хоругвь конницы да двѣ тысячи человѣкъ пѣхоты, а потомъ, вышедъ оттуда вмѣстѣ съ Тетерей, сталъ около Брацлава ¹⁾).

Пришедши помочи со стороны крымскихъ татаръ, Чарнецкій изъ Брацлава отправился тайно, съ нѣсколькими всадниками, къ буджацкимъ татарамъ и убѣждалъ ихъ прислать ему 20.000 человѣкъ войска. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался противникъ Чарнецкаго Сирко: онъ атаковалъ часть отряда Маховскаго и самаго полковника заперъ въ Геродицѣ. Но Маховскому во-время подали помочи поляки, возвращавшіеся изъ московскаго похода, и Сирко принужденъ былъ отступить къ Торговицѣ ²⁾).

Царь, узнавъ объ отходѣ Сирка далеко за Днѣпръ, написалъ ему письмо, чтобы онъ соединился съ Брюховецкимъ, стоявшимъ въ Каневѣ, и дѣйствовалъ бы съ нимъ заодно противъ враговъ. Но на это требованіе Сирко отвѣчалъ царю собственнымъ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что онъ готовъ, сколько Богъ всемогущій подастъ ему помочи, радѣть для государя, но къ гетману двинется только тогда, когда отступятъ непріатели, татары и ляхи, ежедневно докучающіе около украинскихъ городовъ.

Въ отсутствіе Сирка приходили «легкимъ дѣломъ» небольшіе люди татаръ. Они переправлялись черезъ Днѣпръ подъ Бужинымъ, проскакали подъ Дубны и Миргородъ. Брюховецкій, услышавъ о томъ, выслалъ противъ нихъ изъ Канева полковника Ермоленка, и татары побѣжали назадъ. Августа 6 числа они снова перевозились на обратномъ пути у Бужина черезъ Днѣпръ. Въ это время плыли вверхъ по Днѣпру своими судами запорожскіе козаки и, увидя татаръ, сдѣлали съ ними бой, во время боя многихъ побили и потопили, трехъ человѣкъ взяли въ плѣнъ и отправили ихъ, въ качествѣ языковъ, къ гетману Брюховецкому. Недобитые татары бѣжали къ Павлу Тетерѣ и Стефану Чарнецкому ³⁾).

Между тѣмъ Сирко, оставивъ Торговицу и усилившись калмыками, прошелъ полями, минуя ляховъ, въ Бѣлогородицу на Буджакъ, разгромилъ тамъ нѣсколько татарскихъ селеній и повернулъ назадъ. Но въ это время, подъ Гареджинымъ, на него напалъ полковникъ Маховскій ⁴⁾ съ татарами, отдѣлившіея отъ Чарнецкаго, и разбилъ калмыковъ: вмѣстѣ съ калмыками погибло и нѣсколько козаковъ. Самъ Сирко съ остаткомъ войска спасся

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 201, 206, 207.

²⁾ Шмидтъ, Исторія польскаго народа, Сиб., 1806, II, 320.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 200, 211, 215.

⁴⁾ По лѣтописи Вилозерскаго Маховскій, Кіевъ, 1856, I, 76.

и ушелъ въ Запорожье и тамъ остался на долгое время ¹⁾. Вѣроятно, въ это именно время къ нему прибылъ, посланный съ Дона, козакъ Максимъ Щербакъ съ листомъ и калмыками, но Сирко не принялъ листа, а послалъ его съ тѣмъ же Щербакомъ и калмыками въ Каневъ къ гетману ²⁾.

Тѣмъ временемъ Григорій Косаговъ, покинутый Сиркомъ, понесъ поражение отъ поляковъ, августа 1 дня, вблизи Корсуня, куда его послалъ гетманъ Брюховецкій, непрежнему стоявшій въ Каневѣ и нигде не двигавшійся. Потерѣвъ поражение, Григорій Косаговъ занесъ жалобу въ Москву на недостатокъ войска и продовольствія; его жалобу поддержали и Сирко. Тогда изъ Москвы сдѣланъ былъ запросъ гетману Брюховецкому о продовольствіи козаковъ и русскихъ ратниковъ. На тотъ запросъ гетманъ Брюховецкій отвѣчалъ, что хлѣбный запасъ онъ аккуратно роздалъ московскимъ ратникамъ и запорожскимъ козакамъ въ Каневѣ, Переяславѣ, Запорожьѣ и Кодакѣ, но что московскіе ратные люди, получивъ хлѣбный запасъ, продали его и сами разбѣжались вонъ отъ службы. Что же касается запорожцевъ, то они должны быть довольны гетманомъ, въ особенности ихъ кошевой атаманъ Иванъ Сирко: «Видитъ Богъ, что онъ отъ меня и отъ войска былъ сытъ; кромѣ другихъ знатныхъ даровъ, я далъ-было ему мельницу и домъ съ заѣвками, также и брату его мельница дана была: не вѣдаю, чего еще отъ меня хотѣть; безчестья и обиды отъ меня никакой нѣтъ» ³⁾.

Также печально было положеніе и третьяго союзника Москвы, наказного кошевого атамана Сашка Туровца, все еще стоявшаго въ Умані.

Сентября 2 дня Сашко Туровецъ отправилъ къ Ивану Брюховецкому посланца Гаркушу и черезъ него сообщилъ гетману, что если онъ не пришлетъ ему въ Умань помощи, то городъ измѣнитъ царю, потому что въ немъ очень мало осталось запорожскихъ козаковъ. Съ Туровцомъ стоялъ и майоръ Михайло Свининъ, у котораго было всего лишь 100 человѣкъ ратниковъ. Но и самъ гетманъ располагалъ такимъ малымъ числомъ войска, что подать помощи Туровцу не могъ ⁴⁾.

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, 86; Акты, V, 217.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 85.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 223—225; Бантышъ-Каменскій, Источники малороссійской исторіи, Москва, 1858, I, 163.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 160.

Въ началѣ сентября мѣсяца стало извѣстно, что Канелъ Тетеря заручился союзникомъ, брацлавскимъ полковникомъ Остапомъ Гоголемъ, вновь передавшимся заднѣпровскому гетману: что Ставища терпѣли осаду отъ Чарнецкаго и татаръ и просили помощи у Сашка Туровца, а Сашко Туровецъ ждалъ помощи отъ Косагова. Самъ Косаговъ въ это время стоялъ въ Каневѣ и жаловался царю на свое бѣдственное положеніе: онъ писалъ о побѣдахъ отъ него ратныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и слободско-украинскихъ ¹⁾; изъ нихъ нѣкоторые, забравъ жалованье и хлѣбъ, бѣжали еще изъ Сичи; другіе уже изъ Канева. Жаловался онъ попрежнему и на недостатокъ продовольственныхъ запасовъ: посланный имъ въ Ахтырку за хлѣбомъ рейтаръ Сукачевъ за одну осмачку муки платилъ 13 алтынь и 3 деньги, да и то мука та не доставлена въ Запорожье ²⁾. Не смотря на все это, царь, пожимая, на сколько опасно положеніе Уманя, приказалъ Григорію Косагову идти въ помощь Туровцу. Косаговъ, октября 21 дня, двинулся къ Уманю, но Чарнецкій и Тетеря, узнавъ о томъ, не допустили его до Уманя, напали на него въ Медвѣдовкѣ и продержали въ осадѣ въ теченіе четырехъ недѣль, дѣлая «жестокіе приступы» къ мѣстечку. Послѣ этого Чарнецкій и Тетеря, видя уронъ въ своихъ людяхъ, отъ Медвѣдовки и Лысянки отступили, а Косаговъ двинулся къ Каневу, но на дорогѣ, декабря 12 дня, подъ Староборьемъ сошелся съ измѣнниками корсунскими черкасами и поляками и побилъ ихъ, послѣ чего пришелъ въ Каневъ: въ Каневѣ онъ сдалъ всѣхъ ратныхъ людей всенодѣ Олелю Протасеву, а самъ уѣхалъ въ Бѣлгородъ ³⁾.

Послѣ отъѣзда Косагова въ Бѣлгородъ положеніе запорожцевъ и ратныхъ московскихъ людей въ Уманѣ стало совсемъ безнадежнымъ. Тогда на выручку имъ гетманъ Брѣховецкій послалъ двухъ полковниковъ, Андрея Богомаза и Ивана Чепеля съ двумя пушками и двумя бочками пороху. Богомазъ и Чепель, прибывъ въ Умань, нашли, однако, городъ уже свободнымъ отъ враговъ, такъ какъ послѣдніе, прослышавъ о движеніи козацкаго отряда, посланнаго Брѣховецкимъ, бѣжали. Жители Уманя сдали городъ пришедшимъ полковникамъ, и послѣдніе освободили запорожцевъ и московскихъ ратныхъ людей изъ тюрьмы, гдѣ они сидѣли закованные въ канда-

¹⁾ Между послѣдними былъ харьковскій сотникъ Лашенко.

²⁾ Акты южной и западной Россіи. V, 160, 161, 163, 164.

³⁾ Акты южной и западной Россіи. V, 165, VI, 170.

лахъ. Освободивъ Умань, Богомазъ и Чепель ушли далѣе противъ поляковъ ¹⁾).

И въ походѣ подѣ Умань, и въ дѣлѣ подѣ Медвѣдовкой и Староборьемъ Косаговъ дѣйствовали одинъ безъ кошевого Сирка. Очевидно, Сирко, вернувшись изъ-подѣ Гараджина въ Сичь, все время оставался въ Запорожьи: онъ былъ недоволенъ на гетмана Брюховецкаго и по этому самому сидѣлъ въ Сичи. Раздоръ у Сирка съ Брюховецкимъ произошелъ, повидимому, изъ за того, что гетманъ вступилъ въ сношенія съ крымскимъ ханомъ, не предупредивъ о томъ кошевого. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Сирко изъ Запорожья ѣздилъ въ Бѣлгородъ и объявилъ воеводѣ города, князю Борису Рѣпинну-Оболенскому, что передъ его отъѣздомъ изъ Сичи прибыли туда одни, а потомъ и другіе посланцы гетмана Брюховецкаго, ѣхавшіе черезъ Запорожье въ Крымъ съ листами и съ предложеніемъ мира отъ гетмана хану. Запорожцы первыхъ посланцевъ отпустили въ Крымъ, а вторыхъ воротили назадъ къ гетману. Изъ Бѣлгорода Сирко вернулся въ Харьковъ и князь Рѣпинъ немедленно сообщилъ о томъ царю. Царь особой грамотой велѣлъ Рѣпинну объявить Сирку, что гетманъ спосился съ Крымомъ не безъ повелѣнія государя и приказалъ вынуть кошевому, чтобы онъ вернулся въ Запороги и служилъ бы по-прежнему государю, промышляя, сколько Богъ поможетъ, надъ неприятелями, а жену бы свою оставилъ, гдѣ захочетъ, въ одномъ изъ городовъ великаго государя. Рѣпинъ сообщилъ содержаніе грамоты Сирку и просилъ его пріѣхать вновь въ Бѣлгородъ. Сирко лично къ князю не поѣхалъ, а вмѣсто себя отправилъ ему письмо, въ которомъ писалъ, что изъ Запорожья въ Харьковъ къ нему прибыло сорокъ семь человѣкъ козаковъ и сообщили ему о грозящей бѣдѣ черкасскимъ городамъ со стороны турокъ и татаръ: въ первыхъ числахъ ноябрю передъ выѣздомъ посланцевъ изъ Сичи запорожскіе козаки захватили на Днѣпрѣ и взяли въ полонъ нѣсколько человѣкъ турокъ и волоховъ, выѣхавшихъ изъ города Аслама на четырехъ судахъ, въ каждомъ суднѣ по тридцати человѣкъ, для добычи на рѣку; тридцать человѣкъ изъ плѣнныхъ козаки оставили на Запорожьи, а трехъ отправили къ гетману Брюховецкому. Въ разспросѣ плѣнные турки показали, что турецкій султанъ помирился на семь лѣтъ съ германскимъ цесаремъ, и было-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 169.

городскіе татары, въ числѣ 5.000 человекъ, пошли въ задніпровскіе черкасскіе города. Декабря 10 дня Сирко, наконецъ, пріѣхалъ и самъ въ Бѣлгородъ изъ Харькова. Явившись къ князю Рѣпину-Оболенскому, онъ объявилъ, что служить великому государю готовъ, но только ѣхать ему безъ государева листа и указа въ Запорожье нельзя: только получивъ государевъ листъ, онъ можетъ вернуться назадъ, да и то точнось нужно объявить о томъ, что ссылка Брюховецкаго съ ханомъ сдѣлана по государеву указу: безъ государева же листа запорожскіе козаки или его убьютъ, или въ Крымъ къ хану отошлютъ: самого гетмана также нужно извѣстить о томъ, что Сирко ѣдетъ въ Запорожье по волѣ царя ¹⁾).

Успокаивая Сирка, царь Алексѣй Михайловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивалъ и гетмана Брюховецкаго: Брюховецкому вѣрно было сказать, что его посланцевъ, отправленныхъ черезъ Запорожье въ Крымъ, запорожцы не пропустили по своему невѣдѣнію: «Запорожцы учинили то невѣдѣніемъ, потому что имъ великаго государя указъ невѣдомъ былъ, и онъ бы, гетманъ, того себѣ ни въ какое сомнѣніе не ставилъ» ²⁾).

Не смотря на всѣ убѣжденія со стороны князя Рѣпина-Оболенскаго вернуться въ Сичъ и по прежнему служить царю, Сирко остался непреклоненъ, и если вернулся изъ Бѣлгорода, то вернулся, какъ можно думать, въ Харьковъ, а не въ Запорожье.

Въ Запорожьѣ въ то время былъ кошевымъ атаманомъ Иванъ Щербина. Въ началѣ мѣсяца ноября онъ написалъ письмо Ивану Брюховецкому и отправилъ его къ гетману черезъ товарищей Сушковскаго, Гулака, Мартына и Романку. Въ этомъ письмѣ Щербина прежде всего извѣщалъ гетмана о взятіи запорожцами «мечомъ» нѣсколько человекъ ушкалъ и объ отправкѣ двухъ изъ нихъ къ гетману въ качествѣ языковъ: потомъ просилъ гетмана доставить въ Сичъ смолы, желѣза и полотна для сооруженія рѣчныхъ струговъ, для чего у многихъ уже и дерево заготовлено и чего всѣ единомысленно ожидаютъ, чтобы, по истеченіи зимы, принятыя за сооруженіе судовъ: далѣе кошевой просилъ гетмана, въ виду отсутствія въ войсковой казнѣ пороха и въ виду замысловъ непріятеля достать «вѣчную столицу» запорожскую, прислать на зиму въ Сичъ запасъ пороху: кромѣ того, просилъ прислать

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 216—218.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 218.

въ сичевую покровскую церковь тріодъ постную, апостолъ и кадильницу, потому что церковь сичевалъ сгорѣла и изъ нея не успѣли ничего выхватить, отчего ни теперь, ни въ предстоящій великій постъ не по чемъ будетъ и службу править; на особомъ листокѣ Иванъ Щербина, черезъ своего пріятеля и товарища, просилъ еще гетмана, если возможно, привезти «съ той стороны» Дибіра жену кошевого, за что обѣщалъ отслужить гетману за его милость. Письмо писано ноября 8 дня, 1664 года, съ Коша на Волькиѣ¹⁾.

Гетманъ, получивши письмо кошевого Щербины, немедленно послалъ въ Сичъ нѣсколько кусковъ полотна на паруса. Но, къ большому сожалѣнію запорожцевъ, это полотно истреблено было пожаромъ и тогда они отправили посланцевъ черезъ гетмана въ Москву съ просьбой выслать имъ тысячу штукъ полотень и сотню бердышей которые нужны были на морскія суда. Отпуская отъ себя запорожскихъ посланцевъ въ Москву въ половинѣ января 1665 года, гетманъ далъ имъ подробную «сиформацию», что и какъ говорить передъ царемъ. Въ этой сиформациіи было сказано, что низовые казаки готовятъ морскія суда, а подонки для тѣхъ судовъ приказалъ изготовить самъ гетманъ, что запорожцы не гуляли даромъ, а разбили на водѣ, у урочища Носоковки, нѣсколько турецкихъ судовъ, высланныхъ изъ городка Тавани подъ Сичъ, и взяли въ плѣнъ 60 человекъ турокъ; изъ коихъ трехъ отправили изъ Коша въ Каневъ для свидѣтельства вѣрной къ царскому величеству службы. На просьбу запорожцевъ и на представленіе о нихъ со стороны гетмана царь приказалъ полотно послать изъ разряда, если они не посланы въ малороссійскіе города, а бердыши — изъ Москвы, а за подвиги запорожцевъ — похвалить ихъ черезъ гетмана²⁾.

Дружелюбныя отношенія запорожскихъ казаковъ къ гетману неожиданно перешли во враждебныя, и въ этомъ случаѣ виновникомъ открывшейся вражды былъ самъ Брюховецкій. Брюховецкій, извѣщая царя о подвигахъ запорожскихъ казаковъ, вмѣстѣ съ этимъ высказалъ мысль о посылкѣ въ Запорожье, въ видѣ постоянныхъ управителей, московскихъ воеводъ; для опыта, онъ совѣтовалъ прежде всего послать воеводу въ городъ Кодакъ. Эту мѣру, т.-е. назначеніе московскихъ воеводъ, онъ хотѣлъ примѣнить и

1) Акты южной и западной Россіи, V, 227.

2) Акты южной и западной Россіи, V, 237, 240.

во всей Малороссіи съ цѣлью усилить и укрѣпить чрезъ нихъ свою гетманскую власть. Царь вполне одобрилъ эту мѣру, и въ Запорожьи отправленъ былъ думный дворянинъ Яковъ Тимофеевичъ Хитрово ¹⁾).

Извѣстіе объ этомъ встрѣчено было въ Запорожьи съ открытымъ негодованіемъ, и когда туда прибылъ вновь посланный для войны съ татарами и поляками Григорій Косаговъ, то онъ встрѣченъ былъ вкрадливо низовымъ войскомъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1665 года Косаговъ писалъ письмо изъ Запорожья гетману Брюховецкому и въ немъ представилъ картину хаотическаго состоянія Запорожья и свое отчаянное положеніе среди запорожцевъ. «Уже раньше этого писалъ я къ тебѣ, государю моему, о нестроении запорожескомъ, о противности запорожцевъ къ тебѣ и о нелюби ихъ къ ратнымъ великаго государя людямъ. И нынѣ, государь, все попрежнему: живу я здѣсь, не зная въ качествѣ чего, невольника или подворца: вѣстей, которыя къ нимъ приходятъ, мнѣ не объявляютъ никакихъ, ни о чемъ со мною о промыслѣ непріятельскомъ не совѣтуются и ходятъ добрымъ людямъ, которые вѣрно служатъ великому государю и хотятъ видѣть твою милость, не позволяютъ. Если не вѣришь мнѣ, то неволь о всемъ томъ разспросить Павла Рябуху и особю товарища его Павляка... Намая, государь, недоброе: первѣе всего запорожцы скинули съ кошеводства Шкуру за то, что онъ приходилъ ко мнѣ и къ воеводѣ Якову Тимофеевичу Хитрово и совѣтовался съ нами о томъ, какъ строить дѣло государя, а также и за то, что калмыкъ не донустилъ громить. А на Шкурнино мѣсто задѣйриане выбрали было злохитраго Ивана Курилова, всѣми единодушно похваляемаго на радѣ за то, что онъ когда-то громилъ казну великаго государя. Но полтавцы и иные тѣхъ городовъ козаки устояли и выбрали... ²⁾ Но ему заказано ко мнѣ ходить и знаться со мною. Другое потъ что: дали Павла Рябуху за то, что онъ казны государевей, посланныхъ въ Крымъ къ хану соборей съ подъячимъ и толмачами, не громилъ: о томъ онъ и самъ скажетъ тебѣ, государю моему, если спросишь его. Третье слѣдующее: послали запорожцы на Кодакъ козаковъ и не велѣли пускать въ него великаго государя московскихъ людей для того, чтобъ задѣйровскимъ измѣнникамъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V. 239.

²⁾ Велѣдствіе порчи письма имя кошевого исчезло.

черкасцамъ, крыловцамъ и другимъ, которымъ безъ Дибира быть нельзя, дорога была чиста Дибиромъ. Боюсь, государь, чтобы измѣнники не были впущены въ Кодакъ замыслами злохитрыхъ людей. Сами кодачане присылали къ войску съ жалобой на недостатокъ борошна (хлѣба) у нихъ и съ заявленіемъ, что если ты выкажешь имъ гнѣвъ и не пришьлешь имъ борошна въ Кодакъ, то они покинутъ его... Марта 1 дня пришелъ въ Сѣчу изъ Перекопа Бутъ, житель Нового-Константинова, но ко мнѣ его для разузнанія вѣстей не прислали и что онъ говорилъ, мнѣ знать не дали. Но марта 2 дня любовью добрыхъ людей я свидѣлся съ тѣмъ Бутомъ и онъ мнѣ сказалъ, что пять недѣль назадъ орда, въ немаломъ числѣ, пошла на Русь... Илько Волошенинъ, идя изъ полоца, видѣлъ ту орду на рѣкѣ Ингульцѣ. Да тотъ же Бутъ говорилъ, что погаи съ улусами выпущенъ изъ Крыма кочевать въ поле и, по однимъ, пошелъ подлѣ Гинного (Азовскаго) моря, а по другимъ, подлѣ Чернаго на Стрѣлищѣ и весною хотятъ идти на нихъ. И я не знаю, какъ мнѣ быть: слыша ихъ дурныя похвалы, опасаясь съ ними (запорожцами) идти, людей же ратныхъ при мнѣ немного, въ походъ съ малымъ числомъ идти опасно, въ городкахъ оставить малое число тоже худо. Былъ у меня небольшой умишка, государь, а нынѣ и тотъ пропалъ отъ большихъ и безпорядочныхъ бѣдствій. Умилоstinивсь, государь мой, и хотя письмами прикази веселить ратныхъ людей московскаго государя, чтобъ они не вопили; и оприбавѣ ратныхъ людей изволь къ боярину князю Борису Александровичу Рѣшнину въ Бѣлгородъ отписать; къ тому жъ ему и указъ великаго государя послать съ приказаніемъ выслать въ Запороги бѣглыхъ людей, и отъ боярина съ тремя посольщиками послано около трехсотъ человекъ ратныхъ людей, но отъ нихъ только одинъ, писанный на бумагѣ, имена дошли, а людей Богъ дастъ,—съ дороги, говорятъ, разбѣжались все, а на Запорогахъ большая надобность, государь, въ ратныхъ людяхъ»¹⁾).

И точно, въ Запорожѣ ощущалась большая нужда въ ратныхъ людяхъ: съ одной стороны угрожала большая опасность городу Кодаку, гдѣ сидѣлъ московскій воевода и на который дѣлали нападеніе, грабя рыбныя снасти и тайно въ него входя, черкасцы, отправлявшіеся за добычей на пороги Дибира; съ дру-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 261, 262.

гой стороны большая опасность была и самой Украинѣ отъ татаръ, которые, вышедъ изъ своихъ степей, бросились на рѣчку Самарь и хотѣли что-нибудь отхватить отъ городовъ, которые надъ Ворсклою рѣкой ¹⁾).

Всему герою могъ бы помочь мужественный и въ военныхъ дѣлахъ опытный Иванъ Сирко, но онъ по прежнему отстранялся отъ дѣлъ и въ концѣ мѣсяца апрѣля, 1665 года, явился къ князю Рѣпинну-Оболенскому съ просьбой о дозволеніи пропустить его зачѣмъ-то въ Москву ²⁾).

На слезную просьбу Косагова царь приказалъ Брюховецкому отдѣлить нѣсколько человекъ ратныхъ людей воеводы Оедора Протасьева и послать ихъ съ полковникомъ Силою Петровичемъ въ Запорожье. Но противъ этого взмолился гетманъ Брюховецкій, просившій много разъ помощи себѣ изъ Москвы противъ татаръ и лиховъ ³⁾).

И просьбы Брюховецкаго были небезосновательны: враги московскаго царя поднимались отовсюду, а отражать ихъ некому было. Такъ, въ это время выступилъ на сцену новый противникъ Москвы, полковникъ Степанъ Опара. Іюня 11 дня 1665 года съ двумя полками заднѣпровскихъ козаковъ да съ татарами онъ подступилъ къ Уманю, взялъ его въ свои руки, запугавъ жителей города именемъ татаръ, и всѣхъ бывшихъ въ немъ еще съ прошлаго года ратныхъ московскихъ людей съ майоромъ Михайломъ Свишлымъ въ плѣнъ побралъ и подъ караулъ отдалъ, а иныхъ и вовсе побилъ ⁴⁾).

Но съ іюня же мѣсяца такое положеніе дѣлъ стало измѣняться къ лучшему: въ это время запорожцы и казмыки (последніе въ числѣ 10.000 человекъ) вышли изъ Сичи и ударились подъ Перекопъ и побили тамъ около 10.000 татаръ, послѣ чего собирались идти въ помощь гетману: въ то же время пришелъ царскій приказъ князю Рѣпинну-Оболенскому отнестись изъ Бѣлгорода въ полкъ двумъ тысячамъ пятистамъ человекъ Григорія Косагова и отвести въ лицахъ въ Запорожье для запаса хлѣбныхъ продовольствій по чети на человека ⁵⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 265.

²⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ, 1665, св. 20, № 23.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 274.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 276.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 283, 284, 289.

Въ началѣ августа въ Сичи оказался уже и самъ Сирко; при немъ было нѣсколько тысячъ человекъ калмыковъ. Гетманъ Брюховецкій, стоявшій въ это время въ Гадячѣ, отправилъ въ Запорожье посланца за калмыками, приглашая ихъ идти къ Гадячу. Калмыки сперва послушались было гетмана, но потомъ, оставшись недовольными на него, вернулись въ Сичь и отсюда, вмѣстѣ съ Сиркомъ и запорожцами, ходили на татаръ. «А то за-для того гнѣвъ узали, же (что) гетманъ Брюховецкій самъ съ ними не поійшоу на войну»¹⁾.

---

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 91.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Поездка гетмана Брюховецкаго въ Москву и статьи, предложенныя имъ царю для Украины и Запорожья. — Выступленіе на сцену противниковъ Брюховецкаго Денякъ и Дорошенка. — Истребленіе Дорошенкою гетмана Опары и сношеніе съ запорожскимъ войскомъ. — Походъ запорожцевъ за Кудальники. — Возвращеніе Брюховецкаго въ Украину и единодушныя неравенствъ къ нему и во всей Москвѣ за введеніе на Украинѣ и Запорожьѣ воеводъ. — Неправда запорожцевъ къ московскимъ ратникамъ, бывшимъ въ Сичи, и удаленіе изъ Запорожья Косагова. — Андрусовское перемиріе между Польшею и Россіей и положеніе запорожцевъ по этому перемирію. — Усиленіе вражды въ Москвѣ и убіеніе русскаго посла въ Запорожьѣ Лодыженскаго. — Слѣдствіе по этому дѣлу въ Сичи и открытіе виновныхъ. — Письмо по этому поводу кошевого атамана Васютенка къ гетману Брюховецкому и преслѣда его исходатайствовать у царя прощеніе низовому войску. — Письмо Брюховецкаго къ царю и мнѣніе его о причинахъ бунта въ Запорожьѣ. — Царская грамота запорожцамъ и отпущеніе ими ихъ вина.

Въ концѣ 1665 года на Украинѣ произошло небывалое дотогѣ событіе — отъѣздъ гетмана въ Москву. Выѣхавъ изъ Батурина въ началѣ сентября мѣсяца, гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій прибылъ въ Москву сентября 14 дня, получилъ тамъ санъ боярина, женился на княжнѣ Долгорукой и пробылъ до декабря мѣсяца этого же года. Во время пребыванія въ Москвѣ Брюховецкій предложилъ для Украины цѣлый рядъ реформъ, выраженныхъ имъ въ восьми добачочныхъ статьяхъ и утвержденныхъ царемъ. Изъ всѣхъ восьми статей самую важную была первая статья. По этой статьѣ всѣ города лѣвобережной Украины отдавались самимъ гетманомъ во власть московскихъ воеводъ:

«Для умиренія частой въ малороссійскихъ городахъ шатости, которая за прошлыхъ гетмановъ на Украинѣ бывала и нынѣ часто за непостоянствомъ малороссійскихъ городовъ разрывается, чтобы Украина съ малороссійскими городами и мѣстами и мѣстечками, и съ слободами, и съ селами, и въ нихъ всякихъ чиновъ жители подъ его царскаго пресвѣтлаго величества и его государскихъ людей благородныхъ государей царевичей и ихъ государскихъ наслѣдниковъ высокодержавною и крѣпкою рукою въ примомъ и

истинномъ подданствѣ стройно пребываючи и обыкновенную должность съ городовъ и селъ въ государеву казну отдаючи, при крѣпкой и отъ непріятелей невредимой оборонѣ государственной вѣчно пребывала; понеже надлежащее и отъ Бога врученное дѣло городами и землями владѣти и оныя заступати монархомъ, а не гетманомъ. А чтобъ Богу и всему свѣту явлю было, что онъ, гетманъ, со всеѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всеѣми малороссійскими городами и съ селами, въ совершенномъ и истинномъ подданствѣ государственномъ нынѣ и впредь вѣчно пребыти хочетъ и что самую истинною монарха своего знати желаетъ, тогда всякіе денежныя и неденежныя поборы отъ мѣщанъ и отъ поселенъ, во всякомъ малороссійскомъ городѣ и селѣ живущихъ, по милосердію государственному разсмотрѣнію, погодно въ казну государеву избирати гетманъ съ войскомъ желаетъ и челомъ бѣтъ, при которыхъ поборахъ денежныхъ, гетманъ же съ войскомъ челомъ бѣтъ, чтобъ примѣромъ иныхъ начальнѣйшихъ малороссійскихъ городовъ и по меньшимъ всеѣмъ городамъ малороссійскимъ кабаки на одну только горѣлку были, которые приходы кабацкіе винные въ государеву казну обрѣтатися имѣютъ; также всякіе размыры хлѣбные, со всеѣхъ мельницъ малороссійскихъ городовъ приходящіе, вкупѣ съ данью медовою, въ волостяхъ малороссійскихъ избиратися обывкою и съ доходами отъ купцовъ чужеземныхъ приходящую, не гдѣ индѣ, токмо въ государеву же казну во всеѣхъ малороссійскихъ городѣхъ доходить имѣютъ»¹⁾).

Въ Москвѣ давно лелѣли мысль о введеніи во всеѣхъ главныхъ городахъ Украины воеводъ и потому царь, жалуя и похваляя гетмана и старшину за сдѣланное ими предложеніе, указалъ послать въ малороссійскіе города государевыхъ воеводъ²⁾. По договору гетмана Богдана Хмельницкаго въ городѣ Переяславѣ, въ 1654 году, московскій воевода допускался только въ одинъ городъ Кіевъ; по договору Юрія Хмельницкаго въ томъ же Переяславѣ, въ 1659 году, бояре допускались въ города Черниговъ, Ніжинъ, Переяславъ, Умань и Брацлавъ. Но какъ при Богданѣ Хмельницкомъ, такъ и при его сынѣ московскіе воеводы были только начальниками надъ московскими войсками, находившимися у нихъ подъ рукою, и потому имѣли значеніе лишь воен-

¹⁾ Полное собраніе государственныхъ законовъ, I, 376, 615.

²⁾ Полное собраніе государственныхъ законовъ, I, 376, 615.

ныхъ властей. По статьѣ же Виговскаго дѣло это существенно измѣнялось и съ этого времени московскіе воеводы забрали въ свои руки административное и финансовое управленіе въ назначенныхъ имъ городахъ Украйны. Число воеводскихъ городовъ, а также и число московской рати при городахъ увеличено. Въ этомъ отношеніи гетманъ занялъ такъ далеко, что даже настоялъ на необходимости послать воеводъ съ московскими ратниками и въ вольное Запорожье, въ городъ Кременчугъ, западной границы его владѣній, и въ крѣпость Кодакъ, у перваго порога этого имени:

«Гетманъ же билъ челомъ великому государю, чтобъ въ Кодакъ быть великаго государя ратнымъ людямъ, чтобъ козакамъ въ Кодакъ одежду послать и чтобъ Кременчугъ укрѣпить и людей поставить, потому что Кодакъ на первомъ порогѣ, а Кременчугъ выше Кодака, и на Запороги пройти будетъ никому не можно, то Запорожье будетъ подъ государскою великою рукою и крѣпкою... Число ратниковъ для Кодака и Кременчуга гетманъ сперва опредѣлилъ по 300 человекъ въ каждый, а потомъ 1.000 человекъ, куда они должны посылаться изъ города Полтавы: «А изъ Полтавы изволилъ бы великій государь посылать въ Запороги своихъ ратныхъ людей по 1.000 человекъ, а послать бы ихъ въ Запороги на весну; а въ Запорогахъ бы быть особому воеводѣ и зимовать въ Запорогахъ: тѣмъ надъ непріятелемъ и промыслъ учинить». Изъ другихъ болѣе мелкихъ вопросовъ, касавшихся Запорожья, гетманъ билъ челомъ о стоящихъ на рѣкѣ Ворсклѣ мельницахъ, идущихъ на низовое войско: обращать-ли ихъ и на будущее время на низовое войско и крѣпость Кодакъ или же на что другое¹⁾).

По новому положенію московскіе воеводы должны были управлять городами, распределять налоги, собирать подати, опредѣлять торговые пошлины, винныя арценды: въ своемъ распоряженіи они имѣли помонщиковъ и особыхъ переписчиковъ: послѣдніе должны были составлять перепись украинскаго населенія и обозначать каждому обывателю долю его повинностей²⁾).

Изъ остальныхъ семи статей, поданныхъ Брюховецкимъ царю, одна, по порядку четвертая, касалась назначенія митрополита въ Кіевъ. Въ этой статьѣ Брюховецкій билъ челомъ царю на томъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 18, 19, 17.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 91.

чтобы государь, въ виду большаго вліянія, которое имѣетъ кievскій митрополитъ на козацкое войско въ Украинѣ, и въ виду шаткости самого войска, прислалъ въ Кіевъ святителя русскаго. На эту статью, впрочемъ, самъ царь отвѣчалъ, что онъ снесется съ цареградскимъ патріархомъ, и если патріархъ подастъ свое благословеніе о Кіевѣ, то на то будетъ государевъ указъ ¹⁾.

Всѣ статьи, поданныя Брюховецкимъ въ Москвѣ, подписаны были пріѣхавшими съ нимъ старшинами и полковниками, между коими было и три лица отъ запорожскихъ козаковъ. «Великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго величества, вѣрнаго низового кошевого запорожскаго войска, вмѣсто Ивана Ляценка, Горбани и Мартына Горба, письма неумѣющихъ, по ихъ прошенію, на сихъ подтвержденныхъ статьяхъ, и ихъ же, товарищъ куренный Захарко Андреевъ руку свою властную приложилъ» ²⁾.

Въ отсутствіи Брюховецкаго, замѣнявшій его обязанности наказный гетманъ, переяславскій полковникъ Данило Ермоленко, получилъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи гетманскихъ козаковъ, отправленныхъ раньше того, въ видѣ залого, въ крѣпость Кодакъ. Въ виду предстоящаго зимняго времени и въ виду того, что все войско, находящееся въ крѣпости, и голо, и босо, полковникъ крѣпости Кодака Харько Кривой просилъ наказнаго гетмана прислать ему борошна, шубъ, сапогъ, шапокъ, холста и нѣсколько десятковъ бочекъ пороху, чтобы было достаточно на зимнее время. Ермоленко могъ только выдать борошно и шубы просителю, но объ остальномъ донесъ Брюховецкому и просилъ его сдѣлать скорѣйшее распоряженіе о томъ, чтобы войско не разбѣжалось изъ Кодака ³⁾.

О самихъ запорожцахъ Ермоленко сообщалъ, что они въ составѣ всего войска съ таборомъ, шхотою и народомъ, подъ начальствомъ Сирка, Косагова и Хитрово, ходили въ поля, на Куяльники, за рѣку Бугъ, и оттуда возвратились въ цѣлости, собираясь снова идти подъ турецкіе городки. О подвигахъ запорожцевъ было доложено царю, и въ концѣ октября мѣсяца, 1665 года, въ Запорожье посланъ былъ стряпчій Иванъ Образцовъ съ запасами ⁴⁾.

¹⁾ Полное собраніе законовъ, I, 376, 619.

²⁾ Рягельманъ, Лѣтописъ, Москва, 1847, II, 89.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 29, 32.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 34, 41, 54.

Но вѣсти съ добрыми вѣстями Данило Ермоленко доносилъ Брюховецкому и вѣсти, весьма непріятныя гетману. Такъ, въ это время объявился на Украинѣ бывшій запорожскій козакъ, потомъ овручскій полковникъ Демьянъ Дешикъ или Дашко: сперва онъ дѣйствовалъ за Брюховецкаго, сражался противъ Дорошенка, татаръ и поляковъ подъ Вѣлою-Церковью и Мотовиловкой, а потомъ бросилъ свой полкъ подъ Кіевомъ, ушелъ къ наказному гетману Данилу Ермоленку въ Переславъ; послѣ этого онъ объявилъ себя гетманомъ Малороссіи въ противность Брюховецкому и былъ признанъ въ этомъ званіи нѣкоторымъ числомъ малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ ¹⁾.

Но этого было мало: въ то же время получена была отъ Ермоленка и другія вѣсти, о появленіи въ заднѣпровской Украинѣ Петра Дорошенка, бывшаго черкаскаго полковника, занявшаго мѣсто Павла Тетери. Послѣдній, убѣдившись въ томъ, что онъ не сможетъ отстоять ни собственнаго гетманства, ни правобережной Украины, добровольно удалился въ Польшу, захвативъ съ собою свое имущество. Дорошенко выбранъ былъ на гетманство на самый Покровъ пресвятой Богородицы и немедленно сообщилъ о томъ черезъ письмо запорожскимъ козакамъ. Въ письмѣ запорожцамъ Дорошенко просилъ низовыхъ рыцарей о утвержденіи его на гетманствѣ, о происхожденіи и пріязни къ нему, какую они оказывали «славно покойному» Богдану Хмельницкому. На то письмо запорожцы съ атаманомъ Иваномъ Величкомъ-Босовскимъ отвѣчали Дорошенку, что они готовы оказывать ему дружбу и признавать его гетманомъ, но только тогда, когда онъ будетъ избѣгать «двухспредной лиги», къ которой стремились три «умоумрачные» предшественника Дорошенка ²⁾.

Предъявляя свои требованія Дорошенку, запорожскіе козаки вовсе не знали ни его характера, ни его политическихъ идеаловъ, ни его истинныхъ чувствъ къ родинѣ. Дорошенко былъ, безспорно, человекъ выдающихся способностей и горячій патріотъ, чуждый саходобія и партійныхъ интересовъ. Это единственный, кромѣ Павла Тетери, изъ всѣхъ гетмановъ, который стоялъ выше личныхъ и сословныхъ интересовъ и желалъ служить съ пользою родинѣ, спасти ее отъ внутреннихъ раздоровъ и поставить на путь

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, II, 96; Акты, VI, 25, 36, 47, 86.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ 1851, II, 98—100.

политической автономіи. Но онъ искалъ для этого совершенно другихъ средствъ, нежели запорожскіе козаки, и выступилъ съ совершенно новыми мыслями, нежели всѣ его предшественники: объявивъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Дорошенко рѣшилъ отдать всю Украину подъ власть турецкаго султана и заключилъ съ нимъ по этому поводу формальный договоръ ¹⁾. Онъ видѣлъ, что Польша не дала счастья Украинѣ, но въ то же время онъ предвидѣлъ, что и отъ Москвы Украинѣ не ждать поправки: онъ полагалъ, что, въ концѣ концовъ, малороссы, имѣющіе одну вѣру и почти одинъ и тотъ же языкъ съ русскими, потеряютъ и тѣнь своей политической независимости и сольются безраздѣльно съ великороссами. Поэтому, если отдаться вмѣсто московскаго царя турецкому султану, то, при разности языка и вѣры, можно разсчитывать, что Украина навсегда сохранитъ свою самостоятельность. Въ этомъ-то Дорошенко и разошелся съ запорожцами, не меньше его любившими свою родину, но видѣвшими залогъ для своей свободы, какъ и вся украинская масса, въ русскомъ царѣ.

Въ отсутствіи Брюховецкаго Дорошенко успѣлъ одолѣть своего противника, назвавшагося гетманомъ правой стороны Днѣпра, Степана Опару. Опара, собравъ около себя партію людей и войско, сталъ дѣйствовать противъ Дорошенка и его союзниковъ, татаръ. Сторонники Опары пытались призвать къ себѣ на помощь реестровыхъ козаковъ, но тѣ отказали имъ и сообщили о томъ крымскому султану, стоявшему въ то время съ ордой подъ Чернымъ лѣсомъ. Султанъ, кромѣ того, перехватилъ письма, которыя писалъ Опара со своими сторонниками Ивану Сирку и брацлавскому полковнику Василю Дрозду, враждебно настроеннымъ противъ Дорошенка и татаръ и державшимся стороны московскаго царя. Въ этихъ письмахъ Опара и его сторонники приглашали Сирка и Дрозда соединиться вмѣстѣ и ударить на татаръ, а послѣ болѣе идти къ Бѣлой-Церкви и другимъ замкамъ, гдѣ у поляковъ оставлены были одиѣ только заложники съ нѣмцами и жолѣрами, и снести и разрушить ихъ. Но крымскій султанъ, перехвативъ письма и не подавая вида о томъ, что онъ узналъ изъ нихъ, написалъ Опарѣ и его сторонникамъ письмо и просилъ ихъ пріѣхать къ нему для совѣта, обороны и цѣлости войсковой. Когда же Опара

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 177.

приѣхалъ со своими сторонниками, то султанъ, показавъ ихъ «измѣнцѣ» (полякамъ и татарамъ), велѣлъ ихъ взять подѣ стражу. Дорошенко выкупилъ Опару у татаръ и отправилъ его, скованнаго за шею и за ноги желѣзными цѣпями, сперва въ Бѣдую-Церковь, а оттуда, сентября 28 дня, черезъ Дубно въ Варшаву къ королю, гдѣ онъ и былъ казненъ ¹⁾). Послѣ этого-то вмѣсто казненнаго Опары и избранъ былъ гетманомъ правой стороны Дибра Петро Дорошенко.

Расходясь въ одномъ, запорожцы и Дорошенко сходились чувствами въ другомъ, а именно въ искренней ненависти къ Брюховецкому, манившему русскаго царя и жадно простиравшему свои взоры къ польскому королю. Замѣнявшій Брюховецкаго наказный гетманъ Данило Ермоленко, узнавши о сношеніяхъ запорожцевъ съ Дорошенко, сообщилъ о томъ Брюховецкому и, получивъ отъ него по этому поводу листъ, отправилъ его вмѣстѣ съ собственнымъ (запорожцамъ въ Сичь. Въ собственномъ листѣ онъ убѣждалъ никовыхъ козаковъ не вѣрить еретикамъ и не сдаваться на ихъ прелесть ²⁾).

Возвратившись на Украину, гетманъ Брюховецкій былъ встрѣченъ здѣсь единодушною ненавистью со стороны простыхъ козаковъ, украинской массы, всего духовенства, въ частности бывшаго друга, но теперь злѣйшаго врага его, епископа Меодія, и въ особенности запороженскихъ козаковъ. Заодно съ Брюховецкимъ объявлена была вражда и русскимъ.

Февраля 6 дня Григорій Косаговъ извѣщалъ царя, что въ Запорожѣ жить ратнымъ людямъ небезопасно и что въ самой Сичи оттого осталось всего лишь 500 человекъ за разбѣдомъ всѣхъ остальныхъ. Извѣстіе Косагова подтверждалъ кievскій воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Онъ писалъ царю, что запорожцы ратныхъ московскихъ людей не любятъ, говоря, будто, по ихъ милости, войску не стало добычи, и хотятъ мириться съ татарами и съ Дорошенко; что всему злу заводчикъ Кирилло Кодацкій и его товарищи, козаки западной стороны Дибра, и что коневой атаманъ Леско Шкура, видя замѣнательство въ Запорожѣ, хотѣлъ-было сложить съ себя атаманство, но козаки

¹⁾ Latopisiec Joachima Jerlicza, Warszawa, 1853, II, 106; Акты. VI, 30, 31, 33.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 28.

упросили его остаться на коневствѣ, хотя своихъ замысловъ не покинули: подѣ конецъ они скинули съ коневства Шкуру за то, что онъ знался съ московскими воеводами Хитрово и Косаговымъ и не позволилъ козакамъ громить калмыковъ, и выбрали въ коншевые Ивана Ждана или Рога.

Рогъ, выбранный въ коншевые и считалъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ въ Запорожѣ и на Украинѣ гетмана Брюховецкаго, написалъ ему укоризненное и нравоучительное письмо:

«Послышали мы, что Москва будетъ на Кодакѣ; но ее тамъ ненадобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честію пожалованъ, но достоинство получилъ отъ войска запорожскаго, войско же не знаетъ, что такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь, вельможность твоя, поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходить, и не знаешь, что кому злой жребій принесетъ; помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мірѣ все привыкло ходить какъ тѣнь за солнцемъ; пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ поръ и тѣнь, и какъ найдетъ мрачное облако, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ вельможность твоя умѣй счастье почитать» ¹⁾.

Гетманъ Брюховецкій съ его проектомъ введенія бояръ на Запорожѣ сдѣлалъ прежде всего то, что поставилъ въ двусмысленное и весьма опасное положеніе московскихъ ратниковъ, находившихся въ Сичи. Когда въ Сичи разнеслась вѣсть о назначеніи московскихъ воеводъ въ Кодакъ и Кременчугъ, то запорожцы открыли свободный доступъ къ себѣ сторонникамъ Дорошенка и стали заводить съ Москвой всякіе заводы ²⁾. Начальникъ московской рати Григорій Косаговъ, не чая для себя ничего хорошаго отъ козаковъ, ушелъ изъ Запорожья, оставивъ даже тамъ 350 бочекъ хлѣба по двѣ, и больше того чети въ каждой бочкѣ ³⁾. Самъ царь, извѣщенный объ этомъ Косаговымъ, ничего ему другаго не велѣлъ дѣлать, какъ только оставить Сичь.

Узнавъ объ отходѣ Косагова изъ Запорожья, гетманъ Брю-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880. XI, 190.

²⁾ Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854. 192, 193.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 159.

ховецкій послалъ спросить о причинѣ этого у кошевого Рога. Рогъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ уклончиво: «Мы и сами надивиться не можемъ, зачѣмъ онъ ушелъ: мы его не выгоняли: мы не измѣнники, какъ онъ насъ описываетъ; не знаемъ, не потому-ли пошелъ, что у насъ куколь починихъ вѣтъ, съ которыми, думаю, на Русь уже наѣхались: войско запорожское государевыхъ людей колоть не думывало, какъ онъ писалъ: а если когда и случалось, что козакъ, напившись, промолвилъ что-нибудь дурное, то блику не загородить рта: пьяный подобенъ воску: что захочетъ, то и слѣбитъ» ¹⁾).

Самъ гетманъ отноди не считалъ себя виновникомъ поднявшихся на Запорожьѣ смутъ и объяснялъ это непостоянствомъ и склонностью къ измѣнѣ со стороны низовыхъ козаковъ.

Отправляя съ поручикомъ Огаревымъ въ Москву нѣсколькихъ холодниковъ и въ числѣ ихъ Деркача, Ярошенка и Щербака, Брюховецкій писалъ царю, что запорожскіе низовые козаки, по подлинной вѣсти, дошедшей на Украину, недоброе что-то думаютъ, а потому онъ, гетманъ, старается хватать и отсылать въ Москву всѣхъ подозрительныхъ на Украинѣ лицъ, могущихъ сдѣлать смуту между козаками. Взятые однако, на допросъ въ Москвѣ, козаки Деркачъ и Ярошенко оказались жителями блочерковскими, посланными еще въ 1664 году Павломъ Тетерей въ Умань къ наказному кошевому Сашку Туровцу съ листами: непринятые Туровцомъ, они отправлены были въ Кіевъ къ гетману Брюховецкому. Въ такомъ же родѣ было дѣло и Щербака: онъ посланъ былъ въ томъ же году съ Дона съ письмомъ и казмышами въ Запорожье къ Сирку, но, не будучи принятъ Сиркомъ, направился въ Каневъ къ гетману ²⁾).

Не довольствуясь этимъ, Брюховецкій, отправляя въ Москву своего посланца, дубенскаго полковника Гамалію, снова повторилъ царю, что запорожцы ненадежны: по извѣстію, присланному гетману стольникомъ Григоріемъ Косаговымъ, они хотятъ измѣнить великому государю и приклониться къ измѣнникамъ черкасамъ и бусурманамъ: что по той вѣсти онъ, гетманъ, наскоро отправилъ своихъ посланцевъ въ Сичь, чтобы собрать тамъ подлинныя данныя о намѣреніяхъ запорожцевъ и уговорить ихъ отъ своего

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 191.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 85.

злого умысла отступить и великому государю вѣрно служить. Сообщая эти вѣсти въ Москву, Брюховецкіи съ тѣмъ вмѣстѣ спрашивалъ царя, какъ ему поступить съ хлѣбными запасами, что на Запорожье должны весной идти.

Царь, похваляя гетмана за его усердіе и рекомендуя ему и впредь уговаривать запорожцевъ отъ ихъ замысловъ отстать и великому государю вѣрно служить, вмѣстѣ съ этимъ далъ такой отвѣтъ, что хлѣбные запасы по веснѣ въ Запорожье слѣдуетъ послать ¹⁾.

Одновременно съ листомъ, отправленнымъ царю, гетманъ отправилъ письмо и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву въ Кіевъ. Воевода Шереметевъ, получивъ вѣсть о намѣреніяхъ запорожцевъ измѣнить Москвѣ, написалъ длинное воззваніе къ низовому войску и малороссійскому народу о сохраненіи вѣрности московскому державному государю. Послѣ обращенія къ украинскому населенію, воевода обращается и къ запорожескимъ козакамъ. Послѣднимъ онъ говоритъ о томъ, что къ нему дошла вѣсть, какъ они, забывъ Бога, православную вѣру и крестное цѣлованіе великому государю, хотять отторгнуться отъ православной вѣры, соединиться съ бусурманами, не желаютъ совѣщаться со стольникомъ Григоріемъ Косаговымъ, не пускаютъ къ нему ни съ какими вѣстями выходцевъ и настаиваютъ на выведеніи изъ Кодака ратныхъ людей государевыхъ. Дивясь полученной вѣсти и не вѣря ни во что это, воевода Шереметевъ говоритъ, что онъ привыкъ видѣть запорожцевъ на службѣ у великаго государя и на стражѣ противъ враговъ царя и православной вѣры. А что касается Кодака и находящихся въ немъ московскихъ ратныхъ людей, то вывести ихъ изъ Кодака никакъ нельзя, потому что Кодакъ—крѣпость и защита всему Запорожью, и если вывести изъ него рать, то непріятелямъ будетъ путь чистъ, а запорожцамъ трудность великая. Посланіе оканчивалось обращеніемъ къ старшему и меньшему товариству вѣрно и безперемѣнно служить царскому величеству и всѣхъ подозрительныхъ лицъ, вносящихъ шатость въ войско, хватать и казнить по своимъ правамъ, чтобы отъ такихъ своевольниковъ какого-либо зла не произошло ²⁾.

Листъ воеводы посланъ былъ въ Сичу съ капитаномъ Иваномъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 86, 87.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 89—93.

Хвощинскимъ и въ то время, когда Хвощинскій былъ въ Сичи, при немъ находились тамъ же посланцы крымскаго хана и гетмана Дорошенка ¹⁾).

Такимъ образомъ на Украинѣ и Запорожѣ поднимались великія смуты и чрезъ это готовился рядъ бѣдствій для жителей, и причиной этихъ смутъ были не запорожцы и не украинцы, а самъ гетманъ Брюховецкій съ его статьей о введеніи въ главныхъ и второстепенныхъ городахъ Украины, а также въ Запорожьи московскихъ воеводъ съ правами административно-экономическихъ управителей страны. Въ этомъ винилъ Брюховецкаго и самъ епископъ мстиславскій Меодій, бывшій другъ гетмана, но теперь жестокий врагъ его за статью о просьбѣ назначенія въ Кіевъ на митрополичью кафедру лица изъ московскаго духовенства. Такъ высказался Меодій въ тайной бесѣдѣ его съ киевскимъ воеводой Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ. Когда Шереметевъ заговорилъ о необходимости послать въ Запорожье къ кошевому и козакамъ листъ и особаго посланца съ цѣлью развѣдки о причинѣ ихъ волненія, то епископъ Меодій на это замѣтилъ, что это дѣло самое надобное, но только надо въ листѣ къ запорожцамъ спросить, отчего у нихъ чинится шатость и не отъ «бояръ-ли-де отъ кого» ²⁾. Очевидно, подъ словомъ «бояръ» Меодій разумѣлъ не иного кого, какъ самого Брюховецкаго, добывшаго себѣ санъ боярина въ бытность въ Москвѣ.

Крайнее недовольство гетманомъ обнаружилось не въ одномъ Запорожѣ: вылетѣ съ этимъ оно обнаружилось и въ городахъ Украины, прежде всего въ Полтавѣ, потомъ Переяславѣ, Миргородѣ и другихъ городовъ: «Въ Запорогахъ и въ Полтавѣ начала быть шатость великая, потому что запорожцы и полтавцы и всѣхъ малороссійскихъ городовъ полковники, старшина, козаки и духовенство боярина-гетмана не любятъ за то, что онъ началъ дѣлать своеправствомъ»... Всѣхъ больше волновались полтавцы: «Запорожцы съ полтавцами живутъ совѣтно, что мужъ съ женой» ³⁾. Такъ заявлялъ объ этомъ тотъ же епископъ Меодій киевскому воеводѣ Шереметеву. Самъ же гетманъ передавалъ московскому дьяку Фролову, что виновники всему запорожцы, черезъ которыхъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 151.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 96.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 98, 99, 104.

на Украинѣ объявилось много своевольниковъ, охотныхъ къ бунтамъ и шарпаннѣ, лѣнивыхъ до черныхъ работъ: по замысламъ запорожцевъ своевольники поднимаютъ смуты и объявляютъ вражду къ гетману-боярину; отъ запорожцевъ все зло происходитъ; ими же руководитъ одна страсть—какъ бы побольше людей разорить и, на шарпаннѣ чужого добра, всякому бы старшинства настичь; въ Запорожье попало много козаковъ отъ голода изъ-за Днѣпра, и тамъ теперь бунты всякіе затѣваются: бунтуются и переславцы, которые хотятъ идти на Запорожье и оттуда на гетмана ударить, и государевыхъ людей, которые изъ Переславѣ живутъ, злодѣями и жидами зовутъ ¹⁾).

Объявляя обо всемъ этомъ въ Москвѣ, дякъ Фроловъ не скрылъ и того, что гетманъ-бояринъ, недовольный на кіевского полковника Василя Дворецкаго за согласіе его съ духовенствомъ, протестовавшимъ противъ назначенія въ Кіевъ митрополитомъ изъ московскихъ владыкъ, хотѣлъ послать Дворецкаго въ Запорожье съ видимою цѣлью, чтобы онъ уговорилъ козаковъ прекратить шатости, но съ тайной, чтобы козаки расстрѣляли или убили его въ Сичи ²⁾).

Возникшая вражда между низовымъ войскомъ и гетманомъ-бояриномъ была какъ разъ въ руку врагамъ послѣдняго. Пользуясь всеобщимъ недовольствомъ на Брюховецкаго, гетманъ правой стороны Днѣпра Петро Дорошенко и поляки всѣ силы употребляли на то, чтобы привлечь на свою сторону запорожцевъ и съ ними ударить на Брюховецкаго. Такъ, іюля 15 дня польскій комендантъ Жебровскій писалъ изъ Чигирина въ Бѣлую-Церковь коменданту Яну Стахорскому, что гетманъ Петро Дорошенко «уже началъ гораздо къ доброму съ запорожцами» ³⁾). Письмо это попало въ руки Брюховецкаго и онъ немедленно сообщилъ объ этомъ царю, прося государя поторопиться присылку воеводы Сафонова съ ратными людьми въ Запорожье, чего онъ раньше такъ настойчиво добивался, чтобы воевода своимъ скорымъ приходомъ «могъ зайти тѣмъ запорожскихъ козаковъ злымъ замысломъ».

Питая искреннюю вражду къ Брюховецкому, запорожцы, однако, на этотъ разъ на столько владѣли собою, что пока не высказы-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 101, 103, 97, 102,

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 104.

³⁾ Акты, южной и западной Россіи, VI, 118.

вали открыто своихъ чувствъ къ нему. Такъ, когда гетманъ узналъ о смутахъ въ Запорожьи и отправилъ туда своихъ посланцевъ съ подарками для войска и съ тайнымъ наказомъ раззнать настроеніе войска, то козакъ послалъ гетману письмо съ увѣреніемъ своей дружбы къ нему и съ приложеніемъ «прелестныхъ» листовъ Дорошенка къ пизовому войску. Письма отправлены были гетману особыми посланцами войска, при которыхъ находился и пойманный татарскій языкъ. Гетманъ, получивъ письмо запорожскаго войска, «прелестные» листы Дорошенка и татарскаго языка, послалъ ихъ въ Москву. Посылая же листы Дорошенка и запорожское письмо, Брюховецкій добавилъ отъ себя, что, не смотря на дружелюбный тонъ запорожцевъ, онъ все же мало вѣритъ въ ихъ мирное настроеніе, потому что между ними немало живетъ козаковъ западной стороны Днѣпра. И это тѣмъ болѣе, что Дорошенковыхъ посланцевъ запорожцы вовсе не прислали къ гетману, а отпустили съ листами и съ честью въ Чигиринъ и въ слѣдъ за ними послали и собственныхъ пословъ туда же. Сами посланцы Брюховецкаго, бывши въ Запорожьи, слышали тамъ, что козакъ нарекаютъ на дворянъ и на полковниковъ и на самого гетмана похвалки дѣлаютъ: что они послали въ Полтавину 200 человекъ товарищей, чтобы изловить гетмана и причинить ему зло: что эти 200 человекъ находятся въ городѣ Бѣликахъ полтавскаго полка и что гетманъ черезъ то нигде не выходитъ изъ Гадяча, но съ запорожцами старается ладить, почему, согласно царскому указу, отослалъ имъ хлѣбныя запасы, вино и крупу, но все же проситъ царское величество поскорѣе отправить въ Запорожье воеводу Петра Сафонова съ ратными людьми для того, чтобы въ Запорогахъ дурна какого не случилось.

Помимо этой просьбы, Брюховецкій просилъ также царя прислать на Украину для обороны отъ наступающихъ непріятелей ратныхъ государевыхъ людей и увѣдомлялъ его о томъ, что онъ держитъ при себѣ два полка, не распуская ихъ по домамъ, пѣхотный полкъ Ивана Щербины и конный полкъ Дмитрия Райча, потому что козакъ этихъ полковъ на лѣвомъ боку Днѣпра не имѣютъ своихъ домовъ и потому что чрезъ это можно предупредить всякіе бунты на Запорожьи¹⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 134, 136, 153.

Царь, получивъ всѣ эти вѣсти отъ гетмана, отправилъ, августа 9 дня, изъ Москвы въ Кіевъ жильца Іону Леонтьева для объявленія приговора надъ бунтовщиками города Переяслава, и для разузнанія положенія дѣлъ въ Запорожьи. Относительно Запорожья царь далъ послу такую инструкцію: боярину-гетману писать отъ себя въ Запороги къ кошевому атаману Иддану-Рогусъ козаками и укрѣплять ихъ всѣми мѣрами, чтобы они ничего дурного не затѣвали, а чинили бы промыселъ надъ непріятелями¹⁾.

Пріѣхавъ, въ самомъ концѣ августа мѣсяца, на Украину, Іона Леонтьевъ свидѣлся съ гетманомъ Брюховецкимъ и между другими статьями данной ему инструкціи коснулся и запорожцевъ. Но, къ удивленію Леонтьева, Брюховецкій отвѣтилъ, что запорожцы вѣрно служатъ великому государю и шатости отъ нихъ онъ никакой не чаетъ: въ недавнихъ числахъ они ходили изъ Запорожья на крымскіе улусы и, помощью божіей, а счастьемъ великаго государя, крымскіе улусы удачно повоевали и полона много набрали. Изъ другихъ потомъ свѣдѣній оказалось, что запорожцы ходили къ Очакову и крымскимъ татарамъ къ Стрѣльницѣ, среди самого лѣта, въ іюлѣ мѣсяцѣ: они отбили много коней, рогатаго скота, взяли 1.150 человекъ мусульманъ въ плѣнъ и освободили 150 человекъ христіанскихъ невольниковъ. Но Іона Леонтьевъ замѣтилъ, что государю стало извѣстно, будто запорожскіе козаки очень «крамолятся» за вновь наложенныя на малороссійскихъ жителей подати и будто бы они посылали пословъ къ полякамъ бить челомъ и просить у нихъ прежнихъ вольностей, и поляки приняли запорожскихъ пословъ и одарили ихъ великими подарками. На это гетманъ Брюховецкій отвѣчалъ, что запорожскимъ козакамъ «крамолиться» за малороссійскія подати никакого нѣтъ основанія, такъ какъ это дѣло вовсе ихъ не касается; да къ тому же новыхъ податей совсѣмъ не наложено на украинцевъ; а посылали-ли запорожцы своихъ пословъ къ полякамъ, того гетманъ не знаетъ, хотя возьметъ немедленно мѣры къ тому, чтобы дознать и сообщить о томъ великому государю²⁾. Отписывая царю черезъ Іону Леонтьева, гетманъ Брюховецкій о причинѣ шатости въ Запорожьи говорилъ, что вся бѣда произошла въ то время, когда онъ, гетманъ, находился въ Москвѣ, и вызвана она была воеводой Федоромъ Протасьевымъ и другими

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 141.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 144, 145, 150, 151.

начальниками надъ московскими ратными людьми: они допускали неправды, обиды, утѣсненія, насилія и невыносимыя бѣдствія жителямъ, и жители, покидая свои дома, женъ и дѣтей, уходили въ Запорожье и тамъ поднимали смятеніе и бунты. Кромѣ того, причиною бунта въ Запорожьѣ былъ и епископъ метелавскій Меодій, который, возвращаясь изъ Москвы, гдѣ былъ у великаго государя (по дѣлу Никона), и ѣдучи черезъ Бѣлгородъ, бросалъ мятежныя слова между людьми. Но теперь, однако, милостію божіею и счастьемъ государя въ Запорожьѣ обстоитъ все тихо и спокойно¹⁾.

Было-ли это въ самомъ дѣлѣ такъ, или въ такомъ отвѣтѣ со стороны Брюховецкаго крылась какая-нибудь политика въ отношеніи Запорожья, это неизвѣстно. Но извѣстно то, что гетманъ, чувствуя себя не безопаснымъ по пріѣздѣ изъ Москвы на Украину, окружилъ свою особу тѣлохранителями изъ сотни московскихъ людей и отряда запорожескихъ козаковъ.

Не смотря на это, тучи, нависшія надъ головой Брюховецкаго, все болѣе и болѣе сгущались, и народное негодованіе противъ гетмана за московскихъ бояръ уже начало выходить изъ предѣловъ: тѣмъ болѣе, что и сами болѣе вели себя слишкомъ предосудительно на Украинѣ. Такъ, полтавскій воевода Яковъ Хитрово отнималъ у козаковъ лошадей, выгонялъ ихъ въ шею изъ своего дому, выбивалъ имъ глаза тростью и плевалъ въ нихъ, отнималъ луга и сѣнокаты, обременялъ заслуженныхъ козаковъ квартирами для своихъ людей, себя величалъ «набольшимъ человекомъ», а всѣхъ козаковъ ругалъ «подчортами». У самихъ запорожцевъ воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ велѣлъ отнять мельницы въ разныхъ мѣстахъ полтавскаго полка, не смотря на давно установившійся обычай, по которому взимаемые хлѣбные сборы со всѣхъ козацкихъ и мѣщанскихъ мельницъ въ Полтавѣ и ся уѣздѣ «во все годы» отправлялись на запорожское войско²⁾. Такія же жалобы раздавались со стороны украинскаго населенія и на другихъ московскихъ воеводъ³⁾. И въ это самое время росла популярность противника Брюховецкаго, заднѣпровскаго гетмана Петра Дорошенка.

Но все же негодованіе народное сдерживалось въ извѣстныхъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 149.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 132, 181, 193.

³⁾ Величко, Лѣтопись, II, 96; Самовидецъ, 47; Грабника, 190.

границахъ до тѣхъ поръ, пока не произошло обстоятельство, которое подняло все населеніе козацкое какъ на Украинѣ, такъ и на Запорожѣ на поги. Это заключеніе, въ январѣ мѣсяцѣ, 1667 года, такъ-называемаго андрусовскаго перемирія между Россіей и Польшей. По этому перемирію лѣвобережная Украина оставалась подъ властью Москвы, правобережная доставалась Польшѣ, за исключеніемъ города Кіева, который переходилъ къ Москвѣ только на два года, а потомъ снова долженъ былъ отойти къ Польшѣ. По соглашенію между русскимъ царемъ и польскимъ королемъ рѣшено было извѣстить турецкаго султана и крымскаго хана о состоявшемся польско-русскомъ перемиріи и пригласить ихъ примкнуть къ мирному союзу. Въ нактахъ этого договора было два пункта, которые касались и запорожескихъ козаковъ: въ одномъ изъ нихъ было сказано, что «тамашніе козаки, живущіе по островамъ и сѣдницамъ и остающіеся въ оборонахъ, должны оставаться въ послушенствѣхъ подъ обороною и подъ высокою рукою обоихъ великихъ государей для услуги противъ наступающихъ бусурманскихъ войскъ». Въ другомъ пунктѣ было сказано, что запорожцы должны помогать русскому и польскому государямъ въ томъ случаѣ, когда крымскій ханъ откажется соблюдать пріязнь къ Россіи и Польшѣ послѣ объявленія ему черезъ особыхъ пословъ о состоявшемся андрусовскомъ перемиріи ¹⁾. Козацкіе послы не были приглашены въ Андрусово и только послѣ заключенія перемирія Украина и Запорожье узнали объ этомъ черезъ посланнаго февраля 12 дня къ гетману Брюховецкому стольника Ивана Теленнева.

Вѣсть объ этомъ какъ громомъ поразила всѣхъ на Украинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, безъ воли и безъ объявленія народу Украина раздѣлялась на двѣ части, и въ одной вводились польскіе порядки, въ другой—воеводское управленіе. Безъ согласія и безъ извѣщенія козаковъ Запорожье объявлялось сразу и въ зависимости отъ Польши, и въ подчиненіи Россіи. Конечно, и отъ украинцевъ, и отъ запорожцевъ нельзя было ожидать ничего хорошаго послѣ объявленія объ андрусовскомъ перемиріи, и уже самъ гетманъ Брюховецкій заявилъ стольнику Теленневу, что въ Кременчугѣ и въ Кодакъ нужно ввести ратныхъ московскихъ людей, лишить запорожцевъ хлѣбныхъ подвозовъ и избавить Запорожье отъ многолюд-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 107, 121, 130.

ства, потому что отъ запорожцевъ нужно ожидать большого возмущенія ¹⁾).

Не довольствуясь этимъ, Брюховецкій отправилъ въ Москву особаго посланца, Александра Селецкого, и черезъ него сообщалъ, что онъ всячески уговаривалъ запорожцевъ, посылалъ имъ всякіе подарки, къ доброму дѣлу, а главное, къ тому, чтобы жили въ добромъ совѣтѣ и братской любви съ московскими ратными людьми, не только въ этомъ помѣхой служить ему епископъ Меодій, черезъ котораго и проливается вся негншая кровь христіанская на Украинѣ, и лучше было бы, если бы онъ жилъ гдѣ-нибудь подалеже отъ Украины, въ особенности же отъ Запорожья. Епископъ Меодій еще въ прошломъ году, когда ѣхалъ изъ Москвы на Украину, наговаривалъ генеральнаго войскового судью Петра Забѣлу, чтобы онъ послалъ въ Запорожье своего сына, конечно, не на добро какое-нибудь, а на то, чтобы тотъ поднялъ бунты и своеволие. Но онъ, гетманъ, понималъ все коварство епископа, сыну Забѣлы въ Запорожье идти запретилъ, говори, что его отецъ и состарился, а въ Запорожьѣ не бывалъ, и все свои приемылиги добывалъ у польскаго короля. Не слушаясь этого, Забѣла-отецъ все-таки хотѣлъ своего сына въ Запорожье послать, и «на то Забѣлино лукавство гетманъ молить скораго великаго государя указа», а въ концѣ просьбы, для лучшей вѣрности, прилагаетъ листъ, какой писалъ Забѣлѣ сынъ, и снова молить не позволять епископу видѣться съ запорожцами въ Москвѣ, потому что онъ наговариваетъ ихъ на всякое зло и жалуется имъ, будто бы бояринъ-гетманъ лишаетъ его по прежнему «всякихъ кормовъ» ²⁾).

Но не смотря на все мѣры, принятыя гетманомъ, не смотря на все заискиванія его передъ запорожцами, народное движеніе не было остановлено. Оно началось съ запорожцевъ. По условію между московскимъ царемъ и польскимъ королемъ нужно было о состоявшемся польско-русскомъ договорѣ извѣстить турецкаго султана и крымскаго хана. Для этого отправленъ былъ изъ Москвы стольникъ Ефимъ Лодыженскій; его сопровождали подъячій Скворцовъ съ товарищами и солдатами и крымскій гонецъ Магометъ-ага съ 20 татарами. Послы выѣхали изъ Москвы въ концѣ мѣсяца марта, 1667 года, везя съ собою въ Крымъ большую казну, по-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи VI, 174.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 177, 178.

дарки и разныя вещи. Пройдя благополучно города средней и южной Россіи, послы, апрѣля 3 дня, прибыли къ Переволочной и переправились съ лѣваго берега Днѣпра на правый, а 4-го числа, того же мѣсяца, стали на рѣчкѣ Омельникѣ, въ 15 верстахъ отъ Днѣпра. Тутъ къ нимъ пристали около 150 человекъ запорожскихъ козаковъ, зимовавшихъ въ малороссійскихъ городахъ, съ старшиною Гайчукомъ и асауломъ Хвесинкомъ, и, переночевавъ, поили на другой день вмѣстѣ. Пройдя нѣсколько времени степью, запорожскіе козаки вдругъ отделились отъ пословъ, захвали впередъ и остановились въ урочищѣ Первой Пришиби, у рѣчки Базавлука; скоро въ это же урочище прибыли и послы. Было около шести часовъ дня. Тутъ козаки внезапно бросились на Магометъ-агу, убили его самого и 13 человекъ его товарищей татаръ, забрали ихъ имущество, лошадей и служилую рухлядь. Спаслись отъ смерти только 7 человекъ служилыхъ Магометъ-аги съ двумя лошадьми, бѣжавъ къ Лодыженскому. Послѣ этого, апрѣля 8 дня, московскій посолъ прибылъ въ Сичъ и объявилъ кошевому Ивану Рогу обо всемъ случившемся въ пути; посолъ требовалъ отыскать виновныхъ въ убійствѣ Магометъ-аги, а для себя лично просилъ дать провожатыхъ доѣхать до перваго крымскаго городка Шекермена. Кошевой отвѣчалъ, что все это случилось безъ его вѣдома и что хотя тридцать человекъ изъ тѣхъ пятисотъ козаковъ и прибыли въ Сичъ съ атаманомъ Иваномъ Сохой, но они объявили о своей непричастности къ дѣлу. Послѣ этого апрѣля 10 дня запорожцы собрали раду и на радѣ отобрали у русскаго посла всѣ грамоты, наказъ, казну, подарки и жалованье боярину Василию Борисовичу Шереметеву и посланнику Якову Якушкину, задержавъ все это у себя подъ тѣмъ предлогомъ, что послы не имѣютъ при себѣ ни царскаго указа, ни грамоты малороссійскаго гетмана. Тогда Лодыженскій отправилъ отъ себя въ Москву рейтара Некрасова съ запросомъ, куда ему идти дальше, т.-е. вернуться-ли назадъ или продолжать путь, а самъ остался въ Сичи до царскаго указа.

Царь, получивъ извѣстіе о всемъ происшедшемъ съ Лодыженскимъ, немедленно отправилъ къ Брюховецкому стольника Василія Кикина и черезъ него приказалъ гетману отправить самыхъ вѣрныхъ и досужихъ козаковъ въ Сичъ и крѣпко-накрѣпко велѣть кошевому Идану-Рогу и всему войску, не мѣшая, сдѣлать подлинный розыскъ прежде всего о томъ, связались-ли запорожцы съ Дорошенкомъ, присягавшимъ на вѣрность хану, и если связ-

жались, то для какихъ именно дѣлъ; а затѣмъ разузнать, не эти-ли самые воровскіе козаки, что съѣзжались съ Дорошенкомъ, или не присланные-ли самимъ Дорошенкомъ козаки и убили крымскаго гонца Магометъ-агу съ товарищами. Изъ убійцъ и заводчиковъ, если они будутъ пойманы, царь приказывалъ болѣе виновныхъ казнить смертію, по своему указу и по стародавнимъ войсковымъ правамъ, а другихъ, менѣе виновныхъ, наказывать, кто чего стоитъ, въ присутствіи посла Ефима Лодыженскаго и оставшихся въ живыхъ крымскихъ людей: имущество же татаръ отыскать и воз-вратить имъ по принадлежности, чтобъ у царя чрезъ то съ крым-скимъ ханомъ Адиль-Гераемъ не было ссоры и нелюбви никакого. Самого же посла Ефима Лодыженскаго и подьячаго, отдавъ имъ царскую казну, письма и рухлядь, отпустить съ крымскими людьми и съ провожатыми до перваго крымскаго города Шекерменя, чтобъ дойти имъ въ цѣлости до Крыма ¹⁾.

Гетманъ по царскому указу отправилъ въ Сичь полкового асаула Оедора Донца съ товарищемъ и приказалъ ему сдѣлать розыскъ объ убійствѣ крымскаго гонца и сообщить московскому послу волю царя.

Между тѣмъ, въ Сичи передъ этимъ временемъ, а именно мая 12 дня, на радѣ лишили кошевитя атамана Идана-Рога и вмѣсто него выбрали атаманомъ Остана Васютенка, называемаго иначе Чемерисомъ, т.-е. польскимъ татаринкомъ. Во время рады Иданъ-Рогъ объявилъ козакамъ, что надо отыскать убійцъ крымскихъ гонцовъ. Но на это козаки возразили ему, что искать ихъ не для чего, потому что рухлядь мурзы и теперь у него, Идана-Рога, въ куренѣ, въ доказательство чего тотъ же часъ вынули изъ его курени мурзинны лукъ, сагайдачное дубье и шапку-мисюрку. Иданъ-Рогъ на это отвѣчалъ, что лукъ и мисюрку ему принесли въ подарокъ козаки, не сказавъ того, гдѣ они взяли ихъ ²⁾.

Получивъ отъ царя указъ о продолженіи дальнѣйшаго пути, Лодыженскій потребовалъ у запорожцевъ казну и документы и мая 15 дня, часу въ пятомъ вечера, выѣхалъ изъ Чортомлыцкой Сичи на лошахъ, въ сопровожденіи сорока человекъ козаковъ ³⁾ и новаго кошевого атамана, Остана Васютенка. Посоль напра-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 178—180.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 184, 199.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 184.

вился отъ Сичи вверхъ Днѣпромъ, предполагая, проплывъ 5 верстъ, высадиться на лѣвый берегъ Днѣпра и идти берегомъ рѣки въ крымскіе городки, а лошадей своихъ отправилъ прапорщикомъ Пилкинымъ съ 30 рейтарами да съ семью козаками особо до Каменскаго перевоза, отстоявшаго на 7 верстъ выше Чортомлыцкой Сичи. Спустя полчаса послѣ того, какъ посолье вышло въ открытый Днѣпръ, 500 человекъ козаковъ разныхъ куреней, сѣвъ въ лодки и забравъ съ собой ружья, также вышли въ слѣдъ за нимъ подъ начальствомъ козака Страха; они заѣхали впередъ Днѣпромъ и стали въ Скарбномъ; когда же посолье отошелъ версты двѣ отъ Сичи, то козаки внезапно напали на него и принудили пристать со всеми государевыми людьми и татарами къ берегу рѣки. Вытащивъ изъ судовъ на берегъ самого посла, его товарища подьячаго Сковрцова, государевыхъ людей, переводчиковъ, толмачей и семь человекъ татаръ, козаки поснимали съ нихъ платье и сорочки и, ставъ противъ нихъ съ пищалями, заставили ихъ побросаться нагими съ кручи въ Днѣпръ. Когда же посолье и всѣ люди его бросились въ Днѣпръ, то козаки начали по нимъ стрѣлять изъ пищалей, самого посла застрѣлили на водѣ, такъ что онъ тамъ же, въ Днѣпрѣ, и пошелъ ко дну, а подьячій Сковрцовъ, переводчикъ Снетинъ, прапорщикъ Переверзевъ, солдаты, люди болгарскіе и посольскіе татары поплыли вверхъ за Днѣпръ; но козаки, бросившись за ними въ лодкахъ, стали стрѣлять по нимъ и убили переводчика Светина, пять человекъ солдатъ, четырехъ татаръ и двухъ посольскихъ людей, а у Сидора Сковрцова разбили голову, разѣкли вѣсломъ кожу во многихъ мѣстахъ ея, и, считая его неживымъ, бросили за мертвое на берегу рѣки, послѣ чего, забравъ казну и имущество посла, скрылись. Придя въ себя, Сковрцовъ съ уцѣлѣвшими прапорщикомъ Переверзевымъ, солдатами, болгарскими дѣтьми и однимъ татаринкомъ, которые вышли на берегъ Днѣпра, пришли наги къ козакамъ въ Сичу и отсюда отпущены были съ рейтарами, стоявшими въ таборѣ, въ Полтаву. Изъ татаръ, кромя одного, вернувшагося въ Сичь, два успѣли сѣсть на коней и ускакать къ крымскимъ городкамъ. Посланные же рейтары и козаки съ прапорщикомъ Пилкинымъ къ Каменскому перевозу были ограблены и лишены всѣхъ лошадей, но оставлены въ живыхъ. Въ тотъ же день, часа за три до вечера, къ рейтарамъ, стоявшимъ въ таборѣ возлѣ Сичи, пришли войсковою судья и войсковою асаулъ, объявили имъ съ плачемъ объ убійствѣ Подьячен-

скаго и высказали опасеніе, чтобы и рейтарамъ не было того же. Послѣ этого, за часъ передъ вечеромъ, вернулись назадъ и тѣ козаки, разныхъ куреней, которые ходили въ слѣдъ за Лодыженскимъ на Днѣпръ. Выслушавъ страшную вѣсть, государевы рейтары снялись съ табора и ночью бѣжали въ степь.

Объ убійствѣ Лодыженскаго прислано было извѣстіе отъ новаго кошевого атамана Остапа Васютенка въ Гадячъ къ гетману Брюховецкому, а оттуда черезъ стольника Кикина стало извѣстно и царю. Царь послалъ новый указъ гетману и приказалъ ему сдѣлать розыскъ о всѣхъ заводчикахъ кроваваго дѣла. Кикинъ, свидѣвшись съ гетманомъ, узналъ отъ него, что виновниками убійства крымскихъ гонцовъ были атаманъ Гайчукъ изъ Тысянки и асаулъ Хвесикъ изъ Чигирина, но по Дорошенкову-ли они наказу дѣйствовали, гетману не было извѣстно, виновникомъ же убійства самого посла гетманъ считалъ бывшаго кошевого Ждана-Рого, который сдѣлалъ это «для бездѣльной борысти своей и грабежа». Въѣтъ съ этимъ Кикинъ узналъ отъ гетмана и то, что Дорошенко постоянно ссылается съ запорожцами и съ кошевымъ атаманомъ и склоняетъ ихъ къ союзу съ собою, и гетманъ опасается, какъ бы Дорошенко въ своихъ проекахъ дѣйствительно не имѣлъ удачи. Но на самомъ дѣлѣ на предложеніе Дорошенка только нѣкоторые изъ запорожскихъ козаковъ изъявляли свое согласіе: другіе же отвѣчали тѣмъ, что отложиться имъ отъ московскаго царя нельзя, хотя всѣ въѣтъ говорили, что они пойдутъ выгонять всѣхъ государевыхъ русскихъ людей изъ малороссійскихъ городовъ ¹⁾.

Вѣсть объ убійствѣ царскаго посла скоро раснеслась по всѣмъ окраинамъ Запорожья и отразилась главнымъ образомъ въ пограничныхъ оренскихъ городкахъ, какова была въ особенности Кишенка: въ Кишенку очень много понаѣхало запорожскихъ козаковъ для пріема хлѣбныхъ запасовъ и къ нимъ бѣжала масса украинскихъ людей: въ Полтавѣ также ожидали запорожцевъ, и потому тамъ происходила большая пнотость. Въ Кишенкѣ ходили слухи о томъ, что въ Сичи постановлено было не пропускать никого изъ русскихъ людей, чтобы про Лодыженскаго и про другихъ государевыхъ людей не было никакихъ извѣстій; говорили, что приказано было безъ «памяти» атамана, пріѣхавшаго съ гон-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 181, 182, 184, 185, 196, 197.

пами въ Кишенку для борошна, никого у Переволочны, съ лѣваго берега Днѣпра на правый, не пропускать; тѣхъ изъ русскихъ людей, которые были съ Косаговымъ въ полку, стращали, что если они пойдутъ въ Сичь, то будутъ потоплены въ Днѣпрѣ, — на то есть приказъ запорожскаго кошевого атамана ¹⁾).

Для подлиннаго разслѣдованія дѣла объ убійствѣ гетманѣ отправилъ на Запорожье войскового асаула Оедора Донца да челядника Ясенецкаго.

Асаулъ Оедоръ Донецъ прибылъ къ запорожцамъ въ Сичь на самый день Троицы, мая 26 дня, и подалъ имъ гетманскій листъ. Для выслушанія этого листа собрана была рада, и когда на радѣ прочли листъ до конца, то кошевой атаманъ Остапъ Васютенко и козаки, пришедшіе въ Сичь изъ городовъ лѣвой стороны Днѣпра и прожившіе въ ней по пяти, по десяти, и больше того лѣтъ, стали говорить козакамъ, недавно пришедшимъ въ Сичь изъ городовъ правой стороны Днѣпра, что все то зло произошло отъ нихъ и что когда ихъ не было въ Запорожьѣ, то и такого зла не было въ Сичи. На той же радѣ козаки западной стороны Днѣпра показали Донцу письма, захваченныя, будто бы, у Ефима Лодыженскаго, въ которыхъ, будто бы, написано, что московскій царь, польскій король, турецкій султанъ и крымскій ханъ поминрились между собой для того, чтобы снести Запорожье, оттого козаки и потопили столыника Лодыженскаго съ татарами. Когда же между козаками правой и лѣвой стороны Днѣпра послѣ словъ кошевого поднялся ожесточенный споръ, то кошевой, опасаясь за жизнь Донца, велѣлъ ему уйти незамѣтно въ атаманскій курень и оттуда нигде не выходить. Въ атаманскомъ же куренѣ кошевой, старшина и козаки, бывшіе на ту пору у кошевого, объявили Донцу, что главнымъ виновникомъ убійства Лодыженскаго былъ козакъ заднѣпровскаго города Калинболота Страхъ, который потомъ былъ пойманъ и прикованъ къ пунжѣ, но успѣлъ бѣжать: напоявъ караульщика и чуть не убивъ его, онъ сломалъ съ цѣпи замокъ и неизвестно куда скрылся изъ Сичи. Случившіеся же тутъ выходцы изъ крымскаго Асламъ-городка объявили кошевому и старшинѣ въ присутствіи Донца, что при нихъ пришелъ какой-то, неизвестный по имени, запорожскій козакъ въ Асламъ-городокъ, и когда турки спросили его, зачѣмъ онъ ушелъ изъ Запорожья, то онъ отвѣтилъ, что ушелъ къ нимъ потому, чтобы избѣжать смерти отъ войска

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 197.

за убійство московскаго посла Лодыженскаго. Тогда турки объявили ему, что если онъ потопилъ Лодыженскаго, то съ нимъ вмѣстѣ потопилъ и татаръ, и потому приказали повѣсить его, взявъ у него два «испода» бѣлыхъ да полторы пары соболей. Кошевой и стапшина при этомъ извѣстїи объявили, что то навѣрно былъ Страхъ, бѣжавшій изъ Сичи. Старые же козаки говорили между собой, что они и сами не знаютъ, что имъ дѣлать со своевольниками, которые понашли въ Запорожье и ни въ чемъ не слушаютъ старшинъ. Со слезами на глазахъ они передавали Донцу, что если бы они предвидѣли такое зло, какъ убійство Лодыженскаго, то вовсе не отпустили бы его изъ Сичи или же проводили бы его подъ охраной двухсотъ и больше того человекъ. При немъ же, асаулъ Донцъ, прибыли въ Сичу 300 человекъ запорожскихъ козаковъ, которые ходили подъ Асламъ-городокъ, громили тамъ татарскіе улусы, побили человекъ около 50 мусульманъ, взяли десять человекъ яныковъ и захватили много стада коровъ, овецъ, лошадей. Тутъ же Донецъ узналъ, что послѣ Свѣтлаго праздника запорожцы посылали 60 человекъ съ какимъ-то Костею во главѣ къ гетману Дорошенку и 30 человекъ изъ посланныхъ вернулись назадъ, а 30 остались при гетманѣ. Вернувшіеся въ Запорожье посланцы хвалились, что Дорошенко подарилъ имъ кармазиновые кафтаны и потчивалъ ихъ ромашей и ренскимъ; съ какою же цѣлью они были посланы, Донецъ о томъ не могъ узнать. Кошевой, продержавъ у себя Донца два дня, отпустилъ его на третій день и черезъ него отпранилъ листъ къ гетману Брюховецкому ¹⁾).

Гетманскій посолъ Огдортъ Донецъ выѣхалъ на четвертый день послѣ Тройцы, а передъ праздникомъ Тройцы, мая 21 дня, кошевой атаманъ, Остапъ Васютенко послалъ гетману Брюховецкому письмо, въ которомъ, упоминая о смерти столыника Лодыженскаго, выставилъ и самыя причины кровавой расправы козаковъ съ царскимъ посломъ. Васютенко началъ съ упрека самому гетману, который, по евангельскому выраженію, вмѣсто хлѣба сталъ полагать запорожцамъ камень и ожидать за то благодарности отъ нихъ. Затѣмъ онъ коснулся того, какъ московскій государь, его царское пресвѣтлѣе величество, долго тѣшилъ козаковъ бумажными листами, точно дѣтей яблокомъ, всякими обѣщаніями и приглашалъ ихъ, не склонился ни на какія предлестіи, вѣрно служить ему, а

¹⁾ Архив южной и западной Россіи, VI, 190, 200.

самъ между тѣмъ, заключивъ союзъ съ польскимъ королемъ, съ тѣмъ же самымъ обращается и къ крымскому хану и, въ случаѣ согласія на миръ со стороны хана, обѣщаетъ стѣснить во всемъ запорожскихъ козаковъ и въ этомъ родѣ уже началъ свои дѣйствія. Царь хочетъ лишить запорожцевъ того, за что предки ихъ омывались кровавыми слезами, надъ чѣмъ трудились они кровавыми трудами и что считается у нихъ наидрагоцѣннѣйшею вещью, милою всѣмъ созданіямъ, рыбамъ, птицамъ и звѣрямъ,—войсковыхъ правъ и вольностей. Но царское величество не въ одномъ Запорожьѣ хочетъ искоренить права и вольности, о томъ же стараются московскіе воеводы и на Украинѣ, дорогой отчизнѣ козацкой, приведенной въ полное разореніе и могущей вызвать сожалѣніе даже у самого злого звѣря, если бы только тотъ звѣрь имѣлъ человѣческій разумъ. Не отъ чего иного, какъ отъ великихъ обидъ, наносимыхъ въ городахъ на Украинѣ московскими людьми, погибъ и стольникъ царскій, и теперь, если гетманъ не удержитъ ратныхъ людей отъ насилія, то отъ того можетъ возстать еще большій огонь. Сами запорожцы всегда, пока они живы, будутъ стоять за свои права и вольности, а что касается тѣхъ, которые хотятъ лишить козаковъ этого, то какъ слѣпому не убить никого по прицѣлу, такъ и тѣмъ напрасно трудиться и промышлять надъ запорожцами: всѣ монархи пусть помнятъ о томъ, что за запорожцами право начинать, а за Богомъ воля кончать. Заканчивая свое письмо, кошевой атаманъ Васютенко просилъ гетмана жить попрежнему съ запорожцами въ любви и согласіи и вновь напомнилъ ему черезъ козака Киктя о просьбѣ войска прислать въ Сичъ обшивъ, желѣза, смолы, пеньки, полотна и колоды для сооруженія лодокъ на рѣкѣ Днѣпрѣ ¹⁾).

По этому письму гетманъ Брюховецкій послалъ отписку царю о подлинномъ убійствѣ стольника Лодыженскаго возлѣ Сичи, а самого кошевого извѣстилъ, что желѣзо, смола, пенька и полотно уже закуплены и посланы будутъ въ Запорожье, когда получится на то царскій указъ; вмѣстѣ съ этимъ гетманъ просилъ кошевого и все войско «быть постоянно въ дружбѣ своей къ великому государю» ²⁾).

Отправивъ такое рѣзкое и рѣшительное письмо Брюховецкому,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 203, 204.

²⁾ Акты южной и западной Россіи VI, 205.

кошевой Остапъ Васютенко какъ бы одумался и уже черезъ семь дней послѣ перваго письма отправилъ гетману другое. Вспомня о погромѣ крымскаго гонца Магометъ-аги, о разграбленіи его имущества козаками, о приказаніи гетмана черезъ асаула Оедора Донца выдать виновныхъ въ убійствѣ и грабежѣ своевольниковъ, кошевой Богомъ свидѣлствовалъ, что тѣ убійцы, совершивъ свое кровавое дѣло, совсѣмъ скрылись изъ глазъ и, боясь наказанія, гдѣ-то блуждаютъ, вовсе не являясь въ Сичь. Впрочемъ, кошевой уверялъ гетмана, что самое убійство крымскаго гонца произошло по собственной же винѣ Магометъ-аги: гонецъ имѣлъ неосторожность сказать козакамъ, что царское величество пошелъ въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ по тому поводу, чтобъ искоренить всѣхъ запорожцевъ, проживающихъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и самое мѣсто до основанія разрушить. Раздраженные и запаленные такими словами крымскаго гонца, запорожцы убили гонца съ его товарищами на мѣстѣ, а сами, неизвѣстно куда, улетучились. Привоинная одну пословицу, козаки вмѣстѣ съ ней выражали свое огорченіе по поводу случившагося печальнаго обстоятельства: когда орелъ былъ подстрѣленъ стрѣлой, то, глядя на нее, сказалъ: «не жаль мнѣ ни дерева, ни желѣза, а жаль только моихъ собственныхъ перьевъ». Такъ и у запорожцевъ не болитъ сердце отъ того, когда они несутъ ущербъ на своемъ здоровьѣ отъ бусурманъ и другихъ враждебныхъ имъ непріятелей, какъ отъ того, который, будучи сыномъ одинаковой съ ними восточной церкви и оставаясь другомъ по несчастью, теперь умыслилъ, какъ прекрасный цвѣтокъ, вырвавши изъ огорода, нанести имъ пятно позора. Что до убійства стольника Лодыженскаго, то кошевой и тутъ свидѣлствовался Богомъ, что оно совершилось безъ его вѣдома и ссылаясь на оставшихся въ Запорожѣ московскихъ ратныхъ людей, могущихъ засвидѣлствовать непричастность кошевого къ «богомерзкому дѣлу». Кошевой и козаки уразумѣли, что они опутаны со всѣхъ сторонъ сѣтями своихъ недоброжелателей и, подобно кораблю, обуреваемому морскими волнами, окружены своими врагами: оттого теперь они даютъ обѣщаніе, въ случаѣ возвращенія къ нимъ царской милости, служить государю, не щадя своей жизни: въ противномъ случаѣ, когда на нихъ не послѣдуетъ царской милости, они будутъ, подобно саламандрѣ, оставаться въ огнѣ: «наука сѣти изъ внутренностей своихъ разставляеть, но въ нихъ только муха попадаетъ, а шершень не боится того». Заканчивая свое письмо,

кошевой Остапъ Васютенко просилъ гетмана донести «горячее» прошеніе великому, милосердому и ласковому государю, чтобы онъ, забывъ свой гнѣвъ на запорожскихъ козаковъ за убійство татарскаго гонца и царскаго стольника, снова явилъ бы свою милость козакамъ, за что козаки обѣщаются какъ самому государю, такъ и наследникамъ его служить мужественно противъ каждаго непріятеля, а самихъ преступниковъ, надѣлавшихъ столько бѣдъ всему войску, если только они покажутся въ Кошъ, немедленно казнить ¹⁾).

Возвратившійся изъ Запорожья къ гетману, іюня 2 дня, его посланецъ Осдоръ Донецъ о настроеніи запорожцевъ передавалъ такъ: словесно кошевой, судья и другіе козаки въ разговорахъ съ нимъ, Донцомъ, объявляли, что если государь отпуститъ имъ вину за смерть гонца и стольника, то они впредь рады будутъ ему служить и всякаго добра желать: если же онъ не отпуститъ имъ ихъ вины, то у нихъ положено на томъ, чтобы, соединивъ съ Дорошенкомъ и татарами, идти воевать государеву вотчину, украинскіе города. Отъ себя же Донецъ прибавилъ, что въ Запорожьѣ собралось очень много народа, гораздо больше противъ прежнихъ годовъ, и большую половину его составляютъ пришельцы съ полковникомъ Константиємъ правой стороны Днѣпра ²⁾).

Гетманъ Брюховецкій, получивъ и оба письма отъ запорожскихъ козаковъ, и подлинныя свидѣнія отъ асаула Осдора Донца, извѣстилъ обо всемъ происшедшемъ въ Сичи московскаго царя въ пространномъ къ нему листѣ. Въ этомъ листѣ онъ выставилъ три причины, вызвавшія, по его мнѣнію, волненія въ Запорожьѣ. Первая причина та, что гетманъ предварилъ злое намѣреніе полковника Константія западной стороны Днѣпра, приходившаго съ бунтовщиками прошлой зимой (1666 года) на малороссійскіе царскаго пресвѣтлаго величества города. Вторая причина — налогъ на мужиковъ разныхъ городовъ, пригородовъ и селъ лѣвой стороны Днѣпра установкой на государеву казну дани. — тяглые мужики, недовольные этимъ, бѣжали на Запорожье и подняли тамъ бунтъ. Третья причина — насилія и обиды со стороны воеводы Осдора Протасьева на Украинѣ въ то время, когда гетманъ находился въ Москвѣ, — обиженные воеводой сошли въ Запорожье и, конечно, тамъ не молчатъ, а другихъ къ бунтамъ возбуждаютъ. Опасаясь,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 187, 188.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 1-9.

чтобы искра бунта не залетѣла изъ Запорожья на Украину и не разгорѣлась бы въ послѣдней огромнымъ пожаромъ, гетманъ просилъ царское величество прислать ему ратныхъ людей для безопасности, потому что собственнымъ полкамъ онъ не довѣряетъ, такъ какъ многіе люди этихъ полковъ могутъ «починиться запорожцамъ» ¹⁾).

Черезъ два дня послѣ того, какъ написано было письмо Брюховецкаго къ царю, въ Москвѣ получено было извѣстіе о томъ, что изъ Запорожья въ Чигиринѣ выѣхалъ на 30 коняхъ чигиринскій козакъ Ушнукъ до гетмана Дорошенка и, объявивъ ему о сдачѣ всего Запорожья, принесъ на томъ присягу въ Чигиринѣ. Въ то же время отъ Дорошенка пошли въ Запорожье для принятія присяги корсунскій полковникъ Семенъ Бутъ да перяславскій полковникъ Василій Сучкаренко съ двумя татарами ²⁾).

Между тѣмъ Брюховецкій, опасаясь и за собственное положеніе и боясь за то, чтобы запорожцы не пристали къ Дорошенку, отпуская отъ себя въ Москву стольника Василія Кикина, просилъ царя, чтобы онъ пожаловалъ запорожцевъ, убившихъ Ефима Лодыженскаго, и велѣлъ бы «отдать» ихъ вины ³⁾).

Въ Москвѣ, конечно, понимали, если не болѣе Брюховецкаго, то не менѣе его, къ чему могло привести броженіе въ Запорожьѣ, и потому посѣднили «отпустить» вины запорожцевъ, чѣмъ думали исполнѣ успокоить ихъ. Іюня 26 дня царь послалъ указъ на имя гетмана Брюховецкаго и, изъясняя въ немъ все поступки запорожцевъ «ославленіемъ и неискутенностью ума», отпускалъ имъ ихъ вину, а для успокоенія самого гетмана велѣлъ блгородскому воеводѣ князю Юрію Борятинскому послать на Украину ратныхъ людей ⁴⁾).

Итакъ, царь Алексѣй Михайловичъ, вынужденный положеніемъ дѣлъ, долженъ былъ «пробачить» вины запорожцевъ: «А съ того наибольшее бунты начали возставати»... «Козаки считали, что имъ, по волѣ своей, все позволяется и что, будто бы, отъ нихъ все записѣло» ⁵⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 201—203.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 185.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 207.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 205, 206.

⁵⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, 95; Ригельманъ, Лѣтопись, II, 100.

Отпустивъ вины запорожскихъ козаковъ и тѣмъ на время расположивъ ихъ къ себѣ, царь нашелъ нужнымъ привлечь на свою сторону и гетмана лѣвой стороны Днѣпра, Петра Дорошенка. Съ этою цѣлью къ Дорошенку, въ городъ Чигиринъ, отправлены были дворянинъ Василій Дубенскій и стряпчій Василій Тяпкинъ. Посланцамъ велѣно было оторвать гетмана отъ союза съ крымцами и поляками и склонить его на сторону царскаго величества. Посланцы отправились въ путь спустя нѣсколько времени послѣ посылки въ Сичь царской грамоты и скоро прибыли въ Чигиринъ. Но въ Чигиринѣ они не имѣли никакого успѣха, и гетманъ Дорошенко далъ имъ такого рода отвѣтъ, что съ поляками ему дѣла нарушать нельзя, потому что онъ живетъ подъ властью польскаго короля, а съ татарами союза разрывать невозможно, потому что съ ними побратался и всею палатою на совершенную дружбу присягалъ самъ польскій король,—«и такъ нѣсть рабъ болѣй господина своего». А что до того, чтобы удерживать татаръ отъ набѣговъ на украинскіе лѣваго берега города, то въ томъ виновенъ не онъ, Дорошенко, а запорожскіе козаки и московскіе ратные люди, живущіе въ Сичи: именуются подданными московскаго царя, они причинили большіе убытки въ государствѣ крымскомъ, и татары хотятъ на заднѣпровскихъ городахъ искать своихъ убытковъ ¹⁾).

Говоря о причиненныхъ запорожскими козаками убыткахъ крымскимъ татарамъ, гетманъ Дорошенко, очевидно, разумѣлъ походъ ихъ въ октябрѣ мѣсяцѣ на крымскіе улусы подъ начальствомъ кошевого атамана Ивана Рого и полковника Ивана Сирка. Кошевой Рогъ съ 2.000 человекъ козаковъ, ворвавшись въ крымскія владѣнія, выжегъ много селъ и деревень, посѣкъ много людей, а мѣстечко Арбаутукъ изгономъ взялъ и всѣхъ безъ остатка въ немъ людей истребилъ. Сирко вышелъ также съ 2.000 человекъ и ударился отъ Кафы на Ширимбеевскіе улусы, много селъ и деревень разорилъ, сына Шерембеева, Атыша, семи лѣтъ и мамку его взялъ въ плѣнъ, а дядьку его изсекъ въ то время, когда уходилъ отъ хана отводомъ. Всѣхъ плѣнныхъ, женщинъ, дѣвицъ и недоростковъ мужского пола, запорожцы захватили до 1.500 человекъ, а пленниковъ освободили на волю больше 2.000 человекъ ²⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, 238, 249.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 1, 2.

Кажется, этотъ же самый походъ Сирка на крымскія владѣнія разужаютъ и польско-малороссійскіе лѣтописцы, относящіе его также къ октябрю мѣсяцу 1667 года. Дѣло происходило, по ихъ словамъ, такъ. Польскій воевода Маховскій, собравшись охранять задніпровскую Украину отъ татаръ и турокъ, вышелъ туда со всѣми своими войсками, и разставилъ ихъ по квартирамъ мѣстнаго населенія. Задніпровскому населенію такое дѣйствіе Маховскаго очень не понравилось и оно призвало противъ поляковъ Дорошенка. Дорошенко не замедлилъ выйти противъ Маховскаго и нанести ему два пораженія. Гетману помогали въ этомъ и татары. Польскій гетманъ Янъ Собѣскій, узнавъ о пораженіи Маховскаго, вышелъ лично противъ Дорошенка и татаръ. Противники сошлись у Подгайцевъ, и тутъ орда съ Дорошенкою облегла поляковъ со всѣхъ сторонъ, но какъ разъ въ это время пришла вѣсть, что Сирко, выбравшись въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ Сичи, напалъ на Крымъ ¹⁾. Тогда татары, по выраженію лѣтописца, точно собаки, съѣвши, объѣдки послѣшно заключили перемиріе съ Яномъ Собѣскимъ и бросились въ Крымъ. Ханъ напалъ на Сирка подъ Перекопомъ и вѣтшилъ съ нимъ въ бою. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ татаръ, но подъ конецъ запорожцы разбили хана и заставили его бѣжать отъ Перекопа: вмѣстѣ съ нимъ бѣжали въ горы и татары съ женами и дѣтьми. Запорожцы больше недѣли опустошали Крымъ, сожгли въ немъ много селъ и, взявъ большую добычу, благополучно возвратились въ Сичь ²⁾.

Послѣ этого запорожцы написали царю письмо о своемъ удачномъ походѣ на крымскіе юрты и просили государя прислать имъ жалованье. Царь послалъ запорожцамъ и Ивану Сирку черезъ поручика Василія Сухорукаго обнадеживательную грамоту съ просьбой сходитьсѣ съ казмыками и московскими войками для отраженія крымцевъ отъ набѣговъ на Украину ³⁾.

¹⁾ Latopisiec Joachima Jerlicza, Warszawa, 1853, II, 120.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, 96; Лѣтопись Грабянки, 193.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1668, янв., № 3, св. 26; Акты, VII, 48.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Возобновленіе неудовольствія украинцевъ и запорожцевъ противъ московскихъ бояръ.— Истребленіе бояръ на Украинѣ и участіе въ томъ запорожцевъ.— Дѣйствія запорожскихъ полковниковъ Сохи и Урбановича противъ бояръ на Украинѣ.— Грамота гетману Брюховецкому съ убѣжденіемъ пребыть вѣрнымъ царю и удерживать отъ своеволія запорожскихъ козаковъ.— Воззваніе Брюховецкаго къ гонцамъ и запорожцамъ.— Царская грамота кошевому атаману Бѣлковскому.— Гибель Брюховецкаго и поведеніе бывшихъ при немъ запорожцевъ.— Пребываніе Сирка въ слободской Украинѣ и удаленіе его оттуда къ гетману Дорошенку.— Походъ Сирка въ Крымъ и его подвиги въ борьбѣ съ татарами.— Выборъ запорожцами Вдовиченка и Суховія въ гетманы и борьба съ Дорошенкомъ.— Помощь оказанная въ рѣшительную минуту Сиркомъ Суховію.— Перемена настроенія Сирка въ отношеніи Суховія.— Дружба Сирка съ Дорошенкомъ и нанесеніе пораженія Сиркомъ татарамъ и Суховію у Ольховца.

Извѣщая царя о своемъ усиліи противъ татаръ, запорожцы, однако, не то имѣли въ своемъ умѣ: ихъ тяготила мысль о введеніи на Украинѣ и Запорожьи московскихъ воеводъ. Какъ море, взволнованное бурей, стихаетъ не сразу, а долго бросаетъ потомъ воды къ своимъ берегамъ, такъ и войско низовыхъ козаковъ, убивъ царскаго посла, на этомъ одномъ не остановилось, а снова и съ неустойчивой силой разразилось противъ нихъ. И какъ ни задабривалъ гетманъ Брюховецкій запорожцевъ, какъ ни снисходилъ къ нимъ «милостивый» царь Алексѣй Михайловичъ, а все-таки народное неудовольствіе на Украинѣ и Запорожьи расло, а съ нимъ расло и открытое возмущеніе противъ московскихъ бояръ и воеводъ. Съ начала 1668 года неудовольствія на московскихъ управителей края поднялись почти во всѣхъ украинскихъ городахъ.

Предчувствуя бѣду, московскіе воеводы стали усиливаться ратными людьми и искать защиты у боярина-гетмана Брюховецкаго. Но въ этотъ, самый рѣшительный, моментъ гетманъ-бояринъ вдругъ измѣнилъ царю и объявилъ себя противъ московскихъ воеводъ. Вѣсть объ этомъ поразила всѣхъ москвитянъ и сперва

казалась имъ нейтральной. Въ дѣйствительности же этого давно уже нужно было ожидать. Дѣло въ томъ, что Брюховецкій уже съ тѣхъ поръ, какъ прочно укрѣнился на гетманствѣ, сталъ ненавистенъ всему украинскому населенію. Причины къ такой ненависти было слишкомъ много: Брюховецкій насильно захватилъ въ свои руки булаву, лишилъ званія всѣхъ, бывшихъ до него, войсковыхъ старшинъ, стремился усилить свою власть, вызвалъ на Украину московскихъ бояръ и воеводъ и выказалъ себя большимъ гордецомъ и корыстолюбцемъ. Съ каждымъ днемъ онъ терялъ все болѣе и болѣе популярность въ средѣ козаковъ и народа и, видя непрочность своего положенія, старался усилиться московскими ратными людьми. Но это не спасло его отъ бѣды. Когда народныя страсти вышли изъ границъ и поднялся открытый бунтъ, а бояре и воеводы обратились къ нему съ просьбой о защитѣ, то Брюховецкій сперва потерялся и давалъ уклончивые отвѣты москвитянамъ. Но потомъ рѣшился схватиться за самое крайнее средство, а именно стать самому во главѣ народнаго движенія противъ московскихъ управителей, призвать на помощь запорожцевъ и Дорошенка и очистить Украину отъ москалей, приобрести расположеніе со стороны населенія и послѣ всего объединить Украину и стать гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Самъ Дорошенко обѣщалъ ему сдать свое гетманство, которымъ онъ вовсе не дорожилъ, если только Брюховецкій объявитъ войну москалямъ. «Брюховецкій, проживши пять лѣтъ и три мѣсяца на гетманствѣ при вѣрности своему государю, разсмотрѣвши полезное себѣ и всему малороссійскому народу принятіе воеводъ съ войсками великороссійскими на Украину и узнавши о скрытомъ и явномъ роптаніи за то народа, началъ промышлять объ изгнаніи изъ Малой Россіи воеводъ съ ихъ войсками» ¹⁾. Тогда, уже заручившись согласіемъ со стороны Дорошенка, Брюховецкій сдѣлалъ попытку войти въ соглашеніе и со своимъ недругомъ, метелавскимъ епископомъ Меодіемъ. Но Меодій самъ шелъ къ нему на встрѣчу: будучи въ Москвѣ по дѣлу Никона въ теченіи 1666 и въ началѣ 1667 года, епископъ Меодій остался недоволенъ сдѣланнымъ ему въ столицѣ пріемомъ, выѣхалъ оттуда съ искреннею ненавистью ко всему московскому и потому поспѣшилъ протянуть руку примиренія гетману Брюховецкому и объя-

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 160.

вить себя горячимъ сторонникомъ его плана. Мееодіи совѣтовалъ Брюховецкому прежде всего «уловлять запорожцевъ и ими укрѣпляться», но отнюдь не поддаваться москалямъ, чтобы не испортить той же участи, какую испыталъ Барабаншъ, котораго Москва выдала ляхамъ въ подарокъ ¹⁾. Въ январѣ мѣсяцѣ 1668 года, послѣ праздника Богоявленія, въ городѣ Гадячѣ собрана была рада и на ней объявлено было, что запорожцы «переняли» царскіе листы къ крымскому хану, въ которыхъ, будто бы, условлено было, сообщая съ польскимъ королемъ и ханомъ, разорить Украйну и старшихъ людей ея въ полонъ побрать; послѣ этого рѣшено было избить московскихъ воеводъ со всеми ратными людьми въ малороссійскихъ городахъ и отдаться въ подданство турецкаго султана, но съ условіемъ только платить ему дань и пользоваться самостоятельною жизнью, какъ дѣлаетъ волошскій господарь. Въ слѣдъ затѣмъ въ Чигиринѣ была другая рада, и на ней присутствовали посланцы отъ запорожескихъ козаковъ, которые принесли присягу Дорошенку быть у него подѣ властью всѣмъ Запорожьемъ ²⁾.

Починъ къ открытому бунту подали запорожцы съ полковникомъ Иваномъ Сохой, явившіеся на Украйну въ начальныхъ числахъ января мѣсяца. Въ пригородахъ и мѣстечкахъ миргородскаго полка, гдѣ отданы были ранды на откупъ, запорожцы перебили откупщиковъ, разорили ранды и погребя, пограбили вино и сдѣлали такъ, что тѣ ранды стали пустыми; въ городѣ Иресскахъ и въ мѣстечкѣ Устивидахъ запорожцы подняли бунты, а въ селѣ Матяшевкѣ отрѣзали содержателю ранды, мѣщанину Остапкѣ, бороду по самое плечо и пограбили денежной казны около 300 рублей; послѣ этого многіе мѣщане тѣхъ мѣстъ, по повелѣнію полковника Сохи, стали писаться въ козаки и также начали заводить бунты. Тотъ же полковникъ Иванъ Соха схватилъ нѣжинскаго протопопа Симеона за его доносъ объ «измѣнѣ» епископа Мееодія и, отобравъ у него имущество, а самого измучивъ, отдалъ гетману Брюховецкому ³⁾. Въ началѣ февраля пришелъ въ Глуховъ запорожскій полковникъ Урбановичъ съ полутора тысячу конныхъ и пѣхотныхъ козаковъ, отбилъ у воротъ город-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 70—75, 63.

²⁾ Акты, VII, 89, 90, 31; Ригельманъ, Лѣтопись, II, 104.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 15, 16, 96, 89, 90.

скихъ караульчиковъ и поставилъ собственныхъ караульчиковъ, запорожскихъ козаковъ. Воеводу же Мирона Кологривова, стоявшаго съ государевыми ратными людьми въ маломъ городѣ, глуховчане, пригласивъ къ себѣ стоявшихъ въ уѣздѣ для корма запорожскихъ козаковъ, рѣшили добромъ выдворить изъ города, а въ случаѣ его сопротивленія, опредѣлили доставать боемъ и приступами. Тѣ же нехотные запорожцы, стоявшіе въ глуховскомъ уѣздѣ, напали на какого-то русскаго человѣка Пронку Калину въ Кролевецѣ и, раздѣвъ его до нага, стали обыскивать у него писемъ, поднявъ надъ его головой топоры: «Буде у тебя писемъ нѣтъ, ты будешь живъ, а буде есть, мы тебѣ голову отсѣчемъ». Послѣ обыска козакъ сталъ допрашивать Калину, не идутъ-ли изъ Москвы ратные люди, и тутъ же Калина узналъ, что запорожцы за тѣмъ на Украину и пришли, чтобы въ малороссійскихъ городахъ воеводъ и ратныхъ государевыхъ людей побить ¹⁾.

Само собою разумѣется, что обо всемъ происходившемъ на Украинѣ немедленно было допущено царю, и царь повелѣшилъ отправить большую грамоту на имя гетмана Брюховецкаго съ приказаніемъ, чтобы онъ сдерживалъ козаковъ въ ихъ своевольствѣ и убѣждалъ ихъ быть вѣрными государю. Относительно Запорожскія въ этой грамотѣ сказано было, что туда, по царскому указу, послать воеводу Яковъ Тимофеевичъ Хитрово и генералъ Филиппъ фонъ-Буковенъ съ начальными людьми и со многими конными и пѣшими ратниками для похода на крымскіе улусы противъ новаго крымскаго хана въ помощь прежнему, если новый ханъ не согласится принять состоявшася между московскимъ царемъ и польскимъ королемъ мира. А что до жалобы запорожцевъ на то, будто царь только на писемъ объявляетъ имъ свою милость, въ дѣйствительности же вовсе забываетъ объ нихъ, то запорожцы, коли они пребудутъ въ христіанской твердости, щедро одарены будутъ царскимъ жалованьемъ, и если имъ нужно владѣть какими доходами или мѣстами въ малороссійскихъ городахъ, пусть присылаютъ къ государю своихъ челобитчиковъ, и имъ вскорѣ данъ будетъ царскій милостивый указъ. Но царская грамота не имѣла никакого дѣйствія и февраля 11 дня стало извѣстно объ измѣнѣ гетмана Брюховецкаго русскому царю ²⁾. Брюховецкій отправилъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 27, 28.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 31—34, 41, 42.

воззваніе къ донскимъ козакамъ, пользуясь волненіями, поднявшимися на Дону, и въ этомъ воззваніи писалъ, что Москва, побратавшись съ ляхами, рѣшила всѣхъ живущихъ на Украинѣ православныхъ христіанъ, отъ старшинъ до младенцевъ, истребить мечомъ или въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорить и въ конецъ истребить, чтобъ тѣ мѣста, гдѣ обрѣтаются славныя войска Запорожья и Дона, въ дикія поля для зѣриныхъ жилищъ обратить, или же иноземцами осадить: Москва хочетъ сперва Украину смирить, а потомъ объ искорененіи Запорожья и Дона промышлять будетъ, чего ей, Боже, не допоможи! ¹⁾).

Въ Москвѣ нашли нужнымъ прежде всего послать запорожцамъ жалованье въ 2.000 рублей и 100 связокъ суконъ пѣмечныхъ разныхъ цвѣтовъ, цѣною на 300 рублей. Царская грамота объ этомъ отправлена марта 8 дня на имя коневого атамана Ивана Бѣлковского. Въ ней говорилось о богоотступномъ и нехристіанскомъ дѣлѣ Брюховецкаго, о его наговорахъ, будто бы русское войско послано въ Запорожье не за тѣмъ, чтобы держать бусурманъ отъ набѣговъ на Украину, а за тѣмъ, чтобы проливать кровь украинскаго населенія; затѣмъ говорилось объ отпираниі къ запорожцамъ еще въ январѣ мѣсяцѣ поручика Сухорукаго, о проѣздѣ его черезъ Полтаву и безызвѣстномъ исчезновеніи его невѣдомо куда; наконецъ, внушалась мысль вырѣдъ промышлять для обороны Украины и приводить отступниковъ отъ царя къ послушанію, за что обѣщалась непремѣнная отъ царя милость ²⁾).

Однако, ни жалованье, ни грамота не произвели своего дѣйствія, и на Украинѣ открылся всеобщій бунтъ: во всѣхъ городахъ и замкахъ стали бить, грабить бояръ и воеводъ и выгонять московскихъ ратныхъ людей. Въ это время запорожскіе козаки, соединившись съ мѣщанами, взяли приступомъ замки сосницкій, новгородскій и стародубовскій и всѣхъ воеводъ, тамъ находившихся, перебили до смерти ³⁾).

Когда обо всемъ этомъ получена была вѣсть въ Москвѣ, то царь приказалъ бѣлгородскому воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому весной этого же года («какъ только под-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 61, 62.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 48—50; IX, 116.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 98.

ростеть трава») двинуться съ войскомъ на Украину. Ромодановскій, получивъ царскій указъ, пошелъ на Котельву и Опошню гадячскаго полка. Въ это же время гетманъ Брюховецкій, все болѣе и болѣе ожесточаясь въ кровавыхъ расправахъ противъ москвичей и своихъ личныхъ враговъ, дошелъ до того, что даже приказалъ сжечь живьемъ за какую-то вину гадяцкую полковницу Острую. Этотъ жестокий поступокъ съ женщиною возмутилъ даже запорожцевъ, и они спешили съ Дорошенкомъ. Дорошенко, получивъ вѣсть обо всемъ, происшедшемъ на лѣвобережной Украинѣ, и о движеніи князя Ромодановскаго, призвалъ къ себѣ орду и сталъ готовиться къ отбору противъ русскихъ. Положеніе Брюховецкаго стало весьма критическимъ: народное движеніе, начавшееся противъ московскихъ воеводъ, скоро обратилось противъ самого виновника введенія ихъ на Украинѣ. Мало-по-малу сторонники Брюховецкаго стали бросать его и переходить на сторону Дорошенка, дѣйствовавшаго и болѣе прямо, и болѣе смѣло. При Брюховецкомъ остались только немногіе полковники да отрядъ запорожцевъ подъ начальствомъ полковника Чугуя ¹⁾. Тогда Дорошенко отправилъ письмо къ Брюховецкому съ требованіемъ сдать свое гетманство. Но Брюховецкій, вмѣсто этого, пошелъ на встрѣчу Дорошенку съ войсками и съ татарами. Юня 7 дня 1668 года противники встрѣтились на Сербинскомъ полѣ, близъ Диканьки. Тутъ козаки Брюховецкаго перешли на сторону Дорошенка, и Дорошенко послалъ къ Сербинской могилѣ, гдѣ стоялъ Брюховецкій, брацлавскаго сотника Дрозденка и приказалъ ему взять къ плѣту Брюховецкаго. По тому приказанію Дрозденко съ нѣсколькими десятками козаконъ явился къ Брюховецкому и, объявивъ ему приказаніе своего гетмана, взялъ съ кресла подъ руку и повелъ его къ Дорошенку. Но тутъ къ Дрозденку подскочилъ запорожскій полковникъ Иванъ Чугуй, личный другъ Брюховецкаго, всегда, съ самаго начала его гетманства, остававшійся при немъ съ нѣсколькими сотнями низового товарищества, и ударилъ Дрозденка мушкетнымъ дуломъ въ бокъ съ такою силою, что Дрозденко упалъ на землю и вынулъ изъ рукъ Брюховецкаго. Но на Брюховецкаго набросились его же собственные сотники и простая чернь; они немедленно схватили его и доставили Дорошенку. Приведя къ Дорошенку и вычитавъ ему все его вины,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 92.

сотники и чернь начали терзать Брюховецкаго и такимъ образомъ іюня 7 дня, въ понедѣльникъ Петрова поста, въ полдень, убили его передъ глазами Дорошенка. Запорожскій полковникъ Чугуй, возмущенный дикою расправой надъ Брюховецкимъ, жарко сталъ подбивать войско убитаго къ тому, чтобы оно уничтожило Дорошенка, но войско Брюховецкаго не послушало Чугуя, вслѣдствіе чего самъ Чугуй ударилъ на нѣкоторую часть козаковъ и истребилъ ее, хотя и не безъ урона для своихъ запорожцевъ. Но междоусобіе продолжалось недолго, такъ какъ Дорошенко, явившись передъ Чугуемъ и запорожцами, говорилъ, что онъ не желалъ смерти Брюховецкаго и не отдавалъ приказанія убивать его. Запорожцы, захвативъ съ собою царскую бумагу, данную Брюховецкому, и бунчукъ, возвратились въ Сичу ¹⁾. Самъ же Дорошенко объявилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и, оставивъ на лѣвой сторонѣ наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Демьяна Многогрѣшнаго, вернулся въ Чигиринъ.

Во всѣхъ описанныхъ дѣйствіяхъ нигдѣ не видно участія знаменитаго вождя запорожскихъ козаковъ, Ивана Сирка. И точно, Сирко послѣ своего возвращенія изъ похода на Крымъ и полученія за то похвальной грамоты отъ царя, оставилъ, по неизвѣстной причинѣ, Сичъ и очутился въ Слободской Украинѣ въ званіи полковника города Зміева и завідующаго козаками слободъ Мерефы и Печенѣговъ ²⁾. Состоя полковникомъ Слободской Украины, Сирко лично убѣдился въ несправедливыхъ дѣйствіяхъ московскихъ воеводъ и бояръ на Украинѣ, и потому, ссесшись съ Дорошенкомъ, выступилъ на защиту козацкихъ правъ Слободской Украины противъ Москвы. Марта 4 числа 1668 года въ слободѣ Красномъ-Кутѣ и на Торскихъ озерахъ ³⁾ вспыхнулъ бунтъ. Скоро этотъ бунтъ отозвался въ городѣ Зміевѣ: возсталъ змиевскій полковникъ Иванъ Сирко. Марта 11 дня Сирко, вмѣстѣ съ козаками, изъ Зміева бросился къ Харькову, имѣя цѣлью поднять

¹⁾ Грабянка, 198, 199; Самовидецъ, 99, 100—102; Величко, II, 163; Акты южной и западной Россіи, VII, 98.

²⁾ Извѣстіе Орновскаго, будто Сирко въ это время былъ харьковскимъ полковникомъ, невѣрно, такъ какъ должность полковника занималъ въ это время Федоръ Репка: Ornowskie do Boraty wiridarz leg. Theodorowi Zacharzewskiemu, Lawrze, 1705; Филаретъ, Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1857, II, 51.

³⁾ Тамъ, гдѣ теперь городъ Славянскъ, харьковской губерніи.

и харьковцевъ противъ московскихъ бояръ и воеводъ. Въ то время харьковскимъ воеводой былъ Левъ Сытинъ: «Марта 11 пришелъ подъ Харьковъ измѣнникъ Ивашка Сѣрко съ измѣнниками черкасы, собравъ съ многими людьми, и переходитъ рѣку Уды въ 2 верстахъ отъ Харькова и хотятъ идти подъ Чугуевъ». Но харьковцы отказались дѣйствовать заодно съ Сиркомъ. Тогда Сирко рѣшилъ силой заставить ихъ. Чугуевскій воевода сообщалъ о томъ бѣлгородскому воеводѣ, князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, извѣщая его, будто харьковцы уже измѣнили царю. Но Ромодановскій увѣрилъ чугуевского воеводу, что харьковцы остались вѣрны великому государю и приказывалъ ему, «ссылался съ харьковскимъ воеводой Сытинымъ, единолично надъ измѣнниками черкасами промыслъ и поискъ чинить, и полонъ имать, и села и деревни жечь, сколько Богъ милосердый поможетъ». Послѣ этого Сирко принужденъ былъ покинуть Харьковъ. Покидая Харьковъ, онъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, того же года, разорилъ село Боровосъ, въ маѣ ограбилъ слободы Колонтаевъ и Мартовую ¹⁾, потомъ очутился какимъ-то образомъ подъ городомъ Ахтыркой, гдѣ, вмѣстѣ съ запорожцами, бился противъ царскихъ войскъ, изъподъ Ахтырки вернулся въ Кишенку. Октября 20 дня Сирко уже очутился въ Чигиринѣ, гдѣ, по извѣстію польскаго поручика Бѣлькевича, заведеннаго Дорошенкомъ въ качествѣ плѣнника, ходилъ по городу «своеволью, а не за карауломъ» и, послѣ побѣга Бѣлькевича, оставался въ Чигиринѣ ²⁾. Октября 25 дня Сирко былъ въ Торговицѣ. «А о томъ весьма печаленъ, что отъ царскаго величества отступилъ, а бусурманамъ онъ не присягалъ... Приходилъ же онъ и соединился съ городами, въ которыхъ живутъ козаки, не для чего иного, какъ для того, чтобы воеводы надъ нашими (украинскими) людьми не были, а вмѣсто нихъ, по старому украинскому обычаю, поставлены были полковники, сотники и войты» ³⁾. Нужно думать, что къ этому же времени относится извѣстіе и о томъ, что Сирко, кромѣ Ахтырки, былъ и подъ Полтавой, гдѣ онъ почему-то закопалъ въ землѣ подъ городомъ

¹⁾ Филаретъ, Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1857, II, 52, 53.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 102, 104.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 91, 115.

пушки, которыя потомъ выкопали полтавскіе козаки, ходившіе подъ великаго государя городъ Валки ¹⁾).

Сколько времени Сирко оставался въ Торговицѣ,—это неизвѣстно. На основаніи отрывочныхъ данныхъ можно думать, что пребываніе его въ этомъ городѣ было слишкомъ недолго и что отсюда онъ ходилъ на Крымъ воевать татаръ. Ноября 9 дня гетманъ Дорошенко писалъ гадячскому сотнику, что запорожское товариство погромило татарскіе улусы и злымъ татарамъ за зло тѣмъ отплатило; а теперь онъ, гетманъ, услыша о погромѣ со стороны низового войска татаръ и о готовности его биться съ ними, послалъ съ добрымъ вождемъ своимъ, съ паномъ Иваномъ Сиркомъ, нѣсколько тысячъ человекъ съ пушками, чтобъ татарскія земли войско воевало ²⁾. Нужно думать, что объ этомъ самомъ походѣ Сирка на Крымъ рассказывалъ, октября 25 дня, въ Кіевѣ воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву крымскій выходецъ, шляхтичъ Турачъ. По его словамъ, полковникъ царекаго величества Иванъ Сирко, съ запорожцами, калмыками и донскими козаками, три раза ходилъ на Крымъ и въ третьемъ походѣ побилъ около 3.000 татаръ, да около 500 взялъ въ плѣнъ, а послѣ третьяго похода ходилъ четвертымъ на городъ Бахчисарай съ пушками. Нужно думать также, что объ этомъ самомъ походѣ Сирка говорили въ Москвѣ поручикъ Крыкаповскій и сотникъ Старой, выѣхавшіе изъ Кіева въ путь ноября 22 дня: «А Сѣрка гетманъ Дорошенко послалъ съ ратными людьми, которые при немъ были, въ Крымъ, для того, чтобы учинить въ Крыму поискъ и замѣшанины» ³⁾.

Но скоро Сирко и запорожцы, оставивъ Крымъ, должны были поспѣшить въ Запорожье и на Украину, куда призывали ихъ неотложныя дѣла. Гетманъ Дорошенко, истребивъ Брюховецкаго и удалившись въ Чигиринъ, не нашелъ тамъ должнаго спокойствія и очутился въ такомъ шаткомъ и тревожномъ положеніи, что долженъ былъ лавировать между Москвой, Турціей, Крымомъ и Польшей и сноситься съ ними, обѣщая каждой изъ нихъ свою вѣрность и ни одной не исполняя своего обѣщанія. Прежде всего Дорошенко нашелъ затрудненіе въ лѣвобережной

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 65.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 111.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 101, 158.

Украинѣ: оставивъ тамъ наказнымъ гетманомъ Демьяна Многогрѣшнаго, Дорошенко не могъ подать ему во-время помощи противъ русскихъ, и Многогрѣшный вошелъ въ сношеніе съ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, изъявивъ ему свое желаніе перейти къ московскому царю. Тогда Дорошенко снесся, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ турецкимъ султаномъ и выразилъ готовность быть у него въ подчиненіи. Султанъ на это предложеніе потребовалъ, чтобы Дорошенко посадилъ въ Чигиринъ и въкрѣпость Кодакъ по 1.000 человекъ янычаръ. Дорошенко сталъ выговаривать себѣ Чигиринъ и рѣшилъ на томъ, чтобы посадить въ Кодакъ 3.000 янычаръ, но Чигиринъ сдѣлать свободной столицей гетмана. Въ это же время Дорошенку написалъ крымскій ханъ и потребовалъ отъ него, чтобы онъ укротилъ запорожскихъ козаковъ, которые, ходя въ разныхъ числахъ изъ Запорожья на крымскіе улусы, большіе убытки и разоренія татарамъ чинили, и чтобы гетманъ, сдѣлавъ съекъ, возвратилъ все пограбленное запорожцами. Но Дорошенко, написавъ о томъ запорожцамъ, получилъ отъ нихъ такой отвѣтъ, что они имѣютъ на Кошу своего гетмана и его, Дорошенка, за гетмана не считаютъ ¹⁾).

II точно, въ послѣднихъ числахъ мѣсяца сентября запорожцы объявили гетманомъ Степана Вдовиченка, бывшаго генеральнымъ писаремъ въ Запорожѣ. Когда Вдовиченка выбирали гетманомъ, въ то время были и крымскаго хана посланцы, и запорожцы учинили передъ тѣми посланцами присягу на томъ, чтобы вольностямъ татарскимъ быть около Запорожья такъ, какъ было при старомъ Хмельницкомъ, а татарамъ прислать за то 80.000 человекъ войска въ помощь запорожцамъ. Новому гетману Вдовиченку поддались города Подтава, Гадячъ, Лубны и другіе, и Дорошенко долженъ былъ послать за Днѣпръ противъ сдавшихся Вдовиченку городовъ своего брата Григорія Дорошенка. Тогда Вдовиченко три раза посылалъ къ Дорошенку листы, въ которыхъ просилъ его придти въ Запорожье на черную раду и ждать тамъ, кого запорожцы выберутъ въ гетманы, а кто окажется выбраннымъ, тому бузаву и бунчукъ дадутъ. Дорошенко согласился на это, но предварительно послалъ отъ себя въ Запороги лазутчиковъ: лазутчики же донесли Дорошенку, что въ Запорожѣ его убьютъ, и тогда онъ засѣлъ въ Чигиринѣ и не сталъ никуда выѣзжать оттуда. Послѣ этого

¹⁾ Акты южной и западной Россіи. VII. 154.

Вдовиченко сталъ писать Дорошенку, чтобы онъ не назывался гетманомъ и вернулъ бы булаву и бунчукъ, а запорожцы съ татарами стали воевать города Дорошенка, разорять и жечь села и деревни, людей съѣчь и въ полонъ брать ¹⁾). Но и этимъ дѣло для Дорошенка не кончилось: въ Запорожѣ явился еще одинъ гетманъ, Петро Суховій. Уже вскорѣ послѣ убійства Брюховецкаго запорожцы, не желая пристать къ Дорошенку, возвратились въ Сичъ и отправили отъ себя къ крымскому хану нѣсколько человѣкъ посланцевъ. Ханъ очень обрадовался приходу запорожцевъ, принялъ ихъ съ большою пріязнью и узнавъ, что они разселись съ Дорошенкомъ, посоветовалъ имъ выбрать самостоятельнаго гетмана въ самомъ Запорожѣ. Сперва охотника на то долго не оказывалось, но потомъ на это изъявилъ свое согласіе бывший писарь запорожскаго войска, молодой, двадцати - трехлѣтній, «но досужій и ученый человѣкъ», Петро Суховій или Суховіенко. Суховій сочинилъ себѣ печать, подобную печати крымскаго хана, — лукъ и двѣ стрѣлы, — сталъ именоваться гетманомъ войска запорожскаго и написалъ письмо Дорошенку, называя себя гетманомъ ханова величества приказывая Дорошенку отнюдь не именоваться запорожскимъ гетманомъ. Въ Запорожѣ къ Суховіенку пристала одна партія, въ 6.000 человѣкъ, козаковъ: зато другая партія признала гетманомъ Дорошенка и звала его на лѣвую сторону Днѣпра для черной рады, обѣщая стрѣлы Суховію поломать своими мушкетами. Последняя партія запорожцевъ отправила къ Дорошенку 6 человѣкъ посланцевъ съ приглашеніемъ принять гетманство, но Дорошенко отъ рады отказался, а посланцевъ отпустилъ съ честью, одаривъ ихъ шубами, шапками, сафьяновыми сапогами и отправивъ черезъ нихъ въ Запорожье козакамъ подарки, хлѣбные запасы и овощи ²⁾). Но Суховій не остановился на первой попыткѣ сдѣлаться гетманомъ: написавъ письмо хану отъ имени всего войска, онъ вмѣстѣ съ посольствомъ отъ запорожскаго Коша отправился и самъ къ нему въ Крымъ. Ханъ пріиелъ Суховія очень милостиво, остался очень доволенъ имъ и написалъ письмо въ Запорожье, что раньше того козаки никогда такихъ умныхъ людей не присылали въ Крымъ, а потому просилъ и впредь присылать такихъ «досужихъ», какъ Суховій. Послѣ этого, давъ Суховію

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 102, 103, 141, 142.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 82, 98.

войско, съ Калгой и Нуррединомъ, ханъ приказалъ Дорошенку вмѣстѣ съ Суховіемъ идти противъ князя Григорія Ромодановскаго, выступившаго на Украину для борьбы съ Дорошенкомъ и со всей козацкой старшиной, избившей московскихъ бояръ и воеводъ. Но Дорошенко, видя, что орда больше «прихильна» къ Суховію, нежели къ нему, самъ уклонился отъ похода, а послалъ своего брата, Григорія Дорошенка. Пока Григорій Дорошенко, Суховій, Нуррединъ и Калга-салтанъ успѣли переправиться черезъ Днѣпръ и войти въ лѣвобережные города, князь Григорій Ромодановскій выслалъ противъ татаръ и козаковъ подъѣздъ со своимъ сыномъ Андреемъ. Но возлѣ села Гайворона конотопскаго повѣта татары, октября 10 дня, захватили Андрея Ромодановскаго въ плѣнъ и потомъ утащали его въ Крымъ. Послѣ этого князь Григорій Ромодановскій отступилъ въ Путивль, а Суховій, промѣнявъ нѣкоторое время возлѣ Роменъ, рѣшилъ переправиться съ татарами изъ лѣвобережной Украины въ правобережную и добывать себѣ тамъ чигиринское гетманство. Несмотря на зимнее время, Филипповъ постѣ, Суховій переправился черезъ Днѣпръ и рѣшилъ низложить Дорошенка. Постановлено было союзнымъ козацкимъ войскомъ сперва послать за Дорошенкомъ, потомъ сдѣлать раду и на радѣ постановить запретить запорожскимъ козакамъ впредь дѣлать «тѣсноту» татарамъ; кромѣ того, Суховій особо писалъ Дорошенку о томъ, чтобы онъ явился на раду для того, чтобы запорожцы могли выбрать одного гетмана для обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но Дорошенко, считая небезопаснымъ всякій выѣздъ для себя, снова уклонился отъ этого, объявивъ, что рады бывають для выбора гетмана всегда въ городахъ, а не въ Запорожьѣ. Получивъ такой отвѣтъ татары и запорожцы собрали собственную раду и на ней объявили, гетманомъ Петра Суховія. Послѣ этого Суховій отправилъ своихъ пословъ къ турецкому султану съ просьбой о признаніи его гетманомъ и съ предложеніемъ стоять на тѣхъ статьяхъ, какія съ султаномъ постановилъ Дорошенко. На предложеніе Суховія султанъ отправилъ къ нему собственныхъ пословъ и черезъ нихъ объявилъ ему позволеніе именоваться гетманомъ, а крымскому хану съ ордой приказалъ помогать Суховію, обѣщая прислать весной новое войско, по договору, на крѣпость Кодакъ. Съ этими-то силами Суховій съ Калгой-салтаномъ и съ Нуррединомъ и пошелъ на правый берегъ Днѣпра, подъ города Черкасы. Крыловъ и Чигиринъ. Дорошенко, видя такое дѣло, ничего рѣшительнаго не

могъ предпринять противъ Суховія, кромѣ того, что разослалъ всѣмъ днѣпровскимъ жителямъ приказаніе прятать свои пожитки отъ Суховія и ничего не оставлять ему. Жители въ точности исполнили приказаніе своего гетмана, и Суховій дѣйствительно не нашелъ никакой добычи въ заднѣпровской Украинѣ; татары между тѣмъ требовали отъ него вознагражденія за свой походъ и, не получая его, хотѣли «подуванить» между собой добро Суховія, а его самого, вмѣстѣ съ бывшими при немъ запорожцами, въ полонъ взять. Тогда Суховій, предвидя для себя опасность, черезъ «скороухъ и быстроногихъ пословъ своихъ» далъ о томъ извѣстіе въ Кошъ, гдѣ въ ту пору кошевымъ атаманомъ былъ слабый по характеру Иванъ Бѣлковскій ¹⁾. Кошъ послалъ для выручки Суховія двухъ своихъ полковниковъ, Ивана Сирка и Пашата Улановскаго. Полковники прибыли въ тогобочную Украину въ концѣ декабря мѣсяца, «межѣ святы Рождества Господня». Узнавъ объ этомъ, Нуррединъ не осмѣлился напасть на Суховія и, опасаясь Сирка и Улановскаго, скоро убрался въ Крымъ, а Суховій, вмѣстѣ со своими избавителями, вернулся въ Сичу ²⁾; гетманъ же Дорошенко извѣстилъ о побѣдѣ надъ Суховіемъ и запорожцами всѣхъ козаковъ и приглашалъ украинцевъ обходиться дружелюбно съ великороссіянами ³⁾.

Послѣ этого гетманъ Петро Дорошенко, видя такое «запорожское Суховію вспоможеніе и ратунокъ», началъ зарать додумываться, что Суховій вышелъ изъ Сичи съ намѣреніемъ добиться гетманства Брюховецкаго и Дорошенка не самъ, но могъ быть отправленъ отъ всего низового войска; а также соображая, что не могъ онъ самъ пригласить и знатныхъ крымскихъ салтановъ и вызвать къ себѣ въ самую опасную минуту Сирка и Улановскаго, началъ съ того времени питать въ сердцѣ своемъ злобу противъ запорожцевъ и искать повода, чтобы отомстить имъ ⁴⁾.

Не долго, однако, запорожцы и Сирко стояли за Суховія: будучи еще такъ недавно на его сторонѣ, они выступили теперь за Дорошенка. Тогда Суховій ушелъ къ татарамъ, съ которыми онъ настолько сошелся, что даже побусурманился и принялъ

¹⁾ Архивъ министерства иностр. дѣлъ, 1868, № 13, св. 26.

²⁾ Самовидецъ, 99—102; Грабянка, 198; Величко, II, 168—170.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 6, 7.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 178.

имя Шамай или Ашпатъ-мурзы; при немъ было всего лишь около 300 человекъ запорожцевъ ¹⁾).

Дорошенко, узнавъ объ этомъ, сталъ сноситься съ татарами съ цѣлью «быть попрежнему въ миру съ ними», но съ непремѣннымъ условіемъ выдачи ему Суховія. Татары отвѣчали Дорошенку готовностью на миръ, но съ условіемъ, что если они выдадутъ ему Суховія, то Дорошенко отдастъ имъ Сирка ²⁾. Конечно, на этотъ миръ состояться не могъ. Самъ Сирко въ это время вновь собирался на татаръ. Января 19-го дня 1669 года кievскій воевода бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ доносилъ въ Москву, что около города Полтавы «стояли на дежѣ 5.000 человекъ козаковъ разныхъ полковъ, ожидавшие весны: если Сирко попрежнему пойдетъ на Крымъ, то и они пойдутъ съ нимъ» ³⁾.

Однако, Сирко и на этотъ разъ въ Крымъ не пошелъ: онъ сталъ дѣйствовать заодно съ Дорошенкою противъ татаръ и Суховія въ самой Украинѣ. Въ половинѣ января того же года самъ гетманъ Петръ Дорошенко извѣщалъ своего брата, Андрея Дорошенка, и всѣхъ гадическихъ обывателей о томъ, что охотный полковникъ Сирко посланъ имъ, съ конными и пѣшими войсками, противъ крымскаго хана Батырчи гетмана и Суховія и, божіею помощію, «отважно и мощно» разгромили ихъ во многихъ мѣстахъ, въ особенности же сильно побилъ подъ мѣстечкомъ Ольховцемъ; Суховій понесъ здѣсь страшный уронъ: онъ ушелъ съ поля битвы самъ-пятъ или самъ-пятнадцать; союзники бѣжали сперва о-бокъ съ Канустиной долиной, а потомъ въ городъ Торговицу и оттуда въ Крымъ; побитыхъ татаръ было 4.000 человекъ: при Сиркѣ находился запорожскій полковникъ Улановскій. Послѣ этой битвы всѣ козаки, державшіеся стороны Суховія, перешли на сторону Сирка ⁴⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 151, 157.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 152.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 1, 12, 110, 111, 150, 158.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 34, 60, 62, 113.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Выборъ въ гетманы Многогрішнаго и непризнаніе его запорожцами.—Попытка со стороны Турціи выбрать въ гетманы Юрія Хмельницкаго. — Утвержденіе на гетманствѣ Дорошенка и посольство отъ него въ Сичу. — Замыслы Суховія сокрушить Дорошенка. — Многократная борьба Суховія и Сирка съ Дорошенкомъ, мирные договоры ихъ между собой и намѣренія идти въ лѣвобережную Украину. — Увѣщательная грамота запорожцамъ отъ царя. — Новый походъ Суховія къ Чигирину и послѣднее возвращеніе въ Слѣхъ вслѣдствіе нападенія на нее лимчарь. — Рѣшительныя намѣренія Дорошенка воевать лѣвобережную Украину и объявленіе ему за то вражды запорожцами. — Намѣреніе запорожцевъ склониться московскому государю. — Походъ Сирка подъ Очаковъ. — Затруднительное положеніе Дорошенка и неожиданная помощь со стороны Сирка.

Начало 1669 года ознаменовалось въ исторіи малороссійскихъ козаковъ выборомъ (марта 3-го дня) новаго гетмана Демьяна Многогрішнаго. Многогрішный сперва отказывался отъ гетманства «якъ старая дивка отъ жениха», но потомъ согласился и отправилъ отъ себя въ Москву пословъ съ поклономъ царю. Запорожскіе козаки, также какъ и большинство малороссійскихъ, не признали гетманомъ Демьяна Многогрішнаго, рѣшили собраться на общую раду и выбрать одного, ни отъ кого независимаго, гетмана. Многогрішный, сдѣлавшись гетманомъ, хотѣлъ дѣйствовать въ отношеніи Дорошенка мирнымъ путемъ и въ этомъ духѣ написалъ ему письмо, въ которомъ, между прочимъ, просилъ его очистить всѣ города лѣвобережной Украйны, такъ какъ лѣвобережная Украйна и Запорожье состоятъ въ цѣлости привеликомъ государѣ, царѣ московскомъ; отъ царя на Запорожье по этому поводу посланы и грамоты и опредѣлена низовому войску плата на прокормленіе ¹⁾).

Но Дорошенко въ это самое время былъ занятъ болѣе существеннымъ для него вопросомъ: онъ хотѣлъ получить утвержденіе на своемъ гетманствѣ отъ турецкаго султана. Султанъ найдя, что гетманъ Дорошенко слишкомъ непостояненъ въ своихъ обѣщаніяхъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 109.

и что онъ уже успѣлъ измѣнить и Москвѣ, и Польѣ, и Турціи, отправилъ отъ себя пословъ въ малороссійскій городъ Корсунъ и велѣлъ имъ выбрать новаго гетмана для заднѣпровской Украины. Турецкіе послы явились въ Корсунъ въ первыхъ числахъ мѣсяца марта 1669 года и открыли тамъ раду; рада тянулась въ теченіи десяти дней. Отъ Петра Суховія на эту раду присланъ былъ полковникъ Носъ съ 70-ю козаками съичеваго товариства. Черезъ полковника Носа Суховій прислалъ Дорошенку письмо, въ которомъ писалъ, чтобы Дорошенко отнюдь не мирился ни съ турками, ни съ татарами и шелъ бы въ поле на раду, куда прибудетъ и онъ, Суховій, съ запорожцами: въ противномъ случаѣ Суховій грозилъ Дорошенку совѣмъ выгнать его изъ города Чигирина. Но Дорошенко не обратилъ вниманія на заявленіе Суховія, и рада въ Корсунѣ состоялась. На ней предложенъ былъ турками въ гетманы сперва Юрій Хмельницкій. Но самъ Хмельницкій отвѣчалъ на это отказомъ: онъ объявилъ, что никакого гетманства не желаетъ и если его выберутъ противъ воли, то онъ противъ ратныхъ людей московскаго государя биться не будетъ и на украинскіе города не пойдетъ, потому что на томъ присягалъ великому государю, а сойдетъ въ Запорожье и будетъ воевать противъ татаръ. Послѣ такого заявленія со стороны Хмельницкаго турецкимъ посламъ ничего другого не оставалось, какъ остановиться на прежнемъ гетманѣ, и они волей-неволей выбрали «совершеннымъ» гетманомъ Дорошенка. Въ то время, когда происходила эта рада, запорожцы, въ числѣ семидесяти человѣкъ¹⁾, стояли поодаль отъ города, а потомъ совѣмъ оставили Корсунъ и вернулись въ Запорожье. Но какимъ-то образомъ, однако, Дорошенку удалось захватить изъ нихъ 40 человѣкъ въѣсть съ полковникомъ Носомъ и доковать ихъ цѣпями. Рада окончилась марта 14 дня, и послѣ этого Дорошенко отправилъ отъ себя около 15 человѣкъ посланцевъ въ Запорожье съ листами, къ Петру Суховію. Суховій четырехъ человѣкъ изъ Дорошенковыхъ посланцевъ отпустилъ назадъ, а одиннадцать человѣкъ оковалъ цѣпями и изъ нихъ однихъ приказалъ повѣсить поперекъ по вербамъ, а другихъ послалъ къ хану. Дорошенко, узнавъ объ этомъ, отпустилъ на волю сорокъ человѣкъ запорожцевъ въѣсть съ полковникомъ Носомъ и позволилъ имъ идти, куда захотятъ: изъ нихъ, выбравъ трехъ

¹⁾ По другимъ указаніямъ на радѣ было 11 человѣкъ запорожцевъ съ кейсовымъ асауломъ: Акты южной и западной Россіи, VIII, 145.

человѣкъ и давъ имъ по коню, платью и ружью, гетманъ отправилъ съ листами на Запорожье. Но запорожцы и этимъ не смягчились, и на Украинѣ пронесся слухъ, будто они хотятъ выбрать собственнаго гетмана, если не запорожца Савѣчку, то Демьяна Многогрішнаго, но только не Дорошенка и даже не Суховія. Тотчасъ послѣ праздника Пасхи, на Ёмину недѣлю, иѣкто донской козакъ Обросимъ Телешовъ случайно повстрѣчалъ въ 15 верстахъ отъ Чигирина, подъ Медвѣдовою, полковника Ивана Сирка, который ѣхалъ самъ-четверть въ Чигиринъ. Въ разговорѣ съ Телешовымъ Сирко высказался противъ татаръ и объявилъ, что онъ всегда былъ братъ православнымъ христіанамъ и сынъ восточной церкви, что великаго государя хлѣба-соли онъ до вѣку не забудетъ и что съ бусурманами онъ братства никогда не будетъ имѣть. Самъ отъ себя Телешовъ передалъ въ Москвѣ, что при немъ Сирко на страстной недѣлѣ великаго поста прислалъ въ Чигиринъ 3 человѣкъ татарскихъ языковъ: онъ громилъ татаръ на Поднѣстріи, гдѣ встрѣтился съ ними въ то время, когда они шли изъ Польши съ полономъ ¹⁾).

Однако, слухи объ объявленіи запорожцами кошевымъ Савѣчки и Многогрішнаго не оправдались. Отвращеніе Сирка къ татарамъ также далеко не всѣ раздѣляли. Не раздѣлялъ этого мнѣнія прежде всего Петро Суховій: онъ не только брезгалъ союзомъ съ бусурманами, а напротивъ того, при помощи ихъ хотѣлъ сокрушить Дорошенка. Въ самомъ концѣ апрѣля мѣсяца Суховій изъ Коша на Чортыхъ послалъ письмо переславскому полковнику Дмитрію Райчу и въ немъ прежде всего извѣщалъ своего пріятеля о томъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ запорожцы выбрали его, Суховія, на постоянное гетманство. Затѣмъ сообщалъ, что, послѣ избранія на гетманство, онъ держалъ совѣтъ со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариществомъ войска запорожскаго и рѣшилъ радѣть и промышлять объ успокоеніи отчины и о соединеніи обѣихъ сторонъ Днѣпра подъ единою властію, вслѣдствіе чего приглашалъ Райча не идти къ Дорошенку, а идти къ нему, Суховію. Далѣе Суховій сообщалъ о томъ, что Райча скоро услышитъ о пребываніи его, Суховія, съ запорожцами и съ крымскимъ ханомъ подъ Чигириномъ и что онъ уже разослалъ приказаніе всѣмъ полковникамъ правой и лѣвой стороны Днѣпра собираться на Цыбульникъ. Почти въ такихъ же самыхъ словахъ и о томъ же са-

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 137, 138, 145, 161, 187.

момъ писалъ Петро Суховій и къ прилудкому полковнику Ивану Маценку, сообщая ему о намѣреніи своемъ вскорѣ послѣ святой недѣли идти къ Чигирину и приглашая полковника идти противъ Дорошенка. Объ избраніи Петра Суховія въ гетманы и о его намѣреніи идти подъ Чигиринъ съ запорожцами и ордой тому же Ивану Маценку сообщалъ изъ Коша на Чортомлыкѣ и бывший прилудкій полковникъ Лазарь Горленко, другъ и кумъ Маценка. Горленко одобрялъ намѣреніе Маценка оставить Дорошенка и «подлетать» къ Многогрішному, но совѣтовалъ ему лучше всего «быть двоєличною китайкою ко всякому на время, потому что это лучше будетъ для него ¹⁾».

Намѣреніе свое Суховій дѣйствительно незамедлительно исполнить: собравъ запорожцевъ и 40.000 татарской орды, онъ «по травѣ», тотчасъ послѣ великоденескаго праздника, вышелъ подъ Черный лѣсъ, расположился въ 30 верстахъ отъ Чигирина и больше трехъ разъ подбѣгалъ съ запорожскими козаками къ Чигирину. Мѣботину и другимъ мѣстамъ правой стороны Днѣпра, причиняя жителямъ огромные убытки въ рогатомъ скотѣ и лошадахъ и захватывая много людей въ неволю. Крымскій ханъ и ногайскій мурза отложились отъ турецкаго султана и, вопреки его запрещенію, сдружились съ Суховіємъ и съ запорожскими козаками; ханъ прислалъ всякихъ запасовъ и сукна на кафтаны запорожцамъ. Сопольники рѣшили простоять все лѣто возлѣ Чигирина и добывать его. При Суховіи былъ и Иванъ Сирко. Въ это время «стали поглядывать на Суховіеву руку» и три полка, полтавскій, миргородскій и лубенскій, и даже склонны были отправить отъ себя посланцевъ въ Запорожье ¹⁾. Мая 10 дня кіевскому воеводѣ князю Григорію Козловскому доносили, что Дорошенко назначилъ въ Чигиринѣ новую раду и на той радѣ хочетъ сдать свое гетманство, а крымскіе татары, въ числѣ 20.000 съ запорожцами, стоятъ въ 20 верстахъ отъ Чигирина, на рѣчкѣ Цыбульникѣ, и ожидаютъ хана: когда же ханъ придетъ, то татары и запорожцы будутъ чинить промыселъ надъ Дорошенкою, а лѣтомъ пойдутъ къ Кіеву, и къ другимъ городамъ заднѣпровской Украины. Въ слѣдъ затѣмъ о намѣреніяхъ запорожцевъ получилъ вѣсть мѣжнискій воевода Иванъ Ржевскій; ему сообщали, что въ Чигиринѣ, въ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 180, 182, 221.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 161, 162, 163, 167, 168.

маломъ городкѣ, засѣлъ какой-то запорожскій полковникъ (нужно думать, Сирко) съ козаками, который не пускалъ къ себѣ Дорошенка, что самъ Дорошенко сидитъ въ большомъ городѣ и находится въ непрерывной тревогѣ отъ татаръ и что Суховій отовсюду зазывалъ татаръ, чтобы окончательно ударить на Дорошенка. Но въ тотъ же день воевода Ржевскій получилъ и другую вѣсть, что Дорошенко вошелъ въ мировую съ Суховіемъ и Сиркомъ и, соединившись съ ними, задумалъ перейти на лѣвую сторону Днѣпра, чтобы добывать государевы города. Вѣсть эта потомъ подтвердилась, и мая 11 дня въ Кіевѣ стало извѣстно, что Дорошенко и Сирко уже даже послали на переяславскую сторону два козацкихъ пѣхотныхъ полка, чтобы они «заступили» близкіе къ Днѣпру города, Золотоношу и Лубны. Полковники посланныхъ полковъ, Головаченко и Манжосъ, переправились черезъ Днѣпръ подъ Оржищевымъ и ждали, пока Дорошенко и Сирко подымутъ орду и всею силою пойдутъ на поляковъ и на малороссійскіе лѣвой стороны Днѣпра города. Они отпразднили пословъ къ турецкому султану съ просьбой о принятіи въ подданство Дорошенка, и объявили приказъ всемъ козакамъ и крестьянамъ заднѣпровской и кіевской стороны быть наготовѣ. Самъ Суховій въ это время былъ въ Запорогахъ, гдѣ состоялъ кошевымъ атаманомъ козаковъ, и приглашалъ Дорошенка на раду, но Дорошенко по-прежнему ему въ томъ отказалъ. Особо отъ Манжоса и Головаченка стояли полковники Иванъ Малютенко въ Воронковѣ и Иванъ Гладкій въ Острѣ съ 700 человекъ запорожцевъ ¹⁾).

Видя приближавшуюся грозу со стороны Дорошенка и Сирка, гетманъ Демьянъ Многогрішный послалъ изъ Батурина, мая 10 дня, увѣщательное письмо въ Запорожье на имя кошевого атамана Петра Суховія и всего славнаго рыцарства низового, на Кошу, на лугахъ и на поляхъ обрѣтающагося. Въ этомъ письмѣ Многогрішный прежде всего сообщалъ запорожцамъ о томъ, что онъ много разъ писалъ имъ раньше означеннаго времени, но письма эти, вѣроятно, не доходили къ нимъ, въ чемъ онъ видѣлъ дѣйствія козней безбожнаго и нелюбящаго добра, лубенскаго полковника Григорія Гамалин, сторонника Дорошенка. Затѣмъ онъ раскрывалъ все неблаговидные поступки гетмана Петра Дорошенка, которому онъ нѣкогда повиновался, какъ старшему, надѣясь, что

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 208, 183, 165, 189, 223.

онъ будетъ промышлять объ общемъ благѣ и доставить народу миръ и тишину; въ дѣйствительности же Дорошенко, забравъ скарбъ и арматы убитаго Брюховецкаго и переправивши все это за Днѣпръ, покинулъ на произволъ судьбы города лѣвой стороны Днѣпра и его самого, наказнаго гетмана Демьяна Многогрішнаго, объявивъ ему, чтобы онъ, Многогрішный, самъ оборонялся отъ московскихъ войскъ. Тогда ему, Многогрішному, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ «договориться» съ его царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ на тѣхъ статьяхъ, на какихъ договорился славной памяти гетманъ Богданъ Хмельницкій. Закачивая свое письмо, Многогрішный молилъ запорожцевъ оставить хана и склониться къ православному монарху, такъ какъ московскій государь уже даровалъ свободу всѣмъ тѣмъ украинцамъ, которыхъ позасылалъ Брюховецкій въ Москву и въ другіе города, а крымскій ханъ едва-ли и одной дунѣ христіанской дастъ свободу ¹⁾).

Вѣроятно, это письмо или вновь не дошло, или слишкомъ поздно въ Сичъ пришло: по крайней мѣрѣ, посланцы самого же Демьяна Многогрішнаго, бывшіе въ Москвѣ, въ самомъ концѣ мѣсяца мая, разсказывали тамъ, что запорожцы, которые ходили для рыбы, передавали, что имъ нѣтъ ни отъ царскаго величества грамотъ, ни отъ гетмана Многогрішнаго письма ²⁾).

Дошло-ли письмо гетмана Многогрішнаго до Суховія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Суховій далекъ былъ отъ мысли держать сторону Москвы. Суховій и крымскій ханъ Адиль-Герай, находясь попрежнему въ миру, рѣшили дѣйствовать заодно и постановили на слѣдующемъ между собою договоръ: Адиль-Герай посредствомъ орды и козаковъ освободится отъ турецкаго ига, а Суховій съ запорожцами посредствомъ орды освободится отъ Польши и Москвы; на томъ Суховій и Адиль-Герай написали письмо Дорошенку и приглашали его примкнуть къ нимъ. Но Дорошенко, получивъ объ этомъ извѣстіе, отвергъ предложеніе и написалъ турецкому султану письмо съ жалобой на хана и съ просьбой низвергнуть его съ трона и вмѣсто него назначить другого, согласнаго во всемъ съ Дорошенкомъ человекомъ. Узнавъ объ этомъ, ханъ Адиль-Герай и Суховій рѣшили идти къ Чигирину и захватить тамъ въ руки Дорошенка со всей его старшиной. Въ свою очередь, Дорошенко, узнавъ о рѣшеніи

¹⁾ Акты южной и восточной Россіи, VIII, 176—178.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 173.

Суховія и Адиль-Герая, поднялся на хитрость: онъ сталъ склонять на свою сторону Суховія и предлагалъ ему собственную дочь въ замужество, желая тѣмъ выиграть время и укрѣпиться турецкими силами ¹⁾).

Благодаря этой уловкѣ, до открытаго дѣйствія между противниками дѣло не дошло, и оба они опять заговорили о новой радѣ и о выборѣ новаго и единого гетмана вмѣсто ихъ обоихъ. Мая 21 дня ѣхавшіе черезъ Кіевъ греческіе купцы показали воеводѣ князю Григорію Козловскому, что во время своего пути они видѣли полковника Ивана Сирка съ 50 конными козаками, со словъ самого Сирка они узнали, что онъ ѣдетъ въ Лодыжинъ за Григоріемъ Дорошенкомъ, гдѣ съ нимъ было 2.000 человекъ козаковъ. Въ Лодыжинѣ же купцы слыхали, что у Дорошенка имѣеть быть вскорѣ рада и на той радѣ козаки будутъ выбирать новаго гетмана и съ новымъ гетманомъ пойдутъ на малороссійскіе города московскаго государя.

О Петрѣ Суховѣ князь Козловскій получилъ вѣсть, что онъ стоялъ въ 30 верстахъ отъ города Кодака съ 2.000 козаковъ и съ 10.000 татаръ и изъ мѣста своей стоянки отпразднилъ 8 человекъ посланцевъ къ Дорошенку, прося его явиться на раду подъ городъ Крыловъ, на урочище Цыбульникъ, для выбора новаго гетмана. Дождавшись Дорошенка и примирившись съ нимъ, Суховій съ татарами и запорожцами также предполагалъ идти на малороссійскіе города ²⁾).

Въ Москвѣ всѣ эти вѣсти пока не были извѣстны, и царь Алексѣй Михайловичъ іюня 11 дня написалъ письмо, на имя кошевого атамана (безъ фамиліи) и всего войска, къ запорожскимъ козакамъ съ увѣщаніемъ не прельщаться никакими прелестями, склонять другихъ къ царскому величеству и быть въ послушаніи у гетмана Демьяна Многогрішнаго. Изъ самого письма видно, что царь былъ введенъ въ заблужденіе извѣщеніемъ гетмана Многогрішнаго о готовности кошевого атамана и всего низового войска, сообразно прежнему своему обѣщанію, служить вѣрно великому государю, его царскому величеству ³⁾).

Между тѣмъ гетманъ Дорошенко, согласно просьбѣ Суховія,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 230; IX, 162—164.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 212, 214, 250.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 246.

вышелъ, іюня 6 дня, изъ Чигирина съ козаками, и направился къ урочищу Цыбульнику, имѣя твердое намѣреніе сдать свое гетманство другому лицу. Услышавъ о движеніи Дорошенка, полковники полтавскій, миргородскій, гадячскій и лубенскій, каждый со своимъ полкомъ, потянули въ Ромны, гдѣ стоялъ посланный раньше того Дорошенкомъ полковникъ Манжосъ. Гетманъ Демьянъ Многогрішный, предвидя бѣду, послалъ къ царю листъ съ просьбой о скорѣйшей высылкѣ на Украину московскихъ ратныхъ людей въ виду наступленія отъ всюду внутреннихъ и вѣнскихъ вратовъ ¹⁾).

Но опасенія Многогрішнаго на этотъ разъ были напрасны: Дорошенко, вышедшій изъ Чигирина для рады на урочище Цыбульникъ, потерялъ довѣріе со стороны населенія и долженъ былъ вернуться въ Чигиринъ. Это объясняется выходомъ изъ Запорожья Суховія съ татарскими салтанами и съ Юріємъ Хмельницкимъ, котораго татары хотѣли видѣть единымъ гетманомъ вмѣсто Дорошенка. При Суховіѣ было 200 человекъ конныхъ и 300 пѣшихъ запорожцевъ да нѣсколько тысячъ татаръ, съ которыми онъ расположился въ 160 верстахъ отъ Кіева, подъ Тясьминою. Суховій и татары потребовали, чтобы Дорошенко шелъ на раду къ рѣкѣ Росавѣ вмѣсто Цыбульника. Дорошенко и на этотъ разъ изъявилъ свое согласіе и двинулся къ назначенному мѣсту: но за нимъ послѣдовало только три полка — чигиринскій, черкасскій и серденяцкій, остальные полки — уманскій, корецкій, бѣлоцерковскій, казыницкій, наволочскій и торговецкій — перенли и поддались Суховію. Вѣроятно, это обстоятельство заставило Дорошенка вновь вернуться назадъ въ Чигиринъ и отказаться отъ участія на радѣ. Недовольные этимъ, Суховій и татарскіе салтаны рѣшили идти къ Чигирину и добывать тамъ Дорошенка. Для полнаго успѣха ханъ прислалъ въ Запорожье 1.000 коней, чтобы дать возможность идти въ походъ и тѣмъ козакамъ, которые, за неимѣніемъ лошадей, не могли выбраться изъ Сичи. Но запорожцы взяли изъ присланныхъ тысячъ коней только пятьсотъ, на которыхъ и поплыли подъ Чигиринъ, а остальныхъ отослали назадъ. Въ началѣ мѣсяца іюня Суховіи съ запорожцами и салтаны съ татарами были уже возлѣ Чигирина; они хватали тамъ стада и уже намѣревались сдѣлать общій приступъ на городъ, но въ это время

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 250, 238, 232, 248.

пришло тревожное извѣстіе изъ Сичи, которое заставило Суховія и запорожцевъ бросить Чигиринъ и съ поспѣшностью возвратиться въ Запорожье. Дѣло состояло въ томъ, что въ отсутствіе Суховія крымскій ханъ отправилъ на Запорожье 1.000 человекъ татаръ и приказалъ имъ «засѣсть» Сичу и вырубить оставшихся въ ней запорожцевъ. Но коварный замыселъ татаръ не удался имъ: оставшіеся въ Сичи бывшій кошевой атаманъ Курило собралъ всѣхъ запорожцевъ, находившихся на лицѣ и бывшихъ въ дугахъ на промыслахъ, и съ ними «отсѣлъ» Сичу, многихъ татаръ побилъ, многихъ потопилъ, многихъ прочь отогналъ; изъ послѣднихъ нѣкоторые побѣжали къ крымскимъ мурзамъ, которые были съ Суховіемъ подъ Чигириномъ, и сообщили имъ обо всемъ случившемся въ Сичи. Суховій, послѣ большой ссоры съ мурзами, оставилъ Чигиринъ и вернулся въ Сичь.

Такъ разсказывали объ этомъ дѣлѣ въ Москвѣ нѣжинскіе обыватели, писарь Филиппъ Константиновъ и бурмистръ Яковъ Ждановъ. Самъ гетманъ Демьянъ Многогрішный излагалъ царю въ письмѣ, что на Сичь напали не татары, присланные ханомъ, а янычары, присланные турецкимъ султаномъ, и выбилъ ихъ не кошевой Курило, а самъ Суховій, поспѣшившій вернуться въ Сичь. Послѣ петребленія янычаръ послѣдній остался въ Сичи съ татарами, бывшими при немъ, и больше не помышлялъ пока о походѣ къ Чигирину ¹⁾.

Такъ или иначе, но московскій царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ обо всемъ происшедшемъ на Украинѣ, писалъ Дорошенку, чтобы онъ вывелъ своихъ козаковъ, а съ ними вмѣстѣ и козаковъ Ивана Сирка, изъ городовъ лѣвой стороны Днѣпра въ города правой, такъ какъ по андрусовскому миру, заключенному между Россіей и Польшею, лѣвобережные города Украины отошли отъ Польши къ Россіи, и Дорошенко, какъ гетманъ, объявившій себя на этотъ разъ подданнымъ польскаго короля, оставилъ бы лѣвобережную Украину ²⁾.

Но Дорошенко не послушалъ приказанія московскаго царя, и когда планъ объ избраніи гетманомъ Юрія Хмельницкаго для городовъ обѣихъ сторонъ Днѣпра не состоялся, то Дорошенко рѣшилъ добиться этого для себя лично. На этотъ разъ онъ при-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 263, 270, 260, 250.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 271; IX, 242.

влекъ на свою сторону крымскаго хана, получилъ отъ него помощь и послалъ на лѣвую сторону Днѣпра полковника Григорія Гамалію съ козаками и татарами противъ наказнаго гетмана Константина Стрыбевскаго, сторонника Демьяна Многогрішнаго. Стрыбевскій вышелъ изъ города Роменъ на встрѣчу Гамаліѣ, но былъ разбитъ и навсегда оставилъ поле сраженія, а остатокъ его войска перешелъ къ Дорошенку ¹⁾.

Въ борьбѣ гетмана Демьяна Многогрішнаго принимали участіе и запорожскіе козаки вмѣстѣ съ Петромъ Суховіємъ. Но на этотъ разъ Суховій потерпѣлъ неудачу и бѣжалъ въ Запорожье ²⁾. На ту пору въ Запорожьѣ былъ кошевымъ атаманомъ Лукашъ Мартыновичъ. Узнавъ о рѣшительныхъ намѣреніяхъ Дорошенка воевать лѣвобережную Украину, Лукашъ Мартыновичъ и все низовое войско написали ему письмо, въ которомъ упрекали его въ томъ, что онъ, будучи сыномъ Украины, не по сыновски, однако, поступаетъ съ ней и, желая достигъ гетманства на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, призвалъ къ себѣ изъ Крыма бусурманъ и проливаетъ съ ними кровь христіанскую, дѣлая то не для общаго блага, а для собственныхъ «властимыхъ приватъ». Въ заключеніе письма запорожцы «пильно» просили Дорошенка прекратить дальнѣйшее кровопролитіе и разореніе отчины и отстать отъ своихъ «широкихъ» замысловъ, при чемъ напоминали ему евангельскій текстъ о чловѣкѣ, весь міръ приобрѣвшемъ, но забывшемъ о дунѣ своей ³⁾. Тонъ этого письма сильно не понравился Дорошенку и онъ не скрывалъ своего нерасположенія ко всему запорожскому войску.

Января 15 дня, 1670 года, запорожскіе козаки отправили семь чловѣкъ посланцевъ къ гетману Демьяну Многогрішному и черезъ него стали бить челомъ великому государю, царю московскому, принять ихъ по прежнему въ подданство и гетману въ послушаніе ⁴⁾.

Въ свою очередь и гетманъ Петро Дорошенко отправилъ къ Демьяну Многогрішному пословъ и черезъ нихъ просилъ лѣвобережнаго гетмана быть въ единеніи и дружбѣ съ нимъ. Причина этой просьбы объяснялась тѣмъ, что Дорошенку стало извѣстно

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 223.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 42, 82.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 224—226.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 159.

твердое намѣреніе запорожцевъ, соединившихся съ татарами, идти противъ него войной и разорить его города. Самъ польскій король присылалъ Дорошенку посланцевъ и черезъ нихъ совѣтовалъ гетману быть съ запорожцами въ согласіи: поляки опасались, чтобы черезъ Дорошенку на Польшу не поднялись турки и не причинили бы ей бѣды. Король грозилъ, что если Дорошенко не сладитъ съ запорожцами, то Польша, заодно съ русскими и запорожцами, пойдетъ на него войной и разорить все его города до основанія, чтобы черезъ него впродъ не было ссоръ между великими государствами ¹⁾.

Рѣшеніе запорожцевъ воевать противъ Дорошенку было твердое и единодушное: мая 5 дня у нихъ собрана была рада; на этой радѣ, въ присутствіи кошевого атамана Михайла Ханенка, читаны были листы, которые запорожцы имѣли отослать черезъ Суховія въ Крымъ. Въ этихъ листахъ писано было къ хану, чтобы онъ не ходилъ войной противъ польскаго короля, у котораго заключенъ вѣчный миръ съ московскимъ государемъ; въ противномъ случаѣ запорожцы грозили хану обратиться съ просьбой къ царскому величеству о помощи и вмѣстѣ съ русскими стоять головами противъ татаръ. По прочтеніи писемъ, адресованныхъ хану, запорожцы на той же радѣ написали письмо и гетману Дорошенку, въ которомъ совѣтовали ему отъ турецкаго султана отстать, кровопролитіе христіанъ прекратить, съ войскомъ запорожскимъ и съ козаками лѣвой стороны Днѣпра попрежнему въ подданствѣ у великихъ государей, царя московскаго и короля польскаго, быть и за христіанскую вѣру сообща со всеми твердо противъ наступающихъ на нее враговъ стоять ²⁾.

Послѣ такого рѣшенія тотъ же кошевой атаманъ, Михайло Ханенко, отправилъ въ Москву письмо изъ Коша на Чортмыкѣ, на имя стольника Артемона Сергѣевича Матвѣева, съ извѣстіемъ о единодушномъ желаніи всехъ запорожцевъ идти войной противъ турокъ и съ просьбой къ царю прежде всего принять все низовое войско «подъ крыло высококрѣпкой царской руки», а потомъ выслать въ Сичъ запасы пороху, свинцу и сукна, а также денегъ на постройку судовъ ³⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 195, 186.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 226.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 222.

Обо всемъ происшедшемъ въ Сичи гетманъ Демьянъ Многогрішній узналъ отъ своего родного брата Василя и посѣвшихъ сообщить царю о намѣреніи запорожцевъ отправить въ Москву пословъ ¹⁾).

Между тѣмъ запорожцы какъ бы въ доказательство своей готовности служить царю и воевать противъ враговъ православной вѣры, отправили отрядъ молодцовъ на Низъ противъ турецкихъ городковъ, подѣ начальствомъ Ивана Сирка. Іюня 20 дня Иванъ Сирко ходилъ подѣ Очаковъ и, ставши близъ самого города, захватилъ много добычи, скота, взялъ въ полонъ нѣсколько чело-вѣкъ турокъ, татаръ, волоховъ, а весь городъ выжегъ. Объ этомъ Сирко самъ доносилъ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, воеводѣ бѣлгородскому, іюля 18 дня, изъ Коша на Чортотмыкѣ, называя себя кошевымъ атаманомъ низового войска и прося донести царскому величеству просьбу запорожцевъ прислать имъ пушекъ думныхъ (домовыхъ) и гранатъ съ рацами для «збуренія» турецкихъ и татарскихъ городковъ, чтобы сдѣлать свободнымъ морской путь, и обѣщаясь за то чинить, вмѣстѣ съ поляками, «спильный» промыселъ своею старостью надѣ тѣми городками ²⁾).

Іюля 20 дня у запорожескихъ козаковъ былъ кошевымъ атаманомъ уже не Сирко, а Михайло Ханенко. Что произошло между запорожцами и ихъ бывшимъ кошевымъ Иваномъ Сиркомъ, неизвѣстно, но въ этотъ день Михайло Ханенко, въ качествѣ кошевого атамана, написалъ царю Алексѣю Михайловичу листъ и отправилъ его въ Москву черезъ полковника Степана Обиду съ товарищами. Въ своемъ листѣ Ханенко объявлялъ государю, что въ Сичь дошла вѣсть относительно союза московскаго царя съ польскимъ королемъ и что Ханенко и «сѣверный» гетманъ Многогрішній, обрадовавшись этой вѣсти, учинили между собою раду и рѣшили ударить челомъ государю съ цѣлью испросить у него милостивое къ себѣ вниманіе и выразить искреннія пожеланія царскому и королевскому величествамъ счастливыхъ успѣховъ въ борьбѣ съ воюющимъ на христіанъ непріателемъ.

Не смотря на полную готовность всего низового войска служить московскому государю, Многогрішній, узнавъ объ отправкѣ ими своихъ пословъ, Степана Обиды съ товарищами, написалъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 231.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 242.

письмо стольнику Артемону Сергѣевичу Матвѣеву съ жалобой на запорожцевъ за то, что они не назвали его «гетманомъ» въ своемъ къ нему листѣ, а также и за то, что они, по слухамъ, хотѣтъ выбрать гетмана въ самомъ Запорожѣ, такъ какъ выбраннаго въ городахъ не считаютъ настоящимъ гетманомъ; вѣдѣтніе этого Многогрѣшный просилъ стольника Матвѣева не вѣрить искренности полковника Обиды и всего низового войска ¹⁾).

Царь на листъ Ханенка отвѣчалъ грамотой, писанной іюля 28 дня. Въ этой грамотѣ сказано было, что запорожцы учинили противность царскому величеству и убили въ Запорогахъ безвиннаго посла, стольника Ефима Лодыженскаго, и другихъ, съ нимъ бывшихъ людей, чѣмъ нарушили свою клятву въ вѣрности передъ святымъ евангеліемъ и забыли государскую милость, но царское величество въ вины запорожскихъ козаковъ, какъ учиненныя отъ неразумныхъ и легкомысленныхъ людей, отпускаетъ и на будущее время предастъ забвенію. Зато приказываетъ козакамъ, чтобы они впредь не называли гетмана Демьяна Многогрѣшнаго «сѣвернымъ» гетманомъ, какъ называли они его въ своемъ письмѣ, а именовали бы гетманомъ запорожскимъ и жили бы съ нимъ въ любви и совѣтѣ. Въ заключеніе царской грамоты было прописано, что царь приказалъ послать въ запорожское войско двѣ пушки, запасы, свинецъ, порохъ и сукно для войска, кромѣ жалованья полковнику Обидѣ и его товарищамъ ²⁾.

Отправивъ запорожцамъ грамоту, черезъ мѣсяцъ послѣ этого царь отправилъ на Украину къ гетману Демьяну Многогрѣшному подъячаго Михайла Савина «для дѣлъ великаго государя». Приѣхавшему въ городъ Гадячъ Савину Многогрѣшный сообщилъ свѣжія вѣсти о томъ, что на Дорошенка и его города правой стороны Днѣпра собрался войной крымскій ханъ, а на города лѣвой стороны идетъ Юрій Хмельницкій съ Калгой-Нуррединимъ; что ханъ хочетъ сдѣлать Хмельницкаго гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и что Хмельницкій уже стоитъ у Китай-города, близко Запорожь, на лѣвой сторонѣ Днѣпра; что сами запорожцы ссылаются съ извѣстнымъ воромъ Стенькой Разинымъ и приглашаютъ его идти безопасно на низовые города, объявляя ему, будто

¹⁾ Акты южной и западной Россіи. IX, 232—235.

²⁾ Бантишъ-Каменскій, Источники, Москва, 1858, I, 232.

гетманъ Многогрішній не состоитъ въ подданствѣ у великаго государя и потому не станетъ чинить надъ нимъ промисла ¹⁾).

Въ это же время самому Многогрішному изъ вѣрныхъ источниковъ донесли, что подлинно Юрій Хмельницкій, поставленный гетманомъ отъ турецкаго султана, вышелъ на судахъ изъ Царьграда съ 60.000 янычаръ и прибылъ въ городъ Таванъ; что къ нему хочетъ идти самъ ханъ «своею собачьею особой» и что съ нимъ уже соединились Нуррединъ-калга и много великихъ салтановъ; что ханъ послалъ извѣстіе черезъ пословъ о выходѣ Хмельницкаго и татарскихъ ордъ къ запорожскимъ козакамъ, а запорожскіе козаки отиравили отъ себя къ хану собственныхъ пословъ, Василия Завалія и Оедора Хребтака, благодарить хана за извѣстіе и провѣдывать о подлинныхъ вѣстяхъ. Впрочемъ, тѣ же запорожцы, еще за двѣ недѣли до поднятія съ мѣста орды, у себя на радѣ высказывали злыя мысли противъ Хмельницкаго, говоря, что пусть только выйдетъ Хмельницкій съ ордами, то они дадутъ ему гетманство..., подѣ Заборою на Чортомлыкѣ сложентъ весь нарядъ и въ Сичи сдѣланы всѣ приготовления, и все войско негодуетъ на гетмана, чтобы онъ не выходилъ на Русь и сидѣлъ бы на Кошѣ, потому что и безъ него много было такихъ, которые производили бунтъ. Тому же Многогрішному извѣстно было и то, что татары рѣшили дѣйствовать въ двухъ пунктахъ, съ одной стороны подѣ Чигириномъ, съ другой подѣ Полтавою ²⁾).

Тѣснѣ всѣхъ отъ союза запорожцевъ съ татарами пришлось Дорошенку. Кромѣ татаръ, на Дорошенка шли также Михайло Ханенко и Петро Сухойй. Многогрішній разсчитывалъ, что Дорошенко будетъ разбить его противниками, и потому писалъ въ Москву, чтобы, въ случаѣ его бѣгства въ лѣвобережную Украину, приказано было не принимать его ни въ города, ни въ села. Положеніе Дорошенка было дѣйствительно критическое: онъ не имѣлъ у себя никакихъ союзниковъ, кромѣ блвгородскихъ татаръ, повиновавшихся въ то время силистрійскому пашѣ и не признававшихъ власти ни турецкаго султана, ни крымскаго хана. Союзники стѣснили Дорошенка въ Стеблевѣ, и ему бы пришлось очень плохо, если бы въ самую рѣшительную для него минуту не пришла помощь отъ запорожцевъ. Запорожцы на приглашеніе Юрія Хмель-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 262.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 265, 266, 263.

никакого идти противъ Дорошенка отвѣчали, что они у турецкаго султана въ подданствѣ не желаютъ быть, и если Хмельницкому есть какое дѣло, то пусть идетъ въ Запорожье и тамъ козаки учинятъ раду для того ¹⁾. Спасителемъ Дорошенка былъ собственно Иванъ Сирко, который въ-время, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, додалъ помощи Дорошенку, и его враги бѣжали: бѣжала сперва крымская орда, потомъ Ханенко и Суховій, потомъ Хмельницкій ²⁾. По замѣчанію лѣтописца XVIII вѣка, Ригельмана, Сирко питалъ вражду противъ Ханенка и Суховія и, кромѣ того, не зналъ еще доподлинно о переходѣ Дорошенка къ турецкому султану и потому взялъ сторону стѣпеннаго со всѣхъ сторонъ гетмана ³⁾. Но вѣрнѣе будетъ сказать, что это произошло отъ того, что въ правилахъ Сирка всегда было держать сторону угнетеннаго, кто бы онъ и гдѣ бы ни былъ.

Такъ или иначе, но послѣ дѣла въ Стеблевѣ Петро Суховій сдалъ свои притязанія на гетманство Михайлу Ханенку и оба они вернулись въ Сичь. Чувствуя себя безсильнымъ, Ханенко рѣшилъ войти въ сношеніе съ польскимъ королемъ Михаиломъ III и черезъ него утвердиться на гетманствѣ правой стороны Днѣпра. Король принялъ эту просьбу, но съ условіемъ, если Ханенко отдастъ города своего регимента Подльшѣ. Ханенко согласился на это, въ чемъ находилъ себѣ сочувствіе и въ простомъ населеніи правобережной Украины: простолюдины видѣли въ Дорошенкѣ губителя православной вѣры и рѣшили, что лучше имъ стоять подъ польскимъ, все же христіанскимъ, королемъ, нежели подъ турецкимъ, невѣрнымъ, царемъ. Михайло Ханенко велъ переговоры съ польскимъ королемъ черезъ особыхъ пословъ, самого кошевого атамана Григорія Целеха, Василя Завалія и другихъ старшинъ ⁴⁾. Для избранія гетмана собраны были въ городѣ Умани представители отъ трехъ, самыхъ западныхъ козацкихъ полковъ, которые и признали Михайла Ханенка въ гетманскомъ званіи правобережной Украины ⁵⁾. Въ слѣдъ за этимъ Михайлу Ханенку приказано было выслать въ городъ Острогъ комиссаровъ для «уконтентованія войска запорожскихъ козаковъ».

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 235.

²⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 107.

³⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 122.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 259.

⁵⁾ Антоновичъ, Историческіе дѣятели юго-зап. Россіи, I, 96.

Коммиссары отправлены были въ числѣ болѣе пятидесяти человекъ съ войсковымъ судьей Семеномъ Богаченкомъ, и отпущены были назадъ септябрю 2 дня. Пять человекъ изъ этихъ коммиссаровъ съ Василиемъ Алексѣенкомъ возвращались назадъ черезъ города Демянна Многогрѣшнаго и везли съ собой какой-то запечатанный отъ короля листъ къ крымскому хану, о чемъ гетманъ Многогрѣшный немедленно сообщилъ царю ¹⁾. Изъ остальныхъ коммиссаровъ сорокъ человекъ вмѣстѣ съ Богаченкомъ, задержавшись на нѣкоторое время въ Острогѣ для полученія тамъ клеймотовъ войсковыхъ, возвращались въ концѣ септябрю мѣсяца черезъ города Многогрѣшнаго на Низъ со знаменемъ и съ литаврами для новаго гетмана Ханенка и съ письмомъ Многогрѣшному отъ польскаго короля. Въ этомъ письмѣ король упрекалъ лѣвобережнаго гетмана за то, что онъ задержалъ одного изъ запорожскихъ пословъ, Василія Завалія, шедшаго вмѣстѣ съ коневымъ Григоріемъ Пелехомъ въ посольствѣ къ королю, и отослалъ его въ города московскаго государства. Король хлопоталъ о томъ, чтобы вернуть Завалія въ Запорожье и написалъ о томъ московскому царю. Многогрѣшный обо всемъ этомъ извѣстилъ царя и въ свое оправданіе по поводу Василія Завалія сообщалъ, что запорожскіе послы, когда еще ѣхалъ Пелехъ къ королю, сами оставили Завалія въ Батуринѣ для возвращенія его съ письмомъ, тутъ же написаннымъ, въ Сичу къ козакамъ, и онъ послѣ ихъ отъѣзда тотъ же часъ возвратился въ Запорожье. Сообщая объ этомъ царю, Многогрѣшный въ то же время сообщалъ и о томъ, что прибывшіе къ нему послы Семень Богаченко съ товарищами избрали путь на города лѣваго берега Днѣпра, избѣгая гетмана Дорошенка; что шесть человекъ изъ ихъ числа остались еще при королевскомъ величествѣ на сеймѣ для полученія булавы и также будутъ возвращаться городами лѣвой стороны Днѣпра. По этому поводу Многогрѣшный задержалъ у себя пословъ Ханенка и спрашивалъ у царя разрѣшенія на то, можно-ли ему пропускать ихъ черезъ малороссійскіе города, вотчину царскаго величества. Письмо Многогрѣшнаго къ царю оканчивалось извѣстіемъ о возвращеніи его родного брата Василія изъ Запорожья и о поступленіи его на службу къ бѣлгородскому воеводѣ князю Григорію Рого-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи. IX, 268.

дановскому, къ которому гетманъ отправилъ часть своего войска для войны противъ «клятвопреступнаго вора» Стеньки Разина ¹⁾.

Въ слѣдъ за письмомъ къ царю гетманъ послалъ новое письмо къ Артемену Сергѣевичу Матвѣеву, въ которомъ, изъявляя боярину, что, «вслѣдствіе своей рабской готовности во всемъ остерегать пресвѣтлый престолъ царскаго величества, онъ сообщаетъ о проѣздѣ черезъ городъ Батуринъ королевскаго стольника Андрея Жалскаго да трехъ запорожскихъ посланцевъ Ивана Завиша, Стефана Бѣлаго да Василя Завалія съ данными имъ отъ короля знаменемъ, булавой и бунчукомъ для войска запорожскаго» ²⁾.

Вѣроятно, отъ этого же излишняго усердія «къ престолу царскаго величества» гетманъ Многогрішный сталъ запрещать свободный отходъ украинскихъ козаковъ на Запорожье, а также и козаковъ запорожскихъ, бывшихъ на Украинѣ и возвращавшихся въ Сичъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ приказывалъ даже хватать и въ тюрьму бросать. Михайло Ханенко, узнавъ о томъ, писалъ Многогрішному, что такого порядка отъ древнихъ лѣтъ на Украинѣ не бывало: прежде не только по одному или по два человека, но цѣлыми полками козаки изъ городовъ на Запорожье ходили и ни отъ кого въ томъ запрещенія не имѣли. Ханенко просилъ Многогрішнаго черезъ письмо, посланное запорожцемъ Иваномъ Шиломъ, прекратить такое распоряженіе, возвратитъ все добро запорожскимъ товарищамъ, попавшимъ было въ тюрьму въ Миргородѣ и ушедшимъ оттуда на Запорожье, а также выправить деньги отъ Петра Суховія, который, никому не сказавшись, хитростію ушелъ отъ запорожскихъ козаковъ и захватилъ съ собою изъ скарба 170 ефимковъ войсковыхъ ³⁾.

Такъ или иначе, но Михайло Ханенко достигъ своей цѣли и объявленъ былъ гетманомъ правобережной Украины въ противность гетману Дорошенку. Въ этомъ онъ обязанъ былъ всецѣло запорожскимъ козакамъ, такъ какъ, сидя въ Запорожьи и черезъ запорожскихъ комиссаровъ, онъ велъ все свои переговоры съ польскимъ королемъ. Результаты переговоровъ запорожцевъ съ поляками были апробованы королемъ и подтверждены сеймовою комиссіей декабря 22 дня, 1670 года, и касались не только горо-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 290—293.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 326.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 282—284.

дового, но и низового или запорожского войска, «находящагося на Низу, въ Сичѣ».

«Послѣ прїѣзда пословъ урожденнаго Хапенка, гетмана нынѣшняго, отъ насъ (короля Михаила) подтвержденнаго, по его и войска запорожскаго низового челобитью и статей поданныхъ, всѣ ихъ желанія въ Острогѣ мы (король) приняли, удовольствовали, соединили, а всѣ чины Рѣчи-Посполитой на сеймѣ близко прошлымъ конституціею подтвердили, которые договоры не токмо низовымъ, но и городовымъ козакамъ и всѣмъ жителямъ будущимъ, имѣютъ быти, егда должную добродѣтель, віру, желательство и истинное подданство самымъ дѣломъ объявляти и намъ (королю) и Рѣчи-Посполитой додерживати будутъ, какъ въ конституціи, и въ универсалахъ нашихъ помянуто, черезъ пословъ войска запорожскаго низового посланныхъ, пространство есть описаніе»¹⁾.

Все дѣло сдѣлано было въ городѣ Острогѣ сентября 2 дня, но подтверждено комиссіею декабря 22 дня. Въ комиссіи отъ запорожцевъ были: Семень Богаченко, Яковъ Ярошенко, Романъ Малюкъ, Иванъ Полтавецъ, Иванъ Завиша, Степанъ Бѣлый, Василій Алексѣенко съ товарищами, а также войсковою запорожскіи писарь, Андрей Тарасенко, подписавшіеся собственною рукою отъ имени всего низового его королевскаго величества запорожскаго войска. По универсалу король обѣщалъ сохранять древнюю войсковую вольность запорожскихъ козаковъ и віру греческой церкви: въ замѣнъ чего требовалъ отъ запорожцевъ прекратить всякіе въ Сичи и въ волостяхъ бунты собственными силами, не давать распространяться этому злу и всякаго, кто будетъ противиться такому постановленію, воевать и казнить, какъ непріятеля. Самъ Хапенко признанъ гетманомъ на основаніи гадлячскихъ (нѣсколько измѣненныхъ) статей и принесъ на томъ присягу королю и Рѣчи-Посполитой, въ замѣнъ чего получилъ булаву, бунчукъ, печать и камышину²⁾.

Въ острожскомъ договорѣ запорожцевъ съ поляками нигдѣ не видно главнѣйшаго запорожскаго дѣятеля XVII вѣка, Ивана Сирка. Повидимому, все дѣло было сдѣлано заступившимъ мѣсто Сирка Михайломъ Хапенкомъ и главными изъ вожаковъ самого товариства. Острожскій договоръ запорожскихъ козаковъ съ поль-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 359.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 359—357; Величко, II, 269—272.

скимъ королемъ не былъ измѣной низового войска русскому царю, такъ какъ, по установленному андрусовскому перемирію Россіи и Польши, Запорожье въ одинаковой мѣрѣ принадлежало какъ Россіи, такъ и Польшѣ. Московскій царь не могъ официально объявить запорожцевъ измѣнниками и имѣлъ право претендовать только на то, что условія острожской комиссіи между козаками и поляками были сдѣланы безъ его вѣдома и безъ присутствія московскихъ полномочныхъ представителей. Но сами запорожцы не считали себя измѣнниками русскому царю и могли въ этомъ случаѣ выставить на видъ то, что они дѣлали благое дѣло, одинаково полезное какъ для Польши, такъ и для Россіи, — взяли на себя задачу успокоить раздражаемую смутами Украйну и заградить ее отъ злѣйшихъ ея враговъ, татаръ и турокъ. Но въ Москвѣ иначе посмотрѣли на дѣло условій, заключенныхъ запорожцами съ польскимъ королемъ, и если не объявили запорожцевъ именемъ измѣнниковъ явно, то признали ихъ таковыми тайно.

О происшедшемъ между польскимъ королемъ и Михаиломъ Ханенкомъ съ запорожцами въ Москвѣ получена была вѣсть, января 27 дня, 1671 года, отъ архимандрита кіево-печерской лавры, Пиннокентія Гизеля. Пиннокентій Гизель сообщалъ, что Ханенко и запорожцы отдались подъ покровительство польскаго короля съ тѣмъ, чтобы служить одному королевскому величеству и отступить отъ ея царскаго пресвѣтлаго величества ¹⁾. -

Тѣмъ временемъ гетманъ Петро Дорошенко, узнавъ о договорѣ запорожцевъ съ польскимъ королемъ и имѣя двухъ противниковъ себѣ, одного, Многогруднаго, въ Батуринѣ, а другого, Ханенка, въ Умани, написалъ запорожцамъ, на имя кошевого атамана Лукаша Мартыновича, обширное письмо, въ которомъ, оправдывая себя, говорилъ, что онъ принялъ турецкую протекцію не по легкомыслію своему, а по великой нуждѣ, а именно потому, что вся заднѣпровская Украйна, по андрусовскому трактату, очутилась вновь въ рукахъ поляковъ, выторговавшихъ ее себѣ у московскаго царя, подобно тому, какъ торгуютъ безсловеснымъ и ничего несмыслящимъ скотомъ, свергнувшихъ ее въ первобытное людское иго и выбравшихъ, на погибель Украйны, къ двумъ гетманамъ еще и третьяго. Письмо это вызвало у запорожскихъ козаковъ различныя ощущенія: одни, слушая его, плакали; другіе,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 346.

слушая его, поносили и лаяли Дорошенка. Кошевой атаманъ Лукашъ Мартыновичъ хотѣлъ-было отвѣчать на него, но ему не позволила этого сдѣлать запорожская «халастра». Дорошенко же, долго ждавшій отвѣта отъ запорожцевъ и не дождавшись его, увидѣвъ въ этомъ пренебреженіе къ себѣ и снова сталъ питать ненависть къ запорожцамъ ¹⁾).

---

¹⁾ Велпчко, Лѣтопись. Кіевъ, 1851, II, 295—302.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Обращеніе польскаго короля къ московскому царю за помощію противъ Дорошенка и отказъ со стороны царя. — Борьба Ханенка, Сирка и польскаго короля съ гетманомъ Дорошенкомъ. — Покореніе запорожцами побугскихъ и подиѣстринскихъ городовъ—Бершадя, Лодыжина и другихъ. — Подвиги Сирка въ борьбѣ съ татарами и захватъ ими въ плѣнъ югайскаго мурзы Тенмамбета въ плѣнъ. — Паденіе гетмана Многогрѣшнаго. — Ссылака Ивана Сирка въ Сибирь. — Вторженіе турокъ въ Подолю. — Приготовленіе московскаго царя къ борьбѣ съ турками: усиленіе Сичи и крѣпости Кодака ратниками и возвращеніе изъ Сибири, по ходатайству польскаго короля и по просьбѣ запорожцевъ, Ивана Сирка. — Военные подвиги запорожскихъ козаковъ въ отсутствіе Сирка: походъ ихъ противъ Петра Дорошенка заодно съ Михайломъ Ханенкомъ и захватъ ими бѣжавшихъ въ Крымъ и Турцію посланцевъ Дорошенка. — Прибытіе Сирка въ Сичу и его походы противъ непріятелей. — Морское повѣтріе въ Сичи.

Объявивъ Михайла Ханенка гетманомъ правобережной Украйны, польское правительство стало собираться къ борьбѣ съ Дорошенкомъ и обратилось по этому поводу за помощію къ московскому царю. Московскій царь, отправляя въ Польшу пословъ, передалъ черезъ нихъ отказъ въ просьбѣ королю и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свое неудовольствіе польскому правительству. вслѣдствіе отправки въ Запорожье посла Андрея Жалекскаго съ войсковыми клейнотами и съ запорожцами Завишей, Бѣлымъ и Завалиемъ: царское величество того королевскаго посланнаго велѣлъ возвратить въ Польшу, а запорожскихъ посланцевъ отпустить на Запорожье, потому что королевское величество и Рѣчь-Посполитая поступили не по андрусовскому договору,—въ андрусовскомъ договорѣ сказано, что Запорожье съ тамошними островами и поселеніями должно состоять въ послушаніи обоихъ великихъ государей, а королевское величество, не обославшись съ царскимъ величествомъ, самолично отправилъ посла въ Запорожье ¹⁾).

Несмотря на отказъ со стороны московскаго царя въ вспоможеніи войскомъ противъ гетмана Дорошенка, положеніе послѣдняго все-таки оказалось незавиднымъ, и онъ, предупреждая

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 381, 382.

опасность, вновь заговорилъ о своемъ желаніи поддаться московскому государю и хлопоталъ о томъ, чтобы царь приказалъ гетману Дем'яну Многогрібному не пропускать изъ Сичи къ польскому королю запорожскихъ пословъ и не давать имъ ни корма, ни питья. Дорошенко доказывалъ, что все ссоры на Украинѣ происходятъ отъ запорожцевъ и вселенски старался о томъ, чтобы царь ни въ чемъ не вѣрилъ имъ и написалъ бы свой указъ ко всему украинскому населенію не слушать запорожцевъ ни въ чемъ¹⁾.

Но въ Москвѣ къ донесенію Дорошенка отнеслись такъ же отрицательно, какъ и къ просьбѣ польскаго короля, и Дорошенко принужденъ былъ бороться со своими противниками собственными средствами и средствами крымскаго хана, съ которымъ онъ вошелъ въ союзъ. Весной 1671 года Дорошенко отправилъ на Украину родного брата своего, Григорія Дорошенка, чѣмъ сталъ «причинять Украинѣ большую нѣкodu». Эта нѣкoda была такъ велика, что противъ Григорія Дорошенка поднялись польскіе гетманы, коронный Лигъ Собѣскій и польный князь Димитрій Вишневецкій. Видя, однако, «великую доуку» отъ татаръ, гетманы отправили на Запорожье пословъ, приглашая черезъ нихъ запорожское войско идти на помощь полякамъ противъ татаръ къ Лодыжинѣ «и ознаймуючи о своемъ приходѣ на Побужье»²⁾. Собѣскій и Вишневецкій стояли въ это время на Глинномъ-полѣ, промежъ Бара, Григорій Дорошенко съ 6.000 бѣлгородскихъ татаръ—на границѣ, въ мѣстечкѣ Стѣпѣ, а самъ Петро Дорошенко расположился подъ Бѣлою-Церковою съ одними козацкими полками, безъ татаръ, но въ ожиданіи къ себѣ крымскаго хана; къ хану онъ послалъ калыницкій полкъ для охраненія татарскихъ улусовъ отъ запорожцевъ. Сами запорожцы, съ Иваномъ Сиркомъ и съ Михайломъ Ханенкомъ, только что вернулись изъ похода подъ турецкіе города Асламъ-городъ и Джанъ-Кермень; послѣдній они взяли приступомъ, и стада, бывшія возлѣ него, захватили съ собою. Когда Сирко вернулся въ Сичу, то козакъ приняли его съ большою благодарностью, приказали выдать ему изъ войскового скарба платье и просили, принявъ на себя званіе ватага, готовиться къ походу въ поле. Въ Сичи былъ и Михайло Ханенко. Козакъ рѣшили

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 391—397.

²⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Киевъ, 1878, 110.

общемою радюю отправить за калмыками, такъ какъ они разорвали мирныя отношенія съ татарами. Какъ разъ въ это время и прибылъ къ запорожцамъ посолъ отъ поляковъ. Съ посломъ отправлено было нѣсколько человѣкъ пановъ, но ихъ схватила Дорошенкова сторожа и только одинъ изъ нихъ, съ листами, успѣлъ добѣжать въ Сичу ¹⁾.

Прочитавъ листъ, привезенный польскимъ посломъ, Сирко и Ханенко взяли съ собою 6.000 человѣкъ самыхъ отборныхъ козаковъ и съ ними двинулись на подмогу польскимъ гетманамъ ²⁾. Къ тому времени Петро Дорошенко оставилъ Бѣлую-Церковь и сошелъ въ Ставища ³⁾, гдѣ и ждалъ къ себѣ двигавшагося изъ Крыма хана съ татарами. Сирко и Ханенко, услышавъ о движеніи татаръ, залегли на переправахъ дорогу хану, бились съ нимъ три дня и не мало татарскихъ головъ положили, а послѣ боя помирились съ ханомъ и сдѣлали съ нимъ договоръ идти вмѣстѣ войною на Дорошенка. Въ это же время бѣлогородская орда, бывшая вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, но разбитая польскими гетманами подъ Брацлавомъ, оставила Украину и ушла въ свою землю. То же сдѣлалъ и калыницкій полкъ, который посланъ былъ Дорошенкомъ въ Крымъ для защиты отъ запорожцевъ: онъ очутился при Михайлѣ Ханенкѣ ⁴⁾. Послѣ этого къ Сирку и Ханенку прибылъ слуга князя Виннивецкаго, Ковалевскій, и Сирко съ Ханенкомъ двинулся въ Бернады для соединенія съ польскими войсками, а изъ Бернады поднялся до Лодыжина ⁵⁾. Дорошенко пошелъ было въ слѣдъ за Сиркомъ и Ханенкомъ къ Бугу, и былъ уже въ 10 верстахъ отъ нихъ, но за большою водою не могъ переправить ни пѣхоты, ни конницы черезъ рѣку, сколько ни старался о томъ и, потерпѣвъ на извѣстныхъ бродахъ большой уронъ въ людяхъ, повернулъ назадъ въ Чигиринъ «съ оскудѣлымъ и въ запасахъ оголодѣлымъ войскомъ», гдѣ и ждалъ до 29 числа мѣсяца сентября Пуррединъ-салтана съ татарскимъ войскомъ и пашу съ бѣлогородскою ордою ⁶⁾. Между тѣмъ Сирко и Ханенко, счастливо ушедшіе отъ Дорошенка, прошли

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 415, 419, 448.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 415, 419, 448.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 454.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 445, 446.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 448.

⁶⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 454, 451.

въ Лодыжинѣ. Къ приходу Сирка и Ханенка польскіе гетманы успѣли уже побить татаръ подъ Брацлавомъ и занять его своими войсками. Сдѣлавши раду въ Лодыжинѣ, Сирко и Ханенко пошли подъ Кальникъ, который не хотѣлъ сдаться польскимъ гетманамъ; у Кальника козаки и жолнѣры простояли двѣ недѣли, занятые добываніемъ его. Не взявъ Кальника, козаки и поляки отступили къ Брацлаву и отсюда въ началѣ октября мѣсяца разослали гарнизоны въ сдавшіеся польскому королю замки: Могилевъ (на Днѣстрѣ), Немировъ, Лодыжинъ, Стеню, Рашиковъ и въ самый Брацлавъ; войскамъ всѣхъ замковъ польскіе гетманы отдали приказаніе повиноваться гетману Ханенку и придали ему въ помощники рейментаря Вѣжицкаго: самъ же Ханенко съ Сиркомъ, козаками и жолнѣрами расположился въ Лодыжинѣ, гдѣ козаковъ запорожскихъ кормили люди, а жолнѣры «питались съ гроша» ¹⁾. Октября 6 дня, польный гетманъ князь Димитрій Вишневецкій стоялъ уже съ польскими войсками подъ Кальникомъ, откуда собирался перейти въ Бѣлую-Церковь, а коронный гетманъ Янъ Собѣскій—въ Лысянку: при нихъ же были Сирко и Ханенко ²⁾. Въ это же время Дорошенко, собравши воевъ себя нѣсколько тысячъ татаръ, вышелъ изъ Чигирина и расположился въ Лысянкѣ: при немъ было три татарскихъ салтана да нѣсколько тысячъ (отъ 40 до 60) крымскихъ и бѣлгородскихъ татаръ ³⁾. Октября 20 дня Дорошенко отпривилъ подъ Кальникъ, противъ Ханенка, Сирка и Собѣскаго, подѣздъ изъ выборныхъ козаковъ и татаръ и тутъ между противниками произошелъ бой: коронный гетманъ побилъ на голову козаковъ и татаръ Дорошенка, многихъ изъ татаръ взялъ въ полонъ и отпривилъ къ королю въ Краковъ. Съ польскими гетманами было очень много войска, и потому Дорошенку приходилось отъ него очень тѣсно: козаки Дорошенка постоянно перебѣгали отъ него къ Сирку и Ханенку, и Дорошенко готовился отступить въ Кореунъ, для чего приказалъ укрѣплять его валами ⁴⁾. Послѣ этого боя запорожцы и поляки оставили Кальникъ и двинулись ближе къ Днѣпру. Октября 24 дня у запорожцевъ и поляковъ въ мѣстечкѣ Ильинцахъ, въ 50 верстахъ отъ Умая, была рада, въ присутствіи польскихъ гетмановъ, и на этой радѣ

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтописъ, Кіевъ, 1878, III, 112; Акты, IX, 573.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 573.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 572, 580, 582, 585.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 581.

Сирко и Ханенко съ запорожскими козаками присягнули быть въ вѣчномъ подданствѣ у польскаго короля и стоять заодно противъ общихъ непріятелей; въ замѣнъ того польскіе гетманы присягнули Сирку, Ханенку и всѣмъ запорожскимъ козакамъ не отнимать у нихъ стародавнихъ привилегій и вольностей ¹⁾. Вѣроятно, въ это же время запорожцамъ опредѣлено было «его королевскою милостію» жалованье деньгами и сукнами, а Сирку и Ханенку присланы были золото и шелкъ на одежду ²⁾.

Послѣ рады подъ Ильинцами коронный гетманъ пошелъ подъ Бѣлую-Церковь, польный гетманъ съ Ханенкомъ двинулся къ Ставищамъ, а Сирко пошелъ вмѣстѣ съ поляками и запорожцами, конными и пѣшими, на татаръ, и въ 15 верстахъ отъ Ильинцевъ побилъ ихъ около 2.000 человекъ, а послѣ боя съ татарами спустился въ Рашковъ и оттуда, съ пятью-стами человекъ, пошелъ въ подѣздъ въ Бѣлгородчину. Гетманъ Дорошенко въ свою очередь послалъ подѣздъ изъ татаръ и козаковъ подъ городъ Немировъ, гдѣ находилась королевская казна съ деньгами и сукнами, которая была везена изъ Польши на жалованье козакамъ Михаила Ханенка ³⁾. Подѣздъ осадилъ городъ Немировъ, но чѣмъ кончилась эта осада, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ едва ли чѣмъ-либо рѣшительнымъ, такъ какъ за Немировымъ, въ Пятигорахъ, стояли польскіе гетманы съ войскомъ. Послѣдніе, состоявъ въ Пятигорахъ, спустились къ Днѣстру, и тутъ одинъ изъ нихъ сталъ въ Рашковѣ, другой въ Могилевѣ, а Ханенка поставили въ Лодыжинѣ. При нихъ было очень много войска—козаковъ, поляковъ, наемныхъ пѣшцевъ; они заняли всѣ города отъ Днѣстра до Буга, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подѣлали замки, и расположились въ нихъ на зимнюю стоянку ⁴⁾. Ханенко имѣлъ у себя два полка или 2.000 козаковъ да 1.000 поляковъ; изъ Лодыжина онъ посылалъ на лѣвую сторону Буга, подъ Зиньковцы, гдѣ стояло 30.000 человекъ бѣлгородской и крымской орды и янычаръ, войскового асаула Ивана Шила съ семью-стами человекъ запорожской пѣхоты. Запорожцы, перешедъ Бугъ, нашли въ Подворкахъ 500 человекъ татаръ, и побили ихъ, но въ это

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 575, 576.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 548, 585.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 585.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 587, 590.

время на запорожцевъ настигла орда и въ свою очередь разгромила ихъ. Съ Ханенкомъ былъ въ Лодыжинѣ и Сирко, который, впрочемъ, скоро оставилъ Лодыжинъ и спустился въ Чечельникъ. Поября 7 дня Ханенко принялъ посланные ему отъ польскаго короля klejnoty, бунчукъ и булаву, въ мѣстечкѣ Млиникахъ, въ двухъ миляхъ отъ Кальника ¹⁾. Изъ своихъ стоянокъ Ханенко и Сирко собирались идти въ Крымъ противъ татаръ, чтобы не пропустить ихъ на помощь Дорошенку. Последний по прежнему стоялъ въ Лысянкѣ и взывалъ о помощи къ крымскому хану, но ханъ пока отказывалъ въ помощи своему союзнику, такъ какъ боялся прихода на свои города и улусы Ханенка и Сирка ²⁾. Сирко и Ханенко дѣйствительно, снявшись со своихъ мѣстъ, ударились въ Бѣлогородчину и въ Волошескую землю: тутъ они разгромили три села, изъ коихъ одно называлось Чабурчѣ, и взяли статку 4.000 рублей, но когда повернули назадъ, то на нихъ напалъ салтанъ Пуррединъ съ ордой, янычарами и съ пушками, вышедши въ числѣ 10.000 изъ Очакова. Настигнувъ ихъ въ урочищахъ за Куяльникомъ ³⁾, въ степи, ханъ сталъ по нимъ стрѣлять изъ пушекъ, но пушки эти разорвались, и никакого уцѣрба запорожцамъ не причинили. Когда же Ханенко и Сирко пришли къ рѣкѣ Бугу, то здѣсь ихъ встрѣтилъ королевскій посолъ съ обѣщаніемъ, что если запорожцы пойдутъ къ польскимъ украиннымъ городамъ, то получать отъ короля плату. Сирко и Ханенко, повѣривъ этому, пошли къ польскимъ городамъ, и въ концѣ ноябля были уже въ Лодыжинѣ ⁴⁾. Между тѣмъ самъ Пуррединъ-салтанъ посѣщилъ къ Дорошенку. Прибывъ къ Дорошенку, онъ потребовалъ къ себѣ Магометъ-нашу съ бѣлогородской ордой и съ отрядомъ турецкаго войска въ 2.500 человекъ, стоявшимъ у Каменца-Подольскаго для обереженія отъ поляковъ. Турки и бѣлогородскіе татары, въ числѣ коихъ былъ мурза Тецмамбетъ, пошли на помощь къ Пурредину и встрѣтились съ нимъ близко Уманя ⁵⁾.

Такимъ образомъ Дорошенко, усилившись татарами и турками,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 646, 647.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 587, 590.

³⁾ Гѣчекъ съ названіемъ Куяльникъ три: Верхній, Средній и Нижній; первый двѣ въ ананьевскомъ, послѣдній въ тираспольскомъ уѣздѣ херсонской губерніи.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 647.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 895.

ноября 24 дня, двинулся изъ Лысянки противъ своихъ враговъ. Дорошенка зазывали къ себѣ сами лодыженцы, обѣщая ему выдать Ханепка съ запорожскими козаками. Услышавъ объ этомъ, польскіе гетманы отправили пословъ къ Дорошенку въ Лысянку съ предложеніемъ помириться, не пустошить земли и быть попрежнему при своихъ вольностяхъ въ подданствѣ у польскаго короля; но Дорошенко и Бѣлогородскій паша отказали въ томъ гетманамъ, объявивъ, что они помирятся съ козаками подо Львовомъ, а не въ черкасскихъ городахъ. Гетманъ Дорошенко рассчитывалъ, справясь съ поляками, идти на города лѣвой стороны Днѣпра ¹⁾. Выйдя изъ Лысянки съ пашой и Нуррединомъ, съ козацкими и татарскими войсками, онъ приблизился къ Лодыжинѣ, но здѣсь, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ запорожцевъ и поляковъ всѣми силами, началъ посылать подбѣги. Такое дѣйствіе Дорошенка объяснялось тѣмъ, что онъ не имѣлъ у себя пушекъ, которыми могъ бы обстрѣливать со всѣхъ сторонъ Лодыжину. Запорожцы и поляки противъ Дорошенкова войска дѣлали удачныя вылазки, нанося многимъ татарамъ смертельныя раны. Не причинивъ никакого вреда Лодыжинѣ, Дорошенко отошелъ отъ него и взялъ какой-то черкасскій ²⁾ надъ Бугомъ городокъ, побивъ въ немъ много людей и похитивъ животину его, но къ самой крѣпости этого городка также не приступалъ. Послѣ этого похода Дорошенко съ козаками и татарами повернулъ назадъ, къ Днѣпру. Тутъ Нуррединъ сталъ въ Корсунѣ, Бѣлогородцы и съ ними Тенхамбетъ-мурза — близъ Кіева и Канера, турецкій паша пернулся въ Бѣлогородъ, а самъ Дорошенко расположился въ Чигиринѣ. Нуррединъ-салтанъ, пробывъ съ Дорошенкомъ четыре мѣсяца, и, отпраздновавъ свой байрамъ, снялся со своимъ войскомъ и пошелъ изъ Корсуни въ Хорошеву ³⁾.

Въ Москвѣ, по всей видимости, не были довольны дѣйствіями запорожцевъ за союзъ ихъ съ поляками; больше всего, конечно, не могло понравиться царю извѣстіе о присягѣ низоваго войска на вѣрность польскому королю, и этимъ можно объяснить отправку царскою грамотою, декабря 19 дня, гетману Дем'яну Многогрішному о непропускѣ торговыхъ людей съ хлѣбными запасами на

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 612.

²⁾ Въ актахъ онъ не названъ по имени.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 624, 895, 894.

Запорожье. Въ этой грамотѣ писалось, что къ царю должно подлинное извѣстіе о тайномъ проходѣ людей изъ новыхъ слободъ бѣлгородскаго полка и изъ городовъ близъ Тора и изъ самого Тора съ хлѣбными запасами въ Запорожье и въ Сичу, а также о переправахъ изъ городовъ полтавскаго полка украинскихъ козаковъ черезъ рѣки Орель и Самару близъ устья ихъ; не желая, чтобы это повторялось на будущее время, царь послалъ о томъ грамоту бѣлгородскому воеводѣ Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ строгимъ наказомъ отнюдь никого не пропускать въ Запорожье съ хлѣбными запасами и ни съ чѣмъ другимъ и въ слѣдъ за посланной грамотой къ князю послалъ о томъ же грамоту и гетману ¹⁾).

Прочное положеніе Дорошенка, заручившагося содѣйствіемъ татаръ, и неопредѣленное положеніе польскихъ гетмановъ, въ виду приближавшагося сепма въ Варшавѣ, заставили поляковъ снова войти въ мирные переговоры съ Дорошенкомъ: послѣ праздника Рождества Христова къ Дорошенку отправлены были королевскіе послы «для того, чтобы Дорошенко былъ въ соединеніи съ королевскимъ величествомъ». Но Дорошенко этимъ посламъ отвѣчалъ, что онъ можетъ помириться съ поляками только тогда, когда они выдадутъ ему Сирка и Ханенка, а не выдадутъ ему Сирка и Ханенка, то онъ съ ними мириться не станетъ и весной будетъ воевать поляковъ съ турками и съ ордами.

А Ханенко въ это время стоялъ въ Лодыжинѣ, имѣя при себѣ 6.000 запорожцевъ, Сирко же пошелъ въ Чечельникъ съ 500 запорожцевъ: оба держались стороны польскаго короля и оба собирались идти на Лысянку и Чигиринъ ²⁾).

Впрочемъ, сами запорожцы уже недовольны были польскимъ правительствомъ, которое обѣщало имъ жалованье, если только они придутъ въ украинные польскіе города. «и хотя запорожцы пришли въ города королевскаго величества, но все-таки платы имъ отъ короля ничего не дано, и какъ будетъ весна, то они отъ Сирка и Ханенка все думаютъ разойтись по городамъ» ³⁾). Извѣрившись въ польское правительство, запорожцы вновь хотѣли стать «подъ высокoderжавную и непобѣдимую руку царскаго

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 613—615.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 640, 641, 628, 830.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 647.

пресвѣтлаго величества въ вѣчномъ подданствѣ» и о томъ порѣшили просить ходатайства у гетмана Демьяна Многогрішнаго черезъ своихъ пословъ: «И только великому государю, его царскому величеству, запорожцы будутъ годны, то онъ, гетманъ, будетъ призывать, чтобъ они были подъ рукою царскаго величества въ вѣчномъ подданствѣ»¹⁾. Такъ доносилъ въ Москву стрѣлецкій полуголова Александръ Танѣевъ, бывшій у гетмана Многогрішнаго февраля 7 дня 1672 года по дѣламъ великаго государя и съ милостивымъ словомъ къ гетману. Очевидно, желая расположить къ себѣ Многогрішнаго, запорожскіе послы тутъ же сообщили ему о томъ, что къ Дорошенку уже посыластъ пословъ съ разными подарками литовскій гетманъ Казиміръ Пацъ и склоняетъ его къ миру съ поляками, но Дорошенко отказываетъ Пацу и думаетъ идти на города Украины лѣвой стороны Днѣпра²⁾.

Но Дорошенко на города лѣвой стороны Днѣпра не пошелъ, такъ какъ въ это время онъ лишился главныхъ своихъ союзниковъ, Нуррединъ-салтана и Тенмамбетъ-мурзы. Нуррединъ и Тенмамбетъ, выйдя изъ своихъ зимнихъ стоянокъ, пошли подъ городъ Хорошевъ, а изъ-подъ Хорошева Нуррединъ-салтанъ направился въ Крымъ; а Тенмамбетъ—въ Бѣлогородъ на Днѣпрѣ. Послѣдній, разлучившись съ Нуррединъ-салтаномъ, пройдя нѣкоторое разстояніе, вслѣдствіе того, что у него пристали лошади, долженъ былъ остановиться на рѣкѣ Куляникѣ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, близко бѣлогородскаго рубежа. Тогда же Тенмамбетъ сталъ кормить лошадей, то тутъ на него наскочили Сирко съ запорожцами и, перебивъ нѣсколько человекъ татаръ, трехъ взяли живыми въ плѣнъ и съ ними самого Тенмамбетъ-мурзу³⁾.

Отходъ Нуррединъ-салтана и плѣненіе Тенмамбетъ-мурзы ничего хорошаго не обѣщали гетману Дорошенку, и потому онъ на время смолкъ, выжидая благоприятныхъ обстоятельствъ.

Въ это время на лѣвой сторонѣ Днѣпра произошло чрезвычайно важное и совсѣмъ неожиданное обстоятельство, а именно лишеніе гетманства (марта 13 дня, 1672 года) и потомъ ссылка въ Сибирь Демьяна Многогрішнаго со всей его семьей и съ нѣко-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 639.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 633.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 894, 895.

торыми изъ его «соучастниковъ», въ числѣ коихъ былъ и войсковой генеральный асаулъ, Павелъ Грибовичъ. Противъ Многогрішнаго выставлено было 38 обвинительныхъ пунктовъ, изъ коихъ первый состоялъ въ слѣдующемъ: «Безпрестанно онъ списывался и братство и дружбу имѣлъ великую съ Петромъ Дорошенкомъ, и хотѣлъ онъ же поддаться турецкому салтану». Последній пунктъ касался и запорожскихъ козаковъ: «Посланному гетмана Многогрішнаго приказано было говорить отъ Петра Дорошенка о запорожцахъ особо: когда мы (гетманы) съ ляхами имѣемъ воинскую забаву, чтобъ онъ (Многогрішный) не допущалъ имъ съ Низу въ города выходить, и какъ на сей, такъ и на той сторонѣ Днѣпра возмущенія чинить» ¹⁾. При арестованіи Демьяна Многогрішнаго арестовали и его брата Василія; послѣдній успѣлъ было бѣжать въ Кіевъ, гдѣ ректоръ братскаго монастыря предлагалъ ему уйти въ Запорожье и скрыться тамъ, но Василій Многогрішный отъ этого отказался, говоря, что когда онъ былъ въ Запорожьи, то тамъ ссорился съ козаками ²⁾.

Послѣ отправки гетмана Многогрішнаго въ Москву управленіе Украиной вѣрено было тремъ старшинамъ: Петру Забѣлѣ, Ивану Самойловичу и Ивану Домонтовичу. Марта 31 дня эти старшины отправили въ Москву семь просительныхъ статей, и послѣдняя изъ нихъ касалась Запорожья: просить царское величество учинить указъ о томъ, пускать-ли или не пускать людей съ запасами на Запорожье. На эту статью послѣдовалъ отвѣтъ: на Запорожье людей и запасовъ не пропускать, какъ о томъ и раньше приказано было бывшему гетману Демьяну Многогрішному, для того, чтобы вмѣстѣ съ людьми, побывавшими въ Запорожьи, не проходила на Украину никакая смута ³⁾.

Паденіе и ссылка въ Сибирь гетмана Демьяна Многогрішнаго имѣли особенное значеніе для запорожскаго вождя, Ивана Сирка. Само по себѣ это обстоятельство обыкновенное: гетманы постоянно смѣнялись на Украинѣ и многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ лишеніемъ гетманскаго достоинства лишались и жизни. Но для Сирка вѣсть о паденіи Многогрішнаго особенно западала въ душу: видя, какія ничтожества брали въ свои руки гетманскую булаву, Сирко рѣшилъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 751, 759.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 797, 798.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 834, 835.

добиться гетманства на Украинѣ для себя лично. Вѣсть объ этомъ скоро дошла въ Москву и тамъ, зная военныя способности Сирка, его вліяніе на запорожцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его ненадежный нравъ и стремленіе къ полной независимости, рѣшили всеми мѣрами не допустить его до гетманства. Въ томъ помогли Москвѣ и зложелатели Сирка, правобережный гетманъ Петро Дорошенко и новый, замѣнившій Многогребіннаго, лѣвобережный гетманъ Иванъ Самойловичъ и ихъ неразборчивые въ средствахъ сторожники, изъ коихъ главный полтавскій полковникъ Федоръ Жученко. Противники Сирка знали по опыту, чего можно было ожидать отъ него, когда онъ возьметъ въ свои руки гетманскую булаву, и потому рѣшились на самыя крайнія мѣры, чтобы избавиться отъ опаснаго имъ человѣка. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Разгромивъ бѣлгородскую орду и захвативъ съ собою мурзу Тенмамбета, Сирко перебрался на лѣвую сторону Днѣпра и снесся съ бояриномъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, просилъ черезъ него государскои милости. Получивъ на «карткѣ государскую милость», Сирко повѣрилъ Ромодановскому и изъ мѣстечка Новаго-Санжара, полтавскаго повѣта, направился вѣстѣ съ зятемъ своимъ, Иваномъ Сербинимъ, въ городъ Курскъ къ боярину Григорію Ромодановскому, чтобы сдать ему плѣннаго мурзу. Личный врагъ его, полтавскій полковникъ Федоръ Жученко, воспользовавшись тѣмъ, что Сирко ѣхалъ частнымъ человѣкомъ, безъ запорожскаго войска, внезапно напалъ на него, схватилъ, оковалъ желѣзами и отвезъ въ Батурины, а мурзу Тенмамбета отправилъ въ Полтаву и засадилъ въ тюрьму. Это произошло 19 апрѣля 1672 года, а 22 апрѣля того же года Иванъ Самойловичъ, Петръ Забѣла и Иванъ Домонтовичъ извѣщали царя о поимкѣ Сирка, выставляя тотъ мотивъ, что онъ, разлучившись съ Ханенкомъ, гетманомъ польской стороны, переправился по лѣвую сторону Днѣпра не для чего иного, какъ «для всѣянiя между народомъ бунта, а также и для того, чтобы склонить полтавскій и гадячскій полки на сторону Ханенка»; въ заключеніе челобитчики просили царя, чтобы онъ указалъ имъ, какъ поступить съ пойманнымъ Сиркомъ. На этотъ листъ царь Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ грамотою на имя Григорія Ромодановскаго о томъ, чтобы онъ немедленно прислалъ Сирка въ Москву, такъ какъ стало извѣстно, «что генеральная старшина и все войско запорожское и чернь того Ивана Сѣрка хотять обратъ гетманомъ». Царское приказаніе было испол-

непо въ точности: Сирко былъ доставленъ въ Москву, а изъ Москвы отправленъ въ Сибирь, въ городъ Тобольскъ. Бѣжавшій изъ Тобольска генеральный асаулъ малороссійскаго войска Павелъ Грибовичъ, сосланный вмѣстѣ съ Демьяномъ Многогрѣшнымъ въ Сибирь, рассказывалъ, что Сирко думалъ о побѣгѣ изъ Сибири, но только этого не случилось ¹⁾. Не случилось же этого потому, что о Сиркѣ давно уже хлопотали, чтобы вернуть его изъ Сибири. Дѣло въ томъ, что въ это время противъ Россіи и Польши поднялись страшные враги.—турецкій султанъ Мухаммадъ IV, а заодно съ нимъ крымскій ханъ Селимъ-Герай и заднѣпровскій гетманъ Дорошенко, одинаково страшные какъ для Россіи, такъ и для Польши.

Весной 1672 года турки, въ числѣ 300.000 человекъ, перешли Дунай, вторглись въ Подолію и ринулись на польскій городъ Каменецъ. Въ короткое время городъ былъ взятъ, православныя и католическія церкви его были обращены въ мечети, знатныя женщины забраны въ гаремы, многіе христіанскіе мальчики обрѣзаны и обращены въ мусульманскую вѣру: одинъ обрѣзанъ былъ даже въ соборной церкви, въ присутствіи самого султана. Взявъ Каменецъ, турки распространили слухъ, что скоро двинутся на Кіевъ. Царь Алексій Михайловичъ, напуганный этою вѣстью, распорядился послать въ Кіевъ воеводой князя Юрія Петровича Трубецкаго и обѣщать, въ случаѣ прихода султана, лично идти защищать Кіевъ. Гроза, однако, на время прекратилась: разоривъ Каменецъ, султанъ пошелъ на зимовку за Дунай, ханъ—въ Крымъ, а Дорошенко—въ Чигиринъ. Но это было лишь временное прекращеніе наступательныхъ дѣйствій со стороны турокъ на Украину. Чувствуя бѣду и зная по опыту, какъ трудно бороться съ турками, Россія и Польша рѣшили въ тяжелую годину подать одна другой руку помощи, чтобы противостать грознымъ врагамъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ дѣлѣ безъ запорожцевъ обойтись ни въ какомъ случаѣ было нельзя. Вспомнивъ о запорожцахъ, вспомнили и о Сиркѣ.

И вотъ въ 1672 году, 5 іюля, прибылъ въ Москву польскій посолъ Христофоръ Ковалевскій; между разными другими вопросами онъ поставилъ и вопросъ о возвращеніи Сирка изъ Сибири «на общую службу» московскаго царя и польскаго короля: «Тотъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 850, 851, 892; XI, 361, 336.

Сирко, служа обоимъ великимъ государямъ, непрестанно надъ общимъ непріятелемъ, надъ крымскимъ ханомъ, промыслъ чинилъ и взялъ было мурзу, за котораго ему давали выкупа 50 человекъ ясыря да 3.000 ефимковъ; но по наученію измѣнника Дорошенка того Сирка въ черкасскихъ городахъ ограбили и мурзу отняли; кромѣ того, взяли у него 400 золотыхъ да 7 лошадей и послали его къ царскому величеству, назвавъ его безвинно бунтовщикомъ. А теперь Дорошенко писалъ Бѣлгородской ордѣ и татарамъ (крымскимъ), чтобы они шли къ нему безопасно, потому что онъ того Сирка извелъ и помѣшки-де уже отъ него имъ не будетъ». Посолъ настоятельно просилъ царя отпустить Сирка съ нимъ немедленно и немедленно же отправить его подъ Бѣлую-Церковь для отпора непріятелей» ¹⁾).

Хлопотали о возвращеніи Сирка и сами запорожцы: они писали письмо къ гетману Ивану Самойловичу, въ которомъ «всѣ смиренно и покорственно просили его, какъ благодѣтеля своего, донести прошеніе къ его царскому пресвѣтлому величеству, чтобы Сирко, по его челобитію, отпущенъ былъ къ козакамъ для лучшаго промыслу надъ непріятелемъ» ²⁾).

Въ слѣдъ за письмомъ Самойловичу запорожцы послали письмо боярину Артемену Сергѣевичу Матвѣеву: «Благодѣтелю нашему многомилостивому, объ отчинѣ нашей Малороссіи и объ насѣ, войскѣ запорожскомъ, многочисленному ходателю и всякихъ щедротъ давцу низжайшее наше поклоненіе посылаемъ и смиренно молимъ: умиласердись яко отецъ надъ чады, чтобы милостивымъ твоимъ ходатайствомъ калмыки и чайки и хлѣбные запасы присланы были къ намъ и полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сирко къ намъ былъ отпущенъ для того, что у насѣ второго такого полевого воина и бусурманамъ гонителя нѣтъ; бусурманы, слыша, что въ войскѣ запорожскомъ Ивана Сирка, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражалъ и побивалъ и христіанъ изъ неволи освобождалъ, нѣтъ, радуются и надъ нами промышленяютъ» ³⁾).

Но пока просьбы объ Иванѣ Сиркѣ успѣли дойти въ Москву,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 10—12.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 15, 113.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1672, № 27, св. 38.

въ это время отъ запорожцевъ, въ виду грозившей отъ турокъ войны Россіи и Польшѣ, затребовано было свидѣніе о состояніи ихъ крѣпостей, главнымъ образомъ Сичи и Кодака. На запросъ по этому поводу «кошевые посланцы», Евсеѣй Шашоль и товарищи, дали такой отвѣтъ въ приказѣ малороссійскихъ дѣлъ.

Городъ Сича съ ея землянымъ валомъ стоитъ въ устьяхъ Чортотмыка и Прогноя надъ рѣчкою Скарбною: въ вышину палъ ея 6 сажень; съ поля, отъ Сумской стороны и отъ Базавлука, на валу устроены пали и бойнищы: съ другой стороны, отъ устья Чортотмыка и отъ рѣки Скарбной до вала, сдѣланы деревянныя, насыпаемые землею, конны. Въ томъ городѣ банниа, съ поля мѣрою кругомъ 20 сажень, да въ той банниѣ построены бойнищы, а передъ тою баннею, за ровомъ, сдѣланъ земляной городокъ, мѣрою кругомъ 100 сажень, съ окнами для пушечной стрѣльбы. Для хода по воду на Чортотмыкъ и на Скарбную сдѣлано восемь фортковъ (пролазовъ) и надъ тѣми фортками устроены бойнищы; шириною тѣ форты—только одному человѣку съ водою пройти. Мѣрою же тотъ городъ Сича, съ поля отъ рѣчки Прогноя до рѣчки Чортотмыка, около ста сажень. Около того города обрѣзанъ ровъ вышиной въ 5 сажень: съ правой стороны города рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортотмыкъ, и впадаютъ тѣ рѣчки въ рѣку Скарбную, текущую позади города, подѣль самаго рва. Мѣрою же весь городъ Сича кругомъ около 900 сажень. Строятъ тотъ городъ Сичу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ. Въ Сичѣ имѣется пушечнаго наряда: одна пушка мѣдная лоховая и къ ней 100 ядръ, вѣсомъ по восемь гривенокъ ядро; 11 пушекъ полевыхъ и къ нимъ по 100 ядръ, вѣсомъ по четыре, по три и по двѣ гривенки ядро; 2 мѣдныхъ и 3 желѣзныхъ затинныхъ пищадей и къ нимъ по 200 ядеръ свинцовыхъ, вѣсомъ по гривенкѣ и по полугривенкѣ ядро; къ тѣмъ пушкамъ вѣсомъ, кромѣ того, дѣлають желѣзныя и свинцовыя ядра. А кузнецовъ въ Сичѣ постоянно живетъ, для войсковыхъ дѣлъ, около ста человѣкъ. Пороху, пушечнаго и ручного, всего съ присланнымъ вмѣстѣ, 350 пудовъ, свинцу 300, фитилю около 30 пудовъ. Хлѣбныхъ запасовъ въ Сичѣ много, и осажденнымъ въ ней людямъ можетъ стать его на семь и на десять лѣтъ. Хлѣбныя запасы везутся въ Сичу съ лѣвой стороны Днѣпра черезъ Полтаву и Переволочну. Отъ Полтавы до Переволочны 12 миль, отъ Переволочны водою до Кодака 20 миль, отъ Кодака

до самой Сичи 24 мили; сухимъ же путемъ, степью, если вести пошки, отъ Переволочной до Сичи, 5 дней хода. А непріятельскаго прихода къ городу Сичѣ можно ожидать въ лѣтнее время только съ поля, отъ рѣки Базавлука, съ крымской стороны, а съ трехъ сторонъ, вслѣдствіе рѣкъ, промысла надъ ней никакого чинить нельзя. Въ зимнее время запорожцы на тѣхъ рѣкахъ безпрестанно оказываютъ ледъ и потому въ осеннее время Сичу можно защищать шести тысячамъ человѣкъ; если же прибавить больше людей и дать больше пушекъ, то и непріятелю будетъ страшнѣй. Только черезчуръ большого числа татаръ и турокъ нельзя не допустить до Сичи съ той стороны, съ которой къ ней прилегла степь, потому что въ степи ихъ удержать нельзя.

Городъ Кодакъ съ его землянымъ валомъ стоитъ надъ первымъ порогомъ Кодакомъ по той сторонѣ Днѣпра, гдѣ стоитъ и Кіевъ; строили его, по указу польскаго короля Владислава, вѣмцы лѣтъ 40 или больше того назадъ ¹⁾; боишны его сдѣланы изъ земли; входъ въ него только съ одной стороны межъ рѣкъ; палей и обломовъ въ немъ нѣтъ; отъ порога кругомъ его вырытъ ровъ обрѣзной и во рву чеснокъ дубовый набить. Мѣрою тотъ городъ Кодакъ кругомъ 900 сажень. Въ немъ имѣются двѣ желѣзныя городовыя пушки да двѣ затинныя пицалы, а сколько къ тѣмъ пицаламъ ядеръ, зелья, фитиля и запасовъ—неизвѣстно, во всякомъ случаѣ скудно. Людей же и хлѣба тамъ только и имѣется, что прислалъ гетманъ Иванъ Самойловичъ, по указу государя. Изъ Кодака, въ виду непріятельскаго прихода, постоянно шипутъ въ Сичу о присылкѣ пушекъ и хлѣба, а изъ Сичи старшина посылаетъ въ Кодакъ по разсмотрѣнію. Городъ Кодакъ построенъ для вольнаго пути и для провоза запасовъ изъ городовъ лѣвой стороны Днѣпра въ Сичу водянымъ путемъ, и если, по указу великаго государя, въ Кодакѣ посадить 1.000 человѣкъ ратныхъ людей съ пушками и запасами, то изъ того города будетъ великая помошь Сичѣ и всему низовому войску, непріятелю же чрезъ то будетъ страшно, и онъ не посмѣетъ учинить никакой порухи надъ Кодакомъ. На эту сторону Днѣпра, мимо Кодака, турскія и крымскія войска не ходятъ, а ходятъ изъ Крыма татары по Муравскому

¹⁾ Какъ извѣстно, Кодакъ сооружался французомъ де-Бопланомъ, но для русскаго человѣка того времени что французъ, что вѣмецъ было одно и то же.

пняху, не переходя Днѣпра, на украинскіе города. Когда Сича и Кодакъ, по указу великаго государя, будутъ наполнены людьми, то запорожцы поставятъ еще сторожи на урочищѣ Кучкасъ (Кичкасъ), и тогда татарамъ никакого прохода не будетъ.

Кромѣ всего этого, для полной безопасности, нужно, чтобы государь пожаловалъ низового атамана и все низовое посольство и велѣлъ бы отнустить на Сичъ Ивана Сирка, а на Кодакъ прислать пушекъ, запасовъ и ратныхъ людей, и позволилъ бы городовымъ козакамъ на Запорожье идти. Черезъ все это въ осадное время будетъ крѣпко и безбоязненно и въ Запорожьѣ никакой порухи не будетъ. А весной изволилъ бы великій государь прислать въ Запорожье чашекъ и калмыковъ въ помощь козакамъ; тогда козаки, соединившись съ допцями, чинили бы промыслъ, сухинт и воднымъ путемъ, надъ Крымомъ и поставили бы сторожи на всѣхъ шляхахъ и перевозахъ противъ татаръ ¹⁾.

Еще раньше того времени, когда «кошевые» послы представляли эти требованія о боевыхъ и крѣпостныхъ средствахъ запорожцевъ, въ это самое время бывший сподвижникъ Ивана Сирка, гетманъ «его королевской милости» Михайло Хаенко, выйдя изъ Запорожья и добравшись до города Лодыкина, отпращивалъ посланцевъ къ кіевскому воеводѣ, князю Григорію Козловскому съ просьбой, чтобы князь написалъ отъ себя письмо къ Ивану Сирку, князю Григорію Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу и исходатайствовалъ бы «у ихъ милостей высокою повагою своею, ради вѣры святой православной, поскорѣе выслать къ городу Чигирину московскія и козацкія войска», потому что самъ король спѣшилъ со своими войсками подъ Каменецъ-Подольскій ²⁾. Не устоявъ въ Лодыжинѣ, Хаенко съ запорожцами очутился потомъ съ королемъ въ Люблинѣ, а когда король изъ Люблина отпратился въ Варшаву, то онъ изъ козаковъ Хаенка взялъ съ собою 50 человекъ, въ числѣ коихъ были Демьянъ Хохленко и Кирилло Тойчасенко. Изъ Варшавы всѣ 50 человекъ запорожцевъ отпущены были къ Хаенку въ Замостье; изъ Замостья Хаенко отпратилъ ихъ съ листами въ Запорожье, но на дорогѣ, близъ Кіева, ихъ взяли поляки полковника Пива, лошадей и платье ихъ ограбили, самихъ, истязавъ, хотѣли предать смерти и связали; но козаки,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 12—15.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 16.

подпоивъ стражу, успѣли уйти въ города лѣвой стороны Днѣпра ¹⁾).

Одновременно съ тѣмъ, когда гетманъ Михайло Ханенко писалъ изъ Лодыжина кіевскому воеводѣ, писали царю въ Москву и запорожцы. Черезъ своихъ посланцевъ, Андрея Сахненка съ товарищами, они извѣщали, отъ имени кошевого атамана Евсевія Пашола, іюля 24 дня, что, согласно андрусовскому перемирію, готовы служить обомъ государямъ, царю московскому и королю польскому, и стоять противъ враговъ-бусурманъ, но только просили для этого денегъ на сооруженіе чашекъ, свинцу, пороху, пушекъ, хлѣбныхъ запасовъ и особаго указа отъ царскаго величества къ донскимъ козакамъ, калмыцкимъ тайшамъ, къ ногайскимъ и черкаскимъ (черкесскимъ) мурзамъ; соединившись съ калмыками, запорожцы обѣщали чинить промыслъ надъ Крымомъ сухимъ путемъ немедленно, а, по сооруженіи лодокъ, обѣщали промыслать воднымъ путемъ съ наступленіемъ весны. Сами калмыки, услышавъ о томъ, что въ Крыму, послѣ отхода хана съ ордами, остались только старые, малые да увѣчные, отправили своихъ посланцевъ къ запорожскимъ козакамъ и черезъ посланцевъ приглашали ихъ сообща идти войной на Крымъ, куда обѣщали придти и ногайцы, бывшіе во враждѣ съ крымцами. Въ слѣдъ за калмыцкими посланцами явились въ Сичъ и донскіе козаки съ тѣмъ же предложеніемъ запорожцамъ ²⁾).

Царь на просьбу запорожцевъ отвѣчалъ тѣмъ, что приказалъ донцамъ, тайшамъ и улуснымъ людямъ идти въ соединеніи съ кошевымъ атаманомъ; князю Григорію Ромодановскому велѣлъ послать въ Запорожье пушекъ, зелья, свинцу, хлѣба, а для морского похода заготовить къ веснѣ крючковъ на основаніе чашекъ; кромѣ того, позволилъ украинскимъ козакамъ идти на Кошъ для воинскаго промысла надъ непріятелями ³⁾. Запорожцы воспользовались приказаніемъ царя и, вмѣстѣ съ калмыками и донцами, посѣтили Крымъ, о чемъ узналъ гетманъ Петро Дорошенко черезъ своего посла, котораго онъ нарочно для этой цѣли посылалъ въ Крымъ: «Пріѣхавъ въ Чигиринъ, онъ сказывалъ, что въ Крыму была война, и онъ пошелъ назадъ» ⁴⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 182.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 49.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 29, 30.

⁴⁾ Акты, XI, 100; Ригельманъ, Лѣтопись, II, 140.

Въ началѣ октября мѣсяца царь извѣщалъ запорожцевъ о взятіи турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и «измѣнникомъ» Дорошенкомъ Каменца-Подольскаго и многихъ другихъ польско-литовскихъ городовъ и спрашивалъ у кошевого Ессыя Пашола, былъ-ли у запорожскихъ козаковъ промыселъ надъ Крымомъ, такъ какъ объ этомъ ничего царю неизвѣстно. Въ то же время царь просилъ прислать немедленно «безъ мотчанія» изъ Сичи въ Москву двухъ или трехъ человекъ, хорошо знающихъ сухой путь въ Крымъ и водный въ Черное море въ виду «лучшаго промысла» надъ неприятелями. По этому указу въ Москву посланы были нѣсколько человекъ козаковъ, хорошо «въдушихъ поле и море» ¹⁾.

Въ половинѣ октября мѣсяца пріѣхалъ изъ Москвы въ Запорожье царскій посолъ подъячій Сементъ Щоголевъ съ государственной грамотой, пушками и боевыми снарядами, пожалованными царемъ запорожцамъ. Приблизившись къ самой Сичи, Щоголевъ далъ знать о себѣ залпомъ изъ орудій. Запорожцы, предупредившіе о пріѣздѣ царскаго посла, отвѣчали на его залпъ залпами въ Сичи. За городомъ посла встрѣтило сичевое духовенство и знатное товариство. Посла привели прямо на радную площадь или майданъ со всеми царскими подарками и тутъ объявили ему, что у запорожцевъ состоитъ начальнымъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ Никита Вдовиченко и что этотъ кошевой, не дождавшись царскихъ пушекъ, ушелъ подъ Перекопъ противъ крымцевъ, а потому привезенную царскимъ посломъ государеву грамоту козаки прочитаютъ только по возвращеніи изъ-подъ Перекопа кошевого и всего войска. Октября 17 дня войско вернулось изъ подъ Перекопа, одно безъ кошевого, а черезъ два дня послѣ этого собралась рада и на ней прежде всего выбрали новаго кошевого атамана Лукьяна Андреева, а послѣ выбора кошевого прочитали грамоты царскую, королевскую и сенаторскую. Послѣ прочтенія грамотъ кошевой Лукьянъ Андреевъ сказалъ товариству такое слово: «Братія, войско запорожское, кошевое, дѣлпровое и морское! Слышимъ и глазами видимъ великаго государя премногую милость и жалованье: милостивымъ словомъ изволилъ увеселить, про наше здоровье велѣлъ спрашивать, пушки, ядра, порохъ и свинецъ приказалъ прислать; калмыкамъ, донскимъ козакамъ, изъ городовъ охочимъ людямъ на помощь противъ бусур-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 51—53, 106.

манъ къ намъ на Кошъ позволилъ переходить, также чайками, хлѣбными запасами и жалованьемъ обиадеживасть, только бѣ наша правда была». На эти слова кошевого рада отвѣчала: «За премногую царскаго величества милость бьемъ челомъ, а правда наша, конечно, будетъ: полно намъ безъ пристанища волочиться. Служили мы и съ татарами послѣ измѣны Брюховецкаго, и во время Суховіева гетманства; крымскій ханъ со всего Крыма хлѣбные запасы собиралъ и къ намъ на Кошъ присылалъ; да и теперь, если бѣ хотѣли, будетъ присылать, только тотъ его хлѣбъ обращался намъ въ плачь, насъ же за шею водили и какъ овцами торговали, въ неволю отдавали, все добро и клаиоты отняли. Пока свѣтъ будетъ и Днѣпръ идти не перестанетъ, съ бусурманами мириться не будемъ». Послѣ этихъ словъ козаковъ заговорилъ снова самъ кошевой: «Съ нынѣшняго времени его царскому и его королевскому величествамъ Богомъ обиащаемся служить вѣрно и неотступно. Братія, войско запорожское, кошевое, рада полная, такъ-ли моя рѣчь къ престоламъ обоихъ великихъ государей христіанскихъ монарховъ?»—«Такъ, такъ, господине кошевой».—«Воздадимъ же Господу Богу и великому государю нашему свѣту хвалу!» заключилъ кошевой, и по его слову грянули выстрѣлы изъ пушекъ и ружей. Товариство повалило къ церкви и тамъ отпѣло благодарственный молебенъ Богу. Въ это время царскій посолъ узналъ, что до его пріѣзда сичевое духовенство на эктеніяхъ поминало прежде всего короля, а потомъ царя; онъ замѣтилъ духовенству, что надо сперва поминать царя, а потомъ уже короля, и духовенство не противорѣчило этому.

Послѣ молебна посолъ позвалъ къ себѣ кошевого Андреева со старшими козаками и сталъ ихъ спрашивать, гдѣ находится Вдовиченко и откуда онъ пришелъ въ Запорожье. На это ему отвѣчали: «Пришелъ онъ на Запорожье въ нищенъ образѣ; сказася харьковскимъ жителемъ, святъ мужъ и пророкъ, дана ему отъ Бога власть будущее знать; тому годъ седьмой, какъ велѣлъ ему Богъ, дождавшись этого времени, съ войскомъ запорожскимъ разорить Крымъ, а въ Царьградѣ взять золотыя ворота и поставить ихъ въ Кіевѣ на прежнемъ мѣстѣ. Князь Ромодановскій до этого добраго дѣла его не допускалъ и мучилъ, только эти муки не берутъ его, писано, что сынъ вдовицы всѣ земли усмирить. Теперь послалъ его Богъ къ войску запорожскому и въ городахъ

всякому человѣку до сосущаго младенца велѣть сказывать, что онъ такой знающій человѣкъ, чтобъ шли съ нимъ разорять Крымъ; какъ придетъ на Крымъ, пять городовъ возьметъ и будетъ въ нихъ зимовать, бусурманы стрѣлять не будутъ, потому что онъ невидимо будетъ подъ города приходить, стѣны будутъ распа-даться сами, ворота также отворятся сами, и отъ того прославится онъ, Вдовиченко, по всей землѣ. А напередъ ему надо Перекопъ взять и войско запорожское пожитками наполнить. Услыхавъ та-нія слова, многіе люди покинули свои дома, хлѣбъ въ поляхъ и пришли за Вдовиченкомъ на Запорожье, собралась большая толпа и войску запорожскому говорила, чтобы идти съ Вдовиченкомъ подъ Перекопъ. Кошевой Ефсевичъ Шашоля отказывалъ, чтобы дождались пушекъ отъ великаго государя; но городовые люди хотѣли убить Шашоля, кричали, что они шли не на ихъ войско-ую, но на Вдовиченкову славу, и кошевое войско на эти слова ихъ все склонилось, собрало раду. Шашоля отставило, а выбрало Вдовиченка атаманомъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ. Когда же собрался въ походъ, то стали спрашивать у Вдовиченка, сколько надо брать пушекъ. На это Вдовиченко отвѣчалъ, что пушекъ брать не надо, потому что и безъ нихъ будетъ хорошо, что онъ слышалъ о посылкѣ къ царю за пушками, но находить, что это лишнее, потому что тѣ пушки запорожцамъ не принесутъ проку, и если имъ понадобятся пушки, то козаки могутъ покорить ближайшій и самый богатый бусурманскій городъ и взять въ немъ пушки. Только нѣкоторые знающіе люди не во всемъ повѣрили Вдовиченку и взяли двѣ пушки. Всего пошло подъ Перекопъ тысячъ шесть конныхъ да тысячи три пѣшихъ. Вдовиченко шелъ до самаго Перекопа безъ отдыха, отъ чего у многихъ лошади попадали, и, пришедши къ перекопскому валу, подъ городъ не пошелъ и промысла никакого не чинилъ. Войско, по своему обычаю, засыпало ровъ и половина обоза перебралась за Перекопъ, но перекопскіе жители начали изъ пушекъ и изъ ружей стрѣлять и нашихъ людей бить и топить. Вдовиченко сталъ отъ стрѣльбы прятаться, и войско, видя, что онъ не такой чело-вѣкъ, какъ про себя сказывалъ, отъ Перекопа отступило, до-рогою булаву и бунчукъ у него отняло и хотѣло убить его, но онъ скрылся». Потомъ онъ появился въ Барышевкѣ и сталъ проповѣдывать прежній рѣчи, но тутъ его схватили и отправили къ

гетману Самойловичу, а отъ гетмана князю Ромодановскому, послѣ чего вскорѣ онъ «згинулъ отъ своихъ же совѣтниковъ» ¹⁾.

О томъ, что дѣлалось въ Запорожьѣ, интересовался знать не одинъ царь; это же весьма занимало и противниковъ Москвы, въ особенности гетмана Петра Дорошенка. Дорошенко приказывалъ своимъ сподручникамъ «отбирать всякую вѣдомость въ Запорожьѣ» ²⁾.

Но Дорошенко напрасно старался собирать свѣдѣнія о запорожцахъ: запорожцы были на сторонѣ московскаго царя и, въ свою очередь слѣдя за всякимъ открытымъ и тайнымъ движеніемъ Дорошенка, сообщали о томъ лѣвобережному гетману Ивану Самойловичу. Такъ, декабря 2 дня, новый кошевой атаманъ низовыхъ козаковъ Лукьянъ Андреевичъ извѣщалъ Самойловича о вѣстяхъ, принесенныхъ въ Сичъ козаками Семеномъ Чернымъ да Стефаномъ Чернецомъ, сообщавшими о возвращеніи Дорошенка въ Чигиринъ и его намѣреніи идти на лѣвобережные города и о зимовкѣ турецкаго султана на порубежкѣ Волонской земли. Вѣстѣ съ этимъ, кошевой Лукьянъ Андреевичъ писалъ Самойловичу и о попыткѣ Дорошенка склонить запорожцевъ на свою сторону. Въ присланномъ съ этою цѣлью въ Сичу письмѣ Дорошенко старался приписать всю «колотнечу», происходящую на Украинѣ, разнымъ «шатунамъ» и «бѣгунамъ», уходившимъ изъ Украины на Запорожье, и въ особенности Михайлу Ханенку, побывавшему сперва въ Запорогахъ, потомъ «предавшемуся на погубленіе ляхамъ» и въ заключеніе просилъ запорожцевъ отозваться къ нему, Дорошенку, съ «братолюбной милостью» и «пробывать съ нимъ въ соединеніи» ³⁾.

Положеніе дѣлъ становилось день-отъ-дня все болѣе и болѣе серьезнымъ. Января 9 дня 1673 года кошевой атаманъ Лукьянъ Андреевичъ писалъ письмо къ гетману Ивану Самойловичу, что запорожскіе товарищи, Евсѣій Шашоль, Павелъ Коба и Василій Коробейщенко, захватили гдѣ-то въ низовѣхъ Днѣпра татарскихъ лезыковъ съ листами, шедшихъ къ хану, и отъ нихъ узнали, что крымскій ханъ намѣренъ послать двухъ пашей на Сичу ⁴⁾, а тур-

¹⁾ Акты, XI, 57; Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1880, XII, 120.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 57.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 84—88.

⁴⁾ Сичу и городъ Кодакъ гетманъ Дорошенко, будучи въ походѣ подъ Каменецъ-Подольскій, обѣщалъ отдать хану: Акты южной и западной Россіи, XI, 169.

скій султанъ хотеть выжечь все города на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра и оставить тамъ одни лишь посады, а у жителей отобрать всякое оружіе, чтобы Украина, живя безъ городовъ, давала дань султану, какъ Волошская земля и другія земли. Велѣдствіе такихъ плановъ крымскаго хана и турецкаго султана запорожцы, какъ старшее, такъ и меньшее товарищество, «прилежно и покорно» просили гетмана прежде всего прислать въ Кодакъ людей и запасовъ, а потомъ, и главнѣйшимъ образомъ, «донести царскому пресвѣтлому величеству свое прошеніе» отпустить для «лучшаго промысла надъ неприятелями» Ивана Сирка. Гетманъ Самойловичъ, получивъ листъ запорожцевъ, поторопился извѣстить о томъ царя. Въ свою очередь, царь, получивъ такое извѣстіе отъ гетмана, приказалъ ему «учинить безъ мотчанія всякое попомощество запорожцамъ»: послать имъ въ Кодакъ и въ Сичу малороссійскихъ съ начальными людьми козаковъ, зелье, свинецъ, пушки, хлѣбные запасы, пока не успѣли еще придти въ Запорожье турецкіе и крымскіе люди. Гетманъ послалъ въ Кодакъ 400 козаковъ и 60 бочекъ муки, а въ Запорожье не сталъ посылать, потому что туда и безъ того шло много людей. Но видимо царь нашелъ слишкомъ недостаточнымъ четырехъ сотъ козаковъ для Кодака, и потому велѣлъ отправить туда еще изъ Бѣлгородскаго полка тысячу солдатъ ¹⁾.

Такимъ образомъ царь Алексѣй Михайловичъ, вынужденный и крайними обстоятельствами, и мольбами запорожцевъ, и просьбами польскаго короля, рѣшилъ вернуть Сирка изъ Сибири и отправить его въ Сичу. Даруя свободу Сирку, царь, однако, заставилъ его принести присягу въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи патриарха Петризма, всего освященнаго собора, ближнихъ бояръ, Юрія Долгорукова и Артемона Матвѣева, и думныхъ людей, о томъ, чтобы «Сирку служить его царскому величеству вѣрно и ни на какія прелести не склоняться и подушценія никакого не слушать, и словъ непристойныхъ не вѣщать. Отпускаю тебя,—сказалъ царь Сирку,—по заступленію вѣрнаго нашего подданнаго гетмана Ивана Самойловича, потому что царское слово неперемѣнно, писалъ я и къ запорожцамъ, что отпускаю, и отпускаю». Января 12 для царя Алексѣя Михайловича извѣщаль грамотой кошевого атамана

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 112, 118, 126, 173, 225.

Лукияна Андреева черезъ запорожскихъ посланцевъ «о скоромъ отпускѣ на Сѣчь Сирка» ¹⁾).

Узнавъ о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ даровалъ свободу Ивану Сирку, польскій король Михаилъ Вишневецкій послалъ царю грамоту, въ которой благодарилъ его за то, что «онъ на королевское прошеніе учинилъ и Сирка изъ-за третейскаго суда выпустить повелѣлъ» ²⁾. Однако, ни въ декабрѣ, ни въ январѣ мѣсяцѣ Сирка все еще не было въ Запорожьѣ, и причиной тому были козни его зложелателя, гетмана Ивана Самойловича: февраля 15 дня 1673 года Самойловичъ писалъ въ Москву письмо извѣстному и весьма вліятельному въ то время боярину Артемену Сергѣевичу Матвѣеву, котораго «пишно» просилъ задержать Сирка въ Москвѣ, если онъ будетъ привезенъ туда изъ Сибири, «а для какихъ причинъ, объ этомъ скажетъ очевидецъ Симеонъ протопопа (sic) нѣжинскій, вскорѣ нѣбюдѣи прибыть въ Москву» ³⁾. Отправляя въ Москву нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича, Самойловичъ далъ ему цѣлый рядъ писанныхъ инструкцій, и между ними одна касалась построенія чайки для запорожскихъ козаковъ. Самойловичъ находилъ, что строить чайки между Брилскомъ и Трубчевскомъ, какъ повелѣно было царемъ, штъ резона, такъ какъ въ этомъ случаѣ ихъ нельзя будетъ доставить мимо Канева, Черкасъ и Воронова въ Сичь; всего лучше ихъ срубить на рѣчкѣ Ворсклѣ и этою же рѣчкою спустить въ Днѣпръ, а Днѣпромъ спровадить въ самую Сичу ⁴⁾. Въ писанной инструкціи ничего, однако, не говорилось объ Иванѣ Сиркѣ. Марта 19-дня царь извѣщалъ Самойловича о полученіи отъ него черезъ протопопа Симеона Адамовича гетманскаго листа и, не упоминая ни словомъ о Сиркѣ, приказывалъ только рубить лѣсъ, гдѣ лучше и пристойнѣе, «съ великимъ поспѣшеніемъ» и дѣлать изъ него чайки для запорожскихъ козаковъ ⁵⁾.

Нужно думать, что именно въ это время, въ отсутствіе Сирка, произошло событіе, описанное лѣтописцемъ Величкомъ. Въ 1673 году гетманъ тогобочной Украины Михайло Ханенко задумалъ

¹⁾ Архивъ мин. иностранныхъ дѣлъ, 1673, № 3, св. 38; Багтышъ-Каменскій, Источники, I. 248.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 91, 92.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 538; XI, 140.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи XI, 137, 138.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 213.

идти походомъ на гетмана Дорошенка съ цѣлью отыскать свою жену, взятую Дорошенкомъ изъ Уманя. Приготовляясь къ походу, Ханенко написалъ письмо въ Сичу, въ которомъ просилъ у запорожцевъ военной помощи и за то обѣщалъ козакамъ достойное вознагражденіе изъ королевской казны. Запорожцы, получивъ то письмо и питая ненависть къ Дорошенку, склонились на просьбу Ханенка и отправили къ нему на помощь войско съ двумя полковниками, Макухою и Суховіємъ, нѣкогда претендовавшимъ на гетманскую булаву. Ханенко, получивъ помощь отъ запорожцевъ и усилившись польскимъ войскомъ, а также собственнаго реймента козаками, двинулся подъ Чигиринъ на Дорошенка. Дорошенко, узнавъ о томъ, съ своей стороны отправилъ посольство къ крымскому хану съ просьбой помочь ему противъ Ханенка. Ханъ немедленно отправилъ нѣсколько десятковъ тысячъ орды на помощь Дорошенку. Но пока прибыла эта помощь, Дорошенко рѣшился самъ испытать счастья въ борьбѣ съ Ханенкомъ. Однако, выйдя изъ Чигирина, Дорошенко долженъ былъ заключиться въ Стеблевѣ и выдерживать здѣсь продолжительную осаду со стороны Ханенка. Выдерживая въ теченіи нѣсколькихъ дней осаду, Дорошенко уже готовъ былъ уступить своему противнику, но въ это время подъ Стеблевъ подошли татары и внезапно ударили на Ханенка и, поддержанные во время вылазкою самого Дорошенка, нанесли Ханенку такое пораженіе, что онъ бѣжалъ въ Сичу; съ нимъ бѣжали Суховій и остатки разбитаго войска запорожскаго ¹⁾.

Въ отвѣтъ же Сирка запорожцы изловили посланцевъ Дорошенка, ѣхавшихъ съ письмами къ крымскому хану, великому визирю и бею; посланцевъ тѣхъ отправили къ гетману Самойловичу, а письма послали въ Москву къ царю черезъ козака Стефана Астраханскаго съ товарищами: черезъ послѣдняго запорожцы просили царя прислать имъ въ церковь святой Покровы 12 книгъ Четвыиеней. Царь на это отвѣчалъ грамотой, писанной мая 30 дня. Похваляя запорожцевъ за ихъ вѣрную службу, онъ жаловалъ имъ 12 мѣсячныхъ миней въ сичевую церковь Покрова пресвятой Богородицы на Чортыхидкѣ, а вмѣстѣ съ этимъ извѣщалъ, что, согласно просьбѣ запорожскихъ посланцевъ Евсеія Шапола съ товарищами, бывшихъ челомъ царю марта 20 числа, онъ посылаетъ, для промысла надъ непріятелями, въ Запорожье и въ крѣпость Кодакъ воєводу князя Сте-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 339.

пана Степановича Волконскаго и полковника Ягана Купера съ 1.000 солдатами. Что касается морскихъ чашекъ, о чемъ запорожцы также просили царя, то на этотъ счетъ гетманъ Самойловичъ сообщалъ, что однѣ изъ нихъ уже готовы и провезены рѣкою Сѣмью подъ Батурино, а другія еще додѣлываются, и когда все будутъ готовы, то немедленно будутъ присланы на Запорожье. Извѣщая обо всемъ этомъ, царь Алексѣй Михайловичъ напоминалъ кошевому атаману и всему запорожскому войску объ ихъ обѣщаніи вѣрно служить царскому и королевскому величествамъ и потому высказывалъ надежду, что теперь они, когда къ нимъ посланъ и воевода и ратные люди, будутъ дѣйствовать сообща противъ враговъ Христовой вѣры ¹⁾.

Грамота писалась мая 30 дня, на имя кошевого атамана Лукьяна Андреева, но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ появился на Запорожьѣ уже и знаменитый Сирко.

Юня 26 дня пріѣхали изъ Запорожья въ Гоголеви торговые люди съ рыбой и рассказывали гоголевскому священнику Исакію, что Иванъ Сирко взялъ взятъемъ и разорилъ крымскій городъ Асламъ и много людей въ полонъ захватилъ, а сдѣлалъ онъ это потому, что въ прежнее время отъ Асламъ-города запорожскимъ козакамъ «тѣснота великая бывала» ²⁾. Въ это время въ Запорожье отъ польскаго короля пріѣзжалъ посолъ Христофоръ Ковалевскій. Пробывъ нѣкоторое время въ Сичи, Ковалевскій хотѣлъ было ѣхать къ донцамъ, чтобы соединить ихъ съ запорожцами для общаго дѣла противъ непріятелей. Съ Ковалевскимъ отлучившись изъ Сичи знатный козакъ Григорій Пелехъ, и когда они доѣхали до Чигирина, то Ковалевскій, узнавъ объ отпавшѣ царемъ московскихъ ратныхъ людей, донцовъ и калмыковъ къ Азову, направился прямо въ Польшу, а Пелехъ пошелъ къ донскому войску и калмыкамъ ³⁾. Въ это же время царь спрашивалъ у Сирка извѣстій о поведеніяхъ запорожцевъ и о промыслахъ надъ татарами и турками. Сирко на этотъ спросъ извѣстилъ царя, черезъ особаго посла, бывшаго кошевого атамана Дениса Кривоноса, о промыслахъ своемъ надъ турецкимъ городомъ Очаковомъ и просилъ государя о присылкѣ въ Сичь пушекъ, домовыхъ, гранатъ, ракетъ, снарядовъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 259—261.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 272.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 284.

трубъ и мастера, который умѣлъ бы стрѣлять. На листъ Сирка царь отвѣчалъ милостивою за промыселъ грамотой и извѣщалъ кошевого о посылкѣ въ Сичъ всѣхъ просимыхъ боевыхъ запасовъ ¹⁾).

Одновременно съ отправкой пословъ къ московскому царю кошевой Сирко отправилъ пословъ и къ польскому королю съ вѣстями о взятіи Очакова и разореніи его посада, съ татарскими языками и съ просьбой о вспоможеніи запорожцамъ снарядами и челнами, а также съ намѣреніемъ добыть отъ гетмана Ханенка дарованные ему королемъ войсковые клейноты. Король, вмѣсто удовлетворенія просьбы запорожескихъ козаковъ, отвѣтилъ посланцамъ ихъ, чтобы они разглашали вездѣ, на Украинѣ и Запорожьѣ, о походѣ его противъ турокъ и тѣмъ усилили бы всякими охотниками его войска, а королевскій подканцлеръ въ снарядахъ и чайкахъ запорожцамъ совсѣмъ отказалъ, ссылаясь на то, что въ этомъ ничъ поможетъ царское величество, а о клейнотахъ сказалъ, что они могутъ ихъ взять у Ханенка и отправить въ Запорожье, оттуда же отослать, куда пожелаютъ. Послы, взявъ отпускъ у короля, явились къ Ханенку и стали домогаться отъ него снарядовъ и клейнотовъ. Но Ханенко на это отвѣчалъ, что свои снаряды и клейноты онъ оставилъ въ мѣстечкѣ Демерѣ, которымъ завѣдуетъ польскій полковникъ Инво и который никому не отдастъ тѣхъ снарядовъ. Самъ Ханенко стоялъ на одномъ изъ острововъ Днѣпра, противъ Кіева, съ немногими людьми, потому что все его войско разошлось въ города лѣвобережной Украины, и просилъ дозволенія у царя пройти въ Запорожье. Царь по этому поводу снесся съ гетманомъ Самойловичемъ и предоставилъ это дѣло на его усмотрѣніе ²⁾).

Разоривъ Асламъ и Очаковъ, Сирко съ низовья Днѣпра поднялся на Украину и здѣсь сталъ преслѣдовать татаръ, дѣйствовавшихъ противъ русскихъ и поляковъ заодно съ турками, стоявшими у Каменца-Подольскаго: «Татарское войско нынѣ въ сборѣ есть и стоитъ на границѣ за Чигириномъ; а войною тѣхъ татаръ никуда не пропускаетъ Сѣрикъ съ запорожескими козаками». Въ концѣ сентября Сирко извѣщалъ гетмана Самойловича, что онъ былъ съ козаками на Муравескомъ шляху, и, встрѣтивъ тамъ та-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники малорос. исторіи. Москва. 1858, I, 248; Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Москва. 1828, IV, 287.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI. 321. 322. 318, 319.

тарскій загонъ, помощію божьею и счастіемъ его царскаго пресвѣтлаго величества, разгромилъ его, взялъ много языковъ и послѣ этого счастливо возвратился въ Сичь. Въ слѣдъ за этимъ переяславскій полковникъ Дмитрій Райча въ письмѣ къ князю Юрію Трубецкому доносилъ: «Извѣщаю тебя, благодѣтеля моего, что сентября 23 дня, 1673 года козакъ моего переяславскаго полка, бывшіе на Запорожьѣ, пріѣхавъ ко мнѣ, сообщали мнѣ, что въ сихъ временахъ многихъ изъ моихъ и другихъ полчанъ, шедшихъ на Запорожье, татарская орда въ 8.000 человекъ разгромила и порубила, а кошевого атамана запорожскаго, Ивана Сирка, обступивъ въ степи, три дня добывала, но, не сдѣлавъ ему никакого вреда, пошла подъ слободскіе города и села его царскаго пресвѣтлаго величества». Октября 9 дня Иванъ Сирко перебрался уже за Бугъ, опустошилъ Бѣлогородчину, сжегъ и разорилъ городъ Тягинъ, а жителей его побилъ, и оттуда собирался идти въ Волошскую землю къ королевскому величеству на помощь ¹⁾. Ноября 12 дня переяславскій полковникъ Дмитранко Райча доносилъ кievскому воеводѣ князю Юрію Петровичу Трубецкому, что Сирко, сжегши Тягинъ и опустошивши Бѣлогородчину, расположился на Чечельникѣ: «А сказываютъ, что съ нимъ десять тысячъ, всѣ старинные, изъ Ясъ въ землю Венгерскую поуходили, и въ Катнарѣ городѣ пусто стало, пѣхоту господаря мутьянскаго, которой было 3.000 человекъ, ожидающую его (Сирка), турки всѣхъ мучу предали» ²⁾.

Ноября 21 дня царь Алексѣй Михайловичъ послалъ Ивану Сирку грамоту съ извѣстіемъ объ отпращиваніи, по просьбѣ польскаго короля, противъ татаръ и турокъ, князя Григорія Ромодановскаго и гетмана Ивана Самойловича съ войсками; тутъ же царь приказывалъ и кошевому «чинить всякими образами нападенье на божанутыхъ враговъ» ³⁾.

Въ это время, а именно къ концу ноября мѣсяца, въ Сичи объявился бѣглецъ изъ Сибири, бывшій войсковою генеральнымъ асаулъ, Навель Грибовичъ; онъ нехлопоталъ у кошевого атамана и всего запорожскаго войска «причинный листъ» къ гетману Ивану Самойловичу съ просьбой «отдать ему его вину» и отправился изъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 312, 313, 316, 324.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 338, 339.

³⁾ Архивъ мян. иностр. дѣлъ, 1673, св. 39, № 35.

Сичи въ Батуринѣ. Такъ писалъ объ этомъ гетманъ Самойловичъ царю, не называя по имени кошевого атамана, и «причинный» листъ данъ былъ Грибовичу если не самимъ Сиркомъ передъ его походомъ подъ Тягинѣ, то его наказнымъ кошевымъ. Послѣ отъѣзда Сирка подъ Тягинѣ въ Сичи открылось моровое повѣтріе и въ виду этого гетманъ Самойловичъ ни самого Грибовича, ни писемъ, привезенныхъ имъ отъ кошевого атамана, не принялъ ¹⁾. Моровое повѣтріе занесъ въ Сичу какой-то каменецъ-подольскій торговый человѣкъ, прѣхавшій съ сыномъ и братомъ въ Запорожье съ разными товарами. У него купилъ товару козакъ Пинчукъ и черезъ два или три дня послѣ этого умеръ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ «канархистомъ» церкви божіей на Кошу будущей». Потомъ умеръ самъ купецъ съ сыномъ и братомъ и отъ нихъ «уязвились» два курени, пикуринскій и васюинскій, гдѣ сложены были товары купца. Запорожцы оставили все товары въ тѣхъ двухъ куренихъ и самихъ куреней стали стерегтись и обходить ихъ вокругъ ²⁾.

---

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 334—336; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 292.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 339.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Появленіе въ Сичи царевича Симеона Алексѣевича.—Примѣты его по разсказамъ вожди Мѣосскаго. — Принятіе и допросъ царевича Сиркомъ. — Повѣсть царевича о своемъ уходѣ изъ Москвы. — Отправка царскихъ посланъ Чадуева и Щоголева къ Сирку съ приказаніемъ выдачи самозванца имъ. — Встрѣча запорожцевъ съ царскими посланцами на Украинѣ и въ самомъ Запорожьѣ и разговоръ о царевичѣ. — Прибытіе посланъ въ Сичу. — Объясненіе ихъ съ Сиркомъ въ куренѣ и съ царевичемъ возлѣ посольской избы. — Неудовольствіе запорожцевъ противъ посланъ. — Войсковая рада и смертный приговоръ посланцамъ. — Успокоительное дѣйствіе Сирка на козаковъ. — Частная бесѣда Сирка съ посланцами и перечисленіе имъ всѣхъ винъ царя въ отношеніи Сирка. — Недовѣріе запорожцевъ къ московскимъ посланцамъ и отправка въ Москву собственныхъ. — Удержаніе царевича запорожцами въ Сичи. — Возвращеніе посланъ въ Москву и разсказъ ихъ обо всемъ видѣнномъ въ Запорожьѣ.

Въ то время, когда Сирко промышлялъ подѣ Тягинюмъ, а въ Запорожьѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе, въ это самое время, въ началѣ зимы 1673 года, въ Сичи произошло дѣло, давно неслыханное во всемъ Запорожьѣ: объявился царевичъ Симеонъ, назвавшій себя сыномъ царя Алексея Михайловича. Онъ показался сперва на рѣчкѣ Самарѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣпра, а оттуда спустился къ Чортотмыку, въ самую Сичь ¹⁾. «Въ тотъ часъ, въ вѣдѣны всѣхъ козаковъ, пріѣхалъ на коняхъ, называясь быти царевичъ, и сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Косаговы великаго государя съ ратными людьми стояли, до приходу Сиркова. На видъ этотъ человекъ хорошъ и тонокъ, долголицъ, не румянь и не русавъ, нѣсколько смугловатъ, мало разговорчивъ, очень молодъ, всего около 15 лѣтъ, на тѣлѣ имѣеть какія-то два знамени—орды да сабли кривыя; одѣтъ въ зеленый, подшитый лисицами, кафтанецъ; съ нимъ прибыло восемь человекъ донцевъ съ вождемъ Иваномъ Мѣосскимъ, хохлачемъ по рожденію. Мѣосскій подѣ клятвою сказалъ запорожскому судѣ, будто у называющагося царевичемъ на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя, похожее на царскій вѣнецъ».

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1823, IV, 325.

Прибывъ въ Сичь, царевичъ ожидалъ прїѣзда Сирки въ теченїи цѣлой недѣли, а по истеченїи недѣли, узнавъ, что Сирко приближается къ Сичѣ, распустилъ знамена и вышелъ къ кошевому на встрѣчу. Сирко принялъ его такъ же, какъ и принималъ другихъ козаковъ. Оставивъ войско за городомъ, Сирко одинъ пошелъ въ Сичь для того, чтобы прочесть письма, присланныя ему гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и хранившіяся до прїѣзда кошевого въ войсковой скарбницѣ. Выслушавъ письма, Сирко вновь вышелъ за городъ и, ставъ на другомъ мѣстѣ, послалъ за царевичемъ. Когда царевичъ пришелъ, то Сирко сперва пригласилъ его сѣсть между собой и знатымъ запорожскимъ козакомъ Григоріемъ Пелехомъ, а потомъ спросилъ: «Слышалъ я отъ своего наказнаго, что ты называешься сыномъ какого-то царя: скажи правду, боюсь Бога, потому что ты очень молодъ: нашего-ли ты великаго государя и великаго князя Алексея Михайловича сынъ или другого какого-нибудь, находящагося подъ высочайшею рукою его, скажи истинную правду, чтобы мы не были обмануты тобой такъ, какъ иными, бывшими въ войскѣ, плутами». На эти слова Сирка молодой человѣкъ, поднявшись съ мѣста и снявъ шапку, отвѣтилъ какъ бы плача: «Не надѣялся я на то, чтобы ты сталъ страдать меня, хотя и вижу, что оно такъ дѣлается. Богъ мнѣ свидѣтель, я настоящий сынъ вашего великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Бѣлой Россїи самодержца, а не иного кого». Услышавъ то, Сирко, снявъ шапку и, вмѣстѣ со своими товарищами, поклонился царевичу до земли, а послѣ поклона, также вмѣстѣ съ товарищами, сталъ угощать его питьемъ. Царевичъ не отказывался отъ питья, но все время стоялъ и смотрѣлъ въ землю. Послѣ этого бывшій въ Сичи гетманскій посолъ Зубъ спросилъ: «Будешь-ли ты писать своею рукою къ гетману, а главнымъ образомъ къ своему батюшкѣ, къ великому государю, объявишь-ли о себѣ». На это царевичъ отвѣчалъ: «Господину гетману илю поклонъ извѣстно, а къ батюшкѣ писать трудно,—опасаюсь, чтобы мое письмо не попало въ руки боярамъ: такого же человѣка, который бы могъ передать мое письмо прямо въ руки государя, мнѣ не отыскать: и ты, кошевой атаманъ, смилуйся надо мной и никому изъ русскихъ людей о томъ не объявляй. Изъ царскаго дома я отлучился потому, что сосланы были въ Соловецкій монастырь: въ бытность же на острову Стенана Разина, я тайно къ нему перешелъ, и до тѣхъ поръ.

пока онъ не былъ взятъ, я при немъ состоялъ, а потомъ съ козаками на Хвалынскомъ морѣ ходилъ и струги гуляющимъ занималъ; послѣ того на Донъ перешелъ, а теперь хочу въ Кіевъ и къ польскому королю ѣхать». Къ этимъ словамъ царевича вождь Иванъ Мюсскій добавилъ потомъ Сирку, что дѣйствительно на тѣлѣ царевича имѣются знаки, похожіе на царскій вѣнецъ.

Узнавъ о появленіи въ Запорожьи царевича Симеона, царь Алексѣй Михайловичъ, при всей своей тревогѣ относительно наступленія турокъ на Украину, немедленно послалъ къ гетману Самойловичу и отъ него къ кошевому Сирку въ Запорожье сотника Василия Чадуева да подьячаго Семена Щоголева и наказалъ имъ, по пріѣздѣ къ гетману Самойловичу и кошевому Сирку, говорить такое слово: «Вѣдомо великому государю, по шесму гетмана, что на Запорожьи, въ то время, когда Сирко былъ подъ Тягиномъ, объявился съ Дону воръ ¹⁾ и самозванецъ, 15 лѣтъ, а съ нимъ 8 человекъ донскихъ козаковъ и вождь имъ вѣмъ Иванъ Мюска; и назвался онъ, самозванецъ, сыномъ его царскаго величества, блаженной памяти царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ... И Сирко принялъ его ласково, кланялся и питьемъ потчивалъ. Теперь великій государь приказалъ объявить гетману и кошевому, что благовѣрный государь царевичъ, Симеонъ Алексѣевичъ, родился въ 1665 году, апрѣля 3 дня, а скончался въ 1669 году, іюня 18 дня и погребенъ въ церкви архистратига Михаила при патріархахъ, митрополитахъ и архіепископахъ русскихъ и при папѣ, патріархѣ вселенскомъ и судѣ Паисіѣ александрійскомъ, о чемъ извѣщено было особыми грамотами гетману и кошевому, а со дня рожденія и до дня смерти царевичу было вѣхъ лѣтъ 4, въ нынѣшній же годъ, если бы онъ многолѣтствовалъ, было бы 9, а не 15 лѣтъ». Послѣ изложенія рѣши Чадуеву и Щоголеву вѣлно было просить гетмана, чтобы онъ далъ имъ, Чадуеву и Щоголеву, двухъ или трехъ асауловъ или воисковыхъ товарищей и отпразднать бы въ Запорожье. Пріѣхавъ же въ Запорожье говорить кошевому и всему посольству, что принимать имъ вора и самозванца вовсе не годилось бы и что кошевой, памятуя, какое онъ далъ клятвенное обѣщаніе при отпускѣ изъ Москвы, въ присутствіи царя, бояръ и душныхъ людей, долженъ былъ бы вышеупомянутаго вора и об-

¹⁾ Въ древней Руси со словомъ «воръ» соединялось понятіе о бѣглецѣ, бродягѣ, пройдохѣ.

манщика съ его единомышленникомъ Мюскою и товарищами прислать къ великому государю въ Москву. А какъ этого не сдѣлано, то царь требуетъ, чтобы кошевой атаманъ Иванъ Сирко и все посольство посѣщили отдать всѣхъ тѣхъ воровъ и обманщиковъ Чадуеву, Щоголеву и гетманскимъ посланцамъ, придавъ имъ, сколько нужно, изъ Копна провожатыхъ, а сверхъ всего сообщить имъ, кошевому и посольству, что по ихъ челобитью и по царскому указу, къ нимъ посланы ломовыя пушки, нарядныя ядра, пушечный мастеръ, умѣющій стрѣлять ядрами, сипоши и сукна, какъ въ прошломъ годѣ, а за все это они бы вѣрно царю служили и надъ крымскими людьми всякій промыселъ чинили.

Послы выѣхали изъ Москвы декабря 14 дня, 1673 года, а декабря 21 дня прибыли въ Батуринѣ и изложили гетману все, что имъ было наказано. Гетманъ, выслушавъ ихъ слово, объявилъ, что ѣхать теперь въ Запорожье нельзя, потому что ему еще неизвестно, прекратилось-ли тамъ моровое повѣтріе или нѣтъ. Поэтому гетманъ совѣтовалъ посламъ подождать собственныхъ посланцевъ, которыхъ онъ отправилъ въ Сичъ и черезъ которыхъ онъ написалъ кошевому Сирку съ товарищами, чтобы онъ самозванца, проиыву, вора и плута прислалъ къ нему, гетману, со своими козаками: но опасается, однако, что запорожцы едва-ли исполнить его приказаніе: они говорятъ, что они войско вольное,—къ нимъ кто хочетъ приходитъ по волѣ и отходить также. Принявъ пословъ въ Батуринѣ, гетманъ ушелъ вмѣстѣ съ ними въ Гадячъ, а изъ Гадяча отѣхалъ въ мѣстечко Омельникъ на рѣчкѣ Пселѣ; въ Омельникѣ онъ узналъ отъ запорожца Григорія Пелеха съ товарищами, что Сирко изъ Запорожья вынесъ и отправился на морскіе разливы, а выходя изъ Сичи, очъ отдалъ приказъ, чтобы козаки царевича почитали и всякую честь ему воздавали; отъ того жъ Пелеха гетманъ узналъ, что его посланцы задержаны въ Сичи, а для чего это сдѣлано, неизвѣстно. Изъ Омельника московскіе посланцы, разставившись съ гетманомъ, поѣхали въ мѣстечко Келеберду на лѣвомъ берегу Днѣпра. Въ Келебердѣ они встрѣтились съ запорожскимъ козакомъ Максимомъ Щербакомъ, который, узнавъ, зачѣмъ ѣхали царскіе послы въ Сичу, сталъ имъ говорить такія рѣчи: «Знаете-ли вы Щербака донского, а онъ знаетъ, зачѣмъ вы Василій и Семенъ посланы въ Запорожье: ѣхать вамъ туда нечего, даромъ пропадете, потому что на Запорожьѣ объявился настоящій царевичъ, и я прото все и знаю и

вѣдаю: тотъ царевичъ дѣда своего по плоти Илью Даниловича Милославскаго ударилъ блюдомъ и отъ того ушелъ и по всей Москвѣ слава носилась, что то была правда, а я въ то время сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Москвѣ, а потомъ, по челобитію Демьяна Многогрѣшнаго, былъ освобожденъ и ушелъ на Донъ, а съ Дона—на Запорожье». На эти слова Максима Щербака Чадуевъ и Щоголевъ отвѣчали, что тотъ царевичъ воръ, плутъ, самозванецъ и обманщикъ. Въ отвѣтъ на это, Щербакъ сказалъ имъ, чтобы они плюнули сами себѣ въ очи и завязали свои рты, потому что за такую рѣчь свою примутъ злую смерть. Изъ Келеберды московскіе послы спустились въ мѣстечко Кишенку при рѣчкѣ Ворсклѣ и тутъ встрѣтились съ гетманскими посланцами и съ запорожскими козаками, сопровождавшими посланцевъ. Гетманскіе посланцы объявили Чадуеву и Щоголеву, что Ивана Сирка дѣйствительно ибѣтъ въ Сичи и что онъ находится на морскихъ разливахъ. Что же касается самого войска запорожскаго, то оно, выслушавъ письмо гетмана о самозванцѣ, стало смѣяться надъ гетманомъ и поносить непристойными и грубыми словами московскихъ бояръ, а самозванца, по приказу Сирка, величало царевичемъ, писать гетману вовсе отказалось, а вмѣсто того писалъ къ нему самъ самозванецъ и письмо свое запечаталъ собственною печатью, схожею съ печатью царскаго величества. Печать же ту сдѣлали ему запорожцы изъ скарбінныхъ сфимковъ и вѣсятъ она 30 золотниковъ; кромѣ того, запорожцы сдѣлали ему тафтяное съ двуглавымъ орломъ знамя и синиці хорошее платье. При отпускѣ гетманскихъ посланцевъ самозванецъ, пришедъ въ раду, всячески безчестилъ гетмана, называя его глупымъ человѣкомъ за то, что онъ именовалъ его воромъ и обманщикомъ, а самимъ посланцамъ сказалъ, что если бы у нихъ не прѣсныя души, то онъ велѣлъ бы повѣсить ихъ; если же гетману надо знать его, то пусть онъ пришлетъ для осмотра его своего обознаго Петра Забѣду да судью Ивана Домонтовича; а въ концѣ всѣхъ рѣчей сказалъ, что болѣе именемъ царскаго величества много разъ будутъ за нимъ, царевичемъ, присылать съ грамотами знатныхъ бояръ, но только опранные трехъ лѣтъ никуда не пойдеть, а будетъ ходить въ Черное море и въ Крымъ, а кто будетъ присланъ, даромъ не пробудеть.

Такъ говорили о самозванцѣ посланцы гетмана, а запорожцы, сопровождавшіе ихъ, называли того самозванца истиннымъ царемъ.

вичемъ и угрожали московскимъ посламъ за него смертью. Съ тѣми-же гетманскими посланцами прибыли изъ Запорожья въ Кишенку челядникъ Василія Многогрѣшнаго Лучка и товарищъ самозванца Мерешка. Лучка сказали московскимъ посламъ, чтобы они на Запорожье не ѣздили, потому что козаки встрѣтятъ ихъ выше Сичи въ Кодакѣ и тамъ повѣсятъ, а царевича выдать и не подумаютъ, потому что онъ настоящій царевичъ, и самъ Лучка, долго живи съ нимъ, видѣлъ на тѣлѣ его природныя красныя знаки: царскій вѣнецъ, двуглавый орелъ и мѣсяцъ со звѣздой. Мерешка же добавилъ къ этому то, что онъ пришелъ съ царевичемъ съ Дона, а почему онъ именуетъ себя царскимъ сыномъ, того не знаетъ. Въ ту же Кишенку приѣхалъ и пославецъ Ивана Сирка, Игнатъ Оглобя, направившійся изъ Сичи въ Украину къ гетману Самойловичу. Въ разговорѣ съ московскими послами Оглобя сказалъ, что кошевой атаманъ Сирко находится уже въ Сичи, прибылъ онъ съ морскихъ разливовъ въ Сичу на сырной недѣлѣ и за царевича называлъ Василія Чадуева собачьимъ сыномъ и намѣревался бить его.

Узнавъ о настроеніи Сирка и всего товариства, послы взяли для собственной безопасности нѣкоторые мѣры: они схватили Щербака, Лучку, Мерешку и Оглобя и отправили ихъ къ гетману, которому наказали держать ихъ до тѣхъ поръ, пока послы вернутся изъ Запорожья на Украину. Въ той же Кишенкѣ послы узнали, что Сирко прислалъ изъ войсковой скарбеницы въ мѣстечко Переволочну къ нѣкому Петру Перекресту 40 ефимковъ на покупку самозванцу всякихъ столовыхъ запасовъ. И тотъ Перекрестъ, закупивъ столовые запасы по росписи, отвезъ все въ Запорожье а кошевой съ товарищами все купленное отдалъ самозванцу.

Собравъ все свѣдѣнія и обезопасивъ себя заложниками, московскіе послы написали гетману о томъ, что имъ пора уже ѣхать на Запорожье, для чего просили его прислать имъ посланцевъ и провожатыхъ. По писемъ пословъ гетманъ отправилъ генеральнаго асаула Черняченка и позволилъ посламъ взять изъ полтавскаго полка 40 человекъ козаковъ охраны. Тогда послы, снявшись марта 1 дня съ Кишенки, поѣхали въ Запорожье. Дорогою они наѣхали на рѣчку Томаковку, въ 10 верстахъ отъ Сичи ¹⁾,

¹⁾ Нужно разумѣть верховье Чортомлыка, гдѣ онъ действительно подходитъ къ рѣчкѣ Томаковкѣ верстъ на 10.

на запорожскихъ козаковъ, бывшихъ коневыхъ атамановъ Евсевія Шашола и Лукьяна Андреева и другихъ знатныхъ козаковъ, кормившихъ своихъ лошадей, за недостаткомъ травы въ Сичи, возлѣ рѣчки Томаковки: съ ними былъ и вождь царевича Иванъ Миосскій. Тутъ асаулъ Черняченко сталъ потчивать всѣхъ встрѣтившихся запорожцевъ водкой. Во время угощенія Иванъ Миосскій признался одному изъ полтавскихъ козаковъ, что запорожцы не выкадутъ самозванца, потому что вѣрять въ него, какъ въ истиннаго царевича и что онъ воленъ у нихъ во всемъ и собирается побывать въ Крыму. Поговоривъ съ послами, всѣ запорожцы съ Иваномъ Миосскимъ двинулись для прокормленія лошадей, отъ рѣчки Томаковки къ урочищу Тарасовское, къ правому берегу Дѣйпра; одинъ только Лукьянъ Андреевъ остался у Томаковки, потому что онъ долженъ былъ переправить пословъ черезъ рѣчку въ собственной лодкѣ, которую онъ привезъ на собственной лошади. Въ то время, когда послы стали перевозиться черезъ рѣку, въ это самое время пріѣхали на перевозъ и запорожскіе казаки, Иваникъ съ товарищами, числомъ 11 человекъ, и стали просить водки. На это Лукьянъ Андреевъ сталъ ихъ спрашивать, зачѣмъ они пріѣхали, и сталъ называть ихъ ворами и разбойниками, два раза уже побившими и разграбившими царскихъ посланниковъ, а теперь, очевидно, имѣвшихъ намѣреніе побить и разграбить и въ третій разъ. Послѣ этого онъ сталъ торопить Чадуева и Щоголева скорѣе переправляться черезъ рѣку и идти дальше къ Сичѣ. Когда послы переправились, то Иваникъ и его товарищи, прибывъ Лукьяна Андреева, оставили Томаковку и поѣхали за другими козаками въ Тарасовское. На прощанье Лукьянъ Андреевъ сказалъ посламъ, что, по пріѣздѣ въ Сичу, самозванецъ будетъ надъ ними озорничать и всячески «оказываться».

Марта 9 дня 1674 года царскіе послы прибыли, наконецъ, въ Сичу. Кошевой атаманъ Иванъ Сирко и все посольство вышли къ нимъ за городъ и посоветовали имъ остановиться за Сичею, для чего отвели греческую избу на берегу рѣчки Чортомыка. А асаулу Черняченку съ провожатыми велѣли войти въ городъ и развѣститься по куренямъ, гдѣ кто пожелаетъ. Въ это же время пріѣхали съ морскихъ разливовъ знатные казаки, Власъ съ товарищами, и привезли съ собою шесть татаръ и нѣсколько татарскихъ писемъ, обшитыхъ тафтой. Марта 10 дня кошевой атаманъ Иванъ Сирко, собравъ къ себѣ въ курень судью, писаря, курен-

ныхъ атамановъ, знатныхъ козаковъ-радцевъ, а вмѣстѣ съ ними и московскихъ пословъ Чадуева и Щоголева, объявилъ, что десятаго числа у козаковъ рады не будетъ и потому царской грамоты на этотъ разъ они принять не могутъ: причина жъ тому та, что въ этотъ день будутъ переводиться татарскія письма, а когда письма будутъ переведены, то въ одной радѣ козаки выслушаютъ и письма и царскую грамоту; письма же тѣ посланцы изъ Крыма въ Волоцкую землю къ татарскому войску съ нарочными гонцами отправить, и если въ тѣхъ письмахъ окажутся какія-нибудь свѣдѣнія о военныхъ замыслахъ турокъ и татаръ, то они всѣ тѣ письма пошлютъ къ царскому величеству. Послѣ этихъ словъ кошевой атаманъ Сирко, куренные атаманъ, козаки-радцы спросили у пословъ: «Для какихъ великаго государя дѣлаъ они къ намъ присланы, слышали, что за царевичемъ?» — «Не царевичъ онъ, а воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ и богоотступника Стешки Разина ученикъ», отвѣчали послы. На этотъ отвѣтъ кошевой съ товарищами говорилъ, что онъ самый истинный царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ, желающій съ ними говорить и видѣться. Послы на это возразили, что присланы они отъ великаго государя къ кошевому атаману и ко всему войску не за тѣмъ, чтобы видѣться съ самозванцемъ, а за тѣмъ, чтобы взять его съ собою. На что занорожцы, въ свою очередь, отвѣтили, что покажутъ его посламъ на радѣ и что послы, услышавъ его рѣчь и высмотрѣвшись въ его лицо, признаютъ его за истиннаго царевича и поклонятся ему. Послы, услышавъ такія слова, пуще того стали обвинять и самозванца, и его вожда, а потомъ, послѣ всего этого, ушли изъ куреня кошевого въ свою избу. Послѣ ухода пословъ кошевой атаманъ Сирко, судья Степанъ Бѣлый, писарь Андрей Яковлевъ и куренные атаманъ чуть-ли не весь день пили у самозванца, «и Сирко, упившись, будто спалъ». Часа за два до вечера самозванецъ всталъ, опоясаясь саблей, и, въ сопровожденіи судьи, писаря, асауловъ и трехсотъ человекъ, напившихся пьяными, подошелъ къ избѣ, гдѣ стояли послы, вмѣстѣ съ козаками; тутъ козаки стали требовать Семена Щоголева, чтобы онъ вышелъ изъ избы къ царевичу. Но Семенъ Щоголевъ не пошелъ, а вмѣсто него вышелъ въ сѣни Василій Чадуевъ и, отворивъ дверь, сталъ говорить: «Кто спрашиваетъ и для какого дѣла Семена Щоголева?» На это самозванецъ отвѣтилъ къ нему: «Поди ко мнѣ». Василій Чадуевъ спросилъ его: «А ты что за человекъ?» — «Я

царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ». — «Странное и великое имя вспоминаешь, такого великаго и преслазнаго монарха съименъ называешься, чего и въ разумъ человѣческій не вѣстится; царевичи по степямъ и по лугамъ такъ ходить не изволятъ, ты сатанинъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ и сынъ, воръ, плутъ и обманщикъ». Самозванецъ за эти слова Чадуева сталъ позыпать его съ товарищемъ брюхачемъ и измѣнникомъ и поносить великими скверными словами, послѣ чего, обратившись къ козакамъ, сказалъ: «Смотрите, наши жъ холопи да намъ же досаждаютъ». А потомъ, выхвативъ саблю и со словами «я тебя устрою», бросился къ дверцѣ избы на Чадуева. Чадуевъ, видя то, схватилъ пицаль и рѣшился убить самозванца. Но въ это время писарь Андрей Яковлевъ схватилъ самозванца манеромъ и унесъ его за жѣзбную бочку, а потомъ съ нимъ ушелъ въ городъ. Послѣ ухода самозванца оставшіеся на мѣстѣ козакъ забрали полѣнныхъ, стали приступать къ избѣ и разбирать крышу ея, желая божества Чадуева и непремая его за то, что онъ хотѣлъ государича застрѣлить. Видя бѣду, Чадуевъ, Щоголовъ и стрѣльцы, забравъ пицали, сабли и мушкеты и простаясь между собой, стали ожидать смерти. Но потомъ, посидѣвши нѣсколько времени, составили государю грамоту и стали говорить козакамъ, чтобы они оставили ихъ до рады, а на радѣ выслушали бы царскую грамоту, что въ ней отъ великаго государя написано. Козаки успокоившись, велѣли судья и асаулу поставить возлѣ пословъ караулы, чтобы они не ушли, потому что москаль умѣютъ изъ рукъ уходить, и послѣ того одинъ по одному разошлись. Послѣ ихъ ухода явился помощникъ Алексѣй Бѣландскій съ козаками и съ мушкетами и сталъ въ сѣняхъ, у самыхъ дверей избы, готовый по малому призыву изъ бою.

Того же дня, вечеромъ, кошевой атаманъ Сирко присылалъ отъ себя къ посламъ судью, писаря, асаула и куренного атамана Федора Серебренника, которые говорили имъ такіа рѣчи: «Худой ты, Василій и Семенъ, сдѣлали, что, будучи между войскомъ, хотѣли застрѣлить государича; 12 марта будетъ рада и въ той радѣ будетъ государичъ; что вы хотѣли его застрѣлить, товарищъ великоблудно, и если онъ надъ вами велитъ войсму что-нибудь сдѣлать, то войсму что огонь, по малому зарну разорвуть». Чтобы поправить ошибку, козаки совѣтовали посламъ, прежде на раду, быть челомъ и кланяться изъ земли государичу, чтобы онъ про-

сплзъ ихъ. «Если бы Семень Щоголевъ,—добавляли козаки,—вышелъ тогда, когда его вызывали, и сталъ бы обличать государина или невѣжливо передъ нимъ говорить, то, конечно, государичъ и за это, и за прежнее обличеніе Семенова, саблею его срубилъ бы. А послѣ того, когда государича хотѣлъ Чадуевъ застрѣлить и когда онъ ушелъ отъ избы въ городъ, тогда, если бы онъ приказалъ пословъ съ ихъ людьми побить и въ Чортомыкъ побросать, козаки сдѣлали бы, потому что они государина считаютъ за царевича и жѣлтъ, и слушаютъ его, и что прикажетъ, то и будутъ дѣлать». На это Чадуевъ и Щоголевъ отвѣтили: «Подобный, небогоугодный и невѣрныхъ слугъ поступокъ, что вы, называясь вѣрными слугами царскаго величества, просите и получаете его милости, а пословъ великаго государя, повѣря какому-то неизвѣстному вору, плуту и обманщику, убиваете и смерти предаете. Мы не на смерть къ вамъ посланы, а на радость и объявленіе прямой царской милости».

Марта 12 дня козаки, собравъ войсковую раду и отобравъ у пословъ ножи, пригласили ихъ съ царскою грамотою на раду, а съ ними выѣстъ приказали идти и четыремъ человѣкамъ караульничкомъ съ мушкетами. Послы, явившись въ раду и изложивъ всю рѣчь, какъ имъ было приказано, вручили кошевому Сирку царскую грамоту. Сирко, выслушавъ царскую грамоту, наказъ и гетманское письмо, обратился съ такою рѣчью къ запорожцамъ: «Братія моя, атаманы молодцы, войско запорожское, низовое, дѣйпрное, какъ старшій, такъ и молодшій! Прже сего въ войскѣ запороженкѣ у насъ, добрыхъ молодцовъ, того не бывало, чтобы кому кого выдавали; не выдадимъ и этого молодчина». На это войско отвѣчало: «Не выдадимъ, господине кошевой!» Сирко снова заговорилъ: «Братія моя милая, какъ одного его выдадимъ, тогда и всѣхъ насъ Москва по одному разволочитъ (sic). А онъ не воръ и не плутъ, прямой царевичъ, и сидитъ, какъ птица въ кѣткѣ, и ни передъ кѣмъ не шикочетъ». На эти слова Сирка войско снова отвѣчало: «Пусть они того плута сами посмотрятъ въ очи, тогда узнаютъ, что то за плутъ. Ссылаются они на печать и на письмо, но самъ онъ (царевичъ) говорить, что все то ницуть сами бояре и присылаютъ безъ царскаго указа и впредь будутъ присылать; пори ихъ либо утонить, либо руки и ноги обрубить». Во время этихъ рѣчей самозванецъ стоялъ въ церкви и смотрѣлъ на раду черезъ окно. Между тѣмъ Сирко, выслушавъ страшное рѣшеніе

рады относительно пословъ, снова заговорилъ: «Поберегите, братіе, меня, потерпите, наконецъ, и ради тѣхъ изъ нашихъ козаковъ, которые находятся у гетмана; помните, что послы, ради своей свободы, отослали ихъ къ гетману.—поэтому поддержимъ ихъ живыми или одного изъ нихъ отпустимъ, чтобы какъ-нибудь своихъ освободить; впрочемъ, и то сказать: караулъ надъ ними крепкій, не уйдутъ. Братіе, атаманы, молодцы, войско запорожское! Пошлемъ мы къ Дорошенку, чтобы онъ отдалъ намъ на Коншъ клейноты войсковые да и самъ къ намъ прѣхалъ; а онъ меня послушаетъ, потому что мы кумъ, спасибо ему за то, что онъ по настоящее время не отдалъ тѣхъ войсковыхъ клейнотовъ Ромодановскому. Такая правда у того Ромодановскаго: когда побилъ Юрія Хмельницкаго и войсковые клейноты у него взялъ, то тѣхъ клейнотовъ намъ, войску запорожскому, не отдалъ да и теперь также сдѣлаетъ, если Дорошенко отдастъ ихъ ему». Козаки на слова кошевого отвѣчали: «Попьемъ, господине кошевой; вели листы къ Дорошенку писать». Послѣ этого Сирко велѣлъ посламъ оставить раду и идти въ греческую избу, за городъ, въ сопровожденіи писаря и караульщиковъ. Но тутъ козаки снова заговорили: они настаивали на томъ, чтобы вывести царевича на раду и показать его посламъ и чтобы послы все по волѣ его учинили, а если не учинять, побить ихъ. На это Сирко возразилъ товариству: «Зачѣмъ же государичу по радамъ волочиться? Когда будетъ время, они увидятъ его и безъ рады и сдѣлаютъ все по волѣ его, а пока то время не пришло, отпустите ихъ». Вечеромъ того же дня пришли къ посламъ судья, писарь, асаулъ и самозванецъ; послѣдній былъ очень опечаленъ тѣмъ, что его не позвали въ раду и потому хотѣлъ видѣться съ послами: принедешіе козаки объявили посламъ, что Сирко хочетъ свести ихъ съ царичемъ въ своемъ куренѣ и заставить говорить съ нимъ. «Присланы мы отъ царскаго величества къ войску запорожскому по него, самозванца, а не бесѣдовать съ нимъ. И если кошевой это сдѣлаетъ и призоветъ насъ къ себѣ, имѣя въ своемъ куренѣ самозванца съ саблею, и самозванецъ тотъ начнетъ озорничать, то какая жъ тутъ правда? Мы какъ прежде, такъ и тогда, какъ будемъ у кошевого въ куренѣ, шея не протлнемъ».

Марта 13 дня кошевой атаманъ Сирко, созвавъ къ себѣ въ куренъ куренныхъ атамановъ и знатныхъ козаковъ-радецъ и пригласивъ туда же царскихъ пословъ съ генеральнымъ асауломъ

Черныченкомъ, обратился съ такою рѣчью къ посламъ: «Много вы, прѣхавъ на Запорожье, поворожали, на великаго человека руку поднявъ, государича убить хотѣли, и за это смерти вы достойны. А намъ Богъ послалъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень, чего ископи вѣковъ у насъ въ Запорожьѣ не бывало. Самъ же разсказываетъ, какимъ образомъ изъ Москвы изгнанъ: былъ онъ однажды въ палатахъ своего дѣда по плоти, Ильи Даниловича Милославскаго; въ то время у Ильи Даниловича бесѣдовалъ о дѣлахъ нѣмецкій посолъ; и той рѣчи царевичъ помѣшалъ, за что Илья Даниловичъ невѣжливо отвелъ его рукою: тогда царевичъ, придя въ царскія палаты, сказалъ государынѣ Марьѣ Ильиничнѣ, что если бы ему, царевичу, дали хоть три дня на царствѣ побыть, то онъ бы всѣхъ нежелательныхъ ему бояръ немедленно перевелъ; а когда царица спросила у него, кого же именно онъ перевелъ бы, то царевичъ отвѣтилъ, что первѣе всѣхъ боярина Илью Даниловича, а за нимъ и другихъ. Тогда государыня бросила въ него ножомъ и тотъ ножъ воткнулся въ ногу царевичу, отъ чего царевичъ занемогъ. Послѣ этого царица велѣла стрипчему Михайлу Савостьянову окормить царевича, но тотъ стрипчій окормилъ вмѣсто царевича какого-то нѣвчана, и лицомъ и возрастомъ схожаго съ царевичемъ и, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а на мертваго положилъ иное: царевича же хранилъ тайнѣ три дня, потомъ нанялъ двухъ чело-вѣкъ старыхъ нищихъ, одного безрукаго, другого кривого и, давъ имъ 100 червонцевъ, велѣлъ вывести царевича изъ города въ небольшой телѣжкѣ подъ рогожей: нищие вывели и отдали его посадскому мужику, а тотъ мужикъ свезъ царевича къ Архангельской пристани. И царевичъ, проскитавшись тамъ многое время, пришелъ на Донъ и сталъ плавать со Стенькою Разинымъ по морю, въ качествѣ кашевара, не объявляя о настоящемъ своемъ знаніи и называя себя Матѣнкою. Только передъ тѣмъ, какъ Стеньку Разина забрали въ Москву, онъ объявилъ ему, подъ присягою, о себѣ, и Стенька зналъ его. Послѣ же Стеньки былъ на Дону какой-то царскій посланецъ съ казною и тотъ посланецъ дарилъ царевича подарками, черезъ него царевичъ написалъ собственноручно письмо о себѣ царю, но того письма бояре до царскаго величества не допустили. А когда время настанетъ, то онъ пошлетъ къ царскому величеству письмо о себѣ съ такимъ чело-вѣкомъ, который самъ донесетъ его до царскаго величества». Въ заклю-

ченіе рѣчи Сирко отъ себя о царевичѣ прибавилъ, что сначала онъ мало ему вѣрилъ, но потомъ, когда въ наставшій постъ царевичъ началъ говорить, то Сирко велѣлъ священнику на исповѣди подѣ клятвой допросить, вѣрно-ли все то, о чемъ онъ разсказывалъ, и царевичъ подѣ клятвой отвѣтилъ, что все сказанное имъ истинная правда, и послѣ этого приобщился святыхъ таинъ. Оттого теперь, кто что объ немъ ни говори и ни шину, все вѣрятъ въ его царственное происхожденіе. II Сирко, перекрестясь, говорилъ, что это истинный царевичъ и что ни самъ царевичъ, ни войско не отказываются просить себѣ, что надо по рошеніи, а именно: на 3.000 съ небольшимъ человекъ по 10 аршинъ на человека въ годъ кармазинныхъ суконъ, кромѣ того денежной, свинцовой и пороховой казны, также ломовыхъ пушекъ, нарядныхъ ядеръ и мастера, который тѣми ядрами умѣлъ бы стрѣлять, синопни же и чайки у нихъ будутъ. Послѣ Сирка говорилъ самъ самозванецъ: онъ сказалъ, что послы сами хорошо знаютъ, почему ни донскимъ, ни запорожскимъ козакамъ не даютъ ни жалованья, ни пушекъ, ни чаекъ, ни всякихъ воинскихъ запасовъ, — что царское величество къ нимъ милосердъ и много обѣщаетъ, а бояре и малато не даютъ; а что до присланныхъ царскимъ величествомъ шитуховыхъ суконъ, то имъ изъ нихъ досталось только по полтора локтя на человека и только тѣ, которые хотѣли купить, тѣ, скушавъ, сдѣлали себѣ кафтаны, другіе же изъ тѣхъ суконъ сшили себѣ сумки на кремни да пули. На рѣчь коневого, куренныхъ атамановъ и козаковъ-радецовъ послы отвѣчали, чтобы они, оставивъ все свои слова, отдали бы посламъ самозванца и отправили бы его со ста человекъ козаковъ къ его царскому величеству, за что его царское величество будетъ жаловать ихъ милостивымъ жалованьемъ. А на Коня за это присланы будутъ жалованье, сукна, ломовыя пушки, нарядныя ядра, мастеръ, свинецъ, синопни и чайки. «А что тотъ истинный воръ, плутъ, самозванецъ и явный обманщикъ про себя объявлялъ, что онъ у вора, богоотступника и клятвопреступника Стеньки Разина былъ, то тому Стенькѣ, за его воровство, казнь учинена». Коневой и куренные атаманы на это посламъ сказали: «Если мы и тысячу козаковъ съ нимъ пошлемъ, то на дорогѣ его отымутъ и до царскаго величества не допустить, а потому если придутъ за нимъ дворяне или воеводы съ ратными людьми, для взятія государича, то и тогда не дадимъ его. Москва и настъ всехъ называетъ ворами и плутами, будто

мы сами не знаемъ, что и откуда кто есть». Самъ коневой атаманъ Сирко посланъ сказалъ: «Если государь, по приговору бояръ, за то, что мы не отдали царевича, пошлетъ къ гетману Самойловичу, чтобы онъ не велѣлъ пускать къ намъ въ Запорожье хлѣба и всякихъ харчей, какъ Демка Многогрудный не пропускалъ, то мы, какъ тогда безъ хлѣба не были, такъ и теперь не будемъ, мы сыщемъ себѣ и другого государя, дадутъ намъ и крымскіе мѣщане хлѣба, и рады намъ будутъ, чтобы только брали, такъ же какъ во время гетманства Суховія давали намъ всякій хлѣбъ изъ Перекопа. А про царевича извѣстно и крымскому хану, который уже присылалъ къ намъ узнать объ немъ, на что мы отвѣтили ему, что такой человѣкъ у насъ на Коню дѣйствительно есть. И посланный хана самъ видѣлъ царевича. А къ тому же и турецкій султанъ вливіиной весной непремѣнно хочетъ быть подъ Мѣвѣ и далѣе: пусть цари между собой переверѣдаются, а мы себѣ мѣсто сыщемъ: кто силенъ, тотъ и государь намъ будетъ. Идальмиѣ Павла Грибовича: если бы онъ въ настоящее время былъ со мной, то зналъ бы я, какъ въ Сибирь черезъ поле засматривать, узнали бы тогда, каковъ жолнѣръ Сирко». Тотъ же Сирко присланному вмѣстѣ съ послани отъ гетмана Самойловича генеральному атаулу Черняченку сказалъ такое слово: «Какому они мужику гетманство дали,—онъ своихъ разорилъ, да и разорять-то не умѣетъ: по Дибѣру попласталъ, поволочился и, ничего добраго не сдѣлавъ, назадъ возвратился. Теперь у нихъ четыре гетмана: Самойловичъ, Суховіенко, Ханенко и Дорошенко, а ни отъ кого изъ нихъ ничего добраго нѣтъ: сидятъ дома да за гетманство, за маѣтности и за мельницы кровь христіанскую проливаютъ: лучше было бы Крымъ разорить да войну унять. А было время, когда войско, во время рады, меня спрашивало и гетманство хотѣло мнѣ дать, но Ромодановскій Самойловича гетманомъ сдѣлалъ,—не по войсковому онъ поступилъ и меня, Сирка, въ пронасть послалъ. Слышно, что многіе города той стороны и Лизогубъ теперь къ вашему гетману перешли, а за то хвала Богу, что Лизогубъ къ гетману подлизался: онъ какъ лизнетъ, то и въ пятакахъ горячо будетъ. А когда бы мнѣ, Сирку, гетманство дали, то и бы не такъ сдѣлалъ. Да и теперь, если бы мнѣ хотя на одинъ годъ гетманство дали или гетманъ поповичъ ¹⁾, московскій обра-

¹⁾ Иванъ Самойловичъ былъ сынъ священника западной стороны Дибѣра, изъ села Краснаго.

нецъ, далъ мнѣ четыре козацкихъ полка—полтавскій, миргородскій, прилуцкій и лубенскій, то я бы зналъ, что съ ними дѣлать: весь Крымъ разорилъ бы». Въмѣсто Черныченка кошевому отвѣчали послы, что теперь съ бояриномъ и съ гетманомъ ратуютъ людей великаго государя около 40.000 и что Сирко можетъ идти къ нимъ и чинить промыслъ, гдѣ придется. «Теперь не прежнее время,—возразилъ Сирко посламъ:—больше не обмануть меня. Раньше этого мнѣ отписалъ Ромодановскій на карткѣ государскую милость, и я, повѣря ему, повѣхалъ къ нему, а онъ продалъ меня за 2.000 червонныхъ».—«А кто же тѣ червонные за тебя далъ?» спросили послы.—«Царское величество, милосердуя обо мнѣ, тѣ червонные Ромодановскому указалъ дать», отвѣчалъ Сирко.

Марта 17 дня, передъ обѣдней, кошевой атаманъ Иванъ Сирко посылалъ священника съ одиннадцатью куренными атаманами осмотрѣть на самозванцѣ природные знаки его. Посланные не нашли на немъ ни подобія царскаго вѣнца, ни двуглаваго орла, ни мѣсяца со звѣздой, какъ показывалъ челядникъ Василій Многогрѣшнаго Лучка, а нашли лишь на груди его, отъ одного до другого плеча, восемь, подобно линиямъ, бѣлыхъ и широкихъ пятенъ. По поводу этихъ пятенъ самозванецъ сказалъ, будто объ нихъ вѣдаетъ государыня царица да мама Марья, и что теперь, кромѣ стряпчаго Севастьянова его никто не узнаетъ, да и онъ, кромѣ Севастьянова, никому не повѣритъ, также, какъ писать только къ царскому величеству будетъ. Съ этихъ поръ и кошевой Сирко, и козаки еще больше увѣровали въ истинное происхожденіе царевича.

Того же дня кошевой атаманъ Иванъ Сирко, призвавъ къ себѣ царскихъ пословъ, въ присутствіи куренныхъ атамановъ, сказалъ имъ: «Рѣшили мы сообща отпустить васъ къ царскому величеству, а съ вами отправить своихъ посланцевъ, не вѣря ни тому, что въ грамотѣ къ намъ написано, ни тому, что вы намъ о царевичѣ говорили; въ листѣ своемъ мы отпишемъ все слова царевича, да и онъ самъ отпишетъ его царскому величеству и гетману Самойловичу. Пословъ же своихъ главнымъ образомъ посылаемъ для того, чтобы они, слышавъ изъ самыхъ устъ государскихъ царское слово о царевичѣ, пріѣхавъ на Кошъ, намъ о томъ объявили, и тогда у насъ свой разумъ будетъ».

Марта 18 дня кошевой атаманъ Сирко и все посольство, собравшись на раду, читали свои листы и листъ царевича, написан-

ные къ царскому величеству и къ гетману; московскіе послы не были приглашены на раду. Послѣ чтенія писемъ запорожцы выбрали, въ качествѣ посланцевъ къ царю, Процика Золотаря, Трофима Троицкаго да писаря Перепену, а послѣ выбора собственныхъ посланцевъ, козаки призвали царскихъ пословъ въ курень кошевого атамана и тамъ вычитали имъ свои листы: въ тѣхъ листахъ прописано было все то, что царскіе послы слышали о царевичѣ на радѣ; одно только въ листахъ показано было иначе, царевичу написано было 16 лѣтъ, а по осмотру пословъ ему больше 20 лѣтъ. Послѣ этого Чадуевъ, Щоголевъ и Черниченко того же дня были отпущены изъ Сичи.

Отъѣхавъ три версты отъ Сичи, царскіе послы должны были нѣкоторое время ожидать запорожекскихъ посланцевъ, задержанныхъ кошевымъ и царевичемъ въ Сичи. Догнавъ царскихъ пословъ, запорожскіе посланцы объявили имъ, что съ ними имѣются только войсковые листы, а листа царевича при нихъ нѣтъ, потому что царевичъ изорвалъ его за то, что кошевой и посольство не позволили ему, царевичу, ни свидѣться съ царскими послами, ни проводить ихъ. Послы не повѣрили тому, чтобы листъ царевича былъ изорванъ: напротивъ того, они убѣдились, что посланцы таить его для того, чтобы имъ самимъ, когда они будутъ у государевой руки, подать лично царскому величеству тотъ листъ, иначе бояре того листа царевича до государя не допустятъ. Также сомнѣвались царскіе послы и относительно того, тѣ-ли взяли съ собой запорожскіе посланцы листы, которые читаны были на радѣ, такъ какъ козацкіе посланцы послѣ отъѣзда царскихъ пословъ долго оставались въ Сичи. Тутъ же, догнавъ царскихъ пословъ, запорожскіе посланцы говорили имъ, что когда они выѣхали изъ Сичи, то царевичу поданы были три осѣдланныхъ лошади съ парой пистолетовъ при каждой, и царевичъ просился провожать Чадуева и Щоголева съ тѣмъ, чтобы побить ихъ, но кошевой Сирко не допустилъ его до того¹⁾. Къ этому запорожскіе посланцы добавили, что когда Чадуевъ и Щоголевъ пріѣхали въ Сичь, то къ царевичу былъ приставленъ крѣпкій караулъ, а до пріѣзда ихъ онъ ѣздилъ по полямъ свободно одинъ.

Оставивъ Сичу, Чадуевъ и Щоголевъ прибыли въ Кобыляки, а изъ Кобылякъ, апрѣля 4 дня, добрались въ городъ Переяславъ,

¹⁾ Это подтвердили потомъ и другіе свидѣтели: Акты, XI, 563.

къ гетману Ивану Самойловичу. Въ этомъ городѣ запорожскіе посланцы остановились кормить лошадей; тутъ къ нимъ пріѣхало изъ Сичи и изъ городовъ еще 34 человекъ козаковъ, которые хотѣли ѣхать къ царю. Въ Переяславѣ гетманъ Иванъ Самойловичъ и бояринъ Григорій Ромодановскій съ товарищами говорили царскимъ посланцѣмъ, чтобы они доложили государю, а государь бы указать изволилъ, кого прислать на Украину, чтобы дома и животы Сирковы на великаго государя отписать, а жену его и зятей въ крѣпости держать, потому что Сирковы жена, зятья и дома въ его боярскомъ полку. Зятей его Сирковыхъ бояринъ велѣлъ взять въ Переяславъ къ себѣ, а дома и животы Сирка и зятьевъ его онъ велитъ на государя отписать; но посадить въ крѣпость ни жены, ни зятьевъ безъ указа великаго государя не смѣетъ, чтобы избѣжать клеветы со стороны Сирка, какъ это было въ прошлую измѣну, когда Сирко клеветалъ на боярина за многіе животы свои. Также просили гетманъ и бояринъ доложить государю о присылкѣ царскаго указа гетману Самойловичу, чтобы не пропускать никого въ Запорожье ни съ хлѣбомъ, ни съ харчою, ни съ какимъ другимъ дѣломъ изъ всѣхъ городовъ и отъ людей всякихъ чиновъ, чего безъ царскаго указа самъ гетманъ не смѣетъ сдѣлать. Гетманъ хотѣлъ послать съ предупрежденіемъ о томъ хорунжаго своего въ крѣпость Переволочну, гдѣ переѣзжаютъ съ лѣваго берега Днѣпра на правый, т.-е. изъ Украины на Запорожье, до прибытія царскаго указа. А о самозванцѣ онъ думаетъ, что достать его изъ Запорожья никакъ нельзя, потому что запорожцы увѣровали въ него, точно мусульмане въ свсего Магомета. Относительно же тѣхъ козаковъ, которые пристаи, не будучи посланы изъ Запорожья, къ царскимъ посланцѣмъ, гетманъ сказалъ, что хотъ ихъ сто человекъ, то онъ ихъ всѣхъ пропуститъ къ царю; а когда они будутъ въ Москвѣ, то пусть государь изволитъ приказать отпустить изъ нихъ на Запорожье двухъ или трехъ человекъ, а остальныхъ велитъ задержать и на Запорожье въ своей царской грамотѣ отписать: если козаки того самозванца не выдадутъ, то онъ всѣхъ оставшихся въ Москвѣ ихъ товарищей предастъ злой смерти.

Отъ гетмана царскіе послы уѣхали апрѣля 6 дня и въ томъ же мѣсяцѣ прибыли въ Москву. Въ Москвѣ они подробно доложили обо всемъ, что видѣли и что слышали на Запорожьѣ и въ заключеніе сказали, что, будучи въ Сичи, они жили «куня свѣтъ»:

старшинъ и козакамъ, которые къ нимъ приходили и смертью угрожали, давали по одному, по два и по три ефимка: а зачали тѣ ефимки у гетмана Ивана Самойловича, будто бы, на покупку лошадей, по двадцати рублей, и всѣ тѣ деньги роздали, чѣмъ освободились отъ бѣды. А ту пицаль, изъ которой Василій Чадусевъ хотѣлъ застрѣлить самозванца, взялъ себѣ Сирко: цѣною жъ она была восемь рублей ¹⁾).

Оставшиесъ послѣ отъѣзда царскихъ пословъ въ запорожской Сичи, «царевичъ» сталъ просить Сирка, чтобы онъ далъ ему 100 или 200 человекъ козаковъ, съ которыми онъ могъ бы стѣхать на островъ Чортомлыкъ и оттуда написать на Донъ къ простой черни, дабы чернь вырубила старшину и преклонилась ему, царевичу: «А какъ та чернь приклонится, тогда я, собравши по городамъ людей, могу идти къ Москвѣ». На это Сирко ему сказалъ: «Къ чему тебѣ собирать войско? Если хочешь ѣхать къ Москвѣ, то я отпущу тебя съ провожатыми. — Нельзя мнѣ ѣхать съ одними провожатыми въ Москву, — бояре убьютъ меня». Послѣ этого разговора Сирко сталъ особенно беречь «царевича», чтобы онъ куда-нибудь не уѣхалъ изъ Сичи ²⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 342—364.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 610.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Посольство Сирка къ Дорошенку и Самойловичу съ предложеніемъ дѣйствовать сообща противъ враговъ христовой вѣры. — Заключеніе гетманомъ Самойловичемъ посланцевъ Сирка Яремы Квати и Грицька Оглобли въ тюрьму. — Письма Сирка къ брату гетмана, священнику Тимоѳею Самойловичу и боярину Григорію Ромодановскому по этому поводу. — Прибытіе запорожскихъ посланцевъ въ Москву по дѣлу о самозванцѣ. — Грамота царя Сирку о выдачѣ самозванца. — Отправка самозванца въ Москву, казнь его и пожалованіе царемъ Сирка. — Дѣло объ Иванѣ Мазепѣ. — Исповѣдь Мазепы въ Москвѣ и показанія его о Сиркѣ и Дорошенкѣ. — Новая гроза для Украины отъ нашествія турокъ и татаръ. — Движенія Сирка за Бугъ и заднѣпровскую Украину. — Вторженіе турокъ въ Подолію и взятіе ими Лодыжинна и Умани. — Походы крымскаго хана въ лѣвобережную Украину. — Возвращеніе Сирка въ Сичу.

Отправивъ Василя Чадуева и Семена Щоголева изъ Сичи, кошевой атаманъ Иванъ Сирко, въ слѣдъ за этимъ, отправилъ въ Чигиринъ войскового товарища Стефана Бѣлаго съ 25 товарищами къ гетману Дорошенку. Цѣль этого посольства раскрывается въ письмѣ войскового судьи Стефана Бѣлаго, писанномъ апрѣля 7 дня, 1674 года, изъ города Чигирина на имя знатнаго запорожца Григорія Пелеха съ товарищами, находившагося подъ рѣгементамъ Самойловича. Письмо это передано было посланцемъ Бѣлаго не Пелеху, а городовому козаку Дубягѣ и отъ Дубяги попало въ руки Самойловича. Въ немъ было сказано, что Бѣлый и его товарищи присланы въ Чигиринъ къ Дорошенку по волѣ кошевого атамана Ивана Сирка и войска запорожскаго низового: въ Чигиринѣ они должны были сказать, что кошевой и все войско запорожское на общей радѣ постановили бытъ въ единомысліи и въ братолюбіи съ господиномъ гетманомъ. Петромъ Дорошенкомъ для того, чтобы и между украинскимъ войскомъ, и между всѣми украинскими городами никакого не было замѣшанья и кроворазлитія. Поэтому, Бѣлый совѣтовалъ Пелеху прекратить загоны подъ городами, оставаться въ полномъ спокойствіи и не пренятствовать всѣмъ желающимъ идти въ Чигиринъ къ гетману или къ своимъ родичамъ, чтобы тѣмъ сохранить въ цѣлости весь свой

народъ въ случаѣ прихода общаго непріятеля, врага православной вѣры и воевавшихъ вольностей. Прочитавъ и «выразумѣвъ» все изложенное въ письмѣ Стефана Бѣлаго, гетманъ Иванъ Самойловичъ немедленно отправилъ это письмо въ Москву. Царь отвѣчалъ гетману грамотой, въ которой писалъ, что о ссылкѣ Сирка съ Дорошенкомъ ему по гетманскому письму теперь все извѣстно: извѣстно также и то, что въ Москву ѣдутъ посланцы Сирка изъ Сичи, а когда они придутъ въ Москву и когда объявить о своихъ дѣлахъ въ приказѣ Малой Россіи, тогда обо всемъ томъ царь прикажетъ извѣстить гетмана ¹⁾).

Въ слѣдъ за посланцами, отправленными къ гетману Дорошенку, Сирко отправилъ посланцевъ къ Самойловичу. И здѣсь цѣлью посольства было то, чтобы соединиться всѣми силами и дѣйствовать сообща противъ грозныхъ враговъ. Но гетманъ Самойловичъ, едва успѣвъ прибыть къ нему посланные изъ Сичи козаки, приказалъ заключить ихъ въ тюрьму и никуда не выпускать, а потомъ, согласно царскому указу, жестоко приказалъ не давать никому въ Запороги идти и хлѣбныхъ запасовъ провозачъ туда ²⁾. Узнавъ объ этомъ, Сирко написалъ два просительныхъ письма, — одно отъ 23 мая къ священнику Тимофею Самойловичу; другое, отъ 28 мая, къ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, воеводѣ бѣлгородскому. Обоимъ Сирко просилъ подѣйствовать на гетмана, чтобы онъ, давъ свободу запорожскимъ посланцамъ, вернуть ихъ назадъ въ Сичу ³⁾ и не считалъ бы запорожцевъ своими врагами: «Князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, благодѣтелю, никакойнѣе вѣклоушеніе преносылаемъ и увѣдомляемъ, что я коншевой и все войско запорожское, по обѣщанію нашему, желаемъ вѣрно служить великому государю, пока свѣтъ будетъ свѣтитъ. Только сомнѣніе насъ беретъ и помѣхой нашихъ намѣреніймъ служить то, что нашихъ пословъ Ярема Квану и Грицька Оглоблю уже нѣсколько десятковъ подѣль держать въ неволѣ, томятъ въ заключеніи и никакихъ полезныхъ намъ вѣстей о томъ, какъ бы мы могли противостать противъ давняго и общаго нашего непріятеля, знать не даютъ, отчего духовный врагъ и

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 429, 443, 446.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 478.

³⁾ Къ Тимофею Самойловичу писалъ мая 23 дня о возвращеніи запорожскихъ пословъ и «даревичъ» Симеонъ Алексѣевичъ: Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, IV, 314.

плевосѣйатель, радуясь тому, начинается между нами вражду распространять. Желая предотвратить эту вражду, хотѣли мы къ вашей княжеской милости, ради вѣрности нашей, посланцевъ нашихъ, товарищей войсковыхъ Лукьяна Пужного и Михайла Криву, послать; черезъ этихъ посланцевъ, представивъ вамъ по истинной правдѣ, что служба наша его царскому величеству вѣрна и неотмѣнна, мы имѣли сказать, что чинить промысловъ надъ бусурманами не перестаемъ и много имѣемъ въ настоящее время поиманныхъ языковъ. Но только опасаемся послать ихъ, потому что не въ честь это приходитъ намъ. А что тѣ языки сказали намъ на словахъ, объявляемъ вамъ, что крымскій ханъ съ ордами имѣлъ выйти изъ Крыма съ наступленіемъ настоящаго мѣсяца, при Дорошенкѣ же орды, по словамъ нашихъ пословъ, не больше 1.000 или 1.500. И хотя посылали мы пословъ къ Дорошенку, но дѣлали это не для пагубы народа, а изъ желанія соединить и привести всѣхъ подъ высокoderжавную и крѣпкую руку его царскаго пресвѣтлаго величества; что же касается того слуха, будто мы хотѣли мировую устроить съ крымцами, то это чистый вымыселъ. Просимъ вашу княжескую милость вѣлѣть тѣмъ словамъ не вѣрить. Извѣщаемъ васъ, что мы, для освобожденія нашихъ христіанскихъ невольниковъ, желаемъ обмѣнъ полоняниковъ сдѣлать. Бѣю челомъ вашей княжеской милости, моему благодѣтелю, что въ моемъ домѣ имѣется турецкій и татарскій полочъ; позволю мнѣ взять ихъ на откупъ для обмѣна кровныхъ моихъ и изъ неголи тяжелой вымолотить, также и посланцевъ войсковыхъ, раньше да и теперь посланныхъ, изволь, благодѣтель мой, скорѣе съ подлинными вѣстями, имѣющимися у васъ, отпустить, чтобы мы, не имѣя никакого сомнѣнія, могли стать противъ общаго нашего непріятеля, чего такъ усердно и желаемъ, и хотимъ»¹⁾).

Между тѣмъ, когда проходили эти переговоры съ Дорошенкомъ и Самойловичемъ, ишла жалоба Сирка Ромодановскому на Самойловича, въ Москву прибыли, мая 1 дня, 1674 года, запорожскіе посланцы, Прокофій Семеновъ и его товарищи, числомъ 300 человекъ, по дѣлу о пребываніи въ Сичи «царевича»²⁾). Явившись въ столицу, запорожскіе посланцы подали на имя царя листъ, въ которомъ Сирко со всѣмъ товариществомъ, называя царя божіимъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 480—483.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 659.

помазанникомъ, многомилостивымъ свѣтомъ и войска запорожскаго дыханіемъ, извѣдалъ, что въ Сичи объявился какой-то «молодикъ», называющій себя царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, который, будто бы, отъ обиды, нанесенной ему матушкой-государыней, бѣжалъ изъ Москвы, долго скитался по Россіи, а наконецъ пріѣхалъ въ Запорожье, гдѣ и сохраняется подлѣ строжайшимъ карауломъ и впредь будетъ сохраняться, до тѣхъ поръ, пока войско не услышитъ царскаго слова, правда-ли то, о чемъ рассказываетъ Симеонъ Алексѣевичъ. Вылетѣ съ письмомъ Сирка посланцы кошевого подали и письмо самого «царевича», въ которомъ онъ, называя себя Симеономъ Алексѣевичемъ, сыномъ царя Алексѣя Михайловича, благодетельнымъ царевичемъ, билъ челомъ государю на думныхъ бояръ за то, что они хотѣли его умерить, хотя и не успѣли въ томъ, оттого онъ и теперь, желая идти къ своему батюшкѣ, не идетъ, чтобы на дорогѣ какого зла не было; жаловался онъ и на царскихъ пословъ Василия Чадуева и Семена Щеголева, которые хотѣли его изъ пиндала застрѣлить; наконецъ, писалъ онъ царю и о томъ, что войско запорожское ему вѣрно служить и просилъ показывать козаковъ тѣмъ, о чемъ они будутъ бить челомъ, для лучшаго ихъ промысла надъ бусурманами, потому что козаки не только въ полѣ побѣждали ихъ, но водою прямо въ землю непріятельскую приходили и тамъ знатныя побѣды одерживали.

На листъ Ивана Сирка царь отвѣчалъ грамотой, въ которой упрекалъ кошевого въ томъ, что онъ презрѣлъ царскую милость и не исполнилъ своего обѣщанія, дать вору и самозванцу печать и знамя, прежде пріѣзда въ Сичь царскихъ пословъ не извѣстивъ о немъ въ Москву, посылалъ священника и знатныхъ козаковъ разспрашивать вора о его личности, безъ царскаго указа сносился съ Дорошенкомъ, напоминалъ Сирку о годѣ, днѣ смерти и мѣстѣ погребенія царевича Симеона Алексѣевича и въ заключеніе требовалъ, чтобы кошевой, стовавъ самозванца и его вожда Ивана Миску, прислалъ бы ихъ, за крѣпкимъ карауломъ, въ Москву, въ залогъ чего царь оставилъ въ Москвѣ посланцевъ кошевого и приказалъ удерживать чайки (лодки), пушки, сукна и деньги въ городѣ Сѣвскѣ, до присылки самозванца ¹⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 562; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 312.

Получивъ царскую грамоту, Сирко немедленно извѣстилъ боярина Григорія Григорьевича Ромодановскаго о томъ, что человекъ, называющаго себя сыномъ царя и великаго князя, онъ отправляетъ, скованнаго желѣзами, вмѣстѣ съ его шестью товарищами, въ Москву, а вмѣстѣ съ тѣмъ шлетъ его царскому пресвѣтлому величеству нижайшій листъ. Въ этомъ листѣ написано было слѣдующее: «Человекъ, который именуется вашего величества сыномъ, мы за крѣпкимъ карауломъ держали, честь не ему самому, а вашему царскому пресвѣтлому величеству свѣту, нашему дыханію отдавали, потому что вашимъ прирожденіемъ именуется: теперь, какъ вѣрный слуга, отсылаю его къ вашему величеству, желая свое обѣщаніе исполнить и вѣрно до послѣднихъ дней живота служить; съ Дорошенкомъ ссылался я, желая привести его на службу къ вашему царскому величеству; смилуйся, великій государь, пожалуй насъ всякими запасами довольными, какъ на Дону. Мы просили у гетмана Ивана Самойловича перевоза. Переволочной, но онъ не далъ: просили же мы не для собиранія пожитковъ, какъ иные выпрашиваютъ, а на защиту вѣры христіанской. Все поборы, которые съ христіанъ на Украинѣ берутъ, вашему величеству не доносятъ, а намъ и одного перевоза не даютъ».

Привезенный изъ Запорожья въ Москву самозванецъ далъ три показанія и въ первомъ изъ нихъ объявилъ, что всѣхъ больше его принуждалъ принять «страшное» имя царевича кошевой атаманъ Иванъ Сирко, который хотѣлъ, собравшись, идти на московское государство и побить бояръ. Въ остальныхъ двухъ показаніяхъ о Сиркѣ онъ ни слова не сказалъ, а заявилъ, что воровству тому научилъ его Иванъ Миусскій, родомъ хохлачъ. О себѣ же самозванецъ сказалъ, что онъ подданный князя Димитрія Виннивецкаго, сынъ варшавскаго мѣщанина, перемеднаго въ Варшаву изъ Лохвицы ¹⁾; отца его звали Иваномъ Андреевымъ Воробьевымъ, а его самого—Семеномъ Ивановымъ. Концомъ всей исторіи Лжесимеона царевича была казнь его въ Москвѣ, сентября 17 дня, 1674 года, на Красной площади въ присутствіи бояръ и народа.

Какъ понимать поведеніе Сирка въ отношеніи самозванца Лжесимеона? Трудно допустить, чтобы Сирко, человекъ опытный, дальновидный и проникательный, вѣрилъ въ подлинность происхожденія лица, называвшаго себя сыномъ царя Алексѣя Михай-

¹⁾ Лохвица—уѣздный городъ полтавской губерніи.

ловича, и въ искренность сплетенной имъ басни о бѣгствѣ изъ Москвы и скитальничествѣ по Россіи. Скорѣе всего надо думать, что Сирко разыгралъ въ этомъ случаѣ роль человека, убѣжденнаго въ истинности царственнаго происхожденія Лжесимеона, — такая роль полезна была ему для того, чтобы держать Москву въ своихъ рукахъ и тѣмъ сохранять политическую независимость Запорожья отъ нея: можетъ быть, къ этому присоединилась и месть за ссылку въ Сибирь, въ чемъ Сирко и проговорился во хмелю и о чемъ онъ никогда не могъ забыть до послѣднихъ дней жизни своей. Такъ или иначе, по своему роли Сирко разыгралъ на столько искусно, что заставилъ вѣрить въ царевича и всю массу запорожскаго войска. Вѣра эта сказывалась въ томъ, что все запорожцы, до единого, готовы были идти за царевича и въ огонь, и въ воду, ни за что не хотѣли отдать его нисѣма боярамъ, а рѣшили отвезти его прямо къ царю и, наконецъ, нигдѣ, ни въ официальномъ, ни въ частномъ разговорѣ, не называли его ни бѣглецомъ, ни самозванцемъ: даже зложелатели Сирка и тайные сторонники Москвы не высказывали въ этомъ отношеніи своихъ сомнѣній о личности царевича и принятой въ отношеніи его роли Сирка.

Какъ бы то ни было, но Москва и на этотъ разъ должна была «пробачить» вины запорожцевъ, какъ «пробачила» она раньше убійство московскаго посла Лодыженскаго: царь послѣ казни Лжесимеона пожаловалъ кошевому атаману Ивану Дмитріевичу Сирку два сорока соболей, цѣною по 50 рублей каждое сорокъ, да двѣ пары по 7 рублей пара ¹⁾. Сирко, получивъ царскій подарокъ, писалъ царю челобитную съ просьбой дать ему на жительство, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, городокъ Келеберду, у лѣваго берега Днѣпра, близъ Переволочны: «Устарѣлъ я на воинскихъ службахъ, а нигдѣ вольнаго житія съ женой и дѣтьми не имѣю, милости получить ни отъ кого не желаю, только у царскаго величества: пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ бы дать въ полтавскомъ полку подъ Днѣпромъ городокъ Келеберду». Царь вынулъ просьбу Сирка, даровалъ ему городокъ Келеберду, а всему войску запорожскому перевозъ Переволочну, но въ это дѣло вмѣшался злѣйшій врагъ и зложелатель Сирка, гетманъ Самойловичъ, и Сирко остался безъ Келеберды, а войско—безъ Переволочны.

Въ то время, когда дѣло о Лжесимеонѣ царевичѣ приходило

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 323.

къ концу, въ это самое время ¹⁾ началось дѣло у Сирка съ Мазепой: козаки Алексѣй Борода, Яковъ и Василій Темниченки донесли гетману Ивану Самойловичу, что, выйдя изъ Сичи со своимъ атаманомъ Иваномъ Сиркомъ, іюня въ 11 день, для объявленія своей вѣрности къ царскому величеству службѣ и для получения милости пресвѣтлаго величества, недалеко отъ рѣки, въ степи, возлѣ рѣчки Пугула, захватили въ полонъ Дорошенкова посланца, Ивана Мазепу.

Все это дѣло, насколько можно составить о немъ представленіе по современнымъ актамъ и разсказамъ малороссійскихъ лѣтописцевъ, произошло слѣдующимъ образомъ.

Мая 25 числа, 1674 года, въ городъ Чигиринъ, столицу правобережнаго гетмана Петра Дорошенка, пріѣхалъ, по царскому повелѣнію, отъ бѣлгородскаго воеводы князя Григорія Ромодановскаго стрѣлецкій сотникъ Тернигоровъ, чтобы склонить Дорошенка къ подданству русскому царю и убѣдить его ѣхать въ городъ Переяславъ для присяги на вѣрность великому государю. Принявъ посланца, Дорошенко отказался отъ этого предложенія, говоря, что хотя онъ прежде и хотѣлъ быть въ подданствѣ у царскаго величества, но теперь этого сдѣлать не можетъ, потому что онъ — подданный турецкаго султана. Давъ такой отвѣтъ посланцу, гетманъ Дорошенко съ тѣмъ вмѣстѣ приказалъ брату своему Андрею Дорошенку, взявъ часть козацкихъ полковъ и присоединивъ къ нимъ четыре тысячи находившихся при гетманѣ татаръ, идти къ Черкасамъ и другимъ городамъ противъ московскихъ воеводъ. Андрей Дорошенко не замедлилъ исполнить приказаніе брата. Усѣхъ оружія былъ сперва на сторонѣ Андрея Дорошенка, но потомъ, когда князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ выслали противъ него пять козацкихъ полковъ, Андрей Дорошенко былъ разбитъ (іюни 9-го дня у рѣчки Ташлыка) и раненый ушелъ назадъ. Тогда Петръ Дорошенко, желая возможно скорѣе получить помощь отъ турецкаго султана и крымскаго хана, а также напередъ задобрить ихъ, послалъ имъ въ даръ 15 человекъ, забитыхъ въ колодки, невольниковъ, козаковъ лѣвобережной Украины ²⁾. Команду

¹⁾ У лѣтописца Величка дѣло о Мазепѣ разсказано подъ 1673 годомъ, II, 341; въ дѣйствительности это было въ 1674 году: Костомаровъ, Русская исторія, Спб., 1876, II, 788; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1862, XII, 165; Акты юж. и зап. Россіи, XI, 496.

²⁾ Нѣсколько иначе передаетъ объ этомъ Величко: онъ говоритъ, что

падъ колодниками гетманъ вручилъ ротмистру своей народной хоругви, Ивану Мазепѣ, приказавъ ему идти степью подальше отъ Днѣпра, черезъ Ингулъ и Бугъ, до Очакова, а оттуда черезъ Дѣбирь въ Крымъ. Взявъ колодниковъ, кромѣ того 9 человекъ татаръ (вѣроятно, въ качествѣ охранителей), письма гетмана къ хану и визирю, Мазепа направился сообразно указанному маршруту. Но тутъ, на рѣкѣ Ингулѣ, на него напалъ запорожскій чамбулъ, нѣкоторыхъ татаръ изрубилъ, нѣкоторыхъ заставилъ броситься въ рѣку, колодниковъ освободилъ, самого Мазепу взялъ въ полонъ и доставилъ его своему кошевому Ивану Сирку вмѣстѣ съ листами Дорошенка къ визирю и хану. По этому поводу въ Сичи собралась рада: на радѣ прочитаны были письма Дорошенка; узнавъ изъ этихъ писемъ и изъ словъ невольниковъ, куда и зачѣмъ ѣхалъ Мазепа, запорожцы до того были возмущены, что рѣшили тутъ же растерзать его. Но за Мазепу вступились Сирко и старые козацкіе атаманы: «Нанове братья, просимъ васъ, не убивайте этого человека, можетъ, онъ намъ и отчизнѣ нашей впередъ пригодится!» Запорожцы послушались, и Мазепа былъ спасенъ ¹⁾. Тогда Сирко забилъ Мазепу въ кандалы, а всѣ листы Дорошенка отослалъ «для вѣдома» къ Ивану Самойловичу для передачи ихъ въ Москву.

Бѣлгородскій воевода, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, узнавъ о поимкѣ Мазепы, послалъ къ Сирку гонца съ приказаніемъ выдать ему пойманнаго Мазепу и одного изъ уцѣлѣвшихъ при немъ татаръ. Сирко, получивъ это приказаніе и не желая почему-то тотчасъ отпустить Мазепу, отказалъ въ требованіи воеводѣ. Тогда Ромодановскій отправилъ посланцевъ въ городъ Харьковъ и черезъ нихъ приказалъ взять жену Сирка подъ караулъ, а зятя его, меревянского жителя, козака харьковского полка, Ивана Артемова, отправить за карауломъ къ себѣ въ полкъ. Когда же зять Сирка прибылъ къ воеводѣ, то воевода отправилъ его къ Ивану Сирку для выдачи ему Мазепы. Сирко

колодники были запорожскіе козаки, захваченные, по приказу Дорошенка, еще раньше его столкновенья съ Самойловичемъ въ разныхъ городахъ правобережной Украины и отправленные въ Чигиринъ; это была месть запорожцамъ за ихъ ненависть къ Дорошенку, какъ подданному султана. Сравни: Величко, II, 341. и Соловьевъ, XII, 165.

¹⁾ Акты, XI, 497, 525, 559; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 345; Величко, Лѣтопись, II, 341.

на этотъ разъ не сталъ перечить воеводѣ и отправилъ пойманнаго Мазепу, поручивъ надсмотръ надъ нимъ своему зятю Ивану Артемову и знатному козаку Ивану Носу, къ гетману и воеводѣ, о чемъ извѣстилъ ихъ письмомъ отъ 6 іюля, 1674 года. Въ письмѣ онъ писалъ гетману Самойловичу, что посылаетъ къ нему Мазепу для разспроса его о томъ, что ему приказано было передать отъ Дорошенка турецкому визирю и крымскому хану и вмѣстѣ съ тѣмъ просить, чтобы гетманъ исходатайствовалъ свободу для Мазепы. «Показали милость свою, какъ отецъ милосердый, чтобы онъ въ неволѣ не былъ и чтобы войско запорожское, даровавшее ему и волю, и жизнь, и здоровье, не стало говорить, что Сирко засылаетъ людей въ неволю». Получивъ Мазепу и снявъ съ него допросъ, гетманъ Самойловичъ отправилъ его въ Москву, повторивъ отъ себя почти буква въ букву слова Сирка о дарованіи Мазепѣ свободы, и съ тѣмъ вмѣстѣ предупредивъ царя, чтобы онъ болѣе довѣрялъ Мазепѣ, нежели Сирку, который сносится съ Дорошенкомъ и присягаетъ ему присоединиться къ бусурманамъ и идти съ ними на благовѣрнаго царя ¹⁾. Въ дѣйствительности кошевой Иванъ Сирко около этого же времени (іюля 15 дня) стоялъ въ полтретѣй версты отъ уманскаго полковника Яворовскаго, занимавшаго позицію «въ пристойномъ мѣстѣ отъ Дикихъ-полей», во всемъ сходился съ полковникомъ и промышлялъ надъ «непріятелями креста Господня, только что разорившими нѣсколько городовъ уманскаго полка» ²⁾. Непріатели эти, три крымскихъ салтана съ ордой и Дорошенко съ козаками, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣ праздника Пасхи, внезапно явились на Украину и начали на полки уманскій, торговидкій и гадлячскій. Гетманъ Самойловичъ послалъ противъ нихъ полковника Дмитрашку Райча съ козаками и великороссійскими ратными людьми. Дмитрашко Райча началъ на непріателей на рѣкѣ Тапшукѣ и разбилъ ихъ на голову, усылавъ вражескими трунами поле на 20 верстъ пространства ³⁾. Въ это-то время противъ непріателя дѣйствовалъ и кошевой Сирко.

Отправивъ Мазепу къ Самойловичу, Сирко и запорожцы, по словамъ Лѣтописца Величка, написали исполненное жестокихъ укоровъ письмо гетману Дорошенку ⁴⁾, въ которомъ упрекали его

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 497, 525, 559, 562, 575, 579, 580.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 538.

³⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 143.

⁴⁾ Письмо это помѣчено 1673 годомъ, октября 26 дня; хотя въ подлин-

за то, что онъ началъ ихъ, точно звѣрей стѣнныхъ, вылавливать и бестіарски (отъ *bestium*—звѣрь) сѣдати; называли, за посылку въ подарокъ христіанъ бусурманамъ, іудинимъ товарищемъ, на-мѣревавшимся козаками, точно живою монетою, у бусурманъ милости снискать, предостерегали о непрочности союза съ бусурманами («разсмотри и уважь о томъ, вихровата гѣлово, Дорошенку!»); предрекали несомѣнную гибель лично ему, а отчизнѣ запустѣніе, и послѣ всего этого такъ напугали его, что онъ, всегда любя развлекаться охотою, съ тѣхъ поръ сталъ выѣзжать на полеванье не въ ту сторону, что отъ Крыма и Сичи, а въ ту, что лежитъ отъ Чигирина до Крыма и Польши¹⁾.

Тѣмъ временемъ привезенный въ Москву и поставленный на допросъ, Иванъ Мазепа, августа 5 дня, 1674 года, между другими показаніями далъ такое: передававшая на сторону царскаго величества старшина задніпровскаго города Тысянки присылала къ гетману Петру Дорошенку козаковъ съ предложеніемъ послѣдовать ихъ примѣру, пріѣхать въ Корсунь на раду и также передаться русскому царю. На это предложеніе Дорошенко отправилъ Мазепой листъ къ тысянской старшинѣ и къ боярину Григорію Григорьевичу Ромодановскому, а на словахъ велѣлъ Мазепѣ сказать имъ, что если Дорошенка назначать гетманомъ западной стороны Днѣпра, то онъ готовъ будетъ передаться царскому величеству; если же его не назначать гетманомъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, знатные государевы люди присягнуть ему на томъ, что ничего дурного ему не сдѣлаютъ. Отпуская Мазепу, Дорошенко наказалъ ему, что если рады въ Корсунѣ не будетъ, то ѣхать бы онъ въ другой городъ. Когда Мазепа съ этими порученіями Дорошенка пріѣхалъ въ Корсунь, а изъ Корсуни въ Переяславъ и не засталъ ни гдѣ рады, то передалъ листы Дорошечковы войсковой старшинѣ и боярину Ромодановскому. На эти листы Дорошенко получилъ приглашеніе ѣхать въ Переяславъ, не опасаясь никакого зла для своей цѣлости и здоровья. Тогда Дорошенко потребовалъ себѣ въ залогъ какого-нибудь «честнаго» челоуѣка, въ замѣнъ котораго обѣщали прислать собственныхъ заложниковъ. «Честный» челоуѣкъ былъ посланъ, и

исти его трудно сомнѣваться, потому что оно не противорѣчитъ событію и содержитъ въ себѣ указаніе на другое, раньше посланное въ Сичу, письмо, но дата его сомнительна, потому что Мазепа пойманъ Сиркомъ въ 1674 году, іюня 11 дня.

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 313—316.

Дорошенко созвалъ въ Чигиринъ раду, на которой спросилъ, посылать-ли ему собственныхъ заложниковъ. Рада отвѣчала согласіемъ, но въ это время пришло извѣстіе о томъ, что изъ Крылова въ Чигиринъ идутъ 23 человека, посланные къ Дорошенку кошевымъ Сиркомъ. Тогда заложниковъ задержали для того, чтобы прежде всего узнать, что скажутъ посланцы Сирка. Явившіеся въ Чигиринъ Сирковы посланцы объявили, чтобы Дорошенко не ѣхалъ въ Переяславъ и оставался попрежнему гетманомъ западной стороны Дѣбура, потому что запорожцы хотѣтъ соединиться съ нимъ и съ крымскимъ ханомъ заодно, какъ было при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, а для скрѣпленія дѣла они уже отправили къ крымскому хану пословъ, чтобы онъ помирилъ Сирка съ Дорошенкомъ и просили Дорошенка пріѣхать въ Сичу. Дорошенко, однако, опасаясь государевыхъ людей, самъ въ Сичу не поѣхалъ, а вмѣсто себя послалъ туда чигиринскаго козака Бережецкого, послѣ пріѣзда котораго запорожцы послали отъ себя къ Дорошенку знатнаго козака Носа съ просьбой о той же присягѣ; однако, была-ли принесена та присяга, неизвѣстно. Въ заключеніе Мазепа разсказалъ, какъ Дорошенко, заставивъ присягнуть ему на вѣрности, послалъ его съ листами къ турецкому визирю, какъ на дорогѣ онъ пойманъ былъ Сиркомъ, какъ отдался ему безъ всякаго боя, вручилъ ему все листы и пробылъ съ нимъ въ степи около пяти недѣль ¹⁾).

Трудно сказать, на сколько данное Мазепою показаніе было вѣрно: съ одной стороны нельзя не взять во вниманіе того обстоятельства, что Мазепа присланъ былъ въ Москву Самойловичемъ, которому онъ старался всячески угодить и потому его противника, Сирка, всячески очернить; къ тому же, Самойловичъ былъ въ полномъ курсѣ въ Москвѣ, а Сирко въ полномъ подозрѣніи; съ другой стороны, нельзя обойти молчаніемъ и того, что Сирко въ политическихъ вопросахъ своего Запорожья всегда старался держаться полной независимости, принималъ то одну, то другую сторону, смотря по тому, что выгоды было для цизового войска. Впрочемъ, дальшійшія дѣйствія Сирка показали, что онъ, сносясь съ Дорошенкомъ, хотѣлъ, по его собственнымъ словамъ, лишь одного—приклонить Дорошенка на сторону русскаго царя и сообщать дѣйствовать противъ татаръ и турокъ; но не успѣвъ въ этомъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 556—562.

отсталъ отъ гетмана и изловилъ его посланца, чтобы узнать истинные планы Дорошенка. Быть можетъ, это противорѣчiе въ показанiяхъ Самойловича съ Мазепой съ одной стороны и кошевого Сирка—съ другой можно примирить тѣмъ, что самое сношенiе съ Дорошенкомъ съ цѣлью вступить въ союзъ съ нимъ и съ татарами, велось лично не отъ Сирка, въ чемъ какъ будто и проговаривается Мазепа при допросѣ его въ Москвѣ.

Такъ или иначе, но пока все это происходило, въ это время на Украину вновь надвинулась мрачная туча: турецкiй султанъ, крымскiй ханъ и Дорошенко, взявши въ 1672 году польскiй городъ Каменецъ и на время остановившиися въ своихъ наступательныхъ дѣйствiяхъ, теперь снова собрались воедино, чтобы идти походомъ въ Малороссiю и, во что бы то ни стало, взять городъ Кiевъ. Теперь Сирко снова дѣлался какъ для царя Алексея Михайловича, такъ и для гетмана Ивана Самойловича нужнымъ человекомъ. Оттого Самойловичъ зорко слѣдитъ съ этихъ поръ за Сиркомъ и о каждомъ его движенiи доноситъ въ Москву. Такъ, въ грамотѣ, писанной отъ iюля 15 дня, 1674 года, на имя царя Алексея Михайловича, Самойловичъ извѣщалъ, что Сирко уведомляетъ гетмана о движенiи крымскаго хана подъ городъ Каменецъ, куда приближался также турецкiй султанъ съ визиремъ, и вѣстѣ съ тѣмъ, со словъ очевидца, передавалъ царю, что Сирко, перешедши въ началѣ iюля мѣсяца рѣку Бугъ, стоялъ на Чечельникѣ; потомъ оставилъ Чечельникъ и поднялся къ Уманю, гдѣ стоялъ въ Канустиной долинѣ со всѣмъ войскомъ своимъ и хотѣлъ чинить промыселъ надъ бусурманами, поджидая войскъ гетмана Самойловича. Къ собственной грамотѣ Самойловичъ приложилъ письмо Сирка, писанное iюля 6 дня, «съ войскъ надъ Бугомъ изъ подъ Козарчина», гдѣ Сирко сообщалъ Самойловичу, что въ прошлый пяттокъ онъ хотѣлъ учинить воинскiй промыселъ около Орлева, но потомъ, перешедъ Днѣпру и узнавъ отъ взятыхъ языковъ о приближенiи крымскаго хана къ Каменцу, а турецкаго султана съ визиремъ къ Цоцорѣ, повернулъ назадъ съ добычей къ Уманю, чтобы тамъ соединиться съ уманскими и торговецкими полками и общими силами ударить на татарскую орду, стоявшую на рѣкѣ Ташлыкѣ, недалеко отъ Торговицы: «Только изволь, вельможность ваша, поскорѣе прислать ко мнѣ часть войска, находящагося при полковникѣ Дмитранкѣ, въ особенности же московскихъ допцовъ съ пулками, чтобы тѣ

поганные больше не распространялись въ нашей и безъ того раззоренной отчизнѣ и душъ христіанскихъ въ неволю не брали. Самому вамъ, со всею моею любовью и съ полнымъ попеченіемъ о нашей отчизнѣ, совѣтую наступать, какъ можно скорѣе, къ Чигирину, со всеми силами, потому что Дорошенко тамъ одинъ, безъ непріятельской помощи пребываетъ, какъ о томъ я имѣю подлинныя извѣстія» ¹⁾).

Недолго, однако, пришлось Сирку стоять подъ Уманью: въ августѣ мѣсяцѣ того же 1674 года стало извѣстно, что турки, перешедъ Днѣпръ и вторгнувшись въ Подолію, взяли городъ Лодыжинъ, а изъ-подъ Лодыжина двинулись на Умань: въ это же время стало извѣстно и то, что крымскій ханъ, со всеми своими ордами, шелъ на малороссійскіе города лѣвой стороны Днѣпра. Узнавъ о послѣднемъ отъ пойманнаго языка, Сирко оставилъ Капустину долину, близъ Уманя, и поспѣшилъ вернуться въ Сичу, откуда намѣревался идти въ Крымъ на промыселъ: «А чають, что онъ нынѣ въ Крыму». Къ тому времени и крымскій ханъ, оставивъ Украину, октября 8 дня, повернулъ въ Крымъ, а турецкій султанъ, перейдя Днѣпръ, въ началѣ сентября направился въ свою землю ²⁾). Польскій король Янъ Собѣскій рѣшилъ воспользоваться удобнымъ временемъ и приготовиться къ отпору непріятелей; съ этою цѣлью онъ, между прочимъ, намерелъ послать большую денежную сумму кошевому Сирку и всему низовому войску для найма охотниковъ къ войнѣ противъ мусульманъ ³⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 579, 582—586.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 659.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 3, 15.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Характеристика двухъ важныхъ дѣятелей времени—Сирка и Самойловича.—Приходъ короля Яна Собѣскаго въ западную Украину и замѣшательство между старшиной и козацкой массой въ восточной Украинѣ.—Дѣйствія короля и его воеводъ противъ татаръ подъ Жоринцами, Немировымъ, Чигириномъ и Павлочыю.—Гибель Нуррединъ-салтана и бѣгство его войска отъ поляковъ. — Демосы Самойловича на Сирка въ Москву. — Оправдательное посольство Сирка къ царю.—Отказъ царя въ просьбахъ Сирка.—Сношенія Сирка съ полковнымъ региментаремъ Мондреевскимъ и королевскимъ посломъ Завишю.—Разсказъ объ этомъ самомъ Сирка и царскаго посла Перхурова.—Походъ Сирка подъ Перекопъ вмѣстѣ съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, стольникомъ Леонтьевымъ, стрѣльцкимъ головой Лукашиннымъ, донскимъ атаманомъ Минаевымъ, киргизскимъ мурзою Мазаномъ. — Разсказъ о томъ же походѣ Сирка въ Крымъ Самойломъ Величкомъ.

Открытое обращеніе Яна Собѣскаго къ Ивану Сирку за помощью для совместной защиты правобережной Украинѣ отъ мусульманъ сразу подняло на ноги противника Сирка, гетмана Самойловича, и заставило его подозрѣвать кошевого атамана въ неискренности русскому царю. Сирко и Самойловичъ были безспорно самыми сильными людьми своего времени и типичными представителями воли управляемаго ими народа. Оба они были вѣрными слугами московскаго царя, оба по-своему любили свою родину, оба въ той или другой мѣрѣ ненавидѣли турокъ, татаръ и поляковъ, но оба же они столкнулись на одномъ и томъ же пунктѣ и различно высказались о средствахъ для спасенія родины, и между ними возгорѣлась неугасимая вражда. Самойловичъ былъ человѣкъ властный и честолюбивый: онъ лелѣялъ въ душѣ мысль о владычествѣ надъ всею Украиной и Запорожьемъ. Не встрѣчая противорѣчій на пути своихъ стремленій въ лѣвобережной Украинѣ, Самойловичъ, однако, нашелъ большое препятствіе въ видѣ независимой и сильно организованной общины, Запорожья, и его представителя, весьма популярнаго и весьма вліятельнаго кошевого Сирка. Сирко былъ также человѣкъ властный, хотя и менѣе честолюбивый, чѣмъ Самойловичъ; онъ не прочь былъ и отъ того, чтобы

взять въ свои руки гетманскую булаву. Мужественный, неустрашимый, свободолюбивый, страстный, горячій, Сирко не признавалъ притязаній Самойловича и открыто питалъ къ нему чувство вражды и неприязни. Но, кромѣ этого, былъ и другой пунктъ, на которомъ такъ рѣзко расходились кошевой и гетманъ: гетманъ благо для своей родины, а главнымъ образомъ для себя, видѣлъ въ полномъ подчиненіи себя и Украины Москвѣ; Сирко залогомъ блага для родины считалъ независимость Запорожья отъ украинскаго гетмана и московскаго царя: за царя, за вѣру отцовъ Сирко готовъ былъ сражаться противъ всѣхъ враговъ и во всякое время, но въ то же время онъ мужественно отстаивалъ и самостоятельное положеніе своего низового запорожскаго войска. Но такъ какъ сношенія запорожскаго войска съ Москвой производились черезъ гетмана, то послѣдній нигдѣ не упускалъ случая, чтобы бросить тѣнь подозрѣнія въ невѣрности русскому царю кошевого Сирка. Гетманъ Самойловичъ безпрестанно писалъ доносы за доносами въ Москву на Сирка, указывалъ на невѣрность кошевого царю и собственную преданность русскому престолу. Сирко старался вѣчески оправдать себя въ глазахъ царя и старался доказать, что, сносясь съ польскимъ королемъ, крымскимъ ханомъ, гетманомъ Дорощенкомъ, онъ все же можетъ оставаться и пребывать вѣрнымъ русскому царю.

Но намѣреніе польскаго короля идти въ правобережную Украину обезпеконило не одного Самойловича: оно взволновало и все населеніе Украины правой стороны Днѣпра. Видя наступленіе польскихъ войскъ, жители вообразили, что король идетъ съ тѣмъ, чтобы взять у русскаго царя Кіевъ и вывѣсть съ Кіевомъ всю восточную Украину. Всѣ чувствовали какую-то тревогу и ожидали необыкновенныхъ событій. Но событія эти не выходили изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ. Дѣйствіе открыли, прежде всего, татары.

Января 13 дня, 1675 года, кошевой Иванъ Сирко послалъ черезъ запорожцевъ Яковлева и Лохвицкаго письмо Ивану Самойловичу и въ этомъ письмѣ сообщалъ разные вѣсти гетману: о приготовленіи крымскаго хана къ походу, о намѣреніи Муррединъ-салтада и Ширимбея идти въ Бѣлогородчину на оборону волынской земли и турецкой границы; о приглашеніи запорожцевъ со стороны калмыковъ воевать Крымъ и о возвращеніи съ Пизы запорожскаго товариства и о распущеніи его, вслѣдствіе измуренія лошадей и недостатка въ пропитаніи, въ города для прекорис-

нія ¹⁾. Не смотря на это, гетманъ Самойловичъ черезъ московскаго подьячаго Михайлова доносилъ царю, что къ нему, гетману, пришла подлинная вѣсть о Сиркѣ, который, будто бы, собирался идти разорять тѣ самые русскіе города, которые разорялъ воръ и боготетупникъ Стенька Разинъ, и не исполнилъ своего замысла единственно потому, что въ томъ старшина запорожская помѣшала ему. Теперь же онъ несомнѣнно собирается къ польскому королю и уже писалъ къ нему, какъ король укажетъ идти къ нему, пѣхотою-ли, конницей-ли и съ пушками или безъ пушекъ ²⁾. Клевета на коневого царю, Самойловичъ въ то же время посылалъ самыя дружескія письма Сирку въ Сичу. Такъ, отправляя назадъ запорожскаго козака Лохвицкаго, гетманъ писалъ письмо коневому и всему низовому товариству и, выражалъ въ немъ свои прежніе знаки къ нимъ расположенія, совѣтовалъ не довѣрять дружбѣ ляховъ и воевать турокъ и укорялъ Сирка за то, что онъ не помнитъ доброты гетмана и питаетъ къ нему вражду: «Лучше любить, нежели питать недружбу: любовь доброе между людьми умножаетъ, а несогласіе все развѣиваетъ и ни во что обращаетъ. О Келебердѣ, которую просилъ себѣ господинъ кошевой, пусть не теряетъ надежды: если онъ пожелаетъ жить съ нами въ городахъ, то для него не только это мѣстечко, но и другія найдутся, и такъ какъ въ Келебердѣ вѣтъ еще никакого устройства, то объ ней нечего и убиваться особенно. О Переволочномъ перевозѣ долженъ вамъ сказать, что одну половину его доходовъ будетъ намъ доставлять полтавскій полковникъ, а другую оставлять на полковыя надобности. Пусть онъ, кошевой Сирко, не претендуетъ на насъ и за то, что мы удержали у себя до царскаго указа королевскихъ пословъ, ѣхавшихъ изъ Сичи, и провожавшихъ тѣхъ пословъ запорожцевъ: живя подъ властью монарха, мы должны дѣлать то, что ему, какъ Богу, угодно. Впрочемъ, пословъ вашихъ мы держимъ не въ заключеніи, а во всякомъ довольствѣ, и для нихъ лично, и для ихъ лошадей даемъ пропитаніе и кормъ. Когда придетъ царскій указъ, то мы готовы отпустить ихъ туда, куда будетъ приказано намъ» ³⁾.

Но задержка Самойловичемъ польскихъ пословъ не могла остановить короля въ предположенномъ имъ походѣ на правобереж-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 22.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 33.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 50.

ную Украину для борьбы съ мусульманами. Король вышелъ съ начала года, въ глубокую и холодную зиму, въ правобережную Украину для борьбы съ гетманомъ Дорошенкомъ и его союзниками татарами, надъ которыми предводителями были Пуррединъ и Хаджигерай. При королѣ были: князь Димитрій Винишевскій, воевода Станиславъ Яблоновскій, полковникъ Александръ Поляновскій, гетманъ Николай Снявскій, полковникъ Михаилъ Ржевускій и гетманъ литовскій князь Михаилъ Радзивиллъ. Первые три весьма удачно дѣйствовали противъ татаръ и козаковъ подъ Жорнищами и Немировомъ; послѣдніе три—подъ городомъ Чигириномъ и мѣстечкомъ Паволочыю. У Паволочи Пуррединъ-салтанъ былъ убитъ, а его четырехъ-тысячное войско бѣжало; самое мѣстечко Паволочь было осаждено княземъ Радзивилломъ съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ войска и послѣ жестокаго приступа отдалось на милость короля. Послѣ взятія Паволочи вождь запорожскихъ козаковъ Иванъ Сирко, прославившійся въ борьбѣ съ татарами, волею польскаго короля, объявленъ былъ главнокомандующимъ («dictator») запорожскаго войска, при чемъ ему посланы были войсковые знаки. Такъ передаетъ объ этомъ событіи лѣтописецъ Янъ Юзефовичъ ¹⁾. По другимъ указаніямъ, при взятіи Паволочи было 800 человекъ какихъ-то козаковъ; изъ нихъ польскій король образовалъ потомъ особый корпусъ, роздалъ имъ жалованье и платье и назначилъ за «гетмана» Ивана Сирка. Но и тутъ все-таки ясныхъ указаній не имѣется на то, чтобы Сирко былъ при осадѣ Паволочи ²⁾. Историкъ польскаго народа Шмидтъ говоритъ, что польскій король Янъ Собѣскій, желая поколебать значеніе Дорошенка, объявилъ «атаманомъ» вмѣсто него Ивана Сирка, и Сирко въ концѣ апрѣля мѣсяца напалъ подъ Злочовымъ на отрядъ союзныхъ Дорошенку татаръ и разбилъ ихъ ³⁾.

Въ началѣ марта черезъ гетмана Самойловича препровождено было, на имя кошевого Сирка, запорожскому войску царское жалованье—500 червонцевъ, 150 половинокъ анбурскаго и польскаго сукна, 50 пудовъ свинцу и 50 пудовъ пороху; а въ началѣ апрѣля того же года гетманъ писалъ жалобу на кошевого Сирка воеводѣ

¹⁾ Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 202.

²⁾ Вантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 143; Миллеръ, Разсужденіе о запорожцахъ, Москва, 1846; О малороссійскомъ народѣ, Москва, 1846.

³⁾ Шмидтъ, Исторія польскаго народа. Спб. 1866, III, 54.

князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, въ которой называлъ Сирка тайнымъ недоброжелателемъ русскаго царя и явнымъ сторонникомъ польскаго короля: «Извѣщаю тебя, благодѣтеля моего, что давній врагъ, Сирко, на сырной недѣлѣ присылалъ къ намъ писаря своего съ нѣкоторыми товарищами войска, подѣлывая предлогомъ требованія запасовъ, а въ дѣйствительности для развѣдки о поведеніи нашихъ полковъ и о мѣстѣ нахождения польскихъ войскъ. А про то, что всегда говорилъ Сирко, мнѣ самъ писарь, по совѣсти, сказалъ и своею рукой на бумагѣ написалъ, а именно: Сирко служить Москвѣ не помышляетъ и что-де присягалъ онъ въ Москвѣ поневолѣ, а какъ родился за ляхами, такъ и умереть хочетъ за ними. А что освободили его изъ Сибири, то онъ о томъ никогдѣ не просилъ, да, кромѣ того, у него съ нѣсколькими людьми была и такая мысль, чтобы самимъ оттуда уйти. А что онъ, помимо гетманскаго вѣдома, выпросилъ себѣ мѣстечко Келеберду, то онъ недаромъ того добивался: еслибъ только онъ могъ туда войти, то у него было бы прямое убѣжище. Было и есть у Сирка намѣреніе заодно дѣйствовать съ ляхами, но только войско съ нимъ въ томъ не соглашается, а что до пущенной имъ молвы о приходѣ въ нашу Украину лиховъ, то это онъ дѣлалъ для того, чтобы склонить на свою сторону полтавскій полкъ. Напоследокъ онъ войску такъ сказалъ: «Хотя-де въ десяти коняхъ поѣду, а буду тамъ». И я, гетманъ, зная непостоянство Сирка, посылалъ нарочныхъ посланцевъ къ запорожскимъ козакамъ, совѣтуя имъ держаться нашего государя и быть со мной въ добромъ совѣтѣ. А онъ, собака, отписалъ мнѣ листъ, какъ къ безумному.—тотъ листъ посылаю твоей милости и прошу о возвратѣ его мнѣ обратно; а что до его угрозъ, то объ нихъ совѣстно и писать твоей милости: грозить поднять орду, произвести бунты и замѣшаніе. И не смотря на все это, вновь посылаетъ къ царскому величеству, чтобы ему дали войска, въ особенности позволили бы набрать калмыковъ и призвать ихъ въ Запорожье. Увидишь, твоя милость, что онъ, взявъ калмыковъ, минетъ Крымъ. Да и самозванца онъ держалъ потому, что, надѣясь на калмыковъ, съ которыми большое знакомство ведетъ, думалъ идти къ Астрахани и къ Сибири. Моя мысль такова, чтобы калмыковъ тѣхъ вручить или кому-нибудь на Дону, или твоей милости, или харьковскому полковнику,—оттуда съ ними надежнѣе будетъ промышлять Крымъ, нежели изъ Запорожья... О всемъ томъ писарь Сирка, рассказавъ мнѣ, про-

силъ меня, чтобы я не ослабилъ его въ этомъ дѣлѣ, за что обѣщался мнѣ и впредь тайно извѣщать обо всемъ» ¹⁾).

Совсѣмъ иное говорили посланцы Сирка, полковникъ Грицько Минченко и 41 человекъ товарищей, прибывшихъ въ Москву малъ 2 дня. Послы передавали, что когда, по выѣздѣ изъ Сичи, они прибыли въ Батуринъ, то гетманъ, осердясь на Сирка за то, что кошевой прежде отправленія своихъ посланцевъ, писалъ ему, гетману, о присылкѣ въ Сичу жалованныхъ на Келеберду и Переволочный перевозъ царскихъ грамотъ и обѣ отдачу запорожцамъ взятыхъ Ханенкомъ арматъ, задержалъ посланцевъ у себя полторы недѣли, не давъ имъ листа къ царю и не пославъ Сирку жалованныхъ грамотъ. Относительно сношеній Польши съ Запорожьемъ кошевые посланцы передали то, что польскій король четыре раза присылалъ зимой на Кошъ къ Сирку съ приглашеніемъ идти къ нему въ обозъ, но Сирко всякій разъ отказывалъ королю тѣмъ, что безъ указа царскаго величества идти къ нему не смѣетъ. Этотъ отвѣтъ Сирко давалъ черезъ королевскихъ посланцевъ, но своихъ онъ никогда къ королю не посылалъ; не посылалъ онъ къ королю и тѣхъ двухъ чечельничанъ, которыхъ задержалъ было въ Батуринѣ и которые добровольно пришли съ королевскими послами: не получалъ Сирко и жалованья отъ короля Яна Собѣскаго, только отъ умершаго короля Михаила Вишневецкаго казаки получили 1.000 ефимковъ, а больше того не бывало. Не сносился Сирко и съ Дорошенкомъ, да и Дорошенко къ Сирку никого не присылалъ. Сирко только и сдѣлалъ то, что послѣ Рождества Христова, въ мясоѣдъ, посылалъ съ 300 человекъ пѣхоты и нѣсколькими человекъ конницы, подъ начальствомъ полковниковъ Миска да Волошенка, подъ турецкій городъ Очаковъ, что сидитъ надъ Днѣпромъ; тѣ полковники, взявъ стада подъ Очаковомъ, вернулись на Кошъ передъ сыройю недѣлею. Да въ Филипповъ поестъ приходило къ Сирку калмыковъ 100 человекъ, посланныхъ отъ тѣхъ, которые стояли на Молочныхъ Водахъ, въ 100 верстахъ отъ Сичи, но Сирко съ ними никуда не ходилъ, во-первыхъ, потому, что лошадей не было, а во-вторыхъ, потому, что послать было некого: войско раздѣлилось пополамъ и стояло дрезнь. Сирко далъ калмыкамъ хлѣба и соли и отпустилъ ихъ съ Коша. Ко всему этому посланцы прибавили еще то, что когда

---

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 90; Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1675, св. 44, № 2.

прошлою весной возвращался изъ Украйны Калга-салтанъ въ Крымъ, то въ 60 верстахъ ниже Сичи, на Тавани ¹⁾, запорожцы разбили его и большой лесыръ и наметъ у него отбили, и тотъ наметъ гетману въ подарокъ отослали. Запорожцы и теперь бы большую помѣху туркамъ чинили, своимъ войскомъ на море безпрестанно ходили бы, но у нихъ большихъ челновъ на то нѣтъ; есть суда малыя, въ которыхъ, для собственной нужды, можетъ сѣсть самое большее 10 человекъ, но тѣми судами въ море ходить нельзя, держатся же они только для рыбной ловли и для всякаго хорманаго и дровяного припасовъ ²⁾.

Въ слѣдъ за Грицькомъ Минченкомъ посланъ былъ Сиркомъ листъ царю черезъ Грицька Дробиненка, прибывшаго въ Москву мая 3 дня. И тутъ Сирко увѣрилъ царя въ своей преданности къ нему. «Божіею милостію, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу вѣрные слуги войско запорожское дѣпрое, коншое, верховое, низовое, будучее на поляхъ, на лугахъ, на полянкахъ и на всѣхъ урочищахъ дѣпрowychъ и полевыхъ и морское, коншовой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, старшина и чернь, вашему царскому пресвѣтлому величеству многолѣтія и одолѣнія надъ непріятелями и вашимъ царскаго пресвѣтлаго величества наслѣдникамъ отъ всецѣльнаго Христа Спаса отъ вѣрной службы нашей усердно желаемъ и никакія наши поклоненія до лица земнаго, падши передъ вашимъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ, сотворяемъ. Въ нынѣшнемъ 1675 году, марта 8 дня, посылаемъ мы изъ Конна нашихъ товарищей Грицька Дробиненка и Оедьку къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, объявляя вамъ, что его королевское величество въ третій разъ пишетъ намъ о томъ, чтобы мы шли къ нему на службу и чинили бы общій на бусурманъ промыселъ. Но мы, вѣрно служа вашему величеству, безъ указа вашего величества не идемъ, а будетъ на то указъ, тогда идти готовы. Да чрезъ этихъ же посланцевъ нашихъ бьемъ челомъ вашему величеству прислать намъ въ Запороги 20.000 войска, кромѣ того просимъ послать донскому войску и калмыцкому тайши Аюку указъ о присоединеніи къ намъ для общаго промысла надъ крымскими улусными людьми, а гетмана направить въ Крымъ Муравскими шляхами. И какъ придетъ къ

¹⁾ Въ подлинникѣ стоитъ на «Тавани», но это явная ошибка.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 97—99.

намъ на Кошъ гетманское войско, то мы тотъ же часъ поидемъ единодушно за вѣру православную и за церкви божіи чинить промыселъ на Крымъ и на крымскіе улусы. Имѣемъ подлинную вѣсть, что вся воинская орда пошла на помощь къ турецкому султану, а коль скоро ханъ услышалъ бы о нашемъ выходѣ, то онъ тотъ же часъ покинулъ бы чужую и вернулся въ свою землю. Бьемъ челомъ вашему величеству и о пушкахъ, порохѣ, ядрахъ, о всѣхъ нашихъ прямыхъ клейнотахъ и о войсковыхъ коняхъ, которые забралъ гетманъ Иванъ Самойловичъ у Михаила Ханенка, теперь держать у себя и не возвращаетъ ихъ намъ въ Кошъ. Да чтобы ваше царское пресвѣтлос величество пожаловали насъ перевозомъ въ Переволочнѣ, котораго намъ не дали. Просимъ и о морскихъ челнахъ, сколько ихъ есть готовыхъ, чтобы они присланы были намъ въ Переволочку. Смилуйся, великій государь, не презри насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ, своимъ милостивымъ окомъ. При семъ никакія услуги наши вашему царскому величеству въ премногую милость отдаемъ. Данъ съ Коша надъ Чортотмыкомъ, въ налившемъ 1675 году, марта въ 4 день. Вашему царскому пресвѣтлому величеству вѣрные нижайшіе слуги коневой атаманъ Иванъ Сирко со всѣмъ войскомъ запорожскимъ до лица земного челомъ бьемъ» ¹⁾. Въ мѣсяцъ того же года Сирко снова написалъ листъ царю, въ которомъ просилъ великаго государя взять его, Сирка, окруженнаго въ Сичи опасностями, изъ Запорожья и позволить жить, «съ женой и дѣтьми», въ прежнемъ дому своемъ, въ Мереѣ» ²⁾.

На этотъ листъ царь, настроенный навітами гетмана Самойловича, отвѣчалъ Сирку полнымъ отказомъ по всѣмъ пунктамъ его просьбы: къ польскому королю не ходить, а идти одному съ козаками на море; о клейнотахъ не хлопотать, потому что клейноты тѣ вручены польскимъ королемъ Ханенку, а Ханенко ихъ передалъ Самойловичу; а о Келебердѣ и Переволочанскомъ перевозѣ узнать отъ гетмана, который отвѣтитъ Сирку по своему разсмотрѣнію: ни о царскомъ войскѣ, ни о донскомъ козачествѣ, ни о казымцкомъ тайшѣ не просить, — казымцкіе тайшии, вѣвѣсть съ черкасскимъ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, погайскими и едисанскими ордами, особо отъ Сирка, пойдутъ на крымскіе улусы:

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 100—102.

²⁾ Поповъ, Русское посольство въ Польшу, Спб., 1854, 215.

а самъ гетманъ, соединясь съ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, пойдетъ противъ турецкаго султана и крымскаго хана. Наконецъ, тутъ же царь внушалъ Сирку и то, чтобы впредь изъ Запорожья являлось въ Москву не полтораста, не сто и не сорокъ человѣкъ посланцевъ, а всего лишь десять человѣкъ, лишніе же будутъ кормиться въ Москвѣ на свой счетъ ¹⁾).

Послѣ этого немудрено, что Сирко не исполнилъ одного изъ приказаній царя,—прекратить сношеніе съ польскимъ королемъ: мая 13 числа, того же года, писалъ Сирку изъ Межибожья коронный региментарь Андрей Мондреевскій письмо, въ которомъ извѣщалъ, что, услышавъ отъ господина Стремежскаго, бывшаго съ Сиркомъ на подъѣздѣ, о походѣ Сирка на оборону вѣры христіанской, на ранцѣ престола королевскаго и на побѣжденіе гордости бусурманской, онъ, Мондреевскій, тотъ же часъ о дву-конь извѣстилъ короля о двукратной побѣдѣ Сиркомъ непріятелей и объ освобожденіи имъ многихъ полонниковъ ²⁾ изъ неволи и въ заключеніе приглашалъ его пріѣхать съ товарищами къ королю, за что обѣщалъ ему самому большую милость и вѣчное воздаяніе отъ короля, а вѣкъ его товарищамъ «барвы», т. е. платья богатые, и довольство во всемъ: мѣсто, куда бы Сирко могъ пріѣхать къ нему. Мондреевскій назначалъ городки Баръ и Деразну. Къ этому письму приложено было другое письмо къ тому же Сирку и отъ того же лица. Въ немъ, отъ 5 іюня, региментарь извѣщалъ Сирка, что къ нему отпращенъ, на службу, сотникъ и товарищъ Мондреевскаго съ десятию хоругвями, которымъ Сирко можетъ приказать присоединиться къ себѣ у Олатычева и Брагилова. Но такъ какъ эти хоругви представляютъ изъ себя пѣхоту и Сирко оттого не требуетъ сотника къ себѣ, то поэтому Мондреевскій просилъ Сирка, чтобы онъ прислалъ къ нему на подъемъ конное войско, потому что враговъ сойдется далеко не столько, какъ предполагалось, а нѣсколько десятковъ тысячъ, да и къ тому же пѣхотное войско всегда удобнѣе оставлять при крѣпости, а коннымъ дѣлать нападеніе на непріятеля. А если бы самому Сирку захотѣлось осадить пѣхотой Виницу, хотя бы со стороны Седлица, то тамъ такую всегда можно будетъ приманить, лишь бы о томъ господину Стахорскому, гдѣ бы онъ ни былъ, сказать ³⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 102—104.

²⁾ Гдѣ и когда происходила эта битва—въ письмѣ не сказано.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 105—107.

Въ самомъ концѣ мѣсяца мая гетманъ Самойловичъ извѣстилъ царя, что кошевой Сирко принималъ у себя въ Сичи посла польскаго короля Яна Собѣскаго ротмистра Ивана Завишу и, отпуская его отъ себя, подъ видомъ того, чтобы проводить посла изъ Сичи, взялъ съ собою не малую часть войска и вышелъ въ степь, по ту сторону, видя, что онъ замыслилъ идти къ королю, остановилось и, выбравъ себѣ другого старшого, вернулось въ Сичь: Сирко же, съ небольшою, но вѣрною ему дружиною и съ польскими посланцами, направился къ королю ¹⁾. Однако, это извѣстіе гетмана оказалось не совсемъ вѣрнымъ, въ чемъ увѣрили сами запорожцы письмомъ на имя царя. По словамъ запорожцевъ и ихъ наказного атамана Ивана Брекала, дѣло происходило такъ: апрѣля 21 дня козаки принимали у себя московскаго посла Василия Перхурова, привезшаго имъ царское жалованье—500 червонцевъ, 150 пудовъ сукна, 50 пудовъ свинцу и пороху и задержали у себя царскаго посла съ 21 апрѣля по 1 іюня; задержали же они посла потому, что поджидали къ себѣ кошевого Ивана Сирка, а почему и какъ Сирко вышелъ изъ Сичи, козаки объяснили такъ: весной на святую четьредесятницу прїѣзжалъ къ нимъ польскій посолъ Иванъ Завиша, приглашая козаковъ на службу къ польскому королю, но войско отъ предложенія отказалось и послало съ тѣмъ посланцемъ къ королю двухъ своихъ козаковъ; обо всемъ этомъ польско извѣстило и гетмана Самойловича. Дѣло произошло апрѣля 12 дня; въ этотъ же день Сирко, взявъ съ собою часть коннаго войска, пошелъ въ поля за Бугъ для добычи и языка; разгромивъ за Бугомъ орду, Сирко расположился тамъ станомъ съ отрядомъ нѣсколько болѣе двухсотъ человекъ и поджидалъ случая, чтобы вновь напасть на враговъ. Въ это самое время и прїѣхалъ царскій посолъ Василій Перхуровъ; запорожцы, со дня на день поджидали Сирка въ Сичу и не дождавшись его, рѣшили наконецъ не удерживать больше посла въ Запорожьѣ и отправили его отъ себя іюня 1 числа, обѣщаясь извѣстить царя о приходѣ Сирка въ Сичу и о всѣхъ вѣстяхъ, которыя онъ привезетъ съ собою ²⁾. Самъ Сирко, вернувшись въ Сичу, писалъ обо всемъ, что съ нимъ произошло по выходѣ изъ Запорожья на Бугъ, къ боярину князю Ромодановскому слѣдующее письмо: «Апрѣля 12 числа вышелъ я

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 111, 112.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 112—115. 128.

изъ Коша, съ частью конныхъ козаковъ, не для, чего иногдѣ какъ для того, чтобы чинить промыслъ надъ турками и татарами и узнать обо всѣхъ ихъ замыслахъ. Пробывъ нѣсколько въ Кугманѣ и въ другихъ обыкновенныхъ мѣстахъ, гдѣ обращаются непріятели, и однимъ погромомъ шестью (sic) орду разгромилъ и 1.000 человекъ христіанскаго ясыря изъ неволи освободилъ, потомъ, узнавъ, что присланный турецкимъ султаномъ Ибрагимъ-паша отъ Дністра къ Рашкову перешелъ, а крымскій ханъ у Чернаго-острова сталъ и оба мѣстѣ подѣ Кіевъ положили идти, я ни мало не медля, на Конѣ повернулъ. Идя полемъ близъ рѣки Великаго Пугула, я наткнулся на крымскую орду и на городчанъ, къ Дорошенку шедшихъ; тутъ, божьею помощію и счастьемъ великаго государя, я ихъ всѣхъ разбилъ и языковъ взялъ; тѣ языки сказали мнѣ, что они шли къ ханову сыну, который стоялъ при Дорошенкѣ съ 500-ми татаръ. Пришедъ же на Конѣ іюня въ 16 день, я обо всемъ твоей княжеской милости подробно написалъ. А прежде моего прихода на Кошъ, другимъ днемъ, пришли къ намъ больше двухъ сотъ человекъ калмыковъ и донскихъ козаковъ, имѣя большую охоту съ непріятелемъ побиться, а особенно на Крымъ ударить, потому что тамъ теперь, кромѣ одного Калгислтана въ Перекопѣ, совсѣмъ войска нѣтъ. И если бы твоей милости угодно было съ господиномъ гетманомъ намъ козацкаго войска и ратныхъ людей прислать, то мы могли бы большое замѣшаніе нынѣшнимъ временемъ въ Крыму учинить» ¹⁾.

Иначе изложилъ все это дѣло царскій посолъ Василій Перхуровъ, возвратившійся въ Москву іюня 24 дня. Перхуровъ рассказывалъ слѣдующее. Приѣхавъ въ Сичу, онъ кошевого атамана Сирка тамъ не засталъ, потому что апрѣля 10 дня ²⁾ кошевой изъ Запорожья ушелъ; ушелъ же онъ вотъ почему: приѣзжалъ къ нему польскій посолъ Іванъ Завина и обнадежилъ Сирка, что королевское величество покажетъ его честью, сдѣластъ гетманомъ надъ всеми гетманами, такъ какъ королевское величество всегда сѣтуесть, что Сирко, такой славный воинъ, въ ратномъ дѣлѣ большой промышленникъ, много дѣлъ на полѣ подвизавшійся, но и по настоящее время не взысканъ и не пожалованъ честью. Приѣзъ тотъ посолъ войсковой старшинѣ королевскаго жалованья—

¹⁾ Акты южной и западной Россіи. XII, 132—134.

²⁾ Днемъ выхода Сирко называлъ 12 число, Перхуровъ—10 число.

кошевому 40, судѣй, писарю, асаулу по 10 червонцевъ; козаки, узнавъ о томъ, отняли у старшины тѣ всѣ 70 червонцевъ и положили ихъ въ войсковую скарбницу. Сирко, по приѣздѣ посла, собиралъ двѣ рады, и на тѣхъ радахъ Завиша говорилъ козакамъ, чтобы они вновь сдѣлались подданными польскаго короля и шли бы къ нему на помощь, обнадеживая ихъ и деньгами, и сукнами, и жалованьемъ. Но войско, выслушавъ это, отвѣтило, что прежде того ходило оно на помощь къ польскимъ королямъ въ штанахъ, а возвращалось отъ него безъ штановъ. Тогда Сирко, выкинувшись изъ рады, пошелъ изъ круга сперва одинъ съ Завишей, а потомъ къ нему пришло въ поле около 300 человекъ козаковъ. Разсердясь на козаковъ, питая надежду на польскаго короля и будучи недоволенъ на гетмана за то, что именно онъ, а не Сирко, получилъ этотъ чинъ, кошевой назначилъ вмѣсто себя наказнаго атамана Ивана Брекала, а самъ ушелъ къ королю. На отходѣ козаки говорили Сирку, чтобы онъ къ польскому королю не ходилъ; если же пойдетъ и станетъ ему служить, то они отыщутъ его жену и будутъ держать ее въ крѣпости, на что Сирко имъ отвѣчалъ, что прежде всего онъ желаетъ сдѣлать угодное королю, а король, пожаловавъ его гетманомъ, прикажетъ и жену его отыскать. По выходѣ изъ Сичи, отъ Сирки отдѣлялись около ста человекъ козаковъ съ Власомъ Бородавченко въ главѣ, и пошли подъ турецкіе города Кизыкермень и Касминъ. Потомъ Власъ Бородавченко вернулся въ Сичь и привелъ съ собою трехъ человекъ языковъ; тѣ языки сказали, что турецкіе пашы стоятъ подъ Рашковомъ и Брацлавомъ, а сколько всего войска, того не знаютъ. Во время пребыванія царскаго посла въ Запорожьѣ, ходилъ изъ Сичи, съ 300 козаковъ, бывшій кошевой атаманъ Луцькъ, подъ городъ Перекопъ, а обратно изъ Крыма—въ Вѣлогородчину: онъ былъ въ походѣ полъ-третьи недѣли и пришелъ въ Сичу съ большою добычею и ясыремъ, — на каждаго козака по одному ясырю. А раньше приѣзда въ Сичь посла ходило около 40 человекъ козаковъ подъ турецкіе города на море, и тѣ козаки благополучно вернулись на Сичь, доставъ себѣ по 15 ефимковъ да по два ясыря на человека. За недѣлю передъ самымъ отъѣздомъ царскаго посла изъ Запорожья, 500 человекъ козаковъ ходили подъ Перекопъ съ начальнымъ человекомъ Василиемъ Трофимовымъ, тѣмъ самымъ, который раньше задержанъ былъ въ Москвѣ до привоза туда самозванца; да на море, кромѣ того,

ходило человекъ 300 или больше того. Все запорожцы очень желали, чтобы къ нимъ пришли калмыки, человекъ 300 или 500, тогда бы они немедленно ударили на Крымъ; давно были бы козаки и подъ Перекопомъ, да Сирко своимъ походомъ ихъ оставилъ ¹⁾).

Сводя къ общему все четыре показанія—Самойловича, Сирка, Брекала и Перхурова,—мы видимъ, что запорожцы съ своей стороны утаивали обо всехъ своихъ намѣреніяхъ, а Самойловичъ и Перхуровъ съ своей стороны черезчуръ подозрѣвали ихъ въ коварныхъ замыслахъ. Несомнѣнно здѣсь одно, что хотя Сирко и сносился съ польскимъ королемъ, желая черезъ него добиться гетманской булавы, но онъ вовсе не думалъ измѣнять русскому царю, а тѣмъ болѣе мирволить крымскому хану.

И точно, октября 1 дня 1675 года, Сирко доносилъ гетману Самойловичу, что въ Сичу, по царскому указу, присланы были черкасскій князь Каспулатъ Муцаловичъ, стольникъ Иванъ Леоптѣевъ, голова стрѣльцовъ Иванъ Лукашкинъ, донской атаманъ Фролъ Миннаевъ (съ 200 донцовъ) и калмыцкій начальникъ мурза Мазани. Съ ними Сирко, имѣя у себя 1.500 человекъ козаковъ, ходилъ, сентября 17 дня, подъ городъ Перекопъ и, будучи въ Крыму, не смотря на извѣстіе перебѣжчика кумычанина, сообщившаго татарамъ о приходѣ въ Крымъ козаковъ, несмотря на татарскія заставы, заранѣе противъ козаковъ устроенныя, большою непріятельскіимъ отрядъ разбилъ, села огнемъ опустошилъ, большую добычу взялъ, много христіанскихъ душъ изъ неволи освободилъ и послѣ всего этого въ полной цѣлости и безъ всякаго урона въ Сичъ возвратился ²⁾).

Нужно думать, что этотъ самый походъ Сирка въ Крымъ, такъ счастливо для него окончившійся, разумѣть и малороссійскій лѣтописецъ Величко. Объ этомъ же походѣ Сирка въ Крымъ говоритъ и лѣтописецъ Ригельманъ. Изъ того обстоятельства, что Ригельманъ, жившій позже Величка, но вовсе не знавшій лѣтописи его, говоритъ о фактѣ, извѣстномъ Величку, слѣдуетъ, что основною разсказа для обоихъ бытописателей послужило какое-то, такъ сказать, бродячее сказаніе. Изъ двухъ лѣтописцевъ, Величка и Ригельмана, у перваго оно длиннѣе, у втораго короче. Ригель-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 111, 137, 161.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 260.

манъ рассказываетъ о походѣ Сирка въ Крымъ въ нѣсколькихъ строкахъ ¹⁾; Величко—въ большой главѣ. Величко относитъ это событіе къ 1675 году, Ригельманъ къ 1679 году. Изъ двухъ названныхъ лѣтописцевъ нужно отдать предпочтеніе Величку. Дѣло въ томъ, что, по возвращеніи запорожцевъ изъ Крыма въ Сичь, козаки, приписывая вражду татаръ и турокъ къ себѣ паусыкиванію гетмана Дорошенка, написали ему укорительное письмо. Но писать Дорошенку можно было въ 1675 году, а не въ 1679 году, когда онъ уже давно былъ лишенъ гетманства и находился не на Украинѣ, а на далекомъ сѣверѣ Россіи. Сравнивая показанія со-временныхъ событію актовъ съ рассказомъ лѣтописи Величка, находимъ, кромѣ краткости первыхъ и полноты второй, нѣкоторую разницу въ частности. Разница эта состоитъ прежде всего въ томъ, что по актамъ Сирко совершилъ походъ не одинъ, а съ союзниками—атаманомъ донскихъ козаковъ, княземъ кавказскихъ черкесовъ, русскими съ отрядомъ стрѣльцовъ, воеводами и калмыцкимъ тайшей съ ордой. Затѣмъ, имѣется разница и въ показаніи времени совершившагося событія: въ актахъ самъ Сирко говоритъ, что походъ въ Крымъ сдѣланъ былъ нѣмъ сентября 17 дня, въ лѣтописи Величка предпринятъ былъ въ начальныхъ числахъ іюля мѣсяца. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить того, что Величко, приводя письмо запорожцевъ, писавшихъ его послѣ возвращенія изъ Крыма въ Сичь, приводитъ дату его 23 числомъ того же сентября мѣсяца. Наконецъ, есть разница и въ показаніи количества запорожцевъ, ходившихъ въ Крымъ и дѣйствовавшихъ въ немъ: въ актахъ показано запорожскаго войска только 1.500 человекъ, у Величка до 20.000 человекъ. Конечно, если взять во вниманіе серьезность самаго предпріятія, то нельзя не согласиться, что такое большое дѣло, какъ походъ во внутрь Крыма, долженъ былъ предпринять и съ большими силами. Но въ актахъ, кромѣ числа донцовъ (200 человекъ) не показано ни число стрѣльцовъ, ни число черкесъ, ни количество орды. Если взять произвольныя цифры—калмыковъ не менѣе 6.000, черкесовъ не менѣе 5.000, стрѣльцовъ не менѣе 2.000 человекъ, донцовъ 200 и запорожцевъ 1.500, то тогда полученная цифра 15.200 человекъ можетъ приблизиться къ показаннымъ Величкомъ цифрамъ. Но та-

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1847, II, 167—170.

кой расчетъ будетъ расчетомъ только измышленія, а не дѣйствительности.

Оставляя въ сторонѣ всѣ указанныя частности, событіе это, походъ Сирка въ Крымъ и самый поводъ къ тому, произошло, по словамъ Величка, слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Планъ турецкаго султана Мухаммада IV о разрушеніи Сичи.—Присылка имъ въ Крымъ 15.000 человекъ янычаръ.—Походъ крымскаго хана съ 40.000 татаръ и 15.000 янычаръ въ Сичу, случайный спаситель Сичи Шелчицъ.—Избиеніе тринадцати съ половиною тысячъ янычаръ въ Сичи.—Погоня козаковъ за ханомъ и очищеніе Сичи отъ непріятельскихъ труповъ.—Письмо хана въ Сичь съ просьбой о выкупѣ пленныхъ.—Походъ Сирка въ Крымъ, раздѣленіе на двѣ пелопоны войска и страшный погромъ Крыма, возвращеніе назадъ, отдыхъ въ степи и избиеніе 4.000 человекъ христіанъ.—Прибытіе Сирка въ Сичу и отправка листа крымскому хану и смѣхотворнаго письма турецкому султану.

Ненасытившись поглощеніемъ премногаго козацко-русскаго народа, разореніемъ семнадцати городовъ во главѣ съ Лодыжинимъ и Уманью, не удовольствовавшись обращеніемъ ихъ въ пенелъ и сравненіемъ съ землей, турецкій султанъ Мухаммадъ IV задумалъ истребить все запорожское войско и разорить самый Кошъ его. На это дѣло онъ прислалъ осенью 1675 года на корабляхъ изъ Константинополя въ Крымъ 15.000 отборныхъ стамбульскихъ янычаръ и велѣлъ крымскому хану съ этими янычарами и со всею крымскою ордою, при наступленіи зимы, постараться выбить всѣхъ запорожцевъ до конца, а самую Сичь ихъ разорить до основанія. Ханъ, желая слышать о томъ приказаніе изъ устъ самого султана и его визиря, бѣгалъ налегкѣю тою же осенью въ Стамбуль и, недолго оставаясь тамъ, повернулъ въ Крымъ; все время послѣ этого онъ совѣтовался со своими крымскими султанами, агами и мурзами и выискивалъ способы, какими можно было бы исполнить свой злой умыселъ надъ войскомъ низовымъ запорожскимъ и его кошемъ. Послѣ совѣта постановлено было привести въ исполненіе злое приказаніе турецкой Порты непременно въ предстоящую зиму, на святкахъ Рождества Господня, когда войско запорожское привыкло гулять и подпивать. И вотъ, какъ скоро тогдашняя зима, «чрезъ майстерство крѣпкихъ морозовъ своихъ», замуровала днѣпровскія глубины и рѣчки полевые твердыми

льдами и приодѣла достаточными силъгами, тогда крымскій ханъ тотъ же часъ приказалъ сорока тысячамъ крымской орды быть готовыми для военнаго похода, а пятнадцати тысячамъ янычаръ велѣлъ дать лошадей, не объявляя никому, куда именно онъ поведетъ ихъ въ походъ. Когда кончился филипповъ постъ, тогда самъ ханъ, снявшись изъ Крыма со всѣмъ названнымъ войскомъ своимъ, пошелъ по направленію къ запорожской Сичи, старался держаться въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега Днѣпра, чтобы не быть замѣченнымъ запорожцами, зимовавшими по днѣпровскимъ островамъ и вѣткамъ и чтобы все войско запорожское низовое какимъ-нибудь способомъ не узнало о томъ. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, въ самую полночь, ханъ, приблизившись къ Сичи, захватилъ сичевую стражу, стоявшую въ верстѣ или въ двухъ верстахъ отъ Сичи на извѣстномъ мѣстѣ, и отъ этой стражи узналъ, что войско пьяное спитъ безпечно по курениямъ и что другой стражи нѣтъ ни около, ни въ самой Сичи; ханъ очень обрадовался этому и сейчасъ же, выбравши самаго лучшаго изъ пойманныхъ сторожевыхъ и пообѣщавъ ему свободу и большую награду, приказалъ ему провести нѣхотныхъ янычаръ во внутрь запорожской Сичи чрезъ ту форточку ¹⁾, которая, по показанію самихъ сторожевыхъ, не была заперта на ту пору. Итакъ, отправивши всѣхъ янычаръ въ Сичу съ названнымъ запорожскимъ сторожевымъ, ханъ приказалъ имъ, вошедши въ нее, «учинить належитый военный надъ пьяноспящими запорожцами промыселъ». Самъ же между тѣмъ, обѣхавши съ ордой вокругъ Сичи и густо обступивши ее, стоялъ неподалеку наготовѣ, чтобы не выпустить и «духа имѣющихъ утекать» запорожцевъ. Но на этотъ разъ надъ турками и татарами сбылась старая пословица: «кто человекъ себѣ обѣщует, тое Богъ нищует»: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый Конѣцъ не осуществилась. Хотя ханъ и зналъ, что войско запорожское привыкло въ праздничные дни подпивать и безпечно спать, но не принявши того, что множество этого же самаго войска имѣло обыкновеніе собираться въ праздникъ Рождества Христова до Сичи со всѣхъ низовыхъ днѣпровскихъ луговъ ²⁾ и что боль-

¹⁾ Фортка — въ смыслѣ калитки, прохода или «пролаза».

²⁾ Въ виду предстоящихъ выборовъ войсковой старшины, происходившихъ у запорожцевъ 1 января каждаго новаго года.

шинство изъ этого войска были трезвые, а не пьяные люди. Но вотъ насталъ «полуночный часъ». Все войско, неслыша ни о какой тревогѣ и не имѣя вѣсти о намѣреніи бусурманъ, «защипутовавшись» въ куреняхъ, безопасно опочивало; въ это самое время янычары, тихо введенные чрезъ открытую фортку пойманнѣмъ запорожскимъ сторожевымъ, вошли въ Сичу и наполнили собою всѣ ея улицы и переулки и такъ стѣснились, какъ то бываесть въ церкви. Однако, имѣя въ рукахъ готовое оружіе, они помрачены были всевидящимъ Богомъ въ ихъ разумѣ: войдя въ Сичу, они и не подумали о томъ, что дальше дѣлать и какими способомъ разорить то рыцарское нѣздо низово-днѣпровскихъ козаковъ, нашихъ мальтійскихъ кавалеровъ, и какъ ихъ всѣхъ выбить до конца; или, быть можетъ, начальники янычаръ, за тѣсотой, не могли сойтись и посовѣтоваться между собою, какъ начать и кончить свой злодѣйскій умыселъ. Такъ или иначе, но, наполнивъ собою всю Сичу, захвативъ всѣ сичевыя арматы, наступивъ всѣ открытыя мѣста, янычары стояли нѣсколько времени въ недоумѣніи и тихомъ молчаніи. Когда же повернуло съ полночи и Богъ Вседержитель благословилъ собластои въ цѣлости то православное и преславное низовое запорожское войско, тогда оны отогналъ сонъ нѣкоему Шевчику, козаку одного куреня: этотъ Шевчикъ, вставши для своего дѣла и отворивши кватерку ¹⁾, началъ сквозь оконную щель присматриваться, рано-ли еще или нѣтъ, и неожиданно увидѣлъ людей, непріятелей-турокъ, всю улицу заполонившихъ собою. Шевчикъ пришелъ въ ужасъ; однако, тотъ же часъ тихо засвѣтилъ нѣсколько свѣчей въ своемъ куренѣ, сообщилъ знаками пятерымъ или шестерымъ товарищамъ своимъ, еще не ложившимся спать, но сидѣвшимъ въ углу куреня, закрывшимся тамъ и игравшимъ въ карты. Товарищи, услышавъ слова Шевчика и побросавъ карты, заразъ бросились тихонько ко всѣмъ окнамъ куреня своего и, не отворяя ихъ, стали присматриваться въ оконныя щели, чтобы убѣдиться, правда-ли то, что сказалъ Шевчикъ. Когда же и сами увидѣли, что Сичъ ихъ наполнена непріятелями-турками, то немедленно и возможно тихо побудили всѣхъ товарищей своего куреня, которыхъ было до полутораста человекъ, и сообщили имъ о грозившей бѣдѣ. Товарищи быстро

---

¹⁾ «Кватерка» съ польскаго собственно значить «четвертая часть» окна, въ нашемъ смыслѣ «форточка» окна.

повставали, тихо поддѣвались, осторожно забрали въ руки оружіе и потомъ, послѣ совѣта съ куреннымъ атаманомъ, рѣшили устроить слѣдующее: поставить къ каждому окну по нѣскольکو человѣкъ лучинныхъ стрѣльцовъ, чтобы они безпрестанно стрѣляли, а другіе, чтобы только заряжали ружья и первымъ подавали. Устроивши все это безъ великаго шума и помолившись Богу, козаки сразу потворяли все окна и оконницы и начали густо и безпрестанно стрѣлять въ самое скопище янычаръ, сильно поражая ихъ. Тогда другіе курени, услышавъ выстрѣлы и увидѣвши непріятеля, тотъ же часъ открыли со всехъ сторонъ чрезъ окна густой и безпрестанный мушкетный огонь, и какъ бы молніей освѣтили темную ночь въ Сичи, тяжело поражая турокъ, кои отъ одного выстрѣла падали по двое и по трое человѣкъ. Янычары же, не имѣя возможности, вслѣдствіе своей тѣсноты, направлять оружія прямо противъ куренныхъ оконъ, стрѣляли на воздухъ и, «какъ козлы между собою мятущися», падали на землю убитыми и утопали въ собственной крови. Когда же толпы янычаръ стали рѣдѣть по улицамъ и переулкамъ, такъ что ихъ едва третья часть осталась изъ живыхъ, тогда запорожцы, видя, что, стрѣляя изъ куреней на непріятелей, они стрѣляли другъ противъ друга и наносили себѣ тѣмъ вредъ, крикнули единогласно до ручного бою; и такъ по той командѣ тотчасъ все разомъ, высыпавши изъ куреней, съ мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольемъ, начали доканчивать ручнымъ боемъ еще оставшихся изъ живыхъ турокъ, нещадно поражая ихъ. На самомъ разсвѣтѣ дня они покончили съ турками, и всю Сичь и все курени со всехъ сторонъ, и всю божественную церковь и все арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровію, а все сичевыя улицы и переулки непріятельскими трупами завалили. Трупы тѣ лежали, облитые ихъ же собственной кровію, склеенные и замороженные сильнымъ морозомъ, бывшимъ въ то время. Какъ велико было ихъ число, видно изъ того, что изъ пятнадцати тысячъ янычаръ едва полторы тысячи ушло изъ Сичи и спасено татарами на лошадяхъ. А между тѣмъ ханъ, стоявшій около Сичи и ожидавшій конца задуманной облавы, увидя несчастный конецъ неудавшагося замысла, взвылъ, какъ волкъ, подобно древнему Мамаю, побѣжденному русскими на Куликовомъ полѣ при рѣкѣ Непрядлѣ, видя, какое великое число отборныхъ стамбульскихъ янычаръ онъ потерялъ и выгубилъ, рассчитывая завоевать запорожскую Сичу. Пораженный, вслѣдствіе

этого несчастья, великимъ страхомъ, онъ бросился отъ Сичи, днемъ и ночью спѣшили въ Крымъ, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, сѣвши на коней, не догнали и не разгребли его самого.

Скоро послѣ смутной и кровопролитной ночи людскимъ очамъ пришлось увидѣть пасмурный и невеселый день. Въ тотъ день, послѣ войскового совѣта, а болѣе всего послѣ приказа кошевого Сирка, около двухъ тысячъ добраго панцырнаго закорожкаго товариства, сѣвши на коней и объѣхавъ всю Сичу кругомъ, бросились по слѣдамъ хана. Но потомъ, пройдя отъ Сичи миль «о полтретѣ» и убѣдившись, что ханъ отъ боязни дѣйствительно убѣжалъ въ Крымъ, товариство повернуло назадъ къ Сичѣ и пришло назадъ какъ разъ къ концу божественной службы. По окончаніи службы все войско отпѣло общій благодарственный молебенъ пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и своей всеблагодѣтельной заступницѣ, а затѣмъ приступило къ похоронамъ своихъ товарищей, сраженныхъ въ бою; всѣхъ ихъ было убито въ ночной «заверусѣ» пятьдесятъ человекъ, а ранено до осьмидесяти ¹⁾. Убитыхъ товарищей тогда же, прежде похоронъ янычаръ, предали землѣ «честнымъ и знаменитымъ погребеніемъ» и приказали сичевымъ священникамъ служить по нимъ сорокоусть неотлагаемо и безпрестанно съ приличнымъ за труды вознагражденіемъ, а раненыхъ распорядились отдать на излѣченіе сичевымъ цырульникамъ съ награжденіемъ изъ войскового скарба. Послѣ этого козаки разошлись по своимъ куренямъ и весь тотъ день гуляли въ своихъ куреняхъ, стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, такъ густо окропленныхъ бусурманскою кровію. Трупы смерзшихъ янычаръ пока оставались на улицахъ и переулкахъ и представляли изъ себя настоящіе валы и могилы.

На другой день, какъ только стало свѣтать, тотъ же часъ, по приказу кошевого, ударили въ котлы на раду. Собравшееся на раду войско держало совѣтъ о томъ, какъ поступить съ трупами янычаръ. Одни совѣтовали повыволакивать трупы изъ Сичи и сжечь ихъ по бусурманскому обычаю; другіе находили удобнымъ передать ихъ на свѣденіе звѣрямъ и птицамъ, подальше оттащивъ отъ Сичи; третьи предлагали въ землю позагребать, а четвертые—

---

¹⁾ Число истребленныхъ въ Сичи янычаръ (13,500 человекъ) и число убитыхъ запорожцевъ (50 человекъ) едва-ли могутъ быть приняты за дѣйствительныя числа.

въ воду повкидать. Изъ этихъ совѣтовъ три не были приняты: первый, если въ землю погребать, то много времени придется употребить, да и никто даромъ работать не станетъ, мерзлой земли копать; другой, если налить, много дровъ пришлось бы истребить; третій, если отдать на сѣденіе звѣрямъ, то звѣри, разстервившись, и живому войску могутъ принести шкodu; а на четвертомъ совѣтѣ все войско остановилось: повытащивъ изъ Сичи всѣ трупы убитыхъ янычаръ, отдать ихъ днѣпровскимъ глубинамъ и быстринамъ.

Тотчасъ послѣ этой рады отправлено было нѣсколько сотъ людейъ на Днѣпръ для рубки «полонокъ»; другимъ приказано было раздѣлать смерзшіеся вмѣстѣ трупы и приготовить ихъ для выволакиванія изъ Сичи, а третьимъ велѣно быть готовыми съ конями и арканами. Такъ, около условленнаго часа козаки, работавшіе на Днѣпрѣ, дали знать кошевому и куреннымъ атаманамъ, что они уже приготовили пять или шесть обширныхъ «полонокъ» на Днѣпрѣ. Тогда немедленно приказано было цѣплять арканами окровавленные собственной кровью и смерзшіеся отъ сильныхъ морозовъ трупы янычаръ, привязывать ихъ до кульбачныхъ стреминъ по десять, по двадцать и больше того, «плитами и брилами» прочь изъ Сичи таскать и около «полонокъ» оставлять; а бывшей на Днѣпрѣ нѣхотѣ велѣно тѣ смерзшіеся трупы янычаръ въ «полонки» втаскивать и подъ ледъ пускать. А такъ какъ того дня всѣхъ труповъ выволокти изъ Сичи не могли, то и на другой день до обѣденной поры войско должно было заниматься тѣмъ же.

Изъ добычи отъ убитыхъ янычаръ, кромѣ оружія, осталось запорожцамъ очень мало: ибо на мертвыхъ и смерзшихся трупахъ кафтаны, кунтуши, кожухи, шаровары, шапки, пояса, сапоги были точно вымочены въ бусурманской крови и казались сплюснутыми смерзшимися плитами, такъ что если бы кто захотѣлъ снять съ нихъ что-либо и тѣмъ осквернить руки свои, то развѣ отрубивалъ бы одинъ трупъ отъ другого топоромъ, а дорогое одѣяніе сдиравъ бы шматками; также, если кто хотѣлъ вынуть изъ-подъ труповъ оставшееся оружіе (первое оружіе тотъ же часъ по окончаніе битвы вынуто было изъ-подъ труповъ еще не смерзшихся), то опять-таки долженъ былъ разрубивать трупы, а рога и шабелтасы ¹⁾ просто обрѣзывать около нихъ.

---

¹⁾ Шабелтасы съ татарскаго «шабултасы» на русскій значить пороховая сумка, носимая при помощи ремня черезъ плечо.

Когда же, наконецъ, всѣ трупы отданы были днѣпровскимъ глубинамъ, тогда все войско, вмѣстѣ собравшись, поочиняло и повыскабливало всѣ улицы и переулки въ Сичи и за Сичь все съ снѣгомъ повыметало, также пообтесывало и пообмывало всѣ странно облитыя кровью стѣны куренныя и арматы сичевыя; а переночевавши и отправивши рано заутреню, за ней божественную службу и за божественной службой молебень отпѣвши и воду освятивши, всѣ сичевые священники со всѣмъ церковнымъ клиромъ пошли по улицамъ, переулкамъ и куренямъ, безпрестанно молитвы читая и святой водой всѣ мѣста окропляя. По окончаніи очистительной церемоніи, все войско до самого вечера весело гуляло и подпивало, простые козаки, собравшись въ куреняхъ, а знатные у кошевого атамана Сирка, но гуляло тихо, безъ арматныхъ и мушкетныхъ громовъ ¹⁾).

На другой день послѣ всего этого запорожцы поднялись рано, вновь собрались на раду, подѣлили по жребію все оружіе, найденное между трупами янычаръ и до времени сложенное въ общую кучу, и затѣмъ рѣшили написать гетману Дорошенку «прикрое и досадительное» письмо, приписывая злодѣйскій умыселъ нападенія татаръ и турокъ на Сичь его злобѣ и коварству. Отправка письма Дорошенку возложена была на кошевого Сирка. Сирко послалъ его чигиринскими чумаками, случившимися на ту пору въ Сичи. Дорошенко, прочитавъ то письмо, странно разъярился на запорожскихъ козаковъ, но потомъ, одумавшись и успокоившись отъ гнѣва, послалъ имъ съ своей стороны пространное письмо, увѣряя клятвами и присягами, что онъ чистъ въ отношеніяхъ къ нимъ; что онъ даже питаетъ дружбу и особенную пріязнь ко всему запорожскому войску. Запорожцы, получивъ отъ гетмана это письмо, скоро смягчились и въ свою очередь увѣряли, что они, кромѣ пріязни, ничего другого не питаютъ къ гетману.

Послѣ страшной и кровавой битвы, кромѣ тринадцати тысячъ пятисотъ человѣкъ убитыхъ въ Сичи, осталось еще въ плѣну полтора ста человѣкъ янычаръ и четыре аги: они скрылись въ разныхъ мѣстахъ между строеніями. Крымскій ханъ, узнавъ объ этомъ, тотъ же часъ написалъ Сирку и всему запорожскому войску письмо, въ которомъ усердно просилъ отпустить невольниковъ въ Крымъ. Сирко и все войско согласились на то. Тогда ханъ прислалъ за

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 358—364.

ними подводы, а вмѣстѣ съ подводами и подарки низовому товариству: двѣнадцать тысячъ кидяковъ и шесть большихъ бутъ добраго крымскаго вина. Запорожцы, принявъ подарокъ, отпустили полтора ста невольниковъ янычаръ, снабдивъ ихъ въ дорогу хлѣбомъ, мясомъ и рыбою, но четырехъ агъ оставили у себя, потому что хотѣли получить за нихъ выкупъ по двѣ тысячи левовъ съ каждаго. Но какъ скоро деньги пришли, тогда и четыре аги, получивъ вспоможеніе на дорогу, были честно отпущены въ Крымъ. Между тѣмъ турецкій султанъ, услышавъ о гибели своихъ янычаръ въ запорожской Сичи, страшно озлился на своего визиря, который посоветовалъ ему отправить на запорожцевъ янычаръ. Онъ готовъ былъ предать его смертной казни, но потомъ, однако, даровалъ ему жизнь; зато забралъ все его имущество въ казну, а самого отправилъ въ вѣчную ссылку на островъ Родосъ.

Послѣ этого истребленія янычаръ въ Сичи, турки на все время не осмѣливались предпринимать походовъ противъ запорожскихъ козаковъ съ цѣлью искорененія ихъ войскового Коша. Напротивъ того, нападеніе татаръ и турокъ на Сичь дало поводъ самимъ запорожцамъ вторгнуться въ Крымъ». Того же 1675 года въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, созвавъ въ Сичь запорожское товариство изъ ближнихъ и дальнихъ полевыхъ вѣтокъ и рѣчекъ, кошевой атаманъ всего низового запорожскаго войска, Иванъ Сирко, предложилъ ему на главной радѣ идти на Крымъ и отомстить крымскому хану за прошлагомѣе нападеніе, вредъ и безпокойства, причиненные имъ всему низовому войску; а именно за то, что ханъ, пришедъ ночью съ турецкими янычарами и ворвавшись, подобно злодѣю, въ запорожскую Сичь, хотѣлъ разрушить ее до основанія, а все находившееся въ ней низовое войско истребить и въ плѣнъ забрать. На предложеніе Сирка все войско охотно согласилось, прося его вести на такое доброе дѣло. Тогда Сирко распустилъ изъ Сичи все войско по рѣчкамъ и вѣткамъ, приказавъ ему изготovitъ въ походъ на Крымъ на три недѣли, заготовить харчей и прочими военными принадлежностями, и черезъ двѣ недѣли явиться въ Сичь. Войско, охотно исполнивъ приказаніе кошевого, явилось со всѣмъ необходимымъ въ Сичь. Тогда Сирко, выбравъ лучшихъ изъ козаковъ, числомъ около двадцати тысячъ человекъ и перешедъ Днѣпръ на крымскую сторону, двинулся со всевозможною поспѣшностью въ предстоящій путь. Но, не желая идти прямо къ Перекопу, онъ взялъ налѣво въ степь, остерегаясь

встрѣчи съ блукавшими, ради промысловъ, по степи татарами. Разсчета его вполне удался: татары дѣйствительно не замѣтили его и не могли дать знать о немъ въ Крымъ. Между тѣмъ Сирко, быстро прошедъ со всѣмъ своимъ войскомъ длинныя степи и переправившись въ крымское царство чрезъ Сивашъ, на мѣстѣ ему хорошо извѣстномъ, оставилъ Перекопъ далеко въ правой рукѣ.

Потомъ, оставивши при себѣ самыхъ лучшихъ молодцовъ, три или четыре тысячи, и расположившись съ ними внутри Крыма надъ Сивашемъ, у названной переправы, Сирко все остальное войско, подъ начальствомъ добрыхъ вождей, знавшихъ хорошо все крымскія мѣста и ослѣдлости, отправилъ въ самый Крымъ, приказавши тѣмъ вождямъ весь Крымъ «несчадно струснути» и на пятый день возвратиться къ сиванской переправѣ. Тогда войско, сѣвъ на своихъ «вѣтроногихъ» коней, внезапно ворвалось внутрь крымскихъ селеній и, раздѣлившись, съ общаго совѣта, на нѣсколько частей, засѣяло и наполнило собой весь Крымъ, предавая огню и мечу какъ самый Крымъ, такъ и города его Козловъ, Нарасевъ, даже столицу ханскую Бахчисарай и другіе города, причиняя вездѣ страшныя бѣды и разоренія населенію. Ханъ, узнавъ «о такой фуріи неподѣванныхъ и пединкретныхъ гостей», едва успѣлъ выхватиться изъ Бахчисарая со всѣми своими султанами, мурзами и крымскими начальниками и убѣжать въ крымскія горы. Туда же бѣжала къ хану одна часть татаръ, успѣвшая спастись отъ запорожскаго оружія; другая часть ушла въ крѣпкіе города, а третья часть боевымъ оружіемъ положена была на крымскихъ поляхъ и селлахъ. Послѣ этого, когда ханъ узналъ отъ пойманныхъ запорожскихъ языковъ, какое то было войско, кто надъ нимъ былъ начальникомъ и главнымъ вождемъ и какимъ трактомъ пришло оно въ крымскую державу; тогда, поднявшись со всѣмъ своимъ крымскимъ войскомъ, котораго пришло къ нему въ горы до пятидесяти тысячъ человекъ, устремился къ той самой сиванской переправѣ, чрезъ которую вторглись въ Крымъ запорожскіе козаки; онъ не зналъ, что тамъ стояла другая часть запорожскаго войска. У сиванской переправы ханъ имѣлъ остановиться и ждать возвращенія всего запорожскаго войска, grassованнаго по Крыму.

И дѣйствительно, ханъ прибылъ со своей ордой какъ разъ въ тотъ самый день, когда и запорожское войско рассчитывало возвратиться изъ Крыма къ Сирку на переправу. Увида у переправы

запорожское войско подъ начальствомъ Сирка, ханъ вообразилъ, что здѣсь собралось все козацкое войско, приказалъ спѣшиться и готовиться къ бою. А между тѣмъ къ Сирку поворачивало изъ Крыма съ большой добычей и плѣнниками то самое войско, которое тамъ гостило и оставило въ немъ послѣ себя великія руины. Узнавъ отъ пойманнаго татарскаго языка, что ханъ пошелъ къ Сивану на переправу, войско сейчасъ же свернуло въ сторону, оставило съ отрядомъ часть своей добычи и денегъ, потомъ подняло для обмана татаръ мусульманскія знамена, взятыя въ добычу, и поспѣшило вслѣдъ за ханомъ.

Ханъ, видя позади себя съ ордынскими знаменами войско и воображая, что то идутъ къ нему на помощь разогнанные татары, крѣпко и со всею силою ударилъ на Сирка; но, не смогиши сломить его, напротивъ того, потерявши въ одинъ разъ до четырехъ тысячъ орды, сдѣлалъ отступленіе. Сирко, увидя позади хана войско и узнавъ, что то было его собственное, сталъ стронуться, чтобы вторично схватиться съ ханомъ: ханъ, въ свою очередь, ожидая, что позади его идетъ къ нему на помощь орда, также выстроился противъ Сирка. Но, ударивъ вторично на Сирка, онъ, подобно первому разу, встрѣтилъ такой отпоръ, что съ большимъ для своей орды урономъ вновь отступилъ. Тогда Сирко, сѣвши со всѣмъ своимъ войскомъ въ одно мгновеніе на коней, сильно ударилъ на орду и началъ налегать и разить ее. Орда, бывшая съ ханомъ, увидя позади себя не ордынскія, а козацкія войска, сразу потеряла мужество и воинскую доблесть, стремительно разсыпалась по крымскимъ полямъ и прямо попала въ глаза козацкому войску, бывшему позади нея. А козаки, гоняясь по полю за перепуганными татарами, нѣсколько тысячъ изъ нихъ убили, нѣсколько тысячъ забрали въ плѣнъ, за малымъ не поймавъ и самого хана.

Послѣ такой счастливой и блестящей побѣды надъ ханомъ, все козацкое войско, соединившись съ Сиркомъ и забравши свою добычу, оставленную на время въ сторонѣ, пришло къ сиванской переправѣ какъ разъ около полудня. Отдохнувъ здѣсь немного послѣ военныхъ подвиговъ и подкрѣпившись пищею, оно немедленно двинулось изъ Крыма чрезъ Сиванъ на ту сторону, которая идетъ отъ Сивана до Запорожья. Пройдя Сиванъ передъ заходомъ солнца и уже не слѣдуя тѣмъ трактомъ, которымъ шло изъ Сичи въ Крымъ, войско вдаль отъ переправы на Калаи-

нахъ, къ Черной долинь и Кочкарамъ, оставивъ Перекопъ въ лѣвой сторонѣ. Струснувши около Черной долины и Кочкаръ всѣ поля и крымскія скотныя пастбища, захвативши много рогатаго скота и овечьихъ ватагъ вмѣстѣ съ бывшими при нихъ татарами, войско запорожское двинулось вверхъ по Днѣпру, до своей Сичи, имѣя у себя множество добычи и тринадцать тысячъ ясырь—плѣнныхъ татаръ и бывшихъ въ крымской неволѣ христіанъ. Отдалившись со всѣмъ войскомъ и добычею на нѣсколько миль отъ Крыма и остановившись въ удобномъ для полуденнаго понаска жствѣ, Сирко однимъ изъ козаковъ приказалъ побольше наварить каши, чтобы ея было достаточно какъ для войска, такъ и для ясыря, а другимъ велѣлъ разлучить на-двое ясырь, христіанъ особо, а бусурманъ особо. Когда это было сдѣлано, тогда Сирко приказалъ всѣхъ бусурманъ повязать, а къ христіанамъ, которыхъ было мужескаго и женскаго пола семь тысячъ, сказалъ такое слово, испытывая ихъ: «Кто хочетъ, идите съ нами на Русь, а кто не хочетъ, возвращайтесь въ Крымъ». Христіане и родившіеся отъ христіанъ въ Крыму «тумы», услыша то слово Сирка, раздѣлились на двѣ половины: одни, числомъ три тысячи, пошли за лучшее вернуться въ Крымъ, нежели идти въ христіанскую землю; другіе, числомъ четыре тысячи, пожелали вернуться въ свою землю на Украинну. Сирко приказалъ всѣхъ ихъ накормить и потомъ однихъ оставилъ при себѣ, а другихъ отпустилъ въ Крымъ. Отпуская послѣднихъ, спросилъ у нихъ, зачѣмъ они стремятся въ Крымъ; спрошенные отвѣчали, что въ Крыму у нихъ есть осѣлости и господарства, и потому тамъ имъ лучше будетъ жить, нежели на Руси, гдѣ они ничего не имѣютъ. Отпуская тѣхъ людей, Сирко не вполне еще вѣрилъ, чтобы они дѣйствительно пошли въ Крымъ, но надѣялся, что они вернутся на Русь, и, подплывши къ бывшей тамъ могилѣ, смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не стало видно. Когда же убѣдился въ ихъ твердомъ намѣреніи идти въ Крымъ, тогда приказалъ молодымъ козакамъ сѣсть на коней, догнать отпущенныхъ и всѣхъ до единого и безъ всякой пощады выбить и вырубить, имѣя намѣреніе и самъ тотъ же часъ за ними поѣхать и посмотреть, все-ли будетъ исполнено по его приказу. Получивъ отъ Сирка такое приказаніе, козаки, догнавъ названныхъ людей, поступили сообразно приказу, не оставивъ въ живыхъ ни одной души. Немного погодя и самъ Сирко, сѣвъ на коня, поскакалъ туда, гдѣ исполнялось его приказаніе.

Прибѣжавъ на мѣсто и увидѣвъ, что его воля въ точности исполнена, онъ поблагодарилъ трудившихся тамъ козаковъ, а къ мертвымъ трунамъ сказалъ слѣдующія слова: «Простите насъ, братія, а сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между бусурманами на наши христіанскія молодечья головы и на свою вѣчную безъ крещенія погибель». Послѣ этого Сирко вернулся къ войску и двинулся въ путь отъ становища. Приблизившись къ Сичи, онъ подуванилъ все свое войско добычею и добромъ. Прибывши же въ самую Сичь, первымъ дѣломъ со всеѣмъ своимъ войскомъ отдалъ хвалу всемогущему Богу, своему помощнику, и молебное благодарствіе пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. Потомъ, приготовивъ на все курени довольное число мяса изъ крымскаго скота и овецъ, которыхъ было захвачено до восемнадцати тысячъ, устроилъ со всеѣмъ войскомъ въ Сичи генеральный банкетъ; два дня гуляли Сирко и все войско и тѣшились непрерывными арматными и мушкетными громами. Послѣ этого козаки разошлись въ рѣчки и вѣтки, а выведенные изъ Крыма христіанскіе плѣнники съ новокрещенными въ Сичи бусурманами, которыхъ обоого пола было полторы тысячи, отправлены въ Малую Россію. Изъ бусурманскаго же ясыра одна часть послана въ Москву, другая къ гетману Самойловичу, а третья, числомъ четыре тысячи, оставлена въ Сичи. Послѣднимъ Сирко съ атаманами объявилъ, чтобы каждый изъ нихъ, если желаетъ быть въ Крыму, постарался о скоромъ выкупѣ: если же невольники не будутъ стараться о своемъ выкупѣ, то все они скоро будутъ отосланы въ Москву въ вѣчную неволю. Услышавъ эти слова Сирка, все татары вздрогнули и сейчасъ же начали торговаться съ Сиркомъ и атаманами и предлагать за себя выкупъ по своему состоянію. Итакъ все, отъ мала до велика, пообѣщавъ за себя выкупъ, написали по-татарски реестръ своихъ именъ и обѣщаннаго выкупа, выпросили у Сирка трехъ татаръ и послали черезъ нихъ тотъ реестръ хану съ горливымъ прошеніемъ поскорѣе собрать выкупъ и прислать его въ Сичу. Черезъ этихъ же татаръ и Сирко со всеѣмъ товариствомъ написалъ письмо хану: въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ о причинѣ вторженія козаковъ въ Крымъ, происшедшей по винѣ самихъ же татаръ, а не по винѣ запорожскихъ козаковъ, и тутъ же напоминалъ хану о древней доблести и рыцарствѣ войска запорожскаго.

«Непозволительный мосце хане крымскій со многими ордами,

близкій намъ соеѣде! Не мыслили бы мы, войско низовое запорожское, входить въ войну и непріязнь съ вашею ханскою милостью и со всѣмъ крымскимъ панствомъ, если бы не увидѣли начала ея съ вашей стороны. Ваша ханская милость, послушавъ дурного совѣта сумасброднаго и безумнаго цареградскаго визиря, а по немъ и приказанія найяснѣйшаго и найвѣльможнѣйшаго султана своего, начали съ нами войну прошлой зимы. Вы приходили къ намъ, низовому запорожскому войску, съ султанскими янычарами и со многими крымскими ордами; подкравшись почивымъ временемъ къ нашей Сичѣ и снявъ стоявшую за ней нашу стражу, вы отправили въ Сичь пятнадцать тысячъ янычаръ, которымъ приказали (что стыдно было вамъ дѣлать) не «по кавалерству» выбить и истребить всѣхъ насъ молодцовъ, войско запорожское, совиныхъ и печаящихъ никакой бѣды, а кучку нашу сичевую до основанія раскопать и разорить; сами же вы съ ордами стали было около Сичи, чтобы и духа уходившихъ молодцовъ не упустить. Но ваше намѣреніе и замыселъ Христосъ Богъ и пренікосердичѣйшій нашъ Спаситель обратилъ на благо, а болѣзнь и бѣдствія наши въ болѣзнь и бѣдствія на головы турецкихъ янычаръ. о чемъ ваша ханская мощь хорошо знаетъ. Не предвидя отъ васъ никакого злого умысла и скрытнаго дѣйствія (ибо вы хотѣли дѣйствовать тайно въ отношеніи тѣхъ людей, которые занимаются рыцарскимъ дѣломъ), мы нигдѣ не ожидали васъ, не брали предосторожности и не были готовы къ тому, чтобы дать вамъ отпоръ. Одинъ Господь Богъ Спаситель сохранилъ и защитилъ насъ отъ вашей напасти и нашего крайняго бѣдствія. И такъ какъ вашъ поступокъ огорчилъ насъ и причинилъ намъ, войску запорожскому, досаду, то мы, по примѣру древнихъ предковъ и братьевъ нашихъ, рѣшили постараться за обиду и огорченіе воздать и отомстить нашей ханской мощи и всему ханству равнымъ за равное, но не тайно, какъ вы поступили, а явно, по-рыцарски. И Богъ сердцевѣдецъ за нашу правду помогъ намъ лучше погостить въ нашемъ крымскомъ панствѣ, нежели вамъ въ нашей сичевой кучкѣ. И если та «гостина» наша въ нашемъ панствѣ показалась вамъ «недишкретною», то, быть можетъ, такъ оно и есть, ибо козакъ, какъ не одной матери дѣти, такъ и не одного права: одни стрѣляли направо, другіе налѣво, а третьи прямо, но такъ дѣло, что всѣ въ цѣль попадали. Да и «недишкретѣи» той мы отъ васъ научились, а не сами выдумали, ибо, не принявши насъ за гостей и

добрыхъ кавалеровъ въ самомъ Крыму, ваша ханская мосьць поспѣшили было со своими сильными ордами до Сивашу, къ той самой переправѣ, чрезъ которую мы вошли въ ваше панство; стоя здѣсь и ожидая нашего возвращенія, вы хотѣли насъ истребить, не пустить черезъ переправу. Но и тутъ опять тоже всемогущій Богъ не допустилъ исполниться вашему намѣренію, а намъ за нашу правду явилъ свою милость и далъ возможность восторжествовать надъ вами. И если мы въ этомъ торжествѣ чѣмъ-нибудь обезпечили вашу ханскую мосьць и вамъ показалось что-нибудь съ нашей стороны «неединкретнымъ», то извини насъ на томъ, ваша ханская мосьць; не забывай, однако, что всякая «неединкретція» обыкновенно платится за такую же «неединкретцію». Разумѣется, вашей ханской мосьць ничего подобнаго и не случилось, чтобы наше низовое запорожское войско, въ такомъ маломъ и ничтожномъ числѣ, осмѣлилось наступать войной на знаменитое и многолюдное крымское панство. Но этого и не могло бы быть (конечно, не вслѣдствіе нашей болѣзни, а вслѣдствіе сосѣдственной съ Крымомъ приязни), если бы съ вашей стороны не было подано повода и причинъ для вражды и войны съ нами, запорожскимъ низовымъ войскомъ. Не изволь, ваша ханская мосьць, смотрѣть на сраженіе, какъ на пугало, и насъ, войско запорожское ни во что ставить, а впродъ на насъ открытой войной наступать: въ противномъ же случаѣ, если будемъ наступать иначе, то и мы взаимно, собравшись уже гораздо лучше и въ большей силѣ, явимся въ крымское панство не на сивашскую переправу, а прямо въ самый Перекопъ, выломавъ въ немъ и отворивъ для себя ворота, на что имѣемъ все средства, и до тѣхъ поръ изъ него не выйдемъ, пока, при всемогущей божьей помощи, не увидимъ конца своего дѣла. Ибо если и прежніе отважные кавалеры и мужественные вожди войска запорожскаго, наши предки и славные антецессоры, издавна моремъ и землею воевали Крымъ и царство турецкое, какъ-то: Самусь Кошка, атаманъ и гетманъ кошевой, воевалъ на Черномъ морѣ: послѣ него 1575 года ¹⁾ Богданко вое-

¹⁾ Большая часть годовъ поставлена приблизительно: въ частности относительно похода Богдана Хмельницкаго Костомаровъ отрицаетъ участіе въ этомъ походѣ Хмельницкаго и относитъ его къ 1622 году; Антоновичъ допускаетъ участіе въ этомъ походѣ Хмельницкаго и относитъ его къ августу 1621 года: Богданъ Хмельницкій, Сиб., I, 70; Историческіе дѣятели югозап. Россіи, Кіевъ, 1885, 9.

валъ и разорялъ Крымъ съ козаками; потомъ въ 1616 году ¹⁾ Метро Конашевичъ Сагайдачный, раньше своего гетманства, выплывши съ запорожцами на челнахъ въ вашу Таврику, взялъ въ ней знаменитый и крѣпкій городъ Кафу и счастливо съ большою добычею вернулся въ Сичу; послѣ него въ 1621 году бывший гетманъ Богданъ Хмельницкій, воюя по Черному морю на своихъ моносилахъ, захватилъ много турецкихъ кораблей и каторгъ и благополучно въ Сичь вернулся; потомъ въ 1624 году братія наши запорожцы, съ надежнымъ вождемъ, воюя на челнахъ по Евксинскому морю, мужественно коснулись самыхъ стѣнъ Константинополя и, достаточно окуривши ихъ мушкетнымъ дымомъ, навели превеликій страхъ и смятеніе на султана и на всѣхъ обывателей цареградскихъ и, сжегши нѣкоторыя окрестныя съ Константинополемъ селенія, также счастливо въ Сичь возвратились; въ годъ божіе 1633 Сулима, гетманъ войска запорожскаго, пробравшись въ моносилахъ отъ Сичи по Днѣпру въ Черное море и оттуда черезъ Киммерійскій островъ, выплывши въ Меотическое озеро (Азовское море), взялъ прекрѣпкій турецкій городъ Азыкъ (Азовъ); но хвалебныя и достаточныя изъ всего этого то, что тѣ славныя именитые козацкіе и скинославянскіе вожди наши задавали страхъ не только Царюграду, но и всему царству греческому и первѣйшимъ изъ сосѣдственныхъ народовъ; тутъ они, переплывши Евксинопонтъ, на тысячу миль и больше, кромѣ Константинополя, выстинали и разоряли славныя азіатскіе города Синонь и Трапезонтъ и другіе по тамошнему берегу замки и не только не разъ осмаливали крылья могущественному Бѣлограду, но и Варну, Измаилъ и другія дунайскія крѣпости поразоряли и въ ничто пообращали,—и если этому ваша ханская мощь не повѣришь, то изволь приказать своимъ писарямъ поискать въ крымскихъ и константинопольскихъ лѣтописныхъ книгахъ, и безъ сомнѣнія отыщешь; больше же всего ссылаемся на греческихъ, римскихъ и польскихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ ясно оглашается немерцающая слава козацкая и хвалебныя дѣла воинскія войска запорожскаго. Но всему этому намъ, наслѣдникамъ ихъ (тѣхъ героевъ), кто же можетъ

---

¹⁾ Въ своемъ мѣстѣ было сказано, что взятіе Кафы Сагайдачнымъ Костомаровъ и Кулишъ относятъ къ 1616 году и что послѣдній представилъ неопровержимыя доказательства въ пользу 1616 года.

запретить идти тѣмъ же славнымъ воинскимъ путемъ нашихъ предковъ? И такъ мы, войско запорожское низовое, не желаемъ воевать и быть въ распрѣ съ вашею милостію и со всѣмъ крымскимъ панствомъ; однако, если снова увидимъ съ вашей стороны поводъ къ войнѣ, то мы взаимно не побоимся напасть на крымское панство. А что до того, что нѣкоторые ватаги вашихъ и нашихъ охотникъ молодцовъ, гуляя по широкимъ и дикимъ степямъ, будутъ сходиться и вступать между собою въ борьбу, того намъ и вамъ не слѣдуетъ ставить въ причину великой войны. Не будемъ распространяться больше въ нашемъ письмѣ къ вашей ханской мосці: сообщимъ лишь, что вашихъ крымскихъ невольниковъ, начальныхъ и простыхъ, у насъ въ Кошу найдете еще четыре тысячи. Эти невольники сами, написавъ списокъ своихъ именъ и обозначивши за себя выкупъ, выпросили у насъ, войска, трехъ татаръ и посылають чрезъ нихъ свой списокъ въ руки вашей ханской милости. Если ты изволишь, ваша ханская милость, приказать родственникамъ невольниковъ доставить тотъ выкупъ какъ можно скорѣй и прислать его къ намъ въ Кошъ съ особымъ отъ вашей ханской динкрещи на насъ, войско запорожское, подаркомъ, то мы всѣхъ невольниковъ вашихъ немедленно отпустимъ въ Крымъ. А если же далѣе полтора мѣсяца того выкупа не будетъ, то объявляемъ, что мы отошлемъ всѣхъ невольниковъ до пресвѣтлѣйшаго его царскаго величества, добраго и богатаго государя и добродѣтеля нашего, который несомнѣнно вознаградитъ насъ изъ своей монаршей казны за присылку тѣхъ татаръ. Изложивъ все это, желаемъ вашей ханской мосці добраго здоровья и счастливой жизни. Писанъ въ запорожской Сичи 1675 года, сентября 23 дня. Вашей ясновельможной ханской мосці доброжелательные пріятель Иванъ Сирко, атаманъ коневый со всѣмъ войска низового запорожскаго товариствомъ».

Однако, ненависть мусульманъ къ запорожскимъ козакамъ и всему христіанскому населенію Украины послѣ этого событія такъ сильно возгорѣлась, что турки рѣшились предпринять походъ на запорожскую Сичу и разорить ее до основанія. Существуетъ преданіе, что прежде чѣмъ отправить войска на запорожскую Сичу, турецкій султанъ Мухаммадъ IV послалъ запорожцамъ письмо съ требованіемъ добровольно покориться ему, какъ необходимому рыцарю; на это письмо запорожцы, не стѣняясь въ выраженіяхъ, отвѣтили султану собственнымъ письмомъ, въ которомъ отрицали всякую доблесть

у него и жестоко сміялись надъ кичливостію «непобѣднаго рыцаря». У многихъ любителей южно-русской старины и до сихъ поръ хранятся копіи этого, можетъ быть, мнимаго, но совершенно согласнаго съ духомъ запорожскихъ козаковъ, письма турецкаго султана и курьезнаго отвѣта на него запорожцевъ.

«Султанъ Махмудъ IV запорожскимъ козакамъ. Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, впускъ и намѣстникъ божій, владѣлецъ царствъ—македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, — повѣляю вамъ, запорожскіе козаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и мени гонимыя нападеніями не заставлятъ безпокоить. Султанъ турецкій Махмудъ IV».

«Запорожскіе козаки турецкому султану. Ты—шайтанъ турецкій ¹⁾, проклятого чорта братъ и товарищъ, и самого люційери секретарь! Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидае, а твое вѣско пожираетъ. Не будешь ты годенъ сынѣвъ хрестіаньскихъ надъ собою мати ²⁾; твоего вѣска мы не боимось, землею и водою будемъ бытъци зъ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесникъ, ерусалимскій броварникъ ³⁾, александрійскій козодѣль, Великаго и Малаго Египта свинарь, армянска свиня, татарскій сагайдакъ ⁴⁾, каменецкій катъ ⁵⁾, подолянскій злодѣйка, самого гаспида ⁶⁾ впускъ и всего свиту и индѣмиту блазень ⁷⁾, а нашего Бога дурень, свиняча морда, кобыляча с...а, ризницка собака, некрещеный лобъ, хай бы взявъ тебе чортъ! Оттакъ тоби козаки видказали, плюгавче ⁸⁾! Невгоденъ еси матери вѣрныхъ хрестіанъ! Числа не знаешь, бо календаря не маемъ, мѣсяць у неби, годъ у кнѣзи, а день такий у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось—куды насъ!.. Кошовый атаманъ Иванъ Сирко зо всехъ коштомъ запорожскимъ».

¹⁾ Шайтанъ—чортъ; ²⁾ мати—мать; ³⁾ броварникъ—пивоваръ; ⁴⁾ сагайдакъ—позель; ⁵⁾ наметъ на разореніе султаномъ Каменца-Подольскаго; ⁶⁾ гаспидъ—дьяволъ; ⁷⁾ блазень—глупецъ; ⁸⁾ плюгавецъ—поганецъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Дружба и вражда Самойловича къ Сирку. — Доносы Самойловича на Сирка въ Москву и оправдательное письмо Сирка къ царю. — Сношенія Сирка съ Дорошенкомъ и стараніи его склонить гетмана на сторону Москвы. — Присяга Дорошенка московскому царю. — Присяга запорожцевъ новому царю Федору Алексѣевичу. — Старое дѣло Сирка — просьба о принятіи Дорошенка въ подданство царя. — Страніе Самойловича о разрывѣ дружбы между Дорошенкомъ и Сиркомъ. — Недоразумѣніе между запорожцами и Самойловичемъ. — Инструкціи Самойловича для усмиренія Сирка и Дорошенка и для прибрания къ рукамъ запороженцевъ козаковъ. — Продолженіе сношеній Сирка съ Дорошенкомъ. — Уверки Самойловича Сирку по этому поводу. — Доносъ Самойловича на Сирка въ Москву и оправдательное письмо козаковъ.

Узнавъ о дѣйствіяхъ Сирка противъ татаръ, гетманъ Самойловичъ сталъ показывать ему видимое расположеніе, для чего прислалъ въ Сичъ гостинецъ—хлѣбные запасы, ветчину и вино. Впрочемъ, черезъ 18 лѣтъ послѣ этого запорожцы говорили, что дружеское расположеніе Самойловича къ Сирку вызвано было угрозой со стороны Сирка за отнятыхъ гетманомъ у запорожцевъ пѣшиховъ: «Когда бывшій гетманъ Самойловичъ попробовалъ сдѣлать надъ нами такой подконъ,—писали запорожцы Мазень,—то Сирко написалъ ему, что на него готовится 100.000 сабель, и Самойловичъ, такъ испугался, что тотчасъ прислалъ къ намъ и вина, и ветчины, и всякаго запаса»¹⁾. Такъ или иначе, но Сирко отвѣчалъ гетману благодарственнымъ листомъ за полученный гостинецъ, причемъ высказывалъ полную готовность примириться съ гетманомъ и сообща дѣйствовать противъ наступающихъ непріятелей на благо отчизны и вѣрность царю: «Такъ какъ мы некогда передъ образомъ Христа и Богоматери обязались истинное пріятельство между собой соблюдать, то я всею душою хочу сдержать свое обѣщаніе, хотя злохитрый врагъ постоянно, съ обѣихъ сторонъ, даетъ поводъ къ разрыву той дружбы и добраго союза между нами. Теперь же, когда твои вельможность прислалъ мнѣ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 200.

ласковый листъ съ выраженіемъ дружбы своей ко мнѣ, то я готовъ вспомнить обоюдную клятву нашу передъ святымъ образомъ и призвать на помощь всемогущаго Бога, чтобы онъ продолжилъ згуду между нами на благое дѣло отчизны дорогой». Тутъ же Сирко не забылъ попросить гетмана походатайствовать о немъ передъ царемъ, чтобы царь, видя старость кошевого, позволилъ ему въ собственномъ домѣ жить и отъ всякихъ бѣдъ тѣмъ избавиться ¹⁾).

Но дружба гетмана съ кошевымъ оказалась дружбой двухъ котловъ, посаженныхъ въ одинъ мѣшокъ. Не прошло и двухъ недѣль послѣ обмена письмами гетмана съ кошевымъ, какъ Самойловичъ, узнавъ о сношеніяхъ Сирка съ Дорошенкомъ, снова началъ строчить доносы на кошевого въ Москву, подозревая его въ коварствѣ и въ невѣрности царю. Но Сирко и на этотъ разъ не думалъ объ измѣнѣ ни гетману, ни царю.

«Гетманъ войска запорожскаго Петръ Дорошенко,—писалъ Сирко царю,—отъ давнихъ лѣтъ имѣя подданственное намѣреніе къ пресвѣтлому престолу вашего царскаго величества, не могъ, за многими нѣкоторыхъ завистныхъ людей препономъ, привести его въ совершеніе. Но теперь, желая его совершить, писалъ къ войску низовому, дабы мы для этого добраго дѣла пріѣхали къ нему. Мы, учинивъ раду войсковую общую, рѣшили къ нему идти ²⁾), и какъ скоро подошли къ Чигирину съ войскомъ низовымъ запорожскимъ и частию донского ³⁾), то Дорошенко тотчасъ, въ присутствіи чина духовнаго, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ и со всѣмъ своимъ войскомъ и посполитыми людьми, передъ святымъ евангеліемъ присягнулъ на вѣчное подданство вашему царскому величеству: а мы присягнули ему, что онъ будетъ принятъ вашимъ царскимъ величествомъ въ отеческую милость, останется въ цѣлости и ненарушенъ въ здоровьѣ, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣми товарищами и войскомъ, при милости и при к. мѣнотахъ войсковыхъ, безъ всякой за прошлыя преступленія мести, отъ всѣхъ непріятелей, татаръ, турокъ и ляховъ, будетъ войсками вашего царскаго величества защищенъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 258—260, 374, 288.

²⁾ Выѣздъ съ Фроломъ Минаевымъ, также съ частью калмыковъ: Акты XII, 275.

³⁾ По указанію Величка у Сирка было 1.500 добраго товариства: Лѣтопись, II, 170.

мѣста всѣ запустѣлыя на той (западной) сторонѣ Днѣпра опять людьми населятся и будутъ они вольностями своими тѣшиться и разживаться, какъ и заднѣпровская (восточная) сторона» ¹⁾).

Лѣтописецъ Величко, рассказывая объ этомъ свиданіи Сирка съ Дорошенкомъ почти буква въ букву съ приведеннымъ письмомъ, прибавляетъ къ нему лишь то, что послѣ присяги Дорошенка, Сирко нѣсколько дней гулялъ въ Чигиринѣ, а при отпускѣ получилъ, вмѣстѣ со всѣмъ значнымъ товариществомъ, большіе подарки; кромѣ того, особо для всего войска—три добрыхъ арматы съ конями и со всѣмъ приборомъ ²⁾).

О томъ же писали самъ Сирко ³⁾, Дорошенко и гоголевскій священникъ Исакій гетману Самойловичу, а переяславскій полковникъ Войца-Сербинъ кіевскому воеводѣ Алексѣю Голицыну. Сирко лишь скрылъ то, какъ отнеслось къ нему большинство козаковъ во время пребыванія его въ Чигиринѣ: полтавскій полковникъ Левенецъ сообщалъ по этому поводу гетману, что запорожскіе козаки, разсердившись на коншевого и войскового товарища Квашу, за какую-то казну, чуть не предали ихъ смерти посреди Чигирина; а гадячскій полковникъ Михайловъ сообщалъ гетману, что Сирко едва не былъ убитъ, уже идя назадъ изъ Чигирина, но-первыхъ, за то, что онъ не захватилъ въ свои руки Дорошенка, когда представился такой удобный случай къ тому: во-вторыхъ, за то, что онъ не всѣ взялъ съ собою войсковые клейноты и оставилъ много пушекъ за городомъ; въ-третьихъ, за то, что раньше присяги Дорошенка передъ Сиркомъ, не добѣжая до города, за пять верстъ, гетманъ кланялся Сирку за-урядъ гетманства и булаву ему свою хотѣлъ вручить. Это послѣднее всего больше раздражило козаковъ, и когда Сирко отозвался, что сами же они, позволяя покрыть сырно (т.-е. стол.) знаменами, гетманство ему давали, то козаки ему отвѣчали, что онъ съ гетманомъ что-то губительное выдумалъ для отчизны своей. По всему этому Сирко едва успѣлъ «собственнымъ вымысломъ» уйти отъ озлобленныхъ козаковъ: одинъ гадячскій козакъ рассказывалъ, что Сирко, нагнавъ его, самъ лично, о дву-конѣ, спросилъ, котораго куреня онъ, и узнать, что это городской козакъ, побѣждалъ шля-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 444—446.

²⁾ Величко, Лѣтописецъ, Кіевъ, 1851, II, 370, 371.

³⁾ 12 октября 1675 года: Акты, XII, 273—276, 266, 368.

хомъ отъ него. По догадкамъ козака, Сирко спросилъ о куренѣ потому, что запорожцы хотѣли дѣлать полученную ими водку въ Чигиринѣ по куренямъ, а когда окончился тотъ дѣлежъ, то козаки, перебившись, побили старшину ¹⁾).

Оставивъ Чигиринъ и принявъ отъ Дорошенка присягу на подданство русскому царю, кошевой Сирко въ слѣдъ за тѣмъ разослалъ объ этомъ всѣмъ полковникамъ гетмана Самойловича такіе листы: «Объявляю, что гетманъ Истръ Дорошенко отъ турецкаго султана и крымскаго хана отступилъ и подъ высокодержавную руку царскаго величества поклонился: такъ, извольте междоусобную брань между народамъ христіанскимъ оставить и инымъ заказать, которыхъ много, что общему христіанскому дѣлу не рады: ибо всѣ мы единого Бога созданіе, надобно жить, чтобы Богу было годно и людямъ хваляно, дабы Богъ обратилъ ярость злую на бусурманъ. Всѣмъ людямъ прикажите, чтобы никто не ходилъ на ту сторону обиды дѣлать».

Узнавъ обо всемъ происшедшемъ въ Чигиринѣ, гетманъ Самойловичъ прежде всего написалъ объ этомъ въ Москву царю Алексію Михайловичу, потомъ извѣстилъ «о хитростяхъ и коварствѣхъ Дорошенка и Сирка» всѣхъ полковниковъ и весь малороссійскій народъ; въ тотъ же день (19 декабря) онъ написалъ и кошевому Сирку. Последнему онъ совѣтовалъ внушить Дорошенку, если онъ искренно желаетъ перейти къ царю, пріѣхать въ Батуринъ со старшиной и тамъ, въ присутствіи гетмана и бояръ, присягу на подданство православному монарху установить. Въ это же самое время Самойловичъ писалъ боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву письмо, въ которомъ называлъ Сирка коварнымъ и хитрымъ человекомъ и совѣтовалъ не во всемъ вѣрить черкесскимъ и калмыцкимъ посланцамъ, ѣхавшимъ изъ Сичи въ Москву съ извѣстіемъ о побѣдѣ козаковъ въ Крыму: «Шынѣ уразумѣлъ я, что Сирко подучилъ ихъ такъ, какъ передъ нами и передъ всѣми нашими въ Батуринѣ явно говорили черкесы и калмыки: «намъ говорятъ, съ Москвою трудно ходить, потому что русскіе тяжело ходятъ, пусть съ нами оди козацкія войска ходятъ». «Да и въ дѣлѣ съ Дорошенкомъ ни ему, ни Дорошенку вѣрить нельзя: и турки и татары Дорошенка оставили безъ помощи совѣмъ, гетмановать ему не надъ кѣмъ теперь, потому что отъ Днѣпра до Днѣстра и духа чело-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 326, 287—290, 305.

вѣческаго шѣтъ, кормить войско, вслѣдствіе наступленія зимы, мечѣмъ ему, оттого и придумалъ онъ подданство православному царю, чтобы вновь, съ весной, идти противъ насъ. А Сирко и по прошлымъ дѣламъ извѣстенъ намъ: въ прошломъ году, какъ и теперь, онъ помѣшалъ намъ сдѣлать доброе дѣло и черезъ своихъ посланцевъ Бѣлаго и Кривоноса говорилъ Дорошенку такіа слова: если будетъ на тебя Москва наступать, тотъ часъ войско запорожское къ тебѣ въ помощь придетъ, а клейнотовъ войсковыхъ отнюдь Москвѣ не отдавать».

Тутъ же, къ случаю, гетманъ, черезъ посланца своего доносилъ въ Москву, что въ Чигиринѣ писали Сирку 100 человекъ запорожскихъ черкасъ, зарезанныхъ Ханенкомъ къ польскому королю, вышедшихъ потомъ со знаменемъ и литаврами на лѣвую сторону Днѣпра и поселенныхъ было гетманомъ по разнымъ городамъ. Теперь, послѣ сношенія ихъ съ Сиркомъ, они лишены были своихъ клейнотовъ и разосланы въ дальнія мѣста.

Царь на письмо Самойловича отвѣчалъ грамотой ноября 25 дня на имя гетмана Петра Дорошенка, въ которой приказывалъ ему, если онъ желаетъ поступить въ подданство Москвы, учинить присягу о томъ въ присутствіи боярина Ромодановскаго и гетмана Самойловича: а о клейнотахъ царь написалъ Сирку, чтобы онъ отослалъ ихъ къ гетману въ Батуринъ. О томъ же извѣщены были гетманъ Самойловичъ и бояринъ Ромодановскій.

Получивъ требованіе отъ гетмана и воеводы о приѣздѣ къ нимъ для присяги царю и о привозѣ турецкихъ санджаковъ ¹⁾ съ собой, Дорошенко, боясь за безопасность свою, послалъ къ Сирку спросить совѣта его на этотъ счетъ, отдавать-ли ему санджаки за Днѣпръ или нѣтъ ²⁾.

Въ то же время, не чувствуя за собой никакой передъ царемъ вины, гетманъ Дорошенко отправилъ въ Москву собственнаго посланца Ивана Сенкевича съ подробнымъ изъясненіемъ всего происшедшаго между нимъ и Сиркомъ въ Чигиринѣ. Сенкевичъ, прибывъ въ Москву, разказалъ, что, будучи посланъ отъ Дорошенка, онъ прежде всего явился къ гетману Самойловичу, отъ Самойловича поѣхалъ къ воеводѣ Ромодановскому: выѣхалъ съ 30 запорожскими козаками — Ефсеіемъ

¹⁾ Санджакъ съ турецкаго на русскій значить знамя.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 248, 272, 280, 312, 319 — 321, 324, 329, 337, 355.

Шашоломъ съ товарищами, оставленными Сиркомъ въ Чигиринѣ; гетманъ ихъ не принялъ у себя, а воевода, отпустивъ Сеякевича, задержалъ у себя Шашола съ 30 товарищами; на отпускъ Дорошенко наказалъ посланцу бить челомъ великому государю быти въ вѣчномъ подданствѣ подъ самодержавною рукою у его царскаго пресвѣтлаго величества; а о гетманѣ Самойловичѣ и воеводѣ велѣлъ сказать, что къ нимъ онъ для присяги потому не поѣхалъ, чтобы не случилось того, что случилось съ Брюховецкими и Сомкомъ; оттого, имѣя это опасеніе, онъ написалъ въ Запорожье къ кошевому Ивану Сирку, чтобы онъ пріѣхалъ въ Чигиринъ быть свидѣтелемъ присяги Дорошенка на подданство его царскому величеству; по тому зову кошевой атаманъ, взявъ съ собою около 1.500 запорожскихъ козаковъ, донскаго станичнаго атамана Флора Минаева и 200 человекъ донцевъ, пришелъ и сталъ въ пяти верстахъ, не доходя Чигирина: тогда Дорошенко, съ людьми духовнаго и мірскаго чина и съ малыми дѣтьми, вышелъ Сирку на встрѣчу; не доходя полверсты до города, былъ проѣхтъ молебень за многолѣтнее государское многолѣтіе, послѣ чего Дорошенко, со всею старшиною и посольствомъ, въ присутствіи Сирка, Минаева и всего войска, принесъ присягу предъ святымъ евангеліемъ на вѣрное и вѣчное подданство его царскому величеству, и всеѣ клейноты войсковые поручилъ Сирку и войску; послѣ той присяги чинили стрѣльбу изъ пушекъ и изъ мелкихъ ружей почти весь день; пріѣхавъ въ самый городъ, Сирко и Минаевъ обѣдали у Дорошенка; послѣ того прожили они въ Чигиринѣ 13 дней; оставивъ въ Чигиринѣ вышеупомянутыхъ запорожцевъ съ Евсеіемъ Шашоломъ во главѣ, числомъ 30 человекъ, да донскихъ козаковъ 3 человека и взявъ съ собою клейноты—булаву, знамя, 6 пушекъ полковыхъ, да двѣ бочки пороху, ушли въ Запорожье, а объ остальныхъ клейнотахъ сказали ему, чтобы онъ берегъ ихъ до весны и до царскаго указа; да онъ же Сирко велѣлъ ему, Дорошенку, писать себя попрежнему гетманомъ, до царскаго указа ¹⁾).

Само собою разумѣется, что поступокъ Сирка и Дорошенка не могъ понравиться царю, и потому царь на донесеніе Дорошенка и Сирка отвѣчалъ кошевому такъ: «Ты сдѣлалъ это не по нашему указу, не давши знать князю Ромодановскому и гетману

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 372, 305.

Самойловичу: и впредь бы тебѣ и всему войску запорожскому низовому съ Дорошенкомъ не ссылаться и къ дѣла его не вступаться, и тѣмъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ не ссориться. Да намъ извѣстно, что ты взялъ у Дорошенка клейноты войсковые гетманскіе, данные нами прежде гетманамъ, булаву, бунчукъ, знамя, и отвезъ ихъ къ себѣ на Запорожье, и теперь эти клейноты у тебя: и ты-бъ сейчасъ же отослалъ ихъ къ князю Ромодановскому и гетману, потому что прежде на Запорожьѣ никогда гетманскихъ клейнотовъ не бывало». Въѣхавъ съ этимъ отвѣтомъ Дорошенку и Сирку послана была царская грамота для вѣдома и гетману Ивану Самойловичу. По той грамотѣ гетманъ послалъ кошевому письмо, въ которомъ упрекалъ его за то, что онъ писалъ листы свои къ полковникамъ Самойловича объ отпаденіи Дорошенка отъ турецкаго султана и крымскаго хана, и что онъ съ такимъ, какъ Дорошенко, обманчивымъ человекомъ, отдавшимъ столько людей туркамъ и татарамъ изъ своихъ рукъ, въ дружбу вступилъ; а въ заключеніе совѣтовалъ Сирку не приставать къ развращенному Дорошенкову расколу, не посылать листовъ къ гетманскимъ полковникамъ и не утверждать Дорошенка на гетманствѣ ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе Сирко и послѣ всего этого не переставалъ просить царя (черезъ посланца своего Максима Щербака) оказать премногую свою милосердную милость гетману Дорошенку, причемъ извѣщаль государя, что турецкіе санджаки, дарованные Дорошенку султаномъ, Сирко посылаетъ въ Москву. На листъ кошевого царь Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ грамотой Дорошенку, въ которой приказывалъ гетману ѣхать къ Ромодановскому и Самойловичу и въ присутствіи ихъ учинить присягу, а о безопасности его со стороны боярина и гетмана царь приказалъ послать ²⁾ особля грамоты какъ Самойловичу, такъ и самому Дорошенку ³⁾. Въ грамотахъ было сказано, что если Дорошенко окажется по истинѣ вѣрнымъ царю, то о прежнихъ дѣлахъ его будетъ забыто все; а пожелаетъ онъ со всѣми родственниками пріѣхать въ Москву, то получитъ тамъ премногую милость и жалованье и будетъ отпущенъ, по желанію, въ одинъ изъ малороссійскихъ городовъ.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 393—398.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 398, 401, 464.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 444—446, 462.

Въ то время, когда Сирко такъ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы склонить Дорошенка на сторону московскаго царя, въ это самое время польскій король Янъ III Собѣскій хлопоталъ о томъ, чтобы склонить на свою сторону и привести къ подданству королевскаго величества самого Сирка. Съ этою цѣлью къ Сирку посланъ былъ, декабря 23 дня, изъ мѣстечка Жолквы королевскій посолъ Соколовскій ¹⁾).

Между тѣмъ объ отпаденіи Дорошенка отъ турокъ тотъ же часъ узналъ султанъ; узналъ онъ и о томъ, что виною всему тому кошевой Сирко, и потому рѣшилъ обоимъ имъ отомстить: «Увѣдавъ про то, что Дорошенко турецкому султану извѣстия, онъ велѣлъ крымскому хану быть готову и идти, какъ спѣтъ сойдеть и вода прекрестя, на Дорошенка и на Сирка. Да турецкій же султанъ хочетъ послать нынѣшнюю весною на Сѣчу на Сирка, сухимъ и воднымъ путемъ, ратныхъ людей, чтобъ въ Сѣчѣ городъ поставить для того, дабы запорожскіе козаки впредь на море не выходили и имъ, туркамъ, разореніе не чинили» ²⁾).

Но пока турки готовились къ походу противъ Сирка и Дорошенка, въ это время, а именно января 30 дня, 1676 года, въ Москвѣ скончался царь Алексѣй Михайловичъ, и запорожцы должны были присягать новому царю Ѳеодору Алексѣевичу съ его братьями, Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, за что кошевому и всему войску запорожскому обѣщано было держать ихъ на жалованьи, призерѣніи и оборонѣ отъ всѣхъ враговъ и не нарушать правъ на вольности ни въ чемъ. «Великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, его царскаго величества, подданные войска запорожскаго низового, азъ кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко и будущіе при немъ судья, писарь, асаулы, атаманы куренные и всѣ старшіе и меньшіе войска запорожскаго послыство обѣщаемся Господу Богу предъ святымъ евангеліемъ, по непорочнои заповѣди Его, якожъ въ семъ святомъ евангеліи указася, еже ей-ей, на томъ служить великому государю царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и его государскимъ наследникамъ и матери его великой государыни царицы и великой княгини Паталіи Кирилловны и братьямъ его».

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 420.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 417.

Присягая на вѣрность новому русскому царю, Сирко принесъ ему старое дѣло свое о подданствѣ Дорошенка Москвѣ. Дорошенко все еще оставался въ Чигиринѣ, говоря, что Чигирину, согласно пословицѣ «гдѣ булава — тамъ и голова» — невозможно безъ гетмана быть. Гетманъ Самойловичъ, приписывая все бѣдствія на Украинѣ не кому иному, какъ Дорошенку, по вступленіи на престолъ царя Θεодора Алексѣевича, началъ писать письма въ Москву на своего противника, будто бы онъ орды крымскія и бѣлгородскія въ рейментъ его тогобочный вторгаетъ. Узнавъ о томъ, Дорошенко, снимая съ себя всякую вину за бѣдствія на Украинѣ, написалъ (марта 21 дня 1676 года) Сирку и запорожцамъ письмо, въ которомъ краснорѣчиво и прочувствованно изобразилъ бѣдствія отцизны отъ нашествія мусульманъ на Украину и причиной всехъ несчастій выставилъ «Сарданапала» Самойловича, который «гетмановать любитъ, а изъ перинъ делѣкатныхъ, якъ шуръ выльзти и взяться за оружіе до обороны отцизны отъ воюють крымскихъ, не хочетъ». Сирко, получивъ письмо Дорошенка, велѣлъ созвать со всехъ луговъ и вѣтокъ дѣгирowychъ низовое запорожское войско, учинить раду войсковую и на ней прочитать гетманскій листъ. Во время чтенія листа «мало не все запорожцы плакали, на несчастіе унацлой отцизны своей малороссійской тогобочной съ болѣзненными сердцами выдыхали». На скорѣйшій листъ Дорошенка запорожцы отвѣчали своимъ листомъ, въ которомъ совершенно соглашались съ гетманомъ, что Самойловичъ дѣйствительно затѣялъ «душевредное» дѣло и совѣтовали ему защищаться всеми мѣрами противъ лѣвобережнаго гетмана, обѣщая съ своей стороны помощь въ его борьбѣ¹⁾. После этого дружественныя отношенія между Сиркомъ и Дорошенкомъ еще болѣе тѣсно укрѣпились. Поддерживая во всемъ Дорошенка, Сирко въ концѣ мѣсяца февраля послалъ къ нему двѣнадцать человекъ козаковъ и черезъ нихъ писалъ, чтобы онъ у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ былъ, но въ Москву изъ Чигирина безъ войсковой рады не ходилъ, а радѣ подъ Переяславомъ быть, и на ту раду ѣхать какъ Дорошенку, такъ и Самойловичу, о чемъ онъ, Сирко, великому государю имѣетъ писать²⁾.

Такъ доносилъ Самойловичу гоголевскій священникъ Исакій,

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 390—396.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 477, 489, 513.

и Самойловичъ платилъ сторицею за то Сирку. Прежде всего онъ отправилъ въ Запорожье къ Ивану Сирку Карпа Надточія съ увѣщательнымъ письмомъ отстать отъ Дорошенка, клеветы возвратить, смугъ на Украинѣ не заводить и о выборѣ новаго гетмана не думать. Карпъ Надточій, пріѣхавъ января 12 дня, къ вечеру, въ Сичу, на другой день, когда только стало свѣтать и когда запорожское войско, по обычаю своему, собралось на войсковую раду, явился къ Сирку, еще не выходившему къ войску, въ его куренъ, поклонился кошевому и подалъ ему гетманскій листъ. Вместе съ Надточіемъ вошли въ куренъ Сирка Луцкыи и какой-то русскій человѣкъ, по имени Иванъ Ивановичъ, подавшій Сирку грамоту князя Ромодановскаго съ наказомъ ему явиться къ боярину и жить въ своемъ дому въ слободской Украинѣ. Сирко тѣхъ листовъ и грамоты въ куренѣ не принялъ, а взялъ ихъ по выходѣ на площадь къ козакамъ. На радѣ сперва прочтены были грамоты царя, а потомъ — листъ гетмана Ивана Самойловича. Не дослушавъ и половины того гетманскаго листа, войско стало кричать, что армятъ, взятыхъ отъ Дорошенка, оно не выдастъ и что гетману прилично было бы еще нѣсколько новыхъ въ Сичу прислать, а не то, чтобы прежнія отбирать. Послѣ этихъ словъ говорилъ къ козакамъ Надточій: «Не хорошее вы, господа братія, сдѣлали постановленіе на весну раду созывать и новаго гетмана избирать. Вѣдайте, что на то не будетъ воли государя, чтобы вамъ, помимо Ивана Самойловича, кого другого можно было въ гетманы выбрать, потому что вы и безъ того, являясь въ города, большое смятеніе производите». Выслушавъ ту рѣчь Надточія, два козака мынастовскаго куреня поддержали его: «То правду говорить Карпъ, потому что, выбравъ гетмана промежь себя, мы, позволяя людямъ, живущимъ въ городахъ, всякія пакости, нестерпимыя обиды и шарпанины, до цущаго разоренія и опустошенія Украину приведемъ». Когда послѣ таковойрѣчи рада разошлась, то во всѣхъ куреняхъ атаманы и знатное товариство стали говорить такіа рѣчи: «Если гетманъ задумаетъ задерживать запасы, ватаги и охочее войско, идущее въ Сичъ, то мы найдемъ себѣ иного царя, который неподалеку отъ насъ, и сдѣлаемъ всю сторону Украины, находящуюся подъ рукою царя, также пустою, какъ гетманъ и бояринъ Дорошенкоу сдѣлали». Самъ Сирко въ своемъ куренѣ велъ въ томъ же духѣ рѣчь: «Пусть гетманъ, идущихъ на Запорожье ватагъ и охочихъ

войскъ не задерживаетъ, въ противномъ случаѣ мы знаемъ, что намъ предпринять. А что въ грамотѣ царскаго величества повелѣно было мнѣ въ домъ и къ боярину ѣхать, того я ни въ коемъ случаѣ не исполню, ибо знаю, что меня опять хотятъ уловить и въ соборы запровадить; довольно ужъ и того, что было, — болыне не поѣду». И потому, ходя по куренямъ, онъ наговаривалъ войску, чтобъ государю отписало, будто все войско не пожелало къ боярину его отпустить ¹⁾. Въ февралѣ гетманъ Самойловичъ писалъ царю, что готовъ ему, какъ и блаженной памяти отцу его, вѣрно служить и невѣрныхъ бить, но чтобъ только не было препоны въ томъ отъ Дорошенка и Сирка, и чтобъ государь своими государскими грамотами, а бояринъ своими напоминательными листами Сирка и Дорошенка отъ непостоянства удержали, да чтобъ Сирко до боярина, ради совѣта о крымскихъ промыслахъ, изъ Запорожья въ Курскъ пріѣзжалъ, а къ Сирку на Запорожье и запасы и охотныхъ людей пропускать заказалъ, а также своевольные рады въ городахъ созывать и гетмановъ выбирать воспретилъ ²⁾. Тутъ же Самойловичъ извѣщалъ, что на посланный имъ черезъ козакъ Карпа Надточія къ Сирку листъ, вмѣсто Сирка, отвѣчали куренные запороженіе атаманы, доказывавшіе ему, что напрасно онъ, гетманъ, ихъ разными способами поносить, такъ какъ они съ тѣмъ Дорошенкомъ часть гордости турку сложили и половину бѣдной отчины изъ рукъ его вырвали, а самъ онъ, гетманъ, имѣя болыне, чѣмъ нужно войска, ни Дорошенка въ бѣдѣ не вызволилъ, ни несчастнымъ лодыженцамъ и уманцамъ противъ татаръ и турокъ помощи не оказалъ. Напрасно онъ, гетманъ, также и о клейнотахъ говорить, будто имъ не надлежитъ на Кошѣ быть: какъ начало козачества у Днѣпра стало и какъ здѣсь первые гетманы жилили, то сюда и клейноты государями даваны, а послѣ ужъ, въ новомъ Запорожьѣ и въ новыя времена, вслѣдствіе нестройства отчины, тѣ клейноты на необыкнныя мѣста съ мѣста на мѣсто переноситься стали, такъ же какъ и рады, для которыхъ особое мѣсто, Росава, есть, которыя теперь въ Стародубѣ забрали. Напрасно также гетманъ упрекаетъ запороженцевъ и въ самовольномъ поведеніи ихъ: доброе дѣло, никого не спрашивая, нужно дѣлать, да и возможно-ли за много

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 548—550.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 516, 515, 546.

верстѣ постоянно спрашивать гетмана обо всемъ? Также нельзя требовать отъ запорожцевъ отчета въ дѣлахъ ихъ, когда они и славу, и продовольствіе, и кормъ—все привыкли самоналами да саблями себѣ добывать, съ опасностію за свою жизнь работать за всѣхъ, и не будь ихъ вовсе, то давно бы уже среди отчизны козацкой кочевница татарскія завелась. Напрасно, наконецъ, упрекая запорожцевъ въ неповиновеніи волѣ своей, онъ забываетъ, что самъ не исполняетъ воли царской: государь пожаловалъ запорожцевъ Переволочанскимъ перевозомъ, а гетманъ спряталъ царскую грамоту на то пожалованіе у себя ¹⁾.

Получивъ и прочитавъ письмо, писанное куренными атаманами, гетманъ Самойловичъ отвѣтилъ Сирку оправдательнымъ листомъ отъ изводимыхъ на него обвиненій и, указавъ на вредныя поступки Дорошенка, снова напоминалъ кошевому о необходимости быть вѣрнымъ русскому государю и послушнымъ ему, гетману ²⁾, а въ слѣдъ за этимъ отправилъ въ Москву, черезъ своихъ посланцевъ, Леонтія Полуботка и Карпа Надточія, цѣлую инструкцію о томъ, какъ устроить собраніе своевольныхъ радъ, затѣваемыхъ Дорошенкомъ и Сиркомъ, какъ успокоить Украину и прибрать къ рукамъ запорожескихъ козаковъ. Для этого нужно: во-первыхъ, отправить къ Сирку посла ³⁾ и привести кошевого къ присягѣ на вѣрность русскому царю; во-вторыхъ, заказать Сирку, чтобы онъ только въ своемъ урядѣ, въ низовомъ Конгѣ, пребывалъ и свой порядкомъ остерегалъ, а на малороссійскіе города не дерзалъ и своихъ запорожцевъ не пускалъ; въ-третьихъ, въ случаѣ непослушанія Сирка, объявить грамотой ему, что гетманъ всѣхъ своевольныхъ, вышедшихъ въ города, запорожескихъ козаковъ будетъ хватать и какъ бѣглецовъ казнить ⁴⁾.

Инструкція гетмана была принята и одобрена царемъ: изъ Москвы посланъ былъ царскій указъ Сирку о томъ, чтобы онъ, помня свою клятву, данную въ Москвѣ, подущеній Дорошенковыхъ не слушалъ и отъ своевольныхъ радъ своевольныхъ людей всякими мѣрами, промысломъ и радѣніемъ своимъ удерживалъ; запорожцамъ ходить въ города не позволялъ, а вслѣдствіи старался надъ непріятелями промыслъ чинить и вѣрно царскому величеству

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 522—527.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 590.

³⁾ Названъ былъ, въ качествѣ посла, стряпчій Иванъ Протасьевъ.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 545—562.

служить, за что царь жаловалъ козакамъ 500 червонцевъ, 150 половинокъ суконъ и 50 пудовъ свинцу, зелья тожь: а на случай своевольства и бунтовъ ихъ въ малороссійскихъ городахъ объявлялъ, что ихъ будутъ бояринъ и гетманъ по войсковымъ правамъ унимать. Въ одинъ и тотъ же день съ такимъ же распоряженіемъ о запорожскихъ козакахъ посланъ былъ указъ и гетману обоихъ сторонъ Дибира Ивану Самойловичу ¹⁾.

Но Сирко, ведя переговоры съ Дорошенкомъ, вовсе не имѣлъ, однако, мысли о томъ, чтобы мириться съ мусульманами; напротивъ того: склоняя всѣми силами Дорошенка на сторону московскаго царя, онъ съ тѣмъ имѣлъ не упускалъ случая, чтобы причинить вредъ врагамъ Христа. Тамъ, когда въ началѣ марта 1676 года татары появились въ сосѣдствѣ съ польско-русскими областями (Волыни и Подоліи) и стали разорять тамъ города, села и деревни, хватать жителей и уводить въ плѣнъ, то Сирко три раза разбивалъ татаръ, каждый разъ отнимая у нихъ несчастныхъ плѣнниковъ и возвращая всѣмъ имъ свободу ²⁾.

Такія дѣйствія ни Сирко, ни Дорошенко не считали, однако, поводомъ къ обоюдной враждѣ, и сношенія между ними попрежнему продолжались, о чемъ сторонники Самойловича старались сообщать ему со всею подробностью. Такъ, марта 15 дня, ставискій протопопъ Иванъ Дзена извѣщалъ гетмана, что Сирко прислалъ въ Чигиринъ къ Дорошенку своихъ посланцевъ, черезъ которыхъ приглашалъ его ѣхать въ Запорожье, а войсковыхъ клейнотовъ гетману Самойловичу не отдавать, потому что Самойловичъ выбралъ гетманомъ на переяславской сторонѣ, гдѣ запорожскихъ старшинъ и старшинъ другихъ козаковъ не было и гдѣ радѣ быть вовсе не подобаешь, а подобаешь ей быть въ урочищѣ Росавѣ. Тѣмъ посланцамъ Дорошенко сказалъ, что не можетъ поѣхать въ Сичъ единственно потому, чтобъ кто другой не завладелъ городомъ Чигириномъ. О сношеніяхъ Сирка съ Дорошенкомъ доносилъ гетману и переяславскій полковникъ Войца-Сербинъ ³⁾. Самъ Дорошенко, чувствуя за собой силу въ связи съ Сиркомъ, открыто высказывался противъ гетмана. «Нѣю на томъ, что мнѣ не отдавать булавы Ивану Самойловичу, силою у меня

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 537, 559.

²⁾ Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 204.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 562, 565, 575.

Ивану Самойловичу булавы не взяты!» говорилъ онъ на обѣдѣ, въ присутствіи посланца князя Ромодановскаго, Горяинова. «Не выйдите меня, какъ донцы Стеньку Разина выдали; пусть донцы выдаютъ, а вы не выдавайте!» сказалъ Дорошенко сидѣвшимъ тутъ же, за столомъ, посланцамъ Сирка. «Не выдадимъ!» отвѣчали запорожцы.

Для того, чтобы укротить Сирка и расположить его къ Москвѣ, царь нашелъ нужнымъ смирить прежде всего Дорошенка. Къ Дорошенку посланъ былъ сперва стольникъ Деремонтовъ, а потомъ противъ него пошелъ съ семью полками самъ гетманъ Самойловичъ. Переправившись за Днѣпръ, Самойловичъ отправилъ къ Дорошенку черниговскаго полковника Василя Бурковского съ порученіемъ передать ему приказаніе государя сложить съ себя начальство и принести присягу русскому царю. На это приказаніе заднѣпровскій гетманъ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на то, что онъ не можетъ ничего дѣлать безъ согласія всего запорожскаго дзюзового войска. Послѣ этого одинъ изъ полковниковъ Дорошенка, съѣхавшись тайно съ Бурковскимъ, сказалъ ему, чтобы онъ отнюдь не вѣрилъ Дорошенку, потому что онъ сносится съ Крымомъ и съ Запорожьемъ ¹⁾. Обо всемъ этомъ Самойловичъ донесъ особой грамотой царю и спрашивалъ у него совѣта, какъ поступить съ коварнымъ гетманомъ. Вопреки ожиданіи гетмана, царь, вѣроятно, не желавшій имѣть дѣла ни съ Крымомъ, ни съ Запорожьемъ, приказалъ дѣйствовать въ отношеніи Дорошенка не оружіемъ, а словомъ: задоровъ съ нимъ не чинить, а всѣми мѣрами къ переходу на царскую сторону склонять. Подучивъ такой отвѣтъ, Самойловичъ впалъ въ сильное безпокойство, особенно въ виду слуховъ о новой затѣѣ Дорошенка собрать черную («черневую») раду для выбора гетмана обоимъ сторонамъ Днѣпра ²⁾.

Кромѣ Дорошенка, не мало безпокоилъ гетмана и кошевой Сирко: Сирко явно игнорировалъ Самойловича и выказывалъ ему открытую вражду. Для того, чтобы смирить Сирка, Самойловичъ отправилъ къ нему съ увѣщательнымъ листомъ войскового канцеляриста Василя Романовскаго; вмѣстѣ съ Романовскимъ ѣхали въ Сичь стряпчій Иванъ Протасевъ, жилецъ Василій Перхуровъ ³⁾ и слуга Квит-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 596—602, 604.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 602, 610, 622.

³⁾ Московскіе люди везли запорожцамъ жалованье.

ковскій. Романовскій привезъ Сирку увѣщательный листъ не отрываться отъ подданства христіанскаго монарха и не склоняться на сторону турецкаго султана и крымскаго хана. Сирко, принявъ и выслушавъ листъ, сталъ упрекать гетмана за то, что онъ запасовъ въ Запорожьѣ никакихъ не пускаетъ, а запорожская чернь въ это самое время кричала и всякія поносныя слова про гетмана говорила. На другой день (дѣло происходило въ концѣ апрѣля мѣсяца) послѣ этого Сирко, сильно подвыпившій, призвалъ къ себѣ въ курень Василія Романовскаго, схватилъ его за грудь, требовалъ у козаковъ подать ему саблю и въ сильномъ гнѣвѣ говорилъ: «Знаешь-ли ты, что я тебѣ голову могу отсѣчь? Узнаетъ тогда твой гетманъ, какъ я отъ Стародуба зайду и начну оттуда его бить! Хотя я и присягнулъ русскому царю, но только дѣдичнаго государя польскаго не оставляю!» Досталось отъ Сирки и слугѣ гетмана, Квитковскому: этого Сирко за волосы и дралъ и билъ и тутъ же про гетмана поносныя слова говорилъ. Ругая гетмана, Сирко говорилъ: «Какъ гетманъ Иванъ Самойловичъ придетъ къ намъ на Запорожьѣ и войску поклонится, то будетъ гетманомъ, а не придетъ къ намъ Самойловичъ, придетъ Дорошенко къ намъ, и гетманомъ Дорошенко будетъ». Отправляя посланцевъ гетмана изъ Сичи, кошевой Сирко вмѣстѣ съ ними послалъ гетману свой листъ (марта 22 дня), въ которомъ, благодаря царя за присланную съ Перхуровымъ войску казну, посылалъ Самойловичу упрекъ за его «ненужное» увѣщаніе козаковъ отъ христіанскаго монарха отрываться (того и надежды на то никогда не будетъ) и къ невѣждѣ склоняться, а также за то, что онъ царскихъ указовъ не исполняетъ: царскаго борошна въ Сичь не посылаетъ, ватагамъ съ кормомъ ходить забороняетъ, залоги, чтобъ на Кошъ ни одного человека не пустить, по крайнимъ дѣлпровымъ городамъ учиняетъ; оттого «козаки, нисколько не жмури своихъ очей передъ гетманомъ, а даже, напротивъ того, проглядѣвъ всѣ очи свои, до сихъ поръ не получили отъ него и самой ничтожной милости». О клеветахъ Сирко въ листѣ писалъ, что гетманъ получитъ ихъ тогда, когда, сойдясь съ Дорошенко, ради предстоящей съ Крымомъ войны, «случится» съ запорожцами ¹⁾).

Разумѣется, гетманъ обо всемъ происшедшемъ въ Сичи и въ городѣ Чигиринѣ немедленно донесъ въ Москву. Но въ ту же Москву

¹⁾ Акты южной и западной Россіи XII, 632—636.

пошла жалоба и отъ Сирка на гетмана. Сирко жаловался на Самойловича за то, что онъ удержалъ у себя грамоту царя Алексѣя Михайловича на пожалованіе кошевому мѣстечка Келеберды, а запорожскому войску—Переволочанскаго перевоза и въ полтавскомъ полку мельницъ; за то, что онъ велѣлъ выбить запорожское войсковое съ коньми товариство изъ городовъ и запретилъ батагамъ ходить съ хлѣбными запасами въ Запороги. Царь и на донесеніе гетмана, и на жалобу Сирка отвѣчалъ одною грамотой, мая 14 дня, на имя Самойловича, отославъ вмѣстѣ съ грамотой и самыя листы кошевого съ приказаніемъ объявить Сирку, что всѣ жалобы его на гетмана и впредь будутъ отсылаться гетману же. Тутъ же приказано было объявить Сирку съ войскомъ, что грамоты блаженной памяти царя Алексѣя Михайловича о дачѣ Келеберды и Переволочанскаго перевоза не приведены въ исполненіе потому, что просьба, поданная объ этомъ царю, послана безъ вѣдома гетмана, да и впредь запорожцы не должны ни о чемъ просить царя, не предваривъ о томъ гетмана. Кошевому приказано было для жительства его съ женой, вмѣсто Келеберды, слободу Мереосу предложить, гдѣ онъ «напередъ сего жилъ», а о Келебердѣ ему вовсе забыть: «Мы, великій государь, указали, по прежнему нашего царскаго величества указу, каковъ послакъ тебѣ апрѣля 14 числа (1676), по твоему челобитію, кошевому атаману Ивану Сѣрку и войску низовому запорожскому въ томъ во всемъ отказать, потому изстари никогда того не бывало, чтобъ войско низовое запорожское, для прокормленія, въ городахъ чѣмъ владѣли... Только-бы батаги тебѣ, гетману, къ нимъ на Коню съ хлѣбными запасами отпускатъ поволить, чтобъ задержаніемъ запасовъ ихъ, запорожцевъ, отъ нашихъ государскія милости не отлучить»¹⁾.

Между тѣмъ сношенія Сирка съ Дорошенкомъ не прекращались, о чемъ усердно доносили гетману его сторонники. Такъ, въ самомъ концѣ мѣсяца мая гетманъ извѣщенъ былъ, что Дорошенко прислалъ въ Сичу на волахъ 40 полтей вѣтчины, 4 бочки вина, 1 возъ табаку, и все то, вмѣстѣ съ волами, отдать войску²⁾. Тутъ же увѣдомленъ былъ гетманъ, что Сирко съ Дорошенкомъ имѣетъ постановить миръ, для чего хочетъ собрать раду въ городѣ Крюковѣ, подѣ Крыловомъ. Въ самомъ концѣ іюня гетману

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 641—647.

²⁾ По Самовидцу, живность, горилку, тютюнъ и деньги: Лѣтопись, 128.

доносили, что запорожское войско требовало Дорошенка къ себѣ въ Кошъ съ войсковыми клейнотами, а самъ кошевой Сирко словесно подъ строгимъ секретомъ передавалъ черезъ человека Дорошенку, чтобы онъ, не смотря на просьбу войска, отнюдь въ Запорожье не шель, сидѣлъ бы спокойно въ Чигиринѣ и ни гетману и ни боярину отнюдь, если желаетъ быть живымъ, не сдавался. Въ этомъ, кромѣ Сирка, поддерживалъ Дорошенка и иѣжикскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, лишенный многихъ мѣстностей черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановскимъ, съ согласія гетмана Ивана Самойловича ¹⁾.

Самъ же Сирко, не переставая сноситься съ Дорошенкомъ, попрежнему увѣрялъ, что онъ далекъ отъ всякой мысли вступать въ переговоры съ турками и татарами. Такъ, іюля 14 дня онъ послалъ письмо князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому по поводу выкупа изъ плѣна его сына, Андрея, и сына Скуратова, Александра, и въ этомъ письмѣ говорилось слѣдующее: «Послали мы о выкупѣ или о размѣнѣ за турковъ, 8 человекъ, которые взяты были нашимъ товариствомъ и которые хотѣли за себя дать деньгами 5.000 или же вмѣсто денегъ прислать сына твоей княжеской милости или окольного Петра Скуратова; но та ихъ рѣчь не пришла въ совершенье: тѣ 8 человекъ турковъ за двѣ тысячи въ одкупъ пошли. Листы отъ твоей княжеской милости, писанные въ Крымъ къ князю Андрею Григорьевичу и отъ Скуратова къ сыну его Александру, мы добрыми посланцами послали, но на то отвѣта никакого не имѣемъ, и какой будетъ на то отвѣтъ, извѣстить не замедлимъ. А что при нынѣшнемъ выкупѣ, по давнимъ войсковымъ обычаямъ, какъ и на Дону бываеетъ, мы вступили въ дружбу съ городчанами и очаковцами до святаго архистратига Михаила, то сдѣлали это для того (а не для иного чего, храни Боже), дабы имѣть вольный для войска проходъ на Низъ за солью и за иными промыслами. А о хановомъ походѣ твоей княжеской милости чинимъ, что стоитъ онъ со всеми силами у Капачака».

Однако, ни князь, ни гетманъ, ни его сторонники не вѣрили такому заявленію Сирка. Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ Самойловичъ получилъ извѣстіе изъ Жовнина, что крымскій ханъ съ сильными ордами стоитъ на рѣчкѣ Изгубѣ, у Бѣлыхъ-Колодезей, и ждетъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 655, 661, 774.

къ себѣ кошевого Сирка съ войскомъ, и коль скоро Сирко придетъ, то союзники двинутся къ Чигирину, а изъ Чигирина Сирко пойдетъ лѣвою стороною Днѣпра, а Дорошенко правую на Украину. Впрочемъ, скоро оказалось, что къ Чигирину, выѣстѣ съ татарами, пошла только часть запорожцевъ, самъ же Сирко туда не пошелъ и оставался въ Сичи ¹⁾.

Въ это же время на Сирка жаловались во Львовѣ поляки посланцу гетмана Самойловича, Борису Моршневскому. Они говорили, что Сирко, взявъ перемиріе съ крымцами, большое число орды въ Польшу тѣмъ пропустилъ, потому что крымцы, не имѣя опасенія со стороны Сирка, свободно шли изъ Крыма и большія бѣдствія причинили Польшѣ. Но тутъ же гетманскій посланецъ узналъ, что Сирко, неизвѣстно для чего, прислалъ пословъ, 50 человекъ, къ польскому королю; королевское величество пожаловалъ тѣхъ пословъ 20 рублями на человека и отослалъ ихъ къ корошному гетману во Львовъ; во Львовѣ имъ дано корму по 6 рублей, послѣ чего они, безъ писемъ, безъ подводъ и безъ подорожнаго листа, уѣхали назадъ. Тѣ посланцы просили Бориса Моршневаго и его товарищей взять ихъ съ собой, но послѣдніе отказались отъ нихъ ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 682, 698, 701, 718.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 829, 832.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Окончательная развязка съ Дорошенкомъ. — Походъ Сирка противъ татаръ. — Первый походъ турокъ подъ Чигиринъ. — Исканіе дружбы у Сирка со стороны царя, султана и хана. — Сношеніе Сирка съ Юріемъ Хмельницкимъ. — Прибытіе въ Сичу царскихъ пословъ Перхурова и Караничева. — Переписка Сирка съ Самойловичемъ. — Бѣгство турокъ и татаръ изъ-подъ Чигирина. — Уклоненіе Сирка отъ похода къ Чигирину и ускорительное письмо по этому поводу гетмана кошовому. — Приѣздъ царскаго посла въ Сичу съ разсирочью о причинахъ уклоненія Сирка отъ похода. — Отвѣтъ на этотъ запросъ Сирка и запорожцевъ. — Возвращеніе посла въ Москву и разсказъ его о замыслахъ и дѣйствіяхъ запорожцевъ.

Тревожное состояніе умовъ въ правобережной Украинѣ и недобрыя вѣсти изъ Константинополя въ Москву относительно видовъ турецкаго султана на Россію, заставили царя снова взяться за Дорошенка и такъ или иначе покончить съ нимъ. Противъ Дорошенка, по царскому указу, двинуты были вторично къ Днѣпру русскія, подъ начальствомъ Ромодановскаго, и козацкія войска, подъ начальствомъ Самойловича. На этотъ разъ дѣло уладилось и очень мирно и очень скоро: Дорошенко, послѣ небольшого колебанія, сдѣлся союзникомъ, сложилъ передъ ними войсковыя клейноты и открылъ Чигиринъ для вступленія русскихъ и козацкихъ войскъ. При разспросѣ Дорошенка относительно замысловъ турокъ и татаръ онъ, между другими статьями, показалъ, что турки, собираясь идти на Украину, имѣли намѣреніе построить въ Запорожьи свои города: въ Сичѣ на Чортомлыкѣ, у Хортицы, въ узкомъ Днѣпрѣ, и въ Кодакѣ, на правомъ берегу Днѣпра, откуда можно всей Украиной управлять ¹⁾.

Прибравъ къ рукамъ гетмана Дорошенка, московскій царь поспѣшилъ извѣстить о томъ польскаго короля, но польскій король не могъ извлечь для себя никакой выгоды отъ этого. Стѣсненный сильно турецко-татарскою арміею въ лагерѣ при Журавнѣ, онъ принужденъ былъ заключить постыдный для Польши миръ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 818.

октября 1 дня, 1676 года, по которому области кievская, бѣлоцерковская, паволочская и нѣкоторыя другія оставались за козаками, въ подданствѣ Польши, а чигиринская область и Запорожье поступали подъ турецкое покровительство ¹⁾).

Принимая въ подданство Дорошенка, Москва тѣмъ самымъ выражала свою претензію и на управлявшуюся имъ дотолѣ чигиринскую область, а стало быть, становилась лицомъ къ лицу и съ турками, признанными, послѣ журавинскаго мира, фактическими обладателями Чигирина. Турки все еще были грозными воевателями въ глазахъ Европы того времени и потому для Россіи такой фактъ былъ слишкомъ знаменательнымъ и серьезнымъ фактомъ: Россія до тѣхъ поръ еще ни разу не воевала съ турками. И положеніе ея тѣмъ затруднительнѣе было, что, въ силу политическихъ комбинацій того времени, она оставалась совершенно одинокой среди западно-европейскихъ державъ, и ни Польша, ни Германія, ни другая какая держава не могла или не хотѣла подать ей руку помощи въ предстоявшей борьбѣ съ Турціей. Тѣмъ не менѣе, Дорошенко былъ принятъ въ подданство Москвы и доставленъ гетману Самойловичу.

Смирениемъ Дорошенка и присягой его на вѣрность царю Москва обязана была всецѣло кошевому Сирку. Но является вопросъ, почему Сирко такъ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы предать Дорошенка къ русскому царю? По нѣкоторымъ дѣйствіямъ Сирка и планамъ, которыми онъ занялся къ концу своей жизни, но глубоко тайлъ ихъ въ своей душѣ, можно думать, что въ этомъ случаѣ онъ работалъ если не единственно, то главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы, сдавъ Дорошенка Москвѣ, занять его мѣсто въ правобережной Украинѣ себѣ, потомъ низложить съ гетманскаго уряда Самойловича и сдѣлаться обоестороннимъ гетманомъ. Запорожское войско не только не могло препятствовать въ томъ Сирку, но, ненавидя отъ всей души Самойловича, даже могло поощрять его въ томъ.

Такъ или иначе, по послѣ сдачи Самойловичу Дорошенка Сирко, повидимому, совершенно успокоился, и наказный кошевой атаманъ Василій Крыловскій извѣщалъ Самойловича, что ноября 11 дня, Сирко, выбравшись чинно съ товариствомъ изъ Сичи, сошелся съ товариствомъ, бывшимъ на Низу, и, не переставая въ при-

¹⁾ Баптышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 140.

родной къ войсковому дѣлу надъ бусурманами своей охотѣ, а также желая оказать услугу отчизнѣ, всему христіанскому міру и царскому величеству, пошелъ противъ татаръ, возвращающихся изъ Польши въ Крымъ, имѣя намѣреніе татарскимъ войскамъ уронъ учинить и христіанскихъ невольниковъ изъ мучительныхъ рукъ освободить ¹⁾.

Между тѣмъ возникъ вопросъ, куда дѣвать гетмана Дорошенка, т.-е. оставлять-ли его въ Малороссіи, или же отправить въ Москву? Въ началѣ декабря 1676 года гетманъ Самойловичъ по этому поводу писалъ царю, что отсылать Дорошенка въ Москву неудобно именно въ виду непріятности, которая можетъ произойти отъ кошевого Сирка: «Сирко со всею своею старшиной, услыша о томъ, сейчасъ же разсавить по всей Украинѣ, межъ войсковыми людьми и поснолитымъ народомъ, разные слухи для возвращенія противъ разсказовъ, воды на свое колесо, для поруки вашего царскаго величества и для поношенія моего нерадѣнія: онъ станетъ упрекать меня въ томъ, что я допускаю въ отношеніи Дорошенка безправіе и имѣю намѣреніе заслатъ его въ Сибирь». Царь вполне согласился съ такими доводами гетмана, и потому Дорошенко на время оставленъ былъ въ Малороссіи и только спустя нѣсколько времени послѣ этого отправленъ былъ въ Москву. Но и тутъ гетманъ просилъ царя, чтобы Дорошенко жилъ въ Москвѣ на виду у всѣхъ, «дабы посланцы мои и Сѣрковы, какъ будутъ на Москвѣ, его видѣли и вѣдали, что онъ живетъ при милости царскаго величества». Царь и въ этомъ не отказалъ гетману, и въ слѣдъ за отсылкой Дорошенка въ Москву кошевой получилъ отъ него письмо съ пріятнымъ извѣстіемъ о томъ, что бывшему гетману оказана была въ Москвѣ «великая честь и премногая царская милость». Зато Сирко вѣрно служилъ царю: «Сѣрко нынѣ на Запорожѣ, изъ Конна подъ турецкіе и крымскіе городки ходилъ и съ татарами перемиріе разорвалъ» ²⁾.

Января 26 дня, 1677 года, царь извѣщалъ грамотой запорожское войско о томъ, что польскіе гетманы рѣшили заключить миръ съ турками и татарами въ то самое время, когда князь Григорій Ромодановскій и гетманъ Иванъ Самойловичъ были за Днѣпромъ «для старанія изъ-подъ бусурманскаго ига гетмана Доро-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 820.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 823, 834; XIII, 56, 57, 23, 75.

шенка». Заклячая миръ съ мусульманами, польскіе гетманы написали письмо къ Ромодановскому и Самойловичу о томъ, будто бы запорожцы, учинивъ, по царскому указу, съ крымскимъ ханомъ перемиріе, нарочно пропустили татаръ въ польскія владѣнія. На этотъ упрекъ князь и гетманъ полякамъ отвѣчали, что запорожцы хана съ ордами не пропускали: напротивъ того, по стародавнему войсковому обычаю своему, промыслъ надъ нимъ чинили и помощи христіанамъ давали. Увѣдомляя обо всемъ этомъ запороженыхъ козаковъ, царь вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ ихъ и о томъ, что поляки, по миру съ бусурманами, уступили туркамъ Украину и Запорожье, предупреждая «своею милостивою грамотою остерегаться льстиваго пріятства бусурманскаго», служить вѣрно великому государю, чинить промыслъ надъ непріятелями и подавать вѣсти о всѣхъ его замыслахъ ¹⁾).

Какъ бы въ отвѣтъ на это, кошевой атаманъ Иванъ Сирко въ концѣ марта мѣсяца отправилъ къ гетману Самойловичу войскового асаула Ивана Шила съ турецкимъ языкомъ, захваченнымъ у Кызыкермена и съ листомъ о разныхъ просьбахъ отъ Коша. Вмѣстѣ съ Шиломъ Сирко послалъ и одного какого-то грека, который, сдѣлавшись бусурманиномъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ въ Крыму толмачемъ, изъ Крыма пріѣзжалъ на Украину къ Дорошенку, потомъ «призрѣніемъ божіимъ» самъ добровольно перешелъ въ Сичъ и снова обратился въ христіанство. Гетманъ отправилъ къ царю запорожскій листъ, турецкаго языка и гречина-толмача для вѣстей о непріятеляхъ и калмыкахъ, а асаула Шила отпустилъ на Сичъ, просилъ царя сдѣлать тоже и для толмача—отпустить его на Кошъ ²⁾).

Настроеніемъ Сирка и запорожцевъ въ пользу русскаго цари и малороссійскаго гетмана теперь очень дорожили въ Москвѣ. Да и было основаніе дорожить. Это было наканунѣ такъ-называемаго перваго чигиринскаго похода татаръ и турокъ. Татары и турки, давно грозившіе новымъ походомъ на Украину, рѣшили, наконецъ, весной 1677 года привести свое намѣреніе въ исполненіе. Въ Москвѣ рассчитывали, что турки, перейдя границу своихъ владѣній, главное вниманіе свое устремятъ на старинный и дорогой русскимъ людямъ городъ Кіевъ. Въ Батуринѣ, напротивъ того,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 15—17.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 94, 95.

гетманъ и его совѣтники полагали, что турки, прежде чѣмъ дойти до Кіева, должны будутъ взять передовое укрѣпленіе Чигиринъ. Чигиринъ, на взглядъ гетмана, былъ ключемъ, открывавшимъ входъ во всю Малороссію, и потому на него-то прежде всего и должно было обратитъ вниманіе защитниковъ Украйны. Но въ томъ и другомъ случаяхъ какъ для царя, такъ и для гетмана весьма важную поддержку могло оказать Запорожье: запорожцы могли бы или дѣйствовать въ тылу турокъ, или отвлечь вниманіе ихъ союзниковъ, татаръ, нападѣвшихъ на Крымъ. Отсюда естественны старанія со стороны московскаго правительства привлечь къ такому дѣлу запорожскихъ козаковъ и также естественны старанія царя расположить низовое войско въ свою пользу и мирить его съ гетманами малороссійскихъ козаковъ.

Чувя бѣду, русскій царь началъ брать разныя мѣры предосторожности. Прежде всего послана была изъ Москвы извѣстительная грамота Сирку о замыслахъ непріятелей и о чиненіи промысла надъ ними: въ этой же грамотѣ предписано было кошевому, съ полной гарантіей за его безопасность, явиться къ гетману Самойловичу для общаго совѣта въ дѣйствіяхъ противъ непріятелей. Затѣмъ приказано было Петру Дорошенку написать о томъ же письмомъ кошевому Сирку: велѣно было снова спросить Дорошенка о томъ, какими путями, во сколько времени турки могутъ придти къ Кіеву и гдѣ, наміреваясь завладѣть Украйной, они хотѣли укрѣпиться городами, на что полученъ былъ прежній отвѣтъ, что для турокъ существуетъ три пути—Каменецъ, Тягинъ и Запорожье, каждый въ пяти или болѣе дней ходьбы и вниманіе ихъ всегда было обращено на островъ Хортицу, урочище Кичкасъ и городъ Кодакъ, отъ Сиги въ 70 верстахъ. «Если, бори боже, тѣ хвѣта непріатели осадутъ, то ужъ ни сдѣлаго въ Запороги козака не пропустятъ, а на нихъ уже нельзя наступать будетъ и водою въ землю ихъ ходить, на морѣ не пропустятъ уже козацкихъ челновъ. Тогда на вѣчно пропадетъ Запорожье». Поэтому, во избѣжаніе того, чтобы непріятель въ Коданкой крѣпости пристанища не имѣлъ, отдано было приказаніе войскомъ низовымъ ту крѣпость осадить и липы (лодки) туда послать ¹⁾.

Но въ то время, когда царь и гетманъ такъ напряженно простирали свои взоры: къ Сирку, въ это самое время на него

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 90, 92, 122, 123, 163, 160.

и турки имѣли виды свои. Султанъ, лишившійся Дорошенка, искалъ новое лицо, чтобы назначить его гетманомъ всей Малороссіи и тѣмъ «создать внѣшній признакъ обладанія страной или выставить знамя», къ которому стекались бы безпріютные сыны раздвоенной Украины. Вниманіе султана, по указанію совѣта патріарха, было обращено на узника семибашеннаго замка, Юрія Хмельницкаго. Юрій Хмельницкій два раза дотолѣ держалъ въ своихъ рукахъ гетманскую булаву, два раза лишился ея, потомъ постригся въ монахи, былъ архимандритомъ монастыря, находился въ плѣну у поляковъ, отъ поляковъ перешелъ плѣнникомъ къ татарамъ, отъ татаръ поступилъ къ турецкому султану. Находясь въ заключеніи, Хмельницкій сдѣлалъ неудачную попытку къ побѣгу и за то готовился принять смертную казнь, но судьба на этотъ разъ судила ему другое: по волѣ султана къ нему неожиданно явился въ темницу патріархъ Константинополи Пароскій и драгоманъ Порты Маврокордаты и объявили ему свободу. Съ Хмельницкаго сняли монашеское платье, надѣли золотой кафтанъ, дали съ конюшни султана лошадей и объявили гетманомъ Малороссіи¹⁾.

Вѣсть о появленіи Юрія Хмельницкаго поразила всѣхъ украинцевъ своею неожиданностью: всѣ считали его давно погибшимъ, и вдругъ оказалось, что онъ живъ и что онъ принесъ посланіе къ кошевому атаману запорожскихъ козаковъ, Ивану Сирку: «Апрѣля 5 дня Юрій Хмельницкій, гетманъ, вождь и князь малороссійскаго войска, кошевому атаману Ивану Сирку: Спасителю нашему все возможно—нищаго посадить съ князьями, смиреннаго вознести, сильнаго низложить. Лихіе люди не допустили меня пожить въ милой отчизнѣ; убѣгая отъ нихъ, претерпѣлъ я много бѣдъ, попалъ въ неволю. Но Богъ подвигнулъ сердце найявнѣйшаго цесаря турецкаго: онъ даровалъ мнѣ свободу, удоволилъ меня своею милостію и княземъ малороссійскимъ утвердилъ... Когда я былъ на Запорожскѣ, то вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождемъ меня имѣть хотѣли; исполните теперь ваше обѣщаніе и отправляйте пословъ своихъ въ Кызыкермень для переговоровъ со мной».

Получивъ листъ Хмельницкаго, Сирко отправилъ его гетману и вмѣстѣ съ нимъ приложилъ и собственный листъ: въ послѣднемъ онъ писалъ (апрѣля 22 дня), что прошлой зимой изъ горо-

¹⁾ Поповъ, Турецкая война, Русскій Вѣстникъ, 1857, VIII, 154.

да Кызыкермена посланъ былъ противъ запорожцевъ турецкій подъяздъ, взявшій въ дугу ¹⁾ двухъ запорожскихъ козаковъ и отпавившій ихъ въ неволю; оба козака, однако, успѣли вернуться въ Сичь—одинъ «бодрымъ своимъ промысломъ освободился изъ неволи», а другой, будучи въ Бабѣ и свидѣвшись тамъ съ Хмельниченко, черезъ него сдѣлался свободнымъ; этимъ послѣднимъ козакомъ Хмельниченко и прислалъ въ Сичь свой листъ Сирку апрѣля 5 дня. Объявляя объ этомъ гетману Самойловичу, Сирко тутъ же объявлялъ послѣднему и о томъ, что онъ послалъ свой листъ и Юрію Хмельницкому въ Тягинъ съ просьбой ходатайствовать передъ турецкимъ султаномъ объ освобожденіи козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Лодыжинѣ, изъ турецкой неволи.

Прочитавъ посланіе Юрія Хмельниченка и листъ Ивана Сирка, гетманъ за присылку Хмельниченкова письма благодарилъ кошевого, а за отпавку къ нему собственнаго листа упрекнулъ его, говоря, что ему совѣмъ не слѣдовало бы сношаться съ Юріемъ. «дабы не дать тѣмъ Хмельниченку къ горѣ возвыситься и паче предъ турками подкрѣпиться». Гетманъ совѣтовалъ кошевому на будущее время отъ сношеній съ Хмельницкимъ себя воздержать, а посланнаго къ нему запорожца, когда онъ въ Сичь повернется, «для выразумѣнія о нахреніи непріятельскомъ», къ нему, гетману, прислать. Въѣстѣ съ этимъ Самойловичъ не замедлилъ обо всемъ происшедшемъ въ Сичи извѣстить царя и къ нему же отпавить письма Хмельниченка и Сирка ²⁾.

Полученному отъ гетмана извѣстію царь придалъ особенно важное значеніе и немедленно отпавилъ къ нему гонца Алексѣя Иванова, съ царскою грамотою для перелачи ея Сирку. Черезъ этого гонца царь приказывалъ Самойловичу, выбравъ какого-нибудь знатнаго человека изъ своихъ старшинъ, возможно скорѣе отпавить его къ Сирку и черезъ него наказать кошевому отъ перемирія съ крымцами отстать, разнѣновъ плѣнниками не дѣлать, по своему древнему воинскому обыкновенію, надъ Крымомъ и крымскими городками промыселъ чинить.

Гетманъ, выслушавъ приказаніе царя, немедленно отпавилъ царскую грамоту Сирку и къ ней приложилъ отъ себя собственный

¹⁾ Нужно разумѣть такъ называемый Великій-Дугъ противъ Чортомлыцкой Сичи.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 105—111, 141.

листь. Въ послѣднемъ гетманъ писалъ, что кошевой, забывъ страхъ божій, милость и жалованье государя, подъ видомъ обмана плѣбными, помирился съ ханомъ, вмѣсто того, чтобы въ такое тревожное время воевать съ нимъ: «Тебѣ бѣ кошевому, для сохраненія церквей божіихъ, для милости великаго государя и для цѣлости малороссійскихъ городовъ, то перемиріе оставить и розмѣну ту отложить, а промыселъ надъ непріятелями чинить»¹⁾).

Между тѣмъ Юрій Хмельницкій вновь прислалъ Сирку, одно за другимъ, три письма, въ которыхъ онъ, изъявляя готовность просить султана о взятыхъ въ неволю и находящихся въ царегородской башнѣ козакахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ приглашалъ кошевого, когда дойдетъ дѣло до войны, со веѣмъ своимъ коннымъ войскомъ, съ частью пѣхоты и съ пушками, къ нему, князю Юрію, Гedeону, Венжику приходить, за что какъ ему самому, такъ и всему войску низовому милость у турецкаго султана обѣщали, исходатайствовать, вольности войску даровать и со стороны Крыма отъ всѣхъ препонъ устранивъ: «Какъ отъ источника всякія струи истекаютъ, такъ и отъ васъ, войска запорожскаго низоваго, всякое основаніе исходить... И если ваша милость немедленно въ Бендеры пріѣдете, то тамъ, дастъ Господь Богъ, посовѣтовавшись съ вами на счетъ того, какъ поступить, мы благодатно отпустимъ васъ назадъ».

Сирко и эти письма Хмельницкаго отправилъ гетману, а вмѣстѣ съ ними и два собственныхъ послать: въ послѣднемъ изъ своихъ писемъ онъ писалъ гетману такъ:

«Извѣстно милости твоей, что мы ни о чемъ другомъ не думаемъ, какъ о воинскомъ промыслѣ, имѣя цѣлью оплаканную отчизну охранить отъ непріятеля креста Господня, котораго ведетъ наслѣдникъ Хмельницкаго. Извѣстно тебѣ также и то, что Хмельницкій присылалъ къ намъ свой листъ: по тому листу мы отправили къ нему самыхъ надежныхъ козаковъ, Трофима Троцкого, Леонтія Корика да войскового писаря Петра, и сдѣлали то не для чего иного, какъ для ходатайства черезъ него у турецкаго султана о плѣбныхъ товарищахъ нашихъ, а также и для того, чтобы узнать о всѣхъ замыслахъ и намѣреніяхъ враговъ. И тѣ посланные наши-сказывали, что первое намѣреніе непріятелей состоитъ въ томъ, чтобы идти со всѣми силами къ намъ подъ Сичу, а потомъ, раздѣлавшись съ нами, идти подъ Чигиринъ, чего, какъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 185, 186.

говорятъ посланцы, ожидать надо очень скоро, потому что, при отпускѣ посланцевъ, въ тотъ же часъ непріатели пошли отъ моста съ этой стороны Дуная къ Тягину и путь свой имѣютъ держать на урочище Головию, а именно на Андреевскій островъ (въ устьѣ Буга), на рѣчки Ингулъ, Ингулецъ, Каменку ¹⁾, а всѣ эти урочища близко насъ находятся. Будучи тамъ, наши посланные слышали, что Хмельницкій сдѣлать княземъ Украины и княжество его будетъ приурочено къ такимъ же удѣльнымъ, какъ и нѣмныя княжества турецкаго царства. Да тѣмъ же посланнымъ ви-зирь турецкій Ибрагимъ-паша говорилъ, что если мы принимаемъ Хмельницкаго за отчимаго господина, то отъ турецкаго войска противъ насъ никакого провозмѣнанія и хитрости не будетъ; въ томъ онъ обѣщалъ и обнадеживалъ насъ, нѣкоемъ войско, клятвенными словами, говоря, что если онъ обманетъ насъ, то пусть сабля его на шею будетъ его. Объявляя обо всемъ этомъ, мы просимъ вашу милость дать намъ совѣтъ, какъ нынѣ намъ поступить. Раньше этого много разъ мы писали вашей милости просить у его царскаго величества для насъ помощи и необходимыхъ военныхъ припасовъ, но только не могли ни достигнуть къ вамъ, ни умолить васъ. И теперь, не имѣя силы, чтобы сопротивляться такому большому непріательскому наступленію, поневоле должны будемъ повиноваться Хмельницкому. Не изволь удивляться въ томъ намъ: по нынѣшнимъ временамъ мы иначе не можемъ сохранить себя въ цѣлости; не смотри, ваша милость, легко и объ отцизнѣ вашей и объ насъ имѣй радѣніе и совѣтъ».

Гетманъ снова всѣ письма Хмельницкаго и всѣ отвѣты на нихъ Сирка немедленно отослалъ въ Москву ²⁾. «До сего времени,—писалъ Самойловичъ, июня 2 дня, царю,—никогда ничего добраго отъ кошевого не выходило, такъ и нынѣ дѣется». Отъ самого Сирка гетманъ Самойловичъ потребовалъ, чтобы онъ немедленно разорвалъ съ крымскимъ ханомъ перемиріе и прекратилъ бы съ нимъ всякія сношенія. Но Сирка на то гетману отвѣчалъ, что онъ помирился съ ханомъ только до Петрова дня, чтобы, по установившемуся между запорожцами и татарами обычаю, сдѣлать обмѣны плѣнными. Извѣщая о томъ царя, Са-

¹⁾ Рѣка между Бериславомъ и Мѣловымъ, гдѣ была впасть Каменская Сечь.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII. 169, 167, 179, 180, 173; Вальтш-Каменскій, Источники малороссійской исторіи. Москва, 1858, I, 266.

Мойловичъ доносилъ, что Сирко замирился съ ханомъ «чаять навсегда». Отказавъ Самойловичу въ требованіи прекратить сношенія съ ханомъ, Сирко отказалъ ему и на приглашеніе съ его стороны пріѣхать въ Батуринъ для совѣщанія по поводу защиты Украины отъ мусульманъ; онъ отвѣтилъ Самойловичу тѣмъ, что въ Батуринъ не поѣдетъ изъ опасенія быть захваченнымъ и отосланнымъ «на вѣчное житіе» въ Сибирь. Выказавъ свое нерасположеніе къ гетману, Сирко съ тѣмъ вмѣстѣ высказался и противъ самой Москвы. «Великимъ удивленіемъ дивлюсь тому, что не получаю даровъ, какіе присылалъ намъ великій государь царь Алексѣй Михайловичъ. Для чего то дѣло дѣлается, вѣдаешь, ваша милость, пане гетмане! Я здѣсь на славномъ Запорожьѣ много времени не стадо пасу, но, по волѣ божіей и по любви всего войска, есть надъ войскомъ начальній сего мѣста вожъ: не домашній дѣла дѣлаю, но служба великому государю, для цѣлости отчизны воински тружусь» ¹⁾).

Безпрерывныя сношенія Сирка съ Юріємъ Хмельницкимъ и постоянные доносы на кошевого со стороны гетмана заставили царя Федора Алексѣевича изслѣдовать дѣло Сирка на мѣстѣ, въ самой Сичи. Порученіе по этому дѣлу возложено было на Василя Перхурова, отправленнаго въ Сичь съ царскимъ жалованьемъ и съ тайнымъ наказомъ развѣдки о сношеніяхъ Сирка съ Хмельницкимъ. Посолье направился сперва въ Батуринъ, изъ Батурина, взявъ охранныхъ козаковъ, двинулся въ Запорожье. Прибывъ въ «городъ», посолье не засталъ въ немъ Сирка, потому что онъ былъ въ это время въ пасѣкѣ, въ 5 верстахъ отъ Сичи. На другой день, когда Сирко явился въ Сичь, посолье отправилъ къ нему сопровождавшихъ его козаковъ съ просьбой, чтобы кошевой и все посольство велѣли принять посла съ царской грамотой и съ жалованьемъ «безъ мотчанія». Кошевой Сирко и все бывшее при немъ посольство приказали послу идти къ нимъ въ Сичу на Конгъ съ грамотою и съ жалованьемъ. Когда посолье пришелъ въ Сичу, то козаки привѣтствовали его ради пріѣзда палубой изъ пушекъ, мушкетовъ и мелкаго ружья. Черезъ четыре дня послѣ этого (іюня 24 дня) кошевой и все посольство собрали въ Сичи раду и на радѣ кошевой царскую грамоту принялъ, печать на ней цѣловалъ и на голову клалъ, послѣ чего ту грамоту стали чи-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 181—188.

татъ козакамъ велухъ. Выслушавъ царское слово, Сирко билъ государю за его милость челомъ, но козаки стали на радѣ громко кричать, что имъ прислано такъ мало сукопъ, что и подѣлиться нечѣмъ; только и достанется имъ, что по одной рукавкѣ на козака; служили они отцу государеву, служатъ и теперь вѣрно царю и надъ бусурманами промыслъ постоянно великій чинить, а жалуютъ ихъ скупю: да и самое жалованье они находятъ слишкомъ ничтожнымъ, хотя все же впредь обѣщаются вѣрно государю служить. Кричали козаки на радѣ также о томъ, что гетманъ отнялъ у нихъ Переволочанскій перевозъ и запретилъ къ нимъ въ войско запасы присылать. Кошевой самъ отъ себя говорилъ, что войско его не слушаетъ, потому что у него ни знамени, ни булавы нѣтъ, а если бы была ему государская милость и присланы были булава и знамя, то и козаки послушны были бы ему.

Высказывая послѣднее желаніе, Сирко, повидимому, высказывалъ давно затаенное желаніе быть гетманомъ заднѣпровской Украйны вмѣсто Дорошенка. Съ видами Сирка согласны были и сами запорожцы, ненавидѣвшіе Самойловича и желавшіе гетманства своему кошевому.

Находясь въ Сичи, посолъ узналъ, что козаки посылали къ Хмельницкому листъ съ просьбой о товарищахъ своихъ, взятыхъ подъ Уманемъ и Лодыжиннымъ въ плѣнъ. Отъ самого Сирка посолъ узналъ, что Юраско Хмельницкій ожидаетъ къ себѣ крымскаго хана и турецкихъ пословъ, чтобы съ ними идти на Запорожье, Кіевъ и Чигиринъ, и что если то турецкое войско на Коншъ придетъ, то Сирко городъ весь сожжетъ, а самъ съ козаками по островамъ на воду пойдетъ, въ самой же Сичѣ имъ не придется сидѣть, потому что запаса у нихъ тамъ никакого нѣтъ. А съ крымскимъ ханомъ и кызыккерменскимъ беємъ запорожцы перемиріе учинили для того, чтобы полоняниковъ возвратить, срокъ же тому перемирію до Петрова или до Ильина дня; теперь къ нимъ турецкіе люди съѣзжаются и повольную торговлю ведутъ. До пріѣзда посла отправлены изъ Запорожья въ турецкій городъ три человека аманатчиковъ, для размѣна и выкупа полоняниковъ, а изъ турецкаго города присланъ въ Сичь аманатчикъ, турчанинъ, одинъ человекъ. Къ крымскому хану послали запорожцы пословъ безъ вѣдома Сирка, когда онъ въ пасѣкѣ былъ.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, посолъ, іюня 25 дня, отбылъ изъ Сичи въ Москву ¹⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 194—197.

Вскорѣ послѣ этого гетманъ снова сообщилъ царю, что онъ много разъ писалъ Сирку, чтобы онъ не мирился съ татарами, а главное, не передавался бы Хмельниченку, однако Сирко дѣлаетъ по своему и къ Хмельниченку постоянно посылаетъ своихъ козаковъ ¹⁾).

Въ слѣдъ за отъѣздомъ Перхурова, июля 5 дня прибылъ въ Батуринъ стольникъ Александръ Карандѣевъ съ жалованьемъ гетману и всей старшинѣ и съ разсросными статьями о дѣлахъ въ Малороссіи и въ Запорожѣ. Излагая дѣла государя по наказу гетману, посолъ сказалъ, что, по челобитью гетмана, великій государь велѣлъ послать грамоту къ Ивану Сирку и въ ней приказалъ прежде всего извѣстить кошевого о томъ, что царское величество всю Украину будетъ всеми своими силами отъ турскаго султана оборонять, затѣмъ о Дорошенкѣ велѣлъ, чтобы сообщить, что онъ у подлинныхъ дѣлъ его царскаго величества на Москвѣ живетъ. А сказано Сирку о Дорошенкѣ для того, чтобы Сирко, зная о его отъѣздѣ въ Москву, не думалъ, что его взяли въ неволю и чтобы кошевой, отчаявшись, не бросился къ хану, да чтобы онъ, Сирко, съ гетманомъ любовно и совѣтно жилъ и пріѣхалъ бы къ нему, гетману, въ Батуринъ на нѣкоторое время на совѣтъ, какими средствами непріятелю отпоръ дать, а гетманъ, посоветовавшись съ Сиркомъ, снова отпустилъ бы его на Кошъ. И нынѣ стало извѣстно великому государю, что онъ, Сирко, по волѣ государя, пріѣзжалъ къ гетману для свиданія и разговора, какъ наступающему непріятелю отпоръ дать. И хотя онъ, Сирко, любезность гетмана особенно выхвалялъ, но, для самого дѣла изъ того свиданія ничего хорошаго не вышло, потому что посланцы, пріѣхавъ къ гетману, сказывали, какъ онъ, Сирко, великаго государя грамоту и листъ его гетманскій принявъ, говорилъ передъ всеми войскомъ вслухъ, что государь и гетманъ только манятъ его своими письмами, надѣяться же на нихъ нельзя, а надо о своей цѣлости промышлять самимъ,—знаютъ запорожцы гетманскую оборону: давалась она имъ знать давно. Послѣ этого посолъ сталъ съ гетманомъ говорить о томъ, какъ бы Сирка, ради наступающихъ непріятельскихъ замысловъ, отъ перемирія съ крымскимъ ханомъ отвратить, чтобы тѣмъ перемиріемъ непріятеля креста святого не порадовать и православному христіанству плѣща и разоренія не причинить. На то гетманъ послу отвѣчалъ, что, когда

¹⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1847, IV, № XIX.

выступить съ полками бояринъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, тогда, сойдясь и посоветовавшись съ нимъ, онъ пошлетъ знатныхъ и опытныхъ людей, которые могли бы то злое намѣреніе Сирка разорвать. Поговоривъ о Сиркѣ, посолъ коснулся крепости Кодака; онъ требовалъ, для недопущенія турокъ овладѣть городомъ, осадить его своими людьми, раньше прихода враговъ. Но на то гетманъ царю отвѣчалъ, что тѣмъ городомъ Кодакомъ въдастъ и для обереганія его пошлетъ туда людей кошевой Сирко, и ему, гетману, отъ себя посылать людей въ городъ Кодакъ, когда запорожцы не просить его о томъ, нельзя, чтобы черезъ то злобы имъ не учинить. А какъ гетманъ сойдется съ княземъ, то они оба нападутъ Сирку, какъ бы тотъ городъ Кодакъ отъ некрѣпостей укрѣпиль ¹⁾).

Изъ всего разговора съ гетманомъ, царскій посолъ вынесъ то, что хотя Сирко и запорожцы и сносилъ съ Юріемъ Хмельницкимъ, то дѣлали это съ видимого цѣлью освободить черезъ него своихъ плѣнныхъ изъ турецкой неволи товарищей. Самъ гетманъ Самойловичъ подъ конецъ объявилъ гонцу, что Сирко уже далъ свое согласіе дѣйствовать совместно съ великороссійскими и украинскими войсками противъ турокъ; что запорожцы, когда получили въ Сичи пригласительный универсалъ Хмельницкаго, отвѣчали ему тѣмъ, что турки просто хотятъ сдѣлать съ ними то же, что сдѣлали съ Уманемъ, — козаконъ выманить въ поле, а Коня разорить и остальныхъ въ плѣнъ побрать. Кромѣ того, еще до пріѣзда царскаго гонца Карандѣева Сирко спокойно принялъ извѣстіе о прібытіи въ Кодакъ гетманскаго гарнизона и даже самъ предложилъ гетману усилить его гарнизонъ запорожскимъ войскомъ и обезпечить продовольственными запасами. Такое же предложеніе сдѣлано было гетману, помимо кошевого, и самимъ козацкимъ товариществомъ ²⁾).

Тѣмъ не менѣе, отпустивъ царскаго гонца, гетманъ Самойловичъ попрежнему зорко слѣдилъ за всякимъ движеніемъ Сирка и скоро убѣдился, что Сирко снова вошелъ въ сношенія и съ крымскимъ ханомъ, и съ Юріемъ Хмельницкимъ.

Съ начала іюля гетману доносили, что Сирко съ крымскимъ ханомъ и турецкими городками подлинно въ миру: что кошевой

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 181—183.

²⁾ Поповъ, Турецкая война, Русскій Вѣстникъ, 1857, VIII, 155.

посылаѣть отъ себя въ Крымъ двухъ человѣкъ аманатовъ, но ханъ тѣхъ аманатовъ не принялъ, потому что онъ будетъ съ нимъ и съ войскомъ низовымъ и безъ аманатовъ въ миру, а если Сирко съ ханомъ не захочетъ быть въ миру, то самъ увидитъ, что будетъ отъ хана ему. Съ Юраскомъ Хмельницкимъ Сирко также въ миру. Хмельницкій писалъ кошевому, что если Сирко съ запорожцами не придетъ къ нему, то всѣ силы бусурманскія подлинно обратятся на Сичъ, оттого Сирко и помирился съ крымцами и думаетъ «идти къ Юраскѣ въ слученіе». Такое же мирное къ туркамъ настроеніе показывали и сами козаки: такъ, у башии надъ-лиманомъ («разливомъ») Днѣпра сидѣли съ турками, живущими тамъ, четыре козака и, по пріятельски бесѣдуя съ ними, утѣшали ихъ въ полной безопасности отъ войска запорожскихъ козаковъ. Впрочемъ, въ то же время гетману передали и о томъ, какъ Сирко отправилъ къ Хмельницкому съ поклономъ своихъ пословъ и какъ Хмельницкій не особенно любезно принялъ ихъ, зато Ибрагимъ-паша выдалъ посланцамъ Сирка по восьми ефимковъ да по кафтану платья и приказалъ передать Сирку, чтобы самъ кошевой, оставался пока въ Сичи, выслалъ бы на встрѣчу визирю къ Бугу рѣкѣ 800 лучшихъ козаковъ съ поклономъ отъ себя. «И Сирко перемиріе съ ханомъ учинилъ и далъ въ аманаты двадцать двухъ человѣкъ; только запорожцы на то не глядѣли, забрали подъ Тягинемъ у пашей со ста и тридцать лошадей» ¹⁾. «Юля 13 дня пріѣхалъ въ Батуриѣ запорожскій козакъ Миско. Тотъ козакъ повернулся изъ Запорогъ и ѣхалъ близко Тягина и своими очами видѣлъ, что на этой сторонѣ Днѣстра стояли многія турецкія силы. А когда пріѣхалъ въ Сичу, то видѣлъ у Сирка турецкихъ и крымскихъ людей и слыхалъ, что Сирко дѣйствительно помирился съ ханомъ; но пойдеть-ли войною или нѣтъ, того не знаетъ» ²⁾.

Собравъ подлинныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Сирка съ крымскимъ ханомъ Селимъ-Гераемъ и съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ, гетманъ Самойловичъ написалъ кошевому письмо, въ которомъ, выставляя на видъ святотатственный поступокъ Юрія Хмельницкаго, бывшаго нѣкогда архимандритомъ и служителемъ православной церкви, а теперь союзникомъ турокъ, враговъ Христовой вѣры, съ этимъ вмѣстѣ укорялъ Сирка и запорожцевъ за

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 205, 206, 213—216, 226, 227.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 27.

то, что они, услыша о Хмельниченкѣ, точно вода за вѣтромъ, въ тотъ же часъ пересылаться съ нимъ стали: православнаго царя, вмѣстѣ съ турками, воевать собирались, а самому гетману и украинскимъ козакамъ совѣтъ подавали—ожидаю, какой конецъ всему будетъ, о государскихъ людяхъ не радѣть и не покоряться имъ. Въ замѣнъ всего этого, гетманъ совѣтовалъ запорожцамъ, чтобы они, взявшись вмѣстѣ съ другими за руки, сколько можно, при помощи божіей, наступленіе враговъ отражали. Самому Сирку онъ напоминалъ о клятвѣ, принесенной имъ, послѣ возвращенія изъ Сибири, на вѣрность русскому царю. «Отъ престола царскаго величества не отступать и никакой разности въ запорожскомъ войскѣ не чинить». Въ заключеніе письма гетманъ указывалъ Сирку и на то, что турки на Чигиринъ и на Кіевъ, а никакъ не на Сичу измѣютъ свое вниманіе обратить» ¹⁾.

Неизвѣстно, это-ли самое письмо или подлинное извѣстіе, полученное въ Сичи объ измѣненіи маршрута неприятелями вмѣсто Запорожья на Украину подъ Чигиринъ, подѣйствовало на Сирка, но только въ своемъ союзѣ визирю Ибрагимъ-Шайтану и гетману Юрію Хмельницкому кошевой отказалъ: «Ибрагимъ - Шайтанъ-паша писалъ на Запорожье къ кошевому атаману къ Ивану Сирку, чтобы онъ прислалъ къ Юраску Хмельницкому запорожскихъ козаковъ хотя съ 500 человекъ, но въ томъ ему кошевой атаманъ и все товариство отказали и войска своего съ Запорожья къ нему ниного не прислали». Напротивъ того, кошевой написалъ гетману письмо, въ которомъ обѣщалъ придти къ нему и къ боярину на помощь подъ Чигиринъ, на что бояринъ и гетманъ отвѣчали Сирку, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, не мѣшкая, самыми ближними мѣстами шелъ къ Чигирину ²⁾.

Это было августа 12 дня, 1677 года, а черезъ пятнадцать дней послѣ этого, августа 27 дня, въ день преподобнаго Симеона, турки и ихъ союзники татары, волохи, мултяне, переправившіеся черезъ Днѣстръ подъ Тягиномъ и вторгнувшіеся на Украину, были побиты подъ Чигириномъ и бѣжали въ западные предѣлы полостей запорожскихъ козаковъ, за рѣку Большой Пугуль; и тутъ, не доходя Буга, раздѣлившись на два отряда, крымскій ханъ пошелъ на Кызыкермень, дойдя до котораго «сталъ пере-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 228, 232.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 274.

лазить подъ городомъ рѣку впасть, другъ дружку вынережая: а Ибрагимъ-паша ударился бѣгомъ къ Бугу и Днѣстру на прежній свой путь, оставивъ за Великимъ-Ингуломъ, на рѣкѣ Камешкѣ, во ста перстахъ отъ Чигирина, большой обозъ свой изъ 200 повозъ, 600 воловъ, нѣсколькихъ буйволовъ, около 3.000 талеровъ и больше 500 людей, побитыхъ и взятыхъ гетманомъ въ пѣни: «А какъ были отъ того погрому они съ 20 верстъ, то въ то время, какъ ихъ добывали, они многое число денегъ въ обозѣ въ землю закопали и на то мѣсто уже назадъ не ворочались»¹⁾.

Ни въ дѣлѣ подъ Чигириномъ, ни во время бѣгства непріятелей въ запорожскую стѣнь Сирко и запорожцы участіа не принимали и враговъ не преслѣдовали. Такъ говорятъ объ этомъ современные акты. Только малороссійскій лѣтописецъ Самочъ Величко показываесть, будто бы въ первомъ чигиринскомъ походѣ запорожцы принимали участіе въ бужинскомъ дѣлѣ: «Въ тотъ часъ, когда Ибрагимъ-паша, оставивъ Чигиринъ, прибылъ къ Бужину, тогда нѣсколько тысячъ московскаго войска, особливо же изъ Низу запорожцевъ отъ Сирка коншевого отправленныхъ, приплыли лодками въ помощь козакамъ (гетмана Самойловича) до шанцевъ, отнятыхъ у турокъ»²⁾. Но самъ Величко, приступая къ описанію первой осады турками Чигирина, говоритъ, что для этого онъ не имѣлъ подъ руками вѣдомости ресетровыхъ козацкихъ записокъ, а черпалъ свои свѣдѣнія изъ панигирическихъ речей Александра Бучинскаго. Ни въ современныхъ событіяхъ актовъ, ни въ «Исторіи Россіи» Соловьева мы также не находимъ указанія о томъ, чтобы Сирко и запорожцы принимали участіе въ первомъ чигиринскомъ походѣ³⁾. Носились слухи, будто Ибрагимъ-паша хотѣлъ сперва ударить на Запорожье и оттуда уже идти на Чигиринъ и будто бы Сирко отвратилъ грозу только тѣмъ, что пособинчалъ великому визирю поддаться Хмельницкому. Послѣ бѣгства турокъ изъ-подъ Чигирина Сирко лишь подробно сообщалъ гетману Самойловичу въ особомъ письмѣ о раздѣленіи крымскаго хана отъ турецкаго визиря за Ингуломъ-рѣкой и о бѣгствѣ его къ низовому Днѣпру, усердно поздравлялъ его съ счастливою побѣдой надъ врагомъ и вмѣстѣ со своимъ письмомъ отправилъ въ Чигиринъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 270, 274, 377, 343.

²⁾ Величко, Лѣтописецъ, Кіевъ, 1851, II, 429, 428.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1863, XIII, 268, 269.

письма нѣсколькихъ невольниковъ христіанъ, присланныхъ изъ Крыма въ Сичь, съ просьбой обмѣна взятыхъ подъ Чигириномъ мусульманъ на невольниковъ, томившихся въ Крыму у татаръ ¹⁾. Приѣхавшему октября 6 дня въ городъ Батурино стольнику Василю Михайловичу Тяпкину съ милостивымъ отъ паря Феодора Алексѣевича словомъ и съ запросомъ, какъ поступить со взятымъ городомъ Чигириномъ, гетманъ о поведеніи Сирка въ прошедшую войну говорилъ, что когда ханъ обѣжалъ изъ-подъ Чигирина и очутился ниже Сичи, возлѣ Дибиря, то Сирко и запорожцы съ нимъ на три года перемиріе учинили, оттого Сирковы козаки многихъ татаръ черезъ Дибирь на своихъ байдакахъ перевозили: съ тѣмъ вмѣстѣ гетманъ узнавалъ, что въ это же время ханъ обѣщался Сирку прислать въ Сичу и въ городъ Кодакъ хлѣбныхъ запасовъ и всякаго борошна много, а также самопаловъ, зелья и свинцу козакамъ. И послѣ того, дѣйствительно, съ тѣмъ же обѣщаніемъ вновь къ Сирку своихъ пословъ ханъ присылалъ. А султанъ турецкій 30.000 червонцевъ, для склоненія въ подданство свое Сирка и его козаковъ, въ городъ Кызыкерменъ, съ моравскимъ беємъ, отправилъ. Тотъ моравскій бей многимъ языкамъ въ школахъ учился и съ кошевымъ Сиркомъ въ полѣ събѣжался: поставивъ свои подки каждый на особыхъ мѣстахъ, сойдя съ коней и отошедъ далеко отъ нихъ, кошевой Сирко и моравскій бей брали другъ друга за руки и такъ ходили долго между кустовъ: въ это время Сирко принялъ подарки отъ бей и присягнулъ на подданство турецкому султану. Впрочемъ, при кошевомъ Сиркѣ осталось теперь малое число козаковъ — всѣ перешли на зимовье къ гетману за Дибирь и всѣ они Сирка и ругаютъ, и проклинаютъ, хотя думаютъ, что подданство его туркамъ и помощь бусурманамъ непрочна и недолга будетъ, потому что лучшіе изъ запорожскихъ козаковъ, старшина и товариство, отъ него отступаютъ, а держатся его лишь гультайство да худые козачишки. Однакожъ и этихъ плутовъ нельзя считать за ничто, и Чигиринъ отъ нихъ зимой въ крѣпкой осторожности надо держать, потому что какъ станетъ рѣка Тясминъ, чтобы они тогда въ нижнемъ городѣ, вслѣдствіе худыхъ стѣнъ, какой хитрости не выкинули: особенно опасно это потому, что у нихъ, запорожцевъ въ Чигиринѣ не мало родныхъ и тайныхъ друзей имѣется ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 274, 370, 377, 343.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 330.

Одновременно съ этимъ показаніемъ о дѣйствіяхъ Сирка гетманъ послалъ въ Кошъ письмо съ выговоромъ кошевому и козакамъ за то, что они сдружились съ бусурманами и помогали имъ на переправахъ во время бѣгства ихъ изъ-подъ Чигирина: «Въ то время, когда вся наша отчизна особенно требовала отъ враговъ обороны и когда мы, о цѣлости ея промышляя, чуть ли не со слезами къ вамъ много разъ писали, чтобы вы помощь намъ во время непріятельскаго наступленія подали, въ это самое время вы, учинивъ противную межъ собою раду, безъ царскаго и нашего вѣдома, съ ханомъ и со всѣмъ Крымомъ примирились. А потомъ, забывъ свою клятву и свое обѣщаніе великому государю и божію помазаннику, свое товариство, Троцкаго и Пиковца, съ листомъ, который и теперь у насъ имѣется, къ Хмельницкому посылали. А теперь, послѣ всего этого, приславъ мнѣ листъ, о запасахъ пишете, на что отвѣчаемъ вамъ, что запасы тѣхъ, безъ указа его царскаго пресвѣтлаго величества, посылать къ вамъ не можемъ»¹).

Въ слѣдъ за грамотой гетмана, посланной Сирку и всѣмъ запорожцамъ, пришла грамота царя гетману о Сиркѣ и всѣхъ запорожцахъ. Царь, перечисляя всѣ недобрые поступки Сирка, однако, прощалъ ему все это, потому что за все содѣланное имъ воздастся ему въ день праведнаго суда божія и, не соглашавсь съ представленіемъ гетмана о задержкѣ козакамъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, приказывалъ ему отпустить по прежнему запасы на Запорожье и съ тѣмъ вмѣстѣ извѣщать его объ отправкѣ въ Кошъ посла Шестакова, къ Сирку и запорожцамъ, для разспроса о поступкѣ ихъ во время непріятельскаго наступленія²).

Выѣхавъ изъ Москвы декабря 1 дня, подьячій Емельянъ Шестаковъ прибылъ сперва въ Батуринъ и, взявъ здѣсь въ провожатые Артема Золотаря съ товарищами, отправился въ Сичъ, куда прибылъ декабря 11 дня и остановился въ батуринскомъ куренѣ у гречина Павла. Въ тотъ же день онъ объявился въ Сичи, прося кошевого принять его у себя. Кошевой, узнавъ о прибытіи посла, самъ отправился къ нему въ курень и, поблагодаривъ царя за грамоту, объявилъ, что приметъ ее на радѣ, послѣ

¹) Акты, XIII, 344—348; Бантыш-Каменскій, Источники, Москва, 1858, I, 267.

²) Акты южной и западной Россіи, XIII, 352—356.

чего оставилъ посла въ куренѣ, а самъ пошелъ въ свой курень. Въ тотъ же день пришелъ изъ Крыма въ Сичъ и ханскій асаулъ Тегай или Тягя для окупа плѣнныхъ. Войсковой асаулъ Иванъ Шила распорядился было крымскаго посла поставить въ одномъ куренѣ съ царскимиъ послами, но русскіе ханскаго посла въ курень ставить съ собой не позволили. На другой день Сирко прислалъ къ послу войскового асаула Ивана Шила съ просьбой идти съ грамотой на раду къ кошевому и всему войску запорожскому. Придя въ раду, посолъ вручилъ грамоту кошевому, а кошевой, судья и все козачество, принимая ту грамоту, приказали положить знамя свое на землѣ на шапкахъ: поцѣловавъ печать на грамотѣ, Сирко передалъ ее судѣ Кудлаю, а Кудлай приказалъ читать ее войску. Прослушавъ грамоту до конца, войско било челомъ и кланялось государю за его милостивое къ нему слово; а откланявшись государю, стало просить посла говорить о дѣлахъ, ради которыхъ онъ прибылъ на Сичъ. Посолъ отказался сперва тѣмъ, что онъ усталъ отъ пути и потому можетъ только черезъ день говорить свою рѣчь. Но кошевой и судья пригласили посла говорить свою рѣчь въ этотъ же день, потому что собрать козаконъ для другой рады трудно будетъ, такъ какъ многіе козаки разойдутся изъ города по рѣкамъ для рыбныхъ промысловъ. Тогда посолъ началъ свою рѣчь такъ: «Вѣдомо вамъ, что великій государь, жадая васъ атамана и все войско низовое своимъ жалованьемъ, приказалъ вамъ во время непріятельскаго наступленія на Чигиринъ идти со своими ратями противъ непріятеля, а вы не только не пошли подъ Чигиринъ, а даже надъ крымскимъ ханомъ, когда онъ бѣжалъ къ Днѣпру, промысла не чинили. Почему этого вы не сдѣлали?» Кошевой атаманъ, судья и асаулъ, выслушавъ ту рѣчь, отвѣчали: «Подъ Чигиринъ мы не ходили потому, что войска было на Конѣ мало, да и потому еще не ходили, что турки и татары прежде Чигирина на Сичу приходили думали, а взявъ Сичу, осадить и своими людьми укрѣпить городъ мыслили. Чтобъ упредить этотъ злой замыселъ, мы съ ханомъ помирились, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ намѣреніе продать имъ татарскихъ полоняниковъ, потому что войско наше, не имѣя ни добычи, ни запасовъ, было голодно. Да и потому помирились мы съ ханомъ, чтобы нашимъ промышленникамъ вольно было идти на море и на рѣки для рыбныхъ промысловъ, а также и потому, что много разъ мы къ гетману Ивану Самойловичу писали, чтобъ царское величество прислалъ къ

намъ своихъ ратныхъ людей на оборону, какъ присылалъ царь Алексѣй Михайловичъ, и чтобъ гетманъ самъ пустилъ изъ городовъ козаковъ къ намъ, или полкъ какой и запаса прислалъ; но гетманъ козаковъ не пустилъ и запаса не прислалъ къ намъ, отчего наши козаки должны были только одною рыбою кормиться; а когда мы съ ханомъ заключили перемиріе, тогда за татаръ брали большой окупъ и за солью къ морю свободно ходили; а если бы съ ханомъ не помирились мы, то всё съ голоду померли бы. А турецкихъ и крымскихъ людей, бѣжавшихъ изъ-подъ Чигирина, не громили мы потому, что войска въ Сичи мало было: всё, надѣясь на миръ съ ханомъ, разошлись по промысламъ, и теперь войска въ Сичи мало: всё по промысламъ. Всемъ челомъ великому государю, чтобы онъ пожаловалъ насъ, велѣлъ бы прислать къ намъ ратныхъ людей, а гетману приказалъ бы прислать полтавскій полкъ, и мы, по веснѣ, какъ скоро войска и запасы будутъ къ намъ присланы, перемиріе съ ханомъ нарушимъ и войдемъ въ Крымъ войною». Послѣ этого подали кошевому гетманскій листъ, и кошевой велѣлъ вычестъ его, а сказали на него козаки то же, что и на царскій листъ. Въ тотъ же день вечеромъ приходилъ къ царскому послу крымскій посолъ и, пивъ вино, грозился царскому послу, что-де будетъ онъ, москаль, у него въ рукахъ; а гетманскаго посла называлъ братомъ своимъ, считая его за порожденьемъ. А какъ тотъ посолъ въ Сичу прѣхалъ, въ тотъ же день далъ извѣстіе въ городъ свой и о царскомъ послѣ. На третій день послѣ этого кошевой Сирко, призвавъ къ себѣ въ курень гетманскаго посла, наединѣ ему говорилъ, клялся и цѣловалъ крестъ, выцувъ его изъ-за пазухи, что царскому величеству онъ никогда не измѣнялъ, а съ Хмельницкимъ мирился для того, чтобы скзатить его и отправить въ Москву, и просилъ посла гетману о томъ передать, чтобъ онъ за измѣнника его не считалъ. Декабря 14 числа всё собрались къ церкви, противъ Сиркова куреня: тутъ Сирко вручилъ послу листъ для передачи царю и отсутствовалъ отъ себя. Декабря 17 дня, Сирко, придя въ курень къ послу, объявилъ ему, чтобы онъ ѣхалъ назадъ лугомъ подлѣ Днѣпра на крѣпость Кодакъ, а на слѣдующій день совѣтовалъ ѣхать на Переволочну, т.-е. тѣмъ же путемъ, какимъ ѣхалъ въ Сичу посолъ, поземъ, для того, чтобы крымскій асаулъ Тегай, бывшій въ Сичи, не далъ знать о немъ въ Асламъ или Кызыкерменъ городокъ и татары не переняли бы его. Посолъ поѣхалъ стенью на Переволочну,

какъ совѣтовалъ ему Сирко; съ нимъ послано было пять человекъ, Романъ Малюкъ и Семенъ Хорошко съ товарищами, съ листомъ къ гетману ¹⁾. Будучи въ Сичи, посолъ узналъ, что отправленные изъ Сичи отъ кошевого къ Хмельниченку Брекало и товарищи возвращены отъ Перекопа бсемъ назадъ; имъ бей говорилъ, что если они хотятъ ѣхать къ Хмельниченку, то ихъ отвезутъ туда, куда и его отвезли. Но они, повернувъ отъ Перекопа, въ Сичу пришли вмѣстѣ съ ханскими асаулами. А гетманскій посолъ расположилъ къ себѣ козака Васильева и просилъ его доносить обо всѣхъ замыслахъ запорожцевъ, если Артемій Золотарь (или гетманскаго посланца) придетъ къ нему о здоровьѣ его узнать. Послѣ Шестакова бояринъ и гетманъ, для того, чтобы вѣрнѣе отвратить Сирка отъ непріятеля, отправили къ нему зятя, наказавъ послѣднему убѣждать Сирка оставить свое злое дѣло и служить царю по своему обѣщанію ²⁾.

Получивъ и прочитавъ листъ Сирка, гетманъ не повѣрилъ искренности и раскаянію кошевого, о чемъ тотъ же часъ подѣлился своими мыслями и съ царемъ посредствомъ письма ³⁾.

¹⁾ Листы царю и гетману: Акты южной и западной Россіи XIII, 437, 439.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 423—430, 432—434, 386.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 436.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Угроза со стороны турокъ и татаръ московскому царю. — Слухи о сношеніяхъ Сирка съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ. — Извѣщеніе отъ Сирка Самойловичу о движеніи враговъ къ Чигирину. — Отправка Сиркомъ къ гетману письма Юрія Хмельницкаго. — Совѣтъ Сирка о разрушеніи Чигирина и просьба о присылкѣ клейнотовъ въ Сичь. — Недовольство гетмана тѣмъ и другимъ и увѣщательное письмо его къ кошевому. — Вѣрность Сирка русскому царю. — Угрозы Сирку со стороны султана. — Неудача русскихъ и малороссійскихъ казаковъ подъ Чигириномъ. — Подвигъ Сирка на Дибирѣ. — Сношенія его съ ханомъ и походъ его на Кызымерень и Тававъ. — Смерть Сирка. — Преданія и пѣсни о немъ. — Морская язва въ Запорожскѣ осенью 1680 года. — Провѣздъ черезъ Запорожье московскихъ пословъ Зотова и Тилкина въ Бахчисарай для заключенія мира. — Новый кошевой атаманъ Волошинъ. — Предостереженныя листы Ивана Собѣскаго къ запорожцямъ и увѣщательный универсалъ гетмана къ запорожцямъ по этому поводу. — Смерть Федора Алексѣевича и присяга запорожцевъ Петру. — Объявленіе запорожцямъ условій андрусовскаго перемирія съ поляками.

Насталъ 1678 годъ. Россіи вновь грозила бѣда отъ нашествія турокъ на Украину. Турки и татары снова собрались идти подъ Чигиринъ. Ходили слухи, что турецкій султанъ приказалъ идти на войну всѣмъ своимъ подданнымъ отъ 12-ти лѣтъ; что въ одной Волошской и Мутынской землѣ онъ велѣлъ заготовить 60.000 тесницъ и 60.000 кирокъ, лопатъ и топоровъ. На этотъ разъ предводителемъ турецкихъ войскъ былъ объявленъ визирь Кара-Мустафа, человекъ испытанный въ ратномъ дѣлѣ. Царь и гетманъ вновь стали готовиться къ отпору и потомъ вновь должны были вѣдаться съ Иваномъ Сиркомъ. А между тѣмъ о Сиркѣ снова стали приходить недобрыя вѣсти. Гетману доносили, что кошевой поддался турецкому султану и въ большой дружбѣ съ крымскимъ ханомъ, что онъ сносится съ ними черезъ обоеудныхъ, съ той и другой стороны, пословъ, что онъ пересылаетъ всѣ царскія грамоты и гетманскіе листы къ султану и обнадѣживаетъ его отстать отъ подданства русскому царю, такъ какъ ему безъ того сильно далась Сибирь, понасть куда онъ вовсе теперь не желаетъ. Говорили и о томъ, что Сирко сносится съ Хмельничкомъ че-

резъ своего посланца Яненка, а Хмельницкій сносится съ Сиркомъ черезъ Коваленка, подкупая запорожцевъ деньгами и, по султанскому указу, всякими запасами снабдившая ихъ, «только бѣ словъ своихъ не дерзали пережидати, на Крымъ и на иные города наступати», за что запорожцы и кошевой Сирко съ своей стороны отправили посломъ войскового асаула Шила, «чтобъ салтанъ письмомъ своимъ ихъ подкрѣпилъ и въ походѣ своемъ на Москву задѣйствованныхъ городовъ не занималъ и черными Муравевскими шляхами шелъ». Указывали также на то, куда Сирко, для приключенія подѣ бусурмана, выходить имѣлъ, а именно на рѣку Ингулъ¹⁾. Паковецъ, сообщалъ о Сиркѣ и то, что, отправивъ къ Хмельниченку своихъ пословъ, Ивана Яненченка и Семена Гречку, Сирко заключилъ съ нимъ тайный договоръ на томъ, чтобъ вѣру православную не гнать, чтобъ податей и ясырю не давать, чтобъ вольностей и правъ запорожескихъ не нарушать, чтобъ старшинъ войска турецкаго и татаръ въ малороссійскіе города не допускать, и за все это, буде салтанъ на сіи статьи согласится, онъ, Сиркъ, его, Юраску, за князя приметъ и всю Украину по обѣ стороны Днѣпра подѣ турецкую державу приведетъ. Впрочемъ, болѣе дальновидные люди, тѣ, которые лучше понимали Сирка, доносили гетману, что Сирко этими всѣмъ «просто манитъ враговъ, чтобы враги на него самого прежде времени не наступили. Запорожьемъ и Сѣвѣю не овладѣли и разоренія не учинили; что онъ только времени выкидаетъ, чтобы надѣ Крымомъ и надѣ крымскими людьми промыслъ чинить: оттого жъ и гетману о всякихъ тамошнихъ (крымскихъ) вѣдомостяхъ въ то же время пишетъ»²⁾. И точно, 26 дня Сирко доносилъ гетману о движеніи татаръ на Чигиринъ: въ замѣтъ чего гетманъ извѣщалъ его о приказаніи царя всѣмъ силамъ идти подѣ Чигиринъ, а малымъ войскамъ, по совѣту Сирка, стать у Муравевскихъ шляховъ, въ Бѣлгородѣ и на Осколѣ рѣкѣ³⁾. Въ тоже время Сирко писалъ письмо и царю, прося его, черезъ своихъ козаковъ, обѣ отпустить изъ Москвы на Сичь Махмета, мурзы бѣлогородской орды, на освобожденіе изъ Крыма кровныхъ своихъ⁴⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 595, 602, 418, 455, 458.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 642, 693.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 453, 473, 487.

⁴⁾ То-есть, близкихъ родственниковъ, захваченныхъ раньше того въ неволю.

Не довѣряя ни въ чемъ кошевому, гетманъ особенно былъ возмущенъ, когда ему прислано было письмо Хмельницкаго къ Сирку.

Февраля 7 дня Хмельницкій писалъ Сирку, что, по его просьбѣ, онъ готовъ стараться у султана объ освобожденіи изъ неволѣ плѣнныхъ козаковъ, зато просилъ кошевого прислать къ нему или товарища своего, или 100 человекъ нарочныхъ пословъ; если же онъ пословъ не пришлетъ, то тѣмъ его, Хмельницкаго, въ большой стыдъ передъ султанскимъ величествомъ приведетъ, который постоянно о нихъ спрашиваетъ, да и своихъ товарищей, находящихся въ неволѣ, погубить всѣхъ. Получивъ это письмо, Сирко отослалъ его, вмѣстѣ съ собственнымъ письмомъ, Самойловичу. Въ собственномъ письмѣ Сирко въ свое оправданіе писалъ, что просилъ Хмельницкаго за прежнихъ своихъ товарищей, взятыхъ у Лодыжина, а къ крымскому хану посылать по тѣхъ, которые пойманы у Переволочны. Въ заключеніе письма Сирко говорилъ, что посольства къ Хмельницкому онъ никакого не посылалъ, а только лишь о своихъ товарищахъ просилъ, въ доказательство чего и отвѣтъ Хмельницкаго на свою просьбу приложить. Въ слѣдъ за этимъ письмомъ Сирко отправилъ гетману и другое письмо. Въ немъ онъ совѣтовалъ гетману, какъ поступить, на случай прихода враговъ, съ городомъ Чигириномъ. Совѣтъ его состоялъ въ томъ, что вмѣсто того, чтобы разоренный неприятельскимъ мечомъ городъ защищать, было бы удобнѣе Кіевъ, святой городъ, оборонять: «Лучше бы жителей всѣхъ тамошнихъ (Чигирин) изъ города вывести, а самый замокъ сжечь, потому что поганый на пожарное мѣсто не пойдетъ, да и намъ на двѣ доли войско неудобно раздѣлять» ¹⁾.

Получивъ листы кошевого Сирка и приложенное къ нимъ письмо Юрася и усмотрѣвъ въ нихъ «злосливое» противъ христіанъ намѣреніе, гетманъ немедленно отправилъ ихъ въ Москву съ грамотой къ царю, въ которой писалъ: «Не для чего много совѣтуетъ онъ (Сирко) покинуть Чигиринъ, какъ для того, чтобы, вмѣстѣ съ Хмельниченко, привести злобный замыселъ свой. Пусть только Чигиринъ достанется въ руки имъ, тогда они снова укрѣпятъ его, Хмельниченко сдѣлаетъ въ немъ столицу княжества своего, а Сирко объявитъ главнымъ гетманскаго регимента сво-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 517, 515, 516.

его, потому что уже и теперь Сирко величаетъ Хмельниченка княземъ Малой Россіи, а Хмельниченко Сирка—гетманомъ кошевымъ войска запорожскаго низовыхъ козаковъ ¹⁾). Гетманъ Самойловичъ, какъ и прежде, особенно настаивалъ на защитѣ Чигирина. «Почему,—говорилъ—имъ, запорожцы, не смотря на расположеніе къ Хмельницкому и къ туркамъ, не соединились съ ними яшию (во время перваго Чигиринскаго похода) и не помогли имъ въ войнѣ? Потому что запорожцы смотрѣли на Чигиринъ и слѣдили за его судьбой: кто будетъ владѣть Чигириномъ, тому поддадутся запорожцы и вся Малороссія по ту сторону Днѣпра» ²⁾).

Еще болѣе, чѣмъ совѣтъ Сирка о разрушеніи Чигирина, возмущала гетмана просьба кошевого о присылкѣ въ Сичъ войсковыхъ знаменъ и о дарованіи кошевому мѣстечка Келеберды. съ чѣмъ онъ обратился къ Самойловичу черезъ своихъ посланцевъ, отправленныхъ въ Батуришъ, пользуясь, разумѣется, затруднительнымъ положеніемъ гетмана и царя и надѣясь чрезъ то усилить въ своей просьбѣ. «Къ чему затѣяли они теперь просьбу свою? Никогда того не бывало. да и теперь не годилось имъ о томъ вашего государскаго престола утруждать,—писалъ гетманъ царю Оедору Алексѣевичу.—Во все время, какъ стало войско запорожское подъ вашею православною государскою обороною, одному regimentарію гетману давались знамена и булава, за которыя войско запорожское на службу вашу государскую ходить должно; а всякій полковникъ, по христіанскому обыкновенію и по стародавнимъ войсковымъ правамъ, дѣлаетъ самъ себѣ для воинскаго дѣла, какія можетъ, знамена, что и запорожцамъ можно было бы сдѣлать. И если бы у нихъ не оказалось денегъ на то, то и я могъ бы имъ какою вещью помочь, или, сдѣлавъ готовое знамя, на Кошъ послать. И то удивительно, для чего они не искали знаменъ и никуда не посылали по нимъ тогда, когда у нихъ самозванецъ былъ, а сами сдѣлали ихъ для него да и теперь хранить у себя. Къ чему же они просятъ именно теперь царскихъ знаменъ? Къ тому, чтобы прибрать побольше малоразсудныхъ и легкомысленныхъ къ себѣ людей и отъ Чигирина ихъ отвлечь. Говорили они и наказывали, чтобы дать имъ полтавскаго полка мѣстечко Келеберду и Переволочанскій перевозъ на Днѣпрѣ. И

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 313.

²⁾ Архивъ министерства иностр. дѣлъ; малор. дѣла, 1677, № 24.

то они новое дѣло вымышляютъ: отъ начала, какъ стало Запорожье и по настоящее время, ни мѣстечкомъ, ни селомъ, ни другимъ меньше того запорожцы на Украинѣ не владѣли и просить о томъ за стыдъ себѣ почитали; также и самъ я размышляю, что того мѣстечка Келеберды отдать имъ непригоже, потому что тогда въ одномъ полку два начальства будетъ, одно давнее, другое новое, отъ чего распри между людьми стануть да къ тому жъ, основавъ тамъ свою власть, запорожцы винушатъ другимъ не повиноваться намъ. Обращаясь къ намъ съ такими неподобными просьбами, они просто возносятся отъ того, что къ нимъ, на Запорожье, отъ васъ, великаго государя, и отъ меня, вашего государскаго подданнаго, частыя въ эту зиму посылки были: они воображаютъ, что безъ нихъ никакое прибыльное дѣло не совершится» ¹⁾).

Не менѣе того гетманъ злился на Сирка и за то, что онъ все еще не переставалъ сноситься съ Хмельниченкомъ, принималъ письма изъ Крыма и не прекращалъ вопроса объ обмѣнѣ плѣнными. Марта 2 дня писалъ Сирку изъ Крыма Ширинъ-бей, что хотя ханъ и султанъ съ государства сходятъ, но онъ, бей, готовъ додержать съ Сиркомъ учиненный между крымцами и козаками договоръ, лишь бы только и запорожцы додержали его, о чемъ просилъ извѣстить его, будутъ или нѣтъ козаки крымцами вѣрны. Сирко, отсылая гетману письмо бей, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ ему, что бею дано слово быть съ Крымомъ въ миру не для чего иного, какъ для размѣна плѣнныхъ, но и то только до святого Георгія, а послѣ святого Георгія гетману будетъ дана вѣсть, и какъ гетманъ Сирку посовѣтуетъ, такъ онъ съ Крымомъ и поступитъ ²⁾).

Узнавъ доподлинно о всѣхъ сношеніяхъ Сирка съ врагами русскаго царя, Самойловичъ, отправляя въ Сичь царскаго посла съ жалованьемъ войску низовыхъ козаковъ, приказалъ, для разузнанія дѣла, козаку полтавскаго полка, Ивану Красноперченку и товарищамъ его, собрать свѣдѣнія о всѣхъ намѣреніяхъ запорожцевъ. Прибывъ въ Сичь, Красноперченко и товарищи его узнали, что турскій султанъ имѣетъ идти на Украину, что запорожцы готовы выступить противъ него; что съ крымскимъ ханомъ они будутъ держать перемиріе, ради окупа плѣнныхъ, только до святого Геор-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 505—508.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 560, 532, 537, 538.

гій: что Юрій Хмельницкій присылалъ въ Сичь трехъ козаковъ, чтобы склонить запорожцевъ на свою сторону, но запорожцы въ томъ ему отказали, а во всемъ положились на государскую волю. Самъ Сирко призывалъ Красноперченка въ свой курень одного и спрашивалъ его о своей женѣ, дѣтяхъ и домѣ, потому что онъ, Иванъ Красноперченко, съ его женой «въ прежнія лѣта былъ восприемникомъ». Призывалъ къ себѣ Сирко и Тишка Ганусенка, котораго гетманъ изъ Батурина къ Сирку посылалъ; тому Сирко, снявъ со стѣны Спасовъ образъ и поцѣловавъ его, говорилъ, что если онъ не вѣренъ царскому величеству и врагъ гетману, то пусть бы тотъ образъ побилъ и душу, и тѣло его ¹⁾).

Собравъ всѣ свѣдѣнія о Сиркѣ и усмотрѣвъ въ нихъ «явные свидѣтельства» нерасположенія къ царю и вражды къ себѣ, гетманъ все-таки нашелъ нужнымъ ладить съ Сиркомъ, и для того, чтобы отвлечь его отъ злого намѣренія пересылокъ съ турками и Юріемъ Хмельницкимъ, опредѣлялъ послать ему увѣщательное письмо и удовлетворять разными запасами. Въ письмѣ гетманъ совѣтовалъ кошевому и всѣмъ козакамъ не обольщаться обѣщаніями князя-чернеча о готовности его способствовать освобожденію плѣнныхъ товарищей ихъ: а болѣе всего не надѣяться на бусурманъ, которые и поданнымъ своимъ христіанамъ ни вольностей не даютъ, ни креста святого ставить на храмахъ, ни плѣнія божественнаго въ церквахъ, ни открытыхъ знаменій на себѣ творить не позволяютъ: а во время войны не для сраженій и воинскихъ дѣлъ, а только лишь для сооруженія мостовъ и для починки переправъ употребляютъ,—того же не было бы и запорожскимъ козакамъ. Въ заключеніе письма гетманъ извѣщалъ козаковъ, что онъ велѣлъ изготovitъ имъ въ Переволочнѣ 200 бочекъ муки, 40 бочекъ пшени, нѣсколько полтей вѣщицы, за которыми совѣтовалъ имъ, по прежнему обычаю, прислать въ Переволочну нѣсколькихъ товарищей своихъ ²⁾). О посылкѣ своего письма и о всѣхъ намѣреніяхъ Сирка гетманъ донесъ грамотою въ Москву, за что получилъ монаршую благодарность отъ царя ³⁾).

Между тѣмъ турецкій султанъ, не получая опредѣленнаго отвѣта отъ Сирка, рѣшилъ или, по крайней мѣрѣ, велѣлъ рас-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 546—548.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 528, 549—552.

³⁾ Акты южной и западной Россіи XIII, 550, 566.

пустить слухъ, о рѣшеніи своемъ послать часть войска турецкаго, числомъ 40.000 человекъ, на 40 каторгахъ къ Сичѣ и выше ея въ урочищу Кичкасу, чтобы здѣсь свой городъ устроить и отсюда надъ Чигириномъ промыслы чинить. Тогда Сирко снова заговорилъ съ крымцами о разнѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ уже не въ Лодыжинѣ, а въ Переволочинѣ, на что отъ крымцевъ новое предложеніе получилъ—быть съ Крымомъ въ миру, за что крымцы обѣщались по самый Кіевъ въ Днѣпрѣ своихъ лошадей не пастъ. Обо всемъ этомъ Сирко извѣстилъ гетмана своимъ письмомъ (мая 10 дня) и просилъ его прислать къ нимъ съ войскомъ сына своего, Семена Самойловича, для отпора враговъ. На письмо кошевого гетманъ совѣтовалъ запорожцамъ рѣшительно разорвать съ крымцами миръ, потому что они, какъ онъ подлинное извѣстіе имѣлъ, о томъ, намѣрены какимъ-нибудь способомъ все Запорожье снести. Выѣстъ съ этимъ гетманъ извѣщалъ Сирка, что къ нему ѣдетъ нарочный царскій гонецъ, стольникъ Василій Перхуровъ, съ увѣщательскою грамотой отъ царя, дабы превратить козаковъ къ истинной царскаго величества вѣрности и къ единомыслию съ гетманомъ ¹⁾.

Царскій гонецъ дѣйствительно прибылъ въ Сичъ, и, по обыкновенію, былъ принятъ въ ней съ приличными случаю почестями. Получивъ отъ стольника грамоту, кошевой, старшины и все товариство, трижды поклонились передъ ней въ землю и, испрашивая прощенія въ прежнихъ своихъ винахъ передъ царемъ, поклялись на этотъ разъ соблюдать вѣрность московскому царю, повиноваться малороссійскому гетману, размирился и качать военныя дѣйствія съ непріятелями. Самъ Сирко съ клятвой объявилъ гонцу, что онъ уже сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ къ Свѣтлой недѣлѣ всего войска въ Сичу и о немедленномъ выступленіи въ походъ. Выказывая вѣрность московскому царю и готовность къ войнѣ на непріятелей, Сирко и запорожцы тутъ же замѣтили, что въ Запорожѣ слишкомъ «малолюдно и голодно» и настаетъ большая надобность въ запасахъ и войскѣ: «Хотя бы малую часть русскихъ войскъ прислалъ государь для славы имени своего, по съ пупиками, которыхъ нѣтъ въ Запорожѣ, а гетманъ прислалъ бы полтавскій волкъ, тогда вмѣстѣ съ ними мы отиравались бы воевать Крымъ». Кроме того, запорожцы по прежнему жаловались на гетмана за то, что онъ не отдаетъ имъ ни Келеберды,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 590.

ни Переволочны; а кошевой, попрежнему, просилъ государя прислать ему бунчукъ и знамя: «Безъ знамени государскаго ходить ему никуда невозможно, потому что слывутъ они государскіе подданные». Въ бесѣдѣ съ царскимъ гонцомъ Сирко открылся даже, что ему самъ крымскій ханъ не совѣтовалъ отступать отъ московскаго государя: «Зачѣмъ вы ищете другого государя? Есть у васъ московскій государь, есть и гетманъ: одну сторону Днѣпра опустошили, хотите разорить и другую. Если турки завладѣютъ и этою стороною Днѣпра, то не только вамъ, но и Крыму будетъ плохо.—лучше повиноваться одному гетману, нежели преклоняться предъ многими» ¹⁾. На просьбу Сирка и запорожцевъ отвѣтили тѣмъ, что прислали въ Сичь царское денежное жалованье, пушки, свинецъ и царское знамя, и также полтавскій полкъ козаковъ съ видимою цѣлью помогать запорожцамъ въ борьбѣ противъ непріятелей, но въ дѣйствительности наблюдать за ихъ дѣйствіями.

Съ этихъ поръ Сирко все свои сношенія съ непріятелями рѣшительно разорвалъ. Іюня 10 дня гетманъ Самойловичъ писалъ литовскому гетману Пацу, что кошевой Сирко и все войско низовое должную къ монарху христіанскому вѣру свою додерживаютъ, о чемъ черезъ своихъ посланныхъ по должности своей вѣдомость чинить. И точно. Оставивъ въ Сичи наказного атамана Шинца, Сирко съ товариществомъ спустился на Низовье Днѣпра и сталъ дожидаться тамъ непріятелей. Іюля 12 дня надъ днѣпровскимъ лиманомъ, противъ урочища Краснякова, въ устьѣ рѣчки Корабельной, кошевой разбилъ нѣсколько ²⁾ турецкихъ каторгъ и корабельныхъ, съ хлѣбомъ и запасами, судовъ, которыя шли подъ начальствомъ каторжнаго паниа къ Очакову и Кызыкермену. откуда наша имѣла направить запасы сухимъ путемъ къ басурманскимъ войскамъ. Сирко сдѣлалъ это тотчасъ по пріѣздѣ ³⁾ изъ Сичи царскаго гонца Василія Перхурова, передъ которымъ онъ хотѣлъ показать свою преданность царю; изъ всѣхъ турецкихъ судовъ, по словамъ самого Сирка, спаслось только одно съ парусами и съ нѣсколькими людьми, о чемъ кошевой извѣщалъ гетмана черезъ козака Игната Уфеди, пославъ черезъ него

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ, малор. дѣла. 1678, № 2.

²⁾ N Величка означено 40 судовъ: Лѣтопись, 429—464.

³⁾ Это былъ второй пріѣздъ стольника Василія Перхурова.

турскаго языка, а также семь пушекъ и двадцать знаменъ. Оставивъ коштъ съ ясыремъ въ Кардашинѣ надъ Днѣпромъ, Сирко, желая опередить турокъ, шедшихъ изъ-подъ Чигирина, двинулся къ Бугу, къ заставѣ и турецкому мосту; мостъ тотъ сжегъ, заставу разгромилъ, много усталыхъ, голодныхъ и раненыхъ мусульманъ истребилъ, а христіанскихъ плѣнниковъ изъ неволи выводилъ, и всѣмъ этимъ многихъ татаръ заставилъ вернуться изъ похода въ Крымъ ¹⁾.

Однако, геройскій поступокъ Сирка не спасъ Украины отъ бѣды: въ то время, когда Сирко громилъ татаръ на Днѣпрѣ, въ это самое время (августа 11 дня) русскіе ратники и украинскіе козаки понесли пораженіе и отступили отъ Чигирина. Паденіе Чигирина произвело сильное впечатлѣніе на украинцевъ и потому немудрено, что современники стали винить въ этомъ князя Григорія Ромодановскаго и гетмана Ивана Самойловича. Лѣтописецъ Самоилъ Величко объясняетъ, не утверждая, однако, положительно, псудачу русскихъ и украинцевъ подъ Чигириномъ во время второго чигиринскаго похода турокъ бездѣятельностью гетмана Самойловича и князя Ромодановскаго: Ромодановскій боялся нападать на турокъ, будто бы, потому, что въ ихъ рукахъ находился его сынъ, князь Андрей Ромодановскій, взятый въ плѣнъ десять лѣтъ тому назадъ. Турецкій визирь угрожалъ князю, что если онъ осмѣлится помѣшать ему взять городъ Чигиринъ, то получитъ въ подарокъ облупленную и набитую соломой кожу съ головы плѣннаго сына его. Самойловичъ же, «зниюхавшися съ княземъ и слѣдуя его волѣ», вовсе не сочувствовалъ рвенію козаковъ къ войнѣ съ турками и проигралъ успѣхъ войны. Но едва-ли этому обвиненію Величка можно придавать серьезное значеніе: ни предшествующее, ни дальнѣйшее поведеніе князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго не даютъ никакого основанія заподозрѣвать его вѣрность русскому престолу; тѣмъ болѣе, что сынъ его находился въ рукахъ татаръ, въ Бахчисарай, а не въ рукахъ великаго визиря. Самый же неуспѣхъ русскихъ и украинцевъ подъ Чигириномъ объясняется неумѣемъ и медлительностью со стороны князя и гетмана, а не измѣною ихъ и какою-то непонятною злобою къ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 666, 694, 697; Величко относитъ разореніе и сожженіе Сиркомъ моста на Бугѣ къ первому чигиринскому походу (II, 452), но изъ современныхъ событію актовъ видно, что это было во второмъ чигиринскомъ походѣ.

Чигирину. Такъ же нужно смотрѣть и на укоръ кошевого Сирка по адресу гетмана Самойловича. Сирко, подъ вліяніемъ страсти и гнѣва, возмущенный вѣстью о паденіи Чигирина, написалъ Самойловичу слѣдующее, исполненное жестокихъ и болѣею частью незаслуженныхъ укоризнъ и пасмѣшекъ, письмо:

«Вельможный мосце пане гетмане тогобочный украинскій малороссійскій, Іоанне Самойловичъ. Послѣ кончины славно памятнаго, добраго нашего гетмана, Богдана Хмельницкаго, по истинѣ дорогаго отчизнѣ своей малороссійской сына, когда стали являться частые и непостоянные гетманы, и когда, черезъ дѣйствія враждебныхъ сосѣднихъ монарховъ (что ясно изъ андрусовскихъ постановленій 1667 года), единая Малая Россія, наша бѣдная отчизна, раздѣлилась пополамъ, сперва на два гетманства, начавъ отъ полтавскаго Пушкаря и переяславскаго Сомка, потомъ черезъ Ханиенка уманскаго, на три гетманства, и, вслѣдствіе постоянныхъ междоусобій, достаточно обогрилась кровію нашей братин: тогда мы, войско низовое запорожское, тотъ же часъ перспективою нашего ума здалека усмотрѣли и поняли наступающій упадокъ и всконечное запустѣніе отчизны нашей малороссійской. Въ дѣйствительности оно такъ и сталося съ нашей гетманскою антecessоровъ, тогобочныхъ гетмановъ, заски. Смотря издалека окомъ нашего разума на этотъ приближавшійся упадокъ отчизны, мы нигда не могли безъ сердечнаго сожалѣнія вкусить хлѣба и отпочить спокойно послѣ трудовъ дневныхъ, потому что насъ постоянно безноконло и одолѣвало то, что, вслѣдствіе войны и непріязни обосторожныхъ Днѣпра гетмановъ, приходилось намъ полными слезъ глазами смотрѣть на пустую и мертвую Малую Россію, матку нашу, и вмѣсто богатыхъ жилищъ отцовъ и праотцевъ нашихъ видѣть жилища дикихъ звѣрей. Желая предупредить это по мѣрѣ силъ нашихъ, мы письмами нашими и усовѣщевали и убѣждали сегобочныхъ гетмановъ, чтобы они, для общаго отеческаго добра, отринули все циркумстаціи войны и непріязни и оставались бы въ пріязни и згодѣ съ сегобочными гетманами, антecessорами нашими и отнюдь не склонялись бы на обманчивыя польскія приманки и обѣщанія. Однако, все наши доводы мало имѣли дѣйствія, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе между гетманами обѣихъ сторонъ вражда и злоба возрастала и чрезъ ихъ междоусобныя войны нашу братію искореняла. И хотя все тѣ прошлые гетманы наружно показывали себя усердными устроителями и опекунами отчизны нашей,

однако каждый изъ нихъ скрытно и безъ всякой совѣсти, съ немалымъ ущербомъ для отчизны и съ погубленіемъ подчиненнаго ему христіанскаго народа, ради исполненія своего властолюбія и ненасытныхъ афектовъ (желаній), больше старался забрать воды на свои лотки (мельничныя колеса) и затѣмъ до тѣхъ поръ сушилъ свою голову такимъ неспасительнымъ ремесломъ, пока, вмѣстѣ съ урядомъ своимъ, вовсе не терялъ ее, съ немалымъ для отчизны бѣдствіемъ. Послѣ всего этого, не удивляйся, ваша величѣйшѣйшая, войску запорожскому, если намъ пришлось, послѣ случившагося збуренія турчиномъ Чигирина, Канева и всѣхъ остальныхъ сегобочныхъ городовъ и селъ украинскихъ малороссійскихъ, и тебя записать въ реестръ прошлыхъ, не особенно усердныхъ къ отчизнѣ нашей, гетмановъ; ибо, зная, какое вниманіе и готовность къ оборонѣ отъ турокъ оказали ты на слезныя сублимаціи (просьбы) лодыжинцамъ, уманцамъ и жителямъ другихъ городовъ и повѣтовъ, не иначе можемъ и разумѣть о васъ, моимъ панамъ, какъ сказали выше. И точно, вмѣсто военнаго похода и обѣщанія обороны лодыжинцамъ и уманцамъ ты, счастливо нападъ отъ Тысянки повернувши и предоставивши дѣло однимъ братьямъ нашимъ, добрымъ и отважнымъ рыцарямъ, за здравіе отчизны и Лодыжина свой животъ тамъ утратившимъ, ты вмѣсто щирости своей дырку Мурашкою заткнулъ ¹⁾, а самъ, яко журавель на купинѣ стоящій, издалека черезъ Днѣпръ смотрѣлъ до Лодыжина и Уманя, что тамъ будетъ твориться, обгородившись хорошо наметными стѣнами, для защиты своего здоровья, чтобы оттуда не залѣзла по вѣтру пуля какаля и твоему здоровью, въ роскошныхъ перинахъ, какъ павѣ въ красномѣстромъ порѣ, не причинила ущерба. О нещирости же вашей къ Чигирину мы уже и не пишемъ вамъ, когда не только мы, войско низовое запорожское, но и весь великороссійскій и малороссійскій свѣтъ ясно то видѣть можетъ, что онъ, съ прочими городами и украинскими селами, погибъ черезъ вашу съ княземъ Ромодановскимъ нещирость и нещичливість и окончилъ дни свои полнымъ запустѣніемъ съ премногимъ пролитіемъ христіанской крови и съ погубленіемъ истой братіи нашей, ибо какаля могла быть къ Чигирину пріязнь ваша,

¹⁾ Намекъ на охотничьаго полковника Мурашку, котораго гетманъ вмѣсто себя къ Лодыжану послалъ и который страшною смертію отъ турокъ погибъ. Величко, Лѣтопись, II, 353.

когда у васъ издавна сильная злоба къ нему была? И если прежде вы, ваша мощь, не стыдились на Дорошенка и на Чигиринъ со своимъ и съ московскимъ войскомъ, приходить и открыто воспать его, то какъ могли вы устыдиться, чтобы не оборонить и препятствовать паденію его? Объясни же теперь, пане гетмане Самойловичъ, что доказалъ ты, какую услугу Богу и отчизнѣ сдѣлалъ: Дорошенка въ непрестанную неволю заслалъ, Чигиринъ со всею сегобочною Україною потерялъ, многому множеству крови христіанской напрасно пролитая допустилъ и послѣ такого мнимого благополучія обѣихъ сторонъ гетманомъ титуловаться сталъ. Что же тебѣ отъ той запустѣлой сегобочной стороны? Размотри, какого ты чаешь отъ нея пожитка и обогащенія. Намъ кажется, что лучше было бы вамъ двоимъ быть на обѣхъ сторонахъ гетманами и жить, какъ братьямъ, въ любви и единомысліи, чрезъ что вы были бы и непріятелямъ страшны, и въ корыстяхъ своихъ Речи Посполитой украинской всегда умножались бы. Теперь же ты настоящій погубитель Чигирина и остатка сегобочной Украины, потому что если бы ты не добывалъ и не взялъ его, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, подъ свою власть, то и турчинъ не приходилъ бы добывать его. А впоследствии, черезъ разумныя медіаусы, могла бы и вся сегобочная Украина отъ турецкой власти, безъ всякаго кровопролитія, подъ высокую руку православнаго монарха съ Дорошенкомъ приклониться и тебя какъ единого пастыря знать: но ты такъ ожесточился на Дорошенка и на всю сегобочную Украину, что и мало не хотѣлъ обождать до такого счастливаго времени. А нынѣ дождался крайняго упадка и запустѣнія отчизны нашей и уже теперь гимны, сложенные Дорошенку, тебѣ суть приличны, потому что за тебя, гетмана Самойленка, вконецъ опустѣла сегобочная Украина, за что данъ отвѣтъ передъ Богомъ всевидящимъ. Твоему разуму показался лучшимъ одинъ человѣкъ, сынъ князя Ромодановскаго, нежели тысячи братьи нашей, христіанъ православныхъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, оставленныхъ, безъ должной помощи твоей, на убіеніе бусурманамъ въ Чигиринѣ, Каневѣ и другихъ мѣстахъ. Кто тутъ слѣпотѣ твоего ума не удивится? Кто, разсмотрѣвши такое жестокосердіе твое, можетъ съ приязнью и заливостью приклониться къ тебѣ? И если кровь одного праведнаго Авеля воіяла отъ земли до Бога объ отмщеніи Каину, то, какъ ты думаешь, не будетъ-ли пролитая по твоей причинѣ кровь премногихъ христіанъ скаржитися на тебя и про-

силь справедливости у Господа Создателя, Судии праведнаго? Знай хорошо, что вскорѣ постигнетъ тебя то, о чемъ и не мыслишь, и ты кровію своею и чадъ своихъ заплотишь кровь братіи нашей; за погубленіе многой братіи нашей неожиданное на домъ твой найдетъ губительство. Богатства твои, которыя ты уже собралъ и думаешь еще собрать, въ день гнѣва божія не помогутъ тебѣ, ибо одна правда избавляетъ мужа отъ смерти. Они перейдутъ въ руки не трудившихся, и ты останешься сирымъ и бѣднымъ, и какъ по твоей винѣ отчизна наша сегобочная малороссійская запустѣла, такъ и домъ твой возносящійся запустѣетъ и въ жилищахъ твоихъ живущаго не будетъ; ею бо мѣрою мѣрилъ еси, тою возмѣрится, по неложному глаголу евангельскому. Налагая все это вслѣдствіе сердечнаго сожалѣнія о постигшихъ бѣдствіяхъ и крайнемъ упадкѣ отчизны нашей малороссійской, сегобочной Украины, мы вмѣсто благополучія поздравляемъ тебя, желая, чтобы ты чрезъ тотъ упадокъ очнулся и, остерегаясь своего паденія, поспѣвалъ бы милости божіей для вѣчнаго живота и благополучія, невозбранно подаваемой всѣмъ просящимъ и ищущимъ ея, усердно прося которой и для себя, остаемся вашей вельможности зинчивые пріятель и братія, Иванъ Оѣрко, атаманъ кошовій во всѣмъ товариществѣ войска низового запорожскаго. Въ Сичи запорожской, септемвриа 25, року 1678» ¹⁾).

Отступивъ отъ Чигирина и переправившись черезъ Днѣпръ, Кара-Мустафа отдалъ приказаніе, въ виду того, чтобы прекратить запорожцамъ выходъ въ Черное море, вновь повести на устьѣ Днѣпра три крѣпости: на правомъ берегу Днѣпра—Кызыкормень, на островѣ среди Днѣпра, противъ Кызыкорменя, Та-вань и на лѣвой или крымской сторонѣ, при самомъ берегу рѣки, Арсланъ или Асланъ. Между этими городами велѣно было протянуть желѣзныя цѣпи черезъ Днѣпръ и его лѣвые рукава для того, чтобы загородить путь козакамъ къ морю и солдатамъ янтаръ; къ цѣпямъ прикрѣпить маленькіе колокольчики, чтобы слышать, когда запорожцы будутъ своими лодками въ цѣпи ударять. Возведеніе этихъ крѣпостей поручено было главному надзирателю всѣхъ строеній, Мимай-агѣ; защита же работниковъ поручена была Капланъ-пашѣ съ шестью янычарскими полками. Но едва строители начали возведеніе крѣпостей, какъ на нихъ напалъ Иванъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 467.

Сирко съ 15.000 человекъ запорожцевъ. Сперва онъ побилъ татаръ, забравъ у нихъ скотъ и лошадей; потомъ напалъ на турокъ-работниковъ и янычаръ-охранителей, работниковъ изрубилъ, а янычаръ разогналъ. Дѣятельную помощь въ этомъ случаѣ оказаль Сирку царскій стольникъ Василій Перхуровъ съ московскими ратными людьми ¹⁾).

Осенью того же года Сирко черезъ своихъ пословъ Прокопа Голоту и Андрея, калниболотскаго куреня козака, извѣщалъ гетмана, что крымскій ханъ прислалъ къ кошевому посла съ просьбой заключить на три мѣсяца для окуна плѣнныхъ съ нимъ миръ, а главнымъ образомъ для отысканія знатнаго аги Мустафы. По той просьбѣ Сирко отиравилъ къ хану своего толмача, черезъ котораго узналъ, что ханъ, по приказу султана, имѣетъ въ заднѣпровскую Украйну, для соединенія съ Хмельниченкомъ, выходить и тамъ промыслъ свой чинить: теперь же кошевой предлагаетъ гетману въ замѣнъ знатнаго аги взять изъ плѣна боярскаго сына Андрея Ромодановскаго или же вмѣсто него потребовать 40.000 ефимковъ съ татаръ за выкупъ Мустафы-аги. На письмо Сирка гетманъ отвѣчалъ листомъ, что, видя искреннее желаніе къ православному монарху и доброе расположеніе къ нему, regimentарю своему, онъ донесъ пресвѣтлому монаршему престолу о службѣ и благихъ дѣлахъ Сирка, а на счетъ знатнаго турчина, взятаго въ плѣнъ, совѣтовалъ ему за малый окупъ его не избывать: если же его почему-либо въ Сичи неудобно держать, то лучше было бы къ нему, гетману, прислать. Подавая непрежнему добрый совѣтъ Сирку отнюдь ни туркамъ, ни Хмельниченку не довѣрять, гетманъ съ тѣмъ вмѣстѣ писалъ ему, что, не смотря на запрещеніе царя больше 10 человекъ запорожскихъ посланцевъ посылать въ Москву, гетманъ на этотъ разъ позволилъ идти, по прошенію Сирка, 50-ти козакамъ, «дабы великій государь, взирая на ваши труды, въ вашень челобитнѣ явилъ вамъ милость свою». Въ слѣдъ за отбытіемъ запорожскихъ пословъ въ Москву, къ гетману пришло извѣстіе отъ Сирка, что крымскій ханъ «подъ государскіе города» войной идетъ ²⁾).

Въ 1679 году, въ воздаяніе подвиговъ прошедшаго года, царь

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 170; Б.-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 162; Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1873, 148.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 700—703, 748; VIII, 34.

Ододоръ Алексѣевичъ послалъ въ Сичь козакамъ милостивое жалованье: 2 пушки, 200 ядери, 50 пудовъ пороху, 50 пудовъ свинцу, 500 червонцевъ, 170 половинокъ сукна; кромѣ того, особо конному Сирку: двѣ пары соболей добрыхъ, два сорока соболей, два бархата червчатыхъ, два сукна—одно малиноваго, другое червчатого цвѣта по пяти аршинъ длины, атласа гладкаго и камки по 10 аршинъ длины ¹⁾).

Въ этомъ же году разнеслась вѣсть о томъ, что султанъ, желая отмстить запорожцамъ и Сирку за разореніе турецкихъ крѣпостей при устьѣ Днѣпра, а также за истребленіе 13.500 челявѣкъ янычаръ въ 1674 году въ самой Сичи, рѣшилъ уничтожить цѣлою козаковъ, Сичу, и для этого послалъ нашу Кара-Мухаммада съ войскомъ вверхъ по Днѣпру ²⁾). Сирко, узнавъ о приближеніи къ Чортотыку Кара-Мухаммадъ-паша и не надѣясь на силы козаковъ, перенесся изъ Сичи на урочище Лободиху, между острововъ. Турки приблизились къ Сичѣ всего лишь на одинъ переходъ ³⁾). Въ это время царь Ододоръ Алексѣевичъ, узнавъ объ опасности, угрожающей Сирку и козакамъ, отправилъ, для обезпеченія южныхъ границъ, большую конную и пѣшую рать, подъ начальствомъ Якова Корецкаго, на Запорожье въ помощь Сирку, чтобы кошевой соединенными силами могъ туркамъ и татарамъ «противиться». Но врагъ, провѣдавъ о томъ, «ужаснулся и аки нѣкая змѣя, утѣшенная, спряталъ свою гордую главу» ⁴⁾). Въ этомъ же году разнеслась было вѣсть о томъ, будто Сирко убилъ измѣнника русскому царю Юрія Хмельниченка, но то оказалось одною лишь молвою ⁵⁾). Напротивъ того, самого Сирка въ это время покушался зарѣзать какой-то татарскій мурза, но кошевого предупредилъ одинъ запорожскій козакъ, и раздраженный Сирко убилъ мурзу ⁶⁾).

Гетманъ Иванъ Самойловичъ, узнавъ объ опасности, угрожающей Сичѣ отъ турокъ, написалъ Сирку письмо съ готовностью помогать ему противъ враговъ; на то письмо кошевой и козаки

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1679, № 4; Б.-Каменскій, Исторія Малой Россіи, II, прим. стр. 29.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 170.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 155.

⁴⁾ Лѣтописецъ Леонтія Воболинскаго, Кіевъ, 1854, 315.

⁵⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 171.

⁶⁾ Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 168.

отвѣчали ему своимъ листомъ. Они благодарили гетмана за высказанное сочувствіе, но отклонили предложеніе его о помощи имъ: «Если вы, ваша велиможность, станете беспокоить вашу гетманскую особу съ такою пріязнью и усердіемъ, какую выказали у Лодыкина, Умани, Чигирина, Канева и другихъ украинскихъ сегобочныхъ городовъ и повѣтовъ, то лучше вамъ оставаться въ собственномъ домѣ и не смотрѣть на наше паденіе сблизка, какъ смотрѣли вы безпечально на паденіе Чигирина; а мы поручаемъ себя всемогущей божіей защитѣ и сами будемъ, при всесильной помощи божіей, промышлять о своей цѣлости, въ случаѣ прихода непріятелей»¹⁾.

Это было писано апрѣля 6 дня, а мая 29 дня коломацкій сотникъ Остафій Подерня въ своемъ листѣ къ ахтырскому полковнику Оедору Сагуцу писалъ, что въ этотъ день ѣхали черезъ Коломакъ²⁾ орельскіе да сѣрковскіе козаки и сказывали ему, Остафію: «Посыланы-де изъ Запорожья, изъ Сѣчи, отъ кошевого атамана Івана Сѣрка во всѣ города листы о томъ, что бусурмане хотѣли учинить съ нимъ миръ и не учинили»³⁾.

Спустя два мѣсяца послѣ этого извѣстія Сѣрка уже не стало въ живыхъ.

«Того жъ лѣта, августа перваго числа, представился отъ жизни сей, черезъ нѣкоторое время послѣ болѣзни, въ Грушевкѣ, въ часѣхъ своей, славный кошевой атаманъ, Іванъ Сѣрко. Препровожденный водою до запорожеской Сичи, онъ погребенъ былъ честно всѣмъ войскомъ низовымъ запорожескимъ въ полѣ, за Сичею, противъ московскаго окопа, гдѣ погребалось и другое запорожеское товариство. Хоронили его знаменито августа 2 дни со многою арматною и мушкетною стрѣльбою и съ великою отъ всего низового войска жалостью, какъ прилично оказывать то такому справному и счастливому вождю, который съ молодыхъ лѣтъ и до старости своей, пробавляясь военными промыслами, не только удачно Крымъ воевалъ и пожегъ въ немъ многіе города и не только въ дикихъ поляхъ, по разнымъ мѣстамъ, татарскіе загоны громилъ и христіанскихъ полонниковъ отбивалъ, но, выплывая въ Черное море лодками, въ разныхъ мѣстахъ не малые шкоды и разоренія бусурманамъ чинилъ, а по самому морю корабли и торговн. изыиміе изъ Константинополя въ Крымъ, Азовъ и другія

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 489—493.

²⁾ Коломакъ—слобода харьковской губ., валковскаго уѣзда.

³⁾ Филаретъ, Историко-стат. опис. харьков. еп., Москва, 1857, II, 263.

мѣста, разбивалъ и съ великою добычею счастливо съ запорожскимъ войскомъ до Коша возвращался. Все войско его любило и за отца своего почитало. Похоронивши же его, какъ выше сказано, съ жалостію великою, знатную надъ нимъ насыпали могилу и на ней каменный крестъ поставили съ надлежащимъ именемъ и надписомъ его дѣяній¹⁾.

Гетманъ узналъ о смерти Сирка изъ письма къ нему новаго кошевого атамана Ивана Стягайла, который, извѣщая Самойловича о кончинѣ Сирка, съ тѣмъ вмѣстѣ сообщалъ, что войско запорожское, гуляя на Азовскомъ морѣ, разгромило турецкій корабль на немъ, девять человекъ турокъ взяло въ плѣнъ, а остальную, большую, часть потопило въ морѣ.

«Если жизнь людей находится въ рукахъ Бога, то по волѣ его терминъ смерти беретъ всякаго человека со свѣта; такимъ способомъ августа перваго числа, пришедшій смертельный часъ взялъ отъ животнаго мѣшканія, наполнивъ насъ жалостію, и пана Ивана Сирка; тѣло его несчастнаго послѣ его страданій, мы похоронили, по обычаю христіанскому и набожному обряду церковному, въ полѣ, при Кошѣ, августа 2 дня. А сами, оставаясь въ неотлучной и вѣрной службѣ нашему государю, его царскому пресвѣтлому величеству, готовимся все войско собрать на Кошъ для приведенія въ надлежащій порядокъ Запорожья, чтобы быть всегда готовыми на всякую царю службу. При этомъ извѣщаемъ вельможность твою, что послѣ смерти небожчика (Сирка) наше запорожское товариство, будучи на Азовскомъ морѣ, августа 8 дня, турецкій корабль громило: большую часть людей его побилъ, а девять человекъ неприятелей до Коша привело; послѣдніе намъ объявили, что ни отъ татаръ, ни отъ турокъ никакой войны на нашего государя и на Украину не будетъ, потому что (мусульмане) завелись войной съ французскимъ королевствомъ. Для того всѣ турецкія каторги (морскія суда) изъ Чернаго моря и отъ Константинополя пошли въ Бѣлое (Мраморное) море; только и осталось четыре каторги, которыя пошли, да и то ненадолго, съ казною въ Азовское море. Оттого же ни на Дунаѣ, ни на Днѣстрѣ, нигдѣ нѣтъ турецкихъ войскъ; только въ Крыму носятя вѣсти, будто орда весной двинется на Украину. Узнали мы и о томъ, что царское пресвѣтлое величество съ найяснѣйшимъ королемъ польскимъ хотя и братски живутъ,

¹⁾ Велико, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 497—498.

но не смакують и на ляховъ ропщуть. Что до того, что мы не посылаемъ нашихъ посланцевъ до великаго нашего государя, то это происходитъ отъ того, что наше товариство ни съ поля, ни съ воды до сихъ поръ не явилось къ намъ, а если, дастъ Богъ, съ ихъ приходомъ, мы получимъ какую-нибудь вѣсть о непріятеляхъ, то въ тотъ же часъ пошлемъ сказать о томъ царскому пресвѣтлому величеству. А такъ какъ твоя вельможность обѣщала намъ испросить ласку у великаго государя, то просимъ уторовать (проторить) напередъ для этого дорогу. Съ этими прописанными вѣстями посылаемъ до твоей вельможности нашихъ товарищей Кузьму съ Семеновъ Гашженкомъ и при нихъ одного изъ взятыхъ невольниковъ, холопшина, который все также хорошо знаетъ, какъ и тѣ турки, и также, какъ они, расскажетъ; мы сами сперва его допросили, а потомъ то же самое отъ другихъ слышали. Прося взаимно извѣстить насъ о движеніи войскъ его царскаго пресвѣтлаго величества съ войскомъ твоей вельможности и возможно скорѣй возвратитъ намъ назадъ нашего посланца, желаемъ твоей вельможности отъ Господа Бога имѣть многолѣтнее здравіе и счастье въ помыслахъ, а себѣ ласки твоей до насъ. Вельможности твоей зичливые пріятели и нижайшіе слуги Иванъ Стягайло, атаманъ кошовій войска его царскаго пресвѣтлаго величества, запорожскаго низового, со всѣмъ товариствомъ. Въ Коша, августа 10, року 1680» ¹⁾).

Въ Москвѣ о смерти Сирка узнали въ сентябрѣ того же года по прїѣздѣ запорожскихъ пословъ, полковника Щербины и бывшего писаря Быховца. Въ тайномъ разсирокѣ писарь Быховецъ ²⁾ о послѣднихъ годахъ жизни Сирка сказалъ слѣдующее:

«Когда Сирко былъ коневымъ, то отъ него никакого добра великому государю не было; а говорить ему лично никто о томъ не смѣлъ, потому что всѣ его, или вслѣдствіе поущенія божія, или вслѣдствіе хитрости какой, чрезмѣрно боялись, и что онъ было задумаетъ, то и сдѣлаетъ, а еслибъ кто не захотѣлъ его слушаться, того тотъ часъ бы убили, потому что въ кругу у насъ всякому вольность, и если бы на кого Сирко что-нибудь затѣялъ, то безъ всякаго розыска тутъ же и смерть тому была. Сирко не хотѣлъ добра великому государю, во-первыхъ, за то, что былъ въ ссылкѣ въ Сибири; во-вторыхъ, за гетмана, отъ котораго Сирку, его женѣ и дѣтямъ тѣснота и обида великая была и который отнялъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 498.

²⁾ Иначе называется Быховецкимъ и Быхоцкимъ.

у Запорожья маестности и промыслы и не присылалъ запасовъ. Были къ Сирку посланки отъ польскаго короля, чтобъ онъ ему служилъ, и кошевой началъ думать, какъ бы въ Украинѣ сдѣлать кровопролитіе. Послышавъ объ этомъ намѣреніи, король прислалъ къ нему изъ Бѣлой-Церкви попа; Сирко черезъ этого попа обнадежился, послалъ къ королю сына своего и съ нимъ сотню козаковъ, отзывался съ вѣрною службою и съ такимъ замысломъ, чтобъ король навелъ хана съ ордою на слободскіе украинскіе города, а свои войска послалъ по Задесенью; Сирко же въ это время подъ королевскимъ знаменемъ пойдетъ также къ слободскимъ городамъ, и когда малороссійскіе жители увидятъ на себѣ такую тѣсноту, а про Сирка услышатъ, что онъ служитъ королю, то начнутъ бунтъ, убьютъ гетмана, а Сирка провозгласятъ гетманомъ, обнадеживаясь на то, что онъ черезъ польскаго короля отъ турокъ и татаръ дастъ имъ покой. Сила божія не допустила этого намѣренія до совершенія, мы съ судьей Яковомъ Константиновымъ поработали тутъ Богу и послужили вѣрно великому государю, до злого намѣренія Сирка не допустили, не дали ему съ Крымомъ договориться, чтобъ быть подъ обороною турецкаго султана. Съ этихъ поръ Сирко пришелъ въ отчаяніе, что не могъ исполнить своего намѣренія и началъ хворать: заболѣлъ у него лѣвый бокъ, отчего сталъ чрезмѣрно худъ. Во время болѣзни войскомъ не занимался, а постоянно жилъ въ пасѣкѣ своей, которая отъ Сѣчи въ десяти верстахъ въ дѣлповыхъ заливахъ со всякими крѣпостями. Войско стало негодовать, но онъ говорилъ козакамъ: «Слушайте меня, я человекъ старый и вѣрный, знаю, что въ какое время дѣлать, и такъ вы добрыхъ молодцовъ растеряли, что безъ моего совѣта посылали ихъ въ степь». Король присылалъ къ нему волоха, именемъ Апостольца, который всякими тайными разговорами приводилъ его къ исполненію вышеобъявленныхъ злыхъ дѣлъ; мы съ судьей узнали объ этомъ отъ Апостольца, который началъ намъ говорить, чтобъ мы слушались стараго воина Сирка, что намъ прикажетъ исполняли бы. Мы спрашивали у Сирка, зачѣмъ пріѣхалъ Апостолецъ, но онъ намъ не объявилъ, только вычиталъ свои и войсковыя обиды. Незадолго передъ смертію Сирко велѣлъ себѣ сдѣлать гробъ и въ немъ ложился, говорилъ, что прежняго здоровья себѣ не часть, и августа 1 дня умеръ въ своей пасѣкѣ скоропостижно» ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XIII, 274.

Произнесенный надъ свѣжей могилой Сирка судъ, сдѣланный самымъ вліятельнымъ въ Запорожьи лицомъ и, повидимому, очень близкимъ къ кошевому человѣкомъ, можетъ служить исходною точкою для оцѣнки всей дѣятельности знаменитаго кошевого низовыхъ козаковъ. Прежде всего нужно замѣтить то, что Сирко былъ человѣкъ безусловно честный, не запытавшій себя ни корыстолюбіемъ, ни алчностью, ни продажностью; что онъ былъ человѣкъ простой и доступный въ общеніи, чуждый всякаго чванства и надменности, каковыми всѣми качествами представлялъ изъ себя полную противоположность своему противнику, гетману Самойловичу ¹⁾. Затѣмъ, нужно сказать и то, что Сирко былъ истинный патріотъ, безпредѣльно и свято любившій свою родину, подъ которой онъ разумѣлъ не только Запорожье, но и всю вообще Малороссію, не исключая слободской Украины: за родину онъ всю жизнь, не покладая своихъ рукъ, сражался; ради нея онъ личными интересами пренебрегалъ, ни отдыха, ни покоя не зналъ, всякія опасности на войнѣ ни во что ставилъ; ради нея же, а не ради личныхъ выгодъ и капризовъ, переходилъ отъ одного государя къ другому, отъ русскаго царя къ польскому королю, отъ польскаго короля — къ турецкому султану или крымскому хану. Любя свою родину, не щадя за нее ни силъ, ни здоровья, Сирко хотѣлъ видѣть ее свободной и ни отъ кого независимой. Въ этомъ отношеніи для Сирка былъ всякъ врагъ, кто только стремился наложить свою руку на вольности низовыхъ козаковъ. Конечно, изъ всѣхъ сосѣднихъ запорожцамъ державцевъ симпатіи Сирка всегда направлены были къ русскому царю, православному и соплеменному государю, и если Сирко говорилъ и клялся, что онъ вѣрно служить московскому царю, то это въ сущности и было такъ. Но, служа царю и симпатизируя ему, Сирко все же не хотѣлъ поступиться передъ нимъ ни личной свободой, ни политической независимостью всего Запорожья. Однако, не будучи въ состояніи идти въ этомъ отношеніи прямымъ путемъ, Сирко принужденъ былъ избирать пути окольные и нерѣдко метаться изъ стороны въ сто-

¹⁾ Самойловичъ въ особенности былъ жаденъ къ деньгамъ и, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, собиралъ свои скарбы всякими способами: послѣ его паденія у него нашлось множество золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, четвертей, братнѣ, блюдъ, кружекъ, поясовъ, жемчуга, драгоценныхъ перстней и тому подобныхъ вещей: Карповичъ, Замѣчательныя богатства въ Россіи, Спб., 1885, 228.

рону, хвататься то за одно, то за другое средство, простирать свои взоры то къ одному, то къ другому изъ сосѣднихъ государствъ, чтобы только заручиться помощью одного противъ другого и тѣмъ спасти «дорогую матку» Свѣчу и сохранить свою свободу и независимость, которая, по словамъ самихъ запорожцевъ, казалась имъ милѣе всего на цѣломъ свѣтѣ и была столь же имъ необходима, какъ птицѣ необходимъ воздухъ, а рыбѣ необходима вода. Сирко, какъ самый дальновидный изъ своихъ современниковъ человекъ и какъ человекъ, взлелѣанный на свободѣ, любившій свободу выше собственной жизни, политическимъ идеаломъ своимъ считалъ полную независимость и полную неприкосновенность Запорожья, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовалъ всю свою жизнь. Онъ махалъ своей саблей на всѣ на четыре стороны, какъ сказочный богатырь, защищая рыцарскую честь, православную вѣру и полную независимость, дѣйствуя противъ всѣхъ, кто выступалъ врагомъ свободы, и за всѣхъ, кто стремился къ ней. Оттого мы и видимъ Сирка почти одновременно сражающимся и противъ короля, и за короля, дѣйствующимъ и въ пользу царю, и во вредъ его, воюющимъ и противъ мусульманъ, и иногда заодно съ мусульманами. Въ этомъ нѣтъ ни вѣрности кому бы то ни было, ни измѣны, а есть только страстное желаніе сохранить политическую независимость украинскаго и запорожскаго народа. Исходя изъ этой точки зрѣнія, едва ли можно заподозрить показанія войскового писаря Быховца относительно замысловъ Сирка въ послѣдніе годы его жизни: Сирко дѣйствительно могъ придти къ мысли объ отторженіи Украины отъ Москвы съ цѣлью обезпеченія малороссійскаго и запорожскаго края въ отношеніи его политической независимости. Понимая, что, онъ ясно прозрѣвалъ въ то, къ чему должна привести протекція Москвы надъ Запорожьемъ, и бросался изъ стороны въ сторону съ тѣмъ, чтобы навсегда обезпечить независимость Запорожья. Сирко не жилъ минутою дня и потому, не всегда понимаемый молодымъ поколѣніемъ, говорилъ: «Слушайте меня, дѣтки, я старый человекъ и знаю, что дѣлать». Однако, большинству современниковъ мысли Сирка были чужды: масса запорожской черни и козачества или вовсе не задавалась вопросами о далекомъ будущемъ, или же, если и задавалась вопросами, то не шла дальше того, чтобы получить отъ Москвы побольше подарковъ и выразить свою независимость отъ нея криками по адресу Москвы на радѣ или ограбленіями и погромомъ московскихъ пословъ и тор-

говыхъ людей въ степи. Оттого уже тотчасъ послѣ смерти Сирка главные его сподвижники и вся масса войска отнеслись, повидимому, совершенно равнодушно къ его завѣтнымъ мыслямъ и тайнымъ замысламъ.

Личность Сирка, какъ воина и какъ непобѣдимаго героя, производила большое впечатлѣніе на современниковъ и на послѣдующее поколѣніе, какъ запорожскихъ, такъ и малороссійскихъ козаковъ. Говорили, что равнаго Сирку не было, не будетъ и никогда не можетъ быть: на то есть заклѣтіе отъ самого Сирка: «Хто ляже рядомъ зо мною, то ще братъ, а хто выше мене — той проклѣть». Говорили, будто запорожцы, послѣ смерти своего славнаго и непобѣдимаго вождя, отправляясь въ какой бы ни было походъ, брали съ собою и гробъ Сирка, и такимъ образомъ пять лѣтъ подъ рядъ возили его тѣло и по водѣ, и по сушѣ, твердо вѣруя, что Сирко и послѣ смерти своей страшенъ врагамъ козацкимъ и что съ нимъ, даже мертвымъ, можно побѣждать бусурманъ ¹⁾. Говорятъ еще и теперь, что послѣ смерти Сирка козаки отрѣзали правую руку его, и съ ней вездѣ ходили на войну, а въ случаѣ бѣды выставляли ее впередъ, говоря: «Стої, душа и рука Сирка съ нами!» И по тому слову враги, какъ зайцы, бѣжали отъ козаковъ. Только потомъ, когда ужъ и самая Сичъ была спесена, и все Запорожье уничтожено, козаки схоронили въ могилѣ руку Сирка, но не схоронили они съ ней души его: онъ вовсе не умеръ, онъ живъ до сихъ поръ, онъ и теперь воюетъ гдѣ-то съ врагами Христовой вѣры и козацкой вольности ²⁾.

Могила Сирка, по-теперешнему, находится въ деревнѣ Капулижѣ, екатеринославской губерніи и уѣзда, раскинувшейся при устьѣ рѣчки Чортомлыка, гдѣ некогда была Чортомлыцкая Сича, въ которой подвизался Сирко. Она находится въ огородѣ крестьянина Николая Алексѣевича Мазая и представляетъ собою небольшой земляной холмъ, обсаженный кругомъ кудрявыми шелковицами да высокими тополями и увѣнчанный небольшою поднятою вверхъ, въ два безъ полутора вершка аршина, высоты каменной, на подставкѣ, плитой, на которой сдѣланы съ обѣихъ сторонъ начертанія. На восточной сторонѣ этой плиты выѣчено распятіе Христа съ обычными при немъ буквами І. ІІ, ІІІ, ІІІІ; ІС. ХР. ІІІІ. КХ.

¹⁾ Мышенскій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, II.

²⁾ Эваринскій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 76.

И, П, Т, Р, М, Л, Р, Б: на западной сторонѣ, въ самомъ верху, высѣченъ небольшой четырехконечный крестъ и ниже креста погнѣшена слѣдующая надпись:

РѢ АХП МАЙ Д ПРЕСТАЗИЕМ РАБЬ БО
 ИОАНЬ СЪРЬКО ЗМИТРОВИ АПІМАНЬ КОШО-
 ВИЙ ВОСКА ЗАПОРОВСКОГО ЗА ЕГО Ц П В ФЕВДО-
 РА АЛЕЗѢВИЧА ПАМІТ ПРАВЕДНАГО СОПОХВАЛАМИ

Въ переводѣ на современную транскрипцію это значить: Року божого 1680 мая 4 преставися рабъ бож Іоанъ Сѣрько Дмитрови атаманъ кошовой воска запорожского за его ц. п. в. (царскаго пресвѣтлаго величества) Феодора Алексѣевича. Памят праведнаго со похвалами.

Сравнивая показаніе этой надписи съ показаніемъ современниковъ Сирка, кошевого Стягайла и писаря Быховца, а также съ показаніемъ лѣтописца Величка, мы видимъ, разницу въ мѣсяцѣ и днѣ смерти Івана Сирка: надпись гласить, что онъ умеръ мая 4 числа; современники и лѣтописецъ свидѣтельствуютъ, что онъ скончался августа перваго дня. Чему въ данномъ случаѣ отдать предпочтеніе? Основательнѣе будетъ отдать предпочтеніе свидѣтельствамъ современника и лѣтописца на томъ основаніи, что едва-ли памятникъ, стоящій теперь на могилѣ Сирка, тотъ самый, который поставленъ былъ ему тотъ же часъ послѣ смерти его. Дѣло въ томъ, что черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Сирка, когда запорожцы, отложившись отъ русскаго царя, перешли на сторону шведскаго короля и когда русскій царь восторжествовалъ надъ всѣми врагами своими, а въ числѣ ихъ и надъ войскомъ запорожескихъ козаковъ, то онъ приказалъ всю Сичь, прославленную именемъ Сирка, до основанія раскопать и всѣ могилы ея съ землею сравнять. Русскія войска, посланныя въ Чортотмыцкую Сичь и встрѣтившія здѣсь упорное сопротивленіе со стороны козаковъ, до того въ своемъ ожесточеніи дошли, что, по свидѣтельству современниковъ, раскапывали могилы мертвецовъ и выбрасывали трупы погребенныхъ въ нихъ козаковъ. Поэтому, трудно допустить, чтобы въ это время уцѣлѣлъ памятникъ Сирка; напротивъ того, нужно думать, что онъ одинъ изъ первыхъ былъ разбитъ и брошенъ на землю. Потомъ, когда запорожцы вновь

возвратились на свое гнѣздо, они могли соорудить Сирку новый памятникъ и тутъ, дѣлая по памяти надпись на немъ, допустили нѣкоторую неточность въ показаніи мѣсяца и дня смерти Сирка.

Со смертью Сирка слава низовыхъ козаковъ надолго померкла, и запорожцы уже не играли никогда такой выдающейся роли въ исторіи южной Россіи, какую они играли при своемъ знаменитомъ кошевомъ. Въ Сичи выступили другіе вожаки, менѣе сильные и менѣе предпріимчивые, чѣмъ Сирко. Зато на Украинѣ и въ Мокшѣ, послѣ Самойловича, царя Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича, напротивъ того, явились выдающіеся дѣятели, каковы: гетманъ Иванъ Мазепа и въ особенности царь Петръ Алексѣевичъ. Мазепу запорожцы ставили на ряду съ Хмельницкимъ и сложили на этотъ счетъ поговорку: «Отъ Богдана до Ивана не было гетьмана». Оттого всѣ попытки запорожцевъ, послѣ смерти Сирка, составить себѣ независимое положеніе и играть прежнюю роль оканчивались одними неудачами. Запорожье попрежнему «шаталось» между Россіей и Польшей съ одной стороны и Крымомъ и Турціей съ другой, ища вездѣ точку опоры для своей политической независимости. Разница была лишь въ томъ, что въ прежнее время запорожцевъ боялись и заискивали вездѣ, теперь же ихъ только терпѣли и пользовались ими лишь въ крайней необходимости.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ смерти Сирка, прибылъ въ Сичу съ царскимъ жалованьемъ запорожскому войску посолъ Бердяевъ и, вышедъ въ раду, говорилъ козакамъ, чтобы они не думали дѣлать того, о чемъ замышлялъ Сирко, и присягнули бы на вѣрность русскому царю. Запорожцы, принявъ жалованье, въ присягѣ послу отказали: «Для чего намъ присягать? Мы великому государю не измѣняли и измѣнять не хотимъ, а суконъ прислано намъ мало, подѣлился печѣмъ, не будетъ на человѣка и по поларшину: на Донъ великій государь посылаетъ денегъ, суконъ и хлѣбныхъ запасовъ много; мы противъ донскихъ козаковъ оскорблены». Присутствовавшій на войсковой радѣ посланецъ гетмана Ивана Самойловича, Соломаха, слыша тѣ рѣчи запорожцевъ, замѣтилъ: «Гетманъ обѣщается присылать вамъ хлѣбные запасы, пошлите только ему сказать, сколько вамъ въ годъ надобно, и денегъ будетъ присылать, изъ тѣхъ, что собираются съ арендъ».

Послѣ этого сталъ говорить самъ кошевой атаманъ Иванъ Стягайло: «Хотите-ли вы или не хотите великому государю при-

сягу дать, а я отъ себя дамъ, потому у бывшаго кошевого атамана Ивана Сирка съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ была недружба и непослушаніе, и войску было худо, государева жалованья и отъ гетмана хлѣбныхъ запасовъ не приходило много дѣтъ». «Есть за что присягать! Къ вамъ, старшимъ, прислано государево жалованье большое; вы и въ Москву посылали бить челомъ себѣ о жалованьи, а чтобъ войску было жалованье, о томъ челомъ не били». Не смотря на такое заявленіе кошевой Стягайло все-таки выказывалъ готовность на присягу царю и направился было для этого въ сичевую церковь, но козаки заступили ему дорогу и не пустили. Всѣхъ больше шумѣлъ и протестовалъ войсковой писарь Петро Гукъ, не получившій изъ Москвы никакихъ подарковъ. Но это произошло вслѣдствіе простого недоразумѣнія: въ Москвѣ не знали, что Быховецъ былъ старымъ писаремъ и вмѣсто него давно уже выбранъ былъ Петро Гукъ, оттого послѣдняго и не включили въ реестръ лицъ, которымъ опредѣлены были подарки. Черезъ ночь настроеніе Гука измѣнилось, и на радѣ, происшедшей слѣдующимъ днемъ, послѣ заутрени, онъ сталъ убѣждать козаковъ присягнуть на вѣрность русскому царю, и козаки послушались писаря и подѣловали крестъ въ сичевой церкви. По возвращеніи царскаго посла въ Москву въ Сичь отправлено было еще 50 половинокъ суконъ для войска и особое жалованье для Гука ¹⁾).

Осень 1680 года, послѣ смерти Сирка, ознаменовалась въ Запорожьѣ моровымъ повѣтріемъ: «значне пограссовавъ въ турецкомъ городѣ Кызыкерменѣ, оно оттуда распространилось по всему Запорожью и тутъ великую шкоду учинило» ²⁾).

Осенью этого же 1680 года черезъ Запорожье ѣхалъ въ Крымъ стольникъ Василій Михайловичъ Тяпкинъ и дьякъ Никита Москосевичъ Зотовъ для заключенія бахчисарайскаго мира съ турками и татарами; этотъ миръ былъ слѣдствіемъ походовъ турокъ къ Чигирину. Проѣздъ черезъ Запорожье и пребываніе въ Сичи послы описали въ своемъ статейномъ спискѣ, составленномъ ими въ Царевъ-Борисовѣ городкѣ и пропущенномъ «черезъ огонь» ³⁾).

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XIII, 274—276.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 500.

³⁾ Правильнѣе черезъ окурку или черезъ дымъ для избѣжанія занесенія чумной заразы во внутрь Россіи.

Выѣхавъ изъ Москвы въ августѣ мѣсяцѣ, октября 8 дня они были у сѣверныхъ границъ запорожскихъ вольностей и прошли отъ рѣки Берестовки Муравскимъ шляхомъ черезъ Берестовую, Малую-Орель, Орельскія озера, Большую-Орель, Терновку, Малую-Самарь, Большую-Самарь и вершину Конскихъ-Водъ. У Конскихъ-Водъ послы видѣли запорожскій обозъ изъ восьми рядовъ. Ѣхавшій изъ Сичи къ рѣкѣ Тору или Дону, вѣроятно, за солью или за рыбою; а кромѣ того, замѣтили каменное, давнихъ временъ, развалившееся бусурманское строеніе и отъ крымскихъ гонцовъ слышали, что у Конскихъ-Водъ некогда было жилище крымскихъ татаръ, при Мамай ханѣ. Отъ Конскихъ-Водъ послы вступили въ предѣлы татаръ и октября 19 дня прибыли въ Перекопъ.

Въ обратный путь послы повернули уже въ 1681 году: марта 21 дня они пришли въ Запорожье и, не дошедъ верстѣ десять до Сичи, остановились на Базавлукѣ рѣкѣ. На Базавлукѣ рѣкѣ пословъ встрѣтили съ радостью запорожскіе козаки и перевезли ихъ въ лодкахъ ¹⁾ съ праваго берега рѣки на лѣвый, «на свою сторону». Тутъ послы простились съ провожавшими ихъ двумястами кызыкерменскими татарами подъ начальствомъ родного брата кызыкерменскаго бѣя, Михаила Муравскаго, а сами отъ Базавлука рѣки пошли къ Сичѣ и, не дошедъ верстѣ пять до нея, почевали въ степи благополучно; съ ними на томъ мѣстѣ почевалъ и запороженій войсковой асаулъ съ небольшимъ числомъ козаковъ, который встрѣтилъ пословъ и принялъ ихъ по приказу кошевого атамана Ивана Стигайла. Марта 22 дня, передъ обѣдомъ, послы пришли къ Сичѣ и, ставъ подъ городомъ въ дугахъ, обослались съ кошевымъ атаманомъ и поѣхали къ божьей церкви вознести Господу молитвы. Когда послы приблизились къ городскимъ воротамъ, тутъ ихъ встрѣтилъ кошевой атаманъ Иванъ Стигайло съ козаками и, принявъ ихъ съ радостью, любовью и честью, пошелъ съ ними въ городъ, прямо къ церкви. Пришедъ къ церкви Покрова пресвятыя Богородицы, всѣ помолились и за государево многолѣтнее здравіе молебень отпѣли. Послѣ молебнаго пѣнія кошевой атаманъ взялъ пословъ къ себѣ въ курень къ обѣду и во время обѣда спрашивалъ ихъ о мирномъ постановленіи. Послы объявили ему по достоинству то, что надлежало, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавили, чтобы онъ вѣрно служилъ царскому величеству

¹⁾ Лодка—лодка, меньше по размѣрамъ дуба.

и находящемуся въ Запорогахъ царскому войску, да чтобы онъ накуфно приказалъ, дабы со времени прїѣзда и послѣ отъѣзда пословъ изъ Сичи, запорожцы ни съ турками, ни съ татарами пограничными никакихъ задоровъ и зацѣпокъ воинскихъ не чинили и въ мирѣ и тишинѣ пребывали. На эти слова кошевой атаманъ отвѣчалъ посламъ, что онъ и самъ лично, и все его войско вѣрно служатъ его царскому величеству и впредь вѣрно служить и во всемъ повиноваться царскимъ указамъ и повелѣніямъ гетмана будутъ; а услышавъ о мирномъ постановленіи между государствами, онъ, кошевой, отдастъ крѣпкое приказаніе о томъ, чтобы козаки задоровъ и зацѣпокъ съ турецкими и крымскими людьми не чинили и въ мирѣ пребывали. А о томъ мирномъ постановленіи онъ, атаманъ, и все войско благодарятъ Господа Бога и очень радуются. Послѣ обѣда и разговора кошевой отпустилъ пословъ въ станъ съ честію. Марта 23 дня, простившись съ кошевымъ и со всею старшиною, послы отправились отъ Сичи въ путь степною по направлению къ Переволочной и черезъ три дня послѣ этого переезжали черезъ Днѣпръ на московскую сторону ¹⁾.

Условія бакчисарайскаго мира, состоявшія изъ семи пунктовъ, четырьмя пунктами касались и Запорожья: 1) Перемирію быть на 20 лѣтъ; рубежомъ быть рѣкѣ Днѣпру. 2) Въ перемирія 20 лѣтъ отъ рѣки Буга до рѣки Днѣпра султану и хану величествамъ вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ козацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не почиивать; со стороны царскаго величества перебѣжчиковъ не принимать, никакого поселенія на упомянутыхъ козацкихъ земляхъ не заводить, оставить ихъ вуюсть. 3) Крымскимъ, очаковскимъ и блъгородскимъ татарамъ вольно по обѣ стороны Днѣпра, на степяхъ, около рѣчекъ, кочевать, для конскихъ кормовъ и звѣриныхъ промысловъ ѣздить; а со стороны царскаго величества низовымъ и городовымъ козакамъ войско запорожскаго, промышленнымъ людямъ, плавать Днѣпромъ для рыбной ловли, и по всеимъ степнымъ рѣчкамъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, для рыбы и бранья соли и для звѣринаго промысла ѣздить вольно до Чернаго моря. 4) Запорожскимъ козакамъ оставаться изъ сторонъ царскаго величества, султану и хану до нихъ дѣла не имѣть, подъ свою державу ихъ не перезывать ²⁾.

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, от. II и III, 572, 646.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XIII, 270; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II и III, 653.

Ханъ принялъ все статьи, предложенныя русскими послами, и отправилъ ихъ въ Константинополь, для подписи, султану Махмуду IV. Султанъ, однако, не принялъ всехъ условій мира цѣликомъ. — онъ пропустилъ статьи о свободномъ плаваніи козаковъ по Дуѣпру и объ отдачѣ русскому царю Запорожья. Послы не хотѣли принять султанской шерти въ такомъ видѣ и взяли грамоту только «поневоѣ» на усмотрѣніе царскаго величества. Царское величество также «поневоѣ» долженъ былъ принять грамоту султана. Но само собою разумѣется, что Запорожье какъ было, такъ и осталось въ фактической зависимости отъ самого себя и въ номинальной отъ турецкаго султана. Условія о двадцатипятилѣтнемъ перемиріи Россіи съ Крымомъ объявлены были запорожцамъ царскою грамотою на имя кошевого атамана Ивана Стигайла, въ 1681 году, іюля 1 дня ¹⁾).

На запорожскихъ козаковъ условія бахчисарайскаго мира произвели весьма тяжкое впечатлѣніе, и они вскорѣ отправили, помимо воли малороссійскаго гетмана, письмо къ крымскому хану съ просьбой о дозволеніи козакамъ свободнаго добыванія соли у низовья Дуѣвра. На это письмо ханъ Муратъ-Герай отвѣчалъ, на имя кошевого Ивана Стигайла, собственнымъ письмомъ:

«По Іисусовѣ христіянскомъ законѣ атаману кошевому здоровье и вѣдомо чинимъ, что посланные ваши у насъ, у нашего величества, были и отъ вашего лица намъ ханову величеству были челомъ и очи наши видѣли и о чемъ намъ словесно говорили и писмо подали и то писмо переведено и любительное ваше слово намъ въ дружбѣ и въ пріятельствѣ пріятно и въ крѣпости добро и для соли подъ Бизыкеремень ѣздили бѣ, а которые посланники ихъ были въ Крыму и о томъ сними договорились и отпущены они къ вамъ, а какъ дастъ Богъ отъ вашей стороны въ нашу сторону съ нашими посланники своихъ посланниковъ пришлете и миръ намъ съ вами совершенно учинитца по вашему прошенію и въ то время мы о соли у турецкаго салтана просить и писать будемъ, а еслии кому нужна соль и они бѣ для того пріѣзжали въ Перекопъ и въ какову цѣну мы покупаемъ, и козаки также бѣ покупали, а посланнымъ вашимъ на отпускъ наше жалованье было. Муратъ Гирей ханъ» ²⁾).

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1681, связ. 56, № 14.

²⁾ Архивъ мин. пп. дѣлъ: малор. дѣла, 1681, связ. 56, № 14.

Лѣтомъ того же 1681 года нѣкоторая часть запорожскихъ козаковъ, подъ предводительствомъ Петра Суховія, ходила въ того-бочную Украину, подъ городъ Корсунь. Суховій хотѣлъ повторить роль Дорошенка, т.-е. сдѣлаться гетманомъ западной Украины и отдаться подъ протекцію Турціи. Но противъ него выступилъ гетманъ Иванъ Самойловичъ, и Суховій, не вступая въ битву съ нимъ, повернулъ назадъ до Сичи ¹⁾).

Вскорѣ послѣ этого запорожцы смѣнили своего коншевого атамана Ивана Стягайла на Трофима Константинова Волошанина и въ концѣ іюля мѣсяца написали гетману два просительныхъ письма объ исходатайствованіи у крымскаго хана позволенія свободно ходить на Низъ за солью, рыбой и звѣремъ и у московскаго царя о пожалованіи на все войско запорожское сукопъ и денежнаго жалованья. Письмо это было таково.

«Ясновельможній мосцѣвій пане гетмане, нашъ ласкавій мосцѣвій пане и добродѣю. Любо тежъ не безъ уприкрень жесмо съ Коша посилали товариство свое съ писмомъ нашимъ до хана его мосцѣ безъ вѣдомости и воли вельможности вашей, добродѣя нашего, але мусѣлисмо то учинить не з воли старшого нашего, але з ради нашей пополитой всего войска запорожского, добываючись у хана его мосцѣ, жебы намъ войску запорозскому позволилъ ити на Низъ посюль (по соль), овозъ ханъ отказалъ посланцомъ нашимъ устно, же я ²⁾ до того жадной рѣчи не маю позволяти вамъ войску запорожскому ити на Низъ посюль, бо гдижъ цесарь нашъ турскій поставилъ тутъ замки у Днѣпрѣ, же бы жаденъ духъ з межн войска запорозкого не прошолъ на Низъ, же южъ монарховс, мовить, ограничена промежку собою постановили по городки на чужомъ ґрунтѣ, жебы войско запорожское жадного лову собѣ не мало нижне городковъ на Низу и на поляхъ, такъ тежъ и в рѣкахъ полювнхъ и во всѣхъ урочищахъ днѣпровихъ, а вельможность ваша, яко рементаръ нашъ презъ посланого своего Игната Порпуру увѣдомилисте насъ писаннямъ своѣмъ всему войску запорожскому о святомъ покою межъ монархами такъ его царского пресвѣтлого величества монархи нашего право-славного яко тежъ и межн салтаномъ турскимъ и ханомъ крымскимъ же намъ войску запорозскому низовому и городовому унесъ Днѣпръ отъ верху и з рѣками полювими обваровало (дозволено) и волность

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 510.

²⁾ Это говоритъ крымскій ханъ.

всякую на рибакъ, на солѣ и на зѣбру добуватися на всякихъ добичахъ волно; теди ми войско запорозское тѣшилисьмося с того презъ усе гѣто, а теперешнего часу до пожитку и для добичи жадного (никакого) дѣла не маемъ, же (что) бей кезакерменскій жадного товарища нашего не пускаетъ на Низъ не тилко для добичи, але и которій товариинъ с писмомъ нашимъ войсковимъ идетъ на Низъ до zostаліе своѣ рунески: то и тихъ не пропущаетъ, же гди есмо zostавали з оними неприятели креста святаго вороговъ не въ миру, то намъ войску запорозкому волность всякая била на полахъ и з рѣкахъ полювихъ и во всѣхъ урочищахъ дѣшировихъ, а теперешнего часу за онимъ примирѣемъ власне, якъ у заточеніѣ войско запорозкое zostаетъ, презъ усе гѣ (прежде всего) то, же не комуному (кому), не пѣшому товариству нѣкуди ходу не маєтъ, чекаючи вѣдомости отъ возможности вашей и жадаючи поради и якую будемъ жѣть, то сѣ будемъ кричко и держатися, прето возможность ваша яко реємента ра покорне просимо: рачъ и до его царского пресвѣтлого величества писати о томъ, жеби намъ войску запорозкому била волность у Днѣпрѣ на всякіе добичи, яко за иншихъ антицесаровъ возможности вашей: волность вшелякая була намъ войску запорозкому у Днѣпрѣ, такъ не вонимъ изъ стараня возможности вашей рейментарской тое все намъ у монархи нашего справити, можемъ бо ми (мы) за тое при совѣтѣ возможности вашей и пресвѣтлому монаршому его троновѣ служити обѣцуемъ и за достоинство его не щадно помирати готови будемъ, пріючи в себе возможности вашей. Возможности вашей всѣхъ добръ пріятеливіи и унѣжаніи слуга. Трохимъ Костянтиєвъ Волюшинъ атаманъ коншевой войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого низового с товариствомъ. С Кона іюля 29 дня 1681 року.

Сими жъ посланцами нашими Климонъ Кислицею атаманомъ куреня незамаювского и Сергіємъ куреня пркльіовского и листъ ханскій, а другій везиря ханского по-турецку писаній посылаемъ до возможности вашей, а возможность ваша переписавши с турецкого на руское и намъ снѣ же товариствомъ приплете, жеби и ми знали, що у вонихъ листахъ ханъ пишетъ и устие Сергій возможности вашей сповѣсть, що отъ хана чувъ, бо онъ же Сергій и до хана ходивъ отъ войска»¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. постр. дѣлъ; малорос. подлин. акты, 1681 годъ, св. 5, № 404.

«Ясневелможный милостивый господине гетмане, нашъ зѣло милостивый господине и благодѣтелю.

Поклонъ нашъ низайшій и всецѣлую нашу поволиость и желательство милости и велможности вашей благодѣтеля нашего вручить, всякихъ благъ временныхъ и вѣчныхъ отъ Вседержителя Христа Бога нашего при непорушномъ добромъ здравіи и щасливомъ в долгой вѣкъ владѣніи вси купно вашей велможности благодѣтелю нашему многомилостивому поволио и усердно желаемъ, а при семъ покорномъ писмѣ нашемъ черезъ посланное товариство наше посылаемъ к велможности вашей Казима Кислицу куреня незамаевскаго да Сергѣя с товариществомъ, изволь ваша милость, яко региментарь нашъ къ его царскому пресвѣтлому величеству за насъ войско запорожское прошеніе свое внести, чтобъ онъ великій государь нашъ помазаникъ божій в милость свою отеческую гричель насъ с нашими ему, великому государю нашему, службами, какъ и сперва не лишая насъ милостивого своего обыкновеннаго на Запорожьѣ жалованья сукнами и денежною казною, зельемъ и свизномъ, а особливо велможности вашей бъемъ челомъ: не забывая насъ запасомъ, желѣзомъ и смолою да и неводъ на осень изволте прислать. Хотя и досажаемъ нашимъ частымъ писмами и докучаемъ в надобныхъ нашихъ, изволь нашей скудости помочь (помощь) учинить и паки просимъ велможности вашей, изволь заступитъ къ его царскому пресвѣтлому величеству. При семъ милости твоей себя вручаемъ. Дать с Коша іюля въ 29 день. Велможности вашей всего добра желательный пріятель и слуга Трофимъ Костянтиновичъ, атаманъ кошевой войска его царского пресвѣтлого величества запорожского низового с товариствомъ» ¹⁾.

Получивъ эти письма отъ запорожскихъ козаковъ, гетманъ Иванъ Самойловичъ отиравилъ ихъ въ Москву и отъ себя написалъ царю Феодору Алексѣвичу слѣдующаго содержанія листъ:

«Божією милостію великому государю царю и великому князю Феодору Алексѣвичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержиду и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отичи и дѣдичу и наследнику и государю и обладателю вашему царскому пресвѣтлому величеству.

Иванъ Самойловичъ гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества запорожского упадъ ницъ до лица земнаго предъ

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ; подлинныя акты, 1681, св. 5. № 404.

наяснѣйшимъ вашимъ монаршескимъ престоломъ у стопы ногъ, смиренно челомъ быю. Хотя ужъ надокучилъ есмь вашему царскому пресвѣтлому величеству, частократно пишучи к вамъ великому государю о запорожцахъ и о ихъ волностяхъ въ добычахъ разныхъ, на Низу Днѣпра будучихъ, однакъ когда они запорожцы безпрестанно мнѣ о томъ докучаютъ прошеніемъ своимъ, тогда имѣю всякого часу к прошенію ихъ приклонялся, бити челомъ за нихъ наяснѣйшему вашему монаршескому престолу и нынѣ не хотѣлъ было есмь утруждать пресвѣтлого вашего государского престола, положився ужъ совершенно на радѣтельное ваше монаршеское попеченіе, которое вы, великій государь, помазаникъ Божій, имѣете, творя нынѣ с турецкимъ салтаномъ и с крымскимъ ханомъ пожелаемый всѣмъ намъ ирнымъ подданнымъ своимъ миръ чрезъ своихъ государскихъ пословъ, такъ о распространеніи преславныя своей монаршескіе російскаго царствія державы какъ и о насъ войскъ запорожескомъ городовомъ, а особо и о тѣхъ помянутыхъ волностяхъ запорожескихъ, чтобъ имъ волно было проходить изъ Сѣчи внизъ Днѣпра межъ городками для добычи соли и для рыбной ловли и для всякого в полевыхъ рѣчкахъ звѣря, которымъ вашимъ царского пресвѣтлого величества радѣніемъ хотя и ихъ запорожцовъ по указу вашему монаршескому обнадѣживалъ есмь многократно, чтобъ возвращенія пословъ вашихъ государскихъ, к турецкому салтану посланныхъ с помышленнымъ всѣмъ намъ желаемыя надежды совершенствомъ ожидая вобычныхъ своихъ работахъ о помянутой добычѣ в Днѣпрѣ и в днѣпровыхъ рѣчкахъ, ниже городкомъ обрѣтающихся, терпѣли бы: однако, когда они знатно для скудости своего нужного надобія не терпя моему обнадѣживанью до возврату пословъ вашихъ государскихъ дерзнули писать мимо мою вѣдомость к хану довѣдываясь, поводить-ли тамъ на Низу добыватца на все потребности ихъ или нѣ, какъ мнѣ о томъ вѣдомо учинили чрезъ особой свой листъ, которой листъ ко мнѣ принесли товариство ихъ нарочно присланные, которыхъ они отъ себя и в Крымъ посылали, и я увидавъ изъ листа ихъ ко мнѣ писанного, что не имѣють волного проходу Днѣпромъ внизъ для пріобрѣтенія соли и иныхъ нужныхъ потребъ своихъ: а опасая чтобъ чрезъ то зло какое межъ нами не занеслось, покорию даю сіе вашему царскому пресвѣтлому величеству на высоекое монаршеское разсужденіе, чтобъ вы, великій государь, изволили послать свой государскою указъ

послу своему государскому, к турецкому салтану посланному, будемочно гдѣ его вблизи догнать с тѣмъ вашимъ государскимъ указомъ, чтобъ онъ туды прѣхавъ, крѣпко домогался, с кѣмъ належать будетъ, дабы тѣ упомянутые низового запорожского войска влизу обрѣтающіяся волности, именно в шертной турецкого салтана грамотѣ были описаны, чтобъ волный и безопасный былъ Днѣпръ межъ городками для всякой ихъ добычи имъ путь, понеже в Крыму ихъ какъ належало при постановленіи мирныхъ договоровъ не утвердили, есть-ли бы тамъ у салтана в шертной грамотѣ особою статьею то не могло быть изображено, тогда никакowy (никакой) они запорожцы ис тѣхъ мирныхъ договоровъ не имѣли бы прибыли, какъ и нынѣ совершенно не имѣютъ, понеже только татароя вездѣ по степямъ около рѣчекъ с скотинами своими безопасно, какъ слышу, кочуютъ, а запорожцамъ ни мало внизъ Днѣпра нигдѣ отъ городковъ не волно проѣзжатца. И для того пристойно бы тому вашему монаршескому послу вашъ государской наскоро послать указъ и наки покорное мое подданское ко пресвѣтлѣйшему вашему царского величества престолу посылаю со вѣщаніе два листа отъ запорожцовъ, подъ именемъ новообращенного атамана кошевого иѣкакого Трофима Волошенина, писанные вѣстѣ с листами ханскимъ и везирскимъ к кошевому по-турски писанными для достовѣрныя о всемъ вѣдомости при семъ моемъ листѣ к вашему царскому пресвѣтлому величеству в приказъ Малыя Росіи посылаю чрезъ почту. Вручаю себя милосердой вашей монаршеской милости. Изъ Батурина августа въ 12 день 1681-го.

А чтобъ они запорожцы впредь не смѣли, какъ нынѣ, к хану в Крымъ и никуды в иную сторону мимо мою вѣдомость посылать, но чтобъ во всемъ надежны были на милость вашу государскую и радѣтельное монаршеское попеченіе, о томъ какъ словеско пословъ ихъ, у меня будущихъ увѣщевать, такъ и чрезъ листъ всѣхъ ихъ запорожцовъ на Кошѣ будущихъ увещевать не забывая, которого листа моего списокъ для прочитанія к вамъ великому государю в приказъ Малыя Росіи при семъ моемъ листѣ посылаю. Вашего царского пресвѣтлого величества вѣрный подданный и слуга нижайшій Иванъ Самойловичъ гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества запорожского» ¹⁾.

¹⁾ Архивъ министерства ин. дѣлъ; малорос. дѣла, 1681 года, св. 56, № 14.

Отправивъ письмо къ царю Ододру Алексѣевичу, гетманъ Самойловичъ вмѣстѣ съ этимъ послалъ письмо съ упрекомъ за своеволие—смыну стараго кошевого и сношеніе съ крымскимъ ханомъ—и запорожскимъ козакамъ.

«Мои милостивые пріятели, господине атамане кошевой и все старшое и меньшее войска его царского пресвѣтлого величества запорожскаго низоваго товарищество.

Имѣеть то быть в великомъ подивленіи намъ, что вы войско низовое, послушавъ нездравого совѣта нѣкакова (нѣкакого) нежелательнаго Богу и православному царю, а сверхъ того и самѣмъ намъ человека, дерзнули мимо воли монарха своего и мимо вѣдомость нашу посылать пословъ своихъ къ хану крымскому: могъ всякъ изъ васъ доброй молодецъ то разсудить, что гдѣ государь и монархъ дѣла свои себѣ подобныя с монархомъ договариваетца (—етъ), тамъ слугамъ вдавѣтца непристойно, почто было намъ сверхъ изыщныхъ монарха своего о перемирьѣ содѣлвающихся договоровъ касатися с своими посолствами постороннему государю; отзывалися есте к намъ чрезъ многократныя свои листы, что досадно намъ всему войску запорожскому, что бей казыкерменской не пуцаеть товарищество внизъ Днѣпра для добычи и просили есте нашей regimentарской къ себѣ помочи, а самихъ мимо нашего совѣта не довелось чинить никакихъ самохотныхъ посолствъ и для чего не додержали есте того слова; мы писали к вамъ многократно, что о волностяхъ вашихъ войска низоваго, которые к намъ належатъ, радѣемъ крѣпко. Богъ то видить, что докучилъ есмь уже монарху своему, его царскому пресвѣтлому величеству, челобитьемъ, чтообъ монаршескимъ прензяществомъ своимъ в прензящныхъ своихъ с салтаномъ турскимъ о перемирьѣ и договорѣхъ оная (сохранил) и утвердилъ тѣ волности наши, хотя бы то и с проторми быть нѣкло, будетъ совершенно по прошенію нашему. Вѣдаете бо сами, что та сторона Днѣпра вымысломъ нѣкоторыхъ людей совершенно турецкому (султану) отдана и отъ ляховъ оутто записью записана, чему оперетца трудно, а однакожъ православный нашъ монархъ ревнительно о нѣлости народа христіанскаго радѣл, какъ Запорожье, такъ и Кіевъ столной малороссійской городъ с уѣздными городками в перемирномъ поставленіи подъ свою высокoderжавную руку, а что внизъ Днѣпра и в полевыхъ рѣчкахъ войсковыя волности тѣхъ не трудно монарху оная, по намъ всему войску хотя то досадно, подождать было надобно самого совершенства радѣнія монаршескаго, о чемъ

мы regimentарскимъ желаніемъ нашимъ какъ вседушно радѣемъ и радѣти будемъ, чѣмъ обнадежилъ есмь васъ совершенно. Листъ ханской, къ вамъ писаной, с турецкого письма на русское велѣли есмь перевести, которой переводъ по желанію нашему посылали къ вамъ, вы разумѣете не того переводу, какъ постерегаетъ ханъ своего дѣла, чтобъ ничего противно вамъ салтана турецкого не учинить, а что в томъ листу благодарить васъ и за то, что с посылкою услугою своего к нему отзывались, тогда знати отсего, что отзывались есте к нему какъ к свойственному государю с послушаніемъ, чего чинить не годится. Не можетъ быть и то намъ пріятно, что ваша милость бывшего атамана своего кошевого Ивана Стягойла сложили с чину безъ нашего regimentарского вѣдома, достоинъ онъ былъ войсковою милости, понеже бывъ на томъ урядѣ, какъ обѣщаль монарху своему и мнѣ regimentарю желательство, такъ постоянно слово свое исполнялъ и во всемъ поступалъ изрядно и только почалъ было привыкать в порядокъ войсковыхъ дѣлъ, и вы тотчасъ безразсудно, не давъ ему в томъ урядѣ утвердитца, иново человека вновь на тотъ урядъ посадили есте, которому надобно еще опознаватца с урядомъ,—и то вамъ предлагаемъ, что о частыхъ старшины переѣздахъ не можетъ быть порядокъ совершенный; къ его царскому пресвѣтлому величеству о монаршескомъ его жалованьѣ, вамъ надобномъ, прошеніе наше обѣщаемъ довести, а что отъ нашего лица regimentарского по слову нашему вамъ надлежитъ, все вскорѣ—запасъ, поводъ, желѣзо и смола и сыпучи надобными вещми будетъ къ вамъ прислано, понеже то все до посылки вашей изготовлено было. Понеже изъ царствующаго града Москвы в турецкую землю в одинъ мѣсяцъ не можно посольства отправить, надобно на то много времени и для того терпѣливо подождать было милости божіи, а понеже не потерпѣли есте и толь скоро за неразсуднымъ совѣтомъ посылали есте к хану, то не можетъ быть вамъ с похваленіемъ у преславнаго нашего монарха и какъ не годилось было тою вамъ дѣлать, такъ постерегитесь в своей повинности. чтобъ есте были вѣрны монарху своему его царскому пресвѣтлому величеству и желательны и не дерзали мимо воли его и мимо вѣдомость нашу regimentарскую всчинать, что естли инако что будете творить, то прогнѣваете милость монаршескую, а при немилости и жить будетъ немочно. Разсудите, что ханъ крым-

ской отказалъ на ваше посольство, что безъ воли салтана турецкого не хотѣлъ вамъ поволить волной внизъ Днѣпра дороги, самъ онъ ханъ будучи великимъ паномъ и монархомъ, однакожь почитаетъ и боятца болши себя и мимо воли его ничего дѣлать не хотеть, а ты будучи монарха своего подданными, какъ дерзаете договоры свои заводить с ханомъ безъ позволенія монархическаго. Вѣдайте, наша милость, что вы сами своимъ радѣньемъ ничего не дѣлаете, покажетъ монархъ нашъ радѣнья своего не приложить. Видите, что шутками ханъ отбылъ вашихъ посланныхъ, а то для того, что вы сами отъ себя, а не отъ монарха посольство чинили, а такъ самохотныхъ поступковъ, которые чрезъ легкомысленные совѣты межъ вами вносятца, перестанте и будете в доброй надеждѣ и в милости монархической его царскаго пресвѣтлаго величества, который отеческою своею добротою гасъ и ступя, по Божѣ обрадуетъ достаточно онасеніемъ (сохраненіемъ) належащихъ волностей» ¹⁾).

Отвѣтъ на письмо гетмана Самойловича и на просьбу запорожскихъ козаковъ послѣдовалъ изъ Москвы августа 29 дня. Царь выслушъ синеходилъ къ просьбѣ запорожцевъ и приказалъ своимъ посланцамъ, ѣхавшимъ въ Крымъ «промышлять и радѣть» о пользѣ низовыхъ козаковъ, но зато требовалъ отъ нихъ не сноситься ни съ какими государями помимо вѣдома малороссійскаго гетмана. «А что к намъ великому государю к нашему царскому величеству ты жъ нашего царскаго величества подданной в листу своемъ писалъ о розностяхъ войска низового запорожскаго и о томъ по нашей государской милости тебѣ нашего царскаго величества подданному вѣдомо по нашимъ государскимъ грамотамъ, каковы к тебѣ посланы с подъячимъ с Тимоосемъ Протопоповымъ и чрезъ почту, что нашимъ царскаго величества посломъ, посланнымъ к салтану турецкому о тѣхъ дѣлѣхъ наказано и в нашей царскаго величества грамотѣ писано, велѣно имъ о томъ промышлять всякими хѣры, а нынѣ к тѣмъ же нашимъ царскаго величества посломъ наша государская грамота о томъ в дорогу послана жъ и велѣно потому о томъ радѣть и промышлять с великимъ радѣтельнымъ промысломъ» ²⁾ наше государскіе что пристойно смотря по тамошнему войску низовомъ за помощію божіею учинить, чтобъ

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1861, св. 56, № 14.

²⁾ Въслѣдствіе порчи документа печатала строчка.

кошевой атаманъ и все будущее при немъ посполство о томъ нашемъ государскомъ милостивомъ к нимъ призрѣніи вѣдали и на нашу великого государя нашего царского величества милость были надежны и о настоящихъ своихъ дѣлахъ к тебѣ нашего царского величества подданному писали, а к хану впредь не обособався с тобою нашего царского величества подданнымъ ни о чемъ не писали и никуда в иную сторону не посылали, а отъ насъ великого государя нашего царского величества к нему кошевому атаману и ко всему низовому войску запорожскому нашу царского величества грамоту послать указали, а какова наша царского величества грамота к кошевому атаману и ко всему посполству послана и с той нашей великого государя нашего царского величества грамоты послать для вѣдома къ тебѣ нашего царского величества подданному списокъ с сего жъ вашего царского величества грамотою, а ту нашу царского величества грамоту тебѣ нашего царского величества подданному войска запорожского обоимъ сторонамъ Дибиря гетману Ивану Самойловичю послати бѣ отъ себя на Коня с кѣмъ пригоже по своему разсмотрѣнію, буде пристойно, а въ которое время прежняго кошевого атамана Ивана Стягайла переимѣнили и за какіе причины,—о томъ бы развѣдавъ к намъ великому государю к нашему царскому величеству писать ты нашего царского величества подданной подлинно»¹⁾.

Въ это же время смута, произведенная въ Москвѣ раскольниками во время управленія государствомъ царевной Софіей, отозвалась на Украинѣ и Запорожьѣ, впрочемъ, въ обоихъ подъ вліяніемъ близкихъ козакамъ сосѣдей, поляковъ: поляки все еще никакъ не могли помириться съ мыслью о потерѣ Малороссіи и при всякомъ благопріятномъ случаѣ простирали свои руки на Украину. Воспользовавшись смутой въ Москвѣ, польскій король Янъ III Собѣскій приказалъ отправить на Украину и Запорожье «прелестные листы», чтобы оторвать Малороссію отъ Россіи. Эти листы вручены были монахамъ Оеодосію Храпкевичу и Іоаннъ Зарудному; имъ дана была особая инструкция, съ чего начать, какъ дѣйствовать, что обѣщать и чего избѣгать. Самая инструкция состояла изъ шестнадцати пунктовъ и два изъ нихъ касались Запорожья: въ одномъ пунктѣ сказано было, что Запорожье, черезъ уступку Украины по Дибирь туркамъ, заперто и чрезъ то должно погиб-

¹⁾ Архивъ мѣн. вностр. дѣлъ; малор. дѣла, св. 56, № 14.

путь, а вмѣстѣ съ нимъ должно погибнуть и самое имя козаковъ. Въ другомъ пунктѣ инструкціи приказано было внушать украинскому войску быть заодно съ Запорожьемъ, чтобы выбиться изъ неволи негоднаго и невинственнаго человѣка (гетмана Самойловича) и тѣнуть къ польскому королю, который и любитъ, и почитаетъ съ младенчества украинскій народъ ¹⁾).

Поводъ и средства, которыми старался привлечь на свою сторону запорожескихъ козаковъ польскій король, раскрываетъ подъ 1682 годомъ малороссійскій лѣтописецъ Величко. Онъ говоритъ, что Лизъ Собѣскій воспользовался просьбой германскаго императора, ведшаго войну съ турками, и сталъ засылать скрытнымъ способомъ листы и универсалы на Украину и Запорожье, приглашая козаковъ на службу съ платой по 12 талеровъ въ мѣсяць на человѣка: «Позасылавши свои листы и универсалы для запорожеской Сѣчи, посланцы короля перебавляютъ и захватываютъ людей нашихъ и войско низовое на житье въ тогобочную пустую Украину, а особливо на затыги военные, обѣщая обманчивые великіе свои респекты и давія вольности, въ особенности же поступаютъ великую плату товариству затыжному» ²⁾).

Само собою разумѣется, что о сношеніяхъ польскаго короля съ украинскими и запорожескими козаками гетману Самойловичу донесено было немедленно, а гетманъ, въ свою очередь, поторопился сообщить о томъ въ Москву ³⁾). Московское правительство, узнавъ объ этомъ, поспѣшило прислать приказаніе гетману воздерживать ненадежныхъ и легкомысленныхъ людей отъ «лядскихъ прелестей». Вѣлѣдствіе этого приказанія гетманъ написалъ къ украинскимъ козакамъ нѣсколько универсаловъ, въ которыхъ внушалъ имъ отстать «отъ шkodливыхъ, на Запорожьѣ возросшихъ, лядскихъ прелестей и отводить отъ того же малоумныхъ и легкомысленныхъ людей, чтобы сохранить, помощію всесильнаго Бога, цѣлость Украины» ⁴⁾).

Въ слѣдъ за этимъ послана была (апрѣля 30 дня) въ Сичь, на имя кошевого атамана Трофима Волошанина, царская грамота съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ, послѣ смерти

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Москва, 1864. XIV, 5.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 524.

³⁾ Архивъ мин. иностранныхъ дѣлъ, 1682, св. 59, № 40.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 526.

Федора Алексѣевича, Петра Алексѣевича и объ учиненіи кошевымъ атаманомъ со всѣмъ войскомъ, въ присутствіи стряпчего Бартенева, на вѣчное и вѣрное подданство новому государю присяги. Гетманъ Самойловичъ, пересылая эту грамоту, съ своей стороны предписывалъ запорожцамъ отстать отъ великихъ сношеній съ Крымомъ и быть вѣрными Россіи. Запорожцы, учинивъ присягу, отправили отъ себя въ Москву куренного атамана Иаска Васильева и товарищей съ поздравительной грамотой къ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ по поводу принятія ими русскаго престола ²⁾).

Въ концѣ іюня мѣсяца того же года запорожцы послали посольство съ письмомъ къ царю изъ 38 человекъ, во главѣ съ Степаномъ Бѣлымъ и Яковомъ Проскурою, которое прибыло въ Москву іюля 3 дня.

Въ своемъ письмѣ запорожцы прежде всего сообщали царямъ и великимъ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ объ учиненной ими, въ присутствіи царскаго стольника Александра Протасьева, присягѣ на вѣрное и вѣчное подданство Москвѣ и объ обѣщаніи не ссылаться, безъ воли государей, съ соседними государями, немедленно сообщать въ Москву о всякомъ приѣздѣ въ Сичъ пословъ польскаго короля и крымскаго хана. Въ слѣдъ затѣмъ козаки извѣщали царей «о снятіи кошевого атаманства», но время самой присяги, съ Трофима Волошанина и «объ избраніи всѣмъ низовымъ войскомъ запорожескимъ» Василія Алексѣенка кошевымъ атаманомъ. Далѣе запорожцы просили царское величество пожаловать ихъ жалованьемъ, сукнами, порохомъ, свинцомъ, хлѣбными запасами и дозволить войску вольную добычу звѣря, рыбы и соли въ низовьяхъ Днѣпра и въ полевыхъ рѣчкахъ, какъ было раньше того при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но потомъ не стало того со времени царя Федора Алексѣевича, когда Москва заключила съ Турціей и Крымомъ мирный договоръ и когда чрезъ то кызыкерменскій беѣ воспретилъ запорожцамъ проходъ на Низъ Днѣпра.

Цари, по ходатайству и по челобитью гетмана Ивана Самойловича, листъ запорожцевъ приняли, всѣмъ посланцамъ ихъ «государскіе очи милостиво видѣть повелѣли», войско низовое за учиненную имъ присягу милостиво похвалили, но зато внушали ему

²⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва, 1828, IV, 449.

никакихъ противныхъ поступковъ не чинить, никакимъ «плевосѣл-
тельнымъ» рѣчамъ и письмамъ не вѣрять, ни на какія «прелести»
и тайныя и явныя присылки не склоняться, съ гетманомъ Ива-
номъ Самойловичемъ быть въ соединеніи и должномъ послушаніи.
За все то царское величество, пресвѣтлѣйшіе цари и великіе го-
судари, обѣщали держать запорожское войско въ своемъ «при-
звѣніи и отъ непріятелей въ оборонѣ» и извѣщали объ отправкѣ
къ нему на Коншъ еще 13 числа іюня мѣсяца, со стольникомъ
Гавриломъ Суворовымъ, денегъ, суконъ, зелья и свинцу. «А по-
сланцевъ вашихъ было къ намъ въ прїѣздѣ 38 человекъ, а 10 че-
ловѣкъ оставлено въ Батуринѣ, и тебѣ бы нашего царскаго ве-
личества подданному кошевому атаману Василью Алексенку послан-
цовъ своихъ къ нашему царскому величеству впредь присылать
по прежнему обыкновенію по 10 человекъ, а больше того указан-
наго числа не присылать. А что казыкерменскій бей внизъ тур-
скихъ городковъ чинить вамъ въ добычахъ вашихъ сухимъ и
водянымъ путемъ помѣнки и заказъ, и мы великіе государи, наше
царское величество, писали о томъ къ салтану турецкому, чтобъ
онъ хану крымскому и бею казыкерменскому приказалъ и указъ
свой кимъ послалъ, чтобъ они по мирнымъ договорамъ жили
свами всовѣтѣ и волностей вашихъ и добычъ водянымъ и сухимъ
путемъ не отымали и заказу вамъ втомъ не чинили, а знамени
и пушекъ спосланцы вашими на Коншъ вамъ нынѣ не посылаю
для того, чтобъ присылкою того знамени и пушекъ мирнымъ до-
говорамъ, каковы у насъ вашихъ государей у нашего царскаго
величества ссалтаномъ турецкимъ пеханомъ крымскимъ учинены,
какой противности не учинить, а учиненъ вамъ о томъ вашъ ве-
ликихъ государей указъ впредь будетъ. А что у тебя кошевого
атамана и у всего войска низового объявитца нынѣ и впредь
какихъ вѣдомостей, и вамъ бы писать о томъ нашего царскаго
величества кподданному гетману Ивану Самойловичю исылатись
снимъ и совѣтовати о важныхъ дѣлахъ почасти, а вышенамену-
тые ваши посланцы, которые были на Москвѣ и наши государ-
скіе очи видѣли и которые оставлены были въ Батуринѣ, нашимъ
государскимъ жалованьемъ пожалованы и на Коншъ отпущены» ¹⁾.

Отправивъ грамоту запорожскимъ козакамъ, цари въ слѣдъ за-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; сношенія съ Малороссіей; грамоты, 1682 года, іюля 15 дня, св. 2, № 21.

тѣмъ велѣли отправить гетману копію съ грамоты о мирномъ договорѣ Россіи съ Турціей. Гетманъ Иванъ Самойловичъ, извѣщая царей Іоанна и Петра Алексѣевичей о полученіи имъ копіи съ монаршей грамоты, «дерзновенно» доноситъ своимъ листомъ (іюль 20 дня), что ему кажется «досадительною и вредительною» та изъ статей, которая касается Запорожья: «Не выговорено, чтобы войско запорожское, сообразно своимъ древнимъ вольностямъ, имѣло право ходить по рѣкѣ Днѣпру, внизъ, и по полевымъ рѣчкамъ для рыбной и звѣриной ловли и для добыванія соли, что султанъ турецкій запрещаетъ, а визирь говоритъ, будто бывшіе въ Крыму отъ пресвѣтлаго монаршаго престола послы, чиня съ ханомъ мирные договоры, относительно Запорожья не договаривались, и въ записи своей, на мирные договоры учиненной, между иными статьями написали не рядомъ, а на концѣ, послѣ всего дѣла, чего они, султанъ и визирь, во вниманіе не принимаютъ». Но кромѣ этой статьи «досадительными статьями» казались гетману и нѣкоторыя другія, какъ-то: объ обязательствѣ русскаго царя не строить и не подчинивать на той (лѣвой) сторонѣ Днѣпра городовъ и крѣпостей; о дозволеніи туркамъ заводить между Бугомъ и Днѣпромъ «людскія и владѣльческія селенія» и о безпрепятственномъ переходѣ людѣмъ съ русскаго на крымскій берегъ Днѣпра ²⁾).

Ноября 10 дня кошевой атаманъ Григорій Ивановичъ Еремѣевъ извѣщалъ гетмана Ивана Самойловича о приходѣ къ казакамъ и поселеніи на Запорожѣ четырехъ человекъ волоховъ съ ихъ имуществомъ, пришедшихъ «съ межки бусурмановъ» въ Запорожье.

Въ отвѣтъ на это извѣщеніе гетманъ Самойловичъ отправилъ въ Сичъ, декабря 1 дня, 1682 года, съ цѣлью, такъ или иначе, добыть у запорожцевъ «польскую инструкцію». Въ этомъ письмѣ Самойловичъ прежде всего упрекалъ запорожцевъ въ томъ, что они, не смотря на много разъ высказанныя имъ просьбы, не присылаютъ ему «прелестной инструкціи», которая доставлена имъ черезъ Ворону изъ Польши; затѣмъ поставлялъ имъ на видъ то, что равнѣе этого, за жизни Ивана Сирка, все, самыя секретнѣйшія, письма, отовсюду шедшія на Кошъ, никогда не скрывались передъ гетманомъ; далѣе доказывалъ, что между «однотайнымъ запорожскимъ войскомъ» нужно и въ городахъ и на Низу всегда

²⁾ Бавтышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1858, I, 279—282.

имѣть единомысліе, ничего ни передъ гетманомъ, ни передъ государемъ не таить: наконецъ, напоминать о присягѣ, данной покойскімъ, вѣрно, до кончины своей, служить всероссійскимъ великимъ государямъ и ничего предъ нимъ не утаивать. да и можно ли что скрывать передъ государемъ? Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ монархомъ поступковъ не утаиваютъ. «И такъ, именемъ Бога убѣждаемъ васъ поступать разумно и вѣрить, чтобъ вамъ, добрымъ молодцамъ, и на будущее время было хорошо: не нарушайте вашей прежней вѣрности и не теряйте тѣмъ издавна, отъ предковъ, добытой вами и славы, и чести... Да о чемъ сами-то поляки хлопочутъ, укушая васъ своими письмами? Конечно, о томъ, чтобы мы заколотились между собой, а они, глядя на наше паденіе, радовались бы тому и тѣшились. Сами вы, добрые молодцы, старые товарищи, знаете польскую ласку и расположеніе, какъ, еще въ недавнее время, поляки всякими способами губили и истребляли нашу братію, козаковъ на Украинѣ, и какъ теперь въ ихъ польской державѣ православная вѣра наша, за которую отъ вѣка запорожское войско убивается, унижена». Заканчивая свое письмо, гетманъ Самойловичъ извѣщалъ запорожцевъ о томъ, что къ нему прибылъ изъ Сичи посланецъ Опанасъ Губа съ товарищами, привезшій съ собой бѣжавшихъ изъ бусурманской земли волоховъ, но не привезшій лядской инструкции, которую гетманъ такъ хотѣлъ получить отъ запорожцевъ: хотя всѣ волохи въ своихъ поступкахъ люди непостоянные и ожидать отъ нихъ никакого проку нельзя, однако, такъ какъ они «заволоженные» христіане и бѣгутъ до христіанской вѣры, то гетманъ долженъ оказывать имъ должное вниманіе. Напоминая запорожцамъ снова о присылкѣ польской инструкции, гетманъ сообщалъ, что ему прислано отъ царскаго величества 50 половинокъ сукна, и волею оного, гетманъ, отправить или не отправить то сукно запорожскому войску, и когда войско придетъ значного козака съ польской инструкціей, то тогда получить и царскій подарокъ ¹⁾.

На всѣ изложенныя гетманомъ требованія кошевой Григорій Ирановичъ отвѣчалъ ему тѣмъ, что прислать листы и инструкции оное, безъ согласія всего войска, не можетъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ гетманъ сталъ получать извѣстіе за извѣстіемъ о грабежахъ и разбояхъ, чинимыхъ толпами своевольныхъ

¹⁾ Архивъ мин. пв. дѣлъ: малор. подл. дѣла, 1882, св. 5, № 426.

запорожцевъ надъ проѣзжавшими черезъ ихъ степи купцами, о чемъ доносили ему переволочанскій дозорца Ивановичъ и полтавскій полковникъ Павелъ Семеновъ. Такъ, въ это время запорожскіе козаки Иваника и Лихопой, проживавшіе «по ласкѣ» самого гетмана Самойловича, въ зимнее время «на станціи» въ полтавскомъ полку, услыжавъ о проходящихъ изъ Сичи на Украину богатыхъ купцахъ, 3 татаръ и 2 армянъ, прибрали къ себѣ ватагу изъ спосовольныхъ козаковъ всякой «збродни» на 20-ти коняхъ и сдѣлали «засѣвку» на купцовъ въ 20 миляхъ отъ Сичи, въ урочищѣ Ковтобахъ. Когда купцы поровнялись съ мѣстомъ засады Иваники и Лихопой, то послѣдніе объявили имъ, что кошевой атаманъ требуетъ ихъ возвращенія назадъ, въ Сичу. И когда купцы отошли нѣсколько назадъ, то ватага бросилась на нихъ, взяла у нихъ 3 арбы съ добромъ, а ихъ самихъ побилъ и потопилъ въ Ковтобахъ. Другіе изъ такихъ же спосовольниковъ, ибшіе, дѣлали нападенія на людей, проѣзжавшихъ по трактовымъ шляхамъ и однажды наскочили на одного украинскаго торговца, родомъ изъ Кобелякъ, ѣхавшаго изъ Сичи съ рыбой. Они забрали у него рыбу и ковшъ, а когда онъ, заплакавъ отъ горя, сталъ ихъ корить и грозить имъ казнью, то они отвѣчали, что казни никакой не боятся и пошли себѣ прочь отъ шляху. Изъ такихъ «збродниковъ», кромѣ названныхъ, извѣстны были еще Гусачокъ и Куличокъ. Послѣдняго еще раньше того времени поймалъ, съ двумя конями, на Украинѣ полтавскій полковникъ, коней у него отобралъ, а самого его велѣлъ было послать въ Батуринъ, но онъ, имѣя другихъ «зайвыхъ» коней, ушелъ въ Сичу къ запорожцамъ, а запорожцы, какъ бы ничего не зная о дѣйствіяхъ Куличка, стали писать письма къ полтавскому полковнику съ требованіемъ вернуть взятыхъ имъ коней ¹⁾).

Отказывая гетману въ присылкѣ польскихъ писемъ, запорожцы въ то же время не переставали просить царей о собственномъ жалованьи: въ концѣ іюля мѣсяца 1683 года изъ Запорожья въ Москву отправлены были съ этою цѣлью кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Ивановичемъ посланцы Трофимъ Волошанинъ и Юрій Андреевичъ съ товарищами; кромѣ жалованья, посланцы просили и о томъ, чтобы цари отправили требовательную грамоту турецкому султану о дозволеніи запорожцамъ свободно ходить въ турец-

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ; малор. подл. дѣла, 1683, св. 5, №№ 432, 433.

кіе и татарскіе городки для добычи рыбы и соли. На эту просьбу изъ Москвы отвѣтили запорожцамъ грамотой, августа 7 дня, въ которой объячалось исполнить просьбу козаковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось, чтобы козаки непременно прислали «прелестную инструкцію польскаго короля» ¹⁾).

Но запорожцы попрежнему оставались непреклонны: января 31 дня, 1684 года, гетманъ жаловался на ихъ непостоянство, а марта 11 дня онъ извѣщалъ государей Іоанна и Петра о разбитіи запорожцами татарскаго гонца: «Ханъ жалуется на разбойниковъ запорожцевъ, что они его ханскаго гонца, отъ салтана турскаго возвращающагося, разбили и животы при немъ будучіе разграбили и самого его въ полонъ взяли». Ханъ просилъ наказать «разбойниковъ запорожцевъ» и возвратити пограбленное ими добро, въ противномъ случаѣ грозилъ набѣгомъ на Украину ²⁾. Великимъ постомъ того же года гетманъ имѣлъ новую несприятность отъ запорожцевъ: въ это время онъ отправилъ за рѣку Самару, лѣвый притокъ Днѣпра, нѣсколько сотъ человѣкъ великороссійскихъ ратниковъ и гадячскаго полка козаковъ съ приказаніемъ выкечь, въ виду безопасности отъ татаръ, всю степь по лѣвую сторону рѣки. На посланныхъ гетманомъ людей напнулся запорожскій разбѣдъ и сильно напугалъ ихъ. Тогда гетманъ, узнавъ о происшедшемъ, послалъ къ запорожцамъ черезъ гадячскаго полковника Вечорку свой листъ. Запорожцы, прочитавъ тотъ листъ и узнавъ въ то же время о царскомъ указѣ, касавшемся построенія вдоль Днѣпра отъ Самары крѣпостей, приняли къ заключенію о томъ, что русскіе имѣютъ нахѣреніе отбѣснить низовое войско отъ Днѣпра и его луговъ и написали гетману просительное письмо, въ которомъ объясняли столкновеніе своихъ конныхъ разбѣдныхъ съ людьми гетмана простымъ недоразумѣніемъ, царское приказаніе о построеніи самарскихъ крѣпостей нарушеніемъ старо-козацкихъ правъ и привилегій и въ заключеніи письма просили гетмана забыть всю прежнюю вражду и ненависть къ нимъ и не допустить до паденія Украину и Запорожье ³⁾. Просьба запорожцевъ оставлена была, однако, безъ послѣдствій, и вражда ихъ чрезъ то на гетмана усилилась.

Тѣмъ временемъ въ западной Европѣ произошло важное со-

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1683, св. 60, № 13, 15.

²⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1684, св. 61, № 18.

³⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ, 1684, подлин. № 444; Величко, II, 539.

бытіе—пораженіе, въ 1683 году, подъ стѣнами австрійской столицы Вѣны огромной турецкой арміи отъ соединенныхъ силъ германскаго императора Леопольда и польскаго короля Яна Собѣскаго. Но турки, несмотря на свою неудачу, готовились къ новой борьбѣ съ Польшей и Австріей. Тогда императоръ и король начали искать себѣ союзниковъ для борьбы съ турками и между другими обратились къ московскому правительству. Москва, потерпѣвшая передъ тѣмъ неудачу въ борьбѣ съ турками подъ городомъ Чигириномъ, естественно не могла отнестись къ такому предложенію равнодушно. Къ тому же, оказывая похощъ Польнѣ, она могла продлить время андрусовскаго перемирія съ правительствомъ Рѣчи-Посполитой и поставить вопросъ о томъ, чтобы навсегда удержать за собою священный для всей Россіи городъ Кіевъ, уступленный русскимъ пока лишь на известное время. Сообразивъ это обстоятельство, московскіе правители изъявили свое согласіе на священный противъ турокъ союзъ, но потребовали отъ польскаго короля уступки въ пользу Россіи Кіева. Въ январѣ мѣсяцѣ 1684 года начались по этому поводу переговоры: но уклончивые съ той и съ другой стороны 39 разъ сѣзжались по этому случаю и не пришли ни къ какому соглашенію: поляки не хотѣли уступить Москвѣ Кіева, русскіе не хотѣли подать Польнѣ помощи.

Тогда польскій король рѣшилъ привлечь къ себѣ, помимо воли московскихъ правителей, запорожскихъ козаковъ. Мая 5 дня Янъ Собѣскій послалъ къ кошевому атаману Григорію Ивановичу Еремѣеву и всему низовому войску письмо съ извѣстіемъ объ отправленіи на Кошъ черезъ двухъ комиссаровъ Порѣдовскаго и Мондреновскаго съ товарищами 1.000 червонцевъ и другихъ подарковъ съ убѣжденіемъ склониться на сторону Польши противъ турокъ и татаръ и съ просьбой проводить польскихъ пословъ къ калмыкамъ ¹⁾. Прибывъ въ Сичу и сдѣлавъ здѣсь свое дѣло, комиссары отъ себя и отъ кошевого атамана Григорія Еремѣева ²⁾ отправили посланцевъ запорожца Грицка къ донскимъ козакамъ и калмыкамъ, приглашая ихъ къ себѣ на помощь. По этой присылкѣ донское войско отписало польскому королю, что время для

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1684, св. 61, № 20, 22; подл. № 454.

²⁾ Октября 28 дня онъ называется уже «бывшимъ» кошевымъ атаманомъ.

похода (весна и лѣто) истекло, а кошевому Григорію Еремѣву отвѣтило, что оно во всемъ съ нимъ будетъ совѣтъ держать и списываться. Тѣмъ не менѣе, на просьбу комиссаровъ и кошевого поднялось 200 человекъ донцовъ и 70 человекъ казачковъ: они вышли въ Запорожье, къ рѣчкѣ Солоной и отсюда, вмѣстѣ съ польскими комиссарами и кошевымъ Григоріемъ Еремѣвымъ, пошли въ Польшу. Московское правительство, узнавъ объ этомъ, отравило къ донскому войску грамоту съ крѣпкимъ приказомъ, чтобы впредь никто не дерзалъ такого своевольства чинить и тѣмъ государскаго гнѣва и опалы не наводить, а запорожскаго посланца Гринка съ письмомъ кошевого Еремѣва въ Москву прислать ¹⁾). Кошевой нашелъ полезнымъ для войска извѣстить объ этомъ гетмана черезъ особаго посланца, куренного атамана Софрона, а гетманъ нашелъ необходимымъ донести объ этомъ въ Москву, причемъ отъ себя присовокупилъ, что онъ еще зимой задержалъ у себя пришедшихъ въ Батуринъ, съ Иваномъ Стыгайлкомъ, нѣсколько человекъ запорожцевъ и замѣнилъ соболей сукномъ при выдачѣ войску низовому жалованья.

Между тѣмъ польскій король Янъ Собескій, такъ настойчиво добивавшійся союза съ Москвой и не успѣвшій въ томъ, снова возобновилъ переговоры о томъ съ московскимъ правительствомъ. Къ тому принуждала его неудача въ борьбѣ съ турками, въ 1684 году, подъ Каменцомъ. Для того, чтобы «удержать правую руку султана», нужно было направить противъ турокъ малороссійскаго гетмана съ козаками. Московское правительство снова выразило свое согласіе на союзъ съ Польшей, но съ тѣмъ же условіемъ закрѣпленія за собой Кіева. По этому поводу спрошено было мнѣніе у гетмана Ивана Самойловича. Самойловичъ представилъ въ Москву, января 12 дня, 1685 года, черель находившагося тамъ своего посланца Василія Кочубея, обширную «инструкцію» вмѣсто отвѣта на предложенный ему вопросъ. Въ этой «инструкціи» онъ коснулся и Запорожья: «Горше всего снѣдаетъ насъ жалость, что польская сторона природною лукавою хитростію своею на Андрусовской комиссіи достунила такихъ рѣчей, которыя какъ взглядомъ Кіева, такъ и взглядомъ Запорожья цѣль великихъ государей нашихъ сторонъ съ шкодою остаются... И тако то лукавою хитростію своею тая лядская сторона въ договорахъ пе-

¹⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, I, 129, 132, 341.

ремирныхъ вымогши тое, абы Запорожье какъ до ихъ великихъ государей належитъ, такъ и имъ належало, теперь съ той причины беретъ себѣ способъ вдиратися во всю Малую Россію и своими прелестями тое еще разъ запорожцамъ въ свѣжую приводитъ память, будто сей край дѣдичный правомъ Польшѣ принадлежитъ и будто когда отданный въ то время въ польскую область быти маеть, а не только запорожцамъ то прикладывають, но и городовымъ осѣдлымъ людямъ малороссійскимъ въ прелестныхъ своихъ проповѣдяхъ недавно передъ симъ прекладали». Гетманъ настаивалъ Кіевъ, во что бы то ни стало, отобрать отъ Польши: какъ отстоялъ его «божіея премудрости вразумленіемъ великій государь царь Алексѣй Михайловичъ, такъ и наследники его державы должны содержать вѣчно за собой тотъ городъ. Кромѣ того, подобаетъ имъ, великимъ государямъ, и отъ Запорожья, для лучшаго державы ихъ монаршей охраненія власть лядскую отставити» ¹⁾. Помимо этого, гетманъ высказалъ въ своей «инструкціи» и многія другія свои соображенія, но они касались исключительно Украины, а не Запорожья.

Въ теченіе всего этого времени военныя дѣйствія поляковъ съ турками и татарами не прекращались. Въ 1685 году въ Молдавіи дѣйствовалъ коронный гетманъ Яблоновскій: подолки и на этотъ разъ не были счастливы въ борьбѣ съ турками, а потому вопросъ о союзѣ съ Москвой снова былъ поднятъ. На этотъ разъ коронный гетманъ хотѣлъ привлечь, по крайней мѣрѣ, на свою сторону Запорожье, но ни московскому правительству, ни украинскому гетману это не понравилось.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года гетманъ Самойловичъ, занося жалобу царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ на польскаго короннаго гетмана Яблоновскаго за то, что онъ называетъ его гетманомъ только заднѣпровскимъ, а не гетманомъ обѣихъ сторонъ, вмѣстѣ съ этимъ извѣщалъ о военныхъ дѣйствіяхъ польскихъ войскъ противъ татаръ и турокъ, выражалъ свое недовѣріе на поляковъ за то, что «они радѣютъ о заключеніи съ невѣрными мира, а подданныхъ царскаго величества, московскихъ государей, къ войнѣ прелестію своею поощряютъ, чтобы чрезъ такія причины турецкая и татарская сторона противъ великихъ государей стороны взяла ожесточеніе».

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ; подлин. мал. акты, 1685, св. 5, № 458.

щанію своему въ Кіевъ и я имѣя усердную ревность о превысокой вашей великихъ государей чести, которую не точію намъ вѣрнымъ ванимъ царского пресвѣтлого величества подданнымъ, но и всемъ окрестнымъ народомъ чтити достоитъ и видя, что донскіе не хранятъ той таковымъ своимъ ослушаніемъ указу вашего монаршеского, зачиная войну мимо вашей монаршеской воли, разсудить пристойно быти послать мнѣ к донскимъ козакамъ листъ, предлагая имъ пріятелски, чтобъ они ваше царского пресвѣтлого величества повелѣніе соблюдали и прелесныхъ полскихъ подсылокъ не слушали и войны мимо вашей великихъ государей воли не вчиняли, понеже великое дѣло ихъ, безъ вашего великихъ государей указу начинающееся, не можетъ имѣти прибыльного конца и того моего листа, писанного к донскимъ списокъ при семъ листѣ в Малороссійской приказъ посылаю и естли то угодно вамъ, великимъ государемъ, прошу о томъ милостивого извѣщенія: естли было не угодно, то я болю к нимъ донскимъ писать не буду, однако вѣрностію моею предлагаю, дабы ванимъ царского пресвѣтлого величества указомъ запретительнымъ донскіе в тѣхъ своихъ самовольныхъ начинаніяхъ воздержаны были, гонца ханского вышеименованого задержалъ семь при себѣ не малое время для того, чтобъ онъ за скорымъ отпускомъ в проѣздѣхъ не пропасть, того для за возвращеніемъ изъ царствующаго града Кутлунши-мурзы, гонца ханского, у васъ великихъ государей бывшаго и ево с нимъ мурзою отпустилъ, а каковъ листъ чрезъ него писалъ к хану, списокъ тутъ же в приказъ Малыя Росіи посылаю и сей мой листъ чрезъ нарочного моего гонца товарища сотни батуринской Дмитрея Пестеренка, который при посланныхъ ванихъ великихъ государей на Запорожье былъ, к вамъ великимъ государемъ посылая, отдаю себя премилосердой вашей монаршеской благодѣтели. Изъ Батурина сентября въ 28 день 1685 году. Вашего царского пресвѣтлого в-ва вѣрный подданный и низкайній слуга Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества запорожского»¹⁾.

О намѣреніяхъ запорожскихъ козаковъ кромѣ гетмана Самойловича знали и сами татары: такъ, октября 26 дня кызыкерменскій бей, Велей, черезъ посланцевъ, отпавленныхъ отъ намѣстниковъ крымскаго хана и нерекопскаго бей въ Сичъ, писалъ ко-

¹⁾ Архивъ минист. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1685, св. 67, № 18.

торого каковъ отъ себя листъ на Запорожье к войску с обличеніемъ атамана запорожского не порядку писалъ, того списокъ к вамъ великимъ государемъ посылаю тутъ же, тутъ же посылаю в приказъ Малыя Росіи 2 листа изъ Переволочни, отъ дозорцовъ нашихъ перевозного ко мнѣ присланные, въ которыхъ изображено, что запорожцы и кромѣ полескихъ безпрестанныхъ прелестей имѣютъ нынѣ побужденіе отъ донскихъ козаковъ, которые ихъ запорожцовъ на то дѣло приводятъ, чтобъ с татарами воевали, по которымъ мѣраютъ они запорожцы склонны к войнѣ, гдѣ и во время пріему милостивого вашего монаршеского жадованья, нѣкоторые блеяли на радѣ доведетца де имъ с татарами размиритца, а иныя и посреди ихъ обрѣтаютца такіе промышленники в поляхъ, что татаромъ вредятъ и людей нашихъ за пристойными промыслами ходячихъ грабятъ и показуетца отъ нихъ неудержимое зло, для которыхъ своихъ недобротвореній недостойны были милости вашей монаршеской, которая имъ всегда отъ монаршескихъ вашихъ щедротъ непрестанно изливаецца, въ которой злобѣ, понеже и запорожцомъ и донскимъ козакомъ полская прелестъ есть предводитель, и я на полскую обманчивую лукавность негодую прозирая мысленнымъ разсужденіемъ, что они поляки не токмо чрезъ то войну турецкую на преславное ваше російское государство обратить хотятъ, но и сами нѣчто злое доказать помышляя, желаютъ, чтобъ имя ихъ межъ запорожцы и межъ донскими было и далѣ памятно и чтобъ во время злаго ихъ намѣренія и они на помощное ихъ зло были подняты, для чего и х калмыкамъ прелестъ свою посылаютъ и вездѣ денежныя дачи бросаютъ, какъ слышимъ, что и на Донъ начальнымъ войсковымъ Олору Минаеву тѣхъ денежныя подарки к нему посланы, того для какъ принуждаетъ меня моя вѣрность о всемъ вамъ великимъ государемъ доносить, такъ я о тѣхъ непріятельскихъ вражнихъ намѣреніяхъ покорно вамъ, великимъ государемъ, доношу особою вѣрности моею должностію, а для того при запасѣ по всему войску низовому вмѣстѣ, а не к атаману кошевому отъ себя листъ писалъ, чтобъ все войско видѣли сво неправое поступки, на который листъ мой о пріемѣ запаса и о немъ атаманѣ какъ ко мнѣ отпишутъ, о томъ вамъ, великимъ государемъ, я вѣрный подданный учиню извѣстно и о томъ покорно тутъ доношу вамъ великимъ государемъ, былъ у меня Петръ Мурзенко, донскихъ козаковъ нѣсколько человекъ, которые ходили молиться по обѣ-

шанію своему въ Кіевъ и я имѣя усердную ревность о превысокой вашей великихъ государей чести, которую не точію намъ вѣрнымъ ванимъ царского пресвѣтлого величества подданнымъ, но и всемъ окрестнымъ народомъ чтити достоитъ и видя, что донскіе не хранятъ той таковымъ своимъ послушаніемъ указу вашего монаршеского, зачиная войну мимо вашей монаршеской воли, разсудилъ пристойно быти послати мнѣ к донскимъ козакамъ листъ, предлагая имъ пріятельски, чтобъ они ваше царского пресвѣтлого величества повелѣніе соблюдали и прелесныхъ полскихъ подсылокъ не слушали и войны мимо вашей великихъ государей воли не вчинали, понеже всякое дѣло ихъ, безъ вашего великихъ государей указу начинающееся, не можетъ имѣти прибыльного конца и того моего листа, писанного к донскимъ списокъ при семъ листѣ в Малороссійской приказъ посылаю и естли то угодно вамъ, великимъ государемъ, прошу о томъ милостивого извѣщенія: естли было не угодно, то я болини к нимъ донскимъ писать не буду, однако вѣриностію моею предлагаю, дабы ванимъ царского пресвѣтлого величества указомъ запретительнымъ донскіе в тѣхъ своихъ самовольныхъ начинаніяхъ воздержаны были, гонца ханского вышеименованого задержалъ есмь при себѣ не малое время для того, чтобъ онъ за скорымъ отпускомъ в проѣздѣхъ не пропасть, того для за возвращеніемъ изъ царствующаго града Кутлунш-мурзы, гонца ханского, у васъ великихъ государей бывшаго и сво с нимъ мурзою отпустилъ, а каковъ листъ чрезъ него писалъ к хану, списокъ тутъ же в приказъ Малыя Росіи посылаю и сеѣ мой листъ чрезъ нарочного моего гонца товарища сотни батуринской Дмитрея Пестеренка, который при посланныхъ ванихъ великихъ государей на Запорожье былъ, к вамъ великимъ государемъ посылая, отдаю себя премилосердой вашей монаршеской благодѣтели. Изъ Батурина сентября въ 28 день 1685 году. Вашего царского пресвѣтлого в-ва вѣрный подданный и нижайшій слуга Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества запорожского»¹⁾.

О намѣреніяхъ запорожскихъ козаковъ кромѣ гетмана Самойловича знали и сами татары: такъ, октября 26 дня кызыкерменскій бей, Велей, черезъ посланцевъ, отправленныхъ отъ намѣстниковъ крымскаго хана и переконскаго бей въ Сичь, писалъ ко-

¹⁾ Архивъ минист. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1685, св. 67, № 18.

закамъ письмо, въ которомъ высказывался, что, въ виду устанавившагося между Портою и Россіей свитого мира, запорожцы обязаны непремѣнно прекратить свои набѣги на селенія и города мусульманъ; а между тѣмъ они вовсе и не думаютъ о томъ, безпрестанно дѣлають шкоды кызыкерменскимъ и крымскимъ жителямъ, захватываютъ по десяти и даже по пятидесяти лошадей у татаръ, наносятъ имъ большіе убытки и нарушаютъ общій покой. Въ заключеніе письма беі требовалъ отъ кошевого атамана дать ему надлежащій отвѣтъ черезъ крымскихъ посланныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послать своего войскового асаула на Низъ Днѣпра, чтобы согнать оттуда всѣхъ вольныхъ козаковъ въ Сичъ, запретить имъ впредь дѣлать всякія шкоды мусульманамъ и, въ виду избѣжанія непріязни между Россіей и Портою, навсегда усмирить своевольниковъ. На это письмо запорожцы отвѣчали листомъ, что «нестаточная» та рѣчь, чтобы ради гуляевъ и своевольниковъ выгонять съ Низу Днѣпра и его вѣтокъ добрыхъ молодцовъ и что естественнѣе будетъ самимъ татарамъ остерегаться и ловить своевольниковъ и поступать съ ними по своему усмотрѣнію ¹⁾).

Въ слѣдующемъ 1686 году запорожцы снова вошли въ пререканія съ гетманомъ Самойловичемъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Вскорѣ послѣ праздника Рождества Христова гетманъ получилъ извѣстіе о томъ, что жители орельскихъ городовъ ²⁾ разбили гдѣ-то въ подѣ крымскаго посла и съ нимъ вмѣстѣ, «замордовали» московскаго гонца. Вмѣстѣ съ этимъ пришла «сусѣдція и уразъ», что въ этомъ дѣлѣ принимали участіе и запорожцы. Тогда гетманъ послалъ универсалъ орельскимъ жителямъ, а въ слѣдъ затѣмъ черезъ особаго посланца отправилъ «вельми доткливое» письмо и къ запороженымъ козакамъ, въ которомъ укорялъ ихъ въ совершенномъ ими злодѣяніи. На то письмо запорожцы отвѣчали гетману собственнымъ письмомъ, въ которомъ энергично отстаивали свою непричастность къ позорному дѣлу, рѣзко выражали свое негодованіе за безчестіе, возводимое гетманомъ на лизовое товариство, и тутъ же припоминали ему всю неблаговидность его стремленія оттѣснить козаковъ отъ рѣчки Самары, днѣпровскихъ луговъ и вѣтокъ.

«Послѣ разрушенія Чигирина ваша мосць, мосце пане, писали

¹⁾ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 552.

²⁾ Орель—лѣвый притокъ Днѣпра, выше Самары.

къ намъ и обѣщали всѣми силами вашего реймента усердно защищать насъ отъ непріятельскаго бусурманскаго нападенія. А теперь оказывается иначе, не защищать, а разорять наше низовое войско, ваша мощь, выискиваете способы: чтобы вытѣснить насъ изъ луговъ и вѣтокъ дѣпровскихъ, вѣчныхъ нашихъ жилищъ. вы посовѣтовались съ московскими боярами, а больше всего со своимъ сватомъ Шереметевымъ ¹⁾. и рѣшили построить города ниже Самары по-надъ Дѣпромъ, чего мы никогда отъ васъ не ожидали... Изволь, ваша милость, впрядь съ ними (донщиками) жить и насъ, войска запорожскаго, ни въ чемъ не трогать и не досаждать: мы тоже съ своей стороны не станемъ докучать вашей рейментарской милости, сообразно пословицѣ: свитый Бернардине, мы тебѣ не молимся, ты насъ не мизуй» ²⁾.

Въ это время у запорожскихъ козаковъ кошевымъ атаманомъ былъ Григорій Сагайдачный. Задумавъ походъ противъ турецкихъ и крымскихъ людей, Сагайдачный написалъ о томъ письмо къ донскимъ козакамъ и просилъ у нихъ содѣйствія. Но донцы, получивъ письмо Сагайдачнаго, отослали его въ Москву, и изъ Москвы отправленъ былъ указъ гетману Самойловичу о томъ, чтобы ни жители малороссійскихъ городовъ, ни запорожскіе козаки отнюдь не чинили бы ни съ турками, ни съ татарами никакихъ задоровъ и держались бы съ ними на мирной ногѣ ³⁾.

Въ 1676 году, по истеченіи тридцатилѣтняго андрусовскаго перемирія, между Россіей и Польшей заключенъ былъ, апрѣля 21 дня, вѣчный миръ. Мая 1 дня отправленъ былъ изъ Москвы въ Сичъ съ извѣстіемъ объ этомъ подьячій Оедотъ Роговъ; онъ привезъ царскую грамоту на имя кошевого атамана Оедора Иванова, въ которой говорилось о мирѣ русскихъ съ поляками, о бытіи Кіева и Запорожья со всѣми черкасскими городами во вѣки неподвижномъ подданствѣ у Россіи и о походѣ ихъ на татаръ и турокъ ⁴⁾.

Вѣсть о заключеніи Польши съ Россіей вѣчнаго мира дошла немедленно и въ Крымъ и была очень непріятна крымскому хану. Въ борьбѣ съ польскимъ королемъ ханъ рассчитывалъ на помощь

¹⁾ Самойловичъ выдалъ свою дочь за сына Петра Шереметева, Оедора Петровича.

²⁾ Величю, Лѣтописъ, Кіевъ, 1851, II, 557, 558.

³⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, I, 140.

⁴⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1686, св. 69, № 18.

со стороны запорожскихъ козаковъ, но теперь запорожцы не могли уже дѣйствовать вопреки воли московскихъ правителей.

Іюня 1 дня, 1686 года, въ Москву прибыли отъ кошевого атамана Оедора Иваника ¹⁾ и всего низового войска посланцы Трофимъ Волошанинъ да куренной атаманъ Василій Кузьминъ съ 50 козаками съ просьбой о жалованьи и съ разными вѣстями о намѣреніяхъ крымцевъ. Явившись въ приказъ Малой Россіи, запорожскіе посланцы дали слѣдующее показаніе:

«Къ великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцамъ, послали ихъ кошевой атаманъ и все войско запорожское бить челомъ за ихъ царскаго величества милости: ханъ крымскій, по ихъ царскаго величества указу и по грамотѣ, какова послана была къ хану крымскому о ихъ обидахъ, позволилъ имъ, войску запорожскому, быть въ промыслахъ для звѣриной и рыбной ловли безъ всякаго налога и безъ десятины: а о соляныхъ промыслахъ, чтобъ соль имъ брать безпощинно, писалъ онъ, ханъ, къ турецкому салтану. Да и о томъ послали ихъ кошевой атаманъ и все войско бить челомъ великимъ государямъ, ихъ царскому величеству, чтобы великіе государи пожаловали ихъ, велики къ нимъ послать на Коня своего великихъ государей жалованья по прежнему ихъ государскому указу. А съ грамотою великихъ государей ихъ царскаго величества къ крымскому хану посылали атаманъ кошевой и все войско запорожское Трофима Волошанина да Василія Кузьмина съ товарищами. А какъ они были въ Крыму, то ханскій визирь, призвавъ ихъ къ себѣ, говорилъ имъ, не будетъ-ли отъ нихъ помощи противъ польскаго короля: въ прежнее время отъ нихъ, безъ вѣдома царскаго величества, запорожскіе козаки, собравшись до 500, 600 и даже до 1.000 человекъ и назначивши себѣ полковника, ходили съ ними, крымцами, на войну вмѣстѣ. Они же, Трофимъ съ товарищами, на то визирю сказали, что хотя раньше того такъ и водилось, но нынѣ безъ воли и указа царскаго величества дѣлать они того не будутъ. Въ то время ханъ крымскій, Пуррединъ и Калга салтаны были въ Крыму и турецкій салтанъ прислалъ въ Крымъ своего каймакана съ жалованьемъ и съ приказаніемъ, чтобы ханъ и салтаны, собравшись со всѣми крымскими силами, немедленно

¹⁾ Въ однихъ актахъ онъ назывался Иваникомъ, въ другихъ Иванисомъ.

тили на войну, потому что польскій король, собравшись со своими силами, хочет идти подъ Каменецъ-Подольскій».

Вѣсти, привезенныя запорожскими посланцами въ Москву, очень понравились московскимъ правителямъ, и запорожскому войску съ его старшинами назначено было жалованье: кошевому атаману Оедору Ивану — двѣ пары соболей, по семи рублей пара, 2 сорока соболей, по пятидесяти рублей каждое сорокъ; судѣѣ, асаулу и писарю по парѣ соболей въ семь рублей пара да по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждое сорокъ. Кромѣ того, тому жъ кошевому атаману на шапки два вершка бархатныхъ, камки кунтерю да атласу гладкаго по 10 аршинъ, 2 портища сукна кармазину, по 5 аршинъ портище; судѣѣ, асаулу, писарю по вершку бархатному, по 5 аршинъ сукна кармазину да по атласу по 10 аршинъ атласъ челоуѣку: всему войску да кошевому атаману—150 половинокъ суконъ анбуртскихъ, 50 суконъ половинокъ пинтуховыхъ, которыя велѣно было дослать къ 150 половинкамъ, посланнымъ въ прошломъ году изъ приказа Малой Россіи. Для отправки царскихъ подарковъ на Сичь назначенъ былъ стольникъ Левъ Мироновъ Поскочинъ. Не забыты были также и посланцы запорожскіе, прибывшіе въ Москву: имъ велѣно было выдать, сверхъ поденнаго корму и приказной дачи, рыбы соленой бѣлужины и осетрины, хлѣба, калачей, крупъ, соли, перцу, чесноку и луку на 4 рубля, питья съ отдаточнаго двора—вина 10 ведеръ, меду столько же, пива 30 ведеръ; кромѣ того, особое «царское милостивое жалованье» ¹⁾.

Посланцы запорожскихъ казаковъ отпущены были изъ Москвы іюня 18 дня и вмѣстѣ съ ними въ тотъ же день послана была царская милостивая грамота кошевому атаману «Оедору Ивановичу» и всему бывшему при немъ посольству ²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ; малор. дѣла, 1686, св. 69, № 19.

²⁾ Архивъ мин. пш. дѣлъ; малор. подл. акты, 1686, св. 2, № 23.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Вопросъ о взятіи козаками города Кафы.

Вопросъ о взятіи козаками города Феодосіи безусловно разрѣшается въ томъ смыслѣ, что событіе это совершилось не въ 1606-мъ, а въ 1616-мъ году. Объ этомъ свидѣлствуютъ, безъ всякаго колебанія, всѣ достоверные источники той эпохи.

I) Реляція современника событія, Станислава Жолкевскаго, короннаго гетмана польскаго, составленная имъ въ 1618 году. Эта реляція напечатана подъ такимъ заглавіемъ: «*Relacja jmei pana Stanislawu Żolkiewskiego wojew. Kijowsk. Kanc. i Het. Koron. w Warszawie na Sejmie walnym w roku Bożym 1618, w zbiorzku Niemcewicza: Zbiór pamiętników historycznych o dawnéj polsce z rękopismów, tudzież dzieł... Tom VI, Lwow, 1833, 8°. Здѣсь, на стран. 93—107, излагаются въ послѣдовательномъ порядкѣ дѣйствія козаковъ въ 1614, 1615 и 1617 годахъ. На страницѣ 98 говорится: «*Szedł Ali Basza na początku roku 1616 Kozacy, go porazili w Limienin. Kilkanaście galer wzięli i do sta czołnów, uciekł sam Ali Basza, spalili Kaphę (Kaffe) i powojowali brzegi...*». Та же реляція перепечатана подъ заглавіемъ *Mowa w Warszawie na sejmie walnym roku 1618 miama, w której z daje sprawę z swoich czynności*, въ сборникъ: «*Pisma Stanislawu Żolkiewskiego*». Lwow. 1861, 8°.*

Выписанной изъ предыдущаго сборника цитатѣ здѣсь соответствуетъ страница 264-я.

II) На тотъ же 1616 годъ указываетъ, по сообщенію Штентмана, рукопись Неаполитанской національной бібліотеки: *Ms. I, J.—Nuevo Tratado de Turquía con una Description del sitio, y ciudad de Constantinopla etc. Compuestas por D. Otavio Sapientia clerigo etc. Dedicando a la Magestad del Rey catolico don Felipe IV. Anno 1622, capitulo XXIV, De las Rexas rasillos de Polonia y su valor*. (Смотри «Историческія пѣсни малорусскаго народа», съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, томъ I, Кіевъ, 1874, страница 263).

III) Тоже подтверждаетъ рукописный сборникъ Императорской Публичной Библіотеки, въ отдѣлѣ *польскихъ рукописей*, f. № 33. (Смотри историческую монографію Н. Н. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій», томъ I, изданіе 4-е, Спб., 1881 г., страница 64-я).

IV) Въ печатной брошюрѣ «*Върши на жалосний поіребъ Зипного рыцера Петра Конашійска Сагайдачного. Заложений прізь мюка Косіана Саковича. Кіевъ, 1622. 4°*», имѣется виньетка, изображающая взятіе Сагайдачнымъ

Кафы. Съ лѣвой стороны виньетки напечатано «*Кафу воєвалъ*», а съ правой— «*року* $\neq$ $\overline{\text{XXS}}\overline{\text{I}}$ » (1616 годъ).

Въ посмертномъ изданіи *Собранія сочиненій М. А. Максимовича, томъ I, отдѣлъ историческій*, Кіевъ, 1876 года, на страницѣ 359, говорится, что въ 1869 году М. А. Максимовичъ сообщилъ въ рукописной замѣткѣ, что «на томъ экземплярѣ книги «Вѣршѣ», которымъ онъ первоначально пользовался, въ цифрѣ, означающей годъ 1616, знакъ $\overline{\text{I}}$ былъ приписанъ внослѣдствіи другимъ почеркомъ и черниломъ; потому онъ находилъ нужнымъ выставить годъ взятія Кафы 1606, а не 1616», что и исполнено редакторами «Собранія сочиненій» М. А. Максимовича.

Въ виду такого противорѣчія въ показаніяхъ современныхъ источниковъ, авторъ настоящаго труда обратился къ Н. Г. Безгину и просилъ его проверить подлинный экземпляръ книги «Вѣршѣ», хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Н. Г. Безгинъ, рассмотрѣвъ 24 марта, 1891 года, этотъ экземпляръ, совмѣстно съ директоромъ Императорской Библіотеки А. О. Вязковымъ, какъ онъ лично, такъ и г-нъ директоръ пришли къ выводу, что цифра $\overline{\text{I}}$, вѣроятно, въ виду неясности оттиска, подправлена въ двухъ мѣстахъ чернилами или краскою, но не сплошь. И если смотрѣть на свѣтъ, то ясно можно различить типографскій оттискъ цифры $\overline{\text{I}}$.

Этимъ опровергается предположеніе (о поддѣлкѣ цифры), высказанное покойнымъ М. А. Максимовичемъ.

Одинъ изъ редакторовъ его посмертныхъ сочиненій, профессоръ В. Б. Антоновичъ, повторяетъ ту же ошибку въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: въ рецензіи на повѣсть Д. І. Мордовцева: «Сагайдачный» («Кіевская Старина», 1882, № 10), ссылаясь здѣсь на Максимовича; а затѣмъ въ біографіи Сагайдачнаго, напечатанной въ сборникѣ «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи», выпускъ I, Кіевъ, 1885. Но сборникъ этотъ имѣетъ характеръ не научный, а популярный, и ссылки на источники въ немъ совершенно отсутствуютъ.

V) Тотъ же профессоръ Антоновичъ въ сборникѣ «Историческія писма малорусскаго народа», томъ I, Кіевъ, 1874 года, на страницѣ 203, совершенно опредѣленно говоритъ, что взятіе и сожженіе козаками Кафы состоялось въ 1616 году, что «походъ Сагайдачнаго прежде относили къ 1616 г., а внослѣдствіи Максимовичъ (подразумѣвая здѣсь рукописную замѣтку послѣдняго въ 1869 г.), какъ теперь оказывается, *неверно* отнесъ къ 1606 году».

VI) Того же мнѣнія, что Кафа взята въ 1616 году, придерживается и Н. А. Кулишъ въ своей «Исторіи возсоединенія Руси», томъ II, Спб., 1874, страница 208—209.

VII) Н. Н. Костомаровъ, въ 3-мъ изданіи своей исторической монографіи «Богданъ Хмельницкій» (т. I, стр. LV) высказывался, что «по *всѣмъ* соображеніямъ» разореніе Кафы козаками можно отнести къ 1613 году, по мотивы этихъ соображеній оказались недостаточны всѣми, и потому въ 4-мъ изданіи этой монографіи (томъ I, Спб. 1881 г.) на страницѣ 64, уже совершенно опредѣленно, съ указаніемъ источниковъ, говорится о сожженіи Кафы козаками Сагайдачнаго въ 1616 году.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Глава первая. Происхожденіе козаковъ.—Козаки татарскіе; козаки южнорусскіе; козаки низовые или запорожскіе.—Причины появленія южнорусскаго козачества.—Начало отдѣленія запорожскихъ козаковъ отъ украинскихъ.—Шестъ періодовъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ.—Смѣшиваніе запорожскихъ козаковъ съ украинскими въ Москвѣ и строгое различеніе ихъ самихъ отъ гетманскихъ козаковъ.—Первые вожди, соединившіе для общей цѣли козаковъ.—Князь Дмитрій Вишневецкій, его походъ на низовы Днѣпра, первая попытка основанія Сичи на островѣ Хортицѣ, служба русскому царю, польскому королю, походъ въ Молдавію и трагическая кончина въ Царырадѣ .....

5—32

Глава вторая. Перемѣшиваніе козаковъ на Ингу Днѣпра послѣ князя Дмитрія Вишневецкаго.—Козацкіе предводители: Вирута Мадскій, Карпо, Андрушъ, Лесунъ, Белоусъ и Дихъ.—Нападенія козаковъ на проβαжнихъ туренко-татарскихъ купцовъ и русско-татарскихъ гонцовъ.—Политическыя униія 1569 года Литвы и Польши и положеніе всего козацкаго сословія въ новомъ государствѣ.—Міры польско-литовскаго правительства противъ козаковъ и назначеніе надъ ними особаго правительственнаго начальника «старшого», Яна Бадовскаго.—Походы Смерчовскаго въ Молдавію въ помощь господарю Пшонѣ противъ турокъ и дѣйствія низовыхъ козаковъ.—Кошмовы атаманъ низовыхъ козаковъ Фока Покотило и Самойло Кошка.—Гетманъ Богданъ Ружинскій.—Походы его съ козаками въ крымскія владѣнія и къ берегамъ Малой Азіи; взытіе имъ города Трапезонта и гибель при верховъ крѣпости Аслама.—Походы Ивана Подковы съ козаками и ихъ предводителемъ въ Молдавію.—Успѣхъ Подковы и гибель его.—Преемникъ Подковы Александръ и дѣйствія низовыхъ козаковъ.—Міры Стефана Баторія противъ козаковъ.....

33—65

Глава третья. Родина Самойла Зборовскаго.—Роль Зборовскихъ при избраніи королей Генриха и Баторія на польскій престолъ.—Преступленіе Самойла Зборовскаго, баначія и замыслы его о про-

славленія своего имени и геройскихъ подвиговъ.—Походъ Зборовскаго по Днѣпру и свиданіе съ козаками.—Планы его о походѣ на Молдавію.—Сношенія съ крымскими послами и мысль о походѣ на Персію вмѣстѣ съ турками и татарами.—Отказъ въ этомъ Зборовскому со стороны низовыхъ козаковъ.—Посольство Зборовскаго къ молдавскому господарю и движеніе его по Днѣпру для промысловъ.—Стопниовеніе съ татарами и турками низовыхъ козаковъ.—Напрасное ожиданіе на Пробиномъ шляху извѣстій отъ молдавскаго господара.—Затруднительное положеніе Зборовскаго въ степи, возвращеніе его на родину и казнь по приказу короля Стефана Баторія.....

66—77

Глава четвертая. Нападенія козаковъ на крымскія владѣнія.—Жалобы крымскаго хана на козаковъ королю Стефану Баторію.—Посольство, отправленное Баторіемъ къ низовымъ козакамъ дворянина Глубоцкаго и расправа козаковъ съ королевскимъ посланцемъ.—Походъ козаковъ съ атаманомъ Орыншевскимъ на крымскіе улусы и жарныя предложенія ихъ хану Исламъ-Герая.—Дѣйствіе преемника Исламъ-Герая.—Взятіе козаками крѣпости Очакова и разграбленіе береговъ Крыма.—Дѣйствіе преемника Исламъ-Герая, Казы-Герая, противъ козаковъ.—Политика московскаго правительства въ отношеніи запорожскихъ козаковъ, разгромъ козаками турецкихъ городовъ Козлова, Анкермана и Азова и погня турокъ за козаками.—Радость въ Москвѣ по поводу успѣха козаковъ на Черномъ морѣ.—Жалобы султана польскому королю на козаковъ и мѣры короля Сигизмунда III для укрощенія ихъ.....

78—85

Глава пятая. Первое возстаніе козаковъ противъ поляковъ подъ начальствомъ Косинскаго.—Боевыя силы козаковъ и главный контингентъ возставшихъ.—Первыя извѣстія о жизни и дѣйствіяхъ Кршитофа Косинскаго.—Пребываніе его въ Запорожской Сичи, возвращеніе для дѣлки на Украину и движеніе на Волынь и Подолію.—Весельяныя мѣры короля Сигизмунда III противъ козаковъ.—Неудачное движеніе противъ козаковъ князя Острожскаго и понесенное пораженіе имъ отъ Косинскаго.—Постановленіе короля и сейма относительно козаковъ.—Дѣйствія противъ козаковъ князей Острожскихъ и князя Александра Вишневецкаго.—Пораженіе Косинскаго подъ Мяткою и принесеніе имъ присяги на вѣрность Рѣчи-Посполитой.—Неисполненіе присяги со стороны Косинскаго и новое движеніе козаковъ противъ поляковъ.—Сборы Косинскаго и козаковъ въ городѣ Черкесахъ и внезапная смерть Косинскаго.—Значеніе перваго движенія козаковъ противъ Польши.....

86—97

Глава шестая. Идея объ изгнаніи турокъ изъ Европы.—Сношенія австрійскихъ императоровъ съ Москвой по этому поводу черезъ посла Воркочу.—Свѣдѣнія, собранныя Воркочей въ Москвѣ о запорожскихъ козакахъ.—Отправленіе и прїѣздъ въ Запорожскую Сичу германскаго посла Эрнха Ласоты.—Прїѣздъ папскаго посла патера

Комулео.—Предложеніе запорожцамъ отъ императора и папы.—Согласіе и потомъ отказъ запорожцамъ въ участіи войны императора противъ турокъ.—Условія, предъявленныя запорожцами императорскому послу и отправка къ императору собственныхъ посланцевъ.—Уклоненіе со стороны молдавскаго господара отъ союза съ запорожцами. хлопоты по этому поводу и успѣхъ со стороны папскаго посла, патера Комулео .....

98—122

Глава седьмая. Введеніе церковной уніи на Украинѣ и насилія по этому поводу со стороны католиковъ надъ православными.—Козацкое возстаніе подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка.—Біографическія данныя о Лободѣ и Наливайкѣ.—Обида отъ Калиновскаго Наливайкѣ-отцу и выступленіе на Украину Наливайка-сына.—Похожденія его на Волыни и Вѣлоруссіи.—Выходъ изъ Сечи Лободы.—Гетманъ Саула.—Дѣйствія противъ козаковъ Молдавскаго.—Схватка козаковъ подъ Бѣлою-Церковью.—Гибель Саська, контузіи Саулы и выборъ Лободы гетманомъ козаковъ.—Движеніе козаковъ къ Кіеву.—Запорожская флотилія подъ начальствомъ атамана Подвысоцкаго.—Отступленіе козаковъ къ Переяславу и Лубнамъ.—Местоящая битва у Солоницы.—Выдача Наливайка.—Условія, предложенныя козакамъ Молдавскимъ.—Казаъ Наливайка и постановленія польскаго правительства о низовыхъ козакахъ.....

123—165

Глава восьмая. Преемникъ Лободы и Кременскаго,—Христофоръ Печковский и поведеніе его въ отношеніи поляковъ и низовыхъ козаковъ.—Смѣна Печковского и назначеніе вмѣсто него Тихона Байбузы.—Преданность Байбузы польскому правительству; возстаніе противъ него низовыхъ козаковъ и избраніе ими въ старшого козака Молоуса.—Дѣйствія Молоуса противъ Байбузы и его асаула Семена Скалозуба.—Образованіе въ Запорожьѣ двухъ партій и открытая вражда между ними.—Назначеніе старшимъ Семена Скалозуба и гибель его на морѣ.—Преемникъ Скалозуба Самойло Кошка.—Походы Кошки съ запорожцами въ Молдавію и Ливонію.—Кончина Кошки и преемникъ его Гаврило Крутневичъ.—Преемникъ Крутневича Иванъ Куцковичъ.—Поведеніе козаковъ въ Инфлянцкой землѣ, взятіе ими города Витебска и уходъ Куцковича изъ войска.—Одновременныя дѣйствія низовыхъ козаковъ въ Крыму и на Черномъ морѣ въ 1601—1607 году.—Калобы на козаковъ польскому королю со стороны Турціи.—Столкновеніе запорожцевъ съ татарами у Корсуни и распоряженія гетмана Григорія Непозвича.....

166—178

Глава девятая. Участіе запорожскихъ козаковъ въ предпріятіи Лжедмитрія I.—Неудачная битва Дмитрія с козаковъ у Добрыничи на рѣчкѣ Сѣвѣ.—Участіе запорожцевъ въ предпріятіи Лжепетра и Лжедмитрія II.—Пораженіе Шуйскаго и Голицына и начальника нѣмецкаго отряда Ламедорфа отъ поляковъ и запорожцевъ.—Общая численность запорожскихъ и украинскихъ козаковъ при Тушинѣ.—

Дѣйствія козаковъ подѣ Устюжной.—Дѣйствія Наливайка во владимирскомъ уѣздѣ.—Движеніе Кирюзицкаго съ козаками къ Новгороду, отступленіе къ Старой-Русѣ и Твери.—Дѣйствія Олевченка съ козаками подѣ Смоленскомъ.—Участіе козаковъ по взятіи Стародуба, Почепѣ, Чернигова, Новгородѣ-Сѣверскѣ, Мосальскѣ и Вѣлой.—Оборона козаками православной вѣры на югѣ; возвращеніе ихъ на сѣверъ и движеніе къ Пронску, Зарайску, въ верхневоложскія заводскія мѣста; осада Вологды.—Сидѣніе запорожцевъ въ Кремлѣ.—Сношеніе царя Михаила Оедоровича съ турецкимъ султаномъ по поводу запорожцевъ.—Движеніе въ московскіе предѣлы гетмана Сагайдачнаго и дѣйствія его у Калуги и Вѣлой ..... 179—188

Глава десятая. Начало дѣятельности гетмана Сагайдачнаго.—Взятіе запорожцами городовъ Кафы, Синопа, окрестностей Константинополя, Трапезонта и Варны.—Походъ запорожскихъ козаковъ подѣ Перекопѣ и сношеніе ихъ съ Москвой.—Участіе запорожцевъ въ сраженіи подѣ Хотиномъ заодно съ поляками противъ турокъ и первенствующая роль въ этомъ гетмана Сагайдачнаго.—Неудачные походы запорожцевъ къ Очакову и въ Черное море въ 1621 году.—Походы запорожцевъ въ Молдавію въ 1622—1623 году, къ берегамъ Востора, къ городамъ Синопу и Трапезонту.—Страшное пораженіе козаковъ на западномъ берегу Чернаго моря.—Условія, предложенныя козаками польско-литовскому правительству въ 1625 году.—Появленіе въ Запорожѣ турецкаго царевича Ахія ..... 189—209

Глава одиннадцатая. Походъ Конецпольскаго противъ козаковъ и дѣйствія противъ поляковъ гетмана Жмайля.—Куруковское дѣло въ 1626 году.—Выходъ запорожцевъ въ 1629 году къ Константинополю.—Пребываніе гетмана Тараса Трясила въ Запорожѣ.—Сраженіе Конецпольскаго съ Трясилою подѣ Переяславомъ.—Походъ запорожцевъ подѣ начальствомъ Сулимы на Черное море.—Миръ Польши съ Турціей въ 1634 году и средства для удержанія козаковъ отъ набѣговъ на мусульманъ.—Построеніе крѣпости Кодака и разрушеніе ея Сулимою.—Походъ запорожцевъ подѣ Азовъ.—Дѣйствія Павлюка, Гуни и запорожцевъ противъ поляковъ.—Печальное дѣло козаковъ съ поляками у устья Старицы въ 1638 году.—Неудачный походъ запорожцевъ къ устью Кубани.—Прекращеніе извѣстій о козацкихъ походахъ ..... 210—230

Глава двѣнадцатая. Бѣгство Богдана Хмельницкаго въ запорожскую Сичу и пріемъ его козаками.—Посланцы короннаго гетмана Потоцкаго въ Сичу съ приказаніемъ изловить Хмельницкаго.—Стѣздъ Хмельницкаго въ Крымъ и возвращеніе въ Сичу.—Первая рада въ Запорожѣ.—Письма Хмельницкаго къ знатымъ польскимъ панамъ.—Пріѣздъ въ Запорожье перекопскаго мурзы Тугай-бея.—Вторая рада въ Запорожѣ.—Движеніе Хмельницкаго противъ поляковъ къ Желтымъ-Водамъ.—Встрѣча Хмельницкимъ польской рѣчной

флотилии у праваго берега Дняпра съ цѣлю склонить ее на свою сторону и полный его въ этомъ успѣхъ.—Положеніе лагерей козакаго и польскаго у Желтыхъ-Водъ.—Полное пораженіе поляковъ у Желтыхъ-Водъ и Кияжыя-Байрака.—Движенія запорожцевъ отъ Желтыхъ-Водъ къ Корсуню, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, Бѣлой-Церкви и на Волинь.—Недовольство запорожцевъ Хмельницкимъ.—Сношенія Хмельницкаго съ запорожцами по поводу передачи Малороссіи Москвѣ.—Партія людей, не желавшихъ соединиться съ Москвой и бѣгство ея въ Запорожье.—Присяга запорожцевъ московскому царю.—Неудачные походы запорожцевъ въ Черное море и къ Очакову... 231—249

Глава тринадцатая. Настроеніе населенія на Украинѣ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго и откликъ этого настроенія въ Запорожьѣ.—Гетманъ Виговскій и его писмо къ запорожцамъ по поводу избранія въ гетманы.—Дипломатическій отвѣтъ запорожцевъ Виговскому и открытая вражда ихъ къ нему.—Повѣсть гетмана Виговскаго на запорожцевъ, посланный въ Москву.—Осмотрительное обращеніе Москвы съ запорожцами.—Отправленіе запорожцами посланцевъ въ Москву.—Возвращеніе посланцевъ запорожескихъ въ Сичу и политическое обращеніе козаковъ съ гетманомъ Виговскимъ.—Отправка гетманомъ въ Запорожье одного козла подъ предлогомъ охраны отъ татаръ, въ действительности же для искорененія между запорожцами всякаго сепаратизма.—Обвиняя запорожцевъ въ измѣнѣ, гетманъ Виговскій самъ думаетъ объ измѣнѣ русскому царю.—Показанія о томъ козакъ Зата въ Москвѣ.—Возвращеніе запорожескихъ посланцевъ изъ Москвы и опасеніе ихъ быть захваченными со стороны Виговскаго.—Взбунда между Виговскимъ и полтавскими полковниками Пушкаремъ и полд-рака Пушкаря запорожцами.—Новые враги Виговскаго, Яковъ Барабашъ и другіе.—Открытая измѣна Виговскаго русскому царю и борьба его по этому поводу съ запорожцами. 250—301

Глава четырнадцатая. Родина, семья и характеристика Сирка.—Дѣйствія Сирка въ пользу русскаго царя, гетмана Виговскаго и татаръ во рѣкѣ Бугу.—Побѣда Сирка на городѣ Чигиринѣ и захватъ имъ скрѣпа Брюховецкаго.—Избраніе гетмана Юрія Хмельницкаго и участіе въ этомъ Сирка.—Дѣйствія запорожцевъ, воеводы Шереметова и гетмана Хмельницкаго противъ татаръ и поляковъ.—Пораженіе Шереметова у Чуднова, помѣха Хмельницкаго у Слободницъ русскому царю и походы запорожцевъ въ Венгерскую землю.—Наказный гетманъ Сомко и противникъ его полковникъ Злотаренко и кошевой Брюховецкій.—Вѣрность царю со стороны Сирка и походы его во Бугу.—Посольство царя къ запорожскимъ козакамъ и походы кошевого Брюховецкаго внизъ по Днѣпру противъ татаръ.—Борьба Брюховецкаго и Сомка изъ за обладанія гетманскою булавою и обвиненіе доносомъ въ Москву.—Приказъ царя объ избраніи настоящаго гетмана и помѣха въ томъ черезъ враждебныя дѣйствія Хмельницкаго.—Писмо запорожцевъ къ Хмельницкому и удаленіе его въ мо-

настырь.—Правобережный гетманъ Тетеря и посланіе къ нему запорожскихъ козаковъ.—Возобновленіе борьбы Брюховецкаго съ Сомкомъ и заискиванія перваго у запорожцевъ.—Черная или лѣвинская рада 1663 года.—Избраніе Брюховецкаго и казнь Сомка.—Награда запорожскимъ козакамъ..... 302—333

Глава пятнадцатая. Сборы Брюховецкаго къ походу противъ Тетери и обращеніе къ запорожскимъ козакамъ.—Совмѣстныя дѣйствія Сирка и Косагова подъ Перекопомъ противъ татаръ.—Замыслы татаръ и Тетери противъ Украины.—Обращеніе Брюховецкаго за помощью противъ поляковъ къ Сирку и выѣздъ вмѣсто Сирка ватаги Чугуя.—Присылка въ Сичь «прелестныхъ» писемъ Тетери и волненіе въ Запорожьи.—Отписка о томъ Косагова въ Москву и ободряющая грамота отъ царя Сирку.—Подвигъ Косагова и Сирка въ борьбѣ съ Карачъ-бесемъ.—Походъ Сирка за Днѣпръ и за Бугъ.—Переходъ польскаго короля на лѣвую сторону Днѣпра и разгромъ его Брюховецкимъ и Ромодановскимъ подъ Глуховымъ.—Выходъ Косагова и Туровца въ помощь Сирку противъ воеводы Чарнецкаго.—Новыя дѣйствія Косагова и Сирка подъ Кореунемъ и Уманемъ.—Удаленіе Сирка въ Торговицу, походъ его въ Буджакъ, пораженіе подъ Гараджимымъ и возвращеніе въ Сичь.—Пораженіе Косагова отъ поляковъ у Корсуни и жалоба на Брюховецкаго.—Недовольство Сирка на Брюховецкаго и отъѣздъ его въ Вѣгнородъ.—Дѣйствія кошевого Щербини противъ турокъ.—Просьба Брюховецкаго о назначеніи на Украину и Запорожье московскихъ воеводъ и негодование запорожцевъ на гетмана.—Враждебная встрѣча запорожцами Косагова.—Измѣненіе положенія дѣлъ къ лучшему вслѣдствіе появленія на сцену Сирка ..... 334—364

Глава шестнадцатая. Поѣздка гетмана Брюховецкаго въ Москву и статьи, предложенныя имъ царю для Украины и Запорожья.—Выступленіе на сцену противниковъ Брюховецкаго Дешика и Дорошенина.—Истребленіе Дорошенкомъ гетмана Опары и сговоръ съ запорожскимъ войскомъ.—Походъ запорожцевъ за Куяльникъ.—Возвращеніе Брюховецкаго въ Украину и единодушная ненависть къ нему и ко всей Москвѣ за введеніе на Украину и Запорожье воеводъ.—Ненависть запорожцевъ къ московскимъ ратникамъ, бывшимъ въ Сичи, и удаленіе изъ Запорожья Косагова.—Андрусовское перемиріе между Польшей и Россіей и положеніе запорожцевъ по этому перемирію.—Усиленіе вражды въ Москвѣ и убійство русскаго посла въ Запорожьи Лодыженскаго.—Слѣдствіе по этому дѣлу въ Сичи и открытіе виновныхъ.—Письмо по этому поводу кошевого атамана Васютенка къ гетману Брюховецкому и просьба его исходатайствовать у царя прощеніе низовому войску.—Письмо Брюховецкаго къ царю и мнѣніе его о причинахъ бунта въ Запорожьи.—Царская грамота запорожцамъ и отпущеніе имъ ихъ вины..... 365—393

Глава семнадцатая. Возобновленіе неудовольствія украинцевъ и запорожцевъ противъ московскихъ бояръ.—Истребленіе бояръ на Украинѣ и участіе въ томъ запорожцевъ.—Дѣйствія запорожскихъ полковниковъ Сохи и Урбановича противъ бояръ на Украинѣ.—Грамота гетману Брюховецкому съ убѣжденіемъ пребыть вѣрнымъ царю и удерживать отъ своеволія запорожскихъ козаковъ.—Воззваніе Брюховецкаго къ донцамъ и запорожцамъ.—Царская грамота кошевому атаману Білковскому.—Гибель Брюховецкаго и поведеніе бывшихъ при немъ запорожцевъ.—Пребываніе Сирка въ слободской Украинѣ и удаленіе его оттуда къ гетману Дорошенку.—Походъ Сирка въ Крымъ и его подвиги въ борьбѣ съ татарами.—Выборъ запорожцами Иовличенка и Суховія въ гетманы и борьба съ Дорошенкомъ.—Помощь, оказанная въ рѣшительную минуту Сиркомъ Суховію.—Переминая настроенія Сирка въ отношеніи Суховія.—Дружба Сирка съ Дорошенкомъ и нанесеніе пораженія Сиркомъ татарамъ и Суховію у Ольховки . . . . .

394—407

Глава восемнадцатая. Выборъ въ гетманы Многогрішнаго и признаніе его запорожцами.—Попытка со стороны Турціи выбрать въ гетманы Юрія Хмельницкаго.—Утвержденіе на гетманствѣ Дорошенка и посольство отъ него въ Сичу.—Замыслы Суховія сокрушить Дорошенка.—Многочисленная борьба Суховія и Сирка съ Дорошенкомъ.—Мирные договоры ихъ между собой и намѣренія идти въ лѣвобережную Украину.—Увѣщательная грамота запорожцамъ отъ царя.—Новый походъ Суховія къ Чигирину и послѣднее возвращеніе въ Сичъ вслѣдствіе нападенія на нее явичаръ.—Рѣшительныя намѣренія Дорошенка воевать лѣвобережную Украину и объявленіе ему за то вражды запорожцами.—Намѣреніе запорожцевъ склониться московскому государю.—Походъ Сирка подъ Очаковъ.—Затруднительное положеніе Дорошенка и неожиданная помощь со стороны Сирка . . .

408—427

Глава девятнадцатая. Обращеніе польскаго короля къ московскому царю за помощію противъ Дорошенка и отказъ со стороны царя.—Борьба Ханенка, Сирка и польскаго короля съ гетманомъ Дорошенкомъ.—Покореніе запорожцами побугскихъ и водитетрянскихъ городовъ—Бершадя, Лодыжина и другихъ.—Подвиги Сирка въ борьбѣ съ татарами и захватъ имъ въ плѣнъ ногайскаго мурзы Тинхамбета.—Паденіе гетмана Многогрішнаго.—Ссылка Ивана Сирка въ Сибирь.—Вторженіе турокъ въ Подолье.—Приготовленіе московскаго царя къ борьбѣ съ турками: усиленіе Сичи и крѣпости Колома ратниками и возвращеніе изъ Сибири, по ходатайству польскаго короля и по просьбѣ запорожцевъ, Ивана Сирка.—Военные подвиги запорожскихъ козаковъ въ отсутствіе Сирка: походъ ихъ противъ Петра Дорошенка заодно съ Михайломъ Ханенкомъ и захватъ ими бѣжавшихъ въ Крымъ и Турцію посланцевъ Дорошенка.—Прибытіе Сирка въ Сичу и его походы противъ непріятелей.—Морское вѣдѣніе въ Сичи . . . . .

428—453

Глава двадцатая. Появленіе въ Сичи царевича Симеона Алексеѣвича.—Примѣты его по разсказамъ вождя Миюскаго.—Принятіе и допросъ царевича Сиркомъ.—Повѣсть царевича о своемъ уходѣ изъ Москвы.—Отправка царскихъ пословъ Чадуева и Щоголева къ Сирку съ приказаніемъ выдачи самозванца имъ.—Встрѣча запорожцевъ съ царскими послами на Украинѣ и въ самомъ Запорожѣ и разговоръ о царевичѣ.—Прибытіе пословъ въ Сичу.—Объявленіе ихъ съ Сиркомъ въ куренѣ и съ царевичемъ въ залѣ посольской избы.—Цегодование запорожцевъ противъ пословъ.—Войсковая рада и смертный приговоръ посламъ.—Успокоительное дѣйствіе Сирка на козаковъ.—Частная бесѣда Сирка съ посланцами и перечисленіе имъ вѣхъ гнѣвъ царя въ отношеніи Сирка.—Недовѣріе запорожцевъ къ московскимъ посламъ и отправка въ Москву собственныхъ.—Удержаніе царевича запорожцами въ Сичи.—Возвращеніе пословъ въ Москву и разсказъ ихъ обо всемъ видѣнномъ въ Запорожѣ ..... 456—473

Глава двадцать первая. Посольство Сирка къ Дорошенку и Самойловичу съ предложеніемъ дѣйствовать сообща противъ враговъ христовой вѣры.—Заключеніе гетманомъ Самойловичемъ посланцевъ Сирка Яремы Квани и Грицька Оглобли въ тюрьму.—Письма Сирка къ брату гетмана, священнику Тимофею Самойловичу и боярину Григорію Ромодановскому по этому поводу.—Прибытіе запорожскихъ посланцевъ въ Москву по дѣлу о самозванцѣ.—Грамота царя Сирку о выдачѣ самозванца.—Отправка самозванца въ Москву, казнь его и пожалованіе царемъ Сирка.—Дѣло объ Иванѣ Мазепѣ.—Неповѣды Мазепы въ Москвѣ и показанія его о Сиркѣ и Дорошенкѣ.—Новая гроза для Украины отъ нашествія турокъ и татаръ.—Движенія Сирка за Бугъ и заднѣпровскую Украину.—Вторженіе турокъ въ Подолію и взятіе ими Лодыжина и Умани.—Походы крымскаго хана въ лѣвобережную Украину.—Возвращеніе Сирка въ Сичу ..... 474—486

Глава двадцать вторая. Характеристика двухъ важныхъ дѣятелей времени.—Сирка и Самойловича.—Приходъ короля Яна Собѣскаго въ западную Украину и замѣшательство между старшиной и козацкой массой въ восточной Украинѣ.—Дѣйствія короля и его воеводъ противъ татаръ подъ Жорнищами, Немировымъ, Чигирномъ и Павлочыю.—Гибель Нуррединъ-салтана и бѣгство его войска отъ поляковъ.—Доносы Самойловича на Сирка въ Москву.—Оправдательное посольство Сирка къ царю.—Отказы царя въ просьбахъ Сирка.—Сношенія Сирка съ польскимъ регимантаремъ Миндзевскимъ и королевскимъ посломъ Завишею.—Разсказъ объ этомъ самого Сирка и царскаго посла Перхурова.—Походъ Сирка подъ Перекопъ вмѣстѣ съ княземъ Каспулатомъ Муналовичемъ, стольникомъ Леонтьевымъ, стрѣлцкимъ головой Лукашкинымъ, донскимъ атаманомъ Минаевымъ, киргизскимъ мурзой Мазаномъ.—Разсказъ о томъ же походѣ Сирка въ Крымъ Самойломъ Величкомъ ..... 487—501

Глава двадцать третья. Планъ турецкаго султана Мухаммада IV о разрушеніи Сичи.—Присылка имъ въ Крымъ 15.000 человекъ янычаръ.—Походъ крымскаго хана съ 40.000 татаръ и 15.000 янычаръ въ Сичу, случайный спаситель Сичи Шевчикъ.—Избѣженіе тринадцати съ половиною тысячъ янычаръ въ Сичи.—Погоня козаковъ за ханомъ и очищеніе Сичи отъ непріятельскихъ труповъ.—Письмо хана въ Сичь съ просьбой о выкупѣ плѣнныхъ.—Походъ Сирка въ Крымъ, раздѣленіе на двѣ половины войска и страшный пожаръ Крыма, возвращеніе назадъ, отдыхъ въ степи и избѣженіе 4.000 человекъ христіанъ.—Прібытіе Сирка въ Сичу и отправка листа крымскому хану и смѣлительнаго письма турецкому султану..... 502—518

Глава двадцать четвертая. Дружба и вражда Самойловича къ Сирку.—Донесъ Самойловича на Сирка въ Москву и оправдательное письмо Сирка къ царю.—Сношенія Сирка съ Дорошенкомъ и старанія его склонить гетмана на сторону Москвы.—Присяга Дорошенка московскому царю.—Присяга запорожцевъ новому царю Олѣгѣ Алексѣевичу.—Старое дѣло Сирка—просьба о принятіи Дорошенка въ подданство царя. Стараніе Самойловича о разрывѣ дружбы между Дорошенкомъ и Сиркомъ.—Недоразумѣніе между запорожцами и Самойловичемъ.—Инструкція Самойловича для умирненія Сирка и Дорошенка и для приращенія къ рукамъ запорожескихъ козаковъ.—Продолженіе сношеній Сирка съ Дорошенкомъ.—Угрозы Самойловича Сирку по этому поводу.—Донесъ Самойловича на Сирка въ Москву и оправдательное письмо кошевого..... 519—536

Глава двадцать пятая. Окончательная развѣдка съ Дорошенкомъ.—Походъ Сирка противъ татаръ.—Первый походъ турокъ подъ Чигиринъ.—Исканіе дружбы у Сирка со стороны царя, султана и хана.—Сношеніе Сирка съ Юріемъ Хмельницкимъ.—Прібытіе въ Сичу царскихъ послѣдовъ Перхурова и Нарандѣва.—Переписка Сирка съ Самойловичемъ.—Вѣстие турокъ и татаръ изъ-подъ Чигирина.—Уклоненіе Сирка отъ похода къ Чигирину и укорительное письмо по этому поводу гетману кошевому.—Пріѣздъ царскаго посла въ Сичу съ разпросомъ о причинахъ уклоненія Сирка отъ похода.—Отвѣтъ на этотъ запросъ Сирка и запорожцевъ.—Возвращеніе посла въ Москву и разказъ его о замыслахъ и дѣйствіяхъ запорожцевъ .... 537—557

Глава двадцать шестая. Угроза со стороны турокъ и татаръ московскому царю.—Слухи о сношеніяхъ Сирка съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ.—Извѣщеніе отъ Сирка Самойловичу о движеніи враговъ къ Чигирину.—Отправка Сиркомъ къ гетману письма Юрія Хмельницкаго.—Советъ Сирка о разрушеніи Чигирина и просьба о присылкѣ кнѣзютовъ въ Сичь.—Недовольство гетмана тѣмъ и другимъ и увѣщательное письмо его къ кошевому.—Вѣрность Сирка русскому царю.—Угрозы Сирку со стороны султана.—Неудача русскихъ и малорос-

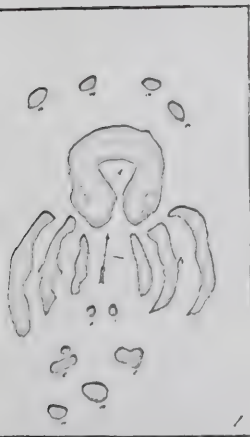
сѣскихъ козаковъ подъ Чигириномъ.—Подвигъ Сирки на Днѣпрѣ.—
 Сношенія его съ ханомъ и походъ его на Кызыкермень и Таванъ.—
 Смерть Сирки.—Преданія и пѣсни о немъ.—Моровая язва въ Запо-
 рошѣ осенью 1680 года.—Проѣздъ черезъ Запорожье московскихъ
 пословъ Зотова и Тяпкина въ Бахчисарай для заключенія мира.—
 Новый кошевой атаманъ Волошанинъ.—Прелестные листы Миа Со-
 бѣскаго къ запорожцамъ и увѣщательный универсалъ гетмана къ
 запорожцамъ по этому поводу.—Смерть Осдѣра Алексѣевича и при-
 сѣла запорожцевъ Петру.—Объявленіе запорожцамъ условій андру-
 совскаго перемирія съ поляками ..... 558—611

Приложеніе. Вопросъ о взятіи козаками города Кафы..... 613—614

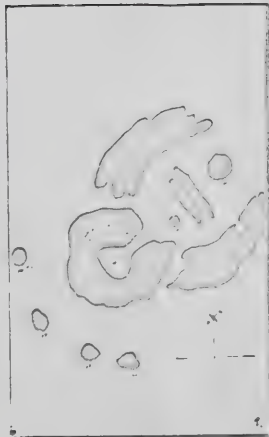

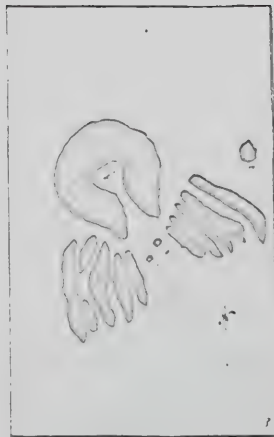

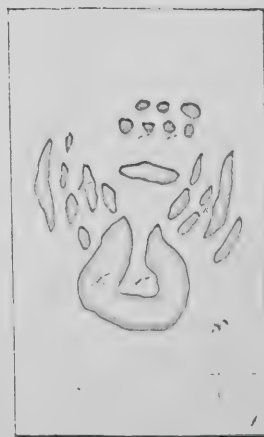
Земляное укрѣпленіе близъ селѣца
Николаевки.

Земляное укрѣпленіе близъ селѣца
Докторова.

Земляное укрѣпленіе близъ села
Желтого.

Земляное укрѣпленіе близъ селѣца
Камчатки.

Общій видъ укрѣпленія № 1-ой.

Объясненіе буквъ.

А. Земл. укр. { покрѣтъ у основанія отъ 100 до 120 саж.
глубина на вершинѣ отъ 50 " 60 "
по откосу отвѣрст. до осн. 10 " 12 "

В. Земл. вала { длина вала отъ 7 " 20 "
ширина вала отъ 2 " 5 "

а. Небольшія возвышенія до одной саж. надъ
уровн., большая часть изъ нихъ падаетъ.

б. Небольш. провалы до 2-хъ арш. глубины.

с. Небольш. колеблющіяся возвышенности со
высотами внутри отъ 1/2 арш. до 2 арш. гл-
бины.

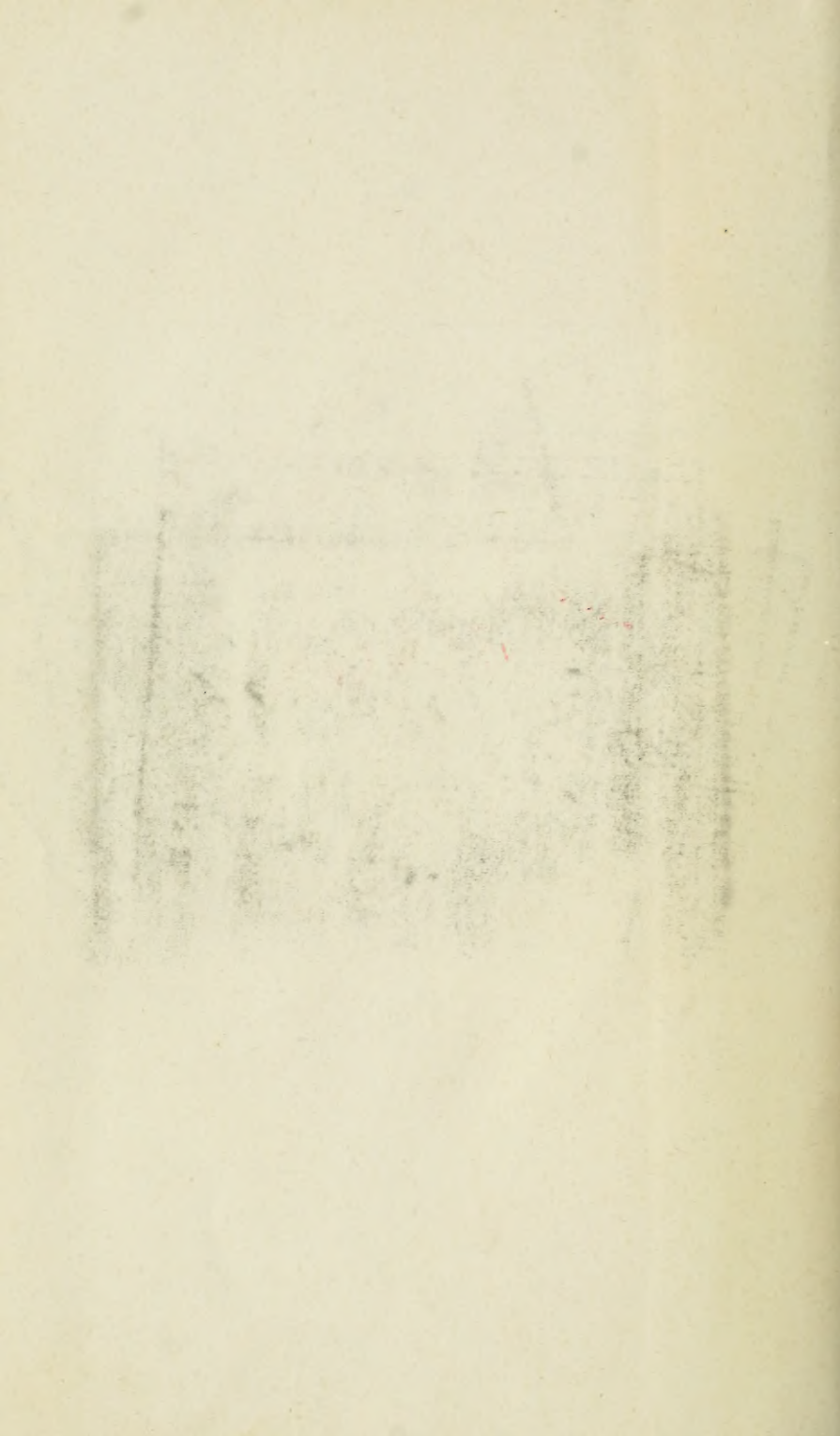
Общій видъ укрѣпленія № 2-ой.

DK
508
.7
E837
v.2

Evarnitskii, Dmitrii
Ivanovich
Istoriia zaporozhskikh
kozakov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
